VIII - IX

Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

Выпуски восьмой и девятый.

БЫТЪ БѢЛОРУССА.
Словарь условныхъ языковъ.

ВИЛЬНА.
1912.

Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

БЫТЪ БѢЛОРУССА.

ВИЛЬНА.

1912.

Типографія А. Г. Сыркина. Вильна, Большая ул., соб. домъ

БЫТЪ БѢЛОРУССА.

Внѣшній бытъ. Народный календарь. Народныя вѣрованія. Семейный бытъ. Родины, крестины. Свадьба. Похороны. Дѣтскія игры.

Содержаніе настоящаго выпуска составляетъ описаніе быта бѣлоруссовъ.

Часть матеріаловъ, вошедшихъ сюда, извѣстна мнѣ лично, какъ бѣлоруссу, другая собрана во время спеціальныхъ этнографи-ческихъ экскурсій, совершавшихся при содѣйствіи И. Р. Географ. Об-ва въ 1886—1893 гг., и во время служебныхъ разъѣздовъ по восточной Бѣлоруссіи въ 1886—1906 гг. До настоящаго времени все это было разбросано по многочисленнымъ записнымъ книж-камъ, хранилось на отдѣльныхъ листкахъ и клочкахъ бумаги, и съ моей смертью неминуемо погибло бы. Вотъ почему я искренно радъ—независимо отъ цѣнности матеріаловъ,—что мнѣ удалось, наконецъ, собрать эти крупицы въ нѣчто цѣлое.

Кромѣ моихъ собственныхъ наблюденій и записей, сюда во-шли и сообщенія моихъ почтенныхъ сотрудниковъ, за весьма не-многими исключеніями лично мнѣ извѣстныхъ и пользовавшихся моими указаніями.

Изображенія внѣшняго быта бѣлорусса этнографы касались мало. За исключеніемъ труда А. Н. Харузина „Славянское жили-ще въ Сѣв. Западномъ краѣ“, (Вильна, 1907), который имѣетъ, впрочемъ, другія цѣли и почти не затрогиваетъ восточной Бѣло-руссіи, и книги покойнаго Н. Я. Никифоровскаго „Очеркъ житья-бытья *Витебскаго* бѣлорусса“ (Вит. 1895), въ этой области трудно указать что-нибудь цѣнное. Даже А. С. Дембовецкій, въ извѣст-номъ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи“ (кн. 1, Могил. 1882), покойный Ю. Ѳ. Крачковскій въ соч. „*Бытъ* зап. русскаго селя-нина (Москва, 1874) и покойный П. В. Шейнъ въ т. III „Матеріа-ловъ“, посвященномъ описанію *быта* (Спб. 1902), даютъ по этому предмету только краткія свѣдѣнія. Своимъ очеркомъ внѣшняго быта бѣлоруссовъ я имѣлъ въ виду отчасти пополнить этотъ про-бѣлъ въ бѣлорусскій этнографіи [1]).

Вслѣдъ за этимъ очеркомъ дано мѣсто народному календарю. Бѣлорусскому народному календарю посчастливилось въ литера-турѣ гораздо болѣе, нежели внѣшнему быту. Послѣ исчерпываю-щей статьи покойнаго о. І. Бермана въ „Зап. И. Р. Г. О.“ (т. V, 1873), данныя по календарю приводились въ вышеупомянутыхъ трудахъ Дембовецкаго и Крачковскаго и нѣск. др. Мой очеркъ составленъ самостоятельно и принялъ довольно крупные размѣры

[1]) Въ нѣсколько измѣненной редакціи статья эта была напечатана въ 1911 г въ „Зап. Сѣв.-Зап. отд. И. Р. Г. О-ва“.

благодаря включенію въ него описанія вертепа, праздничныхъ обрядовъ, съ ихъ пѣснями (свыше 570 №№), игръ и забавъ, пріуроченныхъ къ извѣстнымъ днямъ обычаевъ, а также занятій населенія и т. п.

Къ календарю примыкаетъ третій отдѣлъ книги „Народныя вѣрованія", повѣрья, суевѣрія, примѣты, средства отъ болѣзней. Все это настолько близко касается быта, что въ нѣсколькихъ случаяхъ мнѣ не удалось избѣжать повтореній. Отдѣлъ этотъ дополняетъ однородныя свѣдѣнія, приведенныя у меня въ IV вып. „Бѣлорусск. Сборн.", у Никифоровскаго (Примѣты и повѣрья), у Шейна, въ III т. его „Матеріаловъ". Съ болью душевною за бѣлорусскій народъ приходится читать этотъ очеркъ. Но не народъ тутъ виноватъ...

Слѣдующій отдѣлъ составляетъ описаніе семейнаго быта,— обрядовъ родинныхъ и крестинныхъ, съ обрядовыми пѣснями, обрядовъ свадебныхъ, также съ пѣснями (всего свыше 600 №№), и наконецъ, погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ.

Въ описаніи родинъ и крестинъ я пользовался услугами самихъ повитухъ и ихъ кліентокъ, главнымъ образомъ, въ Могилевской губерніи. Похоронный обрядъ записанъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ той же губерніи, въ мѣстностяхъ, которыхъ не коснулись корреспонденты Шейна. Причитанія записывались и въ Витебской губерніи, но я воспользовался далеко не всѣми текстами ихъ, такъ какъ здѣсь возможно трудно-уловимое сочинительство собирателей,—что и имѣло мѣсто у Шейна (Матер. т. I, ч. 2, стр. 645, №№ 12 и 13, и 652, № 21). Авторы этихъ поддѣлокъ сознались мнѣ, при проѣздѣ, въ своемъ сочинительствѣ „непремѣнно въ риѳму".

Сложный свадебный обрядъ описанъ въ шести уѣздахъ Витебской губерніи и въ четырехъ—Могилевской, въ такихъ пунктахъ, которыхъ не коснулись однородные матеріалы Шейна.

Нѣкоторые критики упрекали покойнаго Шейна въ обиліи описаній свадебнаго обряда въ его „Матеріалахъ". Я не могу согласиться съ ними. Пушкинъ призналъ, что каждая русская народная сказка есть поэма... Кто присутствовалъ на народной свадьбѣ, во всѣхъ ея сложныхъ архаическихъ подробностяхъ, тотъ съ такимъ же правомъ можетъ сказать, что каждая народная свадьба есть своеобразная опера... Все дѣло, значитъ, въ томъ, что мы мало знаемъ народную жизнь.

Кромѣ того, не надо упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ народной жизни совершается теперь трагическая ломка: древняя обрядность, носившая ореолъ святости, исчезаетъ и ничѣмъ не замѣняется. Безслѣдно исчезло кумованье, исчезаютъ Колядныя торжества—вертепъ, звѣзда, ряженье, Терешки, Ящуры,

за ними исчезаютъ Купальные костры, исчезла сказка, гибнетъ пѣсня, исчезаетъ и нынѣшній свадебный обрядъ. Уже и теперь перестаютъ печь каравай, устраняютъ ритуальные посады, молодые никого не допускаютъ къ своему брачному ложу („нико́му ни̇ма дѣла да маёй жонки!") и т. д. Свадьба постепенно обращается въ обыкновенную пирушку. Не описать обрядъ наканунѣ его исчезновенія для этнографа было бы преступленіемъ предъ наукой, предъ исторіей культуры... Разнообразіе же свадебнаго обряда въ частностяхъ и трудность записи этихъ народныхъ оперъ (какъ трудны записи и народныхъ поэмъ—сказокъ) вынуждаютъ насъ избѣгать сводныхъ редакцій, при которыхъ неизбѣжно терялись бы мелкія подробности, а давать рядъ цѣльныхъ описаній обряда: маленькими, еле-замѣтными, черточками они дополнятъ другъ друга, но въ общемъ возстановятъ древній брачный ритуалъ—насколько уже это возможно въ настоящее время.

Къ описанію быта взрослыхъ я прибавилъ и нѣсколько штриховъ изъ быта дѣтей, давъ описаніе ихъ 70 игръ и забавъ. Сознаю, что это мало, но полагаю, что при бѣдности бѣлорусской литературы этого рода и такой малый вкладъ имѣетъ свое значеніе и даетъ поучительный матеріалъ для исторіи культуры.

Понятно, что я не могъ вдаваться въ подробности по поводу приводимыхъ матеріаловъ; я воздержался даже отъ краткаго комментарія ихъ, хотя бы въ родѣ того, какимъ снабженъ VII вып. „Бѣлор. Сборн.", и тѣмъ не менѣе долженъ былъ отказаться отъ помѣщенія въ настоящей книгѣ приготовленныхъ для нея этнографическихъ матеріаловъ: внѣобрядовыхъ пѣсенъ, припѣвовъ, загадокъ, пословицъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ.

Транскрипцію я избралъ фонетическую, приближающуюся къ произношенію; мягкіе *д* и *т* (дьз, тьс) изобразилъ буквами ԁ и т; твердое *г* печатаю латинскимъ g; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ бѣлорусское *г* надо произносить какъ h. Въ сомнительныхъ случаяхъ я ставлю надъ гласными удареніе: а́, а̀, о́, о̀ и т. д. Долженъ оговориться, что при печатаніи книги въ провинціальной типографіи я не могъ строго провести ударенія острое и тупое, и оба ихъ слѣдуетъ читать одинаково.

Заявляю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ записи проведены недостаточно послѣдовательно въ отношеніи твердости шипящихъ дзеканья—въ Витебскомъ, Городокскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ, и смѣны *ц* и *ч* въ Велижскомъ и Невельскомъ уѣздахъ, гдѣ записи сдѣланы не мною. Извѣстно, что пѣвцы и разсказчики поддѣлываются подъ рѣчь записывателя; этимъ слѣдуетъ объяснить фактъ, что во владиміровской и щербинской волостяхъ не уловлено дзеканье, а въ Невельскомъ уѣздѣ не вездѣ отмѣчено существующее тамъ цоканье; *ж*, *ч*, *ш*, *щ* изображены то мягко, то твердо.

Число моихъ сотрудниковъ по настоящему выпуску довольно велико. Списокъ ихъ прилагаю въ концѣ книги. Здѣсь же считаю долгомъ сказать всѣмъ имъ сердечное спасибо за ту готовность, съ которой они, изъ любви къ своей темной и бѣдной родинѣ, поспѣшили отозваться на мое приглашеніе подѣлиться съ русской этнографической наукой своими наблюденіями надъ народной жизнью.

Кстати отмѣчу, что указаніе пункта, гдѣ записано то или другое произведеніе или констатировано извѣстное бытовое явленіе, надо понимать только какъ фактъ записи ихъ въ данномъ пунктѣ, но не какъ предѣлы распространенія. Географія пѣсенъ еще ждетъ своего изслѣдователя и дастъ прелюбопытные матеріалы, между прочимъ по опредѣленію границъ разселенія славянскихъ племенъ въ западной Россіи, по вліянію на нихъ сосѣдей, по позднѣйшимъ передвиженіямъ населенія и т. д. На основаніи моихъ матеріаловъ я во всякомъ случаѣ могу сказать, что прототипы пѣсенъ захватываютъ большія пространства, и рѣки, напримѣръ— даже большія, какъ Днѣпръ, Двина, Сожъ, Нѣманъ, вовсе не служили препятствіемъ для ихъ распространенія. Скорѣе границами служили тутъ большіе лѣса и болота (напр. Кляссицкіе лѣса на границѣ Полоцкаго, Дриссенскаго и Себежскаго уѣздовъ, Бѣловѣжская пуща, Минскія болота и т. д.). Не менѣе широкія области захватываетъ и обрядъ, и указаніе въ книгѣ на извѣстный пунктъ, повторяю, свидѣтельствуетъ только о фактѣ записи тамъ обряда.

Одновременно съ симъ выходитъ девятый выпускъ „Бѣлор. Сборника", заключающій словарный матеріалъ по условнымъ языкамъ, имѣющимъ распространеніе въ Бѣлоруссіи, съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими. Готовится къ печати десятый выпускъ, въ который войдутъ бѣлорусскія сказки.

Седьмой, восьмой и девятый выпуски могли появиться въ свѣтъ, исключительно благодаря теплому вниманію къ моимъ скромнымъ работамъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, въ лицѣ его предсѣдателя глубокоуважаемаго А. А. Шахматова.

Важнѣйшія опечатки.

Стр. 128 напеч. калядочки вм. калядачки; 160—съ пастухомъ вм. съ пастухомъ; 240—Господу вм. Госпаду; 317—параксизмъ; 335—дырáгія вм. дырагíя; 350—загукалсая вм. загукалася; 363—попá вм. папá; 544—Мать по дѣтямъ вм. по дѣтяхъ; 550—протчами вм. про[illegible]ими; войтойвствахъ вм. войтовствахъ; 560—не не узнаетъ вм. не узнаетъ.

Внѣшній бытъ бѣлорусса.

Въ настоящее время патріархальный доселѣ бытъ бѣлорусса съ невѣроятною быстротою началъ поддаваться измѣненіямъ. Произошло это какъ то незамѣтно, но повсемѣстно. Повидимому, эволюцію эту вызвала установившаяся въ городахъ въ началѣ XX вѣка дороговизна на сельскіе продукты. При тѣхъ же трудахъ и тѣхъ же сборахъ, крестьянинъ началъ выручать за свои продукты втрое и вчетверо болѣе. Сначала это даже тревожило его совѣсть, но потомъ крестьяне свыклись съ высокими цѣнами, и въ деревнѣ появились деньги, бывшія раньше тамъ чрезвычайно рѣдкими гостями.

Въ результатѣ крестьянинъ получилъ возможность освободить себя отъ долгихъ и тяжелыхъ работъ по изготовленію холста и сукна и сталъ покупать на бѣлье и одежду дешевые ситцы, бумазеи, издѣлія лодзинскихъ фабрикъ, замѣнилъ лапти сапогами. Затѣмъ явилась возможность улучшить сбрую, пріобрѣсти окованную телѣгу, замѣнить допотопную соху плугомъ и т. д. Были, конечно, при этомъ и пересолы, въ родѣ зонтиковъ, перчатокъ, лакированныхъ сапогъ и т. п., но это такъ извинительно послѣ тысячелѣтней нищеты.

Это обстоятельство обязываетъ этнографовъ спѣшить съ описаніемъ народнаго быта исчезающаго уклада, пока нивеллирующая рука времени еще не окончательно изгладила всѣ особенности народной жизни.

По этимъ соображеніямъ я рѣшилъ внести въ настоящій выпускъ бытовыя данныя по Могилевской губерніи вообще и по сѣверной части Быховскаго уѣзда, находящейся между р. Друтью съ запада и р. Днѣпромъ съ востока, въ частности.

Мѣстность эта еще въ началѣ XVII вѣка представляла дикую лѣсную трущобу, переходившую по захватному праву отъ Могилевскаго королевскаго замка къ Крошинскимъ, Корсакамъ, Соломерецкимъ, и отъ нихъ, уже по наслѣдству, къ Сапѣгамъ.

Извѣстная Варколабовская лѣтопись находитъ здѣсь въ концѣ XVI в. только три селенія: Батунь, Бѣлевичи и Заболотье. Баркулабъ Корсакъ основываетъ здѣсь Дашковку, Вендорожь, Лежневку, Куты, Новоселки. Всѣ остальныя селенія этого раіона возникли уже позднѣе. Еще и въ настоящее время лѣсистость здѣсь достигаетъ 40% общей площади; въ то же отдаленное время здѣсь были сплошные лѣса, и колонизація края шла параллельно съ поступательнымъ движеніемъ лѣсныхъ промысловъ. Такъ возникли здѣсь Концы, Буды, Гуты, гдѣ добывались зола и поташъ, Приборье, Майданъ. Угольщина и просто Угóлья (деревня), гдѣ выгонялся деготь и выжигался уголь. Съ постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ, промыслы

эти уменьшались и исчезали, но еще и въ настоящее время край этотъ служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ поставщиковъ дровъ и угля для Могилева.

Населеніе здѣсь во многомъ дикое, но за то до послѣдняго времени сохранившее въ чистотѣ языкъ, костюмъ, бытъ и народныя преданія. Здѣсь въ свое время мною записаны прекрасныя бѣлорусскія сказки, часть которыхъ вошла въ III выпускъ „Бѣлорусскаго Сборника“.

Первою церковью была здѣсь Вендорожская, построенная въ 1586 году княземъ Богданомъ Соломерецкимъ, очевидно, въ видахъ просвѣщенія этого дикаго края. Съ того времени въ теченіе трехсотъ слишкомъ лѣтъ здѣсь возникло еще четыре церкви: въ Батуни, Дашковкѣ, Бѣлевичахъ и въ Хоновѣ*).

Сообщенія съ внѣшнимъ міромъ этотъ уголокъ почти не имѣетъ. Почта для него получается въ с. Глухахъ, откуда направляется за р. Друть въ волостное правленіе за 20 верстъ, и уже отсюда раздается въ Бѣлевичи—12 в., Хоново—15 в. и т. д. До Могилева считается отсюда 30 в., до уѣзднаго города Быхова—48 в. Ближайшая желѣзнодорожная станція Дашковка—28 в. И при этомъ дороги очень часто непроѣздны.

Главное занятіе жителей—земледѣліе и лѣсные промыслы. Но послѣдніе съ каждымъ годомъ падаютъ, вслѣдствіе постепеннаго уничтоженія лѣсовъ.

Средства къ жизни добываются продажею дровъ и съѣстныхъ продуктовъ въ базарные дни въ Могилевѣ. Еще Варколабовская лѣтопись занесла на свои страницы здѣсь многочисленныя „огородныя речи“: капусту, ботвинье, цыбулю, чеснюкъ, маки, горохи, бобы, коноплю, рѣпу, гурки. Теперь къ этому перечню можно прибавить картофель, брюкву, рѣдьку, фасоль, разнаго рода хлѣбъ. Кромѣ того лѣтомъ продаются грибы и ягоды, цыплята, молочные продукты, яйца, осенью—куры и гуси, овцы, бараны, зимою свиньи, весною телята.

Населеніе этого края живетъ небольшими селеніями. Изъ 59 находящихся здѣсь населенныхъ пунктовъ, только въ семи (12%) число дворовъ превышаетъ *сто*, а именно: въ Семукачахъ (156), Запоточьѣ (108), Хоновѣ (100), Бѣлевичахъ (125), Новоселкахъ (110), Досовичахъ (111), Дашковкѣ (120). Изъ остальныхъ въ один-надцати (18%) число дворовъ колеблется между 50 и 88, въ шест-надцати (27%) между 20 и 50, а въ остальныхъ 25-ти число дво-ровъ не достигаетъ 20, въ томъ числѣ въ 20 поселкахъ дворовъ *менѣе 10*. Такимъ образомъ, мелкіе поселки до 20 дворовъ состав-ляютъ здѣсь свыше 42%. Мѣстность эта, слѣдовательно, должна быть

---

*) Варколабовская церковь была домашнею у Корсака.

причислена по характеру селеній къ переходному типу отъ Южной Бѣлоруссіи къ Сѣверной. Слѣдуетъ оговориться, что матеріалы для настоящаго очерка собирались въ періодъ, предшествовавшій разселенію крестьянъ на хутора.

I.

Особаго различія въ устройствѣ жилищъ между богатыми и бѣдными здѣсь не существуетъ, кромѣ того только, что нѣкоторые зажиточные хозяева вмѣсто одной крестьянской избы, „хаты“, устраиваютъ ихъ двѣ, при чемъ эти избы соединяются или посредствомъ холодныхъ сѣней или непосредственно.

Самая обыкновенная крестьянская хата имѣетъ въ длину 8 ар., а въ ширину 8 или же 7 арш. Хата нѣсколько меньшихъ размѣровъ считается малою, а немного большихъ размѣровъ—большою. Напримѣръ, хата 10 на 9 арш. считается очень большой.

По своему устройству хаты также не представляютъ различія и могутъ быть только курныя и чистыя, теплыя и холодныя; но ни хозяйской, ни рабочей половины, ни тѣмъ болѣе—свѣтлицы здѣсь не встрѣчается, и даже названія эти здѣсь не извѣстны.

Въ избѣ чаще всего устраивается 3 или 4 окна, при чемъ окна всегда приходятся въ двухъ смежныхъ стѣнахъ избы, обращенныхъ къ солнечнымъ сторонамъ и непремѣнно на югъ, но не къ полуночной сторонѣ. Окна приходятся почти всегда на улицу и во дворъ, а именно: два къ улицѣ, одно или два во дворъ. Только изъ желанія устраивать окна къ солнечной сторонѣ случается нерѣдко, что избы не имѣютъ оконъ на улицу, если уличная сторона оказывается сѣверной.

Возкой бревенъ на постройку избы въ деревняхъ занимаются почти всегда зимою, и какъ при этой, такъ и при послѣдующихъ работахъ какихъ-либо примѣтъ не наблюдаютъ. Но, приступая къ новой работѣ, избѣгаютъ совпаденія съ однимъ изъ дней луннаго мѣсяца, который попадаетъ на третьей четверти и называется „зрушеньня“.

Каждый хозяинъ самъ, безъ посторонней помощи, возитъ, „трелюетъ“, бревна на новую избу и только, въ случаѣ отдаленности лѣса, беретъ, съ платой, въ помощь сосѣдей или—какъ это было раньше,—собираетъ толоку. Въ настоящее время толокой только перевозятъ готовый срубъ или готовую избу (часто старую), купленную хозяиномъ на сторонѣ, иногда за нѣсколько верстъ отъ мѣста постройки.

Когда бревна доставлены на мѣсто, здѣсь ихъ очищаютъ отъ коры топоромъ и скоблей и приступаютъ къ самой рубкѣ хаты. Но рубятъ и складываютъ хату не сразу, а сначала складываютъ бревна въ срубы, числомъ до трехъ.

Дѣлается это такъ. Берутъ сначала два бревна (обыкновенно бревно 5—6 верш. толщины) и на нихъ отмѣчаютъ по концамъ желаемый размѣръ избы въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, напр., по длинѣ 9 арш., затѣмъ на эти два бревна, разставленныя другъ отъ друга приблизительно на ширину предполагаемой избы, накатываютъ другія два бревна и по концамъ ихъ отмѣчаютъ мѣста по желаемой ширинѣ, напр. 8 арш. Послѣ этого выравниваютъ бревна отъ очень замѣтныхъ горбинъ, сучковъ, но общей отески бревенъ не дѣлается. Затѣмъ, на означенныхъ мѣстахъ по концамъ вырубаютъ „чашки“ или гнѣзда, куда должны входить концами нѣсколько потесанныя другія бревна. Получается такимъ образомъ первое звено, или „вѣнецъ“.

Далѣе вырубаются чашки въ двухъ верхнихъ бревнахъ, и накатываются еще два бревна поверхъ двухъ первыхъ бревенъ въ готовыя чашки, при чемъ, по надлежащей примѣркѣ, эти два послѣднія бревна съ нижней своей стороны причерчиваются такъ называемой *драчкой* съ нижележащими бревнами. Смотря по надобности, въ первыхъ вырубаются неглубокія выемки во всю длину бревна, такъ, чтобы верхнія бревна прилегали къ нижнимъ вплотную, безъ щелей и просвѣтовъ.

Такой обработкѣ подвергается каждая новая пара бревенъ, пока не получится срубъ въ 4 или 5 вѣнцовъ.

Начинается затѣмъ новый срубъ, для чего два первыя бревна накладываются еще на первый срубъ и по надлежащей обработкѣ съ двумя другими бревнами снимаются и укладываются въ первый вѣнецъ новаго сруба.

Когда окончатъ второй срубъ, приступаютъ къ третьему, который долженъ быть уже послѣднимъ. На немъ будетъ крыша. Верхній вѣнецъ этого третьяго сруба будетъ сдѣланъ точь вточь по размѣру прочихъ, и по счету онъ будетъ десятымъ или одиннадцатымъ; на немъ будутъ покоиться балки. На этотъ вѣнецъ накладывается еще одинъ, при чемъ два бревна, лежащія по длинѣ избы, дѣлаются длиннѣе на аршинъ или немного болѣе, въ одну и другую сторону, что нужно для крыши.

Прежде, а иногда и въ настоящее время, вмѣсто общеупотребительныхъ стропилъ, для основы крыши дѣлали на двухъ противоположныхъ стѣнахъ по ширинѣ избы „лемеги“, причемъ бревна безъ чашекъ накладывались одно на другое такъ, что послѣдующія дѣлались короче нижележащихъ. Концы ихъ стесывались наискось такъ, что когда будетъ положенъ самый верхній наименьшій „лемегъ“, то выйдетъ родъ треугольника, имѣющаго покатость для будущей крыши почти въ 45°. Каждая пара лемеговъ противолежащихъ стѣнъ укрѣпляется „пóкотомъ“, или „накóтомъ“, т. е. тонкими бревнами, которыя замѣняютъ латы въ обыкновенныхъ крышахъ со стропилами.

Если же устраиваются для крыши стропила,—что чаще и дѣлается, при теперешнемъ безлѣсьѣ,—то стропилъ устанавливаются всегда три пары: двѣ пары противъ угловъ избы и одна посрединѣ. На стропилахъ укрѣпляются латы въ разстояніи полуаршина или немного болѣе одна отъ другой.

Крыши на хатахъ, какъ и на всѣхъ прочихъ постройкахъ въ деревнѣ, за небольшими исключеніями, соломенныя и двускатныя. Соломенная кровля дѣлается или *простая* или *гребенкою*. Въ простой крышѣ, послѣ заведенной стрѣхи изъ маленькихъ снопиковъ, каждый слѣдующій рядъ сноповъ настилается колосьями внизъ, въ гребенчатой же снопы кладутся „комлемъ внизъ“. Гребенчатая крыша считается лучшею, и болѣе прочною и красивою, но она требуетъ большаго количества соломы и умѣлой, чистой работы. Обыкновенно крыша сходится вверху подъ прямымъ угломъ.

Чтобы „завести крышу“, укрѣпляютъ у нижняго края ея, съ обѣихъ сторонъ, по длинѣ будущей крыши, три или четыре деревянныхъ крюка, для чего идетъ обыкновенно вырытая съ корнемъ еловая жердь. Крюки эти прикрѣпляются къ закоту крыши, или же къ стропиламъ, деревянными колышками, или привязываются прочными веревками. Они спускаются концами на одинъ аршинъ ниже верхняго бревна стѣны. Здѣсь на нихъ укладывается лата, которая вмѣстѣ съ уложенными уже ранѣе латами и составляетъ всю основу крыши.

Приступая къ покрытію крыши соломой, хозяинъ беретъ два—три десятка кулей, развязываетъ ихъ и перевязываетъ вновь уже парными снопиками, въ одной вязи. Это нужно для сооруженія стрѣхи. Снопики эти называются „застрѣшниками“. Они задвигаются за крайнюю лату крыши въ рядъ, по длинѣ ея, а затѣмъ плотно прижимаются при помощи тонкой жерди, или „поплета“, который привязывается къ лежащей внизу латѣ. Дальнѣйшая работа идетъ уже быстрѣе. Если крыша простая, то слѣдующій рядъ сноповъ толстымъ слоемъ настилается уже колосомъ внизъ, причемъ слой этотъ покрываетъ собою первый почти до краевъ. Затѣмъ снова идетъ увязка „поплетомъ“. Третій слой напускается колосьями на второй и также увязывается поплетомъ. Такъ работа идетъ до верха, или до „вильчнка“.

Когда солома обоихъ скатовъ крыши войдетъ въ соприкосновеніе комлями, тогда задѣлываютъ верхъ мятой соломой или льнянымъ мяльемъ, чтобы не было щелей; для того же, чтобы вѣтромъ не взрывало крыши, вблизи вильчика накладываются по сторонамъ жерди или другія тяжести и поверхъ ихъ нѣсколько паръ козелъ, сбитыхъ на-крестъ въ верхнихъ концахъ. Козлы кладутся по самому гребню такимъ образомъ, что одна пластина приходится съ одной стороны крыши, а другая—съ другой.

Этимъ и заканчиваются работы по устройству крыши.

Пространство подъ крышей, надъ потолкомъ, называется „гора“, или „верхъ“. Здѣсь, на скрѣпахъ между стропилами, развѣшиваются тонкія жердочки и на нихъ хранятся вѣники, лыки и т. п легкіе предметы. Здѣсь же часто зимуютъ куры, если для нихъ не находится мѣста подъ печкой. Въ свободное отъ употребленія время здѣсь хранятся громоздкія принадлежности пряденья и тканья: самопрялки, вьюшки, воробы, мотовила, кросна, но бѣлье здѣсь никогда не развѣшивается.

Пристроекъ на крышѣ не дѣлается никакихъ. Если гдѣ водятся голуби, то для нихъ подъ крышей подвѣшиваются старыя корзины, соломенныя плетушки-кошолки и т. п.

Избу строятъ обыкновенно сами хозяева, а такъ какъ для передвиженія бревенъ необходимо не менѣе двухъ человѣкъ, то хозяинъ нанимаетъ еще себѣ товарища въ помощь, если не хватаетъ въ семьѣ своихъ рабочихъ рукъ.

Рубка срубовъ производится ранней весной, потому что бревна зимней заготовки еще сыры и обрабатываются легче сухихъ.

Съ постановкой избы на мѣсто не спѣшатъ: даютъ бревнамъ просохнуть, такъ что срубы остаются въ черновомъ видѣ часто годъ и два, и даже болѣе. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ иногда складываютъ наскоро, безъ проконопачиванія стѣнъ мхомъ, и покрываютъ временной соломенной крышей.

Если хозяинъ имѣетъ нужду въ постановкѣ новой избы на новомъ мѣстѣ, что бываетъ при семейныхъ раздѣлахъ, то на избранномъ имъ мѣстѣ для будущаго своего двора онъ выбираетъ самое удобное мѣсто для хаты, такъ, чтобы окна выходили на улицу, и во всякомъ случаѣ были къ солнечной сторонѣ.

Какъ дѣлалось прежде повсемѣстно, да и теперь еще у многихъ, ставятъ избу прямо на устояхъ „штандарахъ“, и только въ недавнее сравнительно время нѣкоторые крестьяне стали устраивать избы на деревянныхъ невысокихъ фундаментахъ. Въ первомъ случаѣ хозяинъ обходится безъ плотника, во второмъ часто приглашаетъ и плотника, чтобы завести фундаментъ правильно и прочно. Штандары—дубовые короткіе, въ $^3/_4$ или $1^1/_4$ арш. длины и отъ 6 до 12 в. толщины, обрубки, врываемые въ землю по угламъ, а иногда еще и подъ стѣнами избы. Всѣхъ штандаровъ, такимъ образомъ, бываетъ четыре, шесть или восемь. Когда штандаръ поставленъ въ приготовленныя ямы, провѣряютъ на глазъ или ватерпасомъ вертикально ихъ положеніе и по надлежащей установкѣ, зарываютъ. Въ землю штандаръ врывается отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ арш., на поверхность выступаетъ $^1/_4$ или $^1/_2$ арш.

Фундаментъ рѣдко бываетъ выше полуаршина. На фундаментъ идетъ прочный дубовый или сосновый лѣсъ. Первый вѣнецъ на

штандарахъ тоже дается прочный, изъ тѣхъ же породъ лѣса. Затѣмъ слѣдуетъ складываніе избы изъ сдѣланныхъ раньше срубовъ, при чемъ каждое положенное бревно густо проконопачивается мхомъ. Работа идетъ быстро при четырехъ рабочихъ. На высотѣ оконъ прорубается пока одно или два бревна; на мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть двери, также прорубается отверстіе. Окна отъ земли устраиваются не выше двухъ аршинъ, а дверь, ведущая въ избу, отъ земли отстоитъ не болѣе, какъ на $^1/_2$ арш.

На такой же высотѣ, или еще меньшей, настилается и полъ. Для настилки пола укладываются по ширинѣ избы не толстые, верш. въ 4—5, бруски: по одному у стѣнъ и одинъ или два посрединѣ избы; укладываются эти бруски на штандарахъ, низко врытыхъ надъ землей; на бруски настилаются доски-мостницы, при чемъ доска одна къ другой пригоняются не подъ шнуръ, а подъ „черту“, чтобы не стесывать сильно досокъ по краямъ. Въ рѣдкихъ только случаяхъ доски чистятся рубанкомъ. Это дѣлаютъ только зажиточные крестьяне, живущіе въ большихъ селеніяхъ—мѣстечкахъ; въ большинствѣ же хозяева довольствуются поломъ изъ „битыхъ досокъ“, т. е. наколотыхъ изъ колодокъ сосны, ели и даже ольхи и осины. Это вызывается дороговизною строевого лѣса и желаніемъ хозяина устроить избу своими руками безъ лишнихъ расходовъ. Нерѣдки еще случаи, что избы оставляются и совершенно безъ половъ, съ такъ называемыми земляными полами. Это часто бывало въ прежнее недавнее время, но встрѣчается и теперь у бѣдняковъ и въ селеніяхъ безлѣсныхъ. Своего лѣса крестьяне не имѣютъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые пріобрѣли землю покупкою.

Подъ поломъ избы очень рѣдко устраивается яма для храненія овощей, такъ какъ у крестьянъ такое назначеніе выполняетъ пространство между верхнимъ поломъ (нары, на которыхъ спятъ) и нижнимъ. Это называется подпольемъ. Здѣсь же помѣщаютъ зимою и телятъ, ягнятъ, а по мѣстамъ молодыхъ козъ и недавно выведшихся птицъ.

Потолки въ настоящее время дѣлаются плоскіе. Для устройства ихъ, по длинѣ избы укладываются двѣ балки на высотѣ $3—3^1/_2$ арш.; на эти балки настилаются доски, и „столь“ готова. Теперь потолки дѣлаются изъ распиленныхъ досокъ, но еще въ недавнемъ прошломъ ихъ дѣлали изъ расколотыхъ вдоль осиновыхъ, еловыхъ и ольховыхъ обрубковъ—„плахъ“. Доски кладутся прямо въ рядъ, но не въ рѣшетку, а такъ какъ ихъ не строгаютъ, то въ потолкѣ бываетъ много щелей. Ихъ сверху засыпаютъ льнянымъ мяльемъ-кострикой, мхомъ и иногда пескомъ,—если хозяинъ надѣется на прочность балокъ. Въ старыхъ курныхъ избахъ сохранились еще потолки сводчатые, въ видѣ арокъ.

Обыкновенно изба ставится въ одинъ срубъ и только достаточные хозяева ставятъ еще одну отдѣльную избу, рядомъ съ первой, на разстояніи 5 или 6 арш. Разстояніе это задѣлывается двумя стѣнами, и такимъ образомъ, получаются двѣ отдѣльныя хаты, съ теплыми или, чаще, холодными сѣнями. Иные же хозяева, съ среднимъ достаткомъ, къ хатѣ пристраиваютъ тристѣнъ, т. е. три стѣны съ отдѣльной печью, или общею съ избой. Получается вторая комната. Кромѣ того подъ одну крышу съ избой и сѣнями ставится и такъ называемая „клѣть", замѣняющая кладовую и амбаръ, а въ лѣтнее время тамъ устраиваются и постели, въ особенности для молодыхъ членовъ семьи.

Вотъ древній общепринятый способъ устройства жилища и самонужнѣйшихъ построекъ.

Особыхъ горницъ, или свѣтелокъ, здѣсь въ деревнѣ нѣтъ, но при двухъ избахъ одна—лучшая—исполняетъ назначеніе чистой, свѣтлой, и имѣетъ нѣсколько лучшую обстановку, а другая остается черною, рабочею. Какъ рѣдкость, можно встрѣтить въ чистой избѣ „комору",—небольшую, отдѣленную досчатой перегородкой, комнату, назначенную для спальни и для храненія лучшихъ вещей и одеждъ. Иногда чистая изба остается безъ печи временно или всегда (чаще у шляхты), въ такомъ случаѣ эта изба служитъ лѣтомъ спальней, въ ней же принимаютъ и гостей. Она называется холодною, или лѣтнею. Въ избѣ, для различныхъ ея частей, есть разныя названія: кутъ, передній уголъ, у стола, у порога, „коло лауки", „ля полу", коло припечку или печи, „у загнета"; далѣе—„у сѣнцахъ", „коло сѣнецъ", „коло ганокъ". Отдѣляемая въ сѣняхъ или въ другой избѣ перегородкой небольшая комнатка называется комороюю, коморкою.

Какъ уже сказано выше, окна устраиваются въ избѣ въ двухъ смежныхъ стѣнахъ, обращенныхъ преимущественно на улицу и къ солнечной сторонѣ. Въ прежнее недавнее время окна устраивались небольшихъ размѣровъ, напр. 12 вершк. длины и 10 вершк. ширины, при чемъ почти всегда дѣлалось три окна равнаго размѣра, а четвертое, противъ печи—поменьше; въ послѣднее время обращается болѣе вниманіе на то, чтобы изба была свѣтлѣе, и окна устраиваются большихъ размѣровъ, но все таки рѣдко болѣе аршина въ вышину и 12 вершк. въ ширину. Высота оконъ отъ земли снаружи не превышаетъ 2 арш., а внутри $1^{1}/_{2}$ арш. или немного болѣе. Оконныя рамы устраивались прежде глухими, даже безъ форточекъ, почему проводить свѣжій воздухъ и удалять испорченный не могли; въ новѣйшее время, лѣтъ 10—15 назадъ, стали обращать вниманіе и на то, чтобы посредствомъ оконъ можно было провѣтривать хату, въ особенности въ жаркое лѣтнее время (на зиму окна плотно заклеиваются). Поэтому два ближайшія къ переднему углу окна дѣлаются створчатыми. Каждая створка имѣетъ два стекла, если окно имѣетъ три пары сте-

колъ; окна, состоящія изъ двухъ паръ стеколъ, остаются глухими, или въ нихъ дѣлается „кватырочка", т. е. задвижное стекло.

Устройствомъ дверей и оконъ занимаются плотники, или самъ хозяинъ, если онъ достаточно владѣетъ топоромъ, пилой и долотомъ.

Дверь въ избу устраивается изъ сѣней, а въ эти послѣднія входъ всегда бываетъ со двора, и никогда прямо съ улицы. Дверь имѣетъ не болѣе $2^{1}/_{4}$ арш. высоты, при ширинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. Внизу двери всегда бываетъ порогъ, на 2—3 верш. возвышающійся надъ поломъ избы. Снаружи, въ сѣняхъ, этотъ порогъ выше, въ особенности, если сѣни безъ пола. Дверь запирается посредствомъ желѣзной „клямки" на крючкѣ, наружная же дверь въ сѣни имѣетъ чаще деревянную „закрутку", а для запора вмѣсто висячаго замка чаще внутренній желѣзный, или деревянный „завалъ"—небольшой брусочекъ съ зарубками по верхнему краю, укрѣпленный къ косяку двери. Снаружи дверь отпираются ключемъ желѣзнымъ или деревяннымъ, который состоитъ изъ палочки „съ язычкомъ", свободно вращающимся на концѣ этой палочки. Ключъ вкладывается въ дыру, продѣланную немного выше „завала" или засова. Попадая своимъ язычкомъ на зарубку завала, ключъ запираетъ или отпираетъ засовъ и, слѣдовательно, дверь.

Въ мѣстной бѣлорусской избѣ, кромѣ общаго прокладыванія мхомъ при постановкѣ ея, другихъ какихъ-либо средствъ, какъ-то: промазыванія избы снаружи глиной или обшивки ея тесомъ, не употребляется; только у немногихъ, болѣе достаточныхъ, хозяевъ въ послѣдніе годы внутри избы дѣлается штукатурка, которая затѣмъ выбѣливается мѣломъ.

Ставни на окнахъ встрѣчаются не часто и составляютъ принадлежность такихъ избъ, которыя по своему внѣшнему виду нѣсколько приглядкѣе другихъ. Хозяева такихъ избъ, будучи сами порядочными плотниками, къ отдѣлкѣ своего жилища прилагаютъ замѣтно больше тщательности и усердія. У хозяевъ средняго достатка и бѣдныхъ ставень не встрѣчается, а вмѣсто нихъ, если на зиму не имѣется зимнихъ рамъ,—что уже встрѣчается изрѣдка,—навѣшиваются снаружи на ночь въ морозъ соломенныя маты, или „коцы".

Крыльцо къ сѣнямъ пристраивается у немногихъ хозяевъ. Устройство его самое простое: вмѣсто ступеней—одинъ или два обрубка деревянныхъ, или просто камень передъ дверью въ сѣни; затѣмъ, на двухъ деревянныхъ столбикахъ, опирающихся на бруски, простенькая прямая или съ небольшимъ скатомъ крыша изъ тонкихъ дощечекъ или драни. Красивое крыльцо—большая рѣдкость.

II.

По своему устройству, бѣлорусская варенная печь имѣетъ три слѣдующихъ разновидности: печь курная, печь, битая изъ глины, съ

трубой, и обыкновенная кирпичная, съ трубой. Всѣ онѣ почти всегда дѣлаются на деревянномъ фундаментѣ, но въ чистыхъ, хорошо устроенныхъ, избахъ большихъ селъ и мѣстечекъ не рѣдкость печь обыкновенная русская на каменномъ фундаментѣ. Въ настоящее время печей безъ трубъ не дѣлается даже у бѣдныхъ жителей деревень, и если встрѣчаются еще хаты-курницы, то это остатокъ прошлыхъ лѣтъ, главнымъ образомъ періода крѣпостного и ближайшаго къ нему вольнаго времени, когда народъ былъ бѣднѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Впрочемъ, у малосостоятельныхъ жителей и теперь устраивается печь съ небольшимъ отличіемъ отъ курной: для выхода дыма продѣлывается небольшая труба, выходящая не на крышу, а черезъ стѣну избы въ сѣни; во время топки такой печи дымъ проходитъ черезъ крышу сѣней и сосѣдней клѣти. Но въ виду небезопасности такой печи въ пожарномъ отношеніи и этотъ способъ устройства печи уступаетъ мѣсто печи съ дымовыми трубами. На устройство кирпичной печи на деревянномъ фундаментѣ идетъ до тысячи кирпичей; часть ихъ покупается („палу, паленаго“), но большую часть берутъ „сырца“, который изготовляется нерѣдко самимъ же хозяиномъ, если глину можно найти вблизи, „коло двора́“. Но такъ какъ на покупку кирпича не всегда имѣются деньги, то во многихъ деревняхъ дѣлаютъ печи изъ глины, такъ называемыя „битыя“, въ которыхъ весь корпусъ печи состоитъ изъ одной глины и только „подъ“ печи, чело, шестокъ и труба дѣлаются изъ кирпича. На такой печи сберегаются средства, такъ какъ всю работу выполняютъ сами хозяева и только кирпичную часть печи дѣлаетъ печникъ или, по мѣстному—„печкуръ“, „лѣпейка“.

Кирпичную печь устраиваетъ мастеръ печникъ и только деревянный фундаментъ устраиваетъ плотникъ или самъ хозяинъ.

Печь устраивается въ ближайшемъ къ двери углу, въ правомъ или лѣвомъ, а именно въ сосѣдствѣ съ той стѣной, которая остается безъ оконъ. Пространство печь занимаетъ $2^3/_4 \times 2^3/_4$ арш., но сама печь имѣетъ съ лицевой стороны до 3 арш. и даже нѣсколько болѣе, если при ней имѣется сбоку „ко́минъ“.

Самая работа идетъ въ такомъ порядкѣ: на углу и вблизи стѣнъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ фундаментъ, врываются въ землю сосновые или дубовые штандары, при чемъ изъ земли штандаръ выступаетъ на четверть аршина или нѣсколько болѣе. На этихъ штандарахъ подъ прямымъ угломъ накладываются хорошо вытесанные деревянные брусья, которые составятъ первый вѣнецъ фундамента; скрѣпляются брусья такъ называемымъ нѣмецкимъ угломъ, свободные концы ихъ врубаются въ стѣны избы; второй вѣнецъ кладется сверху вровень съ первымъ, третій вѣнецъ уже выступаетъ отъ сруба всторону на $^1/_2$ арш. или $^3/_4$ арш., что необходимо для запечка и „загнета“ печи; въ срубѣ фундамента продѣлывается окон-

и поверхъ его настилаются толстыя доски или деревянныя пластины, которыя и образуютъ исподъ печи. Послѣ этого начинается кладка печи изъ кирпича или „битье“ изъ глины. Здѣсь приводится описаніе работъ по устройству глинобитной печи.

Хозяинъ приглашаетъ къ себѣ на помощь двухъ—трехъ человѣкъ и заготовляетъ глину, которую въ свѣже-нарытомъ видѣ подвозитъ изъ ближайшаго мѣста; привозится также 2—3 воза булыжника средней и малой величины. Нижняя часть печи усыпается толстымъ слоемъ глины, съ пескомъ, по которому выкладывается не крупнымъ булыжникомъ, а затѣмъ поверхъ выравнивается глиной. Это фундаментъ для „пода́“, такъ какъ поверхъ этого слоя кладется уже рядъ кирпича во всю ширину печи, т. е. имъ устилается будущій—„подъ“, загнетъ и запечекъ, а также нижняя часть „комина“. Такъ какъ „подъ“ печи требуетъ особенной прочности и гладкости, то настилка его дѣлается не „сырцомъ“, а „паломъ“, т. е. обожженнымъ кирпичемъ.

Послѣ этого, отступя на $^1/_2$ аршина или немного болѣе отъ обѣихъ стѣнъ избы, устанавливаютъ два полукружія, называемыя „кобылами“, на такомъ разстояніи одно отъ другого, какова будетъ длина печи внутри (около $1^1/_2$ арш.); на нихъ настилаются доски, такъ что получается форма для образованія свода печи. Вокругъ этой формы насыпается глина, которая сильно уминается у стѣнъ, а съ двухъ другихъ боковъ или, какъ говорятъ—„отъ хаты“, ставятся ребромъ доски на такомъ разстояніи отъ деревянной формы, чтобы въ эти доски упирались стѣнки будущей печи; по мѣрѣ работы, доски еще прибавляются сверху. Для удержанія этихъ досчатыхъ стѣнокъ, ихъ подпираютъ бревнышками, которыя другимъ концомъ упираются въ стѣны избы. Этими досчатыми стѣнками снаружи и сводчатой формой внутри и дѣлается форма печи и размѣръ ея. Глину насыпаютъ между досками и сводомъ, не промачивая ее водой, такъ какъ при сильномъ утрамбовываніи ея тяжелыми чекушками она дѣлается влажною сама собой. Булыжникъ продолжаютъ прибавлять какъ по сторонамъ, т. е. въ стѣнки печи, такъ и поверхъ свода. Дѣлается это для того, чтобы печь сильнѣе нагрѣвалась и дольше удерживала тепло.

Когда надъ сводомъ получится слой глины въ $^1/_2$ арш. или нѣсколько болѣе, то обыкновенно считаютъ, что „бить довольно“. Верхъ печи, такъ называемый „черепъ“ или „черень“, гладко выглаживается и печь оставляется въ такомъ видѣ на нѣсколько дней „подсохнуть“. Деревянныя упорки, досчатыя стѣнки и „кобылы“ не вынимаются. Такъ какъ печь бьютъ обыкновенно тогда, когда еще въ избѣ нѣтъ ни оконъ, ни двери, да и потолокъ противъ печи не застланъ, то черезъ нѣсколько дней новая печь успѣетъ „зачерствѣть“. Тогда наружное „рыштованье“ снимаютъ, но затѣмъ оставляютъ печь еще на недѣлю, на двѣ просохнуть.

Въ это время прорѣзываютъ спереди отверстіе или „устье“ печи, а внутренній досчатый сводъ съ кобылами просто выжигается съ помощью заложеннаго хвороста или соломы. Легкой топкой печь начинаютъ подсушивать извнутри.

Курная печь такимъ образомъ готова, но для обыкновенной нужно еще устроить трубу, а иногда и „коминъ, по желанію. Эту работу выполняетъ уже печникъ изъ кирпича, для чего идетъ чаще „сырецъ“. На остающемся съ передней стороны свободномъ пространствѣ, отступя отъ края на 6—8 верш., печникъ закладываетъ стѣнку изъ кирпича, для свода, оставляя свободнымъ пространство для наружнаго входа въ печь; устраивается шестокъ, „печурки“, или „ямки“, гдѣ сгребается жаръ; далѣе вмазываются вьюшки („юшки“). Для печи „юшка“ бываетъ горизонтальная, круглая; она вмазывается въ нижней части трубы противъ дымового хода; такая „юшка“ требуетъ и дверки, устраиваемой чаще сзади печи и рѣдко съ передней стороны, съ „хаты“; другая же „юшка“, въ видѣ четыреугольной пластины съ ручкой, вдѣлывается часто на ребро и служитъ для закрыванія дымового хода изъ ко́мина. Круглая вьюшка закрывается только одной плиткой. Поэтому тепло быстро выходитъ въ трубу. Для избѣжанія этого на плитку кладутъ камень и все вьюшечное отверстіе затыкаютъ тряпками.

Почти всегда труба прямымъ ходомъ безъ лежака выводится на крышу. Для предохраненія трубы, по мѣстному тоже „ко́мина“, отъ размыванія дождевой водой, ее обвязываютъ иногда лубками, берестою, но рѣдко покрываютъ известкой. Также рѣдко придаютъ ей и красивую форму.

Пространство подъ печью обыкновенно служитъ для помѣщенія куръ въ зимнее время.

Печи топятся повсемѣстно дровами и, не смотря на все болѣе и болѣе ощущаемый недостатокъ въ лѣсѣ, къ замѣнѣ дровъ другими матеріалами еще не переходятъ. Лучина, какъ освѣтительный матеріалъ, выходитъ уже изъ употребленія даже въ захолустныхъ и бѣдныхъ деревняхъ, будучи замѣняема керосиновой лампой. Нигдѣ также не употребляются „каганцы“ и „фитили“, въ которыхъ раньше жгли сало или растительное масло. Для добыванія огня служатъ фосфорныя спички и только за недостаткомъ ихъ прибѣгаютъ къ „жару“, т. е. къ горящему уголью, сохраняемому отъ одной до другой топки печи „въ ямкѣ“, или запечкѣ. Для раскуриванія трубки пожилые люди добываютъ еще огонь при помощи огнива и кремня, зажигая губку, ими самими приготовляемую. Но ни самодѣльныхъ спичекъ, ни старинныхъ „сѣрничекъ“ уже не встрѣчается. Добываніе же „живого огня“ совершенно не извѣстно. Огонь отъ молніи особаго значенія здѣсь не имѣетъ, и пожаръ отъ молніи тушится наравнѣ съ пожаромъ отъ обыкновенныхъ причинъ. Но южнѣе этой области существуетъ повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно затушить только молокомъ.

Снаружи избы не смазываются глиной и не бѣлятся; очень рѣдки избы съ выкрашенными ставнями. Если онѣ есть, то выкрашиваются въ синюю, голубую, коричневую или другую какую-либо одну краску, и рѣдко въ двѣ или три разныя краски. Большею же частью ставни остаются не выкрашенными. Украшенія рѣзныя встрѣчаются также очень рѣдко и ими украшаются только окна, да иногда ворота; рѣзьба по карнизу исключеніе. Та незатѣйливая рѣзьба, которою украшаютъ окна и ворота, состоитъ изъ пилообразныхъ дощечекъ; иногда зубцы выпиливаютъ дугообразно, съ высверливаніемъ дырочекъ въ полукругахъ. Къ верхней и нижней рамкѣ ставень придѣлываются иногда кружочки или удлиненные ромбики. Самыя дверки ставень въ избахъ никогда не дѣлаются филенчатыми, а просто состоятъ изъ двухъ (а иногда и одной сплошной) досокъ, взятыхъ на шипъ.

На воротахъ, которыя въ деревенскихъ дворахъ никогда не бываютъ двустворчатыми, а всегда одностворчатыми и укрѣпляются на деревянномъ дубовомъ крюкѣ, вращающемся въ верейной шулѣ, украшенія почти отсутствуютъ, если не считать поперечную дощечку вверху воротъ, которой скрѣплены доски воротъ; иногда эта дощечка нарѣзывается пилообразно или подшивается веревочкой въ видѣ ломаной линіи. Надъ воротами навѣсы встрѣчаются у немногихъ хозяевъ и состоятъ изъ шелевочной обшивки въ видѣ крышки гроба. Въ большинствѣ случаевъ ограничиваются только деревянной распоркой, входящей концами въ верейныя шулы, или брускомъ, накладываемымъ на тѣ же шулы сверху. Калитки при воротахъ въ деревнѣ тоже очень рѣдко встрѣчаются. Вообще, устройство воротъ до-нельзя простое.

Внутреннимъ своимъ устройствомъ избы крестьянъ самыхъ бѣдныхъ и съ среднимъ достаткомъ почти во всемъ сходны, только избы вполнѣ состоятельныхъ домохозяевъ имѣютъ нѣкоторое измѣненіе во внутреннемъ приспособленіи, меблировкѣ и проч.

Какъ уже было сказано, ближайшій ко входу уголъ занимаетъ печь; по своимъ размѣрамъ она равняется почти 1/6 всей площади пола. У двухъ смежныхъ стѣнъ съ окнами протягиваются „лавки“— неподвижныя толстыя скамьи; въ томъ углу, гдѣ лавки сходятся, стоитъ столъ и при немъ небольшая скамейка—„слонъ“, „услонъ“. Красный уголъ, называемый „кутомъ“, украшается многими иконами, между которыми теперь рѣдко встрѣчаются писанныя на деревѣ, а большинство хромолитографированныя картины, вправляемыя въ рамки съ бордюромъ и подъ стекломъ, нерѣдко съ искусственными цвѣтами. Яркость цвѣтовъ—необходимая принадлежность иконъ, почему картины съ яркой окраской и стали замѣнять иконы, писанныя

на деревѣ. Деревянныя иконы суздальскаго письма встрѣчаются въ бѣдныхъ избахъ въ захолустныхъ деревняхъ, какъ остатки прошлаго. Образа разставляются такъ, что въ самомъ углу ставится образъ большихъ размѣровъ и болѣе цѣнный, часто въ кіотѣ; по сторонамъ въ одну и другую сторону располагаются образа-картины. По изображеніямъ иконы весьма разнообразны, но главныя иконы, наичаще встрѣчаемыя, это—икона Спасителя, Божіей Матери, Николая Чудотворца, а затѣмъ иконы Св. Троицы, наиболѣе чтимыхъ святыхъ и праздниковъ, и даже изображенія нѣкоторыхъ событій изъ жизни Іисуса Христа.

Образъ главный покрывается отдѣльнымъ полотенцемъ—„набожникомъ“; передъ нимъ подвѣшивается лампадка, но не вездѣ; у большинства къ самой иконѣ въ кіотѣ ставится свѣча и зажигается по большимъ праздникамъ; прочія иконы покрываются сплошнымъ „набожникомъ“. „Набожники“ всегда почти изъ домашняго, нарочито приготовляемаго, холста, концы котораго затканы узорами красною „заболотью“ и имѣютъ бѣлую или красную бахрому. Въ иныхъ мѣстахъ вышивки на полотенцахъ дѣлаются отъ руки, но безъ оригиналовъ, а на глазъ или, какъ говорятъ, „на память“. Орнаментъ на „набожникахъ“ исключительно геометрическій.

У малозажиточныхъ крестьянъ къ домашней меблировкѣ нужно прибавить такъ называемый „полъ“, или нижнія нары, расположенныя у печи и прилегающей къ ней стѣны, и у нѣкоторыхъ еще „палати“, т. е. верхнія нары, поддерживаемыя столбиками. Въ домахъ зажиточныхъ крестьянъ, которые довольно рѣдки среди сельскихъ жителей, если имѣется чистая „хата“, то обстановка ея принимаетъ видъ нѣсколько городской, мѣщанскій; тамъ есть голландская печь, „грубка“, изъ мебели можно встрѣтить простые крашеные или некрашеные стулья, табуреты, замѣняющіе лавки обыкновенныхъ сельскихъ избъ; кровати подъ пологомъ, вмѣсто наръ; иногда платейный крашеный шкафъ и непремѣнно въ одномъ изъ угловъ поставецъ для посуды, или „судникъ“, замѣняющій отчасти кухонный столъ. Въ красномъ углу стоятъ ярко блестящія иконы, украшенныя фольгой и позолотой. Имѣется лампадка.

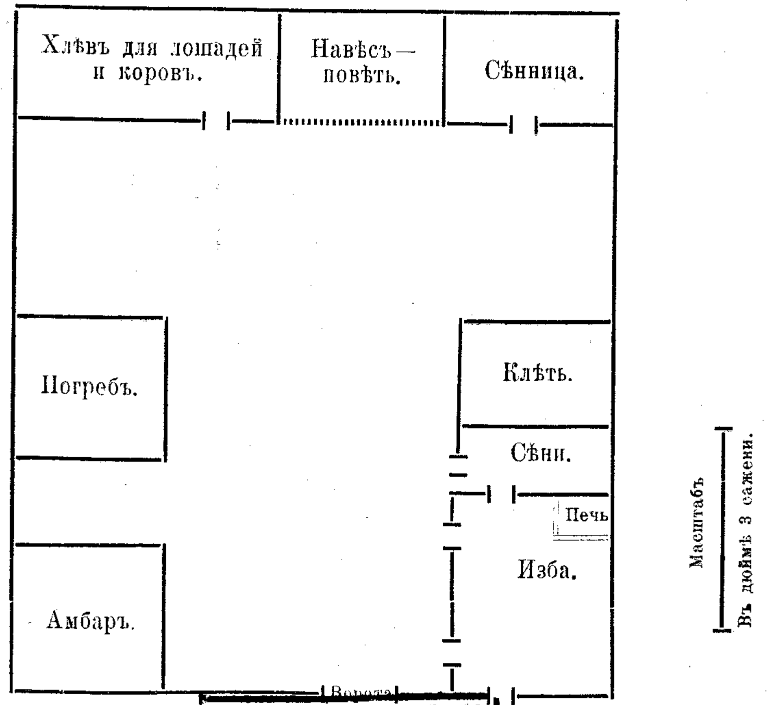
У каждаго хозяина, какого бы достатка онъ ни былъ, непремѣнно въ хозяйствѣ должны быть двѣ или три бочки для заквашиванія капусты и бураковъ; боченокъ для воды—„водянка“, „жлукто“ или кадка на ножкахъ для запариванья бѣлья, корыта для рубки капусты и кормленія скота; „ночвы“, или „ночевки“, для просѣиванія муки и стирки бѣлья; „лубки“ или коробки изъ луба, замѣняющія корзины, дежа, ведра съ коромысломъ, лопата для вкладыванія хлѣба въ печь и лопата, или заступъ, кочерга деревянная съ желѣзнымъ наконечникомъ, два—три ухвата разной величины, помело „чепела́“ бываетъ не у всѣхъ, какъ и треножка. Изъ прочей дере-

вянной посуды: дежечки, баклажки, липовки, или кадушки для меду, „доёнки“—подойники и проч. Изъ кухонной посуды: нѣсколько чугуновъ разныхъ размѣровъ, также горшки, горлачи, кувшины или жбаны, миски, кружка жестяная или мѣдная и уже рѣдко деревянный „корецъ“; солонка—деревянная чашка или небольшая выдолбленая кадушечка; нѣсколько ложекъ (по числу членовъ семьи) и большая ложка „полонникъ“, чашка съ деревяннымъ пестомъ для толченія сала „на заправу“ пищи, ступа съ двумя толкачами; пара рѣшетъ, изъ которыхъ одно называется сито или подситокъ, другое, болѣе рѣдкое, вытканное изъ мочалы, просто рѣшето; сѣвалка—обыкновенное лукошко, „розвины“ для ношенія сѣна и соломы и проч. Изъ орудій, кромѣ сохи, бороны, косы, серпа, имѣются одинъ или два столовыхъ ножа,—кромѣ ножей, носимыхъ за поясомъ; топоръ, широкая пила для пилки дровъ, копаницы (мотыки), ножницы для стрижки овецъ и еще кое-какія плотничьи принадлежности: долото, сверла и проч.

III.

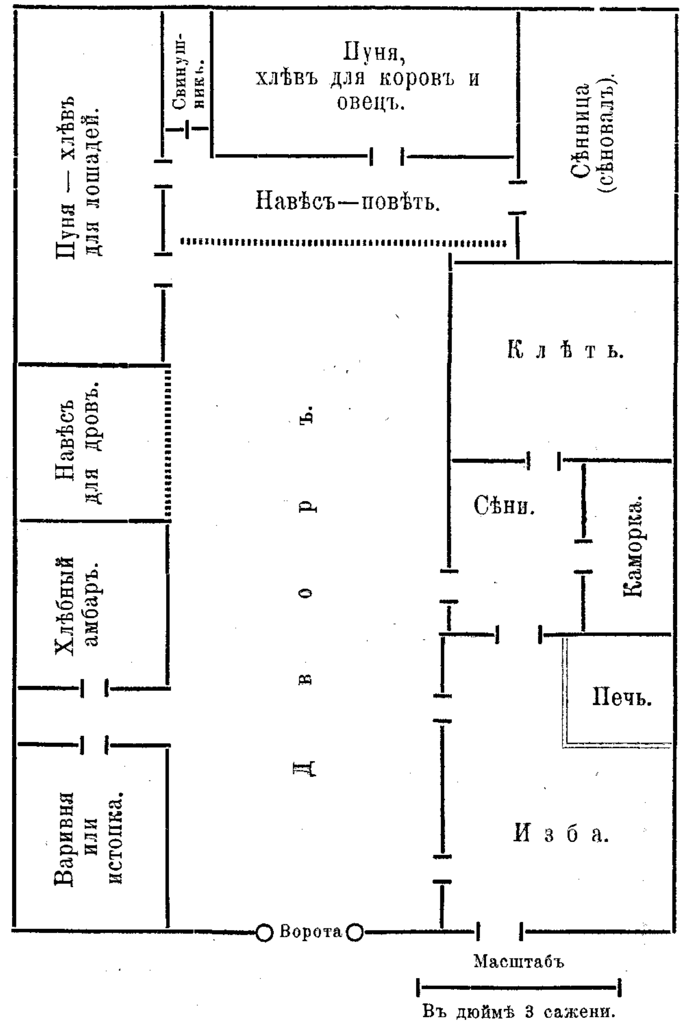
Всѣ хозяйственныя постройки деревенскихъ жителей, за исключеніемъ овина (гумна) и бани, располагаются въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ къ другу, образуя дворъ почти всегда четыреугольной формы. Чтобы представить порядокъ построекъ и размѣръ ихъ, какъ и размѣръ всего двора, здѣсь даются планы дворовъ хозяина бѣднаго, средней руки и зажиточнаго.

Дворъ бѣднаго хозяина.



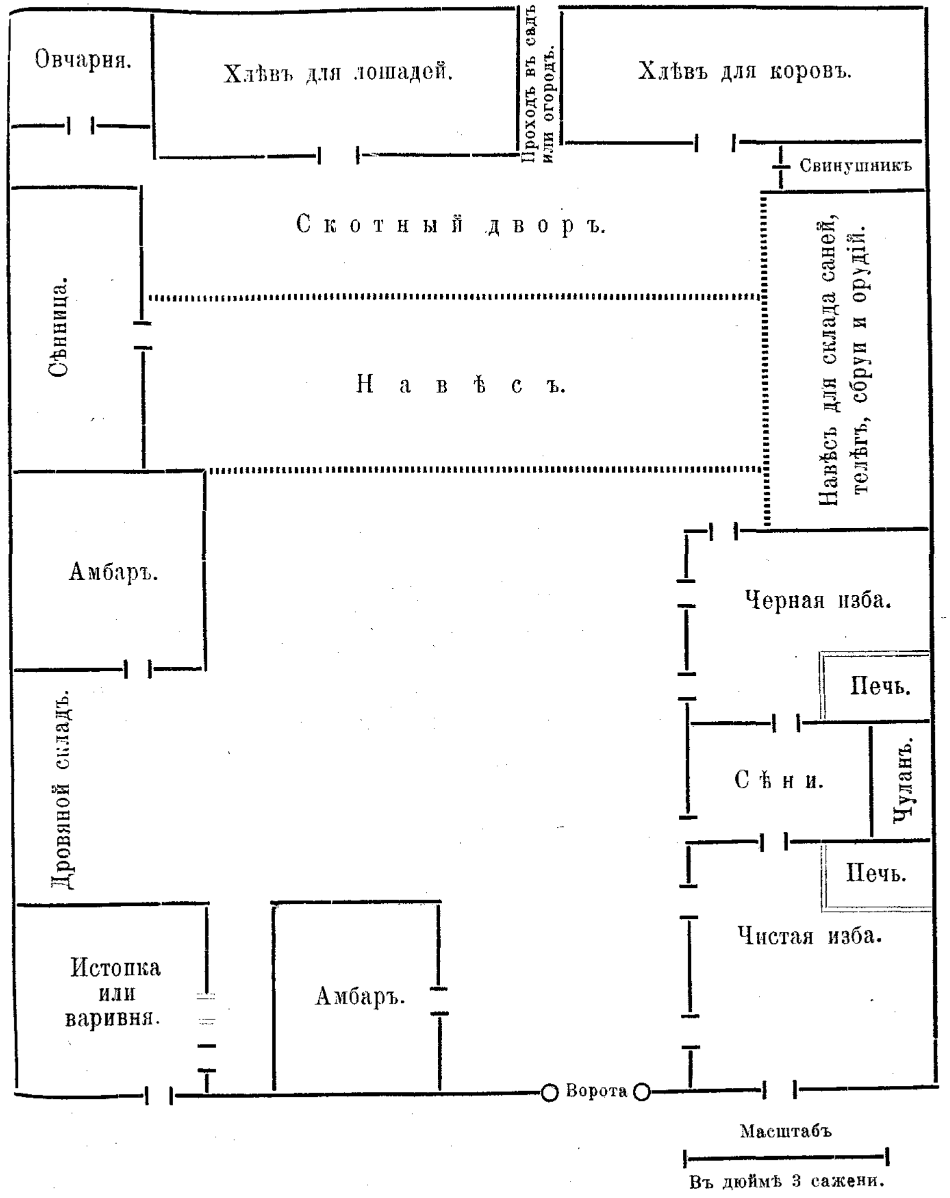
Овинъ ставится поодаль отъ двора, гдѣ нибудь въ концѣ усадьбы; при немъ иногда ставится и небольшой навѣсъ или сарай, для склада соломы. и сѣна. Овинъ, или по мѣстному „гумно“, по своимъ размѣрамъ больше всякой другой изъ хозяйственныхъ построекъ и имѣетъ отъ 26 до 32 аршинъ длины и отъ 14 до 16 арш. ширины. Какъ и всякая другая холодная постройка, овинъ покрывается

Дворъ крестьянина средней зажиточности.



соломой, основой же крыши служатъ такъ называемыя „сохи“—вы сокіе парные столбы (отъ 3 до 4 паръ). На верху ихъ перекладины въ перекладинахъ посрединѣ укрѣплено по крючку; на нихъ кла детея во всю длину постройки верхнее „сломянб“ (жересть) и п сторонамъ еще по одному. На эти основанія навѣшиваются длинны крючья, на 1½ арш. другъ отъ друга, къ крючьямъ привязываетс „поплетъ“ (тонкія длинныя жерди),—часто на разстояніи 6—8 верш что составляетъ рѣшетку крыши. Кроется гумно такъ же, какъ изба.

Дворъ зажиточнаго крестьянина.



Внутренность гумна такова: въ противоположномъ концѣ, прямо противъ воротъ, стоитъ „осѣть“ или „ёвня“. Это теплая постройка на мху, съ потолкомъ, служащая для просушки хлѣба; внутри ёвни, поближе ко входу, устроена невысокая, безъ трубы, печка. Надъ нею, на нѣкоторой высотѣ (около 2 арш. отъ ёвни), устроенъ полокъ изъ подвижныхъ шестковъ; это, собственно, осѣть; на этомъ полкѣ просушивается хлѣбъ въ снопахъ, который подаютъ черезъ окошко, продѣланное на высотѣ 2—3 арш. со стороны тока. Дверка устраивается иногда съ той же стороны, но чаще сбоку.

Отъ воротъ до осѣти, занимая средину гумна, идетъ токъ, на которомъ обмолачиваютъ просушенный хлѣбъ цѣпами. Токъ убивается толстымъ слоемъ глины, самой мягкой и жирной. Лучшей для этого глиной считается прирѣчная, называемая „глеемъ". Предварительно смоченная, глина уминается лошадьми, а затѣмъ плотно и гладко утрамбовывается ручными чекухами. Только на такомъ току обмолачиваемый хлѣбъ бываетъ свободенъ отъ примѣси песку.

По сторонамъ тока, аршина на четыре ширины, расположены такъ называемыя „сторонки" или „засторонки". Онѣ отдѣляются отъ тока низкими, не болѣе 1/2 арш. вышины, стѣнками, идущими параллельно сохамъ гумна. На „сторонахъ" складываютъ снопы, правильными рядами, при чемъ къ току снопы обращены головками, „огузками". Сложенный такимъ образомъ хлѣбъ составляетъ „кладь", „кладушку", или просто „сторону". По мѣрѣ обмолачиванія ржи, часть соломы перевязывается въ кули, тертая же солома и колосовье складываются частью за осѣтью и по свободнымъ мѣстамъ по сторонамъ, частью же удаляются изъ гумна и складываются въ безформенную кучу или подъ навѣсъ.

Привезенный съ поля хлѣбъ, если онъ довольно сухъ, укладывается сразу въ гумнѣ; греча же складывается и внѣ гумна въ стогъ, если ея имѣется довольно много. Для солнечной просушки собраннаго съ поля гороха, сноповъ „пшена" (проса), вики на сѣмена, а иногда и бобу, гдѣ его сѣютъ,—на такъ называемомъ „пригумникѣ" устанавливается „стривье"; это двѣ суковатыя мачты, на которыя кладется еще нѣсколько жердей горизонтально. Наложенные на нихъ горохъ, вика и проч. остаются иногда до глубокой осени.

Баня не представляетъ чего-нибудь особеннаго въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ. Прежде всего, это небольшое четыреугольное (арш. 6—7 длины и ширины) строеніе съ потолкомъ, на которомъ настланъ мохъ и насыпана земля, съ кое-какимъ поломъ или вовсе безъ пола, и непремѣнно съ самодѣльной каменной печкой, сложенной изъ крупнаго булыжника, въ одномъ углу, и полкомъ, расположеннымъ отъ печки къ другому углу. Укрѣпленъ полокъ на столбикахъ на высотѣ 1½—2 арш., со ступенькой. Къ другимъ стѣнамъ приставляется лавочка, которую замѣняетъ часто обрубокъ дерева, стоитъ длинное корыто для воды, которое, за неимѣніемъ у нѣкоторыхъ кадки, служитъ для нагрѣванія воды; вода нагрѣвается раскаленными въ печи до-бѣла мелкими камнями. Къ потолку на веревкахъ привѣшенъ шестъ. Во время топки дымъ изъ бани выходитъ черезъ маленькое окошечко безъ рамъ, лежащее противъ печи, а также и въ дверь. Нѣкоторыя бани бываютъ съ „примыльникомъ", т. е. съ небольшой холодной, подъ одной крышей, пристройкой. Этотъ „примыльникъ" защищаетъ отъ вѣтра моющихся въ банѣ во время раздѣванья

дѣванья, а также работающихъ женщинъ, когда тѣ мнутъ ленъ или пеньку,—что производится непремѣнно при баняхъ.

Амбары, или по мѣстному „клѣти", устраиваются не выше 6—8 вершковъ надъ землей. Вымащиваются они или толстыми тесаными досками или вытесанными съ одной стороны бревнышками. Потолка не имѣютъ. Для развѣшиванія же разной домашней утвари—сбруи, „платья", т. е. верхней одежды и проч. въ нихъ укрѣплены толстые шестки „курчины", а для храненія зерноваго хлѣба устраиваются „засѣки"—закрома при одной изъ стѣнъ; они разгораживаются поперекъ на двѣ или три части; полъ и стѣны у нихъ замазываются глиною, во избѣжаніе течки зерна.

Хлѣвъ—холодная постройка для скота, состоящая изъ стѣнъ по длинѣ въ три бревна, со двора же вмѣсто средняго бревна придѣланы ворота. Внутри хлѣвъ разгораживается невысокой стѣной, если въ одномъ хлѣву стоитъ разный скотъ. Отдѣльныхъ стойлъ для лошадей и коровъ никогда не устраивается, равно какъ не вездѣ имѣются ясли и корыта или надолби для закладыванія корма.

Повѣть, или навѣсъ, большею частью занимаетъ пространство между двумя сосѣдними постройками и служитъ мѣстомъ постановки телѣгъ, саней, временнаго прикрытія для лошадей; здѣсь же на жердочкахъ размѣщаются часто и куры, для которыхъ особыхъ помѣщеній, кромѣ „подпечья", не устраиваютъ.

Голубятни, какъ раньше уже сказано, особой не дѣлается, а для голубей, которые имѣются у немногихъ, служатъ сараи, хлѣва и крыши домовъ, гдѣ для нихъ подвѣшиваются разныя старыя коробки, корытца, и корзинки. Скворешенъ же здѣсь вовсе не знаютъ, какъ и самого скворца не умѣютъ отличать отъ другихъ птицъ по его пользѣ, приносимой человѣку истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Сажей для откармливанія свиней особыхъ не устраивается; помѣщеніе для свиней общее, которымъ служитъ маленькій хлѣвокъ, 3—4 арш. длины и ширины, гдѣ-либо подъ навѣсомъ или между двумя смежными постройками. Откармливаемыя свиньи для корма выпускаются и кормятся въ сѣняхъ или въ самой избѣ, затѣмъ опять загоняются въ закуту.

О *мельницахъ* водяныхъ и вѣтряныхъ можно сказать, что тѣ и другія имѣются повсемѣстно, обслуживая мѣстныя потребности. Нѣкоторыя изъ большихъ водяныхъ и паровыхъ мельницъ обладаютъ довольно значительной силой, но большинство мельницъ водяныхъ перемалываютъ зерна немного, только въ весеннее и осеннее, богатое водою, время. Деревенскія мельницы малыхъ размѣровъ могутъ перемолоть отъ 200 до 300 пудовъ въ сутки.

Сукновальни устраиваются обыкновенно при водяныхъ мельницахъ въ одномъ зданіи, при одномъ и томъ же водяномъ колесѣ, и рѣдко въ отдѣльномъ зданіи, съ отдѣльнымъ собственнымъ валомъ.

Сукноваленъ здѣсь мало и каждая обслуживаетъ громадный районъ въ 2—3 волости, работая только весной.

Изъ прочихъ крестьянскихъ сооруженій надо упомянуть еще навѣсы для просушки свѣже-приготовленнаго кирпича-сырца. Они устраиваются такъ, что представляютъ одну крышу, поддерживаемую рядомъ низкихъ столбиковъ по бокамъ и болѣе высокими посрединѣ. Крыша отъ земли отстоитъ на $^3/_4$ или 1 арш., и подъ ней свободно разгуливаетъ вѣтеръ.

Погребъ, для храненія картофеля и другихъ овощей, бываетъ по большей части у бѣдняковъ, бобылей или у жителей безлѣсныхъ мѣстностей; обыкновенно же онъ замѣняется „истопкой" или „варивней". Устраивается погребъ весь въ землѣ и только крыша и потолокъ находятся надъ землей. Для погреба вырывается четыреугольная яма, примѣрно 4 на 3 арш. и глубины $2^1/_2$ арш. или немного болѣе; стороны его укрѣпляются деревянными стѣнками, укрѣпленными въ „шулки", потолокъ настилается, при чемъ отъ потолка вглубь оставляется небольшой проходъ, гдѣ устраивается „творило"—люкъ; наконецъ, на столбикахъ, врытыхъ въ землю, устраивается небольшая двухскатная крыша. Если же можно воспользоваться холмикомъ (по мѣстному „бугромъ") или горкой, то та же яма мало углубляется въ землю, а идетъ болѣе внутрь или въ длину бугра, при чемъ крыши можетъ и не потребоваться.

Ледниковъ крестьянами не устраивается вовсе.

Ямы для храненія зернового хлѣба дѣлаются въ виду безопасности ихъ въ пожарномъ отношеніи и сравнительной легкости устройства, причемъ дерева совершенно не требуется, что важно при недостаткѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Но устраиваются ямы въ настоящее время уже рѣдко.

Для ямы избирается мѣсто съ подпочвой, состоящей изъ глубоко залегающей глины; роется яма такъ, что входъ ея узокъ, верш. 8—10 въ діаметрѣ, а по мѣрѣ углубленія она постепенно расширяется, образуя форму кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Глубина ямы доходитъ до 3 и 6 арш. и можетъ вмѣстить отъ 10 до 15 четвертей хлѣба. Стѣнки ямы обшиваются берестой, укрѣпляемой деревянными колышками.

Изгороди съ улицы чаще всего состоятъ изъ „прясла". Это невысокія, аршина въ два, жердьевыя стѣнки, укрѣпляемыя кольями, которыя ставятся парами, образуя небольшіе промежутки, куда закладываются жерди и перематываются вѣтками изъ лозы или березоваго хвороста. Это здѣсь самая обыкновенная изгородь. Гдѣ нужно, въ такой изгороди оставляется прорѣха и здѣсь устанавливается „коловротъ", чтобы можно было проѣхать съ телѣгой или возомъ.

Изрѣдка, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, такую изгородь замѣняетъ „плетень", изъ лозовыхъ или березовыхъ вѣтвей; вмѣсто „коловрота"

въ немъ устраивается „перелазъ", т. е. проходъ, закладываемый между кольевъ досками.

Въ иныхъ мѣстахъ, чаще всего на хуторахъ, изгороди дѣлаются изъ кольевъ. Колья при этомъ устанавливаются вертикально близко другъ къ другу и скрѣпляются выше средины общей жердочкой. Сѣверныхъ *косыхъ* изгородей здѣсь нѣтъ.

Часто вблизи дворовъ и вокругъ усадебъ устраиваются изгороди изъ „частокола". Частоколомъ же обносятся небольшіе палисаднички подъ окнами избъ у крестьянъ. Частоколъ дѣлается изъ лозы, молодого березняка и ельника. Въ такой изгороди устраиваютъ калитку или небольшія ворота, сколоченныя изъ досокъ или заплетенныя частоколомъ же по деревянной рамкѣ со столбикомъ для установки въ землю.

IV.

Новорожденнаго одѣваютъ обыкновенно въ „мятликъ", который представляетъ собою кусокъ чистой, мягкой матеріи или хорошо проношеннаго, вымытаго, мягкаго холста. Въ немъ дѣлается разрѣзъ для продѣванія на голову ребенка; сшивать въ этомъ мятликѣ ничего не нужно, равно какъ не надо и рукавовъ. Такой мятликъ надѣваютъ на ребенка до 4—6 мѣсяцевъ, послѣ чего для него шьются изъ холста или ситца рубашечки. Вмѣстѣ съ тѣмъ со дня рожденія и до 6—9 мѣс. младенца пеленаютъ, для чего употребляется четыреугольный кусокъ хорошо проношеннаго холста, аршина $1^1/_2$ длиною, небольшой бѣлый или цвѣтной платокъ и обыкновенный поясъ, который носится мужчинами вмѣсто кушака и по мѣстному называется „сповивачъ". Со второго или третьяго мѣсяца ребенку на голую головку одѣвается сшитая по мѣрѣ головки шапочка или „чепчикъ". Въ такой шапочкѣ и рубашкѣ ребенокъ остается до тѣхъ поръ, пока научится хорошо ходить и бѣгать, послѣ чего у дѣвочки на голову повязывается платокъ, одѣвается кофточка или лифчикъ, на ноги обуваютъ чулочки и черевички, а чаще всего лаптишки. У мальчиковъ же до 2—3 лѣтъ голову повязываютъ тоже платочкомъ, въ особенности, когда ребенка выносятъ на открытый воздухъ въ холодъ или жару, поверхъ длинной рубашки одѣвается лифчикъ, называемый жилеточкой, обувь та же, что и у дѣвочекъ; штанишки начинаетъ носить мальчикъ съ четырехлѣтняго возраста или еще позже. Тогда же ко всему этому костюму присоединяется и верхняя одежда—курточка или свиточка. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого возраста устанавливается уже опредѣленная одежда для дѣтей мальчиковъ и дѣвочекъ; мальчикъ начинаетъ носить шапку, дѣвочка платокъ и юбочку.

У дѣвочекъ украшеніемъ служатъ бусы или „крали", которыя, понятно, остаются украшеніемъ и въ слѣдующихъ возрастахъ женщинъ. На „мотки" этихъ бусъ или краль подвѣшиваются мѣдные

крестики и образки разной величины, покупаемые у разнощиковъ и на ярмаркахъ. Мальчики носятъ только крестики, иногда по нѣсколько вмѣстѣ. Сами дѣти приготовляютъ незатѣйливыя украшенія: лѣтомъ и осенью нанизываютъ на нитки ягоды шиповника, также порѣзанные на мелкіе кусочки стержни растеній „блекота“, стержень листьевъ тыквы, длинные стебли водяной кувшинки, цвѣты сосны, и это на время у нихъ служитъ вмѣсто бусъ или ожерелья.

У взрослыхъ мужчинъ нижней одеждой, по бѣлорусски „платьемъ“, служитъ „сорочка“ и „штаны“. Они шьются изъ грубаго домашняго холста, причемъ воротникъ въ рубашкахъ довольно широкій, откладной съ прямымъ, а не съ косымъ, какъ въ русской рубашкѣ, воротомъ. Такая рубашка шьется со сборками у ворота или же безъ сборокъ съ „подоплекой“. Застегивается воротникъ обыкновенно тесемкой, ленточкой, кусочкомъ ситца. Подолъ рубашки и концы рукавовъ по большей части затканы неширокимъ, въ видѣ полосокъ, узоромъ изъ красныхъ нитокъ. Такія рубашки чаще носятся по праздничнымъ днямъ и отличаются большей бѣлизной и тонкостью ткани. Рубашка носится всегда на выпускъ и подолъ ея едва не доходитъ до колѣнъ.

Порты, или *штаны* въ теплое время года носятся одиночными и только въ зимнее время поверхъ ихъ одѣваются теплые „суконники“, т. е. штаны домашняго сукна. Какъ тѣ, такъ и другіе штаны, вмѣсто пояса и пуговицъ стягиваются веревкой—„учкуромъ“ и спереди завязываются узломъ. Вмѣсто кушака бѣлоруссы носятъ самодѣльные пояса, которые бываютъ разной ширины и различнаго узора Изготовляются пояса или простымъ плетеньемъ изъ суконныхъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта, нитокъ, или ткутся при помощи небольшихъ бердичекъ или дощечекъ, дающихъ нѣсколько иной противъ плетенія узоръ и большую плотность. Пояса для верхней одежды часто украшаются кистями изъ шерстяныхъ же цвѣтныхъ нитокъ. Поверхъ рубахи нѣкоторые носятъ жилетъ, часто изъ сукна домашняго изготовленія и обыкновенно окрашеннаго въ синій цвѣтъ, или же изъ домашней шерстяной ткани въ узоръ—полоску или клѣтку, разныхъ цвѣтовъ, краснаго, желтаго, голубого и проч. Впрочемъ, для жилетовъ идутъ какіе-нибудь остатки, куски отъ той цвѣтной или узорчатой матеріи, которая женщинами приготовлялась для собственнаго костюма: юбки, куртки и проч. Жилетъ украшается блестящими металлическими, такъ называемыми *солдатскими*, пуговицами. Спинка дѣлается изъ домашняго холста, пряжки не употребляются.

Верхнюю одежду бѣлорусса составляютъ: кожухъ, „балахонъ“ и „свитка“. Кожухъ шьется изъ домашнихъ овчинъ, балахонъ изъ камчатнаго холста, а свитка изъ домашняго бѣлаго сукна, (рѣдко изъ сѣраго, по подражанію шляхтѣ). На-бѣло выработанныя овчины

придаютъ шубѣ ярко-бѣлый цвѣтъ. Шуба носится иногда одна, иногда же поверхъ шубы одѣваютъ балахонъ и свитку. Свита по воротнику, бортамъ, фалдамъ и рукавамъ у большинства жителей обшивается синими, зелеными или красными шнурками, но преимущественно синими. Смотря по узорамъ обшивки, знатокъ можетъ почти съ достовѣрностью угадывать, изъ какой мѣстности происходитъ тотъ или другой бѣлоруссъ, хотя бы встрѣтить его пришлось и не въ бѣлорусской губерніи. Вся верхняя одежда шьется мѣстными портными бѣлоруссами, которые называются „кравцами“.

Постоянной обувью жителей служатъ лапти, обуваемые на онучи или портянки съ помощью тонкихъ веревочекъ—оборъ, а изрѣдка и оборъ ременныхъ. Изъ другихъ видовъ обуви иногда встрѣчаются „похлопни“, или „постолы“, заимствованные у жителей великоруссовъ. Способъ плетенія и обуванія обыкновенныхъ бѣлорусскихъ лаптей также характеренъ для разныхъ мѣстностей. Въ Быховскомъ уѣздѣ лаптю стараются придавать извѣстное изящество, а обуванію—легкость и аккуратность.

Въ зимнее время головнымъ уборомъ служатъ теплыя шапки изъ чернаго „смушка“, мѣхомъ наружу, или поддѣльнаго каракуля на ватѣ; но надо сказать, что опредѣленнаго головного убора, какъ извѣстная бѣлорусская „маргелка“ или „магерка“, уже рѣдко встрѣчаемая у стариковъ захолустныхъ деревень, въ настоящее время не существуетъ. Лѣтомъ носится жителями картузъ разнаго, но довольно обыкновеннаго фасона, наичаще чернаго цвѣта. Въ послѣднее время вошли въ моду черныя фуражки военнаго покроя съ разноцвѣтными околышами—синими, зелеными, желтыми, красными и т. п.

Еще не въ очень отдаленномъ прошломъ, и не далѣе двадцати лѣтъ назадъ, одежда бѣлорусскихъ женщинъ была однообразна и характерна. Она имѣла такой видъ: на головѣ у замужней женщины была повязана „наметка“; одѣта она была всегда въ свитку, обута въ лапти; нижней одеждой служила бѣлая рубашка съ откладнымъ воротникомъ, а въ праздники съ затканными „поликами“ и концами рукавовъ; самотканная суконная юбка, вмѣстѣ съ лифомъ синяго или краснаго цвѣта. За исключеніемъ женскаго лифа—„кабата“, или „шворка“, который иногда дѣлался изъ покупной шерстяной матеріи, все остальное было своего издѣлія. Дѣвушки въ то время носили ту же одежду и только, для отличія отъ замужней женщины, носили вмѣсто наметки бѣлые или цвѣтные платки, а у себя дома пользовались свободой носить голову открытой „ходить простоволосой“, заплетая волосы въ одну косу съ лентой или въ двѣ косы и обвязывая ихъ кольцомъ вокругъ головы, повыше ушей. Съ выходомъ въ замужество дѣвушка должна была носить волосы скрученными въ два толстыхъ жгута и непремѣнно повязанными платкомъ или наметкой.

Въ настоящее время одежда женщины въ вышеописанномъ видѣ осталась только въ глухихъ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ большихъ городовъ и весьма бѣдныхъ. Здѣсь, въ будніе рабочіе дни, какъ нижняя, такъ и верхняя одежда еще своего издѣлія, но въ праздничномъ нарядѣ у замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ уже, кромѣ рубашки, все покупное, сшитое часто по-городскому, и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, хотя преобладающимъ остается цвѣтъ красный. Замужняя женщина повязываетъ голову какимъ-либо ярко пестрымъ платкомъ, при чемъ концы платка, обвивая голову, запрятываются, образуя родъ чалмы; поверхъ этого носится еще платокъ въ накидку съ свободными концами. Такъ теперь носятъ платки и дѣвушки, поверхъ небольшихъ платочковъ, завязываемыхъ ниже подбородка. Иногда, второй платокъ, если онъ не очень великъ, повязывается концами назадъ и укрѣпляется узломъ. Въ настоящее время платки, или по мѣстному „хустки", всегда яркихъ цвѣтовъ, въ прежнее же время носились платки только бѣлаго домашняго холста съ затканными узорами. У замужнихъ подъ такимъ платкомъ была наметка, повязываніе которой для разныхъ мѣстъ представляло значительныя различія и вообще было довольно сложнымъ.

Головной уборъ невѣсты въ недавнемъ прошломъ состоялъ изъ особо устроеннаго кокошника, убраннаго искусственными цвѣтами, яркими кусочками матерій и лентъ, причемъ на распущенные волосы свѣшивалось нѣсколько лентъ, длиною „до пояса".

Употребленія, вмѣсто косметическихъ средствъ, бодяги или другихъ какихъ-либо предметовъ, здѣшнія дѣвушки и женщины не знаютъ, подкрашиванія лицъ и бровей не дѣлаютъ и только для сведенія веснушекъ и загара употребляютъ нѣкоторыя средства, какъ напримѣръ, обмываніе лица парнымъ молокомъ, сывороткой, огуречнымъ разсоломъ и т. п.

Серьги носятъ не всѣ женщины; браслеты вовсе не носятся; какъ ожерелья, носятъ на шеѣ мотки недорогихъ мелкихъ и крупныхъ разноцвѣтныхъ бусъ съ подвѣсками-образками и крестиками. Очень цѣнятся бусы янтарныя — „янтари" и коралловыя — „корали", „крали". Какъ драгоцѣнность, онѣ передаются изъ рода въ родъ.

Относительно украшенія рубахъ, вышивокъ и кружевъ, слѣдуетъ прибавить, что узоръ тѣхъ и другихъ геометрическій и не широкій; вышивки дѣлаются безъ канвы по счету нитокъ, чаще же узоры изъ красныхъ нитокъ ткутъ вмѣстѣ съ холстомъ,— что называется „заткать заболотью". Кружевца чаще замѣняются красной, синей или бѣлой бахромкой для оторочки рукавовъ женскихъ рубахъ, передниковъ, а также наметокъ и „набожниковъ"; концы „набожниковъ", впрочемъ, нерѣдко и теперь украшаются затканнымъ краснымъ узоромъ, доходящимъ иногда въ длину до 3—4 четв. арш.

Верхняя одежда женщины въ послѣднее время начала измѣняться по цвѣту, покрою и способу ея шитья: такъ, вмѣсто бѣлой мѣстной свитки съ длинными полами, стали носить болѣе короткія куртки изъ синяго, сѣраго сукна своего тканья; ихъ носятъ и въ праздничные дни и иногда по буднимъ; но еще чаще носятъ теплыя на ватѣ кофты, такъ называемыя „вольныя", т. е., свободныя у таліи, широкія; иныя же носятъ болѣе длинное пальто, также безъ таліи.

Матеріалы для платья, волокнистыя вещества и шерсть, обрабатываются самимъ населеніемъ, но слѣдуетъ сказать, что эти производства не идутъ далѣе удовлетворенія своихъ домашнихъ потребностей, такъ что не только фабричной, но и кустарной промышленности этого вида, какъ, впрочемъ, и вообще, не существуетъ. Вслѣдствіе этого, производство изъ волокнистыхъ веществъ и шерсти носитъ характеръ простоты и первобытности, по отсутствію какихъ-либо усовершенствованныхъ орудій для ихъ обработки и тканья. Всѣ такого рода работы исполняются почти исключительно женщинами, составляя преимущественное ихъ занятіе осенью и зимою.

Стрижка овецъ происходитъ два раза въ годъ—весною и осенью. Предварительно овецъ моютъ у рѣчки, колодца или на дворѣ. Черезъ день или два, когда шерсть достаточно обсохнетъ на овцахъ, ихъ стригутъ. Стрижка производится въ жиломъ помѣщеніи на скамейкѣ, или лавкѣ, при помощи простыхъ, сдѣланныхъ у кузнеца, ножницъ. Эти ножницы отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что онѣ сдѣланы изъ одной цѣльной полоски стали съ пригнутыми другъ къ другу остріемъ концами и съ выгнутой въ видѣ кольца ручкой, почему скрѣпляющаго винта не требуется — ножницы дѣйствуютъ по своей упругости. Этотъ типъ ножницъ, какъ извѣстно, нерѣдко находятъ въ могильныхъ курганахъ X вѣка.

Остриженная шерсть подвергается слѣдующей обработкѣ: сначала ее просушиваютъ на печкѣ, затѣмъ чешутъ на деревянномъ гребнѣ небольшими клоками, и потомъ уже прядутъ, съ гребня же или же съ прялки. Часть собранной „вóвны" оставляется по надобности на валяльныя вещи: „лямцы" (войлокъ для хомута), на валенки, которые носятъ только болѣе состоятельные, а также на шапки-валенки, или такъ называемыя магерки, или маргелки, уже выходящія изъ употребленія.

Изъ суконныхъ нитокъ, часто наполовину съ льняными въ основѣ, ткутъ бѣлое сукно на тѣхъ же поставахъ, что и холстъ, только для плотности ткани въ четыре нита. Примѣшивая къ бѣлой часть черной шерсти, вытыкаютъ сѣрое сукно, что всегда дѣлаетъ шляхта. Бѣлорусскіе же крестьяне только заимствуютъ этотъ сѣрый цвѣтъ для новѣйшихъ короткихъ „пинжаковъ" и куртокъ. Вытканное довольно узкое сукно (вер. 10—12) везутъ на суконовальню, обыкновенно устраиваемую подлѣ водяной мельницы, гдѣ тотъ же валъ,

приводимый въ движеніе водянымъ колесомъ при 2—4 деревянныхъ пестахъ, или толкачахъ, сильно уминаетъ сукно въ деревянной ступѣ. Эта работа называется валяніемъ сукна. Послѣ просушки сукно готово.

Ленъ и коноплю выдергиваютъ съ корнями и перевязываютъ ленъ въ снопы, а коноплю въ „ручни", т. е. въ тонкіе, въ обхватъ пальцами, пучки, которые соединяются затѣмъ по парѣ и перевязываются соломеннымъ вязьмомъ. Ленъ околачиваютъ (сбиваютъ головки) или на полѣ, или на гумнѣ вальками, а затѣмъ разстилаютъ на лугу, выгонѣ или яловинѣ (долго не паханномъ полѣ), гдѣ онъ остается лежать отъ 5 до 6 недѣль. Мочатъ ленъ весьма рѣдко, по незнанію ухода за такимъ льномъ, называемымъ „моченцемъ". Конопля же, обрѣзанная отъ сѣменныхъ головокъ и обрубленная отъ корней, всегда вымачивается въ „копаняхъ", или четыреугольныхъ ямахъ, вырытыхъ поблизости рѣчекъ и прудовъ. Вынутая и просушенная пенька перевозится домой, послѣ чего ее, какъ и ленъ, сушатъ сильно въ банѣ и затѣмъ мнутъ деревянными мялками и треплятъ трепломъ, трепаломъ. Затѣмъ ленъ еще обдираютъ гребнемъ и чешутъ щеткой, пенька же прямо въ пучкахъ поступаетъ въ продажу, а часть ее идетъ на домашній обиходъ, на веревки, оборы, сбрую и проч.

Кромѣ льна и пеньки другихъ волоконъ здѣшніе бѣлоруссы не употребляютъ.

V.

Средствами для сухопутнаго передвиженія служатъ сани и телѣга, по-бѣлорусски называемая „колёсы". Какъ сани, такъ и телѣга, изготовляются каждымъ хозяиномъ для своей надобности и только самыя колеса, по-бѣлорусски „каткй", дѣлаются отдѣльными лицами по заказу или вообще на продажу, составляя у нихъ какъ-бы кустарный промыселъ. Устройство саней и телѣгъ поэтому отличается незатѣйливостью и первобытною простотою. Сани, называемыя „дровня́ми", служатъ также для перевозки лѣсныхъ матеріаловъ, причемъ для перевозки толстыхъ и тяжелыхъ колодъ служатъ болѣе короткія сани „кары". Употребляются также „рóзвальни" для извоза и „возки́" со спинкой, для поѣздокъ въ церковь и въ городъ. Нѣсколько улучшенная телѣга, у которой есть обшивка досками по сторонамъ, называется „обшиванка", а рѣдко обшитая тонкими дощечками и имѣющая приподнятый передъ, называется „биндюгóмъ"; но биндюги здѣсь встрѣчаются рѣдко, только у промышленниковъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ. Въ послѣднее время начали входить такъ называемыя „маджары". Это длинная, довольно тяжелая, телѣга съ широкими лѣсенками по сторонамъ, служащая для перевозки сѣна и сноповъ.

Впрягаютъ въ сани и телѣгу лошадь; волы совершенно вышли изъ употребленія, хотя еще въ семидесятыхъ годахъ по р. Друти на нихъ работали и возили тяжести. Для упряжи лошади служатъ: хомутъ, оброть, „шлея", сѣделка, дуга, возжи, и все это дѣлаетъ хозяинъ своими руками, причемъ ремень и кожа въ этихъ принадлежностяхъ употребляются лишь у немногихъ хозяевъ, обыкновенно же сбруя вся, или почти вся—веревочная, собственнаго издѣлія.

Другихъ видовъ телѣгъ и саней нѣтъ. Лыжи попадаются изрѣдка у лѣсныхъ сторожей и охотниковъ.

Старинныя большія дороги, обсаженныя березами по сторонамъ еще въ царствованіе Екатерины II, въ Бѣлоруссіи носятъ названіе „большаковъ", „гостинцевъ" и „шляховъ". Съ проведеніемъ въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. шоссейныхъ дорогъ, нѣкоторые изъ этихъ шляховъ сдѣлались малопроѣзжими и запустѣли, не смотря на то, что большинство изъ нихъ проходятъ чрезъ Бѣлоруссію въ низовыя губерніи и въ былое время служили единственными почтовыми и торговыми путями между нашимъ Сѣверомъ и Югомъ. Въ семидесятыхъ годахъ администраціей было обращено вниманіе на поддержаніе большихъ и малыхъ проселочныхъ дорогъ и на производство вдоль ихъ древесныхъ насажденій, но до сихъ поръ только немногія дороги содержатся исправно; большинство же находится въ невозможномъ состояніи.

Въ мѣстахъ низменныхъ, вблизи рѣчекъ и прудовъ, а иногда въ самыхъ селеніяхъ, построенныхъ на низинахъ, дорога поддерживается съ помощью гати, по-бѣлорусски „гребли". Но состояніе такихъ дорогъ весною и осенью таково, что онѣ бываютъ непроѣздны. Гати по низменнымъ, топкимъ мѣстамъ, устраиваются съ помощью хвороста, тонкихъ бревенъ; поверхъ этого насыпается земля или кладется пеньковая костра, „мялье". По сторонамъ гребли для стока воды дѣлаются узенькія, неглубокія канавки; для спуска воды устраивается поперекъ гребли болѣе широкая канава; на ней дѣлается бревенчатый мостъ.

Передвиженіе по р. Друти, бывшее въ древности очень обширнымъ, теперь совершается только на плотахъ и лодкахъ; по Днѣпру, кромѣ того, на парусныхъ судахъ и пароходахъ.

Плоты устраиваются слѣдующимъ образомъ. Пристань, куда свозится и заготовляется къ веснѣ сплавной лѣсъ, называется по бѣлорусски—„румъ"; сюда свозятся толстыя колоды, изъ которыхъ составляются плоты, и нагрузочный матеріалъ, кроквы, латы, шпалы, и проч. Сначала здѣсь происходитъ вязка небольшихъ плотиковъ, называемыхъ „торками", по выводѣ же отдѣльныхъ „торковъ" въ рѣчку съ болѣе широкимъ русломъ, ихъ соединяютъ по нѣсколько вмѣстѣ, въ такъ называемую „гребенку". Гребенки бываютъ отъ 30 до 50 саж. длины. Бревна въ ней увязываются „хомутами", скрученными въ

видѣ большихъ канатовъ изъ сырыхъ лозовыхъ хворостинъ; каждое бревно перехватывается у двухъ концовъ этой хомутиной и привязывается къ „жерести", уложенной по длинѣ всей гребенки. На Днѣпрѣ, обыкновенно въ Рогачевѣ, соединяютъ гребенки по парѣ и получаются „пленицы"; двѣ пленицы составляютъ полный плотъ. Еще въ верховьяхъ рѣкъ гребенки и пленицы по пути нагружаются болѣе легкимъ лѣснымъ матеріаломъ—латой, кроквой, шпалами, клепкой и проч.

При сплавѣ партіи плотовъ, кромѣ 2—3 человѣкъ рабочихъ на каждой пленицѣ, необходимо нѣсколько „дубовъ" съ канатами и якорями. Рабочіе этихъ дубовъ, которыхъ на каждомъ дубѣ имѣется до 7—8 человѣкъ, обязаны подавать помощь плотамъ, при проходѣ ихъ, во всякаго рода затрудненіяхъ.

Изъ судовъ теперь рѣдко встрѣчаются барки. Онѣ имѣютъ видъ громаднаго неуклюжаго судна, сколоченнаго наскоро, и служатъ также для сплава мелкаго лѣсного матеріала — клепки, ободьевъ, спицъ, досокъ, бочекъ со смолою и проч. Сдѣлавъ одинъ сплавъ до Екатеринослава или Херсона, барки назадъ вверхъ по рѣкѣ уже не возвращаются, а идутъ на сломъ и продаются какъ древесный матеріалъ.

По рѣкѣ Днѣпру можно встрѣтить слѣдующія суда: лодку, или челнъ, вмѣщающую отъ 3 до 5 человѣкъ; обшиванку—тотъ же челнъ обшитый по краямъ досками, и дубъ—досчатую лодку; гиляру, которая безъ мостика служитъ для перевозки проѣзжихъ чрезъ рѣку въ полую воду; та же гиляра, но имѣющая мостикъ, ходитъ на канатѣ и называется паромомъ. На Днѣпрѣ для парома соединяются двѣ гиляры. Лайбы и берлины строятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣчная пристань. На нихъ сплавляются въ низовыя губерніи известь, мѣлъ, осенью яблоки, а оттуда привозится хлѣбъ въ зернѣ, мука, сахаръ, соль. Лайбы подымаютъ отъ 300 до 600 пудовъ. Грузоподъемность здѣшнихъ берлинъ отъ 3 до 16 тысячъ пудовъ, т. е. мелкаго и средняго типа. Лайбы и берлины въ прежнее время ходили только съ помощью парусовъ на высочайшихъ „щоглахъ", на бечевѣ и „на яльли", т. е. на шестахъ, и давали прибрежнымъ жителямъ большіе заработки, но въ настоящее время берлины идутъ всегда на буксирѣ пароходовъ и только мелкія суда сплавляются еще людьми.

Самая первобытная лодка здѣсь—комяга. Она выдалбливается изъ толстой колоды, совершенно въ видѣ корыта. Длина ея около трехъ аршинъ. Передняя часть—носъ слегка закругляется, задняя оставляется безъ отдѣлки. При ѣздѣ въ комягѣ обыкновенно садятся на дно на колѣняхъ, гребутъ подобіемъ весла. Для большей устойчивости по бортамъ комяги прибиваются небольшія пластины. При тихой погодѣ комяга удерживаетъ двухъ человѣкъ. Употребительна только на озерахъ и небольшихъ рѣчкахъ.

VI.

Въ пищу въ сыромъ видѣ, кромѣ щавеля, употребляемаго дѣтьми, употребляются еще лукъ луговой и чеснокъ полевой, изъ которыхъ у перваго идутъ стебли, а у второго луковица; затѣмъ заячья капуста (корни) и заячій щавель,—листья и стебли; у аира съѣдается сердцевина у корня, стебли буквицы (баранчики) и свинушекъ; молодые побѣги сосны и цвѣты ея, называемые въ народѣ шишками; еще не отвердѣвшая заболонь осины и березы, называемая „мязгою", которую соскабливаютъ длиннымъ ножомъ изъ-подъ коры; ѣдятъ цвѣточные лепестки яблони и шиповника, высасываютъ медъ изъ цвѣтковъ акаціи, медуницы и тыквы.

Всѣ породы дикорастущихъ ягодъ употребляются какъ лакомство, какъ-то: земляника (суница), черника и голубика (дурница), малина, ежевика (жавина), калина, костяника, клюква, брусника; изъ садовыхъ—крыжовникъ, смородина, называемая „порѣчкой", въ отличіе отъ дикорастущей лѣсной черной смородины, клубника. Ягоды калины и рябины отвариваются и съ прибавкой сахара, меда или сушеныхъ плодовъ, употребляются какъ отваръ или варенье.

Изъ орѣховъ здѣсь произрастаютъ лѣсной орѣхъ и водяной (trapa natans). И тотъ и другой употребляются и въ сыромъ и въ сушеномъ видѣ. Водяной орѣхъ употребляется и въ вареномъ видѣ. Въ дикомъ видѣ здѣсь произрастаютъ только яблони и груши, и плоды ихъ употребляются печеными, а въ зимнее время перемерзшими, какъ лакомство. Изъ дикихъ яблокъ приготовляется квасъ.

Травъ, употребляемыхъ въ питье вмѣсто чаю, немного, а именно: Иванъ-чай, или копорскій чай, чай-буковица, чаберъ, листья боярышника, цвѣтъ липы. Нѣкоторыя изъ названныхъ растеній употребляются въ отварѣ и какъ лѣкарственное средство.

Въ сыромъ видѣ употребляются слѣдующія овощи: огурцы, рѣдька, рѣпа, морковь, брюква, квашеная капуста; также лукъ, бобъ, горохъ; но большинство изъ названныхъ овощей употребляются какъ пищевыя средства и въ вареномъ видѣ, какъ приправа или суррогатъ картофеля. Макъ и подсолнечникъ, высѣваемые въ огородахъ въ очень малыхъ размѣрахъ, съѣдаются по большей части сырыми.

Въ сыромъ видѣ мясо и свѣжая рыба употребляются только любителями и въ небольшихъ размѣрахъ, равно какъ икра и молоко рыбы; но икра раковъ, встрѣчающаяся подъ шейкой раковъ, нѣкоторыми съѣдается тотчасъ по вынутіи изъ воды рака. Свиное сало, просоленное и заготовленное впрокъ, во всеобщемъ употребленіи въ сыромъ видѣ, но жиры другихъ животныхъ, коровъ, овецъ, нерѣдко птицъ, въ сыромъ видѣ не употребляются. Кровь убиваемыхъ животныхъ свѣжей никѣмъ не употребляется, но запеченная съ мукой, напримѣръ отъ убитыхъ свиней, охотно съѣдается подъ названіемъ „кровянки".

Изъ плодовъ, заготовляемыхъ сушкою на солнцѣ и въ горячихъ печахъ, можно назвать только яблоки и груши. Яблоки нарѣзываются тонкими пластинками и, нанизанныя на нитку, подвѣшиваются на солнечномъ мѣстѣ; груши, садовые сорта, разрѣзанныя пополамъ, сушатся въ печи. Лѣсныя груши идутъ большею частью на „вылежку" и вылежанныя употребляются какъ лакомство.

Грибы: бѣлый и боровой, извѣстные здѣсь подъ названіемъ „боровика", добраго гриба—„добряка", подосиновикъ, подобабокъ, моховикъ, подрѣшетникъ или такъ называемый грецкій боровикъ, сыроѣшки, опенокъ, для заготовленія впрокъ высушиваются въ легко протопленныхъ печахъ или даже на боровѣ печи, на чѣрени: рыжики, грузди, бѣлянки заготовляются впрокъ соленьемъ, которое, впрочемъ, здѣсь мало распространено. Всѣ вообще грибы, въ томъ числѣ волнушки, сморчки и говорушки употребляются свѣжими въ отваренномъ видѣ. Собираніе ягодъ и грибовъ производится повсемѣстно, благодаря относительной близости Могилева; собранные грибы и ягоды часто сбываются туда въ сыромъ видѣ, а боровики въ засушенномъ, составляя для бѣдныхъ бобылокъ значительное подспорье. Ходятъ за грибами и ягодами подростки, женщины, выбирая для этого такіе дни и часы, когда нельзя работать въ полѣ, или огородѣ, напримѣръ, праздники, дождливые дни. Значительная часть грибовъ и черники сушится для себя, на постъ. Грибы идутъ на приправу борщей и суповъ, для начинки, а изъ черники, вмѣстѣ съ яблоками и грушами, дѣлается „узваръ".

Собираютъ грибы и ягоды въ лубки изъ липовой коры. Теперь, съ изчезновеніемъ липъ, лубки замѣняются корзинами, плетеными изъ прутьевъ.

Вышеназванные сорта ягодъ, произрастающіе въ здѣшнихъ лѣсахъ, а именно: малина, черника, голубика, калина и рябина высушиваются сначала на солнцѣ, а когда завянутъ, досушиваются такимъ же образомъ, какъ и грибы, въ печахъ. Брусника и клюква идутъ въ мочку на ягодный квасъ.

Изъ огородныхъ овощей ни одинъ сушкѣ не подвергается; заквашиваются же только капуста и свекла—бураки, солятся огурцы; въ квашеную капусту кладутъ рѣдьку, яблоки, морковь, укропъ; въ огурцы кладутъ чеснокъ.

Мясо, и главнымъ образомъ свинина, для заготовки впрокъ почти всегда только солится; копченье, вяленье мало распространено. Солятъ мясо, насыпая на него и втирая мелкую соль, или же круто разводятъ и варятъ разсолъ, прибавляя къ нему пряности—перецъ, лавровый листъ, и др.; затѣмъ въ этомъ разсолѣ вымачиваютъ куски мяса, окорока; или только поливаютъ разсоломъ сложенное въ кадкѣ мясо, предварительно перетертое селитрой. Замѣны соли ея суррогатами не бываетъ.

Относительно рыбы слѣдуетъ сказать, что здѣсь извѣстенъ способъ заготовлять рыбу въ запасъ соленой и сушеной, но такъ какъ рыбы здѣсь мало, то и заготовленіе такого рода употребляется очень рѣдко. Вьюны засушиваются въ печахъ на соломѣ, надѣтыми подъ жабры на тонкія палочки по 25 штукъ, и выдерживаютъ эту сушку почти цѣлый годъ.

Хлѣбъ прѣсный здѣсь не извѣстенъ, за исключеніемъ приготовляемыхъ изъ домашней пшеничной муки прѣсными лепешекъ, такъ называемыхъ, „коржей", или „прѣсняковъ". Эти коржи, или прѣсняки, изготовляются иногда изъ ржаной муки съ прибавкою къ ней протертаго отвареннаго картофеля. Блины пекутъ здѣсь чаще всего гречневые, а затѣмъ пшеничные, ячные и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гороховые; но послѣдніе пекутся изрѣдка въ постные дни. Кромѣ гороховыхъ, тѣсто на блины заквашивается такъ же, какъ и на хлѣбъ. Иногда часть тѣста, приготовленнаго на хлѣбъ, отдѣляется на такъ называемые „сковородники", т. е. лепешки, выпекаемыя какъ и блины на сковородахъ, но только гораздо толще ихъ. Этими сковородниками замѣняютъ хлѣбъ, когда таковаго не хватаетъ и требуется наскоро замѣнить его.

Въ здѣшней деревнѣ не умѣютъ приготовлять скоромными какія-либо сдобныя булочки, колобки, пышки; есть только два вида постныхъ хлѣбцевъ съ начинкою—это „пампушки" и „вареники". Пампушки приготовляются изъ гречневой муки, изъ мятаго картофеля съ мукою и выпекаются маленькими булочками, съ начинкою изъ толченой конопли съ лукомъ или безъ начинки; вареники пекутся такими же булочками изъ гречневой или пшеничной муки, съ тою же конопляною или грибною начинкою, но предварительно вывариваются въ кипяткѣ, а затѣмъ уже подсушиваются въ горячей печи.

Но главнымъ, основнымъ продуктомъ питанія всегда и вездѣ служитъ ржаной хлѣбъ. Онъ исключительно приготовляется изъ ржаной просѣянной муки, и только въ крайне бѣдныхъ семьяхъ и въ годы хлѣбныхъ недородовъ къ ржаной мукѣ подмѣшиваютъ часть гречневой, ячной, овсяной муки или даже тертаго картофеля. Еще въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ хлѣбъ печется изъ одной какой-либо непросѣянной муки, напр. ячной, овсяной и даже ржаной. Въ годы полныхъ неурожаевъ, которые здѣсь вообще очень рѣдки, къ самымъ незначительнымъ количествамъ муки прибавляются во множествѣ отруби, мякина, толченые желуди, листья лебеды, липы, молодого папоротника и проч. Авторъ настоящаго очерка въ дѣтствѣ питался такимъ „хлѣбомъ". Онъ плохо всходитъ, въ печи расплывается лепешкой и не пропекается, за исключеніемъ верхней и нижней корки, которыя только и можно было употреблять въ пищу; мякишъ былъ такъ приторно противенъ, что его не могли ѣсть даже голодающіе, и онъ снова сваливался въ квашню до новаго печива.

Изъ какой бы муки хлѣбъ ни приготовлялся, онъ прежде всего заквашивается на собственной закваскѣ или „рощинѣ“. Эта закваска сохраняется въ хлѣбной дежѣ отъ одного хлѣба до другого. Всыпавъ въ дежу извѣстное количество муки и вливъ ведро или немного болѣе воды, хозяйка помѣшиваетъ ее лопаточкой до тѣхъ поръ, пока не образуется ровное полугустое тѣсто. Хорошо укрытая дежа остается въ покойномъ положенiи часовъ около 12. Затѣмъ, установивъ дежу на низкой подставкѣ, хозяйка всыпаетъ въ нее столько муки, чтобы при помѣшиванiи получилось густое тѣсто, и начинаетъ его мѣсить засученными руками. Послѣ долгаго вымѣшиванiя, тѣсто оставляется на нѣкоторое время „подходить“. Когда тѣсто достаточно выходится, хозяйка беретъ часть тѣста на руки и округляетъ его въ булку (выпеченная вѣситъ отъ 10 до 15 ф.) Затѣмъ сыплетъ подъ хлѣбъ на лопату муки, отрубей или кладетъ аиръ, свѣжiй капустный листъ или сухой дубовый, и сажаетъ хлѣбъ на лопату, а съ нея сажаетъ въ печь, на чисто выметенный „подъ“. Въ передней части печи оставляется „жаръ“, на который подкладываются еще сухiя щепы, чтобы хлѣбъ „захватился“, т. е. скорѣе запекся. Изъ одной дежи выходитъ семь—восемь хлѣбовъ—„бахонокъ“. Это называется „пéчивомъ“. Посаженный хлѣбъ остается въ закрытой печи отъ $1^1/_2$ до 2 часовъ.

Отъ общепринятой процедуры въ печенiи хлѣба здѣсь есть только та разница, что накатываемому хлѣбу не даютъ уже подойти на столѣ или въ формахъ, а каждый хлѣбъ прямо изъ квашни поступаетъ въ печь. Ни формъ, ни желѣзныхъ листовъ крестьяне не употребляютъ, а хлѣбу даютъ круглую форму въ видѣ плоскаго полушара.

Пшеничная мука идетъ на приготовленiе блинчиковъ, оладей, лапши, галушекъ; гречневая—на галушки и кулешъ; овсяная—на кисель и толокно. Толокно приготовляется изъ овсяной муки, полученной изъ овсяныхъ, подсушенныхъ, и затѣмъ размолотыхъ на жерновахъ, крупъ; въ такую муку подливаютъ холодной воды и получается густая масса—толокно.

Изъ ржаной муки дѣлаютъ въ постные дни кулагу. Для этого завариваютъ муку и даютъ жидкой массѣ постоять въ тепломъ мѣстѣ, напримѣръ, на печи, отчего она начинаетъ бродить и дѣлается нѣсколько сладковатой. Проваренную еще въ печи, съ калиновыми ягодами, ее ѣдятъ прямо изъ котла. Такъ какъ никакихъ сладостей въ столѣ крестьянъ не бываетъ, то кулага, особенно въ холодномъ видѣ, считается лакомствомъ. Готовится она, впрочемъ, рѣдко и только въ зажиточныхъ семьяхъ.

Крупы дѣлаютъ изъ гречневыхъ, просяныхъ и ячневыхъ зеренъ. Всѣ эти крупы идутъ на приготовленiе суповъ, называемыхъ крупниками, крупенями, а также каши—грецкой, пшенной и ячной. Горохъ, фасоль и бобъ прибавляются къ супу, какъ „закраса“. Смотря по мѣстности, предпочтительнѣе высѣвается тотъ или иной изъ названныхъ овощей, обыкновенно въ довольно незначительныхъ размѣрахъ. Горохъ и бобъ также поѣдаются въ сыромъ видѣ и отваренномъ, еще лѣтомъ; кукуруза, „кiюшки“, „кiйки“, разводится здѣсь уже въ ничтожномъ количествѣ и употребляется отваренной, какъ только созрѣетъ. Гдѣ ея больше, тамъ она засушивается на солнцѣ, и зимою изъ ея зеренъ приготовляется каша, очень вкусная, но и очень тяжелая и требующая много масла. Дѣти, захвативъ себѣ нѣсколько десятковъ зеренъ, кладутъ по одному у пылающаго огня. Отъ жары зерна трескаются и принимаютъ самыя причудливыя угловатыя формы. Дѣти зовутъ ихъ тогда „баранчиками“ и считаютъ вкуснѣйшимъ лакомствомъ.

Изъ названныхъ овощей горохъ иногда перемалывается въ ручныхъ жерновахъ, и изъ гороховой муки, какъ уже было замѣчено выше, приготовляютъ блины и кулешъ. Ручные жернова кое-гдѣ еще имѣются.

Повсемѣстно разводимыя овощи—капуста, свекла (бураки) и картофель составляютъ предметъ ежедневнаго употребленiя мѣстныхъ жителей. Изъ квашеной капусты и свеклы варятъ „борщъ“ или „капусту“. Это первое кушанье за обѣдомъ. Картофель, разваренный въ водѣ, съ какими-либо крупами или безъ нихъ, а также въ густомъ видѣ, приправленный въ скоромное время саломъ, а въ постные дни постнымъ масломъ—„олеемъ“, грибами, толчеными коноплями, а то и вовсе безъ всякой приправы, только съ солью—самое общеупотребительное второе кушанье, какъ у самыхъ бѣдныхъ, такъ и у зажиточныхъ крестьянъ.

Мясо же является далеко не заурядным кушаньемъ; только вполнѣ зажиточныя семьи имѣютъ возможность пользоваться мясомъ, какъ въ праздничные дни, такъ и въ будни (въ скоромное время), почти круглый годъ. При этомъ большую часть года употребляется свиная солонина, и только осенью, и изрѣдка зимою, пользуются свѣжимъ бараньимъ и телячьимъ мясомъ, а иногда, впрочемъ, весьма рѣдко, говядиной. Въ пищу мясо идетъ въ такихъ случаяхъ не какъ самостоятельно приготовленный продуктъ, т. е. въ видѣ жаркого, что бываетъ только въ большiе праздники и семейныя торжества, а главнымъ образомъ послѣ вывариванiя его въ супѣ и борщѣ, гдѣ оно составляетъ такъ называемую закрасу, какъ и сало.

Но въ дни заговѣнья и разговѣнья, а также и въ большiе праздники, мясо составляетъ главное блюдо и приготовляется въ жареномъ видѣ, будучи приправлено лукомъ и перцемъ. Для такихъ жаркихъ употребляются лучшiя части отъ свиной туши—окорокъ, мясистыя части баранины или цѣлый поросенокъ. Мясо зажаривается всегда безъ картофеля на сковородахъ, въ котлахъ и на противняхъ.

Въ мѣстахъ приречныхъ и приозерныхъ рыба является весьма нерѣдкимъ блюдомъ въ постные дни не только на столѣ достаточныхъ жителей, но и самыхъ бѣдныхъ, и при томъ у этихъ послѣднихъ даже преимущественно предъ первыми, нерѣдко и въ скоромные дни, разнообразя и пополняя домашній столъ. Уха изъ мелкой и крупной рыбы самый обыкновенный способъ употребленія ея; поджаренная на сковородѣ съ придачей перцу, луку въ постные дни, и масла или сала въ скоромные, является такимъ рѣдкимъ блюдомъ, которое предлагается и дорогому гостю. Во время ловли рыбы, за неимѣніемъ котелка, сами рыболовы пекутъ рыбу на угольяхъ, предварительно очистивъ ее отъ чешуи и внутренностей, и ѣдятъ, посыпая мелкой солью.

Яйца въ домашнемъ быту въ пищу въ отваренномъ видѣ употребляются рѣдко, развѣ только для угощенія почетныхъ лицъ. Для себя же отвариваютъ и красятъ яйца къ Христову дню и Радоницѣ. Окрашиваютъ яйца у крестьянъ преимущественно въ луковичную, („цыбульную“) краску, для чего берется скорлупа отъ лука и складывается въ котелъ съ водой, куда кладутся и яйца, и отвариваются. Яйца въ одно время и красятся и варятся. Иные же, сваривъ яйца въ водѣ, окрашиваютъ въ разныя краски, напримѣръ фуксинъ. Для окраски въ зеленый цвѣтъ, яйца вывариваются въ листьяхъ березовыхъ вѣниковъ. Расписываніе яицъ въ данной мѣстности не извѣстно.

Яичница употребляется часто въ видѣ угощенія. Обрядовое значеніе яичница имѣетъ на „роди́нахъ“, гдѣ ею угощаютъ бабку послѣ принятія ею ребенка, а затѣмъ на дѣвичьемъ вечерѣ или такъ называемыхъ „заручинахъ“, гдѣ яичницей угощаютъ жениха; но въ Семикъ яичницы не дѣлаютъ.

VII.

Праздничный столъ состоитъ обыкновенно не менѣе, какъ изъ трехъ блюдъ, но въ дни торжественные, напримѣръ, въ дни Рождества, Крещенія, Пасхи, Св. Троицы, составъ кушаній бываетъ разнообразный. Подобно этимъ днямъ, дни семейныхъ торжествъ, какъ-то крестинъ, свадьбы и, гдѣ еще удержался обычай, братчины, или такъ называемой „свѣчи“, также отличаются возможнымъ обиліемъ яствъ, съ преобладающими мясными кушаньями. Наканунѣ праздниковъ Рождества Христова и Крещенія приготовляется „постная кутья“ изъ ячныхъ или пшеничныхъ крупъ съ постнымъ масломъ или медовой сытой. Въ дни поминовенія родителей непремѣнной принадлежностью считаются блины и къ нимъ медовая сыта у однихъ, или вареный лукъ у другихъ. Число же кушаній полагается отъ 9 до 12. На Пасху для освященія сыръ не считается обязательнымъ; вмѣсто него освящается куличъ, подъ названіемъ „паски“, и яйца. Освященнымъ яйцомъ разговляются, придя изъ церкви въ первый день

Пасхи. Нѣкоторыми старыми людьми такое яйцо оставляется и сохраняется во весь годъ. Съ нимъ выгоняютъ скотъ первый разъ весной, его обносятъ вокругъ горящихъ построекъ, чтобы остановить пожаръ и т. д.

Работы толокой уже отчасти вывелись, если же гдѣ толоки существуютъ, то кушанья въ этомъ случаѣ, какъ и на супрядкахъ, заурядныя. Но обязательнымъ считается угощеніе водкой.

Свадебные короваи украшаются, но не крестомъ, какъ артосы, а другими узорами.

Въ великомъ посту на Сорокѝ (Сорокъ мучениковъ) пекутся изъ ржаной, пшеничной, у кого есть, или гречневой муки жаворонки, причемъ одного жаворонка бросаютъ въ печь, а прочіе поѣдаются дѣтьми. Кромѣ куриныхъ яицъ, въ пищу яйца другихъ птицъ почти не употребляются: гусиныя, цесарскія и яйца индѣекъ и утокъ довольно рѣдки и цѣнны, яйца же домашнихъ голубей—неприкосновенны и также не идутъ въ пищу; яйца дикихъ утокъ, куропатокъ, тетеревей, если таковыя попадаются, охотно съѣдаются.

Всѣ вышеназванныя породы домашней и дикой птицы употребляются въ пищу вездѣ. Кромѣ того по мѣстамъ ѣдятъ молодыхъ грачей, чаекъ. Запретными считаются: голуби, ласточки, аисты, какъ полезныя птицы; вороны, галки, ястреба—какъ питающіяся падалью. Затѣмъ не употребляются животныя однокопытныя и когтевыя, за исключеніемъ зайца, который употребляется въ пищу, хотя не повсемѣстно. Изъ рыбъ не ѣдятъ щипачки, сига, угря и у вьюновъ отрѣзываютъ головы. Изъ пресмыкающихся, мягкотѣлыхъ и суставчатыхъ ни одно не употребляется въ пищу.

Молоко употребляется въ пищу сладкое и кислое; первое идетъ на приготовленіе молочнаго супа, второе—на приготовленіе „сыроквши“, масла, творога и сыра. Послѣ дойки, молоко изъ „доёнки“ разливается по кувшинамъ, или „горлачамъ“. Ему даютъ постоять отъ 2 до 3 сутокъ въ прохладномъ мѣстѣ, снимаютъ сверху сметану въ особое судно—„макотеръ“, или въ деревянную бойку. Затѣмъ сметана сбивается въ масло, причемъ нѣкоторые сметану оттапливаютъ въ печи, а другіе сбиваютъ ее сырою. Масло, перемытое въ водѣ, складывается въ глиняное или деревянное судно. Остающееся послѣ снятія сметаны молоко оттапливаютъ въ печи на творогъ, который изъ горлачей выворачивается въ холстяной мѣшечекъ и подвѣшивается, чтобы стекла сыворотка; остается творогъ, который отжимается или въ тискахъ, или подъ доской, сверху которой положенъ камень. Получается сыръ, который перемѣшивается съ солью и если назначается впрокъ, то или подсушивается на солнцѣ и въ печи, или же складывается въ кадку и переливается слоемъ растопленнаго масла. Такимъ образомъ заготовленный сыръ съ масломъ, подъ названіемъ „масленица“, оставляется до самой масленой недѣли, строго здѣсь соблюдаемой.

Постная пища почти всегда растительная и состоитъ изъ овощей и крупъ; скоромная же состоитъ изъ тѣхъ же блюдъ, приправленныхъ саломъ, мясомъ, и еще изъ нѣкоторыхъ, составленныхъ изъ мясныхъ и молочныхъ продуктовъ и яицъ. Въ лѣтней пищѣ преобладаютъ свѣже приготовленные овощи: огурцы, лукъ зеленый съ квасомъ и безъ него, бобы и кукуруза отваренные; для зимней пищи заготовляются въ прокъ овощи: капуста, свекла, картофель въ разныхъ видахъ и крупа; весна и осень, какъ переходныя времена года, приравниваются къ тому или другому смежному времени года. Весна—самое бѣдное по пищевому довольствію время года, а осень—самое богатое.

Вотъ обычныя меню крестьянскихъ обѣдовъ.

Постная пища обыденная.

Бѣдныхъ семей:	*Зажиточныхъ семей:*
а) борщъ съ грибами или холодникъ (щавель и лукъ); б) супъ изъ картофеля съ крупами и бобами.	а) борщъ съ грибами или соленой рыбой, лѣтомъ холодникъ; б) супъ съ постнымъ масломъ; в) каша гречневая, пшенная или картофельная съ тѣми же крупами и коноплями или постнымъ масломъ.

Скоромная пища обыденная.

а) борщъ съ саломъ; б) молочный супъ.	а) борщъ съ саломъ или мясомъ; б) супъ мясной или молочный; в) каша съ саломъ.

Постная пища праздничная.

а) борщъ или холодникъ; б) каша картофельная съ крупами и коноплями или молокомъ, или что-нибудь другое.	а) борщъ съ рыбой свѣжей или соленой; б) картофельный супъ съ постнымъ масломъ и перловыми крупами; в) каша пшенная или гречневая; г) оладьи съ коноплями или маковой сметаной.

Скоромная праздничная пища.

Бѣдныхъ семей:	*Зажиточныхъ семей:*
а) борщъ съ саломъ; б) супъ мясной, молочный или каша на салѣ или маслѣ.	а) борщъ съ мясомъ; б) каша съ саломъ; в) жаркое — свинина, поросятина, гусь и проч. г) блинчики съ масломъ, оладьи или сырники и т. п.

Время обѣда и ужина у деревенскихъ жителей опредѣляется въ будни началомъ и окончаніемъ дневныхъ работъ: обѣдаютъ передъ уходомъ на работу, а ужинаютъ по окончаніи работъ; въ праздники обѣдаютъ по выходѣ изъ церкви „отъ обѣдни". Садятся за столъ по старшинству: „на куту" садится старшій въ семьѣ, а за нимъ по порядку сыновья, жена, дочери, внуки, невѣстки. Старшій въ семьѣ нарѣзываетъ хлѣбъ, въ торжественные дни наливаетъ и раздаетъ водку (изъ одной рюмки), раздѣляетъ на куски поданное на столъ мясо. Одна изъ женщинъ прислуживаетъ: подаетъ ложки, соль, наливаетъ въ одну большую миску пищу и подаетъ на столъ. Ѣдятъ всѣ изъ общей миски и только въ большихъ семьяхъ дѣтей сажаютъ отдѣльно. Въ благочестивыхъ семьяхъ въ началѣ и концѣ стола крестятся и молятся, за столомъ же ведутъ только приличные разговоры. Если по неосторожности упадетъ кусокъ или хотя бы крошка хлѣба, уронившій тотчасъ поднимаетъ его и, цѣлуя, съѣдаетъ. Каждый вошедшій изъ постороннихъ обязанъ сказать сидящимъ за столомъ: „хлѣбъ да соль!"—на что получаетъ въ отвѣтъ: „просимъ кушать!" На это слѣдуетъ пожеланіе: „кушайте на здоровье!".

Во время семейныхъ празниковъ—свадьбы, крестинъ, также въ дни поминованій покойниковъ и братчины или „свѣчи", гостей разсаживаютъ по старшинству, причемъ старѣйшіе родственники, почетныя лица изъ мѣстныхъ жителей занимаютъ мѣста „на кутѣ", а хозяинъ и хозяйка прислуживаютъ гостямъ. Обязанность хозяина угощать водкой, виномъ; каждому подносится рюмка поочереди и наливается изъ большой миски или корчаги (баклажки); рюмка имѣетъ видъ небольшого стаканчика и называется „чаркою"; употребленіе старинныхъ ковшиковъ, вмѣсто рюмки, уже почти не встрѣчается. Мужчины занимаютъ отъ женщинъ особый столъ; женщинъ угощаетъ хозяйка. На крестины, которыя называются „хрезьбинами", всѣ приглашенныя женщины приносятъ съ собою кусокъ хлѣба и какое-либо блюдо для роженицы, иногда же просто бѣлую булку; „на свѣчу" мужчины несутъ лукошко какого-либо зерна, кто имѣетъ—воску. Такимъ образомъ, угощеніе здѣсь дѣлается въ складчину.

Въ народной жизни соли придается немаловажное значеніе и цѣлебная сила. Въ великій четвергъ соль въ солонкѣ ставится послѣ ужина на столъ и эту соль потомъ освящаютъ на Пасху. Такую соль сохраняютъ круглый годъ и употребляютъ для вспрыскиванія ею новорожденныхъ младенцевъ, животныхъ молодыхъ при рожденіи и старыхъ отъ глазу или, какъ говорятъ—„отъ суроцы" (т. е. отъ уроку).

Изъ напитковъ наиболѣе распространенъ здѣсь хлѣбный квасъ. Приготовляется онъ слѣдующимъ образомъ. Ржаная неквашенная мука замѣшивается въ густое тѣсто и оставляется на 2—3 дня солодѣть, послѣ чего изъ него выпекаются хлѣбы. Хлѣбъ затѣмъ разламывается на куски и высушивается на сухари. Эти сухари опу-

скаются въ боченокъ съ холодной водой, иногда въ чистомъ мѣшкѣ, чтобы размокшій хлѣбъ не попадался въ квасѣ, когда его будутъ пить. Спустя недѣлю квасъ готовъ.

Для приданія квасу цвѣта и вкуса, тѣ, у кого есть пчелы, кладутъ немного вощинъ или меду. Квасъ приготовляютъ и изъ картофеля съ мукой. Отваренный картофель толчется и смѣшивается съ частью ржаной муки. Такому тѣсту дается время постоять и потомъ изъ него выпекають тонкіе коржи, которые и кладутъ въ бочку съ водой.

Кромѣ этого хлѣбнаго кваса дѣлается еще березовый и ягодный квасъ. Березовый сокъ часто закисаетъ безъ всякихъ подмѣсей, но нѣкоторые прибавляютъ немного ячменнаго солоду или бобовъ прощенныхъ, также дубовыхъ щепокъ или вощинъ. Для ягоднаго квасу идутъ брусника и клюква. Къ нимъ прибавляютъ мелкихъ плодовъ—грушъ и яблокъ. Такой квасъ заготовляется только на зиму, тогда какъ березовый квасъ заготовляютъ только весною, а хлѣбный во всякое время.

Приготовленіе пива здѣсь не практикуется. Очень рѣдко пчеловоды приготовляютъ и медовый напитокъ. Для этого берутъ вощину съ пергой и частью меда и варятъ часа два. Отваръ этотъ сливаютъ въ боченокъ, въ которомъ шесть дней стоитъ открытою втулка, а потомъ и ее закупориваютъ. Такой напитокъ, постоявши закрытымъ мѣсяца два – три, пріобрѣтаетъ значительную игривость и нѣкоторую крѣпость.

Деревенскіе пчеловоды варятъ такимъ же способомъ и такъ называемый „напорскъ“, прибавляя сюда еще какихъ-либо пахучихъ капель, напримѣръ мятныхъ и др. Употребляютъ его для опрыскиванія весною порожнихъ ульевъ. Въ такіе ульи охотнѣе садится рой.

VIII.

У береговъ рѣкъ и рѣчекъ, а также прудовъ и озеръ, поросшихъ кустами лозы, ольхою и травою, держатся нѣкоторые роды рыбъ: окунь, плотва; въ норахъ же, корчахъ и подъ колодами—налимъ (по мѣстному „балаба“, „калѣка“, „мень“) и раки. Ихъ берутъ голыми руками днемъ, „щупая“ въ травѣ или шаря по кустамъ и норамъ—„печурамъ“. На раковъ ходятъ и ночью и вызываютъ ихъ къ берегу приманкой и свѣтомъ; приманкой служитъ „либела“, т. е. кусокъ мяса, привязанный къ палкѣ, зажигаютъ же пукъ лучины. Дѣти и подростки ловятъ мелкую рыбу („мальгу“) корзинкой, рѣшетомъ, кошомъ, простыней и сачкомъ.

Для ловли рыбы на крючокъ существуетъ два вида удочекъ; однѣ съ тонкой лесой, въ 3—4 волоса, съ поплавкомъ и безъ него, это такъ называемая верховая удочка на мелкую рыбу, другая съ грузиломъ или потонкомъ, тоже съ поплавкомъ или безъ него, съ

лесой въ 4—10 волосовъ, или изъ шелковой нитки. Эти удочки для крупной рыбы. И та и другая удочки употребляются для ловли рыбы съ берега, плотины или плота, и съ лодки, въ продолженіе весны, начиная съ мая во все лѣто до сентября. На верховую удочку насаживаютъ для приманки комнатную муху, дождевого червя, кузнечика, муравьиные мѣшечки (куколки); на такую удочку берется уклея, плотва, мелкій окунь, головень, язь, пескарь; на удочку съ потонкомъ ловятъ окуня, леща, язя, мирона, судака, подусту, верезуба. Кромѣ этихъ крупныхъ рыбъ, на удочку часто попадается ершъ и бобырь,—самыя мелкія рыбы, попадающіяся на удочку съ потонкомъ. Сомъ попадается на удочку очень рѣдко. Рыболовъ сманиваетъ мелкую рыбку при помощи отрубей, перемѣшанныхъ съ рѣчной глиной (глей) и конопляными жмыхами (клинцы). Комъ того или другого помѣщается въ кусокъ сѣтки, завязанной узломъ и прикрѣпленной къ воткнутой въ крутой берегъ тычкѣ такъ, что нѣсколько погруженная въ воду, она пропускаетъ муть вмѣстѣ съ частицами отрубей или жмыхъ. Къ этому мѣсту охотно собирается уклея, плотва и проч. Крупную рыбу заманиваютъ кашей, круто сваренной изъ гречневыхъ и пшенныхъ крупъ, которая будучи перемѣшана съ глиной, забрасывается на дно рѣки. На крючокъ уды съ потонкомъ, кромѣ названныхъ уже приманокъ, червей, насаживаются раковыя шейки, тутъ же добываемыя, и такъ называемая „сакла“ (видъ сига). На раковыя шейки и саклу идетъ болѣе хищная рыба—миронъ, окунь, язь и проч.

На щуку, бѣлизну, верезуба и судака, какъ самыхъ хищныхъ рыбъ, ставится такъ называемая „сторожня“. Это та самая леса, что идетъ на уду для крупной рыбы, только потолще ея, волосовъ въ 16—20, или же просто тонкая бечевка, оканчивающаяся кусочкомъ тонкой проволоки или скрипичнымъ басомъ, съ крѣпкимъ стальнымъ, большого размѣра, крючкомъ. Наживляется сторожня живою рыбкою и укрѣпляется у берега гдѣ либо у кустовъ. „Живецъ“ плаваетъ, нося съ собою крючокъ со шнуркомъ, пока его не схватитъ одна изъ хищныхъ рыбъ, которая и сядетъ сама на крючокъ. Шнурокъ наматываютъ иные рыболовы на деревянныя вилки со спущеннымъ съ него концомъ, аршина въ полтора или два, которымъ привязываютъ вилки къ кусту или къ воткнутой палкѣ.

Употребляются еще переметъ, дорожка или блесня, и на сомовъ особая ложка и толстый, крѣпкій шнуръ съ большимъ крючкомъ, на который насаживается кусокъ мяса.

Переметъ состоитъ изъ длиннаго, саж. въ 20—30 шнурка, на которомъ навязаны средней величины стальные крючки на болѣе тонкихъ шнуркахъ или лесахъ, арш. въ два длины; расположены они другъ отъ друга не далѣе 2—3 аршинъ и наживляются червями и т. п. Рыболовъ въ лодкѣ опускаетъ одинъ конецъ шнура съ каменнымъ грузомъ въ воду, обыкновенно выбравъ довольно глубокое, от-

крытое мѣсто рѣки, а затѣмъ, постепенно удаляясь по теченію рѣки, опускаетъ по мѣрѣ удаленія сложенный кругами шнуръ съ крючками и наживой. Спустивъ шнуръ до конца, рыболовъ другой конецъ его закрѣпляетъ къ колу, крѣпко вбитому въ дно рѣки. Но чаще переметъ запускается поперекъ рѣки такъ, что одинъ конецъ укрѣпленъ къ воткнутой въ берегъ палкѣ, а другой опускается съ грузомъ. И въ этомъ случаѣ выбирается мѣсто глубокое, съ довольно сильнымъ теченіемъ. Лѣтомъ на переметъ идетъ миронъ, язь, а зимою налимъ.

Дорожкой или блеснёй называется такой снарядъ, въ которомъ на длинной бечевкѣ привязана оловянная или цинковая пластинка вершка въ два длиною, имѣющая нѣкоторое сходство съ рыбкой; на концѣ пластинки укрѣпленъ толстый желѣзный крючокъ съ зазубнемъ; наживы не требуется. Рыболовъ, ѣдущій въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, очень быстро опускаетъ шнурокъ во всю длину и тянетъ за собой, привязавъ другой конецъ шнурка за лодку и положивъ шнуръ на ухо, чтобы слышать когда возьмется рыба, которая блестящую пластинку на быстромъ ея бѣгу принимаетъ за рыбу, нагоняетъ и хватаетъ ее. На дорожку или блесню попадается исключительно жадная щука, иногда въ пудъ и болѣе вѣсу. На сомовъ, которыхъ также ловятъ съ лодки, нуженъ короткій, но крѣпкій шнуръ и желѣзный крючокъ съ кускомъ мяса или головой тарани (воблы). Ложка, небольшая деревянная, нужна рыболову, чтобы вызвать короткими ударами ею по водѣ особый глухой звукъ, на который почему-то поднимается со дна сомъ и идетъ на этотъ звукъ, натыкается на приманку и хватаетъ ее. Сомы въ Днѣпрѣ въ послѣднее время стали попадаться годъ-отъ-году все рѣже; самые большіе изъ нихъ достигаютъ не болѣе 3 пудовъ вѣсу.

Всѣми перечисленными снарядами ловятъ рыбу въ Днѣпрѣ, въ Друти и въ Лахвѣ, протекающей въ этомъ же раіонѣ. Для сманиванія рыбы, какъ уже сказано, рыбаки употребляютъ кашу; здѣсь добавлю, что кашу они употребляютъ преимущественно ячную и разваренный горохъ; въ мѣстахъ, выбранныхъ для лова, они опускаютъ эту кашу, смѣшанную съ вязкой глиной, въ кошолкѣ изъ луба на дно рѣки, а затѣмъ у вбитаго здѣсь кола ловятъ на уду съ потонкомъ собирающуюся на приманку рыбу; на крючокъ насаживаютъ тѣ же зерна гороха или ячныя крупинки.

На рыбу ранней весной по вскрытіи рѣкъ и озеръ ѣздятъ въ лодкахъ съ острогой, въ это время бываетъ нерестъ щуки, которая и попадается на острогу очень легко днемъ и ночью. Въ концѣ лѣта, когда ночи становятся темными, съ острогой ѣздятъ не только рыбаки, но и любители. Въ ночное время на лодкѣ, впереди, на особой жаровнѣ, разводятъ огонь, и охотникъ одинъ, а иногда вдвоемъ, подвигаясь очень тихо между кустовъ по озеру или пруду, высматриваетъ въ водѣ стоящую рыбу, чаще всего щуку, верезуба, и какъ

только завидитъ ее, направляетъ на нее ударъ остроги, не выпуская рукоятки изъ рукъ, если рыба стоитъ неподвижно, и бросая острогу вслѣдъ уходящей рыбѣ.

Изъ сѣтьевыхъ снарядовъ, сдѣланныхъ изъ нитокъ съ помощью обручей или даже изъ однихъ деревянныхъ лозовыхъ прутьевъ и лучины здѣсь извѣстны: кошъ, коробка, неретъ, топтуха, жакъ, и изъ сѣтьевыхъ, сдѣланныхъ изъ однихъ нитокъ—крига, бредень, уклейня, сѣть и неводъ. По устройству кошъ, неретъ, топтуха и жакъ сходны между собой по основной формѣ—удлиненнаго конуса; такую форму придаютъ этимъ рыболовнымъ снастямъ вправленные въ сѣтку обручи.

Кошъ, или скрипка, дѣлается изъ лозовыхъ прутьевъ или лучины, въ одномъ концѣ связанныхъ пучкомъ, а въ другомъ—образующихъ отверстіе въ видѣ воронки, стѣнки же составлены изъ прутьевъ или лучины такъ, что самая мелкая рыба не проскользнетъ въ имѣющіяся щели. Коши ставятся зимою подо льдомъ на неглубокихъ, тинистыхъ мѣстахъ. На прорубь, прикрытую сверху соломой, идетъ рыба, отыскивающая во льду отдушинъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и при этомъ часто залѣзаетъ въ кошъ, нижній конецъ котораго затыкается соломою.

Коробка дѣлается изъ плоскихъ лучинокъ и имѣетъ видъ цилиндра. Снизу къ ней подшивается соломенная воронка, раструбомъ внизъ и узкимъ отверстіемъ кверху. Рыба, отыскивая прорубь, идетъ въ это отверстіе кверху и попадаетъ въ коробку.

Неретъ имѣетъ ту же форму, что и кошъ, но немного больше его—$1^1/_2$—2 арш. длины. Связанъ онъ изъ толстыхъ нитокъ, мѣшкомъ, съ постепенно суживающимся дномъ—кормой. Напяливается онъ на два обруча въ своей широкой передней части и на пять прутковъ, сходящихся въ кормѣ. Въ передней части отверстіе сужено завернутой внутрь сѣткой и связанной въ видѣ воронки, такъ что въ него можно просунуть только большой кулакъ. Неретъ ставятъ весною во время спада водъ у отверстій „закотъ", язовъ-плетней, которые заплетаются по луговымъ низинамъ и рвамъ. Нѣкоторыя породы рыбъ, какъ щука во время метанія икры, и устера, уходя съ луговыхъ низинъ въ русло рѣкъ и въ озера, на пути встрѣчаютъ преграду и, ища выхода, попадаютъ въ нерета.

Жакъ—это тотъ же неретъ, которому приданы сбоку крылья изъ сѣтей, шириною въ аршинъ или нѣсколько болѣе, длиною же болѣе сажени. Ставится также на неглубокихъ мѣстахъ прудовъ и озеръ, у травы и кустовъ, и на „чистежѣ". Крылья жака, растянутыя подъ угломъ въ стороны, укрѣпляются въ вертикальномъ положеніи кольшками, вбитыми въ дно, корма же его погружается ко дну. Въ жакъ попадаютъ различныя породы рыбъ, водящіяся въ стоячихъ водахъ.

Топтуха или топтала — воронковидная сѣтка съ открытымъ широкимъ отверстіемъ, натянутымъ на обручъ, имѣющій видъ полукруга. Если эта сѣтка укрѣплена на палкѣ, то называется сачкомъ или просто сѣткою. Топталомъ ловятъ рыбу и раковъ, устанавливая его поближе къ кусту или травѣ такъ, что рыболовъ, стоя самъ въ водѣ, прижимаетъ одной ногой нижнюю плоскую сторону обруча ко дну, а другой ногой болтаетъ въ водѣ, чтобы загнать въ топтало добычу. Приподнимая его, не выходя изъ воды, рыболовъ беретъ то, что попадаетъ, и продолжаетъ вновь закладывать сѣть. Подобной же сѣткой съ рукояткой, состоящей изъ довольно длинной палки, ловятъ рыбу съ берега, причемъ обыкновенно бываетъ двое — одинъ заводитъ подъ кустъ сѣтку, а другой длиннымъ шестомъ, называемымъ „бовтоломъ", съ утолщеніемъ на концѣ, производитъ шумъ вблизи, выпугивая рыбу изъ подъ куста и травы. Въ эти снасти попадаетъ по большей части щука, иногда же окунь, линь, карась, вьюнъ и проч.

Крига — прямая изъ толстыхъ нитокъ сѣтка, часто вовсе безъ кормы, т. е. суживающагося къ заду мѣшка. Въ длину имѣетъ сажени $1^1/_2$, въ ширину 2 арш., поперекъ по концамъ укрѣплены двѣ палки. Кригой ловятъ двое, входя въ воду и подставляя ее подъ кустъ, подобно тому, какъ сказано о топтухѣ. Иногда крига насаживается на полозья, чтобы легче было подводить ее подъ кустъ.

Бредень состоитъ изъ довольно длинной кормы, въ сажень или нѣсколько болѣе длиною, съ широкимъ входомъ, при короткихъ крыльяхъ. Крылья укрѣплены на палки, аршина въ 2 длиною, верхній же и нижній свободный край натянутъ на веревочки; къ нижней веревочкѣ привязываются въ двухъ—трехъ мѣстахъ грузила, для чего служатъ обыкновенные камни въ тряпкѣ или особые, сдѣланные, какъ и для невода, глиняные цилиндры. У кормы есть свой особый грузъ, чаще всего также камень, увязанный въ тряпку такъ, что онъ тащится позади всего бредня. Взявъ въ руки палки, называемыя „дѣдами", и держа ихъ въ вертикальномъ положеніи, ловящіе бреднемъ въ неглубокомъ мѣстѣ рѣки, озера, забредаютъ въ воду такъ, что одинъ держится поближе къ берегу, другой заходитъ на возможную глубину и описывая дугу, поворачиваетъ къ тому же берегу, съ котораго отправились. При этомъ бредень долженъ быть сильно натянутъ, нижній край долженъ скользить по дну. Брести съ бреднемъ слѣдуетъ ровно и тихо, но когда поворачиваютъ къ берегу, то ускоряютъ ходъ. Пойманную добычу, рыбу и раковъ, вытряхиваютъ на берегу, при этомъ очищаютъ бредень отъ приставшей къ нему тины, земли, ракушекъ и проч.

Снарядъ той же формы, какъ и бредень, но съ удлиненными до 6 саж. и болѣе крыльями носитъ названіе „волочекъ". Скорѣе онъ напоминаетъ собою неводъ небольшихъ размѣровъ.

Уклейня — тонкая изъ льняныхъ нитокъ плавучая сѣть. Она имѣетъ до 10 саж. длины и 1 арш. ширины; во всю длину по верхнему и нижнему краю проходитъ бечевка; на верхней бечевкѣ продѣты поплавки въ разстояніи $^3/_4$ арш. другъ отъ друга; поплавками служатъ скатанныя въ трубочку полоски бересты, или пластинки коры осокори, по нижней — „грузки", сдѣланные изъ глины въ видѣ цилиндровъ. Уклейней ловятъ съ лодки. Рыболовъ забрасываетъ ее, спускаясь по теченію рѣки, лѣвою рукой, загребая правой рукой и поступаясь немного въ сторону къ берегу. Въ уклейню попадаетъ исключительно уклейка, какъ показываетъ и самое названіе ея. Очки у ней очень маленькіе, ловятъ ею преимущественно въ полую воду.

Сѣть наплавная представляетъ собою соединеніе трехъ сѣтей, сложенныхъ такъ, что средняя съ частыми въ дюймъ очками укрѣплена посреди двухъ сѣтей изъ толстыхъ нитокъ, образующихъ очки до двухъ вершковъ ширины; эти боковыя сѣти называются „рѣзью" и поддерживаютъ частую среднюю сѣть съ большими запасами по ширинѣ, такъ что рыба болѣе крупная, пройдя свободно чрезъ очки рѣзи и толкаясь впередъ, натягиваетъ на себя частую сѣть и выйдя чрезъ вторую рѣзь, остается въ сѣти, какъ въ мѣшкѣ, плотно на ней затянутомъ. Мелкая рыба только увязаетъ въ частой сѣти, не дѣлая мѣшка.

Сѣтью можно ловить какъ по рѣчкамъ, такъ и по прудамъ и озерамъ. По верхнему краю сѣти на шнурахъ укрѣплены поплавки изъ бересты, а по нижнему краю грузки или „глазки", какъ и на уклейнѣ. Сѣтью ловятъ двое рыбаковъ, при двухъ отдѣльныхъ челнокахъ; сѣти же они соединяютъ конецъ съ концомъ, такъ что получается длиная сѣть въ 30—40 саж. длины. Плывя по теченію рѣки смежно („поплечь") и соединивъ концы своихъ сѣтей, рыбаки начинаютъ выбрасывать одной рукой сѣть каждый со своей лодки, на которой онѣ уложены складками на деревянномъ желобкѣ (называется „стябло") и, удаляясь отъ средины рѣки къ противоположнымъ берегамъ, тихо слѣдуютъ у концовъ закинутой ими сѣти, образующей длинную дугу, обращенную кзаду. Проплывъ саженей 150—200, рыбаки на ходу лодокъ поднимаютъ сѣть на желобокъ („стябло"), съ котораго стекаетъ вода долой, не попадая въ лодку. Такъ какъ рыбакъ одной рукой правитъ лодкой, а другой рукой поднимаетъ сѣть, приближаясь къ срединѣ ея, то сѣть сначала укладывается рыбаками какъ-попало и попавшая въ нее рыба остается не выбранною; съ поднятою сѣтью рыбаки бокъ-о-бокъ подъѣзжаютъ къ берегу и здѣсь перебираютъ сѣть въ лодкѣ или на берегу и укладываютъ ее съ концовъ въ небольшія складки, при чемъ вынимается и рыба. Послѣ этого рыбаки отъѣзжаютъ и вновь забрасываютъ сѣть.

Ловля сѣтью въ стоячей водѣ прудовъ и озеръ производится нѣсколько иначе. Если берегъ отлогій и дно безъ колодъ и корчей,

то сѣть забрасываютъ рыбаки на небольшомъ разстояніи отъ берега, причемъ бечевками, привязанными къ поперечнымъ палкамъ у концовъ сѣтки („дѣдамъ"), вытаскиваютъ сѣть на берегъ, какъ неводъ. Если же дно не чисто, а по пруду или озеру встрѣчаются кусты и трава, такъ же какъ и у береговъ, то закидываніе сѣти на выбранныхъ болѣе чистыхъ мѣстахъ производится кольцеобразно, при чемъ рыбаки иногда обкидываютъ большія колоды, корчи и кусты, а затѣмъ тонкимъ длиннымъ шестомъ—„бовтоломъ", тыча въ нихъ съ разныхъ сторонъ и ударяя по водѣ, загоняютъ рыбу въ сѣть. Въ такомъ случаѣ попадаетъ такой сортиментъ рыбы, который держится у дна илистыхъ и засоренныхъ водъ, напр. окунь, линь и карась. Ловъ производится преимущественно почти въ тихое теплое лѣтнее время.

Устройство *невода* общеизвѣстно. Невода различаются только своими размѣрами. На неширокихъ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ употребляется неводъ поменьше, имѣющій крылья вмѣстѣ съ кормой отъ 30 до 50 саж. длины; отъ 50 до 100 саж. неводъ средній, которымъ ловятъ въ большихъ водахъ. Самый большой неводъ достигаетъ 300 саж. длины, но такіе невода здѣсь не употребляются по отсутствію крупныхъ озеръ. Небольшихъ размѣровъ неводъ, около 20 саж. длины, называется „подневодокъ". Для поплавковъ у невода служатъ, кромѣ берестовыхъ трубочекъ и кусковъ коры, также бычачьи пузыри. Невода малыхъ размѣровъ изготовляются самими рыболовами, сельскими жителями; невода большихъ размѣровъ пріобрѣтаются покупкою въ Витебской и Псковской губ., гдѣ много озеръ. Забрасываніе невода, если онъ не великъ, дѣлается съ двухъ малыхъ челновъ двумя или четырьмя рыбаками; если же неводъ большой, то забрасываютъ его съ одной лодки или обшиванки, въ которой помѣщается отъ семи и болѣе рабочихъ. Вытаскивается неводъ на отлогій берегъ за оба крыла, сначала при помощи веревокъ, привязанныхъ къ крыльямъ невода, а затѣмъ и непосредственно за крылья съ кормы. Въ неводъ попадаетъ рыба всѣхъ породъ и разныхъ размѣровъ, а также сомы и довольно рѣдко теперь встрѣчающіеся осетры и стерляди.

Особенность представляетъ зимняя ловля неводомъ, что бываетъ на большихъ озерахъ и рѣкахъ, и производится цѣлыми артелями человѣкъ въ 30, нанятыхъ рыбопромышленниками, или ловящихъ съ хозяевами и арендаторами озеръ испольно. Чтобы сдѣлать тоню, ледъ прорубается такъ, что первая большая прорубь дѣлается вдали отъ берега, на такомъ разстояніи, какого достигаетъ неводъ съ привязаннымъ къ нему канатомъ. Отъ этой большой проруби въ сажень и болѣе въ квадратѣ идутъ малыя проруби въ два ряда, расходясь постепенно въ стороны, затѣмъ онѣ снова сближаются и сходятся у одной, такой же большой, какъ и первая. Разстояніе между двумя

сосѣдними прорубями около 10 арш. Къ концамъ канатовъ привязываютъ такой же длины шесты. Неводъ, подвезенный на саняхъ къ первой проруби и сложенный на ледъ, затягивается подъ ледъ при помощи шестовъ, которые подо льдомъ направляются рабочими такъ, что передній конецъ шеста выходитъ къ сосѣдней малой проруби, если же онъ не сразу попадаетъ въ эту послѣднюю прорубь, то рабочій, стоящій у этой проруби, при помощи деревяннаго крючка или вилокъ захватываетъ его и руками подвигаетъ шестъ къ слѣдующей проруби. Такъ, переходя изъ проруби въ прорубь, шесты съ канатами, наконецъ, выходятъ къ большой проруби, назначенной для вытаскиванія невода. У этой послѣдней собирается большое число рабочихъ или ставится нѣсколько лошадей для вытаскиванія невода, который обоими крыльями медленно подтягивается, пока не будетъ вынутъ весь на ледъ. Въ зимній ловъ въ неводъ попадаетъ преимущественно лещъ.

Въ то время, когда ледъ еще тонокъ и прозраченъ, подростки ходятъ бить или „глушить" рыбу обухомъ топора или палкой съ толстымъ концомъ—„довбавѐшкой", ударяя ими въ то мѣсто льда, гдѣ подъ нимъ высмотрѣна рыба, затѣмъ разламываютъ ледъ и достаютъ заглушенную рыбу, чаще всего щуку. Но такая охота на рыбу обыкновенно бываетъ незначительна, продолжаясь короткое время при наступленіи заморозковъ. Багренье рыбы здѣсь не въ ходу кромѣ вышеописанной охоты съ острогою—„остями".

Отравленіе рыбы производится чаще плотовщиками во время гонки плотовъ по рѣкѣ и нѣкоторыми другими людьми, не занимающимися рыбной ловлей, какъ промысломъ. Настоящими рыболовами этотъ способъ добыванія рыбы не практикуется и даже преслѣдуется. Самымъ обыкновеннымъ веществомъ для усыпленія рыбы служитъ кукельванъ, называемый просто „кульванъ". Онъ задается завареннымъ въ пшенной или гречневой кашѣ, или въ толченомъ видѣ въ хлѣбномъ мякишѣ. На такую отраву идутъ слѣдующія породы рыбъ: лещъ, устера, язь, головель, или по мѣстному головень, плотва и прочая не хищная рыба текучихъ водъ. Другихъ ядовъ здѣсь не употребляютъ.

Для храненія рыбы, пойманной вдали отъ мѣстъ хорошаго сбыта, рыболовы устраиваютъ сѣтки, куда опускаютъ рыбу, которая можетъ быть доставлена живою, такъ какъ сѣтка все время находится въ водѣ будучи привязана къ лодкѣ. Въ большихъ лодкахъ, съ которыхъ ловятъ рыбу неводомъ, поближе къ кормѣ, двумя досчатыми перегородками отдѣляется часть лодки, въ которую кладутъ пойманную рыбу и напускаютъ сюда воды чрезъ отверстіе въ днѣ лодки. Доставленная къ мѣсту сбыта, напр. къ городу, рыба пересаживается въ садки, т. е. деревянные ящики, стоящіе у берега въ водѣ, въ ко-

торые свободно проходитъ вода чрезъ имѣющіяся въ нихъ щели. Садки запираются на замокъ.

Старые рыболовы, отправляясь на ловлю, придерживаются нѣкоторыхъ примѣтъ; такъ, напримѣръ, они не берутъ къ себѣ въ лодку никого, чтобы подвезти или перевезти на другой берегъ, если бы кто-либо даже усиленно просилъ объ этомъ. Рыбакъ не увѣренъ въ томъ, „счастливъ" ли проситель и можетъ ли онъ доставить ему удачу. Затѣмъ, рыболовъ, идущій на рыбу, старается избѣжать встрѣчи съ кѣмъ-либо съ пустыми руками, а наоборотъ, считаетъ за хорошій знакъ встрѣчу съ чѣмъ-либо полнымъ: ведрами воды, возомъ дровъ, охапкой сѣна и т. п.

IX.

Способъ разведенія пчелъ былъ въ этомъ лѣсномъ краю преимущественно бортевой. Въ лѣсу „земцы" (т. е. пчеловоды) выбирали толстыя деревья, по большей части сосны и ели, и въ самомъ деревѣ на значительной высотѣ выдалбливали помѣщеніе для пчелъ, въ видѣ тѣхъ, которыя имѣются въ нынѣшнихъ колодныхъ ульяхъ, съ двумя дощечками—внутренней толстой (втулкой) и наружной тонкой, но болѣе длинной. Сбоку продѣлывалось окошечко—„летокъ". Такихъ помѣщеній въ одномъ деревѣ было нѣсколько. Отъ медвѣдей на высотѣ двухъ саженей, или около этого, устраивался „подкуръ" или „корвать", съ острыми еловыми колышками, посаженными часто въ видѣ шпилекъ. Съ такимъ устройствомъ дерево также носило названіе бортей. Пчелы въ такія борти садились сами и ухода за собою почти не требовали, какъ и дикія пчелы, жившія въ дуплахъ деревьевъ. Пчеловоду оставалось только взять у пчелъ въ концѣ лѣта часть собраннаго меда, а ранней весной „помести": т. е. подчистить пчелъ. И въ настоящее время лѣсное пчеловодство напоминаетъ собою старинное по способу ухода за пчелами. Лѣтъ 60—70 тому назадъ стали дѣлать вмѣсто бортей ульи—колоды, но ставятъ ихъ попрежнему на большихъ деревьяхъ—дубахъ, соснахъ и еляхъ, по нѣсколько штукъ на одномъ деревѣ. Устанавливаются они на спицахъ, вбитыхъ въ дерево; устраивается также и „подкуръ".

Чтобы поднять съ земли колодный улей, у земцевъ есть снасть, называемая „линя". Одинъ конецъ лини завязывается за улей, а другой перекидывается черезъ „трубку катка" (колеса) установленнаго выше мѣста, предназначеннаго для установки встаскиваемаго улья. Въ этомъ случаѣ катокъ замѣняетъ воротъ. Земецъ, становясь на рѣдкія спицы колеса поварачиваетъ его на толстой палкѣ оси, а руками натягиваетъ и подбираетъ свободный конецъ веревки, отчего улей постепенно поднимается. Подтянутый до мѣста установки, улей прикрѣпляется къ дереву. Для лазанья по стволу дерева, у котораго нѣтъ подкура, употребляется еще иная снасть—„плеть". Она довольно

длинна, не менѣе 10 саж. и плетется изъ тонкихъ веревокъ на подобіе плетеныхъ возжей. Къ одному концу плети подвязывается на особой веревочкѣ небольшая доска для сидѣнья во время работъ на деревѣ. Плеть перекидывается на высотѣ дерева черезъ простой блокъ (иногда безъ колесца), особо укрѣпленный за сукъ дерева, повыше ульевъ. Чтобы на деревѣ затянуть, т. е. укрѣпить плеть, для этого земцу необходимо сначала взобраться ранѣе самому и тащить за собою плеть. Земецъ поступаетъ такъ: уложивъ подъ деревомъ довольно тяжелую плеть съ сидѣньемъ и блокомъ, онъ беретъ свободный конецъ плети и, сложивъ вдвое, одной рукой обкидываетъ стволъ дерева, а другой захватываетъ его и въ петлю продѣваетъ часть плети, образуя новую петлю, на которую становится ногой. Поднявшись отъ земли и придерживаясь одной рукой за стволъ дерева, дѣлаетъ вторую петлю, на которую переноситъ другую свободную ногу, затѣмъ третью петлю и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока доберется до первыхъ сучьевъ дерева, по которымъ онъ взбирается уже безъ помощи „плети". Плеть онъ тащитъ за собою, чтобы подвѣсить ее повыше на блокъ, какъ уже сказано. Перекинувъ плеть черезъ блокъ, онъ спускается на одномъ концѣ съ сидѣньемъ внизъ къ ульямъ, другой конецъ, удерживаемый въ рукахъ, онъ закрѣпляетъ узломъ, чтобы не оборваться долой. Взбираться на дерево, на которомъ есть „подкуръ", легче: для этого ставится суковатая еловая подставка „стремя", по которой и взбираются на подкуръ.

Въ колодахъ съ пчелами весною дѣлается подчистка, подрѣзка заплѣсневѣлыхъ сотовъ, вырѣзка негодной суши, очистка лежащихъ „на пятѣ" (низъ) мертвыхъ пчелъ, и въ концѣ лѣта, въ августѣ, „подсмотръ пчелъ", т. е. вырѣзка меда и заготовленіе ульевъ на зиму, плотная пригонка входовъ и конопатка щелей. Прежде не наблюдалось за пчелами во время роенія, рои уходили и садились на любимыхъ мѣстахъ, часто въ чужіе ульи, такъ какъ трудно было услѣдить за пчелами, которыя находились на деревьяхъ, удаленныхъ другъ отъ друга часто на значительное разстояніе. Пустыя колоды на деревьяхъ подготовляются весною также очисткой и „занавживаніемъ", т. е. подстановкой вверху улья, „въ головѣ", кусковъ „суши", а иногда для приданія улью пріятнаго, привлекающаго рой, запаха, пустой улей вспрыскивается особымъ медовымъ отваромъ, называемымъ „напорскомъ". На языкѣ пчеловодовъ-земцевъ это дѣйствіе носитъ названіе „подкукать", т. е. привести въ надлежащій видъ улей. Въ такіе ульи охотнѣе садятся рои.

Съ уничтоженіемъ большихъ деревьевъ, кое-гдѣ называемыхъ „стойлами", и съ постепеннымъ паденіемъ пчеловодства, пчеловоды-земцы стали свозить ульи въ одно мѣсто, поближе къ своему жилищу, чтобы надзоръ за пчелами былъ болѣе доступнымъ и чтобы не уходили рои. Такимъ образомъ появились пасѣки.

Если вблизи селенія находится лѣсъ или хотя бы заросли, то мѣсто для пасѣки избирается въ лѣсной опушкѣ или среди зарослей, и небольшое пространство въ 1/4 или даже 1/8 часть десятины нѣсколько расчищается, съ оставленіемъ посреди его нѣкотораго числа небольшихъ деревьевъ—березъ, дубовъ, рябинъ, липъ и проч., и огораживается жердьевой изгородью—„прясломъ“. Ульи устанавливаются подъ оставленными деревьями въ стоячемъ или лежачемъ положеніи („стояки и лежаки“); ставится маленькая изба, или просто курень или будка, для храненія пчеловодныхъ принадлежностей, и пасѣка готова. За невозможностью подыскать подходящее мѣсто для пасѣки, ульи стали помѣщать въ садикахъ и огородахъ возлѣ двора или гумна, и уходъ за пчелами еще болѣе облегчился, требуя присутствія и надзора за пчелами главнымъ образомъ только въ роевую пору, которая здѣсь продолжается съ половины мая по августъ.

Колода-улей имѣетъ около 2 арш. длины и произвольную толщину; толстые объемистые ульи считаются лучшими. Улей устраивается при помощи пилы, топора и большого долота на палкѣ, называемаго „пѣшней“. Это необходимое орудіе для долбленія улья. Съ одной стороны отрѣзанной для улья колоды продѣлывается четыреугольное продолговатое отверстіе, вершка въ два ширины и около 14 верш. длины. Чрезъ это отверстіе, служащее дверкой въ ульѣ, выдалбливается внутренность улья цилиндрической формы съ косо спускающимся во внутрь основаніемъ—„пятбю“ и верхомъ—„головою“ улья. Это улей „косякъ“. Но многіе верхъ улья продалбливаютъ насквозь, заложивъ его круглой дощечкой; получается улей „сквознякъ“. Сбоку улья продѣлывается летокъ, небольшое треугольное отверстіе, проходящее въ голову улья, и прикрытое дощечкой, такъ что остается только небольшая щель для вылета пчелъ. Дверь улья прикрывается одной толстой втулкой, и другой потоньше, но шире и длиннѣе первой; для удержанія ихъ вбиваются деревянные колышки. Въ голову улья вставляются двѣ палочки—„снозы“, для укрѣпленія гнѣзда пчелъ; вмѣсто палочекъ иные вставляютъ „грѣнку“—дощечку, втыкаемую въ потолокъ улья, поперекъ которой воткнуты три тонкихъ палочки. Какъ уже сказано, на пасѣкѣ ульи ставятся стояками или въ наклонномъ положеніи—лежаками.

Обыкновенно за пчелами ухаживаетъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ семьи и свою нажитую долгими годами опытность сохраняетъ въ тайнѣ. Нерѣдко про старыхъ земцевъ пчеловодовъ, наживших значительныя пасѣки, колодъ въ 50—100, ходятъ въ народѣ различные суевѣрные разсказы, выставляющіе ихъ знахарями, обладающими особыми знаніями по отношенію къ пчеловодству. Напримѣръ, говорятъ, что иному такому земцу достаточно захотѣть напустить своихъ пчелъ на пасѣку сосѣда, и въ короткое время пчелы послѣдняго будутъ уничтожены; по желанію, нѣсколькими таинственными словами, можетъ онъ переселить пчелъ изъ чужой пасѣки въ свою и т. под.

Такъ какъ страшная болѣзнь пчелъ, гнилецъ, существующая съ давнихъ поръ, въ послѣднія десятилѣтія особенно усилилась и произвела въ обширныхъ раіонахъ почти полное опустошеніе пасѣкъ, и пчеловоды естественно искали и ищутъ средствъ борьбы съ этимъ бичемъ пчелъ, радикальныхъ же средствъ противъ гнильца и понынѣ они не знаютъ, то болѣе счастливые пчеловоды, у которыхъ сохранились еще кое-какія пасѣки, пользуются извѣстностью знахарей и до настоящаго времени. Имъ извѣстны какія-то травы и въ томъ числѣ мелисса, или маточная трава, употребляемая противъ гнильца въ видѣ окуриванія пчелъ, или въ отварахъ и въ прибавленіяхъ къ „напорску“, возстановляющихъ благополучіе гнильцовыхъ пчелъ. Пчеловоды входятъ въ большую дружбу съ такимъ знахаремъ-пчеловодомъ, чтобы узнать отъ него эти травы. Многіе пчелиную матку считаютъ виновницей возникающаго гнильца и совѣтуютъ для прекращенія его найти въ ульѣ мертвую матку, засушить ее, и растертую въ порошокъ дать пчеламъ вмѣстѣ съ кормомъ. То же дѣлаютъ съ черною змѣей, пойманной въ праздникъ Благовѣщенія. Иные для усмиренія пчелъ опрыскиваютъ ихъ освященной на Пасху солью. Покровителемъ пчелъ считаютъ св. Зосиму и вѣрятъ въ существованіе какого то особаго пчелинаго бога.

Принадлежности пасѣчниковъ немногочисленны и просты по своему устройству: роевня, для собиранія сметавшагося роя, представляетъ обыкновенную лубку, у которой дно вмѣсто луба подшито рѣдкимъ холстомъ или ситкомъ изъ-подъ рѣшета; самодѣльное ситце для одѣванія на голову, чтобы предохранить себя отъ пчелъ—также лубочка, только меньшихъ размѣровъ, дно которой подшито „рѣдиной“ или проволочной сѣткой; одѣвается она на переднюю часть лица; обыкновенная ложка или сдѣланная изъ бересты—для сгребанія роя; деревянная клѣтка—маточникъ; ведро, вѣничекъ или перо для опрыскиванія пчелъ передъ началомъ работъ въ ульѣ съ пчелами или сидящаго роя; ножъ, въ видѣ удлиненной лопатки, и кадушка или липовка для храненія меда.

X.

Разведеніе скота въ этомъ раіонѣ не составляетъ отдѣльной отрасли хозяйства: этому препятствуетъ какъ недостатокъ луговъ и скудость пастбищъ, такъ и общая бѣдность населенія. Скотъ держатъ въ такомъ количествѣ, чтобы только удовлетворить свои хозяйственныя потребности, предъявляемыя къ скоту, который почти повсемѣстно простой мѣстной породы, плохо развитъ, мало продуктивенъ, и отличается двумя положительными качествами—выносливостью и нетребовательностью.

Лошадь рѣдко достигаетъ 2 арш. высоты и сложеніе ея недостаточно красивое: формы тѣла угловатыя, шея длинная съ повисшей большой головой, ноги короткія, тѣло покрыто жидкою шерстью. Обыкновенная крестьянская лошадь довольно слабосильна—тяжесть въ 20—25 пудовъ составляетъ для нея полную кладь; можетъ ходить только подъ сохою и легкимъ плугомъ. Большую часть года лошадь довольствуется подножнымъ кормомъ, часто на довольно скудныхъ весеннихъ и лѣтнихъ пастбищахъ; зимою дается ей сѣно луговое или болотное, овесъ же она получаетъ только при усиленной работѣ, во время возки лѣса на пристани или во время извоза, когда отъ тяжелой работы она сильно тощаетъ. Хозяинъ со среднимъ достаткомъ держитъ 2—3 лошадей, состоятельные до пяти, а бѣдняки, какихъ немало, чаще одну только лошадь. Безлошадныхъ хозяевъ здѣсь нѣтъ. Кобылицъ впрягаютъ въ возъ, работаютъ и на жеребыхъ, отчего жеребята отъ нихъ худы, слабы и плохо развиваются. Такъ какъ на ожеребившейся кобылѣ тоже скоро начинаютъ опять работать, то истощаемая работой, при плохомъ подножномъ кормѣ, мать не можетъ достаточно кормить жеребенка и онъ уже на второмъ—третьемъ мѣсяцѣ пріучается щипать траву, таскаясь вслѣдъ за матерью во время пахоты или жнива и сѣнокосной работы. Осенью, и не позже 6 декабря, его уже отнимаютъ отъ матери, ставя отдѣльно въ хлѣву. Если же и на второмъ году жеребенокъ не оставитъ привычки сосать мать, то ему надѣваютъ намордникъ съ желѣзными шипами, отчего кормилица кобыла сама отбиваетъ своего жеребенка. Большую часть лѣта жеребенокъ не можетъ вылинять, оставаясь въ старой лохматой шерсти. Жеребята все время до полнаго развитія, которое наступаетъ у нихъ только на 4 или 5 году, ходятъ въ одномъ табунѣ съ лошадьми, и на ночлегахъ ихъ привязываютъ „на приколъ" ближе къ теплу (огню), на которомъ они остаются до разсвѣта; кобыла въ такомъ случаѣ не уходитъ далеко. Это необходимо, чтобы уберечь жеребенка отъ волковъ. Жеребчики, еще не вполнѣ развившіеся, уже покрываютъ кобылъ на третьемъ или четвертомъ году. Осенью такого возраста жеребчиковъ „легчаютъ", кастрируютъ. Эту операцію всегда дѣлаютъ пришлые коновалы—великоруссы, главнымъ образомъ калужане. Съ своими нехитрыми принадлежностями черезъ плечо на ремнѣ и въ кожаной сумкѣ, а именно: ножикомъ, деревянными небольшими тисками и порошкомъ сулемы, коновалъ обходитъ деревню, справляясь, нѣтъ ли у кого жеребца, котораго нужно легчать. Найдя такого, онъ увѣряетъ хозяина, что его рука легкая; если онъ еще здѣсь незнакомъ, то готовъ положить 25 руб. залогу за благополучный исходъ операціи. Жеребца валятъ на землю, и коновалъ своимъ острымъ ножичкомъ, зажавъ мошонку повыше шулятъ въ „щемлетки" (тиски), быстро вспарываетъ и выбрасываетъ шулята, которыя велитъ зарыть въ землю въ хлѣву, гдѣ не ходятъ люди, а рану при-

сыпаетъ сулемой, послѣ чего жеребца освобождаютъ. Коновалъ получаетъ рубль за свой трудъ, угощеніе водкой и яичницей, и кусокъ холста—вытереть руки послѣ работы.

Молодыхъ лошадей не выѣзжаютъ, а впрягаютъ сначала въ борону, а затѣмъ въ телѣгу, послѣ чего скоро начинаютъ исполнять на нихъ и всякую другую работу.

Корова въ крестьянскомъ быту пользуется еще меньшимъ уходомъ, чѣмъ лошадь, отчего она такая невзрачная по виду и росту, что породу здѣшней коровы именуютъ въ насмѣшку „тасканской". Зимою она стоитъ на яровой соломѣ и только у нѣкоторыхъ хозяевъ ей дается „струшенка", т. е. къ соломѣ ржаной или ячной примѣшивается часть сѣна или по временамъ выдается опаренная мякина, или опара. Пойло изъ распареннаго картофеля даютъ коровѣ на первой недѣлѣ послѣ отелу. На весну коровы сильно тощаютъ, такъ что слабѣйшія изъ нихъ падаютъ на ноги и должны оставаться нѣкоторое время дома, когда пастухъ начинаетъ выгонять уже въ поле. Если же ихъ все-таки выгонятъ въ поле, онѣ отстаютъ отъ пастуха, падаютъ на землю и лежатъ, чѣмъ причиняютъ немало хлопотъ пастуху. Выгонять въ поле начинаютъ какъ только стаетъ снѣгъ (около 25 марта), когда въ полѣ еще нѣтъ новой травы. Отсюда коровы, по мѣстному замѣчанію, еще болѣе ослабѣваютъ. Только къ 23 апрѣля, т. е. къ Юрьеву дню, зелень появляется въ лѣсу и въ полѣ, къ этому же времени освобождаются изъ-подъ воды поемные луга, и скотъ съ этого времени получаетъ возможность „собраться" въ полѣ, лѣсу или на лугу, т. е. поѣсть досыта. Съ этого времени коровы начинаютъ понемногу поправляться, у дойныхъ коровъ прибываетъ молоко, и достигаетъ полнаго удоя къ половинѣ мая. Во многихъ мѣстахъ при недостачѣ лѣсныхъ пространствъ и запрещеніи пастьбы скота на лугахъ, съ 9 мая для скота опять наступаетъ тяжелое время, тѣмъ болѣе, что и „паренина", т. е. паровое поле, служившее мѣстомъ главнаго выпаса скота, въ началѣ іюня поднимается подъ озимый хлѣбъ. Эта „измора скота" продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ жниво и сѣнокосъ, освобождающіе значительныя пространства подъ выпасъ скота, такъ что вторая половина лѣта и осень представляютъ здѣсь лучшее время года въ отношеніи пастбищъ.

Отъ плохого скота получается и мелкій приплодъ. Телята двухъ недѣль бываютъ ростомъ не болѣе средней собаки и вѣсятъ фунтовъ тридцать, рѣдко болѣе. Первое время теленокъ, оставленный на плодъ, сосетъ свою мать недѣль до шести, послѣ чего теленка начинаютъ поить пойломъ изъ овсяной муки съ частью молока, а черезъ мѣсяцъ и безъ молока. На третьемъ мѣсяцѣ теленку даютъ уже траву или выпускаютъ на пашу. На второмъ году телята идутъ въ стадо и особымъ уходомъ уже не пользуются. На третьемъ или четвертомъ году бычки въ стадѣ накрываютъ уже коровъ и телятъ трехъ-четы-

рехъ-лѣтняго возраста. За рѣдкими исключеніями бычковъ не кастрируютъ по причинѣ ихъ малаго роста и неразвитости. Поэтому волы встрѣчаются какъ исключеніе.

Овецъ разводятъ здѣсь мѣстной породы и въ ограниченномъ количествѣ, главнымъ образомъ для полученія шерсти на домашнее сукно, на нитки для плетенья поясовъ и нѣкоторыя простѣйшія ткани въ краскахъ на женскія одежды, также для валянья войлоковъ на хомуты (лямцевъ) и изрѣдка валенокъ и шапокъ. Хозяйства, имѣющія болѣе десятка овецъ, рѣдки; встрѣчаются дворы, не держащіе вовсе овецъ. Зимой овцы „стоятъ на сѣнѣ", т. е. пользуются кормомъ только изъ сѣна, такъ какъ ни соломы, ни другого какого корма ѣсть не станутъ. Новорожденныхъ овецъ въ холодное зимнее время берутъ въ теплое помѣщеніе, въ избу, гдѣ живутъ и сами хозяева. Стригутъ овецъ два раза въ годъ: весною и лѣтомъ. Барановъ и старыхъ овецъ хозяева осенью рѣжутъ на мясо и овчины.

Пастухи на крупный и мелкій скотъ (послѣдній—овцы и свиньи) въ деревнѣ договариваются наичаще на масленой недѣлѣ въ четвергъ. Договоръ этотъ словесный, установленный обычаемъ, съ малыми различіями для разныхъ мѣстностей. Плата пастуху отдается по осени, съ окончаніемъ пастьбы, и состоитъ почти вездѣ изъ зерноваго озимаго и яровою хлѣба, даваемаго отъ штуки скота той или другой мѣстною мѣрой, напр десятовкой, вмѣсто четверика, и гарнцемъ. Кромѣ того въ теченіе весны и лѣта пастуху даютъ такъ называемую „лусту", состоящую изъ булки хлѣба, куска сала, пары яицъ, блиновъ въ извѣстные дни. Вообще же пастуху даютъ „выгонное", на Юрья (23 апрѣля), на Духовъ день, въ день Петра; въ послѣдній день даютъ сыръ и масло. Нанимаются въ пастухи не только безземельные бобыли, но и хозяева, у которыхъ достаточно въ семьѣ подростковъ; при нѣсколькихъ пастухахъ, скотъ крупный и мелкій пасутъ поочередно: одинъ день одна смѣна пасетъ крупный скотъ, а другой день—мелкій. Каждый пастухъ имѣетъ свой дворъ, нерѣдко и достаточное крестьянское хозяйство. Вызываетъ коровъ посредствомъ своей пастушьей трубы, которая дѣлается чаще изъ дерева и обматывается берестой или бечевкой; но въ пригородныхъ мѣстностяхъ попадаются и жестяныя трубы и рожки. У каждаго пастуха имѣется длинная пастушья „пýга" (кнутъ). Отгонъ скота, и только коровъ, дѣлается въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно, когда вдали имѣется хорошая паша, напримѣръ, на заливныхъ лугахъ по спадѣ водъ весною и лѣтомъ, по уборкѣ сѣна, и въ случаяхъ эпидемій, требующихъ разобщенія больныхъ отъ здоровыхъ головъ. Въ такомъ случаѣ гдѣ нибудь въ лѣсу устраивается временная „загорода" для ночлега скота и курень для пастуховъ.

Чтобы приманить или отогнать извѣстное животное, употребляются слѣдующія междометія:

Лошадей манятъ: кось-кось-кось-кось! Васька! Мишка! Бурчикъ! Жеребятъ: тпрулюська-тпрулюська! Косюлька! Останавливаютъ: тпру! шш! Погоняютъ: но! пошовъ!

Коровъ манятъ: тпруська, тпруська! Тялухъ, тялухъ! Буронька! Красута! Лысонька! Отгоняютъ: пошла въ поле! Ксыль у поле!

Овецъ манятъ: вулька, вулька! Вуль-вуль-вуль! Бэрка-бэрка! Быръ-быръ-быръ! Отгоняютъ: а шкиръ у поле! Шкира-шкира!

Козъ манятъ: кзы-кзы-кзы! Отгоняютъ: а кизь! а кизь!

Свиней манятъ: тё-тё-тё! Чушка, Чушка! Чухъ-чухъ-чухъ! Рабка! Поросятъ манятъ чмоканьемъ, подражающимъ ихъ ѣдѣ. Отгоняютъ: а юсъ, а юсь! А выцъ! Южнѣе: алѧ́!

Волковъ отгонятъ: а га ту! ту! ту!

Собакъ манятъ: на-на-на: нá хлѣба, нá! Отгоняютъ: пошовъ вонъ!

Кошекъ манятъ: кцы-кцы-кцы! кицъ-кицъ! Отгоняютъ: а псикъ! Брысь!

Гусей манятъ: те-те-те! Отгоняютъ: гы́ля! гы́ля!

Утокъ манятъ: вуть-вуть-вуть! Отгоняютъ: а-вуть!

Куръ манятъ: типъ-типъ-типъ! Цыпъ-цыпъ! Сѣдочка-сѣдочка! Цыплятъ: пыль-пыль-пыль! Отгоняютъ: кышъ!

Индюковъ манятъ: куръ-куръ-куръ! Отгоняютъ: а кышъ! А шишъ!

Голубей манятъ: вуль-вуль-вуль! Отгоняютъ: шишъ! шуги!

Журавлей манятъ: журка-журка-журка! Журъ-журъ-журъ!

XI.

Сѣно косятъ въ данной мѣстности на заливныхъ лугахъ, болотныхъ мѣстахъ и на такъ называемыхъ „логахъ", т. е. низинахъ, рвахъ, лежащихъ въ полевыхъ мѣстахъ. Сѣнокошеніе на этихъ видахъ сѣножатей не имѣетъ существенныхъ отличій. Болотами съ рѣдкою травою часто пользуются, по желанію, только нѣкоторые члены общества, на заливныхъ же лугахъ и логахъ каждый хозяинъ имѣетъ опредѣленныя, разъ выдѣленныя ему, полосы, или „дачи". При помощи небольшихъ ямокъ и вбитыхъ колышковъ по концамъ „дачъ" каждый хозяинъ находитъ свою дачу всякій разъ, какъ ему приходится ее косить, причемъ не мало облегчаетъ пріисканіе и то обстоятельство, что косить принимаются въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ или цѣлымъ селеніемъ, или по крайней мѣрѣ ближайшіе сосѣди группами. По длинѣ дачъ ставятъ три точки или вѣхи и по нимъ, идя съ одной точки на другую, „отбредаютъ" межи двухъ рядомъ лежащихъ дачъ. Косы, употребляемыя здѣсь, привозятся изъ Псковской губерніи, а также изъ Ново-Вилейска, Виленской губ. По формѣ онѣ скорѣе литовки, но не горбуши. Укрѣпляется коса пяткою къ концу „косовья" желѣзнымъ кольцомъ, надѣваемымъ такъ, что оно прижимаетъ пятку косы къ палкѣ, причемъ сверху вбивается еще клинокъ. Почти по срединѣ косовья имѣется небольшая, круто за-

гнутая и связанная веревочкой, дужка, называемая „лучкомъ“; къ лучку привязывается лопаточка; за лучекъ держитъ косецъ косу правой рукой, тогда какъ лѣвая рука поддерживаетъ конецъ косовища.

Для отбиванія косы необходимы молотокъ со стальнымъ носкомъ и маленькая наковальня, называемая „бабкой“. Положивъ косу плашмя на бабку, косецъ ударами молотка по лезвію „оттачиваетъ жало“ косы, подвигая ее отъ пятки къ носку. Во время работы, коса натачивается обыкновеннымъ точильникомъ брускомъ. Кромѣ того, во время прохожденія покоса, послѣ нѣсколькихъ взмаховъ косою, она направляется или „трепыщется“ тонкой деревянной лопаточкой, натертой пескомъ и называемой „трепышкой“.

При помощи грабель и вилъ покосы ворошатся („ворочаются“) и подсушиваются, а затѣмъ сгребаются въ копы. Изъ копъ сѣно перевозится на возахъ домой или идетъ въ стога. Стога по величинѣ бываютъ весьма различные: отъ 2—3 возовъ до 20. Копы стягиваются при помощи веревки, затянутой подъ основаніе, и устанавливаются вокругъ мѣста предполагаемаго стога.

На ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, выбранномъ для постановки стога, вертикально ставится длинная прочная жердь „стожаръ“; вокругъ стожара вбиваются небольшіе колышки-„паликй“, такъ что діаметръ окружности, образуемой паликами, бываетъ равенъ величинѣ стога. Обыкновенно онъ бываетъ около сажени. Между стожаромъ и паликами земля устилается хворостомъ или соломой и затѣмъ начинается укладка сѣна и утаптываніе его ногами, для чего долженъ быть отдѣльный человѣкъ, принимающій и укладывающій подаваемое изъ копенъ сѣно. Стоящій на стогу наблюдаетъ, чтобы сѣно укладывалось ровно и плотно, какъ на серединѣ, такъ и по краямъ стога, и притомъ такъ, чтобы отъ основанія ширина стога все увеличивалась, а съ половины предполагаемой высоты она начинаетъ замѣтно уменьшаться, пока не закончится вершиной у стожара, на которой едва только можно стоять. Наконецъ, кладется на крестъ двѣ пары связанныхъ хворостинъ и этимъ стогъ заканчиваютъ.

Если стогъ нужно сметать на низкомъ лугу—„ольсѣ“, то, чтобы стогъ не былъ залитъ водою, прибывающею отъ сильныхъ дождей, его ставятъ на плетняхъ или столбикахъ, аршина въ два и болѣе отъ земли; такъ же поступаютъ и тогда, когда ставится стожокъ на мокромъ болотѣ. Отъ потравъ стога загораживаются плетнемъ или „прясломъ“ въ двѣ или три жердины.

Къ описанному слѣдуетъ прибавить, что измѣреній луга, кромѣ принятаго землемѣрнаго, сами крестьяне не дѣлаютъ, такъ какъ передѣлы луга, какъ и вообще земли, дѣлаются здѣсь очень рѣдко. Одними и тѣми же „дачами“ пользуются десятки лѣтъ.

Травосѣяніе практикуется въ данной мѣстности только отдѣльными хозяевами и не повсемѣстно. Изъ травъ, высѣваемыхъ хозяевами, наиболѣе извѣстны: клеверъ и вика, съ тимофеевой травой. Клеверъ высѣвается по озимому полю ранней весной, и поле на второй и третій годъ оставляется подъ клеверомъ, который даетъ во второе лѣто два укоса, на третье—одинъ.

Вика съ тимофеевкой или овсомъ вмѣсто тимофеевки высѣвается, какъ и всякое яровое, въ апрѣлѣ или началѣ мая. Даетъ одинъ укосъ въ то же лѣто.

Способъ уборки этихъ травъ тотъ же, что и для сѣна, только для ускоренія просушки, въ особенности при частыхъ дождливыхъ дняхъ, ставятся „стривья“ или еловые суковатые козлы, на которые накладывается клеверъ или вика. Часть скошеннаго клевера и вики обмолачивается на гумнѣ въ неподсушенномъ видѣ „на евнѣ“ и оставляется на сѣмена.

Тимофеевка, имѣющая соломистый стебель, сжинается серпами и перевязанная въ снопики, также обмолачивается на сѣмена. На кормъ же и тимофеевку косятъ вмѣстѣ съ другими травами.

XII.

Для ручной обработки земли въ каждомъ хозяйствѣ имѣются слѣдующія орудія: заступъ или лопата, мотыка или копаница, вилы для накладыванія навоза и разбивки его на полѣ и грабли—тѣ же, которыми сгребаютъ сѣно.

Хотя заступъ и лопата въ общемъ сходны, но здѣсь дѣлаютъ такое различіе: у заступа деревянная часть оканчивается плоской лопатой, на которую насаженъ широкій подковообразный наконечникъ; у лопаты только ручка деревянная, лопатка же у ней стальная или желѣзная съ трубкой, иначе называемая „желѣзнякъ“.

Съ помощью заступа взрывается земля подъ разсадники, на которыхъ высѣвается капуста и брюква; земля подъ гряды или капусту обрабатывается, какъ и весь огородъ, сохою или плугомъ, и только борозды грядъ и размельченіе земли на грядахъ дѣлается заступомъ. Окучиваніе капусты, равно какъ и полотье грядъ съ рядовымъ посѣвомъ огурцовъ, свеклы, а также картофеля, производится по мѣстамъ при помощи мотыки или по мѣстному „копанйцы“. Тою же „копаницею“, только болѣе тяжелой и острой, взрывается („копаничится“) лядо, т. е. вновь разработанныя изъ подъ лѣса пахотныя мѣста, гдѣ плугомъ или сохою пахать еще нельзя. Вмѣсто бороны тогда употребляется „смыкъ“ изъ еловыхъ сучьевъ.

Вырываютъ овощи на грядахъ заступомъ, а картофель сохою. Мѣстомъ храненія овощей служитъ особая постройка, которая носитъ разное названіе: истопка, варивня, мшаникъ. Погреба въ деревнѣ устраиваются рѣдко; въ ямы зарываютъ хлѣбъ тоже уже немногіе. Въ послѣднее время въ большихъ хозяйствахъ, какъ и у помѣщиковъ, картофель хранятъ также въ копцахъ. Устраиваются копцы

такъ: здѣсь же на полѣ, гдѣ роютъ картофель, выбирается ровное мѣсто, на немъ вколачиваются треугольникомъ довольно длинные три кола такъ, что между ними остается небольшая пустота. Вокругъ этихъ кольевъ обматывается толстый соломенный жгутъ до высоты кольевъ, а затѣмъ сюда сносится картофель и ссыпается въ кучу, вершина которой оканчивается у вершины этихъ трехъ кольевъ, служащихъ вытяжной трубой. На кучу картофеля кладется толстымъ слоемъ солома, а сверхъ соломы насыпается земля ровнымъ слоемъ, въ $1/2$ арш. толщины. Земля берется тутъ же возлѣ кучи, такъ что образуется вокругъ кучи канава. Сложенный такимъ образомъ картофель остается до весны.

Разведеніемъ табака, мака, горчицы, кукурузы и подсолнуховъ, какъ спеціальными культурами, здѣсь не занимаются.

Главными земледѣльческими орудіями здѣсь служатъ соха и борона. Соха въ послѣдніе годы стала постепенно замѣняться одноконнымъ плугомъ самаго малаго размѣра. При помощи этихъ орудій земля воздѣлывается подъ всѣ полевыя и огородныя культуры, какова бы она ни была по качеству почвы. Только на вновь-раздѣланныхъ лядахъ, гдѣ за множествомъ пней и корней сохою пахать нельзя, и борона пройти не можетъ, какъ уже выше упомянуто, употребляется ручная обработка мотыкой („копаницей“), а вмѣсто бороны пускается „смыкъ“, связанный изъ нѣсколькихъ еловыхъ пластинъ съ частыми длинными сучками взамѣнъ зубьевъ.

Впрягаютъ въ соху или борону одну лошадь.

Всѣ деревянныя части сохи и бороны, ровно какъ и сборка ихъ, дѣлается самими хозяевами. Лемеши и полка, называемая также „полицей“, изготовляются мѣстными кузнецами. Плуги пріобрѣтаются покупкой въ городѣ, у торговцевъ, или въ мастерскихъ, гдѣ выковываются плуги. Дышла у нихъ желѣзныя или деревянныя. Бороны желѣзныя, или только съ желѣзными зубьями, встрѣчаются еще рѣдко, и только у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣются бороны, состоящія изъ деревянной рамы съ желѣзными зубьями.

Соха здѣшняя—предметъ довольно сложный. Главная часть ея *плаха*. Это—плоская изогнутая доска въ $1\frac{3}{4}$ арш. длины и 5 верш. ширины, оканчивающаяся двумя „рогами“; на острія одѣваются лемеши. Къ верхней части этой плахи подвязаны двѣ поперечныя палки, изъ которыхъ наружная толще и выдается въ стороны, служа ручками для держанія сохи во время работы. Въ нее же вколачиваются задніе концы двухъ оглоблей, называемыхъ „обжами“. На серединѣ обжи скрѣплены съ плашкой двумя идущими крестообразно „тяжками“, нижніе концы которыхъ зацѣплены за „землянку“ поперечную палочку подъ плахой. Обжи имѣютъ деревянную распорку посрединѣ же. На рогачи набиваются лемеши своими трубками, которыя называются „ушами“. Къ лѣвому лемешу приставляется въ наклонномъ

положеніи съ нѣкоторой косиной вправо „полица“, служащая отваломъ. Въ нее вбита деревянная палочка, посредствомъ которой полица укрѣплена веревочкой къ крестообразно-идущимъ веревкамъ—„перемету“. Въ правый лемешъ сбоку вколоченъ клинъ, торчащій вкось на $1/2$ арш.; онъ называется „приполкомъ“. Для впряганія сохи, къ переднимъ концамъ обжи продѣваются петлей „тяжки“, подвязываемыя за гужи на разстояніи аршина или немного болѣе. Кромѣ того необходимы возжи, чтобы управлять лошадью во время работы.

Основу бороны составляетъ дугообразно согнутая дубовая, довольно толстая палка, называемая „самойлукъ“. Она даетъ форму боронѣ. По ширинѣ и длинѣ этой рамы уложены тонкіе деревянные прутки, по три поперекъ бороны и по два вдоль ея, такъ что они образуютъ клѣтки съ дырой посрединѣ; сюда насаживаются деревянные дубовые зубья; скрѣпляются эти зубья парными кольцами „баранками“.

XIII.

Начало пахоты нигдѣ не пріурочено къ какому либо опредѣленному времени: оно зависитъ отъ времени наступленія весны и начинается какъ только немного затвердѣетъ земля, чтобы не было топко при работѣ. Первый взметъ приходится дѣлать подъ яровые хлѣба и картофель вообще до Пасхи. Затѣмъ, нѣсколько подсохшее поле—„оралью“—боронятъ, и черезъ недѣлю или двѣ идетъ второй взметъ, что на мѣстномъ языкѣ носитъ названіе „мѣшать“. Послѣ этого сѣютъ яровое и забороновываютъ, по мѣстному „запахиваютъ“.

По роду яровыхъ хлѣбовъ посѣвъ идетъ въ такомъ порядкѣ: пшеница яровая, гдѣ ее разводятъ, или ячмень раннiй на осенней нахотѣ, какъ только земля освободится изъ подъ снѣга. Послѣ слѣдуетъ ячмень средняго посѣва и овесъ, что совпадаетъ съ половиной апрѣля; далѣе—просо и поздній ячмень и, наконецъ, гречиха, сѣвъ которой бываетъ въ концѣ мая и началѣ іюня до 12 числа, а иногда даже позже.

Картофель высѣваютъ во второй половинѣ апрѣля и до 9 мая. Въ это же время обрабатываютъ огороды и дѣлаютъ гряды подъ овощи. Ленъ высѣвается въ это же время, конопля гораздо позже. Подъ яровые хлѣба, какъ-то: ячмень, пшеницу, просо, вывозятъ навозъ, который, смотря по характеру почвы, запахивается въ землю или разстилается наверху въ „пристилку“, что дѣлается на тяжелыхъ суглинистыхъ почвахъ и на песчаныхъ. Подъ рожь, нашъ главный хлѣбъ, паровое поле—„паренина“ первый разъ поднимается въ іюнѣ и боронуется черезъ недѣлю-двѣ послѣ взмета; второй разъ уже подъ посѣвъ пашется—„мѣшается“ въ первой половинѣ августа; главная же „сѣвба“ происходитъ послѣ 15 августа или по народному, „между Пречистыми“, т. е. праздниками Успенія и Рождества Пресвятой Богородицы.

Сѣнокосъ и жниво здѣсь нерѣдко совпадаютъ даже по началу. Обыкновенно они открываются не ранѣе 1 іюля. Всѣ хлѣбныя растенія жнутъ серпомъ, косятъ же только гречиху. Снопы укладываются на полѣ двояко: болѣе сырые снопы складываются въ „обабки“, а сухіе въ „копы“, при чемъ въ обабки кладутся чаще снопы яровыхъ хлѣбовъ, а въ копы рожь. Обабки образуются снопами, сложенными тѣсно другъ къ другу „комлемъ“ или „огузкомъ“ внизъ, колосьями вверхъ, на нихъ накладывается одинъ большой снопъ „шапкой“, покрывающей верхъ обабка. Въ обабки кладется 15 сноповъ ржаныхъ или 20 яровыхъ. Это облегчаетъ счетъ копами, которыя равняются 60 снопамъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ вмѣсто копъ считаютъ сотнями и обабки складываютъ въ 20 сноповъ. Сложенная копа заключаетъ въ себѣ отъ 180 до 300 сноповъ.

Въ гумнахъ, или овинахъ, снопы укладывается „на сторонкахъ“, т. е. по сторонамъ отъ тока до стѣны, рядами, такъ, что огузки (комли) ровной стѣной выступаютъ наружу, къ току, и рядъ за рядомъ кладется такъ, чтобы каждый новый рядъ покрывалъ ниже лежащій почти до вязей. Молотится хлѣбъ послѣ просушки въ евняхъ—„осетяхъ“. Просушиваются всякаго рода хлѣба въ снопахъ, также гречиха, головки конопли, клеверъ и проч., и вымолачиваются на току. Въ осети, или евнѣ, настилается раздвижной „полокъ“ изъ цѣпковъ, т. е. жердей. На ровно-раздвинутые цѣпки ставятся снопы плотно другъ къ другу, а затѣмъ подсушенные топкой печи, снопы сбрасываются чрезъ окно, укладываются на току двумя рядами, вершинами вмѣстѣ, и обмолачиваются цѣпами двумя или четырьмя молотбитами. Это называется „посадомъ“. Вымолоченное зерно сгребается на току въ кучу большой лопатой, а провѣвается малой лопатой. Помощью метлы и грабель чистое зерно отдѣляется отъ мякины и оставшихся колосьевъ—„отиры, или „вотринъ“.

Выѣзжая на поле сѣять рожь въ первый разъ, пахарь везетъ съ собою въ кошелѣ или торбѣ освященную на Спаса или въ день Успенія рожь вмѣстѣ съ просфорой, а иногда и свѣчей, освященныхъ на Благовѣщеніе. Освященную рожь онъ всыпаетъ въ мѣшокъ съ сѣменной рожью и, снявъ шапку и перекрестившись со словами: „Боже, поможи“, или: „роди, Боже, даръ святой“, начинаетъ сѣять. Въ день, въ который хозяинъ выѣхалъ засѣвать хлѣбъ, изъ дома не должны ничего давать въ долгъ, и вообще давать изъ дому. Въ понедѣльникъ, считающійся вообще несчастливымъ днемъ, не начинаютъ „сѣвбы“, какъ и другихъ полевыхъ работъ.

Отъ Пасхи до Георгія не работаютъ по пятницамъ на лошадяхъ и послѣ до двѣнадцатой пятницы не поднимаютъ парового поля. День обновленія Царяграда вездѣ празднуется, какъ „конскій праздникъ“, т. е. на лошадяхъ не работаютъ; кромѣ того, по созвучію слова

„Цареградъ“ считаютъ необходимымъ праздновать его и для избавленія отъ града.

Весною до дня Георгія не ставятъ и не починяютъ изгородей, изъ опасенія неудачъ и несчастій въ хозяйствѣ.

День св. пророка Иліи празднуется какъ покровителя, управляющаго громомъ и молніей. Въ засуху весной и лѣтомъ, чтобы вызвать дождь, проводятъ по улицѣ борозду сохою, въ которую впрягаютъ дѣвушекъ, или, вытащивъ изъ воды рака, навязываютъ его и тащатъ по улицѣ. Въ иныхъ мѣстахъ съ тою же цѣлью дѣлаютъ куклу, закапываютъ ее на кладбищѣ и плачутъ какъ бы по мертвецу.

Чтобы отвратить градъ, выносятъ изъ хаты лопату, которою сажаютъ хлѣбы.

Во время тяжелыхъ бѣдствій, какъ напримѣръ, ожидаемаго голода, также какъ и эпидемій на людей и скотъ, цѣлыя селенія даютъ обѣтъ выткать въ одинъ день „обыденникъ“, т. е. кусокъ холста изъ нитокъ льна, въ тотъ же день спряденныхъ, и этотъ холстъ въ ближайшій праздникъ навѣшиваютъ на икону Божіей Матери.

Крестьяне дѣлаютъ наблюденія зимою „на Коляды“ о состояніи погоды, обиліи снѣга, инея и проч., и примѣняютъ свои наблюденія къ земледѣлію въ томъ или иномъ отношеніи. Напримѣръ, сухая, морозная погода въ декабрѣ указываетъ, что іюль мѣсяцъ будетъ жаркій съ ясной погодой. За сколько дней до Рождественской коляды (сочельника) появился иней, за столько дней до Иванова дня слѣдуетъ сѣять гречиху. Если въ самый день Рождества Христова идетъ снѣгъ, то это хорошая примѣта, предсказывающая обиліе въ слѣдующемъ году во всемъ: въ хлѣбѣ, грибахъ, въ сильномъ роеньѣ пчелъ и тому под.

Въ деревняхъ, гдѣ хаты расположены рядомъ съ огородами и полями, рѣдко употребляются пугала или трещетки, чтобы спугивать птицъ, налетающихъ на наливающуюся пшеницу, ячмень или просо. При значительныхъ яровыхъ посѣвахъ, уронъ, наносимый зерноядными птицами, считаютъ почему то нечувствительнымъ. Отъ насѣкомыхъ, жучковъ, бабочекъ и червей, кромѣ обиранія ихъ на огородныхъ растеніяхъ, другихъ мѣръ не знаютъ. Впрочемъ, на огородахъ, засаженныхъ капустой, нѣкоторые бросаютъ зерна конопли, чтобы запахомъ выросшаго растенія прогонять капустныхъ бабочекъ. Иные считаютъ достаточнымъ раздавить одного червя зубами, чтобы уничтожились напавшіе на извѣстное растеніе черви. Чтобы защитить деревья въ саду отъ напалзывающихъ на нихъ червей, намазываютъ бересту саломъ, смолой, клеемъ и ею обворачиваютъ стволъ дерева.

Предохранительныя средства, употребляемыя при посадкѣ и посѣвѣ огородныхъ и полевыхъ растеній, также немногочисленны и сводятся большею частью къ повѣрьямъ. Такъ, напримѣръ, если на капустѣ образуется извѣстная болѣзнь корней, называемая килою, то

чтобы она сильно не распространялась, вырывают больное капустное растеніе и въ то же мѣсто садятъ его уже листомъ внизъ. Или же такое растеніе обносятъ вокругъ изгороди и также садятъ. Отъ „головни“, какъ ее здѣсь называютъ, которой подвергаются нѣкоторыя яровыя хлѣбныя растенія, какъ, напримѣръ, пшеница просо, сѣмена передъ самымъ посѣвомъ обливаютъ растворомъ купороса, „синяго камня“.

Для предохраненія садовъ отъ весеннихъ морозовъ, побивающихъ цвѣтъ, ставятъ на ночь боченки или корыта съ водою или протягиваютъ вдоль или поперекъ сада нитку. Съ тою же цѣлью обвязываютъ на вторую Коляду каждое дерево соломеннымъ вязьмомъ, что считается предохранительнымъ средствомъ и отъ червей.

Считающійся у сельскихъ жителей очень страшнымъ, такъ называемый „заломъ“ во ржи, дѣлаемый кѣмъ-либо часто ради шутки, вырывается все еще или знахаремъ, съ произнесеніемъ какихъ то словъ, или священникомъ, читающимъ при этомъ молитвы и выдергивающимъ заломъ не иначе, какъ чрезъ епитрахиль.

Крестьяне сами земли не измѣряютъ, предоставляя это спеціалистамъ землемѣрамъ, а потому своихъ какихъ-либо землемѣрныхъ приборовъ не имѣютъ; если же имъ приходится провѣрять границы или межи пахотной или луговой земли, то пользуются 10-саженною землемѣрною цѣпью, которую добываютъ на это время у сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

О мѣрахъ, которыми пользуются мѣстные жители, нужно сказать, что, за немногими исключеніями, онѣ общеупотребительныя, русскія. Бывшія нѣкогда въ употребленіи „камень“, „безмѣнъ“, „локоть“, „кручокъ“, и т. п. теперь совершенно неизвѣстны. Берковца, лота, золотника—не знаютъ. Вѣсъ: пудъ, фунтъ и части ихъ. Въ 60-хъ годахъ безмѣнъ равнялся 8 ф., камень—2 пудамъ.

Хлѣбъ: гарнецъ, мѣрка или въ 8 гарнцевъ, или десятовка въ 10 гарнцевъ.

Длина: четверть, аршинъ, сажень, гоня—100 с., верста. Миля неизвѣстна.

Жидкости: сотка, кварта, равная 5 соткамъ, гарнецъ, имѣющій 4 кварты, ведро равняется 4 гарнцамъ.

Счетъ: одинъ, десятокъ, полкопы—30 штукъ: копа 60 штукъ, сотня.

Деньги: грошъ—полушка, копѣйка, восьмярикъ—2 коп., пятакъ, гривенникъ, злотъ—15 коп., восемь гривенъ—20 коп., четвертакъ, два злоты, полтинникъ, троякъ—75 коп. Въ 60-хъ годахъ употреблялись: шелягъ, денежка, два гроша—копѣйка, три гроша—$1^1/_2$ коп., Николаевскія 5 коп. ассигнаціями; гривна—$2^1/_2$ коп., три гривны—$7^1/_2$ коп., семь гривенъ—$17^1/_2$ коп., восемь гривенъ и теперь—20 коп.

Въ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ встрѣчаются еще „бирки“. Это—родъ палки съ одной оструганной стороною, на которой „зарѣзаны“ крестиками и палочками число четвериковъ и гарнцевъ выданнаго въ ссуду хлѣба.

Бирки же въ видѣ вершковыхъ палочекъ подвѣшиваютъ къ отдаваемымъ въ выдѣлку овчинамъ, къ моткамъ нитокъ и тканямъ, отдаваемымъ въ покраску и т. п. Въ такихъ случаяхъ палочка расщепляется вдоль пополамъ: одна половина остается у мастера, другая выдается заказчику. На этихъ биркахъ вырѣзываются условные знаки, для отличія одного заказчика отъ другого.

Тавренья скота нѣтъ, такъ какъ его мало и надобности въ тавреньѣ не встрѣчается. Тамъ, гдѣ много гусей, нѣкоторыя хозяйки вырѣзываютъ на перепонкахъ лапъ условные знаки; при возможности смѣшать овецъ, дѣлаютъ нарѣзки на рогахъ и копытахъ.

Въ домашнемъ обиходѣ неграмотные расписываютъ приходъ и расходъ такими знаками: 0—рубль, ✕—гривенникъ, 1—копѣйка. Десять рублей изображается квадратомъ □. Этими же знаками изображается число четвертей, четвериковъ и гарнцевъ хлѣба, всыпаннаго въ извѣстный закромъ.

Народный календарь.

Народный календарь.

Названія мѣсяцевъ извѣстны не всѣмъ неграмотнымъ крестьянамъ и событія семейной жизни они опредѣляютъ такъ:

— Настуся родилась за двѣ недѣли до запустъ Колядныхъ (значитъ, 1 ноября).

— По Спо́жы у три дни вышла замужъ Ганна,—т. е. 18 августа. Праздники—святы—ти пильнуютъ одного ты́дня отъ Колядъ (неподвижные), ти замѣняютца,—у однымъ годи тогды́, у другимъ тогды́.

Зная, что Пасха бываетъ послѣ „повни́, ветошкомъ", а заговѣнье „молодикомъ", опредѣляютъ продолжительность Рождественскаго мясоѣда: „отъ молодика Колядъ, до молодика заговинъ девять недѣль; отъ молодика Новаго года восемь недѣль" и т. п. Меньше четырехъ недѣль никогда не бываетъ. Отъ молодика заговинъ семь недѣль, будетъ Пасха. За недѣлю до Пасхи будетъ Вербница. Послѣ Вербницы „чистая" недѣля.

На шестой недѣлѣ послѣ Пасхи въ четвергъ Ушесьтя—Вознесеніе. Седьмое воскресенье послѣ Пасхи—Сёмуха, т. е. Троица. На девятой недѣлѣ четвергъ—Девятникъ. Присвятокъ (небольшой праздникъ), а работать нельзя. На десятой недѣлѣ послѣ Пасхи пятница—Десятуха. Тоже нельзя работать.

Постоянные праздники опредѣляются по числу недѣль отъ Колядъ, а дни ихъ празднованія по прошлогоднимъ днямъ. Переступный годъ (високосный) узнается по присвятку Сороки́,—первому послѣ „прибытоваго дня"—29 февраля. Если Сороки „переступятъ день" по сравненію съ прошлымъ годомъ, значитъ,—„годъ переступный, и ўсѣ святки́ переступютъ черезъ день".

Отъ Колядъ до Благовѣщенья двѣнадцать недѣль, до Юрья—шестнадцать, до Миколы—двадцать, до Купалы—двадцать шесть, и отъ Купалы до Колядъ двадцать шесть. Такимъ образомъ, Купало—24 іюня—дѣлитъ крестьянскій календарный годъ на два полугодія (до 25 декабря).

На двадцать седьмой недѣлѣ—Петра. На одиннадцатой отъ Колядъ—Сороки (9 марта) въ тотъ же день, въ какой было предъ тѣмъ Срѣтеніе (въ простой годъ).

Что касается дней празднованія постоянныхъ праздниковъ, то для опредѣленія ихъ установлено нѣсколько цикловъ.

Такъ, въ какой день недѣли бываетъ Рождество, въ тотъ же день и Новый годъ и—если простой годъ—Юрій весенній, Юрій осенній, Спасъ (6 августа), Покровъ и Казанская (22 октября).

„Стрѣченьня пильнуютъ днями: Петро, Илья, Здвижаньня, весенній Микола, Богатой Спожи (15 августа), а черезъ двѣ недѣли послѣ—Иванъ Постный, тогды Иванъ Богусловъ, Уведенія—усѣ въ одинъ день съ Стрѣченьнямъ“.

„Микола зимній днемъ позднѣй Миколы весенняго, а передъ имъ Миколинъ батька—Савва, бо сказано: „святкуй мене и батьку мойго!“

„За три дни до Стрѣченьня присвятокъ Василя да Григора. Черезъ три недѣли отъ Покрова въ субботу—дѣды „Змитровка“.

Годъ состоитъ изъ двухъ полугодій: первое отъ Колядъ до Купалы—26 недѣль, второе отъ Купалы до Колядъ—26 недѣль.

Повидимому, этимъ и объясняется всеобщее чествованіе народомъ именно этихъ праздниковъ.

Коляды.

Колядою называется Рождественскій сочельникъ, а Колядами въ собственномъ смыслѣ называются первые три дня праздника Рождества Христова. Но обыкновенно названіе это придается всему періоду времени отъ 25 декабря до 6 января включительно. Днемъ въ непраздничные дни въ теченіе этого времени работаютъ, хотя избѣгаютъ починять старое, но вечера всѣ безъ исключенія считаются и зовутся „святыми вечерами“ и работать въ нихъ считается непозволительнымъ. Въ святые вечера „грѣхъ“ и шить и прясть, не говоря уже о трудныхъ физическихъ работахъ. Въ эти дни особенно остерегаются, чтобы избѣгать несчастныхъ случаевъ съ людьми или животными.

Къ Колядамъ хозяева приготовляются заблаговременно. Еще отъ филипповскихъ заговѣнъ они начинаютъ откармливать „парсюка“ и предъ Колядами колютъ его. Если корова отелится бычкомъ, рѣжутъ и его. Такимъ образомъ, семья обезпечивается на праздники свининой, телятиной, колбасами, жирными кровянками, вкусными крупянками, саломъ-наружнымъ и нутрянымъ, окороками, потрохами и т. д. Головы и ноги вывариваются въ огромномъ чугунѣ и изъ нихъ приготовляется „стюдень“—холодное, котораго хватаетъ на много дней. Щетина и телячья шкурка продаются, вмѣстѣ съ другими лишними продуктами, и на вырученныя деньги покупаются обновки для всей семьи, отъ старыхъ до малыхъ. Пополняется запасъ глиняной посуды. Для украшенія передняго угла, гдѣ поставлены образа, покупается кусокъ „шпалеры“, для побѣлки печи—мѣлъ. Гдѣ у образовъ имѣется лампадка, запасаются на праздники деревяннымъ маслом, а иногда и ладономъ.

Все это дѣлается заблаговременно, такъ что въ канунъ Рождества хозяйки только моютъ полы, развѣшиваютъ чистые набожники—полотенца надъ вымытыми предъ тѣмъ образами и готовятъ ужинъ. Обѣдъ въ этотъ день не готовится, потому что „до звѣзды“ всѣ постятъ.

Послѣ полудня всѣ моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье.

Къ вечеру на столъ кладется сѣно и застилается чистою скатертью, на кутѣ ставится на сѣнѣ горшокъ съ кутьею. Священникъ, посѣщая дома въ селѣ, „даетъ молитву“.

Предъ ужиномъ вся семья истово молится Богу, при зажженной лампадкѣ или свѣчкѣ и при куреніи ладона. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ.

На кутѣ садится хозяинъ, возлѣ него сыновья по старшинству; по другую сторону стола хозяйка и остальныя дѣти. На краю скамейки садится женщина, подающая кушанья: невѣстка, взрослая дочь, а если ихъ нѣтъ, то сама хозяйка.

Первое блюдо—бураки съ грибами или съ алеемъ, и съ притиркой изъ хлѣбной рощины. Вмѣсто бураковъ можетъ быть поливка съ тою же приправой. На второе чаще всего дѣлаютъ прѣсный супъ изъ картофеля съ крупою. Затѣмъ слѣдуетъ кутья, которую хозяинъ переноситъ съ кута на средину стола вмѣстѣ съ сѣномъ. Кутью ѣдятъ или съ алеемъ или съ разведеннымъ медомъ. Въ зажиточныхъ семьяхъ варятъ еще узваръ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ и сливъ, или кисель.

Послѣ ужина, который затягивается обыкновенно долго, снова всѣ молятся, затѣмъ гасятъ лампадку и ложатся спать.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ послѣ ужина вытаскиваютъ изъ подъ скатерти траву изъ сѣна. Кто вытянетъ сучковатую, негладкую, тотъ будетъ богатымъ. Тамъ же во время ужина ходятъ колядовщики и поютъ подъ окнами „святыя пѣсни“, а дѣвушки гадаютъ.

Назавтра встаютъ досвѣта и спѣшатъ къ заутрени. Возвращаются домой по окончаніи литургіи. Въ мѣстечкахъ и городахъ мальчики въ это время уже успѣваютъ пойти съ поздравленіями. Грамотные, войдя въ домъ, говорятъ тропарь и кондакъ праздника и поздравляютъ съ праздникомъ, желая „етый провесть и будущаго дождать“; неграмотные ограничиваются поздравленіемъ. Поздравителямъ даютъ по баранку или по мелкой монетѣ.

Послѣ обѣда взрослые отдыхаютъ, а подростки готовятъ „звѣзду“. Въ южныхъ волостяхъ Гомельскаго уѣзда мужчины „христуютъ“, то есть посѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ и поютъ тропарь и кондакъ праздника.

Вечеромъ подростки „ходятъ со звѣздою“, молодежь же ограничивается только посѣщеніемъ знакомыхъ. Свѣдѣнія объ устройствѣ звѣзды и репертуарѣ „звѣздарей“ даны мною въ вып. V „Бѣлорус-

скаго Сборника“. Къ сказанному тамъ можно добавить, что въ настоящее время хожденіе со звѣздой сдѣлалось достояніемъ мальчиковъ, почему и размѣры звѣзды измельчали и діаметръ ея съ лучами уже не превышаетъ аршина. Съузился и репертуаръ звѣздарей. Вслѣдствіе вѣковыхъ искаженій, вирши, сочиненные для звѣзды въ XVII в., потеряли смыслъ и отброшены. Подъ вліяніемъ школы, большинство звѣздарей ограничиваются пѣніемъ тропаря „Рождество твое, Христе Боже нашъ“ и кондака „Дѣва днесь“. Къ нимъ присоединяется „казень“ или „рацыя“.

Привожу уцѣлѣвшій репертуаръ звѣздарей *д. Дубровки*, Гомельскаго уѣзда.

Послѣ тропаря и кондака:

Цвѣтъ мысленный днесь ся ро-
[дитъ,
Богъ во плоти происходитъ,
Его же лилія, Пречистая Марія,
Днесь рождаетъ и питаетъ
Сосцы своими зѣло драгими,
Бо отъ вѣка человѣка
Возлюбилъ есть Богъ!

Пастыріе тутъ приспѣли,
Бога въ плоти увидѣли.
Ангели привлекаютъ,
Съ пастырями воскликаютъ:
Слава Богу, що премногу
Міръ посѣтити благоволившу,
Жити вольно, всѣмъ спокойно
Людямъ на землѣ!

Тѣмъ къ вертепу вси тецымо,
И со лики прославимо
Рожденна, воплощенна
И во ясли положенна,
Бога въ плоти между скоты
Безславно нынѣ!

Шедше тріе цари,
Що Христа познали,
Иродъ ихъ пригласивъ,
Куда идутъ, испросивъ.
Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному!

— Къ рожденному идите,
И мнѣ возвѣстите!
И азъ поклонюся,
Передъ царемъ смирюся,
Воздамъ честь обычну
Цареви предвѣчному!
Ангелъ имъ вѣщае,
На путь наставляе:
Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду не ходите!
Волсви возвратишася,
У Ирода не быша,
Вспять возвратишася,
А не очень трудишася.
Пришли въ страны своя,
Христа славословя,
Чая въ небѣ жити,
Тамъ навѣки служити!

Звѣзда иде чудна
Съ востокъ на полудне,
Надъ вертепомъ сіяе,
Христа царямъ являе.
Слове ты рожденный,
Отъ насъ умоленный,
Прими, Христе, человѣка
Да на вѣчные вѣки!

Давидъ въ гусли йграе,
Весело спѣвае,
На всѣ струны ударяе,
Бога прославляе.
И мы веселимся,
Христу поклонимся,
Яко царю рожденному,
Богу предвѣчно́му.

Пастушки съ ягняткомъ
Передъ симъ же дитяткомъ
На колѣни упадаютъ,
Христа прославляютъ.

Просимъ тебе, ца́рю,
Прими отъ насъ хвалу,
Пошли лѣта щасьливыя
Сему господарю!

Послѣ пѣнія этихъ стиховъ старшій звѣздарь говоритъ:
„Поздравляемъ хозяина и хозяйку на многая лѣта!“
Хоръ поетъ многолѣтіе.
Старшій говоритъ: „Съ праздникомъ, будьте здоровы, господа!“
Хозяева благодарятъ.

Казень, помѣщенный въ V выпускѣ (стр. 385—386), имѣетъ нѣкоторыя дополненія. Такъ, послѣ строфы о змѣѣ:

Но ея прельстивъ тотъ змѣй,
Като́рый ўсихъ звѣрей умнѣй..
слѣдуетъ такое окончаніе;
Ёнъ ёй такъ сказаў: Ева!
Укуси запрещонная древа,—
Будишъ сама падо́бная Богу!
Когда Адамъ сидѣў въ адѣ и га-
[вариў:
Якъ ты, Ева, саграшила ў такомъ
[прекраснамъ саду
И патирала дары, —
Тагда Ева сама себе праклинала,
Кагда Авилива кроў къ Богу
[вапіяла!
2. Другъ мой, я хачу́ а се́мъ
[узнать!
2. Изволь мнѣ тотчасъ сказать!
1. Што да Раждиства́ Христова
Ни такъ были пастыри яўны,
Якъ па Раждиствѣ яго слаўны?
2. То было ў древнія годы —
Затменія чилавѣчискага роду.
А нынн ўсѣ народы працвитаютъ,
Другъ друга съ пра́здникамъ
[праздраўля́ютъ.
И мы имѣимъ честь васъ съ
[праздникамъ праздравить!

Къ ней прибавляется еще вторая рѣчь:

„Какъ на нынѣшній нидѣли
Быў я ў гради Вафліеми,
Видиў чуда тамъ нимала,
Какъ зимля тамъ ликавала:
Ангели зъ нибесъ литѣли,
Слава вышній Богу, пѣли.
Я тамъ пакланиўся,
Назатъ варатиўся
Вамъ чуда расказать.
Тамъ Христосъ нарадиўся,
Царъ Ирадъ сасмутиўся“.

Далѣе слѣдуетъ буквальный пересказъ евангельскаго текста о поклоненіи волхвовъ, избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ во Египетъ. Конечно, это вліяніе школы.

Оканчивается эта рѣчь такъ:

„Разгнѣвайшій царъ пагубиў
Нисмѣтная число младенцаў,
Напиўся, наѣўся нивиннай крови,
Зато ёнъ бўдить лижать
У пекольнамъ рови.
Наша звизда нóвага завѣта,
А хадяйки й хадяину на многая лѣта.

Поется многолѣтіе.

Звѣздарей дарятъ мелкими деньгами или провизіей—блинами, саломъ, колбасой, паленицей.

Еще недавно—въ концѣ 1890-хъ годовъ, и въ Могилевской и въ Витебской губерніи существовалъ вертепъ, съ которымъ вертепщики ходили по городу Могилеву, Велижу, Суражу, мѣстечку Пропойску, селу Бычи, Быховскаго уѣзда, и окрестнымъ деревнямъ.

Извѣстны три типа вертепа. Въ Велижѣ и Суражѣ въ употребленіи былъ вертепъ, имѣющій видъ трехглавой церкви, укрѣпленной снизу къ переносной скамьѣ. Стѣны церкви сдѣланы изъ тонкаго коленкора, пропитаннаго масломъ. Внутри подъ куполами подвѣшены желѣзные обручи съ укрѣпленными на нихъ фигурами дѣйствующихъ лицъ и съ подсвѣчникомъ въ центрѣ. Вертепщикъ садится позади такого вертепа, открываетъ находящіяся тамъ дверцы, зажигаетъ въ подсвѣчникахъ свѣчи и сообразно ходу дѣйствія поворачиваетъ обручи. На переднихъ стѣнкахъ вертепа получаются въ увеличенномъ размѣрѣ тѣневыя изображенія дѣйствующихъ лицъ.

Вертепъ этого типа найденъ мною въ Велижѣ и пожертвованъ Витебскому церковному музею, гдѣ по всей вѣроятности находится и доселѣ.

Второй типъ имѣетъ видъ двухэтажнаго переноснаго шкафа, раздѣленнаго на двѣ части также и въ вертикальномъ направленіи, между передней стѣной и задней. Передняя сторона закрывается створчатою дверкою, которая во время представленія открывается. За дверкою два яруса съ открытыми сценами. Полы на сценахъ прикрыты заячьими шкурками, съ цѣлью сдѣлать незамѣтными для зрителя находящіеся въ нихъ прорѣзи, по которымъ вертепщикъ двигаетъ фигуры—куклы, укрѣпленныя на проволокахъ или, за неимѣніемъ ихъ, на тонкихъ палочкахъ. Съ этою же цѣлью, сцены отгорожены отъ зрителя низкими рѣшетками.

Задняя сторона вертепа открытая и только по боковымъ сторонамъ отчасти заклеена бумагою въ видѣ ширмъ. Отсюда вертепщикъ двигаетъ изъ-подъ пола каждой сцены, сквозь прорѣзанныя въ полахъ щели, фигуры дѣйствующихъ лицъ.

Каждая сцена въ передней части представляетъ три отдѣленія: центральное, большое, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и боковыя, меньшія, для входовъ и выходовъ дѣйствующихъ лицъ.

Отдѣленія сцены верхняго яруса представляютъ пещеру—вертепъ, гдѣ Христосъ родился. Здѣсь находятся ясли, сѣно, коровы, овцы. Обстановка убогая; только надъ вертепомъ наклеены три звѣзды изъ цвѣтной бумаги. Въ пещерѣ темно, оконъ нѣтъ.

Сцена нижняго яруса свѣтлая и обставлена роскошнѣе. Въ отдѣленіи окна. Въ среднемъ отдѣленіи золоченый тронъ Ирода, подъ балдахиномъ. Это резиденція Ирода и сцена для жанровыхъ представленій.

Вертепъ этого типа имѣетъ слѣдующіе размѣры: вышина 1 арш. 14 в., ширина 1 арш. 2 в., глубина 9 в. Вышина сцены каждаго яруса 10 в.

Экземпляръ такого типа десятки лѣтъ находился у Пропойскаго мѣщанина Соколова и послѣ его смерти перешелъ къ крестьянину с. Бычи Юрьеву, отъ котораго пріобрѣтенъ Могилевскимъ статистическимъ комитетомъ и въ настоящее время находится въ Могилевскомъ губернскомъ музеѣ.

Третій типъ вертепа сходенъ со вторымъ, но болѣе крупныхъ размѣровъ. Онъ имѣетъ три этажа и между ними пустые промежутки, открытые сзади, для рукъ вертепщика, передвигающаго здѣсь куклы. Вышина такого вертепа достигаетъ $2^1/_2$ арш., ширина $1^1/_2$ арш., но глубина только 6 в.

Верхній этажъ украшенъ иконами Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Крестителя и изображеніемъ Крещенія Господня. Здѣсь же привѣшенъ колокольчикъ

Второй этажъ представляетъ пещеру, гдѣ родился Христосъ. Здѣсь находится изображеніе Рождества Христова, съ фигурами Маріи, Іосифа и Младенца въ пеленахъ; ясли, корова, оселъ.

Нижній этажъ—дворецъ Ирода.

Этотъ типъ вертепа употреблялся въ Могилевѣ. Послѣдній экземпляръ его принадлежалъ мѣщ. Кондратьеву, которымъ былъ проданъ Пылинскому; но когда новый владѣлецъ переселялся въ Смоленскъ, онъ оставилъ вертепъ въ Могилевѣ безъ надзора, и здѣсь онъ былъ разрушенъ. Погибли также и фигуры—куклы.

Какъ извѣстно, репертуаръ вертепа состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) религіознаго, имѣвшаго отношеніе къ празднику Рождества Христова; 2) пьесы „Царь Иродъ“ и 3) жанровыхъ сценъ. Къ вертепному дѣйству присоединялась и пьеса „Царь Максиміянъ“. Представленіе ея носило названіе „мушкарата“ (маскарада), потому что актеры были въ соотвѣтственныхъ костюмахъ и гримѣ.

Впослѣдствіи, съ паденіемъ вертепныхъ представленій, „Максиміянъ“ выдѣлился изъ вертепнаго дѣйства и представлялся отдѣльно. Мнѣ извѣстны случаи, что къ „Максиміяну“ присоединялся и „Царь Иродъ“, съ вертепнымъ сюжетомъ, но съ игрою въ лицахъ (въ г. Гомелѣ и Бѣлицѣ).

Напечатавъ „Царя Максиміяна“ въ V вып. „Бѣлор. Сборника“, здѣсь я привожу тексты вертепнаго дѣйства, какъ оно совершалось съ каждымъ изъ вышеописанныхъ типовъ вертепа.

КЪ ВЕРТЕПУ ПЕРВАГО ТИПА.

I. Царь Иродъ

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ. На сценѣ Дѣва Марія, съ Младенцемъ на рукахъ, Іосифъ, коровы и овцы.

Хоръ. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!
Днесь воспріемлетъ Виѳлеемъ
Сѣдящаго присно со Отцемъ;
Днесь ангели Младенца рожденнаго
Боголѣпно славословятъ:
Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ,
Въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Входятъ два пастуха, одѣтые бѣлоруссами. Они подходятъ къ Младенцу и кланяюгся ему.

Хоръ. Нова радость стала,
Яка не бывала,—
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣтло возсіяла,
Гдѣ Христосъ родился,
Зъ Дѣвы воплотился,
Какъ человѣкъ, пеленами
Во яслѣхъ повился.[1])
Пастушки съ ягняткомъ
Предъ малымъ дитяткомъ
На колѣни упадають,
Христа прославляютъ.
И мы тожъ спѣваемъ,
Христа прославляемъ,
Отъ Маріи рожденнаго
Смиренно упрошаемъ:
Просимъ Тебе, Царю,
Небесный Владарю!
Даруй лѣта счастливыя
Сему господарю—
Въ мирѣ проводити,
Тебѣ угодити,
И съ Тобою въ Царствѣ Твоемъ
Во вѣкъ вѣковъ жити.[2])

Дѣйствіе переходитъ въ нижній ярусъ. На сценѣ стоитъ тронъ, обитый краснымъ сукномъ или золоченый, и расхаживаютъ три воина. Является Иродъ, одѣтый въ порфиру, съ короной на головѣ.

Хоръ. Днесь Иродъ грядетъ, зѣло смущенный,
Со воины избранными,

---

[1]) Послѣ этой строфы поется иногда:
Давидъ въ гусли играя,
Весело спѣвая,
Во всѣ струны ударяя,
Христа прославляя.
По Дембовецкому, при этомъ является и Давидъ для поклоненія Христу. Но въ моихъ записяхъ этого эпизода нѣтъ.

[2]) Стихъ взятъ изъ „Богогласника“. См. стр. 21, изд. 3. Кіевъ, 1887.

Виѳлеемскія плѣнити страны,
Дабы взыскати Христа нарожденна
Со волхвами окаянными.
Иродъ, воинамъ. Направо кругомъ—маршъ!

Воины уходятъ. Иродъ садится на тронъ. Выходятъ три царя.

Хоръ. Шедше тріе цари
Ко Христу Господарю.
Иродъ ихъ пригласилъ,
Куда идутъ, вопросилъ.
Отвѣщана ему:
„Идемъ къ рожденному!“
— Къ рожденному идите
И мнѣ возвѣстите,
Да и азъ, шедъ, поклонюся.
Предъ царемъ смирюся.
Отдамъ честь обычну,
Яко царю приличну!

Дѣйствіе переходитъ въ верхній ярусъ. Въ пещерѣ Іосифъ и Марія съ младенцемъ. Идутъ три царя. Является ангелъ.

Хоръ. Шедше тріе цари
Ко Христу съ дарами.
Ангелъ имъ явился,
Гдѣ Христосъ родился,
Звѣзда ясна возсіяла,
Тремъ царямъ путь указала.
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Христа—царя являетъ.
Отъ востока тріе цари
Принесоша Христу дары.
Тріе цари путешествуютъ,
За ангеломъ послѣдуютъ,
Злато, ливанъ приношаютъ,
На колѣни припадаютъ,
Владыкѣ и Богу
Честь даютъ многу,
Иже отъ вѣка
Человѣка
Возлюбилъ есть.
Ангелъ имъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ:
„Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду не ходите!“
Волсви возвратишася,
И у Ирода не быша.
Пошли въ свои страны
Христа славославятъ,
Чаютъ въ небѣ съ нимъ быти,
Ему на вѣки служити.

Во время этого пѣнія между дѣйствующими лицами происходятъ сцены и мимика, соотвѣтствующія содержанію пѣсни хора. Затѣмъ по сценѣ проходитъ Іосифъ, за нимъ Богоматерь съ Младенцемъ ѣдетъ на ослѣ. На встрѣчу имъ является ангелъ.

Ангелъ. Какая радость здѣсь открылась! Какой восторгъ!
Я зрю предметъ! Надежда наша совершися!
Спасъ роду человѣческому родися!
Пришелъ на землю вождел̣ѣнный Свѣтъ.
Іосифе, Іосифе, старче преславный!
Отроча и Матерь поими, во Египетъ, Іосифе, бѣжи!
И буди тамо, дондеже скончаются врази твои,
И Иродъ кончину воспріемлетъ!

Дѣйствіе переносится въ нижній ярусъ. Иродъ подходитъ къ трону.

Иродъ. Увы, нашъ тронъ царскій!
Измѣна стала слышна въ нашей державѣ!

Садится на тронъ.

Воины мои вооруженные!
Станьте предъ трономъ вашего царя!

Воины входятъ, одинъ справа, другой слѣва:

Воины. Почто, царю, воиновъ призываешь?
Или какіе указы чинить повелѣваешь?
Иродъ. Идите, чернокнижника зовите,
И скоро сѣмо приведите!
Воины. Слышимъ ваше слово.
Направо кругомъ—маршъ!

Уходятъ. Является мудрецъ.

Иродъ, къ мудрецу. Скажи мнѣ, чернокнижникъ:
Гдѣ тотъ отрокъ народился,
Иже вездѣ уже оповѣстился?
Чернокнижникъ. Всесильный мой царю! Смиренно молю тя,
Не гнѣвайся, о чемъ глаголати начну ти.
Въ прекрасномъ градѣ Виѳлеемѣ родися,
На твердомъ сѣнѣ водворися,
Голодный, холодный, въ вертепѣ обнищенный,
Прославленный, превознесенный!
Иродъ. Иди, гадатель презрѣнный!
Азъ непобѣдимъ и великъ во славѣ!
Не сей-ли воспротивится моей державѣ?
Друзья—воины!

Воины являются.

Воины. Чего изволите?
Иродъ. Въ виѳлеемскія страны скорѣе идите,
Двухлѣтнихъ младенцевъ щиро перебите!

Воины уходятъ и потомъ возвращаются.

Воины. О господине нашъ, господине!
Въ виѳлеемскія страны мы сходили,
Четыренадесять тысячъ младенцевъ тамъ избили;
Рахиль одна не дала свое дитя убить,
И идетъ до васъ милости просить.
Иродъ. Кто тамъ такова? Привести ее сюда!
Воины. Слышимъ ваше приказаніе! Кругомъ—маршъ!

Уходятъ и встрѣчаютъ Рахиль.

Иди, баба, до отвѣту,
Намъ до тебя дѣла нѣту!

Входитъ Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; одѣта бѣдною бѣлорусскою. За ней воины, Рахиль припадаетъ къ ногамъ Ирода.

Рахиль. О пресвѣтлѣйшій мой царю,
О всесильнѣйшій государю!

Помилуй, помилуй чада моего—утробу,
Не предай меня живую до гробу!
Иродъ. Баба, иди прочь! А если вступишься,
То и тебѣ будетъ то, что и твоему дитяти!
Воины! се дитя хватайте,
Безъ милости его дерзайте!

Воины убиваютъ ребенка и уносятъ трупъ со сцены. Рахиль въ отчаяніи бѣгаетъ по сценѣ и рыдаетъ.

Рахиль. О, какая лютая болѣзнь
Сердце матери пронзаетъ,
Егда свирѣпый воинъ
Невинно чадо отымаетъ!
Хоръ. Не плачь, Рахиль, и не [рыдай,
По чадѣ и сынѣ;
Не умираютъ, но процвѣтаютъ,
Что невинно погибаютъ
За Христа и Бога.
Вольными крыльями
Вольно во святыню
Ко Христу и Богу отлетаютъ.
Не имѣй же причины, причины,
Не имѣй же шкоды,
Видя, яко воду, кровь изливаютъ,
Людей убиваютъ, убиваютъ.
Твой бо пернатый
Въ небо на судъ взятый,
Судъ пріемши,
Пѣсни побѣдныя, пѣсни поетъ.
Иродъ же пойдетъ ко аду,
Къ Люциперу на пораду.
Мы тому веселимся,
Христу—царю поклонимся!
Богу—царю слава отъ всѣхъ насъ!
Насъ же избави
Отъ сѣти ловящихъ
Отъ губы губящихъ, губящихъ!
Рахиль. Иродъ ты проклятый!
Пойдешь ты ажъ до аду
Къ Люциперу на пораду!
Въ огнѣ тебѣ горѣть,
Въ смолѣ тебѣ кипѣть!
Иродъ. О воинъ мой, воинъ!
Прогони эту бабу!
Воинъ. Пошла, баба, прочь!

Выталкиваетъ Рахиль. Иродъ встаетъ съ трона.

Иродъ. Увы, тронъ нашей царской славы!
Стала слышна измѣна въ нашей державѣ!
Столько лѣтъ сидѣлъ я на семъ царскомъ тронѣ,
Нынѣ же буду въ подземельномъ домѣ!

Является чернокнижникъ мудрецъ.

Чернокнижникъ. Превеликій монарше! Изволь приказати
Воинамъ вооруженнымъ тронъ оберегати,
Смерть бо грядетъ къ тебѣ вся бѣла,
Косу носяща, дерзновенна, смѣла!
Иродъ. Прочь, гадатель презрѣнный!
Друзья—воины!
Воины. Господинъ нашъ! почто ты воиновъ призываешь,
Или какіе указы чинить повелѣваешь?

Иродъ. Воины! за что вы присягали—
Чтобъ мои палаты нерушимы бывали!
Вы при порозѣ станьте,
Неусыпно меня остерегайте,
Смерть грядущую ко мнѣ не допускайте:
Егда грядетъ, воюйте съ нею, сколько можете!
Воины. Слушаемъ ваше приказаніе!

Воины становятся у дверей. На сцену вбѣгаетъ ксендзъ.

Ксендзъ. О пшенже, о пшенже, о бембусъ, протобембусъ! Свента панна Марея! О Проде, окрутнику, ослушнику, спокайся! За твбе велькія злости прйдутъ зàразъ дзябли и вòзьмутъ твою душу съ косью, отъ таковòго пана нешляхетнòго, на вѣки вѣкомъ, áменъ!

Иродъ. Друзья—воины!
Прогоните етого шалыгана до костéла!
Какое ему здѣсь дѣло?

Воины прогоняютъ ксендза. Врывается, покашливая, смерть, въ видѣ скелета съ косою въ рукахъ. Воины разбѣгаются.

Смерть. О ты, Ироде несытый,
О ты, Ироде проклятый,
Что ты лаешь?
Ти ты мене не знаешь,
Что воевъ стеречь заставляешь,
Убить мене повелѣваешь?
Я, васпане, всему свѣту монархиня,
Всѣхъ царей главнѣйшая
И въ бою сильнѣйшая!
Ну-ка, со трона поднимайся,
Подъ косу мнѣ подставляйся—
Тебѣ острою косою срублю голову!

Иродъ. Ахъ, увы! бѣда! Приходитъ до меня череда!
Не вѣмъ, возьмутъ меня отсюда и куда,—
Боюсь я страшнаго суда.
Но ты, смерть страшна и безòбразна,
Зачѣмъ внезапно ко мнѣ пришла?
Скрыта бо твоя труба и коса,
Понеже ты ходишь суха, нага и боса,—
Я велю тебя изрубить,
Кости твои въ огнѣ сжечь,
И попелъ твой разместь!
Смерть. Ти не ты моé кости будешь жечь?
Ти не ты мой попелъ будешь месть?
Выйди-ка, мой братецъ, мнѣ вотъ пособити,
Ирода мучителя въ бездну спровадити!

Является сатана. Смерть отрубаетъ косою голову Ироду, сама исчезаетъ. Сатана, съ хвостомъ, рогами и когтями,[1]) держитъ трупъ Ирода до тѣхъ поръ, пока хоръ не кончитъ надгробную пѣснь.

Хоръ. Человѣче бѣдный,
Вспомни часъ послѣдній,—
Тѣмже не гордися,
Не превозносися

[1]) Фигура сатаны отъ Бычанскаго вертепа въ 1898 г. сожжена по приговору мирового судьи 7 уч. могилевскаго округа.

Въ семъ свѣтѣ.
Въ прелестномъ семъ свѣтѣ
Смерть держитъ въ примѣтѣ
Всякаго.
Не уступитъ монархамъ,
А ни патріархамъ—
Никому.
Изъ келій монаховъ
И дворянъ безъ страху
Беретъ смерть.
Купцы бы сложились
Отъ смерти откупились,
Отдали бъ палаты
И все свое злàто—
Не беретъ смерть!
Человѣче бѣдный,
Не превозносися,—
Зря на тѣло Ирода,
Такожде смирися! [1])

Сатана. Охо-охо-роме-хо-хо!
Друзья мои прелюбезные!
Надгробная Ироду пѣсня спѣта,
Потяну-ка я его съ этого свѣта
Въ тартарары, въ преисподнюю бездну.
Тамъ будемъ пить и гулять,
И въ карты играть!...

Оба проваливаются.

II.

Вертепное дѣйство собственно закончено. Но къ нему присоединяются и жанровыя сцены. Въ нихъ полный просторъ народному творчеству, и онѣ подверглись наибольшимъ варіаціямъ. Къ Велижскому вертепу имѣются слѣдующія сцены:

Сцена I.

На сцену выходитъ Иродіада, жена Ирода, яко-бы возвратившаяся съ похоронъ мужа. Къ ней подходитъ старикъ Григорій съ большимъ мѣшкомъ.

Старикъ. Здраствуй, Иродіадочка, красотка!
Иродіада. Здраствуй, Гришенька, дружокъ!
Старикъ. Коли любишь Гришеньку дружка,
Тигай [2]) гостинчики зъ мѣшка!
Иродіада. Спасибо, мой дружокъ!
Сядь же ближе, куманекъ,—
Будь мнѣ прежній муженекъ!

Старикъ садится рядомъ съ Иродіадой. Входитъ молодой человѣкъ щегольски-одѣтый.

Щеголь. Не стыдно-ли такой красоткѣ
Съ старымъ этакимъ возиться?!
Иродіада. Хоть Гриша старъ и съ бородой,
Да носитъ все гостинчики съ собой;

[1]) Стихъ вошелъ во всеобщее употребленіе и сдѣлался народнымъ «надгробнымъ», съ исключеніемъ двухъ послѣднихъ строкъ

[2]) Тягай, таскай.

А ты и въ синемъ хоть кафтанѣ,
Да пёсъ у тебѣ въ карманѣ!
Щеголь, къ публикѣ: Любезна публика! смотрите,—
Какъ она меня срамитъ,—
Все этотъ хрычъ ее учитъ.
Постой ты, старая скотина!
Ужъ въ тѣсномъ закоулкѣ я тебя поймаю,
Всѣ ребра я тебѣ переломаю!
Старикъ. Ахъ, ты сапожникъ, ты чурбанъ!
Да я и самъ вѣдь сдачи дамъ.

Старикъ прогоняетъ франта.

Иродіада. Полно людей намъ утруждать!
Нельзя ли, Гриша, намъ потанцовать!

Музыка играетъ „чижика". Фигуры танцуютъ польку.

Сцена II.

На сцену выѣзжаютъ два наѣздника: Поръ Индѣйскій и Александръ Македонскій.

Суфлеръ. Выѣзжаютъ Александръ Македонскій
И Поръ Индѣйскій.
Тамъ между собою сотворятъ брань!
Александръ Македонскій. Поръ! что ты это захотѣлъ:
Штобъ отъ моего удара съ лошади слетѣлъ?
Поръ Индѣйскій Нешто я тебе испугался?
Откуда ты этакій франтъ взялся?

Слѣдуетъ поединокъ. Поръ падаетъ съ лошади; Александръ уѣзжаетъ.

Хоръ. Хвала, хвала тебѣ, герою
Што градъ—Антонъ спасенъ тобою!
Вѣнцы лавровы вьются
Надъ храброю твоей главой! [1])

На мѣсто поединка бѣжитъ жена Пора, заливаясь слезами.

Суфлеръ. Узнала царица, Порова жена, и услыхала,
Слезно плакала и рыдала,
Со слугами своими прибѣжала,
Взяти тѣло Пора приказала.
Жена Пора. О пане, мой пане,
Коханый мой пане!
Не нажить менѣ таковáго пана!
Ты-жъ мене любивъ,
Ты-же мене шановавъ:
По разу въ день кормивъ,
По два раза въ день бивъ;
Потащу-жъ тебе, дражайшій,
До ямы глубочайшей!

Слѣдуетъ погребеніе Пора. На поединкѣ Ал. Македонскій былъ на своей лошади, а Поръ на взятой напрокатъ у цыгана. [2]).

---

[1]) Изъ пьесы «Царь Максиміянъ». См. Бѣлор. Сборникъ, вып. V, 286.
[2]) Въ Пропойскѣ эта сцена замѣняется сценою сраженія казака съ туркомъ.

Сцена III.

На мѣсто поединка прибѣгаетъ цыганъ и ищетъ своей кобылы.

Цыганъ. О—му! Чачинька—чачинька,
Гдѣ-жъ ты дѣлась, моя клячинька?
Ходи сюды, кобыла! А кобыла!

Лошадь стремглавъ бѣжитъ прямо на хозяина; цыганъ отъ испуга падаетъ въ обморокъ. Приходитъ его жена.

Цыганка. Сенька, а Сенька!
Цыганъ. Чаго ты, моя жонка?
Цыганка. Што за лихо ето табѣ стало:
Ти отъ крупъ, ти отъ сала?
Цыганъ. Ни отъ крупъ, ни отъ сала,—
Мене кобыла растоптала!
А ты гдѣ, жонка, пропадала?
Цыганка. О—му, радуйся, Семенъ-Гаврилка,—
Пріѣхала къ табѣ Кулина зъ рынку!
Я ходила ворожить и просить капусты,
Штобъ не были цыганскіе животы наши пусты!

Цыганъ бьетъ цыганку.

Цыганъ. Ахъ, ты шельма, ахъ, ты злодѣйка!
А ти украла жъ ты мнѣ курёнка и поросёнка?
Цыганка. Украла, мой цыганочекъ,
Украла курёнка и поросёнка!
Цыганъ. Вотъ, коли-бъ ты мнѣ ето впередъ сказала,—
Я бъ тебе не бивъ и не наказывавъ.
Поцалуемся съ тобою,
Бѣлая моя, какъ головешка!
Кому гадка, а намъ съ тобой сладко!
Цыганка. Сенька! досить табѣ мене цаловать,
Ти не хочешь лѣпше поскакать?

Начинаются танцы подъ пѣсню: „Я цыганка молодая". Входитъ казакъ и бьетъ цыгана.

I *Казакъ*. Полно, цыганъ, гулять—
Пора коней мѣнять!
Цыганъ. А за што ты мене бивъ,
Я бъ табѣ хорошаго коня добывъ!
Казакъ. Я краденыхъ коней не принимаю,
А тебе, цыгана, въ шею толкаю!

Бьетъ его и оба уходятъ.

Сцена IV.

Входитъ толстый жидъ съ боченкомъ водки и поетъ еврейскій маршъ.

Жидъ. Ой! коли зъ ба на мене́
Цорный годъ нехай напавъ,
Ей-ей, нехай напавъ,
Коли бъ мене казацынька
На семъ мѣстѣ не заставъ!
Татухи-мамухи,
Ёсели-Мо́сели,
Гуцъ-гуцъ!

(Къ публикѣ):

Здраствуйте вамъ, гашпада!
Я присовъ и къ вамъ сюда,—
Я цувъ—у васъ кирмасъ,
А горѣлыцки немасъ.
Я знавъ узэ васа горе
И тасцывъ горѣлыцки поболѣ.
А у мене сабасовая и десовая,
Съ мельницы, съ подъ кола,
Гдѣ кру́тить и му́тить,
И пѣной бье́ть, и назадъ волоке́ть.
Такъ ина и того будеть бить,
Хто ее́ будеть пить.
Але́, хто хо́цыть ее́ пить,
Треба гро́сыки платить!
А гдѣ ето моя Сорка?
Гашпада, позвольте мнѣ
Погукать моя Сора!
О клейнце Сора,
О клейнце Сора!

(Идетъ Сора).

Ходи скоро,
Будемъ гулять уцора!
Казакъ при́деть, нѣсто бу́деть!

Сорка. Гутъ-моргенъ, мой Абрумцыкъ!
Жидъ. Гутъ-моргенъ, моя Сороцка!
А гдѣ ты, Сорка, пропадала?
Сорка. На рынки кабацокъ продавала!
А сто ето я тебе такъ довго не видала?
Идѣ ты бувь, Хаимъ?
Жидъ. Ай, я бувь у Полоцку, Велизу,
Увь Невелю, Дорогобузу,
И въ Склови, и въ Мугулёви,
У Старомъ Бихови и въ Орсы,
Игдѣ самъ цортъ не ходивъ!
И сто я видивъ, уй, гевалтъ!
Жидовка. Ай, Хаимъ, иди попроси музикантовъ,
Хай зайграють!

Музыканты играютъ, жидъ съ жидовкой танцуютъ.

Жидъ. Ой, Сорка! полно намъ гулять,
У мене будуть тутъ горѣлку брать.
Завтра сабасъ, на́ гро́сый табѣ троску,
Взарь мнѣ рыбки немнозка.
А тольки ходи—я тебе проведу.
А то тутъ ёсть хандо́ги,—
Ены тебе́ схандо́зуть.

Жидовка уходитъ.

Жидъ. Ой, гашпада! Якъ ѣхали ми изъ Дорогобуза,
А кобилка наса била недуза,
Обозъ на обозѣ, возъ на возѣ,—
Одна кобила въ возѣ и тая не везе́.
Да якъ узъѣхали ми на мостъ,
Кобилка наса гопъ подъ мостъ!
А ми её ца́пъ за хвостъ!
Нѣтъ, говоримъ, ты не уйдёсъ!...
Стали ми думать и гадать,
Сто намъ съ кобилки работать?
Ми взяли струнки на ладунки,
Зъ реберъ кареты, а зъ ногъ пустолеты,
А съ хвостовъ ситцы.
Стали ми кобилку випрягать,
Катоцки и оглобли ми ломать,
Да якъ разлозы́ли ми огни́сца,
Азъ пидъ самій небеси́сца;
А тутъ якразъ казацы́сца изъ лѣси́сца
И страснаго дубови́сца на плецы́сца!
Якъ ударивъ зыда подъ носъ, дакъ ёнъ носомъ затросъ!
Уй, гевалтъ!...
Казакъ. Ахъ, ты нехрысь, ты пархатый!
Чаго ты такъ оре́шъ!
Ти ня водку тутъ безъ патента продае́шъ?
Жидъ. Тиха, тиха, панъ Станевскій!
Я не водку, а воцетъ!
Казакъ. Врёшъ, пархъ! Давай питимо!
Жидъ. Питимо, питимо—а хто будеть гро́сы плати́ть?
Казакъ. А вотъ ета довбня табѣ запло́тить!
Жидъ. На́, пи, тольки мене́ не би!
Казакъ. Давай, ракалія, попробуемъ.

Жидъ угощаетъ казака водкой, казакъ шатается, наконецъ ложится.

Казакъ. Абрамъ! много ты за водку гро́шей накопилъ?
Жидъ. Я стольки на корцма могъ гро́сый накопить,
Сто у ца́ра могу табе́ купить!

Казакъ встаетъ.

Казакъ. Ахъ ты, нехрысь ты бродяжный!
Думаешъ, што я у царя продажный?

Начинаетъ колотить жида.

Жидъ. Тисы, панъ Станевскій,—
Я табѣ пѣсню запѣю:
Я зидоцыкъ смирнинькій,
Худинькій, ни зы́рнинькій!
Хуть ви мене́ би́тя,
Хуть ви мене́ рѣзтя,

Хуть ви мене зыlвенькаго
Отразу изъѣзтя!
Али моя дуса́,
Якъ цырвоньцыкъ, хороса́!
Теперъ, моспане Станевскій,
Дай мнѣ трохи гросый!

Казакъ подъ пѣсню жида заснулъ; жидъ вынимаетъ у него изъ кармана мѣдныя деньги.

Жидъ. Во, вразый сынъ!
Цузо́го добраго напивея и повалився!
Я тебѣ теперъ дамъ!

Бьетъ казака.

Дай-ка зъ я тебе боцонкомъ,
Да бокомъ, да за цубъ подрать!
Знай, знай!

Бьетъ и уходитъ. Казакъ спитъ.

Сцена V.

Казакъ. Здравія желаю, господа!
Я къ вамъ шествую сюда!
Знаете, хто я такой:
Я казакъ—небораkъ со степи—[поля;
Вотъ здѣсь казакова роскошь и [воля.
А у казака дурака
Жинки нема,
Одна душа въ тѣлѣ,
Вши всю голову объѣли!

Садится на Иродовъ тронъ.

Сяду я на Иродову козюльку,
Да покурю табаку люльку,
Ти не убачу я себѣ зезюльку.

Хоръ. Посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку, и проч.—всю пѣсню. Идетъ казачка.

Казакъ. Гдѣ ты, вражья дочь, пребывала?
Казачка. Казаченька, гарный человѣче:
На рыночку табачекъ продавала.
Казакъ. На сколько ты продала?
Казачка. Казаченька: на рубль продала,
А на два пропила.
Казакъ. А! ты не пильновала табаку,—
А пильновала кабаку,
Поди, найми музыку!

Музыка играетъ, они пляшутъ „казачка".

Казакъ. Полно гулять, пора табакъ продавать!

Уходятъ.

Сцена VI.

Купецъ. Здраствуйте вамъ, господа!
Знаете ли вы меня, хто я таковъ?
Я купецъ славный изъ слободушки Карманной.

Знаете, господа, чѣмъ я въ прежнее время занимался?
Я продавалъ перстенёчки, бруліянчики,
Табашные рожки и манерочки;
По улицамъ носилъ лучину,
А по краснымъ дѣвушкамъ печаль да кручину.
Пока я этимъ товаромъ торговалъ,
Всегда я сытъ пребывалъ.
Однажды со мною случилось великое несчастье:
Великолуцкій купецъ мою руку
Въ своемъ карманѣ захватилъ,
И такъ онъ меня щедро наградилъ –
Всѣ бока и ребра отколотилъ:
Пастухъ трубой, музыкантъ дудой,
Старыя бабы плохимъ горшкомъ,
А маленькіе ребятишки расковыряли весь носъ рожкомъ.
А вы же меня не промѣняйте на птицу,
А позвольте пріискать красную дѣвицу!

Идетъ барышня.

Барышня. Здравствуй, гаёръ мой любезный!
Я къ тебѣ приходъ полезный;
Я къ тебѣ пришла и гулять съ вамъ пошла.

Танцуютъ польку и уходятъ.

Сцена VII.

Докторъ. Здраствуйте вамъ, господа! Знаете ли вы меня?
Я лѣкарь, главный аптекарь,
Умѣю лѣчить, кровь мечить, корпію вставлять.
Живыхъ людей на тотъ свѣтъ отправлять:
Ко мнѣ ведутъ на ногахъ, а отъ меня везутъ на саняхъ.
Не болятъ-ли у васъ, господа, у кого ли зубы?

Идетъ барыня.

Барыня. Ахъ, докторъ! я слыхала, что вы лѣкарь.
Я даже больна и похудала, на мнѣ сорочка поужѣла:
Было двѣ складки, а то стало въ натяжку гладко.
Докторъ. Сударыня! вамъ нужно шалфею,
И дать разъ пять по шеѣ.
Тогда будете здоровы!
Барыня. Ахъ, господинъ,—еще болитъ голова!
Докторъ. Сударыня! обрить вамъ ее догола̀,
Парнымъ молокомъ привязать,
И полѣномъ по головѣ ударять!
Вашъ головъ будетъ здоровъ.
Барыня. Господинъ, еще болятъ зубы!

Докторъ. Сударыня! обрѣзать вамъ носъ и губы,
Не перепустить крови нилишку,
Дать вамъ въ ротъ еловую шишку.
Вашъ зубъ будетъ очень здоровъ.
Барыня. Ахъ, господа: даже отъ словъ его полегчѣло!
Пойду, найму музыку!

Танцуютъ польку и уходятъ.

Сцена VIII.

Волжскій дворянинъ. Здраствуйте вамъ, господа!
Знаете вы меня, кто я таковъ?
Я ни генералъ, ни полковникъ,
А съ сего свѣту покойникъ,
Гарнадеръ россійскій,—
Отдаю вамъ, господа, поклонъ низкій!
Вотъ теперь я вамъ разскажу, кто я:
Я изъ-за Волги дворянинъ,
Жилъ нѣкогда наодиноцы одинъ,
Имѣлъ я у себя крестьянъ сорокъ дворовъ,
Все плутовъ, да мошенниковъ и воровъ,
А именно: четыре двора прикащиковъ, два пустыхъ,
А въ двухъ совсѣмъ не живутъ.
Однажды я старосту послалъ къ нимъ за оброкомъ,
Они ему оброку не отдали, а всѣ бока и ребра отломали.
Остается одинъ слуга Ванька Малой.
Не позвать ли его сюда? Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Подай водки алой!
Ванька. Да гдѣ же ее взять?
Баринъ. Да въ поставѣ?
Ванька. Да чертъ ее тамъ поставитъ!
Баринъ. Да иди, посмотри въ другомъ.
Ванька. Да я всѣ четыре обошолъ кругомъ!
Баринъ. Прекрасно, Ванька!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Хорошо ли наши мужики живутъ?
Ванька. Хорошо, баринъ, какъ хорошо:
Въ восьми дворахъ одинъ топоръ!
Баринъ. Дуракъ! что же они имъ дѣлаютъ?
Ванька. До обѣда дрова рубятъ,
А послѣ обѣда одинъ одному головы рубятъ.

Туловище да голова—стало два.
Было сто, а теперь народу въ вашей вотчинѣ двѣсти!

Уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Хорошъ ли въ нашихъ мужичкахъ урожай?
Ванька. Хорошъ, баринъ!
Баринъ. Какъ-же хорошъ?
Ванька. Колосъ отъ колоса—не слыхать человѣческаго голоса.
Снопъ отъ снопа, столбовая верста.
Копа отъ копы, день ѣзды.
Баринъ. Прекрасно, Ванька!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Сколько мы ржи намолотили?
Ванька. Сорокъ четвертей за спиной!
Баринъ. Какъ, какъ?
Ванька. Сорокъ четвертей съ осминой?
Баринъ. Прекрасно!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?

Баринъ къ публикѣ.

Баринъ. Вотъ, господа: не купитъ ли кто у меня ржи?
А то у меня очень много! Сходно отдаю!
Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Что ты побѣжалъ,
И мнѣ приходъ и расходъ не показалъ?
Ванька. Вамъ, баринъ, приходъ и расходъ извѣстенъ!
Баринъ. Какъ же?
Ванька. Мерину сипатому
Да вашему батюшкѣ горбатому
Десять четвертей;
Сукѣ полевой
И вашей женѣ молодой
На холявы
Десять четвертей;
Уткамъ сѣрымъ
Да дѣвушкамъ сѣннымъ
Десять четвертей;
И намъ дворовымъ людямъ
Съ прикащиками
Десять четвертей.
Одна осьмина остается, баринъ.
Баринъ. Вотъ, господа: хотѣлъ было продать ржи,
А только наоборотъ! Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Куда же ты осьмину подѣвалъ?

Ванька. Баринъ! Не захотѣлъ закрома занимать,
Взялъ, сростилъ да и пивца наварилъ.
Баринъ. Вотъ хорошо! А хорошо наше пиво?
Ванька. Хорошо!
Баринъ. Какъ хорошо?
Ванька. А такъ: если вашему здоровью нáще стаканъ поднести
И полѣномъ по головѣ оплести—
Нехотя съ ногъ свалитесь.
Баринъ. Прекрасно!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Всѣ ли наши лошади двѣсти?
Ванька. А обѣ, баринъ, вмѣстѣ!
Баринъ. Какъ это происходило?
Ванька. Слѣпая хромую задавила.
Баринъ. Какъ такъ случилось?
Ванька. Слѣпая повалилась,
А хромая нашла на ее и задавила.
Баринъ. Вотъ, господа, несчастье какое:
Лошадей двѣсти и обѣ легли вмѣстѣ!
Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Поилъ ли ты конька воронька!
Ванька. Поилъ, баринъ!
Баринъ. Что у него морда суха?
Ванька. Пролубь очень высока!
Баринъ. Дуракъ! ты жъ бы пролубь подрубилъ.
Ванька. А я ему всѣ четыре ноги отрубилъ!
Баринъ. Дуракъ! Что же ты сдѣлалъ?
И на комъ мы будемъ ѣздить?
Ванька. Баринъ день на мнѣ,
А два дня я на барину!

Ванька садится барину на плечи сзади и кричитъ: Баринъ, пошолъ! А баринъ кричитъ: Ванька, шалишь,—подтяжки порвешь! И уѣзжаютъ *).

Сцена IX.

Баба деревенская. Хў ти мнѣ!
Здраствуйте вамъ, господа! Вотъ же уморилась!
Што сильно учора была выпивши,
А сегодня голова болитъ!

*) Діалогъ этотъ имѣетъ множество варіантовъ.

Я баба шепелуха, родилася на самаго Духа,
По рынку ходила, какъ молодая молодуха.
Ой, хто ето лежитъ? Какой больной или чумной?
Онъ горѣлки опился или змѣя укусила, —
Вб и похмелье будетъ!

Баба ворожитъ и плюетъ.

Семь зимъ зимовало и миновало,
Справили мнѣ, надѣли шибцы, хлибцы,
Шиповалы, коновалы, цудники, шляпники,
Откоснись, отколупись, отъ хребетной кости,
Отъ завыйной части, кости, врости! Плюнь, дунь!
Устань, мой казаче, гарный человѣче!

Баба подымаетъ казака, лежавшаго отъ сцены IV.

Казакъ. Ахъ, бабка! если бы ты тутъ не случилась,
Ко мнѣ бъ злая смерть приключилась.
Музыка! заиграй намъ съ бабкой!

Танцуютъ.

Бабка. Охъ, казаче: не при моихъ лѣтахъ уже гулять,
Лучше ты мнѣ заплати,
Хоть рублинку, или полтинку, или гривенку!
Казакъ. Баба! вишь, служивому дается три денюжки на день,
Куда хочешь, туда и дѣнь.
А подставь-ка свой горбъ!

Бьетъ бабу по горбу.

Вотъ тебѣ рублинка, и полтинка, и гривенка!

Сцена X.

Мужикъ. Здраствуйте вамъ, господа! Знаете вы меня, кто я?
Я мужикъ Лобосъ, пришелъ къ вашему здоровью,
Нѣтъ ли рубить дровъ?
Я мужикъ хорошій, на мнѣ жупанъ короткій;
Я кіемъ подпоясался, а лыкомъ подпиризался,
И къ вамъ сюда попался.
А теперь вамъ разскажу:
Какъ жили наши предки и дѣды,
Не видѣли ни горя, ни бѣды;
А какъ пришлось жить внукамъ,
Досталось много горя и муки.
На се лѣто распрогнѣвался на насъ Богъ,—
Не уродился у насъ горохъ,
А за наши подобныя рѣчи
Отбилъ въ полѣ Богъ всѣ ячменя и гречи.

Думать да гадать, что тутъ работать?
Мы взяли сумки и кошели на плечи,
И пошли съ голыми мѣшками ходить,
По пустымъ деревнямъ стали мякины просить,
Чтобъ въ сумкахъ было легче носить.
Просимъ солоду на брагу, овса на кисель,
Бѣлой яровой пшеницы на круглые пироги.
Много мы хлѣба накопили
И сухарей мы насушили.
Сухари мы продали, краснымъ дѣвкамъ лентъ накупляли.
Которая дѣвка красная, той лента атласная;
Которая рябáя, той лента голубая;
Которая курносая, той лента перепелёсая.
А я хуть старъ, а за дѣвками ласъ!
Господа! давно я видѣлъ сына Максима!
Позвольте погукать его!.. Сынъ Максимъ!
Максимъ (за сценой) Огу, огу, тата!
Мужикъ. Эй, гдѣ жъ ты, сынокъ голубокъ?
Максимъ. Тутъ, тутъ, татка!
Мужикъ. Ой, иди хотя сюда!

Максимъ входитъ.

А йгдѣ ты бывъ!
Максимъ. Тутъ, татъ, тутъ, у грибахъ!
Мужикъ. Какіе тутъ грибы?
Максимъ. Моложевики, рыжики, боровики,
И съ красной головкой!
Мужикъ. Ту, дуракъ: какіе теперь грибы?
Теперь рожествя́нская ко́лида:
Была звѣзда на небѣ.
А ты лучше иди въ городъ,
Попроси у пáнечки: дайте пряничковъ,
А панóчки по гривеничку!

Максимъ идетъ „въ народъ“ и проситъ себѣ въ лукошко.

Мужикъ. Якъ живъ я дворомъ, такъ бравъ ведромъ,
А якъ ставъ брать гарцомъ, и попавъ у старцы.
Якъ Семенъ живъ, ни о чемъ не туживъ;
Разъ напився рынковаго квасу и повалився.
Управитель на порогъ, а я брязь подъ порогъ!
Якъ начавъ ёнъ валить: кому менѣй, кому больше,
А мнѣ больше всихъ! Съ тыхъ поръ я зарекся:
Пропадай ты кабачекъ, горѣлочка и крючекъ,
Съ тебя шумъ и Москва,—отвѣчай Прохорова спина.

Уходитъ.

Сцена XI.

Входитъ мужикъ, съ подвязаннымъ брюхомъ, и жалуется на боль желудка.

Мужикъ. Вотъ, мои паночки:
Бывъ я у пана на пирушки,
Да якъ налопався тамъ юшки,
Дакъ и теперь не могу сойти.
Што мнѣ Гапка ни робила:
И крапиву, обваривши, клала,
И у бани мене растирала,—
А ейбогу, ничого не помогло,
Да еще и горше прилегло.
Порáили мнѣ яблочнаго квасу,
Свѣжаго моху, чертополоху,
И яще бытцымъ нечего троху;
Усё ето зелья надо сколотить
Да разомъ и проглотить.
Усё ето я зробивъ,
Али хоть бы трошку помогло,
А то еще горшъ прилегло.
Вотъ кабъ ето попався хвельшарочикъ,
Да полѣчивъ бы мой животочикъ,
Отдавъ бы ему и торбу и мошонку.

Является докторъ.

Докторъ. Што у тебя болитъ, мужикъ?
Мужикъ. Ай, паночикъ, помоги!
Разбибливъ, чуть ня лопну.
Докторъ. Ничего, Архипка, не робѣй!
Ложись-ка ты на брюхо!

Мужикъ ложится, докторъ бьетъ его палкой; мужикъ кричитъ „ратунку“; докторъ забираетъ торбу и кишень мужика и убѣгаетъ. Мужикъ приподымается и ругаетъ доктора.

Въ заключеніе вертепнаго представленія стрѣляютъ изъ маленькой пушки. Въ Бычанскомъ вертепѣ она сдѣлана изъ дула стараго пистолета.

Г. Суражъ, Витеб. губ.
Первоначально было напечатано мною въ Могил. Губ. Вѣд. 1898 г. моей редакціи.

КЪ ВЕРТЕПУ ВТОРОГО ТИПА.

I. Отдѣлъ религіозный и Иродъ.

СЦЕНА I.

По открытіи вертепа, пономарь зажигаетъ въ немъ свѣчи. Пѣвцы поютъ тропарь: „Рождество твое, Христе, Боже нашъ" а потомъ вирши изъ Богогласника:

Искони бысть тако
Веселіе днесь, яко
Земля вся согласно ликуетъ,
Церкви оферуетъ,
Бога на земли показуетъ,
Отверзи днесь врáта
Церковныя всѣ злата,
Алтарь Богу предоставлéнный,
Идѣ же Христосъ рождéнный,
Яко Богъ положéнный.

Является ангелъ.

Ангелъ со свѣщею
Да свѣтитъ тобою,
Божій Свѣтильникъ,
Неугасимый и т. д.

СЦЕНА II.

Сцена вторая изображаетъ фигурами изгнаніе Адама и Евы изъ рая.

Хоръ поетъ. Вопль бысть пре-
[зѣльный
Въ предрайстѣй странѣ:
Плакался Адамъ и Ева,
Изъ раю изгнанный.
Господь же, пришедъ,
Адама глашаетъ:
„Гдѣ еси, Адаме?"
Къ себѣ призываетъ.
Адамъ же скрылся
Отъ нагаго стыда,
Листвіемъ прикрылся,
Не являше вида.
„Ой жено, жено, —
Что мнѣ наробила?
Ты меня властнаго
Изъ раю удалила!
Ой раю, мой раю,
Сличная краина,
Ой, раю мой красный...
Гдѣ наша родина?"

СЦЕНА III.

Рожденіе Христа. Въ верхнемъ ярусѣ пещера и ясли; въ нихъ повитый Младенецъ.

Пастухи. Нова радость стала,
Какъ на небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣту возсіяла.
Предъ тѣмъ веселимся,
Христу поклонимся,
Яко царю рожденному,
Богу предвѣчному.
Просимъ тебе, цару,
Небесной офяры:
Даруй лѣто счастливое,
Сему господáру.
Пастушкѝ съ ягняткомъ
Передъ симъ же дитяткомъ
На колѣни упадали,
Главы́ всѣ склоняли.

СЦЕНА IV.

Приходятъ на поклоненіе три волхва.

Хоръ. Шедше тріе царіе
Ко Христу Государю.

Является Иродъ.

Иродъ ихъ пригласилъ,
Идѣ же йдутъ, ихъ спросилъ:
„Царіе Персидстіи —
Куда вы идете?"
Отвѣщаша ему:
— Идемъ къ рождéнному,
Во ясли положéнному
Дары принести!
— „Идите и мнѣ возвѣстите:
И азъ поклонюся Ему".

Волхвы приходятъ къ Христу и
[кланяются.
Хоръ. Небеса купно съ ангелы
[ликуйте,
Тріе цари дары оферуйте!
Днесь рождéнный,
Въ ясли положéнный,
Между скоти,
Зрится въ плоти.
Намъ пророкъ вѣщаше:
Родила Дѣва спасеніе наше.
Что отрóка безъ порока
Родила Дѣва Марія въ Виѳліемѣ

Волхвы удаляются обратно. Къ нимъ является ангелъ:

Ангелъ. Царіе Персидстіи,
Куда идете?
Не Ироду ли
Вѣсть несете?
Къ Ироду не идите,
Бо Иродъ говорилъ лукаво,
Идите же направо!
Волхвы. Благодаримъ ангела,
[архангела,
Что намъ путь указалъ,
Идти направо приказалъ.

Къ Іосифу является ангелъ.

Хоръ. Иродъ хочетъ отроковъ
[избити,
Ангелъ пріиде мужу возвѣстити,
Чтобъ Іосифъ въ Египтѣ
Отъ Ирода скрылся,
Вмѣстѣ тамо съ Младенцемъ на-
[ходился.

СЦЕНА V.

Иродъ сидитъ на тронѣ и зоветъ воиновъ.

Являются воины.

Иродъ. Вои мои, идите
Сего младенца убійте!

Воины уходятъ.

Хоръ. Иродъ славы добываетъ,
Всѣхъ младенцевъ убиваетъ!

Является Рахиль и плачетъ.

Рахиль. Крикнула мати
По своёмъ дитяти:
„Ахъ убиваютъ,
Меня несчастной оставляютъ.
Восплачете, чади,
Ирода ради —
Время наступаетъ,
Дѣтей убиваютъ!"
Хоръ. Не рыдай по чадехъ,
Вознесетъ во адехъ
Богъ вѣнецъ преславныхъ
Отъ Христа мнѣ данныхъ,
Мученикамъ слава,
Честь и держава
На вѣчныя вѣки!

Иродъ послѣ избіенія младенцевъ сидитъ на тронѣ.

СЦЕНА VI.

Является смерть.

Смерть. Азъ есмь монархúня,
Всего свѣта Господыня,
На всякомъ мѣстѣ пребываю,
Всѣхъ къ себѣ я призываю.
Цари и князи всѣ подъ властію [моéю,
Всѣхъ я вырѣжу косою своею.
Полно тебѣ, Иродъ, царствовати [въ свѣтѣ,
Пора тебѣ дáвно сидѣть въ ад- [ской клѣти!
Иродъ. Не хочу я умирати,
Хочу еще царствовáти.
Не хочу по аду шляться,
Буду съ смертью воеваться!
Вои мои, станьте у порогу,
Буду ловить смерть, какъ мóгу!
Смерть. О, Иродъ проклятый!
Не хочетъ поддаться,
Хочетъ со мной воеваться.
Какъ крикну я старшаго брата [изъ ада,
Будешъ ты знати,
Какъ чадъ убивати!
Брате, Аде!

Является дьяволъ.

Дьяволъ. Что, Иродъ проклятый,
Споришь съ моею сестрою?
Сестра, ударь его
Своею косою!
Какъ свалится его глáва,
Намъ будетъ честь и слава!

Смерть срубаетъ голову и говоритъ:

Вотъ вамъ трупъ и глáва,
А мнѣ честь и слава!

Дьяволъ хватаетъ трупъ и уноситъ.

Хоръ. Чертъ же показалъ пе- [кельныя штуки,
Взялъ грѣшнаго человѣка въ [свои руки.
Бѣжитъ во адъ, присѣдая.
Вотъ суета мірская!

СЦЕНА VII.

Возвращается изъ Египта Святое Семейство.

Хоръ. Ангелъ во снѣ предвѣ- [щаетъ,
Дѣву назадъ возвращаетъ
Съ Младенцемъ, съ Младенцемъ!
Мы васъ поздравляемъ,
Долго жить желаемъ:
Весело живите
И насъ наградите!
Мы же пойдемъ въ дорогу,
Приносити честь и хвалу
Христу Богу!

Такимъ образомъ, библейская часть вертепнаго дѣйства, послѣ смерти владѣльца вертепа, скомкана. Что же касается бытовой части, то въ устахъ новаго владѣльца она не только сокращена, но и совершенно искажена. Состоитъ она всего изъ шести сценъ и притомъ нѣмыхъ, кромѣ четвертой. Являющіеся персонажи молча танцуютъ и

удаляются. Мало этого: вертепщикъ, не умѣвшій заучить текстовъ этой части, заставляетъ свои фигуры танцевать подъ пѣніе религіозныхъ виршей или искусственной пѣсни позднѣйшаго періода, благодаря тому только, что ее можно пѣть на мотивъ „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни...“

Излагаю содержаніе этой части.

Сцена первая. Являются двѣ паненки и танцуютъ польку, а хоръ поетъ искаженную виршу:

Небеса купно съ ангелы ликуютъ,
Тріе цари дары оферуютъ... и т. д.

Сцена вторая. Входитъ цыганъ. Увидя его, паненки въ испугѣ убѣгаютъ. Цыганъ пляшетъ русскую, казачка, а хоръ поетъ ускореннымъ темпомъ виршу:

Скинія всезлатая, ковчегъ завѣта,
Во пещерѣ днесь Марія Сына повила.
Радуйся, Марія, радуйся, Приснодѣва,
О нетлѣнномъ рождествѣ твоемъ! и т. д.

Сцена третья. Съ окончаніемъ вирши цыганъ уходитъ. Является мужикъ и тоже молча танцуетъ. Хоръ поетъ пѣсню 1861 года:

„Ахъ ты, воля, моя воля, золотая ты моя!“ и т. д. на мотивъ пѣсни:
Ахъ вы, сѣни, мои сѣни...“

Сцена четвертая. Входитъ жидъ.

Мужикъ. Почто ты тутъ, невѣрный жидовину, ходишъ,
Людямъ шкоды безъ числа навѣрно приводишъ?
Въ небѣ, въ красной украини, въ божественной святынѣ,
Бодай тя не знати, бодай тя не знати, и не оглядати.
А ты, Борухъ, спѣваешь, однако не кончишь,
Да й у Соренька своей правды ты не дóйдешь,
Бо стоíть мужикъ съ кіемъ великимъ,
Жидъ же закричалъ голосомъ предикимъ.
Жидъ. Буду дóбре жити, не буду крутити!
Мужикъ. Тутъ, невѣрный жидовину, тебѣ не ходити,
А ты, прóклятый, говóришъ: не буду крутити!
Жидъ. Ейбогу жъ, крутить не стану,
Больше грошій я достану коло добрыхъ людей,
Коло христіановъ!

Является чертъ, хватаетъ жида и уноситъ, а мужикъ, испугавшись, убѣгаетъ въ другую сторону.

Сцена пятая. Ѣдутъ конные воины и маршируютъ. Хоръ поетъ виршу:

Превѣчный родился, безсмертный,
Хотящій землю просвѣтити,
Пріиде крестити вселенну дружина Христова и т. д. въ крайне искаженномъ видѣ.

По окончаніи пѣнія этой вирши выдвигается на сцену пушка—стволъ стараго пистолета.

Хоръ поетъ виршу:

Вселенная веселися, Богъ отъ Дѣвы днесь родися,
И въ вертепѣ межъ бидляти пришли поклонъ отдавати и т. д.

При окончаніи этой вирши въ Пропойскѣ изъ пушки стрѣляли. Потомъ воины съ пушкой удалялись.

Сцена шестая. Является мужикъ. Онъ ведетъ козу. Вслѣдъ идетъ баба.

Хоръ поетъ: Антонъ казу́ ведéть
Антониха падганя́ить,
Казá бу́бки раня́ить,
Антониха паднимаить
Ни папáла па казѣ́,
Да па'Нтóнавай назѣ́.
Антонъ плачить,
Антониха скачить!

Баба, а потомъ и мужикъ съ козою, пляшутъ, чѣмъ и кончается представленіе.

Записано отъ Юрьева, Ѳедорова и Красовскаго
Ф. Ѳ. Кулешовымъ.

КЪ ВЕРТЕПУ ТРЕТЬЯГО ТИПА.

I. Иродъ.

СЦЕНА I.

Происходитъ въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь находятся фигуры Адама, Евы, двухъ ангеловъ и херувима съ мечомъ, пономаря, діакона, священника.

Пономарь звонитъ въ колокольчикъ и своей горящей свѣчой зажигаетъ свѣчи, стоящія предъ образами (см. выше, описаніе вертепа).

Священникъ и діаконъ входятъ и кадятъ предъ образами.

Хоръ поетъ тропарь: „Рождество твое, Христе Боже нашъ“. По окончаніи тропаря, входятъ два ангела.

Ангелы поютъ кондакъ: „Дѣва днесь“.

СЦЕНА II.

Когда окончится пѣніе кондака, входятъ Адамъ и Ева. Ихъ гонитъ херувимъ съ мечомъ.

Адамъ и Ева плачутъ.

Хоръ поетъ: Вопль бысть пресильный въ предрайской странѣ:
Плакался Адамъ, изъ раю изгнанный:
„Ой раю жъ, мой раю, слишная украина,
Ой, бѣдная жъ моя безъ тебе година!
Ой, жена жъ моя, што ты мнѣ сдѣлала:
Ты мя властнаго изъ раю прогнала!“

Пономарь тушитъ свѣчи.

СЦЕНА III.

Происходитъ въ нижнемъ этажѣ. Входитъ царь Иродъ. Фигура его деревянная съ отрѣзанной головой, которая слегка приклеена къ плечамъ и ниточкой привязана. Войдя, онъ садится на тронъ.

Иродъ. Што я слышу во царствіи своемъ нынѣ,
Въ Виѳлеемскомъ градѣ, о новорожденномъ чадѣ?
А призову я къ себѣ тре́хъ царе́й
И спрошу у нихъ какихъ вещей!

Входятъ три цари.

Хоръ. Шедше тріе цари ко Христу съ дарами;
Иродъ же проклятый, идѣ же йдутъ, ихъ спросилъ.

Цари кланяются:
Почто ты намъ, царь державный,
Велѣлъ прити подъ твой указъ явный?

Иродъ. Потому я вамъ велѣлъ прити,—
Бытто какая дѣва днесь сына царя родила,
Я въ ушахъ слухъ мѣвъ и потому посылаю:
Идите и развѣдайте, и азъ поклонюся ему!

Цари пошли и идутъ на второй этажъ, въ пещеру.

Хоръ. Зашли съ страны свое́
Ко Христу славосла́вить.

Цари, кланяются:
Новорожденный царю, прими наши дары!
Мы, тріе цари, приносимъ ко Христу дары.

Ангелъ, входитъ:
Царіе-друзіе, куда вы мыслите ити?
Ко Ироду не идите, но иннымъ путемъ идите!

Цари. Благодаримъ тебѣ, ангелу,
Што намъ показалъ путешествія страны!

Хоръ. Ангелъ къ нимъ являетъ, на путь наставляетъ:
Ко Ироду не идите, но инымъ путемъ идите!

СЦЕНА IV.

Происходитъ во второмъ этажѣ. Идетъ „скинія": Дѣва Марія на ослѣ, Іосифъ ведетъ осла, за плечами у него мѣшокъ.

Хоръ. Скинія всезлата́я,
Ковчегъ завѣта́,
Видящи днесь Марія
Сына повита́!
Радуйся, Марія,
Радуйся, Приснодѣва,
О нетлѣнномъ
Рождествѣ твоемъ!
Слава Богу во вышнему,
Ангелы гласять,
Слава силѣ твоей,
Дары приносятъ.
Радуйся, Марія и т. д.
Звѣзда ясна сіяеть,
Ему служаща,
Три царн приходять,
Дары носяща.
Радуйся, Марія и т. д.

Пастухъ и пастушка съ ягненкомъ подъ мышкой входятъ въ пещеру и кланяются предъ яслями.

Хоръ. Пастушка съ ягняткомъ
Передъ тымъ же дитя́ткомъ
На колѣни упадають,
Христа величають.

Царь Давидъ идетъ съ гуслями въ рукахъ.

Хоръ. Давыдъ, мужу дивный,
Выгрыва́еть игры,
Во всѣ струны ударяеть,
Христа прославляеть!

СЦЕНА V.

Происходитъ въ нижнемъ этажѣ.

Иродъ, садится на тронъ:
Што я слышу въ царствіи своемъ нынѣ,
Въ Виѳлеемскомъ градѣ
О новорожденномъ чадѣ?
Призову я къ себѣ воина,
Дабы онъ могъ меня губить,
Или болѣе раздражнить!
Воине мой милый,
Воине любезный,
Стань передо мною!

Воинъ, прибѣгаетъ съ саблей въ рукѣ:
Господинъ мой царь!
Твоя вѣра моя вѣра
Вѣроятно стала?
Иродъ. Воине мой милый,
Воине любезный!
Иди во градъ Виѳлеемъ
И избей тамъ младенцевъ
Отъ двою лѣть и нижае!

Воинъ съ саблей уходитъ. Является другой воинъ съ пикой и ведетъ Рахиль со отрочатемъ.

Воинъ. Господинъ мой царь!
Я привелъ къ тебѣ Рахилю
И съ малымъ отрочемъ:
Или велишь убить,
Или жива́го на свѣтъ пустить?

Иродъ. Я тебѣ царскихъ словесъ
Никогда не перемѣню!
Возьми отроча, убей!

Воинъ беретъ дитя на пику.

Рахиль. Скликнула мати
По своемъ дитяти:
Ахъ, уби жъ мéня
Въ сіе время,
Пусть умру скоро!

Плачетъ и кланяется.

Хоръ. Не рыдай по чадѣ,
Вознесутъ во адѣ
Твой вѣнецъ преславный,
Отъ Христа изданный,
Съ небесъ херувимы,
Еще серафимы,
Мученикамъ честь и слава
На вѣки вѣковъ.

Воинъ и Рахиль пошли.

СЦЕНА VI.

Смерть входитъ:
Азъ есть монархиня,
Всему свѣту па́ня!
Гдѣ же я пребуваю,
Во всякой странѣ
Всѣ цари и князи
Подъ властью моею,
Я вырублю косою своею!
О ты, Иродъ, царь проклятый!
Полно тебѣ царствова́ти,
Не пора ли въ адъ вступати?

Иродъ. Охъ смерть, моя мати,
Не хотѣлъ бы я умирати,
Хотѣлъ бы съ тобой воевати.
Пусть мое царство повсюду знати!

Смерть. Ахъ ты Иродъ, царь проклятый!
Не хочешь добровольно въ руки поддаться,
Хочешь съ смертью воеваться?
Якъ воскликну я брата
Съ пекельнаго ада!
„Адъ—братъ!"

Чертъ въ видѣ косматаго чернаго человѣка:
Што, смерть—сестра?

Смерть. Царь Иродъ хотѣлъ со мной воеваться,
Не хотѣлъ смерти въ руки поддаться!
Чертъ. Возьми, сестра, косу́,
Зруби царю главу́!
Ему трупъ и гла́ва,
А намъ честь и слава!

Дьяволъ пошелъ.

Смерть. Пропойте ему надгробную пѣснь!

Хоръ. Еще жъ бо ты не доказалъ
Пекельныя штуки,
Якъ Ирода проклятаго
Беруть въ свое руки.
Беруть его и держа́ть,
Всѣ отвѣты предлежать
За его забавы,
Идуть до насъ славы.

Смерть. Вотъ тебѣ надгробная пѣсня пропѣта,
Лишаешься ты сего бѣлаго свѣта!

Даетъ понюхать косу:

Понюхай!

Иродъ сходитъ съ трона.

Смерть рубитъ ему голову. Онъ падаетъ.

Чертъ прибѣгаетъ:
Ходи-ка, братъ, со мною въ адъ!
Будемъ съ тобою у карты гулять,
И старыхъ бабъ забавлять!

Бьетъ его, колотитъ и тащитъ.

II. Жанровыя сцены.

Въ нижнемъ этажѣ.
Первая сцена забыта.

СЦЕНА II.

Два царя ѣдутъ верхомъ—Поръ Индѣйскій и Александръ Македонскій. Поръ въ длинномъ плащѣ, съ пикой въ рукахъ, Александръ въ короткомъ платьѣ, съ саблей. На головахъ у обоихъ короны.

Вертепщикъ. Новое дѣло начинають,
Царь царя убиваеть,
На небеси и на земли споклоняють.

Цари сражаются. Поръ падаетъ съ коня, а Александръ уѣзжаетъ. Является воинъ въ шлемѣ съ перьями и уноситъ тѣло убитаго Пора.

СЦЕНА III.

Входятъ по парно шесть солдатъ съ ружьями и офицеръ. Одѣты въ мундиры. Ружья изъ жести.

Офицеръ. Во фрунтъ!
Солдаты становятся во фронтъ.

Офицеръ осматриваетъ ихъ съ праваго и съ лѣваго фланга.
Смирно! Равняйся!
Ряды вздвой! (полное ученье).
Налѣво кругомъ! Шагомъ маршъ!

Солдаты уходятъ.

СЦЕНА IV.

Выѣзжаетъ кавалерія: шесть солдатъ и генералъ. Всѣ въ формахъ, съ саблями изъ блестящей жести.

Генералъ. Здорово, ребята!
Солдаты. Здраемъ-желаемъ, ваше высокопревосходительство!
Генералъ. Шкадро́нъ, во фронтъ!
Солдаты становятся во фронтъ.
Генералъ подъѣзжаетъ къ нимъ и осматриваетъ линію. Потомъ отъѣзжаетъ и командуетъ:
— Шкадронъ, маршъ!

Уѣзжаютъ. Лошадь генерала танцуетъ.

СЦЕНА V.

Выступаютъ „скаку́шки"—маріонетки на пружинахъ и ниткахъ. Среди нихъ уланъ. Всѣ танцуютъ.

Уланъ, поетъ и танцуетъ:
А вула́не добрый пане,
А въ вуланахъ до́бро жить,
Довбе́шечкой воши бить!
При́стань, при́стань до вербу́нки,
Бе́ндешь ѣсти зъ масломъ курки,
Бендешь пить, бендешь ѣсть,
Бендешь хо́рошо ходить!

Скакушки пошли.

СЦЕНА VI.

Паничъ и паненка являются. Музыка играетъ на скрипкѣ и на цымбалахъ, (а позже на гармоникѣ), польку.

Паничъ и паненка, танцуютъ польку. По окончаніи танца цѣлуются и кланяются хозяину.

СЦЕНА VII.

Цыганъ. Накуве́рда—ве́рда,
На чичиръ жа!
Чичиры—міряне!
Панове, ти на бачили,—
Ти не ѣхали шатромъ цыгане?
Кобылка бѣленька на ноги кульгала,
И тамъ была молодая
Моя цыганка Хо́вра!
Цыганка. А я тутъ!
Цыганъ. А гдѣ ты была?
Цыганка. Я ходила по селу,
Добывала сыровцу!
Цыганъ. А що твой сыровецъ
Да пахнеть раковой юшкой?
Цыганка. А я жъ кидаю къ тому
Ище и Петрушку!
Цыганъ указываетъ на хозяина:
Ну, иди жъ къ тымъ пано́мъ,
Кланяйся низенько,
Да проси гарненько!
Музыкантъ! Зайграй мнѣ
Свиньюю кубаную!

Музыка играетъ казачка.

Цыганъ и цыганка, танцуютъ и поютъ:

Чаму цыганъ не орэ?
— Онъ не мáе плуга,—
За поясомъ пýга!
Цыганка. Я за сало, я за крупы,
Прóйдить шкворень кала д..ы!
И за крупы и за сало
Къ д..ѣ шкворень привязала!
Цыганъ, бьетъ цыганку пугой:
До шатрá, до шатрá!

Уходятъ.

СЦЕНА VIII.

Входитъ жидъ и кланяется.

Жидъ. Добрый вéцыръ, панóцки!
Ти нема сто продазны:
Сцытúна, восцына, пастарнáку?
И я, господа, коло васъ открыю лáвоцку:
Будеть у мене всего довольно:
Цапóцки, лапóцки, цай, сахаръ, мыло,
Есцó трóху и дёхтю!
Дозвольте мнѣ, паноцки,
Кабъ потанцовать,
Васъ съ празьникомъ поздравить!

Кланяется хозяину.

— Я не одинъ тутъ, паноцки:
У мене ёсть Сóра,
Выписана изъ Париза уцора.
„Сброцка! кум цу мир танцэн!“

Сора выходитъ. Жиды танцуютъ казачка.

Жидъ, въ тактъ поетъ:
Моя сáпоцка изъ злота,
Съ одной скýроцки работа,
А ярмýлка кóзана
Гнúдами шпикóвана!

Въ разгаръ танцевъ незамѣтно вбѣгаетъ разбойникъ, бьетъ жида по затылку и прячется. Жиды сначала убѣгаютъ со страха, но потомъ опять приходятъ. Сначала жидъ.

Жидъ. Сто тутъ за разбойникъ такій?
Якъ ето мозно?
Хто тутъ бьéтца?
Я буду залитца на мировій судъ, у цасть!
Сорочка! кум цу мир танцэн!

Сора входитъ. Начинаютъ танцовать казачка. Входитъ опять разбойникъ и убиваетъ жида. Сора убѣгаетъ. Когда разбойникъ уходитъ, она появляется снова и плачетъ.

Сора. Осэроцка (имя)! устаюфъ, позалуста!
У мене дробныя дѣтки!

Устаюфъ, устаюфъ, позалуста!...
Ну, коли не хóцысъ,—
Цортъ тебé возьми!
У мене заўтра другій будеть!

Уходитъ. Является чертъ. Быстро схватываетъ жида,—„ажъ пылъ!“—и уноситъ.

СЦЕНА IX.

На сценѣ Антонъ съ козою и Антониха.

Хоръ. Антонъ козу ведéть,
Антониха погоняеть,
Антонъ козу бьéть,
А коза не йдеть.

У Антона въ рукахъ лучинка. Онъ зажигаетъ ее и суетъ козѣ подъ хвостъ, а сами съ Антонихой выскакиваютъ изъ вертепа.

Является старецъ съ кошелькомъ и проситъ подарить его. Приходитъ разбойникъ, смотритъ въ кошелекъ и бьетъ старца долбешкой.

Разбойникъ. Проси грóшей, проси!

Старецъ кланяется хозяину. Дѣти хозяина опускаютъ деньги въ кошелекъ.

Г. Могилевъ. Записано мною въ 1905 г. отъ вертепщика Василія Бутомы.

Со звѣздою ходятъ только въ три первые дня Рождественскихъ праздниковъ; вертепныя же представленія могутъ даваться, сверхъ того, наканунѣ и въ день Новаго года.

Со второго дня Рождественскихъ праздниковъ начинали ходить ряженые съ козою, медвѣдемъ, кобылой, журавлемъ.

Для того, чтобы сдѣлать *козу*, хлопцы выворачивали кожухъ шерстью кверху, продѣвали въ одинъ рукавъ кожуха конецъ дуги и завязывали рукавъ въ видѣ головы и шеи. Къ головѣ привязывали рога изъ соломы или изъ крупнаго сѣна—осоки. Къ другому концу дуги привязывался хвостъ, изъ того же матеріала. Тогда подъ кожухъ влѣзаетъ низкорослый парень и беретъ въ руки головную часть дуги, обращенной выпуклостью книзу. Полы кожуха съ боковъ опущены до земли и закрываютъ ноги парня. Такъ какъ парень входитъ въ избу согнувшись, то при плохомъ крестьянскомъ освѣщеніи такая фигура легко сходитъ за козу.

При козѣ долженъ быть и *дѣдъ*. Его тоже одѣваютъ въ вывороченный кожухъ, но на спинѣ дѣлаютъ горбъ—„запхнуть якую-нéбудь лойнúну и потперáжуть.“ „Тагды вóзьмуть бярэсьтину, прарэжуть вочи и ротъ, уваткнуть носъ изъ бярэсьтины и нитками завя-

жуть за вушми. Яно (маска) и де́ржытца. Намажуть надъ ро́тамъ вусы сажай, надъ вача́ми бро́вы. Бараду́ привѣсють съ пяньки ти зъ лёну. Табакерку дадуть у руки; ёнъ и табаку нюхая у той у нось, у барасьтя́ный. И кі́й у рукахъ де́ржа.“

„Тагды дѣлають и *маладичку*. Бяруть мальца яко́га пато́нышы, навя́зують на галаву́ намётку, штобъ на женщину быў похожъ, надѣвають и шнурбу́ку и андаракъ. Напихають платкоў, штобъ груди были, якъ у малодицы.

Посли дѣлають ще *нѣмца*. Возьмуть штаны чорныя, ти ў салдата, ти у жыда, да́ мундеръ якій, жалетку, прыбяру́ть хлопца, дадуть шапку чорную, а кали ёсь—дакъ брыль. И абвядуть сажай вочи и ротъ,—яго и ни спазнать. Тагды музы́ку шукають. Харо́шый музыка и ня по́йдя, а такъ, абы-якій, лишь бы умѣ́ў ры́пать.

Ну, по́сли таго́ ужэ́ ма́льцы идуть пѣть. Бяру́ть и михано́шу. И павяду́ть казу́. Падо́йдуть надъ вакно и про́сятца у хазяина: „Казы́ на́шыя палядѣть пазвольтя!“—Ну, хто пусьтя, а инныя кажуть: „ни нада, нашы дѣти баятца!“ Ти такъ што.

Якъ пусьтять, дакъ упе́радъ иде дѣдъ, вядé казу за шыю (за конецъ дуги), тагды нѣмяцъ, маладичка, и пѣ́ўшыя (пѣвчіе), и музы́ка. Якъ увойдуть, дакъ каза́ ста́ня пасяро́дъ хаты, а дѣдъ хо́дя кала яé и стукая па́лкай у мостъ. Кала казы́ и малади́чка и нѣмяцъ, а пѣ́ўшыя и музы́ка у парбзи. Пѣ́ўшыя запяють, музы́ка то́я жъ самая пады́грывая, малади́чка и нѣмяцъ ска́чуть, каза́, стоячи, варо́чаитца, нагами ту́пая... Гуляють!

Пѣсни при этомъ поются слѣдующія:

Го-го-го, каза,
Го-го, шэрая!
Выскачь ты, ко́за,
Выскачь, нябо́жа,
Съ тёмнаго лѣсу
На чы́ста по́ля,
На лукамо́ръя!
Тамъ тябé шука́ють,
Тамъ тябé пытають
Стралцы́-удалцы!
— Я ни баюся
Стралцо́ў-удалцо́ў,
Тольки баюся
Руса русо́га,
Дѣда старо́га!

—

Изъ ельничку,
Изъ бярэ́зьничку
Вы́скачыў заяцъ,
Стаў казу́ лаять:
„Ахъ, ты, кази́ца,
Старая псица!
Ўзяла бъ ты сярпо́къ,
Пашла́ бъ у лясо́къ,
Травы нажа́ла,
Да свайхъ дятéй
До́ма дяржала,
Патро́шку травы
Имъ ба кидала!
С. Заболотье Рог. у.

—

Го-го-го, каза,
Го-го, сѣрая,
Го-го, бѣлая!
Расхади́си—тка,
Разбяги́си—тка,
Па ўсяму двару́
Гаспадарскаму,
Приди близинька,
Пакланись низинька
И гаспадару́,
И гаспадыни,
Штобъ падарили
Мѣрачку аўса,
Штобъ каза пашла́!
Мѣрачку жыта,
Штобъ каза сыта!
Гдѣ каза́ наго́й,
Тамъ жыта капо́й,
Гдѣ каза́ ро́гамъ,
Тамъ жы́та сто́гамъ,
Дѣ ни бывáя,
Тамъ ни ўраджáя!
Дабры́-вечаръ!
С. Кошелево.

—

Го-го-го, каза,
Го-го, сѣрая,
Го-го, бѣлая!
Ни хади, каза,
Па туромъ, туромъ,
Па туро́мини,
Падъ то́я сялцо
Куракоў́ская:
Тамъ стралцы́-байцы́,
Добры малайцы́,
Ра́дютца яны́
Козухну бити!
—Ни баюся я
Ни стралцо́ў-байцоў,
Добрыхъ малайцо́ў,
Тольки баюся
Старага дѣда,
Барада сѣда:
Ёнъ мянé зра́дя,
Ёнъ мянé ўдара
И ў права вушка—
Патячэ́ юшка,
У лѣвый бачо́къ
Патячэ́ сачо́къ!
—Нутка жъ, козухна,
Расхадиси-тка,
Самаму́ пану
Пакланиси-тка,
И гаспадыни,
Штобъ падары́ли:
Пять кускоў сала,
Штобъ каза́ ўстала,
Рэ́шата й аўса,
Наверхъ каўбаса!
Д. Кураковщина Рог. у.

—

Хадила каза
Па густымъ бара́мъ,
Па тёмнымъ ляса́мъ,
А тяперъ хо́дя
Па бо́жжымъ дама́мъ.
Па́ня—гаспадаръ,—
Паўчвертки аўса,
Штобъ наша каза́
Висо́ка расла́!
Паня гаспадаръ,—
Паўчвертки жы́та,
Штобъ наша каза́
Тымъ была́ сы́та!
Якъ пашла́ каза́
На капы́тичкахъ,
На зало́тинькихъ,
Усё кажучы,
Прыказуючы:
„А дай жа, Божа,
Да хадя́ину
Да каро́вачку
Ни ўро́чливаю,
Мало́чливаю,
Жыта каласиста,
Ядро ядрани́ста!
С. Жгунь Гомельск. у.

—

Ого-го, каза́,
Ого, сѣрая,
Нидаўна зъ Масквы,
Зъ до́ўгими касми́!
На гарэ́ каза́
Съ казиня́тами
У далѣ ваўчо́къ
Зъ ваўчынятами.
Якъ прыбѣгъ ваўчокъ,
За ко́зачку чокъ!
А ваўчыняты
За казиняты.
Ты каза дурная,
Ниразумная!
Ты сваимъ дѣткамъ
Ни гаспадыня!
Ты вазьми сярпокъ,
Пабяжы ў лясокъ,
Нажни травицы
Мале́нькій снапо́къ,
Пакарми́ своихъ
Мале́нькихъ дито́къ!
Ни хади, каза,
Падъ то́я сялцо,
Падъ Бабовичи!
А ў Бабовичахъ
Стралцы́—малайцы́,
Рахава́лися,
Жалкава́лися:
Хо́чать казу́ ўбить,
Шкуру аблупить,
Мяса парубать,
Сабакамъ аддать!
Охъ, я тыхъ стралцоў
Я ни баюся,
Тольки баюся
Старага дѣда,
Што ў таго́ дѣда,
Барада сѣда:
Той мянé убъé,
Шкуру абдярэ́,
Мяса пару́бя,
Сабакамъ аддасть!
Ты, каза, устань,
Низка пакланись:
Хазяинъ идé,
Мѣхъ грэ́чки нясé,
Мѣрачку жыта,
Штобъ каза сыта,
Мѣрачку аўса,
Зверху каўбаса.
Гдѣ каза тупъ-тупъ,
Тамъ сѣна семъ копъ!
Гдѣ каза ро́гамъ,
Тамъ сѣна сто́гамъ!
Гдѣ каза хвасто́мъ,
Тамъ жыта кусто́мъ!
С. Бобовичи, Гом. у.

—

Начинають пѣть еще въ сѣняхъ:

Вотъ мы къ вамъ [идёмъ
И казу́ вядёмъ!
Нутка, ко́занька,
Расходиси-тка,
И ўсяму́ двару́
Пакланиси-тка:
И гаспадару́

И гаспадарыньцы,
Ещé краснай Марынь-
[цы.
А нашъ гаспадаръ,
Ёнъ казу жалаў,
Каляду даваў:
Гаспадаръ идéть,
Каўбасу нясéть,
Тры куски сала,
Кабъ каза ўстáла,
Паўмѣрки аўсá,
Кабъ казá расла,
Чвéртку пшаницы
На паляницы,
Кабъ наша козанька
Да наѣлася,
Падъ миханóшу
Павалилася.
„Ну-тка, миханошъ,—
Дуй казѣ у носъ:
Надмéтца жыла,
Будя казá жыва.
Го-го-го, казá,
Го-го, шэрая!
Гдѣ ты хадила,
Й гдѣ ты блудила?
— А я хадила,
А я блудила,
Па тёмныхъ лисахъ,
Па шырóкихъ лугахъ,
А ў ляскý, ляскý,
На жóўтымъ пяскý
Павалилася,
Аказилася!
На гарэ́ казá
Съ казянятками;
Падъ гарóй ваўчокъ
Зъ ваўчанятами.
А ваўчокъ, ваўчокъ,
За кóзачку чокъ,—
А ваўчанятки,
За казянятки!
На палý жыта,
Нагами збита,

А на пéчи авёсъ
Вяликій парóсъ;
А ў томъ жытячку
Пирапéлица
Дятей вывила.
Бóльшыя, мéньшыя
Усѣ палятѣли,
А мéньшанькія
Пасиратѣли.
Дѣ казá рóгамъ,—
Тамъ жыта стóгамъ,
Дѣ казá нагóй—
Тамъ жыта капóй,
Дѣ каза хадила—
Тамъ жыта радила".
У пéчи гаршóкъ
Пóвинъ зъ вадóй,—
Ни люблю дѣда,
Што зъ барадóй...
На дварэ́ мядьвѣдь,
Якъ харóмина;
А у дѣўки вочы,
Якъ смародина.
Дайтя лясачку
Папиратися,
Пайду къ дѣвачкамъ
Залицатися.
Дѣвачка плача—
Замужъ ня хоча.
А коничакъ
За варóтами,
Чортъ тябе бяры
Изъ залётами!
А пайдý, пайдý
Къ папóву гумну.
Ў папóвамъ гумнѣ
Гарóхъ малóтять.
Дай намъ, батюшка,
Мѣрку гарóху,
Паўмѣрки жыта,
Кабъ была наша
Козанька сыта.
Ня йди ты, козанька,
Падъ тóя сялó,

Падъ Журавичи:
А тамъ жа стральцы
Микалаяўцы,
Сабиралися,
Рахавалися
Кóзаньку забить
И ботики пашыть,
Боты, халявы
Ззаду дирáвы!
—Ни баюся я
Тыхъ стральцоў-бай-
[цоў,
Тольки баюся
Старага дѣда.
Старый жа дѣдъ,
Ёнъ ни падáра,
Ёнъ жа мянé
Кіямъ удáра...
У прáвая вýшка
Патячэ́ юшка,
У правый бачóкъ,
Патячэ́ сачóкъ!
С. Хоново, Быхов. у.

—

Го-го-гó, казá,
Гó-го, сѣрая,
Гó-го, бѣлая
Идѣ ты была?
—Ў турэцкой зямлѣ!
—Што ты рабила?
—Ягадки брáла!
—Камý давала?
—Сваимъ дѣтачкамъ,
Жаўниратачкамъ,
—Чымъ тябѣ били?
—Рóзками, рóзками,
Бярóзавыми!
—Куды ўтякала?
—Бéрегамъ, бéра-
[гамъ,
Биражыначкай!
На томъ бéрази
Стайть клѣтачка,
А ў той клѣтаццы

Сядить дѣвочка,
Заручóная,
Нивянчóная...
Чалавѣкъ, чалавѣкъ,
Крывыя ноги,
Ня дыбай ты
Пéракъ дарóги!
Будя панъ ѣхать,
Тябѣ растопча.
Пастáвя каня
За варóтами.
Коничакъ иржэ́
Ѣстачки хóча,
Пáнначка плача,
Замужъ ня хóча!
Д. Новоселки, Рог. у.

Въ *с. Юрковичахъ* Гомельскаго уѣзда для *козы* просто одѣваютъ хлопца въ вывернутую шубу, изъ воротника которой дѣлаютъ голову. Къ ней прикрѣпляютъ рога изъ палокъ и уши изъ травы. „На шыю звонокъ присилять".

При козѣ долженъ быть „цыганъ" и „хвицэръ". „Цыгана умáжати у сажу, хвицэру сдѣлаять зъ бумаги колпакá. Чалавѣки со тры пяють:

Го-го-го, коза,
Гого, сѣрая,
Гого, бѣлая!
Буть, коза ўпала,
Буть, коза пропала.
Стань, козухна,
Стань, молухна,
Развеселися,
Старшóму пану
У ноги поклонись!
Дасть табѣ панъ
Мѣрочку оўса,
Наверхъ коўбаса,
Три куски сала;
Ще того мало—
Чатьвéртый пирогъ,
Щобъ козы стярóгъ!

Представленіе заканчивается пляской цыгана съ козой.

Обыкновенно, послѣ окончаніи пѣсни козѣ, она или ложится на полу въ сторонкѣ, или прыгаетъ на лавку и высматриваетъ, нельзя ли гдѣ чѣмъ поживиться. Дѣдъ обращается къ молодичкѣ и нѣмцу (цыгану и офицеру): „Ну, погуляйте-тка вы!" Музыка играетъ казачка, подушечку, или барыню. Тѣ танцуютъ. „Якъ поскачуть, дакъ дѣдъ козу за шыю, прывядé къ ходяину, къ ходяйцы, симъя кали ё, и нагнé—нибытта кланяетца инá ўжэ́! И говбра: „Ну-ка, коза! Стань, расходися, пану-ходяину поклонися!" Посьли къ ходяйцы: „Пани-ходяйцы поклонися, кабъ лáскова былá, унéсла коўбасу и кусокъ сала, кабъ козá висялѣй стала!" Ходяйка даé кусокъ хлѣба, а коли нимá, дакъ одногó хлѣба."

Въ *с. Кошелевѣ* къ козѣ персонажи—дѣдъ и баба. Платятъ колбасой, саломъ или деньгами.

Въ *м. Жлобинѣ* и въ Красьобудской волости культъ козы получилъ наибольшее развитіе. Голову для козы дѣлаютъ здѣсь спеціально изъ дерева и оклеиваютъ шкуркой. Нижнюю челюсть дѣлаютъ подвижную и посредствомъ веревочки заставляютъ ее подниматься и опускаться, то есть, открывать и закрывать ротъ, щелкать зубами и т. д. Къ головѣ прибиваются настоящіе козьи рога; къ нижней челюсти привѣшиваютъ бороду. Голова надѣвается на палку, которая привязывается къ концу дуги. Въ остальномъ устройство козы такое же, какъ и въ Заболотьѣ, но стараются подобрать такой кожухъ, чтобы одинъ бокъ козы былъ бѣлый, а другой черный.

Вожакъ—дѣдъ спрашиваетъ у хозяина:

— Пусти́тя козу поскакать!

— Ну, ступайтя!

„Ну, ўпяро́дъ казу́ вядуть у хату. Яна́ сичасъ скача,—разамъ абѣдьвими нагами.“ Пѣсни поются двѣ: одна „старосвѣтская“, другая „новая“. Привожу и ту и другую.

Старосвѣтская:

Го-го-го́, каза,
Го́го, сѣрая!
Дѣ хвостъ падѣла?
—На соль проѣла!
Соль дарага́я,
Ко́зачка наша залатая.
Дѣ каза́ ро́гамъ,
Тамъ жыта сто́гамъ,
Дѣ каза наго́й,
Тамъ жита капо́й,
(А яна́ пахара́шуитца!)
Дѣ каза́ хвасто́мъ,
Тамъ жыта кустомъ!
Ты, гаспады́нька
Расхадися-тка,
Развесялися!
Запа́ль свѣчаньку,
Да йди ў клѣтаньку,
Зирни на бачо́къ,
Дѣ стайть мачо́къ,
Рэ́шата аўса́,
Наверхъ каўбаса́,
Тры куски сала
Кабъ каза ўстала!

Новая:

По́лна нашай ко́заньки
Хади́ть па пана́хъ,
По́йдамъ мы, козка,
На синя мо́ра!
Мы къ табѣ, Ликсандра,
Ни сами прышли;
Насъ Гасподь паслаў,
Якъ самъ свѣтъ настаў,
Штобъ ты насъ ня биў,
Зло́тамъ-срэ́брамъ дары́ў,
Гаспо́дьнимъ да́рамъ
И кускомъ са́ламъ!

„Бабы даюць блинцы, каўбасы, са́ла, а хто пятака́.“

Въ с. *Чеботовичахъ* Гомельскаго уѣзда съ козой ходятъ наканунѣ и въ день Новаго года. Устройство козы обычное. Съ козой подходятъ подъ каждое окно и просятъ хозяина: „Добры́-вечаръ, пани-хазяинъ! Пусьти нашу ко́зачку пагулять!“ Послѣ полученнаго разрѣшенія, входятъ въ хату и опять просятъ: „Пани-хазяинъ, пазволь нашай ко́зачки паскака́ть!“ Хозяинъ отвѣчаетъ: мо́жна! Тогда вожаки начинаютъ пѣть, а коза въ тактъ топаетъ ногами—танцуетъ.

Го-го-го, каза,
Го-го, сѣрая!
Ну-тка, ко́зачка,
Расхадися-тка
Па ўсяму двару́
Гаспада́рскаму,
Расхадися-тка,
Развесялися,
Пану Ивану (хозяину)
Низка ўкланися!
Дѣ каза́ хо́дя,
Тамъ жыта ро́дя,
Дѣ ня быва́я,
Тамъ выляга́я,
Дѣ каза ро́гамъ,
Тамъ жыта сто́гамъ,
Дѣ каза́ наго́й,
Тамъ жыта капо́й,
Дѣ каза хвасто́мъ,
Тамъ жыта кусто́мъ!
Ой, сыну, сыну,
Пани—Василю!
Ни вяди́ казу́
Падъ то́я сялцо́,
Падъ Журавичи.
Мѣлися казу
Стрэ́льчики убить!
Я жъ ни баюся,
Ни стирагуся
Ни съ поля лаўцо́ў,

Ни зъ лѣсу стральцо́ў,
Тольки баюся
Старо́га дѣда:
У таго́ дѣда
Ту́жанькій лучокъ,
Стрэ́лачакъ пучокъ:
Той мяне́ ўда́рыть,
Той мяне ўра́зить
Падъ щи́ра се́рца
Скрозь палате́нца,
Ў лѣвая вушка,
Патячэ́ юшка,
У лѣвый бачо́къ,
Патячэ́ сачокъ.
Паста́ўлю казу́ на ляду́,
Прапъю казу́ на мяду́!
Пастаўлю казу́ на [тарэ́лку,
Прапъю казу́ на га- [рэ́лки!

Коза падаетъ на брюхо и дрожитъ. Вожаки толкаютъ ее палкою и говорятъ: „Нутка, каза! Иди хазяину укланися и низка пакланися!“

„Пана хазяина паздараўляямъ зъ Новымъ го́дамъ, съ святымъ Василёмъ! И жъ жаною, и зъ дѣтками! Вяли̇ ко́зачку изъ-за границы,—вельми умары́лися! Ти ни прынесъ ба пани—хазяинъ на́шай ко́зачки аўса-ячмяня́ и ўся́кага да́бра!“

Хозяинъ даетъ вожакамъ хлѣба и сала, или денегъ, или какого-нибудь зерноваго хлѣба. Тѣ благодарятъ и уходятъ. Такъ коза обходитъ все селеніе. Собранные продукты продаются. Молодежь вырученныя деньги употребляетъ на игрище, а мужчины устраиваютъ пирушку у кого-нибудь изъ вожаковъ или дѣлятъ.

Кобыла бываетъ малая и большая. Малая съ однимъ человѣкомъ и съ ряженой кобылой, большая съ цыганомъ, дѣдомъ, и мужиками. Кобылу дѣлаютъ такъ: берутъ шестъ и продѣваютъ его сквозь два рѣшета, между которыми усаживаютъ молодого парня; затѣмъ придѣлываютъ спереди подобіе головы съ ушами и сзади хвостъ изъ пеньки и покрываютъ какой-нибудь „лойни́ной“—старой свиткой, рядномъ, постилкой.

Войдя въ избу, цыганъ предлагаетъ дѣду купить кобылу. Начинается строго дѣловой торгъ. Дѣдъ находитъ запрашиваемую цѣну высокой, цыганъ расхваливаетъ свою кобылу, дѣдъ отыскиваетъ въ ней разные пороки. Начинается ссора. Затѣмъ цыганъ бьетъ дѣда своимъ непремѣннымъ аттрибутомъ—кнутомъ, и т. д.

Въ эту сцену вносится много юмора. Наконецъ дерущіеся мирятся, бьютъ по рукамъ и кончаютъ торгъ. Затѣмъ хозяинъ ихъ угощаетъ или даетъ что-либо изъ съѣстного.

Въ южныхъ волостяхъ Гомельскаго уѣзда—Поповской, Краснобудской, Юрковичской дѣлали настоящее чучело кобылы. Скелетъ связывали изъ гибкихъ стеблей лозы, прикрѣплявшихся къ шестамъ, подобіе головы шили изъ холста и набивали соломой; изъ пеньки дѣлали гриву и хвостъ. Весь скелетъ обшивался бѣлыми скатертями, отчего получалась „какъ-есть бѣлая кобыла“. На голову кобылы надѣвалась уздечка и привѣшивался колокольчикъ. Въ лозовыя ребра влѣзалъ человѣкъ и покрывался длинными простынями—попонами, такъ что ноги его закрывались; для равновѣсія кобыла подвѣшивалась ему двумя поясами по плечамъ накрестъ. Одинъ изъ парней наря-

жался офицеромъ: надѣвалъ солдатскій мундиръ и штаны, на голову бумажный киверъ съ султаномъ изъ бумажной кисти, черезъ плечо голубую ленту изъ бумаги. Другого хлопца одѣвали въ женскую рубаху съ расшитыми рукавами и въ андаракъ; на шею вѣшали мониcты, а на голову повязывали платокъ. Это была „барыня“. Третій хлопецъ наряжался тоже въ солдатскій мундиръ, но безъ ленты и съ головнымъ уборомъ въ родѣ уланскаго. Послѣдній ряженый былъ цыганъ. Его одѣвали въ синій армякъ, давали рваную шапку, подпоясывали веревкой. Съ кнутомъ въ рукахъ онъ ухаживалъ за кобылой. Затѣмъ приглашался музыкантъ.

Когда все это было готово, собиралось человѣкъ 10—12 пѣвчихъ, „смотря по товариществу“, и кобыла отправлялась въ походъ. Одинъ изъ парней бѣжалъ впереди кобылы и подъ окнами спрашивалъ: „Дабры́-вечаръ! пусти́, хазя́инъ, съ кабы́лаю!“ Когда тотъ отвѣчалъ: „хади́тя!“—то впереди шли пѣвчіе, за ними кобыла съ цыганомъ и позади офицеръ съ барыней и музыкантъ.

Входя въ избу, пѣвчіе начинали пѣть:

Ой, да́бры-вечаръ, паня хазяинъ —
Слава Богу ваяди́наму! *)
Застила́й сталы́, клади́ пираги́:
Да будя къ табѣ да тро́я гасьте́й!
А первая госьть—жарка со́няйка,
А другая госьть—я́сянъ мѣсячка,
А трэтьтяя гость—дро́бянъ до́щычакъ.
Чымъ пахвалитца жарка со́няйка?
— Якъ взыйду я ра́на на заро́ —
Вазра́дуитца не́ба и зямля́,
Не́ба и зямля́, и ў лузи трава!
Чымъ пахва́литца я́сянъ мѣсячка?
— Якъ взыйду я позна зъ ве́чара —
Узра́дуитца купецъ въ даро́зи,
Купецъ въ дарози, а звѣръ въ дубро́ви!
Чымъ пахва́литца дро́бянъ дощычакъ?
— Якъ взыйду я рана изъ вясны́ —
Узра́дуитца жыта, пшаница,
Жыта, пшаница, ўсяка пашни́ца!
Мы жъ тябе́, хазяинъ, ни зняважа́ямъ,
Съ святымъ Васи́льлямъ паздараўля́ямъ,
Да ни самъ сабо́й—и съ Су́самъ Хрыстомъ,
И съ Сусамъ Хрыстомъ, съ святымъ Рожаствомъ!
Слава Богу ваяди́наму!

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждой строки.

Послѣ этого выступаетъ музыкантъ и на дудкѣ (свирѣли) или на цымбалахъ играетъ танцы. Офицеръ и барыня танцуютъ. Окончивъ свой танецъ, они подъ-ручку отходятъ къ сторонѣ. Танцевать начинаютъ цыганъ съ уланомъ. Послѣ пляски цыганъ начинаетъ приставать къ хозяину и къ зрителямъ: „А ну, хазяинъ: ти нямá памяня́ть на ко́няй? Мая́ сивая якъ бяжы́ть, дакъ дрыжы́ть, а пава́литца, ляжы́ть—памажы́ падьнять!.. Ну, дакъ бу́дамъ мяня́ть! Я цы́ганъ багатый: у мяне́ у аднымъ кармани вошъ на аркани, а ў другимъ блаха́ на цапѣ!“ и т. п.

Послѣ похожденій цы́гана выступаетъ пѣвчій—мѣхоноша: „За ету чесьть давай, хазяинъ, карбо́ванцаў шесьть, и тры куски сала, щобъ наша кабыла ня пры́ста́ла!“ Хозяинъ даетъ паляницу, кусокъ сала и деньгами 3—5 копѣекъ, смотря по состоянію.

Тогда кобыла переходитъ въ другой домъ. Если гдѣ не пожелаютъ пустить кобылу, пѣвчіе поютъ:

А ў бару́, бару́	А Кушняриха (хозяйка)
Стая́ла сасна́	Килаватая!
Вилаватая,	Яго звязали.
Или: Що́дяръ-бо́дяръ,	Дѣти у смѣхъ,
Хозя́инъ зло́дяй,	Хазяина ў мѣхъ!
Кабылку укра́ў,	Мѣхъ прадра́ўся,
Патъ печь исхава́ў.	Хазяинъ у — — ўся.
Дѣти сказали,	

Хозяева не любятъ такихъ пѣсенъ и гонятъ кобылу хворостиной со двора долой.

Медвѣдя наряжаютъ двумя черными шубами, шерстью вверхъ. Рукава одной шубы надѣваются на руки, другой—на ноги; сходящіеся подола и полы сшиваются или опоясываются веревкой; на голову такого медвѣдя надѣваютъ черную барашковую шапку, лицо вымазываютъ сажей. Фигурируетъ и цѣпь или веревка. На улицѣ медвѣдь идетъ на ногахъ, но въ избу входитъ на четвереньkахъ. При медвѣдѣ вожакъ съ длинной палкой и музы́ка—бубенъ.

Въ избѣ медвѣдь съ вожакомъ продѣлываютъ весь репертуаръ бывшихъ вожаковъ настоящихъ медвѣдей. Послѣ угощенія водкой, медвѣдь пляшетъ, вставши на-дыбы, и при этомъ, какъ бы нечаянно, бьетъ палкой непріятныхъ ему зрителей.

Въ деревняхъ, вмѣсто вывороченныхъ шубъ, медвѣдя обвиваютъ длинными гороховыми стеблями, „горохвинами“, которыя своимъ цвѣтомъ имѣютъ сходство съ медвѣжьей бурой шерстью.

Журавель обыкновенно сопутствуетъ медвѣдю. Для него на высокой палкѣ дѣлается птичья голова; къ палкѣ привѣшивается ши-

рокій мѣхъ или взятая въ складки простыня, подъ которыми скрывается парень. Журавль пляшетъ, длиннымъ клювомъ долбитъ зрителей и всячески смѣшитъ ихъ.

Въ южной части Могилевской губерніи канунъ Новаго года называется „щбдрою кутьею“, „богатою кутьею“, „толстою кутьею“. Такія названія придаются этому вечеру потому, что къ ужину готовится весьма обильный столъ, такъ какъ всякій считаетъ своею обязанностью встрѣтить новый годъ въ возможномъ довольствѣ. Всѣ блюда въ этотъ день скоромныя; среди нихъ первое и обязательное мѣсто занимаютъ блины, къ которымъ подается растопленное сало съ „шкварками“ и колбасы. Затѣмъ подаются: борщъ съ свининой, крупникъ съ гречневой крупой съ поросятиной, крутая каша съ саломъ.

Въ этотъ вечеръ колядныя игры достигаютъ своего апогея: возобновляетъ хожденіе вертепъ, бродитъ снова коза, водятъ кобылу, медвѣдя, журавля. Дѣвушки наряжаютъ *Щодру*. Для роли Щодры выбирается полная красивая дѣвушка. Подруги одѣваютъ ее въ лучшій костюмъ, на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтной бумаги и навязываютъ на него столько разноцвѣтныхъ лентъ, что ими покрывается дѣвушка до пояса: „трэба, щобъ Щодра касматая була“. Дѣлается это для того, чтобъ и новый годъ былъ пріятный и богатый.

Убравши такъ Щодру, дѣвушки, съ Щодрою во главѣ, ходятъ по домамъ и „щедруютъ“, то есть поютъ щедровки. Нѣкоторыя изъ нихъ здѣсь приводятся:

У нашаго пана, пана Хвéдара —
Радуйся Трóйца, Сынъ Божый нарадúуся! *)
На дворэ́ тры сталы́ стаяли,
За тыми сталáми тры святцы́ сядѣла,
Первая свя́та—святóя Ражствó,
Святоя Ражство намъ рáдосьть прынясло́.
Другóя свя́та—святóя Васúльля, —
Святóя Васильля намъ свя́та прынясло.
Трэ́тьтяя свя́та—Иванъ Храсьтúтяль, —
Иванъ Храсьтúтяль ваду́ пирахрэ́сьтить.

А ти дома, дома
Самъ панъ—хадя́инъ, —
Святый вéчаръ!
А хоть и дóма,
Да ни кáжытца —
Святый вечаръ!

Да ни кажытца,
Прыбирáитца —
Святый вечаръ!
Прыбираитца,
Ёнъ Щодру дары́ть —
Святый вечаръ!

Д. Новоселки, Гом. уѣз.

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строки.

Ой, рáна, рана
Куры папѣли—
Святый вéчаръ!
А ранѣ́й тагó
Марья устáла,
Святый вечаръ!
Па двару́ хадúла,
Званкóмъ званúла —
[св. в.
Вайшлà у́ сѣни,
Зазванила—св. в.
Зазванúла,
Ба́яръ будила—св. в.
Вставайтя, баяры,
Кóни сидлáйтя, св. в.
Ѣдьтя на у́ловы
У зялёныя дубровы—
Святый вечаръ!

С. Кошелево, Рогач. у.
Поется хозяйкѣ.

—

Варіантъ.

Ой, рана, рана
Куры папѣли—
Святый вечаръ!
А ранѣй тагó
Стяпáнка устау́, св. в.
Па двару́ пахадúу́,
Званкóмъ пазванúу́,
[св. в.
Званкомъ пазванúу́,
Брáтцау́ пабудúу́, св. в.
„Вставайтя, братцы́,
Кóняй сядлáйтя, св. в.
Кóняй сядлáйтя,
На'блаву ѣдьтя, св. в.
На блаву ѣдьтя
Ку́нау́ сачúти, св. в.
Ку́нау́ сачити,
Дѣвакъ сватати, св. в.
Вамъ, братцы, ку́на,
Куна у́ дéрави, св. в.
Мнѣ, братцы, дѣу́ка,
Дѣу́ка у́ тéрами, св. в.
А ты, мой кóню,
Я тябé прадáмъ, св. в.
Запрадамъ тябé
За лукъ, за стрэлку,
[св. в.
За лукъ, за стрэлку,
За красну дѣу́ку,
Святый вечаръ!
Святый вечаръ, дабры́-
[вечаръ!

Поется сыну хозяина.
М. Жлобинъ.

—

А збѣгла, збѣгла
(вм. бѣгла).
Съ поля старóжа—
Святый вечиръ, съ
[поля старожа!
Да прыбѣгла
Къ Иваньку на дворъ,
Св. в. къ Иваньку на
[дворъ!
„Ти спишъ, ти ля-
жы́шъ,
Маладый Иваничка?
Св. веч., маладый Ива-
ничка?“
—Ни сплю, ни ляжу́—
Листочки пишу,
Св. в., листочки пишу!
Листочки пишу
Да къ паненки шлю,
Св. веч., да къ паненки
[шлю.
„Хоть шли, хоть ня
[шли—
Ни твая́ бу́дить,
Св. в., ни твая будить!
Тваю́ паненку
У́ палóнъ забрали,
Святый вечиръ, у́ па-
лóнъ забрали!
У́ палóнъ забрáли
Турки съ татáрми,
Св. веч., турки съ та-
тарми!
Турки съ татарми,
Ба́яръ зъ баярми,
Св. веч., баяръ зъ ба-
ярми!“
— А я тыхъ баяръ
Мéчамъ парублю́,
Св. веч., мечамъ па-
[рублю́!
А я тыхъ ту́ракъ
Канёмъ патапчу́,
Св. веч., канёмъ па-
[тапчу,
Я сваю́ панéнку
За сибé вазьму́,
Святый вечиръ, за сибе
[вазьму!

С. Хоново, Бых. у.
Поется холостому сыну хозяина.

—

Хóдить, пахóдить,
Святый вечаръ!
Мѣсяцъ па нéбу,
Святый вечаръ!
Клича, паклúча
Зóры съ саббю, св. веч.
„Охъ вы, збрачки,
Сястрицы маé, св. в.
А хадéмъ жа мы
Пáна шукáти, св. в.
Пана шукати,
Пана Вóсипа, св. в.
Сядúть панъ Восипъ
За сваúмъ сталóмъ,
[св. в.
За сваимъ сталомъ,
У́ новыхъ будынкахъ,
[св. в.
За сталóмъ сядúть,
Тры ку́бки дяржы́ть,
[св. в.
У первамъ кубку
Зилянóэ вино, св. в.

У други́мъ кубку
Кудра́ва пива, св. в.
У трэтьтямъ кубку
Сало́дакъ мёдокъ, св. в.
Зиляно́ вино́
Ли само́га ёго́, св. в.
Кудра́ва пи́ва,
То дѣткамъ ёго́, св. в.
Сало́дакъ мёдокъ —
То жанѣ́ ёго,
Святый вечаръ!

М. Жлобинъ, Рогач. у.
Поется хозяину.

—

Ой, дѣ жъ мы хо́димъ,
Дѣ паха́джуямъ?
Святый вечаръ!
Мы на етый дворъ
Да й заха́джуямъ, св. в.
На етымъ дварэ̀
Агни́ гарэ̀ли, св. в.
Агни гарэ̀ли,
Свячы́ пала́ли, св. в.
Свѣчы пала́ли,
Сталы́ стая́ли, св. в.
Што за тыми сталами
Судьдя́ сядѣла, св. в.
Судьдя́ сядѣла,
Суды́ судила, св. в.
Ой, каго̀ жъ няма́
Да судо́ў суди́ть, св в.
А няма́, няма́
Да свято́га Ильли, св. в.
Свято́га Ильли́
Судоў судити, св. в.
Ой, каго жъ пасла̀ть
Да Ильли́ шукать, св. в.
— Паслать свято́га [Пятру́
Да Ильли шукать, св. в.
Шоў святый Пятро́,
Да Ильли ня нашоў, [св. в.
Пятро въ варо́ты, —
Альля́ ў другія, св. в.
„Дѣ жъ ты быў, Альля,
Дѣ паха́джуваў, св. в.“
— Я па по́лю пахади́ў,
Жыта паради́ў, св. веч.
Жыта, пшани́цу,
Ўся́каю пашни́цу, св. в.
Па каша́рахъ пахадиў,
Скотъ паради́ў, св. в.
Што ў тыхъ кашарахъ
Валы́ да каро́вы, св. в.
Валы́ да каро́вы,
Варанные кони, св. в.
У поли ядро́,
У доми сьтябло́, св. в.
У доми сьтябло́,
На каша́рахъ плодна, [св. в.
Мы жъ тябе́, панъ Иванъ,
Ня зниважа́ямъ, св. в.
А съ святымъ Васи- [лёмъ
Праздараўля́ямъ, св. в.
Бувай жа здаро́ў
Исъ сваёй жано́й, св. в.
Съ усе́ю сямъёй
И зъ дѣтачками, св. в.
А за нашы пры́пяўки
Га́рняцъ гарэ́лки, св. в.
А за нашы пры́казки
Килбасъ тры въя́зки!
Святый вечаръ, дабры- вечаръ.

М. Жлобинъ. Поется хозяину. По содержанію примыкаютъ къ циклу волочебныхъ-пасхальныхъ.

Къ нимъ должна быть причислена и слѣдующая пѣсня, записанная *во владиміровской* волости, городокскаго уѣзда, витеб. губерніи.

Ишла Каляда́ да па вулицы —
Ко́ляда, Ко́ляда!
(послѣ каждой строки).
Да па вулицы, па мяте́лицы.
Прышла Каляда на тясо́вый дворъ:
„А ти спишъ, ти ляжы́шъ, панъ хозяинъ?
Кали шъ ты спишъ, то спи здаро́ў,
А кали ня спишъ—атапры́ вакно́,
Атапры́ вакно, пагляди на дворъ:
На тваёмъ дварэ́ да што дѣитца?
Стаи́ть те́римъ вышы харо́мъ,
А ў томъ тирямý да чатыры вакна̀:
У пе́рвамъ вакнѣ ясный мѣсяцъ,

Въ другомъ вакнѣ красна сонца,
Въ трэтьтимъ вакнѣ дробны звёзды,
А ў чатьвёртамъ бу́инъ вѣтиръ.
Ясный мѣсяцъ—самъ хазяинъ,
Красна сонца—жына́ яго́,
Дробны звёздачки—яго́ дѣтушки,
Буинъ вѣтиръ—яго́ слу́жыньки.

Запис. Л. Ф. Русакова.

Въ другой пѣснѣ, записанной къ сожалѣнію въ неполномъ видѣ, дворъ хозяина описывается такъ:

Тамъ жалѣзный тынъ,
Мидя́ныя варата́,
Падваро́тница—рыбъя що́чичка,
А защѐпачка—рыбъя косточка.

Эпитеты эти взяты цѣликомъ изъ пѣсенъ волочобныхъ, что указываетъ на бывшую нѣкогда близость этихъ двухъ цикловъ.

Въ *Полоцкомъ* уѣздѣ такіе варіанты:

Мы хади́ли, мы гуля́ли,
Калядо́ўщички, - Ко́лида! Калида̀!
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Мы хади́ли да пыта́лися
Да бага́тыга двара́ Иванькиныга.
А бага́тый дворъ
На сями́ стаўба́хъ,—
А атсю́да стаи́ть
Ў дивяти́ вирста́хъ!
Стаўбы́ то́чаныя,
Пазало́чаныя,
А варо́тики мидя́ныи
А защѐпычки—лавя́нныи.
А ў то́мъ даму́
Самъ хазя́инъ—гаспада́рь,
А хазя́юшка—
Кра́сна ба́рынька!
Самаго́-жъ хазя́ина
До́ма нѣтути,
Ёнъ паѣхаў
Суды́ суди́ть,
Суды суди́ть,
Ряды́ ряди́ть
Атъ суда́ ёнъ бярѐть
Па сту́ рублёў,
Атъ ря́ды дабра́
Ажъ па ты́сячи.
На чужо́й старанѣ́
Сабра́ў мно́га дабра́,
Зварати́ўся-жъ ёнъ
Да свайво́ двара́;
А купи̂ў-жа ёнъ
Тры не́вада;
Тры не́вада,
Тры шалко́винькихъ,
Аблажы́ў-жа ёнъ
Си́ня-мо́рюшка.
Ой, тяни́, патяни́,
Де́нь да ве́чара,
А паймаў-жа ёнъ
Трёхъ акунёў.
Ади́нъ аку́нь
Ва сто́ рублёў,
А друго́й аку́нь
Ва цэ́лу ты́сячу,
А какъ трэ́тьтиму—
Цаны́ нѣтути!
А яго́ная цана́
У хазя́ина ляжы́ть,—
У хазя́юшки на сталѣ́,
На блю́дечки!
Добръ-хазя́инъ нашъ
Бага́тый Иванька!
Принима́й гасьте́й за пѣсинку!

Если хозяинъ медлитъ:

Ну́-жъ, хазя́инъ, пыскарэ́й,
Пыдары́ сваи́хъ гасьте́й!
А ня хо́чишъ ты дарыть,
Иди́ саба́къ зъ намъ дражни́ть,
Барадо́й людей смяшы́ть!
Ко́лида! Калида́!

—

Прышла́ Калида́,
Напярёдъ Ражтва́,
Ўпярёдъ пра́зьничка!
Й а хади́ла—гуля́ла Ко́лида,
Па бага́тыму па дво́ру,
Па зялёныму па са́ду!
Бага́тый дво́ръ
На сями́ вярста́хъ,
На васьми́ стаўба́хъ,—
Стаўбы́ то́чаные
Пызало́чаные.
Сиряди́ тыхъ стаўбо́ў
Тры те́рима стая́ть:
У пярво́мъ тиряму́—
Свитёлъ—ме́сицъ,
У другомъ тиряму́—
Ясна со́ўнушка;
А ў тре́тьтимъ тирямў—
Частыи звёздычки.
Свитёлъ ме́сицъ—
Хазя́инъ въ даму́;
Ясна со́нца—хазя́юшка,
А частыи звёздычки—
Ма́лы дѣтушки.
Хазя́ина до́ма нѣтути
Ёнъ у го́радъ съѣхаўшы,
Ряды́ ряди́ть,
Суды́ суди́ть,
Ёнъ атъ ря́ды бярёть
Па со́тни рублёў,
Атъ суда́ бярёть
Па ты́сячи,
Ѣдить хазя́инъ
Па си́няму мо́рю—
Махну́ў вясло́мъ
Право́й руки́,
Свали́ў съ ма́лъ мизи́нца
Залато́я кальцо́.
Заки́нуў сѣтки
Ў синіё мо́ря,
Хатѣў пайма́ть
Залато́я кальцо́,—
Ни пайма́ў кальца́,
Пайма́ў тры акуня́
Златапёрыи:
Ади́нъ акунь—
Цана́—сто рублёў,
А друго́й акунь—
Бо́льшы—тысячи,
А трэтьтиму акуню́—
Цаны́ нѣтути.

Зап. П. Ѳ. Альхимовичъ.

Ишла Калида́, калядýючы, Эй, Калида́, Калядица!
Каля двару́, ды й бядýючы,
За ёй хлопчаки, ўси жабрýючы.
Прышла Калида́ кы Вану у дворъ:
„Ай, дары́, дары́, па́ня Ива́ня,
Бочку пшаницы, наверхъ ярыцы!
Кали ни хочашъ бочку пшаницы, наверхъ ярыцы —
Дыкъ дары́, дары́, паня Иваня, млоду Маруську!
— А мая млода самаму́ згода! Эй, Калида́, Калядица!
Ишла Калида́, калядýючы (и т. д. съ начала)
... Дыкъ дары, дары, паня Иваня, сына жани́!
— Сына жанити, пива вары́ти! Эй, Калида́! Калядица!

А ў лужкў, ў лужкў,
На жоўтымъ пяскў,
Святый вечаръ!
Раўчачо́къ бяжы́ть,
Кла́дачка ляжы́ть, св. [веч.
На той кла́дацы
Коничакъ стаи́ть, св. в.
На томъ коничку
Сядѣлца ляжы́ть, св. в.
На томъ сядѣлцы
Андрэйка сядить, св. в.
Хва́литца канёмъ
Пярадъ каралёмъ, [св. веч.
Няма́ ў караля́
Тако́га каня, св. в.
Хвалитца жупанамъ
Пярадъ сваи́мъ па- [намъ, св. в.
Няма и ў па́на
Такога жупана, св. в.
Хвалитца стрэлками
Пярадъ дѣўками, св. в.
Няма ў васъ, дѣвачки,
Такихъ стрэлачакъ,
Святый вечаръ!
Святый вечаръ, добрый [вечаръ!

Поется сыну.

—

А кра́сна, красна́
Калина у лузи,
Святый вечаръ!
Краснѣй за таго́
Ва́рачка ў татки, св. в.
Па дварў хади́ла,
Весь дворъ красила, [св. в.
А ў сѣни ўвышла—
Сѣни зазьзя́ли, св. в.
А ў хату ўвышла—
Паны стая́ли, св. веч.
Паны стая́ли,
Шапки знимали,
Да ўгадавали, св. в.
Ти то́ кралёўна,
Ти то́ царбýна, св. в.
— Я жъ ни кралёўна,
Я ни цароўна, св. в.
Гнатава дачка
Слы́шна панначка,
Святый вечаръ!

Поется дочери.

—

Маладый Иванка
Во́кны вымая,
Арла страля́я,
Святый вечаръ!
—Ни страля́й ты арла—
Ѣдь да караля́, св. в.
Дае́ть табѣ каро́ль
Варано́га каня, св. в.
Варанога каня
И хустку съ-падъ [зло́та, св. в.
И хустку съ-падъ [зло́та,
И персьтинь на рукý,
Святый вечаръ!

Сыну.

—

Зажурылася
Крутая гара,
Святый вечаръ!
Што ни ўрадила
Шо́ўкава трава, св. в.
Тольки ўради́ў
Зялёнъ винаградъ, [св. веч.
—Хто тамў винаграду
Старо́жа будя, св. в.
Малады́й Стяпанка
Стяро́гъ но́чачку, св. в.
Стярогъ но́чачку,
Стярогъ другую, св. в.
А на трэ́тяю
Крэ́пянька заснуў, св. веч.
Прышо́ў икъ ямý
Яго́ татачка, св. в.
Унъ, твае́ гарады́
Турки аблягли́, св. в.
Унъ, твая́ патрава
Пы́ламъ запала, св. в.
Унъ, твая дѣвачка
Между дѣвакъ стала, [св. веч.
—Я жъ тыхъ тýрачакъ
Ды ни баюся, св. в.
Агнёмъ выпалю,
Ме́ччу вы́сяку, св. в.
А сваю вячёру
Съ пе́рцамъ прыпраў- [лю, св. веч.
А сваю панну
Мижду дѣвакъ вазьмý,
Святый вечаръ!

Сыну.

—

Плавала вýтачка
Да й па рэ́чацы,
Святый вечаръ!
Сѣра вýтачка
Зъ вутянатками,
Съ силязе́нячкамъ, св. [веч.
Сѣра вутачка,—
То Сахвеячка, св. в.
Силязе́нячка,—
То самъ Хо́мачка св. в.
Вутяня́тачки—
То ихъ дѣтачки,
Святый вечаръ.

М. Жлобинъ. Зап. мною.

—

Съ падгбръя, горъя,
Падъ нови сѣни —
Сакбля!
Саколя ясный,
Панича красный
Сяргѣйка!
Ѣдя Сяргѣйка
Падъ нови сѣни—Сакбляи т. д.
Винасили яму
Яшнаю лусту—Саколя и т. д.
Ёнъ лусты ня прымая,
Назадъ ступая—Саколя!
Винасили яму
Миску чирвбнцау—Сакбля!
Ёнъ чирвонцау ня прымая,
Назадъ ступая—Сакбля!
Виваднли яму
Краснаю паню—Саколя!
Краснаю паню (вм. панну),
Маладую Марьѣю—Саколя!
Ёнъ паню узяу
И шапачку зняу—Сакбля!
Спасиба пану
За ягб паню —
Саколя!
Саколя ясный,
Панича красный
Сяргѣйка!

—

Маладый Игнатка
Па таргу хбдя—раю!
Раю, мой раю,
Радуйся земля
Вѣкъ да вѣку!
Па таргу хбдя,
Коника вбдя—раю и т. д.
Коника вбдя,
Съ канёмъ гавбра—раю...
„Ой, кбню, мой коню,
Прадамъ тябе я—раю...
За сто чирвбнцау
За бочку вина“—раю...
— Ой, той жа кбню
Яму говбра—раю...
„Маладый Игнатка,
Ни прадавай мяне—раю...
Буду я табѣ
Въ вяликай прыгбди—раю...
Будяшъ ты жанитися,
Да Ганначку брать—раю...
Намащу масты
Усё сталяныя—раю...
Пастаулю стаупи
Усё мядяныя—раю...
Павѣшу шнуры
Усё шаукбвыя—раю...
Паравязу тябе
Чаразъ синя мора—раю...
Стаупи зазвинять,
Шнуры зашумять—раю...
Буду я ѣхать
И Ганначку везть—раю...
Ганначку вѣзти, —
Масты затращать—раю
Масты затращать,
И я буду рзать—раю!
Раю, мой раю,
Радуйся земля
Вѣкъ да вѣку!

—

А у пбли, пбли
Свѣчачка гарэла —
Украшэньня
Да нашъ святый Божа,
Пахваленьня
Да на нbackslashеби!
А съ той свѣчачки
Искарка упала —
Украшэньня и т. д.
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Искарка упала,
Тамъ вбзяра стала.
Якъ на томъ на вбзяры
Самъ Гаспбдь купауся.
Самъ Гасподь купауся,
Съ трымами святыми.
А первая свята —
Святбя Ражаство,

А другбя свята —
Святбя Васильля,
А трэтьтяя свята —
Святбя Хращеньня!
А у пана Стяпана,
Була у яго паня,
У яго дварэ
Стаяли прыстблы,
Стаяли прыстблы,
Уси пазасьтиланы.
На тыхъ на прыстблахъ
Стаяли тры чары,
Стаяли тры чары,
Уси паналиваны.
А у пѣрвай чары
Зялёная вино,
А у другой чары
Саладбкъ мядбкъ,
А у трэтьтяй чары
Пшанишнбя пива.
Зялёная вино —
То пану Стяпану,
Саладбкъ мядбкъ —
То жанѣ ягб,
Пшанишнбя пива —
То дѣткамъ ягб!
Украшэньня
Да нашъ святый Божа,
Пахваленьня
Да на неби!

—

А на мбры, мбры,
Да на синямъ —
Щбдрый вѣчаръ,
Добрый вечаръ!
Тамъ ляжала кладка
Да кядрбвая,
Щодрый вечаръ и т. д.
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Тамъ Хрыстова мати
Рызы паласкала.
Палажыла рызы
Да на камушку.
Прылятѣли къ ёй
Да тры янгялы,
Ухапили рызы
Да на крылушки,
Палажыли рызы
У цэркви на прыстоли.
„Хто етыя рызы
Будя надявати?“
— Будя надявати
Самъ Іѣсусъ Хрыстосъ,
Будя службу служыть
За пана Стяпана,
За пана Стяпана,
За жану ягб,
За жану ягб
И за дѣтакъ яго!
Щбдрый вечаръ,
Добрый вечаръ!

—

А у ляску, у ляску,
На жоутамъ пяску —
Святый вечаръ!
Пава хадила,
Пѣрья ранила—св. в.
А за той павай
Дѣука Марьячка—св. в.
Услѣдъ хадила,
Перья збирала—св. в.
Перья збирала,
У рукавбкъ клала—св. в.
Зъ рукаука брала,
Вянбчикъ вила—св. в.
А звиушы вянокъ,
Да пашла у танбкъ—св. в.
А у томъ танку
Трохъ палюбила—св. в.
Аднаму дала
Залатый пѣрсьтянь—св. в.
Другому дала
Шбукаву хусту—св. в.
А за трэтьтяга
И сама пашла!
Святый вечаръ!

—

А ў лѣси, ў лѣси
Стаяла святланка арэхавая —
Святый вечаръ!
А ў той святланци
Дѣўка Алёнка—св. в.
Дѣўка Алёнка
Шыла шырынку—св. в.
Перваю сшыла
Красняцькимъ шоўкамъ св. в.
Другую сшыла
Бѣлянькимъ шоўкамъ—св. в.
А трэтьтяю сшыла
Чорнянькимъ шоўкамъ—св. в.
Що бѣлымъ шыла, —
Татку аддала—св. в.
А краснымъ шыла —
Матяры дала—св. в.
А чорнымъ шыла —
То брату дала—св. в.
Златамъ рубила
То другу дала —
Святый вечаръ!

Д. Дубровка, Краснобудск. вол.,
Гом. у. Запис. кр. Л. М. Ткаченко.

За пѣсни хозяинъ высылаетъ щедровницамъ хлѣбъ, блины, сало или деньги. Однѣ продаютъ все это, другія несутъ домой на пропитаніе.

Часть собраннаго хлѣба сушится на сухари и сберегается цѣлый годъ до будущей щодрой кутьи. Хлѣбъ этотъ называется „щадраваный“ и употребляется какъ лѣкарство. По мнѣнію народа, особенную пользу онъ приноситъ людямъ и животнымъ, укушеннымъ бѣшеною собакою. При извѣстномъ заговорѣ, хлѣбъ щедрованый предупреждаетъ у нихъ бѣшенство.

Если хозяинъ долго не высылаетъ подачки, щедровницы поютъ:

Щодрыкъ—бодрыкъ,
Дай вареникъ,
Ложачку кашки,
Наверхъ каўбаски!
Нутя, дарытя,
Насъ ня барытя:
Каротки свитки —
Памёрзли лытки,
Батьки сварылись,
Щобъ ня барылись
Матка казала,
Щобъ кусокъ сала!

Гомельск. уѣз.

Въ ночь на Новый годъ дѣвушки гадаютъ. Гаданья эти очень несложны. Найдя, напримѣръ, длинный частоколъ, дѣвушки считаютъ въ немъ колья. Если число ихъ счетное, дѣвушкѣ предстоитъ замужество въ наступающемъ году; при числѣ нечетномъ она останется въ дѣвушкахъ.

Если число окажется четнымъ, тогда дѣвушка старается узнать, за кѣмъ же ей быть замужемъ: за хлопцемъ или за вдовцомъ. Съ этою цѣлью она снова пересчитываетъ колья съ словами: молодецъ! вдовецъ! молодецъ! вдовецъ! Какое слово придется на послѣдній колъ, за тѣмъ и быть замужемъ.

Нарочно сдѣланной лопаточкой дѣвушки мѣшаютъ новогоднюю кутью. Потомъ, выйдя на улицу, очищаютъ лопатку отъ прилипшихъ

зеренъ. Если въ это время залаетъ собака—будутъ къ дѣвушкѣ сваты, и именно съ той стороны, откуда залаяла собака.

Выйдя на дворъ, снимаютъ съ ноги башмакъ и изо всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу: въ какую сторону носкомъ ляжетъ башмакъ, оттуда и будутъ сваты; если башмакъ упадетъ носкомъ къ бросавшей, значитъ сватовъ къ ней въ этомъ году не будетъ.

Подслушиваютъ разговоры подъ чужими окнами и по ихъ содержанію опредѣляютъ свое будущее.

Оригинально, что воры „заворовываютъ“ тоже въ ночь на Новый годъ, и именно предъ разсвѣтомъ, до восхода солнца. Если ихъ на этой кражѣ не поймаютъ, то въ теченіе всего года имъ въ кражахъ будетъ удача.

Въ этотъ же вечеръ дѣвушки наряжаются *цыганами*. Одну дѣвушку надѣваютъ въ мужской цыганскій костюмъ, привѣшиваютъ ему бороду изъ обсыпанной сажей пеньки, наводятъ усы, даютъ кнутъ за поясъ. Другую одѣваютъ старухой цыганкой; одинъ большой платокъ или рядно надѣваютъ на лѣвое плечо и концы завязываютъ подъ правой рукой; другой платокъ повязываютъ на голову чалмой, такимъ образомъ, что сзади одинъ изъ угловъ платка спускается до пояса; на лѣвую руку кладутъ свернутыя въ видѣ большой куклы тряпки. Это „Сидорка“—ребенокъ цыганки. Прочія дѣвушки одѣваются молодыми цыганками: въ такой же балахонъ—платокъ, но съ обнаженными головами, на которыхъ въ волоса вплетаются красныя ленты. Волоса, брови и лица чернятся сажею. Загримировавшись такимъ образомъ, цыгане смѣло идутъ въ домъ и начинаютъ пѣть и плясать. Наиболѣе употребительныя пѣсни при этомъ слѣдующія:

А на гарэ цыгани стаяли, —
Думала, думала, падумала!
Падъ гарою шатры распинали,
Думала и т. д.
(послѣ каждой строки).
Ўси цыгани пили и гуляли,
Адинъ цыганъ ня пъе, ня гуляя,
На цыганку скоса паглядая:
„Ты цыганка, ты мая каханка!
Ты бяры-ка ключи залатыя,
Атмыкай-ка скрыни тясавыя,
Ты бяры-ка сбракъ тысячъ гро-
[шый,
Еще къ таму таляръ залатый!“
Думала, думала, падумала!

—

Якъ паѣхаў Халимонъ
У поля арати,
Да забўўся Халимонъ
Хлѣба-соли ўзяти
А-та-й-ла, а-та-лай,
Хлѣба-соли ўзяти.
А прыѣхаў Халимонъ
Цыганку ганяти:
Чаму мнѣ ни нагадала
Хлѣба—соли ўзяти?
А-та-й-ла, а-та-лай и т. д.

—

Я цыганка маладая,
Я цыганка ни прастая —
Ўмѣю варажыть,
Ўмѣю варажыть!

Пакажы́-ка, барынъ, ручку, —
Палажы́-ка грбшый кучку, —
Ўсю праўду скажу,
Ўсю истиннаю! и т. д.

—

Я па жэ́ртаццы йшла,
Я па тóнинькай,
Па ялóвинькай, —
Мая́ жэ́ртачка
Ня гне́тца, ня лóмитца! и т. д.

„Атскакаўшы, „круговýю“, цыганъ съ ста́рай цыга́нкай гуляють „руськага“ (комаринскаго)—цы́ганъ у пры́сядки! И кнýтамъ пага́няя ста́раю цыганку: „вó, старая! ты ўжэ́ ляни́сься!“

Паскакаўшы, стара̀я цыганка ка̀жа на маладыхъ: „што жъ вы? идитя варажыть!“ И тыя варóжуть: „щасьли́вая мая̀, таланьливая! дай я табѣ паваражý!“ Бяруть за рукý и варóжуть, брэшуть, якъ-разъ, якъ праўдишныя цыганки.

Ну, тагды даютъ имъ па рýмки гарэ́лки, хлѣба кусокъ, сала, бульбы и атпраўля́ють“.

Гом. Рогач., Быховск. уѣзды.

На второй день праздника Рождества Христова, послѣ обѣда, молодежь устраиваетъ гулянье съ музыкой и танцами. Это гулянье называется „игри́щемъ“. Къ устройству игрищъ больше хлопотъ прилагаютъ „дѣвки“: онѣ заготовляютъ съѣстное для закусокъ и для „вечеры“ (ужина), въ видѣ сала, колбасъ, муки, крупы и т. д., которыя приносятся на „хватеру“ для посидѣлокъ еще задолго до игрища, большею частью тайкомъ отъ старшихъ членовъ семьи. Все это, часто въ огромныхъ количествахъ, отдается въ распоряженіе хозяйки хватеры и она уже стряпаетъ „вечеру“. Для этого она должна напечь рѣшета два блиновъ, нажарить сала, колбасъ, свинины, наварить нѣсколько горшковъ каши изъ различныхъ крупъ и „спрэ́гти“ побольше „яешни“ и сыру. Только время отъ времени та или другая изъ „дѣвчатъ“ прибѣгаетъ помочь „хозяйцы“ „пóратца“. Дѣвушки же нанимаютъ и музыку, обыкновенно—скрипку съ бубномъ.

Днемъ на игрищѣ „гуляютъ“ только однѣ дѣвушки. Гульня эта выражается исключительно въ танцахъ. Но вечеромъ приходятъ хлопцы и приносятъ водку и пиво, принимаютъ участіе въ складчинѣ и деньгами. Игрище оживляется. Движенія танцующихъ дѣлаются свободнѣе; тактъ отбивается увѣренно и звучно; припѣвки у дѣвушекъ, подъ вліяніемъ водки, отъ которой немногія изъ нихъ отказываются, дѣлаются разнообразнѣе и веселѣе, а подчасъ и безцеремоннѣе.

Молодежь прерываетъ танцы только для того, чтобы выпить и закусить.

Такъ продолжается игрище всю ночь. Прекращаетъ его обыкновенно музыкантъ, угощаемый водкой часто и не въ очередь, и потому скорѣе другихъ изнемогающій. Онъ, гдѣ сидитъ, тамъ и засыпаетъ.

Тутъ только танцоры начинаютъ чувствовать, что у нихъ ноги совершенно разбиты. И подражая музыкантамъ, они тоже заваливаются спать, или „въ покотýху“ на полу, или кто гдѣ приткнется.

Расходятся по домамъ уже утромъ.

До послѣдняго времени употреблялись только древнѣйшіе танцы: кружокъ, барыня, метелица, веробей, чижикъ, подушечка, казачекъ. Но теперь получили распространеніе и городскіе танцы, въ особенности польки и кадрили.

Такъ какъ вечера отъ дня Рождества до Крещенія „святые“ и работать въ нихъ нельзя, то молодежь собирается на свою „хватеру“ каждый вечеръ и проводитъ время въ различныхъ забавахъ: танцуютъ подъ пѣніе „припѣвковъ“, играютъ въ Терешку, въ ящура, въ королевича, гадаютъ на оракулѣ, соломонѣ, играютъ въ карты и т. п. Водки уже не бываетъ, угощаются тѣмъ, что кто принесъ: яблоками, орѣхами, сѣмечками и т. п.

Игра въ Терешку описана въ VII вып. „Бѣлор. Сборн.“, причемъ приведены и образчики поющихся при этомъ пѣсенъ, съ ихъ мотивами (19, 41). Здѣсь приводятся тексты остальныхъ пѣсенъ „изъ Тярэшки,“ какъ онѣ поются въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Тярэ́шка, хахý-хахý,
Што ў тябе́ ў мяхý, ў мяхý?
— Шпи́лички-иглачки,
Златыя пярсьтёначки.
Иголками шыть будимъ,
Пярсьтёнки насить будимъ!

—

Пайдý я у новый токъ,
Найду я курэ́й кутокъ,
Питушка̀ ни вóднага.
Вы, курки, ни сакачы́тя,
Галóвакъ ни клапачы́тя:
Ёсьть у мяне́ рэ́шата пе́рья,
Куплю я питушка̀ пе́ўна,
Ёсьть у мяне́ и другóя,
Куплю я и рабóга!

—

У гарóдя чырвóна й рóжа,
Ня буду хвали́тца дужа,
Што Богъ даў дóбрага мужа:
Якъ стану работку рабить,
Тады ёнъ ве́силъ глядить,
Якъ стану малада стагна́ть:
„Капъ тябе́ гэ́ткаю ни знать!“

—

Тярэ́шка, Тярэ́шынька,
Тиразъ боръ дарóжынька,
Битая, таптáная,
Я ў мамки каха̀ная!

—

За гарóй саба́ки брэ́шуть,
Мой милый дарóгай чэ́шыть,
Чэ́шучы, празастáўся:
На нóзца ботикъ стаптáўся,
А ў штанахъ мóтузъ парва́ўся.

—

Сядѣла котка на кухни,
Ды ў яе́ вочки патпýхли.
„Чаго жъ ты, кóтачка, плачышъ,
Ти пити-ѣсьтяки хóчашъ?“
— Я й пить-ѣсьти ни хачý,
Па сваёй кры́ўданьцы плáчу:
Самъ кýхаръ пячóню зьлизаў,
На мяне́, кóтаньку, сказáў!
Мѣлися ла̀пачки пабить,—
Чымъ буду щýрычыкъ лавить?

—

Гуляйтя, дѣвачки, тяперъ,
Якъ нима̀ малинькихъ дятей!

Якъ будутъ малыя дѣти—
Ни захо́чытя палядѣти.

—

А зда́йся, дѣдичка, здайся,
На другихъ ни заглида́йся!
Да ў кутку дѣвачки стая́ть,
Памо́гуть дѣдичку спаймать!

—

Мой дѣдька папу́ть, папу́ть [1]),
Вяли́кій парху́ть, парху́ть:
Ня ўмѣить ско́рынька хади́ть,
Ня ўмѣить ба̀бачки лави́ть!
— Хуть жа я й павалю́ся,
За ба̀бай паганю́ся,
Хуть жа я но́жачку зламлю́,
А я сваю ба̀бачку злаўлю́!

—

Ни ўтика́й, мой воўкъ шэ́рый,
Пашы́ю кажу́хъ бѣлый!
Ни ўтика́й, шару́синькій,
Пашы́ю бялю́синькій!
Ни ўтикай, дѣдька Силиво́нъ,
Даганю́, хуть сь тябе́ духъ вонъ!

—

Ни ўтикай, дѣдя-лябе́дя,
Напъёмся пива па'бѣди!
Ни ўтикай, дяду́личка,
Я шъ твая́ бабу́личка.

—

Тярэ́сцы бида̀ стала:
Сь кимъ яго жана спала?
Падъ га̀имъ зилянé́нькимъ,
Съ казако́мъ маладе́нькимъ.
Ти спала, ти ни спала,
На яго̀ бида стала!

—

Божа мой, вяли́ка бяда́,
Дали мнѣ старо́га дида́:
Ни мнѣ яго́ спавива́ти,
Ни мнѣ яго́ калыха̀ти!
Якъ стану спавивати,
Ёнъ мяне́ абнима́ти,
Якъ стану калыхати,
Ёнъ мяне́ цалава́ти.

—

На вулицы скрыпка игра́ить,
Мяне́ старый дѣдъ ни пуска́ить.
Пайду я памалю́синьку,
Каля яго́ патиху́синьку,
А за мной старый дѣдъ иде́ть,
У рукахъ вяро́ўку нясе́ть.
„Ня би́ся, дѣдя, нико́ли,—
Ни пайду́ бизъ тваé́й воли!"

—

Пайў я коника у вядрэ́,
Ви́диў я ры́бачку на дьнѣ.
Смачная ры́бачка язёкъ,—
Пацалуй, дѣвочка, разокъ!
Смачная ры́бачка щучка,—
Лёхкая ми́лага ручка!

—

Паю́ я коника ў вядрэ̀,
Ви́джу я ры́бачку на дьнѣ́.
Добрая ры́бачка—карась,
Пацалуй, миляныкій, хуть разъ,
Ня би́ мяне́ за игры́ща сичасъ:
Я пастаўлю кро́сянцы ў кутку́,
Я табѣ кашу́личку вы́тку,—
Съ чарво́нымъ каўне́рыкамъ,
Капъ ты быў жаўне́рыкамъ!

—

На неби зорачка я́сна,
У сусѣда дяўчы́на кра̀сна.
Хуть жа я ў бяду́ паду́—
Сусѣда дяўчы́ну ўкраду!
Хуть жа я коника прада́мъ—
Сусѣду дяўчы́ны ни дамъ!

—

Да́йтя жъ мнѣ харо́шага,
Дайтя жъ мнѣ прыго́жага,
Дайтя жъ мнѣ тако́гъ, якъ я,
Буду я гулять да дьня!

—

[1]) Неповоротливый.

Мой жа ты тату́личка,
Прадай ты каро́вучку,
Купи мнѣ шнуро́вучку!
А зъ мяне́ мальцы сьмяю́тца,
Што ў мяне́ с—и трасу́тца,
А зъ мяне́ мальчыки бурча́ть,
Што мае́ с—чки тарча́ть.

—

Бада̀й тя каду́къ стапта̀ў,
Якъ ты мнѣ хварту́хъ падра́ў:
Гэта мнѣ тату́сь купи́ў,
Капъ мяне́ Пятрусь люби́ў;
Мнѣ мама сая́нъ пашы́ла,
Капъ мяне́ шля́хта любила!

—

Ты мой дѣдъ, ты мой дѣдъ,
А я твая́ бапка,
Шануй мяне́, гаду́й мянѐ,
Капъ я была́ глатка!
—Шанава̀ть буду, гадава̀ть буду,
А пры́дить ночъ—цалавать буду!

Д, Заулки. Отъ Анны Пилипенковой записано мною.

Игра *въ ящура* совершается такимъ образомъ:

Посреди хаты кладется колода. На ней усаживается парень, а кругомъ его дѣвушки, и поютъ:

Сяди́ть, сяди́ть Ящуръ,
Ла̀ду, Ла̀ду!
Въ арэ́хавумъ ку́сьти,
Ладу, Ладу!
Арэ́шыки лу́щить,
Ладу, Ладу!
Вочками плющить,
Ладу, Ладу!
Паро́шы то́чить,
Ладу, Ладу!
Жани́тца хо́чить,
Ладу, Ладу!
Бяры́ сабѣ, Ящуръ,
Ладу, Ладу!
Бяры́ сабѣ дѣўку,
Ладу, Ладу!
Ой, за бѣлу руку,
Ладу, Ладу!
За ме́зяный па̀лицъ,
Ладу, Ладу!
За залаты́й пе́рсьтинь,
Ладу, Ладу!

Тогда парень, сидящій на колодкѣ, схватываетъ у одной изъ дѣвушекъ платокъ.

Пѣсня начинается съ начала. Платокъ срывается съ другой дѣвушки, по выбору Ящура и т. д. Когда всѣ платки будутъ собраны у Ящура, дѣвушки поютъ ему:

Пано́къ, пано́къ,
Адда̀й вяно́къ!
Я ножки пазнаби́ла,
Якъ за вяно́чкамъ хадила,
Я сваé́ ручки пакало́ла,
Якъ на вяно́чикъ цвяты́ рвала,
Атъ мамачки хува́лася,
Атъ татачки туля́лася!

Ящуръ отвѣчаетъ:

Я тваимъ вянкомъ
Жаръ загрыба̀ў,
Хату падмита̀ў,
Верхъ затыкаў,
.... падтира̀ў!

И бросаетъ чей-либо платокъ. Дѣвушки начинаютъ пѣсни снова, пока отберутъ назадъ всѣ платки.

Быховск. уѣздъ.

Варіантъ.

Сяди́, сяди́, Ящуръ, Ладу, Ладу!
Ва'рэ́хувумъ ку́сьти, Л. Л.
Ў зялёный капусьти, Л. Л.
У ли́пувумъ ли́сьти. Л. Л.
Дакуль табѣ сядѣти? Л. Л.
Пара̀ табѣ жанитца! Л. Л.
Каго́ табѣ брати: Л. Л.
Старую бабу, Л. Л.
Али маладицу, Л. Л.
Ти красну дяви́цу? Л. Л.
Чимъ тябе дары́ти: Л. Л.
Шаўко́вымъ платочкымъ, Л. Л.
Али пыясо́чкымъ, Л. Л.
Зъ руки пирсьтянёчкымъ?
Ладу, Ладу!

С. Несино, Лепельск. у.

Для игры *въ королевича* дѣвушки становятся въ кружокъ. Въ середину кружка впускается царскій сынъ, или королевичъ,—дѣвушка, которой дается шапка въ руки. Ходя вокругъ царскаго сына, дѣвушки поютъ:

Царо́ў сынъ, каралѐвичъ,
Пры го́раду хо́дить,
Пры го́раду хо́дить,
Шапку ў рукахъ но́сить.
А шапачку но́сить,
Нивѣстъ выглида̀ить.
„Цароў сынъ, каралевичъ,
Ступай сюды ў го́радъ!
Ступай сюды ў го́радъ,
Ми́лай пакланися.
Милай пакланися,
Зъ милай абними́ся.
Зъ милай абнимися,
Зъ милай пацалуйся!

Дѣвушка, стоящая въ кругу, выбираетъ одну изъ подругъ и цѣлуетъ ее. Та беретъ у нея шапку и сама идетъ въ кругъ. Игра продолжается, пока всѣ перебываютъ королевичемъ.

Быховск. уѣздъ.

День Новаго года извѣстенъ больше подъ названіемъ „Васи́льля“. Утромъ въ этотъ день крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ съ мѣшочками въ рукахъ, наполненными различнымъ зерновымъ хлѣбомъ. Войдя въ избу, дѣти обсыпаютъ ее горстью зеренъ, произнося стихъ:

Хо́дя Илья
На Василя,
Но́ся пугу
Жытяну̀ю.
Гдѣ замахне́—
Жы́та расьте́,
Гдѣ ня махàя,
Тамъ ня бувая!
А ў поли ядро́мъ,
А ў доми дабро́мъ!

„Ради́, Божа, жыта-пшаницу, ўся̀каю пашницу!“

Засѣвальщиковъ принимаютъ охотно и даютъ имъ баранокъ, сѣмячекъ, орѣховъ, или хлѣбъ и сало.

Въ с. Вылевѣ не такъ давно съ засѣвомъ въ Новый годъ ходили старики.

Днемъ Новаго года заканчиваются въ деревнѣ шумныя увеселенія. Хотя святые вечера еще продолжаются, но обрядовыхъ игръ

уже нѣтъ и молодежь въ свободное время поетъ только колядныя пѣсни. По вечерамъ работать совсѣмъ нельзя; но и днемъ не за всякую работу можно браться. Начинать какую либо работу нельзя; веревки вить нельзя; сверлить что-либо нельзя. Можно только рубить дрова и досматривать скотъ. Женщины могутъ прясть шерсть и шить новыя вещи; но прясть ленъ и пеньку, починять старое бѣлье, платье—нельзя. Иначе и дѣти родятся калѣками и животныя будутъ рождаться уродами.

Въ канунъ Крещенія, 5 января, крестьяне соблюдаютъ строгій постъ и до вечера ничего не ѣдятъ, пока не будетъ принесена изъ церкви освященная вода. Когда всѣ члены семьи отопьютъ по нѣскольку глотковъ воды, хозяинъ дѣлаетъ изъ колосьевъ ржаной соломы кисть—кропило и освященною водою окропляетъ избу и всѣ жилыя и нежилыя постройки. Въ то же время пишетъ мѣломъ изображеніе креста на булкѣ хлѣба, на иконахъ, на косякахъ оконъ и дверей и на воротахъ хлѣвовъ, гумна и двора. Это называется „записать Коляды“. Въ селахъ окропленіе дворовъ производится священникомъ 6 января съ пѣніемъ тропаря „Во Іорданѣ крещающуся,“ и хозяиномъ только пишутся изображенія креста. День 5 января называется постною кутьею, голодною кутьею.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ этотъ день соблюдается слѣдующій оригинальный обычай. Когда кутья сварится и ее надо переносить изъ печи на кутъ, хозяйка, взявъ горшокъ съ кутьею въ руки, начинаетъ „ко́хать“, какъ курица насѣдка: „кохъ! кохъ!“ Дѣти, заслышавъ это коханье, стремглавъ бѣгутъ подъ столъ и начинаютъ тамъ кудахтать по куриному: „куда́хъ-дахъ-дахъ-дахъ!“ А нѣкоторые кричатъ и по пѣтушиному: „кукаре́ку!“ Мать ставитъ тогда кутью на кутъ, покрываетъ ее сверху „кулидкой“ хлѣба и сыплетъ дѣтямъ подъ столъ сѣмечки подсолнечныя. Подобравъ ихъ, дѣти выходятъ изъ-подъ стола.

Клохчетъ мать для того, чтобы куры выводили много цыплятъ; дѣти кудахчутъ для того, чтобы куры чаще неслись; пѣтухомъ поютъ, чтобы среди цыплятъ было побольше пѣтушковъ; а сѣмечки сыплются для того, чтобы въ домѣ было побольше куръ.

Въ Витебской губерніи на кутѣ ставится въ кошо́лкахъ зерновой хлѣбъ, который потомъ при посѣвѣ весною смѣшивается съ посѣвнымъ хлѣбомъ.

Ко́гда смеркнется, всѣ собираются въ избу; предъ иконами зажигается свѣча и послѣ продолжительной молитвы семья садится „вече́рать“. Обязательными кушаньями на этой вечерѣ считаются: борщъ или капуста съ рыбой (большею частью воблой) или съ „алеемъ“; „узваръ“ изъ яблокъ и грушъ съ прибавленіемъ меда, и кутья—также съ медомъ, а у бѣдняковъ съ алеемъ. Когда хозяйка поставитъ на столъ кутью, хозяинъ дома кричитъ въ окно: „Морозъ, морозъ!

хади́ кутьти́ ѣсьть! А лѣтомъ ня хади́, ня маро́зь на́шыя грэ́чки, ячме́ню, квасу́ли!“ Въ это время какой нибудь мальчишка гулко стучитъ палкою по воротамъ. „Во́ и марозъ прышо́ў!“ говорятъ ужинающіе. Но и безъ палки Крещенскій морозъ потрескиваетъ.

Во многихъ мѣстахъ въ полночь подъ Крещеніе хозяйки ходятъ на рѣку или озеро, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ колодезь, и черпаютъ воду, которую потомъ хранятъ весь годъ, какъ цѣлебную.

Въ Витебскомъ уѣздѣ существуетъ легенда, что у одной дѣвушки, ходившей въ полночь за водой на рѣку, только въ одномъ ведрѣ была вода. Въ другомъ же она превратилась въ вино.

6 января всѣ стараются заранѣе пріѣхать въ церковь и послѣ литургіи на лошадяхъ же ѣдутъ къ Ердани, гдѣ освящается вода предъ ледянымъ крестомъ, облитымъ розовымъ свекловичнымъ разсоломъ. Еще недавно при погруженіи креста въ воду крестьяне стрѣляли изъ ружей. Обыкновенно для этого избирались заранѣе двое лучшихъ стрѣльцовъ. Теперь этотъ обычай выводится.

Производилась же стрѣльба вслѣдствіе существующаго вѣрованія, что „злый нявѣрный“ діаволъ зиму проводитъ въ водѣ. Но когда ее освятятъ погруженіемъ креста, діаволъ убѣгаетъ изъ воды. А чтобы онъ не остался гдѣ нибудь поблизости, его отгоняютъ выстрѣлами. Такое толкованіе получилъ Крещенскій салютъ.

Послѣ освященія воды, всѣ присутствующіе черпаютъ ее въ свою посуду и несутъ домой, а потомъ изъ проруби поятся лошади. Предъ обѣдомъ всѣ обязательно пьютъ по три глотка освященной воды. Вода считается цѣлебною и не подвергающеюся порчѣ. Ею же при надобности изгоняется и нечистая сила. День этотъ проводится благоговѣйно. Пѣніе пѣсенъ считается грѣхомъ.

7 января празднуется память Іоанна Крестителя. Предъ пищей тоже пьютъ Крещенскую воду. День считается праздничнымъ и никакія работы не производятся.

Этимъ днемъ заканчиваются „Коляды“.

Привожу тексты нѣсколькихъ колядныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ въ теченіе времени съ 26 декабря по 4 января.

Колядныя пѣсни.

А каля́дачки,
Блины-ладачки!
А калядочки,
Наши но́жачки,
Паўбивали вы
Чо́рны сте́жачки.
Адна сте́жачка
Пашла ў гаро́дъ,
А другая
Ў чиста по́ля,
А трэтьтяя
Къ быстрай рэ́цчы.
Што ў гаро́дъ пашла,
То наѣсьтися,
У чиста по́ля—
Нагулятися,
Къ быстрай рэцчы,
То напитися.

Бызов. у.

Ня куръ, ня вѣй, мятелица—гэй, гэй, Калида́!
Ни завива́й сьте́жачку, сьте́жачку-даро́жачку—гэй, гэй, Калида́,
Я къ ма́мцы иду, вяночки ўю,
Атъ мамки иду, развиваю,
Я сваё го́ра утишаю—гэй, гэй, Калида́!

Д. Заулки, Дисн. у.

„Чаму́ у тябе́, ваўчо́къ, лапки до́ўги?“ Каляда́! Каляда́!
— Ў караля́ служы́ў, дровы наси́ў!
„Чаму ў тябе, ваўчокъ, язычокъ то́накъ?“
— Ў караля служыў, паўми́ски мы́ў!
„Чаму́ ў тябе, ваўчокъ, хвастокъ до́вягъ?“
— Ў караля служыў, пако́и мёў,
Пакои мёў, палы́ падмита́ў! Каляда! Каляда!

Вилейскій уѣздъ.

Ў канцы́ бо́ру вярба́ стаи́ть—Каляда! Каляда!
На той вярбѣ котъ стаи́ть—Каляда! Каляда!
Прышо́ў до яго шэрый во́ўча—Каляда! Каляда!
„Злѣзь, кошка, патанцу́имъ трошка!“ Каляда! Каляда!
— Ни налѣзу, во́ўча, Каляда! Каляда!
Тва́е жа́рты нялю́дски—Каляда! Каляда!

С. Дубины, Ошмянскаго у.

Якъ прышла Калида́
Ды ўпярёдъ за Рыжства́—
Ко́лида, Ко́лида!
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Прынисла Калида рышато́ блино́ў
Ды начо́ўки сатнёў.
Рышато блино́ў
Паста́вила на столъ,
Начо́ўки сатнёў
Паставила на столо́въ.
Паставиўшы ўсё,
Сама сѣла на куть!
Якъ прышла Калида́
Ды ўпярёдъ за Ражства —
Якъ пашла Калида́
Ўдоль па вулицы гулять, 2
Ды й обряды сыбирать.
Якъ прышла Калида
Ды бага́тыга двара
Ды Ка́рпиныга.
А Карпина жына
Дабрахво́ча была,
Батёнки дала!
Якъ пашла Калида
Ўдоль па вулицы гулять, 2
Ды обряды сыбирать.
Якъ прышла Калида
Ды багатыга двара
Ды Марти́нывыга.
А Мартинывa жына
Дабрахво́ча была—2
Насавёнка дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Наза́рывыга.
А Назарыва жына
Дабрахво́ча была—2
Рубашонку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды бага́тыга двара́
Ды Васи́льивыга.
А Васильива жына

Дабрахвóча была—2
Шубёнку дала!
Якъ пашла Калидá и т. д.
Ды багатыга двара
Да Пракóпывыга.
А Пракопыва жына
Дабрахвоча была—2
Сирьмяжóнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багáтыга дварá
Ды Дянíсывыга.
А Дянисыва жына
Дабрахвóча была—2
Паясёнка дала!
Якъ пашла Калидá и т. д.
Ды багáтыга двара
Ды Ивáнывага.
А Иванывa жына
Дабрахвоча была—2
Шматчóнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багáтыга двара
Ды Сирьгѣивыга.
А Сирьгѣива жына
Дабрахвóча была—2
Чулчонки дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Дарахвéива.
Дарахвеива жына
Дабрахвоча была—2
Абóрки дала!
Якъ пашла Калида
Ўдоль па вулицы гулять, 2
Ды абряды сыбирать.
Якъ прышла Калида
Ды багатыга двара
Ды Стипáнывыга.
А Стипаныва жына
Дабрахвоча былá—2
Лаптёнки дала!
Кóлида, Кóлида!

С. Хвошно, Городок. у., Витеб. г.
Запис. Е. А. Бѣлинская.

—

Сиўка-варонка, дыли-гой-да!
(послѣ каждой строки).
Куды ты паѣдишъ?
— Къ пану къ Ивану.
— Зачимъ ты паѣдишъ?
— Косы кувáть!
— На што жъ табѣ косы? *)
— Сѣна косить!
— На што табѣ сѣна?
— Карóў кармúть!
— На што жъ табѣ каровы?
— Мылакò збирать!
— На што жъ табѣ мылако?
— Рибятъ кармить!
— На што жъ табѣ рибя́ты?
— Жулуды́ збирать!
— На што жъ табѣ жулуды́?
— Вапрёў кармить!
— На што табѣ вапрú?
— Гóры кыпáть!
— А што ў тыхъ гырáхъ?
— Мидинáя ступка!
— На што жъ табѣ ступка?
— А ў той ступи зылатóя зярнó!
— Дѣ жъ тоя зярнó?
— Пятухъ скливаў!
— Дѣ жъ тотъ пятухъ?
— На синё мóря пылитѣў!
— А дѣ жъ тóя мóря?
— Крáскымъ зырасло́!
— А дѣ жъ тыи краски?

*) Въ *Гомельскомъ* уѣздѣ начало такое:

Сиука-варонка,
Куды палятѣла?
— На папоускій дворъ!
Што попъ дѣлая?
— Косы клѣпя!
На што яму́ косы? и далѣе почти буквально по *Велижскому* тексту.

— Дѣўки павы́рвыли!
— А дѣ жъ тыи дѣўки?
— Замыжъ павы́шли!
— А дѣ жъ ихъ мужукú?
— Пашлú ў вя́зьзя,
Тамъ увя́зьли;
Пашлú ў лúпъя,
Тамъ улипли;
Пашлú ў пумялó,
Тамъ ихъ и зымяло—дыли-гой-да!

С. Будница, Велижск. у., Вит. губ. запис. Ѳ. Т. Филипповъ. Оба произведенія говорятся какъ былины, на распѣвъ. Разсчитаны очевидно на длинные святые вечера.

На дварэ сняжóкъ, весь бялю́синькій,
Разлиуся вадóй,
Ты жъ мой милинькій, чирнабры́винькій—
Разлука съ табóй.
А куды шъ лóзы пахину́лиси —
Аттуль вѣтры вѣютъ,
А куды шъ вочи наглядѣлиси,
Аттуль милый ѣдитъ.
Вѣили вѣтры, вѣили вѣтры,
Ды ўжо пиристáли,
Глядѣли вочи, глядѣли вóчи,
Ды ўжо плакать стали.
А ў гарóди ялу́шычка,
За гарóдамъ сóсна,
А я пяю, висялюся,
На маёмъ сéрцы тóшна,
Што я млода заўдавѣла,
Дѣтки пасиратѣли.
Дѣтки маé сирóтачки
Ищо шъ яны́ ни ўзращóны,
А луги маё зéлины
Ищо шъ яны ни кашóны,
Пóля маё шырóкая
Ищо янó ни ўзарёна.
Слуги маé вѣрнинькія,
Запряжы́тя пару кóній,
Пару коній варанéнькихъ,
Я й паѣду къ сваймý тáтку,
Къ сваиму татку на параду:
„Парáй, парáй, мой таті́улька,
Якъ на сьвѣти жыть:
Што я млода заўдавѣла,
Дѣтки пасиратѣли,
Луги маé зéлины
Ищо шъ яны́ ни кашóны,
Пóля маё шырóкая
Ищо янó ни ўзарёна!“
— Гарю́й, дитя, гарюй, дитя,
Гарю́й, дарагóя:
Луги тваé зéлины
Будутъ яны́ пакашóны,
Пóля твоё шырóкая
Будитъ узарёна,
Дѣтки твоé сирóтачки
Будутъ яны́ узращóны.

—

Чирвона калинушка
Луччи арóхава цвѣта,
Бищáсная мая́ дóля
Пущи ўсягó свѣта.
Чирвона калинушка
И ўсѣ лугú пакрасила,
Бищáсная мая́ доля
Усю радúну засмутила.
А хаджý шъ я па камóри,
Якъ заблудная бýца,
Нè съ кимъ сѣсьти прамóвити
Ды мнѣ вѣрныга слоўца!
А сяджý шъ я у камóри,
Якъ сóўнинька ў крýзи,
Бищасная мая́ доля,
Па вѣкъ вѣшный серца ў тýзи.
Ти ты жъ, мая́ матýличка,
Ў тихій Дунай ни хадила—
Чаму жъ мянé малéнькія
Ў тихій Дунай ни ўтапила?

— Я ўтапила бъ, дитятачка,
Баялася Бога,
Ни знала я, дитятачка,
Твае горькія доли!...

—

Разгарѣлася крутая гара,
Расплакалася маладая ўдава:
„Хто мнѣ, маладэй, ды дружокъ [будить,
Хто шъ майму дитяти татынька [будить,
Хто мае луги касити будить,
Хто жъ маю зёмлю пахати будить,
Хто жъ на майхъ кбняхъ па- [иджжать будить?“
А зачўў маладецъ, а зачўў ма- [ладый:
Ни гари, ни гари, крутая гара,
Ахъ, ни плачь, ни плачь, мала- [дая ўдава:
Яшъ тябе маладу я й самъ вазьму!
Я шъ табѣ маладэй ды дружокъ [буду,
Я тваймў дитяти татынька буду,
Я тваѐ луги касити буду,
Я тваю зямлю пахати буду,
Я на твайхъ кбняхъ паиждждать [буду!
„Баюся, баюся, маладый мала- [децъ:
Ты шъ мяне маладу забивать бу- [дишъ,
Ты шъ маё дитя зъ горницы вы- [ганять будишъ,
Ты шъ маѐ зямли пахать ня бу- [дишъ,
Ты шъ майхъ кбничкаў прапи- [вать будишъ!“

—

Ой, бищасный чилавѣкъ,
Што ў карчбмцы водку пьёть,
А пришоўшы дамоў,
Жану журить, жану бъёть, (2).
И ниўдашачкай завёть:
Ниўдашачка ты мая,
Ни ўдалася ты ў мине,
Ни ў мяне малатца,
Ни ў матирю, ни ва тца.
Якъ пашоў маладецъ
Ды на крутую гару,
Якъ крикнуў маладецъ
Сваймъ громкимъ галасомъ:
„Рыбалоўцы вы чатыри,
А прибудьтя вы ка мнѣ:
А вазьмитя ниўдашачку,
Утапитя отъ мине!“
Рыбалоўцы чатыри
Ниўдашачку ухватили,
Ниўдашачку ухватили,
Ў синя моря утапили.
Якъ пришоў маладецъ
Да дому да свайго—
Дѣтки яго дробниинькія
На парози сустрѣли:
„Ай, татачка, татачка,
А йдѣ наша мамачка:
Ти ў карчбмцы прапиў,
Ти на мори утапиў?“
— Дѣтки мае дробныя:
Ти вы хлѣба ня ѣли,
Што вы мянѐ на парози
Съ худымъ словамъ сустрѣли?
Якъ пашоў маладецъ на крутую [гару,
Якъ крикнуў маладецъ
Сваймъ громкимъ галасомъ:
„Рыбалоўцы чатыри,
А прибудьтя вы ка мнѣ,
Вазьмитя вы ниўдашачку,
Привядитя да минѐ,
Привядитя да мине —
Худа жыть бизь яѐ:
А ни горницы тапить,
А ни зъ горъ вады насить,
Ни стаўчи, ни змалоть,
Ни дробныхъ дѣтакъ пакармить.

—

Той бищасный чилавѣкъ,
Што у карчбмцы водку пьёть.
Пасылала мяне мати
Свайго сына шукати,
Ти у лози, ти ў дарози,
Ти ў шынкарки на парози.
А ни ў лози, ни ў дарози,
А ў шынкарки на парози.
Я й ня била, ни бранила,
Тольки слова згаварила:
А прапою, мой прапою,
Прапала я за табою!
Прапиў хату и святлицу,
Жжуриў мяне маладицу,
Прапиў каня и карбўку,
Жжуриў ты маю галбўку,
Прапиў штаны и сарочку,
А самъ сядить у кутбчку.
Абабралася кума,
Штаны й сарочку дала—
Вывила исъ сарама.

—

Што шъ то за малойцы ды вайны баятца?
Я шъ малада вайны ни баюся:
Семъ миль борамъ ишла и каня ў рукахъ вила!
Я коника вяду и ягаданьки бяру,
А ягаданьки бяру, ды ня вѣдую каму:
Ё у мяне свякроўка, ды ня родна матулька,
Што ягаданьки любить, ды мяне ни галубить!

—

Ишоў казакъ зъ Дону, ёнъ зъ Дону да дому.
Ёнъ сѣў надъ вадою, надпёрся рукою:
Доля шъ мая, доля, што шъ ты ни такая,
Што шъ ты ни такая, якъ тая людская?
А людская доля и пьёть и гуляить,
И пьёть и гуляить, и жупаники маить,
А мы съ табой, доля, ни пьёмъ, ни гуляимъ,
Ни пьёмъ, ни гуляимъ, и ничога ни маимъ.

—

А багатага купца была дочь хараша,
Была дочь хараша, усё Машынька душа.
Ў зѐлинъ садокъ хадила, двухъ купчикаў зьлюбила,
Двухъ сыночкаў радила,
Никому знать ни дала, сама бабушкай была.
Ў пялюшачки ўвяртѣла, ў китаичку спавила
На Дунай—рѣчку зьнисла, на чавёньчикъ пусьтила:
„Ахъ ты, тихинькій камышъ,
Маихъ дѣтакъ прыкалышъ!
Ахъ ты, тихинькій Дунай
Майхъ дѣтакъ забаўляй!
А вы, жоўтыя пяски,
Ни задавайтя имъ таски!“
А на двинатцатамъ гаду
Пашла Маша па ваду.

Стала Маша ваду брать,
Стаў карабиль прыплавать,
Машы вады ни давать.
Адинъ сядить на канцы,
Папраўляить ў лотаццы,
Другій сядить на насў,
Чёшыть русы валасы.
„Здрасьтьви Маша, здрасьтьви Саша,
Здрасьтьви, душынька мая!
Пазволь Маша, пазволь Саша,
Пазволь съ нами пагулять!“
— Ни пазволю вамъ гулять,—
А я ваша родна мать!

Заимствованная.

А дума мая ни забытая,
Пашла жонка прочь ни набитая!
Ищо шэльмачка наругаитца—
Сѣла ў варотахъ, абуваитца,
На маимъ двару ваду брала,
Маё сердичка папаламъ рвала!

—

Якъ пайду я па вулицы, по мураўцы,
Кабъ мая шубунька ни зашумѣла,
Кабъ маѐ ґузички ни зазьвинѣли,
Кабъ ды ни пачўў лихій свёкаръ,
Кабъ ни сказаў ды свайму сыну,
Свайму сыну, ды майму мужу!
Ахъ, и мой мужъ мятѣлица,
Набъѐть маладу за бязьдѣлицу,
Якъ чортъ надмѣть, галаву набъѐть,
А якъ вздобритца—хату падмитѐть,
Хату падмитѐть, вады принясѐть.

Братькович. вол., Чериков. у.
Запис. К. Т. Аникіевичъ.

А у насъ сягодьни сходъ Калядъ!
Сабирайтися, дѣуки, ў радъ,
Адну зиму пѣсьни піять.
Будимъ ихъ у рэшаты складать,
А паставимъ ихъ падъ дубамъ,—
Намъ къ налѣтьтю знадабятца:
Ня будимъ жыта сѣять,
А будимъ пѣсьни пѣять!

Лепельск. у, Запис. Ѳ. Соколовскій.

На моры дяўчонка бѣль бялила,
Бѣль бялила, бѣла мыла.
Прыходють къ дяўчонки два дятины:
„Богъ на помычъ, дяўчонычка,
Бѣль бялити, бѣла мыти!“
Узяли, дяўчонку упаили,
У чиўначкў спать пылажыли.
„Возьмёмъ, братицъ, пы шасточку,
Сьпихнёмъ дѣўку зь биряжочку!“
Ачнулыся дѣўка пысярёдъ моря,
Якъ стала дяўчонка сильна плакыть:
„А хто мяне сюды выдываў:
Ти татынька мяне выпруўляў,
Ти мамынька кубилъ ныклыдала,
А ти братицъ русу касў рысплитаў,
Ти сястрыца уплёты убрала?
— Выдываў мяне сюды ясёнъ мѣсицъ,
Рысплитаў касу буёнъ вѣтиръ,
Убрала уплёты ясна зыря!“

—

Шлитя ка мнѣ гырманѐю, къ батьку майму,—
Ни аддась мяне батька—я сыма пайду!
Черызъ поля тваё шэрымъ зайцымъ,
Черызъ лѣсъ сивымъ ваўкомъ,
Черызъ моря шэрый вуткый,
На дворъ на твой тёмный тучкый,
А ў сѣни тваё дробнымъ дожжымъ,
А ў хату тваю яснымъ сонцымъ,
За столъ за твой сяду павыю,
У ложу тваю ляжу панныю,
Къ печи тваёй гыспадынію,
Къ клѣти тваёй клюшницыю.

Щербин. вол. Витеб. у. Зап. О. Пороменская.

Съ 8 января наступаетъ снова будничное время и никакихъ игръ и пиршествъ не бываетъ до масленицы, кромѣ свадебъ. Изъ отдѣльныхъ дней за этотъ періодъ почитаются:

18 января, день св. Аѳанасія, который считается покровителемъ животныхъ отъ мороза. Говорятъ, что Аѳанасьевскіе морозы такъ сильны, что у быка—третьяка (трехлѣтка) срываютъ рога.

30 января, день трехъ святителей, празднуется, но безъ особыхъ обрядовъ.

Февраль.

2 февраля. Срѣтеніе въ южныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи не носитъ особаго названія, въ сѣверныхъ же и въ Витебской губерніи день этотъ называютъ Громницами. Первое названіе, по народному объясненію, присвоено празднику потому, что въ этотъ день „зима зъ лѣтамъ стрѣка́итца“, и подъ стрѣхами появляются ледяныя сосульки. Когда дѣти пожелаютъ видѣть встрѣчу зимы съ лѣтомъ, ихъ посылаютъ, голыхъ и босыхъ, за огороды или за гумна и прибавляютъ, что зима дастъ любопытнымъ дѣтямъ красные сапоги. Находятся дѣти, которыя бѣгаютъ смотрѣть встрѣчу. Когда же разочарованныя, иззябшія и плачущія, они возвращаются назадъ, имъ указываютъ на ихъ красныя отъ снѣга и холода ноги. Это и есть „красные сапоги“. Названіе Громницъ взято отъ католиковъ. По преемству отъ уніатовъ, въ этотъ день въ указанныхъ выше уѣздахъ въ церквахъ освящаются свѣчи, зажигаемыя лѣтомъ во время сильныхъ грозъ—грома и молніи, чтобы никого не убило и ничего не зажгло. Этою же свѣчою подкуриваютъ больныхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ въ руки умирающимъ вмѣсто свѣчъ страстныхъ, такъ какъ огонь этихъ свѣчъ отгоняетъ отъ души сатану. Ее же зажигаютъ, когда первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле (23 апрѣля), когда начинаютъ пахать поле, и подвѣшиваютъ къ воротамъ коровьяго хлѣва въ ночь на Ивана Купалу, чтобы вѣдьмы не проникли въ хлѣвъ отбирать молоко у коровъ. Досужія хозяйки на другое утро находятъ на свѣчѣ слѣды зубовъ. Это ее покусала вѣдьма съ досады, что не могла проникнуть въ хлѣвъ. Употребляютъ ее и при началѣ посѣва. „Бяру́ть хлѣбца, сольки, праску́рачку, ти а́ртусъ, яечка вялико́дная, па́сачку и зе́рняты. Грамни́чку запа́ля, къ со́нюшку ста́ня, пamо́литца, тагды́ сѣя.“ „Апять жа, кали вязу́ть пе́ршый снопъ у гумно, тагды расьтила́ють тую вялико́днаю ска́тярку, кладуть на яе́ грамни́чку и чаразъ яе́ вязуть новый хлѣбяцъ.“

Рог. у.

11 февраля, въ день Власія—покровителя скота, празднуютъ и не работаютъ.

14 февраля, день св. Фотиньи, которая считается заступницей отъ лихорадокъ. День этотъ не празднуется, но о защитѣ отъ лихорадокъ Фотиніи молятся.

17 февраля, память Ѳеодора Тирона. Ему служатъ молебны, если у кого либо случится покража.

24 февраля, обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи не празднуется и молебновъ объ исцѣленіи отъ головной боли въ этотъ день не служатъ. Служится же молебенъ „о недужныхъ“ во время болѣзни.

Недѣля мытаря и фарисея называется Усе́ядною, Усера́дною, Сплошною. Обыкновенно сопровождается снѣжными вьюгами, про которыя въ началѣ недѣли говорятъ: „ета Усе́ядная ў го́сьти ѣдя!“ А въ концѣ недѣли: „ета изъ гасьте́й Усе́ядная ѣдя!“

Масленая недѣля, отъ понедѣльника до воскресенья, проводится шумно. По вечерамъ въ эту недѣлю также не работаютъ. Ходятъ другъ къ другу въ гости, а молодежь повторяетъ Колядное игрище. Днемъ всѣ считаютъ своею обязанностью покататься: одни на саночкахъ, другіе на ледяшахъ, вырубаемыхъ на рѣкѣ или замороженныхъ въ кадкѣ, у которыхъ потомъ высѣкается вогнутое сидѣнье и скраю просверливается раскаленнымъ гвоздемъ отверстіе для веревочки, которою ледяшъ удобно взвозить на горку, третьи катаются на опрокинутыхъ, слегка подмороженныхъ, скамейкахъ или простыхъ доскахъ. Хорошіе хозяева въ дни масленицы обновляютъ сани. Для этого новыя сани встаскиваются на горку, тамъ на нихъ усаживаются человѣкъ 20—25, и стремглавъ летятъ съ горы. Только такія сани и будутъ потомъ легки на ходу. На масленицѣ же объѣзжаютъ въ первый разъ и жеребятъ, достигшихъ трехлѣтняго возраста. Въ четвергъ на масленицѣ міръ-громада нанимаетъ пастуха. Въ послѣдніе дни масленицы, въ субботу и воскресенье, катаются на лошадяхъ, разубранныхъ лентами, съ колокольчиками и бубенчиками. При этомъ поютъ пѣсни, кричатъ, гикаютъ. Нѣсколько пѣсенъ приводится.

Ма́сьлиная, ща́сьливая,
Пратягни́ся да Вяли́кадьня!
Масьлиная, щасьливая, бѣла вутка,
Нясі́й сыру, масла, да ня ху́тка!
А хто сыру ня дае́, няха́й яму́ пагніе́.

—

Масьлиная, шча́сьливая!
Я ў свайго́ та́тачки загавѣла,
Щобъ яго̀ ла̀зинка зграрѐла!
А я ў свайго́ свёкарки залѣтавала,
Щобъ яго хи́ньтяйка папѣтавала!

Носовичская вол. Гом. у.

Масляная зяляна́я!
На Дунай вѣтяръ павява́я,
Сьтёжки-дарожки замята́я!
Бѣгла лисичка да рудый хвостъ,
А ли́хаму парабо́чку да зайшо́ў постъ:
Паѣхаў у даро́жку, забары́уся,
Прыѣхаў зъ даро́жки—ня жани́уся!

С. Красная Буда, Гом. у.

Масляница—каўзўха,
Пратягнися да Духа!
Мы думали—масляницы семъ нядѣль,
Ажны яѐ, масляницы, адинъ день!

—

А на гарѐ ельникъ сьтѐлитца, сьтѐлитца,
А тамъ зайцы тўлютца, тўлютца,
Дѣўки зайца злавили, злавили,
Ды на'бѣдъ сабѣ зварили, зварили.
Дѣўки сѣли за сталомъ, за сталомъ,
А дитюки падъ сталомъ, падъ сталомъ!
Дѣўки ядўть мяса, мяса,
А дитюки косьти, косьти!

—

На вулицы дѣўки гуляють, гуляють,
Мянѐ маладў гукають, гукають!
У мяне маладэй мужъ лихій, мужъ лихій:
Самъ на вулку ня пойдить, ня пойдить,
И мянѐ маладэй ня пўсьтить, ня пўсьтить.
А хуть пўсьтить—позьнинька, позьнинька,
Якъ дѣўки розьнинька, розьнинька!
А кали я хачў—и дѣвачикъ павярнў,
И скрыпачки и цынбалы панаймў,
Буду гулять до свѣту, ды да познага абѣду.
А ў дворъ ити баюся, баюся,
Ды къ большаму дѣвиру кланюся, кланюся:
„Ты, дѣвирачка, родный братъ, родный братъ!
Завяди жъ мянѐ да дому, да дому,
Дамъ табѣ хусту шаўкову, шаўкову!“

—

Якъ пайдў я па вадў, па вадў,
Пас'наўлю я вёдры на лядў:
Станьтя вы вёдры камянёмъ,
А каромисилъ иваромъ (яворомъ),
А я маладѐнька вирбою, патъ крутою гарою.
Наѣхали купцы—стародўбцы,
Стали яваръ сѣчь—рубать,
Стаў имъ яваръ атмаўлять,
Якъ дѣвачка плакала,
За старога замужъ идя,
Баранэй касў чѐшучи,
Лыкамъ касў плѐтючи!
Якъ пайдў я па вадў и т. д.

Стаў имъ яваръ атмаўлять,
Якъ дѣвачка плакала,
За малога замужъ идя,
Грыбёнкай касў чешучи,
А ниткую плѐтючи!
Якъ пайдў я па вадў и т. д.
Стаў имъ яваръ атмаўлять,
Якъ дѣвачка плакала,
Ды за роўнага замужъ идя,
Грыбянцомъ касў чѐшучи,
Шоўкамъ касў плѐтючи.

—

На гарэ бабы сядѣли,
Кулакомъ зямлю прабивали,
Абъ нявѣстакъ судили:
„А мая нявѣстка нигадяй!
Па вадў пашла, аблилася,
Па тяпло пашла, апиклася,
У клѣть пашла, клѣть жжыгла!
А ў той жа клѣти дабра было:
Шастокъ анўчикъ платьтя было,
Арэхава чашка масла была,
Жулудова чашка мёду была, —
Усё тоя дабро пагарэла!

Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

Да падъ тёмнай тўчай
Сядѣла бабаў куча,
Кулаками зямлю пабили,
Сваихъ дачокъ хвалили,
А дѣдавыхъ ганили:
„Бабины дочки хвасьливы, а дѣдавы лянивы,
Бабины дочки прали, ажъ гудѣла,
Кросны ткали, ажъ зьвинѣла.
А дѣдавы кудѣльку прали—драмали,
Кросны ткали—заснули!“

С. Дубины, Ошмян. у.

Виўся хмель пу балоту, пу балоту,
Люли, пу балоту!
Привиўся хмель ку варотамъ, ку варотамъ,
Люли, ку варотамъ!
И прасиўся хмель нуцувати, нуцувати,
Дѣ вулица шыракая, шыракая,

Дѣ малóтка мылыдáя, мылыдáя,
Дѣ крывáть тисывáя, тисывáя,
Дѣ пяри́на пухувáя, пухувáя.
Люли́, пухувáя!

—

Мы на гóрушки пубувáли, пубувáли,
Ай-люли, пубували!
Мàсьлинку суструкáли, суструкáли,
Ай-люли, суструкáли!
Сы́рымъ гарý набивáли, набивáли,
Маслымъ гарý пыливáли, пыливáли
Наша гóрушка катьли́ва, ай катьли́ва,
Свякрбушка вуркатьли́ва, вуркатьли́ва:
Инá на насъ вурцáла, ай вурцáла,
На гóрушку ни пусцáла, ни пусцáла!
А намъ дамóй ни хати́тца, ни хати́тца,
А хати́тца прыкати́тца, прыкати́тца!
Мы дýмыли—мáсьлинки семъ нядѣликъ, семъ нядѣликъ,
Ажна масьлинки семъ дянёцкыў, семъ дянёцкыў!
Насъ мáсьлинка абмани́ла, абмани́ла:
На семъ нядѣль пыстá ныcади́ла, ныcади́ла.
На бѣлыю капусту, капусту,
На гóрькыю рѣдьку, на рѣдьку.
Ай-люли, на рѣдьку.

—

Птáсыцка лисывáя, лисывáя,
Ай-люли, лисывая!
Дѣ шъ ты ноцку нуцувáла, нуцувáла?
Ай-люли, нуцувала.
Пытъ зялёнымъ дупкóмъ ли дарóшки, ли дарóшки;
Тамъ ишлй скымарóшки, скымарóшки,
Вы́ризали яны́ пу прутóцку, пу прутóцку,
И здѣлыли пу гудóцку, пу гудóцку.
Вы, гудки, ни гуди́тя, ни гуди́тя,
Майгó батюшку ни буди́тя, ни буди́тя:
Мой батюшка сьпить съ пахмéлья,
Сы бальшóга пиряпóю, пиряпóю.
А матушка зы рякóю, зы рякóю,
Зилянó вино кýрить, кýрить,
Мыладóга зятя пóить, пóить,
Ай-люли, зятя пóить!

С. Узкое Велиж. у. Отъ кр. Андреевой
запис. Т. Модзалевская.

Якъ у сéряду на мáсьлиницу,
На жыдóўськую рáданицу,
Ой, пабиу́ся до баранъ съ казлóмъ,
Памути́лася вадá съ пяскóмъ,
Пабрани́лася старуха съ старикомъ,
Пытиря́ли тыбакéрку съ тыбакóмъ.

Горковск. вол. Городокск. у.

Ни хади́ ты, кудривàтый,
Кыла маёй хаты,
Ни тапцы́ ты, кудриватый,
Пахýцыя мяты!
Ни ли тябé я сади́ла,
Ни ли (тябé) пыливàла,
Ли тагò я садила,
Кагó я любила,
Ли тагò я пыливàла,
Каго цылувàла.
Я садила—пыливàла,
Милóга жыдáла:
„Ня стой, милый, пыдъ вакóшкымъ,
Хади́ ка мнѣ ў хату,
Скажы ты мнѣ усю праўду,
Якъ раднóму брату!“
У гарóди, у садóцку,
Три кыливы́ мяты,—
Люби мянé, харóшынькій,
Хыть я ни быгáта!
А ў гарóди, у садóцку,
Царвóнная рóжа,—
Люби мянé, харóшынькій,
Хыть я ни прыгóжа!
А ў гарóди, ли згарóди,
Три кыливы́ бобу,
А хто мянé пыцалýить,
Ня вы́жывить году!

С. Будница Велижск. у.

—

Кудря́вай павóщикъ,
Кучеря́вай звощикъ!
Привдáрь кóній бóльна,
Штопъ бижàли бодра,
Штопъ я ни слыхала,
Какъ батюшка тýжыть,
Матушка гарю́ить.
Када пъ éта знала,
Плитéнь разламала пъ,
Карóвъ напускáла:
Тапчи́тя карóвы
Што éсть у гарóди!

Г. Бѣлица. Отъ старообрядцевъ.

Въ воскресенье, на заговѣнье, скоромное ѣдятъ только раннимъ вечеромъ. Послѣ этого молятся Богу и просятъ другъ у друга прощенія, причемъ дѣти кланяются родителямъ въ ноги.

На другой день хозяйки вывариваютъ всю посуду и обѣдъ даютъ постный и очень скромный: сырую капусту, отваренный картофель съ солью—и все. Рыбы не ѣдятъ. Водки тоже нельзя пить, но тамъ, гдѣ православные имѣютъ общеніе съ католиками, они, при постной пищѣ, „полощутъ зубы“ водкой до вторника—католическаго заговѣнья. Въ виду предосудительности такого поведенія, пьющіе объясняютъ свое пьянство желаніемъ „штобъ ихъ змѣи ня кусали“.

Въ теченіе поста совершенно нельзя пѣть пѣсенъ, кромѣ дня Благовѣщенія, когда требуется „гукать весну“.

По пятницамъ великаго поста отнюдь нельзя печь хлѣбъ.

Мартъ.

1 марта считается началомъ весны. Въ этотъ день крестьяне не работаютъ, чтобы не прогнѣвать муч. Евдокію, которая „де́ржа у руцэ́ лѣта." Естественно видѣть въ этомъ отголосокъ того времени, когда годъ начинался 1 марта. Въ этотъ день пѣтухъ уже долженъ напиться изъ лужицы отъ тающаго снѣга.

9 марта—день сорока мучениковъ. Въ этотъ день сорока начинаетъ себѣ гнѣздо вить и принесетъ для этого сорокъ прутьевъ. Съ вырья прилетаютъ сорокъ жаворонковъ. Мальчики должны въ этотъ день до восхода солнца, не умывшись и зажмурившии глаза, подобрать на дворѣ въ подолъ сорокъ щепокъ и высыпать ихъ подъ печь. Кто выполнитъ это, тотъ весною найдетъ сорокъ птичьихъ гнѣздъ (или: сорокъ утиныхъ яицъ), а не выполнившіе не найдутъ ни одного гнѣзда.

Въ Быховскомъ уѣздѣ требуется не внести щепки въ хату, а вбросить ихъ, до восхода солнца, чрезъ печную трубу.

Въ этотъ день для дѣтей и молодежи устраиваются въ воротахъ хлѣва или гумна качели, на которыхъ, для здоровья, надо обязательно хоть немного покачаться.

Во многихъ мѣстахъ въ этотъ день матери пекутъ для дѣтей сорокъ „жаворонковъ" изъ тѣста, ржаного или пшеничнаго. Для этого раскатываютъ тѣсто въ видѣ веревки, придаютъ ему фигуру цифры 8, а концы поднимаютъ надъ кольцами фигуры въ видѣ головы и хвоста. Когда такіе „жаворонки" испекутся, одного изъ нихъ бросаютъ въ печь, остальныхъ отдаютъ дѣтямъ и нищимъ.

Отъ этого дня до лѣта должно быть еще сорокъ морозовъ, и хозяева считаются съ этимъ при посѣвахъ и посадкахъ въ огородахъ

„На Середопостье"—Крестопоклонная недѣля—хозяйки пекутъ кресты изъ тѣста и кладутъ ихъ въ закрома съ мукою и зерномъ, „щобъ нячистая сила ни паску́дила". Одинъ изъ такихъ крестовъ долженъ находиться въ сѣвалкѣ во время посѣва.

17 марта, св. Алексѣя. Работать нельзя. Но рыболовамъ разрѣшается дѣлать „обудённые" сѣти: то есть за этотъ день напрясть нитокъ и связать изъ нихъ бредень или какую-либо другую сѣть. Тогда ею они будутъ ловить много рыбы. Дѣлается это на томъ основаніи, что св. Алексѣй, уходя изъ дома родителей, переплылъ будто бы черезъ море въ плетеномъ рѣшетѣ.

Въ этотъ день щука разбиваетъ ледъ хвостомъ (или головой), и волъ долженъ напиться изъ лужи.

25 марта—Благовѣщеніе. Одинъ изъ величайшихъ праздниковъ, въ который даже птицы не вьютъ гнѣздъ Бабы избѣгаютъ печь что либо въ этотъ день изъ тѣста, весь обѣдъ заготовляется съ вечера и на Благовѣщеніе варится уже все приготовленное. Пчеловоды

Витебскаго уѣзда стараются не зажигать въ этотъ день огня и рано ложатся спать въ потьмахъ. Женщины и дѣвушки не должны чесать головъ и заплетать косъ.

Въ этотъ день ожидаютъ прилета аиста и другихъ крупнѣйшихъ птицъ и какъ только увидятъ первую летящую птицу, схватываютъ съ земли „шуму" и бросаютъ ее вверхъ съ словами: „утка, утка! на́ табѣ на гняздэ́чка, а мнѣ на яе́чка!"

Въ этотъ день въ церквахъ послѣ заутрени освящаются просфоры. Въ однихъ мѣстахъ онѣ даются только тѣмъ прихожанамъ, которые просили отслужить за нихъ обѣдню; въ другихъ мѣстахъ ихъ покупаютъ всѣ желающіе. Просфоры эти хранятся до осени когда съ ними засѣваютъ озимую рожь.

До дня Благовѣщенія запрещается огораживать огороды и забивать колья въ землю; нельзя начинать пахоты—„закону нема́"; нельзя вывѣшивать сушить на солнцѣ основу для кросенъ. За этимъ слѣдятъ всѣ, такъ какъ нарушеніе этихъ правилъ влечетъ за собою холодную весну.

На изгородяхъ надѣваютъ на колья старое колесо. Это дѣлается для того, чтобы „ко́ршыки ня драли курэй".

Въ тотъ день недѣли, въ который пришлось Благовѣщеніе, нельзя выгонять скота на поле первый разъ весною; нельзя начинать вывозить навозъ на поле; нельзя запахивать землю; нельзя засѣвать.

Дѣвушки въ этотъ день послѣ обѣда начинаютъ „гукать весну". Въ однихъ мѣстахъ это дѣлается торжественно, въ другихъ проще. Дѣвушки выходятъ къ гумнамъ, взбираются на крыши и сидя на нихъ поютъ циклъ веснянокъ, оканчивая каждый стихъ призывнымъ междометіемъ „гу!" Или выходятъ на улицу и съ тѣми же пѣснями водятъ „танки". Въ *Ельнѣ* Чериковскаго уѣзда дѣвушки собираются въ банѣ, собираютъ мялья т. е. кострику отъ льна и пеньки, устраиваютъ костеръ и зажигаютъ его. У костра и поютъ веснянки. „Такъ па́лютъ мя́лья усякую вичари́ну ажъ даваскрэ́сныхъ дьнёў". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ выходятъ изъ селенія и идутъ на ближайшую горку, гдѣ и гукаютъ весну. Наконецъ, тамъ, гдѣ этотъ обрядъ падаетъ, дѣвушки поютъ веснянки просто у себя на завалинкахъ. Въ послѣднее время въ гуканіи весны большое участіе принимаютъ и дѣвочки лѣтъ 12—14.

Вотъ нѣсколько веснянокъ:

А у насъ сяго́дьни Благавѣщанья! Гу!
Руднецкія *) дѣвачки, пярайди́тя къ намъ:
А у насъ хлопчики—дяшо́вый тава̀ръ:
Па дѐвъять на шѐлягъ, дяся́тый надда̀чы!

*) Рудня—улица села Юркович.

А ў нась сягодьни Благавѣщаньня!
Руднецкія хлопчыки, пярайдитя кь намь:
А у нась дѣвачки – дарагій таварь:
Па сто рублёў каса̀, па тысячы краса.—Гу!

Ст. Юрковичи, Гом. у.

Вясна̀, вясна̀, вясня́начка,
Дѣ твая̀ дачка̀ Марьянaчка? Гу!
— Сяди́ть у садочку и шы́я са-
[ро́чку
Сваймў сыночку Василёчку. Гу!

—

У Рама́навамь калодязи
Тамъ Рама́наўна ваду̀ бра̀ла,
Да сь папо́вичамь размаўля́ла:
„Ай, папо́вичу,—ня бары̀ мянѐ:
У маёй хати ня свая̀ мати:
Будя на мяне́ наракáти,
Зъ вядёрь вади́цу выливати!
Ве́дярцы мае́ мале́нькія,
Слёзачки мае́ драбне́нькія!

—

Чаму̀ дуба ня рубати,
Що ёнъ дуплинàтый,
Чаму́ минѣ ня гуляти,
Що я ў свае́ мати:
И разу́я, и разьдѣ́ня:
„Лажы́сь, до́ня, спати!“
Пасьте́ля мнѣ пасьте́лячку
Зъ мàкавага цвѣту:
„Гуляй, доня, при ро́зуму
Да бѣлага свѣту!“

—

Я гуляла, я буя́ла,
Мать ня сыпуня́ла,*)
Сыпуни́ла маладую
Чужая дити́на...
Бадàй ягò сыпуни́ла
Лихая гади́на!

—

Ой, млинъ ме́ля, ой, млинъ ме́ля,
Ко́лиса сако́ча, —
Иди, дѣўка, за Иваньку,
Катóрая хоча!
Ой, млинъ меля, ой, млинъ меля,
Ко́лиса вихàя, —
Ня йдѝ, дѣўка, за Иваньку —
Свякру́ха лихàя.

—

Ой, мамка мая̀ старэ́нькая,
У мяне́ хатачка мале́нькая.
Ой, ня бій мяне́, ня лай мянѐ,
Пры́дя сыботачка - аддàй мянѐ!
У панядѣ́лакь збирай дѣвакь,
А ў ваўто́ракь—прыдàнь со́ракь,
А ў се́раду сяду наѣ́ду!

—

Па застаро́нкахъ дажчы̀ идуть,
А ў Насави́чахъ ня бувàють,
Тольки ёлачки васплывáють.
Выхо́дьтя, люди, диве́тись:
Ѣдя хло́пчыкь жане́тись!
Самъ ёнъ ѣдя на ко́нику,
Вязѐ дѣвачку у вазо́чку,
Сячѐ коника нагáйкаю,
Кры́я дѣвачку китàйкаю,
Щобъ яѐ дажчы̀ ня замачы́ли,
Бу́йныя вятры̀ ня завѣ́яли,
Жаркая сонца ня запали́ла,
Щобъ яѐ свякру́ха пахвали́ла.

—

Вясна̀, вясна̀, що намъ прынясла̀?
Дѣўкамъ узро́сту, а хло́пцамъ
[каро́сту!
Дѣўки смяю́тца, а хло́пцы шкра-
[бу́тца!

—

*) Сапунять—сдерживать.

На моры вутка купалася,
На бяражо́чку сушы́лася,
Дачкà у мамки праси́лася:
„Пусьти, мати, пагуля́ти,
Парабо́чкаў павидàти!“
Пашли парабочки вячѐрати,
Ды й да ко́никаў начавàти.

—

Мамка мая̀, ягадка,
Ой, люблю я пàрабка,
Що на конику паяжджàя,
Усихъ ёлачакь даглядàя:
Ти ўсѣ ёлачки падме́тяны?
Усѣ ёлачки падме́тяны,
Падъ бярòзкай ня ме́тяна.
„Иди, дѣвачка, падмятѝ ту́ю:
Тамъ твой хло́пчыкь съ то́ргамъ
[стаи́ть,
Зъ вяли́кимъ то́ргамъ—щъ щор-
[нымъ шо́ўкамъ.
Усимъ дѣвачкамъ шоўкъ прадаѐ,
Адной дѣваццы дàрма даѐ.
Дѣвачки бяру́ть ды й дя́кують,
Адна дѣвачка бярэ̀ ды й ни дя́куя,
А хлопчыкь даѐ ды й ня жалѣ́я.

—

Якъ выйду я на масто́чакъ,
Пущу̀ галасо́чакъ,
Няхай чу́я, дѣ начу́я,
Мой милый дружо́чакъ!
А ти ёнъ у лузи,
Ти ёнъ сѣна ко́сить,
Прыхили́ўшы гало́вачку,
Го́ласамъ гало́сить.
Бадàй сѣна да тлёмъ сѣла,
Касà зламилася,
Бадàй майго́ нялюбо́га
Мати скрутилася.

—

На рэчаццы, на быстрай,
Тамъ Катярына бяльлё мыла,
Сваё плàтьтяйка замачила,
Прышла да дому—мати паби́ла.

—

Плàваў чаўно́чакь па рэ́чаццы,
Плàкаў хло́пчычакь па дѣваццы:
„До́лячка мая̀ нящàсная,
Дѣвачка мая ня красная:
Ти мнѣ ўтапи́тца, ти задави́тца,
Ти на былинку завѣ́ситца?“
Тонка былинка парало́митца,
Хлопчыкь па дѣваццы паражу́-
[рытца!

Носовичская вол., Гом. у.
Зап. П. П. Буднецкій.

—

Ты мало́дка, мало́дка, маладàя,
О-охъ, ле-ле-лё, маладая!
(послѣ каждой строки).
Да чаго ты, мало́дачка, стàра
[стала?
Охъ ты, траўка-мурàўка, зялёная,
Да чаго ты, мурàвачка, пачар-
[нѣ́ла?
Ти ня гуси тябѐ сащипàли,
Ти ни мàлянькія гусяня́тки?
Ти ня дѣўки тябе прытаптàли,
Да ўсё тыми чабатàми чирва-
[ны́ми,
Да ўсё тыми паткоўками сталя-
[ны́ми?

—

У крыво́га танка
Паради́ла бабка сынка,
Паклала падъ лàвачку,
Накрыла карàвачкай. Гу!

—

Вярбо́вая кладка на вярбѣ́ ляжàла,
На вярбѣ̀ ляжала, изъ вярбы̀ упала,
Изъ вярбы упала, хло́пчыкаў паби́ла.
Хлопчыки сядѣ́ли, работу раби́ли,

Да работу рабили, да сабачакъ лупили,
Ножыкаў ня мали, зубками абтягали.
Вярбовая кладка на вярбѣ ляжала,
На вярбѣ ляжала, изъ вярби упала.
Изъ вярби упала, дѣвачакъ пабила.
Дѣвачки сядѣли, да работу рабили,
Работу рабили, да шырыначки шыли.
Нитачакъ ня мали, шаўками апшывали!

—

Якъ на нашай вулицы шырокая возяра,
Ой-люли, ой-люли, шырокая возяра!
(послѣ каждой строки).
Якъ на томъ на возяры сѣры гуси плавали.
Налятѣў, налятѣў сизъ арлъ на возяра,
Ухапиў, ухапиў гусачку за шыячку,
Крыкнула, крыкнула гусачка па гусачкахъ!
Якъ на нашай вулицы ўсё гуляли дѣвачки,
Наѣхаў, наѣхаў хлопчычакъ на конику,
Ухапиў, ухапиў дѣвачку за ручачку.
Крыкнула, крыкнула дѣвачка па дѣвачкахъ,
Ой-люли, ой-люли, дѣвачка па дѣвачкахъ!

—

Вясна, вясна вясняначка,
Вясняначка,
Гдѣ твая дачка паняначка,
Паняначка?
Пагнала бычка за варотячки,
За варотячки:
Пасися, бычку, я спраду мычку,
Спраду мычку,
Старому дѣду на рукавичку,
На рукавичку,
А маладому на паньчоху,
На паньчоху!

—

Ой, вясна, вясна,
Що ты вынясла?
— Дѣўкамъ каросты —
Хлопцы халосты!

—

Й пѣўничакъ да курачки
Икъ бродя, дакъ бродя,
А Рыгорка да Алёнки,
Якъ ходя, дакъ ходя!

—

Якъ вийду я на вулицу —
Гуляю, гуляю!
Клича мати вячерати —
Виляю, виляю!
Чаму минѣ ни виляти —
Ў мянѣ родна мати!

Д. Дубровка, Краснобуд. вол.
Зап. Л. Ткаченко.

—

Ты мѣсячикъ таргаўщикъ,
Взыйди рана, пастой позна,
Выйду къ табѣ таргавати,
Свёкра, свякрову прадавати:
За свякроўку палушачку,
За свёкарку нямà ничога.

Гомельск. уѣздъ.

—

Вясна, вясна, што ты намъ вы-
[нясла?
Съ карабоў жыта павытрасла.
Якъ вытрасла тры зѣрнятки,
Ўсё хлапоцкія насѣньняйки:

Пѣрвая зѣрня—василичку,
Другоя зѣрня—барвѣначку,
Трѣтьтяя зѣрня—любѣсьтячакъ.
Василичка—ля хлопчикаў,
Барвѣначакъ—ля дѣвачакъ
Любѣсьтячакъ—ля любосьти,
Ли дявоцкія красатосьти.

С. Кошелево, Рогач. у.
Отъ Солохи Васильевой.

Всѣ эти пѣсни поются 25 марта.

Въ *Рогачевскомъ* уѣздѣ дѣвушки нерѣдко раздѣляются на двѣ партіи, занимаютъ два „узгорка", гдѣ просохло, и тамъ гукаютъ весну, поперемѣнно—„другъ дружки голасъ падаютъ": „Ой, вясна мати, хади къ намъ гуляти!" Гукаютъ весну каждый вечеръ, начиная со дня Благовѣщенья и до тѣхъ поръ, пока станетъ возможно пахать землю. „А тагды гукать вясну старыки ни пазваляють, сварутца", и дѣвушки начинаютъ пѣть „веснянки", весеннія пѣсни, не приуроченныя къ опредѣленному дню. Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ такихъ пѣсенъ.

А ў балоти, на калоди,
Мядьвѣть боты шыить,
Аю-аю-аю!
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Мидьвиняты - чиртиняты
Шолкымъ падшываюць,
А заинька—кынаводъ
У скрыпыньку играить,
А сарбки билабоки
Пашли жыта жати,
А бытянъ дыўганогій
Пайшоў пыдганяти.
Ёнъ сарбки ни дыгнаў,
Доўги ноги пыламаў.
Аю-аю-аю!

—

Чиризъ рѣчку, чирисъ тынъ,
У сусѣда милый сынъ,
Аю-аю-аю!
„Пусьти, пусьти, мати
Мяне пугуляти!"
— Ня пущу гуляти,
Ляжышъ, курва, спати!
„Хоть я буду бажытца,
Ды ня буду лажытца!
Хоть я буду присигать,
Ды ня буду цылывать.
Аю-аю-аю!

—

За мхой, за мшаринкый
Сарбки щакочуть,
Аю-аю-аю!
Майго мила чирнаброва
Сабаки валочуть.
Валачили бѣла тѣла, —
Валачитя косьти,
Ня сушытя, ня крушытя
Маёй маладосьти:
Маладосьть—мая буйносьть,
Старасьть—мая крайнасьть.
Аю-аю-аю!

—

А вой, мая мамка,
Любить мянѣ Янка:
Аю-аю-аю!
Пусьтиў коній на далину,
А самъ ка мнѣ у пярину!
А вой, мая мамка,
Любить мянѣ Сёмка,
Любить мянѣ Сёмка,
Принёсъ парасёнка!
А вой, мая мамка,
Любить мянѣ Савасьтей,
Любить мянѣ Савасьтей,
Принёсъ мёду бирясьтень!
Аю-аю-аю!

—

Мальчишычка, брáтицъ мой,
Зыгарѣ́ўся теримъ твой.
Аю-аю-аю!
Пайдёмъ теримъ тушы́ть,
Чапцóмъ *вóду* наси́ть!
А ў чапцѐ вады ни ложки,
У мальц*ахъ* праўды ни крошки!
Мальчишычка, братицъ мой,
Зыгарѣўся теримъ твой.
Пайдёмъ теримъ тушы́ть,
Вядрóмъ *ваду́* наси́ть!
А ў вядрѣ вады пóўна,
А ў дѣвачакъ праўды рóўна!
Аю-аю-аю!

—

А ў гарóди ны ляхѣ́
Три кáливы бобу.
Аю-аю-аю!
А хто дѣўку пацалу́ить —
Ня вы́жывить году!
А ў гарóди ны ляхѣ
Три кáливы мяты,
А хто дѣўку пацалу́ить —
Ня вы́лизить съ хаты!
Аю-аю-аю!

—

А гдѣ тóя купялі́ща,
Што голубъ купаўся,
Аю-аю-аю!
А гдѣ тая красна дѣўка,
Што я заручаўся?
А и тóя купялі́ща
Даўнò заращóна,
А и тая красна дѣўка
Замужъ аддадёна!
Аю-аю-аю!

С. Мишневичи, Городокск. у.
Запис. г. Василевъ.

—

Алёнушка папóва,
А пагóнимся мы ў пóля,
Загóнимся за дубокъ,
На зялёнинькій лужокъ!
А на гарэ дубъ, дубъ,
Падъ гарбóю бѣлъ шатёръ.
А ў тымъ шатрэ Варвара
Са мóладцамъ гуляла.
Мальчишачка бѣлъ, кудря́ў,
А ўзяў дѣўку бизъ рука́ў.
Мальчишачка бѣлъ, харóшъ,
А ўзяў дѣўку бисъ калóшъ!

—

Уля́нушка, Уля́на,
Пачóмъ любишъ Ивана?
— Патóмъ люблю Ивана,
Што ёнъ тóныкъ и високъ, 2
Ў ягò чорнинькій вусóкъ, 2
И тóнинькій галасóкъ!

Бабиничская вол., Витеб. у.

—

У нядѣльку паранéньку
Загадаў царъ на службу
Усимъ князя́мъ, ўсимъ бая́рамъ,
Усимъ малымъ рабя́тамъ
И маладымъ салдатамъ.
А тамъ мати прабывáла,
Ина тóя прачувáла,
Радиви́лу прабуджáла:
„Устань, устань, Радивила,
Устань, устань, мой сыночикъ:
Вотъ салдатики нахóдють,
Ру́жжы, шабильки нанóсють!“
— Атступи, мать, ни пичаться:
Я тромъ-пятёмъ ни падáмся!
Тры салдаты наскачили,
Радивилу ухватили,
Сійчасъ ножачки скавáли,
Назадъ ру́чачки звязали.
Радивила стрыпянуўся, —
Ўсѣ жалѣзы палитѣли
Й вярóвачки загудѣли!
Прóсить яго царъ па чéсти:
„Спакари́ся, Радивила,
Спакари́ся, мой сыночикъ!
Я на тябѐ царства спишу,
Я за тябе дóчку аддáмъ!“

— Тваё жъ царства мнѣ ня ў ми́ласьть,
Твая́ дóчка мнѣ ня ў лю́басьть!
Ёсь за рэчкай адна ўдóўка,
У той вдоўки адна дóчка:
Тая ўдóўка мнѣ у ми́ласьть,
Яѐ дочка мнѣ у лю́басьть!

Лепельск. у., Витебск. губ.
Пѣсня распространенная въ восточной Бѣлоруссіи. См. болѣе полный варіантъ въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ“, вып. II, стр. 413—414.

—

Ахъ ты Сёмушка, Симиёнушка,
Ни хади́, Сямёнъ, нагóй,
Ни качай ты галавóй,
Мнѣ ня быть за табóй.
Да мнѣ быть ли, ня быть
За бялы́мъ румя́нымъ
За Йвáнамъ кудрявымъ!“
— Скажы, Дуня румя́на,
За што любишъ Ивана?
„Я за то люблю Ивана,
Што галóвушка кудрява.
У Ивана-кудряшà
Нѣту денигъ ни грашà,
Только слава харашà!“

Д. Валейково, Стрижин. в.. Дрисс. уѣзда. Кр. Мих. Чубаро.
Запис. Д. Орловъ.

—

Хади́ў, пахади́ў Ясь па пóлю,
Збираў красачки—василёчки.
Назбираўшы, да й пасѣяў,
Пасѣяўшы, прочь паѣхаў.
Ѣдить, ѣдить, да аглянѐтца,
Гóркаю слязóю аблíётца:
„Ахъ вы, красачки—василёчки,
Да хто васъ бу́дить даглидáти,
Вéчиръ и рáньня пали ати:
Мая́ мамка стару́синька,
Маѐ дѣтки малю́синьки!

Тамъ же. Мотивъ см. „Бѣлор. Сборн.“ вып. VII, стр. 3.

—

Дуброва мая́ зялёная,
Ни пущай карэ́нійка па маёй [дарóжаньцы,
Дѣ я къ мамцы ў госьти пайду́:
Ўсё карэ́нійка я стапчу́,
Ўсѣ тьвятóчки пащиплю́,
У вянóчикъ пазвиваю,
На галóўку ускладу́,
Къ мамцы ў гóсьтики пайду́.
Загадаю я мамцы загàдинку:
„Пирали́чъ, мамка, тьвятки́!
Скольки ў гэтымъ вянку́ тьвят- [кóў,
Тóльки на мнѣ худыхъ слаўцóў!“
— Дитя маё дарагóя, житьтё [нагарэ́тная!

—

Да што тамъ за мóлайцы, 2
Да што тамъ за бѣлыя, 2
Што й вайны́ бая́лися, 2
Атъ вайны́ хавáлися? 2
А якъ я маладéнька,
Я й сама óбрамъ ишла̀,
Я й каня́ ў рукахъ вилà,
Я й ягàдинки брàла,
На выбóръ выбирала:
Салóткія ў кишынёчикъ,
А горкія ў падалóчикъ,
Салоткія ли тàтухны,
А горкія ля свёкарки.
Ѣжъ, тàтухна, на здарóўя,
А свёкарка на хварóбу!
Ѣжъ, татухна, спажыви́ся,
А свёкарка удавися.

Дер. Шлыки, той же вол.
Кр. Аѳанасій Шлыкъ.

—

Ли калóдижа, ли сьтидёныга,
Тамъ ляжы́ть тѣла, тѣла бѣлыя.
Нихто къ таму́ тѣличку ни присту́питца,

Тольки приступи́лыся а три ла̀стыўки.
Первая ластыўка сѣла у гылывàхъ,
А другая сѣла пратѝ се́рдичка,
А третьтія сѣла у ныга̀хъ ягò.
Ў гылывàхъ плачить—то мàти ягò,
Прати се́рдичка—то систрà ягò,
У ныгахъ плачить—то жынà ягò.
Гдѣ мати плачить—тамъ рикà стайть,
А йдѣ систра плачить—тамъ ручей тячѐть,
Дѣ жынà плачить—тамъ рысà стайть.
Мати плачить а вѣкъ дò вику,
А систрà плачить а годъ дò гаду,
Жына плачить день да ве́чира —
Слушать не́чига. Гор. Мстиславль.

Ныдъ вадòю калина,
Ныдъ кали́ный дяўчы́на,
Русу косу чыса́ла,
Бѣла личка ўмува́ла.
Туды ѣхаў стару́синькій:
„Бохъ на по́мычъ, дяўчы́нычка,
Русу ко́су чысати,
Бѣла личка ўмува́ти!"
— Ны здаро́ўя, старый дѣдъ:
Ни твайгò саду кали́нычка,
Ни тва́йхъ мы́силь дяўчынычка!
Ныдъ вадо́ю калина,
Ныдъ кали́ный дяўчы́на,
Русу косу чыса́ла,
Бѣла личка ўмува́ла.
Ѣхаў туды маладинькій:
„Бохъ на по́мычь, дяўчынычка,
Бѣла ли́чка умува́ти,
Русу косу чысати!"
— Ны здаро́ўя, бѣлъ мыладецъ:
Тò твыягò саду калина,
Тò тва́йхъ мы́силь дяўчы́на!
Щербинск. вол., Витеб. у.

—

Ябланя мая̀ кудравая,
Дакулѝ табѣ ў лузи стая́ть?
Парà табѣ у садъ парайти́ть,
У садъ парайти́ть, раски́нутца!
— Стаю я годъ, стаю́ другій,—
А на трэтьтій у садъ парайдў:
Раски́нуся, расхину́ся,
Пущу ко́рань глыби мо́ра,
Пущу листокъ шыры по́ля,
Шыры поля шыро́кага.
Ты, дяўчы́на Ганнусячка!
Дакулѝ табѣ у батьки жыть,
Парà табѣ замужъ итить!
— Пажыву годъ, пажыву другій,
А на трэтьтій замужъ пайдў,
Замужъ пайду за купца-малатцà:
Купецъ будя купчавàти,
А я буду таргавàти.

—

А на дварэ̀ ро́са,
Марьютачка бо́са!
Кали табѣ дѣўки жаль,
Купи чарави́чки,
Малы, нивялички,
Тольки ў часъ,
Людёмъ на пака́зъ.

—

Дяўчы́начка ваду̀ нясѐ,
Каро́мясялъ гне́тца,
Рама́ничка ў вакнò глядить,
Слёзками ильле́тца.
Каро́мясялъ залатый,
Чаму̀ ни зламиу́ся,
Рама́ничка малады́й,
Чаму̀ ни жании́ся?
С. Красная Буда, Гом. у,

Да выйду, выйду за варо̀титки, 2
Выйду, выйду за тя̀совыя, 2
Тамъ трава съ травой савивàютца, 2
Да тамъ братъ сь сястро́й разлучаютца: 2
„Ты мой братитка, салаве́ичка, 2 и т. д.
Пажывёмъ съ табо́й харашэ́ничка:
Ни у насъ палѝ насѣ́нныя,
Ни у насъ сады насажо́ныя,
Тольки братъ сь сястро́й нарадзо́ныя!"

—

Юдра [1]) каля рэ́чки хадѝла,
Юдра гарнастайку будѝла:
Устань, гарнастайка, ни ляжы!
Да ўжэ̀ рыбало́ўцы наижжàють,
Шапко́ваю сѣть закидàють,
Тябе, гарнастайку, паймáють.

—

Ды хто у насъ рàна ў по́ля хо́-[дить? 2
— Сиратà рана ў по́ля хо́дить, 2
Сирата бѣлы ручки ло́мить, 2
Сирата дробны слёзки раняи́ть, 2
Сирата расу абивàить, 2
Сирата долю праклинàить, 2
Сирата мамку прабуджàить. 2.

—

Ты дубъ, я бяро́за,
Да ты пьянъ—я тьвяро́за,
Да ты пьёшъ, а я плáчу,
Маладо́сь сваю трáчу,
Да ты пьёшъ и латру́ишъ,
Нѝкды до́ма ни начу́ишъ!

—

Ясна сло́нца за лѣсъ котитца,
Ўся бясѣданька расхо́дитца,
Мая̀ мамка дамо́й ра́дитца.
Я мамку прапускать пайду,
Празъ тры лясы, празъ тры [тёмныя,
Празъ тры сады, празъ зялёныя,
Празъ тры ракѝ, празъ тры бы-[стрыя,
Празъ тры палѝ, празъ тры чы-[стыя.
Стану я падъ бяро́зачкай,
Да стану я падъ кудрáвай:
Ти аглянитца мая̀ матўлька?
Аглянулася мая̀ матўлька,
Аглянулася мая̀ ро́дная:
„Чаго, дитя, застàлася,
Ти травицай ублу́талася, [2])
Ти расицай абмачы́лася?"
— Ни травицай я ублу́талася,
Ни раси́цай абмачы́лася:
Аблу́тала чужа старанà,
Абмачы́ли дробны слёзачки!

—

Красна дѣўка па сянёхъ хо́дить,
Красна дѣўка малайцà бу́дить:
„Устань, устань, да бѣлъ мала-[де́цъ,
Устань, устань, ты бялю́синькій:
Атарвàўся твой конь вараны́й,
Атарвàўся варанюсинькій,
Атъ тачо́нага стаўпо́чка,
Атъ жалѣзнага кручо́чка!
Паламаў ёнъ мой жалѣзный тынъ,
Патаптаў маю руту—мяту!"
М. Браславъ, Ковен. губ.

—

[1]) Выдра. [2]) Уплуталася, запуталась.

Ой, виснà, виснà крáсна
Съ караббу̀ жыта вы́трасла,
И на вýличку вы́нясла,
И вѣничкамъ вы́мяла,
Краснымъ яѣ́чкамъ вы́качала!
С. Чигиринка, Быхов. у.

—

Спыбитаў сылавѣ́й
Ны калини сѣ́дюцы,
Ны калини сѣ́дюцы,
Ны малину глѣ́дюцы:
Ня быть калинки
Сылажэ́й малинки,
Ня быть свякрóўки
Проти рóнная мамки!
Мыя́ мамка у саду,
Якъ пцалúнина ў мяду
А свякрова ў тирямѣ́,
Якъ сарóка ны калѣ́.
Мыя́ мамка гавóрить,
Якъ пцалúнина яцы́ть,
А свякрова гавóрить,
Якъ мидьвѣдица рацы́ть.
С. Узкое, Велижск. у.

—

Ахъ, и што шъ то за садóчикъ,
За зилёнинькій такой?
Ахъ, и што шъ то за малойчикъ,
За прыгожынькій такой?
Ўложы́ў мысьли ў моѐ сéрца,
Ни магу̀ ягò забы́ть.
Пра то люди даўно знають,
И сусѣ́ди даўно гаваря́ть,
Тибѐ мóлайца ругáють,
Мянѐ дявúцу страмя́ть:
„Сты́дна, сты́дна дяўчóнацы
Позна зь вéчира гулять!“
Дяўчóнацы стыдна стáла,
Палилúси слёзы зъ глазъ,
Парнúшачку жáлка стáла,
Начáў дѣ́ўку утишáть,
Вы́ниў рóзавый платóчикъ,
Начáў слёзы утирать:

„Ни плачь, ни плачь, дяўчóначка,
Ни плачь, дýшычка мая́:
Если ўздýмую жанúтца,
Вась на свадьбу пазаву̀!“
Я у садику гуляла,
У зилинёнькимъ такомъ,
Накапáла зло-карэ́ньня,
Я ў зилинёнькимъ саду,
Насушы́ла зло-карэ́ньня,
Сýха-нá-суха ягò,
Нас'наўля́ла самавáры,
А три самавáрчики,
Наливала ва стакáны,
Залаты̀ стакáньчики,
Напайла друшкà мила,
Двухъ друшкóў ягò, —
Тавàришы пазнасúли,
А мой мúлинькій памёръ!
Заимствованная.

—

Иванька малóдинькій,
Ни жанáтъ—халóсьтинькій,
Хадúў ёнъ па вýлушки,
Вулушки тисóвыя,
Схинýў ёнъ галóвачку
На праву старóначку.
Завúдила матушка
Зь висóкага тéрима:
„Абъ чомъ, Иванька, жýрысься,
Ды абъ чомъ пичàлисься?“
— Тавàришы жэ́нютца,
А я щѐ ня думаю,
Кал'Дунаю хóдючи,
Тапúтися думаю!
„Иванька малóдинькій,
Ни думай жанúтися:
Бýдить сь кимъ журúтися!
Заимствованная.

—

Виснà крàсна настаѐть,
У салдàта сéрца мрѐть,
Салдатъ у нахóдъ идѐть,
Чорный муньдéръ надяѐть,
На вучéньня идѐть.

Гэта ўчéньня ни мучéньня,
Тóльки вóчань тижалò, 2
Што ни знàимъ ничагò.
„Гляди пря́ма, дярж́ы рóўна,
Дѣ́лай ружжомъ харашò!“
Насъ начáльнички пахвàлють,
Намъ на вóдачку дадýть!

А три дéнюшки у день,
А идѐ хóчишъ, тамъ падѐнь:
А ти выпить, а ти зьѣсьть,
А ти дѣ́вушкамъ атьнéсьть,
Ти на шы́ла, ти на мы́ла,
Штобъ и вы́пить за што бы́ла!
Занесена въ деревню бывшими на военной службѣ. Особенно нравится ночлежникамъ.

Ой, бóрамъ, бóрамъ, баравúнаю,
А хто шъ тамъ ѣ́дить вичарúнаю?
А ѣ́дить, ѣ́дить Иванка пъяный:
„Аччинú, Аўдулька,—я твой кахàный!“
— Ай, ня'ччинюся, батьки баюся,
Я шъ пиридъ табóй лúстамъ сьтялю́ся,
Ай лúстамъ, лúстамъ, зилянóсинькимъ,
Я шъ пиридъ табóю маладю́синькимъ.
Чериков. у. Запис. г. Аникіевичъ.

31 марта, день св. Ипатія, не празднуется. Разрѣшителемъ неплодія бѣлоруссы считаютъ св. Юстиніана (14 ноября), который изображается на иконѣ съ младенцемъ на рукахъ молящимся предъ иконой Божіей Матери. Крестьяне бездѣтные или такіе, у которыхъ часто умираютъ дѣти, считаютъ долгомъ имѣть образъ св. Юстиніана въ своемъ домѣ.

Вербная недѣля называется еще Бѣлою. Принесенною изъ церкви освященною вербою стегаютъ больныхъ членовъ своей семьи, говоря: „Не я бью, вярба бъѐ! Хúра ў лѣсъ, а здарóўя ў косьти!“

Послѣ этого отправляются въ хлѣва и тамъ стегаютъ вербой скотъ. Затѣмъ верба кладется на божницу, а часть втыкается въ стѣны хлѣвовъ. 23 апрѣля ею выгоняютъ первый разъ скотъ въ поле. Во время посѣва вербу ставятъ на полѣ. Въ ночь на 24 іюня ее вѣшаютъ въ коровьемъ хлѣву, чтобы охранить коровъ отъ вѣдьмъ. Уронить прутикъ вербы на землю считается грѣхомъ. Нужно его поднять и сжечь въ печи.

Дни Страстной седмицы называются чистыми: чистый понедѣлокъ, чистый авторокъ и т. д. Въ чистый четвергъ до разсвѣта моются въ баняхъ; тогда цѣлый годъ не будетъ накожныхъ болѣзней— лишаевъ, коросты, болячекъ. Бабы ловятъ прусаковъ, клоповъ и тараканов, заворачиваютъ въ тряпочки и бросаютъ на улицу. Насѣкомыя перейдутъ къ тому, кто такую тряпочку подниметъ. Бабы же прядутъ въ этотъ день нѣсколько нитокъ изъ волны или льна, но въ обратную сторону. Нитки эти очень помогаютъ отъ ломоты, и болѣющіе ревматизмомъ перевязываютъ ими больныя руки и ноги. Въ

церкви въ этотъ день освящаются макъ, соль и коровье масло. Макъ посыпается въ хлѣвахъ, масломъ смазывается коровье вымя для охраненія отъ вѣдьмъ, а соль употребляется во всѣхъ важныхъ случаяхъ для охраны отъ нечистой силы.

Въ с. Озеранахъ одну изъ дорницъ на крышѣ переворачиваютъ нижнимъ концомъ вверхъ—чтобы гады въ хату не лѣзли. Чтобы обезопасить дворъ отъ нечистой силы, „раздѣнитца жанщи̂на голая и да ўсхода сонца абсѣва̂я увесь дворъ жытамъ знаружжа". Также до восхода солнца перебираютъ лукъ—тогда онъ на огородѣ чистый.

Апрѣль.

11 апрѣля, день св. Антипы, празднуется только тѣми, у кого часто болятъ зубы, и знахарями, заговаривающими зубную боль.

17 апрѣля память св. Зосимы. О немъ хранится такая легенда. Какой то царь прогналъ его изъ своей земли и онъ направился въ Россію. Уходя, онъ поймалъ пчелиную матку, задѣлалъ ее въ свой посохъ, чтобы никто не увидѣлъ, и увезъ съ собою. Всѣ пчелы изъ той земли полетѣли за нимъ и развелись въ Россіи. Такъ какъ русскіе еще не знали ухода за пчелами, то размножившіяся пчелы причиняли большое безпокойство, жалили людей и животныхъ. Народъ сталъ роптать на Зосиму, принесшаго такихъ злыхъ насѣкомыхъ, и святой ушелъ на Соловецкій островъ, снова спрятавши матку въ посохъ. Тамъ онъ основалъ монастырь и снова сталъ заниматься пчеловодствомъ. Здѣшніе пчеловоды, какъ впрочемъ и въ остальной Россіи, считаютъ его охранителемъ пчелъ, вмѣстѣ съ св. Савватіемъ. Имя Зосимы упоминается во всѣхъ пчелиныхъ заговорахъ, которые впрочемъ всѣ литературнаго происхожденія (см. ниже „Заговоры"). Считается обязательнымъ имѣть на пасѣкахъ икону этихъ святыхъ, причемъ Зосима держитъ въ одной рукѣ „котелокъ", а въ другой крестъ и метелку для сгребанія роевъ (или кропило); Савватій изображается только съ крестомъ въ рукѣ. Оба въ иноческой одеждѣ, на фонѣ лѣса. Деревенскіе иконописцы и подражающіе имъ суздальцы изображаютъ на иконахъ для наглядности улья и летающихъ пчелъ. Зимою эти иконы переносятся изъ пасѣки въ омшаникъ, гдѣ хранятся ульи, или въ избу.

Пасха. Праздникъ этотъ въ Бѣлоруссіи называется Великъдень, Великодьня, Паска, а недѣля—Великодною. Приготовленія къ празднику начинаются обыкновенно съ среды—четверга мойкою иконъ, столовъ, скамеекъ, окошекъ, дверей и половъ, а гдѣ стѣны небѣленыя, то и стѣнъ. Чистится все,—за что и недѣля называется чистою. Къ Пасхѣ заготовляется столъ, главное мѣсто на которомъ занимаютъ куличи, также называемые „паскою". Куличи имѣютъ видъ обыкновенной круглой булки, но наверху ея накладывается изъ тѣста четырехконечный крестъ. Если хозяйка не умѣетъ печь куличей, они заблаговременно покупаются въ городѣ въ базарные предпраздничные дни. Кромѣ куличей, на столѣ считаются обязательными: булка чернаго хлѣба съ насыпанной на нее солью, кругъ домашняго сыра, масло, кусокъ свиного сала и крашеныя яйца. Изъ мясъ ставятся: по возможности окорокъ, поросенокъ, курица—если ничего этого не надобно покупать, или просто зажаренный кусокъ мяса и оставшіяся отъ Колядъ колбасы. Яйца красятся, какъ уже было сказано, въ луковой шелухѣ, березовыхъ листьяхъ и червецѣ. Правильно-христіанскимъ цвѣтомъ для яицъ считается красный и поэтому купленнымъ зажиточнымъ крестьяниномъ червецомъ стараются воспользоваться и сосѣди. Такъ называемыя писанки въ Бѣлоруссіи имѣютъ малое распространеніе. Это объясняется, конечно, тяжелымъ прошлымъ ея населенія, при которомъ всякое яйцо было на счету у помѣщицы, а крестьянинъ разгавливался чернымъ мякиннымъ хлѣбомъ и кускомъ сала „зъ варабъи̂ная стягнó". Въ мѣщанской средѣ писанки дѣлаются или наклеиваніемъ на яйцо восковыхъ узоровъ предъ окраскою или простымъ соскабливаніемъ краски съ окрашенныхъ яицъ. Узоры эти крайне просты и въ большинствѣ случаевъ замѣняются изображеніемъ креста. Также бѣдны орнаментомъ и однообразны и писанки здѣшнихъ женскихъ монастырей.

Для освященія въ церковь несутъ: куличъ, мясо, сыръ и яйца,—именно то, что упоминается въ разрѣшительной молитвѣ. Все это укладывается въ лукошко, застланное особою чистою скатертью. Во время чтенія священникомъ молитвы, къ лукошкамъ прилѣпляются зажженныя восковыя свѣчи.

При первомъ пѣніи „Христосъ воскресе" въ сельскихъ церквахъ почти повсемѣстно стрѣляютъ или изъ ружей или изъ особыхъ мортиръ—мажджаръ. Въ самое послѣднее время вмѣсто стрѣльбы примѣняются фейерверки.

По возвращеніи изъ церкви домой, одно освященное, обязательно красное, яйцо опускаютъ въ воду, которою потомъ всѣ умываются, и гладятъ яйцомъ лицо, чтобы быть здоровыми, „красными", весь годъ. Потомъ, помолившись—причемъ вмѣсто начинательной молитвы „Во имя Отца" говорится тропарь „Христосъ воскресе", вплоть до дня Вознесенія — всѣ садятся за столъ и начинаютъ „разговляться". Старшій въ семьѣ очищаетъ одно изъ освященныхъ яицъ и разрѣзываетъ на столько частей, сколько членовъ семьи находится за столомъ. Всѣ съѣдаютъ свои части съ солью. Потомъ ѣдятъ сыръ или творогъ со сметаной, затѣмъ куличъ и сало и наконецъ мяса. Послѣ розговѣнья считается обязательнымъ лечь спать. Выспавшись, одни обѣдаютъ, другіе отправляются на улицу, большей частью къ церковной паперти, и тамъ или катаютъ яйца съ лубковъ или играютъ „въ битки". Чье яйцо окажется крѣпче, тотъ беретъ у партнера „выби-

тое" яйцо—„битку". При игрѣ въ битки допускаются и нѣкоторые обманы. При взаимной пробѣ играющими яицъ, даются „куштовать" обыкновенныя яйца, но затѣмъ они ловко замѣняются другими—гипсовыми, цесарскими, „заливанками", въ которыхъ носокъ залитъ извнутри воскомъ, „сушенками" и т. п. Героями игры считаются тѣ, которые идутъ съ цесаркой на цесарку. Игры съ яйцами продолжаются всю „Великодную" недѣлю.

При встрѣчахъ въ эту недѣлю говорятъ: „Христосъ воскресъ!" на что привѣтствуемый обязанъ отвѣтить: „Воистину воскресъ!" Христосуются съ родными, съ знакомыми, а въ первый день съ каждымъ встрѣтившимся.

Вѣроятно, по аналогіи съ тѣмъ, что въ Пасхальную недѣлю въ церкви стоятъ отворенными царскія врата, въ народѣ существуетъ вѣра, что въ эту недѣлю открытъ „свѣтлый рай" и что поэтому всѣ умирающіе на Пасху входятъ въ рай безпрепятственно. Въ Велижскомъ уѣздѣ въ первый день Пасхи, въ подражаніе этому, стараются держать отворенными хлѣва, амбары, кладовыя. Существуетъ также увѣренность, что отъ Пасхи до Вознесенія воскресшій Господь пребываетъ на землѣ и посѣщаетъ, подъ видомъ странника, людей бѣдныхъ, постигнутыхъ несчастіемъ, вдовицъ. Легенды объ этомъ приведены въ вып. IV Бѣлор. Сборника.

Остатки отъ освященнаго стола, будь то яичная скорлупа или кость, сжигаются. Но нѣкоторые хозяева собираютъ такія кости и предъ посѣвомъ зарываютъ ихъ въ землю на своей полосѣ: это охраняетъ посѣвы отъ бурь и градобитія. Корки же освященныхъ куличей сушатъ, толкутъ и во время семейныхъ праздниковъ—крестинъ, свадебъ, всыпаютъ въ водку. Чрезъ этого водка получаетъ свойство усыплять колдуновъ. Послѣ одной—двухъ рюмокъ они засыпаютъ и слѣдовательно дѣлаются безвредными для молодыхъ, для младенца.

На второй день Пасхи дѣвушки собираются „табунами" и ходятъ по домамъ „христовать". Войдя въ хату, онѣ поютъ такія пѣсни:

Булà ў мянè курка—рабýшка,—
Хрыстосъ васкрэ́съ, Сынъ Божый!
Знислà ўсимъ дѣткамъ па яе́чку, (припѣвъ)
Адно́й сиратѣ ня дястáлася.
Пашлà сиратà за новыя варатà.
„Вярнúсь, сирата, тябе́ Богъ клича,
Тябѐ Богъ клича, даѐ мѣрку жыта!
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!

—

Атъ те́рама ды да терама—
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!
Ляжы́ть брусься ўсё нятёсаная, (припѣвъ)
На томъ брусьсю на нятёсанамъ

Тудой ишла ды тьвѣтъ Мàръячка-душà,
А за ёю тьвѣтъ Данилачка-душа:
У правай рукѣ вино зялёная,
А ў лѣвай рукѣ ме́дъ сы́чаный!
Хрыстосъ васкрэ́съ, Сынъ Божый.

Носовичск. вол., Гом. у.

О, чый то дворъ, што зялѣзный тынъ —
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!
Зялѣзный тынъ, мидя́ныя варо́ты,
Залаты́я кля́мки, сярэ́браны замки?
— Иванаў дворъ—зялѣзный тынъ и т. д.

—

Да па вулицы па шыро́кай,
Хрыстосъ васкрэ́съ, Сынъ Божый!
Да па му́рагу па зялёнамъ,
Тамъ ляжáли брусы́ те́саныя,
На тыхъ брусахъ сядѣли мужы́,
Сядѣли мужы́, мужы́ чесныя,
И рáдили рàду, раду до́браю:
Каму́ жыта сѣять, каму засявáть?
— А Ивану жыта сѣять, яму́ засявать:
Яго рука щасьливая, яго жана дарли́вая!
А пато́мъ таго́ да бувай здаро́ў,
Да бувай здаро́ў, май сто каро́ў,
Дали́ яе́цъ, щобъ мали аве́цъ!
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!

С. Юрковичи, Гом. у.

Христовщицамъ даютъ за это ломоть хлѣба, кусокъ сала, или пару яицъ. Вечеромъ изъ этой провизіи онѣ устраиваютъ закуску на игрищѣ, которое считается обязательнымъ въ этотъ день. Игрища устраиваются въ той же хатѣ, гдѣ зимою происходили „посидѣнки". Хлопцы приносятъ *ведро* водки, приводятъ музыканта. Хозяйка къ этому времени напечетъ блиновъ изъ грецкой муки, сдѣлаетъ крутую яичницу изъ 10—20 яицъ, нажаритъ мяса съ картофелемъ и сваритъ грецкую или пшенную кашу. Выпивши и закусивши, молодежь начинаетъ танцевать. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ наибольшемъ употребленіи недавно были танцы: барынька, казачокъ, падушачка, мятелица, гусачокъ, лучиница, журавель, косарь, чижикъ, гопакъ. Если музыки въ деревнѣ нѣтъ, танцуютъ подъ припѣвки. Въ дополненіе къ тѣмъ, которые даны въ вып. VII Бѣлорус. Сборн., привожу здѣсь еще нѣсколько.

Тавкачики.

Антонъ маладе́нькій пиў мёдъ саладе́нькій,
Прыкатиўся къ бочацца, пъе́ть и ящо хо́чыцца!
Антонъ казу́ вяде́ть, тпруцъ-тыцъ, каза́ ня иде́ть,
Антониха падганя́ить, на Антона паглида́ить!

Трасуха.

Хуть траси́ся, ни траси́ся, ну я знаю, што здаси́ся!
Дяўчы́нанька, што ты ма́шъ, што хвартушкамъ запина́шъ?
— Ай, я ма́ю куры́цу, дли васпа́на ужы́чу!

—

А ты, ру́дый, хади́ сю́ды, а ты, чорный, стай тамъ,
А я зъ рудымъ разбяру́ся, а къ чо́рнаму прыду́ самъ!

—

Ай, чухъ, Мары́сица, хварту́хъ калы́шытца,
Вѣтиръ павива́ить, хвартухъ падыма́ить.

Полька.

Ѣхуў, ѣхуў каля млы́ну, видиў дѣўку, якъ малину,
Якъ я ѣхуў, ина́ спа́ла, якъ я сьви́снуў—ина́ ўста́ла!

—

Дяўчы́начка мая́ люба, праклятая твая́ гу́ба:
Набраха́ла на мяне́, што я хади́ў да тябе́!
Дяўчы́начка, люблю тябе, ня ѣжъ хлѣба—вазьму тябе́!
Дѣўка хлопца наслушала, тры дьни хлѣба ня кушала!
Прасу́кинъ сынъ абмани́ў и зъ го́ладу замары́ў!
— Дяўчы́нанька, ня журы́ся, вазьми хлѣба, нажары́ся!

—

Танцавала баба зъ ракамъ, а пятру́шка съ пастарна́камъ,
А цыбуля дивава́ла, што пятрушка танцава́ла,
А пятрушка шъ чыснако́мъ, кра́сна дѣўка зъ дитюко́мъ.

—

А дяўчы́на, чыя́ ты, ти ня хо́чышъ гуляти?
— Я дяўчына папо́ва, я гуляти гато́ва.

Кадрель.

Ти я шъ табѣ ни казала, на паро́зя ста́ўшы:
Ня ѣдь, ня ѣдь у даро́гу, нихай ѣдить старшый!
Ти я табѣ ни казала, на пры́пичку сѣўшы:
Ня ѣдь, на ѣдь у даро́гу, нихай ѣдить ме́ньшый!
Ти я табѣ ни казала, маё любиня́тка:
Ня ѣдь, ня ѣдь у даро́гу, нихай ѣдить татка!
Татка старый, татка старый, на сьвѣти нажы́уся,
А ты шъ, маё любинятка, тяпе́ръ ажаны́ўся.

—

Диргачъ стаў драть за дѣшкай съ Агне́шкай,
Якъ тутъ, такъ тамъ, якъ прыдишъ—ни дамъ!
Диргачъ стаў драть за ка́ткай съ Агаткай и т. д.
Сядѣў я за дѣшкай, прасиў у Агне́шки:
Якъ тутъ и т. д. Потомъ—за каткай, прасиў у Агатки и т. д.

—

Сѣў жа я на ла́ваньца и но́жаньки падагба́ў,
Ты шъ мяне́ спалюби́ла, я шъ тябе́ спадаба́у.
Ты шъ мяне́ спалюби́ла, ты шъ мяне́ спадвила́,
Ты шъ мяне́ маладо́га ў камбрачку завила́.

—

Ты шъ мая́, ты шъ мая́, ты шъ ни чужая,
Ты шъ была, ты шъ была́, ты шъ ни сказала!
— Чаму́ шъ тады́ ни прышо́ў, кали я казала:
Усю ночку ни спа́ла, тябе́ ажыда́ла.
Чаму́ шъ тады ни прышо́ў, кали я вялѣла:
Усю но́чачку ни спала, сьвѣчачка гарэ́ла,
Сьвѣчачка гарэ́ла, сярде́чка балѣла!

—

А за са́домъ, за садо́мъ, пасѣили дѣўки лёнъ,
Ай-люли, дѣўки лёнъ 2 и т. д.—извѣстная пѣсня.
Подъ ея мотивъ танцуютъ фигуру шестую кадрили.

—

Я ў Татяны начува́ў, у Маруся мы́ўся,
Празъ вако́нца ўтика́ў и штаны забыўся.
Я шъ ни Татяна, я шъ ни Маруся,
Я шъ ни пада́мся, я шъ ни баюся!

—

Жаль жа мнѣ на Татяну, жаль жа мнѣ на яѐ —
Зьѣзьдиў каня́ варано́га, ѣзьдючы да яе́!
Жаль жа мнѣ на Татяну и т. д.
Стапта́ў жа я бо́тики, хо́дючы да яе́!
Жаль жа мнѣ на́ Татяну и т. д.
Адда́ў жа я ўсѣ гро́шыки, но́сючы да яе́!

—

Чаго́ ў тябе́, дяучы́нинка, ... надуло́ся?
— Каля рэ́чки хади́ла, ваді́ напила́ся!
Чаго ў тябе́ даўчы́нинка, якъ у ка́чачки насо́къ?
Каля рэ́чки хади́ла, жырава́ла пясо́къ!

—

Лявониха.

А па ву̀лицы мяте̂лица мяте̂ть,
Па мяте̂лицы мой милинькій иде̂ть,
А иде̂ть жа памалю̀синьку
А ступа̂ить патиху̀синьку.

—

А Божа мой, жыватёнки баля̂ть!
Што не̂каму за с—и диржа̀ть!
Суди шъ Божа мнѣ ня̂дѣльки даждать—
Бу̀дить каму̀ за с—и диржа̀ть!
Суди шъ Божа мнѣ другѣи дажыть,
А ў другую мой мѝлянькій прыбяжы̂ть!

—

А дѣ шъ тыя каваленки жывуть,
Што новыя тапарбнки кують,
Кують, кують, ды падва̀рываюць,
Нашыхъ дѣвакъ ды падма̀нюваюць.

—

Я ў матульки адна̀ до̂чачка была̀,
Якъ вишанька ю садо̂чку тьвила̂.
Аста̀лася злому духу мужукў,
Ссушы̂ў мянѣ якъ липачку (рыбачку) у духу̀.
Су̂шыть, су̂шыть, да папра̂витца,—
Не̂каму мнѣ мо̂ладэй пажа̂литца.

—

„А Лявониха, такую тваю. . . .,
Ни хадѝ маю капусту лама̀ть!“
— Я хадѝла и хадѝть буду,
Я лама̀ла, и ламать буду!

—

А што бъ гэта за сусѣдка была,
Кабъ сусѣду хлѣба-соли ни дала?

—

Путѝ-путѝ, ку̂рачка да до̂му,
Ни рабѝ шъ ты шко̂дачки нико̂му,
А шко̂дачка ўся̂каму ня мѝла,
Скажуть, мая̀ курачка зрабѝла!

—

На вулицы двѣ курыцы и пяту̂хъ чорный,
У камо̂ры двѣ дяўчы̀нки и пастухъ дво̂рный.
На вулицы двѣ курыцы съ питухо̂мъ дярутца,
У каморы двѣ дяўчынки съ пастухамъ смяютца.

—

Ай, ма̀мачка, ма̀мачка, любѝў мянѣ Яначка,
И я яго любила и спадьничку згубила,
И ще буду любити, капъ другую купити!

—

Ой, гдѣ жъ гэ̂та вѝдавана,
Ой, гдѣ жъ гэта слы̀хавана,
Штобы ку̂рачка бычка прывила̀,
Парасёначыкъ яе̂чка палажы̂ў,
А свиначка типля̂тъ вы̀сидила?

—

Ой, дочь мая̀ лю̂блиная, ни па про̂мыслу заво̂дъ завила̂,
По̂ўна хата маладёжы набрала̀,
Выбрала сабѣ мало̂йчика, што ни ву̂сакъ, ни баро̂душки,
А ни каня̀, ни каро̂вушки!

—

Фу̂нды-фу̂нды-фундычо̂къ, ну-ну-ну!
А ў гаро̂ди ильничо̂къ, ну-ну-ну!
А ў е̂льничку трасьничо̂къ, ну-ну-ну!
А ў трасьничку̂ ды крыва̂тюшка,
На. крывати душа Насьтюшка.
„Ахъ ты, Насьтя, ахъ ты, Насьтюшка мая̂,
Расцалу̂й жа, размилу̂й жа ты миня!“
— Ни хадѝ ты, билаку̂рый, у нашъ дворъ,
Ни насѝ шъ ты худабы̀ у нашъ домъ:
Ў насъ худо̂бушка ни во̂дитца,
Съ худабы . . . . . . нахо̂дитца.
Ў насъ худо̂бушка на пе̂чки ляжы̂ть,
Расьтига̀льнички на во̂йлачки.

—

Пашо̂ў Азаръ на базаръ, ну-ну-ну!
Цалава̀льничкамъ сказалъ, ну-ну-ну!
Што ў го̂ради гарадо̂къ, — — —
А ў Питиры Питяро̂къ — — —
Слаўный го̂радъ пираво̂зъ — — —
Ёнъ дѣвачку пиравёзъ — — —
На ру̂чынькахъ пакача̀ў — — —
Сваймъ се̂рцамъ звилича̂ў, ну-ну-ну!

Д. Заулки. Заимств. отъ мѣстныхъ старообрядцевъ.

Чижикъ.

Чижыкъ, чижыкъ, идѣ быу?
За рэ̂чкою водку пиў!
Вы̀пиў рюмку, другу̂ю,
Узяў дѣўку любу̂ю!

Гусари.

Гей, гей, гусарѝ, вы гусарики май!
Пышла̀ мати да Кіива,
Дачку̀ дома пакѝнула.
Паку̀ль мати зьвярну̂лыся,
Дычка̂ семъ разъ спаткну̂лыся.

Полька.

Полька сьтерва полька—. . . .ь,
Полька хóчить тунцувать.
Полька тая, полька ета,
Полька мéрскыя кабéта.

М. Монастырщина, Мстисл. у.

—

Дѣўка мая̀, люблю тибѐ,
Ня ѣшъ хлѣба—вазьмỳ тибѐ!
Дѣўка мальца паслýшыла,
Тры дьни хлѣба ня кýшыла.
Прасукинъ сынъ падманѝў,
Дѣўку зъ гóлыду ўмары́ў.
— А ты дѣўка ня дми́ся,
Вазьми хлѣба, нажры́ся!

С. Бабиничи, вит. у.

Воробей.

Такій-сякій вирабéй,
Ня клюй маи́хъ канапéль
Я éтыму вирабью́
Кóлымъ нагý пирябью́.
Вирабéйка скáчить,
Ды па нóзцы плáчить.

Метелица.

Мятéлица, мятéлица,
Чаму дѣўки ня тéлятца?
— Якъ жы намъ тялѝтися —
Нимá хлóпцаў жани́тися.

Лявониха.

Ты Лявониха, Лявониха мая́,
Ты харóшая, пригóжая мая́!
Чаму тябе да павѣтра ни ўзилà,
Якъ ты мянѐ за ручыньку пывилà,
Чаму тябѐ ды Пярýнъ ни забѝў,
Якъ я тябе мыладéнькыю люби́ў?

С. Пугляи, Горецк. у.

—

Ты Лявониха, Лявониха мая́,
Лявониха-душа лàскывыя,
Чиривѝкыми паля́скывая!
А Лявониху Лявонъ пылюби́ў,
Лявóнихи чиривики купи́ў!

С. Новая Ельня, Черик. у.

Подушечка.

Падýшачка, падýшачка,
Да ты пухавáя,
Малóдачка, малóдачка,
Да ты маладàя!
Кагó люблю, кагó люблю,
Тагò пацалýю,
Пухóваю падýшачку
Тамỳ падарýю.

Г. Бѣлица, Могил. г.

Въ этотъ же день съ вечера мужчины собираются артелями и ходятъ всю ночь съ пѣснями по домамъ. Въ первый же день „спасаютца: у гарэ́лцы, бачь, усягò многа!“ Пѣсни эти называются вочебными, пѣвцы—волочебниками, и ночь—волочебною. Циклъ этихъ пѣсенъ огромный. Здѣсь приводятся только нѣкоторыя изъ нихъ.

Валачóбныя люди добрыя,

(припѣвъ послѣ каждой строки: Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый).

Валачы̀лися, памачы̀лися.
А Иванъ харóшый, а Лука щé луччый,

А на йго на дворѐ да жалѣзный тынъ,
Да жалѣзный тынъ, сталяны́я варатà.
Да булá ў ягó курка рабýшка,
Знясла́ ямỳ яéцъ капячóкъ.
Падялѝли яйцы да ўсимъ па пàрцы,
Аднамỳ сиратѣ ня дастàлася.
Да даютъ сиратѣ миску чарвóнцаў,—
Сиратá ня бярэ́—са дварá ня йдé.
Да даютъ сиратѣ я́шнаю лýсту -
Сирата узялà да й падя̀кувала,—
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!

С. Нивки, Гом. у.

У нядѣльку паранéньку Хр. в. С. Б.
Сабиралися добры малóйцы,
Добры малóйцы, валачобники,
Люди чэ́сныя, сыны атéцкія.
Ишли жъ яны па вулицы па шырóкай,
Па мурáўцы па зялёнай,
Патáлися éтага сялá,
Да тагó дварà Исáкавага,
Мужа чэ́снага, сына атéцкага,
Сына атéцкага, слы́шнага пана.
Што на éтамъ дварэ́ ўсё калóдяжы,
Калóдяжы усё наки́пısты,
Накиписты—панаки́павали
Ры́жа зóлатамъ, чыста сэ́рабрамъ.
Чэ́сная жанá па вадý пашлá,
Карóмисьликъ ўсё ярóвянькій,
Вядёрушки малявáныя.
Ня зачэ́рпала сьтюдёныя вады́,
Пачарпáла рыжа зóлата,
Рыжа зóлата, чыста сэ́рабра,
Панясла́ янá да святьли́цы,
Паставила на скамни́цы,
Сама пашлá ми́лага буди́ти:
„Устань, ашни́сь, мой ми́лянькій:
Саздáў намъ Богъ да дабрá мнóга!“
— Стой, саждж‌ы̀, жанà милая:
Што жъ мы ямý да рабѝть бýдямъ?
Паставимъ мы субóръ цэркву!
Туды будутъ люди хади́ти,
Люди хади́ти, Богу мали́тца,
За насъ съ табóй Бога праси́ти.
Хрыстосъ васкрóсъ, Сынъ Божый!

—

У нядѣльку паранѣньку—Хр. в. С. Б.
Сабиралися мужы чэсныя,
Мужы чэсныя, сыны атецкія,
Паталися етага сяла,
Етага сяла, о таго двара Пилипавага,
Мужа чэснага, сына атецкага.
Што на етамъ дварэ
Ляжыть брусься, брусься тёсаная,
На етамъ брусьси
Сидять мужы, мужы чэсныя,
Мужы чэсныя, сыны атецкія.
„Што жъ та рана у поли гукала,
У поли гукала, тиха мовила?“
— Рана гукала чыстая поля,
Тиха мовила ядраноя жыта:
„Што жъ та ёсьти за хазяинъ?
Ёнъ пасѣяў мяне, да ня'твѣдая:
Ня магу стаять, коласа дяржать:
Патъ коласамъ, якъ падъ золатамъ,
Падъ зерняткамъ, якъ падъ серабрамъ!“
Отъ, табѣ пѣсьня, слышный мужу,
Атъ насъ пяўцоў, добрыхъ малайцоў!
А мы госьти нядакушныя:
Мы ў годъ, у гадокъ адинъ разокъ,
На Хрыстоў дянёкъ, на Вялйкадьня.
Ня кажы танить, прыкажы платить!
Наша плата ни вялйкая:
Пачынальничку красна яечка,
На ўсю братьтю хоть дясятачакъ!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

Што на моры, на лукаморьи—Хр. в. С. Б.
Стаяла вярба какатистая,
На той вярбѣ сядѣла пава,
Сядѣла пава размавистая,
Сядѣла пава, перъя ранила,
Слышная паньня Матруна Грыгоравна перъя збирала,
Перъя збирала, вянбчакъ вила.
Звиўшы вянбчакъ, ў танбчакъ пашла,
Пашла ў танбчакъ—трохъ спалюбила,
Трохъ спалюбила—усихъ надялила:
Аднаму дала шаўкавой платокъ,
Другому дала золатъ пирсьтянёкъ,

Трэтьтяму дала праваю руку,
Да й за рукою и сама пашла.
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

Д. Кураковщина Рогач. у.
Отъ кр. Мих. Өедорова запис. мною.

А съ падъ лѣсу, лѣсу тёмнага,
Выхадила хмара чорная.
Нихто тыя хмары ня ўгадая.
Абабраўся чэстный мужа:
Я жъ ету хмару, я ўгадаю,
Я ўгадаю, я спазнаю:
Ета хмара пчалйная мати!
На чый жа дворъ ина наверня?
Навярнула ина къ чэснаму мужу,
Къ чэснаму мужу, пану Ивану.
Садитися, пчолки, ўси на дубъику,—
То на дубъику ни памѣсьтилися!
Садитися, пчолки, ўси па вульлйику,
Па вульлйику, па сасоньничку!
Па дубъику мяды густыя,
Па сасоньничку ваский чыстыя.
Мяды варыть—то сыноў женить,
Васки варыть—свѣчы сукать,
Свѣчы сукать къ церкви хадить,
Къ церкви хадить да Бога прасить:
Сашли жъ, Божа, пчолы ярыя!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

М. Корма, Рогач. у. Поется пчеловодамъ.

Добрый вечаръ, добрыя люди! Хр. в. С. Б.
Ой, чiй-жа то дворъ, што зялѣзный тынъ,
Што зялѣзный тынъ, мидяныя варата,
Падвароттйка пазалочанная?
Ой, на томъ дварэ да стаить яворъ;
Ой, на томъ явары да сядить саколъ.
Па двару ходя моладъ Якаўка,
Па двару ходя, лучокъ падымая,
Лучокъ падымая, хоча сокала убить.
„Моладъ Якаўка, да ня бй жъ ты мяне,
Да ня би жъ ты мяне, ня губй жъ ты мяне:
Знадаблюсь я табѣ при лихой гадинѣ:
Якъ будишъ ты да жанитися,

Маладую жану зъ-за синя мо́ра брать, —
Пиранясў жъ я тябе́ да на крыльляйку,
А жану тваю да на хво́сьтичку!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

Добрый ве́чаръ, добрыя люди, Хр. в. С. Б.
Ой, ишли жъ, брали валачо́бныя,
Валачо́бныя, люди добрыя,
Во́ шаталися, во́ паталися
Да таго́ сяла̀, да таго̀ двара́
Да таго́ двара́, да Хами́нага:
Ой, ти до́ма, до́ма самъ панъ Хама́?
Ёнъ хоть и до́ма, да ня ка́жытца,
Да ня ка́жытца, прыбира́итца:
Ой, надива̀я ёнъ куньнюю шубу,
Куньнюю шубу, чорны со́бали!
А пато́мъ таго̀, самъ панъ Хама́:
Ни мары́ мно́га, да дары́ ско́ра!
Скаваро́дку ў печь, па каўба́ску ў клѣть,
Сыръ на тарэ́лку, кварту гарэ́лки,
Ка́ждаму пяўцў на кра́снамъ яйцў,
Пачына́льничку хоть и па̀рачку,
Мѣхано́шаму чирвонъ злотый.
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

С. Столбунъ, Рогач. у. Запис. А. Цыбулькинъ.

Ай у нядѣльку на Вяли́кадьня,
Ай ишли́—брали́ валачо́бники,
Ай ишли жъ яны́ ўси даро́гаю,
Сустрэ́ли яны Го́спада Бога,
Го́спаду Богу памали́лися,
А Ісусу Хрысту пакланилися,
Паклани́ўшыся, папыта̀лися,
А пыталися сла́ўнага сяла́,
Слаўнага сяла́ (названіе),
А ў томъ сялѣ сла́ўнага пана,
Сла́ўнага пана, па́на гаспада́ра.
А панъ гаспадаръ прыбира̀итца,
Ёнъ прибраўшыся, да и сѣў сабѣ,
Ай сѣў сабѣ за сто́ликамъ.
Пирадъ имъ стаи́ть тры сыноч-
[ки яго̀,
Тры сыночки яго, да ўсё писа-
[ро́чки!

Ай ни ла̀ставица то́ палятуя,
Сама гаспады́ня пахаджуя,
А сваи́хъ служакъ ўсё пабў-
[джавая:
„Служки мае́ вѣ́рнянькія!
Устаньтя, ни ляни́тися,
Ни ляни́тися, да памы́йтися,
Ай памы́йтися, прыбяры́тися,
А йди́тя вы да цэ́ркаўки,
Да цэ́ркаўки Богу мали́тца,
Богу мали́тца, Хрысту кла́нятца.
А съ цэ̀ркаўки да ста́яньки,
А ў ста́янцы Бо́жая ра́дасьть,
Божая радасьть праявилася:
Сбракъ кабылакъ жараби́лася,
А ящё стольки назначи́лася.
А тяпе́ръ да каро́ўничку:
А ў каро́ўничку Божая ра́дасьть:

Со́бракъ каро́вакъ атяли́лася,
А ящё сбракъ назначи́лися.
А пато́мъ таго́, слаўный па́ня,
А чимъ жа ёнъ сла̀вянъ:
Ти сваимъ дабро́мъ, ти сваи́мъ
[гумномъ?
А сла́вянъ жа ёнъ да сваи́мъ
[дваро́мъ:
А ў яго́ на дварэ̀ прысто́лъ
[стаи́ть,
На прысто́ли самъ Богъ сяди́ть,
Самъ Богъ сяди́ть, Святки́ лича.
Аднаго̀ Святка́ да ни даличы́ўся,
А ни даличы́ўся да свято́га Юрья.
„А камў жъ ѣхать Юрья шука́ти?
— Ѣхать шукати Благовѣ-
[щанью!“
—Я каня́ ня ма́ю, Юрья ня знаю!
„Ѣхать шукать святому Вя-
[ли́чку!“
—Каня ня ма́ю, Юрья ня знаю!
„Ра́даўницы ѣхать Юрья шу-
ка́ть!“
—Я каня́ ма́ю и Юрья знаю!
Тольки Ра̀даўница за варо́ты,
Святый Юрэй у варо́ты.
„Чало́мъ, чало́мъ, святый Юрэй!
Гдѣ, святый Юрэй, прызаба́-
[виўся?“
—По мяжа́хъ хади́ў, пашню радиў,
Яраю пшо́нку святому Вяли́чку,
Свято́му Вяличку на бѣлы пи-
[ражки́.
„А гдѣ бо́ляй хади́у?“
—Па бара́хъ хади́ў, пчолки сади́ў:
На сто калодъ насади́ў,
А ящё на сто нагато́виў!
А потомъ таго̀, слаўный па́ня,
Аччыни́ вакно̀, паляди́ ў по́ля:
Па тваёй ниви самъ Богъ хо̀дя,
Самъ Богъ хо́дя, пять асо́бъ во́дя:
Першая асо́ба—святый Юрэй,
Другая асо́ба—святый Микола,
Трэтьтяя асо́ба—Тройца святая,

Чатьвёртая асо́ба - святый Пятро̀,
Пятая асо́ба—святый Илья́.
А святый Юрэй сы расицаю,
Сы раси́цаю жы́та заража́я.
А святый Микола съ шаўко́вай
[травой,
Шаўковай травою скотъ напаса́я.
Тройца святая жыта высыпа́я,
А святый Пятро́ зъ дро́бнымъ
[дажджо́мъ,
А святый Илья зъ залатымъ
[сярпо́мъ,
Зъ залатымъ сярпомъ жы́та за-
[жына́я,
Жыта зажыная, пана гука̀я:
„А куй сярпы залатѣ́нькія,
Сабирай жнѣи маладѣ́нькія!
Часты, густы да па нѣби звѣзды,
Часьтѣй, гусьтѣй да на ни́ви
[копы!
А й высо́къ да вялйкъ я́синъ
[мѣсяцъ,
А вы́шай таго̀ у гумнѣ стаги́,
У гумнѣ стаги ў пана гаспада̀ра!“
А пато́мъ таго́, слаўный па́ня,
Ни кажы́ тами́ть, да кажы́ дары́ть!
А нашы́ дары ни вяликія,
Ни вяли́кія, да й ни малыя:
Пачына́льничку чырво́ный зло́-
[тый,
А ўспива̀льничкамъ па капѣ́янцы,
А миханошу чвѣртка жыта,
А музы́кава горкая доля—
Кварта гарэлки, сыръ на тарэлки!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

Па́сьтила дѣ́ўка табу́нъ ко́ній—
А зялёнъ я́варъ кудравый!
Па́сьтила, па́сьтила, сама задра-
[ма́ла,
Сама задрамала, ко́ній погубля́ла.
Пайшла̀ яна̀ даро́гаю, даро́гаю
[широ́каю
Ко́ній шукать.

Стрѐла янà трóхъ малóйцаў:
„Милыя мае́ тры малóйцы,
Т̄и ня вѝд̄или вы табунъ кóній —
Шаўковыми путами да папу́таны,
Залатыми абрóт̄ями пазабры́ча-
[ны?“,

Ад̄инъ кажа: я ни бàчыў!
Другій кажа: я ня вѝд̄иў!
Трэ́тьтій кажа: я й самъ тамъ
[быў!

Загадàимъ табѣ, д̄ѣўка, тры за-
[гадки:

Калѝ атгадàишъ—знàйд̄ишъ кó-
[ній:

А што расьт̄е́ бизъ карэ́ньня?
А што бяжы́ть бисъ пóвада?
А што шумить бязъ буй-вѣтра?
—Расьт̄е́ каминь бисъ карэ́ньня,
Бяжы́т̄ь вадà бисъ пóвада,
Шумить кóла бязъ буй-вѣтру!
—„Твае́ кони ў чыстымъ поли,
Яду́т̄ь траву шаўкóвую,
Да пьют̄ь ваду̀ крынѝшную!
А зялёнъ я́варъ кудрàвый!

—

А ишли-прайшли валачóбнички—
А зялёнъ ду́бя у дубрóви!
Патàлися харóшага сяла́,
Харóшага сялà, Грыгóрава дварà.
А чый то дворъ, што зялѣ́зный
[тынъ,
А зялѣ́зный тынъ, мидя́ныя ва-
[рóты,
Падварóтьнички рыбъи кóстачки?
А т̄и дóма, дóма, пáня гаспа-
[дàру?
—А ёнъ дома, да ни кàжытца,
И ў камóраццы прыбирàитца:
Над̄яе́т̄ь бóты казлóвыя,
Надяе́т̄ь свиту шóўкамъ шы́ту,
Падпиразàў поясъ шамшалё-
[винькій,
Надяе́т̄ь шапку бабрóвую.

Калѝ хочышъ дары́ть — пусьт̄и
[ў хату:
А мы люд̄и нидакушлѝвыя—
Разъ разóчакъ у гадóчакъ!
А зялёнъ ду́бя у дубрóви!

—

Чыстымъ у поли на вадапóи,
Чыстымъ у поли да табунъ кóній.
А ў томъ табунѣ конь варó-
[нянькій:
Нихто ягò ни паймáя, ни асид-
[лàя.
Д̄ѣ бъ узя́ўся паничъ малад̄е́нь-
[кій—
Ёнъ тагó канѝ спаймàя,
И спаймàя, и асидлàя,
А паѣ́д̄я на ёмъ жанѝт̄ися,
Пиравязе́ яго чэ̀разъ нóчы т̄ём-
[ныя,
Ночы тёмныя, рэки быстрыя.
А стайѝть яваръ, тонкій, кудрà-
[вый,
На томъ я̀вары сяд̄ѝт̄ь сакóлъ.
Ёнъ на тагò сакалà ускладáитца.
А и той саколъ слóва прамóўвиў:
„Ня бѝ мянѐ, паничъ малад̄е́нькій:
Буду табѣ у вялѝкай прыгóд̄и:
А паѣ́д̄ишъ ты да жанѝт̄ися,
А будут̄ь табѣ́ нóчы тёмныя,
Нóчы т̄ёмныя, рэки быстрыя,
Рэки быстрыя, биражы́стыя:
Я т̄ябе́ пиравязу̀ на галóваццы,
А дружыну тваю́ на кры́льляйку,
Цынбàлъ твайхъ на хвóсьтичку!“
А па томъ, паничу, ни кажы̀
[казьнит̄ь,
Ни кажы казьнит̄ь, а кажы́ да-
[ры́т̄ь.

С. Чигиринка, Быховск. у.

—

Пáсьт̄ила д̄ѣвка стàда кóній: Хр. в. С. Б.
Пасьт̄ила, пасьт̄ила да й заснула.
Прашну́лася, ўлякну́лася,
Прашнулася—кóній нѣту.
Пашлà инà дарóгаю, дарóгаю шурóкаю,
Стрэ̀ла ина трёхъ парнѝшакъ:
„Мѝлыи маѝ парни,
Т̄и ня видили стáда кóній,
Стада кóній, стада варóныхъ?“
— Хуть мы чули, хуть мы видили,
Да мы табѣ́ да ни скàжымъ!
Загадаимъ д̄ѣўцы семъ загàдакъ,—
Адгадáишъ—кóній нàйдишъ:
А што бягѝт̄ь бязъ пóвада,
А што расьт̄е́т̄ь бязъ кóриня,
А што тьвитѝть бязъ бѣлага цвѣту,
А хто бѣлый ни пабѣ́линый,
А хто чорный ни паче́рнитый?
(остальныя двѣ забыты)
„Вадá бягѝть бязъ повада,
Каминь расьт̄е́т̄ь бязъ кóриня,
Пáпарть тьвитѝть бязъ бѣлага цвѣту,
Лебидь бѣлый ни пабѣлиный,
Воранъ чорный ни пачернитый!“
— Твай кони ў чыстамъ поли,
На зялёныхъ лугахъ, на ключавы́хъ вадáхъ,
Христосъ васкрёсъ, Сынъ Божый!

—

Былá ў бабки курка рябушка, Хр. в. С. Б.
Знислà курка капу́ иéцъ.
Прышли къ бабки валачóбнички,
Валачобнички, а ўсё ўну́ки!
Усимъ, усимъ па иéчичку,
Аднаму̀ Иваньку ни дасталася.
Ёнъ рассéрд̄иўся и разгнѣваўся.
„Прынясѝт̄я яму̀ пуховую шляпу!“
— Шапки ни бярéть, чалóмъ ня бьéть и ни д̄я́кываит̄ь!
„Прынясѝт̄я яму́ шалкóвый платокъ!“
— Платка ни бярéть, чаломъ ня бьéть и ни д̄я́кываит̄ь.
„Прынясѝт̄я яму́ казлóвыи боты!“
— Бóтуў ни бярéт̄ь, чаломъ ня бьéт̄ь и ни д̄я́кываит̄ь.
„Прывядѝт̄я яму красную д̄ѣўку!“
— Д̄ѣвку узяў, чаломъ пабѝў и пад̄я́кываў!

—

Рана, рана сóнца ўсхадила, Хр. в. С. Б.
Раньнѣй таго пава литáла,
Пáва литала, перья ранила.
Панна Сахвéйка ранинька ўстала,
Перья збирала, ў рукавокъ клала,
Зъ рукаўка биря, вянóчикъ вила,
Вянóкъ вила, на галóўку клала.
Свиўшы вянóчикъ, пашла у танóчикъ.
Аткўль узялиси густыи вятры,
Густыи вятры, драбныи дажжы,—
Схапили яны павинъ вяночикъ,
Якъ схапили, такъ пыкатили
У чыста пóля, у сиxя мóря.
Якъ пашла жъ ина зыплакаўшы,
Ўсё шукаючи, ўсё патаючи.
Стрэла ина трёхъ малóйцыў,
Трёхъ малóйцыў рыбалóўцыў:
„Милыи май вы рыбалоўцы!
Ти ня чули шъ вы, ти ня видили
Павинъ вяночикъ панны Сахвéи?"
Адинъ кáжыть: я чуў и видиў!
Другéй кажыть: я ў рукахъ диржаў!
Трэтій кажыть: а вось у минé,
А вось у минé ды й на прáвый рукѣ!
Што шъ ты намъ дашъ, панна Сахвéя?
„Аднаму я дамъ шалкóвый платокъ,
Я другому дамъ залатый пирсьтянёкъ,
А за трэтига я сама пайдў,
Я сама пайду, вянóкъ найду!
А за етымъ жыви здарóва,
Жыви здарова, будь бытáта,
Изъ батюшкый, изъ матушкый
Изъ матушкый, и са ўсёй сямьёй!

Поется дочери хозяина.

—

А ишли, бряли валачóбнички, Хр. в. С. Б.
Валачобнички, добрыи люди:
Да хазяюшка, наша матушка,
А ўстань жа ты ранёшынька,
А ўмыйся ты бялёшынька,
А ўтрися ты сухóшынька,
Запали свѣчку зъ ярага воску,
Памались Богу вярнёшынька!

Запали свѣчку зъ ярага воску,
Схади сама ва ўчáрничыкъ-благадáрничыкъ, —
Таму скóту нѣту счóту!
Запали свѣчку зъ ярага воску,
Схади сама у карбўничыкъ-благадарничыкъ,—
Таму скóту нѣту счоту!
Запали свѣчку зъ ярага воску,
Схади-шъ ты сама у свинярничыкъ, —
Таму скóту нѣту счóту!

Бабиничск. вол. Витеб. у.

—

Ишли-бряли валачóбнички, Хр.
[в. С. Б
А шаталися, а бадялися,
Къ чйму двару припыталися?
А къ таму двару къ Купрéиву.
„А ти дóма, дóма самъ панъ
[гаспадарь?"
А хыть ёнъ и дóма, ды ни ка-
жытца,
Ёнъ ни кáжытца, прыбираитца,
Надиваить сўкну атласóвую,
Надиваить боты казлóвыи,
Надиваить шапку сабалёвую,
Надиваить поисъ, якъ жаръ
[гарыть.
А й садитца ёнъ за тисовый столъ,
За тисовинькій, да за новинькій.
Ды й стаять жы за имъ
Тры хлопчика, тры малóйчика,
Диржать жы яны па кўбычку,
Па кубычку, пы сярéбряныму.
У первымъ купку зéлина вино,
У другимъ купку салóткій мя-
[дóкъ,
Ў трэтьимъ купку пшóнныя пива.
А й каму жъ пить тóя зéлина
[вино?
—Пáну гаспадáрю, пану лáскы-
[выму!
Салоткій мёдъ—то яго жынѣ,
Пшóнныя пива—то дитёмъ яго!
Ни кажытя жъ тамить, прыка-
[жытя дарыть!

Нашы дары ни вялікіи:
Пычинáльнику чирвонъ зылатэй,
Прыпивáльничкамъ пы дисятку
[нéцъ,
Скымарóхыва гóрькыя доля:
Чарка гарэлки, сыръ ны тарэлки:
Чарка гарэлки ли сьмѣлысьси,
Сыръ ны тарэлки ли крэпысьси!

Пугляевск. вол. Горецк. у.

Въ Рогачевскомъ уѣздѣ записанъ такой варіантъ:
Ай, па вулицы па шырóкай, Хр.
[в. С. Б.
Па мўрагу па зялёнымъ,
Ай, ишли—брали валачóбныя,
Ай ишли—брали да патáлися
Да таго сяла, éтага двара,
Ётага двара, чэснаго мужа,
Чэснаго мужа, пана Ивана:
„А ти дóма, дóма, часный мўжа?"
—Хоть ёнъ дома, да ня кáжатца,
А ня кажатца, прыбирáятца.
Прыбраўшыся, сурадиўшыся,
Дакъ ёнъ сѣў сабѣ да за стóли-
[камъ,
За стóликамъ, за тясóвынькимъ.
Пирадъ имъ стаить да тры кў-
[бачки,
Ўсё залатэя, ўсё й налитэя.
Ў пéрвымъ кубку зилянó вино,
У другимъ кубку да салóдкій
[мéдъ,
У трэтьтямъ кубку пшóнная пива.

Зилянó винó самамý пáну,
Салодкій мéдъ, тò жанѣ яго,
Пшонная пива, тó дятёмъ ягó.
[Хр. в. С. Б.

—

Ой, пó лугу да па си́няму—Хр.
[в. С. Б.

Би́ты пáли ўсё мидяны́я,
Мóщаны масты́ усё залаты́я,
Ўсё залатыя, ўсё сярэбраныя.
Па тыхъ мастáхъ, ўсё па зала-
[ты́хъ,

Тамъ ѣхала Прачы́стая Матка
Шасьмá каня́ми, ўсё и варан*ами.*
Святый Юрый за павóзьничка,
Святый Микола за паплéшничка,
Сóплашь сяди́ть, свѣчы дяржы́ть.
Падъижджáли къ éтаму палáту:
„А стой, Юрый, здéржуй кóняй!
Мнѣ етый палáть спадабáўся,
Спадабаўся и спалюби́ўся,
Мнѣ у éтымъ палáти ночъ на-
[чавáти!“

Прачыстая Мать ночъ начавáла,
Ночъ начавала, сына паради́ла.
Сабирàлися папы́, ксяндзы̀, ар-
[хирэ́и,

Падымали книги вяли́кія,
Раскладали книгу, книгу вáнгаля,
Стали чытать, имя шукáть,
Имя шукать, чымъ Сына звать.
Дали имё—святый Юрый—
Прачыстая Мати ня ўзьлюби́ла!
Сабирáлися папы́, кзяндзы, ар-
[хирэи,

Архирэ́и, бóльшая скупа,
Падымàли книги вяликія,
Раскладали книгу вáнгалію,
Стали чы́тать, и́мя шукать,
Имя шукать, чымъ Сына звать.
Нашли имё—святый Микола—
Прачыстая Мати ня ўзьлюбила!
Сабиралися папы́ и т. д.
Раскладали книгу вáнгалію,
Стали чытать, имя шукать.
Нашли имё—Исусъ Хрыстосъ.
Прачыстая Мати узьлюби́ла
И ўси áнгали узрáдавались,
Што Исусъ Хрыстосъ наради́ўся.
У нядѣльку да й параце́ньку
Исусъ Хрыстосъ на нябёси
[ўскрóсъ,

На нябёси ўскросъ да й на ют-
[рани,

Хрыстосъваскросъ,Сынъ Божый!

С. Солоное Рогач. уѣзда.
Стихъ былъ первоначально
Рождественскимъ, Колядным.

—

А ў лузя, ў лузя, да ў зялёнымъ—
Хрыстосъ Сына Божа!
Тамъ литáла шэ́ра пава,
Да ўрани́ла злоты пéры.
Тамъ ходила слична панна,
Слична панна Марусичка,
Да збирала злóты перы,
Да ўвивáла пярлóў вѣньчикъ,
Да ўскладала на галóўку,
На галоўку на буйнýю.
Пашлà инà дарóгаю,
Дарóгаю шырóкаю,
А ўви́дила бярóзачку,
На бярóзца злóты лисьтя,
Злоты лисьтя и шы́шачки.
Налятѣли дробны пташки,
Стали яны̀ шы́шки клювать.
Марусинька тыхъ птáшачыкъ
[атагнáла,

Шóлкаў платокъ разаслáла,
Злоты лисьтя нащыпала.
Марусинька, пашлà шъ инà да
[злóтьничкаў:

Вы злотьнички, работьнички,
Ды зраби́тя тры угóдьди,
Я за тóя падинькýю!
Ды зраби́ли тры угодьди,
Аддáли ёй на рýчыньки.
Марусинька, слична панна,

Пашлà шъ ина па клàдацца,
А клàдачка ззыбнýлася,
Марусинька злякнýлася,
Да ўрани́ла тры угóдьди.
Пашлá шъ инá каля рэ́чки,
Ташнýючы, бядýючы,
Спаткàла йна трохъ малóйцаў,
[рыбалóўцаў:

Вы малойцы, маѐ братцы,
А закиньтя шалкóў неводъ,
Ды ўлави́тя тры угóдьди!
Мáе угóдьди мнѣ патрэ́бны:
Пярлóў вѣньчикъ да виньчáньня,
Срэ́бный кýбакъ на витàньня,
Злóтый сыгнàтъ на миня́ньня!
Я за тоя падинькýю:
Аднамỳ буду сусѣдачка,
А другому братóвачка,
А трэтьтяму мила жана!
Ды ўлави́ли тыя ўгодьди,
Аддàли ёй на ручыньки.
Пашла шъ ина да пакóю,
Сѣла ина за скамъёю,
За скамъёю падъ акóнцамъ,
Стала ина листы писать
Да къ ми́ламу пасылàти.
Пи́шыть, пи́шыть
Ды й пагля́нить прызъ акóнца,
Аткуль възьѣдить яѐ милый,
Яѐ милый на чыстый дворъ,
Самъ дивятый, конь вильчàтый.
И съ кóникаў пасьсидàли,
Сличну панну Марусиньку пра-
[витàли,

За бѣлаю ручку ўзяли.
Пѣсьня сьпѣта напроть лѣта!
Дóсить манить, парà дарыть!
Мнѣ самóму маладóму паўруб-
[ли́нку,

Маи́мъ братцамъ капỳ я́икъ,
А музы́ку чырви́нь злотый,
Чырвинь злотый, хоть на бóты
— Хрыстосъ Сына Божа!

Д. Заулки, Диснен. у.
Запис. кр. Ст. Пилипенокъ.

Ў чыстымъ поли при дарóзи
Пасьтила дѣўка стáда кóній.
Пасьтила, пáсьтила — крэ́пка
[ўснула,

Ачнýлыся—кóній нѣту!
Идéть ина ўсё дарóгый, ўсё шы-
рóкій,

Ўсё шукàючы, ўсё пытаючы.
Сутрэ́ла ина трёхъ мóлыйцыў,
Трёхъ мóлыйцыў, рыбалóўцыў.
„Тры мóлыйцы, рыбалóўцы,
Ти ня видили стàда кóній?“
Адинъ кáить: „я ня видиў!“
Другій кàить: „я й ни бачыў!“
Трэтій кáить: „я й чуў, я й ви́диў,
Я й самъ тамъ быў!
Зыгыдáю дѣўцы дéвить зыгà-
дыкъ:

Кали адгыдáишъ, скажу кóній!
А што бяжы́ть бясъ пóвыда?
А што гары́ть бясъ полымя?
А што расьтéть бясъ кóрыня?
А што ляти́ть, пыпикáя?
А што бяжы́ть, пыглидàя?
А што чорна ни чарнёна?
А што синя ни синёна?
А што бѣла ни бялёна?
А што ўéтца пами́жъ дрэ́ўца?“
— Быдáй жа я ни атéцка былà,
Ни атецка была, ды ни матуш-
[кина,

Капъ я ета ни’дгыдàла, ни скы-
[зáла:

Выдà бяжы́ть бясъ пóвыда,
А зырѝ гары́ть бясъ пóлымя,
Каминь расьтéть бясъ кóрыня,
Пчилà ляти́ть, пыпикáя,
А зьвѣрь бяжы́ть, пыглидàя,
Чорный ворынъ ни чарнёный,
Бѣлый лéбидь ни бялёный,
Синя мóря ни синёна,
А хмель въéтца памижъ дрэ́ўца!
„Ну, тяперь, дѣўка, скажу кóній:
Твaѐ кóни ў чистымъ поли

Яду́ть траў ўсё памётныю,
А пъють ваду̀ ўсё бало́тныю,
Чорнымъ шо́ўкымъ папу́тыны,
А зо́лытымъ пасидла́ныя,
А се́рибрымъ пумузда̀ныя —
Тольки ўсьсѣсьти ды паѣхыть
За го́рышку па ўдо́ушку,
За е́лычку па дѣвычку.
Дѣўку вязу́ть—скрыпки йгра́ють,
Удаў вязу́ть—дѣтки плачуть,
Дѣтки плачуть, тя́шка ўздыха́ють,
Тяшка ўздыха́ють—матки ни
[ма́ють!

Припѣвъ послѣ каждой строки:
А зялёный садъ вишнёвый!

Щербинская вол., Витеб. у.

—

Па улицы пы широкій
Ишли—брялѝ вылачобнички.
Пришли яны̀ къ аннаму̀ двару̀.
Па чёмъ спызна́ть, што хызяй-
[ській домъ:
Варо́тики тясо́выя,
А столбики зылачо́ныя,
Вире́юшки тачо́ныя,
Закла́дычка сире́бряная,
Пыдваро́тьница—рыбья ко́с-
[тычка,
Рыбній касьтёй увесь дворъ зма-
[щёнъ,
Кругомъ двара̀ ўсё зялѣ́зный
[тынъ,
Сире́дь двара стаи́ть гриня
[(гридня).
Круго́мъ яѐ а ўсѣ святыи,
Сабиралися, салуча̀лися,
Като́раму святу ныпярёдъ итьтѝ?

Святоя Рожаство ныпярёдъ пашло̀,
Василійка вaслѣ́дъ уступи́ў,
А Кще́нійка ваду̀ святи́ла,
Святый Иванъ хрясты̀ змыва́ў,
Хрясты̀ змыва́ў, кашу вари́ў.
Саро́ки (40 муч.) ильды̀ драли,
Ильды драли, пта́шыкъ напущали.
Благавѣщинья ко́лья пра̀вить,
Колья пра́вить, сани кида́ить.
Святоя Ягорья—Бозкій ключ-
[никъ,
Узя́ў ключи, атамкну́ў зямлю̀.
Атамкну́ў зямлю, пусьси́ў расу̀.
Свято́й Илья, атку́ль иде́шъ?
—Па лугамъ хади́ў, траў расьси́ў,
Па паля́мъ хади́ў—жы́та ради́ў.
Святэй Пётра талаку̀ збира́ў
Копы сѣна вази́ть, стагѝ мита́ть.
Прячыста Мать (8 іюля) ишла
[зажынать,
Ў чыстая по́ля съ пшоннымъ
[пираго́мъ,
Съ пшоннымъ пирагомъ, зъ зы-
латы́мъ сярпо́мъ:
Въ лѣвый рукѣ пшонный пира-
[жо́къ,
У пра̀вый рукѣ зылато́й сярпо́къ.
„Я и разъ ризну̀, я снопъ нажну̀,
Я и два ризну, я капу̀ нажну!
Снопъ атъ снапа̀ на вало́вища,
Капа̀ отъ капы̀—пуўтара̀ста ша-
[го́ў!“
Святэй Пакро́ў стагѝ пакры́ў:
Первый стажо́къ драни́чкыми,
Утаро́й стажо́къ сало́мкыю,
Трэтій стажокъ бѣлымъ снѣгымъ.

С. Казаково, Велижск, у.

—

Здарова Богу, хызя́ину—Хр. в. С. Б.
Хызя́юшки нашый матушки!
Хызяюшка, нашъ батюшка,
Праку́тай-ка вако́шыцка:
А што у тябе ны дварэ̀ дѣитца?

Стаи́ть чэрква зъ я́рыга воску!
А ў тэй чэркви ўсѣ пра́зьницки,
Ўсѣ пра́зьницки, усѣ сьвяты́и.
Яны лицы́лись, ни далицы́лись.
Каго̀ жъ бы ў насъ ни далицы́лись?
Ильлѝ съ Пятро́мъ ни далицы́лись,
Ильлѝ съ Пятро́мъ дома нѣтути,
Илья съ Пятро́мъ у цы́стымъ поли,
У цы́стымъ поли пы мижамъ хо́дють,
Пы мижамъ ходють, жы́та ро́дють,
Ко́лысымъ кало́сють, ядромъ ядрэ́нють.
Прышоў Илья съ цы́стыга поля,
Увалацы́ўшысь и умацы́ўшысь.
А сѣў Илья на бажни́цы,
А и стаў Гаспо́ть рыспра́шывать:
„Какаво̀, Илья, жыта наша?“
— Слава Богу, наша жыта:
Ко́лысымъ кало́сить, ядро́мъ ядре́нить.

Порѣчскій уѣздъ, Смолен. губ.

—

Идуть, гудуть валачо́ўнички,
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Спиваючы, гукаючы,
Слаўнага сяла̀ пытаючы,
Вяли́кага двара̀ Гаврылава.
Чы ў даму̀-даму̀, паня гаспада̀ру?
Хоть и ў даму̀—ни ака́жытца,
Сяди́ть на кутѣ—абува̀итца,
Надяѐ боты казло́выя,
Кладѐ шапку бабро́ваю,
Надяѐ шубу мядьвѣжаю,
Сядла́я канѝ во́рана,
Ѣдя ў по́ля жыта глядѣть.
Спатыка́я яго Юрья зъ Микόлай:
Нѣ ѣдь, паня гаспада́ру:
Тваё жыто даўно оглéджана:
Пры даро́зя удалося,
За гаро́ю ў трубы павило́ся,
А ў дали́ни жнейки жали,
Жнейки жали маладéньки,
Ихъ сярпо́чки залатéньки.
Часты, густы зо́ры на неби, —
Часьтѣй—гусьтѣй на зямли ко́пы,
Шыро́къ, вяли́къ мѣсяцъ на неби,
Ширэ́й таго̀ гумно яго̀.
Дай-жа, Божа, пану гаспада́ру
Жыти-быти, жыта вази́ти,
Жыта вази́ти, ў торпу злажы́ти,
Ў торпахъ укладна,
На таку̀ ўмало́тна,
На таку̀ ўмало́тна,
Въ арудѣ́ прысыпна;
Въ арудѣ̀ прысы̀пна,
У печы прысу́шна,
У печы прысушна,
У млынѣ́ прымо́лна;
У млынѣ прымо́лна,
Ў дяжы̀ падыхо́дна,
Ў дяжы падыхо́дно,
У пе́чы румяна,
Ў печы румяна,
На сталѐ сытна,
На сталѣ́ сытна,
У сямъѝ сми́рна!
Пѣсьня сьпѣта
Про́ти лѣта.

Ни кажы барыть,
А кажы дарыть:
Сыръ на талерку,
Будимъ пить гарэлку!
Чарка гарэлки диля голасу,
Пирогъ пшонный на закуску,
Чарка гарэлки диля голасу,
Пирогъ пшонный диля коласу.
Обадъ висить—калясо будя,
Пазавешъ ў хату—добра будя!
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тѣплага.
Виномъ, виномъ зялёнымъ!

Поется хозяину.

—

Вечаръ добрый, пани гаспадыня!
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
У нашай пани краўцы шыли,
Краўцы нѣмцы изъ Кралеўца.
Пани шубу шыли—падаўжыли.
Пани па пакояхъ пахаджая, —
Сваѐ служки пабуджая:
Ўстаньтя, служки,
Ўстаньтя, сакалочки,
У насъ навина случылася:
Девять карбў атялилася,
Дисята тялица манитца тялитца!
Гаспадыня вутка,
Шавялися хутка,
Прыстаўляй драбину
Да лѣзь па сланину,
Мала, многа—зъ абалону,
Будимъ пячы, якъ варбну!
Проша, пани гаспадыня,
Ни тамить гасьтей,
Абдарыть барздѣй!
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тѣплага.

Поется хозяйкѣ.

—

Да лятѣла сойка сакатистая.
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Пагубляла перья залатистыя.
Вышла, вытикла красна паненка,
Красна паненка
Малада Маръянка.
Яна тоя перья падабрала,
У платочыкъ завязала,
Панисла перья да да злотьничкаў:
Охъ вы, злотьнички,
Вы работьнички!
Зрабитя мнѣ тры надобийка:
Первый надобийка—пярлоў вя-
[нецъ,
Другій надобийка—залатый
[персьтянь,
Трэтій надобийка—залатый ку-
[бакъ.
Первый надобийка—вяньчатися,
Другій надобийка—минятися,
Трэтій надобийка—витатися.
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тѣплага.

—

Вечаръ добрый, паненачка, —
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
На сянажати, да на поплыви,
Тамъ хадила курапатъ стада;
Мижъ тыхъ курапатъ мядўначка.
Скуль браўся силязень сизый,—
Енъ ўсѣ курапаты паразганяў,
А чырычынку за чубокъ узяў.
Яна стала прасітися:
Прасітися-малітися:
„Пусьти жъ мяне да пташачакъ,
Да пташачакъ, да грумадачакъ!"
— А хоть пущу—дакъ назначу:
Тваѐ перья пакасмачу!
У вялікимъ доми, да на ґаначку,
Тамъ стаяла дѣвакъ многа.
Скуль браўся кавалеръ слич-
[ный,—
Усимъ дѣўкамъ дабры-динь даў,
А маладу Маръянку за ручку ўзяў.
Яна стала прасітися,
Прасітися-малітися:
„Пусьти жъ мяне да дѣвачакъ,
„Да дѣвачакъ, да паненачакъ"!

— Хоть пущу, дакъ назначу:
Тваю коску раскасмачу,
Маладу Маръянку дли сябе за-
[значу!
Да дѣвачакъ ни прыстанишъ,—
Зъ малодками паровинь станишъ.
Баранися елкай,
Кабъ ня была дѣўкай!
Баранися ялаўцомъ,
Кабъ ня была за ўдаўцомъ!
Баранися сучкомъ,
Кабъ ня была зъ байстручкомъ!
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тѣплага.

Обѣ поются хозяйской дочери.

С. Дубины, Ошмянскаго уѣзда.

Слѣдуетъ добавить, что волочебники распредѣляютъ между собой роли такимъ образомъ: наиболѣе опытный пѣвецъ, „старикъ разумный", беретъ на себя роль *починальника*. Онъ собственно и поетъ всю пѣсню. За каждымъ его стихомъ остальные волочебники—*спѣвальнички*, поютъ тотъ или другой припѣвъ: Христосъ воскресъ Сынъ Божій! А зялёнъ яворъ кудрявый! А зеленый садъ вишневый! и т. п. Музыка, или *скоморохъ*, въ настоящее время исключительно скрипачъ, аккомпанируетъ хору. Если волочебниковъ собирается много, 15—20 человѣкъ, они выбираютъ или нанимаютъ „за четвертака" еще *мѣхоношу*, роль котораго собирать и носить дары. На собранныя деньги обыкновенно покупаютъ для себя угощеніе, собранными съѣстными припасами закусываютъ, а яйца дѣлятъ поровну, но починальнику даютъ лишній десятокъ.

Четвергъ Пасхальной недѣли носитъ названіе „Великъ-день мертвыхъ", „мяртвихъ Вялікодня" (Гом. у.) и „навскій Великъ-день". Въ этотъ день готовится лучшая пища, красятся свѣжія яйца, съ которыми послѣ обѣда посѣщаютъ кладбища. Подойдя къ могилѣ покойника, родные говорятъ пасхальное привѣтствіе: „Христосъ воскресъ!" Потомъ становятся у могилы на колѣни, молятся Богу за покойниковъ и катаютъ по могилѣ крашеныя яйца, которыя потомъ или зарываютъ въ могильную насыпь или раздаютъ нищимъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ съ этого дня дѣвушки начинаютъ водить „карагоды." Въ городахъ Бѣлоруссіи и въ сѣверо-восточной части Витебской губерніи хороводы начинаютъ водить съ обѣда второго дня. Сосредоточиваются хороводы около качель, которыя устраиваются или около многосемейныхъ домовъ, гдѣ имѣется молодежь, или на традиціонномъ мѣстѣ сборищъ — у бывшихъ кабаковъ. Гдѣ много старообрядцевъ, тамъ въ бѣлорусскій обиходъ вошли великорусскія хороводныя пѣсни, образцы которыхъ приведены въ I и VII вып. Б. Сб. Обыкновенно же поются свои пѣсни. Напримѣръ:

Охъ ты, вулица шыракая—
О-охъ, лё-лё-лё, шыракая!
Охъ ты, траўка-мураўка зялянäя—
О-охъ, лё-лё-лё, зялянäя! и т. д.
Ти ня гуси тябе сащипали,
Ти ня дѣўки тябе прытаптали?
— Ой, ня гуси мяне сащипали,
Прытаптали мяне красны дѣўки,

Да ўсё жъ тыми чабатáми ран-
[тавы́ми,
Да ўсё жъ тыми паткóўками
[сталяны́ми!

—

Охъ ты, бярóза,
Бярóза ты бѣлая,
О-охъ, лё-лё-лё,
Ты бѣлая!
Да на табѣ, бярóзачка,
Да тры лі́хи:
Що якъ пéрвая лі́ха —
Жарка сóнца,
А другóя жъ то лиха —
Бу́янъ вѣтяръ,
А якъ трэ́тьтяя лі́ха —
Дрóбнянъ дóждьжыкъ!
Атъ жаркага атъ сóняйка
Пакалю́ся,
Атъ бу́йнага атъ вѣтрыка
Пахилю́ся,
Атъ дрóбнага атъ дóждьжыка
Абмачу́ся,
О-охъ, лё-лё-лё,
Абмачу́ся!

—

Потомъ, ходя вдоль улицы, взявшись за руки, дѣвушки поютъ:

Лятѣла стралà да удóль сялà!
Охъ и лё-лё-лё, да удóль сялá!
Убила стралá ясна сóкала,
Ясна сóкала да на вы́ляти,
Дóбра малатцá да на вы́язьди,
Охъ и лё-лё-лё, да на вы́язьди!

—

Сулà, Сулà рэ́ка
Палятѣла далéка—У!..
На той Сулѣ рацэ́
Маладéцъ каня́ пайу́—У!..
Маладецъ каня́ пóя,
Дѣу́ка ваду́ нясè—У!
„Дѣу́ка—дявица,
Напóй майгó каня̀—У!..
Напой майгó каня̀—
Ти ня будишъ ты мая̀“—У!..
— Я ня буду пайти—
Будя минé тáтка бити—У!..
„Ты ня бойся старóга,
Бойся мянé маладóга—У!..
Бойся мянè маладóга—
Большъ, якъ тáтки раднóга—У!..

—

Ву́лица бу́рытца, карагóдъ вáлитца—
Сялязéнька касáтый, бѣлъ малóтчыкъ кудравый!
Карагóдъ вáлитца—дѣвакъ ня стала, (припѣвъ).
Дѣвакъ ня стала—пяралóма пабрáла,
Пяралóма пабрàла да у́ виръ пакидàла.
У виру́, вирочку на що у́тапи́у́ дóчку,
На що у́тапи́у́ дочку у́ салóдкамъ мядóчку,
У́ салóдкамъ мядочку, у́ халóднамъ вирóчку?
У́ халóднамъ вирочку дѣу́ка ваду́ брáла,
Дѣу́ка ваду́ брала, на днѣ патапàла,
На днѣ патапáла,—рату́йтя! крычала:
„Хто мянè парату́я, за тагó замужъ пайду!“
Идè старый барадàтый, ни халóстый, жанатый:
„Дѣу́ка-дявѝца, я тябѣ парату́ю,
Я тябé парату́ю, за сябè замужъ вазьму́!“

— Я лу́ччы у мóра пайду́, за тябé замужъ ня йду!
Идé маладéнькій Антонка, ни жанатый, халóстый:
„Дѣу́ка-дявѝца, я тябѣ парату́ю,
Я жъ тябѣ парату́ю, за сябѣ замужъ вазьму́!
— Я изъ мóра вы́йду, за тябе замужъ вы́йду!
Сялязéнька касатый, бѣлъ малóтчыкъ кудравый!

С. Юрковичи, Гом у.

Ѳомина недѣля зовется Хамóва недѣля или Радунишная. Во вторникъ на этой недѣлѣ празднуется Радуница, или чаще—*Радовница*, по производству отъ глагола *радоваться*, — потому что въ этотъ день радуются Воскресенію Христову всѣ умершіе. Утромъ кто-либо изъ членовъ семьи бываетъ въ церкви на заупокойной литургіи и панихидѣ, причемъ жертвуютъ въ церковь паленицы, баранки, булки. Обѣдъ въ этотъ день готовится богатый; кромѣ паленицъ, пекутъ также блины, „пампушки“, съ сыромъ и сметаной, варятъ борщъ съ говядиной, кашу съ масломъ и съ молокомъ, жарятъ колбасы и жаркое, и обязательно красятъ свѣжія яйца, исключительно въ красный цвѣтъ. Послѣ обѣда съ этими яствами (кромѣ жидкихъ), а также съ водкой или виномъ, а въ Витеб. губ. и съ кутьею, отправляются на кладбище. Здѣсь причтъ совершаетъ для каждой семьи краткую панихиду надъ могилами, послѣ чего пришедшіе садятся у могилъ и за упокой душъ пьютъ и закусываютъ. Считается похвальнымъ, если изъ принесенныхъ яствъ ничего не придется нести назадъ. Поэтому, если что не будетъ съѣдено семьею, то отдается нищимъ. Крашеныя яйца катаютъ по могиламъ, играютъ ими въ битки, ѣдятъ и оставшіяся раздаютъ нищимъ.

Пахать весною начинаютъ до Юрья, раньше или позже, въ зависимости отъ хода весны. Выѣзжать въ поле для первой пахоты слѣдуетъ въ субботу или въ четвергъ. Крестьянинъ надѣваетъ чистое бѣлье, беретъ въ кошолку „прóсвярку тую, што на Благовѣщаньня свѣтитца, свѣчку тую, што су́чать къ Стрэ́чанью и свѣтять (или Страстную), и бярэ̀ крэ́сьтикъ, спечанный на Сирадапóсьтя и и пасвѣчанный на Вялѝкадьня. Бяру́ть и вярбу́. Якъ прыѣдя на рэ̀зку (полосу), дакъ выпража каня̀ съ калёсъ и запражэ̀ у саху́. Тагды̀ надявàя кашалóкъ на плечы, бярэ̀ вярбу́ у руки и абхóдя тры рàзы укругъ каня̀ и мóлитца Богу: „Благаслави, Гóспади, да памажы̀ намъ!“ И абганя́я зъ вярбóй и съ кашалкóмъ тры баразны̀ съ аднагò бóку и тры зъ другóга. Тагды кладè кашалóкъ и вярбу́ у возъ, а самъ пачынáя арать. Хто бярэ̀ кóстачки пасвицàныя вяликóдныя, дакъ завбруя ихъ у баразну́ кала мяжы̀“.

23 апрѣля, день св. Георгія, пользуется у бѣлоруссовъ большимъ почитаніемъ, ведущимъ начало издревле. Уже въ XVII в. этотъ день былъ юридическимъ терминомъ. И въ настоящее время

съ этого дня считается аренда фольварковъ, срокъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; съ этого же дня приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей пастухъ, хотя по состоянію погоды коровъ выпускаютъ на пастбище и раньше. Св. Георгій считается покровителемъ скота и въ особенности коровъ. Ему въ этотъ день служатъ молебны, причемъ окропляются святою водою стада и хлѣва. Въ стѣны послѣднихъ втыкаются также вѣтки освященной вербы. Въ Гомельскомъ уѣздѣ наканунѣ Юрія въ первый разъ выводятъ лошадей въ ночное, а въ день праздника рано утромъ, до пастуха, выгоняютъ скотъ „на Юрьеву росу". Въ Витебскомъ уѣздѣ предварительно окуриваютъ скотъ въ хлѣвахъ Ивановскою травою, освященною 24 іюня, зажигаютъ Громничныя свѣчи, освященныя 2 февраля; въ воротахъ хлѣва кладутъ на землѣ яйцо, чрезъ которое и прогоняютъ весь скотъ изъ хлѣва, чтобы коровы стали такъ круглы и полны, какъ яйцо. Потомъ яйцо это поднимаютъ и отдаютъ нищимъ или пастухамъ. Прогоняя скотъ къ пастуху, нѣкоторые хозяева стараются перегнать его чрезъ озимое ржаное поле, причемъ собираютъ съ озимей росу и омываютъ ею коровъ, чтобы больше молока давали и были недоступны для вѣдьмъ.

Въ Могилевской губерніи вообще соблюдаются слѣдующіе обряды при первомъ выгонѣ скота въ поле: 1) Берутъ ломоть хлѣба и съ нимъ обходятъ три раза вокругъ „ко́мина" и говорятъ: „Якъ печъ стайть на мѣсьти, такъ штобъ и скати́на хади́ла на мѣста!" И отдаютъ этотъ хлѣбъ съѣсть скоту. 2) Наблюдаютъ, чтобы первый выгонъ скота не пришелся на тѣ дни, въ которые были праздники Рождества Христова и Благовѣщенія. 3) Замыкаютъ замкомъ ниты̀ отъ кросенъ и кладутъ ихъ въ воротахъ, чтобы выгоняемый скотъ перешелъ черезъ эти ниты. 4) Кладутъ въ воротахъ на улицу замкнутый замокъ и черезъ него перегоняютъ скотъ. 5) При первомъ выводѣ лошадей на ночлегъ, въ воротахъ кладутъ сырое куриное яйцо. 6) Послѣ молитвы берутъ хлѣбъ, соль, яйца и сало и освященною вербою гонятъ скотъ къ пастуху и тамъ отдаютъ ему принесенную провизію. 7) Когда всѣ соберутся, пастухи съ хлѣбомъ обходятъ стадо три раза вокругъ, молятся Богу и потомъ уже гонятъ стадо на пастбище. 8) Если какая-нибудь неопытная баба выгонитъ въ этотъ день скотъ не обутая, про нее говорятъ, что она вѣдьма. Чтобы ее обезвредить, пастухъ долженъ ее больно ударить кнутомъ или палкой. 9) Въ этотъ день хорошій пастухъ постится и не беретъ кнута на пастбище.

Въ Велижскомъ уѣздѣ для того, чтобы вѣдьмы не отбирали молока у коровъ, послѣднимъ даются клички не по мастямъ, а по тѣмъ днямъ, въ которые онѣ телились: воскресёха, поне́дя, аўтуре́ня, серёда, чатвѣ́ря, пятёха, субоня. Кромѣ того, заботливые хозяева пробуравливаютъ у первотелокъ, молодыхъ коровъ, телившихся въ первый

разъ, дыру въ одномъ изъ роговъ, вливаютъ въ эту дыру живого серебра—ртути и залѣпливаютъ дыру воскомъ отъ Громничной или Страстной свѣчи. Къ такой коровѣ вѣдьма не осмѣливается приступиться.

День Юрія строго празднуется всѣмъ народомъ, но спеціально онъ считается праздникомъ пастуховъ. Каждый хозяинъ надѣляетъ въ этотъ день пастуховъ хлѣбомъ, саломъ, яйцами, водкой и они выгнавши коровъ въ поле, устраиваютъ тамъ для себя угощеніе и обязательно „пяку́ть яе́шню". Но въ Гомельскомъ уѣздѣ пастухи въ этотъ день постятся. На другой же день стадо гонятъ подпаски, а всѣ „большіе пастухи" собираются къ старшему пастуху и устраиваютъ пирушку.

Въ этомъ уѣздѣ, пригнавши скотъ на выгонъ, всѣ молятся, и уже послѣ того пастухи уходятъ со скотомъ въ поле до вечера. Затѣмъ въ деревню приглашается причтъ. Крестьяне гдѣ нибудь вблизи деревни у озимаго поля ставятъ кадку съ водою; причтъ прежде всего освящаетъ воду, потомъ служится молебенъ св. Георгію; пастухи къ этому мѣсту подгоняютъ стадо и священникъ окропляетъ его святою водою. Послѣ этого совершается освященіе поля.

Здѣсь также существуетъ повѣрье, что вѣдьмы въ этотъ день отнимаютъ молоко у коровъ. Съ этою цѣлью онѣ выходятъ на зарѣ на поле и тамъ таскаютъ по росистымъ зеленямъ намётку. Когда она станетъ мокрою, вѣдьма убѣгаетъ съ поля домой, всячески стараясь, чтобы ее никто не увидѣлъ. И вотъ впослѣдствіи, если корова взойдетъ на то мѣсто, съ котораго вѣдьма взяла росу и съѣстъ той травы, то она перестаетъ давать молоко. Вѣдьма же изъ той наметки выжимаетъ такъ много молока, что его хватаетъ и на сметану, на сыръ, на масло.

Чтобы отомстить такой вѣдьмѣ, хозяинъ коровы, лишенной молока, идетъ 24 іюня до восхода солнца въ лѣсъ и загребаетъ въ мѣхъ цѣлый муравейникъ. Принесши его въ деревню, онъ пересыпаетъ муравьями улицу въ концѣ села, по которой гоняютъ стадо въ поле. Когда коровы перейдутъ черезъ разсыпанный муравейникъ, то у вѣдьмы къ полудню въ скопленномъ сырѣ и маслѣ появляются черви въ такомъ большомъ количествѣ, что дѣлаютъ ихъ негодными къ употребленію, и вѣдьма принуждена выбросить ихъ вонъ. Поэтому вѣдьмы зорко слѣдятъ въ этотъ день, чтобы кто не пересыпалъ муравьями улицы до восхода солнца.

Св. Георгій считается хозяиномъ дикихъ звѣрей и они имѣютъ право съѣсть ту скотину, которую онъ имъ разрѣшитъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что одинъ пастухъ кралъ овецъ и козъ, а хозяевамъ говорилъ, будто ихъ похищали волки. Случилось однажды этому пастуху заблудить въ лѣсу и онъ принужденъ былъ заночевать тамъ на полянкѣ. Со страха онъ залѣзъ на стогъ и легъ тамъ спать.

Но ночью его окружило стадо волковъ. Становясь одинъ на другого, волки стали взбираться на стогъ. Въ отчаянiи пастухъ обратился съ молитвою къ св. Георгiю. Святой явился къ нему на сивомъ конѣ (на образахъ св. Георгiй всегда изображается на бѣлой лошади) и отогналъ волковъ. Пастуху же сказалъ, чтобы онъ впередъ не кралъ овецъ: волки сердиты на него за то, что среди украденныхъ были и такiя, которыхъ Георгiй предназначилъ для волковъ. Своимъ воровствомъ пастухъ оставлялъ волковъ безъ добычи.

Св. Георгiю молятся хозяева, когда корова заблудится и заночуетъ на пастбищѣ. Зажигаютъ свѣчу и просятъ: „святый Юрiй! сахрани маю скатинку отъ звярэй и атъ зладѣяў, и вярни яе цэлай и здаровай!“

Въ Велижскомъ уѣздѣ въ этотъ день подъ-вечеръ къ пастухамъ собирается деревенская молодежь обоего пола, дѣвушки приносятъ яйца, масло, молоко, а парни водку, разводятъ костеръ, надъ нимъ вѣшаютъ котелъ и льютъ въ него принесенное молоко, разбиваютъ яйца и кладутъ масло. Получается своеобразная яичница въ огромномъ количествѣ,—„яетня“. Снявъ котелъ съ огня, всѣ садятся вокругъ и ѣдятъ эту „яетню“, запивая водкой. Потомъ становятся въ кружокъ, берутся за руки и поютъ Юрьевскiя пѣсни, которыя распѣваются до Николина дня.

А я мыладенька рыстапцў, рыстапцў,
Траўку, мураўку вытыпцу, вытыпцу,
Кыня выраненька выпушшу, выпушшу,
Карбўку бурёнку выгыню, выгыню!
Рызыйграўся вбранъ конь, вбранъ конь,
Разбиў каминь кыпытомъ, кыпытомъ,
А ў тымъ камни агня нѣтъ, агня нѣтъ,
Ў майгò мужа праўды нѣтъ, праўды нѣтъ:
Ёнъ шшыў Дуни бышмацкй, бышмацкй,
А жанѣ сплёў кывярзьнй, кывярзьнй:
„Ты наси, жына, пыглидай, пыглидай,
Ды кы празьникамъ пыблюдай, пыблюдай!
Ты наси, Дуня, ни жалѣй, ни жалѣй!“

С. Маклокъ. Въ с. Узкомъ пѣсня варьируется такъ:

Разыграўся Юрьиў конь,
Разбиў каминь капытомъ,
А ў томъ камню агню нѣтъ,
Ў цужой мамки праўды нѣтъ!
Разыграўся Юрьиў конь,
Разбиў арѣхъ капытомъ,
У томъ арѣху ядро ёсь,
У рбннай мамки праўда ёсь!
Зыгараўся шэрый боръ.
„Вы, хадитя, мальцы, тушыти,
Ришатомъ воду насити!“
А ў ришатѣ вады нѣтъ,
У нашыхъ мальц*ахъ* праўды нѣтъ!
Зыгараўся шэрый боръ.
„Вы, хадитя, дѣўки, тушыти,
Кўпкымъ воду насити!“
А ў тымъ купку вада ёсь,
У нашыхъ дѣўк*ыхъ* праўда ёсь!

—

Я сягони Ягорiй,—пагонимтя, дѣўки, у поля:
Ѣштя, карбўшки, траўшку,
Пiйтя, каровы, вадицу!
А Божынька пыпаси, дамбўшки пригани,
Дамбўшки пригани, у хлѣў зыгани!

—

А я пайдў гуляти, гуляти,
Зялёныя жыта тыптати, тыптати.
А я, мыладенька, рошъ тапцў, рошъ тапцў,
Траўку, мураўку вытыпцу, вытыпцу,
Зялёныя жыта выращцу, выращцу!
— А я каня успушщў, успушщў!
— А я каня саймаю, саймаю!
— А я каня выкуплю, выкуплю,
Я за каня сто рублей, сто рублей!
— Мнѣ сто рублей ни нада, ни нада!
— Я за каня тысяцу, тысяцу!
— Мнѣ тысяца ни нада, ни нада!
— Я за каня дѣушку, дѣушку!
— Я дѣушкай давблинъ, давблинъ.

С. Узкое, Велижск. у.

Пѣсня представляетъ остатокъ извѣстной древней пѣсни:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидъ-ладо, сѣяли, сѣяли!

Въ Быховскомъ уѣздѣ Могил. губ. встрѣчены еще болѣе жалкiе остатки этой пѣсни:

А мы ляда чапали,
А й мы проса сѣяли—
Зялёная мая рўтачка,
Жбўтый цвѣтъ!
Наѣхали баяры,
А й сто рублей давали (припѣвъ),
Намъ сто рублей ни нада! (2)
— А мы дадёмъ бабушку! (2)
— Намъ бабушки ни нада! (2)
— Мы дадёмъ вамъ паненачку (2)
— За паненку сто рублей, сто [рублей!
Зялёная мая рўтачка,
Жбўтый цвѣтъ.

—

А Юръява мать
Па гарэ хадила,
Ключики насила,
Зямлю отмыкала,
Траву выпускала,
На травицу расицу!
Чигрынскiя жонки,
Выганяйтя карбўки,
Кабъ карбўки малбшны,
И тиляти няўрбшны!

С. Чигиринка.

—

Стаиць верба проти гребли—а ни я садила,
Нету шъ майгò милинькага, кагò я любила.

Нѣту шъ майго́ ми́линькага, дарагóга цвѣту,
Изъ кимъ спали, размаўля̀ли да бѣ́лага свѣту.
А т̄и пы́лымъ запа́ў, т̄и мят̄е́лицый,
Што ня хóд̄ит̄ь, ни гавóрыт̄ь маёй ву́лицый?
— А я хад̄и́ў, а я хад̄и́ў, а я залица́ўся,
А ты мяне́ абсуд̄ила—я ни спад̄ива́ўся.

—

Ды ни куку́й, зязю́личка, рана,
Ды ни кажы̀, што мнѣ нóчычка мала.
Я шъ малада ўсю ночку ни спа̀ла,
Я шъ ды сябе́ любыхъ гóсьт̄икаў жда́ла,
Любыхъ гасьт̄е́й—ды мату́лички сваéй:
„Прыѣ́д̄ь, прыѣ́д̄ь, мая́ мату́личка, ка мнѣ,
Ты шъ ня буд̄ишъ знива́жына у мянѐ.
Тады̀ шъ табѣ́ ды знива́жычка бу́д̄ит̄ь,
Кали мянѐ ў гэтымъ доми ня бу́д̄ит̄ь.

—

Чыѐ шъ гэта кани́чыньки рана ў лугъ хад̄и́ли,
Т̄и ни таго̀ малóйчыка, што мы ўдьвю́хъ любили?
Чыѐ гэта паткóвачки падъ акóнцамъ знат̄и,
Т̄и ни таго́ малойчыка, што мяне била мат̄и,
Ахъ, и била, и кара́ла, што изъ малóйцамъ спала.
„Ой, да душы́, мату́личка, зъ малойцамъ ни спала,
Ой, тольки я, матуличка, ў галóўц*а* стая́ла,
Ой, тольки я, матуличка, сэрдэ́чна гука́ла!“

—

Ой, бярóза, бярóза, ни стаи́ пры дарóз*я*,
Ни пущай карэ́ньника, залатóга вѣт̄ьт̄ика:
Я къ мату́литца пайду̀, я й карэ́ньня патапчу́,
И вѣт̄ьт̄ика паламлю̀, и лись̄т̄ика пащиплю̀,
Я й вянóчыкъ увавъю́, на галóвачку ўзлажу̀,
На галóвачку ўзлажу̀, я къ матулитца пайду́.
„Разгадай, мату́личка: скольки у гэ̀тамъ вянку̀ листкóў,
Тольки на мнѣ, мая́ мату́личка, худыхъ слаўцóў,
Атъ лихóга свёкарки, отъ лихой свякрóвачки,
Атъ благóга милóга:
Якъ умыюся, скажут̄ь: хвасьт̄ьлива!
Якъ ня ўмыюся, скажут̄ь: ляни́ва!

—

Прылят̄ѣли журавы̀,
Сѣли, пали на'ральлѝ,
Стали яны̀ гавары́ть:
„Лѣ́пи аральля́ ранш**а**я,
Нячы́мъ тая пóзная:
А на ра́ншый расьтéть пшаница,
А на пóзный мятьлица!“
Сабра́лися удаўцы́,

Сѣли шъ яны на крыльцы̀,
Стали шъ яны́ гавары́ть:
Лѣпи жонка пéршая,
Нячы́мъ та́я другая:
Изъ пéршый жóнкай д̄ѣтакъ мѣў,
А зъ другою разагна́ў:
„Ид̄ит̄я, д̄ѣтки, служы́т̄я,
Чимся ма́чи*ся* гад̄и́т̄и!“

—

А пашла́ шъ я на Дунай па ваду̀. (2)
Я шъ думала—шэра вутка плывéт̄ь, (2)
Ажну мая́ родна мамка ид̄е́т̄ь. (2)
„Дит̄я́тка, рана вад̄ѝчку бярэ́шъ?“
— Мамка мая̀, пасыла́ют̄ь мяне: (2)
Позьнинька спат̄ь кладут̄ь,
Ранинька мяне узбуджа̀ют̄ь,
Мяне маладу на Дунай пасыла́ют̄ь. (2)
Нада мнѣ угад̄и́ти свёкарку и свякрóўца,
Свёкарку назват̄ь рóднымъ таткамъ маи́мъ,
Свякрóўку назват̄ь рóднай мамкай маёй,
Дéвярки—радныя бра́т̄итки маѐ,
Залóўки—радныя сяострыцы маѐ.
Я шъ, малада, т̄яперъ къ вамъ прышла̀,
Шану́йт̄я мяне, якъ сястры́цу сваю̀!

—

Малада́я малад̄и́ца ў чыста пóля гусей гна́ла,
Гусей гнала, размаўля́ла:
Гы́ля ў пóля, гы̀ля шэрыя маѐ!
Прывыкайт̄я къ чы́стаму пóлю,
Къ чыстаму пóлю, къ синиму мору,
Якъ я малада прывыкала
И къ свёкарку, и къ свякрóўца,
И къ д̄ивирамъ, и къ залóўкамъ.

—

Якъ пайду я малад̄юсинька,
Куды здаўна хад̄ила,
Т̄и ня ўвиджу я, т̄и ни ўбачу я,
Каго вѣ́рна любила,
Ды хот̄ь ни ягó, ды хот̄ь ни яго,
Хот̄ь таварыша яго,
Разпыта́юся шъ, разгука́юся шъ
Абъ жылѣ́ньнійка сваё:
Ды якъ ёнъ жывéт̄ь, ды якъ ёнъ
[жывéт̄ь,
А я мóлада гару́ю,
Бязъ дроў, бязъ дроў, бизъ лу-
[чы̀начки
Ня'дну̀ ночку начу́ю!
Якъ пайду́, пайду̀ на бирэ́зьничку,
Ды я дрóўцы рубат̄и,
Пайду, пайду на сасóньничку
Я й лучынку щипат̄и.
А ў святли́чыньца, на табли-
[чыньца
Ды два пи́сары пишут̄ь,
А ў камóраньца, да ў бакóваньца
Д̄ѣўка д̄ит̄я калы̀шыт̄ь,
Ой, калы̀шучы ды люля́ючы,
Сваё гóра праклина́ит̄ь:
Быда́й гóра згарэ́ла,
Хот̄ь ба ручки пагрэ́ла!
Ой за што я гару́ю—
Празъ любóў сваю̀ бальшу̀ю!

—

Ды у мѣсяцы два ражо́чки ро́ўниньkихъ,
Ды у татўльки два сыно́чки ро́дныниньkихъ.
Ды звиньчалися браты у нядѣльку,
Пашли братитки у святёлку,
Разпыталися, разгукалися:
Ти ўдалася, ти ўдалася, братъ, жанитьба твая?
— Ни ўдала́ся, ни ўдала́ся, братъ, жанитьба мая:
Накаса́лася, навязалася, братъ, нялюбая жана́,
Ажани́ла малайца чужа дальна старана.
Якъ пайду я маладецъ у новинькій гарадéцъ
Ды куплю я маладецъ маливанинькій чаўнéцъ,
Ды пущу я маладецъ маливанинькій чаўнéцъ
Ды на бы́страю ракў ды нялюбаю жану,
А самъ пайдў маладецъ на высо́каю гарў:
Ти высока, ти далёка ясна зорушка ўзыйшла,
Ти далёка, ти глыбо́ка жана 'тъ бéрага 'тплыла?
Ой, высо́ка и далёка ясна зо́рушка узыйшла,
Ой, далёка и глыбока жана 'тъ бéрага 'тплыла.
„Ой, вярнись, жана, хоть нялюбая была,
Ни дли мянѣ маладо́га, хоть для дѣтачыкъ маи́хъ!“
— Ни вярнуся, ни вярнуся,—я й нялюбая была!
Кали лѣпшаю во́зьмишъ, будишъ мянé праклинать,
Кали пу́щаю во́зьмишъ, будишъ мянѐ ўспаминать!

—

Зарзаў, зарзаў сивый конь на стайнѣ, [1])
Заплакаў бѣлъ мало́йчыкъ на вайнѣ:
Ахъ вы, братцы, вы таварышы маѐ,
Напишытя [2]) айцў маймў пра мянѐ:
Пущай усихъ ко́никаў прадаéть,
Мянѐ мо́лайца зъ няволюшки вы́купить!
— Я й ня буду коникаў прадавать,
И тябѐ зъ няво́люшки выкуплять!
Зарза́ў, зарза́ў и т. д.
„Напишытя маѐй мамца прызъ мянѐ:
Пущай усихъ каро́ў прадаéть,
Мянé мо́лайца зъ няволи выкупить!“
— Я й ня буду каро́ў прадавать,
И тябе зъ няволюшки выкуплять!
Зарза́ў, зарза́ў и т. д.
„Напишытя маи́мъ братцамъ прызъ мяне:
Нихай яны́ ўси стрэльбачки прадаю́ть,
Мянѐ мо́лайца зъ няволи вы́купють!“

— Ня будимъ мы стрэльбачки прадавать,
А тябѐ зъ няволюшки выкуплять!
Ой, зарза́ў, зарза́ў и т. д.
„Напишытя маимъ сёстрамъ прызъ мянѐ:
Нихай яны каральки и пярсьтёнки прадаю́ть,
Ды мяне́ зъ няволюшки вы́купють!“
— Мы ня бўдимъ караликъ и пярсьтёнкаў прадавать,
А тябѐ зъ няво́люшки выкуплять!
Ой, зарза́ў, зарза́ў и т. д.
„Напишытя маѐй жанѣ прызъ мянѐ:
Нихай ина ўсѣ трўбачки прадаéть, [1])
Ды мяне́ зъ няволюшки вы́купить!“
— Ой буду шъ я, буду шъ я трўбачки прадавать,
И тябé зъ няволюшки выкуплять!

—

Туманъ, туманъ на дали́ни, 2
Шыро́къ листокъ на кали́ни.
Шыры таго́ на дубо́чку,
Кличыть голубь галўбачку,
Хоть ни сваю, дыкъ чужую:
Пасто́й, ми́ла, пацалую!
На што то́я цалаваньня,
Сэрцу тўги задаваньня?
Ни задавай сэрцу тўги,
Ня во́зьмишъ,ты во́зьмить дрўгій!
Въ чыстамъ поли за лазо́ю,
Плачыть дѣвица слязо́ю.
„Пирастань, дѣўка, слязо́й литца, —
Я ня думаю жанитца! [2])
Кали буду я жанитца,
Пращў я тябѐ явитца,
Дамъ табѣ пива напитца!“
— Тваё пива мнѣ ня ди́ва,
Твая радьня мнѣ ня ми́ла:
Твая матка чараўни́ца,
Систра зъ братамъ разлучница:
Разлучыли насъ съ табо́ю,
Якъ ры́бачку изъ водо́ю

Тя́жка ры́бца бизъ вады́ быть,
Тижалѣй мнѣ тябé празабыть;
Тяжка рыбца панарка́ти,
Тижалѣй мнѣ тябѐ пакидати!

—

Старана мая ды старо́нушка, 2
Ни магў тябé празабы́тися, 2
А но́ччы сплючы́, а ў день хо́дючы,
А ўноччы сплю, ды ня высплюся,
А у день хаджў—ни размыслюся,
Ў кабачокъ иду—хиля́юся,
Съ кабачка иду—шатаюся,
За вирэ́юшку хватаюся.
„Вирая́ мая, ты вирэ́юшка,
Ды хто тябѐ тутъ пастанави́ў?“
— Станавили мянѐ да два плоть-
[нички,
А царскія ды й работьнички.
Ай, на мо́ры, мо́ры, мо́ры си́няму,
Тамъ плывала вутка шэ́рая,
А за ею, ею силязе́нюшка.
Яѐ перъйка раскудро́ная,
Па синяму мору распущо́ная.

[1]) Въ Вилейскомъ у. варіантъ:
Нихай яна скрынки—пярынки спрадае,
Мяне зъ няволюшки вывальне.

[2]) Въ м. Красномъ вилейск. уѣзда:
Циху, дзѣука, ни журыся,
Я ще, младый, ня жаниуся!

А хто жъ ёй ды раску́дрыў пе́ръя?
Раску́дрыў перъя силязе́нюшка!
А па рынки, рынки, рынки но́выя,
Тамъ хади́ла красна дѣвица,
А за ею, ею добрый мо́ладицъ.

Яѐ во́ласы распудро́ныя,
На бѣлыхъ пличахъ распущоныя.
А хто жъ да ёй распудры́ў воласы?
А пудры́ў, пудры́ў удалый ма-
ладе́цъ.

Записаны кр. Ст. Пилиненкомъ отъ кр-нокъ Елисаветы Степановой и Магдалины Томчонковой въ дер. Заулкахъ, Дисчен. у., Вилен. губ.

Послѣдняя пѣсня заимствована отъ старообрядцевъ, поселившихся въ уѣздѣ въ 1864 г. Во время смутъ 1905—1906 гг. польскіе помѣщики принудили ихъ выселиться отсюда, но многія пѣсни ихъ усвоены бѣлоруссами, въ томъ числѣ и эта.

Плыў, чаўно́къ па рэ́цца,
Да пла́каў дя́тюкъ па дѣ́ўца:
„Да дѣ жъ мнѣ, дя́тюку́, падѣтца?
Саўю вярбу́ку зъ крапивы,
Да павѣшуся ў батви́ньни!“
Пашла ма́ти батвиньня лама́ти,
Да свайго́ сына шука́ти:
„Ня вис́й, сынку, ня виси,—
Да иди батвиньня падняси́,
Дѣваччына коника папаси́,
За яѐ вади́цу падняси!“

—

На гарэ́ святлѣла,
Казло́ва барада̀ гарэ́ла.
„Иди́тя, хлопчыки, гаси́тя,
Рѣшатамъ ваду́ наси́тя!“
Якъ у рэша́ти вада ёсь,
Такъ у хло́пчыкаў праўда ёсь!
На гарэ святлѣла и т. д.
„Иди́тя, дѣвачки, гаси́тя,
Ку́бачкамъ ваду́ наси́тя“.
Якъ у кубачку вада ёсь,
Такъ у дѣвачакъ праўда ёсь!

—

Лятѣў бабёръ чаразъ дворъ,
На ёмъ суке́накъ девя́ть паръ,
На ёмъ ша́пачка бабро́ва,—
Загарэ́лася дуброва.
„Иди́тя, хлопчыки, гаси́тя,
Рэ́шатамъ ваду наси́тя!“
Якъ у рэ́шати вада̀ ёсь,
Такъ у хло́пчыкаў праўда ёсь!
Лятѣў бабёръ и т. д.
„Иди́тя, дѣвачки, гаси́тя
Кубачкамъ ваду́ наси́тя!“
Якъ у кубачку вада̀ ёсь,
Такъ у дѣвачакъ праўда ёсь!

—

Яло́вая кары́та по́ўна вадо́й на-
[ли́та.
Дѣвачки ношки намыли,
А хлопчыки ваду́ выпили!
Дубовая карыта поўна вадо́й на-
[лита.
Пчолки ношки намыли,
А дѣвачки ваду́ выпили!

С. Дубины, Ошмянск. у.
Отъ кр. О. Радыны.

—

Май.

2 мая, день страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи считается большимъ праздникомъ. Въ этотъ день совершаются многочисленные крестные ходы на крыницы—ключи, не замерзающіе зимою. Здѣсь совершаются молебствія и освящается вода, которая считается цѣлебною въ особенности отъ глазныхъ болѣзней.

Обрядъ этотъ существовалъ и во времена уніи и ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Св. Бориса и Глѣба чтутъ даже нынѣшніе католики бѣлоруссы, совращенные въ XVIII и XIX вв.

Возникновеніемъ своимъ празднованіе это обязано повидимому неслыханному злодѣйству Святополка Окаяннаго, которое въ свое время поразило всю православную Россію. Въ Бѣлоруссіи культъ св. Бориса и Глѣба получилъ наибольшее развитіе еще благодаря ревностной религіозно-просвѣтительной дѣятельности полоцкаго князя Бориса Всеславича († 1128 г.), памятниками котораго служатъ извѣстные Борисовы камни, существующіе доселѣ въ предѣлахъ Витебской (четыре), Могилевской (два) и Виленской губерній (два).

Такія же „водяныя отправы“, кромѣ общецерковныхъ—совершаются въ девятый четвергъ по Пасхѣ (Девятникъ) и въ десятую пятницу (Десятуху), когда къ нѣкоторымъ крыницамъ, напримѣръ, Полыковичской, Могилевскаго уѣзда, собираются десятки тысячъ паломниковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей.

Желая осмыслить непонятное названіе Преполовенія, бѣлоруссъ зоветъ этотъ день „Переплавной середой“ и говоритъ, что въ этотъ день Іисусъ Христосъ купался и переплылъ черезъ море. Съ этого дня разрѣшается купаться, вплоть до Ильина дня.

8 мая крестьяне празднуютъ память св. Іоанна Богослова и не работаютъ вообще или, по мѣстамъ, только на лошадяхъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ съ лошадьми, которые, по мнѣнію народа, всегда бываютъ, если въ этотъ день работать на лошадяхъ. Такъ же, какъ и св. Савва, 5 декабря,—св. Іоаннъ Богословъ зовется „Николинъ батька“.

9 мая, день св. Николая, считается очень важнымъ праздникомъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ этотъ день многіе крестьяне устраиваютъ такъ называемые оброчные обѣды, то есть по случаю какого-нибудь несчастья или избавленія отъ бѣды даютъ обѣтъ накормить нищую братію въ день святителя Николая во славу Божію и въ честь названнаго угодника. На обѣдъ этотъ варится борщъ съ мясомъ, или въ постный день съ рыбой и алеемъ, потомъ ставится жареное мясо или жареный пѣтухъ, а въ постный день рыба; на послѣднее подается крутая каша съ молокомъ, масломъ или саломъ, а въ постный день съ алеемъ. Изъ напитковъ подаются водка и медъ, рѣже—вино и пиво.

Утромъ хозяинъ приглашаетъ причтъ совершить въ домѣ молебенъ и акаѳистъ св. Николаю и въ то же время посылаетъ созывать убогихъ, нищихъ и калѣкъ, а также родныхъ на обѣдъ. Посланный, подойдя подъ окно, кричитъ:

— Добры́день! Ти ё хто у хати?
— Здарбу́! А што?
— Праси́ў Микита Лагунбу́ на хлѣбъ-соль, на’бѣдъ!
— Спаси́ба!

После молебна причтъ и почетные гости садятся за столъ и обѣдаютъ. По окончаніи обѣда, молятся, благодарятъ хозяина и расходятся. Тогда за тотъ же столъ садятъ нищихъ и убогихъ, и хозяинъ подаетъ имъ тотъ же самый обѣдъ и такъ же угощаетъ водкой и медомъ.

За разрѣшеніе пить водку на такихъ оброчныхъ обѣдахъ, имѣющихъ религіозный характеръ, св. Николая называютъ „бурлацкимъ богомъ", т. е. богомъ пьяницъ,—что примѣнимо собственно къ дню 6 декабря.

Какъ Юрьевъ день считается праздникомъ пастуховъ, такъ Николинъ день празднуютъ „конюшкѝ", водящіе лошадей „на ночлегъ"—въ ночное. Въ эту ночь они окуриваютъ лошадей Ивановскою травою и обходятъ вокругъ нихъ съ яйцомъ въ рукѣ, которымъ потомъ гладятъ лошадей по спинѣ. На другой день яйцо это отдается нищему, обязательно слѣпому. Окуриваніе производится съ цѣлью охраненія лошадей отъ вѣдьмаковъ, а обношеніе яйцомъ охраняетъ ихъ отъ воровъ. Послѣ этихъ обрядовъ, конюшки выбираютъ своего „старосту", и устраиваютъ пирушку, съ обязательной яичницей и водкой. Въ Велижскомъ уѣздѣ эта пирушка устраивается въ Троицынъ день.

Съ Николина дня начинаютъ стричь овецъ. Кто опоздаетъ стрижкой хотя бы на недѣлю, тотъ останется безъ шерсти, такъ какъ вслѣдствіе плохого питанія овцы сильно линяютъ. Нерѣдко бываютъ такіе случаи, что утромъ овцы уходятъ на пастбище съ волною, а вечеромъ возвращаются „съ голой кожей".

10 мая стараются посѣять коноплю. Но такъ какъ при посѣвѣ ея нельзя вбивать кольевъ въ землю, то посѣвъ предпочитаютъ дѣлать вечеромъ, когда уже не приходится вбивать кольевъ.

11 мая, день обновленія Царяграда, крестьяне строго празднуютъ, чтобы градомъ не выбило посѣвовъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ этотъ именно день совершается освященіе полей съ крестнымъ ходомъ.

21 мая, также по созвучію съ Еленой, сѣютъ ленъ. Посѣвъ особенно считается счастливымъ, если этотъ день приходится въ понедѣльникъ. При посѣвѣ льна сѣятель обязательно долженъ надѣть чистое бѣлье—чтобы ленъ былъ чистый. Кромѣ того варятъ куриныя яйца и кладутъ ихъ въ кошолку съ сѣменами. Пріѣхавши на ниву, сѣятель подбрасываетъ яйца вверхъ—чтобы ленъ былъ высокій и съ крупными головками—головистый.

Праздникъ Вознесенія Господня называется „Ушэ́сьтя"—т. е. Восшествіе на небо. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ блины: „трэ́ба Хрысту̑ напе́кти ану̑чъ, щобъ було̀ у̑ що абува̀тца! Абу́итца и по́йдя ужэ̀ атъ насъ на не́бу!" Другимъ обязательнымъ кушаньемъ для этого дня считается яичница.

Съ этого дня дѣвушки прекращаютъ пѣніе веснянокъ; собираются по вечерамъ на улицѣ и поютъ слѣдующія пѣсни:

На гаро́ди дѣу̑ка халадо́къ (?) капа̀ла,
Рана, рана, халадо́къ капа̀ла,
Капа̀ла, капа̀ла да ня вы̀капала. (Припѣвъ).
Тольки вы̀капала залатую квѣтку,
Рана, рана, залатую квѣтку!

—

Лятѣли пчолы да чаразъ тры по́ли,
Рана, рана, да чаразъ тры поли!
Найшли тыя пчолы тры намётки у̑ поли. (Припѣвъ).
Первая намётка—то дѣу̑ка Га̀нначка,
Другая намётка—то дѣу̑ка Ва̀сячка,
Трэ̀тьтяя намётка—то дѣу̑ка Ва̀рачка,
Рана, рана, то дѣу̑ка Ва̀рачка!

—

Старэ́нькій дядо́чыкъ па гаро́ду хо́дя,
Рана, рана, па гаро́ду хо́дя!
Па гаро́ду хо́дя и арэ̀, скаро́дя. (Припѣвъ).
А за имъ мало́дка у ступе́нь ступа́я,
У ступень ступа́я, варабъё̑у пуга̀я:
Лятѝтя, варабъѝ, на дѣдави кано́пли,
Щобъ мнѣ ихъ ня бра̀ти, ня бра́ти, ня слати,
Ня брати, ня слати, ни пра̀сти, ни ткати,
Ни прасти, ни ткати, ни бяли́ть, ни шы́ти,
Ни бялить, ни шыти, саро́чки насѝти,
Рана, рана, саро́чки насѝти!

—

А у̑ Бога даро́га и до́у̑га и шыро́ка,
Рана, рана, и доу̑га и шырока!
Якъ па той даро́зи зять да те́щи хо́дя— (припѣвъ),
Зять да те́щи хо́дя, жа̀лабу прыно́ся,
Жалабу прынося, сваѐ те́щи про́ся:
„Те́щухна, ма̀тухна, тваѧ̀ дочь лиха̀я,
Твая дочь лихая, да минѐ пабѝла!"
— Хоть яна̀ пабила, ня на лиха у̑чы̀ла:
Ня хадѝ да шы̀нку, да ня пѝ гарэ́лки,
Да ня пѝ гарэ́лки, таба̀ки ня нюхай,
Табаки ня нюхай, гавбракъ ня слухай,
Рана, рана, гавбракъ ня слухай!

—

Ярава̀я пчолка надъ нябе́съ лята̀ла,
Рана, рана, надъ нябесъ лятала!
Надъ нябесъ лятала, да Бога слу̑хала,
Да Бога слухала, да що Богъ гавбра. —

А Богъ сына жэ́ня, въ Ильли до́чку бярэ̀,
Въ Ильли дочку бярэ̀,Ули́тачкай завѐ:
Улитка—нябо́га, идитка да Бо́га!
Рана, рана, идитка да Бо́га!

—

Время между Вознесеніемъ и Троицей посвящается обыкновенно *толокамъ*. Крестьяне помогаютъ другъ другу вывозить въ поле навозъ. При возвращеніи съ поля порожнякомъ и при разбрасываніи удобренія поются особыя пѣсни. Напримѣръ:

У лузи салаве́й калинку клюе́ть, —
А ни ёнъ яѐ садйў, ни ёнъ паливаў!
Лихàя свякро́ў нявѣсту журы́ть,
А ни янà расьтѝла, ни яна гадавàла.
Шле́ть яе маладў у Дунай па вадў.
Стукнула, грўкнула, вёдры бирýчы,
Крыкнула, гўкнула, къ Дунаю идучы.
Якъ зачўў мой милый, канѝ пасучы:
„Ня стукай, ня грукай, май ми́лая:
Я и ко́ній папасў и вады прынясў!“
— Чэ̀рпай жа, ми̇ляныкій, вёдры по́ўныньки!
Иди жъ ты, ми̇ляныкій, патихýсяньку,
Стаўляй жа, ми̇ляныкій, памалю́сяньку!
Кабъ тàя вади́ца ни пралилася,
Кабъ тàя свякро́ўка ни сварылася!...
„Я жъ, тябѐ, нявѣста, ни вады слàла,
А я жъ тябѐ, нявѣста, съ свѣту збаўля́ла!“
— Ты жъ мянѐ, свякро́ўка, дѣўкаю знала, —
Нашто жъ ты мянѐ за нявѣстку брала?

Лепельск. уѣз.

—

Чарво́ная рожа, зилёна, прыгожа!
Ни стой пры даро́зи, ни цвити прыгожа:
Хто иде́ть—ламàить, хто ѣдить - чапàить:
Дяды йдуть—ламàють, дяды на баро́ды,
Бабы йдуть—ламàють, бабы на памѐлы,
Мальцы йдуть—ламають, сабѣ надъ брылёчки,
Дѣўки йдуть—ламають, сабѣ на вяно́чки,
Рибя́ты йдуть—ламають, рибяты на цàцки.

—

Дѣўки калинку ламàли,
Дѣўки ў пучочки вязàли,
Калйнавый мо́сьтикъ масьтѝли.
А тамъ ѣхаў дварянйнъ,
Калинавый мо́сьтикъ праламйў.
Игò дѣўки дагнàли,
Синій кафтанъ падрàли,
Пухавўю шапку парвàли!

Пашо́ў дварянйнъ да пàна:
„А пàня, мой гаспадинъ!
Нашто дѣвакъ распусьтйў?“
— До́бри, до́бри, дварянйнъ:
Былò дѣвакъ ни сердить!
Было́ дѣўкамъ кары́тца,
Нйска ў но́ги кланйтца!

—

Удовушка маладáя
Паѣхала ў новый го́радъ,
Да купила атру́тъ-зе́лья,
Атрути́ла красную дѣўку.
Въ васкрисеньня ранёшынька
Добрыи люди къ абѣдьни йдуть,
А красную дѣўку хувàть нясýть.
Папы, дякѝ усьпивàють,
А два мòлыдца ўздыхають,
Яны ўдоўку праклинáють:
Штобъ ты, ўдовушка, сама
[умёрла,
Краена дѣўка жыва стала.

—

Заря мая, зо́ринька,
Узайдѝ рана, пасто́й по́зна,
Пакулька я прыбярýся,
Умятў дворъ мятёлачкай,
Усьтялю̀ столъ скàтирачкай.
Будуть ка мнѣ любыи го́сьти:
А любый гость—радно́й татка,
Любая го́сьтя—ро́дная мамка.
Госьти на дворъ—кубки на столъ,
Госьти зъ двору—кубки съ столу.

—

Кагò нѣту на вулицы?
На Кузьминомъ дваро́чку
Усѣ дѣўки ў тано́чку,
Адно́й Рожы нѣту.
Рожу мамка чѐшыть,
Чешыть, навучаить:
„Рожухна, дитя́тка,
Ня йди ты ў таночикъ:
Тябѐ Кузьма ўзнáить,
Ёнъ тябѐ абманить!“
Кузьма дагадаўся,
Пашо́ў да прыбрàўся
Ў жано́цкая плàтьтя,
Ў диво́цкая 'бличча.
Рожа ни узнала,
По́пличь съ Кузьмомъ стала,
Мамки атказала:
„Ня жджы Рожу въ вянкў,
А жджы Рожу ў платку,
При зялёнамъ Святи,
Зъ мало́динькимъ зя́тямъ.

—

Якъ за го́ркай, за гаро́й,
Разайгрàўся карый конь,
Разбйў камииь капыто́мъ.
Въ тымъ камини агнѝ нѣтъ,
Ў чужой мамки праўды нѣтъ.
Якъ за го́ркай, за гаро́й,
Разайграўся вбранъ конь,
Разбиў арэ́хъ капыто́мъ,
Въ тымъ арэ́шку зярнò е́сь,
Ў роднай мамки праўда е́сь.

—

За гаро́ю, за крутою,
Тамъ конь пражàў,
Тамъ конь пражаў,
Праўду сказаў:
„Я ко́ся ни хазя́йныў:
У канѝ стàйня ни ме́тина,
Каню́ аўсà ни засы́пана,
Ў каня грыва ни расчо́сана,
Ў каня абро́ть ни разбры́тана,
Ў каня сидлò ни атвя́зана!“
За гаро́ю, за крутою,
Тамъ конь пражáў,
Тамъ конь пражаў,
Праўду сказаў:
„А я ко́ся хазя́йныў:
У канѝ стайня разме́тина,
Каню́ аўса засыпана,
Ў каня́ грыва расчосана,
У канѝ абро́ть разбры́тана,
Ў каня сидлò развязана!“

—

Тёмная ночка, дѣ твая̀ дочка?
— У гарóди лянóкъ пóлить, ручки кóлить!
Багдай éтатъ лёнъ травой заросъ,
Травой заросъ, павили́цый,
Павили́цый, мокрый макри́цый.

—

За гарóю за крутою громъ граманýў,
Громъ граманýў, дожжъ сиканýў,
Змачи́ў дѣўку чарнабрóўку.
Аткуль 'зяўся старый шъ шатромъ:
„Хади́, дѣўка, у мой шатёръ!“
— Хоть я змя́кла, ни пайду ў шатёръ!
За гарóю за крутою громъ граманýў,
Громъ граманýў, дожжъ сиканýў,
Змачи́ў дѣўку чарнабрóўку.
Аткуль'зяўся маладый шъ шатромъ:
„Хади́, дѣўка, у мой шатёръ!“
— Хоть ни змякла—пайду ў шатёръ!

С. Болецкъ, Городок. у.

—

Талачу̀, талачу̀, я гарэ́лки хачу̀!
Талака̀, талака̀—талакі̀ ни ўня́ть,
Ни даютъ гарэ́лки—ня буду пія́ть.
А ў каго̀, а ў каго̀ дворъ на памóсьти,
А ў таго̀, а ў таго̀ любыя гóсьти.
А чаму̀, сусѣдъ, пива ни ва́рышъ,
Ти ў тябѐ, сусѣдъ, ячмень ни ўради́ў?
— Ни ўради́ў ячмянёкъ, тольки пшóначка,
Ни вяли́ть, ни вяли́ть мая̀ мила жóначка!

Фольв. Изабелино, Лепельск. уѣз.
Запис. Г. Неплюковъ.

—

А падъ тымъ гóрадамъ падъ Казанскимъ,
Тамъ дяўчы̀на зъ малайца̀ми чалóмъ била,
Ина била, ина била, праўды дахади́ла:
Да ни я къ малайцамъ прыхади́ла,
Сами ка мнѣ малóйчыки прыхади́ли,
Зилянóга вина прынаси́ли.
Я у мóлайца на ручкахъ заснула.
Стали мянѐ малойчыки прабуджа̀ти:
„Устань, устань, дяўчы́нанька, абачни́ся!
А ўжэ̀ твая̀ матýлинька давно на таргý,
Да таргýить, купля́ить ўсё раме́нныя плéти,
Бýдить тябѐ маладеньку межы плечь сѣчы!“

—

Тамý дóбра, ў каго̀ матушка!
Якъ у мянѐ лиха мачыха,
Пасала̀ить мянѐ у высокъ терамъ
Пасьтéльку слать ахвицэ́ру ни-
[жынатаму.
Ужо на дварэ̀ сьнида̀ньня идéть—
Краснай дѣўки сь тéрама нѣтъ.
Ужо на дварэ̀ абéды идуть —
Краснай дѣўки сь тéрама нѣтъ.
Ужо на дварэ̀ палýдьни идуть —
Краснай дѣўки сь тéрама нѣтъ.
Ужо на дварэ̀ вячэ́ры идуть —
Красну дѣўку сь тéрама вядýть:
Русы косы растрыпа́ныя,
Пярсьтёначки паминя́ныя...

—

„Ай, жóнки—лябёданьки,
Парайтя мнѣ пара́даньку:
Дѣ благóга мужа дѣть?“
— Вяди́ яго̀ у карчóмачку
Да напай гарэ́лкаю,
Тагды вяди́ у чыста пóля,
Да налажы̀ падъ ёлкаю,
Накрый яго̀ салóмкаю,
Да надпали́ лучы́нкаю.
Тагды вы́йди на вýлачку,
Крыкни-зыкни ратýначку:
„А здаéтца, и громъ ня быў —
Майго̀ мужа пярýнъ забиў,
Маланьнёю надпали́ла!“

—

Знать, наша доля такая,
Што гаспады́нька скупая,
Ина сядить у кутóчку,
Дяржы́ть бутэ́личку ў падалóчку,
Кива̀ить, мирга̀ить на милóга:
„Ни давай гарэ́лки трасéньни-
[цамъ,
Яны ужо и такъ паўпили́ся.

Д. Гирдюки, Тоболк. вол. Дрис. уѣз.
Отъ кр. Нат. Баутрушевичъ зап. О. Нездачина.

—

„Малады́й малóйчикъ, чаму ра̀на ни ўстае́шъ,
Чамý ра́на ни ўстае́шъ, каня̀ ни гадýишъ?“
— Нашто̀ рана устава̀ть, нашто каня̀ гадава̀ть,
Я никýды ни паѣду!
„Шэ́рая зязюлька, чамý ў пóля ни лятишъ,
Чамý ў пóля ни лятишъ, чаму ни кукýишъ?“
Ёсь у мянé крыльлі́йка, усё сы́за пéрьійка
Ў чиста пóля вылита̀ти.
Якъ палячу̀ я, палячу̀ у вишнёвинькій садокъ,
Ды на бѣлую бярёзу.
Якъ стану жъ я кукава̀ть, —
При́дить ка мнѣ татýлька пытать
Абъ чужую старóначку:
„Ти ладна, дитя́тка, ды на чужой старанѣ?“
— А чужая старана̀ усё гóрямъ сѣина,
Усё гóрямъ сѣина, слёзками палива́на!
Малады́й малóйчикъ и т. д.
При́дить ка мнѣ матýлька пыта̀ть...
(Потомъ: братъ и наконецъ—сестра).

—

А ти макъ, ти рожа зацвилй пригóжа?
— А ни макъ, ни рожа зацвилй пригóжа —
Зацвилй кўдирки маладецкія,
Маладéцкія—маладóга Сяргѣйки,
А съ-падъ шапачки съ-падъ бабрóвыя,
Съ-падъ вянóчка съ-падъ чирвóнинькага!

—

Раськипѣлиси гаршкй, на загнéти стóючи,
А ўсéрдиўся свёкарка, у запéчку сѣдючи.
А парасла̀ либида̀ вышы гарадища,
На вулицы хлóпцаў нѣтъ—ня бўдить игрища.
А я тую либядў казáми патра̀ўлю,
А я хлопцамъ кукишъ дамъ,
Сама йгрища спрáўлю!

—

„Ой, дóнька—дачўшка, адда̀мъ тябѐ замужъ!“
— А за кагѐ, мой татўлька?
„Аддамъ тябѐ замужъ хоть за бандарóчка!“
— Бóндарь рана устаéть, а мнѣ спать ни даéть:
Ни пайдў, ни пайдў, мой татўлька!
„Ой, дóнька-дачўшка, аддамъ тябѐ замужъ!“
— А за каго, мой татулька?
„Аддамъ тябѐ замужъ хоть за кавалёчка!“
— Кава̀ль рана устаéть, а мнѣ спать ни даѐть:
Ни пайдў, ни пайдў, мой татўлька!
„Донька-дачушка, адда̀мъ тябѐ замужъ!“
— А за каго, мой татулька?
„Аддамъ тябе замужъ хоть за ганчарóчка!“
— Ганча̀ръ рана ни ўстаéть,
Ёнъ мнѣ спати даéть:
Пайдў, пайдў, мой татўлька!
Ганчаръ гаршкй прадаéть,
А мнѣ грóшыки 'ддаéть:
Пайдў, пайдў, мой татўлька!

—

Чирвона, пригожа калина—малина,
Чирванѣй, пригажэй наша гаспадыня:
Па дварў хóдить—увесь дворъ разлигаить,
На ĝáначикъ стýпить, ажъ ĝáначикъ вя́нить,
У сьвятлйцу ўвóйдить—ўся сьвятлица зьяить,
За пля́шачку вóзьмить—гарэлачка льлéтца,
А за ча̀рачку вóзьмить—гарэлачка пьéтца.

—

А ўстану я рана, а ўмыюся бѣла,
Якъ пайду я у вишнёвый садъ.
А вышынька къ вишынцы галóвачку клóнить,
А мнѣ мóлади ды нé къ каму!
Пахинў я галавў на чужую старанў,
Ды ня къ рóднаму татўльку!

—

А малéнькій журавóкъ
Палўднавать привалóкъ.
Прыгна̀лиси къ дубу,
Палўднавать буду,
Пригналиси къ éли,
Палўднавать сѣли. (И жнивная).

—

Ой, пара̀ дамóў, пара̀,
Патиря́ла ключи заря̀,
Кала пóстати хóдючи.
Узыйдѝтя ясны зóрьки,
А знайдйтя ключи звóнки,
Атамкнйтя сыру зямлю̀,
Апусьтйтя тёплу расў.

—

Мидавáя барэ́лачка (барылка)
Ды па пóлю качáитца,
Ды ў жóначикъ пытáитца:
„Вы, жоначки, лябёдачки!
Калѝ вы мянѐ ня вы́пъитя,
Я вамъ шкоду зьдѣлаю:
Я й па пóлю пакачўся,
Абрўчики паламáю,
И дощички паськипáю!“
Малóдинькій Якаўка
Па дварў паижджáить
Ды ў татўльки пытáитца:
„Кали мянѐ ня'жэ́нитя,

Дыкъ я вамъ бядў ўчиню̀:
Варанóга каня̀ зьвядў,
Ящирава сядло̀ зьвязў,
Паѣду на Украйну,
Тамъ сабѣ ажанюся:
Вазьмў сабѣ панéначку,
И тонкую, и високую,
И бѣлую, и румя́ную.

—

Силязéнька-галóўка сызинька,
А крыльлійка быстринька, —
Ти пирилятишъ шырóкая пóля,
Глубóкая мóря?
—Ни пириля̀чў я шырóкага пóля
Ды глубóкага мóря,
Тольки пириля̀чў имхѝ ды ба-
[лóты
Ды вўзкія увалóки!
„А ты, Аўдулька, нѣжная ди-
[тя́тка!
Ти пиринясéшъ ты матўлькину
[нѣгу
Къ свёкру на падвóру?“
— Ни пиринясў я матулькину
[нѣгу
Къ свёкру на падвóру,
Тольки пиринясў тя́жкая узды-
[хáньня
Ды слёзная абливáньня.

Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

—

Ай, жа̀рка-та, жа̀рка у лóзи калйнцы,
Ай, жарчѣй-та, жарчѣй нáшай гаспадыньцы.
Наша гаспадынька па дварю̀ хадила,
Па дварю̀ хадила, слядóчки драбила,
На ĝáнакъ ступила—ĝáнакъ абламила,
У сѣни ступила—сѣни асвятила,

У хату ступила—хату залатила,
Ў камору ступила—слўжыкъ пабудила:
„Уставайтя, служки, вѣрныя дачўшки!
Сталы засьтилайтя, кўпки наливайтя,
Купки наливайтя, гасьтéй сазывайтя!“
— А сталы засланыя, купки наливаныя,
Купки наливаныя, госьти сазваныя!

Стрижин. вол., Дрисс. у.
Отъ кр. Шлыка запис. Д. Орловъ.

А ў лазѣ салавей калину клюéть,
Лихая свякрóвачка нявѣсту жўрыть,
Шлеть яè маладў у Дунай па вадў:
„А иди, прыняси зъ Дуная вады!“
— Свякрóвачка-мамунька, ящò раниньна:
Ящò пятухъ ни піяў и гусакъ ни крычаў!
А пашла нявѣста ў Дунай, плачучы.
Якъ зачўў миляненькій, кóній пасучы:
„А ни плачъ, ни тужы, мая милая:
Я кóній напасý, вады прынясý!“
— А чэрпай, мой милый, пóўны вядéрцы,
А няси, мой милый, памалюсиньку,
А стаўляй, мой милый, патихўсиньку!..
„Вотъ табѣ, свякрóўка, зъ Дуная вада:
Памыйся, напийся, съ пóўнага видра!“
— Я жъ тябе, нявѣста, ни за вадóй слала,
Я жъ тябé, нявѣста, сь свѣту збавала!
„Ты жъ мянé, свякрóўка, дѣўкаю знала,
А на што, свякроўка, за сына брала,
За сына, за сына, за нявѣстачку?“

Лепельскій у.

Зайшóў, зайшóў маладéцъ ў чужую старóнку,
Налили жъ малайцý тры чары паўнéнькія,
Тры чары паўнéнькія, уси тры раўнéнькія:
„Выпи, выпи, маладецъ, тры чары паўненькія,
Забудь, забудь, маладéцъ, на сваю старóнушку!“
— Хоть я ихъ и выпью—я пъянинякъ ня буду,
Я на сваю старонушку павѣкъ ни забуду!
У маёй старанѣ тры сады зялёныя,
Тры сады зялёныя, а ўсѣ тры вишнёвыя:
У первамъ садику яваръ зилянéнькій,
У другомъ садику яблынка кудрáвая,
А ў трэтьтямъ садику игрўша съ атрóстками.

Яваръ зилянéнькій—мой татка старўсянькій,
Яблына кудравая—мать мая стáрая,
Игруша съ атрóстками—жана мая зь дѣтками!

С. Чигиринка, Быхов. у.

Литала пáванька ў саду па садў,
Ранила пéръика ў зилянў траву.
Ни жаль жа мнѣ паваньки, ни перъя яé,
Ды жаль жа сястрыцы ў чужой старанѣ.
Якъ трудна рыбаньца у мутнай вадѣ,
Такъ маёй сястрыца ў чужой старанѣ.
Якъ трудна рыбаньца бизъ вады быть,
Такъ маёй сястрыца бизъ радьни жыть.
Якъ лягу—забуду, устану—на ўмѣ,
Што мая сястрыца у чужой старанѣ!

—

Нядóля, нядóля, нищасьтя маё:
Праклила свякрóўка имéньня маё,
Паслала маладý у Дунай па вадý.
На маё бищáстьтя пятўхъ ни пяéть,
На маё бяздóльля гусакъ ни крычыть.
Крыкну я, гўкну я, вўлкаю йдучы,
Якъ учўў мой милый, кóній пасучы:
„Чарэпай, милая, поўны вядёрки:
Я й каня напасý и вады прынясý!“
— Ды йди, миляненькій, памалюсиньку,
Ды стаўляй вадицу патихўсиньку,
Ня стукни, ня грукни, у сѣнцы йдучы,
Ни ўзбуди свякрóўку, ў камóры сплючы!
„Вотъ табѣ, свякрóўка, зъ Дунаю вада!
Напийся, памыйся съ пóўнага вядра!“
— Я шъ тваёй, нявѣстка, ни вады жадáла,
Я шъ тябé, нявѣстка, сь свѣту збаўляла!
„Ты шъ мяне, свякроўка, дѣўкаю знала,
Нашто шъ ты, свякроўка, за сына брала,
Ты шъ майгó мéньшика ни упадабала?
На гарэ рыжычыкъ, ни биляначка,
Я жъ табѣ, свякроўка, ни падданачка!
На гарэ рыжычыкъ бѣлинькій сядить,
Я жъ табѣ, свякрóўка, ня буду гадить!“

—

Часъ дамóў, часъ дамóў, часъ да хатаньки,
А ў маёй хатаньца раёчыкъ въётца,
Я прыдý дамóў—негди падѣтца:

Я ў сёсь кутъ, я ў тотъ кутъ—ўсё кій стая́ть,
Ўсё кій, ўсё кій, ўсё дубовыя,
На мае́ пле́чаньки, на здаровыя!
Ўсѣ́ тыя кіёчки паламалися,
А мае́ пле́чаньки ни бая́лися!

—

А падъ ду́бамъ, ду́бамъ, ду́бамъ зилянé́нькимъ,
Тамъ гуляли дѣўки—красныя пане́нки.
А я й маладе́нька туды́ захатѣла,
Туды́ захатѣла, дива поглядѣла!
Ды биў мянѐ татка саламя̀нный пу́жкай,
Саламянный пужкай па бѣлымъ кажу̀шку:
А я съ таго̀ бою ни пила, ни ѣла,
Ни пила, ни ѣла, нядѣлю хваре́ла!
А биў мянѐ милый дубовымъ кіёчкамъ,
Дубовымъ кіёчкамъ у вадне́й саро́цца:
А я съ таго̀ бою и пила, и ѣла,
И пила и ѣла, ни дьня́ ни хварѐла!

—

Ишла я малада̀ ми́ма рако́ю,
Вы́ламлю калинку правый рукою.
Быда̀й ты, калинка, на рукахъ зьвяла,
Я свайго́ ми́лага тры гады́ ждала,
Тры гады́, тры гады́, тры нядѣлички,
Прыѣ́хаў мой милый ниўспадѣ́вачки.

—

Бяро́за, бяро́за карани́стая,
Даў Богъ мнѣ свякро́ўку нарави́стаю.
Я жъ яе́ наравы̀ усѣ звѣ́дала,
Сабра̀ўшы сяме́йку, я й пабѣ́дала.
Хоть мой мужъ лихъ, хоть мой мужъ лихъ,
Но и я ни дабра́:
Пасла̀ла пасьте́льку и зъ другимъ спать лигла̀!

Д. Заулки, Диснен. у. Зап. отъ кр. Елис.
Степановой кр. Ст. Пилипенокъ.

Шко́да дубу зялёнаго, што за сухимъ лѣ́самъ,
Шкода маёй маладо́сьти, што за старымъ бѣ́самъ!
Ни я ўпила, ни я ўѣла, ни добра знаси́ла,
Тольки свае́ мала́ды́я лѣты патрати́ла.
Ёсь у майго́ тату́лички кони вараны́я,
Я жъ паѣ́ду даганя́ти лѣта маладыя!
Я й ко́никаў пирагна̀ла—лѣтаў ни дагна̀ла!..

Тамъ же. Почти буквально поется
въ Браславѣ Ковенск. губ.

Асо́тинка зилёная, часъ тибе́ каси́ти,
Асотинку ни скаси́ўшы, быдла ни наяду̀тца!
Иваничка мало́динькій, часъ тибе́ жани́ти,
Иваничку ни жани́ўшы, люди насмяю́тца.
Каро́мисилъ кра́шиный, чаму́ ты ня змыўся,
Иваничка мало́динькій, чаму ни жани́ўся?
Катяри́на ваду́ нисе́ть, каро́мисилъ гне́тца,
Иваничка ззáду иде́ть, слёзками ліе́тца.

—

Бара̀шачка чо́рнинькій, чо́рнинькій,
Па столику ко́титца, ко́титца,
Намъ гарѐлачки хо́читца, хочитца!
А мы барашачку мыть бу́димъ,
А мы гарѐлачку пить бу́димъ!
А мы барашачку вымыли, вымыли,
А мы гарѐлачку выпили, выпили.

Поется и во-время стрижки овецъ послѣ Николина дня.
С. Бабиничи, Витебск. у.

Хади́ў спары́шъ [1]) па по́лю а зъ вялѝкаю сямъёю.
Нихто спарыша̀ ни вузна̀ў и да хаты ни пазва́ў.
Лукашъ спарыша̀ пазна́ў и да ха́туньки пазва́ў:
„Про́ша спарыша да хаты, а мы жъ вами и рады.
А сядь, спарышъ, на ку́ти, а пи, ѣшъ, што хо́тя:
Ти горкаю гарѐлку, ти сало́дкій мёдъ!“
Пи́тя пива до́ дна, кабъ было̀ жыта ро́дна:
Што го́рачка, то ко́пачка, што лажо́чикъ, то стажо̀чикъ!
Во́ за гэтымъ жывѝ здаро́ў, мѣй многа хлѣба и сто каро́ў,
А пажыве́шъ боли, будишъ мѣть сто ко́ній.

—

Гаспады̀ня тужы́ла, што вялѝкая дружы́на,
А гаспада́ръ таму̀ радъ: сади́тися усѣ ў радъ,
Дамъ па ча́рцы гарѐлки, и сыръ на тарѐлки!
А хазяйка у лѝси нясе́ть гаре́лки у мѝси,
А жо́ны атвича́ють ды ка́шы пыта́ють:
Гаспады́нька таўста́я, ти ёсь каша густая?
Гаспадынька ўтяшку́ нясе́ть кашу ў гаршку́!

С. Замочекъ, Сѣннен. у. Обѣ поются и во время жатвы.

Ай Божа мой, Божа,—го́ра мянѐ зьѣла:
Ни адда́ў мой тату̀лька за каго̀ хатѣла.
Аддаў минѐ татка за мало́га,
Нихай за малога—и за дурно́га,
Нихай за дурно́га—и за пъяно́га!
Ни у яго ѣшки, ни ў яго адѣ́шки.

—

[1]) Спорышъ—соломина съ двумя колосами на вершинѣ стебля.

Ни сячи, мой татýлька, пры дарóзи бярóзы,
Ни пали́, мой бра̀тѝтка, у лужочку травицы [1]),
Ни бяры̀, мая̀ матýлька, у крыницы вадѝцы,
Ни щипай, мая сястры́ца, у садочку цвятóчкаў:
При дарóзи бяроза—я сама маладе́нька,
У лужочку травѝца—мая̀ руса касѝца,
У садочку цвятóчки—мае́ ясныя вóчки,
У крыницы вадѝца—мае́ дробныя [2]) слёзки!

М. Браславъ, Ковенск. губ.

А ў нидѣльку ра́нинька па зарѣ
Щабита́ла ла̀стаўка на мóри,
На бѣламъ на ка́мушку сидючи́,
Падъ крутыя бе́рижки глядючи́.
Увидила татухну идючи́:
„А та̀тухна да Бога, да Бога,
Зьними́ мянѐ съ камушка зъ билóга!“
У татухны ми́ласьти нимнóга,
Ни зьняў мяне съ камушка зъ билóга!

Пѣсня повторяется для матери, брата и сестры. Наконецъ—

Увидила ми́лага идючи́:
„А милинькій да Бога, да Бога,
Зьними мяне́ съ камушка билóга!
У милага ми̇ласьти и мнóга,
Зьняў мяне́ съ камушка билóга.

—

Шэ̀ра вути́ца рякою плыве́ть,
А мнѣ мóлади павѣсьти нясе́ть:
Капъ я ста́раму пирóхъ спикла̀
На сьтидёнай на вадицы да ишъ чóрнай мучицы.
Каланѝцаю [3]) падмазывала,
А ста́раму ѣсьть падна̀шавала.
Шэра вутица ракóю плыве́ть,
А мнѣ мóлади павѣсьти нясе́ть:
Капъ я мóлайцу пирохъ спикла̀,
Ни съ халóднаю вадѝцаю,
Да исъ пшóннаю мучи́цаю.
Саланѝнаю падмазывала,
А мóлайцу ѣсьть падна̀шавала.

—

[1]) Вар. Себеж. у.—Ни каси жъ ты, мой братитка, у лужоцку асоцку.
[2]) Ib.—трудныя. Въ остальномъ сходство почти дословное.
[3]) Колесная мазь, деготь.

А надвóрья да нира́на, да тёмнинька ночь, ночь,
Атлита̀ла галýбанька отъ галупка прочь, прочь.
„Да гдѣ будишъ, галýбанька, ночку начива̀ти?“
— Буду, буду, галубóчикъ, у зимнымъ садочку!
„Да чимъ будишъ, галубанька, бѣла вымыватца?“
— Буду, буду, галубóчикъ, раньнію расóю!
„Да чимъ будишъ, галубачка, сýха вытира́тца?“
— Буду, буду, галубóчикъ, сы̀заю крылóю!..
А надворья нира̀нинька, да тёмная ночь, ночь,
Атхади́ла Марьяначка атъ Иванки прочь, прочь.
„Да гдѣ будишъ, Марья́начка, ночку начива̀ти?“
— Буду, буду, Иваничка, ў та̀ткавымъ дамóчку!
„Да чимъ будишъ, Марья́начка, бѣла вымыватца?“
— Буду, буду, Иваничка, ключавóй вадóю!
„Да чимъ будишъ, Марьяначка, суха вытиратца?“
— Буду, буду, Иваничка, тонкимъ пала̀те́нцамъ...

—

Па мятёнай вулицы тяте́ра лятѣла,
Ни аддаў мяне́ татка, куды я хатѣла.
Хатѣла малóдинька за пи́сара-па̀на,—
Якъ пришлося мнѣ маладе́нькай за мужука-хама.
Я думала маладе́нька грóшыки личи́ти,—
Якъ пришлося мнѣ маладе́нькай пригóны служыти!

Стрижин. вол. Дрис. у. Зап. Д. Орловъ.

Праздникъ Троицы строго празднуется три дня, но и всю Троицкую или Клечальную недѣлю крестьяне чтутъ какъ и Коляды: не начинаютъ никакой новой работы, не прядутъ, не ткутъ, не вьютъ веревокъ, ничего не просверливаютъ. Кромѣ того, въ эту недѣлю нельзя городить плетней. Наканунѣ Троицына дня всѣ стараются запастись „маемъ“ и „я́веромъ“. Маемъ называются молодыя лиственныя деревца—береза, кленъ, рябина, липа—которыя вбиваютъ въ землю подъ окнами и по тропинкѣ отъ воротъ въ избу, а также украшаютъ кутъ въ хатѣ; я́веромъ называется болотное растеніе аиръ; имъ густо устилаютъ полъ въ избѣ и выметаютъ только по прошествіи трехъ дней праздника. То же дѣлается и въ сельскихъ храмахъ. По этой причинѣ праздникъ Троицы называется еще „Зеленымъ святомъ“. Къ этому празднику считается также обязательнымъ тщательно вычистить и вымести дворъ и прилегающую къ нему улицу. Въ нѣкоторыхъ приходахъ въ день Троицы хозяйки приносятъ въ церковь для освященія полевые цвѣты и травы, которые потомъ считаются цѣлебными.

Четвергъ Троицкой недѣли въ Гомельскомъ уѣздѣ называется „Сухой четвергъ“; чтобы не было лѣтомъ засухи, молодые люди, хотя бы и женатые, считаютъ долгомъ обливать въ этотъ день другъ друга водою.

Вообще же для борьбы съ засухами принимаютъ такія мѣры: сыплютъ въ колодези макъ; крадутъ у заѣзжаго горшечника горшокъ и бросаютъ его въ колодезь; убиваютъ попавшихся лягушекъ; если у кого въ огородѣ имѣется посаженный весною чеснокъ, то его необходимо вырвать и побросать въ межу; стараются также сдѣлать утопленника—утопить какое нибудь животное—щенка, котенка, или простое соломенное чучело.

Недѣля, слѣдующая за Троицкою, называется *Русальною* или Граною. Въ эту недѣлю русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ, ходятъ по землѣ и качаются на качеляхъ подъ припѣвъ: гу-та-та! гу-ля-ля!

Русалками становятся души утонувшихъ дѣвушекъ, младенцевъ, умершихъ до крещенія, выкидышей, младенцевъ незаконорожденныхъ и тѣхъ, которыхъ матери „приспятъ", то есть, кормя грудью ночью, заснутъ и задушатъ. Жилище русалокъ опредѣляется въ зависимости отъ топографическихъ условій: въ мѣстахъ, богатыхъ водою, жилищемъ ихъ считаются рѣки и озера; тамъ, гдѣ много лѣсовъ, говорятъ, что онѣ обитаютъ въ лѣсахъ. Послѣднее мнѣніе въ Бѣлоруссіи имѣетъ большее распространеніе. Бѣлоруссы представляютъ себѣ русалокъ дѣвушками, непремѣнно нагими, съ длинными распущенными волосами и съ тѣломъ земельнаго цвѣта, покрытымъ не кожею, а чѣмъ то твердымъ въ родѣ ногтей. Разсказываютъ случаи, что русалки завлекали людей, въ особенности дѣтей, въ лѣсъ и тамъ ихъ щекотали на смерть. Но бывали случаи, что люди нападали на одиночныхъ русалокъ и приводили ихъ въ деревню. Работать такія русалки все работаютъ, но молча, не говоря ни слова. Когда же черезъ годъ снова наступитъ Русальная недѣля, такая русалка вдругъ захлопаетъ въ ладоши, закричитъ: гу-та-та! гу-ля-ля! и убѣжитъ въ лѣсъ. Тогда и на конѣ ее не догонишь.

Въ эту недѣлю бѣлоруссы вообще стараются не ходить въ лѣсъ изъ опасенія встрѣчи съ русалками.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ понедѣльникъ Граной недѣли совершается обрядъ „провода русалки". Дѣвушки-участницы описываютъ этотъ обрядъ такъ:

. . . „На русалку выбирáять дѣвку мотóрную. Косы ей распустять, одéжу знимуть, на плечи тольки андаракъ ускинуть. И плятýть вянóкъ изъ васильковъ, хмелю, зóрачакъ. Вянокъ большы́й. Нибизпрымѣнно, кажная рука плятѐ: кольки дѣвокъ ѐ, тольки и вянóкъ плятýть. Надѣнуть ёй, русалцы, етый вянокъ и вядýть у жыто. И пяю́ть, и барабанять у дошки, у заслонки, и огни пàлять. Ну, прывядуть яе къ жыту и пихнýть у жыта; вянокъ знимають, андаракъ разрывають, и бягýть утикàть. А яна (голая) за ими, да ў ладки плéща!"

Краснобудск. вол.

...„На другíй день зàговинъ на Пятровку, у понидѣлокъ, повечеравши, дѣвки собирàятца на вулицы и вьють вянки и пяю́ть разныя вясновскія пѣсни. А тады выбираять одну дѣвку, расплетаять ёй косы, знимаять одéжу и надѣваять ёй вянкѝ—на головý, на шы́ю, на руки, и тагды вядуть яé у жыта и пяю́ть:

Правядóмъ русàлачку да бóру,
А сами вéрнамся да дóму,
Правядóмъ русалачку ў щирый боръ,
А сами вéрнамся къ батьку ў дворъ.

Пяють ета и скачуть. Якъ прывядýть ужэ русалку къ жы́ту, то ўсѣ дѣўки пихàють яé у жыта, сами втякàють, бягáть и крычáть: „Втякáйма, втякáйма отъ русалки!" Прыбягáть на тóя мѣста, дѣ плялѝ вянкѝ, и садятца и пяю́ть послѣдьній разъ вяснý, и скачуть. А тагды̀ расходятца по домáхъ".

М. Носовичи.

...„Правялѝ мы русалакъ на тымъ тыжню, якъ загавѣли, у панядѣлакъ. У насъ ета такъ бувая: сабярóмся у ячменя и сплятёмъ вянкѝ исъ крàсакъ, абѝ зь якихъ, а большы зъ василька. И каждая нясé свой вянóкъ къ мосту Пýгачевъ (къ условленному мѣсту). Тадѝ исъ салóми, сь сярэ̀дняга куля, зьдѣлаямъ якъ чалавѣка, унизъ калóсьсея, а ўверси камéль. Пасярóдъ паравя́жамъ пóвясамъ (у кагó é дирáвій, красный), а тадѝ павирэ̀зуимъ шыю крýгамъ, кала камлéй, тадѝ пахожа якъ галавà. На ету галавý завъя́жамъ зáвъязку и надѣнамъ чапéцъ. Зáвъязка вузломъ завъя́зана ззади и канцы̀ висять ззаду ажъ да пóвяса. Тадѝ напранóмъ юпку—кароткія армяки, що па тры хвасты̀ ззаду. И руки дѣлаямъ: вѝхватимъ зъ бакóў па жмени саломи, да абкрýтимъ хустами, да паравъя́жамъ патъ плéчы,—янѝ и стырчáть. На шы́ю хýстачку крàсьнянькаю завъя́жамъ. Андаракà ни надиваямъ, тольки хвартушокъ красьнянькій сьпераду надвя́жамъ. Саломи нидэ̀ ня видна, тольки вѝдна лицò.

На галавý кладóмъ вянóкъ исъ крàсакъ. Дѣлаямъ ми ету русалку, абѝ дэ́, ти ў дварэ́, ти ў гарóди. Дѣвакъ бувáя ти шэ́сть ти дванáдцать. Якъ зьдѣлаямъ, тадѝ кладóмъ русалку у камóры ти ў сѣнцахъ на каравати, такъ покладóмъ, щобъ нихто яé ня трóгаў, пóки стямнѣя. Тадѝ кладóмъ кажная сабѣ вянóкъ на галавý, кóсы распýсьтямъ, бярóмъ русалку падъ рýки и вядóмъ яѐ на бугоръ. Тамъ усé за руки пабярóмся, танкà навóдямъ, и яна хóдя зъ нами, а якъ сьтямнѣя, тади павядóмъ яѐ па сялý „плятьнёмъ". Дьвѣ парэ̀дьнія дѣўки станутъ и падьнѝмуть руки, а самая задьняя идѐ имъ падъ руки и вядѐ за сабой усихъ прóтчыхъ. Тади етыя нярэдьнія падьнѝмуть руки, а идуть ужэ тыя, що стаяли. Вò й плятéнь. Якъ трошки давядóмъ яé да жы́та близка, тадѝ якъ пирнýть яе сэрэдъ ниви, зъ адéжай, съ усимъ!... Тади бягáть и крычáти, адна адну лякáяти: „Втякайтя! русалка бяжы́ть, здаганя́я! якъ здагóня, задýша!"

И бягóмъ аттýль трушка, такъ у половини сяла. Тади танокъ навóдямъ „Якъ у нашыхъ Юркавичахъ шырокая вулица“..

И идомъ спати. И ужо вяснў ня гукàямъ да налѣтьтя

Вянкѝ у дѣвакъ изъ василькóў, а у русалки абú-зь-якихъ крáсакъ, тольки любúсьтику ня патрабляямъ. И жыта, тáячка, уплятàямъ.

Якъ укинути русалку у жыта, такъ яна тамъ и прападáа, бо ўся адéжа на ей пагàнаа.

Якъ вядóмъ на бугоръ, дакъ пяёмъ:

Павядў русалку изъ бору да бору,
Рана, рана, изъ бору да бору.
Изъ бору да бору, у зялёну дуброву—Рана, рана...
Ў зялёну дуброву, у ядранóя жыта,
У ядранóмъ жыти, тамъ русалцы жыти.
Рана, рана, тамъ русалцы жыти!

Пакуль давядýть да бугра, дакъ усѐ туу самуу съ конца пяёмъ, идучы плятнёмъ А то ще пяёмъ у плятень „Сула-рэка“.

Сулà, Сулà рэ́ка чаразъ мóра тяклà.
Дѣўка вóду няслà.
„Ой, дѣўка, дявица, да напой мугó канѧ́,
Ти ня бýдяшъ ты мая́!“
— Ня буду пайти, будя мянѐ мати бити,
Крапиўкаю да джыгýшкаю,
Кóлкаю да игрýшкаю!

Прывъёўшы на бугоръ, бярóмся за руки у кружокъ, и русáлку бярóмъ, и танокъ водимъ, и пяёмъ „Василька“:

Ой, Василь жа мой, василёчакъ,
Василёчакъ, василёчакъ!
Березóвый мой цвэточакъ,
Мой цвэтóчакъ, мой цвэтóчакъ!
Чàсамъ тебэ́ я садила,
Другимъ часамъ паливàла,
Трэтьтимъ часамъ сырывàла!
Сарвý тьвятóкъ, саýю вянóкъ,
Звиўшы вянокъ, пайдý ў танокъ.
А ў томъ танкý мой нялю́бій,
Мой нялюбій ў кобзу йграя.
Яго кобза лубяная,
А смичóчакъ изъ лычóчакъ.
Ягò вочки заплюснулись,
Ягò нóжки падламúлись,
Ягò ручки апусьтúлись,
Апусьтились, апусьтúлись!

Трэ̀йчы прапяёмъ, а тади вядóмъ яѐ у жыта.

С. Юрковичи, Гом. у.
Отъ кр. Вусти Хведоровой запис. мною.

Въ с. Завидовкѣ, гом. у. русалкою бываетъ одна изъ дѣвушекъ и вѣнокъ только у нея. Когда русалка гоняется за дѣвушками, тѣ стараются сорвать у ней съ головы вѣнокъ. Этимъ кончается роль русалки. При житѣ дѣвушки жгутъ костеръ и прыгаютъ черезъ него. На этомъ же кострѣ сожигаютъ и сорванный съ русалки вѣнокъ.

Въ д. Дубровкѣ того же уѣзда всѣ дѣвушки надѣваютъ вѣнки и идутъ къ житу съ слѣдующими пѣснями:

На Граной нядѣли русалки сядѣли,
Рана, рана, русалки сядѣли!
Прасúли русалки у дѣвакъ сарóчакъ,
У дѣвакъ сарочакъ, въ маладицъ намётакъ:
„Дѣвачки, сястры́чки, дайтя намъ сарóчки!
Хоть яны́ пласкóнны, щобъ були́ дадóнны,
Хоть яны таўсьтéньки, щобъ були́ бялéньки,
Рана, рана, щобъ були́ бяленьки!

—

Правядý русалку изъ бору да бору, (припѣвъ)
Изъ бору да бору ў зя́лёну дуброву,
Ў зялёну дуброву да й вярнусь да дому.
Я назадъ вярнуся, слязмú абальюся,
Рана, рана, слязми абальюся!

Подойдя къ житу, дѣвушки бросаютъ свои вѣнки въ жито какъ можно дальше, а сами поспѣшно бѣгутъ назадъ въ селеніе, чтобы русалки не догнали и не утащили въ рѣку или не защекотали до смерти. На слѣдующій день, во вторникъ, каждая дѣвушка идетъ снова къ житу, отыскиваетъ тамъ свой вѣнокъ и несетъ его на огородъ. Тамъ она разрываетъ его и осыпаетъ грядки. Отъ этого на капустѣ не бываетъ червей. Съ этого дня прекращается здѣсь пѣніе весеннихъ пѣсенъ по вечерамъ.

Іюнь.

12. День св. Онуфрія во времена уніи считался большимъ праздникомъ. Чтимыя иконы этого святого имѣются еще во многихъ бѣлорусскихъ храмахъ, но самый день уже не празднуется. Отмѣчается этотъ день тѣмъ, что съ него начинаютъ пахать землю подъ ярь и сѣять гречиху. Существуетъ поговорка: кто на Онуфрія посѣетъ гречь, тотъ будетъ блины ѣсть!

Такимъ же удачнымъ днемъ для посѣва гречихи считается и 13 іюня. Празднуемая въ этотъ день святая такъ и называется „Акулина-гречишница“.

24 іюня—день Ивана Купалы. Ночь наканунѣ этого дня—ночь вѣдьмъ. Однѣ изъ нихъ улетаютъ черезъ трубу на Лысую гору за Кіевъ (около Ржищева) и тамъ пьютъ водку и гуляютъ съ чертями и колдунами, и учатся колдовать. Другія лѣзутъ въ избы дѣлать вредъ людямъ, и въ хлѣва—отнимать у коровъ молоко. Третьи идутъ въ жито и раздѣвшись до-гола собираютъ съ него росу и тѣмъ отбираютъ себѣ урожай. При этомъ они „скидаются“ лягушками, сороками, кошками и свиньями. Чтобы предохранить себя отъ такого посѣщенія, крестьяне осыпаютъ хлѣва макомъ, на окнахъ и на воро-

тахъ хлѣвовъ вѣшаютъ колючій дѣдовникъ, проклятую осину, крапиву, Громничную свѣчу и травы, освященныя въ Троицынъ день, ставятъ у воротъ застланную скамью съ хлѣбомъ и солью, пишутъ на косякахъ дверей изображенія крестовъ дегтемъ, чтобы вѣдьмы не стерли, и т. п. Все это задерживаетъ вѣдьму при входѣ и она удаляется, не причинивъ никакого вреда; лишь съ досады кусаетъ повѣшенную Громничную свѣчу, и хозяева на утро не безъ трепета разсматриваютъ слѣды ея зубовъ. Также срываетъ скатерть со скамьи и сбрасываетъ хлѣбъ и соль. Лошадей также не выводятъ въ эту ночь на ночлегъ, потому что по землѣ бродитъ всякая погань и можетъ повредить лошадямъ. Кромѣ того, лошадями могутъ воспользоваться вѣдьмы, чтобы отвезти на нихъ домой отобранное молоко. Когда вѣдьма лѣзетъ во дворъ, обыкновенно подъ подворотню, хозяинъ легко можетъ ее увидѣть. Для этого надо сдѣлать изъ осиновыхъ однолѣтнихъ прутьевъ борону, поставить ее при стѣнѣ и спрятаться за нею. Тогда хозяинъ увидитъ вѣдьму, а она его не можетъ увидѣть за осиновой бороной. Бить вѣдьму нужно тоже осиновымъ коломъ и бить до крови, но только однимъ ударомъ. Если ударить вѣдьму нѣсколько разъ, тогда первая рана заживетъ и удары уже не причинятъ ей никакого вреда.

Во многихъ мѣстахъ наканунѣ Купалы крестьяне собираютъ извѣстныя травы и хранятъ ихъ въ теченіе цѣлаго года. Такія травы называются Ивановскими и считаются цѣлебными, но собирать ихъ должны только „старые и малые“. Средніе же—„ни ў канцу вѣка, ни пры началу“, и трава ихъ не имѣетъ цѣлебной силы. Въ иныхъ приходахъ собранныя травы даже освящаются въ церкви 24 іюня.

Существуетъ и извѣстная легенда о цвѣткѣ папоротника, но ему придается другое значеніе: обладатель цвѣтка дѣлается невидимымъ; цвѣтокъ отпираетъ и снова запираетъ замки, такъ что при желаніи владѣлецъ цвѣтка можетъ брать что угодно и откуда угодно.

Не такъ давно молодежь въ ночь на Купалу дѣлала изъ соломы чучело Мары̀ и съ пѣснями несла его за околицу, раскладывала тамъ большой костеръ изъ соломы, гнилушекъ, всякаго лома, хвороста и сожигала на кострѣ Мару́. Когда Мара̀ догорала, присутствующіе прыгали черезъ огонь и пѣли пѣсни. Попов. вол., Гом. у.

Въ Покалюбичской волости Мару или Купалу (чучело) надѣваютъ на высокій шестъ и несутъ къ водѣ. Тамъ ее сбрасываютъ съ шеста въ воду.

Въ Сѣнненскомъ уѣздѣ „у ве́чира пиридъ Иванымъ дѣўки хо́дю̂тъ у траву „у братъ-сястру“. Такая мода атъ старыхъ людей, спрадъ-вѣку“. При этомъ поется пѣсня № 1 Бѣлор. Сб. II, 276.

На Йвана Купала!
У вы Йвана у варо́т̂икыхъ,
Шэ́сьт̂ира ко́никыў запрэ́жыныхъ и т. д.

Приносятъ собранную траву съ пѣснями домой и когда пастухъ пригонитъ стадо, часть травы даютъ коровамъ съ вечера, часть оставляютъ для нихъ на утро, а остальную разбрасываютъ по хлѣву. На ночь вѣшаютъ на ворота хлѣва борону,—„кабъ вѣдьма у пат̂ёмкахъ прабйлася, якъ бу́дит̂ь лѣзьт̂ь къ каровамъ малако́ адбират̂ь“,—Громничную свѣчку, косу—„кабъ абрэ́зылася“, иголку и дѣдовникъ—„кабъ пакало́лыся“. Конюхи́ на ночлегъ не ѣздятъ, а если гдѣ и поѣдутъ, то привязываютъ „жеребковъ“ къ своей будкѣ,—иначе вѣдьмы завладѣютъ ими и поѣдутъ на нихъ молоко отбирать, а отобравши повезутъ его домой и совсѣмъ замучатъ за ночь.

„Но́ччы дѣўки, ма̀льцы, мущыны маладэ́я и маладу́хи сабираютца у жытную зьмѣну, на вы̀гынъ и пилную̂ть тамъ вѣ́дьмаў, раскла-да̀ють т̂япло, играю̂ть, скачу̂ть, пьют̂ь гарэ́лку, крыча́ть, *пужаютъ атъ дярэуни вѣдьмау*“.

По пути къ житу поютъ пѣсни.

Утромъ даютъ коровамъ траву „братъ и сестра“ и пересыпаютъ улицу „мя́леньнемъ“ отъ льна или отъ пеньки, которые мялись въ Чистый четвергъ. Чья корова при выгонѣ въ поле будетъ перепрыгивать чрезъ мялье или остановится около него, начнетъ его нюхать, разгребать копытами, бодать, и ревѣть, то это считается вѣрнымъ доказательствомъ, что ея хозяйка вѣдьма.

Предъ вечеромъ дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, а на слѣдующій день идутъ смотрѣть, въ какую сторону ихъ вѣнки отплыли. Туда имъ и замужъ придется идти.

Д. Чудьки.

Въ с. Озеранахъ рогачевскаго уѣзда дѣвки и хлопцы собираются на то мѣсто, гдѣ будутъ костеръ класть, по заходѣ солнца. Приносятъ старыя корыта, поломанныя колеса, „мо́жа, съ пло́ту палѣ́на зьнимут̂ь“ и раскладаютъ костеръ. Потомъ садятся вокругъ него и поютъ пѣсни:

Пашлѝ дѣўки у лѣсъ па я̀гады,
Дѣўки дѣўку згубили...
Купала на Йвана,
Дѣ ты сягоньни ночь начава̀ла...
Ай на гарэ̀ цыгани стая́ли...
А чый жа то лёнъ да ня по́ланый...
Разарвѝт̂я маё т̂ѣла
Ўсё па мелкихъ па кускахъ...
Што Иванъ ро́бит̂ь?
— Косы клёпит̂ь!... и другія, напечатанныя въ Бѣлор. Сборн. вып. II, стр. 277—279.

Пропѣвши пѣсни съ припѣвомъ „Купала на Ивана!“—встаютъ, берутся за руки и, расхаживая вокругъ огня, по дорогѣ и по улицѣ, поютъ пѣсни безъ этого припѣва. „Якъ уси пѣсни пирапяю̂ть, тагды одно съ однымъ начнуть ба̀лаватца“.

Потомъ одна изъ дѣвушекъ идетъ въ село, беретъ на первомъ попавшемся дворѣ соху и приноситъ ее къ костру. Здѣсь всѣ присутствующіе берутся за соху, кто за обжи, кто за рогачъ, и начина-

ютъ опахивать кругомъ селеніе,—такимъ образомъ, чтобы правая рука пашущихъ всегда была въ сторону деревни. Огня при этомъ не несутъ, пѣсенъ не поютъ, но смѣяться и „гомонить“ можно. Понятно, что опахиваніе производится не непрерывной бороздой, а только урывками: „дѣ шкрабануть, дѣ нѣ. Нѣшта яны навалакуть?“ Опахавши такъ селеніе, подходятъ къ тому же костру, съ котораго начали опахиваніе. Одна изъ дѣвушекъ относитъ соху на тотъ дворъ, съ котораго она взята. Послѣ этого дѣвушки расходятся по своимъ дворамъ и приносятъ оттуда вѣнки, сдѣланные въ этотъ день (23 іюня) изъ бѣлыхъ круглыхъ тютюпановъ, изъ дробненькаго бѣленькаго купала, дивобрата, синихъ звонковъ, синей смолянки и др. Когда вѣнки будутъ принесены, присутствующіе раздѣляются на двѣ партіи и становятся по обѣ стороны костра, лицомъ къ огню. Къ дѣвушкамъ присоединяются и хлопцы. Начинается перекидываніе вѣнковъ надъ огнемъ отъ одной партіи къ другой. Если брошенный вѣнокъ схватитъ дѣвушка, она бросаетъ его снова обратно; если же вѣнокъ схватитъ хлопецъ, онъ обязанъ его разорвать. Такъ перекидываютъ вѣнки до тѣхъ поръ, пока хлопцы поразрываютъ всѣ вѣнки.

Послѣ этого, кто хочетъ, прыгаютъ черезъ костеръ. „Тагды дѣўки гуворать одна на'дну: „дѣўки, ходемтя думоў!“ И на хлопцуў: „ходемтя думоў!“ Тяпло затушуть, головешки закопають и идуть думоў. А ўжэ день...“

Отъ кр. Сырохвея Михайлова запис. мною.

Въ дер. Ивановкѣ Гом. у. „скрозь ночъ агни кладуть кружка сяла, празъ цѣлаю ночь, пакуля станя зара займатца. И ў каробку стукають, и крычать, и пѣсьни пяють. Дакъ вѣдьмы баятца“.

Въ Сѣнн. у. дѣвки и мальцы катаютъ катокъ (колесо) по улицѣ. „А празъ гэта вѣдьмы мучутца“.

Въ Чериковскомъ уѣздѣ еще имѣются любопытные, которые уходятъ ночью въ лѣсъ и ложатся тамъ въ папоротникѣ, въ надеждѣ, что въ полночь папоротникъ расцвѣтетъ и тогда можно будетъ сорвать цвѣтокъ, чтобы постоянно носить его съ собою.

Въ Левковичахъ Быховскаго у. „мужыки (мужчины) усю ночъ сьтирагуть жыта, штобъ ни прайшли вѣдьмы и ни сарвали кольки каласкоў. Тагды жыта пирастаня рось.“

Рвутъ траву „Купалу“ и вторкиваютъ въ щели въ хатѣ. Чья травинка не завянетъ за ночь, тотъ въ этомъ году будетъ здоровъ, а чья завянетъ, тотъ или умретъ или хворать будетъ.

Самымъ удобнымъ временемъ для начала покоса считается ночь на Купалу, и хорошіе хозяева обязательно пройдутъ одинъ-два покоса въ эту ночь.

Въ Батуни Быховскаго у. первыми приходятъ къ мѣсту костра дѣвушки. По пути онѣ зовутъ другъ друга и несутъ каждая по ношкѣ дровъ. На мѣстѣ дрова сваливаютъ въ безформенную кучу и зажигаютъ. Дѣвушки садятся и начинаютъ пѣть. По окончаніи празднества, дѣвушки бросаютъ въ догорающій костеръ куделю, чтобы былъ урожай на лёнъ.—При возвращеніи домой дѣвушки убѣгаютъ впередъ и прячутся въ банѣ. Здѣсь онѣ прядутъ лѣвой рукой ленъ и выпряденными нитками перепутываютъ улицы отъ одной стороны къ другой. Когда настухъ погонитъ по улицѣ скотъ, въ этихъ ниткахъ запутывается корова вѣдьмы, отнимающей молоко.

Въ другихъ деревняхъ этого уѣзда нитка прядется въ Чистый четвергъ.

Въ то время, когда женщины въ этотъ четвергъ мнутъ ленъ, чтобы собрать кострику для открытія вѣдьмы, сами вѣдьмы тоже мнутъ ленъ въ этотъ день, до восхода солнца и голыми, и кострику сыплютъ на улицѣ. Молоко первой коровы, которая пройдетъ по вѣдьминой кострикѣ 24 іюня, переходитъ къ вѣдьмѣ.

Послѣ того какъ женщины помнутъ ленъ въ Чистый четвергъ, мальцы берутъ изъ бани мялицу и обносятъ ее до восхода солнца вокругъ деревни. Отъ этого деревенскія дѣвушки не будутъ выходить замужъ въ чужія деревни, а повыходятъ за своихъ мальцевъ.

Д. Коцни.

Въ восточныхъ уѣздахъ Витебской губерніи въ ночь на Купалу хозяйки обкуриваютъ въ хлѣвахъ домашній скотъ Ивановскою травою и зажигаютъ Громничную свѣчу, чтобы вѣдьма не отняла молока, которое, какъ извѣстно, около этого времени дѣйствительно начинаетъ убывать.

Молодежь зажигаетъ костры на дорогахъ или на полѣ около ржи, прыгаетъ черезъ огонь и поетъ пѣсни. Хватаютъ изъ костра головешки, бросаютъ ихъ въ рожь и кричатъ:

Не йди, вѣдьма, ў маё жыта!
Я вѣдьму карчаўнёю, галаўнёю.

Специальными кушаньями въ Ивановъ день считаютъ постные сочни-лепешки и кулага (см. выше, стр. 34). Къ этому дню приурочена и пѣсня:

„Кулага, кулага, идѣ ты бувала?“
— Бувала, бувала ў Мильляньки на дварэ,
У Мильляньки на дварэ, у Ганульки ў рукавѣ!
„Кулага, кулага, што жъ ты тамъ видала?“
— Видала, видала—мисачка биленька,
Мисачка биленька, лыжычка чисьтенька!

Раннимъ утромъ 23 іюня дѣвушки и молодухи цѣлыми толпами отправляются въ луга, поля и лѣса за Ивановскими цвѣтами и травами. Во время собиранія цвѣтовъ и травъ обязательно пѣть Купальскія пѣсни, въ противномъ случаѣ травы не будутъ имѣть цѣ-

лебной силы даже и по освящении ихъ въ церкви. Каждая женщина старается набрать цвѣтовъ и травъ какъ можно больше, цѣлые снопы, причемъ предпочитаются травы: Иванъ и Марья, золототысячникъ, подстрѣлъ, росичка, купальникъ, звѣробой, центаврія, междуперстникъ, чистотѣлъ, повилица, Божій хмелекъ, Богородицыны слезки, заячья цыбулька, мокрица, а также аиръ, тростникъ и колосья ржи; онѣ обладаютъ наибольшею цѣлебною силою. Принесенныя въ домъ, травы ставятся въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующаго дня, а затѣмъ, 24 іюня приносятся въ церковь и освящаются. Послѣ освященія онѣ сохраняются въ „божницѣ“ и употребляются въ теченіе года при разныхъ болѣзняхъ—чарахъ, дурномъ глазѣ, напущеніяхъ и мн. др. Ихъ употребляютъ даже для предотвращенія громовыхъ ударовъ. Если кто заболѣетъ, хозяйка беретъ изъ божницы горсть Ивановской травы, разводитъ уголья на заслонкѣ или въ черепкѣ, молится Богу и святому Ивану и обкуриваетъ больного. Ивановскою травою обкуриваютъ также скотъ предъ выпускомъ его послѣ зимы въ первый разъ въ поле, 23 апрѣля, а также при заболѣваніи, прекращеніи у коровъ молока, при появленіи крови въ молокѣ, затруднительномъ растелѣ, когда овцы начинаютъ вертѣться и т. п. Этою же травою окуриваютъ домъ, хлѣва, амбары и другія строенія въ томъ случаѣ, если въ домѣ побываетъ человѣкъ съ дурнымъ глазомъ или вѣдьма, колдунъ. Когда наступаетъ гроза, хозяйка выгребаетъ изъ печи горячіе угли на загнѐть и сжигаетъ на нихъ горсть Ивановской травы. Послѣ этого по вѣрованію крестьянъ громовой ударъ не разразится надъ домомъ. Въ ночь предъ Иваномъ, вѣдьмы, колдуны и нечистая сила выходятъ изъ своихъ трущобъ и охраняютъ клады, посѣщаютъ скотные дворы, на которыхъ отбираютъ молоко; забираются въ помѣщенія молочныхъ скоповъ,—ледники, погреба,—снимаютъ тамъ сливки и сметану, отчего молоко дѣлается рѣдкимъ, залѣзаютъ въ амбары и дѣлаютъ хлѣбъ неспорымъ; дѣлаютъ на хлѣбныхъ поляхъ заломы, чтобы у жницъ ломило ноги, спины и руки, а у тѣхъ, кто будетъ ѣсть хлѣбъ съ такой нивы, дѣлались корчи; дѣлаютъ прожины, чтобы хлѣбъ былъ не умолотенъ и т. д. Многіе хозяева берутъ у причта воду, которою освящаются эти травы и окропляютъ ею свои нивы. Относительно добыванія цвѣтка папоротника здѣсь существуетъ требованіе, чтобы ночующій въ лѣсу любитель былъ непремѣнно голый—иначе цвѣтокъ не дастся въ руки.

Изъ множества Купальныхъ пѣсенъ привожу здѣсь нѣкоторыя.

Могилевская губ.

Ишла Купала сялóмъ, сялóмъ—
Купала на Йвана!
Закрыўшы вочы пярóмъ, пярóмъ!
Стали люди дивитися,
Стала Купала сварытися:
„Якія вы люди диўныя, диўныя!
Я жъ бачыла надьдиўнѣй тагó:
А ў балóти на калóди, на калóди,

Тамъ висна красна крóсны ткала,
А ракъ-нибаракъ цэўки сучыў,
Цэўки сучыў пянькóвыя,
На красéнцы шаўкóвыя.
А плóтачка скача, нитóчки вяжа,
А камаръ пищить, ваду тащить,
А мядьвѣдь рыкая, дрóвы рубая,
А муха варуха абѣдъ вара,
А мышка на палицы крупки дярэ,
А кошачка ў лукóшаццы пачы-
[начки ўе,
И ва ўсёй хатцы парáдакъ идé!

—

Кагó нѣту на вячэры,
Лиха на яго кишки, на пячэни!
Рыгóрка пяшкóмъ ни выхóдить—
Купала на Йвана!
А на кóнику выя́жжаить,
Кабъ яго дѣўка любила,
А теща пахвалила,
Теща хвалила, пирогъ дала,
Дѣўка хвалила, замужъ пашла...
Купала на Ивана!

—

Падъ дубамъ, падъ дубóчкамъ,
Тамъ сядѣла галубачка,
Залатая галóвачка.
Туды бъ ишóў Аляксѣйка,
Узяў тую галубачку
И падсадиў падъ шáпачку,
И панёсъ да тáтачки:
„Цазволь, тата, жанитися
Изъ éстаю галубкаю!“
— Ты щэ мóладъ, ня ў рóзуми!
„Татачка мой родьнинькій!
Якъ мóладъ ажанюся,
Боли рóзуму набярýся!
Купала на Йвана!

—

Ва'рóхавомъ кусьти
Сяргѣйка каня пасé,
А дѣвачка ваду нясé.
„Ты дѣвачка, ягадачка,
Напой майгó каня,
Майго каня варанóга,
Мяне парня маладóга!“
— А Сяргѣйка маладéнькій.
Пачомъ жа ты мяне знáишъ,
Што ягадкай называишъ:
Ти я ў лѣси радилася,
Ти на'блóзи зацвитáла
Ти на мяжэ дасьпивáла?
Радилася я ў тáтачки,
Гадавáлась у мáмачки,
А табѣ, малайцу, застáлася.

—

Закурыўся тихій дрóбинъ дóж-
[джыкъ
Да па чыстаму полю,
Зажурыўся мой татачка родный
Да па маёй горкай доли!
— Ни курыся, тихій дробинъ
[дожджыкъ,
Да па чыстаму полю,
Ни журыся, мой татачка родный,
Да па маёй гóркай доли:
Кали буду я Богу угóдна,
Дакъ ня буду галóдна!
Кали буду я у Бога щасна,
Я й ня буду нищасна!

Д. Коцни. Отъ Лукерьи Яковлевой.

—

Да и ў лузи па бéрагу
Тамъ мой татка вячéрая,
Завé мяне вячéрати.
А я жъ ужó вячéрала,
Да гóркаю малиначку,
Салóдкаю калиначку.
— Ни ўгадала, маё дитя,
Што горкая, што салóдкая:
Салодкая малиначка,
А горкая калиначка!

—

„А идѣ жъ ты, Купала, зиму-
[вала?“
— Зимувала я ў крыницы,
А лѣтавать буду на вулицы,

Зъ малады́ми рабя́тами,
Съ красными диўча́тами,
Съ палкавы́ми салдатами!
С. Хоново.

—

Купала Ивана на игру звала:
„Ой, хади́, Ивана, на Купала!
Сьпяёмъ табѣ тры пѣсяньки:
Первую сьпяёмъ—Бога ўспамя-
[нёмъ,
Другую сьпяёмъ—Прачы́стаю,
Трэтьтяю ўспамянёмъ вѣдьму
[праклятаю:
Кабъ па по́ли ни лята́ла,
Ядро́нага жыта ни ламàла,
У карбо́ў малакà ня'тбирала!
Кабъ па вулицы ня лята́ла,
Малыхъ дѣтакъ ня ўракàла!

—

У чы́стамъ поли па загуме́ньни
Хо́дя голубъ изъ галуби́цаю:
У голуба сизая галава́,
А галубица уся такавà!
Якъ уба́чыў да хадяинъ сь ти-
[рама́:
„Кабъ жа маѝ хадѝичка такавà,
А я жъ бы ёй и паловы [1]) змало́ў,
Я жъ бы ёй и вячэрать звары́ў,
Я жъ бы ёй и дѣтачакъ пакарми́ў!
С. Чигиринка.

—

Туманъ, туманъ па дали́ни,
По́рахъ, по́рахъ па даро́зи.
„Хто той по́рахъ парассы́паў?"
— Стралцы́, байцы́, ўсё Кура́-
[каўцы (деревня).
„Кагò жъ яны застрэ́лили?"
— Забили кошку у лукошку,
Кошку ў лукошку съ катиня́т-
[ками,
Мышъ у клѣти зъ мышаня́тками!..

Туманъ, туманъ па дали́ни,
По́рахъ, по́рахъ па даро́зи.
„Хто тэй порахъ парассы́паў?"
— Стралцы, байцы, ўсё Сыр-
[щàни (деревня).
„Каго́ жъ яны́ застрэ́лили?"
— Забили лося и ў гаро́си,
Лося ў гароси зъ ласиня́тками,
Мядьвѣдицу ў лѣси зъ мидьви-
[диня́тками.
Д. Сыркъ, Рогачев. у.
Отъ Марьи Самсоновой зап. мною.

—

У Купа́лачки три дачки́ —
Купала на Йвана!
Адна дачу́шка бѣла—румяна,
А другая тонка—висо́ка,
Трэ́тьтя дачу́шка тоўста-гарба́та.
Бѣла-румяна пирямы́итца,
А тонка-висока пирялóмитца,
Тоўста-гарба́та бу́дить бага́та!
Купала на Йвана!

—

У Иваньки въ варо́тикахъ
Тройка ко́ній запрэ́жына, 2
Паѣдити жани́тися.
Удо́ўку вязу́ть, коники ирзу́ть,
Дѣти пла́чуть, ѣсьти хо́чуть,
Ади́нъ ка́жыть: тата, папы!
Другій ка́ить: тата, хлѣба!
Трэтьтій кàить: и мнѣ трэба!
У Иваньки въ варо́тикахъ
Тро́я ко́никаў запрэ́жына, 2
Паѣдити жани́тися.
Дѣўку вязу́ть, ко́ники рзуть.
Музы́ки йграють, дѣўки гуля́ють!
Купала на Йвана!

—

[1]) Невѣянный хлѣбъ, бывшій здѣсь во всеобщемъ употребленіи при крѣпостномъ правѣ.

Идѣ жъ ты, Купала, ночь начивàла:
Ти зь Мики́тымъ падъ кары́тымъ,
Ти сь Тимо́шкымъ падъ луко́шкымъ?
— Ни зь Микитымъ падъ кары́тымъ,
Ни сь Тимо́шкымъ падъ луко́шкымъ, —
Начивàла но́чку на зилёнамъ лужочку?
„Што жъ ты, Купала, ды вячéрила?"
— А вячерила рыбку съ пéрцамъ,
Рыбку съ перцамъ, кашку съ алéйцамъ,
А варéньнички съ чорнымъ мàкымъ!

—

Ясь на вайну́ паѣхаў, Ясь Марусю паки́нуў,—
Пріѣхаў къ Марусиньки да казакъ малады́й.
Марусинька уснула, Ясь пріѣхаў—ни чула.
„Марусинька, ду́шынька, хто ў тя́бé ў камо́ры?"
— Хто у мянé ў камо́ры?—а тамъ стàрицъ убогій,
А тамъ старицъ убо́гій, ёнъ бязру́кій, бязно́гій!
Вялю̀ стàрца падари́ть и съ камо́ры вы́править,
На ga̋начку ста́нить, на коника ся́дить,
Шапачку зьни́мить, на конику сьви́сьнить,
Саижджа́ить сы дварà: „Бывай, Маша, здаро́ва!"
Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

Минская губернія.

Якъ у нашамъ у го́раду праяви́лася ди́ва,
Праявилася дива—удо́вушка малада.
Паради́ла удавà да трохъ сыно́ў сакало́ў, 2
Парадѝўшы ина, на тихъ Дунай отнислà:
„Эй ты, тихинькій Дунай, калышы́ маи́хъ сыно́ў,
А ты щука рыбина, ты гаду́й маи́хъ сыноў,
Ты гаду́й маихъ сыноў да дванадцати гадо́ў!"
Ни хадила удава дванадцать годъ па вадỳ,
На трынадцатый годъ пашлà ўдавà па ваду́.
Ўдава вади́цу бярéть, карàбъ къ бéрыжку плывéть.
Што бъ у томъ-жа караблѝ тры бѣлянькихъ малайцы̀:
Ади́нъ вясéльцамъ грабéть, другій пѣсянки пяéть,
Трэтій сяди́ть на далу́, свáтаитца за ўдаву:
„Ўдо́вушка малада, а ти любишъ ты мянé?
А ти любишъ ты мяне, да ти по́йдишъ за мянé?
— А я тябé ни люблю, ды й за тябé ни пайдỳ,
Я за тябé ни пайдỳ, сваю̀ до́чаръ выдаю!
Да ў суботу сватали, а ў нядѣлю звиньчàли,
А ў нядѣлю звиньчали, ў панядѣлакъ спать клали.

Пытаитца дяти́на: атку́ль ро́дамъ дяўчы́на?
— Изъ Кіява папо́ўна, па батюшку Иванаўна!
Пытаитца дяўчына: аткуль ро́дамъ дятина?
— Изъ Кіява папо́вичъ, па батюшку Иванавичъ!
„Багда̀й папы̀ прапали, што сь сястрою звиньчали!
Багдай мати прапа̀ла, што сь сястрою спать клала!
Якъ Богъ мяне́ засьтярёгъ, што сь сястрою спать ня лёгъ!
-- По́йдимъ, сястра, у лажо́къ, утопимся съ табо́ю!
Вада̀ кажыть: ни прыму! Вална́ кажыть: выкину!
— По́йдимъ, сястра, ў тёмный лѣсъ, да ськи́нимся траво́ю.
Мы травою такою, што бра̀тынька сь сястро́ю.
На Ивана ра̀нинька пры́дуть дѣўки травы рвать,
Прыдуть дѣўки травы рвать, будуть пѣсянки сьпива̀ть,
Будуть пѣсянки сьпивать, насъ съ табо́ю паминать:
А во̀ тая травица, што братынька й сястры́ца!
На бра́тыньку жоўтый цвѣтъ, на сястры́цы си́няныкій.

М. Заславль. Ср. Бѣл. Сб.
вып. 1, стр. 13.

Виленская губернія.

Пирадъ Пятро́мъ пятымъ дьнёмъ
Разгуляўся Юраў конь,
Разбиў каминь капыто́мъ.
У ка́мяни агня̀ нѣтъ,
У ма́льчакаў праўды нѣтъ.
Пирадъ Пятро́мъ пятымъ дьнёмъ
Разгуляўся Юраў конь,
Разби́ў арэ́хъ капыто́мъ.
А ў ва рэ́шку ядро ёсьть,
А ў дѣвачакъ праўда ёсьть!
Ваша, ма́льчыки, нядо́ля:
Гани́тя кошакъ у по́ля!
Усѣ кошки шэ́рыя,
Адна кошка падла́са,
Й тая мальцамъ пакра́са.

—

Сяго́ньня Иванъ, заўтра Янъ,
Бу́дить лиха, мальцы, вамъ!
Бу́дить лиха лихо́я —
Паго́нитя ко́шакъ у по́ля:
„А псикъ, а псикъ, ко́шачки,
Павадира́ли во́чачки!
Кабъ ни нашы дѣвачки,
Дыкъ вы́драли бъ зрэ́начки!“
Дѣўки ко́шакъ дайли,
Ма́льцамъ во́чы гайли.

—

Якъ я ў зёлачки пашла̀,
Я шъ сабѣ журбу̀ нашла,
Свёкарку зласьли́вага,
Свякро́ўку дудли́ваю,
Ми́лага журли́вага,
Дитя́тку плакли́вага!

—

Дѣўки зёл-а-ки зьбирали,
Ды зьбирали, ни знали,
Ды да’хвицэ́ра [1]) пасла́ли.
Ахвицэ́ръ ни разпазна́ў,
Да’хвицэ́рахъ [2]) атасла́ў.
Ахвицэ́раха спазна́ла:
„Гета шъ купъ-купе́на,
Дяво́цкая ружува́ньня,
Мальцо́ўская каха́ньня!

Д. Заулки. Нѣкоторыя помѣщены въ вып. VII Б. Сб. 28—29.

[1]) Вар. м. Краснаго: Да пана Купала паслали.
[2]) Да пани Купалки паслали.

Сяди́ть Купала на пло́ти,
У яго̀ галбу́ка у зло́ти,
Про́ся у Бога паго́ды:
Дай жа, Божа, паго́ды,
Ня сяго́дьняшнію но́чучку вя-
[сёлую, —
Гдѣ музы́ки играють,
Гдѣ дѣвачки сьпива́ють.

М. Красное, Вилейск. у.

Витебская губернія.

Чарво́ная рожа, ня стой пры даро́зи,
Ня стой пры дарози—хто йде́ть, тотъ лыма́ить,
Дяды̀ йдуть—лыма́ють сабѣ ны баро́ды,
Бабы йдуть—лыма́ють сабѣ ны памёлы,
Дѣўки йдуть—лыма́ють сабѣ ны вяночки,
Мальцы йдуть—лымають сабѣ ны кіёчки.

—

Кымани́ца зилина́я, малади́ца малада́я,
Чаму̀ ня йде́шъ на вулицу на шыроку?
— Якъ жа мнѣ йти на вулицу на шыроку —
Свёкарь ка́жыть: мядьвѣдица!
Свякро́ва ка́жыть: пахму́рница!
Девирь ка́жыть: щикату́ха!
Залбу́ки ка́жуть: зиляну́ха!
Мужы́къ ка́жыть: жана маа̀, душа маа̀:
Ня ўмѣла ты атказа́ти:
Мядьвѣдица ў тёмнымъ лѣси,
Пахмурница—тёмная ночка,
Щикату́ха—сарбка ў лазѣ,
Зиляну́ха—трыва̀ ў лугахъ.

Д, Синицы, Вит. у.

Ай ву́лица, вулица, шыро́кыя,
А травушка, травушка, зялёныя!
Хто шъ ета такъ вулицу вымита́ў,
Хто шъ ета такъ траўку вы́-
[тыптаў?
Тыпта́ли пане́нки бушмычка́ми,
А ў ихъ косы прычо́саны,
Грабёнычкими прыто́ркыны!

(А парни поютъ):

Ай вулица, вулица, шыро́кыя,
А травушка, травушка, зялёныя!
Хто шъ ету траўку вы́тыптау?
А тыптали ма́льцы ато́пкыми:
За ато́пкыми ячмень расьте́ть,
А зы кыса́ми гниды то́чуть!

С. Поддубье, Вит. у.

—

Марья Ивана на вулицу звала:
„По́йдимъ, Иванъ, кыла жыта,
Кыла жыта, глядѣть жыта:
Чіё жыта, идряни́ста, кыласи́ста?“
— Микишкина жыта идряни́ста,
[кыласиста:
Пара̀ яму̀ пи́ва вари́ть,
Пива варить, сына жани́ть,
Гарэ́лку гнать, дачку̀ 'ддава́ть!

—

А хто жъ у насъ ни жынатъ
[ходить?
— Сяменька ў насъ ни жынатъ
[ходить:
Ёнъ браў хмялёкъ у сьвятый дя-
[нёкъ,
Саладиў соладъ на пиреклити,
Мыў катлы на синимъ мори,
Сушыў бочки на соўнушки.
Доля яго нищасныя:
Козы, воўцы хмель паѣли,
Куры, гуси солыдъ паклювали,
Моря катлы патапила,
Соўнцымъ бочки пыщапила!

—

На Йвана рана соўнца играла,
Красавица ваду брала,
Рызмахнула, пычарпнула,
Сама млада утанула.
Ни родныя мамка йщить:
„Мнѣ ни жалка дочки, што ўта-
[нула,
Тольки жалка злата-серибра:
Дачка была и будить,
Злата-серибра ни будить!“
На Йвана рана соўнца играла,
Красавица ваду брала,
Рызмахнула, пычарпнула,
Сама млада утанула.
Родная мамка дочки йщить:
„Мнѣ ни жалка злата-серибра,
Тольки жалка дочки, што ўтанула.
Злата-серибра было й будить,
А дочки ня будить.

Д. Синицы.

—

У гароди бярёзычка,
На бярёзи зязюличка,
Такъ кукуить, быть гаворить:
Сьвякровухна за люлиньку,
Нявѣстухна за пивыньку!

—

Купалинка, ночь малинька,
Тёмная ночка, гдѣ твая дочка?
— Мая дочка у садочку,
Рожу полить, бѣлы ручки колить,
Цвяточки рветь, вяночки ўеть.
Усимъ дѣўкамъ па вяночку,
А мальчыкамъ па цвяточку,
Старымъ дидамъ па кiечку,
А старушкамъ па чепчику,
Маладушкамъ па хустачки.

—

На нашый вулицы три уроды
[урадилась:
Першыя урода—баббвыя пуза,
Другая урода—вязовыи ноги,
Трэтiя урода—шаўковыи кудры.
А ў нашыга Йваньки баббвыя
[пуза,
У нашыга Грыгорки вязовыи
[ноги,
У нашыга Петрычка шаўковыи
[кудры.
Баббвыя пуза куры раздзюўбали,
Вязовыи ноги козы абглыдали,
Шаўковыи кудры дѣўки разчы-
[сали.

Д. Дерваги, Вит. у. Отъ кр. Зиновiи Алексѣевой запис. Е. Соколовская.

—

Купалинка, ночь малинька!
Купалася двѣ сястрицы, двѣ родниньких,
Купалися, гаварили: ўмѣсьти расли, розна зайшли!
Купалинка, ночь малинька!
Купалася три нивѣстки, три нивѣстки,
Купалися, гаварили: розна расли, ўмѣста зайшли.

—

А на Йвана сонца йграла.
Красная дѣўка ваду брала,
Биря ваду, утанула.
Ходить, йщить лиха мачиха:
Ни жаль-жа мнѣ таго дитя,
А жаль-жа мнѣ тонкага платьтя.
А на Йвана сонца йграла.
Красная дѣўка ваду брала,
Биря ваду, утанула,
Ходить, ищить родная мамка:
Ни жаль-жа мнѣ тонкага платьтя,
А жаль-жа мнѣ таго дитя.

—

Ли дароги, ли шурокiй,
Стайть шатёръ мулюваный,
А ў тымъ шатрэ шаўцы-краўцы,
Шыють шубку Аляксѣйку,
Шоўкамъ шыють, сукномъ кры-
[ють.

—

Дымъ па полю дымуитца,
Пылъ па дароги пылуитца,
Князь Ляксѣйка ваюитца.
За имъ паслы па два, па три:
„Вярнись, вярнись, князь Ляк-
[сѣйка:
Твая жына сына радила!“
— Я ли сына ни вярнуся:
Мой сынокъ—дваровый гасьтёкъ!
Дымъ па полю дымуитца и. т. д.
„Вярнись, вярнись, князь Ляк-
[сѣйка:
Твая жына дочку радила!“
— Я ли дочки я вярнуся:
Мая дочка—дальнiя гостья!

—

Я ў пятинку садъ садила,
Я ў суботку паливала,
Я ў нидѣльку защипала,
Защипаўшы, вянокъ звила,
Звиўшы вянокъ, пашла ў танокъ.
За мной идѣть мой нялюбый:
Ёнъ на минѣ глянить,
Ва мнѣ серца ныить,
Мой вяночикъ вянить!
Я ў пятинку садъ садила,
Я ў суботку паливала,
Я ў нидѣльку защипала,
Защипаўшы, вянокъ звила,
Звиўшы вянокъ, пашла ў танокъ.
За мной идѣть мой милинькiй:
Ёнъ на мине глянить,
Маё серца радасьнѣить,
Мой вяночикъ зилянѣить.

—

Якъ падъ гаимъ зялёниньким,
А тамъ дѣўка лянокъ брала,
Биря лянокъ, гаварила:
„Зимелинька ты чорная!
Нашто ўзила маю мамухну
[старинькую?
Вазьми минѣ маладенькую!“
— Дуракъ дѣўка,ниразумная!
Ўзяўшы тибѣ,—ты гнить будишъ,
Долю даўшы—ты жыть будишъ!

—

А хто-жъ у насъ ни жанатый,
[барадатый?
— Аликсандра ни жанатый, ба-
[радатый!
Доля яго нищасная,
Дѣўка яго ни красная!
Нихай доля пащаснѣить,
Нихай дѣўка пакраснѣить.

—

„Ты вулица шурокая,
Ты мурава зялёная!
Хто жъ тибѣ, вулка,
Стаптаў, схадиў?“
— Стаптали минѣ красныи дѣў-
[ки Бабиницкiи!
„А чимъ жа яны таптали?“
— Башмачками казловыми,
Панчошками бялёвыми,
Падвясками шаўковыми!

—

А хто шъ у насъ да дѣвакъ ласъ:
Курѐй крадить,
Падъ печъ сбдить,
Съ-надъ печки бирѐть,
Дѣўкамъ даѐть:
Курки рябки, дѣўки гладки!

—

„А хто у насъ стрилѐцъ, баѐцъ?"
— Сиргѣйка ў насъ стрилецъ,
[баецъ:
Забиў сарбку сярѐдъ току,
Надраў сала откуль яйцы клала,
Надраў лою падъ нагбю!

Бабиничская вол., Вит. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

—

Ны гарѣ купаросъ росъ,
Тамъ цортъ мальцыў
Зы хахблъ трѐсъ.
Пришли дѣвыцки глядѣть,
Ти харашо мальцыў
Цортъ трясѐть.

—

Пайду млыда па вулицы,
Буду искать дѣвыкъ, жоныкъ.
Ни знышла я дѣвыкъ, жбныкъ,
Только знышла мужукбў кыра-
[гбдъ.
Завўть мянѐ съ сабой гулять.
Ни пайду я зъ вамъ гулять:
Воръ ны гарѣ и мужъ у дварѣ,
Мужъ у дварѣ и грыза ў клѣти,
Грыза ў клѣти рямѐнныя.

—

Мидуница мидавая,
Мыладица мылыдая,
Цамў ня йдешь на вулицу?
Якъ жа мнѣ йтить на вулицу:
Бѣла пайтить, скажуть—курва!
Цбрна пайтить, скажуть—дўрна!
Свёкыръ кажыть: мядьвѣдица!
Свякрбва кажыть: щикатўха!
Залоўка кажыть: зилянўха!
Девирь кажыть: пахмўрница!
Мой мужъ кажыть:
Жына мыя милая!
Ня ўмѣла ты атказывыть:
Мядьвѣдица ў тёмнымъ лѣси,
Щикатўха—сарбка ў лузи
Зилянўха—траўка, мураўка,
Пахмурница—грозныя тўча!

(Почти буквально поется и
въ Витебскомъ уѣздѣ).

—

Збря мыя, зырянычка!
Узуйди рана, пастбй пбзна,
Пакуля я убярўся,
Убяруся, умятўся:
Дворъ умятў салбмыю,
Столъ зыстялю рагбжыю,
Купки нальлю ключавбй вадбй.
Будуть ка мнѣ два гбсьсики ня-
[любыи:
Первый госьсикъ лютый свёкыръ,
А другая госьсья лютыя свякрбва!
Збря мыя, зырянычка!
Узуйди рана, пастой позна,
Пакуля я убяруся,
Убяруся и ўмятўся:
Дворъ умяту мятёлушкый,
Столъ зыстялю скатиртiю.
Купки нальлю зилянымъ виномъ.
Будуть ка мнѣ два гбсьсики
[любыи:
Первый госьсикъ рбнный татка,
А другая госьсья рбнныя мамка.

—

Царвбнныя Рожа и жолта, пругбжа.
Рожу мамка била, на вулку ни пусьсила:
„Ня йди, курва, на вулку, ня стой съ Кузьмомъ пбплицъ,
Ни дывай Кузьмѣ руцку, ни миняйся на пѐрсьни!"

— Сястрицы-дявўльки, сходитя вы къ Рожы,
Скажытя вы Рожы: Кузьмы дома нѣту!
Паѣхыў Кузёмка ў новый гырадбцыкъ,
Таргй тургувати и пярьсни зыкупати,
Пярьсни зыкупати, дѣвыкъ дурувати (даровать).
Прибраўся Кузёмка ў дявбцкыя платьтя.
Вышла Рожа на вулку, стала съ Кузьмомъ пбплицъ,
Дыла Кузьмѣ руцку, пуминялысь ны пѐрьсни.
Рожу мамка клицыть.
Аткликнўлыся Рожа ў канцы цыстыга поля:
А жжы мянѐ, мамка, у третьтiй гадбцыкъ,
У третьтiй гадбцыкъ съ краснымъ яѐцкымъ,
И зъ бѣлинькимъ сырцымъ,
И зъ малинькимъ сынцымъ.

—

Купала, Купала, семъ мальцыў прыпала,
А на тоя мѣста семъ дѣвыкъ васкресла!
Зы стянбю кымяннбю прыржаў кбня варбнинькiй:
Дыстаўся я ни хызяину:
Стбила маё ня мѐтина, морда мыя ня мўздына,
Грива мыя ня цѐсына, спина мыя ня сёдлына!
Зы стяною кымяннбю прыржаў коня варониькiй:
Дыстаўся я хызяину:
Стбила маё падмѐтина, морда мыя замўздына,
Грива мыя пацѐсына и спина мыя засѣдлына!

С. Будница, Велижскаго уѣзда.
Отъ кр. Домны Мухиной зап. Ѳ. Т. Филипповъ.

Здѣсь, кромѣ костра, парни въ эту ночь жгутъ старое колесо, облитое смолою, или бочку изъ-подъ дегтя, высоко поднявъ ихъ на жердяхъ.

—

Сягбньни Купала, а заўтри Ясь,
Пагбнють мальцы кбшыкъ пасъ.
Кошки на ёлки скакали,
Мальцы на кбшыкъ брихали:
„Лѣзьтя, кошки, далбўки,
Намъ нада итй дамбўки.
Будимъ васъ, кошки, дайть,
Будимъ дѣвыкъ кармить!"

—

„Купалинка, тёмная ночка,
А гдѣ твая дочка?
— Мая дочка у садочку,
У садочку гряды пблить,
Рожу щиплить, вянбчки ўеть.
Вяночки звиўшы, ны галбўку
[кладѐть.
Ны галбўку ўсклаўшы, на вулку
[идѐть.
А на дѣўки вянбкъ вянить,
У маладца сѐрца ныить.

С. Казаково, Вел. у.

—

Кругло̀ маё по́ля, кругло̀, нивяли́ка,
Кругло̀, нивялика, на ёмъ я́гыдъ мно́га.
Пайду̀, пугуля́ю, ягыдъ пубира́ю, —
И спѣлыхъ, и здрѣлыхъ жыляпу́шыкъ бѣлыхъ.
Пайду̀, пугуляю, ягодъ пубираю:
Спѣлки ў рукаво́цыкъ, здрѣлки ў кишанёцыкъ.
А жыляпу́шки у пя́стку.
Я спѣлыи та̀тки, а здрѣлыи ма̀мки.
Жыляпу́шки свёкру, цвято́цки свякро́ўки:
„Ѣшъ, татка, жывися, ѣшъ мамка, сытися,
Ѣшъ, свёкырь, дави́ся!

—

Иванъ мыладе́нькій, ня стой ныдъ рякбю,
Ни мыха́й рукою, ня бы́ть зы таббю,
Ня быть зы таббю, ня слыть мнѣ жанбю!
Калѝ хошъ минѐ ўзя́ти,
Сулѝ маймў татки, прасѝ маю мамку.
Сули майму татки карбўку бурёшку,
Аве́цку кысма́шку, а козку даёшку,
А козку даёшку, кыня̀ исъ павбскый,
Семъ рублей ны винецъ, тагда свадьби кане́цъ.

—

Выйду за варбты, ударю ў ладони!
Званы̀ зашумѣли, серьги забризча̀ли,
Серьги забризчали, кра̀ли заблюща̀ли!
Свёкырь улякну́ўся, татка усмяхну́ўся.
„Ни ўлика̀йся, свёкырь, ня ты минѐ вы́дыў,
Ни свякрова сурижа̀ла:
Вы́дыў мине татка, сурижала мамка,
Зъ быга̀тыга двбру, зъ висбкыга те́риму!“

С. Узкое, Вел. у. Зап. Т. Модзалевская.

Дубравушка зилина́я,
Чаво̀ рана зашумѣла?
— А якъ жа мнѣ ня шумѣти:
Буёнъ витёръ павива̀ить
Мокрый дожжыкъ палива̀ить!
Маладая дяўчбнычка,
Чаво жалка запла̀кыла?
— Я якъ жа мнѣ ня плакати:
Были́ сваты далёкіи, багатыи,
А ў суботу зъ гарѣлычкай,
А ў нядѣльку за дѣвачкай.

—

Василёчки баравы́и, зиляны́и,
Гдѣ вы раслѝ, гдѣ вы цвялѝ?
— А мы расли при дбжжыку,
А мы цвялѝ при сбўнику!
Маладая дяўчы̀начка,
Гдѣ ты расла̀, рбзумъ мѣла?
— А я расла у батюшки,
Розумъ мѣла у матушки,
А я расла—куха́лася,
А мальчи́шычки даста̀лася!

—

Мила̀ я дворъ мятёлачкай,
А я стану, паслу́хаю,
Што батька пра мянѐ гавбрить:
Адда́мъ дачкѣ каня̀ варанбва
Варанова—маладбва.
Мила я дворъ мятёлачкай,
А я стану, паслухаю,
Што пра мяне́ мати гавбрить:
— Я адда̀мъ дачкѣ сундукъ но-
[вый,
Сундукъ новый, акува̀ный,
Акуваный, малива̀ный,
Маливаный, гутува̀ный.

—

У баркў, барку па виряскў
Лижа̀ть брўсійка тясбвыи.
Ийшла̀, прайшла дяўчбнычка,
За ей ззаду мальчи́шычка:
— „Пастбй, пастбй, дяўчбнычка,
А я табѣ нѣшта скажў:
Што на Рбжтва рошъ зацвила̀.
— А нипра̀ўда, мальчишычка:
Я тамка была, цвяткѝ рва́ла,
Цвятки рвала, вянбкъ плила̀!
У барку, барку па виряскў
Ляжы́ть брўсійка тясбвыи.
Ийшбў, прайшбў мальчишычка,
За имъ ззаду дяўчбнычка:
„Пастбй, пастбй, мальчишычка,
А я табѣ нѣшта скажў:
А што на Питра быў марбсъ,
А быў марбсъ—Дунай замёрсъ!“
Ай нипраўда, дяўчбнычка:
Я й тамка быў, каня́ пайу́,
Коня пайў, вядрбмъ нали́ў,
Вядромъ налиў, бо́тамъ праламйў.

—

Чиризъ боръ зялёниинькій
Бяжы́ть коникъ варбниинькій,
За тымъ канёмъ пагбнъ бяжы́ть,
Малбдинькій Миха̀лачка,
На пяре́йму Улья́начка:
„Ульяначка, душа мая̀!
Пиряйми́ майво̀ каня̀,
Каня̀ майво̀ варанбва,
Мяне́ князя маладбва,
Майво̀ каня пига́тава,
Мяне́ князя бага́тава!“
— Я бы рада пириня́ть,
Ате́цъ-мати ни виля́ть!
„Ульяночка, душа мая̀!
Ты ня бойся никаво̀,
Апрѝчь Гбспада Бога,
Ды мяне́, князя маладбва!“

С. Мишневичи, Городок. у.
Запис. учит. П. Василевъ.

—

Иванъ мыладе̇нькій, ня стой надъ рякбю,
Ня стой надъ рякбю, ня махай рукою:
Ня быть за таббю, ня слыть тваёй жаною.
Кали хоть мине̇ ўзяти,
Схади къ маймў татки, спраси́ ў маёй мамки,
Тады буду за табою, буду слыть тваёй жанбю:
Буду пасте́льку слати, буду рубашки шыти,
Тане́ньки, биле́ньки, па пупъ карате̇ньки,
Съ краснымъ варатбчкамъ, съ касы́мъ каўнярбчкамъ.

—

Купальня, тёмная ночка, дѣ тва̀я дбчка?
У садбчку на задбчку лѣхи пблить, рўки кблить,
Лѣхи папалбла, руки пакалбла.

—

Сягодьни Купалка, заўтра Иванъ,
Ай, будить лиха, мальцы, вамъ!
Будить вамъ лиха лихоя:
Пагонитя кошыкъ у поля.
Кошки на елку скакали,
Мальцы на кошыкъ брыхали:
„Лѣзьти-тка, кошки, далоў,
Пагонимъ васъ, кошки, дамоў!"
Будуть дѣўки кошыкъ дайть,
Будуть мальцамъ кашу варыть,
Будуть дѣўки мальцаў кармить!

—

Скакали сароки съ колу на колъ,
Кабы нашымъ мальцамъ скулья ў хахолъ!
На гарэ-горки росъ купаросъ,
Кабы нашымъ мальцамъ скулья ў носъ!
На гарэ дубья падгарэла,
Кабы нашыхъ мальцоў пазгалѣла!
На гарэ дубья прыжывала,
Кабы нашыхъ дѣвакъ прыбывала!

С. Хвошно, Городок. у.
Зап. Е. А. Бѣлинская.

„А рўтанька-мятанька,
Чирвонная рожанька,
А гдѣ тибе пасадити:
Ти ў гароди на ляхѣ,
Ти ў капусьти ў баразьнѣ?"
— Гдѣ хочитя—садитя,
Тольки мине палитя,
Усё раньнію расою,
Вичернію зарёю!
„Ты, диўчонка маладая,
А гдѣ тибе пасадити:
Ти ў татухны за столомъ,
Ти ў свёкарки на кутѣ?"
— Гдѣ хочитя—садитя,
Тольки мине дарытя,
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ
Кўжэльными рушничками!

С. Долосцы, Себ. у.
Зап. кр. Кузьма Моисеевъ.

—

На святога Ивана
Дѣўка траву ирвала.
Святый Иванъ пакараў,
Ручки, ножки па'тламаў,
У балота пакидаў!
„Святый Иванъ, ни карай,
Ручки, ножки ни ламай,
У балота ни кидай!
Я Ивану пакарюсь,
Ниска ў ножки пакланюсь!"

—

Иванькина мамка ўсю ночку ни спала,
Ўсю ночку ни спала, ў Петри ключи крала,
Зёмлю размакала, расу выпускала.
Раса мидавая луги приўтапила,
Трава шалкавая луги приўкрасила.

—

Якъ на Йвана, на Яна, дѣўки траву рвали,
Дѣўки траву рвали, у Ивана патали:
„Иванъ, Иванъ, старый дѣдъ, а што ета за трава?"
— Ета трава Купальня, дявоцкая гуляньня.
Дявоцкая гуляньня, мальцава сухата!
Мальцы сохнуть, сохнуть, нихай яны здохнуть.

—

Чирвоная рожа, жбутый цвѣтъ!
Ни палюбють мальцы, пайду ў свѣтъ:
Ни съ ахвотай—зъ няволи:
Ни цалуюць хлопцы даволи!

—

Чирвоная рожа, ни стой ля дарозѣ,
Ни клонь галавою за мной сиратою:
Ў мине сиратинки ни родьнинькій татка,
Ни родьнинькій татка, ни родная мамка:
Позна спать кладеть и ранинька пабужаить:
Ранинька пабужаить, малоть пасылаить:
„Устань, маё дитя нялюбая!
Умыйся слязою, утрися рукавомъ,
Иди у йстопачку, мяли сыроя жыта,
Сыроя жыта и ярую пшаничку мякка на мучичку!"
Чирвоная рожа, стой ля дарозѣ,
Клонь галавою за мной маладою:
У мине родьнинькій татка и родная мамка,
Рана спатьки кладеть и позна пабужаить:
„Устань, мая дитя любая, устань дарагая!
Умыйся бѣлинька, утрися сушынька,
Иди на гуляньня!"

—

„Зилёнинькій винаградъ,
Чимъ удаўся на пагглядъ,
Ды дѣ тибе пасадити:
Ти ў гароди на ляхѣ,
Ти ў капусьти ў баразьнѣ?"
— Дѣ хочитя, пасадитя,
Тольки мине палитя
Вичерьнію зарёю, раньнію расою!
„Ды маладая Алёнка,
Дѣ тибе пасадити:
Ти ў татухнѣ за столомъ,
Ти ў свёкаркѣ на кутѣ?
— Дѣ хочитя, пасадитя,
Тольки мине падаритя,—
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ,
Малодинькимъ жынишкомъ!

Д. Ильино, Долосчан. в. Себеж. у.
Зап. кр-не Зах. Никитинъ и Ив. Кипріановъ.
Ср. Бѣл. Сб. VII, 29.

—

Иваньская но́чка тёмна, нивяли́чка,
Чирвоная рожа зе́лина, пругожа.
Иванъ-да-Марья на гары́ расьте́ть,
А ўнизу ў купельни змяю́ха паўзе́ть.
Иванъ-Марья заву́ть: хади́тя, жо́нычки,
У купе́льню сидѣть, трёхъ зьмяёў стяре́чь!
Якъ первая зьмія́—зало́мъ заламàла,
А другая зьмія́ каро́ў заклинала,
А третьтія зьмія пражы́нъ пражынàла,
Пражынъ пражынала, споръ въ хлѣби зьминьща́ла.
А хто йде́ть на купе́льню сядѣть,
Ста́ня той бярёзыю,
Хто жъ ня йдетъ на купельню сядѣть—
Станя той кало́дыю!
Абве́й яё павили́цыю, накры́й яѐ макры́цыю!

—

Хади́ў ежыкъ на вулицы--рана,
[рана!
Ды зваў дѣвакъ къ купельни-
[цы—р. р.
Бабы, дѣўки, по́йдимъ въ по́ля!
У дѣвачыкъ свая́ воля,
Маладѝца жъ горатни́ца:
Иди, свёкру далажы́ся,
У свякро́вы папрасися!
Сяди́ть свёкарь на паку́ти,
Дивярёчки па засто́льямъ,
А залбу́ки па камо́рамъ,
А мой милый въ палажо̀чку,
А дитя́тка ў карабо́чку.
Паку́ль мо́лада зьбирàлась,
Купѐлинка минавàлась.
А хто ня быў на купе́льни,
Той кало́да дубовая,
А хто быў на купельни,
Той ли́пинка кудрявая!

—

Иванъ-да-Марья, на гарѣ купальня,
На гарѣ купальня, падъ гаро́й Пятро́ў день.
Дѣ Иванъ купаўся, тамъ бе́ригъ зыбаўся,
Дѣ Марья купалась, мо́ря вылнавàлась.
Ивàныва мати па беришку хо́дить,
Па беришку хо́дить, рубашычку но́сить,
Тонку пылатьня́ну, шо́ўкымъ вышывàну.
Иваныва мати ўсю ночку ни спàла,
Ўсю ночку ни спала, ў Питрà ключи крала,
Зямлю̀ размыкала, расу́ выпускала.

—

Яня, Яня, што дѣлаишъ? 2
— Божа моцный, дирвàнъ дяру! 2
Яня, Яня, на што дирванъ? 2
— Божа моцный, ячмень сѣить. 2
Яня, Яня, на што ячмень? 2
— Божа моцный, пива варить! 2
Яня, Яня, на што пива? 2
— Божа моцный, сыно́ў женить! 2

Себежскій у. Запис. непрем. членъ
крест. присут. П. Ѳ. Альхимовичъ.

Да выйду, выйду на ву́лачку,
Да ўдàру, ўдàру ў ладо́пачки,
Ти зво́нки, зво́нки пярсьтёначки?
Кали звонки—гэты будуть,
А ня зво́нки—татка купить!
Якъ зачу́ла свякро́вачка:
„Ня би, нявѣста, ладоначакъ,
Ни ламàй, нявѣста, пярсьтё-
[нычкаў!“
— А што табѣ, свякроўка, да
[тагò?
Ня ты мнѣ ладонки гадавàла,
Ня твой сынъ пярсьтёнки мнѣ
[спраўля́ў!
Гадава́ў ладонки мой тату́лька,
Гадава́ў мой ро́дьниинькій,
Спраўля́ў пярсьтёнки мой брà-
[титка,
Спраўляў мнѣ мой ро́дьниинькій,
Ахъ, у вяли́кимъ жа го́ради,
Прысла́ў наси́ти мнѣ мо́лади!

—

Ишла Купалка сяло́мъ, сяло́мъ,
Казала дѣўкамъ: чало́мъ, чало́мъ!
Дѣўки Купалку ни узнали,
Купалку у хатку ни пазвàли.
Тольки адна̀ Матру́нка спазнàла,
Купалку у хатку пазвàла:
А ў яѐ пива навáрына,
А ў яѐ мёду нацэ̀жына!

—

Пры даро́зи, пры шуро́кай
Дьвѣ дѣвачки лёнъ ирвали.
Ишло туды два мало́йчыки,
Два удàлыхъ:
„Богъ у по́мачь, дьвѣ дѣвачки!“
Багàтая замо́ўчыла,
А худо́бычка прамо́лвила.
Пашли̇̀ яны, гукаючы,
Сами сабѣ даражáючы:
„Ни бяры́, братицъ, бага́таю,
А бяры́, братицъ, худо́бычку:
Багатая дужа гордая,
А худо́бычка дужа ўда́лая!“
Худобычку стали сватати,
А багатая стала пла́кати:
„Паду́шачки маѐ пухо́выя,
Ти вами го́ры раўнава́ти?
Прасты́ньки маѐ бялёвыя,
Ти вами лясы́ апина́ти?
Убру́сы мао́ шаўко́выя,
Ти вами мёжы высьтилàти?
Рушникѝ мае́ бялёвыя,
Ти вами лѣсъ абвизàти?
Карàльки мае́ дарагія,
Ти вами ко́ній папу́тати?
Пярсьтёнки мае́ залаты́я,
Ти вами ко́ній падкава́ти?“...
(Поется и во время уборки льна).

—

А ў но́виинькамъ калодизьку
Два дварани́ны ко́ній пайли,
А дьвѣ дяўчы́ны ваду́ брали.
Два дварани́ны уклани́лися,
Багатая дѣўка усьмяхну́лася,
А бѣдная склани́лася.
Бѣдную яны̀ съ сабо́й взяли,
А багатая застàлася:
„А бѣль мая́, бѣлинькая,
Гдѣ мнѣ тябе́ падивàти:
Ти на ўбогихъ па'тдавати?
Рушнички мае́ тониинькія,
Гдѣ жъ мнѣ васъ падѣти:
Ти даро́жки паслàти?
Пярсьтёнки мае́ залаты́я,
А гдѣ мнѣ васъ падивати:
Ти на пруточки паўзьдивàти?“

Лепельскій у. Зап. В. Гутовскій,
Ѳ. Соколовскій, Барковъ.

—

На моры вутка купалася,
На биражо́чку сушы́лася.
Наша дѣвачка спужалася,
Што яе́ дары ни прàдины,
А хоть прадины, ды ни тка́ны,
А хоть тканы, ды ни бялёны,
А хоть бялёны, ды ни кàчаны,

А хоть качаны, ды ня шыты,
А хоть шыты, ды ни дарбны,
А хоть дарбны, ды ни скланёны.

—

Чирызъ гару тры сьтёжачки,
А тамъ ишли тры дѣвачки:
Адна ишла у зблати,
А другая у серыбры,
Трэтьтяя йшла у ваксамити.
Што ў зблати—то Йваничку,
Што ў серабры—то Миколку,
Што ў ваксамити—то Пётрычку.
А Иванькина грбшы лічить,
Микблкава листочки пишыть,
Пётрычкина рассалаить.

—

Иванъ, Иванъ, братицъ мой:
Гарыть прбваръ твой!
А вы, дѣвачки, тушытя,
Кубками ваду наситя!

А у кубкахъ вада ёсьть,
А ў дѣвачкахъ праўда ёсьть.
Иванъ, Иванъ, братицъ мой:
Гарыть прбваръ твой!
А вы, мальчыки, тушытя,
Рэшатамъ ваду насйтя!
А ў рэшати вады нѣтъ,
А ў мальчыкаў праўды нѣтъ!

—

Ишла Купалка сялбмъ, сялбмъ,
Закрыўшы вочы пярбмъ, пярбмъ.
Дѣўки Купалку ни назнали,
На вулицу гулять ни пазвали.
„Хади, Купалка, на вулицу!"
—Гуляйтя, дѣўки, мнѣ нѣколи:
Мнѣ трэба жыта пильнавать,
Трэба карбў вартавать:
Кабъ змія жыта ни ламала,
У карбў малбки ни збирала!

—

А за гарбдамъ загарбжанымъ,
А тамъ цвитбчки пасбжаны:
Адинъ цвитбкъ—мята багата,
Другій цвитокъ—рожа прыгбжа,
Трэтьтій цвитокъ—рута крўта,
Чатьвёртый цвитокъ—крапива лянива.
А хто багатый—пильнуй мяты,
А хто прыгбжый—пильнуй рожы,
А хто крўтый—пильнуй рўты,
А хто лянивый—пильнуй крапивы,
А хто тиляпень—пильнуй калапёнь!

—

Хбдить чижыкъ па вўлицы,
Завёть дѣвакъ у Купалу:
„Идитя, дѣўки, у Купалу,—
Вамъ, дѣвачки, свая вбля!"
А малодачкамъ нима вбли:
Кипить гаршбкъ на прыпичку,
Бурчить свёкаръ у запичку!

—

Да за гумномъ у ельничку
Тры ластаўки щибитали.
Ни ластаўки щибитали,
Тры ятрбўки размаўляли:
Што рбзна расьли, а ўместа [сышли!

—

У чистамъ пбли зялёный лугъ никбшаный,
На тымъ лугу стадо кбній варанёнькихъ.
Якъ узышла тёмна туча грамавая,
Разагнала стада кбній варанёнькихъ.
Да ни жаль мнѣ стада коній варанёнькихъ,
Да тольки жаль мнѣ каня палавбга:
Ёнъ гўбкай мбра вады выпиваить,
Ёнъ вочками на неби звёзды паличить,
Ёнъ вушками далёкая войска пачўить,
Ёнъ капыткàми бѣлы камни разбйваить.

М. Браславъ, Ковенской губ.

—

29 іюня—праздникъ Петра и Павла. Петровскій постъ—Петровка—въ Могилевской губерніи соблюдается такъ же, какъ и остальные, кромѣ окатоличеннаго Сѣнненскаго уѣзда, гдѣ въ Петровскій постъ ѣдятъ съ молокомъ. Соблюдается постъ въ сѣверныхъ и восточныхъ уѣздахъ Витебской губерніи, но уже въ Витебскомъ существуетъ легенда, что Христосъ повелѣлъ постить предъ Петромъ двѣнадцать дней, по числу своихъ апостоловъ, почему здѣсь и постятъ не всю Петровку, а только послѣдніе 12 дней. Какъ и въ великій постъ, въ первый день Петровки надо пить водку. Тогда коровы будутъ молочныя. Это называется „брыксы". Если Петровъ день придется въ среду или пятницу, то разговѣнье переносится на слѣдующій день. Въ такихъ случаяхъ въ Гомельскомъ уѣздѣ говорятъ, что Павелъ отнялъ корову у Петра, такъ что у Петра нѣтъ ни молока, ни сыра, и нечѣмъ разговляться.

Въ этотъ день пастуховъ одаряютъ молокомъ, большею частью, простоквашей, и сыромъ.

Въ этотъ же день женщины и дѣвушки „кумятся". Собственно, дѣвушки кумятся на Троицу, а совмѣстно съ хлопцами на Петра. Но въ Чериковскомъ уѣздѣ наоборотъ: съ мужчинами на Троицу, а однѣ на Петра. Вотъ почему Духовскія пѣсни такъ сближаются съ Петровскими. Кумованье уже потеряло свой обрядовый характеръ. Лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ селеніяхъ продолжаютъ еще ходить въ лѣсъ и тамъ свиваютъ вѣнкомъ двѣ сосѣднихъ вѣтки березы или вѣтки двухъ сосѣднихъ березъ. Загадываніе заключается въ томъ, увянутъ ли эти завитыя вѣтки или останутся свѣжими, когда чрезъ недѣлю придутъ ихъ развивать. Предметы загадыванія самые обыденные: буду ли жива? выйду ли замужъ? и т. п. Обыкновенно же кумованье представляетъ видъ пирушки, причемъ женщины и дѣвушки пируютъ тамъ, гдѣ завивались вѣнки, а совмѣстныя пирушки хлопцевъ и дѣвушекъ устраиваются въ той избѣ, гдѣ зимой происходили супрядки, посидѣнки Въ лѣсу раскладываются костры,

устраиваются качели, танцы; приготовляется, обязательно, яичница; приносятся блины, водка. Если на эту женскую пирушку явятся мужчины, женщины срываютъ у нихъ шапки и бросаютъ въ костры. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Могилевской губерніи (напр. Носовичская волость) еще бытуетъ борьба дѣвушекъ съ хлопцами въ этотъ день.

Кумованье въ хатѣ совершается въ такомъ порядкѣ. Вечеромъ на Петра дѣвушки приносятъ квартирной хозяйкѣ сыръ, масло, молоко, яйца, сало, муку на блины. Хозяйка съ одной изъ дѣвушекъ стряпаетъ, а остальныя поютъ пѣсни и танцуютъ подъ припѣвки. Хлопцы приносятъ водку, и танцы дѣлаются оживленнѣе. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ приглашается и музыка, и происходитъ, такимъ образомъ, полное игрище. Танцы продолжаются всю короткую ночь и молодежь расходится по домамъ уже утромъ на другой день.

Существуетъ особый циклъ кумовскихъ пѣсенъ, называемыхъ также Духовскими и Петровскими, но надо сказать, что въ послѣднее время сюда ворвались пѣсни заимствованныя, въ которыхъ бѣлоруссамъ нравится не столько текстъ, сколько ритмъ. Нѣсколько изъ нихъ приводится въ числѣ печатаемыхъ ниже.

Кумилися двѣ кумичаньки,
  А трэ́тяя нѣ, —
Прасилася, малилася:
  Прымитя мянѐ!
Якъ пóйдитя у зѣлянъ садъ,
  Завитя мянѐ!
Якъ бýдитя вы цвятóчки ирвать,
  Сарвитя и мнѣ!
Якъ будитя вянóчки вить,
  Савитя и мнѣ!
Якъ бýдитя на Дунай пускать,
  Пусьтитя и мой!
Уси вянкѝ павярхý плывуть,
  А мой на дно пáў,
Уси дружки са вóйны йдуть,
  А мой тамъ прапáў.

—

А у мостъ, у мостъ шоўкъ трава расьтѐ,
Шоўкъ трава расьте, жоўты крáсачки,
Жоўты красачки, ўсё нагóдачки,
Нашы дѣвачки сваявóлачки:
Идѣ мёдъ чуюць, тамъ и начуюць,
А гдѣ гарэ́лачку, тамъ и нядѣлячку,
А дѣ пьють салóдкій мёдъ,
Тамъ и круглый годъ.

Кормян. вол., Рогач. у.
Отъ Марьи Самсоновой запис. мною

—

Мы пайдёмъ, дѣвычки, вы луги-лужóчки,
Вы луги-лужочки, зывивáть вянóчки.
Мы завъёмъ вянóчки на ўси святóчки,
На ўси святочки, на ўси празьнички,
На Духаўскія, на Пятрóўскія.

Ни радуйся, дýбья-я́синья,
Радуйся, бѣлыя бярёза:
Идуть къ вамъ дѣўки красныя,
Дѣўки красныя, косы русыя,
Гарэ́лка гóрькыя, скрипка звóнкыя.

—

На лугахъ трава пыталóчина,
Съ карэ́никамъ пывалóчина.
Вы дѣвычки нáшы, ўсё зыгáды вашы:
Пашли у калину, нылама́ли малины!
Ни бýдить калина сылажэ́й малины,
Ни бýдить свякрова лýччи рóдный матки,
Ни скáжыть слова якъ свайму дитя́ти.

М. Монастырщина, Мстисл. у.

—

Бѣлинькій малóйчикъ коника сидлáить,
Красныя дяўчóнка въ aкнò пыглидáить,
Въ акно пыглидáить, мылыйцá пытаить:
„Бѣлинькій малойчикъ, куды ты паѣдишъ?“
— Далёка паѣду, няскóра пріѣду,
Няскора пріѣду, жанитца буду!
— „Ни дай табѣ Божа ни щасьтя, ни доли,
Ни щасьтя, ни дóли, ни ў пóли, ни ў дóми,
Ни ў дѣтяхъ, ни ў лѣтяхъ,
Ни ў жанѣ сыгласья́.

С. Соино, Мстисл. у.

—

Пайдёмъ, дѣвычки, мы ў лугѝ гулять —
  Хвалю Бога, Духа Святóга!
Мы ў лугѝ гулять, вянкóў зывивáть —
  Хвалю Бога, Духа Святóга!
Мы завъёмъ вянкѝ на ўсѣ святкѝ,
На ўсѣ святкѝ, на ўсѣ празьнички,
На Духаўскія, на Пятрóўскія.
А што Духъ-Тройца, то субóръ дѣўкамъ,
А што Илья святый, то разгонъ дѣўкамъ:
Разыгнàў дѣвыкъ па чистымъ палямъ,
Па чисты́мъ паля́мъ, на густы́мъ жытáмъ.
А ў лугахъ трава пыталóчина,
Пыталочина, изъ коренья пывыварóчина!
Якъ пышла трава къ Богу ны жáлыбу:
„Ахъ, Божа нашъ, рассуди ты насъ
Съ красными дѣўкыми, мыладýшкыми!“

— Ахъ, тибѣ, трава, ў засѣду пыра,
А краснымъ дѣўкымъ да вѣку гульня —
Хвалю Бога, Духа Святога!

С. Ослянка, Мстисл. у. Запис. П. С. Судиловскій.

—

Пытáлыся мати у дóни:
„Чагò, дóня, дарóшка натбрина?"
— Маминька, ваўки сѣры хадили,
Дарóжычки нытарили!
„Чаго, доня, варóтики скрипѣли?"
— Маминька, буйны вятры шубувáли,
Воротики калыхáли!
„Доня мыя, чаго хóртики брихáли?"
— Маминька, сусѣди па вулицы хадили!
„Чаго, доня, акóшычки бризкатáли?"
— Маминька, ета я котика пускала!
„Доня мыя, чаго крывáтушка скрипѣла?"
— Маминька, я съ падрýшкыми сидѣла!
„Доня мыя, чаго сыяничикъ узимáўся?"
— Маминька, партныя шыли—сузили!
„Чаго, доня, хвартушóчикъ падымáўся?"
— Маминька, ву крухмали ни удаўся!
„Чаго, доня, ты ў клѣти кричала?"
— Маминька, ета я дитятку ныражáла!
Маминька, ета табѣ навýка:
Калышы майгò сына, свайгó ўнука!

Ослянская вол. Мстисл. у.

—

Улица мая шырокая,
Бясѣда мая нивясёлая,
Па табѣ хажў, ня выхажу,
Па сабѣ дружка ня выбяру,
А хоть выбяру, дыкъ стáрага,
А ни стáрага—дыкъ мáлага.
А старый ляжыть—ни павéрнитца,
А малый бяжыть ни савѣтуитца.
А свёкаръ глядить ды сéрдитца,
Свякрýха-мати тольки свáритца!

—

Ахъ, зачимъ мянѐ замужъ вы-[дали
За нямилага мужа пъяницу,
Мужа пъяницу—прапóйцу!
А выйду я на вулицу,
Ды гляну я на сусѣдушакъ:
Чужыя жоны наскáчутца,
А я маладá наплачуся:
Прыдить вéчиръ—пасьтéль [сьтялю,
Съ пъянымъ мужынькóмъ
У пасьтéль кладýсь.
Ёнъ атвéрнитца къ сьтинѣ [вóчками,
Къ сьтинѣ вочками, ка мнѣ [плéчками.

Быхов. у. Зап. М. Онуфріевъ.

—

Ой, то-то! Пятрова ночка нивялична, ой, то-то!
То-то! Чамў шъ ина нивяличка, то то!
То-то! Нашы дѣвачки ня выспалися, то-то!
То-то! Ўсю ночь ни спали, шнуры сукáли, то-то!
То-то! Шнуры сукали шаўкóвыя, то-то!
То-то! Кашýльки шыли бялёвыя, то-то!
То-то! Вышли на вулку прадавáти, то-то!
То-то! Сямý-тамý за грóшыки, то-то!
То-то! А сваймý миламу за слóўчыки, то-то!
То-то! За слоўчыки вярнéнькія, то-то!
То-то! За прыхóды чáсьтинькія, то-то!
То-то! За падарýнки дарагія, то-то!
То-то! Ёнъ даéть, ни жáлаваить, то-то!
То-то! А ина бярóть, ни дякаваить, ой, то-то!

—

Ой, то-тò! Свякрóвачка мая зрáдьница, ой то-тò! *)
Зрáдила мяне, маладéнькаю!
Казала: иди ў маю клѣтку спать:
Мая клѣтка съ прыклѣтками,
Маѐ замки ютраныя,
Маѐ дьвéры залатыя!"
А зъ вечара тихýсинька,
А съ пóўначы стукý—грукý!
Прыѣхали тры жаўнéры: **)
Адинъ жаўнéръ ды клѣть разбирать,
Другій жаўнеръ замки разбивать,
Трэтьтій жаўнéръ мянѐ млоду ўзять!

—

Ой, то-тò! Ў чыстымъ поли три гарóды выгарóджаны— [ой, то-тò! *)
У вадны́мъ гарóди чырвóна рожа,
У другимъ гарóди зялёна рута,
У трэтьтимъ гароди пахнюча мята,
А кала плóтьтя—крапивачка.
А хто прыгóжый—пилнýй рожы,
А хто крýтый—пилнуй руты,
А хто багатый—пилнуй мяты,
А хто лянивый—пилнуй крапивы, ой, то-тò!

—

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.
**) Молодежь уже поетъ: кавалеры.

Ой, то-то̀! Лятѣли гуси радъ по̀ раду, ой, то-то̀! *)
Крыкнули гуси разъ по̀ разу:
„Чаму̀, Иванька, ня жо̀нисься?"
— А якъ я ма̀ю жанитися:
Хмель на тычы̀нца ни павиу̀ся,
А ячмень на ниу̀ца ни налиу̀ся,
Дачка̀ у мамки ни нагуля̀лася,
А мнѣ маладо̀му ни спадаба̀лася!
Тяперъ буду жанитися:
Хмель на тычынку у̀жэ павиу̀ся,
Ячмень на ниу̀ца у̀жэ налиу̀ся,
Дачу̀шка у мамки нагулялася,
А мнѣ маладо̀му спадаба̀лася!

—

Ой, то-то̀! Ды шко̀да, шко̀да зялёнага дубу,
Што за сухимъ лѣсамъ, ой, то-то̀!
Ды шкода, шкода маѐй маладо̀сьти,
Што за старымъ бѣсамъ, ой, то-то!
Ни я у̀пила̀, ни я у̀ѣла,
Ни до̀бра у̀хадила, ой, то-то̀!
Тольки сваѐ маладыя лѣты
Уси патратила, ой, то-то!
Ёсьть у майго̀ тату̀лички
Кони вараныя, ой, то-то̀!
Я й паѣду даганяти
Лѣты маладыя, ой, то-то̀!
Я й ко̀никау̀ пирыгна̀ла,
Лѣтау̀ нѝ дагна̀ла, ой, то то̀!

—

Ой, то-то̀!
Дубро̀вачка а мая зялёная,
Ой, то-то̀! *)
Я шъ па табѣ пахадила,
У̀ тваимъ шуму заблудила.
Тату̀лька кличыть—я ня чула,
Па галасо̀чку ни спазна̀ла,
Ро̀днымъ тату̀лькамъ ни назва̀ла!
Дубро̀вачка а мая зялёная, и т. д.
Мату̀лька идѣть, дамо̀у̀ завѐть.
Я матульки ни спазна̀ла,
Ро̀дный мату̀лькай ни назва̀ла!

(То же поется о братиткѣ и о сястрицѣ. Потомъ):

Дубро̀у̀ мая а зялёная,
Я шъ па табѣ пахадила,
У тваимъ шуму̀ заблудила.
Милинькій идѣть, дамо̀у̀ завѐть.
Я шъ миламу аткликну̀лась,
Па галосо̀чку апазна̀ла
Па именьнику я шъ назвала,
[ой, то-то̀!

—

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.

Ой, то то̀! Чаму̀, силязѐнь, сму̀тинъ, ни вясёлъ, ой, то-то̀! *)
— А якъ жа мнѣ вясёламу быть:
Учо̀ра зъ вячо̀ра ву̀тачку злаву̀,—
Сяго̀ньня рана прочь палятѣла!
Капъ жа далёка, жа̀ли пъ ни было̀,
А то̀ ать минѣ у другимъ кусьтѣ,
У̀ тихимъ Дунаи купа̀итца,
Мнѣ силязѐньку наруга̀итца!..
Чаму, Иванька, смутёнъ, ни вясёлъ?
— А якъ жа мнѣ вясёламу быть:
Учора зъ вячо̀ра дѣваньку запиу̀,—
Сягоньня рана за другимъ ста̀ла!
Капъ жу далёка—жа̀ли пъ ни было̀,
А то ать минѣ у другимъ дварэ̀,
Тиразъ мой дварэ̀цъ вадицы нясѐть!
Нясѐть, нясѐть, ды й палiѐть,
Мнѣ маладо̀му жа̀ли задаѐть,
Па ву̀лицы сьтинюга̀итца, **)
Мнѣ маладо̀му наруга̀итца, ой, то-то̀!

—

Ой, то-то! А за гаро̀ю, за камянно̀ю, ой, то-то̀! *)
Стая̀ть кони вараныя,
Сидла̀ныя, прыбра̀ныя,—
Толька у̀сьсѣсьти, паѣхати
Да у̀до̀ваньки жанитися!
А у̀до̀ваньку лёхка у̀зяти, тяшка жыти:
Пасьтѐльку сьтѐлить, у̀сё клянѐтца,
Спатьки кладѐтца, ни прыхинѐтца,
Ни прыхинѐтца, атвѐрнитца,
Къ сьтянѣ ачыма, ка мнѣ плячыма!
А за гаро̀ю, за камянно̀ю
Стая̀ть кони вараныя,
Сидланыя, прыбраныя,—
Толька у̀сьсѣсьти, паѣхати
Да дѣваньки жанитися!
А дѣваньку тяшка у̀зяти, лёхка жыти:
Пасьтѐльку сьтелить, у̀сё сьмяѐтца,
Спатьки кладѐтца—прыхинѐтца,
Прыхинѐтца, привѐрнитца,
Ка мнѣ ачыма, къ сьтянѣ плячыма, ой, то-то̀!

—

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.
**) Стенгается=тягается, таскается, шляется.

Ой, то-то! За гаро́ю за камяннаю,
[ой, то-то!
Зарасла̀ ру́тачка либядо́ю.
„Чаму, Анютка, руты ня по́лишъ?
— Тяперъ жа мнѣ ни да ру́тачки:
Узя́ли мянѐ вельки сму́тачки:
Паѣхаў Юзю́тка на паливáньня,
Мяне пакѝнаў на гаравáньня!
Ваю́й, Юзютка,—наваю́исься,
Гару́й, Анютка, нагару́исься!

—

Ой, то-тò! Хто гэ́ту гару̀ капáў,
[ой, то-то! *)
Чо́рнаю сьтягу̀ таптáў?
Василька гару̀ капáў,
Чо́рнаю сьтягу̀ таптáў,
Да Зо́сички хо́дючы,
Падáрачки но́сючы.
Стукъ-стукъ падъ акéначка:
Ти дома панéначка?
Принёсъ я падáрачки!
„Што шъ та за падáрачки?“
— Два садавы́хъ я́блачки,
Чырвоны карáлички,
Яблачки круглéнькія,
Мы съ тabо́й раўнéнькія,
Каралички дарагія,
А мы съ табой малады́я.
„Каральки наси́ть буду,
Тады шъ я любить буду,
Яблачки качать буду,
А съ табо́й гулять буду!“

Д. Заулки, Дисnен. у. Запис. кр. С. Пилипенокъ.

—

Калинушка зъ малинушкый—
Лизоривый цвѣтъ,
Вясёлыя бясѣдушка,
Гдѣ мой милый пьéть,
А сму́тныя тамъ бясѣдушка,
Дѣ мѝлыга нѣтъ.
А ёнъ жы пьéть, а ёнъ жы пьéть,
За мной, лю́бкый, шлеть.
А я мыладѐнька прызыстáлыся
Зы курáми, зы гуся́ми, за лé-
[бидями,
За тэй пташкый за *жу*рáвышкый.
*Жы*раўка па бéри*шку* пыхáжы-
[ваить,
Травушку-муравушку сащи*кы*-
[ваить,
Вади́чкый сьтидёный захли́бы-
[ваить.
За рѣчкыю за быстрыю
Чаты́ри двары́,
У тыхъ читырёхъ двырáхъ
Чатыри кумы,
Кумилися, любилися—
Люби́тя й мянѐ,
Якъ по́йдитя ў зялёный садъ,
Гукни́тя й мянѐ,
Якъ бу́дитя тьвяты́ зрывать,
Сарви́тя вы й мнѣ,
Якъ бу́дитя вянкѝ звивать,
Савéйтя и мнѣ,
Якъ будитя ўдоль рякѝ пущать,
Пусьтитя вы й мой!
Уси вянкѝ на долъ пашли́,
А мой пытану́ў,
Уси мужы зъ вайны̀ прышли,
А мой заги́нуў!

Щербин. вол. Витебскаго у. Зап. О. Пороменская.

—

Ишоў Ваничка даро́жкай,
Ни знайшо́ў сваѐ пало́ски,
Стаў чужую жать!
Ванька жы́тячка ни жаў,
Зъ любéзнаю прастая́ў,
Адинъ снапо́къ нажáў.
Съ ты́я таскѝ Йванька, скуки,
Да й парэ́заў сярпо́мъ руки,
Пашла̀ ўрэзна (?) кро́ў.
Нидалёчка Маша жала,
Платкомъ ручку завязала,
Щобъ ни ишла кроў.

Пашо́ў Ванька тарапи́ўся,
На масто́чку правали́ўся,
Да ўсё Йваньку бида̀!
Що бида̀, бида̀, бида̀,
Бяжы́ть съ падъ мо́сту вада̀,
Ни знаю—куда.
Бяжы́ть вада̀ па пяску̀,
Икъ матушки у Маскву,
Бярэ̀ маю̀ таску̀!

—

Вспомни, вздумай, Йванька
[зъ Ду́няй
Сваю̀ прэ̀жняю любо́ў,
Якъ мы съ табо́й абищáлись
Вѣшна другъ дружка̀ люби́ть,
Ну тяперъ жа такъ случы́лась,
Въ адинъ часъ сло́ва змяни́ў,
Самъ змяни́ў намъ щиру кля́тбу,
Самъ жани́ўся сы другой.
„Жанись, жанись, другъ лю-
[безный,
Дазваля́ю я тибѣ,
Дазваляю, благаславля́ю
Законнаю жану̀ брать:
Изъ законнаю жано́ю
Нада вѣкъ зъ ёй викавáть,
Ну са мною, зъ маладо́ю,
Адну ночку пагуля́ть!“

—

Мнѣ сказали на базары,
Що мой милый на вакзали.
Якъ жа мнѣ ни плакатца,
Паѣхаў милый свáтатца,
Якъ жа мнѣ ни журы́тца,
Паѣхаў милый жанитца.
Ёнъ зъ далёкаю жывéть,
Мнѣ назолушки даёть.

—

Лу́ччай пъя́наму валя́тца,
Чы́мъ тьвяро́заму хади́ть,
Лу́ччай въ рэ̀чачку ўтапи́тца,
Чымъ висо́каю любить!

—

Ни вядѝ мянѐ па по́лю,
Вядѝ са́дамъ па градáмъ, 2
Я плато́чыкъ табѣ дамъ!
Мой платочыкъ ни прасто́й,
Любиў мянѐ халаст*ой*, 2
Даў мнѣ пéрсьтянь залат*ой*.

—

Ни брани мянѐ, радна̀я,
Що я зá рыку хаджу̀,
Знать, судьба мая̀ такая,
Що далёкаю люблю.

М. Носовичи Гом. у. Запис. А. С. Давиденко. Всѣ семь заимствованныя.

30 іюня начинаютъ косить сѣно. Особыхъ обрядовъ при этомъ нѣтъ. Обыкновенно сельскій староста собираетъ сельскій сходъ, на которомъ дѣлаются выборы двухъ человѣкъ для того, чтобы они раздѣлили лугъ на одинаковые участки по числу душъ. Когда эта работа будетъ окончена, тогда идутъ на лугъ всѣмъ сходомъ, дѣлаютъ жеребьи и бросаютъ ихъ, чтобы безобидно рѣшить, кому какая полоса должна достаться. Косить выходятъ, когда кому удобнѣе, но закашивать каждый старается съ вечера, подъ вечернюю росу.

Привожу нѣсколько сѣнокосныхъ пѣсенъ.

Дубро́ва, дубро́вачка, да ты зялёная,
Па той па дубро́вачки даро́жка ляжáла,
Па той па даро́жачки дѣвачка бяжáла,
Паўкладáла ру́чачки, ручки ў кармано́чки,

Ись правыя ру̀чачки кальцо̀ патяра́ла.
Вярну̀лася дѣвачка каля́чка шука́ти.
Ни знайшла калéчушка, знайшла крымяшо́чыкъ,
Вы̀красала дѣвачка жаркій аганёчыкъ,
Да пусьти́ла дѣвачка пажа̀ръ па дубро́ви:
„Гары̀ ты, дубро́вачка, гары̀ зилянáя!
Па табѣ, дубровачка, да мнѣ ня хади́ти,
Да мнѣ ня хади́ти, жыватá сушы̀ти!“

—

Якъ зажу̀рытца маладáя у̀до́вачка,
Що ня ко́шана зялёная тро́вачка:
Найму̀ касарэ́й сто дватцать и чатыры,
Щобъ ви́касили вси луги̃ и дали́ны!
Да касáрыки ко́сять, а вѣтяръ павявáя,
Шау̀ко́вая трау̀ка на косы палягáя.
Свякру̀ха нявѣстку ра́няньно пабуджа́я:
„Устань-ка, нявѣхна, устань, маладáя,
Падай каро́у̀, що матка дарава́ла,
Прагани̃ авéчакъ, що яна̀ купава́ла!“

—

Каси́у̀ батька, каси́у̀ я,
Каси́ли ми або̀два:
Накаси́ли стажо́къ сѣна,—
Прышла каза̀—за разъ зьѣла!

Д. Дубровка Гом. у.

—

А хто у насъ гожый,
Хто у насъ прыгожый?
— Ванька у насъ гожый,
Ванька прыгожый!
Ёнъ па двару̀ хо́дя, (3 лицо)
Ёнъ зми́рна ступáя, (2 раза)
Сапогъ ни зламáя.
Ёнъ кани̃ сидлáя,
Якъ макъ зацвитая,
На кани̃ сади́тца,
Ажъ конь висяли́тца,
Па ву̀лушки ѣдя,
Ажъ вулушка сто́гня.
Прыяжжа̀я къ лугамъ, лугамъ,—
Луги зилянѣють,
Прыяжжа̀я къ садамъ, садамъ,—
Сады зацвита́ють.

Ка̀тя хату прыбирáя,
Ваньки ажыдáя.

С. Хоново, Быхов. у.

—

„А чій жа то конь
Да па лугамъ хо́дить,
Да щи́ра сядло̀ но́сить?“
— Иванькинъ то конь
Да па лугамъ хо́дить,
Да щи́ра сядло̀ но́сить!
„Хто жъ яму̀ дарува́у̀
Кани̃ варано́га,
Каня варано́га
Да сидѣличка нова?“
— Тéсь яму̀ дарува́у̀
Кани̃ варано́га,
Кани̃ варано́га
Да сидѣличка нова!
Тéща даравала
Дѣу̀ку маладу̀ю,
Дѣу̀ку маладую
Съ пярло́вымъ вяно́чкамъ,
Съ пярло́вымъ вяночкамъ,
Да съ шау̀ко́вымъ платочкамъ.

—

Пахили́у̀ся кудрявый дубочикъ
На зялёный лужокъ,
Пахвали́у̀ся малады́й Игнатка
Да сваёю жано́ю:
„Мая̀ жана бязъ пива спать ни
[ля̀жыть,
Да бязъ мёду ни у̀ста́нить!“

—

А чій жъ ба то коники
Рана на лугъ павы́пущины
Да чорнымъ шо́у̀камъ папу̀таны?
Андрэ́йкавы кони
На лугъ рана павы́пущины,
Да и чорнымъ шо́у̀камъ папу̀-
[таны,
Чорнымъ шо́у̀камъ папу̀таны,
Да и звлатамъ паму̀зданы.

Бабинович. вол., Вит. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

—

На бало́ти касéцъ ко́ся,
Ёнъ прылёгшы гало́ся:
А ти яго̀ каса̀ ту́па?
А ти яго̀ жонка скупа?
— Каса̀ ту́па—кляпа́ть трэ́ба,
Жонка ску́па—бива́ть трэ́ба!

С. Дубины Ошмян. у.
Отъ кр. О. Радыны.

Іюль.

8 іюля, день Казанской иконы Божіей Матери, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи празднуется въ память избавленія отъ холеры въ 1848 году. По молитвамъ предъ этой иконой исцѣляются глазныя и головныя болѣзни.

Въ южной Бѣлоруссіи, „съ Казанской“ приступаютъ къ жатвѣ ржи. Зажинаютъ обыкновенно съ вечера. Женщина идетъ съ серпомъ въ поле, нажнетъ снопъ ржи и приноситъ домой. Здѣсь снопъ ставится на кутѣ подъ иконами, въ видѣ жертвы Богу. На слѣдующій день жница выходитъ на ниву рано утромъ, въ лучшей одеждѣ, и ставши лицомъ къ востоку, молится Богу: „Господи благослови почать жать и поможи въ добромъ здоровьѣ кончить!“ И перекрестившись, начинаетъ жать. Гомельск. у.

Когда жница начнетъ уставать, заболятъ руки и спина, тогда она начинаетъ пѣть пѣсни, которыя носятъ названіе жнивныхъ.

Въ Быховскомъ уѣздѣ зажинки дѣлаются нѣсколько торжественнѣе. Предъ началомъ жнива хозяйка вымываетъ всю хату: полъ, гдѣ есть, столъ, лавки, окна. Потомъ застилаютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, зажигаютъ предъ иконой свѣчу и молятся съ земными поклонами. Уходя на ниву, жница беретъ „въ ношку“ (узелъ за плечами) кусокъ хлѣба, соль, кусокъ сала и свѣчу. Лежавшіе на столѣ хлѣбъ и соль продолжаютъ тамъ оставаться. Придя къ нивѣ, жница снова молится съ земными поклонами и потомъ здоровается съ нивой: „дабры́динь, ниу̀ка, ядрано́я жыта! я къ табѣ прышла!“ Сжавъ горсть ржи, жница скручиваетъ ее и подпоясывается и уже потомъ жнетъ. Нажавъ одинъ снопъ, ставитъ его и говоритъ: „Ста́у̀лю снопъ, на сто копъ, на тысячу мѣракъ!“ Послѣ этихъ словъ кладетъ его на землю и подкладываетъ подъ него свою „ношку“. Послѣ этого жатва уже идетъ безостановочно.

Очень строго наблюдаютъ, чтобы зажинки происходили не въ день мучениковъ по святцамъ. Дѣлается это для того, чтобы жатва не была мучительною ни по работѣ ни по погодѣ.

Въ Рогачевскомъ уѣздѣ для зажинокъ избирается старшая въ семьѣ женщина. Она отправляется на ниву подъ вечеръ и беретъ съ собою „окраецъ“ (горбушку) хлѣба, Благовѣщенскую просфору, Срѣтенскую Громничную свѣчу, кусокъ артоса или освященной „паски“ и освященную соль. Придя на свою полосу, женщина читаетъ всѣ извѣстныя ей молитвы, съ земными поклонами, и потомъ нажинаетъ одинъ снопъ, который и оставляетъ на полѣ въ стоячемъ положеніи. На другой день утромъ идетъ жать уже все семейство.

Въ Себежскомъ уѣздѣ хозяйки, выйдя на ниву, становятся лицомъ „къ солнцу“ и молятся, потомъ зажинаютъ „бородку“ съ словами: „Дай же, Боже, штобъ лёгка жалась! Серéдинка ни балѣла, ручиньки ни млѣли, ножыньки ни дирвянѣли, галавà ни гарѣла!“ Для бородки сжинаютъ три горсти ржи, связываютъ ихъ въ снопокъ и кладутъ хозяйкѣ на плечи. Она относитъ бородку домой и кладетъ на образа, а жницы принимаются за работу. Строго наблюдается при этомъ, чтобы у хозяйки, зажинающей рожь, была „рука легка“—иначе жницамъ будетъ очень тяжело жать. Если же среди хозяекъ такой не отыщется, то зажинаетъ рожь молодая дѣвушка.

Зерна изъ перваго снопа примѣшиваются потомъ къ сѣменной ржи. Въ Мстиславльскомъ уѣздѣ зерна изъ перваго снопа выколачиваютъ парни, желающіе, чтобы ихъ любили дѣвушки. Для этого они отвариваютъ зерна въ водѣ и пьютъ эту воду.

Циклъ жнивныхъ пѣсенъ очень обширенъ, хотя собственно чаще поются онѣ при возвращеніи съ поля домой, чѣмъ на нивѣ. Какъ содержаніе, такъ и мотивы ихъ въ Бѣлоруссіи крайне печальны. Для примѣра достаточно указать на жнивную пѣсню, приведенную мною въ вып. VII Бѣлор. Сб. (7, 29). Но дожиночныя пѣсни уже мѣняютъ и содержаніе и мотивъ на болѣе веселые; при жатвѣ же яровыхъ чаще всего поются пѣсни свадебныя. Привожу наиболѣе типичныя жнивныя пѣсни, располагая ихъ въ порядкѣ хода работъ: зажиночныя, жнивныя, дожиночныя.

Зажиночныя и жнивныя.

Минская губернія.

Утромъ, придя на ниву.

„Дабрыдинь Гóсподу Богу,
Жыту ядранóму, Хазяину Палявóму!“
— Здарóў, здарóў, жнéи маладыя,
Сярпы залатыя!

Вечеромъ, уходя съ нивы.

„Дабрáначь Гóспаду Богу,
Жыту ядранóму, Хазяину Палявóму!“

— На здарóўя, жнéйки маладыя,
Сярпы залатыя!
Прыхадитя заўтра паранéнька,
Якъ соўнышка ўзóйдя:
Я жъ тагò люблю, хто рана прыхóдя,
Пóзна ў дворъ ухóдя;
Я жъ тагò ни люблю, хто пóзна прыхóдя,
Рáна ў дворъ ухóдя!

М. Заславль, Минск. у.

Могилевская губернія.

Пóля маё шырóкая, жыта маё
[ядранóя!
Не съ кимъ стати, пастаяти,
Жыта ядранóя пажынáти:
Брáтцы маè па заслýжжу,
А сястрыцы па замýжжу!

Уходя съ нивы.

Сьтюдёная расà пала,
А мидóвая наставала!
Сьтюдёную расý тантáть буду,
А салóдкую збирать буду;
Сьтюдёную падъ нóжычку,
А мидóвую у лóжычку.
Сьтюдёная расà—
То свёкрава гразà,
А мидовая расà—
То батькава красà!

С. Городецъ, Быховск. у.

—

Камỳ сягóлита жыта зажынàти?
Зажынати жыта Ивáниси:
Иè нúўка радьлúвая,
Иè ручка щасьлúвая!
Я маладà съ поля иду,
За паясóмъ серпъ нясỳ,
За плечками калыбельку,
А ў ручинькахъ силязéньку!

Сустрэў мянè рóдный татка:
„Чіё, дачкà, дитятка нясéшъ?“
— Сусѣдьнія, татýличка!
„Зачимъ, дóчка, ў тваё лúчка?“
— Пры мнѣ, татка, ражáлася,
Ў маё личка удáлася!..

Быхов. у.

—

„Дабрáначъ табѣ, шырóкая пóля!“
— На здарóўя, жнейки маладыя,
Сярпы залатыя!
Прихадитя зáўтря паранéньку!
Принасúтя па бýлаццы хлѣба,
Ды па бѣлинькыму сыру,
Ды па мáлинькимъ сыну!

Чериков. у.

—

Я на поли жыта жáла,
Ў мянè ў дóми бидà стала,
Звалúлася свякрóў съ тыну,
Съ тыну, съ тыну, ды ў крапиву.
Ни жаль жа мнѣ свякрóвачки,
А жаль жа мнѣ крапúвачки.
Свякрóвачку ў магúлачку,
Крапúвачку на нúвачку.
Свякровачку черви зьядýть,
Крапúвачку свиньнямъ сься-
[кýть! [1])

Повсемѣстно, въ Мог., Вит., Вил. и Мин. губ.

---

[1]) Вар. Лепельскаго уѣзда:
Я крапивачку паливать буду,
А свякровачку праклинать буду.
Въ Городокскомъ уѣздѣ прибавляется:
Я стракиуку сярпомъ сажну,
А свякроуку каломъ прабью.
Стракиушка зяленая
Свякроушка шалёная!

А ѣхали турчанины,
Вязли сабѣ турчаначку,
Турчаначку, краснаю дѣвачку.
А за ёю у пагоню яѐ таточка родный,
„Вярнись, вярнись, мой таточка!
А ты жъ мянѐ ни дагонишъ,
А сваёй галоўкайналожышъ!“

М. Городецъ Рог. у.

—

Ишла дѣўка борамъ, борамъ,
Гаварила зъ Богамъ, зъ Богамъ:
„А дай Божа, долю—щасьтя
Зайти ў хату багатую,
А у сямью харошую,
Идѣ свёкарь ды свякроўка,
Идѣ дёвирь ды залоўка!
Я свёкарка паважать буду,
Я свякроўку шунувать буду,
А зь дѣвиркымъ я жыть буду,
У залоўки гасьтить буду!“

—

Зашумѣла зялёна дуброўка,
Надъ рякою стоя,
Забалѣла ў молайца галоўка
На чужэй старонцы.
Некыму яму пасьтѣльки падлати,
Некыму галоўки звизати.
Абабралыся бѣдна сиратинка,
Красныя дяўчинка:
Ина молайцу пасьтѣльку паслала,
Ина яму галоўку звизала.

—

Кукувала зязюличка,
Ў щирамъ бару литаючи,
Салодакъ мёдъ зьбираючи.
А плакыла удовушка,
Новы дамы будуючи,
Горькій абѣдъ гатуючи:
Якъ стану я абѣдъ ѣсьти,
Я дѣтками абсажуся,
Я слёзкыми абальлюся,
А бизь тябѐ, мой милинькій!

—

Ну ты, калинка, ня стой надъ [рякою,
Ды ня быть табѣ мною!
Я у татки была билѣй твайго [цвѣту,
А чирванѣй тваѐ ягоды,—
А якъ засталыся журливыму [свёкру,
Ды нярoдныму татку,
Высушыў мянѐ, якъ вѣтиръ [былинку,
Якъ сонца сянинку.

—

Жына мужа паважала,
Къ папарати привизала,
Жына мужа ды патѣшыла,
Павила у садъ ды павѣсила:
„Виси, мужу, нависися,
И яблычикъ наѣсися,
Вишыникъ пакушыишъ
И зязюликъ паслухыишъ!“
— Жына мая милинькыя,
Пусьти мянѐ жывинькыга,
Куплю табѣ сукенычку,
Прибяру, якъ паненачку!

—

Дожжъ у поли курить, курить,
А дѣдъ бабу журить, журить:
„Иди, баба, дамоў, дамоў,
А напячи блиноў, блиноў!“
Баби таго ня хочитца,
Кыла печи варочитца,
А ў тониинькый сарочицы,
А ў бѣлинькый намётацы!

—

Якъ пайду я дарогыю,
Пущу голысъ дубровую,
Нихай голысъ галасуить,
Нихай мая мати чуить.
„Ета маё дитя пяеть,
Дитя пяеть, поля красить,
А нявѣстычка людей сьмѣшыть.
Сваёй даццѐ саянъ куплю,
А нявѣстанцы скуру злуплю!“

Чериков, у.

—

Па ржыщу, па ячиньню
Хадиу голубъ изъ галубачкаю.
А ў голуба сизая галоўка,
А ў галубки пазалочиная.
Якъ увидиў Калистратъ сь тирима:
„Ти ни мая Ганначка такава?
Я жъ бы яѐ па имини ни узываў,
Я жъ бы яѐ па батюшки виличаў.

—

Въ вичоръ дѣўки пива варивали,
Су паўночи мяды сычивали.
Пришоў къ дѣўкамъ бѣлъ удалый маладецъ.
Стали дѣўки пиришаптыватца,
Якъ бы госьтя напотчивати.
Адна дѣўка разумнѣй усихъ была,
Ина госьтя за хахолъ узила,
А другая чиризъ столъ тащить,
Чирисъ столъ тащить—хахолъ тращить.
А съ хатушки на выспятушки,
А сь сѣнюшыкъ ны калѣнушки.
Сы двара яго хортами зытраўлю,
А зъ варотъ яго каменьнимъ пыкачу!
Катись, камин, ни прикачивайсь,
Иди, паринь, ня 'бараčивайсь!

Заимствованныя.

—

Била мянѐ мати таўкачомъ:
„Ни гуляй, дачка, съ паничомъ!“
А я матцы наругатца,
Штобъ съ паничомъ нагулятца!
Била мянѐ мати мискыю:
„Ни гуляй, дачка, зъ Мишкыю!“
А я матцы наругатца,
Штобъ зъ Мишкыю нагулятца!
Била мянѐ мати палѣнымъ:
„Ни гуляй, дачка, съ Парменымъ!“
А я матцы наругатца,
Штобъ съ Парменымъ нагулятца!

—

Писарь гусей гыняить, у гусильки играить,
О-о, охо-хо, у гусильки играить!
(Послѣ каждой строки)
У гусильки играить, таварищыў гукаить:
„Вы таваришы мае, вы хадити-ка ка мнѣ!
Вы скажытя паненцы, што ў зялёнай сукенцы:
Нихай писаря ня жджоть, нихай замужъ идеть!“
Ускачила паненка ись терима ў зелинъ садъ,
Накапала кареньня исъ-падъ бѣла каменьня,
Натапила ў малацэ, прыступила на руцэ.
Ищё коринь ни кипѣў, а ужэ писарь прилятѣў,
На сласнаю вячерю, на мяхкую пасьтелю.
„А што жъ тябѣ принясло: ти чаўночикъ, ти висло?“
— Прынёсъ мянѣ воранъ конь ды къ паненцы у пакой!

М. Забычанье Чериков. у. Отъ кр. Степаниды
Дроздовой, Ѳ. Ковалевой и Я. Сундуковой
запис. псаломщикъ Ст. Бартошевичъ.

—

Су горушки, сы гары, съ високага тирима,
Красна дѣвица ишла, русу касу чисала, пригываривала:
„Ты расьти, расьти, кыса, ды шаўковыга пыяса!
Абищала минѣ мать зы Иванюшу аддать.
Я Йванюшы ни люблю, зы Йванюшу ни пайду!
Абищала минѣ мать зы 'хвицэрика аддать:
Я 'хвицэрика люблю, зы 'хвицэрика пайду!“

Г. Мстиславль.

—

Зелина, зелина а ў лузи трава,
Молыда, молыда ў Антона жына.
Зачимъ ина молыда—ў поли ни была,
Ў поли ни была, жыта ни жала.
„Ты, Антоничка мыладенькій, зыпрягй каня:
Паѣду я ў поля, прыгуляюся,
Сы свайми жнеюшкыми пывидаюся!“

М. Монастырщина. Отъ кр. Ел. Синаговой
зап. Е. Останьковичъ.

—

„Авясецъ, мамычка, авясецъ, —
А кали жъ тыхъ сватоў чортъ принясеть?“
— Дажни, дачушка, авясецъ,
Тады чортъ сватоў принясеть!
Дыбяры, дачушка, кынапельки,
Тады прієдить къ табѣ мыладенькій!
Дыкыпай, дачушка, бурачки,
Тады прієдуть къ табѣ двырячки?

С. Ослянка Мстисл. у. Зап. г. Судиловскій.

Закатися, жаркая сонейка, за щирый боръ,
А мы пойдамъ вячэрати у багатый дворъ.
У багатамъ у дварэ пираги на сталѣ,
Миски, тарэлки, тры вядры гарэлки.

—

Закатися, жаркая сонца, за зялёный гай!
А ў томъ у гайчку нихто ни буваў,
Маладый Сяргѣйка каня напаваў,
Да сваѣ да дѣвачки пасолъ пасылаў.
Яна яму атвѣтила: „ни вяликій панъ:
Запрагай каня вараного, прыѣдь ка мнѣ самъ!
Прывязй бочку мядочку, другую вина,
Щобъ мая дѣвачка весила була,
Щобъ мая галовачка ни балѣла,
А мнѣ ужэ нийука надаѣла!“

—

Наша мала пани, пашла дамоў рана.
Пакуль яна дайдя, и сонейка зайдя,
Пакуля збярэтца и вечаръ минетца,
Пакуль нагатуя, дакъ и заначуя,
Пакуль вады сходя и соняйка взойдя.
Наварыла барщу, накидала хващу,
Наварыла папушакъ, накидала лягушакъ,
Наварыла кашы, накидала сажы,
Паставила на прыпячку—муха пралила.
„Бадай тябѣ, мая муха, параламила,
Що ты майхъ жничакъ пагаладила!“

—

Ня вѣй, вѣтяръ, у лузи, павѣй па дарози,
Няхай мати чуя, вячэру гатуя.
Кали ни гатова—ни сяди, мати, дома,
А кали гатовинька—сяди харашэнька,
Сяди харашэнька, ножки падабгаўшы,
Ножки падабгаўшы, руки склаўшы.

Краснобудская вол., Гомельск. у.

Виленская губернія.

Да зялёная арэхаўя 2
Да на тынъ пaлигаить,
Да съ-падъ таго арэхаўя 2
Сивый конь вабигаить.
А за имъ сугонъ—пагонъ, 2
Нашъ Иванька съ узьдечкай:

„Ой, стой, косинъку, стой, 2
Капытомъ зямлй ня брой,
Ня крой жа майго сярдэчка, 2
Што я моладъ ни жанйўся!
Што я моладъ ни жанйўся, 2
Кудерками апусьтиўся.

Я шъ паѣду ў гарадóчакъ, 2
Куплю сабѣ грабянёчакъ,
Учашў кудёрачки, 2
Паѣду жанйтися.

—

Сьтюдёная раса пала, 2
Пускай насъ дамóў, паня!
Нашы дамы далёкія, 2
Нашы мамки нярóдныя,
Въ варóтичкахъ пираймáють, 2
Па вадйцу пасалáють,
Сь тисóвами вядёр(а)ками, 2
Шъ шаўкóвами пачóп(а)ками.

Д. Заулки, Дисн. у.

—

Жыта маё, жыта, жыта залатóя,
На такў малóчана, на стóлику [пакóчана!
Хто жъ яго пяралйча,
Той на вайнў ня пóйдя,
Пашлѐ слўжку вярнéнькаю.
Тая служка ваявáть бўдя,
А ёнъ самъ панавáть бўдя.
Служка бўдя на кóнику,
А самъ будя ў пакóику.
Служка будя паяжжáть,
А ёнъ будя пахаджáть.

—

Палўдьнички загудѣли,
Палўднавать захатѣли!
Хоть гудйтя, ни гудйтя,
Палўднавать ня бўдитя:
Наша пани маладáя,
Янà абъ насъ спагадáя,
Булку хлѣба пасылáя.
Булку хлѣба аржанóга,
Бочку пива маладóга:
„Сядьтя, жнейки, ў халадóчку,
Зъѣштя хлѣба па кусóчку,
Выпитя пива па кубóчку!

—

Тóнка, тóнка сасóнка,
Чагò ты на мóры палягла̀,
Дѣвачкамъ дарóжку заняла̀?
Усѣ дѣвачки ишли, прайшли,
Адна̀ дѣвачка ня перайшла̀:
У прыпали зóлата нясла̀,
Щйрая срэ́бра ў рукавѣ,
Рассыпала зóлата на мóры,
Клйкала ма̀мачку съ камóры:
„Иди, ма̀мачка, съ камóры,
Памажы зóлата падабра̀ть,
На идва̀бнаю нитку узниза̀ть!“

—

Барава̀я тятéра,
Чагò ты зъ бóру лятѣла,
Ти табѣ у бары надаѣла:
У бары ягадки салóдки,
Ў бары крынйца—вадйца,
У бары ягадки сытныя,
У бары вадйца пйтная!
Малада̀я дѣвачка,
Чагò ты замужъ хатѣла,
Ти табѣ у матки надаѣла:
У матки падъвóрья вўзянька,
У матки гуля́ньня блйзянька!
У свякрóўки падвóрья шырынька,
У свякрóўки гуля́ньня далёкая!

—

„Барава̀я зязюля,
Чамў ў бары ни кукўишъ,
Чагò ў мой садъ прылита̀ишъ?“
— Якъ жа мнѣ ў бары кукава̀ть,
Кали за сасóнками ня видать,
За салóўками ня чува̀ть!..
„Малада̀я дѣвачка,
Чагò у матки плакала,
Чагò да насъ прыѣхала?“
— Якъ жа мнѣ ў ма̀мачки ня [плакать:
Кали за бра̀тйками ня видать,
За сястрыцами ня чува̀ть!..

—

У баркў, ў баркў, ў прыбóрку,
Рабйў малóйчикъ камбрку.
Прышла̀ да яго дѣвачка:
„Памажы, Божа, малайцў
Гэту камбрку рубити!
Руби камбрку нйзинькаю,
Высикай вакóнца вышынькая,
Кабъ да насъ салаўи лятали,
Кабъ насъ ра̀на пабуджа̀ли!
Свякрóўка ни матка—будити ня [будя,
Сваю нявѣстку абсўдя:
„Лянйва, нявѣстка, лянйва:
Сонца ня за̀йдя—спать пóйдя,
Сонца у вакòнца—ня ўста̀ня,
У хати работки ни зна̀йдя,
Выйдя на вулку—гуля́я.

—

Тёмна-тёмна за дварóмъ,
Идўть баяры ўсѣ радкòмъ,
Вязўть Михалю на кани,
Яго галóўка на мячы.
За имъ ма̀мачка, пла̀чучы:
„Сынку, сынку, Миха̀ля,
За кагò галóўку палажыў:
Ти за ма̀мачку нядўжу,
Ти за сястрыцу дасўжу,
Ти за та̀тачку старóга,
Ти за бра̀тика малóга?“
— Ни за ма̀мачку нядўжу,
Ни за сястрыцу дасўжу,
Ни за та̀тачку старóга,
Ни за бра̀тика малóга, —
Палажыў галóўку за дѣўку,
За яѐ тихія уходы,
За яѐ низкія паклóны!

—

Зялёная дубрóвачка,
Чамў у тябѣ дубъя мнóга —
Зялёнага ни вóднага,
Листочками ни згóднага?
Малада̀я дяўчынначка,
Чамў у тябѣ батькóў мнóга,
А рóднага ни вóднага,
У пара̀дачку ни згóднага?

—

У поли дымы дымя́ть,
Тамъ малóйчыкъ ваю́я,
Па ёмъ ма̀мачка бядўя.
„Ни бядўй, ма̀мачка, рóдная мая:
Ни адинъ я ваю́ю:
Самъ Богъ пада мнóю,
Шàбилька падъ палóй,
Вострый мечъ падъ другóй!“

—

Круглó, малò балóтичка,
Тамъ хадйла маладйчка
Ды сѣила красў сваю,
Красу сваю, зялёнаю рўтачку:
„Расьти, расьтй, краса мая,
Тонкая, високая, караня́ми глы- [бóкая,
Караня́ми глыбóкая,
Листочками шырóкая.
Якъ буду я у ма̀мачки,
Я тябѐ палóть бўду,
Якъ дастáнуся да свякрóўки,
Дыкъ я тябѐ съ карóнь вырву,
Тирасъ тынъ пиракйну: *)
Хай тябѐ валы зъядўть,
Нихай тябѐ кóни стóпчуть!
Валы зъядўть, бушўючы,
Кони стóпчуть, гарцўючы,
Зъядўть валы палавыя,
Стóпчуть кони варавыя.

См. ниже, вар. Лепельск. у.

—

*) Вар. въ м. Браславѣ:
На вулку выкину!
Навянишъ краса, якъ я сама маладая:
Ни у роднага татки,
Ни у рóднай матўльки:
У лихóга свякрóва,
У лихой свякрóўки!

Пайду́ я дарóгай,
Пущу̀ гóласъ далёкай:
Хто мой гóласъ пачу́я,
Той мянé пашкаду́я.
Пачу́ла гóласъ мая́ мáмачка:
Яна́ мянѐ пашкаду́я!

—

Пара̀ дамóў, пара̀!
Халóдная раса̀ пáла,
Адна̀ раса̀ лядóвая,
А другая мядóвая.
Мядóваю щипать буду,
Лядóваю таптать буду.
Мядóваю дли мáмачки,
Лядóваю дли свякрóўки.

—

Да ўжэ вéчаръ вичарэ́я,
Мой тáтачка вячэ́рая,
Завѐ мянѐ на вячэру.
„Да вячэ́рай, мой тáтачка,
А я ужэ̀ вячэ́рала:
Зъѣла хлѣба сухóга,
Слёзками праганя́ла,
Сваю долю праклинáла:
Кабъ ты, долячка, агнёмъ згарэ́ла,
Я бъ кала тябѐ ручки пагрэ́ла!
Багда́й ты, доля, у вадѣ ўтапи-[лася,
Я бы-бъ табóй памы́лася!

С. Дубина, Ошмян. у.

—

Ковенская губернія.

Да хади́ла каралёва жана̀ па чы́стаму полю,
Да наси́ла каралёва жана маладóга дитя́тю,
Да праси́ла каралёва жана да Гóспада Бога:
Дай, дай, Бóжа, кабъ майгò каралѝ на вайнѣ заби́ли,
Тагды̀ бъ я малада̀ за другóга пашла̀, ды за маладóга,
Кабъ умѣў и читать, и писать, и ў скры́пачку грáти,
А я бъ малада̀ и скакать, и плясать,
И ў далóньки плискáть!

—

Загудѣла пчолка па бару̀ литá-[ючи,
Салóдкій мёдъ збирáючи.
Тамъ ня пчолка гудѣла,
Тамъ удóўка хади́ла,
Трáсачки сабира̀ла,
Абѣдъ гатавáла.
Згатава́ўшы, паставила,
Сама сѣўшы, заплáкала.

М. Браславъ.

—

Витебская губернія.

Гавары́ла ядранóя жы́та,
Ў чи́стамъ пóли стóя—гавары́ла!
Ни магу̀ я у пóли стая́ти,
Калóсьсямъ [1]) махàти—ни магу̀ я!
Тольки магу̀ я, а тольки магу̀ я
А ў пóли капáми, а ў гумнѣ стагàми—тóльки магу̀ я!

[1]) Въ с. Бабиничахъ, Вит. у.—калóсьтимъ.

Гавары́ла малада̀ Даръичка, [2])
У тàтуньки жы́ўшы—гавары́ла!
Ни магу̀ я у поли стая́ти,
Ядранóя жыта жати—ни магу̀ я!
Тольки магу̀ я, а тольки магу̀ я
Для стóлу стая́ти, кубки наливàти [3])—тóльки магу̀ я!

—

Сама пайду̀ дарóгаю,
Гóласъ пущу дубрóваю,
Нихай гóласъ галасуить,
Нихай тàтунька чу́ить:
„Калѝ маё дитя пяéть,
Нихай пяéть, красу́итца,
Ў чиравѝчки абу́итца,
На кирмашъ гату́итца!
А калѝ нявѣстунька —
Нихай ина ўгаму́нитца,
У лаптики абу́итца,
На прыгóнъ гату́итца!“

—

А калина-малина
Ўси лугѝ пакрáсила
Да сваи́мъ бѣлымъ цвѣтамъ,
Чырвóными я́гадками.
Маладàя Дàръичка
Усихъ дѣвакъ пакрасила,
Да сваи́мъ бѣлымъ лицомъ,
Чырвóными карàльками,
Да сьти́пнаю рабóткаю,
А плàўнаю пахóдкаю.

—

Закуры́ўся а дрóбнинькій дожжыкъ
Па чы́стаму полю—закуры́ўся!
Затужы́ўся а мой рóдный тàтунька
Па майму̀ бяздóлью—затужы́ўся!
„Ни тужы́ся, а мой рóдный тàтунька,
Па майму̀ бяздóлью—ни тужы́ся!
Калѝ буду я у Бога щàсна,
Ни буду нищàсна—кали буду!
Кали буду я у Бога гóдна,
Ня буду галóдна—кали буду!

—

А ня йди, ня йди, дажжу̀,
Навару̀ табѣ барщу̀,
А пастàўлю падъ ѐлкаю,
А накры́ю талéркаю.
Тамъ мàльчыки рылàтыя,
А дѣвачки грыбàтыя.

—

Пирагóнь вѣтиръ тучку
А на тую старóначку,
А гдѣ люди багàтыя,
Пяку́ть хлябы̀ хахлàтыя.
А дай Божа пагóданьку
А на нашу рабóтаньку!
А дай Божа аблачы́нку,
Намъ на часóкъ атпачы́нку!

—

[2]) Гавари́ла Андрéива жóна па дварý хóдючи: Ни магу жъ я на двару хади́ть, ключыки насить... [3]) Кубки наливать, гасьтей чуствать.

Кру́гла, ма́ла (2)—ра́ю, ра́ю, бало́тичка,
Тамъ хади́ла (2), раю, раю, маладичка,
А сѣила (2), раю, раю, расу̂—красу̂.
„Расьти жъ мая (2), раю, раю, раса̀ краса̀,
А тонкая (2), раю, раю, высокая,
Карани́стая (2), раю, раю, глыбо́кая,
А на лисьтя (2), раю, раю, шыро́кая!
Якъ я съ та́тамъ (2), раю, раю, жыти буду,
Паливати (2), раю, раю, тябѐ буду.
А якъ стану (2), раю, раю, у̂ свикра́туньки,
А я съ ко́рнямъ (2), раю, раю, тябѐ вырву!
А выкину (2), раю, раю, на вулицу.
Нихай тябѐ (2), раю, раю, кони стопчуть,
А мальчыки (2), раю, раю, расьтига́ють.
А коники (2), раю, раю, капыта́ми,
А мальчыки (2), раю, раю, чибата́ми.
А коники (2), раю, раю, гарцуючы,
А мальчыки (2), раю, раю, танцуючы!

Леп. у. Запис. Григ. Неплюковъ.

—

Якъ пайду̂ я па по́лю,
Пущу̂ я галасо́къ да до́му,
А хто жъ мой галасо́къ пира-
[йме́ть?
Пирайме́ть галасо́къ мой татка
[ро́дный:
„Гэ́та маѐ дитятка спива́ить,
Шыро́кія по́стати займа́ить,
Частыя ко́пачки стау̂ля́ить!“
Якъ пайду я па по́лю,
Пущу я галасо́къ да до́му,
А хто жъ мой галасокъ пира-
[йме́ть?
Пирайме́ть галасокъ мой свё-
[карка:
„Гэта маё зива́йла зива́ить,
Вузинькія по́стати займа́ить,
Ро̂динька снапы стау̂ля́ить!“

—

Калина-малина, ня стой надъ
[вадо́ю,
Ни рау̂ну̂йся са мно́ю!
Было тагды рау̂нава́тца,
Калѝ я у тату̂льки была̀:

Была̀ бялѣй твайго̀ цвѣта,
Чырванѣй твайхъ я́гадачыкъ!
А якъ стала я у свёкарки,
Тагды стала бѣла, якъ ли́пинка,
А су́хинька, якъ былинка:
Ли́пинка даро́ная, былинка ка-
[шо́ная.

—

Пирапёлка, ня вй гнязьдечка
Бли́зка ли даро́жки!
Пирапёлка, пастушкѝ паго́нють,
Гнязьде́чка распо́рутъ!
Пирапёлка, гнязьде́чка распо̀рутъ,
Яечки пабе́рутъ!
Пирапёлка, не́чыкъ ня бу́дить,
Табѣ жаль бу́дить!
Ты, Ма́ръичка, ня вй вяно́чка,
Во́синь нидалёчка!
Сваты прыѣдутъ, вяно́чыкъ
[ссымють,
А чэ́пчыкъ надѣнутъ!
Ма́ръичка, вяно́чка ня бу́дить,
Табѣ жаль бу́дить.

—

Да гула̀ пчолка, гула̀, па бо́ру
[литаючы,
Сало́дкій мёдъ збира́ючы!
Да плакала удо́вачка, вячэ́рачку
[гату́ючы,
Навары́ла, паста́вила, сама сѣла,
[запла́кала:
„Дѣтки маѐ мале́нькія, —
А зъ не́ съ кимъ ихъ гадавати!
А стра̂ука мая сахо́рная,
А зъ не́ съ кимъ яѐ спажывати!..“

—

А пара̀, жонки, дамо́у̂ ити,
Пагубля́ла зара̀ ключы,
Каля по́стати идучы,
А съ со́у̂нинькамъ гука́ючы,
А зъ мѣсицамъ жарту́ючы.
А хто тыя ключы зна́йдить,
За каралѝ замужъ за́йдить!
Маръичка ключы знашла̀,
За каралѝ замужъ зашла.
Каро́ль бу́дить круливати,
А Маръичка панава́ти!

—

А вы́скачыу̂ заинька зъ-за гати,
А стау̂ яго̀ Иванька ганя́ти.
„Зашто ты мянѐ, Иванька, га-
[ня́ишъ?
Ти я табѣ коника супу́диу̂,
Ти я табѣ дѣвачку абгу́диу̂
Ти я табѣ даро́жку пирабѣгъ?
— Супу́дили коника жарабцы,
Абгу́дили дѣвачку малайцы,
Пирабѣгъ даро́жыньку шэ́рый
[воу̂къ!“

Несинская вол. Лепельск. у.
Поется во время жатвы яровыхъ.
Она же свадебная.

—

Да й на тыну, на тыно́чку,
Тамъ сядѣла галу́бачка,
Залатая гало́вачка.
Туды ѣхау̂ Иваничка:
„Тату́лька мой ро́дный,
Да пазволь мнѣ жани́тися!“
— Стой, сынку, ни жани́ся,
А ро́зыму ныбяры́ся,
Ро́зыму жау̂не́рскага,
А паѣзду пане́нскага!

Лепельск. у.

—

„Жнитя, жо́нычки, жнитя,—
Зна́йдитя сау̂ у жыти!“
— А намъ сыва̀ ни на́дыби,
Намъ на́дыби бо́чычка зъ га-
[рэ́лкый!
„Жнитя, жо́нычки, жнитя,—
Зна́йдитя Бога у жы́ти!“
— А намъ Бога ни на́дыби,
Намъ надыби куга́кыла,
Штобъ часьтинка зыпла̀кыла,
Мы шъ бы яго̀ скылыхну́ли,
На̀шы бъ сиряди́ны аддыхну́ли!

Щербино Витеб. у.
Зап. О. Пароменская.

—

Кукува́ла зязю́линька, кыла саду
[литаючы,
Сало́дки вишни клюва̀ючы.
Плакала дѣу̂ка, къ новымъ скры́-
[нямъ прилига́ючы:
„Скрыни маѐ навёсиньки,
Трубки маѐ бялёсиньки!
Я васъ то́нка пряла, бѣлинька
[бяли́ла,
За 'динъ вѐчыръ рыздяли́ла:
Каму̂ ны рукаво́чыкъ,
А свякро́выньки цэ́лый стано́-
[чыкъ.

—

Пыхвалялыся калина, надъ ри-
[кою стыя,
Сваимъ бѣлинькымъ цвяточ-
[кымъ,
Сваёй красною ягыдыю.
„Ни пыхвыляйсь, калина,
Сваимъ бѣлинькымъ цвяточ-
[кымъ,
Сваёй красною ягыдыю:
Якъ я была у свайго татки—
Билѣй была твайго цвѣту,
Якъ я была у сваёй мамки—
Краснѣй была тваёй ягыды!
Якъ зысталась злому духу-
[мужуку,
Узяў минѣ якъ ягыду,
Ўзяў мине якъ вишынку,—
Ссушыў минѣ якъ липинку.

—

Бида минѣ пыбядила,
Чужой мамки ни ўгадила,
Ни ў пахoди, ни ў работи,
А ни ў ѣжы, ни ў адежы:
Кладеть спатки пазнёшынька,
Будить минѣ ранёшынька,
Шлеть на ниўку тямнёшынька,
Даеть хлѣба скарўшычку
Ды полиўки ў гарнушычку.
„А жни, шэльма, ни ляниса,
Атъ постати ни вярнися!"

—

А сўнышка за боръ, за боръ—
Пусьтитя минѣ у дворъ, у дворъ,
Мнѣ у двори нѣтъ никога,
Кроми Госпада Бога,
Ды свикрятки лихога:
Пысылаить минѣ мыладицу
У паўночъ пы вадицу.
Прынясў я вады ў ночы
Ды залью я свёкру вочы.
„Нивѣстушка мая, ластушка!
Ти на тибѣ ваўкоў нѣту,
А ни злога чилавѣка!"
— А я ваўкоў ни баюся,
А атъ злога атгыварюся!

—

Вичорнія заря тёмна,
У двырянина жана чорна,
Свитавая заря ясна,
У силянина жана красна.
„Я двырянинъ, ты силянинъ:
Я дамъ табѣ кыня съ сядломъ,
Паминяимъ жану съ табой!"
— Ни хачў кыня съ сядломъ,
Ни миняю жану съ табой!
„Ну, хуть жа я ў бяду ўпаду,
У силянина жану ўкраду,
Хуть жа я утаплюся,
За жаною пыганюся!"

Д. Синицы, Королев. вол. Витеб у. Отъ кр. Дарьи Михайловой зап. А. Соколовская. Послѣднія четыре строчки изъ игры въ Терешку.

—

А на дварѣ ни раниньк,
Пала раса сьтидёная, а другая
[мидувая.
А я сьтидёную нагой пабью,
А мидувую каўшомъ папью!

—

Пара, жонки, у дворъ итить,
Патиряла заря ключы,
Кала постати ходючы,
Съ каралями гаврючы.
„Милы маи карали!
Ти ни знашли златы ключы?"
— Мѣсяцъ ишоў, ключы нашоў!

—

Пара да двара—на дварѣ ни рана:
У минѣ матя чужая, а дитятка малая!
Будить матя дитя калыхати,
А минѣ маладую праклинати:
„Багдай, шэльма, на агнѣ пагарѣла
Да на вадѣ патанула!
Прызабыла пра дитя малоя
Да пра мужа маладога:
Малоя дитя надарвалася крича.

—

На дварѣ ниранинька,
Балить мая сирядинка!
Чаму жъ ёй ни балѣть,
Кали некаму пажалѣть:
Свикрятухна ни татухна,
Свякровухна ни мамухна,—
Баничку ня вытапють,
Вѣничкамъ ня выпарють!..

—

Якъ пайду я кала лѣсу близка, па земильки низка.
Падайду я къ татки падъ акошка, къ мамки падъ другоя:
„Падай, татка, вядерки тисовы, шолкавы пирявёслы!"
— Што жъ ты, мая дачушка, позьнинька ходишъ?
„Ни баюся жъ я, татка, никога:
Ни шэрага воўка, ни чорнага мидьвѣдя!"

—

Василенька барвинынькій,
Мой цвяточыкъ зилёнинькій,
Бягить коникъ варонинькій,
На конику сидѣличка,
Ли сидѣличка стрямёнушки,
На стрямёнушкахъ другъ мола-
[дицъ сядить.

—

„Маладый Иванька,
Да ти быў ты ў тещи,
Да ти видюў ты дѣўку?"
— Якъ жа я ня быў,
Якъ жа я ня видюў,
Да на конюку сѣдя, (2)
На красную дѣўку глѣдя.

—

Чыё жыта дабро, хароша?
Андреива жыта дабро, хароша!
Дай жа Божа лучшы таго:
Пива варить—сыноў жанить,
Гарэлку гнать—дачокъ выдавать!
Расьтиў солыдъ на пиреклити,
Сушыў бочки на сўнышки,
Чапаў катлы на синимъ мори.
Куры, гуси солыдъ наклювали,
Козы, вовцы хмель паѣли.

—

„Сизинькій галубчикъ,
Да ти быў ты на синимъ мори,
Да ти видюў ты галубку?"
— Якъ жа я ня быў,
Якъ жа я ня видюў,
Да на берижку сѣдя, (2)
На шэру вўтачку глѣдя!

—

Дабраначъ, круглая ниўка,
А шурокая пастатка!
Добрый вечаръ, тёплая хатка
Да лихая свякроўка!
Лихая свякроўка ни патаитца,
Ти ни балить твая сирядинка,
Ти ня ломють косьти,
А патаитца, ти многа нажала
Да копъ настаўляла?
Пашоў свёкарь у лядинку,
Атсѣкъ ёнъ дубинку
Да на маю сирядинку.

Бабинич. вол. Витеб. у.
Запис. кр. Кондратьевъ.

—

Заглянула маё вочка,
Што краёчикъ нидалёчка,
А ў краёчку прыганятый
Халосьтинькій, ни жынатый.
Судй Божа дажатися,
Съ прыганятымъ спазнатися!

—

А солника за боръ, за боръ,
Пусьти, ниўка, мяне дамоў,
У мяне дома бида стала.
А я млада дамоў иду,
Мяне свёкаръ пириймаить,
За вадицай пасылаить.
„Нявѣстанька, мая ластаўка,
Схадй на ключъ за вадицаю,
Я на тибя ваўкоў нашлю,
Абы злова чилавѣка“.
— А свикрятка, мой татка!
А я ваўкоў ни баюсь,
Атъ злыхъ людей атпрашусь.

—

А ў садочку, на дубочку,
Тамъ сядѣла галубачка,
Залатая галовушка
А тамъ ишоў младый стрялецъ,
Младый стрялецъ, мальчишычка
Зняў галубки ёнъ галовушку.
Пайшоў къ татку на парадку:
„Ахъ ты татка, ты татка,
Парай мнѣ парадку:
Ти тяперь мнѣ жанитца,
Ти осини дажыдатца.
— Ахъ ты сынка, ты сынка мой:
Першы ума набярися,
Тагды ты сабѣ жанися.

—

А бида надъ бядою,
Што дяўчонка за рякою.
Пиряплыў бы, да ня ўмѣю,
А то люди увидють,
Пра дяўчонку судить будуть,
А мнѣ молайцу жалка будить.

—

Луччи бъ я жыта жала,
А чимъ тую яричинку,
Луччи бы я ў дѣўкахъ была,
Чимъ дурноя замужыйка,
Нялюбая падружыйка.
А якъ была я у дѣўкахъ,
Приходили съ гарѣлачкай,
А якъ стала маладицай,
Нихто ня йдеть и зъ вадицай.

С. Мишневичи Городок. у. Запис. П. Василевъ. Пригонятый—прикащикъ.

—

Пара, жонки, дамоў итй (2),
Патиряла зарѣй ключи.
А хто жъ май ключи знайдить (2),
За таго я замужъ пайду!
Нашоў ключи старый дѣдъ (2).
„Прападитя маи ключи—
За старага замужъ ня йтй:
А ў старага дятей многа (2),
Ў маладога нѣтъ никога,
А ў старага ў барадѣ вошы, (2),
А ў маладога ў калитѣ грошы,
А ў старага дѣти плачуть (2),
Ў маладога кони скачуть!

—

А на двори вичаринка (2),
Балить мая сирядинка.
А чаму жъ ёй ни балѣти (2),
Калй нѣкаму пажалѣти:
А свёкрухна ни татухна (2),
Ня вытапить ёнъ лазинки,
Ни папарить сирядинки!
Якъ вытапиў ёнъ лазинку (2),
Бязъ духу, бязъ вѣника,
Якъ пашоў ёнъ у лядинку (2)
Да высикъ сыру дубинку,
Якъ зачаў ёнъ минѣ парить (2),
Сирядинку маю править!
А дубинка сырёханька (2),
Сирядинка синёханька!
Ёнъ и парить, ёнъ и кажыть: (2)
Кабъ дубинка ни шумѣла,
Сирядинка ни балѣла!

—

Черизъ барокъ зялёнинькій (2)
Бяжыть коникъ варонинькій.
За тымъ конёмъ ў пагонъ бя-[жыть (2)
Маладый мальчикъ Ляксѣичка,
На сустрѣчу Кулиначка.
„Кулиначка, душа мая (2),
Пиряйми каня майго,
Каня майго варанога (2),
Минѣ, князя маладога:
А мой коникъ варонинькій (2),
А я—князёкъ малодинькій!“
— Я жъ бы рада пириняти (2),
Ды баюся айца й мати!
„А ня бойся жъ ты никога (2),
Апричъ Госпада Бога,
Апричъ Госпада Бога (2),
И минѣ, князя маладога!“

—

Вичернія заря ясна (2),
Свитавая ящо ясьнѣй!
Хвёдарава жонка красна (2),
Лявонава ящо красьнѣй!
„Хвёдаричка, сусѣдинька (2),
Паминяй ты жонку са мной!“
— А хуть ты мнѣ семъсотъ [придай (2),
А я табѣ жонку ня'ддамъ!
„А хуть жа я ў бяду ўпаду (2),
А ўсё жъ тваю жонку ўкраду!“
— А хуть жа я надорвуся,
А за сваёй жонкай паганюся!

Ср. Бабиничскій варіантъ.

—

Калина зъ малинай, ты ня стой надъ рякою,
Ты ня стой надъ рякою, ни раўнуйся ты са мною!
Было табѣ раўнуватца, якъ я ў татки была!
Якъ я ў татки была, дыкъ якъ мачинка цьвила,
Была красна, якъ ягодка, а бѣлинька, якъ лябёдка!
А ў свякрушки—ни ў татухны:
Ссушыў мянѣ на работи, якъ былинку на памѣти,—
Якъ былинка ссушоная, якъ липинка луплёная!

—

Павѣй, павѣй, буйный вѣтиръ (2)
Да па чистаму полю,
Да па синиму морю, (2)
Да па шырокимъ раздольлямъ!
Павянь, павянь, траўка мята (2),
У гароди стоя.
— Якъ я магу павянути (2),
Буйный вѣтиръ павиваить,
Дробный дажджокъ паливаить!
„Гуляй, гуляй, Катяриначка (2),
У свайго роднага татки!“
— Якъ я магу гулять пайти, (2)
Калй мой милый на дворъ ѣдить,
Ёнъ на дворъ ѣдить (2),
Варотики расчиняить,
Варотики расчиняить (2),
Зъ роднай мамкай разлучаить.
Зъ роднай мамкай разлучаить (2),
Русу коску расплитаить.
Русу коску расплитаить (2)
Бѣлый чапецъ надиваить.
Бѣлый чапецъ надиваить (2)
И хустачкай абкрываить.
И хустачкай абкрываить (2),
У роднай мамки атбираить.

—

Якъ на дво́ри сьмиркаитца (2),
За мной татка пытаитца:
„А дѣ жъ мая прыго́ньница (2),
Прыгоньница, нявольница?“
— У прыгони, у няволи (2),
Прыганяюць, ды ни знаюць,
Рана дамо́ў ни пускаюць.
Наши дамы далёкіи (2),
Пирахо́ды вялѝкіи,
Пираходы вяликіи (2),
Ручаёчки глубокіи!
Якъ пайдў я па памёти, (2)
Го́ласъ пущу па бало́ти,
Няхай го́ласъ галасу́иць (2),
А мой татка няхай чу́иць,
У бисѣди сѣдючи, (2)
У шкля́ньницу глё́дючи:
„Идё́ць мая рабо́тьница, (2)
Идё́ць мая прыго́ньница!
А ў прыго́ни прыганяють (2),
Рана домо́ў ни пускають!

—

„Баравая зязюлинька (2),
Што ня гу́лка куку́ишъ?“
— Хуць я гулка кукую, (2)
Ды ня чуць за барами,
За цёмными лисами (2),
За шэ́рыми салуу́ями!

„Маладая Палане́ичка, (2)
Што ни жаласна плачишъ?“
— Хуць я жаласна пла́чу, (2)
Ды ня чуць за скрипками,
За скрипками, за играньнямъ (2)
И за жано́цкимъ піяньнямъ!

С. Козьяны, Городокск. у.

—

„Ахъ ты, сонца красная, —
Знать ты ў наймѣ ни бывала,
Што ты па мнѣ ни пагада́ла:
Усхо́дишъ ранёшанька,
Захо́дишъ пазьнёханька!“
— Ахъ ты, дѣўка красная, —
Хоть я ў наймѣ ни бывала,
Я па табѣ пагадала:
Хоть я ранинька ўзайдў, —
Я тибѐ на ни́ўки найду,
А по́зьниньках закачу́ся —
Тибѐ на ни́ўки паки́ну!

—

Пайдў я ў дали́нку,
Умыюся кали́нкаю,
Уватру́ся шыри́нкаю.
Ать калины пакраснѣ́ю,
Ать ширинки пабилѣ́ю.

—

Бѣлая чирёмшынка ввесь лѣсъ пабяли́ла
Сва́имъ бѣлымъ цвѣ́тамъ, а краснымъ я́гадамъ.
Красная дѣ́ўка ўсихъ дѣ́вакъ пакрасила
Сваёй красато́ю, диво́цкаю тихато́ю, —
Красатою у вяночку, тихато́ю у стано́чку!

—

Ахъ ты, траўка-мураўка, што ты ни зялёна?
— А якъ жа мнѣ зялёнай быть,
Кали дѣўки ў касьтёлы хо́дють, щира Бога мо́лють:
Кабъ даў Гаспо́дь свёкра багатага, свякро́ву разумную,
А дѣвиря рандо́ўщика, а милага тарго́ўщика, —
Кабъ и я и пила, и ѣла, и харашо хади́ла!

—

А надво́рья ни раниньна,
Пара жонкамъ дамо́ў итѝ,
Патиря́ла заря ключи,
Кала по́стати хо́дючи,
Съ каралёмъ играючи,
Арэ́шки щилкаючи.[1])
„А хто май ключи найдить,
За таго я замужъ пайду!“
А старый дѣдъ мижо́й[2]) ишоў,
Залатыя ключи нашо́ў.
„Прападайтя златы ключи,
За старага замужъ ня йти!
Старый дѣдъ якъ кало́да,
А маладый якъ яго́да,
У старага дитё́й многа,
У маладо́га нѣтъ нико́га.
У старага ў барадѣ во́шы,
Ў маладо́га ў карманѣ гро́шы!“

—

Сама пайдў крайнаю,
Го́ласъ пущу дали́наю.
Нихай голасъ галасу́ить,
Паку́ль татухна пачу́ить,
У святёлочки сѣ́дя,
Да въ вакошычка глё́дя.
„Кали маё дитя́тышка,
Нихай бо́лій пагукаить,
При́дить дамо́й —
Кашки съ масилцамъ паида́ить.
Кали мая нивѣ́стачка,
Нихай бо́лій пажынаить,
При́дить дамо́ў—памиля́ить (по-
[мелетъ),
Да капустки пахлибаить!“

—

1) Вар. Себежск. у.
Съ каралёмъ игра́ючи,
Зъ мѣсицамъ гуляючи.

2) Вар.: горой.

А сонійка за боръ, за боръ!
Пусьти мянѐ у дворъ, у дворъ!
Ў минѐ ў дварэ нѣтъ нико́га,
Апричъ Го́спада Бога,
Да свёкра лихо́га!
У варо́тахъ пираймаить
Да за вадо́й пасылаить:
„Нявѣ́стачка мая, ластачка,
Иди у боръ за вадо́ю:
Я на тябѐ ваўко́ў нашлю,
Абы зло́га чилавѣ́ка!“
— А свикрятка, мой татка:
Я ваўка ни баю́ся,
Ать чилавѣка атгаварю́ся,
Я ваўка каро́мисламъ,
А чилавѣ́ка гаво́рачкамъ:
„Чилавѣкъ, чилавѣчикъ,
Пабо́йся ты Бога:
Ў минѐ ў дварэ дитё́й многа!..

—

Лу́ччи было жыта жати,
А чимъ е́та иравo҆я:
Жыта жали усто́бичку,
Ираво́я прыгну́ўшыся.
Лу́ччи было ў дѣўкахъ быть,
А чимъ типе́рь маладѝцай.
Якъ у дѣўкахъ я была,
Я сало́дкій мёдъ пила,
А якъ стала маладѝцай,
Ни напо́ють и вадѝцай.

—

А на дварэ вичари́нка,
Балиць мая сирядинка.
А чаму шъ ёй ни балѣ́ти,
Кали не́каму жалѣ́ти:
А свёкаръ ни батюшка,
А свякро́ў ни матушка,
Ня вытапють ла́зинку,
Ни напа́рють сирядинку.
Пашо́ў свёкаръ у краинку,
Якъ и вырызаў дубинку,
Ды на маю сирядинку.
Якъ начаў минѐ па́рить,
Сирядину маю править,

А чортъ е́та—ни па̀риньня,
Тольки го́ршы разбале́ньня,
А дубинка сырёшынька,
Сирядинка синёшынька!
А мой татухна чу́ить.
Ёнъ мнѣ ла̀зьню гату́ить,
И зъ ду́хамъ, и съ вѣничкамъ,
И съ тёплай вади̇цай.

А мая̀ мамка чу́ить,
Мнѣ вичерю гату́ить,
А сястри̇ца дажыда̀ить,
Бѣлу ложу засьтила̀ить,
А бра̀тилка дажы̇даить,
За варо́тамъ пірійма̀ить.
А виче́ря сма̀шная,
А пасьте́ля мя́ккая!

—

Гавари̇ў нашъ зилёный лёнъ,
Въ чи̇стамъ по́ли сто́ючи:
„Ахъ вы, люди ди̇ўныи, на што ра̀на вы̇брали?
Ни да̀ли мнѣ вы̇спити, а на со́нцы вы̇зрити!“
Гаварила Дунюшка сваёй ро́днай мамки:
„Што рана сваты пришли?
Ни дали мнѣ вы̇расьти, а вума вы̇нисьти!“

—

За лѣсамъ аго́нь гари̇ть,
А ў бабы жыво̇тъ бали̇ть:
„А мужыкъ, ряту́й, ряту́й,
Люличку гату́й, гату́й!“

— Мнѣ не́кали ратува̀ть
И люличку гатува̀ть!

С. Болецкъ, Городок. уѣз.
Запис. кр. Яковъ Петровъ.

—

Па̀ня мой, пусьти мянѐ дамо́й паро́й:
Ў мянѐ до́ма, до́ма бида̀ стала:
Звалилася свякроў съ тыну у зялёную крапиву!
Ни жаль жа мнѣ свякро́ваньки,
Да жаль жа мнѣ крапи̇ваньки!
Крапи̇ваньку на ни̇ваньку, палива́ть буду,
А свякро́ўку ў маги̇ланьку, паминать буду.
Крапи̇ваньку на мёдъ прапъю̀,
А свякро́ваньку кало́мъ прабъю̀!

Варіантъ. Д. Валейково, Дриссен. у.

—

Пирапёлка, сизая гало́ўка,
Ни лита̀й па по́лю, ни збирай кало́сься,
Ня ве́й гнязьде́чка, ни клади яе́чки:
Пастухи паго́нють, гнязьде́чка разры̇ють,
Гнязьде́чка разры̇ють, яе́чки пабе́руть!

—

На гарэ̀ лёнъ, бѣлинькій ку́жыль,
Люли-рана, бе́линькій ку́жыль!
Нѐ съ кимъ стати лёнъ ирвати!
Свёкарка ка̀жыть: „мы съ табо́ю, зъ маладо́ю!“
— Гэта ни рва̀ньня, да гарива̀ньня!
А на гарэ̀ лёнъ, бѣлый ку́жыль,
Нѐ съ кимъ стати лёнъ ирва̀ти!
Ми̇линькій ка̀жыть: „мы съ табою, зъ маладою!“
Гэ́та ирва̀ньня—цалава̀ньня,
А ми̇лага абнима̀ньня!
Люли-рана, абнима̀ньня!

Д. Тоболки, Дриссен. у. Отъ кр. Ѳеклы Ходаковской зап. Н. Нездачина.

—

Мая̀ ни̇ўка рѣдинька, забали̇ть сяре́динка.
Ма̀манька-радитялка, вы̇тыпи ты ба̀иньку,
Вы̇лами бярёзыньку ды папа̀рь сярёдинку!

—

„Павѣй, павѣй, бу́янъ вѣтиръ, па чи̇стаму по́лю,
Павя́нь, павя́нь, ру́та-мята, у гаро́ди сто́я!“
— Якъ я магу̀ павя́нути, кали̇ до́жжыкъ палива̀ить,
Кали дожжыкъ палива̀ить, бу́йный вѣтиръ павива̀ить.
„Гуляй, гуляй, Акулинка, у ро́днага татки!“
— Якъ я магу̀ гуляти: што-де́нъ сваты̇ наижжають,
Што-де́нь сваты наижжа̀ють, та̀тки зъ ма̀мкай дакуча̀ють.
Та̀тку зъ ма̀мкай въ кабакъ вяду́ть,
Минѐ мо́ладу съ сабо́й бяру́ть!

—

Нашъ Алёксушка бага̀тъ, бага̀тъ,
На красавицы жына̀тъ, жына̀тъ,
Высокъ те́римъ стро́ить, крышу мѣдью кро́ить
gа̀начкамъ на ры̇начикъ, вако́шычкамъ на ву́лицу.
На gаначикъ выйти пасидѣть,
Въ вакошычка на вулицу паглидѣть,
На gа̀начикъ те́сь бага̀тый приде́ть,
Въ вако́шычка кра̀сна дѣвица ввайде́ть.

Себеж. у. Зап. П. Ѳ. Альтимовичъ.

—

А на дво́ри вичарѣ́ить,
Майму́ серцу висялѣ́ить,
А на дво́ри смиркаитца,
Дамо́ў симъя́ збираитца.
А я мо́лада ни вѣ́дала,
Што мой му́шъ наравистый:
У варо́тахъ пирiймаить,
Чужой жано́й называить:
„Чужа жына, дѣ ночь была?“
— Начувала я ў татухны,
Пириспала я зъ мамухный,
Паскакала исъ сястри́цый,
Пагуляла я зъ братиткамъ!

—

„Да ти вышла да тёмная туча съ падъ тёмнага лѣсу?“
— Да ня вышла да тёмная туча съ-падъ тёмнага лѣсу,
Да вы́слала да дро́бнага до́жджу, да бу́йнага вѣтру! [1])
„А ти вышла наша гаспады́нька ранинька на ни́ўку?“
— Да ня вышла наша гаспады́нька ранинька на ни́ўку,
Да вы́слала наша гаспады́нька да трёхъ пирянёлокъ,
Да трёхъ пирянёлакъ, нивѣстакъ-лябёдакъ!
Жнитя, жнейки малады́и, сярпки́ залаты́и,
Да бу́дить жа вамъ паўга́рца гарэлки и сыръ на тарэлки!

С. Долосцы, Себеж. у.
Запис. кр. Зах. Орловъ и Ал. Скороходовъ.

Дожиночныя, обжинныя.

Минская губернiя.

Въ день дожинокъ жнеи одѣваются въ лучшiе костюмы, а хозяйка готовитъ лучшiй обѣдъ, съ водкою. При окончанiи работъ три дѣвушки начинаютъ вить вѣнокъ: одна выбираетъ лучшiе колосья, другая вьетъ вѣнокъ, а третья поддерживаетъ его. Окончивъ жатву, жнеи надѣваютъ приготовленный вѣнокъ на голову одной изъ дѣвушекъ и съ пѣснями идутъ къ дому хозяина. У воротъ двора или на крыльцѣ жней встрѣчаетъ хозяйка, беретъ съ головы дѣвушки вѣнокъ и даетъ ей серебряную монету. Затѣмъ жней угощаютъ, причемъ онѣ поютъ и пляшутъ. Пѣсни слѣдующiя:

Зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ надъ уси́ми барами,
Хвалёнъ нашъ панъ, хвалёнъ, надъ уси́ми панами:
Зьняў шапачку, стаў на ґаначку,
Да вы́катиу бочку пива, а другую гарэлки,
Напои́ть сваѐ жнейки.
Нашы жнейки ни жаўне́рки—ня пъють гарэлки!

—

[1]) Вар. Выхади́ла тучка съ-надъ [тёмнага лѣсу,
Вынаси́ла тучка бу́йниньких вятро́чкау,
Дробниньких даждžо́чкау.
Выхади́ла наша гаспады́нька
На вулицку рана,
Вувадила наша гаспады́нька
Семъ сыно́у сакало́у,
До́чикъ пиряпелокъ, нивѣстакъ-лябё-[дакъ.

Да нашъ панъ маладе́нькiй,
Падъ имъ коникъ варане́нькiй,
Для по́статi паижжая,
Сваи́хъ жне́якъ патишая:
„Маѐ жне́йки ни жаўне́рки —
Ня пъють го́ркай гарэлки.
Да выкачу бочку мёду,
А другую гарэлки,
Да напаю сваѐ жне́йки!“

—

Да нашъ панъ у ґаначку
Да изьняўшы шапачку:
„Да ка мнѣ, жнейки, ка мнѣ,
Да зъ густыми снапами,
Да щъ щастыми капами:
У мянѐ гумно вяли́кая,
Застаро́нки шыро́кiя,
Ару́ды глыбо́кiя!“

—

Засьтилайтя сталы, лавы, —
Ѣдя госьть нибывалый.
Нямно́жка пабывая,
Да й у по́ля выижжая.
Пайду́ я даро́гаю,
Пайду я шыро́каю,
Пущу го́ласъ дубро́ваю:
Нихай го́ласъ галасу́я,
Нихай мая мати чу́я.
„Кали мая дитятачка,
То нихай пагуляя
Па шырокихъ вулицахъ
Зъ маладыми малайцами,
А кали нявѣстачка,
Нихай прывыкая
Па шыро́кихъ по́статяхъ,
Пры лихихъ прыганятыхъ,
Пры дурныхъ ни жана́тыхъ!

—

У насъ сяго́дьни вайна была:
Мы по́ля званвали,
Жы́та дажа́ли!
Зьмяли по́ля мятёлкай,
Прышли дамо́ў зъ вясёлкай!

—

Да калина-малина, ня стой надъ рако́ю,
Ни кивай галино́ю, ни раўну́йся са мною!
Тады табѣ раўня была, якъ я ў ма́тачки жыла,
Бялѐнька бяли́ла, харашэнька хади́ла!

—

Ачыняйтя щито́вы варо́ты,
Идуть жне́и зъ работы,
Ни такъ жа зъ рабо́ты, якъ жъ жарки пяко́ты!
Ве́чаръ вичарэ́я, душа висялѣ́я,
Заранка зара́я, душа занывая,
Што трэ́ба ити на работу, на жарку пякоту!

—

Да мы сваиму́ пану да чыни́ли славу,
Усё жы́та пажали, у ко́пы паклали!

—

Кала са́дынька даро́жычка то́рна.
Хто жъ та тую даро́жачку тарни́ў?

Малады́й па̀рань да дѣвачки хади́ў,
Ёнъ для дѣвачки гасьти́ньчики наси́ў,
Ахъ, сладки я́блачки, папра́нички дары́ў.

—

А ў на́шага гаспада̀ра кудра́вая галава̀:
Ёнъ кудра́ми патрасѐ, намъ гарэ́лки падьнясѐ!

—

Загары́ся вячерняя зо́рка
Пирадъ ра́ньняй расо́й,
„Прибяры́ся, наша гаспадынька,
Пирадъ нами жнія́ми:
Надива́й ты куны, со́бали
И бѣлыя гарнаста́и!“
— Ня грэ́ють мянѐ куны, со́бали,
Ни бѣлыя гарнастаи,
Тольки грэ́я батькина падво́рья
Да маё здарбо́ўя!

—

Чія до́ня?—Папо́ва!
Што дѣлала?—Пало́ла!
Што пало́ла? — Мо́ркаўку, пастарна́къ,
Ды й скало́ла но́жыньку на буракъ!
Сыщы́тя мнѣ казачка съ кабачка̀ —
Ти ня вы́мя зъ но́жыньки бурачка̀?

М. Заславль, Мин. у. Зап. Ал. Матіасевичъ.

—

Могилевская губернія.

Въ Быховскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ южныхъ, оканчивая жать, на послѣдней полосѣ оставляютъ нѣсколько колосьевъ и связываютъ ихъ вверху ленточкой или соломинкой ржи. Колосья эти оставляются „на бараду̀ Богу“. Бороду эту чистенько полятъ рукою, завёрнутою въ рукавъ, но ни въ какомъ случаѣ не голою, разстилаютъ среди колосьевъ чистую холстинку и на ней кладутъ кусочекъ хлѣба и соли, съ молитвою и земными поклонами. Послѣ этого жница должна три раза покатиться по нивѣ всѣмъ тѣломъ и сказать:

Ни́ўка, ни́ўка, адда́й маю си́лку
На другую ниўку!
На коника лой, на ни́ўку гной,
А мнѣ здарбо́ўя!
Суди, Божа, нале́та жати
И ядранѣйшая и гусьтѣйшая!

Только послѣ этого обряда жницы уходятъ домой.

[illegible] кушаній обязательны блины и крутая каша.

Когда начинаютъ свозить рожь съ поля въ гумно, то предъ первымъ возомъ разстилаютъ въ воротахъ гумна скатерть, въ которой въ Пасху отвозился въ церковь для освященія пасхальный столъ. Для этого у хорошихъ хозяекъ имѣется особая скатерть. На эту скатерть кладутъ бѣльевую качалку и по ней везутъ рожь въ гумно.

При сушкѣ первой „ёвни“ огонь подъ осѣтью распаливаютъ сухой травой, освященной въ Троицынъ день или на Ивана, или прошлогодней Макавеевской (1 августа).

С. Городецъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ на бороду оставляютъ кустъ самой лучшей ржи; садятся около нея и вяжутъ красными нитками крестъ изъ колосьевъ, потомъ плетутъ хозяину вѣнокъ. Выполовши бороду, чтобы въ будущемъ году рожь была чистая, и поливши ее водою, чтобы не было засухи, разстилаютъ среди колосьевъ бѣлый платочекъ, кладутъ на него краюшку хлѣба и посыпаютъ ее солью. Потомъ собираютъ полевые цвѣты и украшаютъ ими бороду. Послѣ этого жницы ложатся на землю, чтобы въ будущій урожай рожь была хорошая и колосья гнулись къ землѣ. (Ср. выше). Вставши съ земли, жницы моютъ руки водою, чтобы на будущій годъ было чистое жито и перевязываютъ серпы травою или соломою, чтобы въ будущемъ году не порѣзать рукъ во время жатвы. Послѣ этого отправляются домой съ вѣнкомъ и крестомъ. Крестъ этотъ и вѣнокъ вмѣстѣ съ нововымолоченнымъ житомъ освящаются въ церкви 15 августа.

Если по семейнымъ обстоятельствамъ какая-нибудь „малосильная“ семья опоздаетъ съ жнивомъ, сосѣди, сжавшіе свои нивы, приходятъ ей на помощь: „хадитя къ Пятру̀ Сухару̀каму на талаку̀!“ Хозяинъ благодаритъ ихъ за помочь хорошимъ обѣдомъ и угощаетъ водкою.

Есть нѣкоторыя повѣрья о двуколосныхъ стебляхъ. Говорятъ, что если женщина съѣстъ двойной колосъ, она неизбѣжно будетъ имѣть двойни. Такіе колосья даютъ ѣсть овцамъ, чтобы онѣ приносили по двое ягнятъ.

Вѣра въ силу заломовъ, завитокъ, закрутъ все еще держится. Дѣлаютъ эти заломы вѣдьмы и колдуны, чтобы навредить хозяину нивы. Обыкновенно, это дѣлается раннимъ утромъ до восхода солнца. Вѣдьмы при этомъ снимаютъ съ себя одежду и дѣлаютъ завитки голыми и съ распущенными волосами. Бывали случаи, что крестьяне застигали вѣдьмъ на завиткахъ. Но видъ голой вѣдьмы съ распущенными волосами, въ предразсвѣтномъ сумракѣ, вызывалъ у нихъ такой страхъ, что они цѣпенѣли и не могли даже перекреститься. Пользуясь этимъ, вѣдьмы требовали отъ непрошеннаго свидѣтеля „присяги“ въ томъ, что онъ до самой смерти никому не разскажетъ объ этой встрѣчѣ. Боясь мести и даже опасаясь, чтобы вѣдьма силою діавола тотчасъ же не задушила свидѣтеля, онъ давалъ такую

клятву. Заломы, завитки и закруты, какъ показываетъ самое названіе, бываютъ трехъ видовъ: въ заломахъ горсть стеблей изламывается и колосья приникаютъ къ землѣ; въ завиткахъ берутся двѣ сосѣднія горсти стеблей, скручиваются каждая жгутомъ и завиваются вверху въ видѣ арки; въ закрутахъ горсть стеблей скручивается жгутомъ и завязывается въ видѣ узла. Чтобы обезвредить это колдовство, чаще всего приглашаютъ причтъ, который послѣ молитвы вырываетъ испорченную рожь епитрахилью и сжигаетъ на разложенномъ хозяиномъ кострѣ. Нерѣдко зовутъ на ниву колдуна, который считается сильнѣе вѣдьмъ, и тотъ вырываетъ закруты. За это ему платятъ хлѣбомъ, одеждою и деньгами. Болѣе развитые хозяева при жнивѣ обжинаютъ заломы, а потомъ съ молитвою сжигаютъ ихъ, какъ они стоятъ.

При молотьбѣ новаго хлѣба варятъ крутую кашу изъ разныхъ крупъ, чтобы въ будущемъ году уродилась густая рожь. При этомъ же считается обязательнымъ и употребленіе водки: „сягодьни абмалотки, трэба па чарцы выпить“. При окончаніи же молотьбы всей ржи, водка распивается на току въ гумнѣ.

Привожу нѣкоторыя изъ дожиночныхъ пѣсенъ Гомельскаго уѣзда.

Да ўжэ вѐчаръ вичарэ́я,
Нашъ панъ висялѣ́я,
Па по́стати пояжджа́я
Сваѐ жнѐи прыганяя:
„Жни́тя, жницы, жни́тя,
Сябѐ ни пазьни́тя,
Майгѐ каня̀ варано́га,
Мянѐ, па́на маладо́га,
Майгѐ каня стрыка́тага,
Мяне, пана бага́тага.
Да ўжэ ве́чаръ вичарэ́я,
Наша пани висялѣ́я
Па по́стати пахаджа́я,
На пагѐду пагляда́я:
„Малю̀ Бога за пагѐду,
Што маѐ жни́цы у поли,
Касцы̀ маѐ на бало́ти,
Уси люди на рабо́ти!“

—

Да ў на́шаго па́на да нядобрая [слава:
Па мѣсяцу жы́та жали,
Па зо́рамъ ко́пы клали.
Тёмна ў по́ли, тёмна,
Бада́й таму̀ тямнѣ́й было́,
Хто да хаты ни пуска́я,
Да на̀ пали насъ трыма́я!
А мы по́зна съ по́ля йдо́мъ,
Да прыганя́тага кляно́мъ!

—

Сяди́ть мядьвѣдь на капѣ̀,
Дивуитца барадѣ:
А чыя̀ то̀ барада̀
Чорнымъ шо́ўкамъ павита̀,
Сыто́й-ме́дамъ палита̀?
А Пятро́ва барада̀
Чорнымъ шо́ўкамъ павита̀,
Сытой-ме́дамъ палита̀!

Скупому же хозяину поютъ:

Сяди́ть мядьвѣдь на капѣ̀,
Дивуитца барадѣ:
Ой, ди́ўна имнѣ да той барадѣ:
А чыя̀ то барада̀
Смало́ю пали́та,
Пянько́ю павйта, и т. д.

Уходя послѣдній разъ съ поля, поютъ:

Запяёмъ ми е́ту, що здѣсь нѣту,
Запяёмъ мало́дку на ўсю глотку!

Мало́дка, мало́дка, маладá́я,
Салдацкая жана̀ палкава́я!
Да по́лна па вулицы хади́ти,
Да по́лна па ми́ламу тужы́ти!
— А якъ жа мнѣ ня тужы́ти,
Мнѣ тако́га павѣ́къ ня нажы́ти!

—

Со́няйка ни́зянька, вичаро́къ блѝзянька,
Да прыбу́дь да мянѐ, да мой ми́лянькій!
Ти ты мянѐ су́дишъ, ти ты мянѐ гу́дишъ,
Да другія хо́дишъ, пра мянѐ гаво́рышъ,
Да на мянѐ, дяўчо́начку, худу славу гонишъ!
— Ня бойся, дяўчо́нка, ты худы́я славы,
По́йдимъ павиньча́имсь, дакъ будя насъ па́ра,
Нихто ни разсу́дя, нихто ни разлу́ча,
Тольки насъ разсу́дя, тольки насъ разлуча
Заступъ да лапа́та, бизвуго́лна хата,
Глыбо́ка магйла—пращáй, мая̀ ми́ла,
Жо́ўтянькій пясо́чакъ—пращай мой дружо́чакъ!

Поповская вол., Гом. у.

—

Витебская губернія.

При окончаніи жатвы здѣсь также оставляется горсть колосьевъ, но называется она не бородою, а „кустомъ“. Въ Витебскомъ уѣздѣ для куста оставляется десять колосьевъ. Жницы садятся вокругъ куста и начинаютъ медленно полоть траву въ кустѣ. При этомъ поется слѣдующая пѣсня.

Край по́ля шыро́кыга,
Пысярёдъ мо́ря глыбо́кыга,
А йшо́ў спары́шъ ды па ву́лицы.
Нихто спарыша̀ у хату ни заве́ть.
Вышла, выплыла ву́мныя жына̀ Андре́ива:
„А хади, спарышъ, ка мнѣ ў хату,
А садись, спарышъ, ды на по́кути,
На по́кути ды на зо́лыти,
А ѣшъ, спарышъ, сыха́рный кусъ,
А пѝй, спарышъ, зиляно̀ вино!“

Затѣмъ берутъ небольшую краюшечку хлѣба, сыплютъ въ средину ея соль и кладутъ хлѣбъ посреди выполотыхъ колосьевъ. Потомъ завиваютъ колосья справа налѣво, и каждая жница обязана нѣсколько разъ перекатиться по этому завитому кусту. Дѣлается это для того, чтобы въ будущемъ году былъ хорошій урожай и чтобы колосья отъ тяжести клонились къ землѣ. Послѣ этого вьютъ вѣнокъ и надѣваютъ его на голову дѣвушкѣ-жницѣ. А если среди жницъ дѣвушки нѣтъ, то вѣнокъ надѣваетъ себѣ на руку одна изъ жен-

щинъ. Съ поля жницы идутъ съ вѣнкомъ въ домъ хозяина нивы и поютъ ту же пѣсню „Спорышъ“. Хозяйка встрѣчаетъ ихъ въ сѣняхъ у порога, беретъ вѣнокъ и одаряетъ принесшую его деньгами. Послѣ этого слѣдуетъ угощеніе и пѣніе пѣсенъ.

А ти пóўна арэ́хыва чашка салóдкыга мёду?
— Такъ пóўна, што ни кылыхнéтца, ни пыліéтца.
А ти пóўна Григóрьива гумно жыта идрянóга?
— Такъ пóўна, што канёмъ ня ўѣхыть, пяшкóмъ ни вуйтѝ,
Тольки мóжна сóкылу улятѣ̀ть дыбрà пыглядѣ̀ть!

Щербинская вол., Витеб. у.

—

У насъ ся́ни абжы́начки,
А намъ, дѣ̀вачкамъ, гарэ́лачки!
А мы гóрькай ня хóчимъ,
Намъ дадуть салóдинькай.
А горькая у горли пяршы̀ть,
А салодкая сама бяжы̀ть!
А мы люди ня гóрдыя,
Выпъимъ и горькія,
А мы люди ня пышныя,
Выпъимъ и съ вишнями!
Хозя́ину вянóкъ,
А намъ, дѣвачкамъ, мядóкъ.

С. Лѣсковичи, Вит. у.

—

А у насъ ся́ни дажóнъ, дажóнъ,
А прыкáщику ражóнъ. ражóнъ!
Мы да краю дагóнимся.
Мы гарэ́лачки напъёмся.
Гавары̀ла бачóначка,
У пѝўницы стóя:
„Калѝ минѐ ня вы̀пъитя,
Па пѝўницы пакачу́ся, разаль-
[лю́ся!“
Гавары̀ла Настулька у татки
[раднóга:
„Кали минѐ зáмашъ сёльта
[ня'ддасьтѐ,
То я сама пайдỳ!“

—

А ў край пóля, пóля чи́стага,
А ў край мóря, мóря сѝнига,
Тьвилѝ кудри, кудри русыи
[Ивáнавы,

Съ-падъ шапаньки
Съ-падъ бабрóвинькій,
Съ-падъ ху́станьки
Съ-падъ шаўкóвинькій.
Хóдють жнéи, жнéи малады̀и,
Жнеи малады̀и, сярпы̀ залаты̀и,
Нихто ихъ у хатку ни завéть.
Завéть жа ихъ Ивáничка,
Сóдить за столики за тисовыи,
За скатирки за бялёвыи.
Наливáить ку́бачки паўнёшыньки.
Ку́бачки паўнёшыньки,
А жнеи пъянёшыньки,
Столички пазаваля́лись,
А жнеи паваля́лись.

—

Ляжы̀ть казёлъ на мяжэ̀,
Диву́итца барадѣ́:
А чія-жъ то барадà,
А ўся мёдамъ улитà,
А ўся мёдамъ ули́та,
А ўся шóўкамъ увѝта?
Василёва барадà,
А ўся мёдомъ улитà,
А ўся мёдомъ ули́та,
А ўся шóўкамъ увѝта.
Ты, Агафья (жена), ни лягкы̀,
Ўсё барóданьку лижы̀!

Скупому хозяину поютъ:

Лягкы̀ть казёлъ на мяжэ̀,
Диву́итца барадѣ:
А чія-жъ ба барадà,
А ўся дёхтю улитà,
А ўся дёхтю улѝта,
Мачу́лами увѝта?
Ты, Сахвéйка, ни лягкы̀,
Ўсё барóданьку лижы̀!

—

А хазя́инъ силизéнь,
За гарэ́лкой палитѣ̀ў,
А хазя́йка титéря,
Ти гатóва вичéря?
Наварыла буракóў,
Накидáла чирвякóў,
Наварыла кашы,
Насы̀пала сàжы.

Бабиничск. вол., Витеб. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

—

Найсвéньша Матка (2)
Раю, раю, па нéбу хадѝла,
Калóсься, збирала (2),
Раю, раю, вянóкъ завивала.
Вянокъ завивала (2),
Раю, раю, пани падавáла.

Поютъ, когда вьютъ вѣнокъ.

Несетъ вѣнокъ на головѣ одна изъ дѣвушекъ въ сопровожденіи всѣхъ жней. Подходя къ крыльцу хозяйки, поютъ;

А палѝ, пàня, свѣчку,
Выхадѝ къ намъ на сустрэ́чку,
Прынимай сваё дабрò,
Да ў вяли́кая гумнò!

Когда хозяйка идетъ брать вѣнокъ, то дѣвушка, несшая вѣнокъ, говоритъ:

„Судиў Божа на гэта,
Суди-жъ Божа й на лѣта.
Суди́у Божа спажыпàти,
Суди жъ Божа спажывáти!“

—

Хади́ў раю, раю-раю, па ву́лицы,
Нихто раю, раю-раю, ў хатку ня прóсить.
Тольки папрóсить, раю-раю, а нашъ паночикъ:
„Прóша раю, раю-раю, ў маю̀ хатку!
Ў маёй хатцы, раю-раю, ўсё у парàдку:
Сталы̀ накры̀ты, раю-раю, кубки нали́ты;
Маѐ абру́сы, раю-раю, бялёвыя;
Маѐ кубки, раю-раю, залаты́я;
Винóмъ-мёдамъ, раю-раю, налиты́я!“
— А хто жъ кубки, раю-раю, да наливàў?
— Наливала кубки, раю-раю, наша паня!
Ина жнéикъ, раю-раю, дажыдáла,
Старшую жнéйку, раю-раю, чиставàла!

Пѣсня эта считается самою важною изъ числа дожиночныхъ. Народъ говоритъ, что эту пѣсню пѣлъ самъ Богъ, когда кончилъ жать.

—

А ў насъ сягóдьня дажóнъ, дажóнъ,
А хто ни дажàў, тамỳ ражóнъ, ражóнъ!

—

Хадúў спары́шъ па вýлицы,
Нихто спарышà ў хату ни бирэ́ть.
Атазвáўся малады́й Змитрóкъ,
Узяў спарышà къ сабѣ у хáту,
Пасадúў спарыша на кутѣ.
„А ў минѐ дли спарышà
Сталы̀ засляны бѣлыми абрýсами,
Кубки налúты зялёнымъ виномъ!“

—

У другимъ кубку зéляна вино,
А ў трэтьтимъ кубку саладóкъ
[мядóкъ!“
Зéляна вино яго чéлядь пъéть,
Ншанишна пива самъ мóладь
[пъéть,
Саладóкъ мядóкъ яго дѣтки
[пъю́ть.

Лепельскій у.

—

Хадúў раё па вýлицы,
Нихто раю ў хатку ня прóсить.
Прóсить-папрóсить нашъ Си-
[мóнька:
„Хадù, раю, у хатку ка мнѣ:
У мянѐ хата тясóвая,
У мянѐ абрусы̀ бялёвыя,
У мянѐ кубки залатúя,
Мёдамъ-пúвамъ налитыя:
Въ адны́мъ кубку ншанúшна
[пива,

Варіантъ Дриссен. у.

Ишоў раёкъ дарóгаю,
Дарóгаю шырокаю.
„Хадù, раёкъ, на мой дварóкъ:
Маѐ лаўки шырóкія,
Маѐ сталы̀ чисóвыя,
Маѐ убрýсы бялёвыя,
Маѐ хлѣбы бумажныя!

Д. Гердики, Тоболков. в.
Отъ кр. Нат. Бавтрушевичъ.

—

Въ Себежскомъ уѣздѣ дожинки справляются въ концѣ жатвы яровыхъ. Когда колосьевъ (обыкновенно—овса) остается уже мало, ихъ поручаютъ жать одной дѣвушкѣ; потомъ изъ нихъ плетутъ вѣнокъ и надѣваютъ его на голову той же дѣвушкѣ. Послѣ этого отправляются къ хозяину нивы, дѣвушка въ вѣнкѣ идетъ впереди, а жницы, съ серпами на головахъ, вслѣдъ за нею. Придя къ хозяину, дѣвушка наклоняетъ голову; хозяинъ снимаетъ вѣнокъ, вноситъ его въ домъ и кладетъ на божницу, а потомъ благодаритъ жницъ и угощаетъ ихъ виномъ и закускою.

Къ сожалѣнію, пѣсни здѣшнія записаны слабо и я рѣшаюсь дать мѣсто только тремъ изъ нихъ.

Óкалъ саду, óкалъ вúшынья,
Хóдить голубъ изъ галýбкаю;
У гóлуба залатáя галавà,
У галубки пызалóчинная,
Чорнымъ шóлкымъ приустрóчинная.
Ѣдить Ваня и дúвитца:
„Пирядù, мая̀ галýбка, на маю̀ старанý!“
— Я бъ и рада пиряйтù—пиряхóду ни найтù:
Чиризъ рѣчку пиряйти—цвѣтна плáтьтя замачúть;
Па дарóжки прайтù—лицо бѣла запылúть;
Па мастóчку пиряйтù—мастлвóга заплатúть.

—

А якъ жаркимъ лѣтамъ ярая пчёлка
Па чúстаму пóлю мёдава судёшка шукàла.
Мёдава судёшка ни нашлà,
Тóльки нашла гóрькыю асúну!
А якъ горькыя сиратúнушка
Искала сваёй радúтильки—матки.
Ни нашла сиратúнушка рóннай матки,
Ды нашла сиратà гóрькая
Стàрага лихóга свёкра!

—

А мы кóньчили на пóли пажóнъ,
А нажали мы ты́сичу капёнъ!
Выхадù, хызяинъ, зъ буты́лышкый,
Вынасù, хызяйка, сыръ са хлѣбушкый!
Прымачù, хызяинъ, нàшы гóрлышки,
Пылячù, хызя́юшка, сярёдушки!
Ны пачётъ кладёмъ вянóкъ зирнавóй.

Зап. г. Альхимовичъ.

—

Ишбў раёкъ дарбжухный,
Ни знàить раёкъ, гдѣ абмитà-
[тися!
Вышла паня, ўсё бая́рыня:
„Звярнúсь, раёкъ, ўсё на мой
[дварóкъ:
Май дварỳ ўсё митёныи,
Прысáдухны ўси зилёныи,
Винаграды ўсё сажоныи,
У насъ стравухны сахàрныи,
У насъ хлѣбы ўсё бумажныи!“

С. Долосцы, Себеж. у.
Зап. Н. Нездачина.

—

Нашъ хазя́инъ Дунай,
Хазя́юшка, якъ малина,
Хазяина абманúла.

Нашъ хазяинъ сыту сы́тить,
Хазя́ичка гарэ́лачку,
Нашъ хазя́инъ гасьтéй пóить,
Хазя́юшка сямéюшку.
Госьти будуть, да паѣдуть,
А сямéйка са мной бýдить!

—

Зьмятёмъ пóля мятёлачкай,
Придёмъ дамбў зъ вясёлачкай.
Выйди, выйди, панъ хазя́инъ,
Пиряймù своё дабрó
У шырóкая гумнò,
У мидя́ныя варóты,
Ў залаты́я пиряплёты.

С. Болецкъ, Город. у.

—

Выхадúла туча съ-падъ тёмнага лѣса,
Вынасúла туча да буйнага вѣтра, да дрóбнага дóжджа.
Выхадúла наша гаспады́ня, наша маладàя,
Вынасúла па чáрки гарэ́лки и сыръ на тарэлки.

С. Вировля, Город. у.

—

Ай, дабраныч, мыя круглыя [ниўка,
Ды за добрую жниўку!
Ай, спасиба Богу за падмогу:
Што два поли увыбрали,
А третьтія зыпахали,
Какъ первая спарыньня
Звалилыся съ кареньня!

—

Кабъ намъ чатырёмъ ядрёная жыта —
Мы бъ яго пыжынали!
Кабъ намъ чатырёмъ ды пьяная пива—
Мы бъ яго папивали!
Кабъ намъ чатырёмъ ды звонкія гусьли—
Мы бъ на ихъ пыиграли!
Кабъ намъ чатырёмъ мыладой дитина—
Мы жъ бы зъ имъ жартавали!

—

Павилася тонкая паутинка
Ды па чистыму полю.
Научилась мыладая дяўчинка
Чорнымъ шолкымъ шыти,
Зблытамъ страчити.
Ана шыла й вышывала,
Братцамъ кыўнярёчки,
Сёстрамъ рукавочки:
Вы й насития, братцы, кыўнярёчки,
Сёстры рукавочки!
Какъ зайду шъ я ды ў чужыи [люди,
Ды ў вялику сямейку,
Я забудусь чорнымъ шолкымъ [шыти,
Зблытамъ страчити:
А толька буду талочь, малоть,
Ды вадицу насить,
Ды печку тапить.

—

Ушъ на дварѣ ня рана,
Дѣўка ключи пытиряла:
„А хто май ключи знайдить,
За таго я замышъ пайду!
Я звязу яму кашулю
Тонку, бѣлу, намётисту!
Нашоў жа ключи старый дѣтъ.
„Я за старага замышъ ни пайдў,
Ни звязу яму кашульку
Тонку, бѣлу, намётисту!

—

Запашў я лянку цэлыю палянку.
Не ўрадиўся лёнъ, взашлй канапельки!
А ўпавадились у ихъ пташки, да ўсё вирябейки.
А я таму вирябью колымъ нагў пирябью.
Вирябейка скачить, па тэй ношки плачить.
Я на тую ношку, вывизу паньчошку;
Я на тоя тѣльца, куплю пылатенца.

—

Якъ падъ гаимъ, падъ зялё- [нымъ,
Дѣўка мала лянокъ брала.
Биря лянокъ, гыварила:
„Зимля мыя сѣринькая,
Мамка мыя старинькая,
Вазьми минѐ малинькыю!“
— Дитя маѐ дырагбя!
Взяўшы тибѐ, жыть ня будишъ,
Въ люди пойдишъ, долю возь- [мишъ,
Долю возьмишъ, сына родишъ!

—

У насъ сягодьни абжынычки,
Мы напьёмся гарѣлычки!
Мы сягодьни дажнёмъ,
Хызяина ражномъ,
А хызяюшку чипельникымъ.

С. Казаково, Велижск. у.

—

На нашый ниўки сягодьня абжынки,
Мы жали, радѣли, гарѣлки хатѣли.
Намъ цытырёмъ гарѣлыцки лыпырёмъ,
Намъ пятку гарѣлыцки зъ мяткомъ.
А гарѣлыцка катокъ катилыся у ратокъ.

—

Усё лѣта спарня зъ намъ на нивушки была,
А сягодьня спарня, зъ намъ дамоў пашла.
Иди-ткы шъ, спарня, кы Вану въ агаротъ,
Кы Вану въ агаротъ у Иваныву асеть.
На ниви спарня ужыньчиста была,
А ў агаро̀ди спарня пристаўчиста была,
У адонки спарня укладиста была,
У асети спарня присушыста была,
У пасади спарня присбдиста была,
А ў куцы спарня пригрѐбиста была,
А ва 'нбари спарня присыписта была,
А у молу спарня умолцыста была,
А ў дижы спарня патходиста была,
А у печи спарня припецыста была!

С. Узкое. Зап. Т. Модзалевская.

—

Ишоў казёлъ пы мяжы,
Диваваўся бырады:
„Цыя ета бырыда,
Полна мёдамъ нылита,
Бярестыцкымъ увита?“
— Михайлина бырыда,
Полна мёдамъ нылита,
Бярестыцкымъ увита!
Авдотьтя ни ляжы,
Михайлину бырадў аближы!

—

Пыхинуўся зялёный дубокъ у шэрый барокъ;
Пыхвыляўся Высилёкъ ны свайго атца:
— Ня буду свайго атца слушыть, и матушку увыжать:
Буду па полю гоцать, красныхъ дѣвыкъ выбирать.
Выбиру сабѣ дѣўку быгатыга рода, вяликыга роста;
Буду яѐ слушыть и мать съ атцомъ яѐ увыжать!

С. Манлокъ. Зап. К. Коптѣловъ.

Чый жъ гэта барада
Мёдамъ-виномъ улита,
Чорнымъ шолкамъ ушыта?
Рана, рана!
Сьтипанава барада
Мёдамъ-виномъ улита,
Чорнымъ шолкамъ ушыта,—
Рана, рана!
Ты, Анютка, ни гуляй,
Шолкъ зъ барады выбирай,
Рана, рана!

Скупому хозяину поютъ:

Чый жъ гэта барада
Смалой, дёхтямъ улита,
Дратваю ушыта?
Рана, рана!
Михалкава барада
Смалой, дёхтямъ улита,
А дратваю ушыта,
Рана, рана!
Ты, Катрынка, ни гуляй,
Смалу зъ барады выбирай,
Рана, рана!

—

А ў тёмнымъ лѣси, 2
Рана, рана!
Мядьвѣдь рыкаить.
Рыкай, ни рыкай, 2
Рана, рана,
Я ни баюся,
Тольки баюся, 2
Рана, рана,
Тёмныя ночки!
Тёмная ночка, 2
Рана, рана,
Разлука наша!

Д. Заулки Дисн. у. Вилен. губ.
Отъ А. Пилипенковой запис. мною.

—

Да ти выйдить да тёмная туча съ надъ тёмнага лѣсу?
Да ня вышла да тёмная туча съ надъ тёмнага лѣсу,
Да выслала дробнага дожджу да буйнага вѣтру:
Палійтя, дробныя дажджы, павѣйтя, буйныя вятры!
— Да ти выйдить наша гаспадынька жыта дажынати?
Да ня вышла наша гаспадынька жыта дажынати,
Да выслала трохъ сынкоў-сакалкоў, дачкоў-пирапёлкаў:
„Жнитя, жнитя, вы сынки-сакалки, дачки-пирапёлки!
Да нажнитя девить копъ жыта, а дисятую пшаницы,
Да выкачу девить бочакъ пива, а дисятую мёду!“

М. Браславъ, Ковен. губ.

20 іюля, день прор. Иліи, въ Бѣлоруссіи празднуется повсемѣстно. Такъ какъ, по существующему повѣрью, пр. Илія ѣздитъ по небу въ золотой колесницѣ и отъ его колесъ исходитъ громъ, а отъ ударовъ копытъ лошадей происходитъ молнія, то святому служатся молебны о ниспосланіи дождя во время засухи.

Молніей пр. Илія убиваетъ злыхъ духовъ. Громовыми стрѣлами народъ называетъ орудія каменнаго вѣка преимущественно неолитическаго періода, шлифованныя. Тамъ, гдѣ рѣдко встрѣчаются окаменѣлости белемниты, народъ даетъ и имъ названіе „перуновыхъ стрѣлъ“. Въ другихъ мѣстахъ ихъ зовутъ чертовыми пальцами.

Во время сильной грозы предъ иконами зажигаютъ свѣчи, главнымъ образомъ, страстныя, отъ двѣнадцати евангелій великаго четверга. Если во время грозы будетъ убитъ человѣкъ, его считаютъ угоднымъ Богу. Послѣ смерти онъ идетъ прямо въ рай. Поэтому пораженныхъ молніей большею частью не пытаются спасать, или же въ крайнемъ случаѣ ограничиваются тѣмъ, что зарываютъ ихъ въ землю, оставляя свободною только голову. Чтобы громъ не поразилъ человѣка, необходимо во время ударовъ грома креститься. Объясняется это тѣмъ, что діаволъ, поражаемый Иліею, прячется отъ него гдѣ только можно, въ томъ числѣ и въ человѣка, если онъ не кладетъ на себя крестнаго знаменія. Пожары, происшедшіе отъ молніи, тушить водою грѣшно; ихъ можно тушить только молокомъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ частыхъ ударовъ грозы въ церковные купола, народъ сталъ позволять себѣ тушить грозовые пожары и водою.

Обыкновенно въ день пр. Иліи бываетъ гроза или по меньшей мѣрѣ дождь. Это считается предсказаніемъ того, что осенью будетъ мало пожаровъ въ овинахъ. Сухой же день 20 іюля предсказываетъ обиліе такихъ пожаровъ.

Отношеніе народа къ перуновымъ стрѣламъ неодинаковое. Кремневыя орудія идутъ на высѣканіе огня; каменныя употребляются знахарями для растиранія опухолей въ женскихъ грудяхъ и въ вымени коровъ; чрезъ отверстія молотковъ они пропускаютъ воду, которою лѣчатъ потомъ больныхъ. Въ однихъ мѣстахъ ихъ хранятъ въ домѣ, чтобы предотвратить ударъ молніи; въ другихъ, наоборотъ, думаютъ, что перунова стрѣла именно и привлекаетъ въ домъ молнію.

Съ Ильина дня народъ перестаетъ купаться, считая купанье грѣхомъ. Кто нарушаетъ это запрещеніе, тотъ непремѣнно заболѣваваетъ. Съ Ильинымъ днемъ связаны и нѣкоторыя примѣты. Напр., если за семь недѣль предъ Ильею на крапивѣ появятся черви, это лучшее время для посѣва гречихи. Если на Илью идетъ сильный дождь будетъ неурожай на орѣхи. Чтобы въ хатѣ не было клоповъ, надо въ Ильинъ день вырвать до восхода солнца съ трехъ початковъ по три посканьи, войти съ ними въ избу и бить этими посканьями по стѣнѣ, говоря: „Ильля ў хату и я ў хату, а клопы и блохи вонъ!“ и поторкать посканьи по угламъ хаты.

То же надо сдѣлать и на Спаса—6 августа, непремѣнно до восхода солнца, и сказать: „Пришоў Спасъ, штобъ ни было клопоў, васъ!“

День св. Маріи Магдалины 22 іюля не празднуется.

24 іюля, день св. Бориса и Глѣба, празднуется только до обѣда. Въ Могилевской губерніи въ этотъ день можно возить снопы съ поля, сѣно съ луга, грести сѣно; воспрещается только косить и жать. Въ Витебской же губерніи строго воспрещается какая бы то ни было

работа на лошадяхъ,—иначе съ ними непремѣнно произойдетъ несчастіе, или хозяинъ будетъ наказанъ тѣмъ, что сгорятъ свезенные снопы и сѣно.

Со времени путешествія аѳонскихъ святынь въ 1866 году въ Могилевской губерніи чтится день св. Пантелеимона 27 іюля. Угодникъ считается цѣлителемъ въ особенности головныхъ болѣзней.

30 іюля молятся св. Іоанну Воину объ отысканіи уворованныхъ вещей и лошадей и вмѣстѣ о наказаніи воровъ. Если задержатъ подозрѣваемаго вора безъ прямыхъ уликъ, его заставляютъ клясться землею. Воръ беретъ комъ земли и говоритъ: „кали я украў, то—чорна зямля̀, щобъ я чарнѣй зямлѝ стаў!" и съѣдаетъ эту землю. Послѣ этого вора отпускаютъ.

Воры же молятся объ удачномъ воровствѣ не св. Іоанну, а св. Николаю. Такимъ образомъ, св. Николай считается бурлацкимъ богомъ, цыганскимъ богомъ и покровителемъ воровъ.

Августъ.

День 1 августа въ Гомельскомъ уѣздѣ называется Макавѐй (маковѣй) и Первый Спасъ. Повсемѣстно совершается крестный ходъ на воду—„водяная отпра́ва" и освящаются садовые цвѣты и нѣкоторые огородныя растенія: морковь, подсолнечникъ и макъ. Освященнымъ макомъ потомъ осыпаютъ хлѣва, а цвѣты бросаютъ въ воду, въ которой купаютъ больныхъ дѣтей. Въ этотъ день обязательнымъ кушаньемъ считаются пироги съ макомъ или съ морковью. „На Макавѐя нада маку вволю паѣсть".

6 августа празднуется „Большой Спасъ", „Другій Спасъ". Въ церкви освящаются яблоки, первый медъ и въ южныхъ уѣздахъ сѣменная рожь. Употребленіе яблокъ до Спаса считается грѣхомъ, для замужнихъ женщинъ непростительнымъ. Объясняется это тѣмъ вѣрованіемъ, что въ раю умершимъ дѣтямъ въ этотъ день дается по райскому яблочку, кромѣ тѣхъ дѣтей, матери которыхъ ѣли фрукты до Спаса. Когда же эти дѣти попросятъ Бога дать и имъ райское яблочко, то получаютъ въ отвѣтъ, что ихъ яблочки „свиньи съѣли".

Пчеловоды въ этотъ день вынимаютъ медъ изъ ульевъ и обязаны дѣлиться имъ съ родными и приходящими.

Къ столу считается обязательнымъ печь пироги съ яблоками.

15 августа кончается постъ „Спасовка-ласовка" (а Петровка-голодовка), или „Спажи́нъ постъ". Праздникъ Успенія называется „Первая Пречистая". Въ этотъ день освящаются въ церкви сѣмена ржи и колосья новаго хлѣба.

Церковныя братства, возникшія во времена польскихъ гоненій, въ Бѣлоруссіи упорно сохраняются, хотя въ большинствѣ и потеряли [illegible] обликъ, преобразовавшись въ такъ называемую

„свѣчу". Празднованіе „свѣчъ" пріурочивается къ глубокой осени и къ началу зимы. Таковы свѣчи: Покровская, Михайловская, Варваринская и Микольская. Въ наибольшей чистотѣ братская обрядность сохранилась въ Гродненской губерніи, гдѣ братскій ритуалъ соблюдается во всѣхъ подробностяхъ.

Въ Витебской губерніи членами братства состоятъ тѣ лица, которыя на свои средства пріобрѣли икону того праздника или святого угодника, въ честь котораго устроено братство. Братчики дѣлаютъ ежегодно членскіе взносы въ братскую кружку; денежнымъ суммамъ производится ежегодный учетъ, а гдѣ имѣются грамотные—даже и приходорасходныя записи. Деньги братскія расходуются главнымъ образомъ на нужды храма; на нихъ производится ремонтъ въ храмѣ, пріобрѣтается необходимая церковная утварь и т. д. Въ члены братства допускаютъ только люди степенные, болѣе или менѣе зажиточные. Братская икона находится у братчиковъ въ домѣ поочередно, на срокъ, устанавливаемый самими братчиками. Обыкновенно такимъ срокомъ считается годъ.

Къ братскому празднику приглашается причтъ. Предъ образомъ совершается краткая литія о здравіи хозяина дома, послѣ чего образъ поднимается и переносится въ домъ слѣдующаго очереднаго братчика. Здѣсь совершается молебенъ, съ возженіемъ братской свѣчи и съ поминовеніемъ всѣхъ братчиковъ, а затѣмъ хозяинъ предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ „столъ". На слѣдующій годъ икона переносится такимъ же порядкомъ къ другому очередному братчику и т. д. Во время столовъ собираются пожертвованія въ братскую кружку, уклоненіе отъ которыхъ считается зазорнымъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ свѣчу покупаетъ общество; наименьшій вѣсъ ея восемь фунтовъ, наибольшій—пудъ. Гдѣ имѣется свой воскъ, свѣчу ежегодно подсучиваютъ къ празднику. Здѣсь наканунѣ праздника устраивается „вече́ра" для бѣдныхъ, а въ самый праздникъ обѣдъ для причта и членовъ общества, участвующихъ въ свѣчной складчинѣ, а гдѣ свѣчу покупаетъ міръ—громада, тамъ для всего общества. По пріѣздѣ причта, служится акаѳистъ тому святому, въ честь котораго установлена свѣча, и потомъ она, вмѣстѣ съ иконою, переносится къ другому хозяину, по жребію или по желанію. Изъ напитковъ къ столу подаются водка, вино и особенно *медъ*,—что относитъ установленіе празднованія къ XVII вѣку. Медъ считается такою необходимою принадлежностью братскихъ трапезъ, что хозяева даже приглашаютъ гостей формулой: „хади́тя ка мнѣ ў ме́дъ!" Въ послѣднее время въ эти историческія трапезы ворвался разгулъ и во время ихъ пропиваются крупныя суммы. Въ деревнѣ Дубровкѣ Гом. у. бѣдный хозяинъ тратитъ въ день свѣчи 5 р., а зажиточный 25 рублей.

16 августа празднуется „Малый Спасъ“, „Третій Спасъ“, о которомъ говорятъ: „Пришо̂ў Трéтьтій Спасъ—бери рукавицы у запасъ“.

На югѣ Бѣлоруссіи посѣвъ озимой ржи начинаютъ около 1 сентября, но чаще приступаютъ къ этому послѣ Успеньева дня. Наиболѣе удобными днями для посѣва озимей считаются вторникъ, четвергъ и суббота (для посѣва яровыхъ день не наблюдается и избѣгаютъ лишь понедѣльника). Во многихъ мѣстностяхъ предъ посѣвомъ въ каждомъ домѣ варится куриное яйцо. Съ этими яйцами крестьяне собираются въ одно назначенное мѣсто (прежде къ корчмѣ) и здѣсь разбиваютъ сваренныя яйца. Чье яйцо окажется безъ обычной пустоты въ пяткѣ, тому первому начинать посѣвъ. Всѣ остальные крестьяне сѣютъ уже послѣ него. Каждый хозяинъ въ день начатія посѣва одѣвается въ чистое бѣлое бѣлье, собираетъ въ домъ всю семью, застилаетъ чистою скатертью столъ и ставитъ на него освященную 6-го или 15 августа сѣменную рожь. Затѣмъ зажигаетъ освященную три раза: 2 февраля, въ страстной четвергъ и въ Пасху свѣчу и ставитъ ее въ рожь; кладетъ туда же просфору, освященную въ день Благовѣщенія, крестикъ, испеченный въ середопостье и освященный на Пасху, и кусочекъ пасхальнаго кулича или артоса. Послѣ этого всѣ молятся Богу съ земными поклонами. По окончаніи молитвы хозяинъ забираетъ все со стола въ кошель, сплетенный изъ лыкъ, беретъ освященную вербу и отправляется на свою полосу. Тамъ онъ всыпаетъ въ лубку съ посѣвною рожью принесенныя въ кошелѣ зерна, снимаетъ шапку, и ставши къ востоку, молится, кладетъ три земныхъ поклона и начинаетъ сѣять, обходя полосу кругомъ и такимъ образомъ, чтобы зерна бросались не противъ вѣтра. Когда первая лубка съ освященными сѣменами выйдетъ, тогда посѣвъ идетъ обычнымъ порядкомъ. Строго наблюдается, чтобы въ день посѣва ничего никому не давать изъ дому въ одолженіе, а болѣе всего—огня, спичекъ.

18 августа, день свв. Флора и Лавра—лошадиный праздникъ. На лошадяхъ не работаютъ, не запрягаютъ въ телѣги, и даже не надѣватъ путъ на ноги: грѣхъ.

28 августа, день преп. Моисея Мурина, чтится женами, имѣющими мужей пьяницъ, такъ какъ угодникъ считается цѣлителемъ отъ пьянства, въ особенности запойнаго.

День 29 августа въ южной Бѣлоруссіи называется Иванъ Постный, а въ сѣверной Иванъ Головорѣзъ. Соблюдается постъ. Въ этотъ день ничего нельзя ни рубить, ни рѣзать. Поэтому и хлѣбъ къ столу въ этотъ день не рѣжутъ, а ломаютъ, не ѣдятъ ничего круглаго что напоминало бы голову—капусты, яблокъ, картофеля и т. п. Пѣть пѣсни и танцевать въ этотъ день нельзя, грѣхъ. Въ этотъ день Іоанну Крестителю служатся молебны объ исцѣленіи отъ головныхъ болѣзней.

Сентябрь.

Ко дню 1 сентября—Симеона Столпника приурочивается посѣвъ ржи въ южныхъ уѣздахъ. Кто до Семена посѣетъ рожь, тотъ будетъ съ хлѣбомъ, а кто послѣ Семена, тотъ получитъ плохой урожай. Въ этотъ день вылетаютъ птицы въ вырей, а ласточки прячутся на зиму въ озера и въ колодези. Если птицы улетаютъ раньше этого дня, значитъ, зима будетъ ранняя, если позже—то зимы придется долго ждать. Недѣля съ 1 по 8 сентября называется „бабскимъ лѣтомъ“. По другимъ же—оно бываетъ около Покрова.

4 сентября, день празднованія ик. Божіей матери „Неопалимая Купина“ не отмѣчается и проводится обычно. Во время пожаровъ молятся св. вмч. Агаѳіи, и горящія зданія обносятся тѣми иконами, какія можно скорѣе снять съ божницы.

6 сентября—чудо арх. Михаила, „Чуды“. Крестьяне не зажигаютъ огня въ овинахъ и не молотятъ хлѣба. Иначе все сгоритъ. По этому поводу въ народѣ ходитъ много легендъ. Одинъ крестьянинъ заночевалъ въ гумнѣ въ эту ночь, чтобы пораньше стать молотить. Но ночью на него навалилась нечистая сила, а когда онъ схватилъ ее за лапы и сбросилъ съ себя, она убѣжала съ дикимъ хохотомъ. Мужикъ со страха едва домой добѣжалъ. Другой крестьянинъ съ семьей уже приступилъ къ молотьбѣ предъ разсвѣтомъ. Вдругъ въ гумно входитъ молодой человѣкъ прекрасной наружности и спрашиваетъ: „что вы дѣлаете, добрые люди?“—А ты развѣ не видишь, что мы дѣлаемъ? Молотимъ жито!—„Да я вижу, что вы молотите, но вѣдь сегодня Чуды!“—Э, вотъ, какъ смолотимъ, такъ и будетъ чудно!.. Послѣ этого отвѣта посѣтитель сталъ невидимъ, а гумно моментально вспыхнуло и сгорѣло со всѣмъ хлѣбомъ, едва успѣли выбѣжать изъ него хозяева. Третій крестьянинъ отправился ночью въ гумно растопить печь, но къ ужасу своему увидѣлъ, что въ печи уже горитъ огонь въ видѣ огненнаго шара. Испугавшись, онъ убѣжалъ изъ гумна и цѣлую ночь ждалъ, что оно загорится. Къ счастью, все обошлось благополучно, но о молотьбѣ въ этотъ день онъ уже не помышлялъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ нищіе приурочили къ этому дню стихъ о Почаевской иконѣ Божіей Матери, празднованіе которой совершается 8 сентября. Сдѣлано это на томъ основаніи, что въ стихѣ нѣсколько разъ упоминается слово „чудо“. Стихъ поется въ очень искаженномъ и сокращенномъ видѣ.

Прачы́стая Божая Мати,
Мати Божаго раю,
А явилася у томъ краю
У прикраснамъ раю.
Ой, тамъ чуда, чуда паказала,—
А ў палатахъ плакати стала.

Якъ забачыў панъ Палицэйскій,
А ёнъ главу прыкланиў.
Пазбирали священникаў,
Уси прыняли кращéнія,
А Прачыстаю Божаю Матяръ
Да цо́рквы узя́ли.

День 8 сентября, Рождество Богородицы, извѣстенъ подъ названіемъ „Малой Пречистой“, „Другой Пречистой“, въ отличіе отъ дня 15 августа.

14 сентября „Здвижанья“—„батюшка у цэркви здвигаитца“. Всѣ считаютъ долгомъ быть въ церкви у заутрени и обѣдни. День постный. Въ этотъ день всѣ змѣи извѣстнаго лѣса „здвигаютца“ въ одно мѣсто и отсюда прячутся на зиму по норамъ. Поэтому стараются въ этотъ день въ лѣсъ не ходить.

26 сентября, день Іоанна Богослова, называется „Иванъ Шаптунъ“. По объясненіямъ стариковъ, названіе это произошло оттого, что въ этотъ день во время крѣпостного права свахи секретно сговаривались съ женихами относительно невѣстъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы 1 октября устроить и свадьбу. Въ Витебской губерніи соблюденія этого обычая строго требовали помѣщики, и почти всѣ свадьбы у крестьянъ совершались въ день Покрова. Существуетъ присловье: „Иванъ Багуслаў дружкй разаслаў, а абъ Пакрова дѣўка гатова“.

Октябрь.

1 октября—Третья Пречистая. Празднованіе этого дня ничѣмъ не отличается. Наканунѣ вечеромъ дѣвушки гадаютъ о замужествѣ, считаютъ колья въ изгородяхъ, слушаютъ съ блиномъ на перекресткахъ, въ которой сторонѣ лаютъ собаки, приносятъ дрова въ хату и считаютъ полѣнья, спрашиваютъ у проходящихъ имя, пекутъ солёную лепешку, которую съѣдаютъ передъ сномъ и просятъ, чтобы суженый напоилъ ихъ и т. д.

Въ день Покрова дѣвушки, желающія выйти замужъ, ставятъ въ церкви свѣчу предъ иконою Покрова и молятся: „Святый Покроў! Пакрыў ты и зямлю и ваду,—пакрый и мянѐ маладу!“ Или: „Пакроў—Багародица! Покрый мянѐ, дѣўшку, пилянóй сваёй нитьлённаю ити на чужую старонушку!“

16 октября болѣющіе глазами молятся св. Логгину, который считается цѣлителемъ такихъ болѣзней.

18 октября, день св. евангел. Луки празднуется деревенскими иконописцами, которыхъ довольно много въ Гомельскомъ уѣздѣ. Св. Юліанъ считается хранителемъ малыхъ дѣтей.

26 октября день св. Димитрія. Суббота предъ этимъ днемъ зовется „Поминалною“, „Родительскою“, „Змитровскою“ или просто „Дѣдами“. Въ церкви совершается поминовеніе усопшихъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ церковь приносится по три паляницы изъ каждаго двора причту за поминовеніе. Дома готовится лучшій обѣдъ изъ борща, каши, жаркого и обязательно блиновъ и кутьи. Набожныя хозяйки поминаютъ умершихъ родителей въ три субботы подъ рядъ—Дмитріевскую, Кузьмину и Михайловскую. Послѣ обѣда въ эти дни

не работаютъ. Существуетъ вѣрованіе, что если послѣ ужина, въ полночь, посмотрѣть въ избу черезъ верхъ, то увидишь, какъ душечки умершихъ будутъ вечерять.

28 октября, память св. Параскевы Пятницы, день праздничный. Считается грѣхомъ въ этотъ день пахать, дѣлать щелокъ для мойки бѣлья, выносить золу, и въ особенности прясть. Нѣкоторыя женщины имѣли видѣніе, что тѣло святой отъ ихъ пряденья все покрывается ранами отъ уколовъ веретенъ, и она просила ихъ не причинять ей мученій пряденьемъ. Такъ же чтятся пятницы предъ двунадесятыми праздниками, а также предъ Ильею и предъ Покровомъ. Многія женщины воздерживаются отъ пряденья по пятницамъ всего года. Во всѣхъ древнѣйшихъ храмахъ Бѣлоруссіи имѣются чтимыя иконы св. Параскевы Пятницы. Въ день ея памяти женщины считаютъ обязанностью принести ей въ жертву только-что помятую и отрепанную первину льна и конецъ холстинки или полотенце, которыя навѣшиваются на образъ. Полотенце, повисѣвшее нѣкоторое время на образѣ св. Параскевы, получаетъ цѣлебную силу, и молящіеся вытираютъ имъ лицо и больные глаза. Эти приношенія поступаютъ въ пользу церкви.

Ноябрь.

1 ноября, день св. Кузьмы и Демьяна, особенно чтутъ дѣвушки, такъ какъ эти святые считаются покровителями свадебъ. (См. ниже, описаніе свадебъ). Этотъ день празднуютъ кузнецы, по созвучію считающіе Кузьму покровителемъ кузнецовъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ о святыхъ существуетъ такая легенда: Кузьма и Демьянъ были кузнецами въ Кіевѣ. Тамъ появился змѣй, который хотѣлъ поѣсть людей. Народъ, спасаясь отъ змѣя, спрятался въ кузницу Кузьмы и Демьяна. Змѣй прибѣжалъ къ кузницѣ и пролизалъ языкомъ желѣзныя двери, а потомъ просунулъ въ отверстіе и голову. Тогда Кузьма и Демьянъ схватили змѣя за языкъ раскаленными клещами, а двѣнадцать учениковъ ихъ стали бить змѣя молотами по головѣ. Когда змѣй ослабѣлъ, святые запрягли его въ огромную желѣзную соху и погнали глубокую борозду по полю, вплоть до самаго моря. Дотащивъ соху до моря, змѣй отъ усталости сталъ пить морскую воду и отъ нея околѣлъ. А борозда та видна и теперь въ степяхъ.

Какъ извѣстно, легенда эта входитъ, въ видѣ отдѣльнаго эпизода, во многія бѣлорусскія богатырскія сказки, въ которыхъ змѣй, или змѣя, является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Образцы ихъ приведены въ III и VI выпускахъ „Бѣлор. Сборника“.

8 ноября не отличается отъ другихъ дней и празднуется только тамъ, гдѣ имѣется Михайловская свѣча.

14 ноября „запусты на Пилиповку“. Съ этого дня въ продолженіе всей зимы до великаго поста дѣвушки начинаютъ ходить на

супрядки, посидѣлки, посидѣнки, на́-ночки. Для этого они выпрашиваютъ у какого нибудь бездѣтнаго крестьянина или у вдовы избу, угощаютъ его въ складчину „могарычемъ“ и затѣмъ каждый вечеръ приходятъ сюда прясть. Освѣщеніе у дѣвушекъ тоже свое. Сюда же, естественно, приходятъ и парни. По праздникамъ хозяйка печетъ изъ продуктовъ дѣвушекъ блины, пироги и т. п., парни приносятъ водку и происходитъ взаимное угощеніе. Послѣ угощенія пробуютъ танцевать, но безъ музыки, а подъ припѣвки, часто весьма нескромнаго содержанія. Это не игрища, но во всякомъ случаѣ ихъ репетиціи. Въ довершеніе всего молодежь тутъ же и ночуетъ вмѣстѣ, „чтобы утромъ дѣвушкамъ пораньше встать и сѣсть за пряжу“. Хозяева также обильно угощаются водкой и не препятствуютъ этимъ оргіямъ, и въ результатѣ молодежь развращается. Строгіе родители не пускаютъ своихъ дочерей на́-ночки, и послѣднимъ посѣтители посидѣнокъ нерѣдко жестоко мстятъ.

За длинный посидѣночный періодъ дѣвушки перепѣваютъ весь репертуаръ пѣсенъ, не приуроченныхъ къ какому нибудь опредѣленному времени или къ обряду. По мѣстамъ пѣсни эти носятъ различныя названія: посидѣночныя, осеннія, зимнія, такія, которыя поются „абы-коли“ и т. д. Въ Рогачев. уѣздѣ пѣсни эти называются *твердыми*. Образцы ихъ приводятся ниже.

Съ этимъ днемъ соединяется повѣрье о томъ, что, начиная съ него, волки собираются въ стаи и бѣгаютъ стаями всю зиму, когда они особенно опасны для путниковъ. Съ Крещенья они бѣгаютъ по одному „безъ воли“ до Юрьева дня, Юрій же—волчій пастухъ—распредѣляетъ ихъ по мѣстамъ и они находятся подъ его началомъ именно „до Пилиповскихъ запустовъ“. Если волки растерзаютъ человѣка, они могутъ всего его съѣсть, но головы не трогаютъ: боятся.

26 ноября, въ день зимняго Юрья, подстригаютъ гривы и хвосты лошадямъ, а также отнимаютъ отъ кобылицъ жеребятъ сосуновъ и ставятъ ихъ въ особые хлѣва до весны.

30 ноября вечеромъ, а также въ день Андреева стоянія, ложась спать, дѣвушки осыпаютъ постель льнянымъ или конопляным сѣменемъ съ словами: „На тябѐ, святый Андрею, ленъ сѣю! Дай Божа знати, съ кимъ буду горава́ти!“ И приснится женихъ.

Декабрь.

1 декабря, память прор. Наума. Многіе родители, особенно въ мѣщанской средѣ, начинаютъ въ этотъ день обученіе дѣтей грамотѣ, по созвучію: „пророкъ Наумъ наставитъ на умъ“. Раньше съ этимъ считались и сельскія школы. Хозяева примѣчаютъ, въ какой день недѣли идетъ первый снѣгъ: въ этотъ именно день нужно сѣять весной горохъ.

4 декабря, „святыя Варвары ночи уворвали, а день надточили.“ Съ этого дня начинаютъ увеличиваться дни и уменьшаться ночи. Южные уѣзды Бѣлоруссіи, имѣющіе частыя сношенія съ Кіевомъ, празднуютъ день Варвары, устраиваютъ ея иконы, въ честь ея свѣчи, пріобрѣтаютъ „Варва́рники“ съ житіемъ святой и акаѳистомъ, женщины и дѣти носятъ шейные образки святой и т. д. Въ этотъ день, по созвучію, варятъ „вареники“ изъ гречневой муки и подаютъ съ конопляной „масленкой“.

5 декабря, день св. Саввы. Праздникъ: св. Савва считается отцомъ св. Николая, который требуетъ: „святкуй мянѐ, и батьку майго̀!“

Такимъ образомъ, дни 4, 5 и 6 декабря соединяются въ одинъ трехдневный праздникъ. Къ Николину дню главнымъ образомъ приурочиваются деревенскія свѣчи. Въ отличіе отъ весенняго Миколы, допускается широкій разгулъ.

9 декабря, зачатіе св. Анны. Съ этого дня начинаетъ оттаивать замерзшая земля и у деревьевъ начинаютъ расти корни.

18 декабря, св. Модеста. Этотъ угодникъ считается хранителемъ скота.

24 декабря—Первая кутья. Кутья варится въ этотъ день по слѣдующему поводу: „Якъ Ирадъ убива́ў младе́нцаў, то Матяръ Божая утяка́ла съ Ісу́самъ Хрыстомъ. Жыды́ дагна́ли яѐ и спра́шуять: „що ты нясешъ?“ А яна кажа: кутью! Палядѣли яны, ажъ и пра́ўда: кутья! Вотъ заты́мъ и варуть кутью...“

Въ этотъ день и въ слѣдующій нѣкоторые хозяева не одѣваются по праздничному и остаются въ „черномъ“ заношенномъ бѣльѣ. Дѣлается это для того, чтобы будущимъ лѣтомъ у него уродилась хорошая, крупная и черная гречиха. Вечеръ этого дня уже называется Колядою, и народный календарь вступаетъ въ новый годъ.

Народныя вѣрованія.

Вѣрованія, повѣрья, суевѣрія, примѣты, средства отъ болѣзней.

Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ по народному міросозерцанію, которыя помѣщены въ IV вып. „Бѣл. Сб.“, привожу здѣсь еще нѣкоторыя.

Дóля представляется народомъ въ видѣ красивой голой дѣвушки. Сопровождаетъ человѣка вездѣ.

Злыдни—худыя, съ облѣзшею шерстью, животныя въ родѣ котовъ или собакъ. Живутъ въ домѣ за печкой.

Бѣда приводитъ человѣка къ бѣдности: домъ сгоритъ—бѣда; лошадь украдутъ—бѣда.

Горе—то же, что печаль.

Лихомъ въ южной Бѣлоруссіи называютъ болѣзнь: Якóя у ягó лиха? Отъ якóга лиха ёнъ памёръ. Ср.—лихорадка.

Морокъ—одурѣніе.

Марà—какое то страшное массивное существо, на короткихъ лапахъ, непремѣнно черное, котораго дѣти очень боятся. При передвиженіи отъ Мары исходятъ металлическіе звуки, какъ отдаленные удары въ чугунный котелъ. Теперь Мара—пугало изъ соломы, одѣтое въ рвань.

Мáня то же, что призракъ, привидѣніе.

Кадýкъ—разновидность черта, живущая въ старыхъ зданіяхъ, въ водяныхъ мельницахъ и т. п.

Парáличъ, Парáлюшъ—тоже чертъ, поднимающій круговые вихри. Кого онъ охватитъ вихремъ, у того отнимутся руки или ноги, или языкъ.

Холера, Чума, Хúньтя (лихорадка) представляются въ видѣ женщинъ: холера—худая желтая; чума—злая, черная; хиньтя—старая трясущаяся баба.

Ангелы—духи, могущіе принимать человѣческій образъ и тогда они имѣютъ видъ прекрасныхъ юношей. Ангеловъ много и число ихъ все увеличивается. Чиновъ ангельскихъ народъ не различаетъ и всѣхъ называетъ ангелами, считая старшимъ архангела Михаила Изъ нынѣшнихъ людей никто ангеловъ не видѣлъ, такъ какъ всѣ теперь очень грѣшны.

Нечистая сила очень многочисленна. Среди нея различаютъ дьявола, черта, сатану, бѣса, нечистаго духа, антипку безпятаго, ка-

дука, паралюша. Сатана и дьяволъ старшіе, а всѣ остальные—рядовые нечистики. Самымъ же старшимъ считается дѣдушка Луцыперъ, который развелъ чертей. Черти женятся на чертихахъ и имѣютъ дѣтей. Оригинально, что изображеніе чертихи народъ видитъ въ томъ желтомъ лицѣ, которое въ картахъ изображено на плечѣ бубновой дамы. Но кромѣ чертихъ, черти знаются и съ женщинами-вѣдьмами. Отъ такой связи рождаются уроды съ рогами, или косматые, съ свинымъ лычомъ, или безъ рукъ и ногъ. Черти женятся еще на самоубійцахъ-женщинахъ, какъ чертихи выходятъ замужъ за самоубійцъ мужчинъ. Вихрь представляетъ чертовскую свадьбу, въ которой участвуютъ и вѣдьмы. Если бросить въ средину столба отъ вихря ножъ, то онъ упадетъ на землю окровавленный. Очевидно, онъ попалъ въ вѣдьму. Черти летаютъ къ своимъ женамъ-вѣдьмамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, черезъ трубу. Красные змѣи носятъ вѣдьмамъ деньги, желтые—рожь, хлѣбъ, бѣлые—овечью шерсть, также—муку. У такой вѣдьмы сосѣди учтутъ каждую копѣйку, каждый мѣшокъ ржи и каждую горсть шерсти.

Главнымъ мѣстопребываніемь чертей считаются болота, особенно бурыя, торфяныя, съ кочками и топями. „Чертъ ты съ бураго болота“ считается очень браннымъ выраженіемъ. Другимъ любимымъ мѣстопребываніемъ чертей считаются бани. Въ свободное время черти гонятъ смолу, въ которой горятъ въ пеклѣ грѣшники.

Черти не умираютъ и ихъ можетъ убить только громъ. Грома они очень боятся. Это видно изъ того, что свадьбы свои они устраиваютъ только въ очень хорошую погоду, когда нельзя ожидать грозы. Въ облачное же время вихрей не бываетъ; тогда черти не женятся, опасаясь грозы. Во время грозы они прячутся даже въ воду и обращаются въ рыбъ. Опытные рыболовы ни за что не станутъ ѣсть пойманной во время грозы рыбы, у которой красные глаза. Это, несомнѣнно, черти. Черти крадутъ у женщинъ некрещенныхъ дѣтей или подмѣниваютъ своими. Когда такого чертенка понесутъ крестить, онъ скинется чернымъ котомъ или козленкомъ, а также бараномъ или собакой, непремѣнно черными, и убѣжитъ съ хохотомъ. Тогда черти возвращаютъ родильницѣ похищеннаго ребенка.

Людямъ черти являются въ полдень и въ полночь, и преимущественно, „на ростанькахъ“—перекресткахъ. И такіе „бѣсы полуденные“ Псалтири очень опасны, особенно лѣтомъ. Въ это время и случается отъ нихъ больше всего несчастій: купающіеся или рыболовы тонутъ, жнеи обрѣзываютъ руки, путники, охотники и лѣсники блудятъ и т. д. Стараются поэтому, по завѣту Мономаха, полдень переждать. Особенно любятъ черти пьяныхъ. Напускаютъ на нихъ туманъ, воду, и заводятъ въ болото. Здѣсь усаживаютъ ихъ на „купину“ и, если пьяный—музыкантъ, заставляютъ играть, а сами „скачутъ“. Или

внушаютъ пьянымъ, что они находятся въ банѣ. Тѣ раздѣваются и лѣзутъ въ топь, а зимою въ сугробъ, гдѣ и замерзаютъ.

Если на ночь не покрыть сосуда съ водою или водкою, или кувшина съ молокомъ, то чертъ непремѣнно осквернитъ ихъ. И если человѣкъ выпьетъ такой воды, водки или молока не перекрестившись, то чертъ и его осквернитъ. Этимъ объясняются сумазбродства тѣхъ пьяныхъ, которые пьютъ съ утра. Очевидно, съ водкою они выпили бѣсовскія испражненія. Во всякомъ же случаѣ, пившіе осквернятся и проболѣютъ. Точно также надо крестить ротъ, когда зѣваешь, иначе чертъ и тамъ нагадитъ.

Колдуны продаютъ свою душу чертямъ. Договоръ объ этомъ пишется кровью на кожѣ повѣсившагося самоубійцы. Заключившій такой договоръ съ чертомъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ отъ него отказаться.

Чертъ выдумалъ водку, но табакъ, по одной версіи, выросъ изъ чрева блудницы, грѣшившей съ собакою, а по другой—онъ выросъ на томъ мѣстѣ, гдѣ повѣсился Іуда, чтобы люди курили табакъ и плевали на Іуду. Водка тоже не проклята Богомъ, а только названа окаянною.

Слова „чертъ“ нельзя произносить въ хатѣ. Бываютъ такія минуты въ днѣ, когда чертъ по этому слову можетъ явиться. Поэтому вмѣсто чертъ говорятъ: шутъ, идолъ, ёнъ, тэй. Равнымъ образомъ надо быть осторожнымъ и съ проклятіемъ: „а штобъ ты проклятъ быў!“ Если проклятіе придется на тѣ же минуты, то оно сбудется.

Не смотря на то, что чертъ превращается въ черныхъ котовъ, собакъ, козловъ и барановъ, этихъ животныхъ черной масти хозяева держатъ; но во время грозы все же выгоняютъ ихъ изъ дому.

Такъ какъ въ полдень и въ полночь черти являются главнымъ образомъ на рбстанькахъ, то, чтобы удалить ихъ, набожные люди ставятъ здѣсь по обѣщанію кресты. Къ этимъ же мѣстамъ приурочивается и постановка крестовъ во время освященія полей. Наконецъ, здѣсь воздвигаютъ кресты люди бездѣтные или такіе, у которыхъ умираютъ дѣти. Въ Вѣтковской волости Гомельскаго у. на этотъ счетъ существуетъ такая легенда:

Адѝнъ чалавѣкъ дужа гарюва́ў, што ня ма́я дятѐй. Разъ пахаў ёнъ, пахаў, замарыўся, и плача. Идѐ Микола Чудатво́рацъ и пытая: „Чагò, чалавѣкъ Божжый, плàчашъ?“—А якъ жа мнѣ ня пла́кать: бъюся, бъюся, а пярямѣны ня ма́ю!—„Чаму́ жъ ты дятѝмъ ня зага́давáишъ пасабля́ть табѣ?“ ка́жа угóдьникъ.—Ни тярпѣў ба я ни нужды, ни пра́цы такі́я, калѝ бъ дѣти былѝ! А то ня былò ихъ у мянѐ и нима́шъ!—„Ну, кажа угодьникъ: калѝ хо́чашъ, штобъ былѝ дѣти, пастáў па тры крястѝ на дарогахъ. На скольких пастáвишъ, стольки и дятѐй бу́дя!“ Мужыкъ узяў и пастáвиў крястѝ на васьмѝ дарогахъ. И радѝлась у ягò восимъ сынóў. Стаў ёнъ багатѣй за ўсихъ у сялѣ.

Ну напаслѣ́ напры́крали яму́ дѣти. Ёнъ пашо́ў да й пасьсяка́ў крясты́. Якъ пасьсяка́ў, такъ сыны́ и паме́рли. И стаў мужы̀къ изно́ў такимъ, якъ быў.

Сообщ. М. Г. Головинская.

Людей, которые видѣли черта, очень много. Въ особенности часто видятъ его женщины: одна вытащитъ его ведромъ изъ колодца въ видѣ чернаго кота; у другой онъ въ томъ же видѣ вылѣзъ изъ-подъ полу; третьи ловили рыбу бреднемъ и вытащили черта въ видѣ большого сома и т. д. Всѣ эти черти съ хохотомъ уходили отъ женщинъ. Въ 1890-хъ годахъ въ м. Ветке ходилъ разсказъ, что чертъ вылѣзъ изъ р. Сожа въ видѣ карлика съ поларшина ростомъ, въ круглой шапочкѣ, и катался на палочкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти. Позже его видѣли катающимся въ крошечной лодкѣ. Послѣ этого видѣнія въ Веткѣ были утопленники. Мужчины видятъ черта обыкновенно вблизи кабаковъ, въ видѣ высокаго чернаго человѣка, обросшаго волосами и съ хвостомъ.

Чертъ постоянно находится при человѣкѣ, съ лѣвой его стороны, и старается склонить его ко злу. Для предохраненія человѣка, ему при крещеніи данъ ангелъ-хранитель, слѣдующій всегда съ правой стороны. Поэтому плевать на правую сторону или бросать что-либо грѣшно: можешь попасть въ ангела. Точно также грѣшно плевать въ окно или что-либо выбрасывать. Наконецъ, грѣшно и вообще плевать на полъ и не растирать плевковъ: изъ каждаго плевка рождается бѣсъ. Какъ чертъ, такъ и ангелъ-хранитель, ведутъ записи дѣлъ человѣка, первый—худыхъ, второй—добрыхъ. При каждомъ худомъ дѣлѣ человѣка ангелъ плачетъ, а чертъ радуется.

Вѣрованіе въ домового существуетъ. Это человѣкоподобное существо, черное, покрытое волосами. Мѣсто жительства его въ домѣ опредѣляется различно: на печи, подъ печью, подъ поломъ, въ сараяхъ и въ хлѣвахъ, гдѣ помѣщается скотъ. Въ послѣднемъ случаѣ домовой духъ смѣшивается съ хлѣвникомъ. При покровительствѣ домового въ домѣ все спорится; въ противномъ случаѣ онъ старается вредить хозяину: ночью бьетъ посуду, бросаетъ „кочерги", даже пытается душить спящаго хозяина; въ домѣ все не удается и главнымъ образомъ не ведется скотъ. Дѣятельность свою домовой проявляетъ исключительно ночью и главнымъ образомъ въ хлѣвахъ, гдѣ онъ или холитъ лошадей, или наоборотъ мучитъ ихъ, заѣзживаетъ. Чтобы обезвредить домового, застрѣливаютъ въ первый день Рождественскихъ праздниковъ, 25 декабря, или въ день Новаго года, до обѣдни, сороку или ворону и, зацѣпивъ веревочкой за горлышко, вѣшаютъ ее въ хлѣву. Другіе пекутъ подъ полнолуніе хлѣбъ и отъ первой булки (бахонки, кулидки) отрѣзываютъ горбушку (акра́ицъ), солятъ

ее и ночью отправляются съ нею въ хлѣвъ. Войдя въ хлѣвъ, хозяинъ говоритъ: „Дамави́къ дамавы̀й! Прымѝ ать мянѐ хлѣбъ-соль, люби́ маи́хъ лошаде́й и жа́луй! И я буду тябѐ любить и жалавать!" И кладетъ хлѣбъ гдѣ-нибудь подъ стрѣхой.

Кромѣ домового и хлѣвника, большинствомъ считаемаго отдѣльнымъ духомъ, при дворѣ человѣка проживаютъ еще: банникъ, живущій въ банѣ подъ полкомъ, и гуменникъ или подовинникъ, проживающій подъ осетью.

Банникъ—злой духъ, видомъ напоминающій водяного; гуменникъ же добродушный старичокъ маленькаго роста, подпоясанный соломеннымъ перевясломъ, охраняющій гумно и помогающій хозяину въ сушкѣ и молотьбѣ хлѣба. Разсказовъ про этихъ духовъ существуетъ много, и видѣть ихъ можно часто. Но не слѣдуетъ только заговаривать съ ними, а нужно молиться и креститься. Тогда они сдѣлаютъ свою работу и станутъ невидимы.

Внѣ дворовъ живутъ лѣсовикъ, полевой и водяной. Впрочемъ, полевого народъ смѣшиваетъ съ гуменникомъ, утверждая, что гуменникъ проживаетъ во ржи въ полѣ, пока гумна пустыя. См. выше зажиночныя пѣсни. Лѣсовикъ представляется человѣкомъ огромнаго роста—„съ дерево", въ лаптяхъ, и съ длинною пугою въ рукахъ. Онъ звѣриный пастухъ и вѣчно враждуетъ съ охотниками, всячески отводя ихъ въ сторону отъ дичи и помогая заблудиться. Въ этомъ ему помогаютъ и черти, отзываясь эхомъ на клики заблудившихся. Эхо—это голоса чертей. Когда заблудишься, надо сѣсть и разуться, и лѣвый лапоть надѣть на правую ногу, а правый на лѣвую. Тогда найдешь дорогу. Но къ случайнымъ посѣтителямъ лѣса онъ относится добродушно, выводитъ ихъ на дорогу и даже дѣлится хлѣбомъ. Жители лѣсныхъ мѣстностей видятъ его довольно часто, но еще чаще слышатъ хлопанье его пуги и крики на звѣрей: го-го-го-го-го̀!

Что касается водяного, то это безусловно вредный духъ. Главное его занятіе—топить людей. Но онъ не прочь посадить берлину на мель, оборвать удочки у рыбака, набросавшаго ихъ въ его омутъ, не прочь утащить за ноги утку въ воду. Наружность его въ народномъ представленіи двоится: одни—прирѣчные жители представляютъ его старикомъ огромнаго роста, съ зелеными волосами и бородою изъ водорослей. Онъ нерѣдко въ полдень выскакиваетъ изъ воды до пояса и кричитъ: „ротъ есть, да некого ѣсть!" Другіе представляютъ его себѣ человѣкоподобнымъ существомъ, но чернымъ, обросшимъ волосами, съ рогами на головѣ, съ хвостомъ, оканчивающимся стрѣлкою, и съ когтистыми лапами вмѣсто рукъ и ногъ. Они злы, и не только топятъ людей, но и мучатъ утопленниковъ. Ихъ много. Они женятся на дѣвушкахъ, проклятыхъ матерями, и на утопленницахъ. Въ рѣкахъ живутъ они большею частью въ омутахъ, „вира́хъ", гдѣ вѣчные водовороты, а въ озерахъ въ такихъ глубокихъ и „заколоженныхъ"

мѣстахъ, которыя совершенно неприступны. Около такихъ мѣстъ плаваютъ съ большимъ страхомъ, въ особенности ночью,—какъ на землѣ со страхомъ проходятъ около болотъ.

Механикъ, строящій водяныя мельницы, а затѣмъ и мельникъ, обязаны „знаться" съ водянымъ и всячески съ нимъ ладить. Въ противномъ случаѣ водяной не разъ сорветъ мельницу при постройкѣ и впослѣдствіи будетъ ее портить и ломать. Обыкновенно, водяному даютъ „залогъ": засыпаютъ въ плотину живую курицу, хотя, собственно, требуется христіанская душа. Въ этнографическихъ записяхъ Гродненской губерніи есть указанія, что въ прежнія грубыя времена въ аналогичныхъ случаяхъ зарывали живыми сиротъ. „Отчичи", занимающіеся пчеловодствомъ, также продаютъ свою душу водяному, чтобы имѣть много пчелъ, меду и воску. Про такихъ пчеловодовъ говорятъ, что „у ихъ у нбси нѣшта ёсь!"

Въ поляхъ и огородахъ проживаетъ еще Желѣзная баба. Эта злая низкорослая старуха, съ желѣзными большими грудями, хватаетъ желѣзнымъ крюкомъ тѣхъ дѣтей, которыя осмѣливаются заходить одни въ поля и огороды, чтобы полакомиться бобомъ, горохомъ, макомъ, овощами, бросаетъ ихъ въ свою желѣзную ступку, толчетъ и ѣстъ. Вѣра въ существованіе Желѣзной бабы поддерживается въ дѣтяхъ извѣстной сказкой про Иваньку-сынка и Аленку, вѣдьмину дочь.

Кромѣ Желѣзной бабы, во ржи живетъ еще Стрижакъ. Есть впрочемъ мнѣніе, что Стрижакъ не духъ, а человѣкъ. Раньше это были бѣглые помѣщичьи крестьяне и бѣглые солдаты, скрывавшіеся отъ погони, теперь изрѣдка прячутся во ржи бѣжавшіе изъ тюрьмы арестанты.

Взгляды на небесныя явленія слѣдующіе:

Если на небѣ появится комета-метла, то это служитъ предсказаніемъ большихъ несчастій: войны, голода, мора на людей и на скотъ и т. п. Падающія звѣзды, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ гродненскихъ бѣлоруссовъ, считающихъ, что это души некрещенныхъ младенцевъ, которымъ надо дать имена, восточные бѣлоруссы видятъ въ нихъ змѣевъ, которые летятъ къ вѣдьмамъ и колдунамъ. Это мнѣніе особенно твердо установилось въ отношеніи метеоровъ. Гдѣ метеоръ разсыплется или исчезнетъ, тамъ и ищутъ колдуновъ. Но тамъ же существуетъ взглядъ, что паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка въ эту минуту: „это его душечка летитъ!" Сколько на небѣ звѣздъ, столько на землѣ людей, у каждаго своя звѣзда. Тучи дѣлаетъ св. Тихонъ, живущій на небѣ въ такомъ сильномъ туманѣ, что его никогда нельзя видѣть. Онъ „натучиваетъ" воду изъ морей, чтобы дѣлать дождь. Пятна на лунѣ объясняются, какъ и вездѣ: Каинъ и Авель во время метанія стога поссорились, и Каинъ прокололъ Авеля вилами. Въ назиданіе людямъ, Богъ велѣлъ ему вѣчно держать на

вилахъ на лунѣ убитаго брата. На солнце смотрѣть грѣхъ; будешь наказанъ тѣмъ, что ослѣпнешь. При видѣ молодика надо перекреститься и сказать: „Маладичокъ маладэ́й, ў тябе́ рогъ зылатэ́й! Табѣ на прибытакъ, а намъ на спасенья (или на здарбўя!"). Тогда цѣлый мѣсяцъ будешь здоровъ. Если въ новолуніе дождь, говорятъ: „Дяковать Богу! Мáладикъ нарадйўся и ужэ́ аксьтйўся!" Мѣсяцъ этотъ будетъ благополученъ. (Сѣнн. у.) Солнечное и лунное затменіе предвѣщаютъ, что будетъ „перемѣна" въ народѣ, то есть моръ или голодъ. Сѣверное сіяніе предсказываетъ кровавую войну, а по другимъ—означаетъ, что гдѣ то на землѣ произошла большая тревога или случилось большое несчастіе. Млечный путь называется дорогою; по ней птицы летятъ въ вырей. Выреемъ въ послѣднее время стали называть теплыя страны, на полудень, куда улетаютъ зимовать птицы. Радуга — это „коромыселъ Божій"; имъ набирается вода для дождя изъ рѣкъ, озеръ и морей. Громъ и молнія происходятъ (кромѣ разъѣздовъ Ильи по небу) еще оттого, что хмары при встрѣчѣ ударяются одна о другую. Если же онѣ при встрѣчѣ только трутся другъ о друга, то въ небѣ бываетъ большой шумъ, какъ бы отъ сильнаго вѣтра. Гроза происходитъ еще оттого, что чертъ осмѣливается спорить съ Богомъ: „Ты мяне́ ни убъе́шъ, я схава́юсь"!—Нѣ, ни схаваись!—„Я ў чалавѣка залѣзу, а ўсё жъ схава̀юсь!"—Я й чалавѣка убъю, грахоў ямў за ета атпущў, а тябе́ усё-тыки дастану!... Поэтому во время грозы надо по возможности сидѣть дома, креститься и молиться. Очень полезно зажигать лампадку или свѣчу предъ образами. Ѣсть во время грозы или работать, Боже сохрани, нельзя. Такъ какъ гоняемый Богомъ бѣсъ прячется и въ дупла деревьевъ и подъ кусты, то во время грозы нельзя стоять подъ деревьями или сидѣть подъ кустами. Чтобы діаволъ не спрятался въ домъ, во время грозы закрываютъ и печныя вьюшки. Обязательно выгоняютъ изъ хаты собакъ и черныхъ котовъ. Убитаго молніей человѣка считаютъ счастливымъ: „ёнъ Богу угбдинъ, дакъ Богъ яго къ сабѣ узяў". Онъ идетъ въ рай. То же мнѣніе существуетъ и о роженицахъ, умершихъ отъ родовъ. При первомъ громѣ весною надо три раза кувыркнуться черезъ голову, тогда цѣлый годъ будешь здоровъ и громъ не убьетъ. Надо также „поднимать" печь, чтобъ быть сильнымъ, и умываться, чтобъ глаза не болѣли. Наблюдаютъ, гдѣ будетъ первый ударъ грома: если съ полудня, то годъ будетъ урожайный, если съ полночи, то голодный (паўдёнъ—югъ, паўнбчь—сѣверъ, васхбдъ и зáходъ—востокъ и западъ).

Вѣтеръ происходитъ оттого, что какой-то сильно „грибатый" человѣкъ дуетъ своими огромными губами. Морозъ—это такой дѣдъ, который щелкаетъ своею пугою и дѣлаетъ холода и морозы. Направленіемъ вихрей, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, управляютъ дѣти, которыхъ матери приспали.

Блуждающіе огни указываютъ мѣстонахожденіе кладовъ. Это
они пересушиваютъ деньги въ кладахъ, чтобы не истлѣли. Огни на
кладбищахъ доказываютъ, что тамъ погребено много праведныхъ лю-
дей: „щасьливы тыя покойнички, што надъ магйлками агнй гарáть!"
Земля стоитъ на трехъ китахъ и землетрясенія происходятъ
отъ движеній этихъ китовъ. Поставлена она на китовъ во время Ноева
потопа, а кончитъ свое существованіе тѣмъ, что сгоритъ во время страш-
наго суда. Предъ концомъ міра по землѣ будетъ ѣздить чертъ съ боль-
шою печкою и жечь въ ней грѣшниковъ. (Сѣн. у.) Отправляясь на чужую
сторону, берутъ съ собою горсть родной земли, но не для того, чтобы
быть съ ней погребеннымъ, а съ цѣлью всыпать ее на чужбинѣ въ
источникъ, если вода тамъ неприятна для питья. Землею клянутся,
и въ доказательство правдивости клятвы—ѣдятъ ее. Во многихъ мѣ-
стахъ женщинамъ не позволяютъ ѣсть землю и онѣ во время клятвы
только цѣлуютъ ее, какъ присягающіе цѣлуютъ крестъ и евангеліе.

Изъ деревьевъ, осина считается проклятою, потому что на ней
„Юда задавився". Она до сихъ поръ дрожитъ отъ этого. Хозяева
и теперь вѣшаютъ негодныхъ собакъ на осинѣ, осину кладутъ
въ могилу колдунамъ, осиновыми кольями пробиваютъ ихъ въ гро-
бахъ, если они выходятъ изъ могилъ. Постоянный эпитетъ осины—
горькая. „Павйсьни ты на гóркай асини"—проклятіе. Лоза, мелкій
ивнякъ, также считается нечистымъ, потому что послѣ освященія
воды въ Ердани черти выходятъ изъ воды, гдѣ имѣли зимою жи-
тельство, и поселяются въ лознякѣ. „Чертъ лозовый" равняется ру-
гательству: „чертъ изъ бураго болота". Растенія, имѣющія отношеніе
къ ритуалу, считаются „хорошими". Таковы: верба, потому что освя-
щается въ Вербное воскресенье, березнякъ, кленъ, липа, дубнякъ и
т. п.—потому что идутъ на „май", для украшенія домовъ и церквей
въ праздникъ Троицы; мая нельзя жечь въ печи; его сожигаютъ въ
кострахъ въ ночь на Ивана Купалу или подстилаютъ подъ хлѣбныя
скирды (у бѣлор. жен рода: скйрта), подъ стога, для предохраненія
отъ мышей, покражи, потравъ и т. п. Къ хорошимъ растеніямъ при-
надлежитъ аиръ: имъ въ Троицынъ день выстилаютъ полы въ цер-
кви и въ домахъ, на немъ пекутъ хлѣбъ. Освящаемыя травы почи-
таются священными. Тому покойнику завидуютъ, для котораго ложе
въ гробу и подушка сдѣланы не изъ листьевъ вѣниковъ или стру-
жекъ, а изъ этихъ освященныхъ травъ. У хорошихъ хозяекъ пучки
ихъ десятками лѣтъ висятъ въ клѣтяхъ, амбарахъ и на чердакахъ:
„нехай не треба будуть!"

Кромѣ растеній ядовитыхъ, вредными считаются деревья, по-
врежденныя молніей и вывернутыя бурею. Къ тѣмъ и другимъ при-
касался сатана. Если ихъ употребить на постройку, то зданіе или
сгоритъ или обитатели его вымрутъ,—будь то люди или животныя.
Такія деревья идутъ только на дрова.

Легенда о неразмѣнномъ рублѣ существуетъ въ такомъ видѣ.
Чтобы его пріобрѣсть, нужно въ Страстную субботу изловить чер-
наго кота, увязать его въ тонкую бечевку—шпагатъ такъ, чтобы
было какъ можно больше сложныхъ узловъ, и идти съ такимъ ко-
томъ въ Пасхальную ночь въ церковь. Такого смѣльчака по пути
непремѣнно встрѣтитъ покупатель и дастъ за кота рубль. Вручивши
покупателю кота, продавецъ долженъ изъ всей силы бѣжать обратно
домой, ни въ какомъ случаѣ не оглядываясь назадъ, какъ бы ни
звалъ его покупатель и какія бы препятствія ни встрѣчались по
пути. Покупатель—чертъ. Купивши кота, онъ начинаетъ освобождать
его отъ бечевки, и если успѣетъ развязать всѣ узлы, догоняетъ про-
давца и душитъ или калѣчитъ его и отнимаетъ обратно свой рубль.
Если же не успѣетъ развязать всѣхъ узловъ, смѣльчакъ дѣлается
обладателемъ неразмѣннаго рубля, за который все можно покупать,
а онъ снова будетъ возвращаться къ хозяину.

Есть нѣсколько способовъ получить способность дѣлаться не-
видимкой. Нужно поймать летучую мышь, посадить ее въ горшокъ и
завязать сверху тряпкой, въ которой проколоть небольшое отверстіе.
Этотъ горшокъ надо въ полночь отнести въ лѣсъ и зарыть въ му-
равейникъ, а самому бѣжать назадъ безъ оглядки, чтобы не слышать
крика мыши, когда ее начнутъ ѣсть муравьи. Если же не успѣешь
убѣжать и услышишь мышиный крикъ, тотчасъ же умрешь. Послѣ
этого семь дней нельзя мыться, чесаться, молиться Богу. Потомъ въ
полночь надо взять горшокъ изъ муравейника. Отъ мыши останутся
только косточки. Изъ нихъ надо выбрать вилочки и если ихъ возь-
мешь въ ротъ, сдѣлаешься невидимкой. Если этой вилочкой зацѣпить
дѣвушку и потянуть къ себѣ, она въ тебя влюбится. Когда же надо-
ѣстъ, надо ее оттолкнуть тою же вилочкой, и она разлюбитъ. Въ
Гом. у. летучую мышь отвозятъ въ муравейникъ даже на лошади.

Во время крестнаго хода въ Пасхальную ночь надо съ зажжен-
ной Страстной свѣчой лѣзть на чердакъ. Тамъ за трубою найдешь
дряхлаго старичка въ шапкѣ—колпакѣ. Если эту шапку сорвешь и
убѣжишь отъ старичка, то будешь невидимкою всякій разъ, когда
надѣнешь эту шапку. Зато, если старикъ поймаетъ на чердакѣ—тот-
часъ помрешь.

Нужно поймать черную кошку, у которой не было бы ни одного
волоска другого цвѣта. Кошку нужно сварить въ цѣломъ видѣ и по-
томъ выбирать изъ нея кости передъ зеркаломъ и брать въ ротъ.
Одна изъ косточекъ дѣлаетъ человѣка невидимкою.

Хотя и колдунъ и знахарь дѣйствуютъ съ помощью нечистой
силы, но народъ строго различаетъ ихъ: колдунъ дѣлаетъ людямъ
зло не только умышленно, но въ извѣстные періоды помимо воли—
словомъ, дыханіемъ, взглядомъ, можетъ причинить болѣзнь, вогнать

бѣса, сдѣлать волколакою, даже убить, а знахарь никому не дѣлаетъ вреда, но „отлѣчиваетъ“ то зло, которое причинилъ колдунъ, и лѣчитъ болѣзни у людей и скота.

Волколаками колдунъ дѣлаетъ обыкновенно свадебный поѣздъ. Объ этомъ ходитъ много разсказовъ. Волколаками бѣгаютъ семь лѣтъ, а потомъ снова обращаются въ людей. Волколаки вреднѣе волковъ, потому что у нихъ остается человѣческій умъ и они знаютъ, какъ лучше напасть на стадо, какъ забраться въ хлѣвъ и т. п.

Женщину колдунью зовутъ вѣдьмой, чаровницей, а мужчину—вѣдьмакомъ, чаровникомъ. Вѣдьмаки всегда сильнѣе вѣдьмъ и если напр. вѣдьма сдѣлаетъ заломъ въ житѣ, вѣдьмаки вырываютъ ихъ со смѣхомъ и прямо заявляютъ хозяевамъ, что они сильнѣе всѣхъ вѣдьмъ. Если колдунъ по злобѣ вгонитъ въ человѣка бѣса, онъ можетъ заставить другого, болѣе сильнаго, бѣса выгнать перваго изъ человѣка. Бѣсы повинуются колдуну по товариществу, такъ какъ послѣ Страшнаго суда они вмѣстѣ будутъ мучиться въ пеклѣ.

Чтобы по возможности защитить себя отъ чаръ колдуна при встрѣчахъ съ нимъ, не надо во время разговора смотрѣть ему въ глаза и вообще не надо съ нимъ долго разговаривать и быть вмѣстѣ.

Чтобы обезвредить водку, которою будетъ угощать колдунъ, надо передъ выпивкой перекреститься и сказать: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Избави насъ отъ лукаваго!“ Тогда чародѣйство дѣлается безсильнымъ.

Чтобы узнать колдуна и вѣдьму, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ воскресенье на масленицѣ, послѣ ужина нужно оставить сыръ во рту и переночевать съ нимъ; затѣмъ въ понедѣльникъ первой недѣли поста вынуть его изо рта, завязать въ поясъ, или надѣть въ тряпочкѣ на шею, и носить въ продолженіе всего великаго поста. Въ день Пасхи съ этимъ сыромъ идутъ въ церковь и тамъ легко узнаютъ всѣхъ колдуновъ и вѣдьмъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ тогда виденъ хвостъ. Узнаютъ вѣдьмъ и такъ: какъ только въ Пасхальную полночь раздастся благовѣстъ, нужно прилечь ухомъ къ землѣ. Тогда услышишь, какъ вѣдьмы вопятъ и рыдаютъ по случаю воскресенія Христова. Остается только опредѣлить, въ какой сторонѣ и въ какомъ дворѣ раздаются эти вопли, неслышные для другихъ. Женщины узнаютъ вѣдьмъ по тому, что у нихъ на верхней губѣ имѣются усы, и чѣмъ гуще они, тѣмъ вѣдьма опаснѣе; затѣмъ, у вѣдьмъ нѣтъ на тѣлѣ обычной волосяной растительности; наконецъ, у нихъ имѣются хотя чуть замѣтные слѣды хвоста.

Узнать колдуна можно по глазамъ, которые у него всегда красны, всегда горятъ. Существуетъ увѣренность, что колдунъ не можетъ явно повредить тому, съ кѣмъ онъ въ ссорѣ (и слѣдовательно не въ состояніи гипнотизировать его).

Колдуны большею частью физическіе уроды: или одноглазые, или горбуны, хромцы и т. п. Они умышленно придаютъ себѣ страшную, пугающую наружность: не стригутъ волосъ и напускаютъ ихъ на лобъ и на глаза, запускаютъ длинные ногти, носятъ грязное бѣлье, издающее особую вонь, придерживаются національныхъ костюмовъ, упорно носятъ напр. лапти, магерки, или даже древнія шапки съ наушниками, сшитыя изъ овчины шерстью внутрь, подпоясываются веревкой или лыкомъ и т. п. Дурная слава о нихъ отчуждаетъ ихъ отъ людей, дѣлаетъ замкнутыми, необщительными и сосредоточенными, вдумчивыми. Часть ихъ несомнѣнно обладаетъ силою внушенія, которая, вмѣстѣ съ предвзятымъ страхомъ населенія предъ ними, помогаетъ имъ вліять на слабонервныхъ малоразвитыхъ, предположенныхъ къ гипнозу, субъектовъ, въ особенности на женщинъ. Этимъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и объясняется „зло“, исходящее отъ и изъ колдуновъ. Только нѣкоторые изъ нихъ пускаютъ въ ходъ и спеціальныя ядовитыя средства „для порчи“. Большинство же колдуновъ не гипнотизеры и не вредители, а несомнѣнные обманщики, пользующіеся народной темнотой для легкаго заработка, или угощенія на свадьбахъ, крестинахъ и т. п. Боясь колдуновъ и вѣдьмъ, населеніе все же зорко слѣдитъ за ними и если поймаетъ на мѣстѣ „преступленія“, безжалостно ихъ избиваетъ и даже умерщвляетъ.

Такъ какъ колдуны и вѣдьмы могутъ превращаться въ животныхъ, то молодежь, находящаяся у Купальскихъ костровъ, бросаетъ въ огонь всякую живую тварь, которая появится вблизи. Съ цѣлью предохраненія людей отъ колдовства, въ усайской волости Лепельскаго уѣзда хлопцы „колышутъ“ дѣвушекъ надъ Купальскимъ костромъ, а дѣвушки хлопцевъ. Потомъ они еще и прыгаютъ черезъ огонь.

Существуетъ мнѣніе, что колдуна можно убить, или во всякомъ случаѣ причинить побои, если бить осиновымъ полѣномъ его тѣнь.

Привожу главнѣйшія примѣты.

Если солнце всходитъ на ясномъ небѣ, день будетъ хорошій, а если на тускломъ, то будетъ дождь. Если заходитъ яснымъ, то слѣдующій день будетъ хорошій, а если тусклымъ, то будетъ вѣтеръ; если заходитъ за облака, то будетъ дождь.

Если птички чирикаютъ, будетъ тепло. Если воробьи или куры купаются въ пескѣ, будетъ дождь. Если вороны садятся на вершину дерева, будетъ тепло, а если разсаживаются по вѣтвямъ, будетъ холодно; если при этомъ кричатъ, будетъ дождь. Кошка лежитъ посреди хаты—къ теплу; ѣстъ траву—дождь будетъ; скребетъ когтями полъ, будетъ дождь или снѣгъ; спитъ въ печи—къ холоду. Если свиньи тащутъ солому въ берлогу, будутъ сильные холода; если чешутся объ уголъ—будетъ дождь. Убивши предъ Колядами свинью, смотрятъ ея

внутренности: если „коса“ окажется ровною, то зима будетъ умѣренная; если же коса́ окажется съ утолщеніями, то зима будетъ съ сильными морозами; толстый конецъ косы означаетъ продолжительную холодную зиму.

Если гуси или утки бѣгаютъ по водѣ и кричатъ, будетъ дождь. За сколько недѣль до Покрова ляжетъ снѣгъ и установится санный путь, за столько времени до Благовѣщенія потребуется телѣга. Если не придется оставить саней за двѣ недѣли до Благовѣщенія, то столько же времени придется ѣздить на нихъ послѣ Благовѣщенія. Какова погода въ Чистый четвергъ, такая же будетъ и въ Пасху. Когда пѣшеходныя тропинки начнутъ чернѣть, значитъ, наступила весна. Куликъ кричитъ—будетъ холодно. Вьюрокъ, зябликъ кричитъ тоже къ холоду. Надо сказать: „на свою голову!“ Тогда холода не будетъ. До „Юрья корми всякаго дурня“,—потому что до 23 апрѣля рѣдко бываетъ подножный кормъ для скота. Пѣтухъ запоетъ въ полдень, будетъ перемѣна погоды. Какая погода бываетъ въ январѣ, такая будетъ и во время сѣнокоса. Когда свиньи начинаютъ рыть землю—весна пришла. Если вечеромъ летаетъ много жуковъ, то на утро будетъ дождь. Если вечеромъ далеко отдается отголосокъ, то на завтра будетъ хорошая погода. Если во время дождя появляются пузыри на водѣ, то дождь будетъ продолжительный. Въ субботу, по народному вѣрованію, хотя на минутку, но должно выглянуть солнце. Какая корова вечеромъ идетъ съ поля впереди стада, такая завтра будетъ и погода: красная корова—ведро, черная—ненастье, пѣгая—перемѣнная и. т д. Лягушку нельзя убивать—будетъ дождь.

Если дождливая погода стоитъ очень долго, нужно бросить въ печь кость отъ освященнаго въ Пасху мяса; когда кость сгоритъ, тогда небо разъяснится. Когда ласточки летаютъ низко, будетъ дождь; если рѣютъ въ вышинѣ, будетъ хорошая погода. Когда идетъ градъ, надо вынести подъ градъ на улицу лопату и метлу; тогда градъ прекратится и не причинитъ вреда. „Коли зимою снѣжки идутъ, то и лѣто такъ выдаетъ — будутъ дождики проходить. А когда зимою больше холода̀, то лѣто будетъ погодливое, „няко́та“. Если ворона въ хорошую погоду кричитъ налету, то лѣтомъ будетъ дождь, а зимою снѣгъ и вьюга — „нягóда будя“. Если во время вѣтра ворона сидитъ „на́ўпроти вѣтру и надмѣтца—нягóдя будя“. Если весна ранняя и „титярукъ начнѐ балбата́ть не́ўпару“ — жди холодовъ чрезъ полмѣсяца.

Если кукушка будетъ куковать до Петрова дня, то осень будетъ хорошая.

Чтобы прекратился дождь, дѣти прыгаютъ на одной ногѣ и поютъ:

Дощъ, дощъ, нарistáнь, — Богу мали́тца,
Мы паѣдимъ на Ирдань, — Христу паклани́тца!

А во время бездождія:

Дощъ, дощъ, припусти, — Богу мали́тца,
Мы паѣдимъ у кусты, — Христу пакланитца!

Послѣ купанья, тоже прыгая на одной ногѣ, дѣти поютъ:

Калѣка, калѣка, — Кали ни нагрѣишъ,
Сагрѣй чилавѣка! — Сама окалѣишъ!

Чтобы вода была тепла при купаньѣ, надо бросить въ нее нѣсколько горстей травы, съ словами:

„Траўка—траўка! Нихáй тибѣ будить халóдниньска, а мнѣ тёплинька!“

—

Если кукушка начнетъ весною куковать „на голый лѣсъ“, когда онъ не покрылся еще зеленью, то годъ будетъ неурожайный. Если на Рождество будетъ теплая погода, съ небольшимъ снѣгомъ и съ туманомъ, то наступающій годъ будетъ урожайнымъ. Чтобы узнать, на какой хлѣбъ будетъ лучшій урожай, садятъ въ день Новаго года въ землю въ ящикѣ зерна различныхъ хлѣбовъ; который хлѣбъ простетъ лучше, на тотъ и будетъ обильный урожай лѣтомъ. На Переплавную середу надо сажать лукъ; тогда онъ не будетъ черезчуръ горекъ. Если въ лѣсу появится весною много бѣлокъ, то будетъ или неурожай или война. То же самое предвѣщаетъ и появленіе другихъ грызуновъ—мышей, крысъ. Если въ день Новаго года на деревьяхъ иней, то годъ будетъ урожайный. То же предсказываетъ и снѣгъ на Крещенье. Если журавли летятъ изъ вырея большою стаей, то годъ будетъ неурожайный; если же небольшими группами, по два—по три, то будетъ урожай. Если зимою часты будутъ инеи, то лѣтомъ пчелы соберутъ много меду. Такое же предсказаніе дѣлается, если въ день Покрова будетъ теплая, ясная погода. Если въ маѣ будетъ хотя одинъ морозъ, роевъ не будетъ. Ленъ нельзя стлать до тѣхъ поръ, пока не будетъ засѣяно озимое поле. Когда начинаютъ цвѣсти огурцы, надо бросить на лехи старые лапти или вообще что либо плетеное или вязаное; тогда у огурцовъ хороша будетъ завязь. Чтобы получить хорошій урожай огурцовъ, надо отыскать между ними спорышъ (два огурца сросшіеся вмѣстѣ), намочить его въ водѣ и этою водою поливать огурцы на грядахъ. Чтобы мыши не ѣли свезеннаго на гумно хлѣба, надо ту скатерть, въ которой носили освящать пасхальный столъ, разостлать въ воротахъ гумна такъ, чтобы по ней проѣхалъ первый возъ съ снопами. Потомъ эту скатерть вѣшаютъ въ гумнѣ на перекладинѣ, гдѣ она виситъ до тѣхъ поръ, пока будетъ обмолоченъ весь хлѣбъ.

Если зимою большие „склюзы“ черезъ дорогу, надо сѣять побольше ячменю,—на него будетъ урожай. Если зимою частыя „отлиги“—оттепели, то рожь будетъ плоха. Если въ Чистый четвергъ и

на Благовѣщенье будетъ тепло, будетъ урожай на орѣхи. Если на небѣ много звѣздъ въ Рождественскую ночь, будетъ много грибовъ съ весны, если въ Новогоднюю, то среди лѣта, а если въ Крещенскую, то къ осени. Если въ Коляды вообще небо звѣздное, то лѣтомъ будутъ и грибы и ягоды, „а коли хмарное, дакъ не надѣйся!“ Если на Рождество вѣтеръ, то лѣтомъ будетъ много орѣховъ. Чтобы ленъ уродился чистый, надо въ Новогоднюю ночь, на Щедрую кутью, смести печь и соръ выбросить на улицу.

Если въ Крещенье идетъ снѣгъ, лѣтомъ на капустѣ будетъ много червей. Чтобы черви не ѣли капусты, надо вбить въ гряды колокъ во время посадки.

Въ какой день на масляницѣ будетъ ясная солнечная погода, въ такой день недѣли надо сѣять пшеницу. Тогда она будетъ и хорошая и чистая. Ленъ весною надо сѣять въ тотъ день, когда увидишь ястреба-мышатника. (Велиж. у.). Пшеницу лучше сѣять въ три срока: раннюю—до Юрья, среднюю—когда у ржи высыплется колосъ, и позднюю—одновременно съ гречихой. Гречиху же лучше всего сѣять за двѣ недѣли до Купалы. (Рудня).

Чтобы градъ не выбилъ лѣтомъ полей, надо на Юрья въ разныхъ мѣстахъ поля воткнуть въ землю кости отъ освященнаго пасхальнаго мяса. Эти же кости спасаютъ рожь и отъ засоренія костеремъ. Воткнутыя въ шулу гумна при привозѣ съ поля „перваго снопа“, онѣ спасаютъ гумно отъ пожара. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нивы въ этотъ день обходятъ съ пирогомъ, горѣлкой и закуской жгутъ пасхальныя кости и золою ихъ осыпаютъ нивы. Это спасаетъ нивы отъ сорныхъ травъ, особенно рожь отъ костеря и пшеницу отъ куколи.

Чтобы не болѣла спина во время жнива, женщинамъ въ Чистый четвергъ надо спрясть три нитки до восхода солнца, сидя на порогѣ избы. Во время зажинокъ этими нитками надо опоясаться.

Въ день Новаго года нѣкоторые считаютъ необходимымъ начинать, „для примѣра“ какія-нибудь работы, чтобы былъ въ нихъ успѣхъ въ наступившемъ году.

Въ тотъ день, когда начинаешь пахоту или зажинаешь рожь, или начинаешь посѣвъ—ничего не давай изъ дому людямъ. Въ Сѣнненскомъ уѣздѣ это требуется въ каждый праздникъ. Въ Оршан. у. кромѣ того нельзя ничего ссужать въ полнолуніе, если оно приходится на среду.

Если въ день Новаго года вѣтеръ, то въ тотъ годъ будетъ урожай на орѣхи.

При посѣвѣ пшеницы, надо топоръ заткнуть за поясъ или надѣть черезъ плечо кошель. Тогда на нее будетъ урожай хорошій.

Чтобы ленъ выросъ высокій, надо бросать въ воду головешки отъ Купальскаго костра.

Въ первый день косьбы „ни мянта́жъ, ни трапы́шъ, а то цэлный годъ будуть вовцы крычать, якъ ня ѣ́шы. Луччы зака́шавай на̀ начъ“.

Гом. у.

Чтобы былъ урожай на фрукты, надо, идя къ заутрени въ день Рождества, зайти въ садъ и потрясти деревья.

Чтобы въ огурцахъ не было пустоцвѣта, надо садить ихъ вечеромъ. Чтобы рѣпа была крупная и сладкая, не надо, сажая ее, смотрѣть по сторонамъ или вверхъ.

Чтобы жито лучше росло, въ Рогачевскомъ уѣздѣ прогоняютъ чрезъ ржаное поле все стадо. Если же это дѣлаетъ каждый хозяинъ въ отдѣльности со своимъ скотомъ, то въ лѣвой рукѣ онъ несетъ икону, а въ правой вербу, и говоритъ: „Святый Юрій—Ягорій! Багаслави Господи намъ у по́ля сваю̀ скатину прагна́ть! Якъ падъ со́нцамъ, такъ и падъ мѣ́сицамъ штобъ Богъ ми́лаваў скатину маю̀. Унимай, святый Юрій-Ягорій губы и зубы сваи́мъ псо́мъ, усимъ звяро́мъ!“—„Са́мая благаславѐнія на расў гнать скотъ у етый день!“

Чтобы хорошій горохъ уродился, нужно сѣять его въ тотъ день недѣли, въ который осенью шелъ первый снѣгъ.

Не слѣдуетъ сѣять пшеницы, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ.

Когда черви-пашники начнутъ рыть токъ, нужно спѣшить съ посѣвомъ ржи. Когда на крапивѣ появится много червей, недѣ́ль за семь до Ильи, пора сѣять пшеницу.

Велижск. у.

Когда складываешь сѣно въ пуню, нельзя никому огня давать изъ дому, „а то сь сѣна бўдить пылъ итѝ“. „Жыта надо складать, якъ у по́ля ста́тыкъ го́шють: тагды̀ мы́шы ня будуть жы́та ѣсьти“.

Если ѣдешь жито сѣять и встрѣтишь человѣка, укушеннаго „вужа́кай“, такъ надо его пропуститъ впередъ, но отнюдь не переходить ему дороги. Если въ деревнѣ имѣется покойникъ, нельзя жита сѣять: „сѣй, ня сѣй—ня уродить!“

Если полосы сосѣдей сходятся межа съ межою, то нельзя одновременно засѣивать ихъ, идя на встрѣчу другъ другу. „Хто састўпить като́раму, у таго̀ бўдить луччыя жыта“. А если хочешь навредить сосѣду, то сѣй, идя ему на встрѣчу и переверни свою доніанку. Тогда у сосѣда жито пропадетъ.

Когда сажаютъ хлѣбъ въ печь, тогда никому нельзя выходить изъ хаты: споръ съ собою понесетъ.

Если насѣдку посадить на яйца въ среду, то выйдутъ одни пѣтушки. Подъ насѣдку надо класть нечетное число яицъ, иначе будетъ много „болтуновъ“. Гдѣ сидитъ на яйцахъ насѣдка—курица, гусь, индѣйка, утка, въ той хатѣ нельзя варить и печь яицъ. Если въ Великую субботу вечеромъ во время топки печи хозяйка немного „поко́хаетъ“ по куриному, то всѣ куры ея будутъ затѣмъ „квохтать“ и выводить цыплятъ. На Русальной недѣлѣ нельзя садить насѣдокъ

на яйца, иначе птенцы выведутся съ кривыми ногами. Въ ту хату, гдѣ сидитъ насѣдка, нельзя ходить съ цвѣтами, иначе будетъ много „болтуновъ“.

Чтобы куры начали рано нестись, надо въ день Рождества на разсвѣтѣ пойти въ сарай и потрясти телѣгу („калёсы“). А если куры не несутся, надо идти въ полночь къ сосѣду, потрясти у него ворота и постучать въ нихъ съ словами: „Якъ у на́шага сусѣда Иваньки варо́ты трясу́тца, такъ няха́й нашы куры нясу́тца“. Такъ сдѣлать три раза.
М. Вѣтка.

Чтобы овцы не рождались кривоногими, хозяйкамъ слѣдуетъ въ Коляды оставлять золу и головешки въ печкѣ.
Леп. у.

Если въ Великую субботу вечеромъ сильно лаютъ собаки, то волки много истребятъ собакъ за лѣто. Чтобы домашній скотъ „улѣтку пилнава́ў до́ма“, надо въ Коляды давать ему ѣсть кутью черезъ обручъ. Съ тою же цѣлью сыплютъ кормъ въ обручѣ домашней птицѣ. Чтобы охранить корову отъ дурного глаза и отъ вѣдьмы, слѣдуетъ послѣ перваго отела просверлить у ней въ правомъ рогу дырочку, влить туда освященной ртути и залѣпить навсегда воскомъ. „Отъ живого серебра никакой злостникъ ничего худого не въ состояніи сдѣлать коровѣ“. Чтобы жеребенка не съѣли волки, надо протащить его, какъ только родится, „мижа су́колъ“ въ изгороди.

Чтобы лошади не дѣлали лѣтомъ потравы, надо въ Рождественскую кутью во время ужина выйти въ садъ босикомъ тому члену семьи, который будетъ пасти лошадей, и тамъ спутать нѣсколько деревьевъ

Если воронъ кричитъ надъ стадомъ, то волкъ съѣстъ кого-нибудь изъ стада. Чтобы прогнать ворона, пастушки кричатъ на него „Крукъ, крукъ! Ни лятѝ чиризъ нашъ ста́тыкъ: бу́дить на тва́ихъ дятѐй упа́дыкъ! Лятѝ чиризъ па́нуў дворъ: панъ кабы́лу лу́пить, табѣ кава́лыкъ отклу́пить!“

Если свинья опоросится въ первый разъ, то поросятъ нельзя ни продавать, ни дарить, иначе въ дворѣ переведутся свиньи.

Чтобы лошади были здоровы и жирны, ихъ купаютъ въ Чистый четвергъ до солнца и потомъ по нимъ катаютъ яйцо съ написаннымъ углемъ изображеніемъ креста. Чтобы волки не нападали на стадо, надо обнести вокругъ него недоѣденную волками голову собаки. Чтобы скотъ изъ стада не разбредался, надо закопать на пастбищѣ кусокъ хлѣба, съ которымъ хозяева провожаютъ скотъ въ день Юрья. Если корова отстанетъ отъ стада и не придетъ на ночь домой, надо въ стѣну надъ дверью воткнуть ножъ; тогда ее звѣрь не тронетъ. Иные съ этою цѣлью запираютъ замокъ на то время, пока корова отыщется. Если у рогатаго скота появится кровавая моча, то надо вбить въ землю осиновый колышекъ, и болѣзнь прекратится. Если

скотина „съ норовомъ“, то ее надо сбыть, такъ какъ, перейдя черезъ руки, она исправляется. Если ласточка пролетитъ подъ коровою, то корова не будетъ больше давать молока до слѣдующаго теленка.

Чтобы защитить коровъ отъ вѣдьмы, дѣлаютъ деревянный крестикъ наканунѣ Крещенія, въ постную кутью. Когда въ день Крещенія раздастся благовѣстъ къ обѣднѣ, хозяйка беретъ крестикъ и идетъ на колодецъ за водою. Придя туда, она крестится и пускаетъ крестикъ на воду. Если же на водѣ уже имѣется крестикъ, опущенный предыдущей хозяйкой, его вынимаютъ, несутъ домой и вѣшаютъ на воротахъ. Тогда вѣдьма не можетъ пройти во дворъ, чтобы отнять молоко у коровъ. Въ Чистый четвергъ мнутъ ленъ до восхода солнца и полученной кострикой пересыпаютъ дорогу коровамъ при первомъ выгонѣ ихъ въ поле на Юрья. Тогда вѣдьма не отниметъ у нихъ молока. До Юрья нельзя водить лошадей на ночлегъ, потому что у звѣрей еще нѣтъ начальника—Юрія и они попортятъ много лошадей. Въ ночь же подъ Юрьевъ день св. Юрій (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—Лѣсовикъ) собираетъ звѣрей въ одно мѣсто и распредѣляетъ ихъ, куда которымъ идти на лѣто жить. И наблюдаетъ, чтобы они не портили ту скотину, которая имъ не назначена. Такъ держитъ онъ звѣрей въ своей власти до Купалы, (по другимъ — до Филиппова поста) а потомъ распускаетъ. Существуетъ поговорка: „по кошоному звѣрь злѣй!“

Когда первый разъ выводятъ на ночлегъ лошадей, то въ воротахъ хлѣва разстилаютъ скатерть, кладутъ на нее замкнутый замокъ и яйцо, и переводятъ черезъ скатерть лошадей. Дѣлается это для того, чтобы запереть волчьи пасти и чтобы лошади были здоровы и жирны (круглы, какъ яйцо).

Въ д. Маковьѣ, выгоняя скотъ 23 апрѣля, берутъ въ правую руку освященную вербу и страстную свѣчку, а въ лѣвую ломоть хлѣба, или миску пашни. Въ воротахъ перегоняютъ черезъ красный поясокъ, замкнутый замокъ, яйцо и кусокъ хлѣба съ солью или чрезъ цѣлую паляницу. „И тро́йчы чыразъ той жа хлѣбяцъ парагани́ять“. А замки до осенняго Юрья замкнуты.

Чтобы узнать вѣдьму, которая отбираетъ молоко у коровъ, нужно вбить колъ осиновый въ землю, отрѣзать отъ него внизъ 63 щепки и разложить изъ нихъ въ печкѣ огонь въ самый полдень; потомъ наколоть цѣдилку (тряпочку, чрезъ которую процѣживается молоко) и кипятить ее на этомъ огнѣ. Во время кипѣнія вѣдьма придетъ въ домъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Чтобы скотъ лучше водился, надо первые блины отъ каждой кутьи и отъ праздниковъ Рождества, Крещенія и Новаго года, всего шесть блиновъ засушить и, растерши ихъ, всыпать въ кормъ. Однѣ хозяйки дѣлаютъ это въ день Крещенія, другія на Юрья.

Нельзя няньчиться съ животными, не только съ когтистыми, которыя считаются „погаными", но и съ копытными. Бѣлоруссъ съ презрѣніемъ относится къ женщинамъ, держащимъ у себя много собакъ или кошекъ. Кто цѣлуетъ животныхъ, тотъ самъ дѣлается поганымъ.

—

Бѣлоруссы — народъ глубоко религіозный и вѣрующій, но къ сожалѣнію не получившій даже элементарнаго религіознаго образованія. Взгляды его на Божество приведены въ IV вып. Б. Сб. и я не буду повторяться, но и теперь приходится сказать, что изъ неграмотныхъ рѣдко кто знаетъ молитвы. Вотъ напримѣръ какъ мнѣ прочитали въ княжицкой волости Могилевскаго уѣзда (12 верстъ отъ губернскаго города) молитву Господню: Ачà наша, же ся на нáбяся, да свѣтитца мя тва, да прыдить царства воля тваà (крестное знаменіе), якъ нá няби, такъ и нá зямли, хлѣбъ нашъ насýшный прысный вó вяки вякóмъ аминъ". Такимъ же образомъ искажаются и прочія молитвы, число которыхъ впрочемъ очень ограниченно, и символъ вѣры. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что бѣлоруссовъ легко совращаютъ ксендзы въ католичество, а сектанты въ штунду и т. п. ереси.

Иконы до сихъ поръ называются богами, карнизъ, гдѣ устанавливаются образа—божницею, полотенца, которыми иконы украшаются—набожниками и т. д. Наиболѣе часто встрѣчаются иконы Спасителя, Божіей матери, св. Николая, влм. Георгія, а на югѣ Бѣлоруссіи влм. Варвары и арх. Михаила. Наиболѣе, однакоже, почитается икона св. Николая, которая имѣется почти въ каждомъ домѣ. Дѣтей, вступающихъ въ бракъ, родители благословляютъ: жениха иконою Спасителя или св. Николая, невѣсту иконою Богородицы или св. угодницы.

Во время пожаровъ прежде всего спасаютъ „боговъ" и непремѣнно—столъ, а потомъ уже остальное имущество.

Одну изъ иконъ во время пожара обносятъ вокругъ пожарища и бросаютъ въ огонь освященное пасхальное яйцо, которое иные старухи нарочито сохраняютъ для такихъ случаевъ.

Возможность пріобрѣсти въ домъ икону составляетъ для семьи высокую радость. Уплата денегъ за икону называется мѣною: „Богу ни ўгавóрна, вымиияли святитиля Микалая!"

Ложиться къ иконамъ ногами считается большимъ грѣхомъ и это никогда не допускается. Паденіе иконы съ божницы предвѣщаетъ дому большое несчастье, чаще всего—смерть одного изъ старшихъ членовъ семьи. Потеря шейнаго креста или образка предвѣщаетъ потерявшему несчастье; для предотвращенія его потерявшій долженъ „щиро" постить три первыхъ послѣ потери пятницы.

Въ силу историческихъ причинъ, въ Бѣлоруссіи большимъ уваженіемъ пользуется крестъ чытырехконечный; но въ послѣднее время

быстро входитъ въ употребленіе восьмиконечный, какъ отличіе отъ католиковъ. Въ церквахъ встрѣчаются древніе кресты пяти—шести—и семиконечные.

Изъ свѣчей, обладающими чудесною силою считаются: Страстная-четверговая, Пасхальная, при которой освящаются пасхальныя яства, въ мѣстностяхъ при-католическихъ—Срѣтенская, Громничная и вѣнчальныя.

Въ дополненіе къ сказанному выше добавлю, что вѣнчальныя свѣчи считаются очень полезными при лѣченіи лихорадки: ими подкуриваютъ больныхъ и тѣ выздоравливаютъ; четверговою свѣчею сглаженныхъ дурнымъ глазомъ, заболѣвшихъ „отъ суроцъ".

Полезнымъ считается и ладанъ: дымъ его, прежде всего, отгоняетъ нечистую силу: боится, какъ чертъ ладана. Затѣмъ при зубныхъ болѣзняхъ „росинки" его кладутъ на больные зубы; наконецъ, растворяютъ его въ водѣ и даютъ пить страдающимъ эпилепсіей, „переходомъ".

Первый ударъ колокола отгоняетъ нечистую силу отъ церкви. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (с. Староселье Гом. у.) при первомъ ударѣ не крестятся, чтобы не отогнать черта опять къ церкви, а крестятся при второмъ. Обычно же крестятся при первомъ ударѣ.

Изъ книгъ религіознаго содержанія до учрежденія ц.-приходскихъ школъ чаще другихъ встрѣчалась псалтирь и притомъ большого формата (4°). По ней читали по покойникамъ. Потомъ начали входить часословы и евангелія. Любимымъ чтеніемъ надо признать житія святыхъ. Ветхій завѣтъ не встрѣчается, и вообще мало извѣстенъ. Есть даже мнѣніе, что ветхій завѣтъ грѣшно читать. Что касается библіи, то ее читать можно, но кто прочтетъ ее всю, тотъ сойдетъ съ ума или сдѣлается фармазаномъ — по народному опредѣленію, что-то въ родѣ полусумасшедшаго, невѣрующаго въ Бога и душа котораго заранѣе продана діаволу. Съ ума сходитъ также, кто много учится: у него умъ за разумъ заходитъ; или кто наступитъ на зачарованный слѣдъ колдуна. Въ послѣднемъ случаѣ, если наступившій плюнетъ на слѣдъ и перекрестится, чары обратятся на самого колдуна. Если кто плюнетъ въ лицо человѣку, ему говорятъ: „плюнь на свой слѣдъ!" Тогда онъ съ ума сойдетъ или во всякомъ случаѣ проболѣетъ.

Наиболѣе уважаемой книгой все же считается псалтирь, тѣмъ болѣе, что по ней можно и гадать. Для этого гадающая ставитъ псалтирь корешкомъ себѣ на голову и переворачиваетъ ее кругообразно три раза, потомъ снимаетъ и раскрываетъ на любой страницѣ. Грамотей читаетъ открытый псаломъ. Гадающая большею частью не понимаетъ текста. Но достаточно прочесть напр. стихъ: „Возверзи на Господа печаль твою и той тя препираетъ", и гадающая удовлетворена и черпаетъ силы для дальнѣйшей борьбы съ горемъ.

Сонъ Богородицы въ Бѣлоруссіи очень распространенъ, такъ какъ существуетъ увѣренность, что нахожденіе его въ домѣ избавляетъ домъ отъ несчастій.

Ладонки православнымъ населеніемъ носятся рѣдко и главнымъ образомъ кіевскими богомолками. Въ ладонки зашивается вата отъ мощей и росинка ладану. Люди, боящіеся дурного глаза, носятъ въ ладонкѣ освященное живое серебро—ртуть.

Въ случаѣ долгаго безвѣстнаго отсутствія члена семьи, по немъ служатъ панихиду какъ по умершемъ, или записываютъ въ поминальницу „за упокой". Если отсутствующій живъ, эти мѣры вызываютъ въ немъ сильную тоску по родинѣ и онъ скоро возвращается домой. Въ противномъ же случаѣ отсутствующаго считаютъ умершимъ.

—

Если сова кричитъ близъ семейнаго дома, то въ этомъ домѣ скоро будутъ родины. Если два человѣка скажутъ въ одно время одно и то же слово, то ребенокъ, родившійся въ эту минуту, сдѣлается воромъ. Если положить нечаянно ножъ остріемъ кверху, то родившійся въ это время будетъ самоубійцей.

Предъ наступленіемъ родовъ, родильницу надо обвести три раза вокругъ стола, застланнаго скатертью; тогда рождаемый будетъ „пильновать дому" и будетъ жить въ достаткѣ.

Беременной женщинѣ нельзя работать на Русальной недѣлѣ, иначе у нея родится уродъ.

Если ударить беременную женщину, то у ребенка на томъ мѣстѣ будутъ слѣды удара.

Проходя близъ вонючаго мѣста, падали и т. п., беременная не должна плевать, иначе у младенца будетъ вонять изо рта. Беременная не должна также спать въ такомъ мѣстѣ, чтобы на нее падалъ лунный свѣтъ, иначе младенецъ ея будетъ лунатикомъ.

Если у кого умираютъ дѣти, такъ надо брать въ воспріемники „сустрэ́шная кумаўе", то есть первыхъ встрѣтившихся мужчину и женщину; или взять родныхъ брата и сестру, или дать новорожденнымъ имена Адама (мальчику) и Евы (дѣвочкѣ), или наконецъ продать ребенка. Продажа совершается такъ. Отецъ проситъ знакомаго прислать „купца"—покупателя. Купецъ приходитъ и спрашиваетъ: ти прадае́шъ дитя?—Купляй!—Скольки табѣ за яго?—Пять копѣякъ! Той кладѐ у люльку пятакъ и выхо́дя съ хаты. Грошы етыя аддають на цэркву, а дитёночакъ жывѐ.

Штобъ дитёнка нихто ни сурэ́чыў, трэба надъ люлькой навѣсить воу́чый зубъ. Также: надо всячески охранять отъ вѣтра, чтобъ не подулъ на ребенка въ люлькѣ.

Если у ребенка длинные и тонкіе пальцы, то изъ мальчика выйдетъ „абы панъ, абы гультай", а дѣвушка будетъ искусная пряха.

Если ребенокъ часто кричитъ, капризничаетъ, его нужно высѣчь вѣникомъ на трехъ порогахъ. Нельзя, при этомъ, качать пустую люльку: ребенокъ становится отъ этого болѣе капризнымъ и по ночамъ не будетъ спать.

Когда отнимаютъ ребенка отъ груди, то наблюдаютъ, чтобы въ тотъ день не было въ календарѣ памяти мученика, иначе отнятіе отъ груди будетъ для ребенка мучительно. При отнятіи ребенка отъ груди кладутъ предъ нимъ хлѣбъ, деньги и книжку. За что ребенокъ прежде всего схватится, того и будетъ „пильновать" всю жизнь. Если во время сна ребенокъ взбирается на подушку, значитъ, долго жить будетъ. Если не по лѣтамъ уменъ, то помретъ въ дѣтствѣ. Если сонный ребенокъ открываетъ глаза, если у него переносье синеватое, и если пятки тупыя,--то онъ скоро помретъ. При острыхъ же пяткахъ ребенку предстоитъ долгая жизнь. Проклятія матери дѣйствительны; если мать въ сердцахъ скажетъ ребенку: „а чтобъ ты пропалъ отъ моей головы!"—то ребенокъ или утонетъ, или убьется, или умретъ отъ несчастнаго случая. Нельзя долго кормить ребенка грудью: онъ сдѣлается глупымъ. Если ребенокъ сопливый—будетъ разумнымъ. „Хто зма́лку сапли́вый, той будя щасьливый". Чтобы носъ у ребенка не расплывался, мать во время пеленанія должна всякій разъ слегка сжимать пальцами кончикъ носа. До года ребенку не позволяютъ смотрѣться въ зеркало. Чтобы ребенокъ быстрѣе укрѣплялся и скорѣе началъ ходить, его надо почаще сажать на то мѣсто, гдѣ лежалъ предъ тѣмъ свѣже-испеченный хлѣбъ. Чтобы ребенокъ скорѣе началъ ходить, ставятъ его на полъ и между его ногъ перерѣзываютъ веревку, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что перерѣзываютъ ее. Это называется „рѣзать путо". До года нельзя стричь волосъ на головѣ ребенка, нельзя обрѣзывать у него ногтей.

Если дитя во снѣ плачетъ, не надо его будить: „ета урэ́мя пады-шло̀ ху́да". Также и тогда, если ребенокъ смѣется. Нельзя колыхать пустой люльки: туда заберется хвороба и будешь няньчиться съ нею. Нельзя надѣвать мальчику женскаго чепца: рости не будетъ. Если у ребенка углы глазъ острые, онъ долговѣченъ, если тупые, скоро помретъ. Если женщина „присвѣтитъ", пройдя надъ ребенкомъ, онъ не будетъ расти. Бить ребенка по пятамъ нельзя, будетъ болѣть. Нельзя поднимать ребенка выше своей головы: не будетъ расти.

—

У кого изъ новобрачныхъ за время вѣнчанія сгоритъ больше свѣча, тотъ раньше умретъ. Если свѣчи во время вѣнчанія горятъ ярко, то жизнь новобрачныхъ будетъ веселая и долговѣчная; если же горятъ тускло, то жизнь будетъ печальная.

Для того, чтобы на свадьбѣ произошла ссора или драка, злостники бросаютъ „въ кутъ" отломленную головку отъ рукоятки цѣпа.

М. Черея, Сѣннен. у.

Чтобы узнать характеръ жениха или невѣсты, достаютъ ихъ волосъ и проводятъ между сжатыми ногтями. Если волосъ свернется, значитъ характеръ злой и вспыльчивый, если же останется ровнымъ—характеръ ровный, спокойный.

Невѣста считается зрѣлою, если ея коса доросла до пояса. Если груди, уши или носъ у невѣсты мягкіе, она потеряла невинность. Цѣломудренный мужчина не умѣетъ попадать камнемъ въ цѣль, не умѣетъ рубить топоромъ по одному и тому же мѣсту.

Кто, становясь къ вѣнцу, первый вступитъ на подножникъ, тотъ будетъ главенствовать въ домѣ. Во время вѣнчанія на подножникъ надо положить монету, чтобы новобрачные были богаты. Сходя съ подножника послѣ вѣнца, невѣста должна протянуть его за собой ногою; тогда скоро повыходятъ замужъ ея подружки. Послѣ Андреева стоянія и въ день Андрея 30 ноября дѣвушки должны ложиться спать безъ ужина: тогда онѣ увидятъ во снѣ суженаго. Наканунѣ Рождества утромъ, когда чистятъ хату и выносятъ золу изъ печей, заставляютъ дѣлать это малыхъ дѣтей. Въ которой сторонѣ при этомъ залаютъ собаки, съ той будетъ женихъ для дочери, и невѣста для сына. Видѣть во снѣ медвѣдя, надо ожидать сватовъ. Если кошка выведетъ котятъ на чердакѣ, въ этомъ домѣ будетъ свадьба. Дѣвушка должна стараться, чтобы въ первый разъ быть воспріемницей мальчика, а парень—воспріемникомъ дѣвочки: тогда они скоро поженятся и повыходятъ замужъ.

—

Если собака роетъ подъ окномъ землю, въ томъ домѣ будетъ покойникъ. Если чешется носъ, услышишь о покойникѣ. Если въ комнату влетитъ птичка, въ домѣ будетъ покойникъ или, во всякомъ случаѣ, заболѣетъ кто-либо изъ членовъ семьи. На кого сядетъ рой пчелъ, тотъ человѣкъ больше года не проживетъ. Если мыши ѣдятъ одежду, то хозяинъ ея непремѣнно заболѣетъ, а если испортятъ окончательно, то и умретъ отъ болѣзни. Если воронъ кричитъ надъ домомъ, или на крышѣ, то въ этомъ году въ домѣ будетъ покойникъ; если воронъ пролетитъ у кого надъ головою, тотъ въ этомъ году умретъ. Видѣть во снѣ гряды или копать ихъ—означаетъ, что самъ видѣвшій или кто-либо изъ его родственниковъ умрутъ. Если лѣтомъ задуетъ холодный вѣтеръ, то въ той сторонѣ, откуда онъ дуетъ, кто-нибудь утонулъ, и вѣтеръ дуетъ „на залйуца“. Если гудитъ въ трубѣ или въ самоварѣ—предстоитъ потеря близкаго человѣка, или во всякомъ случаѣ долгая разлука съ нимъ. Паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка; въ которой сторонѣ она упадетъ, тамъ и покойникъ. Если при видѣ падающей звѣзды пожелать чего-либо, прежде, чѣмъ звѣздочка закатится, то это желаніе непремѣнно исполнится.

Если собака воетъ передъ домомъ опустивши голову къ землѣ, въ домѣ будетъ покойникъ; если же поднявши голову кверху—будетъ

пожаръ. Или: если внизъ, то на бѣду себѣ, а если вверхъ, то на несчастье человѣку: на моръ, на голодъ, на пожаръ и т. п.

Если ребенокъ ѣстъ землю, то онъ не долговѣченъ. Если больной пьетъ козье молоко и коза начинаетъ худѣть, значитъ, больной сталъ поправляться, если же коза умретъ, то это считается за доказательство выздоровленія болѣвшаго. Услышавъ первый разъ кукушку, спрашиваютъ у нея: „кукушка, кукушка! скольки мнѣ годовъ жить?“ Сколько разъ она прокукуетъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, столько лѣтъ и проживетъ спрашивающій. Дѣвушки спрашиваютъ въ такихъ случаяхъ кукушку, сколько лѣтъ имъ осталось до замужества, а парни—до женитьбы.

Если у покойника мягкое тѣло, если вырытая для него яма обрывается, если умершій не закрываетъ плотно глазъ и наконецъ если за похороннымъ столомъ обѣдающихъ окажется нечетное число,—все это предвѣщаетъ скоро другого покойника въ томъ же домѣ.

Дѣти, умершія до крещенія, и выкидыши обращаются въ русалокъ.

Хату, въ которой былъ покойникъ, въ Смоленскомъ уѣздѣ не моютъ цѣлый годъ, не метутъ улицы передъ дворомъ и не украшаютъ дома „маемъ“ въ Духовъ день. Если при разговорѣ упоминаютъ имя умершаго, то обыкновенно приговариваютъ: „вѣчный покой!“ Или: „нехай свйтенекъ лежить!“ Или: „мы его не дождемся, а ёнъ насъ!“ Если чрезъ окно въ хату влетитъ ласточка, это значитъ, что душа какого-либо умершаго родственника проситъ за нее помолиться.

Когда человѣкъ умираетъ, нельзя плакать, кричать, даже громко разговаривать: душа пугается и не рѣшается вылетать изъ тѣла, чѣмъ причиняетъ умирающему большія страданія. Какъ только человѣкъ скончается, надо поставить на окнѣ „святую воду“ (освященную Крещенскую), чтобы душа могла въ ней выкупаться и явиться къ Богу чистою. Во время похороннаго стола надо открыть окно, чтобы въ него влетѣла душа покойника принять участіе въ трапезѣ. Съ этою же цѣлью мѣсто за столомъ, гдѣ лежалъ покойникъ предъ погребеніемъ, не занимается никѣмъ во время обѣдовъ до истеченія сорока дней.

Если яма для покойника вырыта въ цѣльномъ грунтѣ („въ свѣжемъ мѣстѣ“), то въ нее бросаютъ деньги, чтобы „откупить“ мѣсто и чтобы покойнику было чѣмъ купить себѣ мѣсто на томъ свѣтѣ. Родственники покойнаго не должны зарывать могилы или бросать рукою землю на гробъ, иначе покойнику будетъ тяжела земля. Отвозить покойника на кладбище надо на меринѣ, но не на кобылѣ. Когда умираетъ хозяинъ дома, его слѣдуетъ положить на лавкѣ, стоящей у того окна, которое выходитъ на дворъ, „къ хозяйству“, хозяйку же дома кладутъ на той лавкѣ, которая стоитъ у окна, обращеннаго

на улицу. Жена съ умершимъ мужемъ не прощается, иначе она не встрѣтится съ нимъ на томъ свѣтѣ.

Когда больной выражаетъ желаніе, чтобы его положили „до́ли", на полу, на землѣ, это вѣрный признакъ, что онъ скоро умретъ, пойдетъ въ землю. Если первое горе недостаточно выплакано, то каждое послѣдующее тяжело ложится на сердце. Среди костей человѣка имѣется такая, въ которой сосредоточивается „причастіе". По смерти всѣ кости истлѣваютъ, но эта косточка сохраняется въ землѣ до всеобщаго воскресенія. Тогда изъ нея возстанавливаются остальныя кости и тѣло умершаго.

Гробъ можно дѣлать и заблаговременно, но нельзя оставлять его пустымъ—нищимнымъ, а надо насыпать въ него жита. Иначе онъ притянетъ къ себѣ мертвеца. Воду на окнѣ можно ставить и предъ кончиною. Въ моментъ смерти водица въ стаканѣ всколыхнется.

Душа человѣка выходитъ изъ тѣла черезъ ротъ и три дня сидитъ за образами, а потомъ идетъ къ Богу на отвѣтъ.

Если во время похороннаго стола упадетъ изъ рукъ ложка или хлѣбъ, въ домѣ будетъ еще покойникъ.

Покойники на томъ свѣтѣ работаютъ, „а каторыя заслу́жуть, дакъ таму̀ и насте́лька, и садъ, и прысто́лъ, и праску́рка, и свѣ́чачка. Паради́ха—калѝ умрэ̀ зъ роду, каго̀ громъ убъѐ, и правядныя".

Когда умираетъ первый ребенокъ, мать не должна провожать его „на кло́довья", иначе и слѣдующія дѣти будутъ умирать.

М. Вѣтка.

Кому кожанъ—летучая мышь сядетъ на голову, тотъ помретъ. Или: голова покроется паршами. Или: облысѣешь.

Если въ хатѣ трещитъ стѣна съ порога—гость прибудетъ, но если „на кутѣ", то въ хатѣ будетъ покойникъ. Если курица начинаетъ пѣть пѣтухомъ—въ домѣ кто-нибудь умретъ. Тогда мѣряютъ курицей хату. Если на порогѣ придется ея голова, обрубаютъ голову—чѣмъ предвѣщаніе и исполняется; если же на порогѣ приходится хвостъ курицы, отрубаютъ и его, но все таки ждутъ чьей-либо смерти. Если куры постоянно кудахчутъ, кто-нибудь въ домѣ умретъ. Если пѣтухи въ домѣ поютъ всю ночь, когда тамъ покойникъ—это „ангельская ночь", поютъ ангелы. Если похоронному шествію встрѣтится большая толпа народа, значитъ въ селѣ кто-нибудь еще помретъ. Если во время похоронъ идетъ дождь или снѣгъ, это умершій „пріи́итъ сваёй радьнѣ". Если зимою бываетъ необыкновенная вьюга, то говорятъ, что кто-то сердитый умеръ (или: родился). Когда несутъ тѣло, нельзя смотрѣть въ окно.

Рраснян. вол. Сѣннен. у.

„На той свѣтъ" нельзя являться безъ бороды. Поэтому больнымъ ее запускаютъ. Но въ окатоличенныхъ мѣстностяхъ ксендзы требуютъ обязательнаго бритья бороды, „кабъ ня быть пахо́жымъ на кацапа".

Беременнымъ нельзя присутствовать на погребеніяхъ, иначе младенецъ родится у нихъ мертвымъ. Плакать при исходѣ души нельзя: смерть отойдетъ отъ больного на сутки, и онъ будетъ напрасно мучиться. Послѣ погребенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, ставятъ на шесть дней воду въ стаканѣ, потому что покойникъ въ эти дни ходитъ домой пить воду.

Оршанск. у.

Проводъ покойника, хотя на короткомъ разстояніи, считается обязательнымъ. Разсказываютъ, что одна бобылка всю жизнь провожала покойниковъ; какъ услышитъ, что померъ кто, сейчасъ зажигаетъ свѣчечку и идетъ съ проводомъ. Одинъ разъ хлопцы захотѣли надъ ней посмѣяться: одинъ нарядился священникомъ, другой дьякомъ, положили въ ночовки дохлую сучку и несутъ мимо ея хаты. Баба услышала пѣніе, запалила свѣчечку и пошла вслѣдъ. А хлопцы несли-несли ночовки, а потомъ кинули ихъ съ сучкой и сами утекли. Тутъ баба увидѣла, что она проводила сучечку. Но вотъ померла и сама бобылка. Собрались сосѣди на проводъ и понесли. Когда посмотрятъ—а сзади сучечка бѣжитъ и въ зубахъ держитъ свѣчечку запаленную. И она проводитъ бабку!

Гомельск. у.

На поминкахъ обязательны блины горячіе (въ другихъ мѣстахъ горячій хлѣбъ). Здѣсь важенъ паръ, поднимающійся кверху: онъ помогаетъ душѣ умершаго возноситься къ небу. Самыя поминки носятъ названіе „горячаго стола". Общее.

Когда въ домѣ покойникъ, тогда ничего нельзя брать въ другомъ домѣ. И наоборотъ: ничего нельзя брать въ ссуду изъ того дома, гдѣ находится покойникъ. Быхов. у.

Если болѣзнь серьезна, заказываются литыя или рѣзныя металлическія изображенія болящихъ частей тѣла—головы, ногъ, рукъ, ушей, глазъ, груди, туловища и т. д. Эти изображенія относятся въ ближайшій костелъ, (но никакъ не въ церковь), и кладутся тамъ предъ чтимою иконою въ видѣ жертвы. Одновременно просятъ ксендзовъ отслужить за извѣстную плату мшу предъ тою же иконою за здоровье больного. Такъ дѣлаютъ православные. Католики, наоборотъ, просятъ отслужить обѣдню въ православныхъ церквахъ. Исходъ болѣзни узнаютъ по ногтямъ. Если ногти и пальцы около ногтей посинѣютъ, это значитъ, что больной умретъ. Въ противномъ случаѣ онъ выздоровѣетъ. Если во время болѣзни роднымъ снятся мертвые, то больной умретъ. Чтобы не заразиться отъ больного его болѣзнью, надо каждый день три раза нюхать потъ изъ-подъ мышекъ. Кромѣ того ухаживающіе за больнымъ подкуриваются ржаной мукой, а также ладаномъ. Если больной кончается на постели, надъ которою устроены палати, то онъ будетъ долго мучиться. Чтобы

облегчить кончину, его нужно перенести туда, гдѣ будетъ устроено его погребальное ложе. Смерть почитается матерью грѣховъ. Она живетъ во адѣ. Оттуда ее посылаетъ за душами людей главный чертъ—дѣдушка. Смерть рѣжетъ человѣка косою. Если у умершаго не плотно закрыты глаза, то въ томъ селеніи (или въ домѣ) скоро будетъ еще покойникъ, или вообще несчастье. При обиваніи гроба тканью нельзя на краяхъ оставлять длинныхъ концовъ ея, иначе покойникъ заберетъ съ собою всѣхъ своихъ родныхъ. Душа исходитъ изъ человѣка такимъ образомъ: сперва начинаетъ вздыматься и опускаться животъ, потомъ грудь, наконецъ горло. Съ тяжелымъ вздохомъ умирающаго душа исходитъ изъ тѣла въ видѣ пара. По выходѣ изъ тѣла, души христіанъ летятъ въ Іерусалимъ. Тамъ есть Давыдовъ домъ. Въ этомъ домѣ души плачутъ о грѣхахъ своихъ „до разсудку дѣла"—до страшнаго суда. Но въ дни поминовеній онѣ возвращаются въ прежній домъ и тамъ принимаютъ участіе въ трапезѣ. Для нихъ хозяева оставляютъ „коливо" и свѣжую „паляни́цу", а кое-гдѣ и по ложкѣ отъ всѣхъ другихъ кушаній. На кладбищахъ мертвецы устраиваютъ стражу для охраны покоя мертвыхъ. Стража возлагается на каждаго вновь прибывшаго мертвеца и онъ обязанъ выполнять ее до тѣхъ поръ, пока прибудетъ новый мертвецъ. Пожилые люди часто постятся въ понедѣльникъ. Когда они умираютъ, то святой Понедѣльникъ проводитъ души ихъ чрезъ всѣ мытарства къ престолу Божію и „враги"—діаволы не могутъ ихъ остановить, такъ какъ онѣ считаются святыми. Мертвецъ все чувствуетъ, все слышитъ и все хорошо понимаетъ до тѣхъ поръ, пока при погребеніи начнутъ пѣть вѣчную память. Поэтому и усиленный плачъ по немъ причиняетъ ему большія страданія. При выносѣ изъ избы тѣла, на гробъ сыплютъ какой-нибудь „пашнёй" (зерновымъ хлѣбомъ) и говорятъ: „Тѣла замёрла, пашня̀ штобъ ни замирала!" Если же хоронятъ утопленника, то засыпаютъ зернами слѣды всѣхъ присутствующихъ до самой улицы. Покойнику тяжело лежать въ могилѣ до тѣхъ поръ, пока „падьнимуть заздарбу́никъ" въ сороковой день. Вмѣстѣ съ поднятіемъ заздоровника, въ могилѣ поднимается земля надъ гробомъ, и покойнику становится легче. При встрѣчѣ съ похороннымъ шествіемъ надо снять шапку и креститься и отнюдь не переходить предъ процессіей дороги. Если умретъ кто изъ обрученныхъ, то ему надо надѣть на средній палецъ правой руки кольцо и дать въ руку свѣчу, убранную цвѣтами. Трауръ выражается въ томъ, что въ домѣ до шести недѣль не поютъ свѣтскихъ пѣсенъ и не танцуютъ. Около кладбищъ боятся ходить вообще, а ночью въ особенности, потому что мертвецы не любятъ этого и пугаютъ людей. Надо читать въ это время „Отче нашъ" и молиться: „Упокой Господи души умёршихъ, здѣсь лежащихъ рабовъ твоихъ!" Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка вѣрили, что нѣкоторые покойники,

бывшіе вѣдьмаки, не находя покоя въ загробной жизни, часто снились роднымъ, бродили по землѣ и причиняли людямъ вредъ. Если народная молва останавливалась на какомъ-нибудь имени, прихожане приглашали священника на кладбище, въ его присутствіи отрывали могилу, вскрывали гробъ и пробивали покойнику грудь или голову осиновымъ коломъ. Послѣ того онъ оставлялъ родныхъ въ покоѣ.

Изъ собственныхъ наблюденій мнѣ извѣстно, что такими неспокойными мертвецами чаще всего были летаргики, погребенные заживо. Проснувшись въ могилѣ, они ворочались въ гробу, кусали себѣ руки, рвали волосы, и находившая ихъ въ такомъ видѣ толпа еще болѣе убѣждалась, что несчастные были именно вѣдьмаками. Къ сожалѣнію, въ деревняхъ погребенія летаргиковъ происходятъ очень часто. На кладбищахъ нерѣдко появляются блуждающіе огни. Народъ считаетъ „счастливыми" тѣхъ умершихъ, надъ могилами которыхъ горятъ эти огни.

С. Старое Село, Гомельск. у.

Остриженные ногти нужно хранить. Старики и старухи носятъ ихъ за пазухой. Послѣ смерти они всѣ отростутъ у нихъ и при ихъ помощи имъ легко будетъ на томъ свѣтѣ взобраться на какую то стеклянную гору. А кто разбросалъ свои ногти гдѣ попало, тотъ не взлѣзетъ на гору и упадетъ въ пекло.

Если сорока щебечетъ на дворѣ—будутъ гости, и съ той стороны, куда сорока смотритъ. Если же она щебечетъ въ кустахъ вблизи стада—волкъ близко. Если дрова въ печкѣ загораются сзади, придутъ въ гости дальніе родственники или гости съ далекой стороны. Если во время обѣда со стола упадетъ ложка (или вилка), будетъ гостья, если ножъ—гость, или вообще: кто-то спѣшитъ въ домъ. Если кто поперхнется во время ѣды, значитъ, кто-то спѣшитъ на обѣдъ. Если изъ печи летятъ искры,—гости спѣшатъ. Ѣсть вдвоемъ одной ложкой или одинъ и тотъ же кусокъ хлѣба—разсориться. Если кого притѣсняютъ въ домѣ, чтобы выжить, тотъ долженъ незамѣтно для другихъ подмести избу въ обратномъ направленіи—отъ порога къ куту. Тогда онъ останется жить въ домѣ. Если поставленная въ церкви свѣча горитъ ярко, то и жизнь поставившаго будетъ хороша, и наоборотъ. Если надъ чашкой во время ѣды спустится паукъ, будетъ прибыль въ домѣ. Также: благополучно окончится начатое предпріятіе. Если поздороваешься съ кѣмъ черезъ порогъ, то непремѣнно разсоришься. Если не узнаешь знакомаго, значитъ, онъ разбогатѣетъ. Если есть при себѣ деньги, когда услышишь въ первый разъ кукушку, то деньги не будутъ переводиться круглый годъ. Наканунѣ Чистаго четверга кладутъ подъ стрѣху хлѣбъ, соль и мыло. Съ этимъ хлѣбомъ 23 апрѣля выгоняютъ скотину, соль помогаетъ отъ сглаза, а мыломъ въ четвергъ до солнца моются въ банѣ, чтобъ быть чистыми цѣлый годъ. Отъ

зубной боли надо держать во рту щепку отъ разбитаго грозой дерева. Отъ „желтачки“ (разлитіе желчи) нужно съѣсть въ хлѣбѣ живую вошь. Кто болтаетъ ногами сидя, тотъ пустой, болтливый человѣкъ. Если ѣсть изъ миски, изъ которой ѣла кошка, то будетъ изжога. Если пить воду изъ кружки, изъ которой пила кошка, появится сыпь на губахъ. Если собака съѣстъ сало, которымъ подмазывались колеса, она взбѣсится. Когда пьютъ въ первый разъ березовикъ, ѣдятъ первыя ягоды или грибы и т. п.—то говорятъ: „нбва навина̀: камарбва ида̀, мидьвѣжжая сила, штобъ у ротъ насйла, заяччій паскбкъ, а ў ротъ скокъ!“

Послѣ захода солнца нельзя начинать рѣзать новую булку хлѣба. Въ день Благовѣщенья нельзя рѣзать хлѣбъ, а надо ломать. Въ этотъ день прячутъ гребни, прялицы и веретена, чтобы не видѣть лѣтомъ змѣй. Если кукушка кукуетъ въ деревнѣ, будетъ пожаръ. Если кто разоритъ гнѣздо аиста, аистъ подожжетъ принесенной головнею домъ разорителя. Во время икоты надо угадать, кто вспоминаетъ икающаго; тогда икота прекратится. Чтобъ въ хатѣ не было блохъ, надо въ Чистый четвергъ вымести полъ голымъ. Также высыпать полъ снѣгомъ, или по крайней мѣрѣ осыпать имъ четыре угла въ хатѣ. Булавку дарить нельзя—разсоришься. Нельзя ѣсть надъ горшкомъ, будетъ изжога. Если, вставши утромъ, обуешь прежде лѣвую ногу, то цѣлый день будутъ неудачи и будешь сердиться.

Орш. у.

Остриженные волосы нужно сжигать. Если мышь утащитъ волосокъ въ свое гнѣздо, у хозяина его будутъ частыя головныя боли. Если волоса растутъ по всему тѣлу—человѣкъ будетъ счастливымъ. Или богатымъ. Кто много знаетъ или много думаетъ, тотъ станетъ лысымъ. Если волоса намазывать лампаднымъ масломъ, „оливою“, они скоро посѣдѣютъ. Стричь волоса надо „на молодикѣ“, тогда они скоро отростутъ. Вычесанные и остриженные волоса надо прятать въ плетень. Тогда волоса выростутъ длинными и волнистыми. Если дитя не даетъ чесать волосъ, ему говорятъ, что „воши веревку совьютъ и втащатъ ребенка въ рѣчку“. Если сжечь волосъ отсутствующаго семьянина или любимаго человѣка, онъ поспѣшитъ возвратиться. Если съѣсть волосъ съ своей головы, то скоро умрешь. (Старое село, Гом. у.). Если выпадетъ зубъ, то его нужно бросить на печку, черезъ плечо, ставши спиной къ печкѣ и говоря: „Мышка, мышка, на̀ тебѣ зубъ костяной, а ты мнѣ дай желѣзный!“ Зубъ вновь выростетъ, что вѣрно, конечно, относительно дѣтей. Если изъ носа идетъ кровь и капля упадетъ на полъ или на землю, ее нужно уничтожить: если эту кровь полижетъ собака, у человѣка будутъ сильныя головныя боли. Если перелѣзаешь сквозь изгородь и не перекрестишься, то ангелъ останется за изгородью въ трехъ шагахъ отъ человѣка, а чертъ приблизится на три шага. Если звенитъ въ правомъ ухѣ, это ангелы поютъ, а если въ лѣвомъ, такъ это чертъ ѣдетъ: надо перекреститься и три раза плюнуть на лѣвую сторону.

Рясн. вол. Сѣнн. у.

При встрѣчѣ съ больными надо тотчасъ же посмотрѣть на всѣ ногти на своихъ рукахъ, тогда не заразишься отъ больного. Это особенно полезно при встрѣчахъ съ больными глазными болѣзнями. Если неразумный человѣкъ громко позавидуетъ кому-либо въ глаза или неумѣренно расхвалитъ ребенка, скотину, урожай и т. п., то въ отвѣтъ говорятъ про себя: „соль табѣ въ вочи, а головня въ зубы, а деркачъ (обтрепавшійся вѣникъ) въ ж....“ Тогда не будетъ сглаза. Сглаженному непремѣнно надо умываться изъ помойницы, лохани. Тогда сглазъ пройдетъ. Если что на себѣ зашиваешь, надо взять что-либо въ ротъ, хоть „скепку“; иначе забудешь, гдѣ что положилъ. Ученики же забудутъ свои уроки. Правый глазъ чешется—плакать будешь, а лѣвый—радоваться. Также: о покойникѣ услышишь.

Когда уходишь изъ хаты, надо, чтобы печь была закрыта; а если печка „будитъ разйнуўши“, то и на тебя всякій будетъ „разива̀тца“.

Если на человѣка плюнешь, то на томъ свѣтѣ будешь горячую сковороду лизать.

Если кто будетъ чѣмъ-либо сильно испуганъ, такъ что задрожитъ отъ испуга, надо тотчасъ обрызгать его водою изо рта и разорвать воротъ у рубашки. Это дѣлаютъ и со взрослыми. Произносится при этомъ формула: „Чуръ тебе, хрищбнага, наражбнага!“

Если кто чихнетъ при разговорѣ, то значитъ, онъ говоритъ правду, а если что задумалъ, то мысль его сбудется. Чихающему говорятъ: „на здоровье!“ А ребенку: „великъ растй, не учися крастй!“.

У кого большія легкія, тотъ хорошо плаваетъ.

Кто часто чихаетъ, тотъ скоро умретъ. Нельзя ночью смотрѣться въ зеркало: чертъ придетъ. Не качай ногой сидя: это ты черта колышешь. Столъ на ночь нужно застилать. Полъ на ночь слѣдуетъ подметать, чтобы ангелу-хранителю было чисто ходить. Водянку и посуду на ночь надо накрывать, иначе черти заберутся. На столѣ всегда нужно держать хлѣбъ, соль и ножъ и накрывать ихъ Когда хозяинъ начинаетъ скупиться — это къ бѣдности. Если въ домѣ появится много мышей—къ бѣдности; а если въ полѣ—къ голоду. Если на дворѣ трава растетъ—дворъ запустѣетъ. Свистать нельзя ни въ хатѣ, ни на дворѣ, ни на улицѣ; можно только въ полѣ. Не держи безъ надобности воротъ и дверей растворенными, иначе дворъ запустѣетъ. Если паукъ спускается надъ кѣмъ-нибудь, тому предстоитъ дорога, или: получитъ письмо. Если муха упадетъ въ чашку или въ стаканъ—подарокъ получишь. Вши нападаютъ—къ богатству.

Если нападаетъ икота, значитъ, икающаго кто-то ругаетъ или просто говоритъ про него, поминаетъ. Икота проходитъ, если икающій угадаетъ, кто о немъ говоритъ.

Если звенитъ въ ухѣ, будетъ дождь, а зимою—снѣгъ. Въ какомъ ухѣ звенитъ, съ того боку новости услышишь. Ѣсть лѣвой рукой или креститься—грѣшно. При работѣ нельзя плевать въ руки, иначе будутъ мозоли. Ѣсть въ шапкѣ—грѣшно. Если у кого цвѣтутъ ногти—будетъ прибыль. Если спящаго взять за пятку или за большой палецъ ноги, онъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемые ему вопросы. Этимъ способомъ можно выпытать всѣ сокровенные помыслы. Чешутся глаза—плакать будешь, и наоборотъ: въ рюмку смотрѣть будешь, кто нибудь угоститъ. Носъ чешется—честь будетъ оказана, и наоборотъ: бранить будутъ, кукишъ дадутъ, а то еще и побьютъ. Лѣвая рука чешется, деньги получать будешь, а правая—отдавать. Если разговаривающіе вдругъ замолчатъ, значитъ, близко гдѣ-нибудь родился ребенокъ. Но чаще говорятъ въ такихъ случаяхъ, что народился воръ. Чтобы сдѣлаться умнымъ, надо ѣсть мозги животныхъ. Также: ягоды „мудрушки". При рожденіи ребенка надо накрѣпко завязать отрѣзанную пуповину и спрятать. Когда ребенку будетъ семь лѣтъ, заставить его развязать пуповину. Если развяжетъ, будетъ умнымъ человѣкомъ.

Безсонница происходитъ отъ испугу. Лѣчатся отъ нея тѣмъ, что передъ сномъ долго смотрятся въ дегтярку, гдѣ находится деготь. Дѣтей же носятъ къ знахаркамъ, у которыхъ имѣются заговоры „отъ криксовъ".

Ходить задомъ напередъ или въ одной ногѣ обутой, а въ другой разутой нельзя: накликаешь смерть отца или матери.

Свистать въ домѣ грѣхъ. Въ Гом. у. запрещается свистать и на дворѣ: опустѣетъ дворъ, будетъ вѣтеръ свистать; на свистъ слетается нечистая сила, является и домовой и потомъ сердится, что его напрасно вызвали.

При постройкѣ домовъ подъ углы кладутъ въ землю монеты. Строить домъ между Духовымъ днемъ и Петровымъ не годится, будетъ водиться всякая нечисть: прусаки, тараканы, цвиркуны (сверчки), клопы и т. д. А чтобы ея не было, надо въ опредѣленное время брать мохъ на постройку. Въ Велижскомъ уѣздѣ на пробу складываютъ „въ болотѣ" семь кучекъ моху, по одной на каждый день недѣли, потомъ идутъ черезъ день смотрѣть, которая куча чистая, безъ козявокъ. Въ какой день недѣли эта куча собрана, въ такой надо и собирать мохъ для постройки хаты. Чтобы не сносило вѣтромъ крыши, надо въ Чистый четвергъ до солнца бросать на нее ирвань—щепки. Переходъ въ новое жилище приурочиваютъ къ полнолунію Тогда расчиняютъ квашню въ старомъ жильѣ, а пекутъ изъ нея хлѣбъ уже въ новомъ, причемъ квашню съ тѣстомъ переносятъ въ новый домъ

покрытою кожухомъ, вывернутымъ шерстью вверхъ. Предварительно перехода заставляютъ пробыть въ новомъ домѣ кота по крайней мѣрѣ сутки. Также воруютъ у сосѣдей кочергу и приносятъ въ новый домъ. На новомъ селищѣ въ первый годъ не дѣлаютъ высадокъ овощей для полученія сѣмянъ. Прежде всего въ новый домъ вносятъ икону и столъ.

Чтобы очистить домъ отъ насѣкомыхъ, надо въ Чистый четвергъ обливать углы водою. Чтобы не водились блохи, не надо жечь деркачей (старыхъ вѣниковъ); надо также держать подъ постелью „копытъ коньскій". Выносятъ на дворъ до солнца въ Чистый четвергъ чистую квашню на столѣ. Наканунѣ надо вымести садъ и сложить мусоръ въ одну кучу, а въ четвергъ сжечь ее до восхода солнца. Тогда ни одного усеня-червяка не будетъ на деревьяхъ сада.

Во время усаживанія семьи за столъ особаго порядка не наблюдается. Раньше всѣхъ бѣгутъ за столъ дѣти. Они же раньше и начинаютъ ѣсть. Но на заговѣнья и на дѣдовъ должны ѣсть первыми женщины, для того, чтобы приплодъ отъ домашнихъ животныхъ былъ женскаго пола—самки. Если хлѣбъ упадетъ изъ рукъ, когда его начинаютъ рѣзать, значитъ, хлѣбъ подешевѣетъ. Если у кого упадетъ кусокъ изъ рукъ, значитъ онъ не заслужилъ обѣда, ничего не сдѣлалъ за день. Во всякомъ случаѣ хлѣбъ надо поднять, поцѣловать и съѣсть или бросить въ печь. Упавшій же кусокъ другого кушанья тоже поднимаютъ, чтобы не топтать даръ Божій, но отдаютъ домашнимъ животнымъ: мясо, сало—кошкамъ, собакамъ, картофель, кашу—коровамъ. Блиновъ не даютъ собакамъ, потому что онѣ отъ нихъ глохнутъ. Нельзя класть булки хлѣба верхомъ внизъ—грѣхъ. Начинать рѣзать хлѣбъ снизу тоже нельзя. Прокалывать хлѣбъ, чтобъ потомъ его рѣзать—грѣхъ. Чужой ложкой нельзя ѣсть: поссоришься съ ея хозяиномъ. Ножомъ нельзя ѣсть: станешь злымъ. Посуду надо мыть въ водѣ, но не окачивать ее водою, и во всякомъ случаѣ надо вытирать досуха. Иначе будетъ хворать семья. Домашній скотъ нельзя выгонять со двора метлою или вѣникомъ: онъ можетъ перестать водиться (выметется со двора) и во всякомъ случаѣ будетъ неаккуратно возвращаться съ пастбищъ домой.

Если кто потеряетъ какую-либо изъ домашнихъ вещей или что-либо изъ костюма—вѣрнѣе, забудетъ, гдѣ они положены, то это чертъ пошутилъ съ нимъ и, разыскивая ихъ, надо говорить: „чертъ, чертъ! отдай мое поганое, возьми свое хорошее!" А нашедши такую вещь, надо на нее поплевать.

Чтобы сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ, нѣкоторые охотники во время причастія св. Таинъ оставляютъ частичку во рту, а впослѣдствіи въ нее стрѣляютъ. Послѣ этого они дѣлаются хорошими стрѣлками, хотя и понимаютъ, что продаютъ душу дьяволу. (Сообщ. кр. П. П. Будницкій, дер. Титенки, Гом. у.). Духовенство о существова-

ніи этого кощунства не знаетъ. Болѣе невинное средство: надо взять изъ трехъ колодезей воды, часть ея отлить влѣво отъ себя, а остальною промыть ружье, со словами: „громъ бъé, блискавíца пáлить, святый Пётра свиньнéцъ править!“

При появленіи въ деревнѣ падежа скота, хозяева намазываютъ на всѣхъ воротахъ, черезъ которыя проходитъ скотъ, большіе кресты „чистымъ дёхтемъ“, т. е. выгнаннымъ изъ березовой коры; затѣмъ тѣмъ же дегтемъ намазываютъ лбы у животныхъ. Если же эпидемія не прекращается, тогда староста созываетъ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ селенія въ одну избу, тѣ приносятъ по горсти льна и здѣсь общими трудами прядутъ, снуютъ и вытыкаютъ въ одинъ день кусокъ холста сажени въ двѣ, въ три длиною. Въ то же время мужчины воруютъ гдѣ-нибудь заставку отъ мельницы и зарываютъ ее на той дорогѣ, по которой прогоняется скотъ, застилаютъ это мѣсто „абудёньщикамъ“, то есть только-что вытканной холстиной, и черезъ нее перегоняютъ стадо. Послѣ этого „абудёньщикъ“ передаютъ въ церковь и просятъ причтъ отслужить обѣдню.

М. Городецъ, Рог. у.

Въ память избавленія общества, селенія отъ падежа, а еще чаще—отъ холеры, устанавливается праздникъ, въ который просятъ причтъ совершать богослуженіе съ крестнымъ ходомъ и въ каждомъ дворѣ служить краткіе молебны. При личномъ избавленіи отъ „наглой смерти“, отъ упорной болѣзни и т. п. несчастій, многіе даютъ обѣты сдѣлать пожертвованіе въ церковь или сходить въ Кіевъ, или въ другія святыя мѣста, на богомолье, или налагаютъ на себя постъ по три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Избирается понедѣльникъ потому, что на томъ свѣтѣ святой Понедѣльникъ проводитъ человѣка къ Богу чрезъ мытарства. Болѣющіе лихорадкой постятъ субботу.

Когда покупаютъ лошадь или корову, то поводъ передаютъ другъ другу не голою рукою, а завернутою въ полу свиты. Хозяинъ-продавецъ даетъ покупателю копѣйку или двѣ въ полу, чтобы у купившаго скотина велась и плодилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наоборотъ: покупатель даетъ къ условленной цѣнѣ нѣсколько копѣекъ „на поводъ“.

Если, при отправленіи въ путь, человѣку перейдутъ дорогу съ пустымъ, особенно женщина съ пустыми ведрами, то поѣздка будетъ безполезна и несчастлива. Большое несчастіе предвѣщаетъ въ такихъ случаяхъ встрѣча съ беременной “жидовкой“.

М. Вѣтка.

Также если встрѣтится или перебѣжитъ дорогу заяцъ или бѣлка, или вообще животное. Только волкъ предвѣщаетъ счастье. Въ понедѣльникъ нельзя отправляться въ дорогу.

Если медвѣдь забредетъ въ деревню, это хорошо: онъ знаетъ у какого хозяина должно случиться несчастье и заберетъ его съ собою. Это повѣрье осталось отъ вожаковъ-медвѣдниковъ.

На перекресткахъ, „ростанькахъ“, обязательно надо осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, такъ какъ рóстаньки являются обычнымъ мѣстомъ для сборищъ чертей. Здѣсь они сообща измышляютъ, какое-бы зло причинить тому или другому человѣку. Здѣсь же колдуны отрекаются отъ Бога и продаются сатанѣ, подвязывая крестъ подъ обувь и топча его. Здѣсь же сатана научаетъ ихъ колдовству.

—

Если найдешь гвоздь отъ подковы, нужно его сберечь: въ случаѣ заболитъ палецъ на рукѣ, изъ такого гвоздя слѣдуетъ сковать кольцо и носить на больномъ пальцѣ. Боль пройдетъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ, гдѣ много болотъ и заливныхъ луговъ, и населеніе страдаетъ отъ лихорадокъ, выработался цѣлый лѣчебникъ для борьбы съ этою болѣзнью. Отъ нея лѣчатся отваромъ изъ травы „Петровъ крестъ“, собираемой для этого въ маѣ мѣсяцѣ; отваромъ изъ корней травы „рябиновки“; выписываютъ на бумажкѣ нижеприведенную „молитву“, носятъ ее въ тряпочкѣ три дня на шеѣ, а потомъ сожигаютъ и полученный пепелъ даютъ больному пить на водѣ; находятъ гнѣздо птицы ремеза и имъ подкуриваютъ больного; еще лучше, если гнѣздо съ яйцами; въ первую субботу отъ начала болѣзни постятся, причемъ до восхода солнца въ этотъ день окачиваются водою; отрѣзываютъ у больного локонъ волосъ, обрѣзываютъ ногти и этимъ подкуриваютъ больного; пекутъ куриное яйцо надъ полымемъ и кладутъ его въ свѣжую яму покойника, гдѣ оно и зарывается; носятъ на шеѣ веревку, которою задавлена собака; цѣлуютъ какое-либо дохлое животное; въ первое воскресенье отъ начала болѣзни ходятъ до обѣдни въ три гумна и тамъ подъ овиномъ въ каждомъ походѣ кукуютъ по три раза; отъ яичной скорлупы берутъ плеву и обертываютъ ею мизинецъ на какой либо рукѣ; мѣшаютъ горячій чай съ водкой и пьютъ передъ параксизмомъ; берутъ бѣлокъ изъ яйца черной курицы, мѣшаютъ его съ солью и съ водкой и выпиваютъ; носятъ въ тряпочкѣ на груди змѣиную голову; такимъ же образомъ носятъ шмеля; холостятъ кота и его шулята носятъ на шеѣ; пьютъ лошадиную мочу; но если у больного появится отъ нея рвота, то можно ограничиться умываньемъ ею. Наконецъ, зовутъ знахарку, берутъ скатерть, окрайчикъ хлѣба (горбушку) и яйцо куриное и идутъ „на ростаньки“. Тамъ знахарка разстилаетъ скатерть, кладетъ хлѣбъ и яйцо, ставитъ больного и произноситъ заговоры. По окончаніи ихъ, больной кладетъ земные поклоны на всѣ четыре стороны. Но лучшимъ средствомъ отъ лихорадки считается подкуриваніе волосами, срѣзанными съ женской лобковой части.

Текстъ молитвы, которую носятъ на шеѣ: „Вѣдомо же буди, яко студенца онаго борлище, сирѣчь устіе, царь Іустиніанъ честнѣ оттуду принесъ и въ Божія Слова великомъ храмѣ у святой Фотиніи положи на камень, на немже Христосъ сѣдя бесѣдоваше съ самарянкой. И доселѣ обоя пребываютъ предъ папертомъ, отъ востока въ храмъ входящимъ на лѣвой странѣ, всякъ недугъ исцѣляюще отъ огневицъ страдати приключающимся, и трясовицею, паче же очищаютъ и отгоняютъ чарованія бываемыя, тоея мученицы Фотиніи молитвами. Моли Христа Бога, помилуй насъ, аминь“. См. выше, стран. 136.

Отъ звиху нужно нарвать травы „звонецъ“, настоять на ней воду и пить. Также горячей водой парить мѣсто вывиха. Отъ глазныхъ болѣзней дѣлается отваръ изъ травы коноплевки и этимъ отваромъ моется голова. Отъ желудочныхъ болей надо пить настойку на водкѣ корней травы дубровки.

„Отъ подрыва сердца“ собирается во время цвѣтенія трава „бруконъ“. Ее настаиваютъ на горячей водѣ и пьютъ.

Отъ простуды надо собрать съ трехъ ржаныхъ полей, принадлежащихъ тремъ селеніямъ, травы „овечечки“, варить ее въ водѣ и этой водой окачиваться.

Отъ колтуна собирается трава „кустовитникъ“. Эта трава бросается въ горячую воду, которою надо мыть голову.

Отъ скулы (вереда) берутся травы: подорожникъ, вонючка, медвѣжье ухо и красило, которое освящаютъ 1 августа; всѣ эти травы надо намыливать и прикладывать къ скулѣ. Помогаетъ также липовый „май“ отъ Троицына дня, въ такомъ же употребленіи.

Порѣзы заливаются сокомъ травы „серпорѣзникъ“; примачиваются настойкой „березовкой“—водкой, настбенной на почкахъ березы; присыпаютъ порошкомъ изъ сушеныхъ цвѣтовъ чемерицы.

Отъ кашля завариваютъ въ кипяткѣ засушенный липовый цвѣтъ и пьютъ какъ чай; такъ же пьютъ и траву волчки.

Отъ „грызи“ лѣчатся тѣмъ, что заставляютъ перворожденнаго ребенка грызть то мѣсто, гдѣ болѣзнь проявляется.

Въ м. Вѣткѣ больного грыжею ребенка ставятъ у дверной притолоки и на высотѣ его роста просверливаютъ дырочку. Туда кладутъ клокъ волосъ ребенка и забиваютъ дырку колышкомъ. Торчащіе изъ подъ колышка концы волосъ обрѣзываютъ ножницами. Когда ребенокъ перерастетъ эту дырку, болѣзнь прекратится.

Отъ бѣлей рубятъ зимою „купинку“, поросшую чаборомъ, выбираютъ изъ нея корни, сушатъ ихъ, толкутъ и даютъ пить на водкѣ или на водѣ. Бѣли прекращаются и начинаются обыкновенныя очищенія.

Причиною появленія лихорадки весною считаютъ продолжительный сонъ предъ заходомъ солнца, а осенью сонъ на землѣ послѣ Успенія.

Чахотка происходитъ „отъ нуды“—тоски, печали, а также отъ пьянства, которое „сушитъ груди“.

Большинство же болѣзней происходитъ „отъ уроковъ“—отъ дурного слова, отъ дурного глаза. Иными словами, народъ не знаетъ причинъ ихъ происхожденія.

Кто много плачетъ, у того глаза меркнутъ. Чтобы они снова просвѣтлѣли, надо нюхать табакъ. Для лѣченія насморка отрѣзываютъ у кота пучокъ волосъ на концѣ хвоста, зажигаютъ ихъ и дымъ вдыхаютъ въ носъ. Объясняется такое лѣченіе существующимъ убѣжденіемъ, что насморкъ происходитъ оттого, что котъ спалъ на постели страдающаго насморкомъ, или онъ ѣлъ и пилъ изъ той же посуды, изъ которой ѣлъ или пилъ котъ.

Отъ злости губы бѣлѣютъ Прыщи на губахъ отъ лихорадки.

Зубы болятъ оттого, что въ нихъ заводятся червячки. Зубную боль лѣчатъ тѣмъ, что кладутъ на больной зубъ вату, обмоченную въ острой водкѣ (сѣрной кислотѣ); кладутъ кусокъ ладана; снаружи прикладываютъ свѣжіе листья ольхи; на горячіе уголья сыплютъ зерна дурману или бѣлены, накрываютъ простыней голову и наклоняются надъ угольями съ раскрытымъ ртомъ. Отъ дыма черви выходятъ изъ зубовъ, и они перестаютъ болѣть. Полезно также ѣсть мышиные огрызки: тогда зубы будутъ крѣпкіе и не будутъ болѣть. Нельзя зализывать языкомъ то мѣсто, откуда выпалъ зубъ: новый будетъ расти въ бокъ. Нельзя прикасаться желѣзомъ къ зубамъ; отъ этого зубы станутъ болѣть.

Семейный бытъ.

I. Родины и крестины.

Когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, то всячески старается, чтобы никто объ этомъ не зналъ, кромѣ самыхъ близкихъ людей—мужа или свекрови. Если во дворѣ есть другая изба, то женщина уходитъ туда, а если нѣтъ, то проситъ тихонько мужа или свекровь выслать изъ избы всѣхъ ненужныхъ людей.

Тѣ даютъ всѣмъ членамъ семьи какія-либо работы или порученія внѣ дома, которыя въ такихъ случаяхъ безпрекословно исполняются.

Дѣлается это для того, чтобы никто не зналъ о наступленіи родинъ, потому что есть такіе люди, которые могутъ повредить родильницѣ не только дурнымъ глазомъ или словомъ, но даже и мыслями. Роды тогда будутъ трудные и причинятъ родильницѣ много страданій.

Когда всѣ разойдутся изъ хаты, тогда мужъ родильницы или свекровь отрѣзываютъ край отъ булки хлѣба, посыпаютъ солью и съ нимъ отправляются къ давно намѣченной, уважаемой въ деревнѣ, старухѣ, которая славится умѣньемъ принимать дѣтей и называется бабкой повитухой. Придя туда, мужъ или свекровь отдаютъ бабкѣ хлѣбъ-соль и говорятъ ей на ухо шопотомъ: „Ходи, бабуличка, къ намъ: нѣшто нашей молодуси ня дужа ладно дѣлаетца!“ Бабка тотчасъ же отправляется въ домъ просителя.

Войдя въ хату, она тотчасъ же заставляетъ родильницу сказать „Отче нашъ“ и сама тоже молится. Затѣмъ, взявъ Крещенской воды, которая у крестьянъ хранится въ теченіе года „про всякій случай“, окропляетъ ею родильницу и уже послѣ этого снимаетъ съ себя верхнюю одежду. Мужъ выходитъ, родильница распускаетъ всѣ пояса и обязательно разстегиваетъ воротникъ у рубашки. Это же дѣлаетъ бабка и женщины, которыя иногда остаются въ хатѣ помогать бабкѣ. Даже самымъ малымъ дѣтямъ, находящимся въ колыбели, разстегиваютъ воротники и развязываютъ пояса.

Дѣлается это съ цѣлью облегчить роды родильницѣ. Если при всемъ томъ роды замедляются, то бабка заставляетъ родильницу ходить по избѣ, постукивая ногами о полъ; заставляетъ три раза перескочить черезъ порогъ; ставитъ на деревянную колодку, на которой рубятъ лучину и заставляетъ оттуда спрыгивать. Употребляются и другія мѣры, чтобы „опростать молодицу-породиху“, напримѣръ, — выносятъ всѣ веревки изъ хаты, отворяютъ двери въ избѣ, открываютъ печныя вьюшки; просятъ священника растворить въ церкви царскія врата и т. п. Наконецъ, заставляютъ роженицу носить тяжести, сдавливаютъ ей животъ и т. д.

При трудныхъ родахъ родильницѣ даютъ также кусочекъ освященной просфоры или артоса; кромѣ того, призываютъ знахарку и она помогаетъ родильницѣ заговорами.

За акушеркой посылаютъ мужа только въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, но вызывается это не недовѣріемъ къ медицинской помощи, а исключительно дальностію жительства акушерокъ и бѣдностью крестьянъ.

Когда роды кончатся, бабка кладетъ ребенка при матери, накрываетъ легкимъ покрываломъ, а сама спѣшитъ домой приготовить какое-либо кушанье „покрѣпи́тца породи́си“. Возвратившись съ кушаньемъ, она заставляетъ породиху ѣсть: „На-тка, моя внучечка,—зъѣжъ, покряпи́ся трохи!“ Внуками бабка называетъ не только принятаго ребенка, но и его родителей, породиху и ея мужа.

Въ отвѣтъ породиха говоритъ:

„Поляди-тка, бабуличка: вонъ тамъ, на грядкѣ, у мене ёсь, я припасла̀ трохи горѣлочки! Достань да выпи!“

Бабка достаетъ съ указаннаго мѣста водку, обыкновенно, настоенную на стрючковомъ перцѣ, наливаетъ чарку и подноситъ родильницѣ.

— Нѣ, бабочка: пе́рша сама вы́пи!

Бабка пьетъ, наливаетъ вторую чарку и подноситъ родильницѣ.

— Ну, моя внучечка,—выпи: ета гарѣлочка—живото́вочка. Якъ выпъешъ, табѣ лѣпшы ста́нить!

Родильница пьетъ водку и тогда ѣстъ сколько можетъ принесенное бабкой кушанье.

На другой день бабка распоряжается истопить баню для породихи, сама ведетъ ее туда, сама моетъ и приводитъ обратно домой. Вообще, со дня рожденія ребенка бабка ежедневно посѣщаетъ родильницу, всячески заботится объ ея удобствахъ, купаетъ ребенка, и всякій разъ приноситъ породихѣ что-либо съѣстное.

С. Ослянка, Мстисл. у.

Къ родильницѣ зоветъ бабку или мужъ, или кто-либо изъ родственницъ, но непремѣнно женщина, а не дѣвушка. Всѣ мѣры принимаются и къ тому, чтобы о наступленіи родовъ никто не зналъ, а особенно дѣвушки. Если же ничего не подозрѣвающая дѣвушка случайно войдетъ въ это время въ избу, то она должна сейчасъ же расплести косу, набрать въ ротъ воды и дать ее изъ рта въ ротъ родильницѣ. Въ противномъ случаѣ роды будутъ очень трудны, и на дѣвушку падутъ всяческія нареканія.

Въ бабки идутъ такія женщины, у которыхъ уже не бываетъ дѣтей, но при нуждѣ этотъ обычай не соблюдается. Отправляясь къ родильницѣ, бабка молится Богу и проситъ у него помощи: „Стань, Господи, на помочь, а Божая Матеръ на ра̀ду (на совѣтъ)!“ Въ домъ родильницы она приноситъ пирогъ или хоть кусокъ хлѣба.

Хорошая бабка считаетъ нужнымъ дать родильницѣ испить воды, спущенной со всѣхъ четырехъ угловъ стола, или съ обѣихъ сторонъ печной заслонки, или наконецъ—съ иконы. Эта вода очень облегчаетъ роды и вызываетъ частыя потуги.

Принявъ ребенка и „перебабивъ“ его, то есть перевязавъ и отрѣзавъ пупокъ, бабка—пупорѣзница купаетъ дитя. Мать сейчасъ же обязана дать ей за это нѣсколько копѣекъ,—чтобъ дитя богато было. Послѣдъ бабка обертываетъ въ чистую тряпку, затѣмъ въ березовую кору или въ лыко, и закапываетъ въ землю. Выкопавъ ямку, бабка перекрестится, отобьетъ земной поклонъ, положитъ въ ямку три щепки, если родился мальчикъ, на нихъ послѣдъ, и засыпаетъ ямку. Потомъ плотно утаптываетъ это мѣсто, снова молится, отобьетъ три земныхъ поклона и уходитъ домой.

Дома она готовитъ кушанье для роженицы, чаще всего блины, и приноситъ ей.

Новорожденнаго бабка, или особая знахарка, заговариваютъ отъ грыжи, для чего кладутъ его гдѣ нибудь передъ сучкомъ въ бревнѣ или въ доскѣ. Родильницѣ тоже даютъ наговоренную воду „отъ золотника“ (См. Бѣлор. Сб. вып. V).

С. Городецъ, Быхов. у.

Якъ баба абро́дитца, тагды̀ другія бабы сабираютца, атвѣдуютъ яѐ, прыно́сять на закуску паради́си што-не́будь ва́раная: квасу зъ мя́самъ, ти щѐ што. И хлѣба во́зьмя кусокъ. Прыхо́дять у во́твядки—ти здаро́ва паради́ха, якъ дятёнакъ? Пакладу́ть, што прыне́сьли каля пасьтѣли, пасидять. Имъ даютъ гарэ́лку па ча́рцы и про́сють на хрэ́зьбины. Паради́ха ѣсь, што прыне́сьли, а калѝ мно́га нанясу́ть, тагды̀ и сямъя̀ ѣсь. Прыхо́дять, каторыя зъ радьнѝ да сусѣдки.

С. Заболотье, Рогачев. у.

Прыхо́джуютъ на радины радьня̀. Съ сабо́й прыно́шуютъ па хуньтику хлѣба. Ква́ртачку гарэ́лки прынясѐ мужыкъ. Па ча́рацы пана́щутца и по́йдуть.

Д. Казимирово, Быхов. у.

Роды совершаются тамъ, гдѣ застигнутъ схватки, и родильница отъ домочадцевъ не отдѣляется, особенно зимою.

При трудныхъ родахъ заставляютъ мужа давать родильницѣ воду изъ своего рта въ ея ротъ, или самую заставляютъ пить воду сквозь вѣнчальный перстень.

Послѣдъ перемывается въ водѣ и въ черепкѣ или горшкѣ зарывается въ землю подъ поломъ въ избѣ. Если дитя рождается „въ сорочкѣ“, то ее хранятъ до смерти рожденнаго.

Такое рожденіе считается предзнаменованіемъ „счастья“ для новорожденнаго.

Изъ кушаній на родинахъ и крестинахъ подаются: яичница, борщъ, говядина, каша и пироги или другое печенье. Изъ напитковъ употребляется водка и настойка на травахъ и перцѣ, родильницѣ даютъ вино и яблочный отваръ.

Родильница куму даритъ платокъ, кумѣ фартукъ, бабкѣ чепецъ и платокъ.

Встаетъ родильница на второй, а при нуждѣ и въ самый день родовъ. Кормятъ младенца сами годъ, и полтора.

Колыбели дѣлаются висячія. Пустую колыбель—колыску нельзя колыхать, иначе дитя будетъ страдать безсонницею.

Краснобуд. вол. Гом. у.

На слѣдующій день, а если ребенокъ здоровъ, то и черезъ нѣсколько дней, бываютъ крестины. Родители новорожденнаго долго совѣтуются между собою, кого „брать у кумы“ и когда остановятся на комъ-либо, отецъ ребенка беретъ двѣ вязки баранковъ и идетъ „звать у кумы“. Придя къ будущему куму и подавая ему вязку баранковъ, отецъ говоритъ: „Радйны атъ мянѐ примѝ, и ў кўмы ка мнѣ хадѝ!“ Кумъ беретъ баранки и говоритъ: „До́бре, приду!“ И условливаются о времени крестинъ. Такимъ же порядкомъ проситъ отецъ ребенка и куму. Отказовъ, за исключеніемъ самыхъ уважительныхъ случаевъ, никогда не бываетъ, потому что „отъ креста грѣхъ отрекатца. Треба душў у христіянскую вѣру уве́сти“.

Если родители живутъ не въ селѣ при церкви, а въ деревнѣ, то въ назначенное время кумъ запрягаетъ свою лошадь, кума беретъ ребенка и они вмѣстѣ отправляются къ священнику, гдѣ въ домѣ послѣдняго, въ кухнѣ или въ передней, и совершается таинство крещенія.

Возвратившись „изъ-подъ креста“, кумы передаютъ ребенка матери и поздравляютъ родителей:

— Паздравляимъ васъ, ахристивши дитёнка! Якъ видили мы ягѐ падъ хрясто́мъ, кабъ давъ Богъ такъ видить ягѐ и падъ вянцомъ!

Затѣмъ объявляютъ нареченное священникомъ имя новорожденнаго и нѣсколько разъ напоминаютъ, чтобы они его не забыли.

Въ это время хозяинъ посылаетъ кого-либо просить сосѣдей и родственниковъ „на кстйны“. Когда приглашенные соберутся, хозяинъ приглашаетъ „кумовъ“, а потомъ и всѣхъ прочихъ „къ столў присѣсть, хлѣба-соли зъѣсть!“ Когда всѣ усядутся, соблюдая степень родства и старшинство, хозяинъ подноситъ водку куму и кумѣ, а затѣмъ и всѣмъ прочимъ въ томъ порядкѣ, какъ они сидятъ за столомъ. Пьютъ за здоровье родителей и „новорожденца“: „Дай жа, Божа, на житьтё, на бытьтё, на до́брая здаро́въя, на довгій вѣкъ!“

Первымъ кушаньемъ подается кулешъ изъ пшеничной или гречневой муки съ саломъ или съ „але́емъ“—смотря по тому, въ

постъ ли бываютъ крестины, или въ мясоѣдъ. Послѣ кулеша подается „борщъ“ изъ квашеной капусты, съ мясомъ или съ саломъ, смотря по достатку, или съ рыбой и алѐемъ.

Предъ борщомъ также подается водка: „капуста лю́битъ, кабъ яѐ паливали!“ Затѣмъ подаются и остальныя кушанья. Въ концѣ обѣда подаетъ свою круто сваренную изъ гречневыхъ крупъ кашу бабка. Она ставитъ ее на столъ прямо въ горшкѣ, съ такими пожеланіями:

— Дай жа, Божа, кабъ у етымъ доми былѐ мно́га дѣтыкъ на палў, жирибятыкъ съ тиля́ткыми на дварў, парася́тыкъ съ игня́ткыми на варў (въ хлѣву), и ўся́кыга дабрѐ гэтыму дварў!“

Горшокъ бабка передаетъ куму. Кумъ беретъ изъ него три ложки каши и кладетъ на тарелку. Туда же ставится и чарка съ водкой. Все это кумъ подаетъ родильницѣ, кладя на тарелку и сколько-либо денегъ серебряною монетою. Породиха отдариваетъ его кускомъ полотна.

Возвратившись за столъ, кумъ опять беретъ горшокъ въ руку и поворачивая его кричитъ:

— Ай, гаря́ча! Ай, гаря́ча!

И при этомъ какъ бы нечаянно роняетъ горшокъ на столъ такъ сильно, что онъ разбивается. Бабка тотчасъ убираетъ черепки прочь, а круто сваренная каша стоитъ и не разсыпается. Это считается добрымъ предзнаменованіемъ: значитъ, новорожденный будетъ жить въ достаткѣ и будетъ долговѣченъ. Если же каша разсыплется, то дитя долго не поживетъ.

Бабка кладетъ тогда на свои черепки по куску каши и вмѣстѣ съ водкою подноситъ ее присутствующимъ въ такомъ порядкѣ: сначала родителямъ новорожденнаго, потомъ куму и кумѣ, и уже затѣмъ прочимъ гостямъ.

— На́-тка, говоритъ она, ба́бинай каши! Паглядймъ на рублики ваши! Гарэ́лачку вы́пи, ка́шай заясѝ, тарэ́лачку пазалатѝ.

Приглашаемый беретъ кашу, выпиваетъ водку и кладетъ бабкѣ на ея черепокъ нѣсколько монетъ.

Когда она такъ надѣлитъ всѣхъ кашей, тогда гости встаютъ изъ за-стола.

Бабка наливаетъ въ миску воды, насыпаетъ туда овса и натираетъ всѣхъ по лицу этимъ мокрымъ овсомъ, начиная съ родильницы, ребенка, отца его и кумовьевъ. Каждому она говоритъ при этомъ:

— Дай жа, Бо́жа, кабъ ты быў крѣпакъ, якъ вадѐ, багатъ, якъ зимлѐ, вясёлъ, якъ пчилѐ, а кра́синъ, якъ виснѐ!

Послѣ этого бабка получаетъ отъ родильницы наметку, а въ пригородныхъ мѣстностяхъ—ситецъ на юбку. Наметку она тотчасъ же надѣваетъ на голову, обертывается ситцемъ кругомъ и начинаетъ подпрыгивать среди избы вверхъ, приговаривая:

— Радѝ, Божа, у маѝхъ унўчкуў жита, пшаницу и ўсякую пашнѝцу. Дай, Божа, скольки у гэ́тай ха́ти сучкоў, кабъ у маѝхъ унўчкуў стóльки булò дитю́чкóў, а скольки дѝричикъ, кабъ стольки дѣвычикъ!

Побывъ нѣкоторое время, гости расходятся.

На другой день бабка приходитъ купа́ть ребенка, смывать „святый муръ" (миро). По этому случаю вчерашніе гости опять приходятъ, и тоже пьютъ и закусываютъ, поютъ приуроченныя къ этому событію пѣсни. Это называется „муравинки гулять". Муравинками и заканчиваются „хрэзьбины".

С. Ослянка, Мстисл. у.

Крестятъ ребенка обыкновенно въ самый день рожденія и никогда не позже второго дня. Крещеніе черезъ недѣлю послѣ рожденія составляетъ весьма рѣдкое исключеніе и случается только въ случаяхъ полнаго одиночества родильницы, когда у нея некому приготовить необходимое угощеніе и она должна ждать возможности сдѣлать это самой.

Предъ отъѣздомъ воспріемниковъ къ священнику, родители младенца предлагаютъ имъ угощеніе. Потомъ бабка беретъ ребенка, становится передъ иконами, и всѣ молятся Богу. Послѣ молитвы бабка отдаетъ младенца кумѣ, и воспріемники уѣзжаютъ.

Пріѣхавши „отъ креста", кумъ беретъ младенца у кумы и отдаетъ его отцу со словами:

— На̀ табѣ тваё ражóная, а наша хрыщóная!

Принявъ ребенка, отецъ передаетъ его матери.

Тогда приглашаютъ гостей—родню, сосѣдей. На столъ прежде подается закуска: мясо, оладьи, рѣзники и т. п., а потомъ уже борщъ, крупеня и другія вареныя жидкія кушанья. На послѣднее блюдо подается хозяйская каша. При этомъ обязательно предлагается водка „поливать кашу." Затѣмъ несетъ свою кашу бабка и ставитъ ее съ горшкомъ, накрытымъ булкой хлѣба, прямо на столъ. При этомъ она проситъ у гостей „внуку на мыло".

— Прошў, панóвя-мужóвя, маймў ўнўчку на мы́лца!

Горшокъ съ ея кашей беретъ кумъ обѣими руками и нѣсколько разъ ударяетъ имъ объ столъ, сначала тихо, а потомъ все сильнѣе, пока горшокъ разобьется. Бабину кашу раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, а тѣ отдариваются деньгами. Деньги эти, вмѣстѣ съ булкой хлѣба, которою былъ накрытъ горшокъ, бабка отдаетъ родильницѣ.

При дѣлежѣ бабиной каши водка не предлагается.

Всѣ, получившіе кашу, заворачиваютъ ее въ конецъ платка, въ полотенце, въ бумагу, и несутъ домой, гдѣ раздаютъ дѣтямъ, у которыхъ „бабина каша" считается большимъ лакомствомъ, по крайней мѣрѣ такимъ же, какъ и „хлѣбъ отъ зайца", принесенный или привезенный какимъ-либо родственникомъ съ дороги.

Послѣ бабиной каши родильница даетъ бабкѣ наметку и большую булку хлѣба, куму полотенце и такую же булку хлѣба, а кумѣ только булку хлѣба. Наоборотъ, кума даетъ родильницѣ „опрятокъ" холста.

Получивши наметку, бабка тотчасъ завязываетъ ее на голову, взбирается на лавку и скачетъ тамъ, приговаривая:

На палў ребятки,
Падъ пóламъ ягнятки,
Въ хлѣви парася́тки.

До введенія монополіи, гости усаживали бабку, кума и куму на телѣгу и сами везли ихъ въ корчму. Привезенные „чиновники" должны были здѣсь покупать для гостей водку, пиво, булки, баранки.

На третій день послѣ крестинъ къ родильницѣ опять собираются гости „на жмуринки". Приходятъ обыкновенно бабка, кумъ, кума и близкіе родственники. Бабка и кума приносятъ какую-либо закуску, а хозяинъ ставитъ водку. Пока гости собираются, бабка беретъ ребенка у матери и ставитъ его голаго на кутъ, на разостланный тамъ кожухъ; на голову ребенка она кладетъ нѣсколько баранковъ и обливаетъ его освященной Крещенской водой. Это называется „смывать муръ". Баранки съ головы ребенка раздаются другимъ дѣтямъ, а бабка начинаетъ купать ребенка; выкупавши, спониваетъ и отдаетъ матери.

Пѣсенъ на крестинахъ не поютъ.

С. Городецъ, Быхов. у.

Когда ребенокъ родится, бабка приготовляетъ воду купать его, а отецъ бросаетъ въ воду серебряныя деньги, чтобы дитя было богато и чисто, какъ серебро. Послѣ купанья бабка отдаетъ ребенка матери, а деньги беретъ себѣ. Затѣмъ, выпивъ за здоровье внучка и его матери, она отправляется домой. До окончанія всѣхъ крестинныхъ обрядовъ бабка приходитъ купать внука ежедневно утромъ и вечеромъ. Рано утромъ въ день крестинъ справляютъ „родины", на которыя приглашаются родственники и ближайшіе сосѣди. Ихъ садятъ за столъ и угощаютъ водкой и закуской. Послѣ закуски всѣ уходятъ домой до вечера.

Скоро приходятъ кумы, заранѣе запрошенные. Имъ также подаютъ водку и закуску. А бабка въ это время купаетъ ребенка и потомъ подаетъ его кумѣ черезъ столъ на правую руку. Затѣмъ бабка беретъ чашку, наливаетъ туда воды и сыплетъ овесъ; помочивъ руку въ эту воду, она обмываетъ ею лицо всѣмъ присутствующимъ, не ладонью, а верхнею стороною кисти. Обмывъ такъ же и ребенка, воду эту съ овсомъ выливаетъ на кутѣ подъ образами. Дѣлается это для того, чтобъ дитя „ни булò плаксѝва, а булó щасьлѝва". Послѣ этого кумы съ младенцемъ идутъ крестить его и несутъ „хлѣбъ-соль"—водку, баранки. По возвращеніи отъ креста, кумы отдаютъ ребенка матери и сами идутъ по домамъ до вечера.

Крестинная пирушка происходитъ вечеромъ. На нее приглашаются воспріемники, бабка, родня, сосѣди и другіе желанные гости. Женщины, идя на крестины, приносятъ съ собой блины, баранки, булки, кашу, яичницу, вареное мясо, и угощають родильницу. За столомъ гости размѣщаются по степени родства и по старшинству, но первое мѣсто предоставляется „кумамъ“ и бабкѣ. Первыя рюмки подаются имъ же. Когда очередь дойдетъ до кумы, она свою рюмку накрываетъ пряникомъ и посылаетъ родильницѣ Та пьетъ, принимаетъ пряникъ и наливаетъ кумѣ своей водки. Это называется „перепивать куму“. Пьютъ за здоровье новорожденнаго и его родителей, потомъ за здоровье кумовъ. Имъ поется и пѣсня:

А кумъ кумѣ радъ,	То ли маёй милый;
Павёў куму ў виныградъ.	Каторыя сладки,
— Щипи, кума, ягóдки,	То ли маёй матки;
Катóрыя салóдки.	Каторыя горьки,
Каторыя винны,	То ли чужэ́й жонки!

Въ это время подается обѣдъ, при чемъ поется слѣдующая пѣсня кумѣ:

Виныградъ на дварѣ,	Вазокъ маливаный,
А хрезьбины ў хати.	Конь гыдываный.
Пыдъ нашу кумку,	Кыли наша кумка запьетца,
Пыдъ нашу любку	Наша кумка-любка падвóдай ат-
Падвóда пришла,—	[вязéтца.

Послѣ кумы эту же пѣсню поютъ кýму и бабкѣ.

Въ концѣ обѣда бабка подаетъ на столъ свою кашу, украшенную блинами, или мясомъ, или баранками, или конфетами. При этомъ она плещетъ въ ладоши и поетъ:

Пыздарóў, Божа, кывылѝ,	А ў мягкихъ падýшкыхъ,
А што скываý намъ дитя!	А падъ тёплый дярýжкый,
А ни ў ручки ни хýкыў,	Бязъ мóлыта, бязъ кывáдла,
А ни мóлытымъ ни стукыў,	А пыглядѝшь—дитя ладна!

Присутствующія женщины подпѣваютъ бабѣ.

По окончаніи пѣсни, бабка „покрывается“ подаренной ей наметкой и обноситъ кашей всѣхъ гостей. Тѣ въ обмѣнъ дарятъ ей деньги. Расходятся съ крестинъ по домамъ уже на разсвѣтѣ.

На другой день снова приглашаютъ гостей „на похмéлки“. Женщины на этотъ разъ приносятъ сырую провизію: сало, муку, крупу, рожь, ячмень, хлѣбъ, такъ какъ готовить кушанья некогда было. Сначала гости закусываютъ съ хозяйской водкой, потомъ обѣдаютъ, а послѣ обѣда дѣлаютъ складчину, сами покупаютъ водку и угощаютъ ею родителей ребенка и конечно себя.

На третій день гости приглашаются „на муравúнки“. Столъ застилаютъ шубой, на нее ставятъ чашку съ водой и овсомъ, и этой смѣсью баба обмываетъ ребенка, смываетъ „муръ“. Послѣ этого гости выпьютъ, закусятъ и расходятся по домамъ.

Для роженицы наступаютъ тяжелыя будни.

Щербинская вол., Витеб у.

„У той дзень, якъ трэ́ба хрыстѝть, рахýютца мужыкъ съ жóнкай,—кагó брать у кумы: ти зъ радьнѝ, ти кагó чужóга. Найболяй зъ радьнѝ бяруть: нихáй, кажа, бýдя сваё рóдная!

У кýмы прóся хтó-нéбудь старшый: ти свёкаръ, ти свякрýха, а калѝ нимà ихъ, тагды́ мужыкъ пóйдя. Вóзьмя съ сабóй хлѣба акрáйчикъ, пасы́пля сольлю, увóйдя у хату:

— Здрастуй вамъ!

— Здарóў!

— Прымѝтя маю хлѣбъ-соль: жалáю васъ узять за кума, рабёшачка ахрыстѝть!

— Хрыстить, дакъ хрыстить! Трэ́ба итѝть! Пайдý! Кали хрэстъ будя?

— А сягóньни!

Тагды́ пóйдя звать кумý, такъ жа сáма, съ хлѣбамъ—съ сольлю. А кали янà ближэ́й жывé, дакъ яè упéрадъ завè. Ну, калѝ сагла́сна, дакъ гавóра: Дóбра, пайдý!“ А кали ни сагласна, дакъ кажа:

— Шукай другой! Я ни пайдý: дзитёнакъ малый! А то скажа: „У хати нима никóга, нéнакага хату кинуть!“

Бяруть у кумы набóляй тыхъ, што брали къ пéрваму дзитёнку. Миняють пиахвотна,—кали памрэ́, ти кали пасвáрутца.

Прыхóдять кумы у той день, кали хрэ́зьбины, къ парадѝси и нясýть пирагѝ жъ жы́тнай мукѝ и соль. А кума и стрáву нясè: ти вáрава, ти крупникъ, ти кашу. Янò жджэ̀ тамъ аднò другóга; кумъ ближэ́й жывè—кумы жджэ, кумà ближэ́й—кýма жджэ. Ихъ сáдять за столъ, пачастýять, гарэ́лки дадуть да закуски—сала, хлѣба, а ў постъ—сялёдку, хлѣба. Пакýль закýсавають, дакъ бабка прыбирая рабёнка, купáя, надявáя мя́тликъ *), абвя́жа галóўку прыгалавéшкамъ **). Покупавшы, трэба патиснуть за носъ, кабъ прыгажэ́й быў. Кýтають дзитёнка у мущѝнскаю рубаху, и завязують у рукаў хлѣбицъ и соль, и жы́та, кабъ рабёнку ничóга злóга ни злучы́лася.

Прыбраўшы дзитёнка, бабка пупарэ́зная аддаè ягò кумѣ, а сама аддвигáя столъ на сирóдку хаты. Кума съ кумою абóйдуть трóйчи вакрýгъ сталà и каждый разъ мóлятца пирадъ образами. Зъ ими умѣсти мóлятца уси, хто ёсь у хати. Тагды́ кумъ съ кумою идуть, ти ѣдуть къ батюшку,—кума на лѣвый бокъ, кумъ на правый. Ня-

*) Пеленка съ прорѣзомъ посрединѣ, надѣваемая на младенца при крещеніи.
**) Платочекъ.

суть къ батюшку пляшку гарэлки и кулидку хлѣба. Ета атъ хазяина бяруть. У насъ за хрэстъ ня плотитца, а кали гдѣ плотять, дакъ ета ўжэ плотя кумъ. Якъ выйдуть атъ хрыста, дакъ рукаў у батьковскай рубахи развязують и хлѣбъ и жыта кидають чиразъ галаву назадъ.

Якъ прыѣдуть дамоў да ўвойдуть у хату, дакъ кума гавора: „Якъ видили падъ храстомъ, такъ дай Богъ видать падъ вянцомъ!“ Бабка бярэ у яѐ дитёнка, пирахрыстя:

— „Дай жа, Божа, кабъ вялика расло, да здарова было, да щасьлива!“ И нясѐ за полагъ, аддаѐ парадиси.

А тымъ часамъ у хати сабираютца госьти,—кали за храстомъ будуть хрыстины. Завуть гасьтей хлопчики па-падвоканьню. Прызавуть якога хлапца, дадуть яму чарку гарэлки и закусить: „бяжы, хлапчиня, па сялу, пазави на хрыстины!“ Ну, той и пабѣгъ. Падбяжыть падъ вакно, пастукая и кажа: „Дабры-вечаръ! Прасиў Апанасъ и Маръя, и я прашу на хрыстины!“ И побѣгъ даляй. И такъ абдяжыть усё сяло, кали ахвоту мая. А радьню завѐ самъ хадяинъ; хадяйка николи ня пойдя.

Ну, кали хто хоча, дакъ и сабираитца. Бабы адяютца чистѣй, нясуть хлѣба па кавалку, хунты тры, чвертку куска сала—съ паўхунта; а кали сала ни нясѐ, дакъ бярэ зѐрняты—ти проса, ти канопли, ти крупы якія-нѐбудь—и грѐшныя и яшныя. А мужыки нясуть капѣйку, двѣ.

Якъ прыдуть у хату, паздароўкаютца и аддадуть ета, што прынѐсли, старуси, ти дѣтямъ. А сама парадиха ни бярэ. Якъ сабярутца, ихъ садять за столъ на лаўкахъ, а кали ни намѣстятца, другій столъ ставять, услоны. Кумъ съ кумой садятца на кутѣ,—кумъ па правый бокъ, кума па лѣвый; каля кума садитца бабка, каля ихъ радьня, а послѣ ужэ чужыя. Рассаджуя хадяинъ.

Якъ сядуть, хадяинъ бярэ гарэлку у пляасцы и стаканчикъ, па нашаму—чарка,—и падноси гасьтямъ. Первую чарку самъ выпъя: „Здароў будьтя, госьти дарагія!“ — Пй на здароўя! тыя кажуть. Тогды падноси гасьтямъ па двѣ чарки. Напиродь за ўсихъ бабки, тагды куму, кумѣ, и такъ усимъ радамъ. Примуть, кажуть: „Ну, нихай жа нашъ хрэсьникъ вяликъ расьтѐ, щасьливъ будя!“ и выпивають. А кали хто ня пъѐ, бярэ чарку, зъ рукъ прымя у хадяина, прымѣръ здѣлая и аддаѐ таму, хто попляччъ сидить. Пъють адинъ къ другому, па раду. Абойдя увесь радъ, тагды падноси па двѣ чарки тымъ, што ня ўмѣстилися за сталомъ, на хати стаять

Парадиха ляжыть каля дятёнка за полагамъ. Свай сямъя ни садятца за столъ, а гатують, падносять, чесь дають, якъ слѣдуя быть.

Первая страва—борщъ; ставять па чашцы на каждый столъ. Ти галодинъ хто, ти ни галодинъ, а чѐсь прыними, и водку прыними, и стравы паспытай. А то скажуть: „сердитца!“ Ти: „злабу мыслить!“

Послѣ барща дають прэснаю страву: ти крупникъ пшонный, грэцкій, ти яшный, ти лапшу. Паслѣ ѐтага хадяинъ апять бярэ гарэлку съ палицы, и самъ выпъя чарку, и даѐ ўсимъ па чарцы. Тыя, што стаяли на хати, ти пашли дамоў послѣ пѐрвай выпиўки, ти тожъ дастають ложками страву съ сталоў.

Тагды падають кашу грэцкаю съ саломъ, ти съ алеямъ. И ўсё. Якъ паядять, баба кажа, кабъ падали яѐ кашу, што яна зварыла дома. У насъ варать набболи грэцкаю, съ саламъ; а кали и съ проса. Ей падають гаршокъ ладный, у паўвядра, а яна становя пасяродъ стала. „Ну, гаспада кумпанія, госьти дарагія! Прасили васъ на хлѣбъ, на соль, вотъ прашу и на бабину кашу, прашу пакласъ па чирвонцу!“ И закрывая кашу тарэлкай. Ну, тагды ўсѐ кладуть па два грошы, ти па чатыры: „во, бабка, я ўкинувъ чирвоницъ!“—Я ўкинувъ!— И я во ўкинувъ!—У бѣднаго наскидають такъ зъ грывяникъ, а ў багатага съ палтинникъ. Тагды ета, што прыслугуя, сабярэ ето ўсё и атнясѐ за полагъ къ парадиси:

— Ета, кажа, табѣ на лѐбела сабрали! Тая кажа: „благадару имъ, дякую!“

А тымъ часамъ кумъ бярэ кашу, абкрутиўшы гаршокъ платинкай якой-нибудь, падымя и абъ столъ тихѐнька стукъ!

— „Ой, баба,—якій гаршокъ крэпкій у ганчара выбрала! Никъ ни разбить!“

— Ну, кумокъ: у другій разъ якъ пайду, дакъ ня буду брать такога крэпкага. Ужэ прыстаўлю диравый, абы кашу зварыть!

Тагды кумъ бъѐ тихѐнька гаршокъ у другій разъ.

— „Ай, баба,—ти ни зялѣзный твой гаршокъ? Ниякъ ни разабъѐшъ!“

— Ну-тка бй, бй! Видна, кумокъ мала ѣў!

Шутятца.

За трэтьтимъ разамъ гаршокъ разбиваитца.

Кали жъ бъють кашу, тагды хто-нибудь идѐ на вулицу и гукая:

— Дѣти, дѣти! кашу бабину бъють! Бяжытя скарэй!

И ихъ сабярэтца поўна хата.

Тагды баба бярэ чарапочки отъ гаршка и кажа:

— На каго каша нахинѐтца, таму кварту (водки) купляць!

Той ей кажа:

— А табѣ што-нидѣли быть у етымъ дѣли!

Баба кладѐ на чарапочки кашу и раздаѐ дѣтямъ. Тыя тутака жъ и ядять. А узрослыя бяруть и дамоў нясуть.

Тагды народъ и дѣти разбйдутца, а бабку, и кумоў, и радьнѝ катóраю, застанóвять и зновъ садя̂ть за столъ, на тóя жъ мѣста. Пачастýю̂ть ихъ, па чарцы даду̂ть, закусить яéшню спрагуть, каўбасý. Вы́пъють щѐ па чарцы, пагаманя̂ть, пасидя̂ть, тагды ўстаю̂ть, молятца Богу, дя̂кують: спасиба за хлѣбъ, за соль, за угащéньня.

Тагды даю̂ть па нáмятцы куму и кумѣ, а бабцы паркалю̀. Кумъ кладѐ на тарэ́лку пирогъ, кладѐ рубъ, пъѐ за здарóўя кумы палагавы́и и пасылая кумѣ, а кума наливая яму и атсылая.

— Ну, нихай жа нашъ хрэ́сьничакъ вялúкь расьтѐ, щасьлúў будя̂! Аставáйтясь жывы—здаровы! Пращавáйтя!

И иду̂ть. А вы́шаўшы, крычать гвалту: „на баранý! на баранý!" Ета ўжэ бабку на барану! И садя̂ть яѐ на барану, ти на пирадóкъ (отъ телѣги) и вязý̂ть у каршмý, ти къ жыдóўцы. Тамъ бабка аткупáитца квартаю гарэ́лки.

На другій де̂нь бываю̂ть пáхрысти̂ны. Бабку, кума и куму, радьню̀ якую пасáдя̂ть. А чужыхъ нѐ. Хто прыдя̂, чарку даду̂ть, а чесьти ни даю̂ть. Уся чесь яго тамъ: выпъя да й за дверы. А тыя садятца, и ихъ частýють, якъ и ўчора. (Происходитъ угощеніе, во всѣхъ подробностяхъ сходное съ крестиннымъ).

А бабцы даю̂ть гры́вникъ. Иду̂ть у каршмý и тамъ зъ бабки начáтакъ—купляя гарэлку. А тагды̂ кумъ, кума, бабы пъяныя напрыти̂гáютца.

На трэ́тьтій де̂нь хадя́инъ, ти̂ хто зъ малыхъ, заву̂ть бабку муръ змыва̂ть. Ну, пры̂дишъ, пакупàишъ, муръ змы́ишъ. Пачастýю̂ть па змóзи, чарки двѣ гарэлки даду̂ть, закусить што, ти̂ сала, ти̂ яéшню.

На тымъ и канецъ. Скачи здарóў, мой унýчакъ!"

С. Заболотье, Рогач. у. Отъ бабки Ѳеклы Суевой, 60 л. Записано мною.

Въ день рожденія ребенка назначается и день его крещенія.

Ко дню крестинъ хозяинъ беретъ полведра или ведро водки, смотря по количеству ожидаемыхъ гостей, и приготовляетъ въ достаточномъ количествѣ лучшія кушанья. Въ день крестинъ рано утромъ, или наканунѣ вечеромъ, онъ отрѣзываетъ два „скрыля" хлѣба, густо посыпаетъ ихъ солью, и съ ними отправляется къ намѣченнымъ кумовьямъ, которымъ передаетъ взятый съ собою хлѣбъ и приглашаетъ въ воспріемники. Въ назначенный часъ кумъ съ кумою являются къ хозяину, также съ „скрылями" хлѣба, которые кладутъ на столъ. Тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконой свѣчу и всѣ молятся Богу. По окончаніи молитвы, хозяинъ усаживаетъ бабку и кумовьевъ за столъ и угощаетъ ихъ водкой и закуской. Затѣмъ бабка беретъ отъ „породихи" младенца и передаетъ кумѣ, хозяинъ даетъ бутылку водки для священника, и кумовья отправляются. Когда ребенокъ будетъ окрещенъ, батюшка угощаетъ кумовьевъ привезенной ими водкой. На обратномъ пути кумовья заѣзжаютъ въ попутную корчму и здѣсь кумъ угощаетъ свою куму. Сдавъ ребенка матери, кумовья выпиваютъ по чаркѣ водки и, слегка закусивъ, уходятъ домой.

Хозяинъ въ это время окончательно подготовляется „справлять кстины" и потомъ посылаетъ за бабкой, кумовьями, родными и сосѣдями. Бабка, кумъ и кума, идя на кстины, несутъ съ собою мискѣ каши, по нѣскольку лепешекъ или по булкѣ хлѣба, а остальные приглашенные гости несутъ по скрылю хлѣба или по лепешкѣ. Все это кладется на столъ хозяина, а потомъ переносится къ породихѣ. Во время угощенія считается обязательнымъ пѣть положенныя пѣсни.

Въ концѣ трапезы бабка беретъ горшокъ круто сваренной каши и, обвязавши его платкомъ, ставитъ на столъ передъ кумомъ, съ такимъ приговоромъ:

— Ради̂, Божа, хлѣбъ, плади̂, Божа, стáтыкъ, тиля̂тыкъ ны варý, дѣтыкъ ны палý! *Змирú, Божа, царёвъ и кыралёвъ* и всю брáтьтю нашу! Хто мой гарщóчикъ рызабьéть, тэй пывгáрчика гарѣлычки вазьмéть!..

Кумъ беретъ горшокъ въ руки, три раза переворачиваетъ его въ рукахъ и разбиваетъ о столъ въ дребезги. Бабка подбираетъ черепки и кладетъ на каждый изъ нихъ кашу, кусочекъ мяса, или въ постный день рыбы, селедки, и вмѣстѣ съ рюмкой водки подноситъ каждому изъ гостей, приговаривая:

— Кашу съ гарѣлычкыю примитя, а мнѣ рукý пызылати̂тя!

Всѣ выпиваютъ подносимую водку, берутъ черепочекъ съ кашей и даютъ бабѣ по нѣскольку копѣекъ.

Когда окончится раздача бабиной каши, хозяинъ обращается къ гостямъ и перекрестившись говоритъ:

— Прасúвъ васъ, дырáгія гости, на хлѣбъ-соль, а тяперь прашу па хлѣбу-соли!

Гости выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина и расходятся. При этомъ породиха одариваетъ бабку и кума холстомъ. Послѣдній въ свою очередь даетъ ей нѣсколько монетъ, приговаривая:

— Кумà кýму халстúну, а кумъ кумѣ палтúну!

На слѣдующій день, рано утромъ, зимою нерѣдко до разсвѣта, отецъ окрещеннаго младенца снова приглашаетъ бабку, кума и куму и всѣхъ вчерашнихъ гостей „на муравины".

Раньше другихъ должна придти бабка. Пришедши, она беретъ вѣникъ съ листьями, ощипываетъ листья и кладетъ ихъ въ миску потомъ сыплетъ туда овесъ и наливаетъ воды. Когда кто изъ приглашенныхъ входитъ въ хату, бабка беретъ изъ миски эту смѣсь и вытираетъ ею лицо у всѣхъ входящихъ, приговаривая:

— Будь быга́тъ, якъ вбсинь, кра́синъ, якъ виснà, а крѣпыкъ, якъ дарóга!

И вытираетъ полотенцемъ.

Потомъ обвязываетъ подаренною холстиною голову и перекружившись на мѣстѣ три раза, подпрыгиваетъ столько же разъ вверхъ, по возможности повыше, и говоритъ:

— Капъ мой уну́къ вялúкъ росъ, щасьлúвъ бывъ! Капъ ны ягò долю пыславъ Бохъ усяго ўвóлю!

Послѣ этого гости садятся за столъ. Угощеніемъ ихъ и заканчиваются кстины.

Любавич. вол., Мстисл. у.

Пѣсни родинныя и крестинныя.

Ай, стучúть—грючúть
Вдоль па улицы.
Тамъ бяжы́ть, бяжы́ть
Андрей мыладóй.
Ёнъ а босый и прыстывалóсый,
А бизъ шу́бки и бисъ пбиса.
А бяжы́ть ёнъ пы бабу́синьку:
„Ты хадú, бабу́сь, пирибáпъ [дитя́!"

Маё дитя ныражóныя,
А тваё дитя а сужóныя!

С. Любавичи, Мстисл. у.

—

Ня стукъ стучúть па ву́лицы,—
Иванъ идéть, бабу вядéть.
„Баба мыя́, бабу́личка,
Пирибáпъ мнѣ дитя́тычку!
Маё бу́дить раждёная,
Тваё бу́дить баблёная!

—

Хто жъ тамъ стучить па вулицы,
Хто жъ тамъ стучить па ширóкый?
Михалка йдéть, бабу вядéть:
— Баба мыя, быгдáнныя,
Пирибапъ ты мнѣ дитя́тычку,
Пирибапъ ты мнѣ малéнькыю!
Хто жъ тамъ стучить па вулицы,
Хто жъ тамъ стучить па ширóкый?
Кумъ идéть, куму̂ вядéть:
— Ку́мычка мы́я любéзныя,
Пирихрястú ты мнѣ дитя́тычку,
Пирихрястú малéнькыю!
Хто жъ тамъ стучить па вулицы,
Хто жъ тамъ стучить па ширóкый?
Кумá идéть, ку́ма вядéть:
Кумочикъ мой, голубочикъ мой,
Пирихрястú ты мнѣ дитятычку,
Пирихрястú малéнькыю!

—

Зыпряжи-ка, мой кумъ,
Ды дванàтцыть валóў
Зывязи-ка, мой кумъ,
Сваю бапку дамой!
— А идѣ жъ мнѣ, бабу́личка,
Ды валоў сыбирàть?
Лучче жъ, мыя́ бабуличка,
У минè нычивàть!

—

Ай пиу̂ ба я пúва,
Дыкъ съ пахмéлійка лиха.
А любиу̂ Микилай жонку,
Дыкъ нагу́дили люди.
А нихай люди гу́дють, —
Микилай жонку любить!

—

Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылѝ ў нашый хàтыццы
Пыря́дыкъ идéть:
Мушка на вакóшыццы
Въ цымбалики бъéть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылѝ ў нашый хàтыццы
Пырядыкъ идéть:
Павучóкъ на стѣныццы
Крóсинцы снуéть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылѝ ў нàшый хàтыццы
Пырядыкъ идéть:
Блыха ны парóзи
Дрóвяцы сякéть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылѝ ў нàшый хàтыццы
Пыря́дыкъ идéть:
Наша су́чичка
Дворикъ стирягéть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылѝ ў нàшый хáтыццы
Пыря́дыкъ идéть:
Наша й кóшычка
Хатку пыдмятéть!

С. Ослянка, Мстисл. у.

—

Здѣсь же поются и заимствованныя великорусскія пѣсни: „Ты лети, лети, соколъ, на родиму сторону..." „Ты крапива, ты крапивица, зеленая, кучерявая.." А также искусственная:

Ишоў Савичъ съ именинъ ночной порой,
Ёнъ ишоў къ жанѣ съ пьяной головой..

—

Нигдѣ жъ мы такъ ни пагуля́ли,
Ни на вясéльли, ни на багамóльли,
Якъ у гэтага хадяина на кьстинкахъ.
Дай Божа гэтага дитяти
Кьстинки згуляти и вясéльля даждати.
Богъ намъ даў, Богъ намъ даў!

—

А па вóзяру, а па сúняньками,
Силязéнька плывéть,
Сваю ву́тачку, сваю шэ́раю,
За саббю вядéть.

— А ты вутачка, а ты шэрая,
А ти тутъ начавать?
Кали тутъ начавать, кали тутъ начавать,
Дакъ гнязьдечка савивать.
Кали дали лятѣть, кали дали лятѣть,
Разлигайся трава,
Разлигайся трава, разлигайся трава,
Разливайся вада!
А па сѣничкахъ, а па новинькихъ,
Тамъ Якимка идеть,
Сваю Тацянку, сваю душачку,
За саббю вядеть.
— А ты Тацянка, а ты душачка,
А ти тутъ начавать?
Кали тутъ начавать, кали тутъ начавать,—
Каравать будавать;
Кали дали ѣхать, кали дали ѣхать,—
То коника гадавать.
Запрыгайтя каня, запрыгайтя каня
Ў муливаный вазокъ,
Мы жъ паѣдимъ, мая душачка,
У татулькаў дварокъ.

—

Сядить галубчикъ а на кусьтику,
Ёнъ расицу пъеть,
Ягò галубка, яго сызая,
Гнязьдечка уеть (вьетъ).
„Пакинь, галубка, пакинь сызая,
Гнязьдечка вить,
Хади, галубка, хади сызая,
Расицы пить!“
— Мнѣ жъ бачитца, сызый галубчикъ,
Што ты ня любишъ мянè,—
Ажъ гарнетца тваё сярдечка
Вохъ-и-вохъ-ти ка мнѣ!
Сидить Якимъ на покути,
Ёнъ мёдъ-вино пъеть,
Ягò Тацянка, ягò душачка,
Прасьтидлачки тчеть.
„Пакинь, Тацянка, пакинь, душачка,
Прасьтидлачки ткать,
Хади, Тацянка, хади, душачка,
Мёду-вина пить!“

— Мнѣ жъ бачитца, мой Якимка,
Што ты ня любишъ мянè,
Ажъ хинетца тваё сярдечка
Вохъ-и-вохъ-ти ка мнѣ!

—

Межы клѣтачки, межъ истопачки
Наша Тацянка сувой катила,
Сувой катила, сына радила.
Бяжыть Якимка па бабуличку
Бязъ пояса, въ адныимъ чобати.
Яго бабулька дагадьливая,
И дагадьлива, и пагадьлива,
И сама идеть, и пращу*) нясеть,
И прощу нясеть, и Бога просить:
„Прасьти жъ, Божа, и дьвѣ
[душачки!
И старенькаю, и маленькаю:
Старенькаю дили стàрасьти,
А маленькаю дили рàдасьти!“

—

У нядѣльку рана-паранѣньку
Ўсѣ званы звапили,
Усѣ жоначки маладенькія
Къ ютрани хадили.
Адна наша парадиха маладенькая
У ютрани ня была,
Да ина жъ сабѣ, маладенькая,
Борзда дѣла зачала:
А ина жъ сабѣ да маленькага
Сыночка спавила!
Ня вымалюють малярчики
Да пры яснай свѣчи,
Якъ мы съ табой, мой Якимка,
Да пры тёмнай ночи!
Малаточкамъ ня стукаў,
И ў ручачки ня хухаў!
Гута-та й гу-ля-ля!

—

У нашага Якимки
Стаить святлица брусаваная.
У той святлицы калубель висить,
У томъ калубели дитятка ляжыть,

Божжа Матира ускалыхаить,
А ў дитяти папытаить:
„А дитятухна, хто твой татухна?“
— Па радў сказать, дакъ Яки-
[мачка,
А па храсту сказать, дакъ Пи-
[липачка!
У Якимки на падворъяйку
Стаить святлица брусаваная.
У той святлицы калубель висить,
У томъ калубели дитятка ляжыть,
А Прачистая ускалыхаить,
Ускалыхаить, да папытаить:
„А дитятухна, хто твая мамухна?“
— Па радў сказать, дакъ Тaця-
[начка,
А па храсту сказать, дакъ Ма-
ланачка!

—

„Запражытя, запражытя,
А двананцать канёў,
Атвязитя, атвязитя
А бабульку дамой!“
А кони ня йдуть,
А кони ня йдуть,
И ўпинаючися,
А бабулька на кутъ,
А бабулька на кутъ
Падвигаитца тутъ:
„Я 'тъ свайгò ўнучка,
'Тъ свайгò галубочка,
Я й дамоў ни пайду,
Пакуль у унучка,
Пакуль ў галубочка
Ўсю гарэлку папью!
Я жъ ня буду, я жъ ня буду
Усиè выпивать,
Ой, буду жъ я, ой, буду жъ я
И къ заўтраму астаўлять,

*) Жертву, кусокъ холста.

Ой, кабъ було̀, ой, кабъ було̀
Чимъ пахме́льля прагна́ть!“
Запражы́тя, запражы́тя
А плясьни́винькага,
А ли бабу́льки, а ли галу́бки,
Ли щасьли́винькія!

А когда бабку везутъ на боронѣ, то прибавляютъ еще куплетъ:

Запражы́тя, запражы́тя
А двана́нцать саба́къ,
Атвязи́тя, атвязи́тя,
А бабульку ў кабакъ!

—

Пъя́на баба, пъя́на, на паро́зи па́ла,
Паляди́тя, хлопцы, у якой саро́ццы:
Калѝ ў згрэ́бнай, калѝ ў згрэ́бнай—
Ина й тутъ патрэ́бна.
Калѝ ў то́нкай, калѝ ў то́нкай—
Завязи́тя дамо́ў яѐ.
А кали ў паско́ннай, калѝ ў паско́ннай—
Завязи́тя къ питама́ннай сваёй!

Д. Казимировка, Мог. у.

—

Усѣ жо́начки диравѐнскія
У яго́дки пашлѝ;
А кумъ съ кумою
У ягодки ня йшоў.
Усѣ жо́начки дирае́нскія
Па наби́рацццы (лукошка) нясу́ть,
А кумъ съ кумо́ю
То на ко́нику вязу́ть:
Кабъ наша яго́дка
А вяли́ка расла̀,
А вяли́ка расла̀
И щасьли́ва была̀!

—

А ў нядѣльку парані́ньку
Пиў кумъ съ кумо́й гарэ́лку.
Змовила кума̀ да ку́ма:
„Паки́нь, ку́мя, гарэ́лку пить,
Паѣдимъ, кумя̀, дитя́тка хрысь-
[ти́ть!“
Ай, ѣдуть по́ля, и друго́я,
На трэ́тьтяя узьижжа́ють –
А змо́виў тутъ кумъ да кумы:
„Ки́нимъ дитя ў калявину,
Сами по́йдимъ на Украйну!“
Иду́ть по́ля и друго́я,
На трэтьтяя увыхо́дють,—
„Ой, стой, ку́мя, паслу́хаимъ,
Ти ни шумить дубровачка,
Ти ня сто́гня даро́жачка,
Ти ня бяжы́ть паго́ничка?“
— Шуми́ть, шуми́ть дубровачка,
Сто́гня, сто́гня дарожачка,
Бяжы́ть, бяжы́ть паго́ничка!
„Пастой, ку́мя, ты ни ўхадѝ,
Чужы̀ жаны̀ ты ни звадѝ,—
Чужы жаны̀ вянча́лныя,
Сваѐ кумы̀ падхро́сныя!
Падхро́сная кума̀—
Такъ, якъ ро́дная систра!“

—

Што жъ то за кра́сачка,
Што то за наго́дка,
Ў маимъ са́ди ни бувала?
Я бъ тую красачку,
Чурво́ну наго́дачку,
Ў сваимъ са́ди пасади́ла,
Я бъ тую красачку,
Чурвону наго́дачку,
Рана й ве́чарамъ паливала.
Што то за кумо́чикъ,
Што за голубо́чикъ,
Ў маи́мъ до́ми ни бувая?
Я бъ свайго̀ кумочка,
Свайго̀ галубо́чка,
За сто́ликамъ пасади́ла,
Я бъ свайго кумо́чка,
Свайго галубочка
Харашэ́нька чистава́ла.

Я бъ свайго кумо́чка
Свайго галубо́чка,
Ме́дамъ-виномъ напаи́ла.
А кали жъ ни ста́ла бъ,
А кали жъ ни стала бъ,—
Я й зъ вады̀ даста́ла бъ!
Ай, што жъ то за ку́мачка,
Што то за галу́бка,
Ў маи́мъ до́ми ня бува̀ла?
Я бъ сваю ку́мачку,
Я бъ сваю галу́бачку,
За сто́ликамъ пасади́ла.
Я бъ сваю ку́мачку,
Я бъ сваю галубачку,
Харашэ́нька чистава́ла!
Я бъ сваю кумачку,
Я бъ сваю галубачку,
Ме́домъ-виномъ напаи́ла.
А кали жъ ни ста́ня
А кали жъ ни ста́ня—
Я й зъ вады̀ даста́ну!

—

Звалилася, скатилася
Кало́дачка съ печи,
Ударыла, ударыла
Иваньку у плечи.
Кали бъ табѣ, Иваничка,
Да бо́лна балѣла,
А тагды̀ бъ ты, Иваничка,
Сваю Маръю жалѣў.

—

А хто, хто па камо́рацццы хо́дя?
— А Иванька па камо́рацццы хо́дя,
Ёнъ сваю Са́шачку про́ся:
„Ой, хадѝ, мая̀ Сашачка, ка мнѣ!
У мянѐ карава́тка тисо́ва,
У мянѐ паду́шка пухова,
У мянѐ завѣски цвилёвы!“
—Ни пайду, Иваничка, къ табѣ,
Хоть у тябѐ карава́тка тисо́ва,
Хоть у тябе паду́шка пухова,
Хоть у тябе завѣски цвилёвы:
У мяне дитя́тка мало́я,
Бу́дя намъ слу́жачка вѣрная!

—

Кала цэ́ркаўки сьте́жачка,
Кала цэркаўки зялёна.
А туды ишоў Го́спадъ-Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустрака́я бабусю:
„Куды иде́шъ, бабуся?“
—Къ паради́нуси, Го́спадъ-Богъ,
Къ парадинуси, Духъ Святый!
„А сь чимъ иде́шъ, бабуся?“
—Съ пялю́шками, Го́спадъ-Богъ,
Съ пялюшками, Духъ Святый!
„Памажы̀ жъ Божа бабуси!..“
Кала цэ́ркаўки сьте́жачка,
Кала цэркаўки зялёна.
Туды ишоў Го́спадъ-Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустрака́я кумо́чка:
„Куды̀ иде́шъ, кумо́чикъ?“
— Дитя́тка хрысьти́ть, Госпадъ
[Богъ
Дитятка хрысьтить, Духъ Свя-
[ты́й!
„А сь чимъ идешъ, кумочикъ?“
—Съ капѣйкаю, Го́спадъ-Богъ,
Съ капѣйкаю, Духъ Святый!
„Памажы̀ жъ Божа кумочку
А дитя́тачка ахрысьти́ть!..“
Кала цэ́ркаўки сьте́жачка,
Кала цэ́ркаўки зялёна.
Туды ишоў Го́спадъ Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустрака́я куму́сю:
„Куды иде́шъ, кумуся?“
— Дитя́тка хрысьти́ть, Го́спадъ
[Богъ,
Дитя́тка хрысьтить, Духъ Святый!
„А сь чимъ иде́шъ, кумуся?“
— Зъ на́миткаю, Го́спадъ Богъ,
Зъ на́миткаю, Духъ Святый!
Памажы̀ Божа кумуси
А дитя́тка ахрысьти́ть вамъ!“...

С. Кутня, Бых. у. Всѣ предыдущія пѣсни записаны мною.

—

Варіантъ.

Чиразъ рѣчку кла́дычка,
Чиразъ быйструю кла̀дычка,
Туды шъ ба йшла ба́бычка,
Туды шъ ба йшла любычка.
Сустрѣў яѐ Го́спадъ Бохъ,
Сустрѣў яѐ Духъ Святый:
А куды шъ иде́шъ, ба́бычка,
А куды шъ идёшъ, любычка?"
— На хре́зьбинки, Го́спадъ Бохъ,
На хрезьбинки, Духъ Святый!
„А што шъ нясе́шъ, бабычка,
А што шъ нясе́шъ, любычка?"
— Пялю́шычки, Го́спадъ Бохъ,
Пялюшычки, Духъ Святый!...
Чиразъ рѣчку кладычка и т. д.
Туды бъ ишла кумычка и т. д.
„А што шъ нясе́шъ, кумычка" и т. д.
— Намётычку, Го́спадъ Бохъ и т. д.
Чиразъ рѣчку кладычка и т. д.
А туды шъ бы йшоў кумо́чикъ и т. д.
„А што нясе́шъ, кумочикъ? и т. д.
— Рубе́льчика, Го́спадъ-Бохъ,
Рубельчика, Духъ Святый!

Рясн. вол., Сѣнн. у.

Пѣсня эта считается обязательною для крестинъ и распространена по всей Бѣлоруссіи, съ незначительными варіаціями, въ родѣ:

Черезъ гумно стеженька...
... „Куды иде́шъ, бабуся?"
—А на радйнки, Го́спадъ-Бохъ!...
... „А што несе́шъ, куму́ся?"
— Накры́тычку, Го́спадъ-Бохъ!...
... А што несе́шъ, кумочикъ?"
—А кристо́чикъ, Го́спадъ Бохъ!...
и т. п.

—

А икъ ку́му кума̀
Ў рашатѣ прыплыла,
Грыбянцо̀мъ прыграбла̀.
А у мянѐ ли кумы
Вирабе́й у саду,
Да и тэй бизъ заду̀.

Якъ завѣшу я кате̑лъ—
Паўтараста вядёръ,
И згату́ю ли кумы̀
Адну̀ шы́ячку.
Ѣжъ ты, кума,
Ни засаливайся,
Ѣжъ, ужыва̀й,
И ў кишэни ни хава̀й!
А тымъ ты, кума,
Ни супо́ўнишъ двара̀,
И ни нако́рмишъ дите́й,—
Тольки насмяшы́шъ людей!

—

Чаразъ боръ со́сна павали́лася,
А кума съ ку́мамъ пасвары́лася.
Чаразъ тынъ жывёмъ—мы ни зна́имся:
Да ни ты ка мнѣ, да ни я къ табѣ.
Мижъ и тыхъ кумо́ў да ра́ка тэчѐть,
А па тэй рацэ̀ силизе́нь плывѐть,
Й шэра ву̑тачка зъ ву̑тиня́тками.
Силязе́ничка—то̀ Иваничка,
Шэра ву̑тачка—то Га́нначка,
Ву̑тиня̀тачки—то ихъ дѣтачки.

—

Я пайду̑ па-загу̑миньню,—
Да кумо́чикъ мой милый,
Да галубчикъ мой сизый!
А ў̑лаўлю я да шэ̀рага зайца,—
Да кумочикъ мой милый,
Да галубчикъ мой сизый!
Таму̑-сяму̑ па ла́паццы, (припѣвъ)
А майму̑ ку́му да усё ту́лаўца (припѣвъ).
А пайду̑ я кала рэ̀чаньки,
Да куму́сюхна мила,
Да галу́бачка сиза!
Улаўлю̀ я шэ̀раю гуску,
Да кумусюхна мила,
Да галубачка сиза!
Таму̑-сяму а па лапаццы, (припѣвъ)
А маёй кумѣ усё ту́лаўца!
Куму́сюхна ми́ла,
Куму́сюхна люба,
Да галу́бачка й си́за!

—

Якъ учбра да бабу́сюхна
Да на кеьти̑нкахъ была̀,
А сягодьни да бабу́сюхна
На пахме́льля прышла.
Упилася бабусюхна
Зилино́га вина,
А ни за̀йди̑ть бабусюхна
Да свайго̀ да двара̀.
Запражы ты, Иваничка,
Варано́га каня̀,
А завязи̑ бабусюхну
Да свайго̀ да двара̀,

Палажы ты бабусюхну
На ўзгало́ўя яѐ:
А спи, мая̀ бабусюхна,—
На здаро́ўя табѣ!

—

Ай тамъ, на лугу̑,
На зялёнай травѣ,
Хо́ди̑ть конь вараны̀й,
И съ упрэ̀жкаю.
Тамъ хо́дють мужы̀
Да диву́ютца!

А чій ета конь,—
Нь аценить,*) ни купить?
Иванька идеть,
Да ўсьмихаитца:
„Ета конь вараный—
То бабўси маѐ!“
Ай тамъ, на лугу,
На зялёнай травѣ,
Ходить конь вараный,
Конь асѣдланый,
Конь асѣдланый
И замўзданый.
Тамъ ходють мужы—
Дивааютца:
А чій ета конь,—
Нь аценить, ни купить?
Иванька идеть—
Усьмихаитца:
„Ета конь вараный—
Ета кўма майго!“
Ай тамъ, на лугу,
На зялёнай травѣ,
Ходить конь вараный
И съ упрэжкаю.
Тамъ ходють мужы
Да дивўютца:

А чій ета конь—
Нь аценить, ни купить?
Иванька идеть
Да ўсьмихаитца:
„Ета конь вараный
Маѐ любыя кумы!“
Рогачев. у.

—

На дварэ у мянѐ
Пару коній ў рыдванѣ,—
А гуляй, бабка, ў мяне!
Гуляй, сэрца, у мяне!
Пару коній залажў,
Бабку домбў завязў!
На дварэ у мянѐ
Пару коній ў рыдванѣ,—
Гуляй, кумокъ, у мянѐ,
Гуляй, сэрца, у мянѐ!
Пару коній залажў,
Кўма дамоў завязў!
На дварэ у мянѐ
Пару коній ў рыдванѣ,—
А гуляй, кумка, ў мянѐ,
Гуляй, сэрца, у мяне!
Пару коній залажу,
Кумку домбў завязў!

—

Узяў кумъ куму за правую рукў,
Павёў кумъ куму у винный садокъ,
Пасадиў кумъ куму а падъ вишаньку:
„Сядь, мая кумка, маладенькая,
Напъёмся мы меду саладенькага!“
На кумѣ карали—семсотъ давали,
А на кўму штаны—нима имъ и цаны!

—

Ходя па вулицы ўнукъ—
Гуляя сабѣ.
Якъ забачиў сваю бабусю —
Зазывая къ сабѣ:

„Прашў я тябѐ, мая бабуська,
У госьти къ сабѣ!
Навары ў жа я бочачку меду
Да ўсё ля тябѐ!“

—

*) Ни оцѣнить.

Ивалга да на бавални гняздо ўѐ,
Кумочикъ на кутѣ медъ-вино пъѐ.
„Кумочикъ, ти табѣ меду ни стаѐ?
Ё у минѐ вараный конь на стайни,—
Ёнъ ля кума вина—меду приставя!“

—

Паѣду я да да Мугулева,
Куплю трубку рўбку.
Будимъ трубку крайть,
Будимъ бабку дарыть!
А чаму ты, кумочикъ,
Да ни весилъ,
Нѣйди ты, кумочикъ,
Да ни доранъ?
— Будимъ трубку крайть,
Будимъ кўма дарыть!
А чаму ты, кумка,
Да ни весила,
Нѣйди ты, кумка,
Да ни дорана?
— Будимъ трубку крайть,
Будимъ кумку дарыть!
С. Хоново, Быхов. у.

—

Циразъ боръ сасна калыхалася,
Калыхаўшыся, павалилася,
Кума съ кумой пасварылася.
За што прышло пасварытца имъ:
Ти за дѣтачки зы хращоныя,
Ти за пирагй зы плятёныя?
— Ни за пирагй зы плятёныя,
Ды за дѣти зы хращоныя.

—

Мижа насъ съ кумой а рака тякла,
А рака тякла, рака быстрая.
Па той рацэ силязень плывѐ,
Силязень плывѐ й шэра вўтачка,
Шэра вўтачка й вутинятачки.
Силязенячка—Андрэячка,
А вўтачка—Настулячка,
Вутинятачки—то ихъ дѣтачки.
С. Браково, Могил. у.
Отъ кр. Н. Автухова запис. мною.

—

Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
Што ты ў мянѐ бабай будишъ—
Пасадила бъ я тябѐ у гароди ли [сябѐ
Пахўчаю мятаю!
Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
Што ты ў мянѐ кўмамъ будишъ—
Пасадила бъ я тябѐ у гароди на [градѣ
Баравенькимъ василёчкамъ!
Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
Што ты ў мянѐ кумой будишъ—
Пасадила бъ я тябе у гароди ли [сябѐ
Чирвоную рожаю!
М. Княжицы, Могил. у.
Отъ кр. Д. Самсоновой, запис. мною.

—

У нядѣльку, рана-паранеиьку,
Наша бабачка да по дварў ходить,
По дварў ходить, Госпада Бога просить:
„А дай Божа гэтаму дитятку
Да добрую долю:
И грашавўю, и збажавўю,
И трэтьтюю винчалную!“
А ў нядѣльку, рана-параненьку,

Наша ку́мачка да по́ дварý хо́дить,
По́ дварý хо́дить, Госпада Бога про́сить:
„А дай Божа гэтаму дитя́тю
А добрую долю:
И грашавýю, и збажавýю,
И трэтьтюю винчàлную!“
А ў ня́дѣльку, рана-паранéньку,
Нашъ кумо́чикъ по̀ дварý хо́дить,
По̀ дварý хо́дить, Госпада Бога про́сить:
„А дай Божа гэ́таму дитя́тю
А добрую долю:
И грашавýю, и збажавýю,
И трэ́тьтюю винчàлную!“

—

А на дварэ̀ дожъ идéть
Ды на бабину хату.
„Иди, бапка, нажни мяты,
Ды накры́й сваю хату!“
А на дварэ̀ дожъ идѐть
Да на ку́мавы сѣни.

„Иди, кумокъ, ныкасѝ сѣна,
Ды накры́й сваѐ сѣни!“
А на дварэ̀ дожъ идéть
Ды на ку́мину ложу.
„Иди, кумка, нажни рожы (цвѣтъ),
Ды накрый сваю ложу!“

—

Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
Хто у мянѐ бáбый бýдить,—
Я бъ пысади́ла сваю бáбычку
На сáмамъ кутѣ, за пахучій мя́тый!
Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
Хто у мянé кýмымъ бýдить,—
Я бъ пысади́ла свайго́ кума
У зилянны́мъ сáди, зы зялёнымъ я́вырымъ!
Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
Хто у мянé кумо́й бýдить,—
Я бъ пысадила сваю кýмычку
У зилянны́мъ сáди, за чирво́ный ро́жый!

—

А у сáди вишня, а у сади вишня,—
Съ-пыдъ каринѝ вадà вышла.
Ужо шъ пыдъ нашу бабуличку
Падво́дунька вышла:
Конь варанéнькій, конь варанéнькій,
Зво́щикъ маладéнькій,
Конь гудувàный, конь гудувàный,
Вазо́къ муливáный!
А у сáди вишня, а у сади вишня,—
Съ-пыдъ каринѝ вадà вышла.
Ужо шъ пыдъ нáшыга кумо́чка
Падво́дунька вышла:

Конь варанéнькій, конь варанéнькій,
Звощикъ мыладéнькій,
Конь гудувáный, конь гудувáный,
Вазо́къ муливáный!
А у сáди вишня, а у сади вишня,—
Съ-пыдъ кариня́ вадá вышла.
Ужо шъ пыдъ нашу кýмычку
Падво́дунька вышла:
Конь варанéнькій, конь варанѐнькій,
Звощикъ мыладéнькій,
Конь гудувáный, конь гудуваный
Вазо́къ муливáный!

—

Казали—наша бáпка хвыравѝта,
Ажны наша бапка варави́та:
А за гэтый кутóчикъ
Зараби́ла лускутóчикъ;
Таўчѝ, мало́ть ня дýжа,
А па намётычку дасýжа;
Таўчѝ, мало́ть ёсь симъя̀,
А якъ пы намётычку дыкъ сама!

—

Дя́ку тамý кывалю,
Што зьдѣлыў намъ гульню!
Ёнъ и мылато́чкымъ ня стýкуў,
Ёнъ и ў рýчачки ня хýхуў,
Бизъ мо́лыта, бизъ кувáдла,
И дитя́тычка дужа ладна!

—

А ско́чила наша Христы́нка
Съ полу дало́ў,
Якъ удáритца сваёй бáбыццы
У но́жки чало́мъ:
„Гуляй, гуляй, мый бабычка,
Буду й я, буду й я!
Ныварила бочку мядо́чку,
А дьвѣ вина!“
А ско́чила наша ради́ха
Съ полу дало́ў,
Якъ удáритца сваёй кýмыццы
У ножки чало́мъ:
„Гуляй, гуляй, мый кумычка,
Буду й я, буду й я!
Ныварила бочку мядо́чку,
Дьвѣ вина!“
А скочила наша ради́ха
Съ полу дало́ў,
Якъ удàритца свайму́ кумо́чку
У ножки чало́мъ:
„Гуляй, гуляй, мой кумочикъ,
Буду й я, буду й я!
Ныварила бочку мядо́чку,
Дьвѣ вина!“

—

А литáла сыза пáвунька
Да па жо́ўтымъ пискý.
А ни жаль мнѣ тэ́я пáвуньки,
А ни пе́ръя яѐ,
А жалка мнѣ сваѐ матýльки,
Што далёка отъ мянѐ.
Наварý я бочку мядо́чку,
Дьвѣ вина,
Пызавý я сваю матýльку,
Пугуля́ю й сама!
(То же поется о татулькѣ, сестрѣ и братѣ).

—

Якъ пайдý я ды кылы Дуная
Ды кыла ти́хыга,
Да ти ня ўви́джу каго́
Свайго̀ ро́дныга?
Ажъ мая матýлька калинку [лымàить
Ўсё й чирво́нинькыю.
„Хадѝ, мая матýлька, бясѣду [гулять,
Ўсё и висёлинькыю!“
(То же поется и прочимъ родственникамъ).
Сѣннен. уѣздъ.

—

А ў Зино́ўи, а ў Зино́ўи,
Винаградъ ны дварѣ,
А ў Ильлюшки, а ў Ильлюшки,
Сядѝть кумъ ны кутѣ.
Прядъ имъ чарка, прядъ имъ [чарка,
Усё по́ўнинька стаи́ть.

Ёнъ частуи́ть, ёнъ вяльбу́ить
А ўсё самъ дли сябѐ:
Пи, кумо́чикъ, пи, кумочикъ,
Ды ня ўсё выпивай,
Икъ за́ўтрыму, кумочикъ, (2 р.)
На пахме́лья кидай!
Зыпрягитя, зыкладитя
Симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя, атвязитя
Майгò кума дамо́ў!
Кони зъ двара̀, кони зъ двара̀
А ни ру́хаютца,
А кумъ за столъ, а кумъ за столъ
Пыдьвига́итца.

То же поется кумѣ и бабкѣ. Послѣдней, вмѣсто вороныхъ, запрягаютъ семерыхъ воловъ).

Д. Деревяги, Витеб. у.

—

Болѣе полный варіантъ записанъ въ с. Болецкѣ Городокскаго уѣзда:

А ў кагò зе́линъ садъ ны дварѣ,
А ў каго́ сяди́ть кумъ ны кутѣ?
— А ў Андрейки зе́линъ садъ ны дварѣ,
А ў Андрейки сяди́ть кумъ ны кутѣ.
Зыпрягитя симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя майгò кума дамо́ў!
Симярыя выраныя ни рухаютца везь,
Етый кумъ ны кутокъ пыдьвига̀итца сѣсь:
— Я за етый кутокъ пылажыў читьвиртачо́къ!
А ў кагò зе́линъ садъ ны дварѣ,
А ў кагò сяди́ть кума ны кутѣ?
— А ў Андрейки зе́линъ садъ ны дварѣ,
А ў Андрейки сяди́ть кума ны кутѣ
Зыпрягитя симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя маю̀ кумку дамо́ў!
Симярыя выраныя ни рухаютца везь,
Ета кумка ны кутокъ пыдьвига̀итца сѣсь:
— Я за е́тый зы куто́къ атрѣзыла лускутокъ!
А ў кагò зе́линъ садъ ны дварѣ,
А ў кагò сяди́ть баба ны кутѣ?
— У Андрейки зе́линъ садъ ны дварѣ,
У Андрейки сяди́ть баба ны кутѣ.
Зыпрягитя симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя ету бабку дамо́ў!
Симярыя выраныя ни рухаютца везь,
Ета бабка ны кутокъ пыдьвига̀итца сѣсь:
— Я за етый зы кутокъ я атрѣзыла пупокъ,
Я атрѣзыла пупокъ, пыснавила кашы гаршокъ!

—

Сиго́нишній вичарокъ ў неби зазьвинѣла.
Прачистая Мать ў Бога доли прасила:
„Божухна, якую ты долю даси етыму ыраждѐнцу:
Ти хлибавую, ти грашавую, ти винча̀лную?“
— Я дамъ долю и хлибавую, и грашавую, и винча̀лную!

—

А ўчора бабка ны радинкахъ была,
А сяго́ни бабка на кстинки пришла.
Зыпрягитя бабки а пара вало́ў,
Атвязитя маю бабку дамо́ў!

—

Я жъ бы етыга ку́ма
Ку́мамъ ни браў:
Гарѣлки ня пье́ть,
Пѣсинъ ни пяе́ть!
Я жъ бы ету куму̀
Кумо́й ни браў:
Гарѣлки ня пье́ть,
Пѣсинъ ни пяе́ть!
Я жъ бы ету бабку
Ба̀бкый ни браў:
Гарѣлки ня пьеть,
Пѣсинъ ни пяе́ть.

С. Болецкъ, Городок. у.

—

Ай, у нядѣльку вѐльма ра́нинька
Што у не́би зызьвинѣла?
Го́спыть Бохъ иде́ть
И долю нясе́ть е́тыму дитяти.
А пыта́итца ў Бугуро́дицы:
„Якую долю дать дитяти;
Ти грышавую, ти дыжжавую,
Ай ти тую виньча́лную?“
Ба́бычка сяди́ть и Бога про́сить:
„Дай, Божа, уся́кыю!“

То же поется къ кумѣ и куму. Тогда пѣсня оканчивается такъ:

Ку́мычка сяди́ть и Бога про́сить:
„Дай, Божа, усякыю!“
Или: Кумочикъ сяди́ть и Бога [про́сить:
„Дай, Божа, усякыю!“

—

Капъ я знала-вѣдыла,
Што ты ў мяне ба́бый будишъ—
Пысадила пъ я тябѐ
У гаро́ди ны грядѣ,
Пылива́ла пъ я тябѐ
Ни вадо́ю, ды сыто́ю,
Капъ сыты ни стала,
Я пъ мѐду дыстала!
Капъ я знала-вѣдыла,
Што ты ў мяне кумо́й будишъ,
Пысадила пъ я тябѐ и т. д.
Капъ я знала-вѣдыла,
Што ты ў мянѐ ку́мымъ будишъ,
Пысадила пъ я тябѐ и т. д.

—

А сядѣли у бясѣди
Мужы че́сныя,
А ра́дили яны ра́ду,
Раду до́брыю:
Аччагò а сьвѣть,—Мысква̀
Зыгарэ́лыся?
Зыгарэ́лысь сьвѣтъ—Мысква
Атъ удовушки.
А згарэ́ла тры цэ́ркуўки,
Тры субо́рниныкыхъ;
А згарэ́ли тры папы,
Тры духо́ўниныкыхъ;
А згорэ́ла тры дяки,
Тры нау́чо́ниныкыхъ.
А ни жаль жа трёхъ папо́ў,
Трёхъ духо́ўниныкыхъ,
А ни жаль жа трёхъ дяко́ў,
Трёхъ нау́чо́ниныкыхъ,
А и жаль жа тры цэ́ркуўки,
Тры субо́рниныкыхъ!

С. Высокое, Оршан. у.

Маѐ вы мущы́начки, скажу я вамъ навину̀:
Што си́вая свиньня̀ на дубѣ̀ гняздо̀ зьвила̀,
На дубѣ̀ гняздо зьвила́, казиня́такъ прывила̀
А мой мужъ прамудрый быў: шы́ламъ сѣна накаси́ў,
Патъ пры́пичкамъ стогъ злажы́ў,
Стогъ злажыў, казиня́такъ накарми́ў.

—

Жана̀ на мужа гнѣвалася,
Гнѣвалася!
Ни вячэ́раўшы спатьки лигла̀,
Спатьки лигла̀!
„Устану ра́нинька, умыюся бѣлинька—
Паснѣ́даю, паснѣ́даю!
Запалю свѣчачку, пайду̀ у печачку—
Тамъ парася̀, тамъ парася̀!
Скруты́ла, зьвяртѣ́ла, адна яго̀ зьѣла—
Я й хараша̀, я й хараша́!
Чаты́ры ка́чачки, гаршо́чакъ ка̀шачки—
И таго̀ ма́ла, и таго̀ ма́ла!
Ѣхали жаўне́ры, на мяне глядѣли,
Што я дабра̀, што я дабра̀!

—

Ды Божа мой ды милю́синькій, 2
Што мой милый ды пъяню́синькій:
Ни мнѣ яго̀ ды й дамо́ў вязьти̇̀,
Ни мнѣ яго тутъ паки́нути?
Дамоў вязьти̇̀, ёнъ пава́литца,
А тутъ кинуўшы, набадя́итца!
Ды мы ишли, ни хиля́лися,
А зъ насъ людцы насьмия́лися.
Мы у варо́тцахъ павали́лися,
А зъ насъ людцы надиви́лися.

—

Хади̇̀, милый, ў бѣлу ложу спать,
Я жъ малада̀ на ўсю ночь гулять.
Я жъ малада̀ загука̀лсая,
Изъ мало́йцами загулялася:
Пяту́хъ пяе́ть, я й дамо́ў ня йду,
Другій пяе́ть—я й ня ду́маю.
Зара̀ узашла̀, я й дамо́ў пашла̀.
Ажъ мой милый апчына́итца,
У мянѐ мло́дай ёнъ пыта́итца:
„Дѣ жъ ты, мила, дае́туль была̀?“

— Я жъ малада̀ дьли тябѐ спа́ла,
Ручки ножки на тябѐ кла́ла,
А ты милый адура́чыўся,
Усю ночку ня'твара́чываўся!

—

Кабъ я знала, кабъ я вѣ́дала
Сваё горкая бища́сьтика,
А бяздо́льная заму́жжыка, —
Ни сядѣла бъ до́ўга зъ ве́чара,
Ни палила бъ я й лучы́начки,
Ды ня шы́ла бъ я й кашу́лички,
Ды пашы́ла бъ сабѣ̀ скры́льлика,
Ды пашы́ла бъ залате́нькая,
Палятѣла бъ на Ўкраи́начку,
Сѣла бъ, пала бъ сяро́тъ ры́начку.
Стали бъ людцы сабира́тися,
Зъ гэтый пта́шки дивава́тися:
„Ды што шъ гэ́та ды за пташычка,
Ды што шъ гэта ды за шэ́рая:
Сама шэ́ра ды шару́синька,
А скры́льлика залатю́синька?“
Ды якъ учуў мой тату́личка:
„Ти́ху, людцы, ни диву́йтися:
Ды гэта жъ ни пта́шычка,
Ды гэта й ни зязю́личка,—
Гэта шъ маё ды й дитя́тачка,
Ина атъ мянѐ атлучо́ная,
Далёка замужъ аддадёная!

—

Сбу́ника за лѣсъ ка́титца,
Мая̀ ро́дина расхо́дитца,
Мату́личка дамо́ў ла́дитца.
Акъ пайду̀ я правади́ть яѐ
Празъ тры по́ли, празъ тры чы́стыя,
Празъ тры рэ́чки, празъ тры бы́стрыя,
Празъ тры луги̇̀, празъ зялёныя,
Празъ тры лясы̀. празъ тры тёмныя;
Дьли бяро́зки прыстану́лася,
Мату́личка аглянулася:
„Чаго, дитя̀, прыстану́лася:
Ти травою заблу́талася,
Ти расо́ю замачы́лася?“
— Мату́личка мая̀ ро́дная:
Ни траво́ю заблу́талася,

Ни расо́ю замачы́лася—
Заблу́тала чужа̀ сто́рана,
Заблу́тала нивядо́мая:
Свёкарка ня ро́дный тату́лька,
А свякро́ўка ня ро́дна мату́лька,
Де́вирки ня родныя бра́титки,
А залави́цы ня родны сястры́цы!
„Дитя́тухна мая̀ ро́дная!
Мѣй гало́вачку пако́рнаю,
И сэ́рдичка атваро́тная—
Бу́дить табѣ̀ свая̀ сто́рана,
Будить табѣ̀ и вядо́мая,
А свёкарка ро́дный тату́лька,
А свякро́ўка ро́дна мату́лька,
А де́вирки родны бра́титки,
А залави́цы ро́дны сястры́цы!
Вотъ мы съ табо́й нагука́лися,
Нагука́лися ды й раста́лися.

—

А ў карчо́мацца, пры дали́нацца —
Дума́ жъ мая̀, дума̀,
Дума̀ мая̀ вяли́кая,
Дума̀ надъ думо́ю!
(Послѣ каждой строки).
А ў то́й карчо́мца тры бра́титки пъють.
Адинъ бра́титка ко́ника прапи́ў,
Другій бра́титка ша̀пачку прапи́ў,
Трэ́тьтій бра́титка жо́начку прапи́ў.
Коника прапи́ў—вы́шыўшы сви́снуў,
Шапачку прапи́ў—вы́шыўшы го́йкнуў,
Жо́начку прапи́ў—ручки сащапи́ў!
Прышоўшы дамо́ў—дѣтачки пла̀чуть:
„Эй, татка, татка, гдѣ наша мамка?“
— Ву́нъ ваша мамка ху́стачки мы́ить!
Пашлѝ дѣтачки туды глядѣ́ти:
„Ой, татка, татка, нѣтъ нашай мамки!“
— Ти́хутя, дѣтки, ды й ни бяду́йтя:
Паста̀ўлю хатку навю́синькаю,
Вазьму̀ вамъ мамку маладю́синькаю!
„Згары̀ ты, татка̀, зъ но́винькай ха̀ткай,
Прыпади, татка, изъ маладо́й ма̀мкай!
Лѣпи намъ была̀ старая хатка,
Лѣпи шъ намъ была̀ ро́дная мамка!...“

—

Ды у поли жыта, ни я́раца,
Казали—мой мужъ ни пъяница:
Прапи́ў коника шынка̀рыцца,
Прышоўшы дамо́ў, ды й хва̀литца:
„Ой, жана, жана, прапи́ў я каня̀!
Бяры̀ тру́бачки, намётачки,
Выкупъ коника съ абро́тачкай!
Кали вы́купишъ, дамо́ў вядѝ,
А ня выкупишъ,—сама ня йди!“
— Ды мнѣ шъ, мужучокъ, ня пе́ршый разо́къ!
Падъ акно́начкамъ настая́лася,
Рукаўко́мъ слёзакъ наўтира̀лася,
Падалко́мъ но́жакъ наўвива̀лася!...

—

Па бага̀т*аю* сястру̀, 2
Тры паслы̀ пасала̀ють, 2
Па мянѐ худо́бачку,
Па мянѐ бяздо́лницу —
Празъ людей наказа̀ли. 2
А бага̀таю сястру̀, 2
Сяро́тъ по́ля пираймають, 2
А мянѐ худо́бачку,
А мянѐ бяздо́лницу —
У ха̀тѣ на паро́зя. 2
А багатаю сястру, 2
На кутѣ̀ пасадили, 2
А мянѐ худо́бачку,
А мянѐ бяздо́лницу —
Про́тиў печы на ла̀ўца! 2
А бага̀таю сястру̀, 2
Виномъ мёдамъ пайи́ли, 2
А мянѐ худо́бачку,
А мянѐ бяздолницу —
Гарко́ю гарэ́лицай! 2
А бага̀таю сястру̀, 2
На тры но́чки ўнима̀ють, 2
А мянѐ худо́бачку,
А мянѐ бяздо́лницу —
Про́тиў ночки атправля́ють! 2
Ды якъ пашла̀ сястры́ца,
Ды якъ пашла̀ ро́дная,
Ту́жучы, бяду́ючы, 3
Бѣлы ручки ло́мючы: 2
„Ды збяры́тися, ваўкѝ,
Ды збяры́тися, звяры̀,
Разарви́тя шъ вы мянѐ, 2
Кабъ я бо́ли ни хади́ла, 2
Сэ́рца свайго̀ ни крушы́ла!“ 2
Якъ учула сястрыца,
Якъ учула ро́дная,
Падъ акно́нцамъ сѣдючы:
„Вы, бра̀титки—сако́лики, 2
Садитися на ко́никаў, 2
Дагани́тя сястры́цу, 2
Ды вярнитя шъ вы яѐ! 2
Пираймайтя шъ вы яѐ, 2
Якъ мянѐ пираймали, 2
Ды гука̀йтя шъ вы изъ е́й, 2
Якъ са мной вы гука̀ли! 2
Ды пасади́тя шъ вы яѐ, 2
Гдѣ мянѐ вы садили! 2
Ды часту́йтя шъ вы яѐ, 2
Якъ мянѐ частава̀ли! 2
Удиржа̀йтя шъ вы яѐ, 2
Якъ мянѐ удиржа̀ли! 2
Ды сьтялитя пасьте́льку, 2
Якъ и мнѣ усьтила̀ли! 2

—

У майго̀ бра̀титки бясѣдачка,
У майго̀ бра̀титки вясёлая.
Ды запрасйў ёнъ усю радй-[ну, 2
Тóльки ни прасйў аднэ́й сяс-[трыцы,
Тольки ни прасйў гаратьнйцы.

„Чаму, бра̀титка, учыра̀ ни пра-[сйў? 2"
— Мая̀ сястры́ца, ча̀су ня мѣў! 2
„Было̀ прысла̀ти хоть салавéйку,
Было̀ прыслати хоть пта̀шычку:
Па маймъ дваро̀ паскака̀ла бъ, 2
Щы́раю пра̀ўду разказала бъ! 2

—

Ды братъ сястры̀ пабая́ўся, пабая́ўся!
Изъ хлѣбамъ-сóльлю исхава̀ўся, исхава̀ўся:
„Прыма̀й, жана, ды хлѣбъ съ стала̀, ды хлѣбъ съ стала̀:
А тамъ идéть систра̀ мая̀, систра̀ мая̀!
Нихай ина сама идéть, сама идéть,
А то сваи́хъ дѣтакъ вядéть, дѣтакъ вядéть!"
— Ты, бра̀титка, ни пужа̀йся, ни пужа̀йся,
Съ хлѣбамъ-сольлю ни хава̀йся, ни хава̀йся:
Я учбра вячэ́рыла, вячэ́рыла,
А сягóньня пабѣдала, пабѣдала,
Я й сягóньня пабѣдала, пабѣдала,
Къ брату ў гóсьти паѣхала, паѣхала!

—

Систра брату пирогъ даéть, пирогъ даéть,
А братъ сястру̀ дамóў завéть, дамóў завéть:
„Паѣдимъ, сястры́ца, ра̀замъ дамóў, ра̀замъ дамóў!"
— А мой бра̀титка, мнѣ й тутъ дабро̀, мнѣ й тутъ дабро̀!

—

Въ чы́стымъ поли карчóмка стаи́ть —
Дума̀ шъ мая̀ й дума̀, дума̀ мая̀ вяли́кая!
У тэй карчóмца тры бра́титки пьють, (припѣвъ)
Тры бра́титки пьють, пьють и гуляють.
Першый бра́титка ша́пачку прапи́ў,
Шапачку прапи́ў, вы́шаўшы, гóйкнуў.
Другій бра́титка коника прапи́ў,
Коника прапи́ў, вышаўшы, свúснуў.
Трэ́тьтій бра́титка жóначку прапи́ў,
Жоначку прапи́ў, ручки сащапи́ў.
Прышóў дамóўки, дѣтачки пла́чуть:
„Ой, татка, татка, гдѣ шъ наша мамка?"
— Ти́хутя, дѣтки, ды вы ни пла́чтя:
Вонъ ваша мати хýстычки мы́ить!
Пашли̇ дѣтачки матки глядѣти,
Идуть дамóўки, дѣтачки пла́чуть:
„Ахъ, татка, татка, гдѣ шъ наша мамка?"

— Ти́хутя, дѣтки, да вы ни пла̀чтя:
Вонъ ваша мамка тиля́ть заганя́ить!
Пашли дѣтачки мамки глядѣти,
Идуть дамóўки, дѣтачки плачуть:
„Ахъ, татка, татка, нѣтъ нашай мамки!"
— Ти́хутя, дѣтки, да вы ни плачтя:
Паста̀ўлю хатку навю́синькаю,
Прывяду̀ матку маладю́синькаю!
„Згары̀, татка, зъ новинькай хаткай,
Прапади, татка, зъ маладой мамкай:
Лѣ́пшая была̀ старая хатка,
Милѣйшая была̀ рóдная мамка!"
Дума̀ шъ мая̀, дума̀, дума̀ мая̀ вяли́кая!

—

Ды ў гарóдя ялѝначка,
Ды за гарóдамъ сóсна,
Хоть я пяю, висялюся, —
Майму̀ сэ́рдачку тóшна?
Злыя люди и суседи

На мянѐ налига́ють,
Зямлю̀ маю̀ па̀шынячку
Па загóну разганяють,
Дѣтакъ майхъ малю́синькихъ
Па сусѣдяхъ разбирають.

Д. Заулки, Диснен. у. Отъ кр. Ѳедосьи Казимiровой, Магдалины Тимофеевой и Елисаветы Степановой зап. кр. Степанъ Пилипенокъ.

II. Свадебный обрядъ.

А. Витебская губернія.

Витебскій уѣздъ.

Молодой парень, задумавшій жениться, проситъ своего ближайшаго родственника или другого какого-нибудь уважаемаго человѣка быть его сватомъ. Наканунѣ воскресенья, поздно вечеромъ, они ѣдутъ сватать намѣченную дѣвушку. Войдя въ хату, они заводятъ посторонній разговоръ и среди него заявляютъ хозяевамъ, что пріѣхали купить у нихъ одинъ товаръ. Родители, конечно, догадываются, о какомъ товарѣ идетъ рѣчь, и если ничего не имѣютъ противъ жениха, то стараются продлить посѣщеніе свата. Тогда сватъ косвенно спрашиваетъ согласія у дѣвушки. Послѣдняя хотя бы и желала принять предложеніе, обязана въ это первое посѣщеніе сватовъ отказать имъ,—иначе „ее люди асу́дютъ“.

Чрезъ недѣлю сваты пріѣзжаютъ вторично. Дѣвушка даетъ имъ понять, что она непрочь выйти за жениха замужъ. Тогда сватъ угощаетъ родителей привезенной съ собою водкой и снова уѣзжаетъ.

Пріѣхавъ чрезъ недѣлю въ воскресенье въ третій разъ, сваты требуютъ отъ дѣвушки „вѣрное слово“. Получивши его, они ставятъ на столъ свою водку, мать подаетъ на закуску яичницу и посылаетъ за родными „ны запо́ины, зыпивать мыладу́ху“. Всѣ пьютъ за здоровье дѣвушки, закусываютъ и поютъ:

Зыручи́ли дѣу́ку, Богъ намъ даў,
Протиў пынядѣлку, Богъ намъ даў!

Съ этихъ поръ парень получаетъ названіе „мыладе́нца“, а дѣвушка—„мыладу́хи“, а оба вмѣстѣ называются „мылады́ми“.

Въ четвергъ передъ вѣнцомъ сватъ съ молодецемъ ѣдутъ къ молодухѣ „съ пячонкый“, то есть вареннымъ мясомъ, и „съ чирави́ками“, въ подарокъ отъ жениха невѣстѣ. Снова приглашаются родные и знакомые, сватъ ставитъ на столъ привезенное мясо и водку, мать молодухи подаетъ яичницу. Невѣста садится около свата, который долженъ ее угостить водкой и мясомъ. Это называется „зыка́рмливать мыладуху.“

Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу невѣсту одѣваютъ въ лучшее платье, потомъ берутъ хлѣбную дежу, ставятъ ее посреди хаты, застилаютъ вывернутою шерстью вверхъ шубой и на нее садятъ невѣсту. Подруги невѣсты „быя́рки“ расплетаютъ ей косы, причесываютъ и убираютъ голову цвѣтами и лентами. Послѣ этого ведутъ ее за столъ, стоящій ближе къ порогу. Здѣсь, за столомъ, посрединѣ садится не-

вѣста, по сторонамъ боярки, а противъ нихъ, по другой сторонѣ стола, „вечерники“, то есть братья невѣсты. Предъ невѣстою кладутъ на столѣ хлѣбъ, ставятъ овесъ, и ждутъ жениха.

Женихъ пріѣзжаетъ обыкновенно часа въ четыре ночи и остается на дворѣ. Въ хату же идутъ его „маршалки“, „намѣстники“ и „дружина“. Здѣсь они одариваютъ деньгами боярокъ и вечерниковъ и тогда приводятъ въ хату жениха. Женихъ идетъ за столъ къ невѣстѣ и тамъ ихъ „перекручиваютъ“ три раза другъ съ другомъ, послѣ чего, съ музыкою впереди, ведутъ за другой столъ, стоящій на кутѣ. На главномъ мѣстѣ, подъ образами, садится старшій сватъ жениха. Своею водкою онъ угощаетъ присутствующихъ, а затѣмъ сватъ и отецъ жениха „жéнютъ гарэ́лку“, то есть до трехъ разъ сливаютъ свою водку въ общую чашку. Послѣ этого мать невѣсты приноситъ на вѣкѣ хлѣбной дежи куски полотна, называемые намётками, и одариваетъ ими каждаго изъ дружины жениха. Тѣ за это кладутъ ей на крышку деньги. Затѣмъ всѣ встаютъ изъ-за стола. Женихъ и невѣста становятся предъ образомъ на колѣни и молятся. Одновременно молятся и всѣ присутствующіе. Затѣмъ молодые съ боярками и дружиною уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Оставшемуся свату теща подаетъ яичницу, а сватъ приглашаетъ ее, тестя и членовъ семьи къ столу и угощаетъ ихъ остатками привезенной водки. Затѣмъ сватъ уѣзжаетъ домой.

Послѣ вѣнца молодые съ дружиною и съ музыкою заѣзжаютъ по пути въ какой-либо постоялый дворъ, бывшую корчму и т. п. и тамъ завтракаютъ. До вѣнца же женихъ съ невѣстою обязательно должны поститься. Во время завтрака бываютъ и танцы.

Послѣ завтрака молодые разъѣзжаются по своимъ дворамъ и тамъ каждый въ отдѣльности „гуляютъ висéлья“: пьютъ, закусываютъ, танцуютъ. Вечеромъ приглашаются родныя и знакомыя женщины „на кырыва́й“. Идя въ домъ, онѣ несутъ съ собою сало, муку, крупу, овесъ, и дарятъ это хозяйкѣ дома. Та угощаетъ ихъ водкой. Послѣ этого женщины начинаютъ „утваря́ть кырыва́й“, причемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

А чія то матка Мятелицу то́пчить,
Па ву́лушки хо́дить, Сусѣдушыкъ про́сить:
Мя́телицу то́пчить? „Сусѣдушки май, хади́тя ка мнѣ,
Ганулькина матка Къ маймý дитяти,
Па ву́лушки хо́дить, Кырыва́й учиня́ти!“

Эта же пѣсня, съ соотвѣтственными измѣненіями, поется и въ домѣ жениха

Затѣмъ каравайницы зовутъ мать и поютъ:

Выслави, мати, Ру́чкыми биле́нькыми,
Ды сваймý дитя́ти Съ пирсья́ми зылатéнькыми!
Кырыва́й учиняти,

И несутъ тѣсто на печь. Потомъ садятся въ рядъ, и долго и много поютъ пѣсни нескромнаго содержанія. Послѣ этого берутъ тѣсто съ печи, мѣсятъ его и снова ставятъ на печь. При этомъ поютъ:

Расьтй, расьтй, кырывай, Вы́шы пе́чи зылато́й,
Вы́шы стылпа̀ мидя́ныга, Вы́шы на̀шые мыладо́й.

Когда тѣсто подойдетъ, берутъ его въ третій разъ, размѣшиваютъ, и лѣпятъ разныя фигурки, по двѣ вмѣстѣ; потомъ всѣ эти фигурки соединяютъ щепочками въ одинъ общій каравай. При этомъ поютъ:

А нашъ гыспыда̀рь у бабрэ́, А гаспады́нька у ли́сыхъ,
Прынясе́ть гарэ́лки у вядрэ́, Прынясе́ть закуски у ми́сыхъ.

Хозяева ихъ угощаютъ. Потомъ хозяйка приноситъ лопату и посыпаетъ ее овсомъ. Каравайницы кладутъ тогда на лопату заготовленный каравай и поютъ:

Купцы ѣдуть изъ Мигилёва,
Зылаты́й абру́чъ вязу́ть,
Ны нашъ кырыва́й кладуть.

При этомъ раскатываютъ тѣсто на подобіе обруча и кладутъ на каравай. Тогда два молодыхъ парня берутъ лопату съ караваемъ и сажаютъ его въ печь, а лопатой стучать въ потолокъ для большей „фаты́ги". Послѣ этого караванницы берутся за руки и пляшутъ, припѣвая при этомъ плясовыя пѣсни и припѣвки—частушки.

Когда каравай испечется, его вынимаютъ изъ печи, кладутъ на вѣко хлѣбной дежи и передаютъ двумъ или тремъ парнямъ, которые несутъ его въ амбаръ. Караваиницы идутъ вслѣдъ и поютъ:

Пыта̀уся кырыва̀й у пиряпе́чи: У малыя дьве́рцы ня у̀лѣзу,
Куды сьте́шка да клѣти? А у̑ виликія якъ шы́ю (шью).
А я и рыга́ть и быга́ть,—

Поставивъ въ амбарѣ каравай, пьютъ тамъ водку и, возвращаясь въ хату, поютъ:

А мы были у̑ клѣти, Пива пивни́цы,
А ви́дили тры рэ́чи: И мёду шкляньни́цы!
Сыру пали́цы,

Теперь начинается самая свадьба. На столъ кладутся четыре булки хлѣба, по возможности крестообразно. Отецъ невѣсты (или жениха) и сватъ становятся по концамъ стола, берутъ въ каждую руку по булкѣ и ударяя одну о другую, говорятъ другъ другу: „Сьтириѓайся, сватъ, а то я тябе убью!" А другой отвѣчаетъ: „Гляди, ты сьтириѓайся: а то я тябе убью!" Этотъ діалогъ повторяется три раза. Затѣмъ на лавкѣ за столомъ разстилаютъ вывернутую шубу, садятъ на нее невѣсту и начинаютъ ее надѣлять: сначала родители, потомъ родственники, наконецъ и всѣ присутствующіе. Каждаго изъ надѣляющихъ отецъ угощаетъ водкой. Послѣ надѣла ужинаютъ, а затѣмъ танцуютъ и поютъ въ ожиданіи жениха.

Когда пріѣдетъ женихъ, невѣста снова садится на вывернутую шубу, но за столомъ, который ближе къ порогу; боярки и вечерники занимаютъ возлѣ нея свои обычныя мѣста. Изъ дружины жениха сначала входятъ только два свата; они несутъ свою шубу и выкупаютъ невѣсту у боярокъ и вечерниковъ. Выкупивши, одинъ изъ сватовъ обмахиваетъ невѣсту два раза своею шубою. Боярки въ это время поютъ:

Сьтириѓа̀йтися, бвя́ры, Ашъ ина лятѝть съ падпо́лья.
Лятѝть шуба съ-пыдъ гря́ды. Кали шъ аве́чча—атки́нимъ,
А мы шъ ду́мыли—сабо́лья, А кали сабо́лья—накры́имъ!

Сватъ обмахиваетъ невѣсту въ третій разъ и накрываетъ ее. Затѣмъ сваты уходятъ на дворъ, ставятъ свою дружину въ порядокъ, а жениха впереди, и ожидаютъ. Мать невѣсты надѣваетъ шерстью вверхъ шубу, беретъ жестяную кружку съ водою, насыпаетъ въ нее овса и выходитъ въ сѣни на встрѣчу зятю, который стоитъ за порогомъ сѣней. Подойдя къ порогу, теща и зять „вита́ютца" другъ съ другомъ, то есть привѣтствуютъ другъ друга тремя поклонами. Потомъ зять беретъ у тещи кружку, бросаетъ ее назадъ черезъ голову и старается схватить тещу за руку и вывести ее на дворъ. Если ему удастся это сдѣлать, тогда женихъ съ дружиной идетъ съ музыкой вслѣдъ за тещей въ хату; въ противномъ же случаѣ „вита́ньня" начинается сначала, и дружинѣ долго приходится ожидать на дворѣ.

Войдя въ хату, дружина подводитъ жениха къ невѣстѣ, кружитъ ихъ три раза другъ около друга и ведетъ „за кутній столъ", гдѣ молодыхъ садятъ на вывернутую шубу, чтобъ богато жили.

Пріѣхавшимъ подается угощеніе. Послѣ этого начинаются танцы. За танцами снова слѣдуетъ угощеніе. Потомъ теща ведетъ молодыхъ въ отдѣльное помѣщеніе и тамъ угощаетъ ихъ особо лакомствами. Послѣ новыхъ танцевъ начинается обѣдъ, который тянется нѣсколько часовъ. Молодежь снова начинаетъ танцевать, а потомъ невѣсту садятъ за столъ съ сватьями, и теща каждую сватью даритъ наметкой. Сватьи вскакиваютъ на лавки, плещутъ въ ладони и поютъ:

Динькýю, сватька, динькýю А што то́нинька пряда̀ла,
Зы намётычку танкýю, А што бѣлинька бяли́ла,
А што ранинька устыва́ла, А мяне, сватьку, дарила!

Послѣ этого братъ невѣсты расплетаетъ ей косу, за что ему отпускаютъ въ рюмку съ водкой монету. Выпивъ водку, онъ вынимаетъ изъ рюмки монету и быстро вспрыгнувъ ня столъ, брызгаетъ въ лицо свату оставленной во рту водкой. Сватъ долженъ его наказать за это кнутомъ, который онъ держитъ для этого случая въ ру-

кахъ. Но по большей части ему это не удается, такъ какъ братъ невѣсты быстро спрыгиваетъ со стола и убѣгаетъ изъ хаты подъ общій хохотъ и насмѣшки надъ сватомъ.

Послѣ этого начинается „тревога“. Надо собираться везти невѣсту къ свекру. Мать снова ведетъ молодыхъ въ „истопку“ и тамъ еще разъ угощаетъ ихъ.

Вернувшись въ хату, молодые становятся на колѣни предъ образами и молятся. Потомъ кланяются земными поклонами отцу и матери и благодарятъ ихъ за хлѣбъ, за соль. Невѣста кромѣ того кланяется всѣмъ своимъ гостямъ.

Сватъ жениха выкупаетъ постель невѣсты и несетъ ее на телѣгу. За нимъ идутъ сватьи и поютъ:

Ня хлѣбъ мы ѣли—скари́нки,
Нясúтя, сватóчки, пяринки!
Ня хлѣбъ мы ѣли—паппýшки,
Нясития, сваточки, надушки!

Вслѣдъ за симъ ведутъ невѣсту, садятъ ее на телѣгу поверхъ постели и готовятся отъѣзжать. Мать невѣсты надѣваетъ въ это время вывернутую шубу, беретъ въ подолъ овесъ и обходя три раза вокругъ сидящихъ на телѣгахъ молодыхъ и дружины, обсѣваетъ ихъ овсомъ—чтобъ молодые богато жили. Потомъ она снимаетъ шубу и разстилаетъ ее шерстью вверхъ въ самыхъ воротахъ, чтобы молодые черезъ нее переѣхали, и креститъ, благословляетъ путь. Поѣздъ наконецъ трогается и невѣста бросаетъ на обѣ стороны своей телѣги баранки, которые подбираются присутствующими дѣтьми и старухами.

Отъѣхавъ съ четверть версты, сватъ останавливаетъ поѣздъ и возвращается назадъ. Здѣсь онъ беретъ миску и ложку невѣсты и несетъ на телѣгу. Тогда уже уѣзжаютъ.

Когда поѣздъ пріѣдетъ въ домъ жениха, родители его встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляютъ и ведутъ въ домъ вмѣстѣ съ дружиною. Здѣсь всѣ садятся за столъ и угощаются. Такія угощенія повторяются три раза; въ промежуткахъ между угощеніями происходятъ танцы. Въ это время пріѣзжаютъ и „вечерники“.

Въ концѣ пира свекруха уводитъ молодыхъ въ амбаръ и тамъ угощаетъ ихъ сладкой водкой—чтобы они любили другъ друга и чтобы жизнь ихъ была сладка, а затѣмъ оставляетъ одныхъ.

Спустя нѣсколько часовъ молодой съ дружкомъ берутъ бутылку красной сладкой водки, перевязываютъ бутылку красной лентой и ѣдутъ къ тестю. Тутъ женихъ благодаритъ тещу за дочь и угощаетъ сладкой водкой. Теща перевязываетъ зятя полотенцемъ черезъ плечо.

Когда женихъ уѣдетъ, приданки приготовляютъ кубелъ съ приданымъ и везутъ его къ молодымъ съ пѣснею:

Щибячѝ, сылавей, щибячѝ,
Намъ дарóжиньку укажи
У тóя сялò висялò,
У тóя пахмельля, дѣ мётъ пьютъ,
У тоя вясѐльля, дѣ насъ ждутъ.

Когда привезутъ приданое, молодую переодѣваютъ въ женскую одежду, снимаютъ вѣнокъ съ головы и надѣваютъ чепчикъ. Молодая при этомъ упрямится, нѣсколько разъ срываетъ съ головы чепчикъ и бросаетъ. Молодой долженъ поднимать его.

Переодѣвши молодую, накрываютъ ихъ обоихъ полотномъ и ведутъ къ гостямъ. Гости садятся за столъ, а молодые становятся въ концѣ стола и угощаютъ гостей. Приданки въ это время застилаютъ столъ чистой скатертью, вынутой изъ кубла невѣсты, навѣшиваютъ на образа ея полотенца.

Приданокъ надо угостить три раза, послѣ чего онѣ уѣзжаютъ домой.

Тогда приглашаются гости и каравайницы „дѣлить каравай“. Этимъ свадьба и кончается.

Въ первый четвергъ послѣ свадьбы зять приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты, а въ слѣдующее воскресенье тесть приглашаетъ къ себѣ молодыхъ и родителей зятя. Этотъ обычай называется „перезовами“.

Пѣсня при отъѣздѣ къ вѣнцу.

Ня тёсынъ яваръ, ня тёсынъ,
Тольки хырошó вы́тисанъ,
При дарóжыньцы пыстынаўлёнъ,
Чирвóный кали́ный апсажóнъ,
Шэрыми зязю́лими апстаўлёнъ.
Ня вýчинъ мóлыдъ, ня вýчинъ,
Тольки хырашо прибярёнъ,
Мыладэй дѣвычкый пыдарёнъ.

При пріѣздѣ жениха съ дружиной.

„Стýкныла, грю́кныла ны дварѣ,
Выйди, мамухна, ти ни пу мянѐ?“
— Пы тябѐ, дачýшка, пы тябѐ,
Хочуть тябе, дачушка, и ўзя́ти!
„Скажи, мамухна, нимà дитяти,—
Пышла на вулку гуляти!“
— А зачимъ, ди́титка, илгати,—
Гэта шъ ты сяди́шъ у хати!..

—

У нашига дрýжа
Пысярёдъ двыра лужа.
Прилятѣли гуси
А зъ Бѣлинькый Руси,
Стали яны вадў пити,
Абъ лёдъ кры́льлимъ бити.
„А вы, гуси, вадў питя,
Кры́льлимъ лёдъ ня битя!“
Пріѣхыли госьти
Да съ чужэй жа валóсьти.
Стали яны́ вино пити,
Кýпки абъ столъ бити.
„А вы, госьти, вино пи́тя,
Кýпкыў намъ ня би́тя!“

Когда привезутъ приданое бѣдной невѣсты.

Рыгáтыя, быгàтыя
Сыма сабѣ пы́шна,
Худобушка лябёдушка,
Якъ у сади вишня.
Чіи кони ды каровы
Уси пыздыхали,
Маи жъ чёрныя бровы
Николь ни линяли.

Щербинская вол., Витеб. у. Запис. г-жа Пороменская.

Свадебныя пѣсни Витебскаго уѣзда.

Когда женихъ пріѣзжаетъ отъ вѣнца.

Ай, радъ, радъ Ванюшка,
Што у но́вый царко́ўки набываў,
На бѣлымъ рушничку̀ пыстыя́ў,
Дамну́тку за ручку пыдиржа́ў,
Зылатыя пярьстёнки пуминя́ў,
Кра́сныю Дамну́тку къ сабѣ ўзяў.

При отъѣздѣ молодого къ молодой.

Святи́уся ясёнъ мѣсицъ, святи́уся:
Ванюшка у батюшки праси́уся:
„Пусьти́тя мяне, батюшка, на ўсю [ночь,
А къ абѣду я ныза̀ть пріѣду:
Привязу̀ скрыню и нярину,
И мыладую Ликса̀ндричку!“

Когда молодые за столомъ.

Сало́дкій каряшо́къ пастарнакъ:
Ёнъ у погриби зимава̀ў,
Ёнъ сабѣ мо́рквинку злюбава̀ў,
Любаваў, любаваў—сабѣ ўзяў!
Харо́шый дяти́на Мильля́нка: —
Ёнъ у те́щи начива̀ў,
Ёнъ себѣ дѣ́ўку злюбава́ў,
Любава́ў, любава̀ў—къ сабѣ ўзяў!

Когда везутъ молодую къ свекру.

Ни голубъ бучи́ть на мори,
Ни галу́бка у вазярѣ:
Кличить-гука̀ить Мильля́нка,
Ли ниравозу стоючи,
Ниравóзьничка просючи:
„Ниравозьничикъ маладэ́й,
Падай пяравозъ залатэ́й!
Я жъ табѣ до́рага заплачу̀:
За сябе малайца̀—чирванца̀,
За сваю дѣваньку сто рублей,
За свою дружы́ну—палти́ну,
За сватьтиньку—рубли́ну!“

При отъѣздѣ молодой къ свекру.

Ясная заря́начка,
Якъ зъ зо́рькай раста̀нитца,
Зъ мѣсяцамъ спатка́итца.
Пайду кала мѣсяца,
Тучкаю абаўю́ся,
До́жджичкамъ абальлю́ся.
Зъ зорьками растанусь,
Зъ мѣсяцамъ спатка́юсь.
Маладая Палане́йка,
Якъ зъ мамкаю раста́нитца,
Съ су́жанымъ спатка́итца.
Пайду̀ кала сто́лику,
Ко́сками апущу́ся,
Слёзками абальлю́ся.
Зъ мамкай раста́нуся,
Съ сужанымъ спатка́юся.

При пріѣздѣ молодого къ тещѣ.

Чиризъ боръ тёмнинькій
Ѣхаў Мильля́нка пъяниинькій.
Хмель яму̀ галóўку разабра̀ў,
Конь яму̀ шубыньку разадра̀ў,
Пухавую шля́пыньку растапта̀ў.
Зачу́ла-пачу́ла дѣванька:
„Ня тужъ, ни бяду́й, Мильлянка!
Ёсь сь чаго шубыньку пашы́ть,
Ёсь за што шапыньку купить!
Мы сыщимъ краўца̀ да до́му,
Пашы́имъ шубыньку да до́лу,
Даўгі́я рука̀ўцы да па́льцыў,
Бабро́вый каўне́ръ на плечки!“

При врученіи невѣстѣ подарковъ отъ жениха.

А Мильля́нка па̀намъ быў!
Ёнъ у гради вянóкъ виў,
А у новымъ гради завива́ў.
Купляли мищанки—ни прада́ў,
Ёнъ сваёй Палане́йки да́рма [адда́ў:
„Наси, мая Палане́йка, здаро́ва,
Ни скажу табѣ ни слова!“

Предъ отъѣздомъ къ свекру.

Катилася заряначка зъ заморья,
Прасилася Палане́йка зъ засто́льля:
„Пусьти, пусьти, мой сужанька, зъ застольля,
Паглядѣть на та̀ткина падво́рья!“
— А была жъ табѣ ўся нядѣлька привольна,
Было́ глядѣть на таткина падворья!
С. Старое.

Передъ свадьбой.

Ай, во́синь, во́синь,
Сватоў па во́симъ,
А ка мнѣ ни во́дныхъ.
Кабъ яны̀ праби́лиси,
Пры мянѐ забы́лиси;
Кабъ яны паги́нули,
Якъ мяне наки́нули.
Я го́ря ныбра́лыся,
Ў по́ля ныганя́лыся,
Сыба́къ ныма́нилыся,
Ма́льцыў ныдражни́лыся!
—

При возвращеніи отъ вѣнца.

А хула́ жъ табѣ, Бо́жа,
Што насъ пывиньча́ли,
А мы попа̀ ашука́ли,
Дёшыва за шлюбъ да́ли:
Зы свайго̀ мыладо́га
Пуўтыра̀ зылато̀га,
Зы сваю мыладу́ю
Капѣйку зылату́ю.

—

Ѣхыла Адарка зъ-пыдъ винца̀,
Пуска́ла зо́лыта зъ рукыўца̀,
А за ей бра́тилка пыдбира́ў,
Гыря́чыи слёзыньки прылива́ў.
„Пыдбира́й, бра́тилка, пыдбира́й,
Гыря́чыи слёзыньки ни тиря́й!“

—

Ай, ма́мынька мыя̀,
А ўжо̀ жъ я ни твыя̀.
А я таго̀ па́па,
Съ кимъ я пывиньча́на.

При пріѣздѣ жениха.

Кря́кнуў силязе́нь на мо́ры,
Отызва́лыся ву́тычка ў вазёры:
„Си́зыя мыя̀ гылава̀,
„Ни хачу̀ лятѣть съ азира̀,
„Зь е́стаго о́зира му́тныга,
„Зь е́стыга бе́рига кру́тыга.“
Кри́кнуў Сяргѣйка ны дварэ̀,
Атызва́лыся Адарка ў тирямѣ:
„Бѣдныя мыя̀ гылава̀,
„Ни хачу̀ ити́ сь тирима̀,
„Зь е́стыга тирима̀ но́выга,
„Ать свайго̀ та́тыньки ро́дныга.

Когда молодые за столомъ

Ны гарэ̀ дѣвынька садъ сади́ла,
Сади́ўшы садъ, гывары́ла:
„Ма́мынька, ро́дныя, пыливай мой садъ,

Пыливáй мой садъ зилянымъ винóмъ,
Абсыпай виныгрáдъ бѣлымъ сáхырамъ!“
— Дачýшка, раднáя, мыладэй рóзумъ:
Ты пальéшъ зéлинъ садъ гарючымъ слизáмъ,
Абсынишъ виныгрáдъ кручынкыю.

—

На мóры гýсынька купáлыся,
А ў ие́ гýсыньки пытáлиси:
„Гýсынька, шэрая, ти зябнуть нóжки?“
— Штó жъ бы я, штó жъ бы я, ды за гусь былá,
Штобъ у мяне́ нóжыньки ны вадѣ зябли?
У камóри дѣвынька прыбирáлыся,
А ў иѐ дѣвыньки пытáлиси:
„Дѣвынька, мылыдáя, ти жаль мáмки?“
— Штò жъ бы я, што жъ бы я зы дитя̀ былà,
Якъ бы я, якъ бы я ни жалѣла мáмки?

При отъѣздѣ къ жениху.

Ай, хитёръ, мудёръ Сяргѣйка:
Па пóлю ишóў имглóю,
А на дворъ узыйшóў вадóю,
А ў сѣни улѣзъ жындарёмъ,
А ў хáту ўлятѣў сыкалóмъ,
Зыстáў дѣвыньку зы сталóмъ,
Рáзныи узóры шыючы,
Жáлысныи пѣсьни пяючы.
Рáзныи узóры пымишáў,
Жáлысныи пѣсьни пирыняў,
Крáсную дявицу къ сабѣ ўзяў.

—

По пути къ жениху.

Зыржáли кóники ны брадý,
Пачýли пагóню пызадỳ,
Што братъ зы сястрóй гóнитца,
Гóнитца, гóнитца, брóнитца:
„Пастóй, швáгрушка, ни ўижжáй,
Дамъ табѣ кóника варанцà,
Вярнѝ маю сястрыцу сь-пыдъ [винцà;
Дамъ табѣ кóника при красѣ,
Вярнѝ маю сястрыцу при касѣ;
Дамъ табѣ шáбильку при злóти,
Вярнѝ маю сястрыцу при снóти!

—

Лýгымъ—бéрыгымъ дудá йшлà,
Кылá 'блóжыйку цымбáлы,
У Сяргѣйки ны дварэ̀ пыстáли,
У Адàрки дарóжки пытáли.
„Пастóйтя, сватóчки, ня смѣю,
Пакýль винагрáдъ рассѣю,
Сúнiи васильки́ рыспашỳ,
Тады вамъ дарóжку укажỳ!“

При отъѣздѣ молодого за невѣстой.

Узвúўся рой, лятѣть хóчить
У сырый боръ на салóдкiй мёдъ.
Зладиўся Сяргѣйка, ѣхать хóчить
У тýю дарóжку у тóптынаю,
Па сваю дѣвыньку гадóвынаю,
А ў тýю дарóжку у бóйныю,
Па сваю дѣвыньку любóўныю.

—

По пути къ молодой.

Нашъ Сяргѣйка крóликъ,
Падъ имъ врóнъ кóникъ,
Къ сáду пыдъижжáить,
Пиряпёлыкъ стрыляить,
Пирялёлку у юшку,
Пе́рья ны падýшку,
Дѣвынька на слýжку.

—

Ни хатѣла зязюля
Узлѝ сóкола сядѣть,
Съ-пыдъ ягò крылà глядѣть.
Хуть ни хатѣла, ды сядѣла,
Зъ-пыдъ ягò крылà глядѣла.
Ни хатѣлыся Адарки
Кылá Сяргѣйки сядѣть,
Съ-пыдъ ягò шáпки глядѣть,
Хуть ни хатѣла, ды сядѣла,
Съ-пыдъ ягó шáпыньки глядѣла.
Яго шáпынька саббльля
Выводить Адарку зъ застóльля.

—

А дѣвушки, лябёдушки, чалóмъ вамъ:
Ти ни зылятѣла наша кýрычка вичарóмъ къ вамъ?
Нáша кýрычка знакóмая,—исъ хáхломъ!
А свáтьтиньки, лябёдушки, чалóмъ вамъ:
Ти ни зывязёна нáша дѣвушка вичарóмъ къ вамъ?
Наша дѣвушка знакóмая,—изъ вянкóмъ.

—

Чирявúчки тапỳ, тапỳ,
Бáтька кáжыть: „ящò куплю!“
Мáтка кáжыть: „трясца,—
Ляпúлыся прясьти!“
Зы мужукà ни пайдỳ,
Зы шляхтица, якъ трáпитца.
Шляхтицъ бýдить пытати:
„А ти ўмѣить чытáти?“
А я ўмѣла й забыла,
И ксёнжычку згубúла!

—

Кукувáла кукушка ў барóчку,
Прылажыўшы галóўку къ листóчку.
Ды кукувáўшы гыварúла: „Божа мой!
„Хто жъ маё гнязьдéчко рызарыть,
„Хто жъ май яéчки пыбярэть?“
— Рызырять гнязьдéчко кынюшкѝ,
Пыбярýть яéчки пыстушки!
Плáкыла дявúца ў святлúцы,
Ды плáчучы гыварúла: „Божа мой!
„Хтò жъ маю кóсыньку рысплятéть,
„Хто жъ яѐ лéнтами убярэть:“
— Рысплятéть кóсыньку брáтитка,
Убярýть устýшки падрýжки.

—

Лятѣла сарбка щикычà,
Палюбила Адарка смыркычà.
Пыляди-тка Адарка зы варшбкъ.
Сядить Сяргѣйка, якъ смарчбкъ
Пыляди-тка Адарка зы вакбшка,
Сядить твой Сяргѣй, якъ кбшка.
Наша дѣвушка панéнка,
А вашъ жанйхъ, якъ ваўнéнка,
Наша дѣўка мàкыў цвѣтъ,
А вашъ жанйхъ стàрый дѣдъ.

Мишковская вол.

Когда невѣсту садятъ на посадъ.

Ны гарѣ Марьютка садъ садила,
Сыдя садбчикъ, гыварила:
„Устывай, мамухна, ранёшынька
Пыливàй садъ частёшынька!
Ты ни пыливай, мамухна, вадицыю,
А пыливай, мамухна, сытицыю:
Атъ вадицы зѐлинъ садъ той тéминъ бýдить,
Атъ сытицы зелинъ садъ зилинѣть бýдить.

—

За варбтыми зѐлинъ садъ.
Нихто у тымъ сади ни бываў,
Адна Марьютка бывала,
Чирвону рожу садила,
Синіи высильки сѣила,
Гибкіи лàвычки масьтила,
Кырагбдъ дѣвычикъ садила,
Стàда гылубéй прiýчила.
А ѣхуў Иванька самъ-дисятъ,
Пусьтиў коника ў зелинъ садъ.
Чирвону рожу пытыптàў,
Синіи высильки пысырвàў,
Гибкiи лàвычки пылымàў,
Кырагодъ дѣвычикъ разыгнаў.
Стада гылубей пыстрыляў,
Мыладую Марьютку къ сабѣ ўзяў.

При пріѣздѣ молодого къ тещѣ.

Стýкнала, грýкнала на дварѣ,
Пыгляди, мамухна, ти ни пы мянѐ?“
— Пы тябѐ, дачўшка, пы тябѐ!
„Ай, умѣй, мамухна, аткызàть:
Скажы, мамухна, ў дварѣ нѣтъ,
А на синимъ мбри платьти пирéть“.

—

Ай пылъ, пылъ пы дарбзи,
Пылъ, пылъ пы дуброви.
Пылъ у поли пылýнтца,
Тамъ Гришутка ваюнтца,
Надъ имъ ягѐ брàтики дивýютца.
„Братцы шъ вы маи рбдныи!
А ни самъ я ваюсь,—
Гасподь Бохъ пыда мною,
Вбранъ конь пыда мною,
Настýлька пыдъ рукою!“

—

Шкода тибе, Настулька,
Што ты, хырашà,
Спулюбила Гришутку гылышà:
На чужымъ кбнюку гарцýить,
У чужыхъ ботикахъ танцуить,
У чужэй шàпыньки паклбны бьѣть,
Чужэй хýстынький слёзы трэть.
А пріѣхуўшы дамбў—шусь далбў:
Вынимай ласкýтьтя съ падкутьтя,
Вынимай лахмбтьтя съ подпбдья...

—

Ня гнися, ни ламися, калинъ-мостъ,—
Чиризъ тябѐ паѣдуть семсотъ ваивбдъ,
А Гришутка пыпярёдъ.
Нызадъ хýстынький мыхаить:
„Стбйтя, пастойтя, сватбўя:
Ти ў барў зязюля кукýить,
Ти ў лазѣ сылавéй щибѐчить?“
— А ни ў барў зязюля кукуить,
А ни ў лазѣ сылавей щибечить:
Ета шъ твая Настýлька пѣсинки паѣть.

При выходѣ изъ церкви послѣ вѣнца.

Ай радъ-радѐницъ Гришутка,
Што у нбвый царькбўки пыбываў,
На тонкихъ рушничкахъ пыстыяў,
Мыладýю Настульку за ручиньку пыдиржàў,
Зылатыи пярсьтёнки пыминяў.
Зылатбму пярсьтёнку змѣны нимà,
Намъ жа зъ Настýлькый сарбма нима.

Королевск. вол., Вит. у. Запис. А. Соколовская.

—

Въ дер. Чернятахъ, королевской волости, предъ надѣленіемъ невѣсты подарками „столбовой“ говоритъ слѣдующую рѣчь:

„Пакýль я ды стуўбà дабрàўся, увесь мой пасбў падраўся,
А пакуль узлѣзъ,—и другéй саўсимъ разлѣзъ.
Тры гады падъ лàўкай валяўся, на ету свадьбу спыдивàўся,
Семъ гадбў на печки пыдъ грядкыми каптѣў, на ету свадьбу хатѣў.
Міръ вясёлъ и домъ свящбнъ!
Въ етымъ дбми и хати ёсь атцы и мати,
Сёстры и братцы, видцы, павидцы, красныи дивицы и добрыи мыладицы,
И тыи бабылки, которыи ни маютъ ни карбўки, ни кабылки,
Ны сабѣ дроўцы нбсютъ, у Бога щàсьтя-дбли прбсютъ.
Гбсьтики сызвàныи, сыбрàныи, дальныи-прыѣжжыи, ближніи-прыхожыи:
Ближнихъ Бохъ прынёсъ, дальнихъ конь прывёзъ,
Кагѐ кабылка прывязлà, а кагѐ мамка на рукахъ прынясла!
Жбнычки—Божыи пчблычки!
Уси гучàли, крычàли—на еты-пъ часъ пумуўчàли:
Мылыдáя княгиня прбсить пѣсьню пычàть и ў звонки гусли зыйграть!
Панъ тысéцкій [1]), сынъ атéцкій, выявбда шляхéцкій!
Сядишъ ты ны кутѣ, якъ сбкулъ у гнязьдѣ,
Зырàми абгарадиўшысь, звиздàми анторкыўшысь!

---

[1]) Обыкновенно, крестный отецъ молодой невѣсты, распоряжающійся на свадьбѣ.

Пиридъ таббй зылатыи кубки зъ мядо́мъ, а я сяджў зы сухимъ стаўбо́мъ:
Жывотъ якъ до́шка, гылыва̀ якъ луко́шка,
Горла якъ трось, языкъ якъ кось!
Ти ни да́ли пъ винца, а на закуску блинца,
Горла прымачи́ть и языкъ паўчи́ть,—
Тады̀ пъ я ящо што-нибуть можа скыза̀ў бы!
Ни за етымъ ка́зымъ, а за тре́тимъ ра̀зымъ:
Блугуслави́тя мыладэ́й княгини пѣсьню пыча̀ть и ў зво́нки гусьли [зайграть!
Ни я васъ прашў, а мыладая княгиня про́сить, галѣ́уку кло́нить!

Всѣ присутствующіе отвѣчаютъ: „Богъ блугуслави́ть!“

Тогда столбовому даютъ два пирога. Онъ беретъ ихъ по одному въ каждую руку, плещетъ ими и поетъ:

Святый Кузьма-Димьянъ, скуй намъ свадибку!

Затѣмъ всѣ поютъ:

Мѣсяцъ сына жэ́нить,
Зорынька дачкў аддае́ть!
Данилка сына жэ́нить,
Прасу́тка дачкў аддае́ть!
Данилка у ра́дысьти,
Прасутка у жа́лысьти.

Въ куринской вол. витеб. у. эта рѣчь говорится „на запивкахъ“ въ субботу вечеромъ. Текстъ ея здѣсь слѣдующій:

Паку́ль ды крывати дайшо́ў, тро́я шылуде́й знайшо́ў.
Пакуль на сто́лпъ узыбра́ўся, нысаво́къ мой пыдра́ўся.
Столпъ батька, печка матка! вы гряды, гряды, дайтя рады:
Якъ пѣсинку пыча̀ть, у скрипычку зыйграть, вичари́нки заве́сь!
У пи́ри вясёламъ, у доми свяще́намъ ёсь атецъ и мати,
Сёстры и бра́ты, и малыи рибя̀ты.
Тиха! Ти́хыя бисѣда на етый часъ, на е́тыю гади́ну!
Ни я шъ прашў, про́сять хызя̀инъ дымаво́й, хызяйка дымыва̀я, князь [мыладэ́й,
Сёрцымъ пако́рнымъ, галѣ́укай наклѐннай!
А вы шъ, госьтики сыбра́ныи, сызва́ныи,
Ближніи прихо́жыи, дальніи пріѣжжыи,
Каго̀ кабылка визла̀, каго матушка несла̀,
А хто бо́кымъ катйўся, на ета вясе́лика спяшы́ўся,
Семь лѣтъ у пыдла̀вычку выля́ўся и той на ета вясе́льля ныспяша̀ўся!
Ты панъ тысе́цкій, выявода шляхецкій!
Сяди́шъ ты ны кутѣ, якъ со́кылъ ны гняздѣ:
Зо́рими абгырадйўся, во́балакамъ пыдпысаўся, мѣсяцымъ накрыўся.
Сяди́шъ ты зы тясо́вымы сталами,
Зы ярыми свичами, зы бильча̀стыми скатирти́ми,
Зы разными закусками, зы разными напитками:
У васъ на лѣвый стыраны̀ идеть ви́нныя рика̀, по правэ́й гарѣлышныя,
А я сяджў, бидьня̀га, зы сухимъ сталпо́мъ!

Жывотъ мой якъ до́ска, а гылыва̀ якъ лукошка,
Зубы якъ трось, языкъ якъ кось.
Ни магў гывари́ть, маё го́рла бали́ть,
Капъ пыднясьлѝ ча̀рычку винца̀, а ко́ўшычикъ пиўца̀:
Ящо пъ пару словъ прибавиў.
Кыда̀ есь слу́ги—слугамъ (творит. множ.) пыдашлѝ!
А нѣтъ слухъ—самъ пыдняся́!
Ня су́кны шумять, ня боты скрипять—
Такей гыспадинъ, якъ и я!...

И поетъ:

„Святэ́й Кузьма—Димьянъ, ску́йтя свадипку намъ!“

На вечеринкѣ же въ субботу поютъ родителямъ невѣсты:

Ни сядѝ, бабрѝща, у крутымъ би- [рязѣ,
Вынасѝ трусо́чикъ ны биряжо́чикъ!
„Ни сяди, Якупка, у бясѣди,
Сурюжа́й свадипку Кулинкину!“
— Мнѣ ня вѣкъ викува́ть—
Свадьбу сурюжа́ть:
Нывар̀ю я пива де́вить варо́ў,
Дисятый варъ гарэ́лки станъ!
„Ни сядѝ, Алёнка, ў бясѣди,
Сурюжай свадипку Кулинкину!“
— Мнѣ ня вѣкъ викува́ть—
Свадипку сурюжа́ть:
Нынякў пирагóў девить пячей,
Дисятую печь—пиряпе́чинку.

Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

А ў суботку по́зьнинька,
А ў нядѣльку ра̀нинька
Попъ на ю̀трирю зво́нить,—
Дяўчо́нка вянок у́еть.
Мала стала кра̀сычикъ,
Пысыла̀ла татухну
У зе́линъ лухъ пы кали́ну.
Та̀тухна бли́жы—
А калинка—вы́шы,
Татухна приступа̀ить—
Калинка атьтьвита́ить.
Пысылала мальчишку
У зе́линъ лухъ пы кали́ну,
Пы сало́ткую малину.
Мальчишка ближы,—
Калинка нижы,
Мальчишка приступаить,
Калинка расьтьвита́ить.

—

А ў сади, ў сади, въ агаро́ди,
Схува́лысь дяўчо́нка у краскыхъ.
Искала ма̀мухна—ни нышла̀,
И зыпла́кыўшы у дворъ пышла̀.
А ў сади, ў сади, въ агаро́ди,
Схувалысь дяўчо́нка у краскыхъ.
Искаў мальчишка и нашо́ў,
Ёнъ зъ радысьти у дворъ пашо́ў.

Когда ѣдутъ къ вѣнцу.

А ўда̀рьтя у два званы̀, у кы- [лыкалы̀.
Сади́тись, свато́ўя, ўси на ко́ни:
Паѣдимъ, сватоўя, у новый го́рытъ,
А ў новымъ го́рыди дильбо́ў дѣлють:
То таму́, то сяму́ па ко́нику,
На́шыму мальчи́шки ўсё налу́ччіи.
Паѣдимъ, сваточки, ў нову царь- [ко́ўку.
А ў новый царько́ўки дяльбо́ў дѣ- [лють:
То тамў, то сямў пы дяўчонки,
А нашыму мальчишки ўсё на- [лўччіи.

Когда ѣдутъ отъ вѣнца.

Ѣхыла дяўчонка съ-пыдъ винца̀;
Рассы̀пыла зо́лыта зъ рукыўца̀,
Звала мамухну пыдбира̀ть
Ны тисо́вую ла̀вычку,

—

Звичари́лыся ны дварэ́,
Спазни́ўся мальчишка у дварэ̀,
А яго́ дяўчо́нка даўно̀ жджѐть.
Пысла́лы-пъ паслы̀—ня сьмѣю,
Нысисалы-пъ письмо—ня ўмѣю,
Сыма́ бы пышла̀,—баю́ся,
Ны шалко́вую ни́тычку.
„А вой, дачу́шка,—ня ўви́жу,
Зы жа̀лыстью ни магу̀!"

—

До́ўгыя даро́шка—ўстамлюся.
На тый даро́ги старо́жа.
Тая мянѐ старо́жа сыйма́ить,
Па русый касѣ́ узнаить.
Была ета косынька пыдъ вянцо́мъ
Съ разуда́линькимъ мылайцо́мъ.

Куринская вол.
Запис. г. Эсьманъ.

—

Начинальная.

А святый Кузьма-Димьянъ,
Скуй намъ сва̀дибку, сужо́ную,
[ряжо́ную!
Мая̀ свадибка суряжо́ная,—
Я никла̀ нирагбу̀ дѐвить пе́чикъ,
А дисятую прыжэ́ньчикыў,
Я вариў девить ва́раў пива.

Сиротѣ.

А Сахве́йкинъ та татка,
Ёнъ прасѝўся у Бога,
Да и ў Духа свято́га:
Атпусьти минѐ, Божа,
Да и съ неба на землю,
Па зилѣ́зназнаму пруточку,
Па шаўко́ваму платочку!
Яму̀ Бо́жынька гаворить:
Я и ўчёра тамъ быў,
На вако́шычку сидѣ́ў,
И ў вако́шычка глидѣ́ў:
Прыбярёна Сахвейка, якъ на-
[ня́тка,
Пысажо́на, якъ дитя́тка,
Баслаўлёна, якъ сиротка.

—

Кукува̀ла зязю́лька ў садочку,
Прилажы́ўшы гало́ўку къ лис-
[точку:
„Було́ ў минѐ гниздѐчка савѝта,
Було̀ ў мине нѐчка знясёна,—
Атку́ль узяўся сызый арёлъ,
Ёнъ маё гниздѐчка раскапа̀ў,
Ёнъ маё нѐчка раздуўба̀ў!
Плакала дяви́ца ў святлѝцы,
Прилажыўшы гало́ўку къ баж-
[ни́цы:
Быў у минѐ вяно́чикъ савѝтый,
Былѝ ў мине́ падру́жки сабра̀ны,
Атку́ль узяўся Григорка,
Ёнъ мой вяно́чикъ разарва̀ў,
Ёнъ майхъ падру́жыкъ разагнаў,
А минѐ младу къ сабѣ ўзяў!

Сиротѣ.

Пахадѝ, Сахвейка, па ха̀таньки,
Пагляди, Сахвейка, па ро́динки,—
Ти ўся ро́динка собра̀лася?
А ўся ро́динка сабра̀лася,—
Тольки нѣтъ ро́днага татки,—
Замкнуўся татка ў три замо́чки:
Первый замо́чикъ—бѣлый гра-
[бо́чикъ,
Другíй замочикъ—жо́ўтый пя-
[со́чикъ,
Третíй замочикъ—траўка му-
[раўка!
Узьнимѝтися, бу́йныя вѣ̀тры,

Прайдѝтя, дробныя до́жджы,
Размы́йтя жо́ўтыя пяскѝ,
Аткры́йтя грабавы́и до́ски,
Узьними́тя майго́ татку!
Буду сваёй ро́динки кла̀нитца,
Буду свайго̀ та̀тухну тя́митца!
Усю сваю́ ро́динку прайшла,—
Ро́днага та̀тухны ни нашла.
Гало́ўка жъ мая̀ въ вяно́чку,—
Нѣтъ майго̀ та̀тухны ў дамо́чку;
Галоўка мая̀ у цвѣти,—
Нѣтъ майго татухны у сьвѣти!

Сиротѣ.

Ўступила Сахвейка на паро́гъ,
Махнула ху́стынькый напярёдъ:
Раступѝтися, ввесь народъ,—

—

Диўная тая бярёза, на приво́лійку стая́ла,
Ўсихъ къ сабѣ̀ пта̀шычикъ збирала.
Мижа пташычикъ зязюлька, сильна-жа̀ласна кукува̀ла.
Диўная тая камбра, пасярёдъ ры́нычку стая́ла,
Ўсихъ къ сабѣ дѣвачикъ збирала.
Мижа дѣвачикъ Сахвейка сильна-жа̀ласна плакала

—

Ни стриля́й, Григорка, ў щирый боръ,
Ты жъ стриляй, Григорка, къ тѐщи на дворъ!
А ў тещи на дварэ̀ три старо́жыньки:
Першая старо́жа у варо́тахъ стайть,
Другая старо́жа пысярёдъ двара̀,
Трэ́тьтія старо́жа пиридъ ġа̀начкамъ.
Ласкавая тѐщухна пы сянёхъ хо́дить,
Бѣлага либидя̀ на рукахъ но́сить,
Шэ́рую у́тинку за сабо́й во́дить,
Бѣлую лябёдку на рукахъ но́сить.
Бѣлинькій либядёкъ Григорка,
Бѣлая лябёдка Сахвейка.

—

Заклапатѝўся Григорка,
А ў паўдаро́жки ўѣ́хавшы,
Падъ сасо́нкый сто́ючи:
„А сасо́нка-жъ мая̀ зялёная,
А гало́ўка-жъ мая̀ бѣдная:
Што маи коники ня пьють, ни
[ядуть,
Толька стоя ржуть?"
— Ни клапатѝся, Григорка:
Я твайхъ ко́никаў накармлю,
Па ра̀ньній расѣ̀ у вавсѣ̀,
А па вячѐрній расѣ̀ ў ичмяню̀,
На Дунай паганю̀—напаю̀,
У тисовую ста̀инку заганю̀,
Накладу сѣна ў калѣ́на,
Насыплю аўса̀ да паиса̀.

—

Катѝўся мѝсячикъ катѝўся,
Григорка у татки прасѝўся:
Пусьти мине, татка, на ўсю ночь,
Заўтри къ абѣ́ду прiѣду,
Привязу̀ скры́ньню й пяри́ну,
И маладу Сахвейку:
Табѣ, татухна, паслу́шка,
А минѣ татухна, жанушка;
Табѣ бу́дить пить падавать,
А минѣ бу́дить пасьтѐльку слать.

—

Ѣхаў Григорка на кані̀:
Милыи май шанкарѝ,
Ти ня вы пирявóзъ занялѝ?
Я за пирявозъ заплачу̀,—
Ўсё сваёй дружыны ни змачу̀!
Я за дружыну рублѝну,
Я за свàтьтиньку палти́ну,
За сябе малайцà чарванцà,
Я за сваю̀ жану тысячу!
Хуть я дóрага заплачу̀—
Сваёй дружыны ни замачу.

—

Тонкая диряўцó клянѝнка,
Ў лясу стая́ла, шумѣла,
Дарóгый ишла—звинѣла,
Къ варóтамъ пришла—гаварѝла:
Выйди, выходи, Сахвейка,
Пакажы клянѝнки дарóжку!
— Нéкали, клянѝнка, нéкали,—
Загадàў Григорка работу:
Баравы́я васильки садѝть,—
Чарвóную рожу щипàть,
Гибки лàвачки масьтѝть,
Тисовыи столики станавѝть.
Виномъ ку́бачки наливать!
Пріѣхуў Григорка самъ—дися́ть,
Пусьтиў кóникуў въ зелинъ
[садъ,
Конь тыи василькѝ пасарвàў,
Чарвоную рожу сыщипàў,
Гибки лàвачки патаптàў,
Тисовыи столички наватя̀ў.
Зъ виномъ ку́бачки пабярну́ў,
Красную Сахвейку къ сабѣ ўзяў.

—

Ай, тонка-тóнка сасóнка!
Аттагò тонка, што ў бару̀!
Служыў Григорка каралю̀,
Выслужыў заслугу дарагу́ю,
Варанóга каня̀ сь сядлóмъ,
Красную Сахвейку зъ вянкóмъ.
А мнѣ на канѝ ни вуювàть,
А съ Сахвéйкаю вѣкъ викувàть.

—

Хвалилася калина надъ рякóй: нихто минè ни дастàнить за вадóй,
Нихто маи́хъ суччі́йкаў ня'блóмить, нихто маихъ ли́сьтикаў ня'батрэть,
Нихто маи́хъ я́гадакъ ня'тщипне́ть!
А ўчуў жа ета зелинъ дубъ, на зялёной дубрави стóючи:
Я тябè, калина, дастану за вадóй, я тваё суччі́йка абламлю̀,
Я тваё ли́сьтійка абатру̀, и твою ягадку атщипну̀!
Хвалилася Сахвейка у татки: нихто минè ня вóзьмить атъ татки,
Нихто маёй красаты ня'батрэ́ть, нихто маёй натуры ни пирямѣнить!
А ўчуў жа ета Григорка, у татки на дварэ̀ стоючи,
На варапомъ конику сѣ́дючи:
Ни хвалися, Сахвейка, у татки: я тибе вазьму̀ атъ татки,
Я твою̀ красату̀ абатру̀, я твою̀ натуру пиримяню̀!

—

Хадила кóзанька па бару̀, прасúла ина сабóлю;
А такій-жа сякій сабóля, вывиди минè сы бóру!
Ужо-жъ минѣ у бару надаѣла,—
Шы́шками ножыньки скалóла, чащóй гля́зыньки вы̀драла!
Хадúла Сахвейка па двару̀, прасùла ина Григорку:
А такій жа сякій Григорка, вазьмѝ жъ минè атъ татки!
Ужо-жъ минѣ ў татки надаѣла:
Мéлинъ ру́чиньки атарвáў, карóмисилъ плечиньки атламàў.

—

Дѣванька на дворъ узъижжàла,
А ў иѐ мамухна патала:
„А ти громка званы̀ зьвинѣли,
А ти ярка свѣчи гарэ̀ли,
Ти гля́сна папы̀ сьпивáли,
Якъ васъ маладыхъ виньчали?“
— Ай, громка званы̀ зьвинѣли,
Ай, ярка свѣчи гарэ́ли,
Гля́сна папы̀ сьпивáли,
Щасьли́ва малады́и стая́ли!

—

Ѣхаў Григорка кала гаю,
Вы́скачиў заинька съ-падъ гаю.
Стаў ягò Григорка пужати,
Стаў яму̀ заинька пиня́ти:
„За што минè,Григорка, ганя́ишъ:
Ти я табѣ дарóжыньку пирябѣгъ,
Ти я табѣ кóникуў паўпу́диў,
Ти я табѣ дѣваньку пагу́диў?
— Пирябѣгъ дарожку шэ́рый
[воўкъ,
Паўпу́дили кóникуў жарябцы̀,
Пагу́дили дѣваньку малайцы̀!“

—

Разгарѣлася калина,
Пирядъ зóрію стóючи.
А тушы́ў витярóкъ—ни ўтушы́ў:
„А я тибе, калина, ни ўтушу̀,—
Уту́шыть, ня ўту́шыть драбёнъ
[дождж!“
Якъ расплакалась Сахвейка,
Пирядъ мáмухный стóючи.
А ўнимала мамухна, ни ўнилà:
А я тибе, дачу́шка, ни ўниму̀,
Гóршы жаласьти задаю,—
А ўпи́мить, ня ўни́мить Григорка!

—

Ай, бóрамъ, бóрамъ, барáми,
Ѣхали сватóўя ридáми.
Напирёдъ жа ѣхуў жанишокъ,
Назадъ шáпанькый махáя:
„Стóйтя, пастóйтя, сватóўя,
Ти ў бару̀ зязю́ля куку́ить,
Ти ў лазѐ салавей щибéчить?
Ета мая̀ дѣванька плачить,
Тонкую кашулю шы́ючи,
Яркую свѣчу̀ пáлючи,
Тёмную ночиньку прóсючи:
Тёмная ночинька, стой, пастóй,
Ярая свѣчинька пасьвятѝ,
Григорку кашульку паспяшы̀:
Кала вбрата зóлата,
Кала пóдала сéрибра,
Кала каўнирѐ чорный шоўкъ!“

—

Кати́ўся я́блачакъ са гóрья,
Праси́лася дѣванька зъ застóльля,
Палидѣ́ть таткина падвóрья,
Папатáть у мамки здарóўя!
— Быў табѣ вольный часъ ў
[суботку,
Сягóньни жъ у насъ нидѣля,
Кабъ ты ли мянѐ сидѣла,
Съ-падъ майгò рукава глидѣла.

—

У я́снага мѣсица три зóриньки:
Первая зоринька свитавàя,
Другая зоринька вичéрнія,
А трэ́тьтія палунóшница.
У нашага Григорки три сяестри́цы:
Первая сястрѝца кудри часàла,
Другая сястрица убирала,
А трэ́тьтія научала:
„Паѣдишъ у ноў гóрадъ жанитися,

Паста́вють табѣ трёхъ пане́накъ:
Первая паненка у зблати,
Другая паненка у се́рибри,
А трэ́тьтія ў чо́рнамъ шо́ўку.
Ни ква̀пся, Григорка, на золота, на се́рибра,
А квапся, Григорка, на чорный шоўкъ:
Зблата-се́рибра пулума̀итца,
Чо́рнаму шо́ўку змѣны нѣтъ.

—

А литѣў сако́ля чиризъ три бары̀,
Ў чатьвёртамъ баро́чку сѣў на дубочку.
А ў яго зязю́льки ната̀лися:
Што жъ табѣ, сако́ля, спудуба́ла:
Ти дубьё, ти сасбньня, ти бѣла бярёза?
— Ничога сакалу̀ ни ўпудуба̀ла:
Ни дубьё, ни сасо́ньня, ни бѣла бярёза, —
Пудуба̀ла со́калу шэ́рая зязю́ля!
А ѣхуў Григорка чиризъ три сялы̀,
Въ чатьвёртымъ сяло́чку стаў на дваро́чку.
А ў яго сва̀тьтиньки ната̀лися:
Што жъ табѣ, Григорка, спудуба̀ла:
Ти пива, ти вино, ти сало́дкій мёдъ?
— Ничо́га малайцу̀ ни спудуба̀ла, —
Ни пива, ни вино, ни сало́дкій мёдъ,
Спудуба̀ла малайцу красная Сахве́йка.

—

Григоръ зориньку упра́шываў:
Сьвяти̇̀, мая̀ зо́ринька, да свѣту,
Паку́ль я да тёщи даѣду!
— А я табѣ, Григорка, сьвяти́ла,
Якъ тибѐ мамухна радѝла,
Хади́ла па сянёхъ, якъ пава,
Радѝла Григорку, якъ пана.

—

А ни я́рка гарѝть лучинка,
А ни жалка пла̀чить Сахвейка,
Ни ражжа̀лила нико́га,
Ни свайгѐ та̀тухну ро́днага!
— Кали захачу̀, ражжа̀лю:
Выплиту уплёты зъ русыхъ косъ,
Павѣшыю уплёты ли клѣти.
Пѝйдить мой татка у клѣтку,
Ёнъ у клѣть идя̀, загля́нить,
А съ клѣти йдя, запла̀чить:
„Ета маёй дачу̀шки уплёты!
А ина жъ ихъ насѝла,
Мой дваро́къ красѝла,
Ўсю маю̀ симе́йку висялѝла!“

—

Ни хатѣлася зязю́ли,
Да ли со́кала сидѣти,
Съ-падъ ягѐ крылашка глидѣти.
Хуть ни хатѣла—сидѣла,
Съ-падъ я̀го кры́лашка глидѣла!
Ни хатѣлася Сахвейки
Да ли Григорки сидѣти,
Съ-падъ яго ша̀паньки глидѣти.
Хуть ни хатѣла – сидѣла,
Съ-падъ ягѐ ша̀паньки глидѣла!

—

Пирима̀начка па̀вачка,
Пирима̀нѝла павука̀
На сваё во́зира купатца!
А ни я жъ яго манила,
Ёнъ самъ прилятѣў купа̀тца,
Сваё дробная пе́рьйка,
Сваё сизая крылійка,
Да сваю̀ павѝную гало́ўку!
Пирима̀начка Сахвейка, —
Пириманѝла Григорку
На сваё висе́льля гуляти!
А ти я жъ ба ягѐ манила,
Ёнъ самъ па минѐ пріижжа̀ў,
Да на маё висе́льля гуляти,
Да на мой пярло́вый вяно́чикъ,
Да на мой шаўко́вый платочикъ,
Да на маю̀ русую ко́сыньку.

—

А ў поли на ку́пинки,
Тамъ сядѝть галу́банька,
Распусьтя̀ сваё кры́лійка,
Параня̀ сиза пе́рьйка.
Прилятѣў къ галу́бки сизый го-
[лубъ:
„Падама̀й, галу́бка, сваё кры́-
[лійка,
Падбирай, галу́бка, сиза пе́рьй-
[ка,
Палятёмъ мы съ табо́й на сѝня
[мо́ря,—
Да и тамъ галубы̀ слитаютца,
Насъ съ табо́й дажыдаютца!“
А ў тиримѣ за сто́ликамъ,
Тамъ сядѝть малада Сахвейка,
Распусьтя̀ русу ко́саньку,
Параня̀ дробны слёзаньки.
Пріѣхаў туды Григорка:
„Падама̀й, Сахвейка, русу ко́-
[саньку,
Утирай дробны слёзаньки, —
Паѣдимъ къ ро́дному татку!
Да и тамъ ро́динка зьижжа̀итца
Насъ съ табо́й дажыда̀итца!

—

Хадѝли галубы̀ па гарахо́ўю,
Ўси галубы̀ и пьють и яду́ть,
Только адѝнъ галубо́къ
Ни пье́ть, ня ѣсьть:
На сизую галу̀бку заглида̀итца:
Ўжэ жъ мая̀ галубка замѣчина,
У ей крылышка атсѣ́чина.
Сидѣла сватоу́я ўкругъ стала̀.
Ўси сваты и пьють и яду́ть,
Только адинъ Григоръ
Ня пье́ть, ня ѣсьть,
На сваю̀ Сахвейку заглида̀итца:
Ўжэ жъ мая̀ Сахвейка замѣчина,—
Руса каса̀ расплётина.

—

Пирабо́ръ, сватоу́я, пирабо́ръ,
Пираѣхали щирый боръ,
Заѣхали въ винный дворъ,
А винный жа дворъ Гаврилкинъ.
Тамъ вино дишаво́я,
Толька адна Сахвейка дарага̀я:
Касѝца иѐ сто́ить сто рублей,
Уплёты иѐ сто́ють тысячу,
Само́й жа маладо́й цаны̀ нѣтъ!

—

Я жъ табѣ, Сахве́йка, ти ни гаварила,
Я жъ твайму сирде́чку ти ни наравѝла:
Ни хади, Сахвейка, на висо́къ тярёмъ,
Ня слухай, Сахвейка, звонкихъ гу́силь!
Тыи тибѐ гу́сильки спадма̀нивають,
Атъ татки, атъ мамки атма̀нивають,
Къ чужому къ лихому прима̀нивають.

—

Хадѝла ко́занька па лука̀мъ,
А за ёй услядо́къ шэ́рый воўкъ:
„Хуть хадѝ, ни хадѝ, ко́занька,—
Быть табѣ, козанька, зъядёный:
А валя̀тца рага̀мъ па гара̀мъ,
А дробнымъ касьтя̀мъ па пис-[ка̀мъ,
Бу́йный галавѣ па травѣ!"
Хадѝла Сахвейка па двару̀,
А за ёй у слядо́къ Григорка:
„Хуть хадѝ, ни хадѝ, Сахвейка,—
Быть табѣ, Сахвейка, за мною,
А валятца винкамъ падъ ла̀ўкамъ,
Дарагѝмъ уплётамъ падъ gа̀н-[камъ,
Быть намётки на гало́ўки!"

—

Якъ крѝкнуў, гукну́ў баравѝкъ,
А ў бирёзьничку сѣдючи,
На бѣлую биля̀нку глёдючи:
„Сабира̀йтися, грибо́ўя!
Бу́димъ во́йнку вуюва̀ть,
А бѣлую биля̀нку къ сабѣ брать!

Якъ крикнуў, гукну̀ў Григорка,
А ў тещи на дварэ̀ сто́ючи,
На маладу́ю Сахве́йку глёдючи:
„Сабира̀йтися, свато́ўя!
Будимъ во́йнку вуювать,
Маладую Сахве́йку къ сабѣ брать!

—

Ѣзьдиў Григорка па лука́хъ,
А вазѝў со́кала ў рукавахъ.
Выпусьтиў сакала̀ зъ рукава̀:
А лятѝ жъ, мой сако́лъ, якъ [калако́лъ,
А ўдарь-жа крыломъ абъ ва-[ко́шка,
Скажы̀ Сахвейки добрую вѣсьть:
Што я на варано́мъ ко́ни гарцу́ю,
Зъ маладыми сва́тьтими танцую!
— А нихай добъ, здарбу̀ гуля́ить,
Пакуль жа минѐ ни ма̀ить!
А кали ёнъ минѐ дабу́дить,
Тады пра ўсё забу́дить,
И гарэ́лки пить ня бу́дить.

—

Предъ надѣломъ молодой.

А ти ёсь у рыбинки,
А ў Сахвейки ро́динка!
Падхадѝтя блѝзинька,
Надиля́йтя Сахве́ичку
Ни рублёмъ-палтѝною,
Залато́ю грѝўнаю!
А ёй многа на́даби, —
Ўсё масто́чки мастѝти,
Къ мамки ў госьти хадѝти,
А и ўсимъ платити!
Хто пашо́ў—вярнѝтися,
Хто засну́ў—прашнѝтися!
А другъ дружку вызваля́йтя,
Ўсё Сахвейку надиля́йтя!

—

Ахъ, ма́мухна мая̀, я ўжо ни твая̀,
Таго̀-сяго̀ пана, съ кимъ шлюпъ шлюбава́ла,
На ко́ўри стая́ла, Богу присягала.
А батюшка ру́ки звиза́ў стуло́ю,
А намъ вѣкъ жы́ти съ табо́ю!

—

Якъ будишъ, Машынька, къ винцу̀ ѣхать,
Ни забудь, Марьютка, къ татки заѣхать,
Растапчѝ ты тра́ваньку чирявѝчками,

Размачѝ ты жоўтый писо́къ слёзками,
Падынимѝ ты грабо́ву даску̀ ручками!
Узьнимѝтись сильныя маразы̀,
Змаразѝтя тра̀ўку-мура́ўку!
Узьнимѝтись сильныя дажджы̀,
Размачѝтя вы жо́ўтый писо́къ!
„Та̀тухна ро́дныинькій, ўстань на пара̀ду!"
— Дитя маё, дачу́шка—Богъ на параду!

—

Ай о́брамъ, о́брамъ, баро́чкамъ,
Ѣхали сваты рядо́чкамъ.
Ай рана-рана, рядо́чкамъ.
Малады̀й Хвёдарка напирётъ.
Стайить калина ли варо́тъ.
Стаў ёнъ калинку сѣчь-рубить,
Стала калинка гаварѝть:
„Ни сячѝ, ни руби калинки сажо́най, —
Маладо́му Хвёдару Гануля сужо́на!"

—

„Ни ляжы̀, бабрѝца, на крутомъ бирягу̀,
Тирябѝ даро́жку ў щирый боръ!"
— Ужо мая̀ дарожка пратирёблина,
Усё витьвё у грудъ зло́жана!
„Ни сядѝ, хазя́инъ, ў бисѣди,
Суряжа̀й сва̀дипку княгѝнькину!"
— Ўжо мая̀ сва̀дипка суружо́на:
Я ўжо варѝў пива девить варо́ў,
Дисятый варъ гарэ́лки малъ.

—

Го́сьти на дворъ ѣдуть,
Куры патъ печь лѣзуть.
Ни бойтись вы, куры, —
Ни многа васъ на̀да:
Семъ куръ на вячэ́рю,
А васьма̀я на пяче́ню,
Дивя́тая на сьнида̀ньня,
Дися́тая на тъижджа̀ньня,
Гуска на закуску,
Индѝчка на прикуску!
(Каждая строка поется по 2 раза).

—

А ў панидѣлакъ рана
Плакала маладая Сахве́йка:
Вада̀ мая̀ далёкая,
Го́ры мнѣ висо́кіи!
А ва ўто́рыкъ рана
Сьмія̀лася Сахве́йка:
Вада̀ мая̀ близкая,
Горы мнѣ низкіи!

—

А съ атро́ду ў свата ни бала̀,
Зъ мёдомъ гарэ́лку ни пила!
Сяду на кутъ надму́ся,
Зъ мёдамъ гарэ́лки напью́ся!

—

А на кимъ хустанька
Загарѐлася?
— Пусь гари́ть,
Ёсь каму̀ тушы́ть,
Ёсь у ёй малады́й мужъ,
Памакнéть хустаньку
Ў зилянѐ вино!

—

А литàли галубкѝ
Кала низу ў лóзыньки.
А сизыи галубкѝ
Ня'батри́тя ли́сьтійка,
Ня'блумàйтя су́чьчійка:
Ў минѐ лисьтійка лѣтьнія,
Ў минѐ сучьчійка зимнія.
А сидѣли падру́жки
Кала красный Сахвейки.
Памалéньку, падру́жки,—
Ня'батри́тя сéрибра,
Ня'блумàйтя золата:
Ў минѐ сéрибра тáткина,
Ў минѐ зóлата мáмкина!

—

„А вы, жоначки—лябёдачки,
Чалóмъ вамъ!
Ти ни залитѣла наша ку́рачка
Ўчирà къ вамъ?
Наша курачка златапёрачка
И съ хахлóмъ!"
— А вы, жоначки, вы лябёдачки,
Чалóмъ вамъ!
Ти ни заѣхала наша дѣвачка,
Ўчирà къ вамъ?
Наша дѣвачка чарнабрóвая
И зъ вянкóмъ!

—

А сватъ свата прóсить,
На рукахъ шапку нóсить:
„А свáтя, мой свáтя,
Пубувáй въ маёй хати!
Пубувáй въ маёй хати,
Пупивáй майгѐ пива,
Пувидáй майгѐ дива.
А ўкругъ хаты мята,
А ў хати багàта,
А ўкругъ хаты рóжа,
А ў хати пригóжа.

Бабиничская вол. Запис. мѣстный крест. Кондратьевъ.

Лепельскій уѣздъ.

Когда крестьянскому парню минетъ двадцать одинъ годъ и онъ отбудетъ воинскую повинность, родители его стараются выбрать ему разумную и зажиточную невѣсту, и засылаютъ къ родителямъ дѣвушки сватовъ. Родители дѣвушки назначаютъ день, въ который долженъ пріѣхать женихъ съ сватами для окончательнаго отвѣта, выдадутъ ли дочку за него, или откажутъ. Въ назначенный день сваты ѣдутъ съ женихомъ къ невѣстѣ. Здѣсь одинъ изъ сватовъ ставитъ на столъ привезенную водку, а родители невѣсты закуску, въ которой главную роль играетъ „яешня". Женихъ въ разговорахъ старается показать себя не глупымъ. Если родители дадутъ свое согласіе, то назначается день „заручинъ". На заручинахъ женихъ выбираетъ для себя нѣсколько шаферовъ „дружковъ", а невѣста подневѣстницъ, „боярокъ", „подружекъ", также шаферовъ „вечерниковъ" и сватей. Въ это же время назначается и день вѣнчанія, которое совершается у крестьянъ по большей части въ воскресенье. Иногда свадьба отлагается на большое время для полной „справки" въ хозяйствѣ.

При заручевіи невѣста плачетъ; боярки-же поютъ:

Ў нась сягодьня заручинки—
Богъ намъ даў! (2 раза)
Марьянка наша заручàитца—
Богъ намъ даў! (2 р.)
Яѐ татулька утишàитца—
Богъ намъ даў! (2 р.)
Яѐ маму́лька умиляитца—
Богъ намъ даў! (2 р.).

Заручины гуляютъ весь день. Въ день, назначенный для вѣнчанія, домъ невѣсты еще съ разсвѣта наполняется гостями. „Боярки" убираютъ невѣсту въ лучшую одежду; „вечерники" прикрѣпляютъ ей на голову вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, заплетаютъ косы и поверхъ головы набрасываютъ кисейную накидку. При одѣваніи, боярки поютъ:

На мóры вутка купалася,
Перъю сваиму̀ шѐраму дивавàлася:
„Перъя маё, пéръійка, ты шѐрынькая:
Ти бу́дишъ ты шѐра на вóзиры,
Якъ тяпéръ шѐрынька на си́нимъ моры?"
Марья́нка ў камóры вымавàлася,
Лицу сваиму̀ бѣламу дивавàлася:
„Лицо маё бѣлая, ты бѣлинькая:
Ти будишъ такъ бѣлинька у свёкарки,
Якъ тяпéръ бѣлинька у тáтыньки?

Уборъ жениха составляетъ обыкновенная новая крестьянская одежда, въ отличіе же отъ своихъ сотоварищей онъ прикрѣпляетъ къ груди или къ шапкѣ бѣлый цвѣтокъ. Каждый сватъ навязываетъ себѣ чрезъ плечо бѣлый „утираньникъ". Когда женихъ съ невѣстой и гости ѣдутъ въ церковь, боярки и сватьи поютъ:

Марьянка къ вянцу̀ ѣдить,
Доличка-жъ яѐ у варóтикахъ стаи́ть.
„Доля, мая́ доля! кали шъ ты добрая,
Кали шъ ты добрая, хади шъ ты са мной,
Кали шъ ты худая, (2 р.) плыви шъ ты вадóй,
Плыви шъ ты вадóй атъ мянé маладóй!"

Послѣ вѣнчанія молодые ѣдутъ изъ церкви въ домъ родителей невѣсты. По пути музыканты играютъ, а подружки съ сватьями поютъ:

А хвала шъ табѣ, Божа,
Што намъ удалося;
Што намъ удалося,
Пи́ва мёдамъ узялóся,
А гарѐлачка сыти́цаю,
А Марья́нка маладицаю.

Дома первый въ избу входитъ дружко; находящіяся въ избѣ дѣвушки поютъ ему:

Дружко ў хату лѣзитъ,
А ў печь паглидáитъ:
Ти вяликъ гаршóкъ кашы,
Ти подъядуть нашы?

Когда молодые входятъ въ избу, мать невѣсты встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ и солью; они кланяются ей до земли; она же благословляетъ ихъ; потомъ они подходятъ къ каждому находящемуся въ избѣ и всѣмъ кланяются. Послѣ этого всѣ садятся за столъ, молодые въ переднемъ углу передъ образами—„божницей". На столъ ставятъ всѣ заготовленныя кушанья. Музыканты играютъ свадебныя пѣсни. Прежде всѣхъ молодые, поцѣловавшись, пьютъ за здоровье другъ друга. Потомъ пьютъ всѣ по порядку съ различными тостами, какъ-то: „за здоровье молодого!" „за молодую!" и проч.

Послѣ этого начинается обыкновенное крестьянское гулянье. Въ срединѣ оно прерывается появленіемъ старухи-сватьи съ глиняной мисой въ рукахъ. Сватья обходитъ всѣхъ гостей, прося одарить молодую деньгами; подружки-же тогда поютъ:

Дитюкí, малóйчики,
Кладитя чирвоньчики!
Мущинки маладыя,
Кладитя залатыя!

Дѣвачки, панéначки,
Кладитя капѣички!
Жонушки, лябѣдушки,
Клади́тя намётачки!

Когда старуха подходитъ съ миской къ отцу молодой, послѣдняя, заливаясь слезами, поётъ:

Тату́лька мой рóдниньκій,
Дари́ мянè!
Отецъ: Дитя́тка рóдная!
Чимъ тябè дари́ть?

Она: Татулька мой рóдный,—
Хлѣбамъ и сóльлю;
И хлѣбамъ, и сóльлю,
Добрымъ здарóўямъ!

То же повторяется и передъ матерью. Подъ конецъ гулянья дружки дарятъ молодую, боярокъ и вечерниковъ деньгами или какими нибудь вещами; тѣ-же въ это время поютъ:

Ня гни́ся, дружко, ня гнися,
Клади́ чирвонцы на ми́си!

Послѣ надѣленія подарками дружки набрасываютъ на молодую „кожухъ", припѣвая:

Сьтирагáйтися, рабя́ты,—
Лятúть кажу́хъ съ-падъ грады!
А мы думали—авéчій,—

Лятúть кажухъ съ-падъ пéчи!
А мы думали—сабольлій, —
Лятúть кажухъ съ-падпóльля!

Потомъ боярки и молодая выходятъ изъ избы въ сѣни. Мать молодой одѣваетъ вывороченный кожухъ и выходитъ на дворъ. Молодой-же подъѣзжаетъ къ крыльцу и потомъ ловитъ тещу; когда поймаетъ ее, то она бросаетъ въ сторону зятя горсть овса; послѣ этого молодой цѣлуется съ молодою и идутъ въ избу; за ними слѣдуютъ всѣ гости. Сватья-же встрѣчаетъ на порогѣ сватовъ и поетъ:

Пати́ху, сваты, иди́тя,
Харóмаў ни лами́тя!
Харóмы ня я́ромы:

Столики тисóвыя,
Абрусы́ билёвыя,
Ку́бачки залатыя!

Всѣ вновь садятся за столъ и вновь принимаются за гулянье; сватья-же поетъ:

Су́ньтися, гось́ти, съ ку́та,
Я сама ся́ду ту́та,

Зъ дудою, зъ залатóю,
Зъ дружы́най маладóю!

Выйдя изъ-за стола, молодой съ молодухой и гости становятся попарно и начинаютъ танцевать, а сватьи танцуютъ на пустомъ столѣ, бьютъ въ ладоши и поютъ:

Дику́ю свату, сваťьти
За тонку намѣтку,
За нявѣсту лябѣдку,
Што рана ўставала,
Што тóнинька прáла,

Што гу́сьťинька ткала,
Бѣлинька бялúла,
Ўсихъ сватóў надялúла
И мянè сваťьку ни забыла.

Послѣ танцевъ сватья становитъ сватовъ въ рядъ и поетъ:

Станьтя, станьтя, маè сватóчки,
Уси ў рядъ!
Пакóťитца па нóжычкамъ
Винаградъ!
Я думала—винаградинка
Кóťитца,

Ажну жъ мая̀ братóвачка
Клóнитца;
Я думала—садавая
Макóўка,
Ажну маѐй братóвачки
Галóўка!

Потомъ новобрачные, распрощавшись съ родителями молодой, садятся съ гостями въ готовыя повозки или сани и ѣдутъ въ домъ родителей молодого. Здѣсь идетъ гулянье до поздней ночи.

На второй день въ домъ новобрачныхъ приданки везутъ приданое молодой. Когда приданки подъѣзжаютъ къ крыльцу, подружки молодой поютъ:

А выйди, Марьянка, на ґáнакъ,
Пагляди сваи́хъ придáнакъ:
Ти зязюлячки куку́ють,
Ти салавéйки щабéчуть?
Ни зязюлячки кукують,

Ни салавейки щабéчуть,—
Гэта маè дядюшки гóйкують,
Гэта маè тётушки пѣсьни пяю́ть,
На маѐй скры́нцы сѣдючи,
На маю́ старóнку глéдючи.

Когда приданки отъѣзжаютъ, молодая „голоситъ", приговаривая:

А прыдáначки, сястры́цы,
А вазьми́тя мянè съ саббóй,
А зави́тя мянè слугой!

А гдѣ вы бу́дитя начавáть,
Тамъ я вамъ буду слугавáть,
Пóўныя ку́бачки наливáть!

На третій день между новобрачными начинается обыкновенная крестьянская жизнь.

Несинская вол. Зап. г. Соколовскій.

Хто па стáинцы стучи́ть, гручи́ть рáнинька?
Малады́й Миколка коника ву́чить ранинька:
Кабъ высóка галóўку нёсъ,
Кабъ паťихóньку дѣвачку вёзъ.

—

Сядить голубъ на пираплёти, бобъ клюетъ.
А для яго галубка яго пшаничку.
„Ты клюй, да клюй, мая галубка, для мяне,
Пригарнетца тваё перынька да мяне!
Сядить Миначка за столикамъ, мядокъ пъетъ;
А для яго Маръичка яго сытицу.
„Ай пи, дакъ пи, мая милая, для мяне,
Прихинетца маё сэрданько да тябе!

Усайск. вол.

Дриссенскій уѣздъ.

Парень соглашается съ дѣвушкой раньше; дѣвушка назначаетъ день, въ который слѣдуетъ присылать къ ней сватовъ. Сваты пріѣзжаютъ къ родителямъ дѣвушки, расхваливаютъ жениха и семью, изъ которой онъ происходитъ, а также и хозяйство его родителей. Родители невѣсты однако же не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а обѣщаютъ лично побывать у жениха. Сваты уѣзжаютъ. Чрезъ нѣсколько дней отецъ невѣсты, съ ближайшимъ родственникомъ, ѣдетъ къ отцу жениха, осматриваетъ домъ, хозяйство. Если онъ находитъ возможнымъ выдать свою дочь въ эту семью, то послѣ осмотра садится за столъ и принимаетъ угощеніе отъ хозяевъ, послѣ чего уѣзжаетъ домой. На слѣдующій день сваты и женихъ пріѣзжаютъ опять къ родителямъ невѣсты за полученіемъ согласія; родители невѣсты встрѣчаютъ сватовъ, усаживаютъ за столъ и даютъ свое согласіе. Послѣ этого невѣста даетъ жениху платокъ и обмѣниваются другъ съ другомъ кольцами, а женихъ даетъ ей за платокъ деньги, по возможности. Послѣ обмѣна кольцами встаютъ и молятся Богу. Тогда хозяйка дома ставитъ на столъ яичницу, а хозяинъ вино, и угощаютъ сватовъ. Во время угощенія назначается день свадьбы. Въ послѣдній четвергъ передъ днемъ свадьбы отъ жениха и невѣсты посылается посолъ просить родныхъ на свадьбу.

Поздно вечеромъ наканунѣ свадьбы пріѣзжаетъ женихъ съ сестрой, съ сватомъ, сватьей и подмолодянами, т. е. шаферами. Собираются званые гости, вечеръ проводится въ танцахъ. Употребительные изъ музыкальныхъ инструментовъ скрипка и флейта.

Въ этотъ день, предъ отъѣздомъ въ домъ невѣсты, женихъ садится за столъ въ переднемъ углу, на столѣ лежитъ икона и хлѣбъ-соль. Присутствующіе поютъ пѣсню отъ имени матери, которая въ это время плачетъ:

Ѣдь, паѣдь, сынốчакъ, жанитца,
Да ни стаў коника падъ рабинай!
А рабина дираўцó нищасьливая:
Зьвирхà рабину пташки клюють,

А пасиродъ рабину черви точуть,
Съ камля у рабины кроў тячетъ.
Ѣдь, паѣдь, сыночакъ, жанитца,
Да пастаў каня падъ явóрай!
А явора дираўцо щасьливѣй таго:
Зьвирха у явóры пташки пяють,
А пасяродъ у яворы пчолки зьвинятъ,
А съ камля у яворы мидокъ тичеть!

И другую:

Сидить зайка падъ ёлачкай и вочки тиребить;
А Ясь ѣдить да тёщухны и на зайку цэлить.
„За што, за што, Ясинька, ты мине бъешъ:
Ти я тваю сьтёжку-дарожку пирабѣгъ,
Ти я тваехъ варőныхъ кőній распýдиў,
Ти я тваю нивѣстаньку аттýдиў?
Пирабѣгли табѣ дарожку шэрыи ваўки,
Распýдили варанýхъ коній галупцы,
Атгýжывали красну дѣўчку малайцы:
Табѣ гудили, сабѣ хатѣли ўзять!

Послѣ пѣнія вышеприведенной пѣсни, отецъ благословляетъ сына иконой, мать хлѣбомъ-солью, и оба надѣляютъ деньгами.

Передъ выѣздомъ опять поютъ; женихъ плачетъ:

Съ-падъ лѣсу слőнинька играить,
Тамъ Ясь коника сидлáить,
Ни такъ ёнъ сидлаить, якъ гőрка плачить.
Тамъ яго матухна пытаить:
„Чагò, сыночикъ, ты плачишъ,
Ти ты жанитца ня хőчишъ?“
— А матухна рőдьнинька, якъ мнѣ ни плакать?
Бяру красну дѣўку ни сабѣ раўнéньку:
Шáтами шáсьнить—я улякнýся,
Ключами брáзнить—я ўжо баюся!
„Ни плачь, сыночикъ, ни плачь, Ясинька:
У насъ пабýдить, на ўсё забýдить:
Мы тыя шáтики харашò злőжымъ,
Мы тыя ключики тѣсьнинька зьвяжымъ“.

Послѣ этого женихъ уѣзжаетъ къ невѣстѣ.

Гости въ ожиданіи жениха поютъ пѣсню невѣстѣ:

Балить мая галőванька семъ нидѣль,
Ня видила свайгò мúлинькага адúнъ день!
Якъ я гляну празъ шкляна вакőнца,
Вúджу свайго милинькага, якъ слонца:
Конь варанéнькій, самъ маладéнькій,—то ёнъ мой!
И чорны брőўцы, и вѣрны слőўцы—я яго!

Когда услышатъ звонъ колокольчиковъ и топотъ лошадей, то поютъ:

Зялёная ру̂тина—жоу̂тый цвѣтъ;
Чаго тибѐ, Ясинька, до́у̂га нѣтъ?
Ти я-жъ табѣ квѣтухны ни зьвила̀,
Ти я-жъ табѣ хустыньки ни дала?
Зьвила табѣ квѣтухну—семъ цвято́у̂,
Аддала̀ табѣ ху́стыньку—семъ шалко́у̂.

Когда женихъ пріѣзжаетъ во дворъ, его свита поетъ:

„Ле́ть, пале́ть, ясинъ сако́лъ, на мо́ра,
Заспѣй, заспѣй сваю чи̂рачку у̂ гнязьдѐчку!"
— Хуть заспѣю, хуть ни заспѣю—палячу̂,
Я сваю чи̂рачку на палѐти разыщу!
Ѣдь, паѣдь, Ясинька, къ тёщухны,
Заспѣй, заспѣй сваю нивѣстухну у̂ камо́ры!
Хуть я заспѣю, ни заспѣю—паѣду,
Я-шъ иѐ па пахо́дахъ узна̀ю:
У иѐ пахо́ды тиху́синьки, у иѐ уклоны низю́синьки...

Когда женихова свита окончитъ эту пѣсню, то на крыльцо выходитъ сватъ невѣсты и проситъ гостей въ домъ, обращаясь къ свату жениха съ пѣсней:

Сватъ свата про́ситъ,
У рукахъ шапку но́ситъ:
Эй, сватку мой, сватку,
Хади̂ у̂ нову хатку!
Майго̀ пива папива́йтя,
Майго дива навида̀йтя!
Маё пива пъяню́синька,
Маё дива диу̂ню́синька.

Всѣ входятъ въ домъ, гдѣ уже приготовлены столы для ужина.

Въ день свадьбы невѣсту пробуждаютъ слѣдующей пѣсней:

Умывайся, мо́лада,
Прыбирайся, мо́лада,
Выправляйся, мо́лада:
Тамъ тибѐ дау̂но̀ ждали,
И падно́жки засьтилали!
Тамъ табѣ ру́чаньки зьвяжуть,
Тамъ табѣ пра́у̂ду скажуть.

Невѣста отвѣчаетъ:

Бая́рачки, спадма́начки вы маѐ:
Спадману́ли учора зь вчо́ра вы мяне!
Казали: по́йдимъ у зялёный садъ вянки̂ вить!
Сабѣ зьвили̂ изъ руты, изъ мяты, изъ лиле́и,
А мнѣ зьвили̂ съ калу́чага ялы́нцу.
Ялыниць ко́лить, гало́у̂ку кло́нить, Божа-жъ мой!
Дѣ пахину́ся, тамъ укланю́ся, Божа-жъ мой!

Когда невѣста плачетъ, сидя за столомъ, боярки поютъ:

Да кукува̀ла шэ́ра зязюля у̂ садочку,
Прылажы́у̂шы дробну гало́у̂ку къ листочку!
Да плакала млода Настулька у̂ святли́цы,
Прылажыу̂шы бѣлы ручки къ стальни́цы.

А у̂ гаро́ди на пиралёти зязюля кукувала,
А Настулькина то мамка, а Настулькина ро́дна зязюлю [выклина̀ла:
„Багда̀й зязюля, багдай шэрая аста́тьній годъ кукувала!
Атщибита́ла, аткукува́ла работьницу атъ минѐ!"
А у̂ гаро́ди на пиралёти зязюля кукувала,
А Яськава мамка, а Яськава родна зязюлю привита́ла:
„Багдай зязюля, багдай шэрая усякій годъ кукувала!
Прищибитала, прикукувала работьницу ка мнѣ!"

—

Сиди́ть Настулька на пасадже́ньни, Божа-жъ мой!
И про́сить матульку на багаславе́ньня, Бо́жа-жъ мой!
„Багаслави̂ мянѐ, матулька, да винца̀,
А атъ винца багаслави мяне, матулька, да жытьтя̂!

Отъ невѣсты боярки поютъ къ матери, за мать отвѣчаетъ сватья. Мать и дочь плачутъ.

„Ай, жаль ма́ю, мату́лька, на тябѐ,
Што ни знаси́ла тонкай кашу́льки у тябѐ!
— Знасила, мая̂ дитя́тка, знасила,
Да за гульнёй, за красой, забыла!
„Ай, жаль ма́ю, матулька, на тябе,
Што аддае́шъ далёка замужъ атъ сябѐ!"
— А ни далёка, мая̂ дитя́тка, ни далёка!
„А ти ня можна-жъ, мая матулька, атказа́ть?"
Ня мо́жна, дитятка, ня можна:
Ня 'дну суботку сьтёрли работку за табо́й,
Ня 'дну нядѣльку пили̂ гарэлку за тябѐ!

—

Злитѣли да два а̀нялы зь неба,
Сѣли, пали на Антонава вако́нца,
А зъ ваконца на Настулькину галоу̂ку,
Спытали, спрасили у̂ краснай дѣвачки:
„Ти багаславила тябе́ мату́лька, малада?"
— Тагды̂ мяне ро́дна матулька багаславила,
Якъ ина̀ мяне малю́синьку спаради́ла,
А спаради́у̂шы, съ сырой зяме́льки узьнила̀,
А узьня́у̂шы, у тонки пялю́шки спави́ла,
А спави́у̂шы кума́мъ на ручки падала,
А пада́у̂шы Госпада Бога прасила:
„Багаслави̂, Божа, ету дитя́тю да хро́сту,
А съ хросту багаслави, Божа, да ро́сту,
Атъ росту багаслави, Божа, да винца̀,
А атъ винца багаслави, Божа, да жытьтя̂!"

Невѣста во время пѣнія сидитъ за столомъ; предъ ней лежитъ икона и хлѣбъ-соль. Если невѣста сирота, то поются слѣдующія пѣсни:

„Устань, устань, ни сяди,
А па сваёй бисѣди пахади,
И на сваю бясѣду пагляди:
Ти ўся твая дружына сабра́на,
Ти ўся твая радьня сазва́на?“
— Я й чую, я й чую, я й знаю:
Уся жъ мая дружына сабра́на,
Уся жъ мая радьня сазвана,—
Тольки нѣтъ маёй ро́днай ма-
[ту́льки:
Я ўсю сваю бясѣду пирайшла,
И нидѣ сваёй матульки ни знашла!
Мая ўся гало́ўка у квѣти, —
Нѣтъ маёй матульки на сьвѣти!
Мая ўся гало́ўка ў вяно́чку, —
Нѣтъ маёй матульки у радо́чку.
Мая матулька тримя замками
[за́мкнина:
Адинъ замо́чикъ — жо́ўтый пясо́-
[чикъ—
Ай, Божа жъ мой!
Другій замо́чикъ—сыра зямли́ца—
Ай, Божа жъ мой!
Трэ́тьтій замо́чикъ — дубовы
[дошки—
Ай, Божа жъ мой!

—

Сирати́нушка па садо́чку хади́ла,
Циризъ маги́льникъ чорну сьтё́жку убила,
Тамъ ина сваю матухну буди́ла:
„Устань, устань, мая ма́тухна, ни ляжы,
Хуть ты мнѣ ету тёмну ночку памажы,
Ня вѣкъ жа жъ будишъ, мая матухна, викава́ть,
Тольки ету адну тёмну ночку памагать!“
— Зъ Бо́гамъ, дитя́тка, зъ Бо́гамъ дарага́я, съ усими
[сьвятыми!
Рада бъ я ўстати, сваяму дити багаслаўе́ньня да́ти, —
Жаўты пясо́чки засыпали мнѣ вочки,—ни магу прагля́нути;
Чорна сма́га на губу спа́ла,—ни магу прагавари́ти;
Зилѣзны тьве́чки зьбили мнѣ плечки,—ни магу пакрану́ти;
Дубовы до́шки сьти́снули ножки,—ни магу павярну́ти!

—

Пашла малада къ Господу Богу на ра́ду.
Стаи́ть гади́нку, стаи́ть другую за дьвярми.
Атчиня́ютца тя́жанька дьверцы па зямли.
„Чаго жъ, дитя́тка, чаго, дарага́я, тутъ стаи́шъ?“
— Ай, Божа, Божа! пришла на вясе́льля я праси́ть!
„Буду, дитя́тка, буду, дарага́я, я ў тибе!
Я самъ сяду старшымъ сватамъ на кутѣ;
Анялы мае баярами у тибе.
Анялы будуть зло́тамъ-срэ́брамъ даравать,
А я жъ буду до́лій-щасьтямъ надилять.

Во время пѣнія этихъ пѣсенъ невѣста-сирота плачетъ.

Если выходитъ замужъ вдова, то поется только слѣдующая пѣсня:

Хади́ла удо́вачка па садо́чку, хади́ла,
Ина свае бѣлаи ру́чаньки лами́ла,
Ина свае дробныя слёзки рани́ла,
Ина сваéхъ малыхъ дѣтакъ вади́ла:
Вы, дѣтачки, вы дробныя, вы мае́!
Ня ўла́дитя да столику падыйсьти,
Ня ўладитя жъ да и ложачку паднясьти,
Ня ўла́дитя жъ рэ́звыхъ но́жачикъ разу́ть.

По окончаніи пѣнія невѣста встаетъ изъ-за стола. Жениховъ сватъ хочетъ занять кутъ, но невѣстинъ сватъ не уступаетъ; начинается выкупъ кута:

Жениховъ сватъ говоритъ:
„Сватъ, сватъ! ти ты тутъ?“
Невѣстинъ отвѣчаетъ:
— Тутъ!
„Уступи мнѣ кутъ!“
— Ни ўступлю! Чимъ запло́тишъ?
„У мине ёсьть карфи́нъ рабо́й; будимъ пить гарэ́лку съ табой!

Распиваютъ бутылку водки; тогда невѣстинъ сватъ уступаетъ кутъ.

На кутѣ садится женихъ со сватомъ и сватьей, а противъ нихъ невѣста съ своей дружиной. Сватья невѣсты застилаетъ блюдо платкомъ и ставитъ его предъ жениховой сватьей, которая кладетъ на блюдо вѣнокъ и ставитъ его передъ невѣстой; сватъ невѣсты отдаетъ вѣнокъ старшей бояркѣ, которая надѣваетъ вѣнокъ на голову невѣстѣ и расплетаетъ косу, а въ это время поютъ жениху:

На мори, на сининькимъ о́зяри,
Да тамъ жа жъ Ясь бѣлыхъ лябёдакъ стриля́итъ.
Ни такъ ёнъ бѣлыхъ лябёдакъ стриля́итъ,
Якъ на ие ясны вочки сьскида́итъ: „у каго, каго ина удалася?“
— Удалась у ро́дную сяестри́цу, увилась у русую каси́цу!

Послѣ этой пѣсни женихъ уходитъ изъ хаты, а невѣста прощается съ родными и знакомыми потомъ кланяется родителямъ и получаетъ благословеніе, при этомъ она плачетъ и приговариваетъ:

Карми́лицъ татухна, ради́ма матухна,
Багаслави́тя мине да царкви́ ѣхать,
Законъ принять, дружка узять.

Женихъ и невѣста ѣдутъ въ церковь раздѣльно, каждый со своей свитой.

Когда свадьба возвращается послѣ вѣнца, то въ лежащихъ на пути деревняхъ затворяютъ ворота и ожидаютъ выкупа. Получивъ выкупъ, пропускаютъ свадьбу, а также стрѣляютъ изъ ружей.

Молодые пріѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты. Ихъ встрѣчаютъ родители на порогѣ дома съ хлѣбомъ-солью, бросаютъ подъ ноги шубу, осыпаютъ хмѣлемъ и овсомъ и вводятъ въ хату. Здѣсь садятъ за столъ всю свадьбу и угощаютъ обѣдомъ

Послѣ обѣда водятъ хороводы и танцуютъ.

На слѣдующее утро, а если домъ жениха близко, то и въ тотъ-же вечеръ, отправляютъ молодыхъ къ родителямъ жениха; гостей со стороны невѣсты ѣдетъ столько же, сколько было отъ жениха; выбираютъ самыхъ почетныхъ. Всѣ, которые уѣзжаютъ съ молодыми, садятся за столъ, и начинается выкупъ невѣсты и ея косы.

Жениховъ сватъ у боярокъ выкупаетъ невѣсту:

Вамъ, баярачки, гной капать, гной капать!

Боярки отвѣчаютъ:

Дай жа жъ намъ вилачки, вилачки,
Злотыя шпилички, шпилички,
Тагды пайдёмъ гной капать, гной капать!"
— А дамъ жа жъ вамъ вилачки, злотыя шпилички,
Нихай за мной малада нивеста!

И даетъ деньги.

Боярки соглашаются, получаютъ отъ свата деньги на шпильки и уступаютъ невѣсту.

Подмолодяные выкупаютъ косу у надкосниковъ невѣсты. Надкосникъ кладетъ на блюдо рубль, ставитъ на голову невѣсты и начинаетъ торговаться, прося набавить цѣну. Долго такъ торгуются; подмолодяные набавляютъ цѣну и выкупаютъ косу невѣсты. Потомъ такимъ-же порядкомъ выкупаютъ косу у надкосниковъ и боярокъ невѣсты.

Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола; остается только невѣста, которую надѣляютъ всѣ присутствующіе въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отецъ и мать благословляютъ хлѣбомъ-солью и даютъ „пасагъ", т. е. приданое. Женихъ переодѣвается и тоже даритъ молодую, стараясь, чтобы она его не узнала; потомъ дарятъ родные жениха; невѣстины же родные и сосѣди пока не подходятъ дарить.

Въ это время поютъ съ жениховой стороны:

Казали, што у яѐ радьни мнóга,
А якъ стали даравать—нѣтъ никóга.
А дѣ-жъ тая радьня падивалась?
Па тёмнымъ куточкамъ захавалась!

Со стороны невѣсты отвѣчаютъ:

Тётачки, дядички, приступитись,
На минѐ младу ни забывайтись!
Тётачки, дядички, хуть пу пятаццы,
Ближніи сусѣди хуть пу рубялёчку,
А малыи рибятки хуть пу капѣиццы!

Въ это время смѣлѣйшая изъ сосѣдей беретъ палку и, ходя около стѣнъ, стучитъ, приговаривая:

„Ни я прашу, малада прóситъ!"

Подходятъ родные невѣсты и сосѣди и дарятъ её деньгами.

Татка, то есть, одинъ изъ старшихъ гостей, выѣзжаетъ раньше молодыхъ и сопровождаетъ сундукъ и перину невѣсты. Татка въ перину кладетъ бутылку вина и баранки. Когда онъ собирается уѣзжать, то его не выпускаютъ, и просятъ выкупа за перину; отецъ невѣсты запираетъ ворота. Татка подходитъ къ нему; угощаетъ водкой, а всю родню невѣсты угощаетъ баранками. Тогда его пропускаютъ.

Черезъ нѣкоторое время и вся свадьба уѣзжаетъ къ родителямъ жениха.

Въ домѣ у родителей жениха къ пріѣзду молодыхъ приготовляются столы для ужина. Когда услышатъ топотъ лошадей и звонъ колокольчиковъ, то поютъ слѣдующую пѣсню:

Чуватъ сваты, чуватъ,
Да за гарóй ни видать,
Равутъ кони, равутъ,
Багатырачку вязутъ:
Съ скрынями, съ пяринами,
Съ пуховыми падушками.

Когда пріѣзжаетъ свадьба во дворъ, пріѣзжіе поютъ:

Чіѐ то, чіѐ то придáныя блудили,
У чистамъ поли дарóжку згубили?

Встрѣчающіе отвѣчаютъ:

Сюды, сюды, придáныя, да сила,
А тутъ жа жъ ваша галубачка литѣла,
За нашага галубчика хатѣла.

Старшая сватья невѣсты поетъ:

Ти тутъ, ти тутъ нашага свата висéльля?
Ти тутъ, ти тутъ нашай сяcтрицы жилéньня?

Сватья женихова отвѣчаетъ пѣніемъ:

Ай тутъ, ай тутъ вашага свата висельля,
Ай тутъ, ай тутъ вашай сяcтрицы жиленьня!

Подходитъ къ невѣстѣ, у которой лицо покрыто платкомъ, и приговариваетъ:

„Да пазвольтя жъ атвиртѣть и княгини паглидѣть!"

Развязываетъ платокъ и открываетъ лицо у невѣсты, потомъ поетъ:

Привязьли патвóръ на дворъ;
А хто жъ яго патварáть будить?

Невѣстина сватья отвѣчаетъ:

Мы свёкарку ни кланіимся,
А свякрóуки патóмъ-тагò.

Выходитъ свекровь на дворъ съ хлѣбомъ-солью, постилаетъ подъ ноги молодой бѣлый холстъ, по которому она съ мужемъ идетъ къ свекрови. Подойдя къ ней, она кладетъ у ногъ свекрови комъ овечьей шерсти и какой-нибудь подарокъ; потомъ собираетъ холстъ и отдаетъ свекрови.

Свекровь ведетъ молодыхъ въ хату.

Невѣста опять даритъ что-нибудь свекрови, свекру, сестрамъ и братьямъ жениха. Молодые и вся „поѣзда“ садятся за столъ ужинать.

На слѣдующее утро сватъ невѣсты крадетъ курицу. Сватъ жениховъ торгуетъ курицу, но сватья невѣсты перебиваетъ и курица остается за ней.

Гости садятся завтракать.

Сватья невѣсты въ это время жаритъ курицу, а изжаривши садится со своимъ сватомъ и молча ѣдятъ ее вдвоемъ. Всѣ подходятъ къ нимъ и просятъ курицы, но они никому не даютъ. Остатки покупаетъ жениховъ сватъ.

За завтракомъ поютъ пѣсни:

Госьтики любо́выи вы нашы! Частўйтися, трахтўйтися вы у насъ:
Ёсьть жа жъ у насъ бочка пива да й гли васъ!
Вы́пьитя жъ вы тую, найдимъ и другую,—ўсё гли васъ!
Кали ня будить,—варбный коникъ дабўдить,—ўсё гли васъ!
А кали ма́ла станить, нашъ тату́лька дастанить, ўсё й гли васъ!

—

Па заго́ръю сини краски цьвитуть,
Па засто́льлю любы госьти сидять.
Пацьвитѣўшы, сини краски павя́ли,
Пасидѣўшы, любы госьти паўста́ли!

Невѣстѣ поютъ:

Што на мори за шумъ шумить?
Што на мори за грумъ грумйть?
Млада Анютка кубки мыла
И злотый пирсьтёнакъ зранйла
И крыкнула ратўначки
Ажъ да свайгò татўлички:

„Татулька мой родьнинькій!
Ратўй мине зъ мора,
Зъ вяликага го́ра!“
— Богъ тибе ратуить,
Да добрыя люди, а ни я!

Когда приданыхъ невѣсты собираются отправлять домой, то сватъ жениховъ беретъ кнутъ и выгоняетъ ихъ изъ-за стола, приговаривая:

Придàныя ниўдàлыя!
Скольки у насъ баливàли,
И лàвачки ни паламàли!

Приданыя отвѣчаютъ пѣніемъ:

Ахъ, приданыя удалыя, удалыя!
Три дьни баливàли,
Уси лаўки пазламàли!

И въ это время ломаютъ одну изъ лавокъ. Имъ поютъ:

Ѣдьтя, госьтики, дамо́ў,
Ня гудьтя нашыхъ дамко́ў!
Кали нашы дамы́ пагудитя,
Дыкъ сами паблу́дитя,
Па имхамъ, па балотамъ,
Па дубовымъ кало́дамъ!

Приданыя отвѣчаютъ:

Лѣпшы нашы хлявóчки,
Нячи́мъ вашы дамóчки,
Лѣпшы нашы павѣтачки,
Нячимъ вашы клѣтачки.

Поютъ также:

А хуть жа жъ вы яѐ таўчи́, мало́ть пашли́тя,
Тольки ёй щиру праўду скажы́тя,
А хуть жа жъ вы яе за вадой пашли́тя,
Тольки разамъ абѣдать пажджи́тя.

Всѣ гости сидятъ за столомъ, а сватъ невѣсты дѣлитъ каравай, который привезла невѣста изъ дома. Во время дѣлежа поютъ:

Старшый сватъ, старшый сватъ,
Каравай дѣлить:
Тò ў *кишэ́нь*, тò ў *кишэ́нь*,
То за пазуху!

Гости пробуютъ каравая, и потомъ поютъ:

А дѣ-жъ тая каравайничка,
Што харо́шыя караваи пиче́ть:
Во́кала сыръ да масла,
А ў сирѐдини доля да щáсьтя!

Невѣста встаетъ и кланяется гостямъ.

Разливаютъ гостямъ вино и пиво, которое они выпиваютъ и заѣдаютъ караваемъ. Сватъ жениховъ и сватья невѣсты приглашаютъ гостей напивать молодымъ хозяйство. Сватъ наливаетъ въ рюмку вина и подаетъ по очереди гостямъ. Каждый пьетъ и говоритъ:

„Напиваю вамъ аве́чку! Пріижжайтя и выбирайтя!“

Такъ „напиваютъ“ домашнихъ четвероногихъ и птицъ. Если же кто хозяйства не имѣетъ или ничего изъ хозяйства отдѣлить на долю молодыхъ не можетъ, то, кладя деньги, приговариваетъ:

„Я васъ у госьти ни прашу̀, пару галубцо́ў напиваю и сама приставляю!“

Послѣ перепоя невѣста прощается съ своими придаными, которыя сопровождали ее, и плачетъ. А въ это время поютъ:

Бра́титки на коникахъ
Зо́латамъ увиваютца,
А сястрица у свякроўки
Слёзками улива́итца:
„Братитки маѐ ро́дныя,
Вы паѣдитя дамо́ў,
Вазьми́тя, бра́титки,
И мине младу съ сабо́й!“
— Сястрица наша родная!
Ни на то́я мы тибѣ аддàли,
Штобъ съ сабой узадъ брали!
Кали жъ табѣ добра бўдить,
Дакъ мы тябѣ праве́даимъ,
А кали табѣ худа будить,
Мы зязю́личку при́шлимъ!
Зязюличка, кукуя,
Щиру праўду скажыть намъ!

Родные невѣсты уѣзжаютъ, а за ними и всѣ гости.

Если невѣста цѣломудренна, то на слѣдующій день женихъ ѣдетъ къ тестю и тещѣ и проситъ ихъ къ себѣ въ гости.

Родители невѣсты пріѣзжаютъ гостятъ день, а потомъ уѣзжаютъ домой, чѣмъ свадьба и кончается.

Сушковская волость, Дриссенскаго у.
Отъ крест. Магдалины Плейко и Зиновьи
Ивановой запис. Н. В. Пясковская.

—

Городокскій уѣздъ.

Свадьбы у крестьянъ бываютъ по большей части осенью, послѣ уборки хлѣбовъ и окончанія всѣхъ полевыхъ работъ. Намѣтивъ невѣсту, отецъ жениха пріѣзжаетъ къ ней въ домъ въ видѣ случайнаго проѣзжаго и начинаетъ спрашивать дороги до какой-либо деревни, или спрашиваетъ у хозяина, гдѣ живетъ въ деревнѣ сапожникъ или шорникъ и т. п. Посидѣвъ немного и высмотрѣвъ дѣвушку, ея ростъ и силу, уѣзжаетъ домой. Этотъ пріѣздъ называется „вы́глядины".

Если дѣвушка понравится, тогда чрезъ нѣкоторое время отецъ жениха беретъ съ собою свѣдущаго свата, подбираютъ одной шерсти лошадей, сѣдлаютъ ихъ, связываютъ поводья вмѣстѣ и ѣдутъ въ тотъ домъ, гдѣ былъ раньше одинъ отецъ жениха. Пріѣхавши на дворъ, привязываютъ лошадей къ изгороди и медленнымъ шагомъ входятъ въ избу. Въ порогѣ они останавливаются и стараются наступить одинъ на кочергу, а другой на помело. Дѣвушка, зная этотъ обычай сватовства, тотчасъ уходитъ изъ избы въ деревню, или садится за печку.

Сваты по приглашенію хозя́ина садятся на лавку и говорятъ о чемъ-либо постороннемъ. Посидѣвъ немного, жениховъ отецъ говоритъ хозяину: „Вы у насъ ни пытаитя, а мы вамъ ни кажымъ, зачимъ мы къ вамъ пріѣхали? У насъ ёсь харо́шый купецъ, а у васъ харо́шый таваръ,—хатѣли-бъ мы сайти́сь съ вамъ на цѣну!" Если отецъ невѣсты не желаетъ отдавать дочь, то начинаетъ отговариваться:—„етыга цвѣту пы ўсяму̂ свѣту! У маёй дачкѝ нѣту шы́тый шубы, или́ сермяги; ся́лѣтній годъ ни будимъ аддавать иѐ замужъ". И сваты уѣзжаютъ.

Если же отецъ невѣсты желаетъ отдать дочку, то говоритъ сватамъ: „нада пасла̀ть у дяревню зы дачко́й, спраси́ть у иѐ, ти по́йдить ина за твайгѐ сына?" Посылаютъ за дочкой. Когда та приходитъ, сватъ спрашиваетъ у ней, согласна ли она выйти за его сына замужъ? Дѣвушка говоритъ:„ атразу я ничо́га ни скажу, пріижжайтя другѐй разъ!"

Спустя нѣсколько дней, сваты, призапасивъ бутылки три водки, „моту̂шку" баранковъ, два сыра и два куска вареной говядины,

ѣдутъ опять къ невѣстѣ. Войдя въ домъ, подаютъ невѣстѣ вязку баранковъ, одинъ сыръ и кусокъ мяса, остальное ставятъ на столъ. Хозяинъ сажаетъ сватовъ за столъ, за который приглашается и невѣста. Отецъ жениха спрашиваетъ у отца невѣсты, какъ порѣшили они насчетъ свадьбы, намѣрены-ли отдать замужъ свою дочь за его сына? Если невѣста и ея отецъ согласны на бракъ, то сватъ наливаетъ рюмку водки, бросаетъ въ неё 20-копѣечную монету, и эту рюмку подаетъ невѣстѣ. Та выливаетъ водку черезъ плечо, а деньги беретъ себѣ. Другая рюмка наливается сватомъ отцу невѣсты, и такъ далѣе—по старшинству. Мать невѣсты угощаетъ сватовъ яичницей, медомъ, молокомъ и говядиной.

Послѣ угощенія сваты дѣлаютъ условіе, сколько ведеръ женихъ долженъ доставить на свадьбу водки. Иногда женихъ обязывается дать невѣстѣ на свадьбу и денегъ рублей десять или пятнадцать. Когда сваты думаютъ уѣзжать, то невѣста выходитъ на дворъ, беретъ лошадей сватовъ подъ уздцы и выводитъ ихъ за ворота, за что сваты даютъ ей рубль.

Побывавъ у священника, сваты увѣдомляютъ невѣсту о днѣ вѣнца; свадебный-же пиръ откладывается сватами на недѣлю или даже и на двѣ послѣ вѣнца. Передъ бракомъ невѣста занимается шитьемъ и мытьемъ бѣлья, а дѣвушки, подруги, приходятъ къ ней по вечерамъ помогать и поютъ ей свадебныя пѣсни, напримѣръ:

Ай, бо́рамъ, бо́рамъ, барави́наю,
А хто-жъ тамъ ѣди̂ть вичари́наю?
Ай, ѣди̂ть, ѣди̂ть Иванька пьяный:
„Ай, атчини́ся, Гапу́ська—паня!"
— Я ня 'тчинюся, мамки баюся,
Пиридъ табо́ю низка складю́ся,
Пиридъ табою, пиридъ жаўне́рамъ,
Пиридъ жаўнерамъ, чорнымъ каўне́рамъ.
Што жъ ты, Гапуська, дужа смущо́на?
Вѣрна ты, Гапуська, ужо заручо́на?
Учора была̀, якъ рожа цвила,
Сяго́ня стала, якъ мята звяла.
Пайдёмъ жа, Гапуська, да майгѐ сада, —
Дамъ табѣ я́блакаў, дамъ табѣ гру̂шыкъ,
Дамъ табѣ грушыкъ, по́лынъ хварту̂шыкъ.
Дли ти̂бе сьвятьлица ўся го́нтамъ крыта,
Дли ти̂бе спадьни́ца ўся зло́тамъ шыта.

—

Гаро́хъ жо̂нитца, сачи́ўку бирѐть,
Ды кагѐ жъ намъ сыбра̂ть, у приданки пасла̂ть?
Гриббу̂ сабяро́мъ, у приданки пашлёмъ!

Баравикъ кажыть: я бъ паѣхуў ба —
Салόдыкъ, смачинъ,—мянѐ праглόтють!
Абабыкъ кажыть: я бъ паѣхуў ба —
Шапачка крúва, ножка чарвúва—мине загудють!
Пад'синавикъ кажыть: я бъ паѣхуў—
Чирвόнинъ, пригόжъ,—мине палюбють!
Ваўнёнка кажыть: я бъ паѣхыла бъ —
Горька, нисмачна,—мине прагόнють!
Сыраѣжка кажыть: я бъ паѣхыла —
Чирвόна, крáсна,—мине сурόчуть!
Апéнки кажуть: мы шъ паѣдимъ:
Тонки, стройны,—насъ, мýсить, примуть!

—

На гарѣ сонца сіяить,
Иваничка коника сидлàить.
А ў яго мамухна патàить:
„Куды ты коника сидлаишъ?"
— Што шъ табѣ, мамухна, да [тагò?
Сидлàю коника самъ свайгò,
Паѣду ў ночиньку начнýю
Па свайò Гапульку вѣчную!

—

У саду яблынка ращапúлыся,—
Нѐкаму паливàти.
Два яблачка скатúлася, —
Нéкаму паднимати.
Расплакылась Гапуська,
Нéкаму унимати.
Кали ўнимить, кали ўнимить
Адинъ Иваничка.

—

Кукувала зязюля ў садочку,
Приклаўшы галόўку къ листочку.
Кукуваўшы, казала: Божа шъ мой!
Хто маё гнязьдéчка разрыить,
Хто маѐ яéчки пыбярéть?
— Разрыють гнязьдечка па- [стушкù,
Пыбяруть яéчки канюшкù!
Плакала Гапуська ў сьвятьлицы,
Приклаўшы галоўку къ сталь- [ницы.
Плакаўшы, казала: Божа шъ мой!
Хто маю касýтку расплятéть,
Хто маи устýшки пыбярéть?
— Расплятуть касутку брàтитки,
Пыбярýть устушки сестрýшки.

—

Крикнуў силизéнь на мори,
Атазвàлась вутычка въ озяри:
Знать мнѣ въ озяри ня быти,
Сьвѣтлый вадúцы ня пити!
Крикнуў Иванька на дварѣ,
Атазвалась Гапуська ў тирамѣ:
Знать мнѣ ў тирамѣ ня жыти,
Краснай дѣвицай ня слыти!

—

Въ день вѣнчанія, рано утромъ, невѣста обходитъ всѣ постройки своего отца, поля, луга, кусты, прощается съ ними, голося и причитывая на каждомъ мѣстѣ, припоминая, что тамъ она съ подругами весело проводила время. Затѣмъ къ невѣстѣ мало-по-малу начинаютъ собираться дѣвушки, или „боярки", зовутъ ее въ избу и начинаютъ одѣвать къ вѣнцу.

Костюмъ невѣсты бываетъ очень простъ: вѣнокъ надѣвается изъ цвѣтныхъ кусковъ матеріи, поверхъ платья обязательно надѣваютъ шубу, хотя бы невѣста вѣнчалась лѣтомъ. Когда невѣста одѣта, то отецъ ея зажигаетъ свѣчу предъ иконами и начинаетъ молиться. Невѣста кланяется иконамъ, потомъ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, подругамъ, знакомымъ, и даже дѣтямъ въ колыбеляхъ; если даже случатся при этомъ и евреи, невѣста и ихъ надѣляетъ поклономъ.

Въ церковь невѣста ѣдетъ съ братомъ и крестною матерью. Лошади при этомъ также убираются: къ дугѣ привязываются красные платки и ленты, привѣшиваются колокольчикъ и бубенчики.

Женихъ не дѣлаетъ невѣстѣ никакой встрѣчи, даже не здоровается съ ней, если нечаянно встрѣтитъ ее идущею въ церковь. Но по совершеніи вѣнца женихъ беретъ невѣсту за руку и ведетъ изъ церкви въ какую-либо избу и тамъ садятся за столъ. Жениховъ отецъ угощаетъ молодыхъ закускою, даетъ молодымъ выпить одну рюмку водки и одно яйцо скушать вмѣстѣ, затѣмъ даетъ мясо, блины, сыръ и хлѣбъ. Послѣ закуски женихъ отвозитъ невѣсту домой; позади ихъ ѣдутъ сватьи, поютъ пѣсни, а музыканты играютъ на дýдахъ, а въ послѣднее время на скрипкѣ съ бубномъ.

Ти громъ гримúть,
Ти хто ѣдить пò масту?
Ни громъ гримить,
Нихто ни ѣдить по масту, —
Братъ за сяострόю гόнитца:
Пастόй, швагрýтка, ни ўижжáй!
Нà табѣ коника варанцà,
Падáй сястрицу съ-пыдъ вянца!
Нà табѣ канù съ ухнáльками,
Вярнù маю сястрицу съ пруў- [крáльками!
Аддàмъ табѣ свайгò канù съ вуз- [дόю,
Вярнù маю сястрицу съ касόю!

—

А ни зыблися, клянόвый мόсьтикъ, на ряцѐ,
А тамъ паѣдить Иваничка зъ дружыный!
А ў яго шъ яго вяликая дружына:
Семъсотъ казакόў апрúчъ музыки, у ягò.
Дудычка граить, Гапуська плачить, у ягò.

—

Ня дудки графть—цынбалы,
Ня дѣўку вязýть цыгани.
А той жа цыганъ Иванька,
А тая шъ цыганка Гапуська.
Цыгани чорниньки,
А яны шъ бѣлиньки.

—

Когда молодые пріѣзжаютъ на дворъ невѣсты, то отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ въ избѣ съ хлѣбомъ и солью. Женихъ и невѣста кланяются отцу и матери въ ноги. Затѣмъ молодыхъ сажаютъ за столъ и угощаютъ различными кушаньями. Послѣ угощенія женихъ

уѣзжаетъ домой, а невѣста снимаетъ съ себя свадебный нарядъ и принимается за работу; гостей не бываетъ никакихъ, до дня свадебнаго пира. Женихъ въ продолженіи недѣли или двухъ не видитъ невѣсты.

Въ день, назначенный для свадебнаго пира, рано утромъ, невѣста одѣвается въ свадебный нарядъ. Собираются родственники, знакомыя и подруги невѣсты.

Пріѣзжаетъ жениховъ отецъ съ сватомъ, привозятъ ведро водки, два сыра, два большихъ куска мяса, мотушку баранковъ и башмаки. При этомъ сваты отдаютъ невѣстѣ одну бутылку водки, одинъ сыръ, одинъ кусокъ мяса, мотушку баранковъ и башмаки; невѣста, принявъ отъ сватовъ подарки, прячетъ ихъ въ „кубелъ“. Это дѣлается для того, чтобы, пріѣхавши къ жениху, не нуждаться въ пищѣ, такъ какъ первое время въ чужомъ домѣ невѣста бываетъ стыдлива.

Невѣстинъ отецъ, принявъ отъ сватовъ водку и закуску, сажаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ за столъ, а жениховъ отецъ и сватъ садятся у порога, пока пообѣдаетъ родня невѣсты. Оставшіяся отъ стола кушанья отдаются сватамъ. Послѣ закуски невѣста несетъ рѣшето холста и по выбору отдаетъ свекру и свату на штаны, деверьямъ тоже, свекрови посылаетъ намётку (платокъ своего изделія), а золовкамъ холста на рукава. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется поручи (подарки).

По отъѣздѣ сватовъ невѣста и дѣвушки начинзютъ плясать. Поздно вечеромъ невѣста собираетъ боярокъ (подругъ) въ другую избу и разставляетъ ихъ въ должномъ порядкѣ: старшихъ по правую, а младшихъ по лѣвую сторону. Каждой изъ своихъ боярокъ невѣста кланяется въ ноги, голося и причитывая:: „Спасиба, май милыя падрушки, што ни кинули минѐ ў послѣ́дьнію часи́нку!“ Цѣлуетъ ихъ по нѣсколько разъ и раздаетъ имъ по рюмкѣ водки. Затѣмъ невѣста составляетъ изъ боярокъ хороводъ и сама правою рукою ведетъ его въ ту избу, гдѣ играетъ дуда.

Впереди хоровода идетъ съ иконой крестный отецъ. Войдя въ избу, онъ останавливается у порога, а невѣста съ боярками стоятъ въ сѣняхъ избы, причемъ дверь избы бываетъ отворена. Дуда въ избѣ играетъ припѣвы. Крестный отецъ, обращаясь къ дудѣ, говоритъ:

„Ду́дачка-галубачка! ти ня до́сать вамъ грать, ти нямо́жна шъ вамъ на гету часинку замуўча̀ть: айцу, матири, радьнѣ и знакомымъ княгини благаславе́нства аддать!“ Дуда продолжаетъ играть. Просьба опять повторяется крестнымъ отцомъ, до трехъ разъ, въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Дуда за третьимъ разомъ умолкаетъ. Крестный отецъ, при общей тишинѣ, опять начинаетъ говорить:

„Семъ годъ надъ гра́дамъ (твор. мн. ч.) кача̀ўся, насилу гетый бясѣ́ды дажда̀ўся; пакуль яѐ дажда̀ўся, кафтанъ мой съ плечъ садра̀ўся. Атецъ, мать, братья, сёстры, радьня̀, знако́мыя, запечныя, напечныя, приходныя, атходныя, пріѣ́жжыя и атъѣ́жжыя, у люльки лижащія, на нага̀хъ хадя́щія, храмы́я, сляпы́я, ў́си на хату выхади́тя, маладую княгинію благаславенствамъ надялі́тя: каго̀ Богъ-принёсъ, каго̀ конь привёзъ, и тыя бабы́лачки, што ни маюдь кабы́лачки, и тыя удовушки, што ни маюдь каро́вушки, у Бога доли про́сють, на сабѣ дро́вы но́сють! Хто будить благаславля́ти, таму будимъ па чарки гарѣлки давати!“

Сказавъ эту рѣчь, крестный отецъ отходитъ къ столу и ставитъ въ божницу икону, а невѣста съ боярками входятъ въ избу и садятся за столомъ, причемъ сама она занимаетъ мѣсто на кутѣ, а боярки садятся кругомъ стола. Крестный отецъ беретъ водку съ огромною глиняною рюмкою и наливаетъ ее всѣмъ подходящимъ къ столу для надѣла молодой. Невѣста при каждомъ полученномъ надѣлѣ голоситъ и благодаритъ за надѣлъ. Надѣлы бываютъ очень малы, самый большой пять копѣекъ, а по большей части кладутъ на столъ одну копѣйку или грошъ.

Невѣста сидитъ за столомъ до пріѣзда жениха больше двухъ часовъ. Сватьи въ ожиданіи жениха поютъ пѣсни:

Литѣли гу́ли чиризъ три по́ли,
Зязюля напе́риди.
Гули сѣли, защибита́ли,
Зязюля пракукува́ла.
Чаго, зязюля, чаго, шэ́рая,
Знатъ, сьтюдёну зиму чу́ишъ?
— Чую, ня чую—ни тёплая лѣта!
Ишли дѣвачки чиризъ сѣнючки,
Гапуська напе́риди.
Дѣвачки сѣли, пѣсьни запѣли,
Гапуська заплакала.
Чаго̀, Гапуська, чаго, дѣвачка,
Знатъ, лихую свякро́ў чу́ишъ?
— Чую, ня чую, вижу, ня вижу,—
Ня ро́дная мамка!

—

—

Паду́май, Гапуська, сама сабѣ,
Ти бу́дить во́люхна, якъ у насъ табѣ,
Ти пу́сьтить Иванька пагуля́ть тябѐ?
Хоть пу́сьтить, ня пу́сьтить да на-нимно́жка,
Прикажытъ Гапуськи ни забыу́ля́тца,
На другихъ мылады́хъ ни заглида́тца,
Ны мянѐ мыладо́га ни забыватца.

—

Гапуська, дѣвачка, у каго жъ ты пыталася,
Куды жъ ты хваталася?
Тамъ го́ры гары́стыя, люди нарави́стыя,
Тамъ горы няро́ўныя, свякро́ўки няро́дныя!

—

Вы дѣвачки, вы зрáдьницы маѐ,
У нядѣлю ранинька вы зрáдили мянѐ:
Сабѣ звилй вянóчки съ руты, съ мяты, жъ жóўтага вѐху,
А мнѣ звили вы вяночикъ съ калючага яле́нцу.
Яле́нецъ кóлитъ, галóўку клóнитъ, Божа шъ мой!

—

Ай, ѣдутъ сваты, ѣдутъ,
Ѣдуть нидалёчка, тольки за барóчкамъ,
Ружъи заряжáютъ, пирялёлакъ стриляють:
Пирялёлки ў юшку, перья на падýшку,—
Юшку хлибать, на падушки спать.

—

Если выходитъ замужъ сирота, то ей поютъ слѣдующія пѣсни:

Ня стой, Бóжухна, за дьвирямъ,
Хадй ты, Божухна, у хату!
Сядь-жа ты, Божухна, на кутѣ,
Дай долю-щасьтя сиратѣ!

—

Зялёная дуброванька,
Што шъ у тибѐ сýчьиў мнóга,
Зялёнага нѣтъ ни вóднага?
Маладая Прасутка.
Што-шъ у тибѐ тáтакъ многа,
А роднага нѣтъ ни вóднага?
Ёсь каму́ пить, гуляти,
Да нéкаму парядку дати.
Ёсь каму́ пакланитца,
Да нѣтъ у кагò благаславитца.
А Прасуткинъ жа татка
Да прасиўся у Бога,
Да у Духа Святóга:
Пусьти, пусьти, Божа,
Мине зъ неба на зéмлю,
Сваё дитя пагляде́ти,
Да паряданьку дати:
Ти харашò прибярéна,
Ти на кутѣ пасажóна?
— Прибярёна, якъ панятка,
Пасажóна, якъ сиротка.

—

Пышныи, гордыи баярачки маи!
Чуитя, видитя, ды ни кáжытя,
Што мая разлука на дворъ ѣдить,
Разлучить мине хóчитъ съ вамъ!

—

Къ концу пѣнія пріѣзжаетъ женихъ. Теща надѣваетъ шубу, вывернувъ ее шерстью вверхъ, и идетъ на дворъ съ овсомъ встрѣчать жениха; она осыпаетъ его овсомъ, а женихъ кланяется ей въ ноги. Потомъ теща возвращается въ избу, а женихъ остается на дворѣ. Съ нимъ пріѣзжаютъ его родственники, сестры, дружкó, который повезетъ молодыхъ. Дружкомъ выбираютъ человѣка, знахаря, умѣющаго „отдѣлывать" на случай надобности, такъ какъ на свадьбѣ часто колдуютъ. Бываютъ случаи, что на дорогѣ, гдѣ должны ѣхать молодые, зажигаютъ нѣсколько кулей соломы; лошади не пойдутъ черезъ огонь, а потому дружко, знахарь, можетъ „отдѣлать" это; или отъ нехорошаго глаза заболѣетъ женихъ или невѣста, то дружко тотчасъ можетъ помочь. За это ему платятъ и поятъ водкой.

Пріѣхавши за невѣстой, дружко входитъ въ избу, неся съ собой шубу и платокъ для молодой; подойдя къ невѣстѣ, дружко хочетъ

одѣть ее въ шубу, но боярки вскакиваютъ изъ-за стола и не позволяютъ одѣвать невѣсту, говоря: „въ вашей шубѣ много блохъ и вшей, онѣ закусаютъ нашу княгиню!" Это повторяется три раза, пока дружко не дастъ выкупъ за невѣсту, каждой бояркѣ по двѣ или по три копѣйки. Невѣста тогда надѣваетъ шубу, обвязывается платкомъ, а дружко выходитъ на дворъ за женихомъ; беретъ его за руку и ведетъ въ сѣни, здѣсь они останавливаются около двери избы, а сватьи выпихиваютъ по одной бояркѣ изъ избы къ жениху, говоря: „ти гета ваша княгиня?" Часто бываетъ, что женихъ ошибается и принимаетъ боярку за свою невѣсту. Надъ такимъ женихомъ смѣются и называютъ его дуракомъ. Когда женихъ узнаетъ свою невѣсту, то поцѣлуетъ ее и перекружится съ ней.

Женихъ привозитъ къ невѣстѣ и своего дударя. Невѣста даритъ его поясомъ и полотенцемъ, а женихъ невѣстиному дударю платитъ деньгами.

При встрѣчѣ, ду́ды жениха и невѣсты кланяются одна другой и потомъ уже начинаютъ играть одинаковую пѣсню.

Молодые идутъ изъ сѣней въ избу и садятся за столъ; съ ними же сажаютъ родню жениха. Сестра жениха, садясь за столъ, поетъ пѣсню:

Ты мая братóвачка,
А я твая залóвачка,
Ну ни гóрдывай мной,
Што я сѣла рядамъ съ табóй:
Хоть за сталóчкамъ тваимъ,
Ну за братóчкамъ сваимъ.

Затѣмъ подаютъ ужинъ, который состоитъ изъ многихъ кушаній. Подаютъ, напримѣръ: студень, сыръ, мясо, юшку, крупеню, кашу, медъ и яичницу. Женихъ и невѣста не ѣдятъ ничего; для нихъ кладется *одна ложка*. Послѣ ужина молодыхъ ведутъ въ клѣть (амбаръ) и тамъ угощаютъ тѣми же кушаньями, которыя были поданы за ужиномъ. Съ женихомъ въ амбарѣ неотлучно бываютъ его дударь и дружко.

Послѣ ужина дружко ведетъ молодыхъ въ избу и снова сажаетъ за столъ. Братъ, подойдя къ невѣстѣ, снимаетъ съ головы ея вѣнокъ и надѣваетъ его на свою голову, беретъ молодую за косу и говоритъ: „отрѣжу косу!" А женихъ не позволяетъ, говоря: „что хочешь за неё?" Братъ говоритъ: „двадцать пять рублей!" Женихъ начинаетъ торговаться и наконецъ выкупаетъ косу невѣсты за пять копѣекъ. Тогда братъ расплетаетъ косу сестры, а невѣста голоситъ, говоря:

„Касица мая русая,
Уплёты маи шалкóвыя!
Ни годъ жа, ни два я тибѐ чисала,
За адинъ-жа вичирóчикъ
Я тибѐ прагулялá".

Затѣмъ братъ надѣваетъ сестрѣ на голову вѣнокъ, а сватьи поютъ пѣсню:

Татаринъ братъ систрѣ, татаринъ,
Аддáў сястрицу за дáры,
Русую касúцу за пятакъ,
Бѣлая личика пашлò й такъ.
И варот̄ики ня'ччинúў,
И дарóжаньку ни ўказаў!

— На ета, сястрица, ни ўпавáй,
Части ў гóсьт̄ики прибывай!
„Ня ў тыи руки я папáла,
Штобъ къ т̄ибѣ ў гост̄ики бывала,—
Мóжа ў гадóчикъ разóчикъ,
Да и то на ад̄úнъ часóчикъ!

—

Мать невѣсты приноситъ на столъ рѣшето платочковъ и раздаетъ ихъ дружинѣ, а дружина платятъ за платки по десяти копѣекъ.

Затѣмъ отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчу предъ иконами и благословляетъ молодыхъ, причемъ молодые кланяются иконамъ, потомъ отцу, матери и всѣмъ родственникамъ. Сватьи поютъ пѣсни:

А вишынька Гапуська, вишынька,
Кланяйся мáмухны низинька:
Спасиба, мамухна, за хлѣбъ-соль,
Т̄яперь ни пайдỳ за твой столъ!
Шалкóвая нитычка абъ сьт̄ѣну бьéт̄ь,
А Гапуська татухны дабрáнычь даéт̄ь:
Дабрáнычь, татухна, дабрáнычь,
Ни на адну ночиньку—на весь вѣкъ,
Ни на адну минè—на весь сьвѣтъ!

—

Паѣд̄имъ мы, брáт̄итки, да дóму,
Павизёмъ гетуниволъницу съ ниволи,
Пусьт̄имъ гету ниволъницу па вóли.
Буд̄имъ-жа мы иè ўсёй симéйкай гляд̄ѣт̄и,—
Ти бýд̄ит̄ь инà ў нашу хатку рад̄ѣт̄и?
Кали буд̄ит̄ь у нашу хатку рад̄ѣт̄и,
Буд̄имъ иè ўсёй симéйкай жалѣт̄и.
А ня буд̄ит̄ь ў нашу хатку рад̄ѣт̄и,
Буд̄имъ на иè якъ на вóўка гляд̄ѣт̄и!

—

Молодые уѣзжаютъ къ свекру послѣ полуночи. Съ молодыми ѣдутъ: дружко, дударь и родственники жениха, со стороны же невѣсты никто не ѣдетъ.

Подъѣзжая къ дому жениха, сватьи поютъ пѣсни:

Аччинѝ, мамухна, новый тынъ,—
Мы вязёмъ нивѣсту, якъ твой [сынъ!
Аччини, мамухна, вакóнца,
Мы вязёмъ нивѣстку, якъ сонца!
Вотъ табѣ, мамухна, паслужка,

А мнѣ маладому падружка!
Табѣ, мамухна, пит̄ь пыдавáт̄ь,
А мнѣ мóлайцу пасьт̄éль слат̄ь!
Загадай, мамухна, якъ хат̄ѝ,
Пагадáй, мамухна, якъ д̄ит̄ѝ.

—

Выйди, свякрóўка гырбáтая,
Пиряймѝ нявѣхну быгатыю!

Выйди, свякрóўка саплúвая,
Пиряйми нявѣхну щасьлúвыю!

—

Свекоръ и свекровь выходятъ на дворъ встрѣчать молодыхъ и несутъ съ собой булку хлѣба и горсть льна; при этомъ свекровь говоритъ невѣсткѣ: „пирожокъ съѣшь, а кудельку спряди!“ Молодые идутъ въ избу, гдѣ ихъ сажаютъ за столъ. Молодая кладетъ кудель на божницу. Сватьи поютъ пѣсню:

Жóнычки лябёдычки!
Скланúтя галóвычки,
Пыглядитя сваёй братóвычки!
А у нáшый братовычки
У золыти галóвычка,

Бышмачкѝ казлóвыи,
А плáтьика атласóвыя,
Платочикъ шалкóвый,
А вянóчикъ пярлóвый.

—

Свекровь угощаетъ молодыхъ всевозможными кушаньями. Послѣ ужина прекращается свадьба до слѣдующаго дня.

На завтрашній день, рано утромъ, ѣдутъ къ жениху отъ невѣсты приданки (сватьи) и везутъ кубелъ молодой. Невѣстка утромъ беретъ вёдра и отправляется за водой, и сватьи поютъ ей пѣсню:

А ў панядѣлыкъ рáна
Синія мóря грáла,
Синія мóря грала,
Гапуська вадỳ брàла.
Гапуська ваду брала,
У свой бокъ пыглидáла.
„Ни жàласьлива мамка,
Ни шлéть гасьтéй рана,
Ни шлéть гасьтéй рана,

Галоўка ни прибрана!“
Галоўка, якъ какóўка,
Сама—якъ жидóўка.
Между дѣвыкъ ни дѣўка,
Между жоныкъ ни жонка!
Святый панядѣлыкъ
Атлучиў атъ дѣвыкъ,
А святый утóракъ
Далýчить да жóнакъ!

—

Ай, вумная, разумная Гапуська!
Пыстáвила старóжыньку на брадỳ,
Сама сѣла падъ вúшынькый у саду.
Аткуль, аткуль красная сонца узы́йдить,
Аттуль, аттуль мая́ радúнка пріѣдить.
Той жа динёчикъ маѝ уборы привязýть,
Той жа часочикъ маю̀ галóўку убярýть!

—

Пріѣхавшихъ приданокъ встрѣчаютъ жениховы отецъ и мать и ведутъ ихъ въ избу, сажаютъ за столъ и подаютъ имъ сыръ и водку. Послѣ закуски приданки садятъ невѣсту на скамью, снимаютъ съ нея вѣнокъ и надѣваютъ ей на голову тканку—обручёкъ, кото-

рымъ придерживаются волосы; затѣмъ завязываютъ на голову платокъ. Сватьи поютъ приданкамъ пѣсни:

Бѣлы приданки, бѣлы,
Гдѣ вы бѣла брали:
Ти на мо́ря литàли,
Ти ў лебидя пазычàли?

— Такъ насъ мать радùла,
Ў харошыю чирядùну,
У паѣзды нарядила,
На лаўки пысадила!

—

Зроду ў сватьяхъ ни былà,
Гарѣлки зъ мёдымъ ни пилà.

Сяду ны кутѣ— надму́ся,
Гарѣлки зъ мёдымъ напьюся!

—

На дварѣ дощь идéть, пирипры́гаваить,
Братъ у сястры̀ пирипы́таваить:
„Сястрùца ро́дная, што ни абѣдала?“
— Брàтитка ро́дный, я ня вѣдала!
Я тагда, братитка, сѣни милà,
Подмёўшы сѣни, зы вадо́й пашла.
Свякро́ўка ни мамка—ни паклùкала,
Зало́ўки ни сястрицы—ни сказали мнѣ,
Дéвири ни братцы—ни пазвàли минѐ,
Майгò мùлыга дома нѣтъ!

—

„Якъ табѣ, титéрка, на бо́ру литàти, —
У тибѐ, титéрка, ножки каро́тки?“
— Буду литати, буду ўлàжывати:
Я зъ гары̀ ско́камъ, а на гарў ўзлётамъ!
„Якъ табѣ, Гапуська, ў чужой мамки жыть?
Якъ табѣ ўлажывати?“
— Буду жыть, буду жыть, буду ўлàжывати:
Пысьтялю пасьтельку мягчѣй сваёй,
Пылажў ўзгало́ўя крутѣй свайгò.

—

Ни щибячùтя, дробныя пташки,
Ни будùтя майго свёкра ў пярини!
Якъ я за ложки, а ёнъ за вожки,
Якъ я за лаўки, а ёнъ за качалки —
Мянѐ бить!

—

Приданки уѣзжаютъ домой послѣ обѣда. Предъ отъѣздомъ, подойдя къ свекру и свекрови, поютъ пѣсню:

Ды ни бúтя шъ дубцàми,
Научайтя слаўцàми,
Ды ня бúте вярёўкамъ, (твор. мн. ч.)

Научайтя гавóркамъ! (тоже):
Адъ дубцоў дурнѣить,
Атъ слаўцоў разумнѣить!

—

Вмѣстѣ съ приданками къ тестю и тещѣ ѣдетъ женихъ и везетъ бутылку водки, перевязанную красной лентой. Пріѣхавши къ тестю, женихъ кланяется въ ноги тещѣ и тестю, подаетъ имъ бутылку водки и проситъ ихъ къ себѣ въ гости.

На третій день свадебнаго пира родители невѣсты пріѣзжаютъ къ зятю въ гости, гдѣ ихъ угощаютъ чѣмъ только можно.

Сватьи гостямъ поютъ пѣсню:

Пы замо́рью синіи краски синѣли,
Пы засто́лью лю́быи госьти сидѣли.
Скольки синѣўшы, синіи краски павянуть,
Скольки сидѣўшы, любыи госьти паѣдуть!

—

Гости уѣзжаютъ. На четвертый день жениховъ отецъ и мать ѣдутъ въ гости къ невѣстиному отцу. При отъѣздѣ гостей имъ поютъ пѣсню:

Да дому, сваты, да дому,
Пріѣли кони сало́му,
А кыла тыну стракùву,

А кыла свùрни мякину.
Мы имъ дали читьвярùкъ аўсà,
И астàлась вамъ Гапуська уся.

Этимъ оканчивается крестьянская свадьба.

Владиміров. вол. Городокск. у.
Зап. Л. Ө. Русакова.

—

Въ дер. Волотовкѣ сосѣдней козьянской волости Городокскаго же уѣзда свадебный эпизодъ благословенія совершается такимъ образомъ:

Предъ началомъ благословенія молодого и его одаренія тысяцкій, стоя за столомъ, три раза обращается къ гостямъ съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Госьтики сазваныи, сабраныи! Ти ня вы́ищитца зъ васъ тако́га малайцà, кабъ маладо́му князю пѣсьню сьпія̀ть, у путь-дарогу благаславить и атправить?... Прасùў жа я васъ разъ, прашў и другій разъ!... Прасùў жа я васъ два, и ў третьтій разъ пуўтаряю!“

Но никто изъ гостей, сидящихъ за столомъ, не отзывается. Начинаетъ играть музыка. Въ это время изъ толпы гостей, поющихъ и танцующихъ посреди хаты, слышится голосъ: „Ёсь! Найшо́ўся такій маладецъ! Можыть благаславить и ў путь-дарогу князя атправить!“ Въ избѣ водворяется полнѣйшая тишина. Всѣ взоры обращены къ нарамъ, на которыхъ спитъ крестьянская семья. Здѣсь на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ эти нары, а именно находящемся подлѣ печи, сидитъ „сталбавы́й“,—въ оборванныхъ лаптяхъ, въ изношенномъ балахонѣ—насовѣ, въ рваной шапкѣ и съ растрепанными волосами.

Сидя на столбѣ, сталбавы́й обращается къ музыкантамъ:

„Ду́дки, гу́дки, зво́нкіи музы́кі! Кабъ вы вѣкъ до́ вику играли а на етый часъ пумуўча̀ли! Прасиў жа я васъ разъ, прашу̀ и другій разъ: дудки, гудки (и т. д.). Прасиў жа я васъ два, прашу у третьт̑ій разъ: дудки, гудки, зво́нки музы́ки! Кабъ вы вѣкъ до́ вику играли, а на етый часъ пумуўчали!“

Музыка перестаетъ играть и столбовой продолжаетъ:

„Госьт̑ики сазваныи, сабраныи, дальніи пріѣжжыи, ближніи прихо́жыи, и тыи шъ та бабы́лачки, като́рыя ня мѣют̑ь ни каро́ўки, ни кабы́лачки, на сабѣ дро́ўцы но́сют̑ь, у Бога доли и щасьт̑я просют̑ь! Благаслави́т̑я увесь міръ маладо́га князя! Благаславиў яго Гаспод̑ь Богъ, благаславиў яго Іесусъ Христосъ, благаславила яго Д̑ѣва Маре́я хлѣбамъ и со́льлю и добрымъ здаро́ўямъ на доўгій вѣкъ, на харошый савѣтъ!“

Это приглашеніе столбовой говоритъ три раза, потомъ продолжаетъ:

„Я кача́ўся на падво́рьи па́лачкай, у хату укат̑и́ўся га́лачкай, [1])
На печь уськи́нули мянѐ ато́пкамъ [2]).
Я семъ лѣтъ шата́ўся и бад̑я́ўся па запе́чкамъ, падъ гря́дкамъ [3]),
Пакуль е́тага щасьли́вага ве́чара дажда́ўся, на стоўбъ ускриба́ўся,
Да пана тысе́цкага, ваяво́ды шляхе́цкага пытаўся.
Ты жа, панъ тысе́цкій, ваяво́да шляхе́цкій!
Сяд̑и́шъ ты на мѣсьт̑и, якъ со́калъ на гнѣзьд̑и:
Т̑и ты самъ падайде́шъ, т̑и слугу падашле́шъ, па́ру пирагоў [пришле́шъ?
Ад̑инъ пирогъ д̑ит̑ей карми́т̑ь, а другій пирогъ мнѣ жъ жо́нкай [пражы́т̑ь,
И ко́ўшачикъ винца́ и шкля́начку пиўца̀, го́рла прамачи́т̑ь,
Языкъ павучи́т̑ь, якъ гавари́т̑ь, маладому князю пѣсьню запія́т̑ь!“

Тысяцкій сидитъ молча. Столбовой повторяетъ снова свою рѣчь, на которую тысяцкій также не отвѣчаетъ. Тогда столбовой говоритъ:

„Ты жа, панъ тысецкій, ваяво́да шляхе́цкій!
Сяд̑и́шъ ты на мѣсьт̑и, якъ со́калъ на гнѣзьд̑и:
У т̑ибѐ шъ ня сукни шалкѐвыи шумят̑ь,
Ни казло́выи боты скрипят̑ь, ни шалкѐвыи паясы̀ шумят̑ь,
А такіи жъ ба ато́пки, якъ и у минѐ грѣшнага!
Ни дасто́инъ ты слугу пасла́т̑ь, а дастоинъ ты, панъ тысецкій, [зъ мѣста уста́т̑ь,
Якъ сако́лъ зъ гнизда злит̑ѣт̑ь, даўжо́нъ ты пару пираго́ў принесь,
Два ко́ўшачки пиўца и пару шкля̀начикъ винца,
Горла прамачи́т̑ь, языкъ павучит̑ь,
Якъ маладому князю пѣсьню сьпія́т̑ь!

---

[1]) Вар. шарикомъ. [2]) Изношенный рваный лапоть. [3]) Подъ нарами—твор. мн. ч.

У мине шъ тутъ д̑ит̑я́т̑ій поўны печи и налат̑и,
А за ими и минѐ ни видат̑и!
Я жа тутъ самъ-пятъ и се́мира рибятъ:
И сяду́нъ, и пясту́нъ и три д̑ѣўки бо́льшыхъ.
Прашу̀ я на арт̑ель и на абит̑е́ль, и на чай, и на збі́т̑инь,
И на батъ, и на двананцать братъ!“

Тысяцкій встаетъ изъ-за стола, подноситъ столбовому два пирога, два стакана водки. Столбовой беретъ въ обѣ руки по пирогу и, стуча одинъ о другой, три раза свадебнымъ мотивомъ поётъ:

„Микола сына жэ́нит̑ь, а Мат̑ь Прячистая дачку̀ дает̑ь!..“

Потомъ обращается къ женщинамъ и дѣвицамъ:

„Жо́начки,—вы Бо́жыи пчолачки!
Вы у поля па мёдъ лита́ли,—сваю̀ душку пита́ли,
Т̑иперь, жоначки, пѣ́йт̑я пѣсьни, хот̑ь пу́за ваша тре́сьни,
А ѣсь ни праси́т̑я!“

Тѣ поютъ пѣсни и начинается дареніе.

Запис. І. Барановскій.

Въ Езерищенской волости невѣста наканунѣ вѣнца ходитъ по деревнѣ, голоситъ и кланяется всѣмъ въ ноги, прося благословенія. Въ день вѣнца къ ней приходитъ боярка, приноситъ съ собой вѣнокъ и подножки, чешетъ голову невѣстѣ и заплетаетъ волосы въ одну косу, а поверхъ надѣваетъ вѣнокъ. Тогда зажигаютъ передъ образомъ свѣчку и всѣ присутствующіе молятся Богу. Потомъ невѣсту сажаютъ за столъ, покрытый скатертью, на которую положенъ хлѣбъ и солонка съ солью. Невѣста начинаетъ голосить:

Ради́тиль мой, ро́дный татка,
Ради́тилка мая̀, ро́дная мамка!
Быгаславитя мине́, надяли́тя мине!
За што шъ ты, мой родный татка, на мине рассе́рдиўся?
Рана вы мою галоўку завизали,
Нимно́жычка я у васъ пагуляла,
Нимножычка пакрасувалась!
Ти я шъ у васъ была ни паслушница?
Чужый жа татка ня жа̀ласьливъ,
Чужая шъ мамка ня пага̀дьлива! и т. д. въ этомъ родѣ.

Присутствующіе подходятъ къ невѣстѣ и надѣляютъ ее, кладя по копѣйкѣ, за что получаютъ чарку горѣлки. Отголосивши, невѣста выходитъ изъ-за стола и кланяется отцу три раза. За каждымъ поклономъ отецъ ее креститъ и говоритъ: „Богъ тибѐ быгыслави́ть“. Откланявшись отцу, кланяется такъ же матери и снова голоситъ. Получивъ благословеніе отъ родителей, невѣста по очереди кланяется по три раза каждому изъ присутствующихъ. Получивъ благословеніе и собравъ надѣльныя деньги въ карманъ, невѣста выходитъ изъ

дому и садится на колеса съ бояркой, которая обязана править лошадью; на другихъ лошадяхъ ѣдутъ за нею отецъ съ матерью. То же самое происходитъ и у жениха, только женихъ кланяясь не голоситъ; онъ отправляется въ церковь съ отцомъ, матерью и сватомъ. Когда женихъ и невѣста пріѣдутъ въ погостъ, сватъ отправляется за священникомъ и привозитъ его въ церковь. Женихъ беретъ невѣсту за руку и подводитъ къ аналою, а боярка подстилаетъ подножки, на которыя женихъ бросаетъ пять коп. Послѣ вѣнца женихъ ведетъ невѣсту изъ церкви, стараясь, чтобы никто не прошелъ между нихъ. Это считается дурнымъ знакомъ.

Если молодые живутъ въ другой деревнѣ, то идутъ въ корчму или въ какую нибудь избу въ погостѣ, молятся и садятся за столъ. Мать жениха развязываетъ узлы съ провизіей и угощаетъ присутствующихъ сочнями, мясомъ, рыбой, а отецъ обноситъ водкой. Первую рюмку наливаетъ свату, который пьетъ за молодыхъ: „на совѣтъ, на любоў, на долгій вѣкъ, штобы жыть, ни абъ чомъ ни тужы́ть"! Закусивши, назначаютъ сроки дальнѣйшей свадьбы и отправляются домой. Женихъ, если по пути, завозитъ невѣсту въ ея домъ, а если не по пути, то только катаетъ. Въ это время невѣста отдаетъ жениху семь яицъ въ платкѣ, а женихъ даетъ ей нѣсколько копѣекъ. Яйца эти онъ везетъ домой. Подвезши невѣсту, женихъ въ домъ ея не входитъ, а прощаются всѣ у воротъ. Женихъ съ невѣстой не видятся болѣе до дня свадьбы.

Въ пятницу передъ свадьбой выбранная женщина ходитъ по деревнѣ и приглашаетъ сосѣдей на свадьбу.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы у невѣсты играетъ скрипачъ и происходятъ танцы. Отъ жениха пріѣзжаютъ сваты, отецъ и мать, входятъ въ домъ и кладутъ на лавку подъ образа мѣшокъ съ провизіей, въ которомъ находится вареная говядина, сыръ, ржаной пирогъ, начиненный картофелемъ съ творогомъ. Вмѣстѣ съ мѣшкомъ ставятъ и привезенную въ носаткѣ водку. Пріѣхавшіе здороваются съ отцомъ и матерью невѣсты и говорятъ:

„Сваточки, сваточки! ти ня пу́сьтитя насъ начувать? Мы ѣхыли, ѣхыли пы мхамъ, пы бало́тамъ, пы вяликимъ калодамъ, па тѣснымъ згаро́дамъ,—самы ня ўздумаимъ, аткулицька мы ѣхыли и куды мы пріѣхыли!"

— Ды няго̀ шъ! Уся́ка зь людя́мъ бува̀итъ! Ми́лысьси просимъ, начуйтя! На́ша шъ хата ни тяке́ть, на́йдимъ мѣста, гдѣ пылажыть и по́лиўки на́йдимъ улить, хуть ни таке́й, якъ у людяхъ!

„Ды за ета спасиба, мы можа и свайго̀ найдимъ хлѣба крошку укусить!"

— Ага, у Вывласа ни бизъ запаса! Знать, вы здалёка ѣдитя, што съ сваи́мъ хлѣбымъ выбралися!

Пріѣхавшіе снимаютъ съ себя верхнюю одежду и садятся. Проведя часъ въ хозяйственныхъ разговорахъ, пріѣхавшій сватъ обращается къ свекрови съ слѣдующими словами:

„Ну-тка, сватьтюшка: я думаю, ня му́чьчи вы сябѣ и ни тримайтя вы насъ; а кали што, дыкъ будимъ-тка мали́тца Богу. Ды кали што, дыкъ и тбя!

— А пужалуй сабѣ, сватокъ: кали вамъ пильна хочытца скорѣй справитца, дыкъ и за намъ запрету нѣтути. Кали таго̀, дыкъ и тбя!

Отецъ невѣсты зажигаетъ передъ образомъ восковую свѣчу, и всѣ находящіеся молятся Богу. По окончаніи молитвы ставятъ столъ противъ образа и хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ, преимущественно родственниковъ и сосѣдей своей деревни. Сваты занимаютъ первое мѣсто. За этимъ столомъ никто изъ женщинъ не бываетъ, кромѣ свекрови, которая вынимаетъ изъ мѣшка на столъ пироги, говядину, сыръ. Все это разрѣзываетъ кто-либо изъ сидящихъ за столомъ и кладетъ по столу въ отдѣльныя кучи. Родители невѣсты за столомъ не сидятъ, а стоятъ возлѣ. Свекоръ беретъ носатку съ водкой и, начиная съ хозяевъ, угощаетъ всѣхъ сидящихъ за столомъ; потомъ закусываютъ привезеннымъ. Окончивъ закуску, свекоръ обращается къ хозяйкѣ:

„Сватьтюшка! пыкажы́ти-тка вы намъ лицомъ тыва̀ръ: за што мы пьёмъ, ядёмъ ды прыклажа́имся?"

Во все это время невѣста находится въ другой избѣ, а если нѣтъ другой избы, то у сосѣдей. Мать приводитъ невѣсту, которая, поздоровавшись съ свекровью и свекромъ, становится возлѣ стола. Свекоръ пьетъ водку за ея здоровье, потомъ наливаетъ рюмку, кладетъ туда монету и подаетъ невѣстѣ. Невѣста обязана выпить всю рюмку, а деньги беретъ себѣ. Потомъ свёкровь даетъ ей цѣлый пирогъ, кусокъ говядины, сыръ, бутылку водки и новые сапоги, приговаривая:

„На́-тка шъ, мая̀ нивѣстка любая, питильня́, ядильня́ и бува̀ньня! Пей, ѣшъ, абувайся, прибирайся, жынихивымъ шви́вымъ ни чурайся! Ти якъ-расъ та яны при́дутца табѣ, еты боты? Я ўжу и такъ яму̀ гразйла и казала: гляди шъ ты, злодій-сынокъ! Дѣлый якъ можна пабольшы боты, кали пъ на ўсходахъ были у хыля́вахъ шурокіи, кали пъ было̀ куды и салому улажы́ть и суконку апкрутить!" Невѣста, поблагодаривъ, идетъ въ другую избу и полученнымъ угощаетъ своихъ подругъ.

По уходѣ невѣсты, мать ея подаетъ на столъ свой ужинъ, а отецъ подноситъ передъ каждымъ кушаньемъ свою водку. По окончаніи ужина, музыкантъ играетъ, и нѣкоторыя женщины тан-

цуютъ. Сватья со сватьей тоже должны протанцевать. Наконецъ, сваты уѣзжаютъ. При этомъ невѣста сводитъ ихъ лошадей со двора за узду съ поклономъ. Гости расходятся. Эта пирушка называется вечеринами.

Въ день свадьбы съ самаго утра у невѣсты играетъ музыка и танцуютъ. Приходятъ и пріѣзжаютъ званые съ пирогомъ, то есть, булкой хлѣба фунтовъ въ 10 и 15. Съ этимъ пирогомъ, кромѣ мужа и жены, можетъ являться вся семья. Съ пирогомъ принимаетъ хозяинъ не иначе какъ въ амбарѣ. Взявши пирогъ, онъ угощаетъ принесшихъ водкой. Выпивши, гости отправляются въ домъ и пробывъ часа два, возвращаются къ себѣ, довольные тѣмъ, что были приглашены.

Въ полдень боярки одѣваютъ невѣсту. При этомъ она снова голоситъ. Одѣвшись, она проводитъ все время съ боярками и подъ вечеръ угощаетъ ихъ обѣдомъ.

Вечеромъ принимается за исполненіе своей обязанности дружко, который выбирается преимущественно изъ знахарей. Дружко приказываетъ невѣстѣ собрать подругъ въ сѣняхъ, становитъ ихъ кружкомъ, родители же и родственники стоятъ на особыхъ мѣстахъ, указанныхъ дружкомъ. Дружко беретъ образъ съ зажженной свѣчой и обходитъ вокругъ невѣсты и боярокъ; тогда невѣста кланяется образу въ землю, потомъ отцу, матери и роднымъ по три раза, цѣлуется съ ними и голоситъ: „бyгаслави́ мине, мой татка кармилицъ!“ и т. д. Откланявшись, она идетъ на прежнее мѣсто, а дружко обходитъ три раза около боярокъ и невѣсты съ нашептываніями, потомъ беретъ невѣсту за руку, невѣста боярку, боярки другъ друга и съ музыкой впереди подходятъ къ порогу избы. Остановясь у порога, дружко обращается къ народу съ рѣчью:

„Якъ ёсь у доми свящонымъ, у пиры вясёлымъ родный татка, ро́дная мамка, родныи бра̀титки, родныи сястри́цки, тётки и дядьки, быгыславитя мыладую кынягиню за столъ завесьть!“—Народъ отвѣчаетъ: „Богъ быгыслави́ть!“

— Быгыслави́ли за першымъ разымъ, быгыслави́тя за другимъ!
— Богъ, Богъ быгыслави̇̀ть!
— Быгыслави̇̀ли за другимъ, быгаслави́тя за третимъ!
— Богъ быгыслави̇̀ть!

Тогда дружко, въ сопровожденіи играющаго музыканта, вводитъ всѣхъ въ избу, и обведя вокругъ стола, садитъ на скамейкахъ невѣсту и съ лѣвой стороны ея двухъ боярокъ, а съ правой остальныхъ. Музыкантъ становится въ концѣ стола. Дружко садится на скамьѣ, а крестный отецъ невѣсты—тысяцкій садится около старшей боярки. Тысяцкій наливаетъ по рюмкѣ водки сидящимъ за столомъ. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи два хлѣбца, ударяетъ одинъ о другой и кричитъ: „Госьтики, госьтики! Ти ня вы́ищитца, ти ня вы́кликнитца

мыладца̀ мыладой кынягини пѣсьню пычать? Я пъ яму даў пару пирагóў, казло́выи боты, рукавицы гали́цы, на шапку куницу!“ На печи отзывается запѣвала: „Дывай-ка сюды!“ Дружко передаетъ черезъ толпу хлѣбцы. Запѣвала начинаетъ:

„Дудычки, гу́дычки, сытишы́тесь, сымири́тесь на етытъ часъ, на ету гади́ну!“ Всѣ молчатъ.

„Охъ ты, тысе́цкій, выявода шляхе́цкій! Сяди́шъ ты на кутѝ, якъ со́кылъ на гнязди́, луна́мъ обвѣ̀шыўшысь, звизда̀мъ апто́ркыўшысь, сонцымъ накрыўшысь! А мы шъ съ табой ни видались, винный чарычкай ни вита́лись. Падыйди-тка близёшынька, укланѝсь низёшынька, падняси-тка мнѣ чарку гарѣлки, сыръ на тарелки, у роти пымачи́ть, языкъ паўчи́ть!“

Тысяцкій встаетъ, наливаетъ рюмку и передаетъ ему. Выпивши, запѣвала говоритъ:

„Охъ, якъ я три года пыдъ ла́вычкай качаўся, усё на ету свадипку сыбираўся! Паку́ль на ету свадипку сыбраўся, я сплошъ три года ни пиў, ни ѣў, усё на ету свадипку хатѣў! Охъ вы, батюшки, матушки, братцы, сястрицки, вы шъ, госьтики сыбраныи, сызваныи, кагѐ конь вёзъ, кагѐ Богъ нёсъ, кагó кабылка визла̀, а хто и самъ ишоў, шыта́ўся, быўтаўся, на ету свадипку хватаўся! А вы черти—супостаты, выбирайтись-ка исъ хаты, а пиръ вясёлый, міръ хрящо́ный, быгыславитя мыладой кынягини пѣсьню пычать!“

Народъ отвѣчаетъ: „Богъ быгыславитъ!“ Такъ до трехъ разъ. Потомъ, ударивъ хлѣбцы одинъ о другой, запѣвала кричитъ пѣсню, а за нимъ поютъ и стоящіе около стола:

„Ды святый Кузьма-Димьянъ, да ты скуй намъ свадипку крѣпка, крѣпка-крѣпка на зямлѝ, зво́нка, звонка на не́би!“

Послѣ этого запѣвала слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ столу, гдѣ получаетъ угощеніе.

Тогда начинаютъ надѣлять невѣсту. Прежде надѣляютъ родители, потомъ родственники, а затѣмъ гости. Надѣлъ производится до пріѣзда жениха и продолжается часа два. Женщины поютъ пѣсни слѣдующаго содержанія:

Гдѣ сяди́ть Хадо́нька,
Тамъ лу́ны хо́дють,
Ой, дѣ сяди́ть Хадо́нька,
Тамъ луны ходють.
Атъ сирибра̀, атъ сирибра̀
Луны лоснютца,
Атъ зо́лыта, й атъ золыта
Стѣны щеплютца,
Атъ чирявѝкъ, атъ чирявикъ
Увесь мостъ гари́ть.
Ты паслухай, Хадонюхна,
Ты паслухай, Пили́паўна,
Якъ мы тябе ўзвиличаимъ:
Што ты роду вяликага,
Айца-батьки быга́тага (2 раза),
А матушки разумныя.
Мы ня ўспѣли пѣсьню спѣть,
Ина намъ пыдачи шлеть.

Боярка подаетъ имъ съ поклономъ баранокъ или кусокъ свиной печенки, луковицу или дикое яблоко, яйцо, кусочекъ колбасы, начиненной крупами, и т. п. Всѣ эти подачи раздѣляются поровну между поющими. Если же боярка не скоро даетъ, то поютъ:

Ни забаў, Хадонюхня,
Ни забаў, Пилипаўна!
Ты садьвинься зъ мѣсьтичка,
Ты садьвинься са скупо́га!
Пыдъ табой жа сто рублей,
Пыдъ табой жа й тысича.

Получивши подачку, поютъ:

Ды спасиба, Хадо́нюхна,
Ды спасиба, Пилипаўна,
Зы тваи падарычки,
За нискiи пакло́нычки!
Пыдарила хырашо́хынька,
Укланилась низёхынька!

Тысяцкому поютъ:

Якъ у нашымъ го́рыди
Прыяви́лыся прыя́вушка,
Прыявушка ни малыя,
Што Ярмилка Иванывичъ.
Якъ на имъ куньня шубычка,
Сыбали́ная шапычка,
Падпыя́ска шалко́выя,
И сапошки казло́выя,
Шыты, шыты сапо́жыньки
Въ Ирысла́выви горыди,
Пыдкава́ны сапожыньки
Пысярёдъ бальшой Масквы,
Ныдива́ны сапожыньки
Ны Ярмилкины ножыньки.
Ты паслухай, Ярмилухна,
Ты паслухай, Иванывичъ,
Якъ мы тябе́ ўзвиличаимъ,
Пы батюшки нызываимъ!

Дударю:

А ў дудуря, а ў дудуря
Ды кривая ныга̀, а-а-а!
Дай пирага, дай пирага,
Бу́дить пря́ма ныга, а-а-а!
А ў дудуря, а ў дудуря
Ды кривая шы́я, а-а-а!
Дай сыра, дай сыра,
Будить пряма шыя, а-а-а!
А ў дудуря, а ў дудуря
Ды свинячча лицо, а-а-а!
Дай яйцо, дай яйцо,
Будить царьска лицо, а-а-а!

Ночью прiѣзжаетъ женихъ съ подкняжимъ, поддружiй, дружко, сватъ, сваха, крестная мать и дударь. Если надѣлъ невѣсты еще не оконченъ, то всѣ прiѣхавшiе стоятъ на дворѣ. Когда же надѣлъ окончится, женихъ входитъ въ домъ и надѣляетъ невѣсту нѣсколькими копѣйками, а дружко невѣстинъ подноситъ ему рюмку водки. Послѣ жениха надѣляютъ невѣсту прiѣхавшiе съ нимъ, получаютъ по рюмкѣ водки, и отправляются опять на дворъ. Дружко жениха входитъ со свашкою опять въ домъ и вноситъ армякъ и шубу, привезенные изъ дома жениха. Подойдя къ столу, онъ кричитъ:

„Сваточки, сваточки, дайти-тка намъ надѣть мыладую кынягиню у саболiи шубы, у бабро́выи шапки!“ Боярки отвѣчаютъ:

„А чортъ васъ вѣдыить, яко́я ваша ныдива̀ньня? Яно и зъ ва̀шамъ, яно и зъ гнидамъ, яно и зъ клыпа̀мъ, яно и зъ тыркына̀мъ!“

Дружко три раза отряхиваетъ платье и взмахиваетъ черезъ столъ, чтобы накинуть на невѣсту, но боярки отталкиваютъ его, крича: „Ай, во́шы, во́шы! Ай, гниды, гниды!“ Такъ до трехъ разъ. Наконецъ, шуба набро́шена. Тогда старшая сваха снимаетъ съ своей головы убранную лентами шапку и надѣваетъ невѣстѣ, а вѣнокъ берутъ боярки съ головы невѣсты.

Наконецъ дружко выкупаетъ невѣсту у боярокъ. По окончанiи выкупа, дружко невѣстинъ выводитъ ее изъ-за стола въ сѣни, а дружко жениха вводитъ туда жениха. Дудари „вита́ютца“, т. е. здороваются. Боярки стоятъ около невѣсты, а дружко говоритъ: „дайти-тка намъ то́я, што нада! „Невѣстинъ дружко подводитъ которую-либо изъ боярокъ и говоритъ: на̀ти-ткы шъ вамъ тоя, што нада!“ Второй дружко кричитъ: „нѣ, нѣ, нѣ! ни тая, ни тая, ни тая!“ Первый, взявши другую боярку, кричитъ: ну, на̀ти шъ вамъ ету! Второй кричитъ: „ня ету! ня ету! ня ету!“ Первый посылаетъ третью боярку: „ну, на̀ти шъ вамъ во ету штучку! луччи у насъ нѣту!“ Второй кричитъ: „аткасни́сь, атвяжи́сь, атлѣсь съ сваѐй штучкай! Дай-ка я самъ выбиру па сваѐй гу́тарки то́я, што мнѣ нада!“ И одной рукой обнимая невѣсту, а другой жениха, оборачиваетъ около себя три раза. Невѣста, надвинувъ на лицо данную ей шапку, ни подъ какимъ видомъ не должна даже взглянуть на жениха, и онъ тоже не долженъ видѣть невѣсты. Женщины поютъ:

Харитка Амосыўна!
Ни дывай Сазоньки Пилимо́ны-[вичу
Ны нагу̀ ступать, (2 раза)
Ни дывай яму̀ (2)
Зы руку̀ хватать! (2)

Второй дружко вводитъ молодыхъ въ домъ и сажаетъ за столъ; съ ними садятся также первый дружко, сватъ, сваха, подкняжiй и поддружiй. Дудари становятся въ концѣ стола. Поддружiй вынимаетъ изъ мѣшка и кладетъ на столъ хлѣбъ, говядину, пироги и разрѣзываетъ ихъ. Второй дружко вынимаетъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой и обноситъ сидящихъ за столомъ. Послѣ этого угощенiя теща подаетъ на столъ свой ужинъ: по́ливку, крупе́ню, говядину, кашу и холодное. Какъ только поставитъ хозяйка на столъ чашку съ кушаньемъ, то первый дружко, обдѣливъ всѣхъ рюмкою водки, беретъ ложку, пробуетъ кушанье и потомъ, ударяя ложкою о чашку разъ десять, приговариваетъ: „Госьтики, госьтики! ми́лысьси просимъ ѣськи! А-вой, дужа смачна, — я чуть-чуть языкъ ни прыглатиў! Ляди́тя, и вы ня бутьтя дужа ахво́тьливы, ни прыглати́тя языки, а то шъ вы гало́дны, якъ сабаки!“ Всѣ смѣются.

Столъ этотъ продолжается часа два и во все время женщины поютъ гостямъ пѣсни. По окончанiи ужина, первый дружко выводитъ молодыхъ изъ-за стола въ особую избу или амбаръ; тамъ теща даетъ имъ особенный ужинъ, называемый закармливанiемъ. Здѣсь никто не

присутствуетъ кромѣ жениха, невѣсты, дружка, тестя и тещи; за этимъ столомъ молодые утоляютъ свой голодъ, потому что въ продолженіи бывшихъ раньше угощеній они ничего не ѣдятъ, а только иногда выпиваютъ поднесенную водку. Иначе ихъ назовутъ вслухъ прорвами голодными. Закормный столъ отошелъ; тогда первый дружко ведетъ молодыхъ и подкняжаго въ домъ опять за столъ.

Братъ невѣсты беретъ лучину, точитъ ее о печь и кричитъ, что онъ отрѣжетъ косу невѣсты, если не дадутъ ему выкупъ. Сватъ предлагаетъ ему три копѣйки, братъ требуетъ рубль; начинается торгъ; если сватъ даетъ мало, то братъ невѣсты говоритъ:

„Нутка, сваточки-браточки! Кагда вы сваталися-браталися, то хвалилися-гардилися, што у васъ усяго мнóга и денихъ куча, сто валбў, сто карбў, свиней стáда, ходють па шышкамъ, таскають на иасáхъ кубышки съ диньгáмъ, а какъ пришлóся, да ўмѣста сышлóся— за ета, сваточки, ня гнѣвайтися—адну вы свинью мáитя и тую за хвостъ падымаитя!“

А женщины поютъ:

„А братъ систрѣ татаринъ,
Прадаў систру за талиръ,
Русу касу за питáкъ,
Бѣла тѣла вотъ за сякъ!“

Сватъ даетъ 20 коп., если женихъ не бѣдный. Сестра благодаритъ брата, цѣлуя его.

За столъ садятся сватъ, свашка, второй дружко, поддружій и дударь. Хозяйка подаетъ закусывать говядину, кашу и яичницу.

Послѣ стола молодая кланяется родителямъ въ ноги, они благословляютъ ее образомъ; второй дружко беретъ молодыхъ за руки и выводитъ на дворъ, гдѣ ожидаютъ ихъ приготовленныя лошади.

Женщины поютъ:

Шалковая ленточка
Къ стѣнки льнéть,
А дачўшка мамки
Добрáнычь даетъ!

Въ сѣняхъ около невѣстина кубла стоятъ боярки и не отдаютъ кубла безъ выкупа. Послѣ выкупа кубелъ беретъ особый подводчикъ „возила“. Со двора съѣзжаютъ молодые, за ними приданые, возила, дударь, дружко съ подкняжимъ и сватъ. Придаными называются родные невѣсты самые близкіе. Ихъ бываетъ человѣкъ до 20. Иногда старшая приданка покупаетъ у родителей это званіе, давъ имъ барана, или холста, или денегъ, потому что на свадьбѣ первая рюмка начинается съ нея и оканчивается угощеніе на ней же. Она же въ домѣ жениха по пріѣздѣ занимаетъ первое мѣсто послѣ молодыхъ.

Съѣхавши со двора, останавливаются, и дружко обходитъ вокругъ ихъ три раза съ нашептываніемъ, стегаетъ по одному разу всѣхъ лошадей и тогда отправляются въ домъ жениха.

Въ домѣ жениха, услыхавъ издали крикъ и пѣніе несущихся во весь опоръ сватовъ, выходятъ на встрѣчу отецъ и мать, надѣвши

вывороченныя шубы. Молодые, поклонившись родителямъ, входятъ въ домъ, и гости садятся за столъ. Большая приданка вынимаетъ изъ мѣшка свою закуску, говядину и пирогъ, а хозяйка дома даетъ свой ужинъ, молодые же стоятъ въ концѣ стола. Ужинъ оканчивается яичницею, и невѣста кладетъ крестному отцу и матери дары, т. е. аршина два холста и больше. Тогда молодую выводятъ изъ хаты въ сѣни и садятъ на хлѣбную дежу. Большая приданка снимаетъ у нея надѣтую прежде на голову шапку и обвязываетъ большимъ платкомъ сверхъ кокошника—„повязываетъ молодую“. Потомъ дружко заводитъ молодыхъ за столъ. Мать въ какой-нибудь битой чашкѣ подаетъ имъ ложку каши. Молодой, сломавъ ложку, бросаетъ черепокъ съ кашей на печь, а мать въ это время вскакиваетъ на лавку въ той же вывороченной шубѣ и бросается на молодыхъ съ кнутомъ. Молодой, схвативъ молодую за руку, бросается съ ней черезъ столъ въ сѣни, гдѣ дружко встрѣчаетъ ихъ и на всемъ бѣгу отводитъ въ приготовленное мѣсто спать.

Мѣсто для спанья выбираютъ въ хлѣву для овечекъ, которыхъ выгоняютъ оттуда, настилаютъ много соломы и кладутъ постель невѣсты. Дружко раздѣваетъ ихъ въ присутствіи дударя и приданыхъ, потомъ обходитъ вокругъ молодыхъ съ нашептываніемъ три раза и кладетъ на постель, стегнувъ ихъ слегка кнутомъ. Потомъ, оставляя молодыхъ, уходятъ, хлѣвъ запираютъ и подпираютъ дверь палкою. Въ домѣ начинаются танцы. Затѣмъ всѣ ложатся спать. Дружко и дударь, выспавшись, берутъ бутылку водки и отправляются будить приданыхъ. Угостивъ ихъ водкой, вмѣстѣ идутъ будить молодыхъ. Разбудивъ молодыхъ, всѣ отправляются за столъ и завтракаютъ, а молодые стоятъ въ концѣ стола съ лѣвой стороны дударя. Окончивъ завтракъ, изъ приданыхъ нѣкоторыя танцуютъ, нѣкоторыя поютъ пѣсни, а иныя спятъ

Женихъ съ подкняжимъ, взявъ бутылку непремѣнно чѣмъ-либо закрашенной водки и пирогъ, отправляются къ родителямъ молодой— на перезывки. Пріѣхавъ туда, останавливаются около сѣней. Теща выходитъ въ сѣни въ вывороченной шубѣ и подноситъ зятю въ какомъ-либо ковшѣ зачерпнутаго изъ-подъ кваса густого пристоя; зять, принявъ такой напитокъ, и поднеся къ губамъ, бросаетъ назадъ отъ себя и съ подкняжимъ стегаютъ лошадей, которыя скачутъ изо всѣхъ силъ. Проскакавъ саженей сто и болѣе, возвращаются назадъ и сходятъ съ лошадей; зять кланяется въ ноги родителямъ своей невѣсты и отдаетъ имъ водку и пирогъ. Ихъ вводятъ въ домъ, сажаютъ за столъ и съ ними нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ родныхъ и знакомыхъ. Теща подаетъ кушанье, а дружка неотступно угощаетъ водкой молодого и подкняжаго, не давая имъ отдыха. Женщины поютъ сидящимъ за столомъ.

Пѣсня подкняжему, который бываетъ некрасивъ и темнаго лица:

Ай, бѣлинькій, кудрявинькій Самсонька,
А ня пье́ть ёнъ вина, спыдиваитца ны мядо́къ.
Пале́тили пчолки на боръ па мётъ пры яго,
Ай, бу́димъ мы мядочикъ тамъ сыбирать,
Ай, будимъ мы гарѣлычку сытити,
Ай, будимъ мы Самсонюхну пайти,
Штопъ нашъ Самсонька Малахывичъ вясёлъ быў!

По выходѣ изъ-за стола, женихъ обязанъ пройти съ тещей подъ музыку дударя танецъ, называемый плясъ, или казакъ.

Черезъ нѣсколько времени тесть ведетъ жениха и подкняжаго въ особую избу, или амбаръ, и снова угощаетъ. Если они не въ силахъ выйти сами, то ихъ выносятъ оттуда и сажаютъ за столъ „для отбесѣдыванія“. Если же они рѣшительно не могутъ шевелить языкомъ, то ихъ кладутъ въ сани, вложивъ жениху за пазуху бутылку водки и пирогъ и укрѣпивъ хорошенько возжи, чтобы не запутались около лошади, прогоняютъ лошадь со двора, которая, зная дорогу, привозитъ благополучно сѣдоковъ домой.

Если, пріѣхавши домой, они еще могутъ двигаться, то ихъ сажаютъ за столъ. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи привезенную водку и пирогъ и раздѣляетъ между гостями; за столомъ рядомъ съ женихомъ сидитъ и невѣста. Женщины поютъ.

Жениху.

А бѣлинькій, кудрявинькій Иванька!
А хто шъ тибѐ бѣлёшанька вамываȣ̆,
А хто шъ тибе сушо́хынька утира́ȣ̆?
Вамывала бѣлёханька вадица,
Утирала сушохынька халсти́ца,
Завивала кудёрычки сяստри́ца.
А твой татка ясинъ мѣсяцъ,
Твай мамка красна сонца:
Ясинъ мѣсяцъ видна свѣтить,
Красна сонца тёпла грѣить.

Невѣстѣ.

Лятйть сако́ля изъ улицы, галубушка изъ другой.
Слитáлися, цулувалися, сизыми крыльями абнималися.
Да камў мы пѣснь спѣли, таму дабро̀,
Каму вынитца, таму збудитца,
Каму збудитца, таму ни минуитца.
Ты ни скупися, падарачкамъ пащити́ся!
Ни зязю́ли кукують, ни сылаўй щибечуть,
А играютъ игри́цы, мыладыя мыладицы.

Послѣ отъѣзда жениха къ тестю, приданыхъ сажаютъ за столъ, въ концѣ котораго стоитъ невѣста, и обѣдаютъ. Обѣдъ долженъ кончиться до пріѣзда жениха, который не долженъ застать ихъ у себя дома; въ дорогѣ они тоже не должны встрѣтиться; если же нельзя избѣжать встрѣчи, то женихъ сворачиваетъ въ лѣсъ.

Когда сваты сидятъ за столомъ, то имъ поютъ:

Пара̀ госьти да дому, да дому,
Паѣли кони сало́му, сало́му,
Аржаную, ираву́ю, ираву́ю,
Ячную, смачную, смачную.
А приданки дамоў ѣдуть, Харитку кидають,
А приданки дамоў ѣдуть, Амосыўну кидають!

—

Госьти май, госьти май, дырагіи май,
Чымъ жа васъ, госьтики, ды й папо́штывати?
Ёсь у мяне, ёсь у мяне ды й зялёный сатъ,
У тымъ саду, у тымъ саду вирябьёва стада.
Бярў ружъё, ды бяру ружъё сымастрѣльныя,
Бью вирибья, бью вирибья сыма лўччага.
Крылки, ношки, крылки, ношки у крупеньки зварю,
Сымаго̀ вирибья на пряжо́ньня спякў.
Ѣшча, госьти, ѣшча, госьти, ни заса́льтя вусо́ў,
Пы кишо́нямъ, пы кишо́нямъ ни раскладывайтя:
Етымъ жа вы свайхъ дятѐй ня вы́кармитя,
Толька вы ихъ, толька вы ихъ рыспатво́ритя!

Поѣвши, приданые прощаются съ невѣстою и прочими и отправляются къ родителямъ невѣсты—кто безъ шапки, кто безъ рукавицъ, а которая и безъ платка.

Въ тотъ же вечеръ отправляются къ жениху перезывщики, человѣкъ 6—8 и болѣе, родители невѣсты, родственники и знакомые. При пріѣздѣ туда ихъ встрѣчаютъ молодые, родители жениха, дружко и дударь съ музыкой. Вводятъ ихъ въ домъ, гдѣ молодые кланяются родителямъ невѣсты; потомъ ихъ садятъ за столъ и подаютъ извѣстныя кушанья, а также у кого есть медъ, сладкое молоко, наконецъ—холодное. Послѣ стола сватъ со сватомъ ходятъ по скотному двору и амбарамъ, осматривая хозяйство. Черезъ часъ гостей опять сажаютъ за столъ и угощаютъ. Женщины поютъ отцу невѣсты:

А сватъ свата про́сить, (2)
У рукахъ шапку но́сить: (2)
Ай, сватя, мой сватя,
Пубывай ў маёй хати,
Пувида́й майго̀ дива,
Пупива́й майго пива!
Маё дива диўно́я
Маё пива пиўно́я!
Ты паслухай, Амосюхна,
Ты паслухай, Дями́дывичъ,
Якъ мы тябе ўзвиличаимъ,
Пы батиньки называимъ,

Што ты роду вяликага,
Айца-батьки быгатага, (2)
А матушки разумныи.
Мы ня ўспѣли пѣсьню спѣть,
А ёнъ намъ пыдачи шлеть.

Ды спасиба, Амосюхна,
Ды спасиба, Дямидывичъ,
Зы твай пыдачиньки,
За нискiи паклóнычки!

А если величаемый не даетъ, то поютъ:

Ты садьвинься зъ мѣсьтичка,
Ты садьвинься са скупога.
Пыдъ табóй сто рублей,
Пыдъ табóй тысича.
Ни зязюли кукують,

Ни сылаўй щибечуть,
А играють игрицы,
Мыладыи мыладúцы!
Ни зыбаў, Амосюхна,
Ни зыбаў, Дямидывичъ!

Послѣ стола отправляются домой, и свадьба кончается.

По записямъ Ю. С. Заицъ.

Свадебныя пѣсни Городокскаго уѣзда.

А кони маи сúвыи,
Ти щýитися сь сúлыю,
Ти привизéтя милыю?
Мая мила лёгынька:
Двинадцыть канéй пристáла.
А три кареты зламáла,
Падъ той гóркыю, падъ крутой,
Падъ той царкóўкый, падъ святой.
А ў той царкóўки святый Спасъ,
Звиньчаў свадипку ў добрый часъ,
У харошыю гадúну, у щасьлú-
[выю часúну.

Паѣхыў Иванька жанитца,
Забыўся зориньки кланúтца.
Ны ягò зоринька дивúла:
„Я тибѣ, Иванька, святúла,
Якъ тибѐ мáтя радúла.
Па сѣнямъ хадúла, якъ пава,
Радúла тибѐ, якъ пана;
Па сѣнямъ хадúла бизъ пыяса,
Радúла тибе, якъ панича;
Па сѣнямъ хадúла, якъ ря́ся,
Радúла тибѐ, якъ князя.

—

Чересъ боръ дарóжынька—чарназёмъ.
Тамъ ѣхаў Иванька чарнабрóў.
Увидила Палагейка сь тиримà:
„Заѣть, заѣть, Иванька, на таржóкъ,
Купи маёй мáмухны пиражокъ,
Кабъ была лáскыва ды тибѐ,
Кабъ аддалà минѐ мóладу зы тибѐ!"
— Я ни мáю злата—сéрибра при сабѣ,
Тольки мáю три я́блычки ў кишанѣ,
Ета маёй княгини съ пахмéлья,
Кабъ ни балѣла галóвушка зъ вясельля!

—

„Ни стой, Божухна, за дьвиря́мъ,
Хади, Божухна, ў хату къ намъ,
Сять, Божухна, на кутѣ,
Дай дóлюхну сиратѣ!"

— Хуть я ў хáтуньку ни пайдў,
Хуть я ни ся́ду на кутѣ,—
Я дамъ долюхну сиратѣ!

—

Скрипнули варóты съ паўначú,
Наѣхыли, мамухна, три паничи,
Стали маю косуньку трипáти,
Стала мая мáмухна плакати.
„Ни плачь, мая мамухна, пы касѣ,
Заплачь, мая мамухна, пы красѣ!
Я тваё падвóрья красила,
Я тваю симéйку висялúла.

Вчирà рѣчинька бы́стра ишла,
Сягóньни рѣчинька смутна идéть.
Вчирà Палагейка вéсила была,
А сягоньни Палагейка смýть-
[нинька.
Асѣла яѐ чужы́на,
Ўсё жанихова радúна:
Съ правага боку залóўка,
А съ лѣвага боку свякрóўка.

—

А бѣгъ зайка па пóлю, туля́ся,
Ѣхаў Иванька па гóрыду, хваля́ся:
Слава Богу, даў Богъ тесьтя,
Якъ рóдныга татку,
Даў Богъ тещу, якъ рóдную мамку,
Даў Богъ швáгра, якъ рóдныга брата,
Даў Богъ свéсьтiй, якъ рóдныхъ сéсьтиръ.

—

Пчóлки маи я́раи, што вы сидúтя, што вы на палётъ ни лятúтя:
Ти васъ дóжджикамъ змачúла, ти васъ вѣтрикамъ прибила?
Госьтики маи любыи! што вы ни пьитё, ни ясьтё:
Ти вамъ патрáўка ни харашà, ти вамъ, госьтики, хлѣбъ ни ўкýсинъ,
Ти вамъ, госьтики, хызяинъ ни вéсилъ, ти вамъ, госьтики, гарэ́лка
[ни пьяна?
Кали гарэлка ни пьяна—мы иѐ падхмéлимъ,
Кали хлѣбъ налóвинъ—дыкъ мы вамъ прапóлимъ,
Кали хызя́инъ ни вéсилъ, дыкъ мы ягò пыдвисялúмъ!

—

Частýйтися, госьти,
Просимъ вáшый милóсьти,
Кабъ вы пили, ѣли,
Висялéнька сидѣли,
Добрыи мысьли мѣли,
Харóшыи пѣсьни пѣли!
Хызя́ину чесь-хвылà,
Што бясѣда висилà.

Пынаѣхыли госьти
Съ чужóи валóсьти,
Сѣли яны́ зы стылами.
Узялись яны мёдъ-вино пить,
Абъ столъ кýпкымъ бить.
„Тúшай, госьти, тúшай!
Вамъ вина ни папúти,
Кýбакъ ни пабúти!"

—

А лятѣли гуси
Съ чужой дальнiй Руси,
Сѣли яны ныдъ вадóю.
Стали яны вадў пити,
Абъ лёдъ кры́льямъ бити.
„Тúшай, гуси, тúшай!
Вамъ лёдъ ни разьбити,
Вады́ ни папúти!"

Кала замóрья
Синiи краски цвитѣли,
Кала застолья
Любыи госьти сидѣли.
А сколька цвитѣўшы,
Синiи краски пывянуть;
А сколька сидѣўшы,
Милыи госьти паѣдуть.

Якъ пайду на вулицы,
Два дварьі минуючи,
А на третьтимъ дварбчку
Я стану паслухыю,
А што люди судють,
Сусѣди гаворють?
А што люди судють—
Майго свёкра гудють,
Майго свёкра гудють,
Свякрову ни хвалють.
Ахъ вы, люди, люди,
Добрыи-сусѣди!
Што вы ни казали,
Якъ мине ни виньчали,
А тяпе́рь нихай такъ будить,
Якъ Богъ су́дить!

—

Дѣўка гаро́й ишла,
А ло́гамъ садъ садила,
И зъ мамкый гывари́ла:
Мамка мая́ ро́дныя!
Кали ўдасца жильё маё,
Паливать садъ табѣ буду,
А кали ни ўдасца жильё маё,
Я твой садъ высушу:
То таско́й, то бидой,
То гарючимъ слизамъ!

—

Ти ня шутъ быў Иванька, пыдманьщикъ,
Пыдшути́ў, пыдмани́ў дѣвычку:
„Ай, хади, дѣвычка, ны маю стыранў!
Ны маёй стыранѣ ни па ва́шыму:
У бочкахъ ваду ны валахъ возють,
У кытлахъ на кухни абѣдъ варють,
Вѣтрамъ, ви́хрямъ хату мяту́ть!“
Якъ пришла дѣўка ны яго стыранў:
„Пыкажы-ка, дѣ валы стыять,
Пыкажы-ка, дѣ катлы висять?“
— Ета шъ я тибѣ абманиваў,
Ны сваю стыранў пириманиваў!
А на нашый стыранѣ ўсё па ва́шыму:
У судахъ на пличахъ вадў носють,
У гаршкахъ, у печкахъ абѣдъ варють,
Вѣничкамъ да ручкамъ хату мятуть!

—

Баяра́чки, падманачки вы май!
Пыдшутили, пыдманили вы мянѣ:
Казали—пайдёмъ ў зилёный садъ гулять,
Казали—мы будимъ цвиты щипать,
Казали—мы будимъ винки́ звивать!
— А сабѣ звили жъ жо́ўтай мяты винокъ,
А мнѣ звили съ калю́чига иле́нцу!
Иле́ницъ колить, галоўку кло́нить—Божа мой!

—

А ў на́шыга свата тисовая хата,
Съ пираго́ў печка збита, блинами накрыта,
Сачнёвы дьвери, кабъ ни скрипѣли,
Круго́мъ хаты е́льля, а ў хати весельля,
Кругомъ хаты рожа, а ў хати пругбжа,
Кругомъ хаты мята, а ў хати багата!

—

Здрыгану́лиси сѣни,
Якъ госьти пасѣли,
Ни такъ здрыгану́тца,
Якъ госьти упъютца.
Тишай, госьти, тишай!
Ни лама́йтя вы ла́вык,
Ни щапа́йтя вы чарыкъ:
Нашы лаўки дубовыя,
Нашы чарки мидя́ныя,
Нашы напитки пъяны,
Закуски сахо́рны!

—

Бѣлинькій, кудрявинькій жынишо́къ!
А хто иго билёшынька вымаваў,
А хто иго кудёрухны ращисаў?
— Вымавала билёшынька матухна,
Ращисаў русы кудирки татухна.
А ў суботу у вечари ращисаў,
А ў нидѣлю у по́изды пысади́ў:
„Паиижжай, паиижжай, жани́шухна, ни баўся,
На чужыхъ красныхъ дѣвушыкъ ни га́лься,
На сваю жонухну спыдивайся!“

—

Ай, росъ, ни даро́съ жынишо́къ!
Са згаро́ды ны каня́ сади́ўся,
Атлами́ў три розки бирёзки,
Сикану́ў коника падъ ножки:
„Бяги́, мой косе, ўсё рысьтю,
Къ майму́ татухны съ карысьтю,
Къ маёй мамухны зъ ра́дасьтю!“

—

Вылитаў сакóлинька
Съ-падъ зилёнага сада,
А съ-падъ бѣлага винаграда.
А за имъ уси пташачки,
Якъ рой вымитаўся,
На мителиньку змитаўся.
А зъижжа́ў Иванушка
Зъ вяликага сила́,
Зъ быгатыга двара́.
А за имъ Палагеюшка:
„А пасто́й, Иванушка,—
Пыгавóримъ съ табой:
Дѣ намъ ночку нучувать?“
— Ли даро́ги мой татухна жы-
[вéть:
Тамъ мы будимъ нучувать,
Тамъ намъ будуть вичеру гу-
[тувать.

Болецкая волость.

—

А сватъ свата про́сить —
У рукахъ шапку но́сить.
„А, сватя мой, сватя,
Пабывай у маёй хати,
Павидай майго дива,
Напивай майго пива; —
Маё дива диўно́я,
Маё пи́ва пиўно́я.

—

Плакала маладая,
Што мамка ни тая,
Свякроўка лихая.
Пайду я на рынокъ,
Куплю стаканъ мёду
Ды каночку пива,
Свякроўку привитаю,
Работки папытаю.
„Свякроўка, мая мамка,
Пакажы мнѣ работку,
Пакажы мнѣ работку —
Усю сваю заботку"!
— Нивѣхна, дачу́шка,
Уставай ранёнька,
Умува́йся билёнька,
Утирайся сушо́нька,
Мали́сь Богу щирёнька —
Тады бяри́сь за работку,
И узнаишъ забо́тку.

—

Учбра ня быў
Сягодьни ня быў,
Чаму жъ ни приѣхуў? (2)
Ти каня ня мѣў,
Ти самъ ни хатѣў,
Ти мать ни пущала? (2)
— Я й ко́ня имѣў,
Я и самъ хатѣў,
И мати пущала: (2)
Ёсь ў минѐ систра —
Семь лѣтъ ни расла, —
Тая ни пусьтила!
„Ня ѣдь, братитка,
Ня ѣдь, роднинькій,
Проти тёмнай ночки
На пьяныи люди:
Ночинька тимна̀,
Дарожка грязна̀:
Къ абѣду ни паспѣишъ!"

—

Ни диви, галубка, на галуба̀:
Ты сама галуба прива́дила —
Ча̀стаю, ча̀стаю палётушкай,
Ла̀скаю, ла̀скаю, щабётушкай!
—Ни диви, Марьютка, на батюшку:
Ты сама Иваньку прива̀дила —
Ча́стаю, ча́стаю пахо́душкай,
Ла̀скаю, ла̀скаю, гаво́рачкай.

—

Ня хади, княгинька, бо́камъ, бо́камъ, —
Пріѣхаў жанишокъ ни наро́камъ.
Ня хади, княгинька, задраўшысь, —
Пріѣхаў жанишокъ, сабраўшысь.
Ня хади, княгинька, кала ла́вакъ,—
Пріѣхаў жанишокъ бизъ бара́накъ.

—

„Ти гримять калёски ў даро́жыньки,
Ти лящать падко́ўки сталёвыя,
Ти звинять звано́чки спижо́выя,
Ти ѣдить тамъ панъ Иванька,
Ти вязе́ть паненку Алёнухну?"
— Ай, гримять калёски ў дарожыньки,
Лящать падкоўки сталёвыя,
Звинять званочки спижовыя,
Ай, ѣдить тамъ панъ Иванька,

Вязе́ть паненку Алёнухну!
Ты выйди, свякро́ўка гарбатая,
Цирямй нявѣхну быгатую!
Выхади, свякроўка сапли́вая,
Сустричай нявѣхну щасьливую.

—

Скрипнули варо́ты съ паўначи:
Пріѣхали къ Марьютки паничи.
Вотъ табѣ, Марьютка, за то́я,—
Было̀ ня плесь ко́сыньку утро́я!
Было̀ плесь косыньку ў чатыри ряды̀:
Жыла̀ бъ ты у батюшки чатыри гады̀.
Я й ня годъ жыла, я й ня два,
Ня 'дну лентачку знаси́ла,
Ня 'днаго̀ малайца̀ ссушыла, —
Аднаго Иваньку сукраси́ла.

—

Литала сизая пава па по́лю;
А за ей сизый се́лизинь у даго́нь:
„Стой, пастой, сизая пава, ты минѐ!"
— Што табѣ, сизый селизинь, ды минѐ?
Ёсь у тибѐ лѣпшы пташычки зы мине!"
„Облита̀ў чатыри сады, ящо й три, —
Ни нашо́ў такѐй пташычки, якъ и ты!"
Гуляла млада Марьютка па са̀ду,
А за ей младо́й Иванька удаго́нь:
„Стой, пастой, млада Марьютка, ты минѐ!"
— Што табѣ, младо́й Иванька, ды мине?
Ёсь у тибе лѣпшы дѣвачки зы мине!
„Абхади́ў чатыри сялы́, ящо й три, —
Ни нашо́ў такѐй дѣвачки, якъ и ты!"

—

Бѣлая бярёза
Усё лѣта шумѣла,
Зъ лйстійкамъ гаварила:
„А вой, листійка,
А вой, жо́ўтая,
Ты минѐ паки́нишъ!"
— Ня бось, бярёза,
Ня бось, бѣлая, —
Я тибѐ ни пакину̀!
У восинь атсыплюся,
Вясно́й апя́ть буду:
Шумѣла—шумѣть буду,
Да вѣку ни забуду!"

Марьюткина мамка
Усю ночку ни спала,
Зъ Марьюткэй гаварила:
„А вой, Марьютка,
А вой, дачу́шка,
Ты минѐ паки́нишъ!"
— Ня бойсь, мамухна,
На бойсь, родная, —
Ни разу ня кину!
Нидѣльку атжыву̀,
Ў суботу апять буду, —
Да вѣку ни забуду!

—

Кукувала зязюлька ў барочку,
Прилóжыўшы галóўку къ листочку.
Кукуваўшы, казала: „Божа мой!
А Божа мой, Божа, Божа мой!
А хто жъ май гнязьдéчки разарúў,
А хто жъ май яéчки усё й пабрàў?“
— Разарили гнязьдечки канюшки,—
Пабрали яéчки пастушки!
Плакала Марьютка ў святлúцки,
Прилажыўшы галоўку къ шклянúцки.
Плакаўшы, казала: „Божа мой!
А, Божа мой, Божа, Божа мой!
А хто жъ маи вянóцки разабрàў,
А хто жъ маи устýшки ўсё й пабрàў?
— Разабрали вяноцки падружки,
Пабрàли устушки сяструшки!

—

Па гарỳ Настýлька йшла,
Падъ лóгамъ садъ садила,
Сваймỳ татки гаварила:
„Ахъ ты, татухна,
Паливàй мой зéлинъ садъ
То сатóю, то мядóю,
Зверху бѣлымъ сàхарамъ“.
„Дýрна, дýрна дитя маё,
Ни разумна Настýлюхна!
Харашò жильё бýдить,
Ты сама пра свой садъ забудишъ;
А дурнà жисьть твая будить,
Ты сама свой садъ пальéшъ
То таскóю, то бядóю,
Зверху горькими слизами!“

—

Ти ня Богъ табѣ даў, Иванька,
Што твая Марьютка пригбжа,
[якъ роза,
Якъ душа харашà!
Нямножка нада абрáду:
Баброву шубу на плечи,
Саяѝнъ зялёный па пяты,
Хвартухъ синій па калѣны,
Буйны крàли на шы́ю,
Залатыя серьги у вушы!

—

У барку̀, барку̀, прибóрку,
Рубúў Иванька камóрку.
Приходить къ яму̀ Марьютка:
Руби, руби, каморку плотнинька,
Пасикàй вакóшки часьтинька,
Кабъ къ намъ салавей прилитаў,
Кабъ насъ маладыхъ прабуджаў.
Ни матка ў насъ—мачиха,
Выйдить на вулку—абсудить:
„Мая нявѣстка—калóда:
Якъ бѣлъ кýжыль прясть —
Спать, дримать;
Якъ пасьтéлю слать—
Пѣсьни играть!“

—

А ти то шъ то баярачка,
Што Марьютка Иванаўна:
У баярки лàдилась —
Калинкэй мазалась,
А й малинкэй румянилась!
— Нипраўда, жóначки,
Нипраўда, лябёдачки!
Я й калинкэй ни мазалась,
Малинкэй ни румянилась,
Спарадúла минѐ мати
И бѣлаю, румянаю,
Тóнкаю, высокаю,
Стрóйнаю, пригожаю.

—

Куды вашы вóчихны глядѣли,
Што заѣли мóладу, заѣли!
Па самый дворъ—щирый боръ,
Па самыя варóта—балóта,
Па самый вакóньникъ—сасóнь-
[никъ,
Па самыя лàваньки—заиньки,
Пысряди избы—кнутъ зъ лазы̀.
Вотъ табѣ, Марьютка, дли гразы̀!

—

Салавей, мой салавей,
Салавей мой, дробная пташычка!
Ни збивай минѐ мóладу:
Сама знаю, сама вѣдаю,
Якавò жыльё ў чужыхъ людёхъ:
Позна спать кладуть,
Рáна будúть идуть.
Збивають минѐ мóладу
За вадóй итить
Кала тáткина терима,
Кала мамкина вакóшычка.
Мой татухна падъ вокномъ ся-
[дúть,
У вакнò глядить;
Мая мамухна за парóгъ бягúть:
„Ахъ ты, дитя маё, дитя́тухна,
Ти ня атмéрзли твая ножыньки,
Ти ни ззябли твая ручухны?“
— Мать мая, матушка:
Якъ стать мнѣ табѣ расказывать—
Мнѣ маладóй празабáвитца!

С. Хвошно.

—

Якъ на мóрячку, якъ на си-
нинькимъ,
Плавала шэрая вýтачка. 2
За ей у пагóнъ, за ей у дагóнъ
Сизый силизéнь: 2
„Пастóй, вýтачка, пастóй, шэрая,
Мы съ табóй нащабéчамъ! 2
Быў я на мѣсьти, чуў я три вѣсьти
Пра тибé, шэрая вýтачка! 2
Купля́ють сѣти, таргýють сѣти
На тваúхъ дрóбныхъ дитéй!“ 2
— Няхáй купляють, няхáй тар-
гýють—
Я абъ éтамъ ни баюся: 2
Сѣти падяру̀, дитéй пабяру̀,
Плавала и плавать буду,
И плáваньня ни забуду! 2
Якъ на ġáначку, якъ на новинь-
[кимъ,
Гуляла Марьютачка. 2
За ей у пагóнъ, за ей у дагóнъ
Маладый Иваничка.
„Пастой, Марьютка, пастой, дѣ-
[ванька,
Мы съ табой пагавóримъ! 2
Быў я на мѣсьти, чуў я три вѣсьти
Пра тибé, Марьютачка: 2
Купля́ють табѣ, таргýють табѣ
Чапéцъ на галóўку!“ 2
— Няхáй купля́ють, няхáй тар-
[гýють—
Я абъ éтамъ ни баюся: 2
Чапéцъ падяру̀, коску расплятý,
Гуляла и гулять буду,
И гуля́ньня ни забуду! 2

—

За лясóмъ сóўнашка играить,
Сёмачка коника сидлáить,
Яго татулька пытáить,
Куды ёнъ коника сидлáить.
„А што табѣ, тáтухна, да таго?
Сидлáю коника самъ свайгò!
Паѣду нóчаньку начнýю,
Па сваю Марьютку вячнýю!
Ай, вѣчна, вѣчна, сярдéчна,
Ай жа харашà, якъ душà,
Ай жа пригóжа, якъ рóжа!

—

Якъ на мóрячку, якъ на сúнинь-
[кимъ,
Два бабры̀ купáлася, 2
Якъ на ġáначку, якъ на нóвинь-
[кимъ,
Два братцы збиралася: 2
Пóйдимъ брáтитка, пóйдимъ,
[рóдньинькій,

Пойдимъ да баброу̑ пабьёмъ, 2
Вару̑тки на шу̑бучку, 2
Климу̑ськи на ша́пачку! 2
Варутку за столъ вяду̑ть, 2
Шубучку у̑ рукахъ нясу̑ть. 2
„Жоначки-лябёдачки, 2
Стойтя жъ вы тихо́нька, 2
Ни змара́йтя шу̑баньки, 2
Ни стапчи́тя хустаньки: 2
Ня тутъ ина́ шы́тая, 2
Шы́та ина у̑ го́ради, 3
Присла́на мнѣ мо́лади. 2

Шыли иѐ жыды—нѣмцы, 2
Присла́на мнѣ, пане́нцы! 2

—

И ради́лася—ни была̀,
Куды минѐ матухна аддала̀:
Па самая вако́ньня сасо́ньня,
Па самый жа дворъ щирый боръ,
Па са́мыя варо́ты бало́ты,
Па самыи паро́ги даро́ги,
Пасяро́дъ двара̀ кустъ лазы!
Ета нашый дѣваньки дли газы̀.

—

Якъ заржали сивыи коники на по́ли,
Заля́скали новыи калёсы на дво́ри,
Заплакала маладая Хадо́рка у̑ камо́ри:
„Ни аддай, ни аддай мяне́, мамухна, сяго́дьни,
Ни аддай, ни аддай, мая̀ ро́дная, сяго́дьни!“
— Было̀ табѣ, маё дитятка, каза́ти:
Панаѣхали тыи баяры, што у̑зяти,
А у̑ минѐ жъ уси тыи думки, што адда́ти!

Въ ожиданіи молодыхъ въ домѣ жениха.

„Жо́начки-лябёдачки, выйдитя, паслуха́йтя,
Ти ни шумить дуброу̑ка зялёная,
Ти ни стучи́ть даро́жка шыро́кая,
Ти ни лища́ть падко́у̑ки сталёвыи,
Ти ни бягу̑ть ко́ники пига́тыи,
Ти ни вязуть канягѝню багатую,
Ти ни бягу̑ть ко́ники плясьни́выи,
Ти ни вязуть канягѝню щасьливую?“
— А стучи́ть, стучи́ть даро́жка шыро́кая,
Бягу̑ть, бягу̑ть коники пига́тыи,
Вязуть, вязуть канягиню бага́тую,
Бягу̑ть, бягу̑ть коники плясьни́выи,
Вязуть, вязуть канягѝню щасьливую!

Невѣстѣ-сиротѣ.

А знать па пи́ру, видать па пи́ру—
Сиро́цкая свадьба! 2
И дворъ ни мятёнъ, и пиръ ни вясёлъ—
Сиро́цкая свадьба! 2
Сталы̀ засла́ны, госьти сазва́ны—
Паря́даньку нѣтути! 2

Каму жъ загада́ть, а каго жъ насла́ть
Па ро́дную ма́маньку?
А ты, Марьютка, а ты, дѣванька,
Ты пашлѝ сако́лика: 2
Ёнъ висо́ка лятить, къ зямлѣ припадѐть—
Маманьку прабу̑дить: 2
„Устань, маманька, устань, ро́дная,
Благаславѝ дачу̑шку сваю́!“ 2
— Ой, рада-бъ устати къ сваиму̑ дитяти,
Пара́даньку [1]) дати—2
Сырая зимля̀ на грудь залигла̀,—
Ни магу̑ прады́хнуть; 2
Жо́у̑тыи пяскѝ заняськѝ гла́зки,—
Ни магу̑ приглёнуть; 2
Зилѣзны цвечки сьти́снули плечки,—
Ни магу̑ павярну̑тца, 2
Дубовы доски сьти́снули ножки,—
Ни магу̑ уста́ти, 2
Ни магу̑ у̑стати къ сваиму̑ дитя́ти,
Благаславе́нства да́ти! 2.

Плачъ невѣсты-сироты.

Узьними́тись, бу̑йныи вятро́чки,
Разняси́ти жо́у̑тыи пясо́чки,
Раздяри́ти грабавы́и до́ски,
Разними́ти мамки бѣлыи ручки,
Аслабани́ти хуть на часо́чакъ,
Няхай ина̀ минѐ благаслави́ть!

—

А зима, зима, чаго сьтидзёна,
Чаго̀ рана стала? 2.
—А што за рана, а што за по́зна—
Калѝ мая̀ пара̀ пришла: 2

Листо́чакъ паде́ть, тра́ваньку
[кладе́ть,—
Ужо мая̀ пара̀ иде́ть! 2
„Чаго, Маринка, чаго, дѣванька,
Чаго рана замужъ иде́шъ?“ 2
—А што за рана, а што за по́зна—
Кали́ мая̀ пара̀ пришла: 2
Та́тухна дае́ть, Климутка би-
[ре́ть,
Ужо мая̀ пара̀ пришла,
Ужо мая̀ гадѝна!

Приданки въ домѣ жениха.

„Жо́начки-лябёдачки, чало́мъ вамъ:
Ти ни залятѣла наша ку́рачка у̑чо́ра къ вамъ?
Наша ку́ранька знакомая—съ халалко́мъ!“
— А залитѣла, ни залитѣла—ня'ддадёмъ!
„А жо́начки-лябёдачки, чало́мъ вамъ:
Ти ни заѣхала наша дѣвачка у̑чора къ вамъ:
Сама бѣлинька, лицо́мъ кра́сьнинька и зъ вянко́мъ?“
— А заѣхала, ни заѣхала—ня'ддадёмъ!

[1]) См. выше. Смѣшеніе словъ: порядокъ и порада—совѣтъ

При отъѣздѣ молодыхъ.

Вылитáли салавéйки зь зялёнага саду,
Зь зялёнага саду, съ-падъ бѣлага винаграду.
Яны вылитали, зязюлю съ сабóй звали:
„Зязюля шэрая, палéтимъ зъ нами,
Палéтимъ зъ нами, шъ шэрыми салуўями!“
— Якъ жа я палéчу зъ вами—жаль саду пакúнуть:
А ў маёмъ садóчку ягадки салóдки,
Ягадки салóдки, вадúца крынúца!
Выижжáў Иваничка зь вяликага сила̀,
Зь вяликага сила̀, зъ багáтага двара̀.
Якъ выижжáў, Лукéрьюшку съ сабóй зваў:
„Маладáя Лукерьюшка, паѣдимъ зъ нáми!“
— Якъ жа я паѣду зъ вами,—жаль мамку пакúнуть!

—

Кукувáла зязю́линька, ў зéлинъ садъ прилитáя,
У зелинъ садъ прилитáя, къ винаграду припадáя.
„Сады май зялёныи, винаграды сажóныи!
Мнѣ на васъ ни литáти, винаграду ни клювáти!“
Ды плакала жъ Марúначка, къ сваёй скрыни припадáя:
„Скрыня жъ мая новая, а трýбачки бялёныи!
А я прáла васъ и ткала, и бѣлинька бялúла,
Бѣлинька бялúла, за 'динъ вéчаръ падялúла!“

С. Козьяны. Отъ кр. Ак. Петровой зап. І. Барановскій,

—

Вихóрь виряю павалúў,
Черисъ Дунай кладинку на-
[масьтúў.
А тамъ ишла дяўчóнычка,
А за ей ззаду мальчúшычка,
На чорный саянъ наступáить,
Зъ ей гавóрить, чипáить.
„Ты за мной, мальчишка, ни хади,
На чорный саянъ ни ступай,
Са мной ни гаварй, ни чипай:
Ёсь у тибѣ дѣўки лучче мянѐ!“
— Ниправда твая, дяўчóнычка:
Я й три вулицы абайшóў,
Лучче тябе ни найшóў!

—

А бóрамъ, бóрамъ, якъ баркóмъ,
Лижала дарожка, якъ шнуркóмъ,
Ѣхала казакóў семъ палкóў,
Маладэ́й Иванька напирёдъ.
Здáлику кóникаў зьдиржáить,
На баяръ шáпачкай махáить:
„Стóйтя, баяры, слýхайтя,
Якъ мая Анютка пѣсьни пяéть,
Па шырóкаму дварў гуляя,
Садóвый яблачикъ качая,
Шалкóвай хýсьтинькай махáя,
Минѐ малайца̀ дажыдáя!“

—

Раззилиниўся въ агарóди зилёный
[садъ,
Развисяли́ўся Иванька ў дарóзи,
А ёнъ къ сваёй Анютки ѣдючи,
Дарагія падарачки визучи!
Ина̀ падáрачками гардýить,
Ина яму̀ палѣпшыи гатýить:
Шалкóвыю хустку зубкýить, [1])
Ина свыяму̀ Иваньку дарýить.

—

Ти ни стыдна табѣ, Иванька:
Выихаў на пóля бисъ стрѣлки,
На тéсьтиў дворъ бизъ дѣўки!
— А дайтя мнѣ стрѣлку мидяну,
Праламлю сьтяну̀ кàминну,
Вывиду дяўчóнку мóладу!

—

Спазьнúўся малóйчикъ ў дарóзи—
Ни кóваны кóни у вóзи.
„Есь у минѐ кывалй ў дарóзи—
Пыдкуюто коній у вóзи;
Есь у маёй Анютки пирсьтяньки,
То маúмъ кóникамъ падкóўки;
Есь у маёй Анютки крáлички,
То маúмъ кóникамъ ухнáлички;
Есь у маёй Анютки устýжки,
То маúмъ коникамъ падпрýжки!“

—

А знати-та, знати,
А ў катóрай хати:
Кругóмъ агóнь гари́ть,
Варóтцы пыдъ замкáми,
Въ варóтцахъ стóражъ стаúть.
Анютка выхадила,
Замóчки размыкáла,
Варóтцы ращиня́ла,
Сватóчкаў успускàла.
А сваты на дворъ,
А я мóлада за столъ.
Иванька зъ дружынаю,
А я мóлада зъ баяркыми!

Величальныя жениху.

Што на кутѣ ды за зàрива?
— Атъ Иванывыхъ кудéручикъ,—
Иванывы кудéручки зыгарѣлися!
А гдѣ яго мыладáя жына?
Узила бъ ина да шалкóвый платокъ,
Памачúла бъ у салóдкій мядóкъ,
Утушыла бъ у Иваньки кýдирки!

—

Ня буду сьвятúть,
Гдѣ Иванька сядúть,
А сьвѣтють жа, сьвѣтють
Зылатыи пирсьтяньки,
Сирéбряныи шпонки (запонки).

—

Што на кутѣ ды за зарива?
Атъ Иванавыхъ ботъ загарѣўся
[полъ.
Атъ зóлыта теримъ щéпитца,
Атъ сирибра̀ лàўки лóмютца.

—

Иванька-сéрьдинька,
Садьвúнься съ мѣсьтичка:
Пыдъ таббй сто рублей,
Сто рублей съ палтúныю
И шъ шóлкывай хусьтúныю.

—

Скáчить, пля́шыть гарнастайка пы сталу̀,
Прискакáўся къ Иванькыву кишыню̀.
„Иванюшка, атéчицкій сынокъ,
Пыдари намъ гарѣлычки крючóкъ!“

—

[1]) Обшиваетъ платокъ зубчиками, фестонами.

Величальныя невѣстѣ.

На кимъ, на кимъ крутый, витый винóкъ?
На Анютычки крутый, витый винокъ!
А хто жъ та ёй виночикъ савивáў?
Савивáла Прячѝстая Мáтушка,
А ў цэрькуўки на пристóли сидючѝ.
Пасирёдъ винкà ды й збриньку садила,
Кабъ инà ёй виднёхынька сьвитила.

—

Анютычка—якъ душа,
Рубашычка харашà:
Кала вбрата збльта,
Кала падóлу сирибрò.

—

Зъ ряду, зъ ряду бáярычикъ
Лучши нѣту Анютычки:
Ина й роду вялѝкага,
И батюшки багатага,
И матушки разумныя:
Ни пасьпѣли мы пѣсьни сьпѣть,
А инà намъ падарычки шлéть,
А иѐ жъ та падарычки—салóдкіи
[прянички.

Анютычка, якъ пàня,
У шолкавамъ жупани,
Чиривикъ щилкайть,
Даликáтьнинька ступáить,
Штобы чиривичка ни скривить,
Паньчóшычикъ ни смачѝть!

С. Мишневичи.

—

Добрый день свату ў хату:
А ти вѝдна (свѣтла) яго святёлка,
Ти вéсила яго симéйка,
Ти цвятўть цвятѝ у гарóди,
Ти пяюць салаўѝ ў саду̀,
Ти бруя́ть пчолы ў мяду̀.

С. Тіосто.

—

Велижскій уѣздъ.

Свадьба у Велижскихъ крестьянъ начинается такъ:

Собираются три свата отъ жениха и отправляются въ домъ невѣсты ее сватать. Когда скажутъ невѣстѣ о цѣли своего пріѣзда, то невѣста должна отвѣтить: „хто шъ знаить, какъ отецъ и матка скажуть!“ Тогда сваты спрашиваютъ родителей, а тѣ говорятъ: „хто шъ знаить, каковъ женихъ?“ Такъ сваты и возвращаются къ жениху. Послѣ этого отправляется самъ женихъ смотрѣть невѣсту. И если одинъ другому понравятся, то даютъ согласіе другъ другу и молятся Богу. Затѣмъ садятся за столъ, куда сваты жениховы ставятъ водку, а мать невѣсты приготовляетъ яичницу. Тогда приходитъ невѣста изъ другой хаты и кланяется сватамъ, которые выходятъ для этого изъ-за стола. Кланяется и своимъ родителямъ, отцу и матери, и голоситъ:

„Татка кармѝлицъ, а мамка зязюлька! Штò вы ны мянѐ рыссярдѝлись? Маю галоўку зыкабалили, маё сéрца зазнабѝли! Цымъ жа я вамъ, татка, ни ўгадила и ни ўладила? Ти я была вамъ няўслушница, ти пагрубница?“

Послѣ этого она приноситъ холстъ, который называется „дарями“, и начинаетъ дарить всѣхъ сватовъ, а тѣ ей платятъ за дары по гривеннику. Затѣмъ невѣста снова уходитъ, а сваты начинаютъ пить и закусывать, послѣ чего благодарятъ и уѣзжаютъ домой.

Послѣ этого проходитъ недѣля. На второй недѣлѣ въ четвергъ невѣста начинаетъ ходить по своимъ родственникамъ и зоветъ ихъ на свадьбу. Такъ она ходитъ до субботы. Въ субботу послѣ полудня топятъ баню, и невѣста идетъ мыться.

Затѣмъ приходитъ боярка и начинаютъ невѣсту чесать и одѣвать: надѣнутъ ей сарафанъ, или юбку, кофту и бѣлякъ. Вечеромъ собираются гости, родные и знакомые, приходятъ музыканты. Отъ жениха пріѣзжаютъ пять сватовъ, и тогда начинается „вечеринка“. За столъ садятся всѣ родные невѣсты, и сваты начинаютъ угощать ихъ своею водкою. Въ это время входитъ невѣста. Сваты подаютъ ей отъ жениха торбу, въ которой находится: мотокъ баранковъ, кусокъ говядины, сыръ, булка хлѣба и двѣ бутылки водки. Невѣста беретъ этомъ мѣшокъ и опять уходитъ къ своимъ бояркамъ.

Мать ея приноситъ чашку капусты, говядину, за говядиной подаютъ супъ, кашу и на кашу кладутъ по куску мяса. Послѣ всего подаютъ яичницу и кисель. На этомъ столъ кончается. Начинается надѣлъ. Столбовой говоритъ рѣчь. Послѣ надѣла сваты жениха отправляются домой, а у невѣсты гуляютъ до дня.

Утромъ начинаютъ невѣсту убирать къ вѣнцу: чешутъ ей голову, причемъ волосы не заплетаютъ; на голову надѣваютъ „галёнину“ (вѣнокъ) и вѣшаютъ позади девять или восемь разноцвѣтныхъ лентъ. Когда кончится одѣванье, родители берутъ образъ, затепляютъ свѣчку и ведутъ невѣсту въ другую хату, и здѣсь начинается благословенье. Невѣсту благословляютъ отецъ и мать и всѣ присутствующіе родные. Невѣста кланяется. Тогда ѣдутъ подъ вѣнецъ. Съ невѣстой ѣдетъ боярка и братъ и сестра, когда есть; къ дугѣ лошади привязываютъ ленты и колокольчикъ.

Послѣ вѣнца женихъ ѣдетъ къ себѣ домой, а невѣста въ свой домъ. Здѣсь садятся за столъ и обѣдаютъ. Послѣ обѣда начинаютъ играть музыканты; невѣста и всѣ гости танцуютъ русскую, „хрищавого“, казачка, чижика, березку, пѣтушка и польку. Вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ за невѣстой и съ нимъ двадцать паръ гостей. Они остаются на дворѣ. Невѣсту въ это время садятъ за столъ и надѣляютъ ее деньгами; кто кладетъ двѣ, кто три, а кто пять копѣекъ; входитъ женихъ, надѣляетъ ее тридцатью копѣйками и опять уходитъ. Тогда выводятъ невѣсту изъ-за стола, надѣваютъ ее въ шубу, вывернутую вверхъ мѣхомъ, и въ шапку, и ведутъ на дворъ, гдѣ женихъ. Когда она идетъ, то мать крестная беретъ ее за руку и садится на порогъ; женихъ приходитъ и кланяется крестной и даетъ ей денегъ тридцать копѣекъ и бутылку водки. Это онъ выкупаетъ

невѣсту. Когда выкупъ конченъ, то невѣсту и жениха уводятъ въ хату и садятъ ихъ за столъ; съ ними входитъ и также садится вся родня женихова. Начинается угощеніе. На столъ ставятъ холодное, щи съ говядиной, а потомъ супъ съ говядиной, кашу и говядину, яичницу, молоко съ творогомъ.

По выходѣ изъ-за стола уѣзжаютъ въ домъ жениха. Женихъ садится съ невѣстой. Тутъ же ставятъ и сундукъ невѣсты съ приданымъ. Невѣстиныхъ гостей ѣдетъ двадцать пять паръ. Когда пріѣдутъ на дворъ жениха, отецъ и мать его выходятъ съ иконой, съ хлѣбомъ и съ зажженной свѣчой. Молодые кланяются имъ. Молодыхъ отправляютъ спать въ овчарникъ или въ чуланъ, а невѣстиныхъ гостей садятъ за столъ и угощаютъ. Послѣ этого танцуютъ, поютъ пѣсни, потомъ ложатся спать.

Когда встанутъ, то идутъ подымать молодыхъ, одѣваютъ невѣсту и ведутъ въ хату. Здѣсь начинается угощеніе а послѣ стола танцы. Напившись, гости идутъ по деревнѣ „по цыганямъ", собирать яйца, крупу, овесъ, ячмень и т. д.—что кто дастъ. И приносятъ все это сватамъ. Сваты изъ собранныхъ яицъ дѣлаютъ яичницу и угощаютъ гостей.

Послѣ этого приносятъ хлѣбную дежку, ставятъ ее посреди двора и садятъ на нее крестную мать. Приходятъ изъ чулана молодые и кланяются ей. Тогда на дежку садятъ невѣсту и надѣваютъ ей „чепечъ"; а женихъ беретъ кнутъ и стоитъ у дежи; гости приходятъ и цѣлуютъ невѣсту, а женихъ бьетъ ихъ кнутомъ.

Тогда ведутъ молодыхъ въ хату, и садятъ за столъ; положатъ „въ чирéпку" каши, и дружко подаетъ жениху эту черепку съ кашей, а женихъ, взявъ кашу, бросаетъ ее на печь Тогда батька беретъ кнутъ, а матка помело, и выгоняютъ ихъ изъ-за стола. Они и выскакиваютъ: невѣста съ хлѣбомъ, а женихъ съ солью; положатъ и то и другое на полку, а сами идутъ въ другую хату; на ихъ мѣсто садятся за столъ гости невѣсты; послѣ угощенія они уѣзжаютъ. Когда гости уѣдутъ, то женихъ съ подкняжимъ садятся на коней, догоняютъ отца и мать невѣсты, угощаютъ ихъ и зовутъ на перезовъ въ гости. Спустя день послѣ перезова, жениховы отецъ и мать ѣдутъ въ гости въ домъ невѣсты. И тогда свадьба кончается.

Узковская вол. Запис. М. Страмковская
отъ крест. Ирины Андреевой.

—

Свадебныя пѣсни Велижскаго уѣзда.

Святый Кузьма-Димьянъ,
Скуй намъ свадибку
Викавѣцную, далгавѣцную:
Люди судютъ—ни рассудютъ,
Вятры̀ вѣютъ—ни развѣютъ,
Дажди мóцуть—ни размóцуть!

—

А каго у насъ нѣту у етый бисѣди?
Нѣту у насъ раднóй мамки.
Каго жъ намъ наняти, зы мамкой паслати?
Ёсь у садоцку, ёсь у зялёнымъ, дробный сылавейка.
Ёнъ рана ўставаить, па мамку злитаить,
Зимéльку ускыпáить, мамку разбужаить:
„Устань, устань, мамка, устань, устань, родна:
Прóсить тваё дитя твайго блыгыславéньня!"
— Пушшай блыгыслывляють, пушшай ныдиляють
Добрыи люди и ближніи сусѣди:
Я нъ и рада устати—галоўки ни ўзьняти:
Стиснуты костки ў дубóвыи доски,
Звя́зыны руцки пярловымъ платóцкымъ,
Засыпыны глазки жоўтымъ пясóцкымъ!

—

Глаткая галóушка, русыи ку-
[дёрушки,
Ну, хто шъ тибѣ гылавỳ цысаў,
Кудри зывиваў?
Цысала галóушку
Мая̀ рóдна матушка,
Зывивала кудёрушки
Жына мая̀ быя́рыня,
Пыдъ акóшыцкымъ сѣдюцы,
Ны яснёнъ мѣсицъ глéдюцы.
Яснёнъ мѣсицъ, яснёшыникъ,
А мой милый милёшыникъ;
Яснёнъ мѣсицъ у вагради,
А мой милый у ныряди;
Яснёнъ мѣсицъ пыдъ лунами,
А мой милый пыдъ кудрями.
Будь давóлинъ Стипанка,
Вотъ и мы тибѣ пѣсьню йграимъ,
Пу батюшки вилицàимъ,
Што ты роду бальшóга,
Атца-матери цыснóга.

—

Запрашóная гóсьтюшка, (имя)
У любы запрóшына,
У цасьтѝ пасожына:
Ёй и лаўка прастóрныя,
Ёй и мѣста шырокыя,
Пыдъ стикля́стымъ вакóшыц-
[камъ пысажóна,
Пыдъ стикля́стымъ вакошыцкамъ,
Пыдъ святымъ Микóлыю.
Спасиба табѣ зы тваи пыдàрыцки,
Зы слаткіи пряницки:
Ня ўспѣли ёй пѣсьню сьпѣть,
А ина намъ пыдáцу шлéть:
Съ куту ды ўзапéцку,
Кажы́наму цылавѣцку.

—

Ай бѣлы, бѣлы быя́рацки,
Билѣй Ганутки нѣтъ.
Былò у ёй два братцы сакалы̀,
Литали яны на мóря,
Брали купѣну бѣлую.
Той купѣный Ганутка мылыся:
За то ина бѣлинька,
Што купѣный мы́лыся.
Ты, Ганутка, ни скупися,
Са рýбликымъ раступися!
Хытя́ть игрéцушки
Твайго дару вяликыга.
Васъ, гасьтей, прибавилысь,
А насъ, игрецъ, нямножыцка!
Ина дýмыить—гыдáить,
У кырманъ руцки ўклыдáить,
Выбираить зóлыта
Мижу цыста сéрибра!

Узковская вол. Зап. Т. Модзалевская.

—

При пріѣздѣ жениха.

Ни видать солнушка запамо́рскыга,
Тольки знать пы кружоцку.
Ни видать Марьюшки зы быя́ркыми,
Тольки знать пы вяно́цку.
А на ей вяно́цыкъ, якъ жаръ гарить,
А на ей платоцыкъ, якъ макъ цвитéть.
Жаръ гари́ть—разгара́итца,
Макъ цвитéть—разцвита́итца.
Хоть ѣть, ня ѣть, Стифанька,
Табѣ Марьюшку ня 'ддадёмъ:
Бо́ли зыга́ны зыдадёмъ!
Пе́ршая зыгана—пьяница...

(Та же пѣсня въ другой деревнѣ).

Ни видать солнушка зы 'блыка̀ми, —
Тольки знать пы кра̀ишкамъ.
Ни видать Марьюшки зы быя́ркыми,
Тольки знать па цвѣтикамъ.

Наканунѣ вѣнца на вечеринѣ.

А ў те́рими за дьверью
Стаи́ть крывать тисо́выя,
Ляжы́ть пярина пуховыя,
На тэй пяри́ни Марьютка.
Дли яѐ стыя́ть три мо́лайцы,
Яны яѐ упрашываютъ:
„Выпій вина зялёныга!"
— Аты (ото) ўсихъ мнѣ пить —
Мнѣ пьяный быть
А ўсихъ мнѣ любить, —
Мнѣ забитый быть!
Ти пить, ти ня пить
Атъ аднаго̀ Иваньки,
Ти любить, ни любить
Аднаго̀ яго̀!

Когда новобрачные ѣдутъ отъ вѣнца.

Расцвитаитъ виниградъ,
А ягыды пыспиваютъ.
Виниградъ—Иванька,
А ягыда—Марьюшка.
Яны̀ змалку спызна̀лися,
А вырысли—сывиньчалися.

Послѣ вѣнца за столомъ.

Частуйтися, госьти, —
Я прашу̀ вашый мило́сьти:
Кабы пили, кабы ѣли,
Кабы ве́сила сидѣли!
— Мы пьёмъ и ядёмъ,
Ве́сила сядёмъ.
Нашъ хызяинъ, силизе́нь,
Зы гарѣлкый пылятѣў,
А хызяюшка—утка,
Выра̀чійся крутка!

Когда невѣсту отвозятъ къ жениху.

Сьтидёная ро́са,
Ни хади̂ пы двару̀ бо́са!
Кали табѣ жаль,
Купи черявички —
Малы, нивялички,
Панцошки бялёвыя,
Пыдвязки шаўко́выя.

Когда невѣсту привезутъ въ домъ жениха.

„Што жъ ты, Марьюшка, змарнѣла —
Ти ў тябе гало́ўка балѣла?"
— Балѣла, сястрица, увесь день, —
Ня видѣла Иваньки семъ нядѣль!
Ти вы мнѣ гало́ўку пывяжы́тя,
Ти вы мнѣ Иваньку пыкажы́тя!
— „Зывя́жышъ гало́ўку рушницкомъ,
Пыкажымъ Иваньку вицарко́мъ!

—

Прасилыся Марьюшка ва зялёный садъ:
— „Ты пусьси, татынька, ва зялёный садъ,
Сылаўя̀ пыглядѣти, пѣсинькъ паслухати!"
— Дурацокъ, Марьюшка, ниразумныя!
Ужу етытъ сылавей у насъ бўдить:
Мы яго пыглядёмся, и пѣсинъ наслўхымся!

—

Хлапатала маманька Андре́иўна:
Якъ маё дитя́тка жани́тца бўдить:
Тёмныя ноцыньки, ды нявидныя,
Грязныя вўланьки бизъ мастóў,
Круты бирягѝ бизъ пирявóзў!
— Ни клапатись, маманька мыя̀ родныя!
Сайграимъ свадибку са людями,
Тёмную ноцыньку сы свица́ми,
Грязныи вуланьки сы мастами,
Круты бирягѝ сы ўзъѣздыми,
Быстрыи рѣцыньки съ пирявозами.

На запоинахъ.

— Пывя́нь, пывя́нь, рута—мята!
А какъ жа мнѣ пывянуть:
Буйны вѣтры пывиваютъ,
Дробны дажжы̀ пыливаютъ!
— Гуляй, гуляй, Марьюшка!..
Я жъ бы рада пыгуляти —
На дворъ сваты̀ узъижжа́ютъ:
Минѐ младу заруцаютъ,
Гарѣлыцкый запиваютъ!

—

Мижы горъ-го́рушыкъ,
Ты выйди, Рипинка, памы́й руцки!
— Май такъ руцыньки бялёшыньки —
А ти будуть бѣлы ў свякровыньки,
Якъ цо́рныга пырыбля́ю, якъ сырэ̀й пшаницы пымялю?
— Ни клапатись абъ нашый работи:
На цо́рну работу людей наймёмъ,
Сырую пшаницу на прудъ связёмъ.

—

Калина съ малинай рана ў лазѣ расцвила̀,
Той паро́й уре́мицкамъ минѐ мати радила̀:
Ни наўцыўшы розуму, ў цужы люди аддала̀.
Спра̀виў жа мнѣ та̀тынька малива̀нинькій стружо́цыкъ,
Нагрузила яго мамынька тонкимъ бѣлымъ пылатно́мъ,
Успустиў ягѐ татанька на Волгу-рикў.
За мной, за мной маманька, крутымъ цыстымъ биряжкомъ
„Ты вярнися, доцъ мыя̀, распрашшаимся съ табой!“
— Ни вярнуся, маманька,—ни твая воля ва мнѣ:
Ты ни знала, маманька, какъ жжыть и збыть мине.
Ажна жжыла, збыла, маманька, за 'динъ вецыръ, вицарокъ,
За 'динъ вецыръ, вицарокъ, за яди́нинькій цасокъ!

—

Палагейка радно́й ма̀маньки приказывала:
„Паѣдишъ, маманька, ка мнѣ ў госьти,
Ты ня ѣдь, маманька, чирисъ го́рыдъ,
Ни купляй, маманька, злата-се́рибра;
Ты купи, маманька, сылавейку,
Ты прикуй яго кы пасьтельки.
А то ў мяне маманька бу́дить ня ро́дныя:
Близинька къ крывати ни падыйдить,
А хоть при́дить—ни пабудить!..
Тотъ сылавей щибитать бу́дить,
Насъ мыладыхъ буди́ть, пабужа̀ть бу́дить.

—

Пы дварў Дунюшка высильки багровыи,
Гвызьзикй царвоныи садила:
Наѣхыў Аликсандрушка зъ быярами:
Пытаптаў васильки багровыи,
Пыламаў гвызьзикй царвоныи!
Жалилась Дунюшка сваёй ма̀маньки.
— Хоть жалься, Дунюшка, ни жалься—
Я тваёй маманьки ни баюсь,
Я серидь дво́рику астанавлюсь,
Я тваёй маманьки укланю́сь....

—

— Ни стриляй, Ликсандрушка, ў шэрымъ бары̀,
Ты стряли, Ликсандрушка, къ тёшшы на дворъ!..
— Пе́ршую старо́жыньку капытомъ ссякў,
А другую старожыньку по́лазамъ сатрў,
А третьтію старожыньку къ сабѣ примў!
Ласкывая тёшшынька па се́нихъ хо́дить,

Бѣлыга ле́бидя ны рукахъ носить,
Красныю я́гыду ны таре́лыцки.
Бѣлинькій лебидь—Ликсандрушка,
Красныя ягыда—Пылаге́юшка!

—

Зы гарой заинька выў.
„А хто тибѐ, заинька, биў?“
— Биў минѐ, заиньку, Пятрушка:
А ти я ямў даро́гу пирябѣгъ,
А ти я ямў ко́никаў распу́диў?
Ти я ямў Дунюшку пагу́диў?
— Пирябѣгъ дарожку шэ̀рый [воўкъ,
Распудили коника жырябцы̀,
Пагу́дили Дунюшку малайцы̀.

С. Казаково. Зап. Ѳ. Коптѣловъ.

—

У невѣсты наканунѣ свадьбы, за вечериной, пыцынальныя пѣсни.

Баслаў Божа, Божынька!
Свадибку играти, Божынька!
Пѣсню пыцати, Божынька!
Двымъ мыладёнымъ, Божынька!
Двымъ блыславёнымъ, Божынька!
Двымъ пыражо́нымъ, Божынька!
Двымъ пысажонымъ, Божынька!
Первый мыладецъ, Божынька!
Князъ мылад э́й Пынкратушка, Божынька!
Друге́й мыладецъ, Божынька!
Княгиня Кытяринушка, Божынька!
Святэй Лука, Божынька!
Будь къ намъ на свадьбу, Божынька!
Злуцы намъ свадьбу, Божынька!
Крѣпка и вѣцна, Божынька!
И дылгавѣцна, Божынька!
Святэй Кузьма, Божынька!
Будь къ намъ на свадьбу, Божынька!
Скуй намъ свадьбу, Божынька!
Крѣпка и вѣцна, Божынька!
И дылгавѣцна, Божынька!
Виўся, павиўся, Божынька!
Хмель зъ тыцы́нэй, Божынька!
Дубъ зъ бярёзый, Божынька!
Вирба зъ клёнымъ, Божынька!
Виўся павиўся, Божынька!
Пынкратушка, Божынька!
Съ Кытяринкэй, Божынька!
Руцка съ руцкый, Божынька!
Ножка съ ножкый, Божынька!

Сонца грѣить—ни разгрѣить, Божынька!
Вѣтиръ вѣить,—ни развѣить, Божынька!
Дажжы́ мо́цуть,—ни размоцуть, Божынька!
Мѣсицъ сья́ить—ни расья́ить, Божынька!
Луны лунють—ни разлунють, Божынька!
Суды судють—ни разсудють, Божынька!
Люди гаво́рють—ни рызгаворють, Божынька!
Дай, жа Божа, многiи лѣты, многiи лѣты, Божынька!
Батьки зъ маткый ны ра̀дысь, Божынька!
Добрымъ людямъ ны завись, Божынька!

Поется, когда прiѣдутъ отъ жениха и сядутъ за столъ. Дружко вызываетъ охотника пѣть „пыцынальную пѣсню". Изъ гостей невѣсты, которые не сидятъ за столомъ, а стоятъ въ сторонѣ, является охотникъ, и запрашиваетъ съ дружка за пѣсню: „боцку водки, мѣхъ пирагоў и сто рублей денихъ!" Начинаютъ торговаться, и оканчиваютъ на одной бутылкѣ водки, двухъ пирогахъ и пяти копѣйкахъ. Вызвавшiйся спѣть „пыцынальную пѣсню", беретъ въ каждую руку по небольшому пирогу и ударяетъ одинъ о другой при пѣнiи словъ: „Божынька".

—

Ли варо́тъ бярёза стыя́ла,
А у бярёзи маку́шка злыма́на.
Ти зе́лина бярёза бизъ маку́шки,
Ти ве́сила ма́мушка бизъ дацу́шки?
— Туды-сюды пывярнусь, до́цки нѣтъ!
Выйду зы варо́тики—тольки слѣдъ.
Зилёныя травушка прило́жына
Туды маё дитятка паве́зина!

—

Кытяринина мамушка
На крылецъ выходила,
Зъ зарёй рѣцъ гывари́ла:
— Заря мыя, зо́рюхна,
Заря вяцэ́рняя!
Зытямни́ла мой дваро́къ,
Зызнабила мой жывато́къ:
Атвила̀ атъ мяне служыхну вѣр-
[ную,
Атнисла̀ атъ мянѐ до́рики цастыи,
Пыясы́ дымастыи!

—

Пынкратыва мамушка,
Усю нядѣлюшку вясёлинька:
У клѣть улѣзить —
Прибыль Богъ даў!
Придить лѣта,
Народить Богъ жыта,
Ёсь съ кимъ жать;
Доўгую нивку,
Широкую пуста́тку
Ёсь съ кимъ гнать.
Ёлка-сасонка,
Зиму-лѣта зилянѐнька!

Кытяринина мамушка,
Ўсю нядѣлюшку смутне́нька!
У вызбу влѣзить:
— Ахъ, Божа мой, —
Симьянина нѣтъ!
У клѣть улѣзить:
Кубла нѣтъ.
Придить лѣта,
Народить Богъ жы́та,
Нѐ съ кимъ жать!
Ахъ, Божа мой:
Круглая нивка,
Шырокая пустатка—
Не съ кимъ гнать!

—

Зъ синяга моря
Вѣтры вѣють;
Зъ цы́стыга поля
Госьти ѣдуть.
Ты выйди, Кытяринушка,
Сустрѣнь гасьте́й:
Вазьми кыня̀ выранóга
За ўздыньку,
А князя мыладо́га
За ру́цыньку.

—

А ў гаро́ди кынапе́льки
Зилянымъ зилянéньки;
Ды ни даў имъ витярокъ пы-
[стыя́ть:
Атшы́бъ ёнъ перья
Пы самыя каре́ньня.
Сымаво́лька Пынкратъ
Ды ни даў Кытяринушки пы-
[гулять:
Рысцысала касу пы плицамъ,
Рызлила̀ слёзыньки
Па бѣлымъ лицу.
— Гуляй, гуляй, Кытяринушка,
Зы маёй гылаво́й!

—

Скры́пныли варо́ты съ пылнацы́
Прiѣхали госьтики—три паницы́:
Стали яѐ косыньку трипать,
Па бѣлыму ли́цыку растилать.

— А вотъ табѣ, Кытяринушка,
[за то́я,
Ня пле́сь было̀ косыньку утро́я;
А плесь было̀ косыньку
Ў цаты́ри ряды,
И жыть было̀ ў татушки
Цаты́ри гады́.
— Я ня годъ, ня два жыла,
Ни адинъ вяно́цыкъ снасила,
Ня 'ннаго мо́лыйца ссушы́ла,
Аннаго̀ Пынкратку спылюбила.

—

Цорная имгла
Къ зямлѣ прилигла̀;
Мылыда̀я Кытяринушка
Съ вадо́й пытикла̀.
А за ей мамушка
Крутымъ биряжко́мъ:
„Пыдай, пыдай, руцыньку,
Кытяринушка!"
— Я ни пыдамъ руку́,—
Пушшай пытану̀,
Ни дыстанусе я никаму̀.
Цорная имгла
Къ зямлѣ прилигла;
Мылыда̀я Кытяринушка,
Съ вадой пытикла̀;
А за ей татушка
Крутымъ биряжкомъ:
„Пыдай, пыдай, руцыньку,
Кытяринушка!"
— Я ни пыда́мъ руку̀,—
Пушшай пытану̀,
Ни дыстанусе я никаму̀!
Цорная имгла
Къ зямлѣ прилигла;
Мылыдая Кытяринушка
Съ вадой пытикла̀;
А за ей Пынкратушка
Крутымъ биряжкомъ:
„Пыдай, пыдай, руцыньку,
Кытяринушка!"
— Ой, на̀ табѣ дьвѣ,—
Пусь я табѣ!

—

Хадила нявѣста пы гарбду,
Сѣила цорный макъ съ пыдалу̊:
— Расьти, расьти, цорный макъ, красный цвѣтъ!
Што майгò тàтушки дбу̊га нѣтъ.
Написала-бъ письмо, ды ня у̊мѣю;
Пыслала бъ пыслà, ды ня смѣю;
Сыма бъ я пышлà, — ды баюся,
Тёмный нбцышки тыраплюся:
Ны маёй дарбжки пыстàу̊лины стыражы̀:
Хбцуть мяне мыладу сыймати,
Па русэй косыньки узнати.
Во ета табѣ, нявѣстушка, за тоя,
Ня плесь быдò косыньку утроя;
Заплесь быдò косыньку въ цатыри ряды,
Быдò жыть у татушки цатыри гады̀.
— Я ня годъ жыла, я ни два,
Ня 'нну щубушку снасила,
Ня 'ннагò мбладца ссушыла.

—

Пыгуляйтя, дѣвушки,
Пыгуляйтя, красныи:
Вамъ тяперь свыя̀ воля;
Нярбу̊на замужъ зàйдитя,
Нарбвинъ мужыкъ дыстàнитца:
Либа воръ, либа пьяница,
Либа ёнъ ряу̊ни́у̊ бу̊дить,
Либа ёнъ хупàу̊ бу̊дить!
Зы ряу̊ни́вымъ мужукомъ,
Ни пахбдишъ хырашò,
Ни панбсишъ зылатò, цыста сé-
[рибра;
Ни пысяди́шъ у бясѣдушки
Зъ ближними сусѣдками,
Съ князьями, зъ быя̀рами,
И зъ вяликимъ пыяздбмъ.
За хупавымъ мужукомъ
Пахбдишъ хырашò,
Панбсишъ зылатò и цыстыя
[сéрибра;
Пысяди́шъ у бясѣдушки
Изъ ближними сусѣдками,
И съ красными дѣу̊ками.

—

На кимъ у насъ крутый, витый вянбцыкъ?
— Ны Кытяринушки крутый, витый вяноцыкъ!
Хто шъ ёй виу̊ крутый, витый вяноцыкъ?
— Завивала ёй Пряцы́стыя Матирь,
У касьтёли ны пристоли сѣдюцы,
У вакошыцка глéдюцы,
То зорюшку, то звёздыцку садюцы!
Ина зблытымъ, ина сéрибрымъ пывивàла,
Ны Кытяринкину галбу̊ку усклыдала.
Пысярéдь винка красна сблнышка у̊зашлò,
Ясинъ мѣсицъ у̊сю дарбжыньку асвяти́у̊.

—

Садила сады Кытяринушка,
Садиу̊шы сады, зыплакыла:
„Сады маи зялёныи,
Каму мнѣ васъ аткызать:
Ти татушки, ти мамушки,
Ти рбнныму братцу, ти рбнный
[сястрицы?
Аткажу̊ я сатъ нявѣсты:
„Устань, нявѣста, ранёшынька,
Вымыйся бялёшынька,
Абатрися румянёшынька.
Нявѣста, пыливай садъ цастё-
[шынька,
У вецыри пазднёшынька,
Павутру ранёшынька!“

—

Бѣлыя, кудрявыя бярёза,
Пацбмъ табѣ дубъ спыдыбау̊,—
У дуба шырокъ листъ, ня зéлинъ?
Ой, вумная, разумная Кытяринушка,
Пацбмъ табѣ Пынкратушка спыдыбау̊:
Есь у яго конь выранэ́й, ды пызыцбный,
У сасѣда пыпрашбный:
Сасѣдушка, нашъ батюшка, дай кыня̀,
Кали Бохъ су̊дить, и у насъ бу̊дить—мы дадёмъ!

—

Вязьмен. вол.

Невельскій уѣздъ.

Сваты пріѣзжаютъ въ домъ родителей дѣвушки и говорятъ, что парень ихъ желаетъ жениться на дочери хозяевъ. Родители спрашиваютъ дочь, въ присутствіи сватовъ, согласна-ли она выходить замужъ за этого парня. Дѣвушка даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ, но добавляетъ, что она, хотя и согласна, а все же повинуется родительской волѣ: „какъ татка и мамка, такъ и я!“ Заручившесъ отвѣтомъ дочери, родители, если имъ не нравится женихъ, отказываютъ сватамъ и просятъ напрасно ихъ не уговаривать. Если-же согласны отдать дочь, то просятъ пріѣхать во второй разъ за полученіемъ рѣшительнаго отвѣта. Чрезъ два-три дня сваты вторично пріѣзжаютъ и получаютъ согласіе. Уѣзжая, они назначаютъ день, въ который пріѣдутъ „на запивки“. Въ третій пріѣздъ сваты пріѣзжаютъ съ женихомъ и привозятъ водку; хозяйка дома приготовляетъ яичницу. Всѣ молятся Богу, затѣмъ закусываютъ и выпиваютъ; при этомъ назначается и день свадьбы. Невѣста даритъ жениху платокъ, и онъ даетъ за платокъ деньги: рубль, два или 50 к., смотря по состоянію. Женихъ нѣсколько разъ навѣщаетъ невѣсту, привозитъ ей пряники, баранки. Если женихъ состоятельный, то за недѣлю до свадьбы ѣдетъ съ невѣстой въ ближайшій городъ и тамъ покупаетъ свадебный нарядъ.

Наканунѣ свадьбы гости собираются вечеромъ, старѣйшіе выпиваютъ и разговариваютъ, а молодые пляшутъ. Употребительнѣйшій изъ музыкальныхъ инструментовъ гармонія; скрипка употребляется въ рѣдкихъ случаяхъ.

Послѣ танцевъ, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсню:

Па прилóжжу Ульянка ишла,
Па разложжу сатъ садила,
Сама замушъ задумала.
Приказала свой зялёнъ сатъ
Гасударю батюшки, гасударани
[матушки:
„Гасударь мой батюшка!
Паливай мой зялёнъ сатъ
То сытой, то пáтакай,
То зялянымъ виномъ!
Гасударaня матушка!
Пакрывай мой сатъ
То сукномъ, то бáрхатай,
То залатэй парчой.
Кали ўдасца житьтё,
Я пра свой сатъ забуду,
А ня ўдасца житьтё,
Я сама свой сатъ пакрыю:
То таскóй, то кручинай,
А пальлю гарячимъ слязáмъ!

Если невѣста сирота, то поютъ, что она поручила садъ сестрѣ и брату. Невѣста въ отвѣтъ голоситъ:

1. Радитиль мой, рóнный батюшка,
Радитильница, ронная матушка,
Сястрицы-лябёдушки, брàтитки салавiюшки!
Ни кидàйти мянѐ маладёшаньку,
У чужы люди выпраўляющи!
Навучити мянѐ гóрькаю, нящаснаю,
Какъ у чужыхъ людяхъ жыти, какъ улажывати!

Невѣста сирота призываетъ умершихъ родителей, а если мать или отецъ живъ, то проситъ отсутствующаго прилетѣть къ ней и помочь оставшемуся научить её; если-же обоихъ нѣтъ, то проситъ поручить брату, сестрѣ и близкимъ роднымъ.

2. Радитиль мой, ронный батюшка!
Прилятѝ съ радитильницай матушкай
На маю смирéннаю бясѣдушку!
Я горькая, нящасная сиратѝнушка:
Нихто шъ мяне на путь ни наставить,
У чужы люди выпраўляющи.
А кали ни прилятѝти, маѐ жадóбнаи радѝтили,
Прикажыти бóльшай сястрицы лябёдушки,
Братитку салавiюшку
У чужы люди знарядить и дабрў навучить!

Послѣ этого невѣста голоситъ причитанье № 1, но вмѣсто отца и матери обращается въ немъ къ сестрѣ, брату, къ женѣ брата.

Рано утромъ, когда всѣ спятъ, невѣста будитъ ихъ, начиная голосить, еще лежа въ постели:

Радитильница, рóнная матушка,
Устань, уздуй агóнишыкъ,
Асьвятѝ мяне маладёшыньку на настéлюшки,
Распрасѝ мяне, сударaня матушка,
Ти спàлась, ти дримàлась тёмна ночушка мнѣ?

А ни спалась, ни дрималась,
А большы у вóсьни грызилась.
Первый сонъ саснўла,—круты горы,
Утарый саснула—быстры рѣки,
Третьтiй саснула—тямны лясы.
Разгадай, мая сударaня матушка, къ чаму маѐ сны?

Мать отвѣчаетъ, плача и причитывая:

„Жадóбнае маё милае чáдушка:
Тямны лясы—чужы люди,
Круты горы—вяликая табѣ бўдить гóря,
А быстры рѣки—гарячаи тваѐ слёзушки.“

Невѣсту начинаютъ одѣвать. Когда ее надо причесывать, она голоситъ:

„Падыйдѝти, радитиль-батюшка, радимая матушка,
Учашыти маю галбушку,
Заплятити маю русу косаньку кряпёханька,
Завяжыти трёмъ узламъ нямéцкимъ,
Трёмъ замкамъ турецкимъ,
Убрóсьти ключи у сѝня мóря“!

Отецъ и мать подходятъ и причесываютъ ее. Съ этими же словами невѣста обращается ко всѣмъ роднымъ, которые тоже подходятъ и причесываютъ.

Потомъ невѣста голоситъ къ бояркамъ:

„Катóрая сястрица разумнѣйшая,
Учашы маю галбушку гладёшанька!“

Подходитъ старшая боярка и причесываетъ невѣсту.

Когда невѣста причесана и одѣта, то всѣ молятся Богу. Мать благословляетъ невѣсту иконой и ведетъ за столъ, который покрытъ скатертью; на немъ лежитъ хлѣбъ-соль; на хлѣбъ кладетъ отецъ рубль денегъ; подлѣ невѣсты сидятъ крестные отецъ и мать.

Невѣста голоситъ, прося ее надѣлить:

„Радитильница, рóнная матушка,
Кармилицъ, рóнный батюшка,
Падыйдити къ дубову столику,
Къ убранай скатерьти,
Надялѝти мяне маладёшыньку
На Бóжай путь пайти,
Щасьтя атьвѣдать!“

Мать и отецъ подходятъ и надѣляютъ ее.

Съ этими-же словами обращается невѣста поочередно ко всѣмъ роднымъ и къ сосѣдямъ; всѣ подходятъ и надѣляютъ, кто чѣмъ можетъ.

Сирота-невѣста обращается съ этими словами къ тѣмъ лицамъ, кто замѣняетъ отца и мать, къ роднымъ и сосѣдямъ.

Но предъ надѣломъ невѣста сирота голоситъ, обращаясь къ умершимъ родителямъ:

Праси́лася матушка съ батюшкай
У свѣта-Христа, Прасьвятой Багародицы
Съ нябёсъ на зямлю, на сироцкую свадипку,
Паглядѣть на сваю ди́тятку:
Ти харашо суря́жана, ти высо́ка паса́жана?
—„Па сиро́цку суря́жана, низинька пасажана.
Принясúти ў бѣлыхъ ручкахъ надялéньня,
Ў скорыхъ ношкахъ багаславéньня!
Засьпѣйти мяне у красныхъ дѣушкахъ,
Мнѣ нямношка гулять—красаватца!“

Послѣ надѣла, одна изъ женщинъ лѣзетъ на печь за столбъ, куда ей подаютъ чарку водки, два пирога и кружку пива.

Баба выпиваетъ водку, беретъ пироги и, хлопая ими другъ о друга, приговариваетъ:

„Батюшка хрёсный, матушка хрёсная, баславити маладо́й княгини пѣсьню запяя́ть!“

Крестные говорятъ: Бохъ баслави́ть!

„Баславити друге́й расъ!“

Тѣ благословляютъ.

Баба опять проситъ:

„Батюшка хрёсный, матушка хрёсная, баславити третьтій расъ!“

—Бохъ баславить!

Баба запѣваетъ:

„Баслаў Бохъ, баслаў Бохъ, баслави Христосъ! Святый Кузьма-Димъянъ! скуйти намъ свадипку крѣпка-на-крѣпка, вѣчна-на-вѣчна! Баславити аннў чаду ражо́наю, другую сужо́наю. Баслаўля́ўся святёлъ мѣсяцъ у краснаго соўнца,—баслаўля́лась княгиня у роннай матушки, у роннага батюшки!“

Послѣ пѣнія этой пѣсни невѣста встаетъ изъ-за стола, становится предъ иконой и, плача, говоритъ: „Баслави мяне, Прасьвятая Матушка Багаро́дица, у Божай храмъ пайти́, щасьтя атьвѣдать!“

Подходитъ къ отцу и матери, или къ тѣмъ лицамъ которые ихъ замѣняютъ, если невѣста сирота, то есть къ крестнымъ, если нѣтъ брата и сестры старшихъ, а если младшихъ, то замужнихъ, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: „Баславити мяне, мае̇ жадо́бнаи ради́тили!“ Отецъ и мать благословляютъ. Послѣ того невѣста кланяется такъ всѣмъ роднымъ и проситъ благословенія, и всѣ ее благословляютъ. Наконецъ, она кланяется всѣмъ присутствующимъ, прося благословенія, и они отвѣчаютъ: Бохъ баслави́ть, радимая!

Послѣ этого невѣста голоситъ:

„Рашшани́тись, добраи людцы, милаи сусѣдушки! прапусьти́ти мяне маладёшаньку на Божай путь пайти́, щасьтя атьвѣдать!“

Всѣ разступаются, и невѣста уѣзжаетъ въ церковь—въ сопровожденіи боярки и надкосника.

У жениха до пріѣзда молодыхъ никакихъ церемоній нѣтъ. Мать благословляетъ иконой, отецъ хлѣбомъ-солью и отправляютъ въ церковь. Жениха сопровождаютъ: сватъ, дружко, сестра, подшапочникъ и много другихъ родственниковъ.

Послѣ вѣнца женихъ и невѣста со всѣми родными, ихъ сопровождающими, заходятъ въ одинъ изъ домовъ въ погостѣ, тамъ закусываютъ и выпиваютъ. Закуску и выпивку эту привозитъ женихъ. Затѣмъ женихъ остается на нѣкоторое время въ погостѣ, а невѣста ѣдетъ въ свой домъ.

На дворѣ дома невѣсту встрѣчаютъ бабы съ пѣніемъ:

„Ты, кава́ная каса̇!
Ти ў заутриньки была,
Ти ў абѣдиньки стая́ла?“
— Я ни ў заутрини была,
Ни ў абѣдиньки стая́ла,—
Была маладёшынька
На страшнамъ судо́чки:
Судили, рядили люди добраи,
Присудили у чужы люди ити,
Щасьтя атьвѣдать,
На первый ступень ступи́ть,
У Божаю цэрькву сходи́ть
Златэ́й вянéцъ принять!

Входя въ домъ, невѣста голоситъ:

„Пиряйми̇ мяне̇, радитильница, ронная матушка,
Распраси ў мяне̇, горькай гарюшы, дѣ я была?
Была я, ў храми Божамъ стая́ла:
Мае̇ ряти́ва сярьдéчушка жжахну́лась,
Скораи ноженьки падламилися,
Какъ узлажы́ли на мяне тяжо́лаи нязно́снаи зялѣзушки!
Пиряйми мяне, судараня-матушка,
Атапри̇ мнѣ сѣни новаи,
Ни зноби мяне, гарюшу, за навы́мъ сяня́мъ,
Назнаблюся я у чужыхъ людяхъ,
У чужога ня роннага батюшки,
У чужой ня роннай матушки!“

Мать голоситъ въ отвѣтъ:

„Мае̇ милае ди́тятка, дѣ жъ ты была?
Усё мнѣ ня вѣрилась,
Што ты была у Божай цэрьквы на страшнамъ суди,
Што ты мяне аставила.
Хто жъ мае̇ ручаньки падмѣнить,
Я жъ тяперь нядужа,
Хто жъ тяжолую работку зробить?“

Невѣста голоситъ:

„Гасударaня, ронная матушка!
Я шъ табѣ тяперь ни слуга, ни работьница:
Пайду къ чужой матушки работать,
Чужой матушки улажывать!“

Мать вводитъ невѣсту въ домъ.

Пріѣзжаетъ отецъ жениха, сватъ и дружко (помощникъ свата), привозитъ ведро водки на перепой невѣсты.

Когда сватъ входитъ, невѣста сидитъ на печи за столбомъ. Сватъ подаетъ невѣстѣ узелокъ, въ которомъ бутылка водки, пирожокъ, десятокъ яицъ и мясо. Она кладетъ узелокъ на столбѣ передъ собой,—а потомъ угощаетъ этими кушаньями своихъ боярокъ. Мать и отецъ молодой подходятъ къ свату съ своей водкой и угощаютъ его, а сватъ угощаетъ ихъ своей Когда отецъ и мать невѣсты пьютъ водку свата, невѣста голоситъ:

„Ня працивàйти мяне,
Радитиль мой, ронный батюшка,
Гасударaня матушка, за виннаю [чарачку!
Винная чарачка падмáнѣчиста,
Ласкавы басьни падгавóрчисты:
Падманють, падгавóрють ў чужы [люди аддать!“

Съ этими же словами невѣста обращается и къ роднымъ, когда сватъ угощаетъ ихъ своей водкой.

Угостивъ родителей невѣсты и принявъ самъ угощеніе, сватъ, отъ имени женихова отца, обращается къ невѣстѣ:

„Падхади, нявѣстушка, къ виннай чарачки,
Павидаимся съ табóй, разглядимъ тибѐ:
Ти ты слипая, ти ты кривая?“

Невѣста слѣзаетъ съ печи, подходитъ къ свекру, принимаетъ изъ его рукъ рюмку водки, въ которую незамѣтно опущена монета, но отказывается пить. Тогда свекоръ приговариваетъ:

„Кали ни выпивать, дыкъ на руки выливать и сирябрò сабѣ брать!“ Невѣста выливаетъ водку на руки, беретъ деньги себѣ и кланяется свекру. Потомъ она садится за столъ на подушку.

Подлѣ невѣсты садятся крестные отецъ и мать, боярки и старшая сестра, если есть.

Вскорѣ пріѣзжаетъ и женихъ. Бабы встрѣчаютъ его съ пѣніемъ:

„Сваты, сватаўё,
Кой далéчи литáли,
Што слышыли, видили?“
— Мы слышыли, видили
Сизу утку нá мари,
Силизня на зáвади,
Красну дѣўку ў тирямѣ!
„Атчагò шъ ня паймали?“
— Мы паймáть ня паймали,
Сизы перья абщипали.
Хуть мы яѐ ни ўзяли,
Русу касў расплялѝ,
Па бѣламъ плечкамъ расклали!

Женихъ даетъ подарокъ поющимъ, а сватъ угощаетъ ихъ водкой. Тесть и теща подходятъ къ жениху съ рюмкой водки и кружкой квасу, онъ беретъ то и другое и бросаетъ черезъ себя назадъ. И послѣ того уѣзжаетъ со двора, оставивъ свою сестру.

Сватъ и дружко вводятъ сестру жениха въ хату, садятъ за столъ, а сами подходятъ къ крестнымъ невѣсты, угощаютъ ихъ водкой, кладутъ передъ ними 10 или 5 коп., приговаривая:

„Батюшка, матушка, укажы́ти намъ дарогу тавару паглядѣть!“

Крестные указываютъ на невѣсту и боярокъ. Сватъ подводитъ дружка къ бояркамъ. Дружко говоритъ:

„Гарды́и баŷрачки! здрастуйти!“

— Здрастуйти!

„Ти ня можна самимъ сябе патясьнить, а насъ памясьти́ть?“

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Мы ня знаимъ, пачаму сябѐ тясьни́ть, а васъ мясьти́ть? Ли вы, дружанька-дружокъ, дарóги пытаити, ли атъ дароги лытàити? Мы покажымъ дарóшку мима батюшкинага вакóшку, на бальшу дирявушку Гарю́шку: тамъ дѣўки па палушки, на Кажымякинскамъ бирягў па шылягў!

„Нѣтъ, гарды́и баŷрачки! Мы дарошки пытаимъ, а ни атъ дарошки лытаимъ! Мы ѣхали па наслышки таваръ куплять!“

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Нашъ таваръ вóчанъ дóрагъ: што ступень, то рубель, касà сто рубелёў, самóй—цаны̀ нѣтъ. За нашу маладу давали три гарадà съ при́гаратками, три сялà съ при́сялками, три садà съ при́сатками, ры́бину сятрі́ну, да вина вядри́ну, и то мы ни аддали! Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Мы атъ васъ ничавò ня видали: ни аўся́нага пиражы́шка, ни мѣднага шыляжы́шка! Съ чимъ вы къ намъ падхóдити, што вы намъ паднóсити?

Сватъ дразнитъ боярокъ, показывая имъ мѣдные пятаки.

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ. У насъ ета рибяты ни бяруть, кури ни клюють,—па падлáваччу валяитца.

Боярки показываютъ рублевую бумажку и серебро.

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! кали нѣтъ у васъ, займити у насъ! Да парога ни дахади́ти, далжóкъ атнаси́ти. Дайти намъ таких (показываютъ на рубль), а хошъ и мелинькихъ, ды бѣлинькихъ!

Сватъ кладетъ рубль, приговаривая: „Выкупаю салавеичку съ гнизьдéчкамъ!“ Беретъ невѣсту и ведетъ въ сѣни, а дружко беретъ подушку, на которой невѣста сидѣла, чашку, двѣ ложки и прячетъ.

Женихъ пріѣзжаетъ обратно во время выкупа и стоитъ на дворѣ. Бабы поютъ на дворѣ ему пѣсню:

У лáскавай тёщи за варбтамъ зять стаи́ть.
Глаткая галоушка, русыи кудёрышки,

Глатка—глатка гла́жыны,
Бытта масламъ ма́зыны.
Часала мо́лада князя гасударання-матушка,
Завивала кудри сястрица-лябёдушка.
Ты паслушай, мо́латъ князь,
Мы пѣсьню пяёмъ, табѣ чесь аддаёмъ!

Женихъ даритъ ихъ деньгами.

Выходитъ теща и гонитъ зятя пирогомъ въ избу. Зять перескакиваетъ порогъ, встрѣчаетъ въ сѣняхъ невѣсту и съ ней идетъ въ хату и тамъ садятся за столъ. Бабы поютъ бояркамъ пѣсню:

Я ў баярки ладилась,
Я калинкай мазалась!
Я й калинкай ня мазалась,
Я й у баярки ня ладилась.
Ради́ла мяне́ такую матушка:
Тонкаю, высокаю,
Бѣлаю, румянаю.
Атъ сярёхъ лицо гари́ть,
Атъ сирибра груди ломютца!

Боярки дарятъ поющихъ деньгами. Потомъ имъ поютъ:

„Идити, маѐ баярачки, наво́съ разьбивать!“
— Мы ня по́йдимъ навосъ разьбивать,
Мы пойдимъ у зялёнъ сатъ гулять!

Мать ведетъ молодыхъ въ отдѣльную избу и даетъ имъ тамъ ужинъ, а гости ужинаютъ въ другой избѣ. Ихъ угощаетъ отецъ и крестная мать невѣсты.

Во время ужина поютъ невѣстѣ пѣсню:

Дарагая госьтика у матушки Ульянка,
Залатой мятёлушкай мяла̀,
Пирямила̀ трои сѣни новаи.
Тольки ня вымила станаво́й горьницы,
Дѣ сидить люта свякро́ушка са свайми дачарьмѝ,
Яны судють и рядють пра чужую ди́тятку,
Пра сваю нявѣстушку:
Яна санлѝва, яна дрямлива, многа бѣтъ надѣлала,
Многа пасу́ды пабила.

Жениху поютъ:

Падъ акошкамъ младу князю
Сястра кудри завивала,
На святёлъ мѣсяцъ гля́дичи.
Святёлъ мѣсяцъ видне́ханькай,
А мой братицъ милёханькай:
Святёлъ мѣсяцъ у агра́ди,
А мой братицъ у наря́ди!
Здрастуй, здрастуй, молатъ князь
Зъ маладо́й княгиній!
Мы вамъ пѣсьню пяёмъ,
Мы вамъ чесь даёмъ!

Женихъ даритъ поющихъ деньгами, а онѣ приговариваютъ: „благадаримъ за дары вяликіи, за уклоны нискіи!“

Въ это же время въ другой избѣ поютъ слѣдующія пѣсни крестнымъ невѣсты:

Ёсьть хрёсная матушка
У маладой княгинюшки,
Яна зъ дому зъ багатага,
Зъ житьтя са агро́мнага:
Сама уся у злати сидить,
Атъ сярябряныхъ сярёхъ лицо [гари́ть;
Атъ чистага жымчуга̀ бѣла шыя [ло́митца.

—

У маладой княгинюшки ёсьть хрёсная батюшка;
Ёнъ хади́ў, паха́жываў па свайму чисту дваро́чку,
Кричаў, васкри́киваў багатырьськимъ галасо́мъ,
Маладецкимъ по́сьвистамъ:
„Дѣ надѣлись маѐ слуги вѣрнае?
Падвядѝти падъ маладца мянѐ сивагри́вага каня̀,
Падъ жану баяраню карету злачо́ную,
Падъ маихъ милыхъ дѣтачакъ калы́биль зыбучаю,
На римня́хъ висучаю, на кальца́хъ скрипучаю!

Свату поютъ:

„Бо́льшай сватъ, ёнъ яжжа́ў, разьяжжа́ў
На сваимъ дабрў каню,
Плётачкай памахиваў,
Уздачкай патряхиваў,
Самъ сябѐ пахваливаў:
Нѣтути лутшы мянѐ ни у стольнымъ го́ради,
Ни у етамъ тирямў!
Тольки ёсьть протиў мяне мая̀ малада жана!
Ты паслухай, бо́льшай сватъ,
Мы табѣ пѣсьню пяёмъ, табѣ чесь даёмъ,
Мы хати́мъ сябѣ дарбу́, дарбу́ вяликихъ:
Па три гривни зо́лата, па чатьвёртай сирябра̀!“

Сватъ и всѣ, кому пѣли пѣсни, дарятъ поющихъ деньгами. Тѣ благодарятъ:

„Спасиба, вумницы, за дары вяликіи, за пакло́ны нискіи!“

Подшапочнику жениха и надкоснику невѣсты поютъ:

Глаткая галбушка,
Русыи кудёришки,
Вились кудри
Черисъ правая плячо̀
На яво̀ синій каўтанъ,
На яво зялёнъ кушакъ,
На яво сафя̀нъ сапохъ,
На яво вязёнъ чулокъ.
Шы́ты, шы́ты сапо́жаньки
Въ Ирасла́ви го́ради,
Падбиваны сапожаньки
Сярёдъ краснай Москвѣ.
Абнаўля́ны сапожаньки
На Ульяннинай свадипки.

Подшапочникъ и надкосникъ дарятъ поющихъ деньгами.

Затѣмъ начинаются сборы къ отъѣзду молодыхъ.

Со стороны невѣсты ѣдетъ только четыре или три пары самыхъ ближайшихъ родственниковъ, да крестные невѣсты. Поѣзда невѣсты называется „придаными". Парни и дѣвушки не ѣдутъ къ жениху. Со стороны жениха у невѣсты бываютъ: отецъ жениха, сестра, сватъ, дружко и подшапочникъ (шаферъ).

Мать невѣсты сидитъ на сундукѣ, а сватъ подходитъ къ ней и торгуетъ сундукъ; мать долго не соглашается, проситъ дорого, но сватъ не даетъ требуемой цѣны; наконецъ мирятся на одномъ—двухъ рубляхъ, смотря по средствамъ жениха. Дружко беретъ сундукъ на свою лошадь. Приданое состоитъ изъ одежды невѣсты, постели, холста, скатертей, полотенецъ и бѣлья жениху. Хлѣбъ, которымъ надѣляли невѣсту предъ отъѣздомъ въ церковь, и соль также везутся въ домъ жениха. Хлѣбъ печется безъ особыхъ церемоній, пшеничный.

Предъ отъѣздомъ невѣста и женихъ садятся на кутѣ за столомъ. Невѣста, обращаясь къ матери, голоситъ:

Пращай, радимая, ро́нная матушка!
Навучи мяне маладёшыньку,
Какъ у чужы люди ити, какъ улажывати
Чужой ня ронной матушки,
Чужому ня роннаму батюшки:
Ти мнѣ тяжолай работкай,
Ти мнѣ частай пахо́ткай,
Ти мнѣ ласкавай пагаво́ркай?

Потомъ женихъ и невѣста кланяются отцу и матери въ ноги, всѣмъ роднымъ и сосѣдямъ въ поясъ. Мать и отецъ благословляютъ ихъ и выводятъ изъ избы:

Молодые садятся на телѣгу или въ сани, смотря по времени. Бабы поютъ:

„Крякнула вутка, за марѝ литѝ,
Плакнула нявѣста, сь тирямà идѝ,
Кинула батюшки залаты̀ ключи,
Кинула матушки тёплаю хатку:
Тяперь табѣ, батюшка, я ня клюшница,
А радимай матушки ни работьница:
Чужому батюшки я клюшница,
Чужой матушки я слуга!

Невѣста даритъ пѣвицъ баранками.

Во время пѣнія этой пѣсни, женихова родня упрашиваетъ невѣстину ѣхать съ ними, а та не соглашается.

Дружко зоветъ приданыхъ невѣсты въ избу, садитъ за столъ, а сватъ миритъ ихъ водкой, послѣ чего онѣ соглашаются и ѣдутъ. Дружно позади всѣхъ везетъ сундукъ невѣсты и подушку, которая называется гнѣздомъ.

Молодые пріѣзжаютъ во дворъ жениха. Тамъ бабы встрѣчаютъ ихъ пѣніемъ слѣдующихъ пѣсенъ:

Прихади-тка, нѣжынка,
Прихади-тка, ко́ханка!
У насъ ня будишъ нѣжытца,
У насъ ня будишъ ко́хатца:
У насъ будишъ таўчи̇, мало́ть,
Ваду̑ наси́ть, квашню мяси́ть.
У насъ парбги высо́киньки,
А ў тибѐ ножки каро́тиньки.
Табѣ нада падста́вачки,
Тараканьни суста́вачки.

Отъ имени жениха отвѣчаютъ:

Ни пужайся, Ульначка:
Я самъ стаўку̑, зьмялю, ваду̑ прынясу̑.
Святёлъ мѣсяцъ квашню мѣсить,
Бурый мядьвѣть хату мяте́ть.

Отецъ и мать жениха выходятъ встрѣчать молодыхъ.

Мать въ вывороченной шубѣ несетъ икону, отецъ хлѣбъ-соль; молодые кланяются имъ въ ноги, а мать осыпаетъ ихъ хмѣлемъ и овсомъ. Молодыхъ вводятъ въ избу и садятъ за столъ въ переднемъ углу; невѣстиныхъ приданыхъ тоже усаживаютъ за столомъ. Крестная мать, или замужняя сестра, или жена брата беретъ повязку, подходитъ къ невѣстѣ, чтобы повязать ей голову. Если молодая цѣломудренна, то начинаетъ голосить:

Пращу̑ сваю хрёсную матушку,
Сястрицу лябёдушку,
Нявѣстушку ла́ставачку:
Ня клы̀чти маю русу касу̑!
Мая̀ руса косанька, частымъ гребнимъ че́сана,
Бизъ числа запле́тина *).

Послѣ этого плача снимаютъ повязку и не повязываютъ до завтрашняго дня.

Молодые всё сидятъ за столомъ; свекровь стоитъ у конца стола, подлѣ молодыхъ, съ пирогомъ въ рукахъ. Пожилая женщина изъ жениховой родни несетъ въ рукахъ горшокъ съ кашей къ молодымъ и кричитъ: „жарка!" Приданки молодой, то есть сестра или невѣстка, бросаютъ ей на руки холстъ, ситецъ или платокъ. Она подноситъ кашу къ молодымъ: женихъ беретъ ложкой кашу и бросаетъ её на печь; то же дѣлаетъ и невѣста. Когда невѣста бросаетъ ложку съ кашей, то женихъ спѣшитъ её увести въ другую избу, чтобы мать его не ударила её пирогомъ. Она гонитъ пирогомъ молодыхъ изъ-за стола. Тогда свекровь съ своей родней садится за столъ; крестная мать невѣсты приноситъ невѣстину скатерть, кладетъ на столъ закуску отъ невѣсты, ставитъ водку, и приданыя невѣсты угощаютъ женихову родню. Невѣста съ женихомъ стоятъ подлѣ стола.

*) Не въ три пряди, а въ шесть, въ восемь.

Послѣ закуски приданыя отъ невѣсты даютъ подарки сидящимъ за столомъ. Подарки состоятъ изъ холста, ситцу, платковъ, коленкору. Подарокъ вѣшаютъ на шею.

Невѣстѣ въ это время поютъ:

„Наша маладая,
Ня спала, ня дрямáла,
А на дары хватала!"

Послѣ подарковъ, свекровь ведетъ молодыхъ въ отдѣльную избу и даетъ молодымъ ужинъ. Во время ужина поются тѣ же пѣсни, что пѣлись у невѣсты за ужиномъ.

Гости ужинаютъ въ отдѣльной избѣ и имъ поютъ тѣ же пѣсни, что пѣлись у невѣсты. Поющихъ угощаютъ водкой и даютъ деньги.

Послѣ ужина гости уходятъ ночевать къ сосѣдямъ, а молодые ночуютъ дома.

На другой день, сватъ идетъ съ водкой къ сосѣдямъ и ведетъ оттуда гостей завтракать. Дружко и свекровь идутъ за молодыми и приводятъ ихъ къ гостямъ. Приданыя невѣсты очень веселы: скачутъ по лавкамъ, бьютъ посуду и въ это время поютъ:

„Приданаи удàлаи, удàлаи,
Ня сами сабой удались—сваёй чàдэй:
Ни зьняла намъ галоушки
На чужой старонушки,
Палажыла чесь-хвалу
На сваю радьню!"

Приданыя садятъ молодую на хлѣбную квашню, застланную вывороченной шубой и повязываютъ ей голову.

При этомъ поются слѣдующія пѣсни:

У насъ учора на ниўки пшаница раслà,
А сягони пшаницушка ў парагàхъ спичанà!
У насъ учора нявѣстушка краснай дѣушкай былà,
А сягони нявѣстушка маладýшкай заслыла!

—

Расьти, расьти, бярёзушка пасѣчаная,
Расьти, расьти, княгинюшка павязаная!
Какъ ня вырасла бярёзушка пасѣчаная,
Такъ ня вырастить княгинюшка павязаная!

Повязанная молодая застилаетъ на столъ свои скатерти, кладетъ хлѣбъ, которымъ её надѣляли, отправляя подъ вѣнецъ, развѣшиваетъ по стѣнамъ свои полотенца. Гости садятся завтракать, и молодая помогаетъ свекрови угощать гостей, особенно со стороны невѣсты.

Женихъ отправляется съ сватомъ къ родителямъ невѣсты, чтобы поблагодарить ихъ за честь дочери. Приданыя, ожидая жениха, пляшутъ, обнимаютъ другъ друга, молодую, свекра, свекровь, словомъ, всѣхъ присутствующихъ, бьютъ посуду, ломаютъ скамьи и т. п.

Пріѣзжаетъ женихъ отъ тещи, родные жениха поютъ:

Парà сватамъ да дому,
Паѣли кони салóму
Аржанýю, яравýю
И яшную смáшную.

Невѣста съ женихомъ садятся за столомъ и кладутъ хлѣбъ-соль. Тогда приданыя дарятъ невѣсту холстомъ, ситцемъ, коленкоромъ, и всѣ подарки вѣшаютъ на голову. Потомъ онѣ собираются выѣзжать домой. Ихъ угощаетъ водкой дружко. Попрощавшись, приданыя поютъ:

Свáтьтиньки, сваточки, просимъ мы васъ:
Астаéтца наша лябёдачка у васъ:
Хуць вы иė таўчи, малóть пашлити,
Тольки по имячку назавити!

И выѣзжаютъ со двора. Женихова родня поетъ:

„Приданаи удàлаи:
Семъ пирагóў зьѣли,
А вóсьмый астаўся
И тотъ ззаду пагнаўся!"

Приданыя бросаютъ поющимъ баранки.

Возвращаясь домой, приданыя заѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты, входятъ въ избу и поютъ:

Спасиба, матушка,
За тваю чаду милую,
За дитю любимаю.
Ни сьняла намъ голоушки
На чужой старонушки,
Умясьтила мясьтéчушка
Упирядý на лàучки,—
За дубóвамъ столикамъ!"

Приданыхъ угощаютъ водкой, садятъ обѣдать. Послѣ обѣда они пляшутъ, бьютъ посуду и уѣзжаютъ домой.

Изъ дома жениха послѣ приданыхъ уѣзжаютъ и остальные гости.

Отправивъ гостей, отецъ и мать съ сыномъ и невѣсткой ѣдутъ къ невѣсткинымъ родителямъ, ночуютъ у нихъ, принимаютъ угощеніе, а на слѣдующій день везутъ къ себѣ родителей невѣсты.

Если невѣста нецѣломудренна, то она позволяетъ повязывать себѣ голову въ день свадьбы, послѣ чего даритъ родныхъ жениха, а на слѣдующій день утромъ всѣ гости уѣзжаютъ домой. Приданые невѣсты сидятъ тихо; веселья нѣтъ; къ отцу невѣсты не заѣзжаютъ, а равно и женихъ съ своими родителями не бываетъ у тестя.

Чупровская и Сокольницкая волости Невельскаго у.
Отъ крест. Ел. Авдѣевой, Ефр. Ефимовой и Елис. Семеновой.
Запис. Н. В. Пясковская.

—

Б. Могилевская губернія.

Гомельскій уѣздъ.

Когда парню исполнится 18 лѣтъ, родители приглашаютъ такъ называемаго свата изъ родныхъ или знакомыхъ. Отецъ, отрѣзавъ большую краюшку хлѣба и обернувъ её въ холстину, идетъ вмѣстѣ съ сватомъ въ тотъ домъ, гдѣ ими намѣчена невѣста. Придя въ домъ, привѣтствуютъ хозяина: „Магайба!“ Хозяинъ говоритъ: „здарбў, прахôдьтя добрыя люди!“ Тогда сваты кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ говорить: „вотъ, казали у васъ ёсть дѣвка, ти ни отдали бъ ви за майго сына?“—Ни знаю, люди добрыя: трэ́ба распитатца! Потомъ, пораспытавшись, даютъ свое согласіе, часто не спросясь невѣсты: „ну, будимъ малитца Богу!“ Зажигаютъ свѣчу предъ иконою, говорятъ молитву: „Отче нашъ“. По окончаніи молитвы привѣтствуютъ одинъ другого, пожимая другъ другу руки, и идутъ за магарычомъ. Отецъ невѣсты посылаетъ звать жениха приносить полведра водки, и отецъ невѣсты посылаетъ звать „на магарычъ“. Посланецъ идетъ подъ каждое окно и кричитъ: „Магайба! Прасиў Иванъ Терлецкій на магарычъ!“ — А за кого ёнъ аддаў?—„А за Карнѣява Сяргѣя!“—Спасиба, прыдамъ!

Собравшимся роднымъ и знакомымъ даютъ водку и вино. Потомъ дѣлаютъ договоръ. „Ну, сватъ: скольки вазьмёшъ за сваю Марыну Иванаўну?“—А що жъ съ тибе ўзять? Даси десять рублей! — „О нѣ, сватъ: будя багата! Нихай будя пъять!“—Нѣ, сватъ: ни даси восимъ рублей, дакъ ня 'ддамъ сваѐ дачки за твайго Сяргѣя! Тогда сваты бьютъ по рукамъ. „Ну, нечаго дѣлать: трэба дать восимъ рублей!“ Вынимаетъ деньги и сейчасъ же отдаетъ ихъ свату за дочку. Тогда мать невѣсты вноситъ „па хустки“, и даетъ сватамъ въ подарокъ. „Сватъ, кали жъ у насъ будя вясельля?“—А я, сватокъ, табѣ тагды скажу!—„Ну, добра!“ Высватавши нявѣсту, отецъ идетъ къ священнику просить обвѣнчать молодыхъ. Придя къ нему, говоритъ: „благаслави, батюшка! я къ вамъ прышоў па дѣлу: высватаў я у Ивана Терлецкага дачкў за свайго Сяргѣя. Дакъ кали намъ можна будя гулять вясе́льля?“ Священникъ назначаетъ день „свадьбы“ и ему сватъ даетъ за трудъ три рубля. Заплативши деньги за вѣнецъ, сватъ приготовляетъ водки, вина, пива и меду для свадьбы рублей на 45, такъ что вся свадьба обойдется бѣдному крестьянину до 75 рублей. Приготовившись совершенно къ свадьбѣ, отецъ жениха наливаетъ бутылку водки въ полкварты и идетъ оповѣщать отца невѣсты. Придя въ домъ и поздоровавшись съ сватомъ, говоритъ: „ляди жъ, сватъ: будь гатôў къ нядѣли!“—До́бра, прысылай маладога: будимъ гатаватца!

Въ субботу съ утра въ обоихъ домахъ начинаются хлопоты; приготовляютъ всё необходимое, и созываютъ дружину, чтобы въ не-

дѣлю не опоздать на свадьбу. Рано утромъ въ недѣлю приходитъ дружина къ жениху: два называемые дружки и одинъ бояринъ. Зажигаютъ свѣчу предъ иконою и, помолившись Богу, старшій дружка—маршалокъ беретъ боярина за руку; бояринъ беретъ за руку жениха и говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Присутствующіе родители отвѣчаютъ: „Маимъ быть!“—Благаславитя маладому ў путь наѣхать!—„Божа благаслави!“ И обведя молодого вокругъ стола, заставляютъ его кланяться родителямъ и просить у нихъ благословенія.

Пріѣхавъ къ будущему тестю, женихъ идетъ прямо въ избу къ невѣстѣ и садится за столъ, ничего не говоря. Тогда невѣста идетъ созывать дрўжекъ и возвратившись становится въ стѣняхъ. Когда дружки придутъ, невѣста велитъ жениху звать её къ себѣ. Женихъ встаетъ, беретъ въ руки тарелку, ставитъ на нее чарку водки, а въ другую руку беретъ сапоги или черевики, и громко кличетъ невѣсту: „эй, Марына Иванаўна, хади сюды!“ Невѣста, послыша голосъ жениха, идетъ прямо къ нему, беретъ чарку водки и сапоги, и на тарелку въ замѣнъ кладетъ свой подарокъ—лавочный платокъ. Потомъ, обувшись въ новые привезенные сапоги, съ дружками входитъ въ хату и садится около жениха. Старшая дрўжка беретъ шапку съ жениха и говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати? Благаславитя маладо́му квѣтку прышыти!“ Получивъ въ отвѣтъ: „Божа благаслави!“—дружка пришиваетъ къ шапкѣ квѣтку изъ красной ленты, и требуетъ съ дружка деньги, какъ бы за трудъ. Дружокъ даетъ ей нѣсколько копѣекъ, и она надѣваетъ шапку жениху на голову. Послѣ этого молодые кланяются батькѣ и маткѣ и ѣдутъ къ вѣнцу тихо и скромно безъ всякаго шума. По окончаніи литургіи, застилаютъ на церковномъ полу бѣлое полотенце и ставятъ на него молодыхъ. Когда по окончаніи вѣнчанія выйдутъ изъ церкви, дружки начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни:

Да списиба табѣ, по́пиньку,
Що ни багата узя́ў ско́пяньку.
Вѣрная слаўцо ёй сказаў,
И ў жану сабѣ яѐ ўзяў.

—

Маладый Иванка на рушничку
[пастая́ў,
За ручку Марынку падяржа́ў,
Залатыя пярстёнки памяня́ў,
Маладый Иванка, маладый,
Ламая розки зъ бяро́зки,
Сячѐ коника падъ ножки:
Бѣжытя, маѐ коники, даво́ли,
Вязитя Марынку зъ няволи! *)

*) Въ м. Носовичахъ въ этомъ случаѣ поютъ:

Изъ гары́, зъ гары́, зъ дали́ны,
Бѣгла ко́никау чатыры,
Вязли́ карэту синію,
Зьвяньча́ли Га́нначку си́лаю.
Ни дарма яе́ зьвяньча́ли,
Зьвяньча́ли яе́ за гро́шы,
Що яе́ Данилка харошый.
Ѣхала Га́нначка атъ вянца́
Да й забылася грабянца́ —
Упау грабяне́цъ патъ стале́цъ.
„Пада́й, Данилка, грабяне́цъ!“
— Я табѣ, Ганулька, ни маладе́цъ,
Щобъ падавать табѣ грабяне́цъ,—
Нихай падаютъ дрўжачки-слўжачки.

Приѣхавши въ домъ невѣсты, дружки поютъ:

Прылятѣла сарока съ азярцà,
Прыѣхала Марынка атъ вянцà. *)

Тесть беретъ икону въ руки, а теща на блюдѣ хлѣбъ-соль и выходятъ на дворъ просить молодыхъ въ хату и принять ихъ хлѣбъ-соль. Молодой снимаетъ шапку, крестится, цѣлуетъ икону и кланяется тещѣ. За нимъ то же дѣлаетъ и невѣста. Потомъ оба новобрачные входятъ въ хату и садятся за столъ, а дружки начинаютъ пѣть:

А дѣ ми булѝ, бувàли,
А ў нядѣлячку рана!
(послѣ каждой строки).
Маладыя дрўжачки?
Бували жъ то ми
Да у цэ́ркаўцы,
Бáчили свячў да трайчàстаю.
Да чія свяча да ярка гары́ть?
А Иванкава да ярка гары́ть,
А Марынкина да патухáя,
Янà слёзками абливáя, —
А ў нядѣлячку рана!

Дружокъ беретъ водку и зоветъ свата на гостинецъ. Выпивши по рюмкѣ, сватъ ставитъ обѣдъ для приѣхавшихъ отъ вѣнца, дрўжки берутъ съ собою невѣсту и идутъ съ хаты на свою дѣвичью квартиру, гдѣ приготовляютъ кушанье и приглашаютъ туда на угощеніе жениха, дружка и боярина, и подчуютъ ихъ водкою, даютъ и гостинцы—пряники и сѣмечки, арбузныя или подсолнечныя. Потомъ женихъ ѣдетъ домой.

Предъ вечеромъ въ тотъ же день молодыя дѣвушки кличутъ одна другую: „хадѝтя елца вить!“ Придя въ домъ жениха или невѣсты, отыскиваютъ кудрявую вѣтку отъ вишни, или же елку, и воткнувъ её въ булку хлѣба, ставятъ на столъ**). Старшая дѣвушка проситъ благословенія, говоря: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Старики отвѣчаютъ: „маимъ быть!“ — Благаславѝтя маладому Ивану елца звать!—„Божа благаслави!“ Тогда начинаютъ „вить елку“—убирать цвѣтами—съ слѣдующею пѣсней:

Благаслави, Божа,
И атецъ и мати
Свайму дитяти
Елячка пачати.
—
Да калѝ ми елцà вилѝ,
Да ўсѣ ми бары̀ вѝхадили,
Пры́щикъ барвéникъ вы́ламали,
Зялёную рýтачку вѝтаптали.
—
Да лятѣў гарнастàй чаразъ садъ,
Пустиў пéръяйка на ўвесь садъ.
Да бяры́тя, дѣвачки, перъячки,
Да вѝтя маладой Мары́нки éлячки.
—

*) Въ м. Носовичахъ поютъ:

Бóлыпый братка Андрейка,
Атчыняй варóтцы да канцá,
Ѣдя твая сястрыца атъ вянцá!
Вы́йди, мáмачка, съ свячáми,
Ужó твайгó дитятку зьвяньчáли,
Исъ тымъ казакóмъ, що учóра быу, —
Ёнъ твайгó дитятка палюбиу!
—

**) Въ с. Переростѣ на верхъ елца ставятъ крестъ, связанный изъ засушенныхъ Ивановскихъ цвѣтовъ, а на вѣтки елца наторкиваютъ „пучки“—букеты такихъ же цвѣтовъ.

Ня йдѝтя маладѝцы къ намъ елячка вити,
Саўёмъ жа ми сами зъ ясными сакалàми,
Съ чорными гáлачками, съ красными пáнячками!

Когда украсятъ елку, дружокъ даетъ дѣвушкамъ по рюмкѣ водки за трудъ. Потомъ созываютъ молодыхъ женщинъ мѣсить каравай. Молодухи, собравшись, въ числѣ трехъ—четырехъ и болѣе, начинаютъ съ благословенія: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“—Мáимъ быть!—„Благаславитя каравай замясить!“—Божа благаслави! Когда тѣсто будетъ готово, бабы начинаютъ лѣпить пироги съ слѣдующими пѣснями:

Благаслави, Божа, и атецъ и мати,
Сваямў дитяти караваю качати!
—
Иванкава мàти па вулицы хóдя
Да сусѣдачакъ прóся:
„Да сусѣдачки маè,
Да хадѝтя ви ка мнѣ,
Да ни ка мнѣ, къ дитяти,
Караваю качати
Ручками да бѣлянькими,
Пéрснями залатенькими.
—
Да прынясл̀и пудъ пшаницы на [каравай,
Да прывязли бязмѣнъ*) соли на [каравай,
Щобъ нашъ каравай я́сянъ буў,
Щобъ нашъ Иванка крàсянъ буў!
—
Да да бóру, маладцы̀, да бóру,
Да бяры́тя тапары̀ съ сабою,
Да рубáйтя сóсанку да дóлу.
Да стая́ла сóсна скольки лѣтъ,
Зрубали сóсну на загнéтъ.
—
Ня вѝся, хмѣлю, па ляскў,
Радѝ, Божа, жыта на пяскў!
Густа пшаница на навинѣ,
Да вѝшай каравай на сталѣ̀!
—

Когда каравай готовъ, тогда дружокъ беретъ въ руки лопату, одна молодуха становится противъ него и оба держатъ въ рукахъ лопату, а остальныя молодухи накладываютъ тѣсто на лопату. При этомъ спрашиваютъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“—Маимъ-быть!—„Благаславитя каравай у печку ўсадить!“—Божа благаслави! Тогда каравай садятъ въ печь, причемъ молодухи ставятъ въ квашню три зажженныя свѣчи и посрединѣ втыкаютъ ножъ, и накрывши вѣкомъ, дежу подымаютъ на рукахъ всѣ молодухи и дружокъ, и поютъ слѣдующую пѣсню.

Дежу нóсять на рукахъ, на рукахъ,
А ў той дяжы тры нажы̀, тры нажы,
Чатвёртый ножъ на дяжэ, на дяжэ,
Да цалуйтися, да милуйтися, маладыя!

Потомъ цѣлуются дружка съ дружкою для того, чтобы молодые любили другъ друга. Когда каравай испечется, вынимаютъ его изъ печи, и затѣмъ приготовляются къ вечернему поѣзду за невѣстою.

*) Восемь фунтовъ.

Приводится деревенская музыка—скрипка и цимбалы, и начинаютъ играть, а молодежь танцуетъ. Играютъ казачка, камаринскаго, польку, метелицу и др.

Часовъ въ восемь вечера дружокъ беретъ двухъ молодухъ и одного парня и идутъ созывать такъ называемыхъ бояръ, чтобы вмѣстѣ съ ними ѣхать за невѣстой.

Въ домѣ невѣсты родные и знакомые ожидаютъ пріѣзда жениха, и тоже поютъ нѣкоторыя пѣсни.

Пайдў я у садъ схава́юсь,
Хто мянѐ найдя, таму я дастанусь.
Та́тачка пашо́ў, ни знайшоў,
Заплакаў, съ саду вонъ пашоў!
Мамачка пашла, ни знайшла,
Заплакала, съ саду вонъ пашла!
Бѣдна май галӧвачка
Ни найшла мянѐ мая радѝначка,
Чужо́му дастануся!
Иванка прышоў да знайшоў,
За ручку узяў да й пашоў.
Бѣдна май да галӧвачка:
Ни знайшла мянѐ май радѝначка—
Чужому даста́лася.

Собравшіеся же къ жениху бояре, молодые парни и молодухи, человѣкъ двадцать, смотря по родству жениха, садятся за столы. Имъ дается водка, вино и медъ, а также предлагается и ужинъ: борщъ, говядина, кашица и крутая каша. За ужиномъ молодухи поютъ:

Давай, мамка, вячерачку,
Паѣдамъ мы па дѣвачку!
Давай, мамка, прасла́снаю,
Паѣдамъ мы па краснаю!

Послѣ ужина женихъ кланяется отцу и матери, проситъ благословить его на путь.

Дружина запрягаетъ лошадей въ повозки и ѣдутъ къ невѣстѣ. Во дворѣ невѣсты молодежь вооружаются палками и запираютъ ворота. Дружина жениха подходитъ къ воротамъ съ музыкою и пѣснями, и стучится въ ворота. „Здаро́ва, гаспадà!“—Здаро́ва!—„Пустѝтя, пожалуста, начава́ть!“—А хто ви такія и аткудава?—„Ми Маскӧўскаго князя [1]) Ивана Терлецкаго слуги, ѣдимъ шука́ть укра́динаю у ягò птицу; дакъ вотъ, кони нашы прытамѝлись, то намъ нужна пастаялый дворъ!“—Ну калѝ такія ви люди, ми васъ упустимъ у дворъ, дадимъ вашымъ ко́нямъ сѣна и аўсà, и ўсимъ вамъ будя харошый пакой. Тольки намъ заплӧтитя бочку вина и сто рублей грашáми!“ Дружина соглашается и даетъ имъ бутылку водки, пирогъ хлѣба и денегъ нѣсколько копѣекъ. Войдя во дворъ, дружина становится въ рядъ, а женихъ съ бояриномъ впереди. Тогда выходитъ тесть съ бутылкой водки, а теща въ вывернутой шубѣ и надѣвши на голову какую-либо шапку. У нея тоже бутылка водки и налитая чарка, въ которую насыпанъ ячмень, чтобы былъ богатый зять. Дружина жениха поетъ:

Убра́лася тёща въ аўчину,
Хатѣла зятя злякáти,
Ни хатѣла дачкѝ аддáти.

[1]) Не надо забывать, что до 1772 года здѣсь проходила граница между Литвою и Москвою.

Теща даетъ наполненную чарку зятю. Зять беретъ и черезъ голову выливаетъ вонъ; тогда теща льетъ другую и подаетъ зятю; зять этой не беретъ и проситъ тещу, чтобы она сама выпила. Теща выпиваетъ эту рюмку и потомъ подаетъ зятю и всей его дружинѣ. Тогда призываютъ невѣсту съ дѣвичьей квартиры домой. Невѣста съ своими дружками идетъ въ домъ, и причитаетъ:

Маӣ мамачка, мая галубачка!
Да куды ты мяне́, мая мамка, выгоняишъ?

Молодухи уговариваютъ невѣсту, просятъ не плакать и ничего не бояться: „Марына, ня плачь! И ми замужъ ишли и жывъёмъ! Такъ и ты: привыкнишъ къ Ивану, и будишъ жыть!“ А дѣвушки поютъ:

Ти я ў тибе, мая мамка, ни гарўю,
Що ты мяне аддаѐшъ маладую?

Потомъ братъ невѣсты беретъ её за руку и говоритъ: „Ти ёсть тутъ атецъ и мати?“—Маимъ быть!—„Благаславѝтя маладую на пасадъ завесть!“—Божа благаслави! Тогда невѣста садится за столъ и ожидаетъ въ домъ жениха; ея дружина съ палками въ рукахъ становится на лавки и скамьи и не допускаетъ дружины жениха въ домъ. Тѣ просятъ ихъ, даютъ имъ по чаркѣ водки, и они уступаютъ. Женихъ идетъ самъ на посадъ. Завидя жениха, дѣвушки поютъ пѣсню:

Приляжъ, Марынка, и къ стӧлцу,
Пусти галасо́къ па дво́рцу!

Невѣста нагибается къ столу и крѣпко держится за ножку стола; бояринъ перелѣзаетъ чрезъ невѣсту и садится за столъ, а женихъ становится на лавку и беретъ невѣсту за голову обѣими руками и садитъ её прямо. А всѣ отвѣчаютъ: „маладѐцъ, падо́ляў нявѣсту!“ Тогда дружокъ беретъ бутылку водки и угощаетъ свата, сваху и его родныхъ, а дѣвушки поютъ:

Нипраўдѝвая калина:
Казала, зроду цвѝсти ня буду.
А якъ прышла парà—зацвилà,
Красныя цвятӹ пустила.
Нипраўдивая Марынка:
Казала, зроду замужъ ни пайдў.
А якъ прышла парà, дакъ пашлà,
Маладога Иванку палюбила.

—

Катилася да зорачка изъ загӧръя,
Прасѝлася да Марынка изъ застолья.
Папрасѝся ты, Марынка, у Иванка:
Кала тябе да Иванка блѝзянька сядѝть,
Ёнъ на тваѐ русу касў пѝльнинька глядѝть.

Потомъ двѣ молодухи становятся на лавку: одна держитъ въ рукѣ гребенецъ, другая чепецъ, наметку и большую бѣлую холстину. Около нихъ ставятъ мальчика—брата невѣсты, который говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати? Благаславѝтя маладой касў расплѐсти!“ —Божа благаслави! Мальчикъ расплетаетъ косу, беретъ себѣ шнурокъ

въ полтора аршина, а дружокъ даетъ ему нѣсколько копѣекъ. Потомъ молодыя женщины начинаютъ завивать молодой волоса по женски, надѣваютъ ей на голову чепецъ и накрываютъ наметкой. Молодая все это сбрасываетъ съ головы нѣсколько разъ, покуда отецъ не пригрозитъ. Завивши молодую, молодухи поютъ:

Що ми исхотѣли,
То́я израби́ли,
Съ тѣста паляницу,
Зъ дѣўки маладицу.

А дружки поютъ свою пѣсню:

Стерва сестра, стерва,
На що касу́ стѐрла,
И стерла, и змяла,
Падъ чапецъ схавала.

—

Завивала минѐ дя́динка,
Да ня мѝласьливая,
Касу́цу зламила,
Слёзки ни ўрани́ла,
Сяестры́ца прынялася—
Слёзками аблилѐся.

Когда завьютъ молодую, дружокъ идетъ съ товарищемъ въ клѣть невѣсты и самъ беретъ елку, а товарищъ каравай. Стоя у порога, они спрашиваютъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Имъ отвѣчаютъ: „Маимъ быть!“—Благаславитя чесный важный каравай у хату ўне́сьти?—„Божа благаслави!“ А дружки поютъ:

Дружкѐ каравай нясѐ
И е́лачкамъ трасѐ.
Хоть трасѝ, ни трасѝ,
И намъ каравая дасѝ.

Тогда дружокъ рѣжетъ каравай на малые куски, и застлавъ тарелку холстиною, наливаетъ чарку водки, ставитъ на тарелку и кладетъ кусокъ каравая. Прежде другихъ онъ кличетъ отца невѣсты: „Эй, сватъ, нявѣстинъ батька родный! Щобъ ты ла́скау буў, да сюды̀ прыбуў да нашымъ малады́мъ що-нибудь падарава́ў!“ Сватъ подходитъ съ платкомъ въ рукахъ и говоритъ: „Дару̀ю я сваймъ малады̀мъ, ни сваи́мъ, да Бо́жымъ, чарво́нага залато́га, тёлку, аўцу̀ и свинью. Да на ета пущъ ни спагадаютъ, а рана ўстава́ютъ, атца и мать паважаютъ, то и Богъ памо́жа!“ Дружокъ говоритъ: спасиба! И подаетъ невѣстѣ деньги, подаренныя отцомъ. Потомъ дружокъ кличетъ мать, братьевъ, сестеръ и прочихъ родныхъ, по старшинству. Всѣ они даютъ подарки. Мать невѣсты кладетъ холстъ и говоритъ: „вотъ ета рука́вы све́кру!“ Потомъ даетъ наметку: „а ета свякру́си!“ Потомъ по аршину перетканыхъ заполочью концовъ полотенецъ братьямъ и сестрамъ жениха; крестному отцу рукава, крестной матери наметку и т. д. Дружокъ за каждый подарокъ наливаетъ рюмку водки. Дружки поютъ на отъѣздъ молодой пѣсню:

Пайду̀ я у садъ зилянѐнькій 2
Да вы̀ламлю калинаву вѣтку, 2
Пущу я на бы̀страю рэчку: 2
Ти пата́ня калинава вѣтка, 2
Ти жалѣя мяне мой татка? 2
Ни пата́ла калинава вѣтка, 2
Ни жалѣя мяне мой татка! 2

—

Потомъ дружокъ отправляетъ дѣвушекъ домой и даетъ имъ на прощанье по рюмкѣ водки. Попрощавшись съ невѣстою, онѣ уходятъ; отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ бояръ и всю дружину на ужинъ, всѣхъ садятъ за столъ, даютъ каждому водку и вино, борщъ, говядину и кашу, а жениха и невѣсту ведутъ въ амбаръ и тамъ ихъ подчуютъ особо. Послѣ ужина бояре уѣзжаютъ домой, а дружки уводятъ молодыхъ въ хату и садятъ за столъ, а сами запрягаютъ лошадь, кладутъ на повозку имущество невѣсты, подушки, рядна, и перину; потомъ входятъ въ хату, зажигаютъ свѣчку предъ иконою и произносятъ молитву: „Отче нашъ“. Сватъ беретъ въ руки икону Спасителя, или Божіей Матери, и становится около печи. Тогда дружокъ беретъ жениха за руку, а женихъ невѣсту, и спрашиваетъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ — Маимъ быть!—„Благаславитя маладому князю у путь-дарогу паѣхать!“—„Божа благаславѝ!“ Тогда женихъ съ невѣстою кланяются тестю и тещѣ и просятъ благословенія. Потомъ молодые садятся на повозку; имъ даютъ икону и хлѣбъ-соль на блюдѣ, и садятъ съ ними двухъ молодыхъ женщинъ, родственницъ невѣсты, для сопровожденія. Дружки же возвращаются въ хату; тамъ ихъ „арештуютъ“ и вяжутъ чрезъ плечи рушниками — будто-бы воровъ; они откупаются водкою, наливая ее въ миску, стоящую на столѣ и называемую „ступа“. Наливши ступу, дружки съ молодымъ ѣдутъ въ домъ жениха.

Пріѣхавши ко двору жениха, молодые проѣзжаютъ мимо. Тогда родные жениха выбѣгаютъ на дворъ, растворяютъ ворота и зажигаютъ куль соломы. Дружко гонитъ лошадь чрезъ огонь, и говоритъ: „нихай усё зло́я и худо́я сгары́ть“. Отецъ и мать жениха выходятъ съ иконою и хлѣбомъ-солью и просятъ молодыхъ въ домъ. Молодые, поклонившись родителямъ, входятъ въ домъ и садятся за столъ. На столъ ставятъ закуски, водку и вино, а дружокъ беретъ молодыхъ женщинъ и идетъ съ ними въ амбаръ стлать молодымъ постель; въ постель кладутъ нитъ̀ изъ кросенъ, и часто толкачъ,—чтобы не вредили имъ колдуны. Гдѣ на свадьбѣ окажется колдунъ, то его поятъ водкою, чтобы онъ не дѣлалъ вреда; но нѣкоторые уже бьютъ колдуновъ и выгоняютъ вонъ. Постлавши постель, дружокъ входитъ въ домъ и беретъ жениха за руку, а женихъ беретъ невѣсту. Обычной формулой дружокъ проситъ отца и мать благословить „маладога князя на спако́й атвесть!“ И ведетъ обоихъ въ амбаръ съ молодухами. Въ амбарѣ заставляютъ невѣсту разувать жениха. Невѣста снимаетъ съ правой ноги сапогъ, въ которой женихъ кладетъ деньги, и невѣста забираетъ деньги въ свою пользу. Раздѣвши, жениха кладутъ на постель; потомъ раздѣваютъ невѣсту до-нага, „чтобы у жениха возгаралась любовь къ своей невѣстѣ“, и надѣвши на невѣсту чистую бѣлую рубаху, кладутъ рядомъ съ женихомъ. Покрываютъ молодыхъ рядномъ, а зимою периною. Тогда молодухи отправляются въ хату,

а дружокъ съ кнутомъ въ рукѣ грозитъ молодымъ: „смотрите, чтобы у васъ сегодня было дѣло, чтобы вы оба показали всѣмъ родичамъ свое весельля!“ По выходѣ дружка изъ клѣти, въ случаѣ невѣста не пожелаетъ тотчасъ спать съ женихомъ, онъ приступаетъ къ угрозамъ, насилію и даже къ побоямъ. Если невѣста сильнѣе жениха, то она не допускаетъ его до себя. Тогда дружокъ идетъ провѣдать молодыхъ, и если они не сошлись и цѣломудріе не открыто, спрашиваетъ, кто виновенъ. Если женихъ жалуется, что ему невѣста не покорится, тогда дружокъ бьетъ ее кнутомъ и опять уходитъ изъ клѣти, а молодые спятъ до утра подъ запоромъ.

Въ понедѣльникъ утромъ родители невѣсты созываютъ родныхъ, молодыхъ парней и женщинъ, называемыхъ „приданями“, и старыхъ— называемыхъ „честными“, берутъ въ руки пироги и по бутылкѣ водки, и ѣдутъ къ дочери. Дорогою поются пѣсни:

Ой, дабры́динь, добрыя люди, и мы къ вамъ, (2)
Ти ни залятѣла наша чи́рачка ўчира̀ къ вамъ:
Лятѣла, лятѣла—тутъ сѣла? (2)

Подъѣзжая къ двору жениха, поютъ:

Ѣхали мы да дарогами,
Ѣхали мы да шырокими,
Да заѣхали къ свату,
У бага́тую хату!

Отецъ жениха выходитъ на дворъ и приглашаетъ всѣхъ гостей въ домъ: „люди добрыя! ми́ласьти просимъ у хату!“ Тогда придани садятся за столъ; дружокъ даетъ имъ по рюмкѣ водки и вино, сваха ставитъ на столъ борщъ, говядину и кашу. Потомъ дружокъ беретъ трехъ и болѣе молодухъ и идетъ подымать молодыхъ. Отперши амбаръ, они подходятъ къ постели, открываютъ рядно и осматриваютъ ложе. Если окажется, что невѣста цѣломудренна, тогда приносятъ молодымъ воду и утиральники. Молодые умываются, и невѣста иногда плачетъ о потерѣ своего дѣвства, а молодухи уговариваютъ: „ни плачь, Марынка: мы ўсѣ у етыхъ грыхахъ! Ня хатѣла, дакъ було замужъ ня йти!“ Тогда бываетъ всѣмъ радость, что невѣста честная. Молодухи бьютъ посуду, и хозяинъ за это не гнѣвается. На дворѣ вывѣшиваютъ красный флагъ, чтобы всѣ знали, что невѣста хороша. Тогда всему ея роду честь. И идутъ всѣ дарить молодую—кто деньгами, кто холстомъ, кто чепцами и т. д. Послѣ этого начинаются перезвы на цѣлый день до вечера. А если окажется, что невѣста нецѣломудренна, тогда роднымъ ея надѣваютъ хомутъ, а на дворѣ дѣлается чучело и „посмѣшка“. Потомъ поютъ непечатную пѣсню:

Возли рѣчки, возли мосту
Рыбаловы хо́дять.
Захатѣлась рыбало́ву
Зъ дѣвки насмия́тца, и т. д.

На другой день, во вторникъ, родные жениха, съ молодыми, ѣдутъ къ отцу невѣсты. Это называется—ѣхать „въ атво́дины“. Пріѣхавши, молодые кланяются отцу и матери невѣсты, и ихъ под-

чуютъ колбасами, жаркимъ и яишницей. Немного побывъ у тестя, зять съ своей молодой уѣзжаетъ домой, причемъ дѣвушки на отъѣздъ поютъ:

Тарарай, калёсы, тарарай,
Да вязйтя дѣвачку съ пекла ў рай!
А ина таго́ раю ни хатѣла бъ,
Да назадъ икъ мамки палятѣла бъ.

Остальные же гости садятся за столъ, и сватъ ихъ угощаетъ. Потомъ идутъ съ перезвами на бесѣды къ роднымъ свата.

Молодухи поютъ на перезвахъ:

Гало́вачка мая̀ бѣдна, —
Ў мянѐ ма̀мачка няро́дна.
Пасыла̀ла мянѐ мати
Ярàво́га жыта жати,
А ячменю павяза̀ти.
А я жы́тячка ня жала,
И ячменю ня вязала, —
Чаразъ свайго миляњькага,
Чаразъ яго̀ бѣлыя руки,
Няздаро́вая ляжала.
А мой милый чарнабры́вый,
На славе́чка справядлѝвый,
Убива̀я руко́ю, атлива̀я вадо́ю:
„Гавары, серца, са мною!“
— И рада бъ я съ табой гаварыти,
Дакъ баю́ся—будяшъ бити!
Аблило́ся маё серца
Да гару́чаю кро́ўю —
Я славе́чка ни прамо́ўлю!
Кабъ я знала, маладая,
Ня йшла бъ замужъ, да гуляла, 2
Здаро́ўяйка сабира̀ла
Дяўчы́наю маладою.
Ня аддаў мянѐ батька,
Ня аддала̀ мянѐ матка —
Сама дружка палюбила,
Гало́вачку утапи̃ла,
Дяўчынаю маладо́ю!
Якъ у по́ли азе́рушка,
Тамъ плавала вяде́рушка —
Да сасновая клёпка,
Да дубовая де́нца —
Разайдёмся, маё серца!

—

Переходивши всѣ перезвы, родные жениха собираются снова на сватній дворъ, „на папялѝща“. Здѣсь пьютъ водку, сколько кто хочетъ, и безобразничаютъ: разрываютъ живую курицу и слегка опаливши ее на огнѣ, ѣдятъ, бросаютъ въ кипятокъ живого пѣтуха или поросенка, и тоже ѣдятъ и т. д. Тѣмъ и кончается свадьба.

Свадьбы большею частью „гуляются“ въ Рождественскій мясоѣдъ.

Свадьба вдовыхъ очень сокращенна: повѣнчавшись, ѣдутъ прямо къ жениху, и расходъ не болѣе пяти рублей. Свадьба сиротъ гуляется, какъ и обыкновенная. Расходъ сиротской свадьбы до 40—50 рублей.

Д. Дубровка, Гомельск. у.
Со словъ кр. Л. М. Ткаченка.

Крестьяне м. Вѣтки, населеннаго между прочимъ великоруссами старообрядцами, устраиваютъ свадьбы преимущественно между 16 августа и 10 ноября, и въ Рождественскій мясоѣдъ. Весною-же свадьбы бываютъ очень рѣдко, и только вслѣдствіе стѣснительныхъ семейныхъ обстоятельствъ, напр. когда семья лишается отца, или матери, или есть необходимая потребность въ работницѣ, а нанять ее нѣтъ средствъ и т. д. Порядокъ свадьбы у всѣхъ почти одинъ и тотъ же.

Въ настоящее время браки устраиваются здѣсь съ согласія жениха и невѣсты. Случаи, когда браки устраиваются только по желанію родителей, очень рѣдки, именно, когда принимаются въ разсчетъ какъ матеріальная сторона, такъ и семейныя традиціи, и тогда, когда женихъ молодъ и не имѣетъ никого въ виду. Если же бракъ заключается по любви, то сынъ прямо проситъ родителей посватать любимую имъ дѣвушку. Собирается поѣздъ, состоящій изъ женихова отца, жениха и уважаемаго близкаго человѣка. Вечеромъ поѣздъ отправляется въ домъ избранной дѣвушки. Послѣ обычныхъ привѣтствій, прибывшіе излагаютъ цѣль своего посѣщенія. Хозяева изъ приличія или какихъ либо видовъ отказываютъ сватамъ, говоря: „невѣста молода“ или: „намъ самимъ въ домѣ нужна работница“, или выставляютъ какія-либо другія причины. Сваты всѣми силами стараются уговорить исполнить ихъ просьбу. Дѣло кое-какъ начинаетъ клеиться; родители соглашаются, остается узнать мнѣніе невѣсты. А она, можетъ быть, ничего не предполагая, веселится на посидѣлкахъ, куда нежданно-негаданно является посланецъ и требуетъ ее домой. Если невѣста изъявитъ свое согласіе, то всѣ становятся передъ образами и молятся Богу, потомъ садятся за столъ и пьютъ принесенную сватами водку. Затѣмъ женихъ и невѣста отправляются на посидѣлки. Въ домъ невѣсты, пока она на посидѣлкахъ, собирается оповѣщенная родня невѣсты и является, если близко живетъ, женихова мать. Это собраніе называется „змо́вины“. Изъ невѣстиной родни избирается дружокъ, который посылается на посидѣлки за женихомъ и невѣстой. Дружокъ приноситъ съ собою туда водку, угощаетъ собравшихся дѣвушекъ и проситъ ихъ сопровождать съ пѣснями до дому невѣсту. Дѣвушки соглашаются, и поютъ:

„Ти ни гру́ба завали́лася,
Ўжэ́ нивѣста заручилася,
За таго̀ парня харо́шага
За Андрея Питровича“.

Когда подойдутъ къ невѣстиному двору, поютъ:

„Разгарѣлася калина,
Пиридъ заро́й сто́ючи;
Расплакалася Катяринка,
Пиридъ ба́тькамъ сѣ́дючи.
Ту́шыть вѣтиръ, ни ўту́шыть,
Го́рій и́скарья разнясе́ть,
Унима́ить батька до́чку, ни ўни́мить,
Го́рій жа́ласьти задае́ть.

—

Входя въ хату, дѣвушки прячутъ невѣсту гдѣ-нибудь за дверью, а когда войдетъ въ хату женихъ, то невѣстинъ братъ, а за неимѣніемъ его, другой какой-либо парень, подводитъ къ нему невѣсту и говоритъ: „вотъ, мы даемъ табѣ ни слѣпу́ю, ни храму́ю, ни курносаю; дай крупъ—прасѝ кашы, принесѝ муки—прасѝ хлѣба, посѣ́й льну—прасѝ саро́чку“. Потомъ дѣвушки подводятъ невѣсту къ свекру, свекрови, свату, и она, кланяясь имъ, подноситъ подарки: свекру холста на рубаху, свекрови передникъ, свату и жениху платки. Све-

кровь даетъ взамѣнъ подарка водку, которой невѣста угощаетъ на посидѣлкахъ дѣвушекъ. Свекоръ и сватъ даютъ только деньги, а женихъ кромѣ денегъ—закуску для дѣвушекъ, состоящую изъ пряниковъ, орѣховъ, сѣмечекъ и др. лакомствъ Дѣвушки вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой отправляются на посидѣлки, гдѣ угощаются и поютъ пѣсни.

Василь ты мой, василёкъ,
Бѣларо́завый цвято́къ,
Ой люли, ой люли,
Бѣларозавый цвятокъ.
(Послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Гдѣ мнѣ тябе пасадитъ,
Ой, чимъ бу́дить угасьти́ть?
Пасажу̀ я, пасажу̀,
Въ сваёмъ зе́линамъ саду̀,
Падъ игру́шай зиляно́й,
Падъ травою шалкаво́й!

—

Рама́начка, дружокъ мой,
Гдѣ мнѣ тябѐ пасади́ть, 2
Ой, чимъ бу́дить угасьти́ть,
Пасажу̀ я, пасажу̀
Въ сваёмъ те́риму наво́мъ, 2
За дубовымъ за стало́мъ, 2
Шытымъ, бранымъ, за каўро́мъ.
Я тябѐ тахто́й накры́ю, 2
А сыто́ю абальлю̀, 2
Ча́ямъ, мёдомъ напаю̀, 2
Канхве́тами угащу̀,
Ой люли, ой люли —
Канхве́тами угащу̀.

(Конечно, заимствована у старообрядцевъ).

Старики, угостившись въ домѣ невѣсты съ своими родичами, идутъ въ домъ жениха „печку лизать“. Одни изъ пришедшихъ дѣйствительно лижутъ печь, а другіе нѣтъ. Здѣсь попьютъ, поѣдятъ и идутъ домой.

Двѣ-три недѣли между змовинами и вѣнцомъ проходятъ въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Послѣ змовинъ сваты идутъ къ священнику условиться о времени вѣнца. Предъ вѣнцомъ женихъ и невѣста, изучивъ молитвы, также идутъ для провѣрки къ священнику.

У людей состоятельныхъ послѣ змовинъ собираются невѣстины подруги для шитья приданаго. Въ благодарность за это невѣста устраиваетъ имъ пирушку—„дѣвишникъ“. Здѣсь дѣвушки угощаются различными лакомствами и поютъ жениху и невѣстѣ пѣсни, въ родѣ слѣдующихъ:

Ой, па лугу̀, па лугу̀,
Па лугу зилёному,
Ой, люлѝ-лю́шыньки,
Па лугу̀ зилёному,
(Послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Хо́дить добрый мо́ладицъ
Иго́ръ Микала́ивичъ.
Писа́ў жа ёнъ гра́мату
Па бѣламу бархату 2
Къ ради́маму батюшку:

„Радимый мой тятинька!
Тава́ришы жэ́нютца,—
Мнѣ мо́лайцу на́добна!“
— Жани́сь, жани́сь, дититка,
Жанись, чирнабро́вая!
Бирѝ сабѣ дѣвачку —
Княгиню, баярыню,
Маско́ўськаю барыню,
Са алыми лентами
Штофными 'зія́тками!

„Радимый мой тятинька:
То мнѣ ни жана̀ бу́дя,
А вамъ ни нивѣстушка,
Ў до́ми ни куко́вница,
Ў по́ли ни работьница,
Ни къ гасьтя́мъ привѣтьница,
Ни са мной савѣтьница!
Радимый мой тятинька:
Есть у мяне дѣвачка —
Бли́жнія сусѣдачка,
Настасья Кузьминишна;
То минѣ жана̀ бу́дить,
А вамъ жа нивѣстушка,
И ў поли работьница,
И ў доми куковница,
Зъ гасьтя́ми привѣтьница,
Са мною савѣтьница,
Ой, люли—лю́шыньки,
Са мно́ю савѣтьница.

Заимствованная.

—

Какъ и Катя-та Ивана
У даро́гу сабирала,
Калина ма́й, малина ма́й!
Шапку зъ бантамъ надивала,
Падпая́савала,
Падпая́савала и прика́завала:
Паижжа́й, ма́й надежда,
Ни загуливайся,
На чужыхъ на харо́шыхъ
Ни загля́давайся!
Што чужыя харошыя
Спадма́ньчиваты,
Што спадманьчиваты,
Спадгаво́рчиваты:
Што спадманють, спадгаво́руть
Удало́га малайца̀, 2
Иванушку купца,
Тимахве́ивича!
Бисъ тибе, ма́й наде́жда,
Я канѐшна умру, 2
Бизъ духо́ўна атайдў,
Бизъ духо́унага атца,
Бизъ Ивана малайца,
Тимохве́ивича,
Калина мая, малина мая!

—

Якъ падъ я́бланкай тако́й,
Падъ кудра́вой зилянóй—
Калина, малина!
Тамъ стая́ла карва́ть,
Карва́ть тёсаная, 2
Ножки то́чиныя, 2
Пазало́чиныя.
Якъ на той ли на карва́ти
Добрый мо́ладицъ ляжы́ть,
Што Иваничка Стипановичъ.
Прихади́ли къ яму̀
Три тава́ришы, 2
Усё радны́я бра́тьтя.
Яны̀ бу́дють яго̀,
Прабужа́ють яго̀:
„Добрый мо́ладецъ Иваничка,
Ты уста́нь-тка, праснись:
Къ на́шай пристани
Караблѝ пришли
Са тава́рами, 2
Са дивчатами!
Мы пайдёмъ-кася
Сабѣ дѣвакъ выбирать!“
Выбраў дѣвачку,
Выбраў краснаю,
Еще Дунюшку, ще Хвёдараўну,
Калина, малина!

Заимствованныя.

—

Наканунѣ вѣнца женихъ избираетъ для себя двухъ дружковъ и дядю, обязанность котораго держать вѣнецъ и помогать дружкамъ угощать гостей, а также и свѣтилку—молодую женщину, на обязанности которой лежитъ убирать для вѣнца свѣчи и ѣздить съ женихомъ къ молодой. Для невѣсты также избираются двѣ, три дѣвушки—дрў́жки, подневѣстницы. Ихъ обязанность та же, что и дяди. Въ день

вѣнца поѣздъ, состоящій изъ жениха, дяди и дружковъ, отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ уже собралась вся ея родня. Женихъ и невѣста молятся съ земными поклонами передъ образами. Затѣмъ родители, взявъ образъ и прочитавъ молитвы, благословляютъ жениха и невѣсту образомъ. Принявъ образъ, они передаютъ его дядѣ. Затѣмъ, взявъ молодыхъ за руки, родители обводятъ ихъ три раза вокругъ стола. Послѣ этого дружокъ обращается къ родителямъ невѣсты: „благаслави́тя, атецъ и мати, падъ винецъ ступа́ти!“—„Богъ благаслави̇, и мы благаславля́имъ“, отвѣчаютъ родители. Тогда поѣздъ отправляется въ церковь. Чтобы молодыхъ не испортили колдуны, имъ при одѣваніи къ вѣнцу вкалываютъ иголки и булавки въ подолъ рубахъ. А чтобы они любили другъ друга, кладутъ имъ въ карманы мыло и запертый замокъ безъ ключа. Чтобы они были богаты, кладутъ въ обувь деньги.

Повѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ невѣсты. Во время ѣзды поютъ пѣсни:

„Спасиба табѣ, по́нинька,
За ру́саю ко́саньку,—
Што нямножка ўзяў,
Да харашо̀ звяньча́ў:
Паўтара̀ залато́га
За князя маладога,
За ру́саю касў,
За дяви́ччаю красў.“

Когда подъѣдутъ къ воротамъ невѣстинаго отца, то вызываютъ родителей встрѣтить молодыхъ слѣдующей пѣсней:

„Выйди, мамачка, ись свяча́ми,
Тва́я дачка̀ звяньча́на.
Запали, матка, свѣчку,
Выйди на сустрѣчку,
Сустрѣнь сваю̀ дачкў!
Ти ўгада́ишъ, мати,
Да свайго̀ дитя́ти?“
— Якъ мнѣ ня ўгада́ти
Да свайго дитяти:
Пе́рва наражо́на,
Атъ Бога сужо́на,
У рукахъ шыринка,
Тониныка, бяле́нька,
Отъ слёзамъ макре́нька!

Отецъ и мать выходятъ навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью и съ иконой. Женихъ кланяется тещѣ и беретъ отъ нея хлѣбъ-соль, а невѣста кланяется отцу и принимаетъ отъ него икону. Всѣ входятъ въ домъ и садятся за столъ обѣдать, причемъ жениха и невѣсту садятъ на кутъ—въ почетный уголъ. Обѣдъ стараются приготовить поизысканнѣе, пьютъ водку и вино. На обѣдѣ присутствуетъ только невѣстина родня и свадебный поѣздъ.

Послѣ обѣда женихъ и невѣста, дружки, дядя, а также и невѣстины подруги ѣдутъ кататься. Затѣмъ женихъ съ своими поѣзжанами уѣзжаетъ домой.

Въ это время къ молодой собираются ея подруги „завивать ёлку“, то есть украшать ее разными лентами, разноцвѣтными кусочками ситца и цвѣтными бумажками.

При этомъ поются пѣсни:

Благаслаўлялась Сашачка
Сваймў роднаму татачку:
„Благаслави, мой татачка,
Мнѣ ёлачку вити!“

Этотъ куплетъ поется всѣмъ членамъ семьи безъ всякаго измѣненія.

Ня йдитя, маладицы,
Къ намъ ёлачку вити:
Саўёмъ жа мы сами
Съ красными паничами,
Сь чорными галачками,
Зъ ясными паннычками.

—

Што ни жаласьливый, сударь батюшка, да мянѣ, да мянѣ!
Аддаёть жа мянѣ малодёшыньку атъ сябѣ, отъ сябѣ.
Каму жъ та я прикажў тьвяты алыя?
Прикажу-та я сваѐ тьвяты батюшку, батюшку:
Уставай-ка, мой батюшка, ранинька, ранинька,
Паливай-ка мае тьвяты часьтинька, часьтинька!

—

Якъ лятѣў жа сизъ галубчикъ чирасъ садъ,
Да удариўся крылушками ў виноградъ:
Ти ня тутъ май галубка, ти ня тутъ янà?
Ти зъ другими галубцами вонъ гулять пашлà?
Якъ ѣхаў Иванъ малойчикъ чирасъ садъ,
Да ударились кони капытами ў виноградъ:
„Ти ня тутъ май Маланьня, ти ня тутъ яна?
Ти зъ другими малайцами вонъ гулять пашлà?“
— Кагды бъ та я, Иванушка, ета знала,
То бъ зъ другими малайцами ни гуляла!

—

На Халецкамъ [1]) поли яръ, яръ,
Рана, рана, ранёшынька!
(послѣ каждой строки).
На Вѣткаўськимъ дьвѣ вишаньки.
Тамъ Маланьня чары мыла,
Мыўшы чары, гаварила:
„Вы плывитя, маѐ чары,
Къ свёкру на дворъ, зъ виномъ
[за столъ—
Я за вами скора буду,
Рана, рана ранёшынька!

—

Кагды бъ та я зналà,
Што зъ братамъ ни жыти,
Я бъ тынъ праламала, 2
Карбў напускала. 2
Тапчитя, каровы, 2
Што есть у гарбди, 2
И хрѣнъ и капусту,
Кучераву мяту, 2
Штобъ ни асталася брату,
Нявѣстки панюхать, 2
Гаўбракъ паслўхать.

—

[1]) Хальчъ—сосѣднее мѣстечко.

Поется и во время катанья молодыхъ. Также на Масленицѣ.

Тѣмъ временемъ хата наполняется гостями. Сваты, крестные отецъ и мать невѣсты, ея родители и другіе гости, постарше, сидятъ за столомъ подъ образами. Молодая и ея подруги за другимъ. На обоихъ столахъ угощеніе. Дѣвушки опять поютъ пѣсни.

Лѣзла Кулинка зъ застольля,
Сыпала руту съ припольля:
„Ой, рута жъ мая дробна зѣлина,
Съ кимъ тябѣ падбирати?“
Прасй, Кулинка, татачку,
Дробнаю руту збирать!
„Ня буду татки прасити,
Ёнъ ни умѣў мянѐ расьтйти,
И расьтити, и лялѣити,
У сваёмъ дамў диржати!

Это же поется и матери, сестрамъ, братьямъ, наконецъ жениху, и тогда послѣднія четыре строки поются такъ:

„Буду жаниха прасити:
Ёнъ умѣў мянѐ расьтити,
И расьтити, и лялѣити,
И ў свой домъ брати?“
Маё лицо, якъ калйначка,
Я самà, якъ журавйначка (клюква).

—

„Вйдна, ў тябѣ, Кулинка,
Камянное сярдечка:
Вечаръ ты сидишъ,
Да ни заплачишъ,
И татачки ни разжалабишъ!“
— Ой, якъ жа мнѣ плакати,
Изъ лица красў стирать:

—

„Ни ǵеǵай-ка, гусачокъ,
Ни высока жъ падлятѣў!
— Хоть жа ни высокинька,
Да спущуся, разабьюся!
„Ни плачь-ка, Кулинка,
Нидалёка идешъ атъ мати!“
— Хоть жа нидалёчка,
Да ни къ сваёй мамцы!

—

У жениха въ это время тоже идетъ веселье. Веселятся и танцуютъ подъ музыку. Сюда приходятъ (если въ мѣстечкѣ) потанцевать и невѣстины подруги, вившія елку. Къ концу пирушки поютъ:

„Ня спи-тка ты, ня гуляй,
Жанихова мамачка:
Гатўй намъ вячерачку,—
Паѣдимъ па дѣвачку!“
— А я жъ, кажытца, ни гуляю,
Свайго сыночка, свайго роднага,
У дарожку выпраўляю!

Поужинавши, отправляются за молодой. По пути поютъ:

Мы паѣдимъ да парошаю
Да за сваёй за харошаю!
Ой, тамъ жа мы станимъ,
Гдѣ сваю спазнаимъ!

У невѣстиныхъ воротъ къ этому времени собираются парни „ловить зайца“. Они загородятъ жениху дорогу, и чтобы освободиться, женихъ долженъ дать имъ водки; въ противномъ случаѣ у его лошадей перерѣжутъ гужи. А дѣвушки въ хатѣ поютъ пѣсню:

„Стукнула, грукнула на дварѣ,
Пагляди-тка, мамачка, ти ни па мянѐ?“
— Па тябѐ, дитятка па тябе!
„Гатўй, мамачка, кубликъ мнѣ!“

— Ѣдь, мая донячка, бисъ кублà,—
Чаму̀ куделькп ни скублà?
„Скубла кудельку, шуматѣла,
За ётага дурака ни хатѣла“!

Дружки входятъ въ хату, а женихъ съ дядею остается на дворѣ. Невѣстины дружки встрѣчаютъ жениховыхъ дружковъ пѣснею:

„Дружокъ на пáрóгъ лѣзя,
Клѝньнямъ галавà збѝта,
Салóмаю барадà шшыта,
Лы́чкамъ подпиразáўся,
Па баярськи прыбрáўся“.

Невѣсту дѣвушки прячутъ въ своей толпѣ, а дружкамъ выталкиваютъ другую. Дружокъ говоритъ: „ѐта ни мая!“ До тѣхъ поръ, пока наконецъ выведутъ и невѣсту. Дружки́ торгуются за нее съ дру̀жками и даютъ деньги; тѣ не принимаютъ, требуютъ, чтобы подбавили, и поютъ:

Ета ня грóшы—
Ета мѣдь;
Садись на свинью—
Дамóў ѣдь,
А пріѣхаўшы, пасасáй,
Зъ нами, дру̀жками,
Размаўля́й!
За ѐтыя грóшы
Купѝ сабѣ мыла,
Памы́й сабѣ рыла,
Штобъ жонка любила,
А дѣти ўважали,
Да бáтькамъ назвали!

Дружокъ грозитъ кнутомъ, проситъ продать невѣсту, наконецъ надбавляетъ плату и получаетъ невѣсту.

Теперь нужно выкупить невѣстину косу. Невѣстинъ братъ становится за ея косой и торгуется за нее; онъ не довольствуется малой платой и требуетъ большей, говоря: „мая касà семъ пудоў масла паѣла“. Дѣвушки поютъ:

Атступѝся, Литвà,
У насъ бу́дя битвà:
Братъ будя ваювáти,
Да сястры ни давати!

Наконецъ, торгъ оканчивается и дружокъ получаетъ невѣсту. Дѣвушки поютъ:

Татáрынъ, братка, татарынъ!
Аддаè сястру̀ задáрамъ,
Русаю касу̀ за питакъ,
Бѣлая лицо аддáў такъ.

Сестра невѣсты развиваетъ ей косу, а другая дѣвушка подаетъ сборникъ—чепецъ. Невѣста два раза бросаетъ его въ порогъ и только за третьимъ разомъ надѣваютъ его ей на голову. При этомъ поютъ:

Гдѣ дѣлася, гдѣ падѣлася,
Да Кулинкина мати?
— Да пайшла у кублѝща
Да на самая днища,—
Шукáти чапѝща.
Иванка купецъ, купецъ,
Купиў Кулинки чапѐцъ, чапѐцъ,
Тóнкаю намѣтачку
На я́е галóвачку.

Иванка на кóнику,
Якъ чóртъ на кóлику:
А Кулинка у злоти,
Якъ жаба ў балóти.

Потомъ дружокъ, окрутивъ невѣсту поясомъ, выводитъ на дворъ къ жениху, женихъ беретъ невѣсту за руку, другую подаетъ дядѣ, и тотъ вводитъ молодыхъ въ хату. Здѣсь женихъ и невѣста должны стукнуться головами другъ о друга. Въ хатѣ начинаются танцы, но танцуютъ уже молодыя бабы и мущины, пріѣхавшіе съ женихомъ. Послѣ танцевъ поютъ:

Давай, мàмачка, вячéрать,
А павячéраўши дялѝтца:
Табѣ, мáмачка, што въ вуглѣ,
А мнѣ, маладéнькай, што ў кублѣ!
Табѣ, мамачка, даёнка,
А мнѣ, маладéнькай, карóўка!
Табѣ, мамачка, семъ вяратёнъ,
А мнѣ, маладéнькай, семъ палатёнъ!

Невѣстина мать собираетъ ужинъ, вечéру. Вечѣряютъ гости, которые поѣдутъ съ молодой. Дружокъ потчуетъ гостей жениховой водкой. Молодые не вечеряютъ здѣсь. Ихъ, вмѣстѣ съ дядей, дружками и свѣтилкой, невѣстина мать угощаетъ отдѣльно яичницей и другими лучшими яствами, а также виномъ. Послѣ ужина молодые входятъ въ хату. Всѣ садятся. Затѣмъ невѣстина родня становится въ рядъ по старшинству. Молодые кланяются каждому порознь и выходятъ изъ хаты. При этомъ поется пѣсня:

Заливай, матка, жаръ, жаръ, жаръ,
Будя табѣ дачки́ жаль, жаль, жаль!
Клади у печь дровы, аставайся здарóва!
Аглядѝсься, мати, ти харашò ў хати:
Ти вы́маты лàўки бизъ дачки́ кахàнки?

—

Стань, мàя мамачка, ў парóзи,
А ужэ твая дóчка ў дарóзи! 2
Прыступись ка мнѣ близинька,
Пакланюсь табѣ низинька. 2
Кóсками зямéльку устялю̀,
Слёзками нóжачки абальлю̀! 2

При этомъ выносятъ невѣстину постель и кладутъ на возъ, а на постель садятъ молодыхъ. Невѣстина мать одѣваетъ вывороченный тулупъ и бѣгаетъ вокругъ воза, обсыпая молодыхъ житомъ. Дружокъ гоняется за ней съ кнутомъ. Молодые уѣзжаютъ. Въ дорогѣ поютъ пѣсни:

Што мы хатѣли
Тóя жъ мы зрабѝли:
Съ тѣста палянѝцу,
Зъ дѣўки маладѝцу.
Пасадили, пасадили
Ва новый вазóчикъ,
Да павязьли, да павязьли
И къ чужой мати.
Што хатѣли, то рабѝли
Чужому дитя́ти.
За чужóга дитяти
Нéкаму стая́ти.

Въ воротахъ женихова дома горитъ огонь. Молодые переѣзжаютъ черезъ него, чтобы колдунъ не причинилъ имъ вреда и чтобы молодые горячо любили другъ друга. На дворѣ поются пѣсни.

Выйди, мамачка, пагляди,
Што мы табѣ привязьлѝ?
Привязьли скрыню, пярину,
Маладую дѣвачку княгиню.

Женихова мать выноситъ хлѣбную дежу. Молодые, ставъ на нее съ телѣги, сходятъ на земь и входятъ въ хату. Здѣсь они садятся за столъ и угощаются. Въ это время дружками и свѣтилкой для молодыхъ стелется гдѣ-нибудь въ клѣти постель. Послѣ ужина ихъ и уводятъ туда. Молодая снимаетъ съ жениха сапоги и вынимаетъ оттуда заранѣе приготовленныя деньги. Дружокъ накрываетъ молодыхъ, всѣ уходятъ. Молодухи поютъ:

Катилася калясò съ клѣ́ти,
. . . . харашò, дѣти,
Штобъ былѝ у васъ дочки шва́чки,
А сыночки писаро́чки.

Въ хатѣ между тѣмъ веселятся до утра. Пріѣзжаютъ „вечернія“—молодыя бабы и мущины съ невѣстиной свадьбы. Пріѣзжіе присоединяются къ веселью. Музыка, танцы и пѣсни продолжаются до самаго утра. Утромъ бабы съ музыкой идутъ подымать молодыхъ и здѣсь удостовѣряются въ цѣломудренности молодой. Немного погодя, ѣдутъ „съ снѣданьнямъ“ къ невѣстиной матери. Если невѣста была честною, то лошадь и возокъ убираютъ красными платками и лентами, въ противномъ случаѣ все покрывается рогожей, только женихъ убирается лентами. Невѣста въ обоихъ случаяхъ остается дома. Пріѣхавши къ невѣстиной матери, женихъ угощаетъ ее красной водкой, если невѣста была цѣломудренна. Послѣ угощенія женихъ съ своими гостями уѣзжаетъ домой. Выправивъ жениха, невѣстины родители ѣдутъ „въ отводины“—везутъ жениху сундукъ—приданое невѣсты; съ ними ѣдутъ ихъ гости — молодые мущины и бабы. Въ дорогѣ поются пѣсни.

Ни жа́ласьливый тàтка мой:
Ни самъ ка мнѣ ни ѣдя,
Ни прыдàньня ни шлеть,
За маёй русо́ю касой,
За диво́цкаю красо́й!

На дворѣ жениха пріѣзжими гостями поется другая пѣсня:

Выйди, Кулинка, на дворъ:
Сабраўся твой увесь родъ!
Вы́няси кали́начку,
Узвисялѝ ради́начку;
Вы́няси другую,
Узвисялѝ чужую!

Невѣста выходитъ, кланяется отцу съ матерью и всѣмъ пріѣзжимъ. Братъ невѣсты садится на сундукъ и проситъ деньги за приданое. Ему предлагаютъ нѣсколько копѣекъ, но онъ не удовлетворяется и требуетъ большаго. Прибавятъ еще немного и такимъ образомъ кончатъ сдѣлку. На дворѣ пріѣзжими распивается вынесенная родителями жениха красная водка, если невѣста была честная, если же нѣтъ, то бѣлая. Иногда въ такомъ случаѣ еще на отца молодой надѣваютъ хомутъ. Это дѣлается кѣмъ-нибудь изъ жениховой семьи. Потомъ идутъ въ хату дѣлить каравай; молодые подносятъ на блюдѣ два ломтя каравая родителямъ. Невѣста подноситъ при этомъ подарки. Родители кладутъ на тарелку деньги и обѣщаютъ дѣлиться съ молодыми всѣмъ своимъ добромъ, говоря: „што у насъ, то и

дѣтямъ нашимъ!“ Затѣмъ невѣста даетъ подарки и всей жениховой роднѣ. Подарки состоятъ изъ платковъ. Родственники, принимая подарки, обѣщаютъ отдарить невѣсту кто чѣмъ можетъ,—преимущественно животными домашними и птицей.

Свадебное торжество оканчивается перезвой или, какъ еще называется—банкетами. Участвующіе въ свадебномъ торжествѣ поочередно собираются повеселиться то у сватовъ, то у дяди, у крестныхъ, и у другихъ лицъ, участвовавшихъ въ свадьбѣ. Пиръ продолжается около недѣли у богатыхъ и два-три дня у бѣдняковъ. У богатыхъ свадебные расходы простираются до ста рублей, а у бѣдныхъ до 40—50 рублей, не включая сюда приданаго.

Свадебная дружина жениха и невѣсты у богатыхъ доходитъ человѣкъ до тридцати и больше, а у бѣдныхъ человѣкъ десять-пятнадцать. Свадьбы вдовыхъ совершаются безъ музыки и въ одинъ день. Послѣ вѣнца обѣдаютъ у невѣсты и выѣзжаютъ къ жениху.

Въ с. Старомъ Селѣ соблюдаются слѣдующіе обряды:

Дѣлятъ каравай и вьютъ елку только на свадьбахъ первобрачныхъ. Про второбрачныхъ говорятъ: „яна ужэ звилà сабѣ е́лку, якъ ишла за первага!“ Или: „ихный хлѣбъ ужэ́ падѣлянъ!“ Елка завивается наканунѣ свадьбы, дѣвушками сверстницами, съ которыми невѣста проводила свое дѣвичество. Для елки отыскивается или вѣтка ели, которая въ Гомельскомъ уѣздѣ составляетъ рѣдкость, или молодая вишня. Вѣтки ихъ украшаются цвѣтами изъ разноцвѣтной крашеной бумаги; при этомъ устраиваются и трубочки для вставки восковыхъ свѣчей, которыя зажигаются при подниманіи хлѣба съ елкой. Благодаря близости Гомеля и Вѣтки, каравай здѣсь не пекутъ дома, а покупаютъ на вѣсъ булку въ булочныхъ или заказываютъ тамъ каравай спеціально. По внѣшнему виду это большая круглая булка въ видѣ полушара.

Въ тотъ день, когда назначено вѣнчаніе, обыкновенно—воскресенье, женихъ вмѣстѣ съ дядею и дружкомъ рано утромъ, еще до заутрени, отправляется въ домъ невѣсты и несетъ съ собою бутылку водки. Тамъ дружокъ выливаетъ водку въ какой-нибудь сосудъ, потомъ беретъ за руку жениха, а женихъ беретъ невѣсту, невѣста свою старшую дружку, а дружка дядьку, и всѣ вмѣстѣ три раза обходятъ вокругъ стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, соль и принесенная водка. Послѣ этого женихъ и невѣста кланяются въ ноги всѣмъ находящимся въ избѣ родственникамъ невѣсты и отправляются въ церковь. Послѣ заутрени невѣста продолжаетъ обходить родныхъ и знакомыхъ и кланяется всѣмъ въ ноги. Тѣ желаютъ ей, чтобы Богъ далъ „щасьтя, долю и вѣкъ до́ўгій!“ Вѣнчаніе происходитъ по окончаніи обѣдни. Отъ вѣнца молодые отправляются въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи дѣвушекъ. Мать невѣсты встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью; молодые ей кланяются и входятъ въ избу,

а дѣвушки расходятся по домамъ. Послѣ небольшой закуски молодые уходятъ: женихъ идетъ къ дядькѣ, а невѣста къ старшей дружкѣ, и тамъ „гостятся“. Тѣмъ временемъ въ домъ жениха является музыка и собирается молодежь, преимущественно мужская, и гуляетъ до вечера. Къ вечеру она расходится, а въ домъ жениха приходятъ замужнія женщины. Вмѣстѣ съ женихомъ, дядькою и съ музыкой онѣ отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ тоже уже собрались старые люди. Женихъ приноситъ невѣстѣ „гостинцы“—лакомства, а та въ сосѣднемъ домѣ раздаетъ ихъ своимъ подружкамъ. Теща уводитъ зятя въ отдѣльную комнату или въ клѣть и тамъ угощаетъ, остальные угощаются за общимъ столомъ. Послѣ угощенія женихъ съ своими гостями возвращается домой, и пиршество идетъ въ обоихъ домахъ.

Позже женихъ собирается ѣхать за молодой. Ему запрягаютъ коня. Онъ садится на сани или въ телѣгу, а мать его одѣвается въ вывернутую шубу, беретъ въ передникъ овса или ячменя и обходитъ или, вѣрнѣе, обѣгаетъ три раза вокругъ запряженной лошади, такъ какъ дядька гоняется за нею съ кнутомъ. Обѣжавъ три раза, мать кланяется коню и отдаетъ ему овесъ, который былъ въ передникѣ. Послѣ этого къ жениху присаживаются родные и ѣдутъ въ домъ невѣсты.

Теща встрѣчаетъ зятя на дворѣ и подаетъ ему на телѣгу четыре рюмки воды; зять обязанъ вылить воду на всѣ четыре стороны двора и тогда уже слѣзаетъ съ телѣги. Здѣсь теща подаетъ ему рюмку водки, которую онъ выпиваетъ, стоя у лошади. Въ это время братъ выводитъ невѣсту съ хлѣбомъ и ставитъ рядомъ съ женихомъ. Послѣ этого дружки жениха и невѣсты берутъ по вѣку отъ квашни и, застлавъ ихъ скатертями, обносятъ три раза вокругъ новобрачныхъ, а затѣмъ подымаютъ надъ головами. Каждый старается поднять, какъ можно выше. „Мой вы́шай!“—Нѣ, мой вы́шай!.. Споръ кончается тѣмъ, что вѣко жениха кладутъ поверхъ вѣка невѣсты, и тогда всѣ уходятъ въ избу. Женихъ и невѣста во все это время должны быть такъ близко другъ къ другу, чтобы никто не смогъ протиснуться между ними. Въ хатѣ молодыхъ обводятъ вокругъ стола и усаживаютъ съ краю стола. Чрезъ нѣкоторое время молодыхъ ведутъ въ клѣть и угощаютъ, а по возвращеніи надѣваютъ на голову молодой чепецъ—„зборникъ“ и завязываютъ поверхъ платкомъ такъ, чтобы концы завязывались сзади. Невѣста обязана два раза сорвать съ головы зборникъ и бросить къ печи. Послѣ второго раза чепчикомъ обводятъ вокругъ правой ноги жениха и лѣвой—невѣсты. Тогда невѣста уже не можетъ сбросить зборника и его надѣваютъ ей безпрепятственно.

Послѣ этого начинаются сборы къ отъѣзду молодыхъ. Опять запрягаютъ лошадь, укладываютъ на телѣгу постель молодой и т. д. Отецъ невѣсты беретъ икону, а мать хлѣбъ-соль и становятся у печи. Молодые кланяются имъ въ ноги, женихъ цѣлуетъ икону и беретъ ее у отца, а невѣста цѣлуетъ хлѣбъ и беретъ его у матери. Держа это благословеніе въ рукахъ, они усаживаются на тотъ возъ, гдѣ постель—женихъ справа, а невѣста слѣва, и отправляются въ домъ жениха. Здѣсь родители встрѣчаютъ ихъ на дворѣ, также съ иконой и съ хлѣбомъ-солью. Молодые кланяются, принимаютъ образъ и хлѣбъ, и всѣ идутъ въ избу. Тамъ молодыхъ обводятъ вокругъ стола и усаживаютъ на кутъ. Спустя немного времени, молодыхъ ведутъ спать въ клѣть. На другой день, если невѣста оказалась цѣломудренной, навязываютъ на шесты красные платки и съ ними женихъ съ дружиной отправляется къ родителямъ невѣсты и угощаетъ ихъ красной наливкой или виномъ. Отсюда гости обѣихъ сторонъ идутъ къ жениху. Туда же везутъ и сундукъ съ приданымъ молодой. Послѣ этого происходитъ дѣлежъ караваевъ у жениха и невѣсты и одариваніе молодыхъ. Кончается свадьба „банкетами“ у лицъ, участвовавшихъ въ свадебномъ пиру съ обѣихъ сторонъ.

Сообщилъ П. П. Буднецкій.

—

Рогачевскій уѣздъ.

Въ м. Городцѣ брачные переговоры ведутся родителями безъ участія молодежи: родители выбираютъ и невѣсту для сына и зятя-примака для дочери.

Сватъ, съ отцомъ жениха, берутъ съ собой въ кошель бутылку водки, кусокъ хлѣба фунтовъ въ пять и кусокъ сала въ два фунта. Придя въ домъ, они здороваются, но отецъ невѣсты не подаетъ имъ руки. Сваты вступаютъ въ разговоръ: „мы купцы заморськія, и́щимъ тавару ни лижа́чага, а хадячага. Кали у васъ ёсьть, пакажы́тя лицомъ, а мы пахва́стуямъ сваи́мъ тава́рцамъ!“ Отецъ невѣсты старается тѣмъ временемъ переговорить съ женою и съ дочерью. Если онѣ не противъ предложенія, то подводятъ къ отцу жениха какую-нибудь дѣвушку изъ подругъ невѣсты. Тотъ говоритъ: „нѣ, минѣ гэтый таваръ ни нара́витца!“ Тогда подводятъ другую, третью и наконецъ уже невѣсту. Сватъ тогда говоритъ: „Во̀, товаръ харо́шъ, и намъ прыго́жъ!“ Родители подаютъ другъ другу руки черезъ полу и распиваютъ принесенную водку. Рюмку водки сватъ даетъ выпить и невѣстѣ, причемъ опускаетъ туда рубль. Дѣвушка выпиваетъ водку, деньги беретъ себѣ и кланяется будущему свекру въ ноги, и въ свою очередь посылаетъ жениху узелокъ съ гостинцами—баранками, орѣхами, конфетками и т. п.

Наканунѣ свадьбы у невѣсты происходитъ такъ называемый дѣвишникъ, куда пріѣзжаетъ и женихъ съ музыкой.

Свадебный каравай печется здѣсь не въ опредѣленное время, хотя стараются приурочить эту работу къ дню свадьбы. Въ печеніи

каравая участвуютъ не только женщины, но и дѣвушки. При началѣ работы старшая каравайница поетъ:

Ста́ўт̄я дяжу̀ т̄исо́вую,
Няси́т̄я ваду̀ крыни́шную,
Сы́пт̄я муку пшани́шную!

и растворяетъ тѣсто. Когда оно подойдетъ и его надо мѣсить, приходятъ гости и приносятъ „подарки на каравай“: муку, масло, яйца, деньги. Снимаютъ квашню съ печи, гдѣ подходило тѣсто, и ставятъ на столъ. Старшая каравайница трижды проситъ благословенія: „Есьт̄ь тутъ ат̄ецъ и мат̄и, близкія и дальнія сусѣд̄и,—благаславит̄я каравай замяси́т̄ь!“ Присутствующіе также трижды отвѣчаютъ ей: „Богъ благаслави́т̄ь!“ Тогда каравайницы поютъ:

Благаслави́т̄я, люд̄и,
Близкія сусѣд̄и,
Гэ́таму д̄ит̄я́ти
Каравай замяси́т̄ь
Ручками бѣлиньками,
Пѣсьнями вясёлиньками!

Тѣсто выкладывается на столъ, старшая каравайница мѣситъ главную булку, а прочія—украшенія къ ней, въ видѣ птичекъ, шишекъ и другихъ фигуръ, при этомъ играетъ музыка и коровайницы поютъ:

Гарад̄е́цкія жоны, гд̄ѣ у Бога бывали,
Харашо̀ каравай сабга́ли,
Кабъ нашъ каравай я́синъ быў,
А маладый Иванька красинъ быў.

Каравай стараются дѣлать возможно бо́льшимъ, чтобы его едва можно было вынуть изъ печи, когда онъ испечется. Посадивши тѣсто въ печь, бьютъ три раза лопатой въ одно мѣсто, и стараются, чтобы за третьимъ ударомъ лопата сломалась. Коровайницы поютъ:

Расьт̄ѝ, расьт̄ѝ, каравай,
Вы́шы печи мид̄яно́й,
Вы́шы сто́ли залатой (потолка),
Вы́шы Тат̄яны маладой!
—
Стану я у печи каравай гляд̄ѣт̄и,
Кабъ ёнъ ни аппёкся,
Кабъ ёнъ ни абжо́гся,
Кабъ намъ со́рамъ ня быў
Атъ чужы́хъ люд̄ей.

Все это время, пока испечется каравай, каравайницы танцуютъ и поютъ пѣсни-припѣвки. Когда каравай испечется, на столъ кладутъ вѣко отъ квашни и застилаютъ его чистой скатертью. Потомъ вынимаютъ изъ печи каравай при пѣніи пѣсни:

А йд̄ѣ жъ тыя кавалѝ, кавалѝ,
А што ету печку кава́ли, кава́ли?
Нихай идут̄ь, раскую́т̄ь, раскую́т̄ь:
Каравай съ печки ня лѣ́зит̄ь,
А зят̄ь къ т̄ёщи ня ѣд̄ит̄ь!

Вынувши каравай, торжественно несутъ его на столъ, кладутъ на вѣко и поютъ:

Палажы́ли каравай на столъ—
Стало́выя ножки зы́блютца,
Уси люд̄и д̄и́вютца,
Што уда́ўся нашъ каравай
Го́спаду Богу на хва́лу,
Добрымъ люд̄ямъ на славу!
Вы, добрыя люд̄и, гляд̄и́т̄я,
И гро́шыки намъ клад̄и́т̄я!

Затѣмъ съ музыкой и съ пѣснями переносятъ каравай въ клѣть. Впереди идетъ самъ хозяинъ, за нимъ сватъ съ короваемъ, въ сопровожденіи каравайницъ и гостей. Каравайницы поютъ:

Пыта́ўся каравай у пирапе́чи:*)
А куды сьт̄е́жка да клѣт̄и?
— А ты, каравай, ни пыта́йся:
Вазьмѝ пиражо́къ ды папира́йся!
Часта у клѣт̄и быва́ишъ —
Сьт̄ежки-даро́жки пыта́ишъ!

Послѣ этого коровайницамъ и гостямъ предлагается угощеніе.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста встаютъ очень рано. Отъ имени ихъ родителей утромъ посылается мальчикъ приглашать родныхъ, знакомыхъ и сосѣдей на свадьбу. Войдя въ хату и поздоровавшись, онъ говоритъ скороговоркою: „Праси́ў бат̄ька—матка, и я прашу ласка́вами быт̄ь, къ намъ на вясе́льля прыбыт̄ь!“ И бѣжитъ дальше. Дружки же, сваты и свахи занимаются убранствомъ молодыхъ къ вѣнцу. У невѣсты расчесываютъ волосы, заплетаютъ косу и надѣваютъ на голову вѣнокъ въ видѣ широкаго обруча изъ тонкаго картона, на который очень пестро нашиты лоскутки разноцвѣтныхъ тканей, бахромки изъ золоченой и цвѣтной бумаги, ленты и т. п. Особенно много лентъ должно быть сзади: онѣ закрываютъ всю спину невѣсты. Женихъ тоже одѣвается въ новое платье. Одѣвшись, они отправляются каждый къ своимъ ближайшимъ роднымъ и уважаемымъ сосѣдямъ и лично просятъ ихъ на веселье. Вѣнчаніе происходитъ послѣ обѣдни. Предъ отправленіемъ къ вѣнцу молодыхъ—каждаго въ своемъ домѣ—обводятъ три раза вокругъ стола, на которомъ положены хлѣбъ и соль. Послѣ этого молодые кладутъ земной поклонъ предъ иконами, кланяются отцу и матери и цѣлуютъ у нихъ руки; со всѣми присутствующими цѣлуются. Когда женихъ сядетъ на телѣгу, мать жениха беретъ въ коробку жита и, обѣгая кругомъ весь поѣздъ, осыпаетъ житомъ каждую подводу. Сватъ бѣгаетъ вслѣдъ за ней, стараясь догнать ее и ударить кнутомъ.

Изъ-подъ вѣнца молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Мать встрѣчаетъ ихъ въ вывороченной шубѣ, съ полной чаркой водки въ одной рукѣ и съ хлѣбомъ-солью въ другой, и проситъ ихъ въ хату. Вѣнчающіеся обязательно натощакъ, молодые закусываютъ и затѣмъ разстаются: невѣста уѣзжаетъ къ себѣ домой.

На второй день женихъ съ боярами ѣдетъ къ невѣстѣ. Мать невѣсты встрѣчаетъ его во дворѣ въ вывороченной шубѣ, беретъ въ

*) См. выше, стр. 33: сковородникъ.

фартухъ жита и наливаетъ зятю одну за другой двѣ рюмки воды. Тотъ выливаетъ эти рюмки. Тогда теща наливаетъ ему рюмку водки. Когда онъ выпьетъ водку, теща беретъ его за руку и три раза обводитъ вокругъ себя, потомъ подпоясываетъ поясомъ и подъ поясъ закладываетъ полотенце. Послѣ этого жениха съ дружиною просятъ въ хату. Тамъ они покупаютъ у невѣстиной дружины для себя мѣсто за столомъ и садятъ молодыхъ рядомъ. Послѣ угощенія боярки берутъ молодыхъ подъ руки и ведутъ въ особую хату; здѣсь молодежь танцуетъ, пока старики угощаются и ходятъ по перéзвамъ.

Вечеромъ у невѣсты дѣлятъ каравай. Сватъ кладетъ на застланную тарелку кусокъ каравая, ставитъ рюмку водки, кладетъ нѣсколько монетъ и вызываетъ присутствующихъ въ порядкѣ старшинства: „Питрó Иванавичъ! Прóсятъ васъ маладый князь и маладая княгиня на каравай!“ Вызванный подходитъ, выпиваетъ водку, беретъ каравай и говоритъ: „Дарýю жъ я малады́мъ тялёнка (ягненка, поросенка, гусочку, курочку...)!“ Родители дарятъ корову, овцу, свинью и т. д. По раздѣлѣ каравая у невѣсты, ѣдутъ дѣлить его у жениха. Мать жениха продѣлываетъ съ невѣсткой то же, что теща дѣлала съ зятемъ. Послѣ дѣлежа каравая, молодыхъ кладутъ спать.

На третій день родителямъ невѣсты даютъ знать, какою она оказалась. Приданные оттуда везутъ кубелъ невѣсты. Этимъ днемъ кончается свадебный пиръ.

Въ с. Озеранахъ, какъ только сватовство закончится, такъ дѣвушки расплетаютъ невѣстѣ волосы и завязываютъ ей на голову платокъ поженски. Когда ее въ такомъ видѣ введутъ въ хату, она кланяется до земли родителямъ и своимъ роднымъ, а потомъ сватамъ. Сватъ наливаетъ ей рюмки водки, и когда она выпьетъ, опускаетъ въ рюмку рубль. Невѣста отдариваетъ сватовъ полотенцами.

Въ день заручинъ приглашаемые гости приносятъ невѣстѣ въ подарокъ хлѣбъ-соль, баранки, а нѣкоторые сало. Утромъ въ день вѣнца сватъ приноситъ къ невѣстѣ гарнецъ водки „на благословеніе“. Когда молодые одѣнутся къ вѣнцу, родители ихъ благословляютъ, каждаго отдѣльно въ своихъ домахъ. Въ церковь молодые отправляются также поодиночкѣ, а послѣ вѣнца отправляются вмѣстѣ въ домъ жениха, но закусивши тамъ, снова разлучаются. Вечеромъ невѣста отправляется къ роднымъ и сосѣдямъ и проситъ ихъ: „просили тата и мама, и я прошу васъ на каравай!“ Бабы идутъ на каравай и несутъ по мискѣ муки. Здѣсь онѣ мѣсятъ каравай и поютъ:

А бара́ньчикъ чóрнянькій,
На тобѣ вóўначка кóрчытца,
А намъ горѣ́лочки хóчытца.

—

Густа пшаница на новинѣ,
Высóки стогі́ у гумнѣ:
Вы́шай князя мулодóго,
Вы́шай ступа́ зулотóго.

—

Нихто ни ўгадáе,
Хто у насъ коровай бгáе:
Зъ Мыгылéва мыгылéвачка,
А зъ Быхова быховáя,
А съ Озеранъ войтовáя, —
Тая у насъ коровай бгае!

Предъ посадкой каравая въ печь, старшая каравайница говоритъ: „юсь отецъ и мати, богословите коровай свойму дитяти у печь саджати!“ Родители отвѣчаютъ: „Богъ богословитъ!“ Сажающая должна сказать: „ня буде по нáшый кáзцы, буде по Божый ласцы! Якій Бугъ народи́ў, такій и богослови́ў!“ При этомъ поютъ:

Ой, печка рагóчэ,
Коровайиньку хóчэ,
А пры́ничикъ сви́щэ,
Коровайиньку и́щэ!

—

Пюкся коровай, перэпюкся,
Вы́нте коровай, ды неси́те до столу.
Нихто ня ўгадае, што ў нашымъ коровáѣ:
Съ сями крыницъ вода, съ сями пшаницъ мука,
А дравичаё масло,—дай Божэ мулоды́мъ щáсьте.

Вынувши каравай изъ печи, кладутъ его на вѣкѣ на столъ и поютъ:

А хто у насъ коровай вы́купитъ?
Татачка роднинькій коровай вы́купитъ,
Юнъ намъ бочку вина вы́катитъ!

Послѣ этого относятъ каравай въ клѣть.

Когда въ обоихъ домахъ караваи изготовлены, тогда женихъ съ бояриномъ и крестной матерью ѣдетъ къ молодой, а вслѣдъ за ними отправляются и сваты жениха. Хлопцы запираютъ ворота невѣсты и никого не пускаютъ на дворъ. Сваты должны откупиться отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ стороны даже вели перестрѣлку, холостыми зарядами. На дворѣ невѣсты ставятъ застланный столъ, ставятъ на него ведро воды и кладутъ булку хлѣба съ солью. Когда женихъ въѣдетъ на дворъ, теща встрѣчаетъ его въ вывернутой шубѣ и подаетъ ему на телѣгу три рюмки воды. Первую рюмку онъ выливаетъ черезъ свою голову назадъ, другую въ правую сторону и третью въ лѣвую. Тогда теща даетъ ему рюмку водки. Выпивъ водку, зять слѣзаетъ съ телѣги, кланяется тещѣ и цѣлуетъ у нея руку. Тогда дружки молодой выводятъ ее на дворъ къ молодому и ведутъ обоихъ вмѣстѣ въ избу. Здѣсь ихъ усаживаютъ на „пóлъ“; съ ними же садятся и дрýжки; онѣ пришиваютъ къ шапкѣ жениха цвѣтокъ, послѣ чего онъ выходитъ на дворъ, а съ невѣстой остаются его сваты. Братъ невѣсты распускаетъ ей волосы, а сватъ зажигаетъ три восковыя свѣчи и три раза слегка поджигаетъ ими волосы молодой. Тогда крестная ея мать завиваетъ ихъ въ женскую прическу и надѣваетъ на голову чепецъ, и къ нему тоже пришиваютъ „кветку“. Невѣста кланяется роднымъ и также выходитъ изъ хаты. Мать ведетъ

молодыхъ съ дружками въ клѣть и тамъ угощаетъ, остальные же пріѣзжіе угощаются въ избѣ. Послѣ угощенія выносятъ постель молодой на телѣгу; одинъ изъ сватовъ выводитъ молодую изъ клѣти, обводитъ ее вокругъ себя и усаживаетъ на ту же телѣгу поверхъ постели. Къ ней садится и женихъ. Тогда теща выходитъ въ вывернутомъ тулупѣ и съ овсомъ въ фартухѣ, и бѣгаетъ три раза вокругъ повозки, осыпая ее овсомъ, и потомъ даетъ молодой въ руки икону. Поѣздъ трогается, но, отъѣхавъ шаговъ двадцать, останавливается. Одинъ изъ сватовъ слѣзаетъ съ телѣги и возвращается въ домъ невѣсты съ баклагою водки, которую выливаетъ въ миску на столѣ. Мать невѣсты даритъ свату полотенце или платокъ. Миску же съ водкой и съ ложкой относятъ къ молодымъ на телѣгу и отдаютъ имъ. По пути поется пѣсня:

Хутъ мы ночки ня спали,
Хорóшэй чыляди́ны дождали,
А хутъ другой ни доспи́мъ,
А гэ́туй чыляди́ны пазадъ ня 'ддадимъ!
Чыляди́нъ, матка, чыляди́нъ,
Пузави́дуе намъ ни одинъ!

Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ воротамъ жениха, тамъ раскладывается и зажигается костеръ изъ соломы. Молодые должны переѣхать черезъ огонь. На дворѣ молодой спрыгиваетъ съ телѣги и уходитъ, а молодая остается на возу. Мать жениха въ вывороченномъ тулупѣ подноситъ ей рюмку водки и, когда та выпьетъ, подстилаетъ ей около телѣги свой фартухъ и взявши за руку, снимаетъ ее съ воза, причемъ молодая обязательно должна стать на фартухъ. Въ избѣ свекровь угощаетъ невѣстку, а тѣмъ временемъ приготовляется для молодыхъ постель въ клѣти. Тогда разыскиваютъ жениха и ведутъ молодыхъ спать, съ пѣсней:

Вядутъ менѐ, мамочка, у клѣтъ спатъ,
Будутъ у менѐ прóўды пытатъ, и т. д.

Когда черезъ два-три часа разбудятъ молодыхъ, женихъ тотчасъ же уходитъ изъ клѣти и остается одна молодая. Ея родственницы ее переодѣваютъ, причемъ и убѣждаются въ ея честности или нечестности. Въ первомъ случаѣ брачную сорочку свертываютъ и кладутъ въ торбу жениха, потомъ берутъ пирогъ, обвязываютъ его краснымъ поясомъ и подаютъ жениху. Послѣ этого женихъ запрягаетъ лошадь и везетъ къ родителямъ невѣсты бутылку красной водки. Пріѣхавши, поклонится имъ, поцѣлуется и приглашаетъ къ себѣ.

Въ остальномъ въ здѣшнемъ обрядѣ особенностей нѣтъ: слѣдуетъ перевезеніе приданаго, дѣлежъ караваевъ, перезвы.

—

Быховскій уѣздъ.

Когда родители задумываютъ женить сына, они спрашиваютъ у него, какая дѣвушка ему нравится, потомъ собираютъ о ней всѣ

небходимыя свѣдѣнія и тогда посылаютъ двухъ или трехъ мужчинъ изъ родныхъ въ сваты. Сваты берутъ съ собою водку въ баклагѣ, на веревочкѣ черезъ плечо, и краюху хлѣба съ тремя воткнутыми въ нее кусками соли. Хлѣбъ завертываютъ въ полотенце и несутъ запазухой или подъ-мышкой. Въ сваты идутъ всегда вечеромъ. Дойдя подъ окно невѣсты, сваты говорятъ: „Добрый вéчеръ!“ Имъ отвѣчаютъ: „Дóбрая здарóўя!“—Пусьти́тя, пажалуста, на начъ!—„Да наша хата малая!“—Да гэ́та ничóга: ли падарóжныхъ людей хаты ни стáвитъ! И идутъ въ избу. Тамъ хозяева спрашиваютъ: „Ти гулятъ къ намъ?“—Гулятъ, ни гулятъ—тавару пытатъ! Ну, а пакýль што—ти сватъ, ти ни сватъ, а добрый чалавѣкъ: вы́пьимъ па чáрцы гарэлки!—„Да у мяне и чарки нимà! Да й вясéльля гулять нé съ чимъ!“—Ну, чимъ мóжымъ, мы памóжымъ!. Если отецъ не противъ брака, онъ говоритъ: „Ды янò, звѣсна: свадьба сарóчку знáйдитъ! Ды я ня вѣдаю, якъ дачкà“. Призываютъ невѣсту. Если и она согласна, то говоритъ: „Я щѐ ничóга ня ýмѣю! Да я ще ни пирастáракъ, хапáтца нéкуды!“ Сваты уговариваютъ ее: „Ни кайся, якъ тэй кáитъ, рана устáўшы, а мóладъ жани́ўшысь! Ты мнѣ ни раскáзуй, а иди́-тку уняси́ чарку, да бýдимъ запиватъ!“ Дѣвушка приноситъ рюмку. Сватъ, не принимая ее изъ рукъ дѣвушки, наливаетъ туда водку съ словами: „будь здарова!“ Дѣвушка отдаетъ водку отцу, тотъ пьетъ, и дѣло считается рѣшеннымъ.

Дѣвушка начинаетъ плакать. Собираются подруги, ведутъ ее въ „истопку“, чешутъ косы и поютъ:

А заручóначка Хвеничка,
Пирайди́ сѣни и хату,
А падáй тáтачку вади́цы
Ись сьтюдёныя крыницы!
—Ни падáмъ, татачка, ни падáмъ,
Мнѣ жъ гэта вади́ца дóрага:
Даражэ́й мёду и вина!
Я жъ табѣ, татачка, ни слуга,
А слуга буду свёкарку,
А жанà буду сýжаньку!

Въ домъ невѣсты приходитъ и женихъ. Тогда въ истопку идетъ сватъ съ водкой, налитой въ миску, и съ тарелкой, завернутой въ платокъ. На тарелкѣ сватъ подноситъ невѣстѣ рюмку водки. Та беретъ рюмку, но выливаетъ водку въ уголъ платка. Затѣмъ черпаетъ рюмкой водку изъ миски и подноситъ подругамъ. Послѣ этого сватъ беретъ за руку одну изъ дѣвушекъ и ведетъ въ избу; за нею идутъ остальныя дѣвушки и позади всѣхъ невѣста. Подойдя съ дѣвушкой къ порогу, сватъ говоритъ: „Дабры́-вечаръ!“—Здарóў!—„Ти любитя насъ и товаръ нашъ?“—Любимъ васъ и товаръ вашъ!... Тогда сватъ вводитъ въ избу ту дѣвушку, которую велъ за руку, и спрашиваетъ: „Ти харóшъ таваръ?“ — Харóшъ, да ни нашъ! Тогда онъ вводитъ другую и тоже спрашиваетъ: „Ти харóшъ тавáръ?“ Ему даютъ тотъ же отвѣтъ. Въ третій разъ сватъ приводитъ уже невѣсту и ему говорятъ: „Таваръ харошъ и нашъ!“ Невѣста держитъ въ рукѣ ту та-

релку, которую принесъ сватъ въ истопку, и на ней она подноситъ жениху платокъ, сбрасывая его съ наклоненной тарелки „въ приполъ“ рубахи. Женихъ кладетъ на тарелку серебряныя деньги, пирогъ и ставитъ рюмку водки. Сватъ приговариваетъ: „абсылáйть тябѣ малады́й князь!“ Водку невѣста отдаетъ „большей дружкѣ“, деньги беретъ себѣ, а пирогъ раздаетъ по кускамъ подругамъ.

Послѣ этого невѣста дѣлаетъ земной поклонъ предъ иконою, потомъ кланяется родителямъ и своимъ роднымъ по старшинству, и наконецъ всѣмъ присутствующимъ. Дѣвушки поютъ:

У насъ ся́ньни навинà былà:
Тамъ Хвеничка ручку дала,
Шаўкóваю хýстачку нирапилà,
Ткацкій платóчыкъ у ручку далà:
Бѣлъ мой платочыкъ пабялѣ́я,
Милъ мой сýжанька памилѣ́я!

Послѣ этого сватъ проситъ благословенія на заручины: „Якъ ёсь туть батька родный зъ мáткай умѣсьти, баслави́ли пить, гулять,— баслави́тя зарýчынки играть!“ Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ баслави́ть!“ Съ такою же просьбою сватъ обращается къ матери и къ родственникамъ невѣсты и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ онъ говоритъ: „Якъ ёсь туть госьти, прыѣжджыя, сусѣди прыхожыя, малады́я малайцы́ запóлцы, дѣвачки-квѣтачки, баслави́тя маладой княгини зарýчынки играти!“ Присутствующіе отвѣчаютъ: „Богъ баслави́ть!“— Спасиба за добрая слóва! говоритъ сватъ.

Особой обрядности заручины здѣсь не имѣютъ: молодежь поетъ и танцуетъ, женатые и старики угощаются. Обрядовою считается пѣсня:

Ты жъ, маладéнькій Питрачокъ:
Ти любишъ ты нашу Хвеничку?
Кали любишъ, дыкъ бяры́ за пирогъ,
А ня любишъ, дыкъ дяры́ (удирай) за парóгъ,
Па 'дной масьни́цы съ хаты вонъ!
Ни кажы́ людёмъ, што ў насъ быў,
Нашыя Хвéнички ни зьлюби́ў,—
Кажы́ ты людёмъ: коника пай́ў!

Предъ уходомъ домой поютъ:

Ой, прапóю мой, прапóю!
Прапи́ў батька дачкý
На салóдянькимъ мядкý,
А на гóркай гарэлцы!
А ўпиўшыся, скача,
А праспаўшыся плача:
Куды маё дитя пашлó:
Ти ў лугъ па калину,
Ти ў крыни́цу па вади́цу,
Ти у клѣть па мучы́цу?
Кали бъ у лугъ па кали́ну,
Дыкъ бы съ пасьти́лачкай,
Кали бъ у крыницу па вади́цу,
Дыкъ бы зъ вядéрками,
Кабъ у клѣть па мучы́цу,
Дыкъ бы зъ начóўками.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы невѣста устраиваетъ дѣвишникъ, на которомъ дѣвушки вьютъ вѣнокъ, какъ описано выше (тонкій

картонъ въ видѣ кокошника, на который пестро нашиваются бумажные цвѣты, разноцвѣтные кусочки тканей, а сзади пучокъ длинныхъ разноцвѣтныхъ лентъ). Эту ночь невѣста спитъ вмѣстѣ съ дѣвушками у себя дома.

Утромъ въ день вѣнца къ невѣстѣ пріѣзжаетъ женихъ съ сватами и съ „подмолоденцемъ“. Войдя въ хату, онъ кланяется родителямъ невѣсты и ея роднымъ и даетъ по пирогу. Невѣсту въ это время дѣвушки садятъ въ истопкѣ на опрокинутую квашню, причесываютъ и одѣваютъ къ вѣнцу. „Большій сватъ“ приноситъ туда водку въ мискѣ и предлагаетъ невѣстѣ, а она угощаетъ ею подругъ. Когда она одѣнется, сватъ беретъ ее за руку и ведетъ въ избу, такимъ же порядкомъ, какъ вводилъ на заручины. Здѣсь невѣстѣ подаютъ и тѣ же подарки отъ жениха, а она также даритъ ему платокъ, подвязывая его уже подъ поясъ. Затѣмъ невѣста садится рядомъ съ женихомъ. Подъ ноги ей подставляютъ коробку съ житомъ. Старшій сватъ испрашиваетъ вышеприведенной формулой благословенія родителей и присутствующихъ „русу косу расплести“, а потомъ и „до шлюбу ступить“. Въ церковь невѣста ѣдетъ съ подневѣстницами, а женихъ съ подмолоденцемъ и съ дружкомъ. Вѣнчаются, стоя на кускѣ холста, на который положены и деньги. У невѣсты въ рукахъ, кромѣ обычной свѣчи, и булочка хлѣба въ платкѣ. Хлѣбъ этотъ она держитъ въ рукѣ въ продолженіе всего дня. Во время обхожденія аналоя невѣста старается протащить ногою подостланный холстъ, чтобы ея подруги также скоро повыходили замужъ. Послѣ вѣнца молодые кланяются въ ноги всѣмъ встрѣчнымъ. Если они изъ разныхъ деревень, то закусываютъ въ селѣ въ чьемъ-либо домѣ (у причетника, въ кухнѣ священника и т. п.), а если изъ одной деревни, то ѣдутъ домой къ невѣстѣ. Молодые ѣдутъ вмѣстѣ посреди поѣзда. По дорогѣ поютъ:

А спасиба папóмъ и дякóмъ,
Што пáру дитей зьвиньчáли,
Да ня дóрага пабрáли:
За нашага малайцà чырвонцà,
За русу касý тысячу.

—

Ѣхала Хвеничка сы винцà,
Сѣяла расáду зъ рукаўцà;
Звивáйся, расада, ў качàньня,
Удайся, доля, зь виньчáньня!

—

Пылъ, пылъ па дарóзи,
Дымъ, дымъ па дубрóви!
Хвеничка зь винца ѣдя,
Касóю напыли́ла, свячóю нады[ми́ла.

Пріѣхавъ ко двору, слѣзаютъ съ телѣгъ, становятся у порога и поютъ:

Запали, матка, свѣчку,
Да выхóдь на сустрэ́чку:
Вýнъ тваё дитя ѣдя:
Первая да ражóная,
А другóя сужóная!
Ни ўгадáла мати
Свайгó дитяти:
Што хýстачка ў рýчкахъ
И танéнька, бялéнька,
Атъ слёзакъ макрéнька!

Мать выходитъ къ молодымъ съ иконой, съ хлѣбомъ-солью, положенными на вѣко. Молодые кланяются ей въ ноги, цѣлуютъ икону и хлѣбъ и вслѣдъ за матерью идутъ въ избу. Ихъ садятъ на кутѣ на разостланномъ вывернутомъ кожухѣ; молодой подъ ноги снова ставятъ жито. Дѣвушки поютъ:

А на рэ́цы вада̀ ко́титца,
А дружка̀мъ гаро́лки хо́чытца.
А на рэцы вади́цы ни ўня́ти,
Дружкамъ гаро́лки тро́ба дати!
—
А ма́мачка мая̀,
Ўжо жъ я ни твая̀,
А таго̀-сяго̀ па́на,
Съ кимъ я виньча̀на!
—

Мать невѣсты приноситъ подарки для жениха и его родни: холстъ, полотенца, платки и т. п., и въ каждомъ подаркѣ пирогъ. Подарки подносятся на вѣкѣ. Дѣвушки при этомъ поютъ:

А вѣка сако́ча,
Пада́рачкаў хо́ча,
Хо́ча яно̀ залато́га
Атъ князя маладо́га!
—
А ў Питрачка́ радины ни стае́ть!
Паѣдимъ на торгъ таргава̀ть,
Питраку̀ радины прикупля́ть.
—
Кра́мница наша Хве́ничка:
При крамахъ сядѣла,
Рэ́зала падарки съ китайки,
А бялѣй бѣлыя папе́ры,
Танѣй клянобвага листочка.
—
Ни дивитися, сваточки,
Што каро́ткія платочки:
Наша ниўка ниўрадьлива,
Яна намъ лянку̀ ни ўрадила,
Я жъ вамъ платочки ўкаратила.
—

Сватъ кладетъ на вѣко деньги за подарки. Тогда поютъ:

Бра́знули денюжки абъ вѣка,
Пашли̇ дѣвачки улѣта!
Бра́знули денюжки абъ загне́тъ,
Пашли̇ дѣвачки у аблѣтъ!

То есть, въ теченіе цѣлаго года будутъ въ дѣвушкахъ.

По окончаніи раздачи подарковъ молодые съ дружинами уходятъ въ истопку и тамъ обѣдаютъ, а остальные обѣдаютъ въ избѣ. Женихъ съ невѣстой ѣдятъ одной ложкой. Пообѣдавши, дѣвушки бѣгутъ въ избу и на порогѣ поютъ:

А ѣли сваты, ѣли,
Цэлага вала̀ зъѣли:
На сталѣ ни крошачки,
Патъ стало́мъ ни ко́стачки.
А ѣли дру́жки, ѣли,
Вирабе́йки ня зъѣли:
А на сталѣ паўню́синька,
А патъ стало́мъ раўню́синька.

Потомъ молодежь невѣсты начинаетъ танцевать, а женихъ съ дружиной уѣзжаетъ домой. Танцы продолжаются до вечера. Затѣмъ дѣвушки ставятъ въ сѣняхъ квашню, усаживаютъ на нее невѣсту, ставятъ ей подъ ноги жито, и чешутъ ей косу съ пѣснями.

Ой, у садо́чку на крэ́сьличку
Хвеничка касу̀ че́ша,
Да чещучы гаварила:
„Нѣйдя я свайму̀ батьку ня мила!
Милѣй батьку мёдъ да гаро́лка,
Чимси я маладе́нька!

Давѣдаися, мой татачка,
Бизъ мянѐ маладыя:
Пойдишъ ты на токъ,
На токъ малатить;
Цапо́чкамъ махне́шъ,
Тя́жынька ўздыхне́шъ,
Слёзками абальлѐсься.
—

Потомъ въ избѣ ставится столъ противъ печи. За столъ садятъ молодую. Здѣсь же на услонѣ-скамейкѣ садится большій сватъ, на столъ подается водка въ мискѣ, а сватъ приглашаетъ родню невѣсты одарить ее: „Якъ тутъ ёсь маладыя княгини батька ро́дный зъ маткай умѣсьти! Чимъ дару́итя вы маладу́ю княгиню: ти вало́мъ, ти канёмъ, ти добрымъ здаро́ўямъ? Мы й чарво́ньчики бяро́мъ и здачи даёмъ!“ Отецъ беретъ хлѣбъ-соль, кладетъ на тарелку и ставитъ на столъ, говоря: „Дарую щасьтямъ-до́ляй, хлѣбамъ-со́льлю и карбу́кай!“ Такимъ порядкомъ сватъ приглашаетъ къ подаркамъ всѣхъ присутствующихъ. Если кто даритъ корову, сваты мычатъ, если свинью—визжатъ и т. д. За каждый подарокъ угощаютъ дарителя водкой.

Затѣмъ дѣвушки танцуютъ, невѣста же продолжаетъ сидѣть противъ печи. Въ это время пріѣзжаетъ женихъ съ своей дружиной. Невѣстина родня запираетъ предъ ними ворота и не пускаетъ во дворъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ выкупа въ видѣ водки и пироговъ. Во дворѣ пріѣхавшіе становятся у дверей избы. Къ нимъ выходитъ отецъ невѣсты съ вѣкомъ въ рукахъ. На вѣкѣ поставлена миска съ водкой, наложенъ нарѣзанный хлѣбъ и куски сала. Каждый изъ пріѣхавшихъ пьетъ рюмку водки и закусываетъ хлѣбомъ съ саломъ. Послѣ этого идутъ въ хату. Жениховъ сватъ несетъ торбу пироговъ и баранковъ и двѣ баклаги горѣлки и говоритъ: „Дабры̀ вечаръ добрымъ людёмъ, и мы къ вамъ идёмъ!“ Дѣвушки отвѣчаютъ:

Дружко̀ ў хату лѣзить
И ў печь пазира́ить:
Ти вяликъ гарщокъ ка́шы,
Ти будя падъѣсьти ўсимъ нашымъ?
А другій кажа: маўчы̀,
Бы загадаютъ таўчы̀!
А трэтьтій спужа̀ўся,
Падъ лаўку схава́ўся.
Тамъ дру́жки гуляли,
Ла́ўку абламили,
Дружка̀ задавили!

Невѣстины родные садятся на кутѣ, и женихова дружина угощаетъ ихъ—„витаютъ“. Дѣвушки поютъ:

У на́шага дру́жки
Карбо́сьливыя руки:
Изъ рукавицъ ня выма́ить,
И дру́жачакъ ня вита́ить!

Тогда большій сватъ даетъ имъ по рюмкѣ водки и по баранку. Большей дружкѣ даетъ пирогъ и нѣсколько копѣекъ. Но дѣвушки поютъ:

Ни на гэ́та яѐ расьтили,
Кабъ за гэ́та пусьтили,
Ни на гэта гадава́ли,
Кабъ за гэта адда́ли!
А за гэтыя гро́шы
Купи сабѣ мыла,
Памый сабѣ ры́ла,
Кабъ жо́нка любила,
Кабъ дѣти знали,
Ды ба́тькамъ звали!

Затѣмъ сватъ обычной формулой проситъ благословенія „абкрыть бара́ньняй шу́бкай“. Невѣсту покрываютъ шубой и „падпіра́зують наме́ткай“. А дѣвушки поютъ:

Казали: намётку купили!
Ажъ яны ёлачку злупили,
Падпиразáли—парвȳся,
Дружокъ сбви́сьти набрáўся!

Тогда сваты выводятъ невѣсту подъ руки на дворъ. Туда же идутъ и сватьи молодого. Отецъ жениха выноситъ на дворъ каравай, а отецъ невѣсты выноситъ въ сѣни булку хлѣба, и начинаютъ „подвышать“: поднимая три раза вверхъ, говорятъ: „Наша вышы!“—Нѣ, наша вышы! И кладутъ хлѣбъ поверхъ каравая. Въ это же время „звóдють“ молодыхъ и кружатъ ихъ другъ около друга, а сватьи поютъ:

Зьвиўся, зьвиўся хмель съ аўсóмъ,
Зьлюби́ўся, скахáўся зять са тьсьтёмъ!
Пирамóгъ зять тисьтя,
А ўзяў дачку зь винца.

Послѣ этого возвращаются въ избу и начинаютъ вечерять. Молодые, взявшись за руки, идутъ на кутъ. Дѣвушки поютъ:

Бу́димъ мы, мамачка, вячéрать,
А павячéраўшы, дяли́тца:
Табѣ, мáмачка, карóбки,
А мнѣ, маладѣ, карóўки!
Табѣ, мамачка, кýблички,
А мнѣ, маладѣ, трýбачки!
Табѣ, мамачка, вирати́ницы,
А мнѣ, маладѣ, палати́нцы
—
Шаўкóвая нитачка къ сьтяне́льне,
Наша Хвеничка чалóмъ бъе:
Адбила чаломъ за сталомъ:
„Спасиба, татачка, за хлѣбъ-соль,
Ни пайдȳ боли за твой столъ.
Хоть жа я прыдȳ ȳ гасьти́ну,
Навизаўшы блиноў ȳ хусьтину!
За тóя спасиба!
—

Тогда отецъ невѣсты беретъ лыко, садится на печной „стоўпъ“ и начинаетъ плести лапти, а сватьи запѣваютъ:

А бярэ́шъ, Стахвáнка, Хвéничку
А ти купишъ тéщы чабаты?
Тéща бóсая хади́ла,
Абъ парóги нóги пабила,
Ина жъ табѣ Хвеничку рась-
[ти́ла.

Сватъ жениха кладетъ на тарелку рубль и пирогъ и подаетъ сидящему „на стаўпѣ“.

Начинается отъѣздъ молодыхъ. Дѣвушки поютъ:

Гэта табѣ, Хвéничка, за тóя —
Было нáначки ни хади́ть,
И крупъ, и сала ни насить,
Сусѣдьнихъ дятéй ни карми́ть.
Сусѣдьнія дѣтки паѣли,
И тябѣ сюды уѣли!
—
Карыся, дѣвачка, кары́ся,
Тáтачку у ноги кланися!
Такъ табѣ, маладѣ, гади́тца
Радини у нóжки клани́тца!

Невѣста подъ эти пѣсни кланяется всѣмъ въ ноги и со всѣми прощается. На дворѣ она садится вмѣстѣ съ женихомъ на тотъ возъ, гдѣ ея постель. Ихъ связываютъ той наметкой, которой подпоясывали

на невѣстѣ шубу. Молодая беретъ себѣ въ триполъ баранки и жито. Сватьи жениха поютъ:

А дали жъ намъ, дали,
Укинули ȳ сани,
Ня вѣдаимъ сами:
И пасьтилку зъ лисьти́нку,
И падȳшку, дярȳжку,
И Хвеничку якъ тялȳшку!
—
Вамъ, дрȳжачкамъ, сь свиньнями спать,
А намъ, сватьтийкамъ, пить, гулять,
Вашай Хвенички зъ нами ȳ радъ стать!

Дружки невѣсты отвѣчаютъ:

Дурни, сваты, дурни,
Заѣхали ȳ гýмны!
Имъ бачытца—дѣўка,
Ажъ то свиньня бѣлка,
Имъ бачытца—дружчáтачки,
Ажъ то свиньни парасятачки!

Подъ эту пѣсню поѣздъ уѣзжаетъ.
По пути сватьи поютъ:

Аччыни, мáмачка, новый дворъ,
Вязёмъ нявѣхну на выбóръ:
А ни нашыхъ барбȳ ягадка,
Ни нашыхъ цалёў квѣтка.
—
Аччыни, матка хи́жу,
А вязёмъ у хату грыжу,
А хижу замчы́стаю,
А грыжу вяньчы́стаю!
А хижу замыкать бȳдимъ,
А грыжу сунимать бȳдимъ.
—

Окончаніе свадьбы обычное.

Батунскій приходъ.
Сообщила А. П. Волочкова.

—

Свадебныя пѣсни Быховскаго уѣзда.

На заручинахъ.

А у насъ сягодьня навина была:
Марьичка Паўличку ручку дала,
Шаукóвай хýстачкай пиравила.
Бѣлъ мой платочыкъ пабялѣя,
Милъ мой Паўлютка памилѣя.
—
Ай, у садóчку на крэ́сьличку
Марьичка касȳ чеша.
Чешучы касу, да гаварила:
— Нéйдя я батьку ня мила,
А милѣй батьку мёдъ и гарэлка,
Чы́мся я маладéнька.
—

Свадебныя.

Зажыгай, матка, свѣчку,
Выйди на сустрэ́чку!
Заливай, матка, жаръ, жаръ,
Будя табѣ дóчки жаль, жаль!
Заливай, мати, пóпилъ —
Мы тваю дóчку схóпимъ.
—
На рэ́цы вади́ца кóтитца,
Дружачкамъ $\frac{\text{ѣстачки}}{\text{гарэлки}}$ хочытца.
На рэ́цы вадицы ни ȳняти,
Дружачкамъ $\frac{\text{ѣстачки}}{\text{гарэлки}}$ нада дати.
—

А ѣсьтя, сватоўя, ужывайтя,
Тольки ў карманы ни хувайтя!
Ѣли сватоуя, ужывали,
Поўны карманы нахували!

—

Маладецъ, Сидарка, маладецъ,
Ня дорага заплатиў за вянецъ:
За сябѐ, малайцà, чырванцà,
За сваю Домначку щоту нимà.

—

Щабятўшки, сватьти, щабятўшки,
Прыѣхали па пасьтѐль, па па-
[дўшки.

—

А наша малада ў клѣти сядить,
Ў клѣти сядить, каўбасы чыня.
Начынила каўбасў—самъ-другъ
ни ўнясў;
Начынила другую--ищѐ такую;
Начынила трэтьтію, ищѐ лѣпшую.

—

Што жъ мы набаялися,
Пакулѧ маладыя звиньчалися!
А тяперъ ужо ни баимся,
Якъ съ усими за столъ садимся!

—

Прылятѣла сарока: чы-чы-чы!
А сѣла ў Маръиццы на плячы.
Падайтя, дрўжачки, трапкачà,
А сагнать сароку са плича.

С. Хоново.

Въ с. Городцѣ, Быховскаго уѣзда, сватать невѣсту идутъ двое: кто-либо изъ родителей и чужой человѣкъ. Придя къ невѣстѣ, сейчасъ же говорятъ о дѣлѣ. На вопросъ хозяевъ: „а ти гулять къ намъ прышли?“—Сваты говорятъ: нѣ, ни гулять, а прышли къ вамъ у свàты: ти аддасьтё сваю дачкў за нашага Василя?“ Если родители невѣсты имѣютъ въ виду отдать дочь, то распрашиваютъ о женихѣ у сватовъ, сосѣдей, и совѣтуются съ послѣдними, причемъ чаще слушаютъ людскихъ совѣтовъ и очень рѣдко поступаютъ по своему убѣжденію. Когда дѣло улаживается, тогда сваты подаютъ свою водку и свой хлѣбъ и дѣлаютъ *запоины*. Принесенная сватами кварта водки во всякомъ случаѣ ставится на окнѣ, а булка хлѣба кладется на кутѣ, и если сваты не сразу встрѣчаютъ согласіе, то, поговоривши, оставляютъ свою водку на окнѣ и уходятъ домой, но на другой день опять идутъ, и такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ, пока кончатъ такъ или иначе. Если предложеніе принимается, распиваютъ эту водку, потомъ созываютъ родню невѣсты и близкихъ сосѣдей, ставятъ уже гарнецъ водки или даже ведро, смотря по состоянію жениха, и угощаютъ приглашенныхъ. Закуска подается при этомъ со стороны невѣсты. „Запивши дѣвку“, сваты спрашиваютъ, сколько ей дать „подарка“, и даютъ обыкновенно 3—5 рублей. На другой день сваты приходятъ „похмѣляться“, а потомъ идутъ „попа иднàть“. Передъ вѣнцомъ и у жениха и у невѣсты собирается ихъ родня. У жениха производится выпивка и закуска, а потомъ дружокъ призываетъ „всю бесѣду“ благословить жениха ѣхать къ вѣнцу. Ставши около стола, дружокъ говоритъ три раза: „Батька родный и матка родная, баславитя маладога князя да шлюбу ступить!“ На это отвѣчаютъ: Богъ баславить! Затѣмъ, такая же просьба обращается къ крестнымъ,

а потомъ къ бесѣдѣ: „Дядьки, тётки, сусѣди прыхожыя и госьти прыѣжжыя, и вы, жоначки билагаловачки, и вы, малѐнькія дѣтки и ўся круглая бясѣда, баславитя маладога князя да шлюбу ступить!“ Тѣ отвѣчаютъ: „Богъ баславить!“ Потомъ молятся Богу и отправляются къ невѣстѣ. Жениха сопровождаютъ: сватъ, дружокъ—главное дѣйствующее лицо во всю свадьбу, двѣ или три сватьи, нѣсколько друженкъ и подженишники; дружокъ обязательно долженъ быть женатый.

Пріѣхавши къ невѣстѣ, сватъ ставитъ на столъ водку и здѣсь угощаются пріѣхавшіе и родня невѣсты. Эта бесѣда называется заручинами. Невѣста въ это время находится въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ дрўжки одѣваютъ ее къ вѣнцу, въ чистое бѣлье и лучшее платье, заплетаютъ волосы въ двѣ косы и связываютъ ихъ при началѣ, а на голову кладутъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Женихъ одѣвается въ бѣлую свиту и новую шапку, причемъ на шапкѣ пришивается красная ленточка. Гости, пріѣхавшіе съ женихомъ и бывшіе въ домѣ, садятся за столъ, а въ концѣ стола, на лавкѣ противъ дверей, садятся женихъ и невѣста, которую ея сватъ приводитъ по окончаніи одѣванья изъ сосѣдняго дома. Жениха и невѣсту садятъ на кожухѣ во всю свадьбу. Садятся за столомъ такъ, что по правую руку жениха садятся подженишники, дальше на кутъ сватьи, на другой лавкѣ сваты; по лѣвую руку отъ молодыхъ дрўжки—подневѣстницы, а противъ молодыхъ садятся на услонѣ дружки. Послѣ угощенія, во время котораго женихъ и невѣста только передаютъ гостямъ водку, дружокъ вызываетъ бесѣду благословить молодыхъ ѣхать къ вѣнцу. „Батька родный и матка родная, баславитя маладога князя и маладую княгиню да шлюбу ступить!“—Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславить!“ и т. д.

Послѣ этого зажигаютъ свѣчу передъ иконой и молятся Богу. Помолясь, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери, цѣлуютъ руки и ѣдутъ къ вѣнцу.

Во время сборовъ къ вѣнцу въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты приглашенныя женщины учиняютъ каравай и поютъ при этомъ:

А нихто ни ўгадая,
Што ў нашымъ караваи!
Сь сямѝ крыницъ вадà,
Сь сямѝ пшаницъ мука,
Сь сямѝ карбў масла,
И яецъ паўтараста,
И Василькова щасьтя.

—

Когда мѣсятъ каравай, поютъ:

А ў нашыя каравайницы
Шаўковыя рукаўцы,
Залатыя пярсьтёначки:
Ня шкода ёй дати
Каравай мясити.
Сы горада купцы ѣдуть,
Залатый абручъ вязуть,
Ды на нашъ каравай кладуть,
А на нашы шышычки
Залатыя шпылички.

—

Когда садятъ каравай въ печь:

Кудра́вый печъ мяте́,
А халастый саджа́я —
Богъ ямў памага́я.

Когда каравай испечется, несутъ его въ клѣть и поютъ:

Ай, не́сьти, панѐсьти
Каравай да клѣти!
Ды пало́жымъ каравай
Ды на батькавый скрыни:

А нихай ра́дыитца
Ба́тькава се́рдичка,
А нихай висяли́тца
Дли Василькова вясе́льлiйка.

Предъ тѣмъ, какъ стать подъ вѣнецъ, дрўжки расплетаютъ невѣстѣ косы и волосы распускаютъ по плечамъ. Сохранился обычай связывать руку жениха и невѣсты полотенцемъ во время обхожденія вокругъ аналоя. Послѣ вѣнца сваты и молодые идутъ къ священнику. Сваты несутъ водку, которою священникъ угощаетъ ихъ, и отъ молодыхъ принимаетъ поклоны въ ноги. Молодые послѣ вѣнца вообще кланяются всѣмъ роднымъ и каждому встрѣчному. При возвращеніи изъ-подъ вѣнца поютъ:

Мы у папа̀ бывали
Зъ бѣлыми сабаля́ми,
Съ чорными га́лачками,
Съ красными па́нначками.
—

Ѣхала Адарка атъ винца,
Сѣяла расадку зъ рукаўца̀:
Ви́ся, расада, ў кача́ньня,
Удавайся, доличка, зъ виньчаньня!

Пріѣхавши на дворъ къ невѣстѣ, поютъ:

Зажыгай, мати, свѣчку,
Выйди на сустрэ́чку!

Сустрэ́нь сваё дитя,
Первая ражо́ная, а друго́я сужо́ная!

Отецъ и мать невѣсты выходятъ на встрѣчу съ булкой хлѣба, свѣчой и выносятъ въ суднѣ рожь. Молодые кланяются отцу и матери и входятъ въ хату; здѣсь они садятся за столъ на той же лавкѣ, но уже занимаютъ мѣсто отъ кута. Когда молодые сядутъ за столъ, женщина изъ родни невѣсты несетъ на вѣкѣ холстъ на подарки отъ невѣсты роднѣ жениха и ставитъ вѣко на концѣ стола. Дружокъ невѣсты встаетъ и проситъ у батьки и матки невѣсты благословенія подѣлить подарки. Получивъ благословеніе, дружокъ беретъ прежде платокъ и говоритъ: „абсыла́итъ маладая княгиня маладому князю падарокъ—платокъ!“ Женихъ беретъ платокъ и завязываетъ его на шею. Потомъ дружокъ беретъ наметку и говоритъ: „абсыла́итъ маладая княгиня батьку ро́днаму маладога князя наметку на штаны!“ Такимъ же порядкомъ продолжается раздача подарковъ и всей роднѣ жениха, исключая незамужнихъ сестеръ. Обязательно говорится, кому что̀ дается и на что̀. За каждый подарокъ сватъ жениха кладетъ на крышку нѣсколько копѣекъ и отливаетъ чарку своей

водки въ миску, поставленную на столѣ. При раздачѣ подарковъ дрўжки поютъ молодому:

Бяре́шъ падарки,
А ти будуть тещы боты,
А дѣўцы чырави́ки?
— Кабъ табѣ, дѣвачка,

Сава̀ во́чы дра́ла,
Чаму ты ў ягò
Чыравикъ ни бра́ла.

Послѣ раздачи подарковъ, идетъ обѣдъ. Послѣ обѣда дружки̇, взявъ за руки, сводятъ молодыхъ, причемъ невѣста старается наступить на ногу жениху, чтобы имѣть надъ нимъ потомъ первенство.

Во время обѣда играетъ музыка, а потомъ, когда уже обѣдъ конченъ и молодые сведены, происходятъ танцы. Погулявъ немного, женихъ уѣзжаетъ съ своими домой и до поздняго вечера гуляютъ порознь въ двухъ домахъ, а потомъ вечеромъ женихъ отправляется за невѣстой. Когда ѣдетъ молодой отъ невѣсты домой, сватьи поютъ:

Якъ я мо́ладъ жаниўся,
Дыкъ морквы наѣўся:
И у те́щы морква,

И у матки морква,
Якъ морква, дыкъ морква!

Взъѣхавъ на дворъ, поютъ:

Сы́зый силязе́нька,
Ти быў ты на моры,
Ти бачыў вутучку?
— Чамў я ни бачыў:
Я зъ ёю напла́выўся,

На ку́пини насядѣўся;
Ина̀ отъ мянѐ у чаро́тъ пашла̀,
Падъ ёй чаротъ гне́тца,
На яѐ вада̀ ильле́тца.

Потомъ входятъ въ хату и садятся за столъ.

Женихъ находится въ сѣняхъ, и тамъ сватьи поютъ:

Кары́ся Василька, кары́ся,
Ды й низинька клани́ся!
Такъ табѣ, малатцў, гади́тца

Низинька батюхну кланитца,
Ку́дрими зяме́льку усьтилать,
А слёзками личка умывать!

Затѣмъ дружокъ вводитъ за руку жениха въ хату, ставитъ около стола и говоритъ:

„У нашага князя маладо́га, и ў насъ дружкоў—маршалкаў ёсь батька ро́дный! Багаслави князю маладому на пасади сѣсьть у щасьли́вамъ мѣсьти!“—Богъ баслави́ть князю маладо́му на пасади сѣсьти у щасьливамъ мѣсьти!

И садятъ жениха за столъ на кожухѣ, подъ ноги ставятъ въ суднѣ жито, на столѣ ставятъ тарелку, закрытую платкомъ и кладутъ шапку жениха.

Ставъ около тарелки, дружокъ зоветъ:

„Ёсь у нашага князя маладо́га батька родный! Чымъ князя дару́ишъ: ти хлѣбамъ, ти сольлю, ти добрымъ сло́вамъ?“

Батька беретъ хлѣбъ и соль, хлѣбъ обмакиваетъ въ соль и говоритъ:

„Дарую табѣ и щасьтя и долю, и хлѣба-соли и добрая здаро́ўя!“ и кладетъ хлѣбъ на тарелку. Дружокъ подаетъ жениху и повторяетъ сказанныя слова батьки. Женихъ беретъ хлѣбъ и соль и кладетъ въ шапку, при этомъ дѣлаетъ сидя поклонъ, а дружокъ наливаетъ рюмку водки и даетъ дарующему. Такъ вызывается и матка, которая даритъ то же. А сватьи поютъ:

Ай, ро́дя, ро́дя бага̀тый,
А дару́йтя ста̀такъ рага̀тый:
А вы, дядько́вя, па каро́ви,
А вы, малайцы—чырвонцы̀,
А вы, дѣвачки, пе́рсьнички!

Родные и сосѣди дарятъ кто что можетъ: дарятъ деньги, скотъ, пчелъ и т. п. Такой же посадъ дѣлается и у невѣсты, когда женихъ вечеромъ пріѣдетъ къ ней. Но онъ не входитъ въ это время въ хату, а остается на дворѣ, пока кончится посадъ.

Послѣ посада жениха дается ужинъ; предъ ужиномъ сватьи поютъ:

Бра́знули ложачки
И цы́навыя тарэ́лачки,
Василькова чэ̀лидь
Сади́тца вячэ́рыть!

Послѣ ужина дружокъ зажигаетъ свѣчу, становится на лавкѣ позади жениха и говоритъ: „Да̀ли напи́ть и паѣ́сьть, и ла̀вачки—сѣ́сьть, баслави́тя и ў вясёлую даро́гу, съ краснымъ вясёлымъ паѣздамъ!“ Ему отвѣчаютъ: „Богъ баслави́ть!“ Сватьи поютъ:

Багаславѝ Божа,
Прачистая Спо́жа,
Атецъ и мати
Сваймỳ дитя́ти
Ў дарогу щасьлѝвую ступѝти!

Когда всѣ выйдутъ на дворъ и женихъ сядетъ на телѣгу, мать его выходитъ на дворъ въ вывернутомъ тулупѣ и, обходя вокругъ телѣгу, осыпаетъ сына и лошадь овсомъ или житомъ.

Ворота невѣсты запираются предъ женихомъ, и дружокъ долженъ черезъ ворота подать на дворъ выкупъ, въ видѣ пирога и водки. А сватьи поютъ:

А на дварэ̀ дождждыкъ ка̀пля,
А ў Васильки шапка змя́кла;
Папыта̀йтися у яго̀,
Ти ня любя ёнъ каго̀?
— Любя рыбку сятры́нку
И дѣўку чырнабры́ўку!

Послѣ этого жениху отворяютъ ворота. Въѣхавши на дворъ, сватьи поютъ:

Прыбра̀лася те́ща въ ваўкѝ,
Ды й хо́чыть зятя спужа̀ти,
А зять тещы ни байтца,
Ды для те́щы станавѝтца.

Во время этой пѣсни теща выходитъ на встрѣчу жениху въ вывернутомъ кожухѣ, съ пирогомъ въ рукахъ и съ кружкой воды; кружку съ водою даетъ зятю, а тотъ, попробовавъ немного воды,

выливаетъ ее черезъ свою голову назадъ; потомъ слѣзаетъ съ телѣги и даетъ тещѣ пирогъ, а теща ему свой пирогъ. Эта встрѣча называется „витаньемъ“. Сватьи поютъ:

А зять те́щу пащу́паў,
И мяхкій пирогъ нащупаў!

Сватьи невѣсты выносятъ на дворъ столъ, ведро воды, водку и закуску, витать сватовъ жениха. Сватьи жениха поютъ:

Пусьтѝ, пусьтѝ, сва̀тійка, ў хату!
Мы табѣ ния́кія шко́ды ня ўчы́нимъ:
Сы ве́чара шумная пива папъёмъ,
Сы по́ўнычы тваё дитя́тка павязёмъ,
Къ бѣ́лыму свѣту тваё дитятка мы заўёмъ,
А къ сьнида̀нійку табѣ вѣсьтійки прынясёмъ!

Возвратившись въ хату, теща садится на припечекъ и плететъ лапти. Вслѣдъ за нею входитъ въ хату дружокъ жениха и, не отходя отъ порога, говоритъ: „Ёсьть у на̀шага князя маладо́га и княгини малады́я батька; багаславиў у дамоўку ўѣхать и паро́гъ пирасту-пи́ть,—багаславѝ да стаўпа̀ (до столба припечья) даступи́тца,—те́щы ко́ваныя боты аддать!“ Ему отвѣчаютъ: „Богъ баслави́ть“! Дружокъ подноситъ тещѣ на тарелкѣ рюмку водки, нѣсколько денегъ и проситъ ее перестать лапти плести, а взять деньги на „боты“. Теща пьетъ водку и беретъ деньги, а дружокъ опять отходитъ къ порогу и говоритъ: „Багаслави́ли ко́ваныя боты те́щы аддать, багаслави́тя дру́жакъ павита́ть!“ — Богъ баслави́ть! Онъ подходитъ къ дружкамъ, которыя стоятъ у лавки противъ дверей, и подаетъ на тарелкѣ рюмку водки и одинъ баранокъ, и опять отходитъ къ порогу: „Багаславили тещы боты аддать и дру́жакъ павитать, багаславитя княгини маладой шубу апрану́ть и ко́ваный по́ясъ!“—Богъ баслави́ть! (Говорятъ и—багаслави́ть). Дружки поютъ:

Прысла̀ў свёкаръ адива́ньня:
Ти коньня (кунья) шуба, ти бараньня?
Калѝ жъ коньня, дыкъ ки́нишъ:
А калѝ бараньня, дыкъ пры́мишъ!

Женихова музыка въ это время играетъ на дворѣ. Сваты невѣсты выносятъ каравай на дворъ и поднимая его, кричатъ: „нашъ вы́шы!“ Сваты же жениха поднимаютъ свой каравай и тоже кричатъ: нашъ вы́шы! Потомъ каравай жениха кладутъ на каравай невѣсты и ставятъ каравай въ клѣть, а сами входятъ въ хату, садятся за столъ, выпиваютъ и закусываютъ. Во время ужина сватьи поютъ:

А ты Ада́рачка, ни хиля́йся,
Ды иди ў камору прыбира́йся,
У чырво́ныя чырави́чки абувайся,
А зъ нами у даро́гу сабира́йся!

Послѣ ужина дружокъ невѣсты зажигаетъ свѣчу, обходитъ съ молодыми три раза вокругъ стола и говоритъ: „бат̄ька родный и матка родная! Дали пит̄ь и ѣсьт̄ь и лавочку—сѣсьт̄ь,—багаславит̄я у щасьливую дарогу ўступит̄ь?“—Богъ баславит̄ь! Тогда дружокъ обращается къ крестнымъ отцу и матери, къ роднѣ и всей круглой бесѣдѣ, съ такою же просьбой, и всѣ отвѣчаютъ: — „Богъ баславит̄ь!“ Сваты поютъ:

Баслави Божа,
Прачы́стая Спожа,
Ат̄éцъ и мат̄и
Свайму̀ д̄итя́т̄и
У дарбгу щасьливую ступит̄и!

Мать даетъ невѣстѣ булку хлѣба, а невѣста черезъ свою голову подаетъ ее назадъ матери. Тогда мать даетъ ей низку баранковъ. Изъ этихъ баранковъ молодая должна при воротахъ жениха бросить два баранка назадъ и два впередъ и тогда въѣзжать во дворъ.

Проводивши молодую, сваты возвращаются назадъ къ тещѣ „дѣлить я́лавичыну“, то есть отдаютъ свою водку изъ кошеля, какая еще осталась, а теща даетъ закуску и завязываетъ имъ черезъ плечо рушники. Съ этими рушниками они и отправляются вслѣдъ за молодыми. На дворѣ жениха на встрѣчу молодымъ выходитъ свекровь или кто другой изъ родни, только не вдова и не дѣвушка, и встрѣчаетъ ихъ въ вывернутомъ кожухѣ съ квашней. Квашня ставится около телѣги молодыхъ, и невѣста, слѣзая, должна стать на квашню, и осыпать ее изъ полы житомъ, которое беретъ изъ дому. Этимъ невѣста показываетъ, что она честна; въ противномъ же случаѣ невѣста слѣзаетъ не на квашню, а прямо на землю, или становится на колесо, потомъ подходитъ къ свекрови и кланяется ей въ ноги. Затѣмъ молодая входитъ въ домъ, вѣшаетъ на иконы и на двѣ стѣны рушники и садится за столъ. Давъ молодымъ немного посидѣть за столомъ, дружокъ ведетъ ихъ въ клѣть спать, гдѣ постель постлана еще во время посада жениха. Молодыхъ сопровождаютъ двѣ сватьи и крестная мать жениха. Въ клѣти невѣсту садятъ на дежу, если честная, а если не честная, то на постели, обвязываютъ ей голову наметкой, а затѣмъ сватья прикрываетъ ее полой. Женихъ даетъ сватьѣ нѣсколько копѣекъ и выкупаетъ невѣсту. При завиваніи невѣсты поютъ:

Завивала мянѐ д̄яд̄инка
Ды нижа̀ласьливая:
Чѐпчыкъ узлажы́ла,
Слёзки ни ўранила.

Когда постель стелятъ, поютъ:

Мы жъ были пасьт̄éльныя,
Умѣли пасьт̄éль слат̄и:
Руту мяту клали й чырвóныя квѣтки,
Кабъ любилися д̄ѣтки.

Завивъ молодую и получивъ отъ жениха выкупъ, посторонніе уходятъ изъ клѣти, а молодыхъ оставляютъ однихъ часа на четыре, на пять. Потомъ сватья идетъ къ двери клѣти и спрашиваетъ: „т̄и вы́спались?“ Ей отвѣтятъ, что выспались и впускаютъ въ клѣть; сватья беретъ у молодой рубашку, въ которой она спала, и несетъ въ хату, а невѣста тѣмъ временемъ одѣвается въ другое бѣлье. Потомъ приходитъ дружокъ, забираетъ молодыхъ въ хату и садитъ ихъ за столъ. Сватьи же связываютъ свернутую рубашку молодой красной лентой (если честная), ходятъ съ ней по лавкамъ кругомъ стола и, передавая другъ другу, поютъ:

Добрыя нашы марóзы,
Ни змарóзили намъ рожы,
Пусьт̄или квѣт̄и па клѣт̄и,
А клянóвый листокъ падъ палóкъ,
А чырвоную квѣтачку ў падалóкъ.
Бѣлую кару́ну матка дала,
А чырвоную квѣтачку сама здабыла̀.

Послѣ этого женихъ и дружки берутъ сладкую водку, булку хлѣба и ѣдутъ въ домъ невѣсты, „отвезти вѣсти“. Рубашку везетъ женихъ. Сладкую водку даютъ батькѣ, маткѣ, роднымъ молодой и проч., а рубашку отдаютъ матери. Съ рубашкой и у матери невѣсты происходитъ то же, что было у жениха: скачутъ по лавкамъ и поютъ. Назадъ рубашку везутъ „придани“. Погулявъ немного въ домѣ тещи, отправляются назадъ въ домъ жениха. За ними ѣдутъ „придани“—кто-либо изъ родни невѣсты, везутъ кубелъ съ приданымъ. Вмѣстѣ съ ними ѣдутъ родные молодой къ жениху гулять. За кубелъ женихъ платитъ привезшему нѣсколько копѣекъ. Послѣ угощенія пріѣхавшихъ, молодыхъ вводятъ изъ клѣти въ хату и въ присутствіи уже всѣхъ сватьи опять скачутъ по лавкамъ съ рубашкой молодой. Потомъ дѣлятъ „снида̀ньня“, которое привозятъ изъ дома молодой—сало или мясо, пирогъ и ложку. Снѣданье дѣлится безъ водки. Дружокъ зоветъ родителей жениха, братьевъ и проч. „на снидáньня“: Батька рóдный, матка рóдная! прóся васъ малада̀я княгиня на снида̀ньня! Раздѣливъ сниданьня, дѣлятъ и каравай. Дружокъ зоветъ: „Батька рóдный! Прóся т̄ябѐ князь маладый и княгиня малада̀я на каравай, на Божый даръ. Што дару́ишъ: т̄и каня̀, т̄и карóву?“ Батька кладетъ на столъ хлѣбъ-соль и говоритъ: „дару́ю табѣ̀ хлѣба-соли, щасьт̄я й долю и дóбрая здарóўя!“ Такъ вызываются сватьи и вся родня молодого. При этомъ дарятъ свиней, коровъ, пчелъ и т. п. Когда кто заявитъ, что даруетъ свинью, дружокъ объявляетъ жениху и визжитъ, какъ свинья; если корову, то мычитъ, если пчелъ, то жужжитъ и т. д., смотря по тому, что кто даритъ.

Раздѣливъ каравай у жениха, обѣдаютъ, а потомъ берутъ отъ молодого снѣданье и ѣдутъ всѣ къ молодой дѣлить каравай. Тамъ дѣлятъ снѣданье жениха, а потомъ раздѣляется каравай невѣсты. При раздѣлѣ караваевъ дается каждому по рюмкѣ водки и куску

каравая. Раздѣливши каравай невѣсты, обѣдаютъ у ея родителей и уѣзжаютъ домой. Этимъ оканчивается свадьба.

Большинство жениховъ во время свадьбы носятъ въ пазухѣ ртуть. Ртуть эта предъ свадьбой ставится въ церкви подъ аналой около царскихъ вратъ, и здѣсь стоитъ „три маладика“—три мѣсяца, потомъ освящается и во время свадьбы служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ чаръ, такъ какъ на свадьбѣ особенно чаруютъ молодыхъ, и отъ этого зависитъ ихъ будущая жизнь. Ртуть эта хранится потомъ въ хлѣвѣ, гдѣ стоитъ скотъ, и употребляется въ различныхъ случаяхъ, гдѣ могутъ дѣйствовать чары.

Сообщилъ А. Е. Вержбицкій.

—

Мстиславскій уѣздъ.

Парни выбираютъ себѣ невѣстъ преимущественно въ Коляды, на игрищахъ, гдѣ и „влюбляются“. Если же тамъ не выберутъ, то ѣздятъ въ Колядные праздники по церквамъ и тамъ высматриваютъ себѣ невѣстъ. Особенно эти „выгляды“ практикуются на Ерданяхъ въ день Крещенія. Если какая дѣвушка понравится, то парень знакомится съ ея отцомъ и старается угостить его водкой. Потомъ проситъ своего отца ее сватать. Отецъ приглашаетъ съ собою ближайшаго родственника, одѣваются въ праздничную одежду, въ сапоги, берутъ въ кошелѣ хлѣбъ-соль, сало и водку, надѣваютъ кошель черезъ плечо и вечеромъ, большею частью въ субботу, ѣдутъ въ сваты. Невѣста „должна стыдиться своихъ сватовъ“, и завидѣвъ ихъ, прячется такъ, чтобы ея не видѣли, или совсѣмъ уходитъ изъ дому къ сосѣдямъ. Сваты же, поздоровавшись съ хозяевами, снимаютъ кошель съ плечъ и садятся на лавку, закуриваютъ трубки и заводятъ обыденный разговоръ о постороннихъ предметахъ. Когда общія темы будутъ исчерпаны, сваты говорятъ хозяевамъ: „вы ў насъ ни пата́ит̄я, чаго мы прышли, а мы вамъ ни ка́жымъ. Мы прышли къ вамъ ни гулят̄ь, а за д̄ѣлымъ!“—А зы яки́мъ д̄ѣлымъ?—„Ды прышли мы, каро́чи гывыря̀, у сваты!“—Э, дычка̀ мая̀ щѐ мо́лыда, ничо́га ни зна́ит̄ь, не́смысиль. Нихай щѐ у мянѐ гадо́къ пабу́д̄ит̄ь. Ще управитца! Была̀ бъ гылыва̀, а питьля̀ бу́д̄ит̄ь. Кыли бу́д̄ит̄ь до́бра—нажыве́тца, а бу́д̄ит̄ь го́ря—ныпла́читца. Кыли Богъ дась, е́тыга ни мине́т̄ь!.. Въ концѣ концовъ, если родители согласны отдать дочь за парня, они говорятъ сватамъ: „Ся́ньни зю́кыйт̄я, ня зю́кыйт̄я—ничо́га ня бу́д̄ит̄ь! Идит̄я дво́ру, а прыхо́д̄ьт̄я заўтри. А мы тутъ паталку́имъ!“ Сваты уходятъ. Этотъ вечеръ называется „су́глядами“.

На слѣдующій день родители даютъ согласіе. если дѣвушкѣ парень нравится. Сваты вынимаютъ изъ кошеля хлѣбъ-соль, сало и водку и кладутъ на столъ, который къ этому времени застилается чистою скатертью. Мать невѣсты также кладетъ на столъ булку хлѣба

и ставитъ солонку съ солью. Приглашаются ближайшіе родственники и невѣстины крестные. Всѣ молятся Богу при зажженной свѣчѣ у образовъ и распиваютъ принесенную сватами водку. Это называется „запоины“.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней сваты идутъ „една́т̄ь папа̀“ и везутъ отца невѣсты въ свой домъ „пыгляд̄ѣт̄ь на́шыга хыд̄я́йства.“ Здѣсь его угощаютъ колбасой и яичницей и подчуютъ водкой. При этомъ назначается день для заручинъ.

На заручины созываются всѣ родственники невѣсты и всѣ дѣвушки той деревни, гдѣ живетъ молодая. Водку привозитъ сватъ, а закуску даетъ невѣста. Дѣвушки угощаются въ отдѣльной избѣ. Невѣста подноситъ свату на тарелкѣ платокъ для жениха, а сватъ кладетъ ей на тарелку деньги отъ имени жениха. Наканунѣ свадьбы женихъ и невѣста обязательно моются въ банѣ. Вечеромъ у невѣсты бываетъ дѣвишникъ, а у жениха мальчишникъ. Женихъ созываетъ всю родню, нанимаетъ „скомороха“—музыканта, выбираетъ двухъ дружковъ—распорядителей и подженишника. Когда всѣ соберутся, зажигаютъ предъ иконой свѣчу и молятся. Потомъ дружокъ беретъ за руку подженишника, а подженишникъ жениха и сажаютъ его за столомъ на кутъ. Тутъ же садятся крестные и избранныя родственницы—свахи. Всѣ пьютъ и закусываютъ. Затѣмъ старшій дружокъ лѣзетъ на полъ, на которомъ спятъ, и становится у печного столба. Къ нему приходятъ мужчины и женщины, умѣющіе пѣть, хозяинъ подаетъ водку и закуску. Тогда дружокъ, опершись о столбъ, говоритъ: „Сватъ, сват̄юшка, радной бат̄юшка! Быслави́т̄я свайго̀ чада, а на́шыга князя мыладо́га за столъ се́сьт̄и, вя́сельля запѣт̄и и зыйгра́т̄и!“ Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ быслави́т̄ь!“—У другій разъ!—„Богъ быслави́т̄ь!“—У трет̄ьт̄ій!—„Богъ высла́вит̄ь!“ Тогда дружокъ крестится три раза и говоритъ: „Зы ваша быславе́ньня вамъ ни́зинькыя пыклане́ньня! Якъ матка ырад̄и́ла, на бѣлый свѣтъ пусьт̄ила, такъ Прячи́стыя быславила!“ Такимъ же образомъ онъ обращается къ матери жениха, къ крестнымъ, къ мужчинамъ, женщинамъ, дѣвушкамъ и ко всей „веселой бесѣдѣ“, и отъ всѣхъ получаетъ тотъ же отвѣтъ: „Богъ быслави́т̄ь!“ Тогда дружокъ со всѣми находящимися у столба пѣвцами запѣваетъ:

„А ў нашыга свата зырад̄ѝ, Бо́жа, жыта густа, ко́лысамъ кыласиста, ядромъ ядрини́ста! Штобъ наша Марьичка сто́ичи жыта жала и снапо́чки виза́ла! Быслави, Божа, раду запѣт̄и и вясельля зайграт̄и!“

Бо́жыя ра́духна, куды̀ пылят̄ѣла?
— Чирязъ тынъ ды на вулицу,
Ды къ Ивану (имя отца) на дворъ!

Когда кончится пѣніе у столба, начинаютъ пѣть свахи, сидящія за столомъ. Дружки подносятъ водку и тѣмъ и другимъ пѣвцамъ, а хозяинъ угощаетъ остальныхъ гостей. Все это время поются свадеб-

ныя пѣсни. Когда кончится угощеніе, дружокъ беретъ за руку подженишника, а этотъ жениха и выводятъ его изъ-за стола. Дружокъ проситъ у родителей благословенія ѣхать къ невѣстѣ. Женихъ кланяется въ ноги родителямъ и всѣмъ присутствующимъ, каждому въ отдѣльности, и затѣмъ уѣзжаетъ съ дружками и подженишникомъ къ невѣстѣ.

У невѣсты въ этотъ вечеръ дѣвушки вьютъ вѣнокъ, поютъ и танцуютъ. Невѣста угощаетъ ихъ виномъ и лакомствами. Какъ только дѣвушки заслышатъ, что пріѣхалъ женихъ, онѣ поютъ:

Спазьниўся, Андрейка, спазьниўся,
Ти ты ў лáзинки памыўся?
Бялéникъ, тёщухна, бялéникъ,
Тваймў дитяти любéникъ.
Ящè, тёщухна, пыбялѣю,
Тваймў дитяти пылюбѣю!

По пріѣздѣ, женихъ не идетъ прямо въ хату, а дружокъ подходитъ подъ окно и просится переночевать или погрѣться. Хозяинъ отвѣчаетъ, что у него негдѣ ночевать, своего народу много, „бы гуля́ньня йдéть“. Но въ концѣ концовъ отпираетъ имъ ворота. Войдя въ хату, пріѣхавшіе становятся у порога около печи. Въ это время дѣвушки имъ поютъ:

Ахъ ты, тёщухна ды лукáвыя,
Вы́брыла зятьку ды ни ўдáлыга!
Хоть выбрыла, ды машэ́ньничка:
Пыдъ заборъ хóдить, ёнъ кóній вóдить,
Въ аўчáрку лáзить, ёнъ авéцъ вя́жыть,
Въ карóўницу хóдить, ёнъ карóў дóить!

—

Пыджанишникъ варóна,
Падъ имъ конь карóва!
У пыджани́шника нóги карóтки,
Пыстаўтя ямў падъ нóги калóдку!
Пыджани́шничикъ нашъ сакóлъ,
На сади́ся мижъ вакóнъ:
У насъ пташычій пирялётъ, —
Прылятúть табѣ варóна ў ротъ!
У пыджанишни́ка вочи вяли́ки,
И ны грядки глидять,
Хварóбы хытять,
И хварóбычки, й пирялóмычки!

—

На рѣчи дружку, на рѣчи,
Кабъ сѣла дружку семъ скулъ на плечи!
Ны гавóрку дружку, ны говóрку,
Кабъ сѣла семъ скулъ ны галóўку!
На мóву дружку, на мóву,
Кабъ сѣла семъ скулъ на брóвы!

Дружокъ между тѣмъ выступаетъ на средину хаты и говоритъ отцу невѣсты: „Пусьти́ў ты насъ у хату, дыкъ ужў пусьти дѣ-нибудь притули́тца!“ Тотъ отвѣчаетъ: „Кыли грóшы ёсьть, то аткупѝ сабѣ мѣста!“ Дружокъ вынимаетъ изъ-за пазухи привезенную съ собою водку и угощаетъ гостей невѣсты. Тѣ очищаютъ для жениха со сви-

той мѣсто за столомъ. Дружокъ продолжаетъ угощать родню невѣсты, но вдругъ начинаетъ кашлять и кричитъ: „Ай, пыдави́ўся! мяне кáшыль замýчиў! Ти нимà ў васъ кагò дать вады мнѣ, атхади́ть мянè?“ Къ этому времени въ хату приносятъ ведро воды. Дѣвушки поочередно черпаютъ ее и подаютъ въ кружкѣ дружку. Дружокъ разсматриваетъ воду и говоритъ: „Ты дѣўка харóшыя, ды выдà твыя нячи́стыя! Ня буду яè пить, бы атъ яè ще пахýжыить!“ Когда почередуются всѣ дѣвушки, тогда является невѣста и подаетъ дружку воду. Тотъ беретъ и говоритъ: „вотъ ужў éта выдà, дыкъ выдà! Атли́шныя, крыни́шныя! Еткія вады у сьвѣти нима!“ и выпиваетъ воду, а въ кружку кладетъ деньги, и перестаетъ кашлять. Тогда невѣста подноситъ воду всѣмъ пріѣхавшимъ, а тѣ отдариваютъ ее деньгами.

Затѣмъ выходятъ всѣ изъ-за стола и молятся. Послѣ молитвы дружокъ говоритъ отцу невѣсты: „Пусьти́ў ты насъ у хату и пазвóлиў зы сталóмъ хлѣба-соли скушыть, тяперь быславѝ дятéй да кýчи звесьть!“ Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ быславѝть!“ Тогда братъ невѣсты беретъ ее за руки и подводитъ къ жениху съ словами: „Нà табѣ маю сяструˆ, ни сляпýю, ни храмýю! Жывѝтя зьмирна, другъ друга пыважáйтя и пычитáйтя!“ И среди хаты кружитъ ихъ вмѣстѣ три раза. Дѣвушки поютъ:

Сучѝся, пéрыйка, сучѝся,
Марьичка съ Андрейкую злучи́ся!

Невѣста начинаетъ плакать. Братъ ведетъ ихъ за столъ и усаживаетъ рядомъ. Дѣвушки поютъ „Раду“ (см. выше), а затѣмъ и другія пѣсни. Мать въ это время приноситъ въ рѣшетѣ подарки для родни жениха: платки, куски холста, полотенца и т. п. Каждый подарокъ она кладетъ на тарелку и называетъ того, кому дается подарокъ. Одинъ изъ родни невѣсты беретъ у нея тарелку и передаетъ подарокъ по назначенію, со словами: „дарýить тибè Марьичка пыдаркымъ, краснымъ китàйкымъ! Ета прымѝтя, на бóльшыя ни дивѝтя, а пыдàрычикъ пызылатѝтя!“ Принявшій подарокъ кладетъ деньги на тарелку для невѣсты. Послѣ раздачи подарковъ, женихъ уѣзжаетъ домой.

Въ день свадьбы онъ, получивъ отъ родителей благословеніе, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Здѣсь родители невѣсты благословляютъ обоихъ и отправляютъ къ вѣнцу. По дорогѣ поютъ:

Шàмнули калёски, только кóники зырзàли,
Мылады́я свашки пѣсьни запѣли,
Дружкѝ ѣдуть, гóйкыють,
Марьички ў тéримъ гóлысъ пыдають.

—

Коники маè сивыя!
Ти надвизитё княгиню
Падъ тую гарў крутую,
Падъ тую цэ́рькуўку святую?
А ў тэй цэ́рькуўки святэ́й Спасъ,
Штобъ пывиньчаў дѣтычикъ въ адинъ
[часъ!

Послѣ вѣнца молодые идутъ въ домъ священника „аддавать паклоны“, а потомъ ѣдутъ въ домъ жениха. По дорогѣ дѣвушки поютъ:

Спасиба папў и папо́вичу,
Што скри́нька зьвиньчӑў,
Ды нямножка диржӑў.

Подъѣзжая къ дому жениха, поютъ:

Ай, вы́йди, свякрова гырба́тыя,
Ѣдить нявѣстка быга̀тыя!

Ай, выйди, свякрова̀ саплѝвыя,
Ѣдить нявѣстка щасьлѝвыя!

Мать жениха въ вывороченной шубѣ, съ образомъ и хлѣбомъ, выходитъ къ молодымъ на дворъ, обѣгаетъ три раза телѣгу ихъ подъ кнутомъ дружка и осыпаетъ овсомъ. Потомъ молодые кланяются родителямъ жениха и, взявшись за руки, идутъ въ хату.

Дѣвушки поютъ:

Ай, рай-раёчикъ па рѣчки плыве́ть,
Андрейка Марьичку за ручку вяде́ть:
„Хади, хади, Марьичка, дому глядѣть:
Мой дамо́чикъ, якъ рай-раёчикъ:
Абразы́ стыя́ть, яры свѣчи гыря́ть!

Въ хатѣ садятся за столъ и обѣдаютъ. Между свитами жениха и невѣсты начинается перебранка. Дѣвушки невѣсты поютъ:

А ў на́шыга свата
Тисо́выя хата:

Ни клѣти, ни павѣти,
Не́йди ко́ній падѣти!

Сватьи жениха отвѣчаютъ:

Ны на́шый рѣчки ўсё щу́чки!
Пынаѣхыли ўсё су́чки!
На нашый рѣчки усё плытва̀,

Пынаѣхыла гылытва̀!
На нашый рѣчки ўсё кырасѝ,
Нашы рибя́тки хырашы́!

Дѣвушки:

Свато́чикъ ты нашъ дымаво́й!
Ти на е́та жъ ты насъ зыпраси́ў,
Бряхлѝвыхъ су́чикъ ныпрасиў?
Бряшы́тя, су́чки, бряшы́тя,
Ны сабѣ каро́сту чашы́тя!

У чужымъ сая́ни ла́ўки трешъ,
У чужыхъ бо́тикыхъ танцу́ишъ!

—

Вы сва́тьти-галы́шки,
Пыбярѝ васъ за ки́шки!
Мы вамъ прасто́ръ дади́мъ,
Хлѣба-соли зьяди́мъ!

—

Ни чаче́нься, сва́тьтя, ни чаче́нься,
Схади́ у дво́ру пирядѣнься:

—

Во время обѣда дружокъ при перемѣнѣ кушаній вызываетъ хозяйку: „Сва́тьтя-сватьтюшка! Идѣ бъ ты ни была̀, кабъ сюды прибыла̀! Ти хвартухомъ трясѝ, ти пирямѣну нясѝ!“ По окончаніи обѣда хозяйка извиняется въ такихъ выраженіяхъ: „дырагі́я го́сьти! васъ на ета праси́ла, на хлѣбъ, на соль! А тяпе́рь прашў на хлѣбу-соли: ни прагнѣвайтись, якъ ужў было̀!“

Потанцевавъ нѣкоторое время, невѣста и ея свита уѣзжаютъ домой и тамъ тоже танцуютъ до вечера. Вечеромъ какъ жениха такъ и невѣсту дарятъ. Для этого ихъ садятъ на лавкахъ, на вывороченныхъ шубахъ. При постилкѣ ихъ, дружокъ говоритъ: „Сватъ, сватушка! быславѝ свайго̀ чаду дурува̀ть! На чёмъ мыладо́му (или мыладой) сѣсьти: ти ны сыбыля́хъ, ти ны ясныхъ сыкыла́хъ, ай на про́стый шуби?“ — На простый шуби!... Посадивъ жениха съ подженишникомъ (или невѣсту съ дружкой) дружокъ обращается къ отцу: „Сватъ, сватушка, радной батюшка! чимъ будишъ свайго̀ ча́ду дурува́ть: ти зла̀тымъ, ти сре́брымъ, ти хлѣбымъ-сольлю?“ Отецъ беретъ булку хлѣба, посыпаетъ на нее соль и на тарелкѣ подаетъ дружку. Тотъ говоритъ жениху (или невѣстѣ:) „Дару́итъ васъ вашъ батюшка раднэ́й хлѣбымъ-сольлю, щасьтимъ-до́лій, добрымъ здаро́ўимъ! Ета приви́тя, а на бо́льшыя ни диви́тя!“ Такимъ же образомъ одаряютъ молодыхъ и матери. Изъ гостей одни даютъ деньги, другія холстъ, птицу, мелкихъ животныхъ.

По окончаніи одариванья, женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ. Дружокъ выкупаетъ у дѣвушекъ мѣсто для жениха и садитъ его подлѣ невѣсты. Дѣвушки прощаются съ невѣстою и уходятъ. Дружокъ снимаетъ съ невѣсты вѣнокъ и надѣваетъ его на себя. Послѣ закуски, молодые встаютъ изъ-за стола, кланяются родителямъ и выходятъ на дворъ, гдѣ уже запряжены лошади и вынесена постель невѣсты. Молодые садятся на эту постель и уѣзжаютъ. Въ домѣ жениха дружокъ несетъ постель въ клѣть и тамъ ее приготовляютъ для молодыхъ. Между прочимъ, подъ подушку здѣсь кладется круглая палка. Молодыхъ оставляютъ наединѣ одинъ часъ, потомъ дружокъ уводитъ изъ клѣти жениха, а къ молодой идутъ женщины, берутъ брачную сорочку, на голову молодой повязываютъ наметку (въ 5 аршинъ длины) и привязываютъ къ наметкѣ красную ленту, если молодая оказалась честною. Затѣмъ ее ведутъ въ хату и поютъ:

Спасиба матки за дачкў,
Што насила дачку въ хвартычку.

Ина такъ хади́ла,
Якъ мать ради́ла.

Потомъ пекутъ блины, и молодая подноситъ каждому гостю по блину. Дружокъ съ молодымъ ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и везутъ брачную сорочку. Если невѣста была честная, въ рукава рубашки кладутъ пряники и конфекты, въ противномъ случаѣ туда кладется лошадиный навозъ. При возвращеніи, женихъ приглашаетъ къ себѣ тестя и тещу, и угощаетъ ихъ. Если же невѣста не соблюла невинности, то въ домѣ жениха на отца ея надѣваютъ хомутъ. Молодая плачетъ. Отецъ бранитъ и даже бьетъ ее. Чрезъ нѣкоторое время молодые пріѣзжаютъ въ гости къ родителямъ невѣсты, и этимъ свадебный ритуалъ кончается.

С. Любавичи.

Въ томъ же уѣздѣ въ с. Ослянкѣ наблюдаются слѣдующія особенности:

Сваты, войдя съ позволенія хозяина въ хату „погрѣться“, говорятъ сначала о мѣстныхъ новостяхъ, затѣмъ незамѣтно переходятъ къ послѣднимъ свадьбамъ. Отецъ жениха замѣчаетъ при этомъ, что и онъ бы желалъ женить своего сына, но „ни майть дѣўки на увѣти“. Пришедшій съ нимъ сватъ придирается къ слову и говоритъ: „Нашто-жъ табѣ, Иванывичъ, дóўга думыть ды шукàть дѣўку: вò ў Микилàивича (хозяина дома) ёсь Кытярѝна, лàдныя дѣўка: кали бъ сыглàсься ягò, дыкъ и бяри за Михалку!“ Вынимаютъ при этомъ изъ кошеля водку и ставятъ на столъ; затѣмъ просятъ у хозяина „мѣрачку, штобъ гарѣлки вы́пить!“ Хозяинъ говоритъ, что у нихъ нѣтъ мѣрки. Тогда сваты вынимаютъ свою чарку изъ кошеля и пьютъ за здоровье хозяевъ, а затѣмъ подносятъ и имъ. Если они согласны выдать дочь, то пьютъ водку и говорятъ: „Мы та сыглàсны, ды ня вѣдуимъ, якъ на ета наша Кытяринка!“ А если не согласны, то говорятъ: „Нѣ, ни турбўйтись: щѐ сѐлита нилигà яѐ вы́дыть замужъ!“ И сваты уходятъ. При согласіи же родителей, одинъ изъ сватовъ разыскиваетъ невѣсту гдѣ-нибудь у сосѣдей и упрашиваетъ идти домой,—у двóру. Та обязана долго упрямиться, но потомъ соглашается, и ее ведутъ домой. Въ хатѣ она останавливается у порога. Сватъ наливаетъ ей рюмку водки и подаетъ низку баранковъ. Но она не принимаетъ угощенія до тѣхъ поръ, пока родители не скажутъ: „Ну, што жъ, Кытяринка: выпи! А тады и вясельля згуля́имъ!“ Тогда она идетъ къ столу, непремѣнно подъ „курчиною“, на которой домашніе вѣшаютъ платье, и пьетъ водку отъ свата и беретъ баранки. Послѣ этого сваты условливаются о приданомъ и о томъ, „скольки чагó нàда бўдить къ вясéльлю“. Съ этою же цѣлью сваты еще нѣсколько разъ посѣщаютъ другъ друга до свадьбы.

Караваи пекутъ здѣсь наканунѣ свадьбы. Вѣнокъ невѣстѣ вьютъ въ тотъ же день. При этомъ играетъ и скоморохъ. Когда коровай отнесутъ въ клѣть, собирается молодежь и танцуетъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ дружкомъ и сватами. Свита входитъ въ хату, а женихъ остается на дворѣ. Мать невѣсты въ вывороченной шубѣ выходитъ съ гостями встрѣчать его и несетъ хлѣбъ-соль и водку. Женихъ становится спиною къ своей лошади. Когда теща подноситъ ему водку, онъ первую и вторую чарку выливаетъ черезъ голову на лошадь; третью чарку онъ прикушиваетъ и отдаетъ тещѣ, которая допиваетъ водку. Тогда всѣ идутъ въ хату. Тѣмъ временемъ дѣвушки окружаютъ невѣсту за столомъ и не пускаютъ жениха. Дружко долго торгуется съ ними, наконецъ угощаетъ ихъ водкою, пряниками, даритъ перстни, и т. д., и тогда ему уступаютъ мѣсто для жениха. Дружко разстилаетъ на лавкѣ, на кутѣ, тулупъ шерстью вверхъ и усаживаетъ на него невѣсту и подтѣ нея жениха. Женихъ при этомъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ.

Во время угощенія дружко заявляетъ, что ему „дренно“, и проситъ воды. Одна изъ дѣвушекъ даетъ ему воды въ кружкѣ. Посмотрѣвъ на воду, дружко говоритъ: „Нѣ, ты панна слы́шная (сличная), ды вадà твая ни крынишная. Ни хачу тваёй вады́ пить!“ Тогда подаетъ воду другая дѣвушка. Ей онъ говоритъ: „Да, айдѣ платьтя прàла, тамъ и вадў брàла! Ни буду тваёй вады́ пить!“ Тогда подаетъ воду невѣста. Дружко пьетъ воду и опускаетъ въ кружку деньги. Другіе гости тоже просятъ воды у невѣсты и тоже дарятъ ей деньги. Послѣ всѣхъ она подноситъ воду жениху, который за это снова дѣлаетъ подарокъ невѣстѣ.

Утромъ молодые посѣщаютъ порознь своихъ родныхъ и приглашаютъ ихъ на свадьбу. Потомъ свахи и подруги убираютъ молодую къ вѣнцу, расчесываютъ волосы, плетутъ косу, надѣваютъ вѣнокъ. Считается обязательнымъ надѣть вчерашніе подарки жениха. Одѣвшись, невѣста уходитъ изъ дому къ сосѣдямъ, пока пріѣдетъ женихъ. По пріѣздѣ жениха приводятъ домой невѣсту, ставятъ посреди хаты столъ, кладутъ на него вѣко отъ квашни, покрываютъ его вывернутою шубою и на нее кладутъ хлѣбъ и соль. Молодые обходятъ вокругъ этого стола три раза, молятся передъ образомъ, потомъ кланяются родителямъ и просятъ благословенія. Къ вѣнцу ѣдутъ раздѣльно: на одну телѣгу садится женихъ съ подженишникомъ и дружкомъ, на другую—невѣста съ подневѣстницей и старшей дружкой; прочіе сваты и сватья, а также скоморохъ, ѣдутъ позади на отдѣльныхъ телѣгахъ. Стараются щегольнуть лучшими лошадьми, возками и наборною упряжью; привязываютъ колокольчики. Когда поѣздъ устроится, мать невѣсты обходитъ его три раза съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и осыпаетъ овсомъ. Дружко ходитъ вслѣдъ за нею и старается подогнать ее кнутомъ. Скоморохъ начинаетъ играть и поѣздъ трогается. По пути ему нерѣдко „закидàютъ зàйца“, то есть кладутъ поперекъ дороги жердь. Чтобы отъ зайца не вышло несчастья (см. выше, стр. 316), сватъ даетъ тѣмъ, кто его закидывалъ, по чаркѣ водки. Тогда заяцъ убирается и поѣздъ слѣдуетъ далѣе.

При вѣнчаніи кладутъ подъ ноги молодымъ деньги на подвѣнечникъ. Послѣ вѣнца молодые въ церкви кланяются въ ноги священнику и всѣмъ присутствующимъ. Молодые теперь садятся вмѣстѣ, и поѣздъ ѣдетъ во дворъ священника. Тамъ молодые кланяются матушкѣ; дружко угощаетъ ихъ и присутствующихъ виномъ, скоморохъ играетъ какой-либо танецъ; молодежь немного потанцуетъ и потомъ, поблагодаривши батюшку, уѣзжаютъ къ невѣстѣ, а если молодые не изъ одной деревни, то каждый къ себѣ. При выѣздѣ со двора священника поютъ:

Мы у папà бывали,
Тамъ насъ чиставàли
Мёдымъ салóдинькимъ,
Виномъ зялёнинькимъ!

Встрѣчаютъ молодыхъ—отецъ съ образомъ, мать съ хлѣбомъ-солью, въ вывороченныхъ шубахъ и осыпаютъ овсомъ.

Молодыхъ садятъ на кутѣ и подаютъ обѣдъ, обыкновенно въ такомъ порядкѣ: капусту со свининой, картофельный супъ съ бараниной (бульбѣшникъ), мясное жаркое или птицу, кулешъ изъ пшеничной муки, кашу, яичницу. Молодые обязаны ѣсть одною ложкою: сперва беретъ ложку женихъ, съѣстъ ею кушанья и кладетъ ложку на столъ; тогда ее беретъ невѣста, тоже съѣстъ одну ложку кушанья и кладетъ на столъ; теперь ее снова беретъ женихъ, и т. д. Послѣ обѣда женихъ уѣзжаетъ домой и свадьбу играютъ въ обоихъ домахъ до вечера. Родные дѣлаютъ молодымъ подарки. Вечеромъ женихъ снова пріѣзжаетъ къ невѣстѣ и вскорѣ расплетаютъ ей косу. Предъ этимъ братъ невѣсты взбирается на лавку позади невѣсты и начинаетъ черкать по стѣнѣ лучинкою, подражая точенью ножа, и говоритъ: „вò калѝ касỳ атрѣжу!“ Дружко спѣшитъ выкупить у него косу и послѣ долгаго торга выкупаетъ за рюмку водки и нѣсколько копѣекъ. Послѣ этого дружко подкрадывается къ невѣстѣ и схватываетъ у нея съ головы вѣнокъ, который надѣваетъ себѣ на голову, ей же старается надѣть на голову мужскую шапку. Дѣвушки два раза не допускаютъ его до этого, но въ третій разъ онъ надѣваетъ невѣстѣ шапку. Послѣ этого дружко долженъ еще опоясать невѣсту поясомъ, на которомъ нанизанъ „верчъ“—лозовый обручъ, запеченный въ тѣстѣ. Невѣста не дается, дѣвушки хватаютъ верчъ и ломаютъ его. Дружко прогоняетъ дѣвушекъ и опоясываетъ невѣсту. Дѣвушки однако же схватываютъ ее и тащатъ въ сѣни, тамъ ее прячутъ, прикрываютъ платками и т. д. Дружко гоняется за ними, находитъ невѣсту и подводитъ къ жениху. Потомъ, обойдя три раза вокругъ молодыхъ съ образомъ въ рукахъ, выводитъ невѣсту въ сѣни и садитъ на квашню, покрытую вывернутою шубою. Женихъ въ это время садится на телѣгу. Дружко поднимаетъ невѣсту съ квашни и несетъ къ жениху на телѣгу. Мать, ходя вокругъ телѣги, осыпаетъ молодыхъ овсомъ, а дружко идетъ въ хату къ отцу и говоритъ: „Ну, даў жа карбýку, дай и вярёўку!“ Отецъ подаетъ ему булку хлѣба. Дружко рѣжетъ булку пополамъ: часть кладетъ себѣ на голову, а потомъ за пазуху, а другую бросаетъ на печь. За этотъ хлѣбъ онъ обязанъ дать отцу невѣсты бутылку водки. Послѣ этого, съ хлѣбомъ за пазухой, онъ садится къ молодымъ и ѣдутъ въ домъ жениха. Тамъ, послѣ угощенія, молодыхъ ведутъ въ клѣть.

На другой день молодые, между прочимъ, идутъ за водою на колодезь. Ихъ сопровождаютъ сваты, дружко, сосѣди. У колодца сваты угощаютъ пришедшихъ водкою, а дружко, взявши ведра у невѣсты, обливаетъ зазѣвавшихся гостей водою; тѣ въ свою очередь дѣлаютъ это другъ съ другомъ. По возвращеніи отъ колодца, невѣста печетъ блины и угощаетъ ими гостей. Потомъ молодые ѣдутъ въ домъ невѣсты. Въ этотъ же день къ молодой привозятъ приданое и пріѣзжаютъ ея родители. Женихъ кладетъ въ рѣшето каравай и горшокъ каши, закрываетъ платкомъ и ставитъ рѣшето на голову молодой. Та снимаетъ рѣшето съ головы, беретъ ложку и бросаетъ нѣсколько ложекъ каши на печь. Потомъ дѣлятъ каравай, а затѣмъ идутъ „по банкетамъ“.

Свадебныя пѣсни Мстиславскаго уѣзда.

Бѣлинькій кудрявинькій Иванька,
Хто т̄ибѣ бѣлы куд̄ирки расьчисаỳ?
Расьчисáла маѝ мáминька
У нид̄ѣльку прóт̄и панид̄ѣлку ,раниньк.

—

Падýмый, гыдай, Марьичка,
Т̄и ни жаль т̄ибѣ кагò?
— Учира дýмыла, сягóньни,
[гыдáла,
Што ни жаль мнѣ никóга,
А тольки мнѣ жаль русыя касы̀
Ды д̄ивóцкія красы.
Уси д̄ѣвычки идуть, кóсычки
[плятýт̄ь,
А я сваю расплитáю.
Пынаѣхыли свàтычки нимѝ-
[лысьливы,
Стали маю̀ косыньку рват̄ь,
[парыват̄ь,
Ўсё пад̄ёргыват̄ь,
Шóлкывы ўплётычки выплёты-
[ват̄ь.

—

Лит̄ѣли гàлычки ў читыри ря-
[дóчки,
А кукýша напéрид̄и.
Гàлычки сѣли ўсѣ па лѝсьт̄икамъ,
А кукуша ны рябинки.
Гàлычки сѣли, зат̄илѝкыли,
А кукýша закукавàла.
Ишли д̄ѣвычки чирисъ сѣнички,
А Марья напéрид̄и.
Д̄ѣвычки сѣли, пѣсни запѣли,
А Марья зыплàкыла.

М. Монастырщина.

Ѣдучи къ вѣнцу.

Ай, вóраню мой чóрнинькій,
Ни пирилитàй намъ дарóги!
Падтóпчимъ т̄ябѐ падъ нóги,
Падъ чирвоныя чабóты,
Падъ здарóвыя жывóты!
Чарвóныя чабóты—Матрýна,
Здаровыя жывóты—Иванька.

—

Па гарàмъ сóнца кóт̄итца,
Ивану къ вянцỳ хóчитца!
А ни такъ Ивану, якъ той
[Матрунцы...
Па гарàмъ сóнца кóт̄итца,
Матруни къ вянцỳ хóчитца!
А ни такъ Матруни, якъ тамỳ
[Иваньку...

—

Ай, выйду я ды на ġàнычки,
Якъ гляну я ды на крàсычки:
Т̄и ўси маѝ краски играють̄?
Играйт̄я, крàсычки, играйт̄я,
Ды харашò рысцвитàйт̄я!
Мнѣ васъ, крàсычки, ни рват̄и
И ў вянóчикъ ни ўиват̄и!
Я ад̄инъ была звилà—и то ни
[знасѝла,
Ни знасила, у т̄éрими пычапѝла
Ны шаўкóвинькымъ шнурóчку,
Ны зялѣзьнинькымъ крючóчку,—

А нихай систра нбсить,
Зы мянѐ Бога прбсить!

—

Ды ня голубъ гудѐть у вадѣ,
Ни галу́бачка у гнязьдѣ,—
Архипка пирявозъ гукаить:
„Пирявбзьчички вы маѐ,
Пиривязитя вы мянѐ,
Ды я вамъ пирявозъ зыплачу́:
За у́весь пыяздбкъ сто рублѐй,
Зы сябѐ мылайца чирванца,
А зы сваю княгиню палтину,
А за ру́су касу́ читьвиртакъ,
А бѣлая кичинька хоть и такъ.

—

А ны дварѣ дожжъ—вокны слизки,
Кланийся, Кытяри́нка, сваѐй
[радинки!
„Спасиба, татычка, ды за гы-
[даваньня,
Што я у́ тябѐ, татычка, гыда-
[валась,
У зялёнымъ садику крысавалась,
Красьниньких вишыникъ ны-
[щипалась!“

—

„Чаму́ ты, дяу́чонычка, ни
[плачишъ:
Ты сваю касицу утратишъ?“
— Хуть я касицу утрачу,
Дыкъ я бѣла лѐбидя спыймаю!

Бѣлинькій лѐбидь—Данилычка,
Бѣлинькыя либёдушка—Марь-
[ичка.

—

Кукувала зязюля, што лѣсъ голъ,
А плакыла Аксютычка, што
[жанихъ малъ:
„А йдѣ жъ мнѣ ягѐ падѣть?
Ти у́ люлички калыхать,
Ти у́ пялёнки спывивать?
Пачбпки плбхи—парву́тца,
А пялёнки тбнки—пыдяру́тца,—
Ёнъ, мой малинькій, забъѐтца!
Пайду́ я, мылада, пы ваду́,
И яго за ручку пывяду́,
Иду я, мылада, зъ вадбю,
Ёнъ, мой малинькій, за мною!“

После вѣнца.

Спасиба папу́ и папбвичу,
Што скбринька зьвиньча́у́,
Нямнбжка диржа́у́.
А мы падманили:
Три дѣнижки дали,
Аксютку зьвиньчали!

—

Мысяюха нашъ попъ, Мысяюха,
Што ни зьняу́ у свата кажуха!
Кабъ ищѐ трошку пыдиржа́у́,
Дыкъ бы кажуха изьня́у́.

—

Ай, знати, знати пы вясѐльлйку,
Што ня родная мати!
Кабъ рбдная мати—зы варбты бъ вышла,
Зы варбты бъ вышла, дитя у́стрѣла,
Пыдъ пашки у́зила и у́ хатычку у́вила,
За столъ пысадила бъ, виномъ участила.

—

Ду́рни, сваты, ду́рни,
Заѣхыли у́ гу́мны,
Асѐти чалбмъ били,
Дѣу́ку згубили.

—

Дружко на парогъ лѣзить,
У печь пыглидаить:
Ти гу́ста капуста,
Ти вялйкъ гарщбкъ кашы,
Ти паидають нашы?

— Гу́ста, гу́ста капуста,
Вялйкъ гарщокъ кашы,—
Надуютца жываты вашы!

—

Ни нашыя стараны дру́жки,
Падъ пбисымъ кружки,
Падъ пѐччу имъ сѣсьти,
Ды нявѣсьти лапти плѐсьти.

Дружку.

Ня рвися, дружкб, ня рвися!
Ни атку́пишъ ты мѣста—ни сядишъ,
Ни паложышъ на столъ чирванцбу́,
Ни пасбдишъ за столъ мылайцбу́.

—

Нямытька, дружкб, нямытька!
Пымыйтя ягб кисялёмъ,
Абатритя яго пымялбмъ!
Ай, кабъ мы знали, а йдѣ дружко сядить,
Мы бъ тамъ мѣсьтичка ды ня у́вѣкъ ня мыли,
Гваздьми панабили,
Кабъ дружку с.... прабили!

—

Ня треба намъ ета,
Вазьми сабѣ ѐта,
Купи сабѣ мыла,
Ды памый сабѣ рыла,
Кабъ жонка любила,
Кабъ дѣти пазнали,
Кабъ батькамъ назвали!

—

Бычки у́ смычки йграють,
А тёлычки у́ сьвисьтёлычки,
А сьвиньня задивилыся,
Са сьмѣху пыкатилыся,
А старыя карбвища,
Ударила у́ ладбнищи.

—

Аслянцы старцы,
Чаго вы спазьнились:
Ти су́мычки шыли,
Ти хлѣба прасили?
— Мы су́мыкъ ня шыли,

Хлѣба ни прасили:
Мы дббра зьбирались,
Кабъ люди ни сьміялись,
Сами пяшкбмъ ишли,
Жаниха у́ мяшку́ нясьли,
У мяшку́ ды на пбвирку,
На дуббвымъ кблику.
Нашъ дружкб быу́ дябёлъ,
Жаниха у́ мяшку́ дапёръ.

—

Ай, дѣдъ ны бабу крычить,
[крычить,—
Нашто пбзна мычки мычить,
Дѣдъ на бабу стау́ варчѣть,
(варчѣть,—
Нашто пбзна блины пячѐть!
— Ай, стой, дѣдька, ни сярдись,
Пастбй, блинбу́ ныясись!
А дѣдъ блинбу́ ня хбчить,
Кала бабы рагбчить.

—

Рад̄и́лыся—ни любила, т̄япе́ря ня буду,
Хачу̀ папыта́т̄ь, икава̀ я буду:
Рад̄и́лыся ни любила, а т̄япе́ря буду.
Рад̄и́лыся—ни любила, а т̄япе́ря буду,
Хачу папытат̄ь, икава̀ я буду:
Журилыся, бранилыся, а т̄япе́рь ня буду.
Рад̄и́лыся—ни любила, я т̄япера буду,
При́д̄ит̄ь мужыкъ исъ салда́тыў,—
Слухытца ўжэ́ буду.

На дѣвичникѣ.

А ў няд̄ѣльку рана—паранéньку,
Баслав̄ѝ, Божа, Прячи́стая Ма́т̄и,
Пѣсинку запѣ́т̄и, вясéльля зайгра́т̄и!
А ў няд̄ѣльку рана—паранéньку,
А ў нашыга свата запря́тына ля́да,
Запря́тына ляда, засѣ́ина жыта.
Рад̄ѝ, Божа, жыта ко́лысымъ кыласи́ста,
Колысымъ кыласиста, зирномъ идряниста!
А ў няд̄ѣльку рана—пыранéньку,
Наша Кыт̄яри́нка (невѣста) ма́ла
Кабъ сто́ючи жа́ла.
А ў няд̄ѣльку рана—пыранéньку,
А ў нашыга свата запря́тына ля́да,
Запря́тына ля́да, засѣ́ина грéчка.
Рад̄ѝ, Божа, гречку атъ стала̀ да припéчку!
А ў няд̄ѣльку рана—пыранéньку,
Нашъ Миха́лычка (женихъ) хвасьли́ў,
Сѣ́д̄ючи гречку каси́ў.

Когда женихъ прiѣзжаетъ за невѣстой.

Пыглясд̄и́т̄ика, люд̄и,—
Мяд̄ьвѣд̄ьнички йдут̄ь,
Мяд̄ьвѣ́д̄я вяду́т̄ь!
Сыбирайт̄ися, д̄ѣ́т̄и,
Мяд̄ьвѣд̄я глянд̄ѣт̄и:
Хут̄ь нату́кайт̄ись,
Налю́кайт̄ись ны яго̀.

С. Ослянка. Зап. П. Судиловскiй.

Сѣнненскаго уѣзда.

Паѣхуў су́жунька ў даро́гу,
Привяза́ў коника къ бяро́зки,
Атлама́ў атъ бяро́зки три розки,
Якъ т̄яў коника падъ но́жки:
„Ступай, мой ко́сю, шыро́ка,
Ящѐ май д̄ѣвунька далёка!
Ступай, мой косю, узинька,
Ужо̀ мая д̄ѣвунька близинька!
Ступа́й, мой ко́сю, ступо́ю,
Ужо май д̄ѣвунька са мною!

—

А ўзыйшо́ў мѣсичикъ надъ вадо́ю,
А узьвёў зо́рычикъ за сабо́ю.
Ай, ни знат̄ь мѣсица за зо́рками,
Тольки знат̄ь мѣсячикъ па кружку̀.
А узъѣ́хаў су́жунька зъ дружка́ми на дворъ.
Ай, ни знат̄ь сужуньку за дружка́ми,
Тольки знат̄ь су́жуньку па вяно́чку!

—

Ай, вы́йд̄и, д̄ѣвунька, пагляд̄и,
Т̄и высо́къ мѣсячикъ на нéби,
Т̄и пригожъ сужунька на канѣ?
— На нéби мѣсячикъ у кружочку,
На канѣ сужунька у вяно́чку.

С. Новая Бѣлица.
Зап. Е. И. Синякова.

—

Да д̄у́бу, зязю́ля, да д̄у́бу,
А т̄и ты салаў̄ю ня лю́ба?
— Тад̄ы̀ я салаў̄ю лю́ба была̀,
Якъ на бяро́зи гнязд̀о вила,—
Т̄япе́ръ я салаўю ня лю́ба!

Да шлюбу, Юличка, да шлю́бу,
А т̄и ты жъ мату́льцы ни люба?
— Тад̄ы̀ я мату́льцы лю́ба была̀,
Якъ у камо́ры вянк̀и вила̀,
Якъ паѣхала да шлю́бу,
Тады я стала мату́льцы ня лю́ба!
А шэ́рая зязю́ля дубъ клюе́т̄ь,
А наша Юличка шлюбъ бяре́т̄ь.
Шэ́рая зязю́ля зъ д̄у́бу дало́ў,
Наша Юличка исъ шлюбу дамо́ў.

Д. Дубовцы. Отъ кр. Ек. Симоновой
зап. мѣщ. К. Пашкевичъ.

—

Въ Замочской волости окатоличеннаго Сѣнненскаго уѣзда записана слѣдующая рѣчь „маршалка“.

„Зво́нка музы́ка, бясѣ́да вясёла, про́шу висяли́тца, ни смут̄и́тца, а на гэтый часъ про́шу пирастат̄ь,—ни на велькiй часъ, на малу гад̄и́ну, на адну минуту. Ни я шъ то упраша́ю, пара люд̄и гэтыхъ упрашают̄ь; ни сами шъ яны прась сябѐ—празъ слуги сваѐ, празъ именьня маё. Напяро́дъ Бога найвы́шшага, Марiи Матки Яго̀! Якъ анёлы да храму Божжага прилита́ют̄ь, такъ пару люд̄и гэтыхъ благаславенства упраша́ют̄ь; ни сами шъ яны прась сябѐ—празъ слуги сваѐ, празъ именьня маё: штобъ рачили паблагаслави́ли пару люд̄ей гэтыхъ на щасьливымъ мѣсьт̄и сѣсьт̄и!“

— Богъ баслави́т̄ь!

„Стаят̄ь яны̀ за т̄исовыми стала́ми, за тонкими абруса́ми, за винными чарами, за Божжыми дарами, упрашают̄ь т̄ихимъ пахо́дамъ, низкимъ укло́намъ, анельскимъ сло́вамъ благаславенства: штобъ рачили, паблагаслави́ли пары люд̄ямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьт̄и сѣсьт̄и!“

— Богъ баславит̄ь!

„Скольки у моры глыбако́сьт̄и, стольки да неба висакосьт̄и; якъ у моры рыбка ни бизъ луск̀и, такъ пара люд̄ей гэтыхъ ни бизъ радьн̀и. Ёсь у гэтымъ пиры вясёлымъ, у доми свянцо́нымъ, ат̄ецъ радзо́ный и матка рад̄и́т̄илка! Кали ёсь, про́шу аказатца и благаславит̄ь пару люд̄ей гэтыхъ на щасьливымъ мѣсьт̄и сѣсьт̄и!“

Если же отца и матери нѣтъ, то маршалокъ говоритъ: „Ёсь— нѣтъ,—сива́га каня̀ ни сидлать, на той свѣтъ за айцо́мъ и маткай ни пасылать, жоўтага пяску̀ ни раскапа́ть, грабаво́й до́шки ни паднять, айца-матки съ таго̀ свѣту ни зыскать! Ёсь жа у гэтымъ до́ми свянцо́нымъ, у пиры вясёлымъ дяду́си, бабу́си, каторыя съ сырыя зяме́льки узыма́ли, брудъ жъ тѣла ачища́ли, татусю-матуси на рэ́нцы здавали! Кали ёсь, про́шу аказа́тца и благаславить пары людямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславить!

„Ёсь жа у гэтымъ доми свянцо́нымъ и пиры вясёлымъ татусиматуси, каторыя падъ хростъ Божжый паднасили, у Бога щасьтя и доли праси́ли! Кали ёсь, про́шу аказатца и благаславить пары людямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславить!

„Ёсь жа у гэтымъ доми свянцо́нымъ, у пиры вясёлымъ тётки, дядьки, братцы, сястры́цы, братонцы, сястронцы, мло́ды младе́нцы, дитючкѝ-паничкѝ, дѣвачки-пане́начки, малинькія дѣтачки, сабра̀ны, сазва̀ны, про́шу благаслави́ть гэтымъ пары людя́мъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславить!

„Сусѣди, сусе́дачки, малинькія дѣтачки, и тэя бабы́лки, што ни ма̀ють ни коника ни кабылки; на плечкахъ дро́уцы но́сють, у Бога доли и ща̀сьтя просють. Штобъ рачили, паблагаслави́ли пары людя́мъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти се́сьти!“

— Богъ баславить!

—

Чериковскаго уѣзда.

Ахъ, ни матка была—мачиха:
Наўпро́тиў ночиньки вонъ го́нить,
И право́дьничка ни дае́ть,
И даро́жычки ни ўка́жыть!
Да́йтя правадца̀ хуть братца,
А за право́дьницу сястрицу!
А йдѣ мы бу̀димъ нычива́ть:

Ти ў по́ли шатёръ рыспина́ть,
Ти заборъ ирва̀ть пасьтель слать,
Ти зъ лу́ка тяпло̀ высика̀ть,
Ти стрѣлку лама́ть, раскладать?
А зъ лука тяпло̀ мало́я:
Чи́стыга по́ля ня 'свѣтить,
Вараны́хъ ко́ника̀ў ня зглѣдить.

—

„Ти я табѣ ни казала: ни бярѝ мяне́!
Ни раби́ла ў матульки, ня буду ў тябѐ!“
— А ни бу́дишъ рабить—буду̀ бить!
„А кали будишь бить, ня буду люби́ть!“
— Я шъ тябѐ ни прашу,—ни любѝ,
Тольки мнѣ работку прибярѝ!

—

„Ты, барава̀я зязюля,
Ти у тябѐ дѣтачикъ ни было̀?“
— Былѝ ў мянѐ дѣтачки, — тя-
[пе́рь нѣтъ:
Прилятѣли два арлы су по́ля,
Узя́ли май́хъ дѣтачикъ съ сабо́ю,
Паки́нули зязюлю удаво́ю!
„Мало́динькая дѣвачка Татянка,
Ти ў тябе тату́льки ни было̀?“
— Быў у мянѐ татулька, — тя-
[перь нѣтъ:
Сасла̀ў Богъ а̀ниляў су не́ба,
Ўзя́ли майго̀ тату́льку да се́бя,
Пакинули дѣвачку сирато́ю,
Чужэ́ю вѣчную сирато́ю.

—

Лятѣли журавы̀, лятѣли,
Ды ади́нъ журавокъ ды папе́риду,
Ды назадъ крыльлійкамъ маха̀итъ,
Ёнъ свай́хъ жураво́ў зьдиржа̀итъ:
„Пама̀лу, журавы̀, пама̀лу:
Ту́тыцька рѣчки бы́стрыя,
Ту́тыцька лясо́чки тёмныя:
Кабы перьичка ни ўрани́ть,
Кабы крыльлійка ни злами́ть!“
Ѣхала дружына, ѣхала,
Ади́нъ нашъ Сяргѣйка ды па-
[пѐриду,
Ёнъ назадъ ху́стую маха̀итъ,
Ёнъ сваю̀ дружы́ну зьдиржа̀итъ:
„Пама̀лу, дружы́на, пама̀лу;
Ту́тыцька вулычки тѣсныя,
Ту́тыцька дѣвачки ўтѣшныя,
Ту́тыцька ву̀лычки бо́йныя,
Ту́тыцька дѣвачки уббрныя!“

—

„Ай, чій то коникъ падъ бо́рамъ
На читыри нагѝ укованъ,
Восимъ кывалёў кува̀ла,
А двына̀нцать малайцо́ў диржала?
Сяргѣйкаў конь падъ бо́рамъ
На читыри нагѝ укбванъ,
Во́симъ кывалёў кува̀ла,
Двынанцать малайцо́ў диржа̀ла.

Укава̀ли коника-варанца̀,
Сяргѣйку ѣхать да винца̀.

—

А ти конь капыто́мъ зазвани́ў,
Сяргѣйка па сянёхъ пахади́ў,
Ды сваю мату́льку пубуди́ў:
„Устань, мая̀ мату́лька, ачхни́ся,
На̀ шъ табѣ вади́цы, умы́йся,
На̀ шъ табѣ рушничо́къ, уватри́ся,
На шъ табѣ я́блачка, пахмяли́ся,
Сабира̀й, мату́лька, дружы́ну,
Ды ўсё ро́дную ради́ну,
Ды двына̀нцать кане́й вирхавы́хъ,
Ды во́симъ кане́й вазкавы́хъ,
Ды два музы́ки игри́стыхъ,
Ды два марша̀лки мави́стыхъ,
Ды три сва̀тьтійки пяю́ньни:
Паѣдимъ, мату́лька, ў чужую
[сто́рану,—
Кабъ намъ ни было̀ со́раму!
Ѣхаў Сяргѣйка паўтары̀ мили,
Патами́ў ко́никаў падъ пярынами,
Пріѣхаў къ варо́тамъ, сту̀кнуў
[бо́тамъ:
„Аччиній мнѣ, мату̀лька, варо́тики!
Ужо шъ маѐ ко́ники пирябѣглиси,
Ужо шъ я самъ малады́й пиря-
[ду̀маўся,
Ужо шъ мая̀ дѣвачка пириплака-
[лася,
Ужо шъ маѐ марша̀лки пиримо́-
[вилиси,
Ужо шъ маѐ музы́ки пирийгра̀-
[лиси,
Ужо шъ маѐ сватьтійки пирянѣ-
[лиси.

—

Ой, по́ля, по́ля, по́лячка,
Ти ма̀ишъ, Сяргѣйка, ко́ничка?
— Я й ма̀ю каня̀, якъ арлэ̀,
Ня сты́дна ѣхать да караля̀,
Ня сорамъ узять каралёўну,
Вяли́кага го́нару царе́ўну!

—

Хадила лисанька па бо́ру,
Гукала къ сабѣ сабо́лю:
„А такій ты, сякій, сабо́лю,
А вывидь мянѣ су бо́ру!
Ужо мнѣ ў баро́чку даѣла:
Пясо́чикъ ла̀паньки пиряѣў,
Расица во́чиньки выила!“
Хадила Аўдўлька па двору,
Гукала къ сабѣ Сяргѣйку:
„А такій ты, сякій Сяргѣйка,
А вывидь мянѣ атъ тату́льки!
Ужо мнѣ ў тату́льки даѣла,
Па новыхъ ґа̀начкахъ хо́дючи,
Залатэ́я ключики но́сючи.

—

Чаго̀ ты, Сяргѣйка, спазьниўся,
Ти на сваю̀ дѣвачку забыўся?
Ина тябѣ маладо́га даўно̀ жджэть,
Па тябѣ маладо́га паслы шлеть,
Написала бъ листы—ня ўмѣить,
Пасла̀ла бъ паслы—ня смѣить,
Пашла̀ бъ я сама—баюся,
Сь чистага по́ля вярнуся.
А ў чистымъ поли бярёза,
Падъ тэй бярёзай даро́га,
На той даро́зи старо́жа,
Старо́жа, старожа, Сяргѣйка
Тая мянѣ старо́жа наймаить,
Ды па ру́си касѣ спазнаить!
Была гэта ко́сынька надъ вин-
[цо́мъ,
А чёсана ина̀ грибянцо́мъ *).
Кинули грибяне́цъ падъ винецъ,—
Тутъ табѣ, грибянецъ, зиму зима-
[вати,
А намъ маладымъ вѣкъ викавати!

—

Ай, вумная, разу́мная Хадо́рка!
Уставала у святый ґянёкъ ра́ниныка,
А малилася Госпаду Богу щириныка:
„А дай Божа—хараш̀о было̀, идѣ жыла̀,
А дай Божа палѣпшыла, куды зайшла̀!
А дай Божа, кабъ мой тату́лька пунуваў,
А дай Божа, мой Зьмитрулька купчуваў!
Кабъ у мянѣ дарагій таваръ купляли,
А мянѣ купчихай называли!

—

Ахъ, и чіѐ то ко́ники
Рана су вады вядёны,
А ўсё сивэ́я, палавэ́я,
А да шлюбу ѣхать варанэ́я?
— Су́жынькавы кони
Рана су вады вядёны,
А ўсё сивэ́я, палавэ́я,
А да шлюбу ѣхать варанэ́я!
Ахъ, и чіѐ то су́каньки
Рана съ камо́ры нясёны?
— А дѣвачкины су́каньки
Рана съ камо́ры нясёны,
Да шлюбу ѣхать шаўко́вы.

—

Нипраўдива калина:
Казала, сёлита цвить ня бу́ду,
Бѣлага цвѣту ни пущу̀,
Чирво́ны ягады ни ўраджу̀,—
Якъ пришла висна—зацвила̀,
Бѣлый цвято́къ пусьтила,

*) Въ Сѣнн. у. варіантъ: Чесана, трипа́на грибянцомъ. Звалиуся грибяне́цъ падъ винецъ. „А падай, Рыго́рка, грибяне́цъ!“—Я жъ табѣ, дѣвунька, ни маладецъ: Ёсь у тябе падружки-паслужки, пададуть грабе́ньчикъ у ручки!

Чирво́ну ягаду ўрадила!
А нипраўдива Марилька:
Казала, сёлита замужъ ни пайду̀,
Я свайго̀ Григорки ни люблю,
Я ў яго̀ слядо́къ ни ступлю,—
Якъ пришла пара̀, дыкъ пашла̀,
Ина̀ свайго̀ Григорку зьлюбила;
У яго̀ слядо́къ ступила.
Ти ня сыръ у ма̀сьли тапила:
Чимъ ина̀ яго̀ пріўчила?
Сма̀жыла либяду̀ у мяду̀,
Пріўчила Григорку на бяду̀.

Предъ вѣнцомъ.

Вишынька Настулька, вишынька,
Кланилася тату́льку низинька,
Косками зиме́льку пакрыла,
Слёзками но́жки умыла,
Шаўко́вай ху̀стай патёрла,—
Тымъ ина мо́лада пако́рна.

—

Затужылася Ната̀лачка,
Што рана во́синь настала,
Сняшко́мъ ру́тунька запала,
Не́ сь чага маладэ́й винка зьвить!
Зачуў ба гэта Василька:
„Ни тужы, ни бяду́й, Ната̀лка,—
Я учо́ра на таргу̀ пабуваў,
Табѣ вяно́чикъ старгува̀ў:
Хуть ня новый—пярло́вый,
Хуть ни дарагій—залатый,
Вѣтры павѣють—лялѣить,
До́жджыки про́йдуть—идрянѣить.

—

Съ-падъ висо́кага тирима̀
Расла̀ травушка зилина̀.
А на тэй травѣ конь вараный,
А на тымъ кани̇̀ князь маладый.
А князю, князю Иванька,
Расицай ко́ника умувайть,
У ко́ника пра̀ўдыньки пытаить:
„Ой, ко́сю, ко́сю, плясьнивый,—
Ти будишь пада мной щасьливый?
А ти ма̀ишъ, косю, у но́шкахъ
мо́цъ:
Паѣду я на табѣ на ўсю ночь,
Падъ висо́кія тирамы,
Падъ далёкія гарады?“

Послѣ вѣнца.

Ишла̀ Хадо́рка съ-падъ винца̀,
Сѣила расаду зъ рукаўца̀:
Удайся, капуста, кача̀ньнямъ,
Удайся, доличка, зь виньча̀ньня!
Уда̀сца капуста, якъ дожжъ дась,
Уда̀сца доличка, якъ Богъ дась!
Удала̀ся, капуста, удала̀ся,
Па по́исъ кача̀ньнямъ зьвила̀ся,
Удалась капуста кача̀ньнямъ,
Удала̀ся доля зь виньча̀ньня!

—

„А запали, батька, сьвѣчку,
Выйди на сустрѣчку,
Сустрѣнь па̀ра людей,
Сваихъ ро́дныхъ дятей:
Адно̀ ражо́ная, а друго́я сужо́-
[ная!“
Запалиў батька сьвѣчку,
Вышаў на сустрѣчку,
Сустрѣў пара людей,
Сваихъ ро́дныхъ дятей:
Адно́ ражо́ная, друго́я сужо́ная:
Ражо́ная у нага̀хъ па̀ла,
Сужо́ная ли яго̀ ста̀ла.

—

А зьвиньча̀ли маладыхъ, зьвинь-
[ча̀ли,
Шаўко́вымъ шнуро́чкамъ зьви-
[за̀ли!
А ни ручками развизать,
А ни но́жыкамъ разризать:
Такъ имъ маладымъ вѣкъ ви-
[кавать!

—

А у по́ли садо́къ ни мятёнъ,
Ру́тую мя̀гую утрясёнъ.

Нихто ў тымъ сади ни бываў,
Тольки маладый Иванька
[ў скрипку йграў.
Тамъ яго Сахвейка гуляла,
Ина яму хустуньку дарувала,
Накрухмалила крухмаломъ,
Кабъ стаяла калясомъ
Надъ Иванькавымъ паясомъ!

Во время подарковъ.

Казали у мори вады многа.
Якъ пашли па вадицу—
Идѣ шъ тая вадица надивалася,
На крутыхъ биригахъ разлива-
[лася!

Казали, у Ганначки радины многа.
Якъ стали Ганначку аддариватъ—
Идѣ шъ тая радина надивалася,
Па тёмныхъ куточкахъ нуху-
[валася.

—

Мущинки-мужовики,
Кладитя рублёвики!
Жоначки лябёдачки,
Кладитя намётачки!
Мальчики-малойчики,
Кладитя чирвоньчики!
Дѣвачки—паненачки,
Кладитя капѣички.

—

Зязюля атъ салаўя щибитаньня жджетъ,
Аксинка атъ татульки даравапьня жджетъ.
„Даруй минѣ, татулька, чимъ Богъ памогъ:
Ти хлѣбамъ, ти сольлю, ти добрымъ словамъ!“
— Дарую тябе, дачушка, и хлѣбамъ и сольлю,
Сирябромъ и ўсимъ дабромъ!

Предъ отъѣздомъ молодой къ жениху.

Прасила Праскоўка братулькаў:
„Ня ѣдьтя, братульки, ў паўначй,
А приѣдьтя, братульки, чуть
[зблакъ,
Привязитя тапарбў хуть сбракъ,
Высичтя, вывальтя щирый борь,
Кабъ я увидила таткаў дворъ!“
— Нипраўда твая, Праскоўка:
Хуть мы высичимъ щирый боръ,
Ни увидишъ ты таткаў дворъ!

—

Якъ зажурыўся Якаўка,
За сьтёвымъ сталомъ сѣдючи,
Што яго коники ни пьютъ, ни
[ядутъ,
Тольки стоючи усё рзутъ.
Зачула тоя Матрунка:
„А ни тужы, ни бядуй, Якаўка:
Ё у мянѣ братульки меньшы мянѣ,
Яны тваихъ коникаў напасутъ,

На раннэй расѣ у ваўсѣ,
На познэй расицы у пшаницы,
А на синимъ мори напоютъ:
На мори вадица ключомъ бъетъ,
Тваимъ коникамъ ахвота будитъ
[питъ!

—

Разгарѣлася калинка,
На зилёнымъ лугу стоючи,
Дробная искорья роніючи.
Тушыли вѣтрики, ни ўтушыли,
Дробная искарья па полю раз-
[насили,—
Ти ўтушытъ, ня ўтушытъ дро-
[бинъ дожжъ.
Расплакалася Аринка,
У татульки за сталомъ сѣдючи.
Унимала яе матулька, ни ўнила,
Тольки боли жаласьти паддала,—
Ти ўнимитъ, ня ўнимитъ Гав-
[рилька.

—

Сядѣла павунька на купинцы,
Распусьтя крыльлийка па пожынцы.
Прилятѣў пувучокъ, сѣў ли яе:
„Падымай, павунька, быйстра крылийка,
Сабирай сваё дробна перыйка,
Палятимъ съ табой на синя моря,
Тамъ жа пташычки зьлиталиси,
Насъ съ таббю, павунька, дажыдалиси!“
Сядѣла Домначка за столикамъ,
Распусьтя русу косыньку на плечинькахъ,
Дробную слёзаньку па лицу.
Приѣхаў Димиянька, сѣў ли яе:
„Заплитай, Домначка, русу косаньку,
Утирай, Домначка, дробну слёзаньку,
Паѣдимъ съ табой къ маиму татульку:
А тамъ жа госьтики зьвижжалиси,
Насъ съ табою, Домначка, дажыдалиси!“

—

Ишла Аўдулька су поля,
Нисла красачки ў приполи.
Принёшшы красачки, вѣньчикъ
[вила,
А зьвиўшы вянокъ, накатила
Ўсё на тисовинькаму столику.
„А падай, матулька, вяночикъ!“
— Ни падамъ, Аўдулька, ни па-
[дамъ:
За баярами ни прайду,
За музыками ня чую,
А за слёзками ня виджу!

Упала зязюля, упала,
А у тоя дядоўя колкая,
У тую травицу густую,
А па ей пташычки щибечутъ.
А ўпала Марьичка, упала,
А ў тыхъ дивярбў у гордыхъ,
У тыхъ залбвакъ—либёдакъ!
— Диварй-лебиди—сасѣди,
А залбўки-либёдки—госьти маё!

Запис. К. Т. Аникіевичъ.

—

В. Виленская губернія.

Свадебныя пѣсни Дисненскаго уѣзда.

Предъ вѣнцомъ.

Ай, боръ-пирабóръ мѣсичакъ,
Ай, браў-пирабраў звѣздачакъ,
Выбраў сабѣ заранучку.
Ай, боръ-пирабóръ Микблка.

Ай, браў-пирабраў дѣвачакъ,
Да выбраў сабѣ Лизучку,
Да выбраў сабѣ моладу.

—

А ў мѣсицу два ражочки раўнѣнькихъ,
А ў Матвѣйки два братитки радьнѣнькихъ.
Адинъ братитка яму коника сидлаитъ,
А другій братитка яго самагб наўчаитъ:
„Якъ паѣдишъ, мой братитка, жанитца,

Будить табѣ два караго́ды дѣвачакъ:
Адинъ карагодъ у зо́лата,
Другій карагодъ у ро́зумѣ.
Ды ни бярѝ шъ ты, мой бра́титка, ў зо́латя,
Ды бярѝ шъ ты, мой бра́титка, ў ро́зумѣ:
Мы на яѐ зо́лата сами нало́жамъ,
А ро́зуму мы ў галбу́ку ня ўло́жамъ!“

—

Свѣтъ свитаи́ть, зара̀ займа́ить,
Ой, рана-рана, зара займа́ить!
(послѣ каждой строки).
Малады́й Антонька каня̀ сидла́ить,
Каня̀ сидла́ить, си́льнинька пла́чыть.
Прышо́ў тату́лька (и: матулька), у ягѐ патаи́ть:
„Чаго, дитя́тка, такъ сильна пла́чашъ?“
— Якъ мнѣ ни плакать, якъ ни тужы́ти:
Бяру̀ крулёўну па сабѣ нярбу́ну,
Бяру̀ паненку къ сабѣ ни раўне́ньку:
Су́кними ша́сьнить—дыкъ я зьлякну́ся,
Ключа́ми бра́зьнить—дыкъ я баю́ся,
А сло́ўца ска́жыть—съ каня̀ звалю́ся!
„Ни плачъ, Антонька, ни плачъ, дитя́тка:
У насъ пабу́дить—гэ́тага ня бу́дить:
У яѐ суке́нки пажычо́ныя,
У яѐ ключыки слисаро́выя,
Яе́ славе́чки ни ўлякнёныя!“
Ой, рана-рана, ни ўлякнёныя!

—

Лятуть пта́шычки на тры ста́дычки,
Зязюлька наўпе́рыдя. 2
Пташычки сѣли, защибита́ли,
Зязюлька закукава́ла. 2
Ишли дѣвачки тирасъ сѣначки,
Праксе́тка наўпе́рыдя.
Дѣвачки сѣли, пѣсьню запѣли,
А Праксе́тка заплакала:
„Божа шъ мой, Божа! што шъ мая̀ за доля:
Изъ кимъ я хадила, зъ кимъ гавары́ла,
Таго шъ я угнявила,
А зъ кимъ ни зналася, ни чыпалася,
Таму шъ я заста́лася!
Шу́бачка дабра́ сь чорнага бабра̀,
Я шъ яѐ ни знасила.
Я шъ у е́й хадила, я красава́ла,
Паку́ль ни павиньча́лася!

После вѣнца.

Маруська-а наша
Спаймала сабѣ п-а-та́ша,
Пта́шачку баравога,
Мико́лку маладо́га.
Пта́шачка лита́ть бу́дить,
Мико́лка целава́ть бу́дить.

—

Хвалиўся Миколка сваей жано́ю,
Што мая̀ жо́начка рукадѣльница,
Да тка́ла кро́сянцы съ трымà ўзо́брами:
А пе́ршый узо́бракъ—я́синъ мѣсичакъ,
А другій узо́бракъ—дробны звѣздачки,
А трэ́тій узо́бракъ—ясна зо́рачка.
Ясная зо́рачка—мая́ жо́начка,
Дробныя звѣздачки—маѐ дѣтачки,
А ясный мѣсичакъ—я й самъ малады́й.

—

Хвали́лася кали́начка за ракой:
Нихто мянѐ ня вы́сичыть за вадо́й!
Абабра̀ўся на яѐ шо́ръ салавей:
„Хуть я тябѐ ня вы́ламлю, дакъ сагну̀,
Ды я тваѐ я́гадачки аклюю!“
Хвали́лася На́дичка за стало́мъ:
„Нихто мянѐ ня вы́видить зъ-за стала̀!“
Абабра̀ўся Іва́ничка на нѐ:
„Ды я тябѐ зъ-за сто́лика вы́виду,
Ды я тябѐ атъ дѣвачакъ атлучу̀,
Ды я тябѐ да ба́бачакъ прылучу̀!“

Когда расплетаютъ косу.

Ни стай, калинка, мижы крушы́ны:
На тябѐ, крушы́начка, тры прыгоды бу́дить:
Бу́дить адна̀ прыго́да на твой листо́чакъ,
А другая прыгода на твой цвято́чакъ,
А трэ́тія прыго́да на тябѐ самую:
Твой листо́чакъ вѣтрыкъ абабъе́ть,
А твой цвя́точакъ маро́зъ змаро́зить,
А тябѐ саму́ю сьсяку́ть—зрубаю́ть!
Ни сяди́, Ары́нка, ми́жы бая́ракъ:
На тябѐ, Ары́нка, тры прыго́ды бу́дить:
Адна̀ прыго́да на тваю касійцу,
Другая прыго́да на твой вяно́чакъ,
Трэтія прыго́да на тябѐ саму́ю:
Тваю касійцу наткосьнички разплятуть,
Твой вяно́чакъ баярки саймуть,
А тябѐ саму́ю Иванька во́зьмить!

На посадѣ.

Съ субо́тки на нядѣльку
Гану́лька сонъ ви́дила,
Нико́му ни сказала,
Зъ мату́лькай размаўля́ла:
„Мату́лька мая ро́дная!
Разгадай мой сонъ ди́ўный:
Сакалки пралятѣли,
Жоўтый шо́ўкъ пати́гали,
Зла́та наклювали!“ [1])
— Дитя́тка, ня со́нъ жа твой,
Дитя́тка,—праўда т-а-вая,
Сакалы - сваты т-а-вае,
Жо́ўтый шо́ўкъ—ко́ска т-а-вая,
Зло́та—слёски т-а-вае.

—

Ай, знать-пазнати па бясѣданца —
У Гану́льки тат-а-ки нѣту:
Сталы засланы, го́сьти сабраны, —
Парадачку й нѣту!
Наймй, Ганулька, хоть салаве́йку —
Ёнъ ранная п-а-ташка,
Ско́ра литаить, жалка у́сьпиваить,
Тату́льку прабуджаить:
„Устань, тату́лька, къ свайму́ дитяти
Парадачакъ дати!“
— Радъ ба вастати къ свайму́ дитяти
Парадачакъ дати —
Зялёнъ дярно́чакъ залёгъ насо́чакъ —
Ни дыхну́,
Дубовы гво́зьдя зьбили гало́ўку —
Ни крану,
Сасно́вы до́шки сьтиснули но́шки —
Ни у́стану!

—

Съ суботки на нядѣльку
Што на не́бя зьвинѣла,
Што на не́бя стучэ́ла?
Да сиротки матулька
Про́ситца у Пана Бога:
„Бо́жухна Збавитѣлю,
Пусьти мяне зь неба далоў
Па идвабнымъ шнурочку,
Па зялѣзнымъ пруточку,
Палядѣти дитяти,
Якъ ина прыбяро́на,
Якъ ина пасаджо́на?
— Прыбяро́на паня́тачкай,
Пасаджо́на сиро́тачкай,
Сядить ина смутьнюсинька,
Плачыть ина сильнюсинька:
Хустачка бялюсинька
Атъ слёзакъ макру́синька!..

—

Пастаньтя, сусѣдцы, усѣ ў радъ,
Ой, рана-ра́нинька, усѣ ў радъ!
Тутъ по́йдить Марыська на пасадъ,
Нйзинька галоўку кло́нючы,
У Бога до́лючкы про́сючы!
А первый пакло́нчакъ мату́льца,
А другій пакло́нчакъ тату́льку,
А трэ́тій пакло́нчакъ братитку,
Чатьвёртый паклончакъ сястрыца!
Пако́рна, Марыська, пако́рна,
Рана-ране́нька, пакло́нься!
Старо́га, мало́га ни минай,
Ка́жнаму нйзянькій пакло́нъ дай,
У Бога до́лички дабывай,
На сваю ро́дину ни забывай,
Рана-ра́нинька, ни забывай!

—

Ня сто́й, Божа, падъ акно́мъ, падъ акно́мъ,
Ды йди, Божа, у ха́тку, у ха́тку,
Ды й стань, Божа, на кутѣ, на кутѣ,
Ды й дай долю сиратѣ, сиратѣ:
А ў сиротки мамки нѣть, мамки нѣть,
Ды нѐ не́каму багаславить, багаславить,
На пасадъ пасадить, на пасадъ пасадить,
Да шлюбу выправить.

—

Якъ запива́ли да заруча́ли,
Казали—карбу́ мно́га,
Якъ прышлося, умѣста сышло́ся—
Дыкъ адна тялу́шачка.
Якъ пашлй дайть—адинъ быкъ стайть,
Кабъ яго ваўки зьѣли!

—

Бо́жа ра́да пиралёныла
Тиразъ гэтый дамо́чакъ свяицо́нинькій,
Тиразъ гэту бясѣду вясёлую.
Ра́давайся сэ́рданька мату́льчына,
Пасадйўшы дитятка на пасадѣ!
— Тады жъ маё сэрданька радавалася,
Якъ пры мнѣ дитятка гадавалася!
Тяпе́ръ маё сэ́рданька заташнйлася,
Якъ атъ мине дитятка атлучылася!

—

Ой, знать па бясѣдѣ, знать па вясёлый,
Што у сиро́тки ма́мки нѣту:
Сталы засланы, го́сьти сабра́ны,
А парадачку нѣту.
Ахъ ты, сиротка, наймй салаве́йку,
Салаве́йка—лихка́я пташка:
Ёнъ шыбка литаить, жалка спива́ить,
Къ зямлй го́ласъ падае́ть:
„Устань, мату́лька, къ свайму́ дитяти
Пара́дачакъ дати!“
— Рада была бъ встати къ свайму́ дитяти
Парадачакъ дати, ды ни магу́ у́стати!

—

[1]) Вар. Золатамъ пасыпали.

У чыстымъ полѣ ялиначка стаяла,
А па магилца сиротачка хадила,
Яна сваю родну матульку будила:
„Устань, устань, мая матулька, ни ляжы,
Хуть жа шъ ты мнѣ гэту ночычку наслужы!“
— Рада бъ устати къ сваиму дитяти—ни могу:
Сасновы дошки сьтиснули ножки—ни крану;
Дубовы гвозьдя зьбили галоўку—ни ўзьниму;
Жоўтый пясочыкъ засыпаў вочки—ни ўз'ляну;
Зялёный дярночакъ затиснуў грудцы—ни дыхну!
Ты шъ па'ляди, якъ ясинъ мѣсицъ высока,
А я шъ ляжу закапана глыбока:
Ня сьвѣтить мнѣ ни ясинъ мѣсицъ, ни сонца,
Ни прамоўлю, маё дитятка, ни слоўца!..

У молодой за столомъ.

А хто у насъ багатъ быў, багатъ быў?
— Нашъ Миколка багатъ быў, багатъ быў,
Па тры разы ў Рыгу хадиў, ў Рыгу хадиў,
Па тры возы грошы вазиў, грошы вазиў!
У адныимъ вазѣ золата, золата,
А ў другимъ вазѣ сирабро, сирабро,
А ў трэтимъ вазѣ мидяки, мидяки.
Золата дли сябе, дли сябе,
А сирабро дли жаны, дли жаны,
А мидяки дли гасьтей, дли гасьтей,

Величаемые даютъ подарки пѣвицамъ.

—

А хто шъ у насъ палитыка, палитыка?
Нашъ Юзютка палитыка, палитыка:
Усѣ ядуть пальчычками, пальчычками,
А Юзютка видэльцами, видэльцами,
У Юзютки шапка баброва, баброва,
У Юзютки поисъ шаўковый, шаўковый,
У Юзютки рукавички замшовы, замшовы,
На назѣ ботикъ казловый, казловый,
Памалюсиньку ступаить, ступаить,
На назѣ ботикъ скрыпаить, скрыпаить.

—

Бѣла сватьтя, бѣла,
Якъ на моры пѣна,—
Идѣ шъ ты бялилася?
— На моры пѣну брала,
У каморы вымавалася,
Сватицай прыбиралася,

Антонька! ты хвалиўся жаною,
Што твая жана зьдѣлуха:
Шоўкамъ кросны снувала,
А золатамъ наткала,
Табѣ кашульку пашыла,
У чужы люди пусьтила!

—

Ти харашо у чужыхъ людяхъ
[сядѣти,
На пярэдинку [1]) глядѣти?
На пярэдинца кляйнота,
Кала каўнира ўсё злота!

Прищлые, по сердцу:

Юзютка (женихъ) на конику,
Якъ жаба ў палонику.
Фроначка (невѣста) на пасадѣ,
Якъ жаба ў расадѣ.

—

Нашъ Миколка маладенькій, маладенькій,
Ў яго вусокъ залатенькій, залатенькій.
Мы думали—пабилянный, пабилянный.—
Ў яго вусокъ пазлацаный, пазлацаный!

У молодой за послѣднимъ столомъ.

Сядить галубя на пирарубѣ, бобъ клюеть,
Каля яго галубачка яго—пшаницу.
„Якъ клюй, дакъ клюй, мая галубка, дли мяне,—
Прылигаить маё перъійка да тябе!“
— Лѣпи табѣ, мой галубя, нячымъ мнѣ:
А ты шъ будишъ у сваимъ гнязьдечку, а я нѣ!
Сядить Антонька за сталомъ, мядокъ пьеть,
А дли яго Анэтка—сытицу.
„Якъ пи, дакъ пи, мая Анэтка, да мяне,—
Прылигаить маё сэрдынька да тябе!“
— Лѣпи табѣ, мой Антонька, нячымъ мнѣ:
А ты шъ будишъ у сваёй хатаньца, а я нѣ!
Тябе пабудють, мяне абсудють, ахтя мнѣ!

—

Баярачки, спадманачки вы мае,
Да спадманули маладенькую вы мяне:
Казали—пойдимъ у зялёнъ садъ гуляти,—
Мнѣ шъ маладенькай калысачку люляти!
Баярачки, спадманачки вы мае,
Спадманули маладенькую вы мяне:
Казали—пойдимъ у зялёнъ садъ вянки витъ,—
Я шъ маладенька за калысачкай слёски лить!
Баярачки, спадманачки вы мае,
Да спадманули маладенькую вы мяне:
Казали—пойдимъ на ўдалыхъ малойцаў глядѣти,—
Я шъ маладенька съ старымъ у дома сядѣти!

Предъ отъѣздомъ молодой въ домъ мужа.

Братитка—зарутачка (зорька),
Бяры жану за ручачку,
Братитка-соколику,
Бяры жану зъ-за столику,
Паѣдимъ дамовачки:

Намъ дома лѣпи будить:
Коникамъ аброкъ-а будить,
Сваточкамъ мядокъ-а будить,
Коники стаять будуть,
Сваточки гулять будуть.

Сестра молодого.

[1]) Расшитая грудь въ рубахѣ.

Ды бывай, мая матулька, здарова,—
Выпала съ Украйны дарога!
Ды ти будишъ, мая матулька, бидавать,
Якъ я буду на Ўкрайня гаравать?
Ды й ти будишъ, мая матулька, тужыти,
Якъ я буду на Ўкрайня служыти?
Дѣвачки пойдуть, сяструцы пойдуть жыта жать,
Я шъ буду маладенькая дитя калыхать!
Дѣвачки пайдуть, сяструцы пайдуть гуляти,
А я маладюсинька дитя люляти!
Дѣвачки пойдуть, сястрыцы пойдуть
Въ зялёный садъ вянки вить,
Я шъ маладенька за калысачкай слёски лить!

—

Прыѣхаўшы дамоў,
Я шубачку далоў,
У скрыню палажыла,
Ой, ляжы, ляжы,
Хуть тябе апражы —
Мнѣ тябе ни насити,
На вулица ни хадити,
Мальчыкаў ни звадити.

—

„Ды жаль жа мнѣ, матулька, на тябе,
Што ни знасила танкой кашули у тябе!“
— Ды знасила, мае дитятка, знасила —
Са сваёй злосьти мае дабросьти забыла,
Што ты ў мяне тонки кашульки насила!

—

Тацянка зъ двору зьнижжала-а,
Вяршокъ бярозки сарвала-а:
Расьти, мая бярозка, бизъ вирха,
Жыви, мая матюлька, бизъ мяне,—
Ти лѣпи будить, чымъ пры мнѣ:
Пры мнѣ была вулачка мётина,
Пры мнѣ была сямейка весила!

По пути къ жениху.

Ѣхали сваты каля стадолы—стадолу запалили.
Наша сватица хоть нивялічка, ды разумнинька:
Надила нопику, ... трошку, ўсю стадолу загасила.

При пріѣздѣ къ жениху.

Аччыни, матулька, новый дворъ, —
Вязёмъ нявѣсту, якъ яворъ!
Аччыни, матулька, аконца,
Вязёмъ табѣ нявѣстку, якъ слонца!
Атвярни, матулька, карытца,
Прывязьли табѣ нявѣстку сварытца!

—

Каля сватьнига двара —
Тамъ высокая гара —
Ни ўзыйсьти, ни ўзьѣхати,
Ни канёмъ ня ўзьѣхати,
Сакаломъ ня ўзвлетить.
Хуть дать—пиридать
Канапчоў наймать,
Канапчоў панаймать
Гару разкапать,
Гару разкапать,
Анютку сваю ўзять.

—

У жениха дружинѣ невѣсты, въ случаѣ ссоры.

Сидитё, глидитё,
Скулля видитя:
Съ-падъ стаўпа сь чирапа
Котъ кишку тягнить.
Котъ вурчыть, хвостъ тарчыть,
Кишка тягнитца,

У жениха, въ ожиданіи приданокъ.

Ды выйдимъ мы, ды паслухаимъ,
Ти ня ѣдуть, ти ня гойкають,
На коникаў ти ня нокають?
— А ужэ ѣдуть, да ўжэ гойкають,
На коникаў да ўжэ й нокають.
А равуть кони, равуть,
Богатырачку вязуть.
А ни такъ ба яны раўли,
Кабъ худобачку вязьли,
Съ скрынями, съ пярынами,
Добрай гаспадынію!

При отправленіи приданокъ.

Аддали мяне, забыли мяне,
Думали—ни жаль будить,
Аддали скрыню маливаную
И дитятку каханаю!
Кали жывы будимъ,
Скрыню набудимъ,
А дитяти вѣкъ ни забудимъ.

При пріѣздѣ приданокъ къ жениху.

Ды намерзли прыданачки на дворы,—
Выйди, выйди, наша сястрыца, съ каморы,
Ды прыйми прыданачакъ на дворы.
Кали любыя—у хаточку папрасй,
А ня любыя—да матульки аташли!
(Или: дакъ дарожку укажы!)

—

Пакраса наша дѣванька,
Пакраса наша маладенькая,
Пакрасила два дварочки:
Адинъ дварочакъ, гдѣ расла,
А другій дварочакъ, гдѣ зайшла,
Адинъ дварочакъ татулькаў,
А другій дварочакъ свёкаркаў!

—

Ды ўпала шэра зязюля ў дидеўя.
Стали па ёй усѣ пташачки щабитать.
— Ни щибячытя, мае пташачки, вы па мнѣ,—
Нихай жа я хуть лѣтичка пажыву,
Якъ каля мяне дидеўничакъ пасохнить,
Тады я зъ вами, мае пташачки, палячу!
Ды ўпала малада дѣвунька ў дивяръё.

Стала шъ па ёй уся рóдина бидавáть:
„Скажы, скажы, наша сястрыца, праўду намъ“!
— Ни бядўйтя, мая рóдина, вы па мнѣ:
Нихай жа я хуть гадóчакъ пажыву,
Якъ я свайхъ дивярóчкаў пажаню,
Тады я къ вамъ у гóсьтийки прыѣду,
Тады я вамъ усю праўдачку раскажу.

Сестра молодого къ приданкамъ.

„А сватица галўбица,
Загадáю табѣ загáдачку,
Ти ўмѣишъ адгадáти:
Што бяжыть бизъ пóвада,
Што расьтéть бизъ кóрыня,
Што гарыть бизъ пóламя,
Што расьтéть вышы лѣсу,
А што чóрна ня чóрнючы,
А што бѣла ня бѣлючы?“

— Сватица галўбица:
Ти я ў людѣхъ ни бывáла,
Ти я загадакъ ни чувала:
Вадá бяжыть бизъ пóвада,
Каминь расьтéть бизъ кóрыня,
Зарá гарыть бизъ пóламя,
А хмель растéть вышы лѣсу,
Чóрынъ вóранъ ня чóрнючы,
Лебидь бѣлый ня бѣлючы!

Сваты жениха опоздавшимъ приданкамъ.

Чыé гэта прыдáныя блудили,
Ў чыстымъ пóли дарóжачку згубили,
Патáлися у мáлинькага Василька:
Ти далёка дарожачка да силка?
А Василька имъ праўдачки ни сказáў,
Да ёнъ жа имъ дарóжачки ни ўказáў.

При отъѣздѣ приданыхъ отъ молодыхъ.

Ды братъ сястрыцу дамóў завéть, дамóў завéть,
Ды братъ сястрó рубля даéть, рубля даéть!
„Паѣдимъ, сястрыца, разамъ дамóў, разамъ дамóў!“
— Ды ѣдь, брáтитка, адйнъ дамóў, адйнъ дамóў,
А мнѣ, маладѣ, и тутъ дабрó, и тутъ дабрó:
Хатку мила—талиръ (и—рубéль) нашла, талиръ нашла,
Сѣнцы мила—и другій нашла, и другій нашла!

—

На двóры сóнца низюсинька, 2
Да ужэ шъ мы разьѣдимся!
Да й стань, Маруська, паканцá
[стóлу, 2
Хуть жа мы наглѣдимся!
А тутъ вўлачки нивядóмыя, 2
Блудить жа ты бўдишъ,
А тутъ сусѣдцы низнаёмыя—2
Судить тябé бўдуть!
— А я вўлачки ўсѣ развѣдаю—2
Блудити ня бўду,
Съ сусѣдцами распазнáюся—2
Судити ня бўдуть.

При отъѣздѣ, сестра молодой сестрѣ молодого.

„Прашу тябé, мая сватица, съ наваги:
Капъ ни было маёй сястрыцы знивáги!
Капъ ни была павѣтачка за хатку,
Капъ ни была сусѣдачка за матку,
Капъ ни стаяла тёмнинькай ночы падъ акнóмъ,
Капъ ни ўвивáла бѣлинькихъ нóжакъ падалкóмъ,
Капъ ни ўтирáла дрóбнинькихъ слёзакъ рукаўкóмъ!“
— А маўчытя, маé сватицы, маўчытя,
Ды вы шъ яé патихўсиньку наўчытя:
Нихай инá ранюсинька устаéть,
Нихай инá сѣнцы й хатку падмятéть,
Нихай инá на вўлку шўмки ни нясéть,
Нихай ина падъ угóльчикъ пасыпить,
Нихай ина и нóжками прытóпчыть,
Нихай ина и слёсками палиéть,—
Нихто на нé худой слáвачки ни панясéть!

Заключительная, по возвращенiи приданокъ, когда ѣдятъ курицу, данную у молодыхъ.

Ѣдьтя, сваты, да дóму, да дóму,
Паѣли кони салóму, салóму,
Каля плóтьтя крапиву, крапиву,
У застарóнкахъ (въ гумнѣ) мякйну, мякйну!
У насъ учора свадьба балá, свадьба балá,
А сягóньня хмель ды дудá, хмель ды дудá.
А хмель кáжыть: гой-гой-гой! гой-гой-гой!
Мамка кáжыть: Божа шъ мой, Божа шъ мой:
Пашлá у свйринъ—кўфра (сундукъ) нѣтъ, куфра нѣтъ!
Прышлá у хатку—дачки нѣтъ, дачки нѣтъ,
Тольки сѣна натрасёна, дѣ дитятку павязёна!

Д. Заулки. Прекрасныя пѣсни захолустныхъ Заулковъ записаны мѣстнымъ крестьяниномъ-самоучкой Степаномъ Пилипенковымъ, 21 года, отъ кр-нокъ Ѳедосьи Казимiровкой, 57 л., Магдалины Тимофеевой, 60 л. и Елисаветы Степановой, 63 л., и провѣрены и дополнены мною со словъ сестры Степана—Анны Пилипенковой. См. Бѣл. Сб. VII, стр. IV. Не лишне сказать, что деревня эта населена бѣлоруссами, совращенными въ католичество.

III. Похоронный обрядъ.

Когда больной начинаетъ умирать, въ домѣ водворяется полная тишина. Старшій изъ присутствующихъ зажигаетъ восковую свѣчу, по большей части Страстную, принесенную изъ церкви въ Страстной четвергъ, или Громничную, освященную 2 февраля, тамъ, гдѣ это дѣлается, и даетъ ее въ правую руку умирающему. Въ это время больной благословляетъ членовъ семьи и дѣлаетъ окончательныя распоряженія по имуществу. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ, при трудной кончинѣ, больного подкуриваютъ освященной Духовской травой или вербой. Также кладутъ на тулупъ, но не на солому. Въ Гомельскомъ у. умирающаго снимаютъ съ подушекъ, набитыхъ перьями,—которыя вообще затрудняютъ смерть—и кладутъ на сѣно или на солому. Какъ только послѣдуетъ кончина, всѣ крестятся и молятся за умершаго: „Вѣчный покой, царство небесное, рай свѣтлый!“ И тотчасъ же отправляются къ священнику съ просьбой приказать позвонить „по душѣ“. При этомъ берется вѣнчикъ и молитва, и вносится нѣсколько копѣекъ „на позвонное“.

Дома тѣмъ временемъ приготовляютъ чистой теплой воды и моютъ ею посреди хаты, въ сидячемъ положеніи, тѣло умершаго. Затѣмъ одѣваютъ покойника въ чистое бѣлье, опоясываютъ поясомъ, за поясъ закладываютъ кусокъ холста въ видѣ утиральника, чтобы было чѣмъ утираться при всеобщемъ воскресеніи, на ноги надѣваютъ или наскоро сшитые изъ чернаго коленкору „бушмакѝ“, или обыкновенные легкіе лапти изъ липовыхъ лыкъ—„постолы̀“. На окнѣ ставится стаканъ съ чистою водою и вѣшается полотенце, чтобы и душа умершаго имѣла возможность вымыться и чистою явиться на тотъ свѣтъ. Вода эта стоитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока умершаго похоронятъ. Во все это время также не подметаютъ сора въ избѣ и не выбрасываютъ его на дворъ, „на смѐтьнище“.

Ложе для покойниковъ приготовляютъ на правой лавкѣ подъ образами для мужчинъ и на лѣвой для женщинъ. Сюда кладутъ тотъ же сѣнникъ, на которомъ лежалъ больной и въ головѣ ту же подушку; покрываютъ все это простыней или „радно̀мъ“. Покойника укладываютъ на ложѣ головою къ образамъ. Вѣки глазъ плотно закрываютъ, чтобы никого не высматривалъ брать съ собою; ноги протягиваютъ такъ, чтобы не было изгибовъ; руки складываютъ на груди крестообразно, для чего даже связываютъ ихъ въ кистяхъ; на головѣ на-

кладывается вѣнчикъ, въ правую руку снова втискиваютъ свѣчу, и накрываютъ всего покойника наметкою—полотномъ или сѣтчатою домашнею тканью, въ видѣ грубой марли.

Послѣ того, какъ покойникъ будетъ возложенъ на ложе, зажигаютъ предъ образами свѣчу или, гдѣ есть, лампадку, и сельскій грамотей начинаетъ медленно, съ растягиваніемъ словъ, читать псалтырь. Подъ книгу хозяева подстилаютъ кусокъ холста или ситцевый платокъ, который поступаетъ потомъ въ собственность чтеца. Читать псалтырь можно и сидя, но послѣ каждой „славы“ чтецъ обязанъ встать и крестясь прочесть поминальную молитву. Съ нимъ вмѣстѣ встаютъ и молятся всѣ присутствующіе.

Въ домъ умершаго собираются родственники и знакомые, по религіознымъ побужденіямъ. Каждый пришедшій молится на образа и шепотомъ читаетъ: „Отче нашъ“. Молитва эта заканчивается пожеланіемъ: „Вѣшный пако̀й, царства нябесная, рай свѣтлый душэ̀ праваста̀вшай (преставившейся)!“

Домашними приглашаются опытные сосѣди дѣлать гробъ, копать яму. При этомъ и тѣ и другіе обильно угощаются водкой, по пословицѣ: „Смерть да раді̀ны ни глидять до̀брыя гаді̀ны! И тяперака ни зъ гора жъ утапѝтца,—па чарцы трэ̀ба выпить!“ И пьютъ, крестясь и съ пожеланіями вѣчнаго покоя и царства небеснаго.

Голошеніе по покойникѣ происходитъ нѣсколько разъ: тотчасъ, когда онъ умретъ, пока дѣлаются приготовленія къ обмыванію тѣла; когда тѣло обрядятъ на ложѣ; въ перерывы между чтеніемъ псалтыря; когда покойника кладутъ въ гробъ и выносятъ изъ хаты, и при опусканіи въ могилу. Если проводы отъ дома до кладбища совершаются почему-либо безъ причта, голошеніе обязательно.

Мужчины плачутъ весьма рѣдко. При видѣ сокрушенія семьи покойнаго у нихъ только навертываются слезы на глаза. Голосятъ же исключительно женщины. Голошеніе считается обязательнымъ, но если оно продолжается слишкомъ долго, присутствующіе останавливаютъ голосящую: „Го̀дя ў̀жэ табѣ, Сахвѐя! Слиза̀ми мѐртвага ни паднѝмишъ! Уси тамъ будимъ, тольки ни ў̀ вадно̀ ў̀рэ̀мъя!“ Такъ же и мать удерживаетъ свою дочь, если она слишкомъ убивается по отцѣ: „Ма̀й дѣтка, го̀дя табѣ слёзки лить: батьки съ таго̀ свѣта ни вѐрнишъ!

Гробъ дѣлается большею частью изъ сосновыхъ досокъ и имѣетъ обычную форму. Для взрослаго длина его около 3 арш., ширина у головы до 1 арш., вышина около 12 вершк. Ни снаружи, ни снутри гробъ ничѣмъ не обивается. Въ него кладутъ сѣно и стружки, а также травы, освященныя „на Маковея“ 1 августа. Все это прикрывается холстомъ. Подъ головы кладется подушечка изъ стружекъ или изъ листьевъ вѣниковъ, въ крайнемъ случаѣ—изъ сѣна.

Гробъ вносятъ въ избу и ставятъ подлѣ умершаго, а крышку оставляютъ въ сѣняхъ.

Мастерамъ, дѣлавшимъ гробъ, и рабочимъ, копавшимъ могилу, по окончаніи ими работъ, снова подносится водка и дается закуска. Погребеніе происходитъ обыкновенно на второй день послѣ смерти. Для погребенія обязательно приглашается причтъ, приносится изъ церкви крестъ и хоругви. Родственники и знакомые приходятъ по желанію. Предъ образам зажигаются свѣчи и лампады, присутствующимъ также даются свѣчи, при чемъ свѣча священника обертывается въ платокъ, а другія въ холстъ. Священникъ облачается въ траурную ризу и совершаетъ отпѣваніе; затѣмъ покойника кладутъ въ гробъ. Тогда всѣ прощаются съ умершимъ, цѣлуя его руку. Потомъ гробъ закрывается крышкою и сверху кускомъ холста и выносится. Вслѣдъ выносимому сыплютъ горстями рожь или ячмень,—„чтобы въ домѣ больше не было смерти", потомъ убираютъ ложе, гдѣ лежалъ покойникъ, метутъ полъ и выносятъ накопившійся соръ. Убираютъ съ окна стаканъ съ водою и полотенце.

Зажиточныхъ покойниковъ приносятъ прежде въ церковь, гдѣ совершается панихида или литія, бѣдныхъ несутъ изъ дома прямо на кладбище, но противъ церкви, при выходѣ изъ селенія и на распутіяхъ дѣлаются остановки и читается евангеліе.

На кладбищѣ послѣ литіи крышка прибивается гвоздями и гробъ на длинныхъ полотенцахъ опускается въ могилу. На засыпанной могилѣ тотчасъ же ставится крестъ, хотя маленькій временной, пока будетъ сдѣланъ постоянный.

Съ кладбища причтъ, присутствующіе и приглашенные нищіе отправляются въ домъ покойника и тамъ имъ предлагается „поминальный обѣдъ", или „гара́чки". Горячками обѣдъ называется потому, что къ нему обязательно подается горячій пшеничный хлѣбъ—паленицы, который не разрѣзывается ножомъ, а разламывается на куски руками, чтобы изъ него свободно выходилъ горячій паръ. Дѣлается это для того, чтобы душа умершаго этимъ паромъ подкрѣпилась при предстоящемъ ей далекомъ путешествіи на тотъ свѣтъ.

Священникъ совершаетъ въ домѣ литію съ провозглашеніемъ вѣчной памяти покойному, потомъ всѣ садятся за столъ. На столѣ заранѣе приготовляется „канунъ" изъ разсыченной медомъ воды съ покрошенными баранками. Послѣ кануна желающимъ предлагается водка, а священнику вино или медъ. Выпивая эти напитки, присутствующіе крестятся и говорятъ: „дай жа Божа нашаму няббщику вѣшный пакой, царства нябе́сная, рай свѣтлый! Нихай спачивая да насъ дôўга дажыдая!" Кушанья подаютъ къ столу обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: борщъ изъ бураковъ или капусты, супъ изъ какой-либо крупы, лапшу, жареное мясо или рыбу, пирожки, кашу и узваръ. Количество блюдъ зависитъ отъ степени зажиточности.

Послѣ обѣда всѣ снова молятся, и поблагодаривши хозяевъ, уходятъ. Причту при этомъ дается условленное вознагражденіе, пять

паленицъ, холстъ, которымъ былъ покрытъ гробъ во время проводовъ, и платочки или холстинки, въ которыхъ были завернуты свѣчи при отпѣваніи. „Церковное" —за хоругви, мары, вѣнчикъ и молитву и на позвонное отдается церковному старостѣ.

Поминовенія умершихъ совершаются въ третій день по смерти—третины, въ девятый день—девя́тины, въ сороковой день —сорокѝ, въ день полугодія и въ годовщину. Въ три послѣдніе срока служатся въ церкви панихиды, а дома устраиваются „заздоровные столы", такъ называемые потому, что причтомъ совершаются въ домѣ молебны о здравіи живущихъ. Порядокъ обѣдовъ тотъ же, что и въ день погребенія.

Въ остальные дни поминовеній панихидъ не служатъ, а поручаютъ молиться за умершаго нищимъ, которые поютъ обыкновенно слѣдующій стихъ:

Го́спади, спамяни́!
Дяды́ вашы да бабу́си,
Атцы́ вашы да мату̀си,
Дя́дьки вашы да тётки,
Браты́ вашы да сёстры,
Дѣтачки вашы мале́нькія,
Ангалы хрыщôныя,
Чада вазлюблёныя!
Гôспади Божа, спамянѝ:
Да дивъя́тага пакалѣнія,
Да дися́тага пачыта́нія,
У вяли́камъ рôсьти,
Катôрыхъ мы ня зна́имъ,
Самъ Богъ спазна́я,
Па ѝмяни пачыта́я!
Даняси́, Госпади,
Да цара́ Давы́да,
Да гôрада Русалѝма,
Да прэ́дкага Адама,
Да прысвѣтлага царства!
Запишы, Гôспади,
У книги духôўныя,
Ў гра́маты царкôўныя,
У псалты́ръ вѣшный!

Затѣмъ провозглашается вѣчная память: „Во блаженномъ успеніи" и т. д.

С. Красная Буда. С. Поповка, Гомельск. у.

Какъ только умретъ кто-нибудь въ домѣ, родственники зовутъ сосѣдей для обмыванія умершаго. Послѣ обмыванія одѣваютъ его въ самую лучшую одежду, обуваютъ въ лапти и возлагаютъ подъ образами на лавкахъ: мужчину на правой, а женщину на лѣвой. Если постоянныя лавки узки, къ нимъ приставляются подвижныя скамейки. Затѣмъ приглашаютъ грамотея или дьячка читать псалтырь. Передъ этимъ зажигаютъ свѣчу предъ иконами и молятся. Послѣ молитвы хозяева приглашаютъ пришедшихъ сродниковъ и сосѣдей къ столу, угощаютъ ихъ водкой и закуской. Каждый, принимая водку, крестится и приговариваетъ: „Пра́видныи радѝтильки, прия́йтя, хлѣба-соли зысыла́йтя и на насъ ни зыбывайтя! А ты (имя покойника), сы свя́тыми спычивай, на насъ ни зыбывай! Ходи къ намъ хлѣба-соли ку́шыть и гарѣлки пить!"

Послѣ угощенія одни идутъ могилу копать, другіе дѣлаютъ гробъ. Родственники плачутъ надъ покойникомъ, съ причитаніями, вмѣстѣ съ ними плачутъ втихомолку и всѣ присутствующіе. Потомъ бабы начинаютъ уговаривать плачущихъ: „Пиристань, Прасі́нька, плáкать, гылавŷ сваю раздýрувать! Ты стымъ яго ни надымишъ. Дýмый-ка лучши, якъ бы яго схувать ды пымянýть!"

Тѣло умершаго должно обязательно пробыть въ хатѣ одну ночь. При немъ безотлучно находятся и сосѣдки. Какъ только начинаетъ разсвѣтать, всѣ моются и *моютъ лицо мертвецу* и затѣмъ вытираютъ полотенцемъ. При этомъ разговариваютъ съ нимъ, какъ съ живымъ: „Нада тибѐ памыть, Григорка! Нѣшта ты сяньни зыспаўся: ня дýмышъ ни 'бъ чомъ! И пригожа прибраўся!" и т. п.

Затѣмъ зажигаютъ свѣчу предъ иконою и молятся Богу. Предъ окончаніемъ молитвы, ближайшія родственницы умершаго выходятъ изъ избы на дворъ или даже на улицу—„чтобъ слышали сосѣди, „и начинаютъ громко причитать по покойникѣ. Этотъ обрядъ называется „гуканьемъ нябощика". Главное содержаніе причитаній въ этомъ случаѣ состоитъ въ призывахъ покойника: „Пайду-тка я свайгò татку нагукáю! Пайду-тка я яго найщŷ! Ти ни найду я яго гдѣ-нибудь! Куды ёнъ атъ мяне такъ скóра улятѣŷ?"

По окончаніи гуканья ночевавшимъ женщинамъ подносится по рюмкѣ водки, и онѣ уходятъ. Семья начинаетъ готовить жалобный столъ.

Сопровождать покойника на кладбище, если оно въ той же деревнѣ, считаютъ долгомъ всѣ родственники и сосѣди. Когда гробъ опустятъ въ могилу, присутствующіе, кромѣ родственниковъ, обязаны бросить на гробъ по три горсти земли. Родственникамъ это запрещено, потому что „покойнику будетъ отъ ихъ земли тяжело на томъ свѣтѣ". По возвращеніи съ кладбища, бабы хватаются три раза за печку рукою—чтобъ не было больше въ хатѣ „ховтуръ" (похоронъ, вѣроятно, отъ слова ховать—хоронить) и „капъ ни було клапóŷ, таракáныŷ и прусóŷ".

Первымъ блюдомъ подается кутья—по возможности, пшеничная каша, разсычонная медомъ. Къ ней прикрѣпляется восковая свѣча, которая зажигается предъ тѣмъ, какъ садиться за столъ. Старшій членъ семейства беретъ также глиняную кадильницу или простой черепокъ, кладетъ туда нѣсколько горячихъ углей и на нихъ бросаетъ нѣсколько зеренъ ладану. Покадивъ ладаномъ кутью и весь столъ, онъ ставитъ кадильницу на все время обѣда у образовъ, предъ которыми тоже зажигаются свѣчи.

Помывши руки, всѣ молятся Богу предъ иконами и уже тогда начинаютъ обѣдать.

Поминки совершаются по прошествіи трехъ недѣль, шести недѣль и года. Въ эти дни тоже готовится кутья, съ которою ближайшія родственницы отправляются утромъ на кладбище, застилаютъ могилу скатертью, ставятъ на нее кутью и водку и, помолившись, обнимаютъ могилу руками и голосятъ, повторяя тѣ же причитанія, которыя говорились при погребеніи. Заканчиваются эти причитанія „гуканьемъ" покойника на обѣдъ. Поплакавши, отвѣдываютъ принесенной кутьи и водки и возвращаются домой къ обѣду.

Въ эти дни приглашаются къ столу только родственники и лица, принимавшія участіе въ обмываніи покойника, устройствѣ гроба и могилы.

С. Любавичи, Мстисл. у.

Когда предвидится скорая кончина больного, къ нему собираются родственники и слѣдятъ за наступленіемъ смерти. При кончинѣ умирающему даютъ въ правую руку зажженную свѣчу отъ образовъ и держатъ тамъ, пока наступитъ смерть. Тогда свѣча вынимается изъ руки и горящая ставится къ образамъ.

Омывши тѣло, одѣваютъ покойника въ чистое бѣлье; мущинѣ надѣваютъ бѣлые полотняные рубаху и штаны, поясъ, на шею бѣлый платокъ, на голову бѣлую войлочную шапку, поновѣе; ноги обуваютъ въ лапти съ бѣлыми холщовыми онучами и черными суконными оборами. Только у бѣдняковъ употребляются при этомъ обычныя веревочныя оборы. Женщинѣ надѣваютъ бѣлыя полотняныя рубаху и юбку, красный шерстяной андаракъ, кофту, на голову бѣлую наметку съ красными узорами по концамъ, а дѣвушкѣ бѣлый или цвѣтной ситцевой платокъ; на ноги лапти. Ложе для мужчины устраиваютъ на лавкѣ, идущей отъ полатей, а для женщины на той, которая идетъ отъ печи. Для чтенія псалтыря приглашается грамотный крестьянинъ. Въ то же время начинаютъ дѣлать „домовину" и копать „ямку" „на клáдовьи". Изъ церкви приносятъ руконосный крестъ и „протасéю"—траурную хоругвь, и устанавливаютъ ихъ у головы покойника.

Когда гробъ будетъ оконченъ, его приносятъ въ избу, обиваютъ изнутри бѣлымъ холстомъ и выстилаютъ дно цвѣтами, свѣжими или сушоными, смотря по времени года, или же листьями вѣниковъ. Подъ голову кладутъ нарочито сшитую подушку изъ тонкаго холста, также набитую цвѣтами или листьями вѣниковъ. Затѣмъ гробъ ставится подлѣ покойника на скамейкѣ.

Причитаніямъ отводится большое мѣсто и каждое изъ нихъ приурочивается къ извѣстному моменту ховтуръ.

По пріѣздѣ священника прежде всего окропляется гробъ и въ него полагается покойникъ. Затѣмъ происходитъ отпѣваніе.

Гробъ съ тѣломъ несутъ на кладбище мущины, безъ различія къ полу умершаго. Если же кладбище далеко, тогда его везутъ на лошади, принадлежавшей покойному.

Послѣ погребенія всѣ возвращаются въ домъ. Священникъ совершаетъ литію и благословивъ „канунъ“, по большей части уѣзжаетъ домой. Остальные садятся за столы—мужчины „на кутѣ“ подъ образами, а женщины или на другомъ концѣ стола или за отдѣльнымъ столомъ—и начинаютъ обѣдать. Прежде всего обязательно ѣдятъ, по немногу каждый, „канунъ“, то есть пшеничную кашу, разведенную теплой водой съ медомъ. Потомъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и закусываютъ блинами; послѣ блиновъ подается борщъ съ мясомъ или саломъ, а въ постъ—съ рыбой или просто съ мучною затолокой и съ „олеемъ“—конопляным масломъ. Затѣмъ въ скоромные дни подаются колбасы или яичница и въ заключеніе—галушки изъ гречневой или пшеничной муки. Галушки составляютъ обязательное блюдо для похороннаго обѣда. Водка подается предъ каждымъ кушаньемъ. Гость, принявъ отъ хозяина чарку, крестится и говоритъ: „Пашлй жъ, Божа, яму̂ (покойнику) ца́рства нябесная, гряхо́ў антуще́нія, ду́шачки спасэ́нія!“ И пьетъ. Водки выпивается много. Послѣ обѣда всѣ расходятся.

На третій день послѣ смерти справляются „трети́ны“ и на девятый день—„девя́тины“. Къ нимъ приглашаются только лица, принимавшія участіе въ похоронахъ своимъ трудомъ, а также самые близкіе родственники. Столъ въ эти дни бываетъ обыкновенный, канунъ и галушки не готовятся; подаются же блины, борщъ, каша и какой-либо супъ изъ крупы. У богатыхъ, кромѣ того, угощаютъ яичницей и медомъ. Употребленіе водки такое же, какъ и въ день похоронъ.

Въ сороковой день отправляются „шасти́ны“ — шесть недѣль. Хозяинъ беретъ бѣлую булку и стаканчикъ меду и отправляется съ ними въ церковь. Тамъ кладетъ ихъ на аналой, зажигаетъ свѣчу и проситъ священника отслужить панихиду. Затѣмъ возвращается домой съ булкой, крошитъ ее въ разсыченную воду и подаетъ на столъ. На шестинахъ бываютъ также только лица, прикосновенныя къ погребенію. Обѣдъ дѣлается обильный, изъ пяти-шести блюдъ, какъ и погребальный. На всѣхъ этихъ поминкахъ женщины поютъ такъ называемые „жало́бные стихи“.

Этими тремя днями ограничиваются поминки покойника. Помимо ихъ поминовеніе совершается уже въ общіе поминальные дни: ра́довницу, дѣды.

М. Пропойскъ, Быхов. у.

Какъ только умретъ кто-нибудь въ хатѣ, ближайшая родственница выходитъ на улицу и громко плачетъ съ причитаніями. Приходятъ люди, не изъ родныхъ, обмываютъ и одѣваютъ покойника въ чистое холщовое бѣлье, на ноги надѣваютъ чулки или просто обертываютъ ихъ въ чистыя холщевыя тряпки. Тѣло кладутъ на лавкѣ,

подостлавъ на ней ржаной соломы и прикрывъ ее холстиной. Мужчинъ на правой лавкѣ, а женщинъ на той, которая насупротивъ входной двери.

Глава семьи отправляется къ священнику, чтобы позвонили по покойникѣ и выдали крестъ и двѣ или четыре хоругви, а также вѣнчикъ и молитву. Принесенныя хоругви и крестъ ставятся до выноса на завалинкѣ у наружной стѣны, почему прохожіе узнаютъ, что въ домѣ покойникъ, и снявъ шапки, молятся.

Въ то же время приглашается кто-либо читать псалтырь. При этомъ обязательно должна горѣть лампадка предъ образомъ или свѣча восковая.

На столѣ ставится бутылка съ водкою, рюмка, и кладется хлѣбъ и соль, для угощенія приходящихъ. Рюмка должна стоять наполненною до погребенія тѣла. Послѣ же погребенія, въ теченіе шести недѣль, въ углу подъ иконами ставится стаканъ, наполненный водою, въ силу повѣрья, что до сорокового дня душа покойника находится въ домѣ и нуждается въ питьѣ.

Гробъ дѣлается на дворѣ умершаго изъ сосновыхъ или еловыхъ досокъ, безъ особой отдѣлки, нерѣдко даже нетесаныхъ. Дно гроба выстилается прутьями развязанныхъ вѣниковъ; поверхъ прутьевъ кладется поперекъ гроба поясъ, на немъ гробъ устилается по дну длиннымъ кускомъ холста, а боковыя стѣны обиваются бѣлымъ коленкоромъ или тоже холстомъ. Вмѣстѣ съ гробомъ въ хату вносятъ щепки и стружки отъ него, постилаютъ ихъ на полу около ложа покойника и на нихъ ставятъ гробъ. Поясъ кладется въ гробъ въ силу повѣрья, что покойникъ при воскресеніи долженъ явиться на судъ непремѣнно опоясаннымъ.

Тѣло кладется въ гробъ по отпѣваніи. Когда его вынесутъ на дворъ и положатъ на телѣгу или на сани, женщина обсѣваетъ зерновымъ хлѣбомъ вокругъ телѣги и нѣсколько впереди ея, по предстоящему пути. Дѣлается это въ знакъ того, что умершіе въ свое время воскреснутъ.

Къ кладбищу покойника сопровождаетъ большинство жителей селенія.

Женщина, обсѣвавшая гробъ, остается дома и очищаетъ избу. Собранный соръ и солому, служившую подстилкой на ложѣ, она выноситъ на улицу и сжигаетъ у угла дома,—чтобы въ немъ не было больше покойниковъ.

Когда возвратятся съ кладбища, хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ. Та же женщина, о которой говорилось выше, помолясь, беретъ кусокъ хлѣба, канунъ и рюмку водки и, ставши въ дверяхъ избы, приглашаетъ покойника на обѣдъ, называя его по имени[1]).

---

[1]) О роли женщины въ славянскомъ погребеніи см. Ибнъ-Фоцлана и друг. араб. писателей.

Послѣ этого хозяинъ, стоя у стола съ рюмкой водки въ рукахъ, говоритъ присутствующимъ:

— Нихай жа ўжо нашъ пакóйничикъ Ригорка свя́тиникъ ляжы́ть и ны насъ грѣшныхъ съ таго̀ свѣту ни зыбыва́ить, ды хлѣба-соли зысыла́ить,—капъ намъ самимъ было̀ што спыжыва́ть и яго̀ пра́видную ду́шычку спымина́ть! Че́сныя жъ и пра́видныя ради́тильки! Хади́тя къ нашыму сталу̀, гарѣлычки вы́пить и зы батькывыю малитвыю хлѣба-соли паку́шыть! Зы здра́ўя жъ васъ, го́сьтики!

— Пи́тя жъ ужо ны здарóўица! Дывай жа Го́спыди, капъ на етымъ сталѣ ни папи́та, ни паѣдина було̀!

Послѣ обѣда всѣ расходятся.

„Третины" и „девятины" совершаются семейнымъ порядкомъ. Изъ блюдъ готовятся: пóливка, клёцки, каша и блины. Помолясь предъ обѣдомъ Богу, старшій въ семьѣ говоритъ:

— Пымяни жъ, Госпыди, душычку Ригóркыву! Хади ты, Ригорка, къ нашыму сталу̀ хлѣба-соли атку́шыть!

И послѣ этого обѣдаютъ.

Въ девятый день приготовляютъ еще кануNъ, надъ которымъ священникъ совершаетъ у себя въ домѣ панихиду по покойникѣ.

Канунъ потребляется домашними въ началѣ обѣда.

„На шасти́ны", въ сороковой день послѣ смерти, въ церкви служится заупокойная литургія, а на кладбищѣ надъ могилою—панихида. Къ поминальному обѣду въ этотъ день приглашаются всѣ тѣ лица, которыя личнымъ трудомъ принимали участіе въ погребеніи покойника, то есть, мывшія его, дѣлавшія гробъ, рывшія могилу, несшія крестъ и хоругви и т. п.

Такое же поминовеніе совершается и въ день годовщины смерти.

М. Рудня, Оршан. у.

Умершаго старика обмываюъ старики, а умершую старуху—старыя женщины. Молодѣйшихъ моютъ болѣе молодые. Въ случаѣ нужды тѣла умершихъ мужчинъ обмываютъ женщины и наоборотъ. Покойниковъ одѣваютъ въ чистое бѣлье, на шею повязываютъ платокъ, ноги обуваютъ въ лапти. Кладутъ ихъ на лавкѣ, въ концѣ стола: мужчину кладутъ на мужской лавкѣ—противъ дверей, а женщину на женской лавкѣ—по лѣвую или по правую сторону отъ дверей, смотря по направленію хаты.

Гробъ выстилаютъ стружками и прутьями вѣниковъ, подушку набиваютъ сѣномъ. Мужчинѣ въ гробъ кладутъ шапку подлѣ головы; женщинѣ, умершей отъ мучительныхъ родовъ до рожденія ребенка, кладутъ въ гробъ пеленки, поясъ-спови́вичъ, рубашечку и платочекъ—словить ребенка.

Когда умершаго понесутъ на кладбище, женщина, оставшаяся дома, спѣшитъ убрать ложе покойника, подмести полъ, вымыть столъ, скамейки, окна и двери.

Возвратившись съ кладбища, всѣ моютъ руки и тогда садятся за столъ. Обязательнымъ кушаньемъ считаются галушки. Выпивая водку, высказываютъ такое пожеланіе:

— Царства яму̀ тамъ нябе́сная! Пяро́мъ яму̀ зимля̀, а намъ на до́брая здаро́ўя!

Послѣ обѣда зорко наблюдается, чтобы изъ хаты не вышелъ молодой раньше стараго: кто раньше выйдетъ, тотъ раньше и помретъ. Повѣрье это не касается членовъ причта, которые обыкновенно выходятъ раньше другихъ.

Поминки дѣлаются въ третій день, девятый, двадцать первый и сороковой. Приглашаются лица, дѣлавшія гробъ, копавшія могилу, мывшія покойника и т. д. Обѣдъ приготовляется изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и на похоронахъ.

С. Городецъ, Быховск. у.

Какъ только умретъ кто-либо изъ семьи, тотчасъ женщины, не снимая тѣла съ смертнаго одра, начинаютъ громко плакать съ причитываніями, или „выть съ причитаньнёмъ ны нябощику". Сначала онѣ плачутъ надъ умершимъ, а потомъ выходятъ на дворъ и плачутъ тамъ, чтобы оповѣстить о покойникѣ жителей деревни. Услышавъ плачъ, сосѣди и родные умершаго приходятъ къ покойнику и начинаютъ утѣшать плачущихъ. Когда первое чувство горечи утихнетъ, домашніе сообщаютъ пришедшимъ всѣ мельчайшія подробности кончины, его слова, движенія, взгляды. А тѣмъ временемъ идутъ приготовленія къ омовенію тѣла. Для того, чтобы его омыть, снимаютъ покойника съ постели, на которой онъ умеръ, и усаживаютъ на скамьѣ посреди хаты гдѣ и происходитъ омовеніе. Тутъ же покойника и одѣваютъ, а дѣвушекъ причесываютъ. Умершихъ мужчинъ моютъ мужчины, а женщинъ женщины. Никто не долженъ отказываться отъ этой работы: „И мы памрёмъ, и насъ людички добрыи будутъ мыть!" Моютъ тѣло не долго, но достаточно чисто: „чисьтинька, капъ душэ̀ нябощика на томъ свѣ́ти було̀ зати́шнинька!"

Одѣваютъ покойниковъ въ бѣлое чистое бѣлье, опоясываютъ синимъ поясомъ; на голову мужчинѣ надѣваютъ шапку, а если священникъ протестуетъ противъ этого, прячутъ ее въ гробъ подъ подушку. Женщинѣ обвязываютъ голову бѣлой наметкой; дѣвушка хоронится съ непокрытой головой. На ноги мужчинамъ надѣваютъ бѣлыя онучи и новые лапти, а женщинамъ и дѣтямъ—чулки, „панчохи".

Одѣвши, тѣло переносятъ на лавку, „на кутъ", и кладутъ тамъ головою къ образамъ. Мужчинъ кладутъ на „половую" лавку, идущую

отъ пола (постели) къ куту, а женщину на „пороговую“ лавку, идущую отъ входныхъ дверей. На этомъ ложѣ тѣлу придаютъ надлежащее положеніе: связываютъ на груди крестообразно кисти рукъ, чтобы не сдвигались, подвязываютъ подбородокъ, чтобы не открывался ротъ, кладутъ на глаза мѣдныя монеты, чтобы плотно сомкнулись вѣки, и т. д.

Послѣ этого всѣ обращаются къ иконамъ и молятся. Каждый читаетъ про себя всѣ молитвы, какія знаетъ, но обязательно прочесть „Отче нашъ“. Послѣ молитвы одинъ изъ присутствующихъ говоритъ: „Вѣшный пакой, царства нябесная, накойная мѣста! Нярóмъ ямў зямелька!“

И тогда снова начинаютъ оплакивать покойника. При этомъ считаютъ долгомъ поплакать и многія изъ пришедшихъ женщинъ, хотя бы изъ далекой родни. Если бы онѣ этого не сдѣлали, имъ былъ бы „грѣхъ“. Мотивъ плачей у всѣхъ одинаковый, но текстъ причитаній различный.

Мужчины не плачутъ и стараются скрывать навертывающіяся на глаза слезы, но держатъ себя сосредоточенно и печально.

О покойникѣ дается знать священнику въ самый день смерти. Изъ церкви тогда же приносятся вѣнчикъ, хоругвь и крестъ. Это называется „святлóсть“. Святлóсть ставится снаружи, у окна. Копать могилу и дѣлать гробъ приглашаются люди чужіе. Своимъ домашнимъ этого нельзя дѣлать подъ страхомъ кары Божіей. Къ вечеру въ домъ приглашаются старики и старухи сидѣть ночью „надъ нябóщикамъ“. Грамотеи читаютъ псалтырь. На другой день рано утромъ близкая родственница умершаго снова выходитъ на дворъ и громко причитаетъ по покойникѣ, чтобы напомнить о немъ жителямъ деревни. Хоронятъ обыкновенно на второй день. Вызывается это вопервыхъ тѣмъ, что обязательное угощеніе многочисленныхъ посѣтителей при долгомъ пребываніи покойника въ домѣ причинило бы хозяевамъ большіе расходы, а вовторыхъ и существующимъ убѣжденіемъ, что „нябощику дужа трудниньска датýль, пакуль ни зыкапáютъ ягò у змéличку“.

Отпѣваніе совершается обыкновенно въ полдень. Послѣ отпѣванія кладутъ тѣло въ гробъ и присутствующіе „прощаются съ нябощикомъ“.

Снова начинаются причитанія, которыя продолжаются до тѣхъ поръ, пока закроется могила.

Съ кладбища всѣ присутствующіе приглашаются „на хаўтурный абѣдъ“. Здѣсь прежде всего подается „канунъ“—разведенный на водѣ медъ съ покрошенной булкой или баранками; потомъ подается водка и „кулéшъ“, приготовляемый изъ пшеничной или гречневой муки, затѣмъ остальныя кушанья—борщъ изъ капусты, супъ съ крупою—„крупеня“, каша, блины.

На третій день, утромъ, до восхода солнца, родственница умершаго снова выходитъ на дворъ и громко плачетъ, напоминая жителямъ, что въ домѣ былъ покойникъ.

Спустя три недѣли, по покойникѣ „поднимаютъ проскурў“. Родные несутъ въ церковь „рѣзники“, то есть треугольныя лепешки изъ пшеничнаго тѣста, стаканъ меду и пирогъ домашняго изготовленія. Священникъ совершаетъ панихиду и потомъ беретъ принесенный пирогъ и вмѣстѣ съ молящимися поднимаетъ три раза вверхъ. Этотъ обрядъ называется поднятіемъ проскуры.

Съ этой „проскурою“ идутъ домой и тамъ дѣлятъ ее между приглашенными родственниками и сосѣдями.

Въ сороковой день справляются „шестины“ (6 недѣль). Въ этотъ день священникъ приглашается въ домъ, гдѣ былъ покойникъ, и здѣсь совершаетъ панихиду. Затѣмъ слѣдуетъ обычный „хаўтурный абѣдъ“—съ кануномъ, кулешомъ, блинами и т. д.

Мошков. вол., Орш. у.

Причитанія.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты рóдьняпькій, а мой жа ты мúлянькій! А куды жъ ты сабрáўся атъ насъ? Сабраўся ты у дáльняю дарóжку и ни вéрнисься ужó къ намъ! А на кагò жъ ты насъ кúнаў адныхъ? А хто бýдя майхъ дѣтачакъ гадавáть, а хто будя имъ хлѣбца дабывáть? А ёсть жа у насъ скатúнка, а хто яè даглядáть будя? А ёсть у насъ пальцò, а хто жъ ягò намъ пахать бýдя? А хто жъ тяпéрака будя рана уставати, да намъ рабóту закáзавать?

С. Недойка, Рогачев. у.

Дочь по отцѣ.

Тотчасъ послѣ смерти.

Татýличка мой рóдьнинькій! Нашто ты насъ пакидáишъ? Якъ намъ тяпéрь пражы́ть? Якъ намъ тяперь прабы́ть? Якъ намъ тябè забувáть бýдя? Аткуль намъ тябе дажыдати, изъ якóга вакóнца тябе выглидать? Пакидáишъ насъ, татýличка, атлитáишъ, галýбчикъ-пралѣсачка! Ты жъ нашъ гóсьтичикъ, нашъ мúлинькій: нямнога табѣ у насъ гасьтивáть,—навучи, татýличка, якъ тябе забывати!..

Когда гробъ дѣлаютъ.

Татýличка мой рóдьнинькій! Нашто ты плóтьничкаў наня́ў? Сабраў ты рабóтьничкаў,—дялúтца ты хóчишъ, татýличка! Чимъ мы табѣ ни ўнаравúли,—чаго ты пакидáть насъ хóчишъ?

Когда гробъ готовъ.

Татуличка нашъ родьнинькій! Ти па'бы́ччу табѣ дамави́ну састро́или, ти на нату́ры гэ́ту хату издѣлали? (повторяется нѣсколько разъ). Разгнѣваўся нашъ тату́личка, разгнѣваўся нашъ ро́дьнинькій! Ничо́га зъ нами ни гаво́ришъ: хоть ско́льки съ табо́й ни гу́кай, а ты ничо́га ни 'твича́ишъ! Даў спако́й сабѣ: ни про́сишъ и ни про́сисься, и ничо́га ни гаво́ришъ зъ нами....

Эти же причитанія говорятся дочерью по матери, сестрою по братѣ и по сестрѣ; при этомъ соотвѣтственно измѣняются обращенія: „мамуличка", „матуличка", „сястричка", „братулинька".

Сироты по матери.

Мату́личка жъ наша ро́дная, наки́нула жъ ты насъ, дробныхъ сиро́такъ! Каму̀ жъ ты насъ приказала? Бу́дя насъ тяпе́рь усю́дыхъ по́ўна. Тяпе́рь жа у насъ и ба́тякъ и ма́такъ бу́дя усю́дыхъ мно́га! Нахо́димся мы и голыя и босыя, и гало́дныя и хало́дныя! Якъ жа жъ намъ тяпе́рь застава́тца? У каго́ жъ руба́шачки намъ праси́ть? Хто жъ насъ тяперь абшыва́ть бу́дя? Хто жъ насъ тяперь будя абмывать? Хто жъ насъ будя даглидать, мату́личка жъ наша родная?...

Мать по ребенкѣ.

Маё дитя́тачка родьнинькая! Атлита́ишъ жа ты далёка ать мянѐ! Мая̀ ягадка нидазрѣ́лая, бисъ пары̀ жъ ты атвалилася... Утратила жъ я сваю̀ я́гадку, а тяпе́рака ни знайду я яѐ!

Весною:

А тяперака жъ уси пташачки зъ вырья литять, а ты жъ, маё дитя́тачка, палятѣ́ў у вырь навѣки...

Осенью или зимою:

Ни байсься ты, мая̀ пралѣсачка, ни маро́зу, ни вѣтру, ни за́мити! Хто жъ тамъ тябѐ будя даглида́ти, а хто тябѐ будя спавива́ти, къ каму̀ ты тамъ прыхилне́сься, хто тябѐ тамъ спазна́я, хто тябѐ тамъ угадая, дитя́тачка маё ро́дьнинькая!..

А если дѣти мруть часто:

Маѐ дѣтачки, маѐ милыя, ня ўмѣю жъ я васъ гадава́ть! Настая́лась я ужо наза́варатьтю, напрасилася ужо чужыхъ слугъ! Чужыя дѣтки на-ра́нки гонють, а свайхъ нидѣ ни ўгадаю, нидѣ ни спазнаю! Дѣтачки маѐ милыя, ни хо́читя вы у мянѐ гадава́тца, ни ўмѣю я васъ расьти́ть, гадавать!..

Жена по мужѣ.

Мой гаспада́рикъ, мой галубчикъ, нашто ты мяне паки́нуў, на што ты мяне разари́ў? Каму̀ жъ ты хадяйства сваё атказа́ў, каму̀ зъ дробными дятьмѝ мянѐ приказаў? Якъ жа мнѣ зъ дробными дѣтками тяперь пражы́ть? Якъ жа жъ мнѣ ихъ тяперь гадава́ть?...

Сестра по сестрѣ.

А мая̀ жъ ты сястри́чка, мая́ ми́линькая, а якъ жа намъ съ табою растава́тца, идѣ̀ намъ съ табо́ю сустрака́тца? Люди жъ—сястра̀ съ сястро́й сайду́тца, сястра съ сястрой нагаво́рють, а исъ кимъ жа мнѣ, сястричка мая́ ро́дная?...

Если у покойной дѣти:

Сястричка мая̀ ми́линькая, нашто жъ ты дѣтакъ пакинула? Настражда́ютца яны, па свѣту ходючи, а сваю̀ матку шука́ючи...

Внучки по бабѣ.

Бабу́личка наша ро́дная, а нашто жъ ты насъ пакида́ишъ? Ты жъ насъ калыха́ла и гадава́ла, наша тружда́нница, наша бабу́ничка, а тяперь ты насъ аставля́ишъ! Мы жъ тваѐ ручки па'тарва́ли,—насъ но́сючи, тваѐ но́жки притами́ли,—насъ калыха́ючи, приказки намъ усякія спиваючи,—бабу́сичка наша ро́дьнинькая!..

Пропойская вол. Быховск. у.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты гаспадаро́чикъ, а якъ жа ты мянѐ пакида́ишъ, а зъ дробными дѣтачками? А хто жъ имъ будя зага́давать, а хто жъ ихъ пажалѣ́я, вуму̀-ро́зуму наву́ча? А нѐ къ каму жъ имъ будя гало́вачки прыхинути!... А ў вяли́каю жъ ты даро́гу сабраўся, да ты жъ ужо̀ аттуля̀ ни ве́рнисься. А ти табѣ жъ надаѣ́ла ужо на етымъ свѣти?.. ...И выбраў жа ты сабѣ ха́тачку ду́жа тёмнаю, нима̀ жъ у ёй ни вако́нца, ни двярэ́й!..

Мать по ребенкѣ.

А мая̀ жъ ты я́гадка нидазрэ́лая, а чаго жъ ты такъ рана атсыпалась? Ти на тябѐ жъ халодныя дождж̀ы ишли, а ти тябѐ яркая со́лнушка спякло̀?...

С. Городецъ, Быхов. у.

Дочь по отцѣ и по матери.

Ма́мачка (или—татачка) ты мая̀ ро́дная, а куды̀ ты атъ мяне прыбра́лася, а ў якую жъ даро́жачку, а ў якую жъ staро́начку? А кали жъ мнѣ тябѐ ў го́сьти ждать? Я бъ ву́лачки павымита́ла бъ, даро́жачки навысыпа́ла бъ, я бъ ма́мачку (та́тачку) ў гоcьти ждала, и столики бъ назасьтила́ла, и ку́бачки наналива́ла бъ, ма́мачка мая̀ ро́дьнинькая!..

Жена по мужѣ.

А дубочыкъ ты мой зялёнинькій, а бяро́зка мая кудра́вая, а ти вѣтры жъ тябѐ падвѣяли, а ти бу́ры тябѐ падлами́ли? А супру́жачыкъ мой ми́линькій, а куды жъ ты гэ́та прыбра́ўся, а нашто жъ ты

мянè накѝнуў? А къ каму жъ я тяпéръ прыхинýся: нимáшъ у мяне никагò раднóга! Буду я хадѝть, якъ заблýдная авéчка у лѣси, такъ я бисъ свайгò дружóчка буду жыть!...

Мать по ребенкѣ.

Яблачка маё садавóя, чаго жъ ты атъ мянè аткатѝлася? А ти бýры тябè атвѣяли, а ти вѣтры тябè аткатили? Усѣ птàшачки зъ вы́рыю вылитáли, а ты, маё дитя́тачка, у вы́рый залятѣла! Ти зязюличка паткукавàла, ти салавéичка патщибитàў? А ти, маё дитя́тачка, туды̀ тябè падгавары́ли? Усихъ птàшачакъ зъ вы́рыю даждýся, а свайгò дитятачки ни вѣкъ ни даждуся... А ти я жъ тябè ни гадавàла, а ти я жъ тябè харашò ни калыхàла? А хто жъ тябè тамъ бизъ мянè калыхàть будя, а бизъ сваè люлички, бизъ сваè матýлички?...

Крюковскій приходъ, Могил. у.

Сестра по братѣ.

А брàхнинька шъ ты мой рóдьнинькій! Чаго жъ ты такъ скóрынька атъ насъ утикáишъ? Ти ни жаль жа табѣ и тàтухны и мàмухны? А яны́ шъ та тябè ускармѝли и ўзгудували, а тяпéритьки пытъ стàрысьть адны̀ на гóря зыстàлися. А хто шъ ихъ тяпéрь пычитàть и пувыжàть бýдить? Нé зы кимъ жа имъ старыя кóстухны прыбярéчь, а мынѣ (мнѣ) шъ дявóцкыю гылавóю аднэ́й ня збѣгытца, брàхнинька мой рóдьнинькій!...

Мать по малолѣтней дочери.

Дитя́тухна шъ ты маё рóдьнинькыя, пташычка шъ ты мыя̀ ниныгля́дныя, куды шъ ты далёка атъ мянè атлитàишъ? Чимъ жа табѣ у тваёй матухны ни спазры́лыся? Яблычка шъ ты маё сàхырныя, чаго шъ ты ни сазрѣўшы аткатѝлыся?... Тяпéрь жа ка мнѣ нихто ни прыхѝлитца, и ни прыгарнèтца! А бы́вала шъ ты, якъ тая лàставачка, ка мнѣ прыгарнéсься и ўсё мнѣ рысщабéчишъ! А сóўнинька шъ ты маё крàсныя, чаго шъ ты бисъ пары̀, такъ рàнинька, зыкатѝлася? А тяперь жа я куды ни пайдỳ, тибè ни знайду, аткуль ни прыдỳ, ты мянè ни стрэ́нишъ и патѣшныга славéчка мнѣ ни прамóлвишъ!..

Это же и по сынѣ, но въ концѣ прибавляется слѣдующее причитаніе:

А я шъ ны тябè, мой сынýшычка, спыдивáлыся! Я шъ думыла, што ты мнѣ пры стàрысьти лѣтъ бýдишъ хлѣбничкымъ, а тяпéритьки шъ я усю маю̀ надѣичку пытиря́ла!..

Жена съ дѣтьми по мужѣ.

А мой жа ты гылубóчикъ сы́зинькій! Сакóличикъ жа ты мой я́сьнинькій! Куды шъ ты атъ мянè далёка атлитàишъ? Ны кагò шъ ты мянè зъ дробными дѣткыми пыкидàишъ? А ты шъ у мянè быў усé рàда и пырàдычка! Чимъ жа я тябе, маё падрýжъя дырагóя, прыгнявѝла? А дѣтухны жъ маè дрòбнинькія, а къ камỳ жъ мы тя-

перь прыхинёмся? А хто жъ абъ насъ тяпéрь падýмыить ды пыгадàить? Усякій жа тяперь ныдъ нами ызругàитца и ысмяéтца,— якъ зы насъ тяперь нéкыму зыступѝтца!...

Тоже, по мужѣ нехорошемъ.

А мой жа ты гыспыдарёчикъ, на што шъ ты мяне зъ дробными дѣткыми пыкидàишъ? Я шъ ужэ̀ и такъ зы табою ныгырювàлыся! Ни знàла шъ я ни бýдьня дьня, ни прàзьничка! Съ табóю шъ я а ни ў пиръ, а ни ў бясѣдычку! Была шъ я и збита и зжýрына! А тяперь жа мнѣ—былò гóря ды й пагóрила: усю сѝлычку я пытрàтила, и прàцухны пыпринимàла, а ничóга шъ я ни вы́жыла, тóльки ўсё сваё дóбринькыя тутъ пытрàтила, а тяпéрь адинёшынька зъ дрóбными дѣткыми, и гóлинькыми и óсинькыми, я зыстàлыся! Нимà шъ у мянè ни хлѣба ни крóшычки, ни мучѝцы ни щапóтычки! Якъ жы я тяперь сваю галóўку прилàжу, и дѣ шъ я зъ дрóбными дѣткыми надѣнуся? Чимъ жа тябè пухувàю и пымянỳ?

М. Рудня, Оршанскаго у.

Мать по ребенкѣ—сынѣ.

А мой жа ты сынýличка! А мой жа ты либядю́личка! А чаго шъ ты, мой сынýличка, атъ мянè утикàишъ? А ти я шъ табѣ надаѣла? А скажы шъ, скажы, мой сынýличка, а кали ты ка мнѣ пры́дишъ у гóсьтійки: а ти зъ васхóду, а ти зъ зàхыду? Капъ я знала, мой ты либядёчикъ, калѝ ты пры́дишъ ка мнѣ, тады̀ пъ я ничóга пъ ни рабóтыла! А ты шъ паѣдишъ, сынýличка, у хàтычку дужа тёмныю, бизвакóнныю. А тамъ жы дýжа тёмна, мой сынуличка! А тутъ жы ты дужа быяўся тёмныга, а тяперь жы ты идéшъ у хатычку тёмныю и бизвакóнныю, и ни байсься!.. Гасьтюй, гасьтюй, мой ты сынуличка! Нямношка шъ табѣ ужо у насъ гасьтювàти. Прасѝ шъ, прасѝ, сынуличка, свайхъ тётиникъ и дя́динькъ, капъ яны тябè прыбрали!.. Агарчи́ў жа ты мянè, маё дитя́тухна! Знать жы ты ны мянè дужа разгнѣвуўся,—што ты са мной ничóга ни гавóрышъ! Знать жы ты, маё дитя́тухна, дýжа Богу угóдинъ, што ёнъ тябè атъ насъ атьнимáить,—къ сабѣ у выслýжнички.. Прышчай, прышчай мой сынуличка! Прыхóдитца несь табóй рысстря́тца на вѣки, мой ты сынýличка, мой ты либядю́личка! Упруўля́имъ жа мы тябè, маё дитя́тычка, проти лѣтичка, проти тёплыга! А ўси шъ дѣтычки будуть на вулицы гуляти и крáсычки ирвáти, а майго шъ жы дитя́тычки ня бýдить видати...

Тоже, когда гробъ выносятъ.

Пытихýсиньку вы, маé дя́дички, яго вы сьнимàйтя! Ягó жъ кóстычки дужа бóлныя! ... Ти прасѝў жа ты, мой сынуличка, свайгò татуличку, капъ ёнъ запрёхъ табѣ свайгò кóника заѣхыть у хàтычку, дужа тёмныю, бизвакóнныю? Замкнуть жа тябé, маё дитя́тычка, трёми

замо́чкыми. Пе́рвый жы замо́чыкъ—грабо́выя до́шчычки, другей жы замо́чыкъ—жо́ўтый пясо́чыкъ, а трэ̀тьтій замочыкъ — тра̀вычка-мура̀вычка...

Тоже, когда засыпаютъ могилу.

А я шъ къ табѣ, маё дитя̀тычка, буду хади̇ть кажный дянёчыкъ! Я шъ буду пы табѣ кукува̀ти, тябе́ ў го́сьтійки къ сабѣ звати... Якъ жы мнѣ забы̀тца е́ткыга дитя̀тычку, е́ткыга лю́бинькага? Ёнъ жы висяли́ў усю нашу сяме́ичку... Мой ты дитя̀тычка, мой ты лю́бинькій сыночикъ!...

С. Высокое, Орш. у. Мог. Стар. III, 73.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты галубо́чикъ, а съ кимъ жа ты мяне́ пакі́нуў зъ дробными дѣтками? Якъ мнѣ зь ими пражы̀ть тяперь, хто мнѣ на-сбо́ить гадава̀ть ихъ, къ каму мнѣ сваю гало́вушку прыхину̀ть? Мно́га на̀йдитца и ба̀тикъ и ма̀тыкъ пабить и пажуры̀ть, а къ пу́тю приве́сьти бу́дить не́кыму! Ни хатѣ́ў ты самъ сваи́хъ дѣтыкъ жалѣ́ть, расьтѝть,—чужы̀я батькй—матки жалѣ́ють, да съ тваёй халу́пинки бу́дуть во́нки гнать! А тяпе́рь тваé ручки-пожыньки лижа̀ть спако́йнинька, и нарабо́тылись и нахади̇лися!...

Мать по ребенкѣ.

Маё дитя̀тычка мале́нькыя, а маё нисмышлёнинькыя! А куды ты атъ мяне́ атлита̀ишъ? Ни байсься ты ни голыду, ни хо́лыду! А выйду я тяпе́рь на вулицу, а ўси дѣтки тамъ гуляють, только майго̀ нима̀шицьки!.. Аби́диу ты мянѐ, маё дитя̀тычка, знать, я большы за ўсихъ сыгряшы̀ла!

—

А ўси птушычки зъ вырья вылита̀ють, а ты атъ мяне́ атлита̀ишъ! Зыпусьтѣ́ла мая̀ ха̀тычка—не́кыму мяне разбуди̇ть и развисяли̇ть... Но́жычки мае́ ма̀линькія, ножычки маѐ ми́линькія, набѣ́гылись вы и нагуля́лися... Труждà̀нничыкъ мой нивяли́чынькій, нытруди̇уся ты и ныгуля́уся, а тяпе́рь ляжы̀шъ спако́йнинька... Свади̇бка мая̀ го́рькыя, свади̇бка мая̀ нивясёлыя, биза ўрэмя падышла̀ ты! Каго̀ мнѣ на ету свади̇бку звати, дитя̀тычка маё ми́линькыя?...

Дѣти по отцѣ.

А тату́личка нашъ родьнинькій, съ кимъ жа ты насъ паки-да̀ишъ? А хто жъ насъ бу́дить карми̇ть-пайть, а хто жъ насъ расьтѝть бу́дить? Уся́кій ны насъ бу́дить ту́кыть ды лю́кыть. Батькины ды маткины дѣти вину́ здѣлыють, а мы, сиро́ты, за ихъ отвича̀ть будимъ! Тату́личка ты нашъ ро́дьнинькій, чы̀мся насъ пыкида̀ть, лучшы бъ ты насъ пухува̀ў!...

Когда внесутъ гробъ.

Ни хатѣ́ў ты, нашъ тату́личка, зъ нами ў раско́шный хати жыть—абабра̀ў ты сабѣ хатку новую, ни вяликую и нивясёлую!

Новотухин. вол., Орш. у.

Дочь по отцѣ или матери.

Татуличка (или матуличка) ты мой родьнинькій, сь кимъ ты минѐ пыкидаишъ—ни при ро́зуму, ни при ўсёмъ до́брымъ? Хто шъ мяне́ научи̇ть къ чаму́ до́браму, хто жъ мяне́ дыглида̀ть тяпе́рь бу́дить? А ты жъ, бува̀ла, ўсё приказышъ: „слу́хыйтя мяне,—людьми бу́дитя!“ А тяперь я астанусь бисъ тябе якъ пень той,—зь мянѐ люди зругатца буду́ть, до́брыму учить ня будуть! Чаму жъ ты, мой татуличка, большы ни пажы̀ў, чаму жъ ты мяне большы ни пудгудува̀ў, адѐжынку бъ якую мнѣ спра̀вину, и къ толку бъ мяне́ пристро́ну! Я жъ тяперь нахаджу́ся бо́сая и го́лая. При́дить святцо̀ яко́я—у людей и то́я и сё. ёсь, а я галю́синькыя! Люди будуть висяли́тца зъ ро́дьнинькими, а я буду одна—адинёхинька! Татуличка мой родьнинькій, а я жъ тябе́ бо́льшы ни увиджу, а я жъ тябе большы ня ўстрѣчу, гыласо́чка тваиго́ ни пачу́ю! А куды жъ ты атъ мяне сыбра̀уся? А нихто жъ тамъ табѣ ни пракуку́ить, тольки шэрая зязю́лька ў баро́чку, а нихто жъ тамъ табѣ ни пращабе́чить, то́льки ади́нъ сылаве́йка ў кусточку!...

Жена по мужѣ.

Падру́жынька мой милинькій, якъ жы мнѣ жыть тяперь бисъ тябе, якъ бисъ тябе́ путь мнѣ ныхади́ть и толкъ; што дянёкъ при́дить, усё буду ду́мыть, якій мнѣ ся́ньни толкъ ныхади́ть? Лѣпій бы ты мянѐ пухува́ў, чимъ мнѣ бись тябе астава̀тися! Я шъ зы табой пукрусува́лыся, а тяпе́рь жы я го́ря ны̀тярплюся! А каму шъ ты сваи́хъ дѣтычикъ, дробныхъ, ниразумныхъ, пирика̀зыишъ? А хто шъ ихъ да толку, да ро́зуму дывади́ть бу́дить? Тяперь жы яны го́рькими сиро́тычкыми астаютца, усякій жы ихъ абиждать бу́дить...

Невѣстка по свекрови.

А ма̀мычка ты мыя̀ няро́дныя! Нивяли́кыя ка мнѣ твая̀ жа̀лысь була̀: ты мянѐ ра̀на пыбуджа̀ла, а пашо́ўшы ны сяло̀, абслаўля́ла! Ня стольки ты мнѣ була̀ памо́шница, скольки нябы̀льница! Ты шъ мнѣ була̀ ни пыра̀дьница, а тольки зра̀дьница: бува̀ла, перва пыра̀ишъ, а посьли абсла̀вишъ! Ты шъ мнѣ дыбраты̀ до́брый ня мы̀сьлила и ня мысьлишъ! Ты ны мяне́ тады во́ўкамъ лядѣ́ла, а тяперь и саўси́мъ ня хочишъ,—ма̀мычка мыя̀ няро́дныя!

Мать по взросломъ сынѣ.

А сыночикъ ты мой милинькій, лѣпій бы я тябѐ царю̀ аддала̀, чимся пухувала! Я шъ бы тябе́ дыжыда̀ла, я шъ бы усё надѣ́илысь

сь тябе́ хлѣба! А я шъ ду́мыла тябе къ толку прывесьти, падру́жыньку табѣ выбирала.. А тяперь жы у́жо и падру́жынька ня трэ́ба! Лѣпій бы я тябе́ сусимъ ни рыджала, нячимся я тябе́ гудувала и вялйкыга зыкышала... Я шъ ныть табо́й хварэ́ла—балѣла, а карысьти нияќія ня мѣла. Я шъ тябе́ ниразъ ни забуду, пакуль жыва буду, уси сълядо́чки тває́ прыплачу, вочаньки усѐ свае́ пытрачу, пы табѣ, мой сыночикъ милинькій! Дыжыдала я пирямѣны-спомычи, а дыждала кручины-не́мычи... А хто шъ табѣ, мой сыночикъ, тяперь прыкуку́ить, прыщабе́чить? Ай, я шъ ны табѣ млѣю-гарю́ю, а ты ляжышъ висёлинькій, спакойнинькій...

Мать по взрослой дочери.

Дачу́шычка ты мыя ро́дныинькыя! Лѣпій бы я тябе́ у люди аддала, чимъ на тэ́й сьвѣтъ прыбрала! Лѣпій бы ты, мыя дачу́шка, красувалыся и жыу́шы висялйлыся, чимся лижать бу́дишъ у сырэ́й зямѐлицы, на тьвёрдый пасьте́лицы! Ягыдка мыя нидазрэ́лыя, бисъ пары ты атвалйлыся, на е́тымъ сьвѣти ни пывисялйлыся... А ты шъ у мяне́ адна была, якъ ро́жа у сади цвила! Хто шъ маёй тяперь старысьти приглѣдить, а хто мнѣ пры старысьти ѐстыньки, питыньки пыдасъ? Дачу́шычка мыя милинькыя, куды шъ ты прыбралыся, у дру́гыю даро́шку сыбралыся? Ниразу шъ ты ка мнѣ у́ гось ти ня прыдишъ, а я шъ тябе буду ждать-ждать, и ни даждуся!...

Мать по ребенкѣ.

если умретъ внѣ дома.

А дитятухна ты маё ро́дныя, ни чирызъ мяне́ ты на тэй сьвѣтъ пашло: я шъ тябе́ вяртѣла-ху́хнила, капъ табѣ тёпланька було! Ажны шъ я тяперь вяртѣла тябе́ насьлѣдьній разо́чикъ! Прыдѣтъ висна— усихъ дѣтычки бу́дуть ны дварэ́ гудѣть, аднаго тольки тябе́ ня бу́дить, маё дитятухна! А штобъ вѣдыла я етый дянёчикъ нищасный, я шъ бы ня рылыся изъ дому! Знать жы табѣ батькывыя лауки ни було, што ты ны чужэй лауцы ляжышъ, вясёлинькыя, давольнинькыя, у чужэ́й магильникъ глядишъ..

Мошковская волость, Орш. у.

Дочь по отцѣ или матери.

Сейчасъ по кончинѣ.

Што шъ ты, радительница, ро́нная матушка (или—радитиль, ронный батюшка), аставила мяне го́рькаю нящасную сиратинушку! Къ каму шъ мнѣ тяперь сваю буйнаю галбушку прихину́ть? У насъ жа шъ у цыстымъ поли ни сады пасажаны, ни луги насѣяны, нищасныхъ, горькихъ сиратину́шакъ. Ты шъ, радительница, ро́нная матушка, размахни свай бѣлаи ру́цаньки атъ рятиво́га сярьдѐцушка, ты шъ устань, радительница, ронная матушка, пагавари съ намъ,

горькимъ сиро́тушкамъ, навуцы нас тяжо́лаю работку ро́бить! Ни атвяцаишъ, наша радительница, ронная матушка, ни ядинага славе́цушка сваимъ го́рькимъ нящаснымъ сиро́тушкамъ!...

Когда тѣло вымоютъ и одѣнутъ.

Куды шъ ты, радительница, ро́нная матушка, куды шъ ты знарядилася атъ насъ горькихъ сиро́тушакъ? Запустѣить жа твая тёплая избо́бушка, шырокая вулушка, гладкай дварo̍цыкъ! Ня услышымъ мы атъ сваёй радительницы, роннай матушки, никако́га гуло́цку, тольки услышымъ у цыстымъ поли, дро́мныхъ пту́шацакъ, шэрыхъ куку́шацакъ. Буду шъ я, горькая сиратинушка, примяцать, дѣ будуть куку́шацки кукавать, увиватца: ти ни радительница, ронная матушка, прилятить къ намъ, горькимъ сиротушкамъ?...

На слѣдующее утро, когда навѣщаютъ тѣло въ холодной избѣ.

Атапри, мая радительница, ронная матушка, атапри ты намъ дьверцы! Хади ты у тёплаю избо́бушку, абагрѣй свай бѣлаи ру́цаньки, свай скбраи н жаньки! Имъ тамъ знабнёшынька, халаднёшынька... Што шъ ты расьсярьдилася, радительница, ро́нная матушка, ни атвяцаишъ намъ, горькимъ сиро́тушкамъ, ни ядинага славе́цушка? Като́рай дянёцыкъ ня слышали мы атъ тябѐ гуло́цка!...

При выносѣ въ церковь.

Ни улятай, мая радительница, ро́нная матушка! Запустѣить твая тёплая избо́бушка, шырокая вулушка, гладкай дварo̍цыкъ! Паслухай ты насъ, горькихъ сваѐхъ сиротушакъ: мы шъ, горькаи сиротушки, нашатаимся у цыстымъ поли, бытта травинушки. Зазнабила наша сярьдѐцушка знаблёханька, ня у́видимъ мы, горькаи сиро́тушки, ни краснага дянёцка, ни вясёлага цасо́цка. Зарасту́ть наши пути-дарожаньки цастымъ ѐльницкамъ, густымъ бярёзьницкамъ, а и горькимъ асинушкамъ (тв. п. множ. ч.).

При опусканіи въ могилу.

Пасьлѣдній разо́цыкъ, пасьлѣдній цасо́цыкъ, свиданьня, прашаньня, радительница, ронная матушка! Закатилась маё тёплая красная со́унушка, ня стала яно насъ сиро́тушакъ грѣть, маё тёплая загрѣвица! Выйду шъ я, горькая сиротушка, заутра ранёшанька на шыро́каю ву́лушку, пагляжу шъ я, горькая сиротушка, на цатыри старонушки: ти ня у́вижу идя маёй радительницы, ро́ннай матушки? Ти ни размахаваить ина сваимъ бѣламъ ру́цанькамъ, сваимъ ско́рамъ ножанькамъ? (тв. п. множ. ч.).

Придя съ кладбища.

Упусьтила я сваю радительницу, роннаю матушку,—ня у́вижу шъ я ни краснага дянёцка, ни вясёлага цасоцка! Зазнабила маѐ сярьдѐцушка на цэлый гадо́цыкъ!

Въ концѣ обѣда, когда подадутъ кисель.

Пейти, ѣшти, люди до́браи, успаминайти маю радитильницу, ро́нную матушку! Мой любимый братицъ, салавіюшка! Выйди на шыро́каю вулушку, падъ касястая вако́шацка, падъ пыре́дньяй вугало́цакъ,—ти ни стайть мая радитильница, ро́нная матушка? Скажйти вы, добраи людцы: цыю вы бясѣдушку бясѣдуити, цыю вы пирушку пируйти,—ти ни маёй радитильницы, ро́ннаи матушки? Вы схадйти, привядити яѐ у тёплаю избо́бушку: ти панравитца ёй смирённая бясѣдушка насъ, горькихъ сиротушакъ?...

Мать по дѣтямъ.

После кончины.

Маё ми́лая дитя́тка, што шъ ты сащапила сваѐ бѣлаи ру́цаньки къ ритйву сярьде́цушку, аставила мяне го́рькаю, нищаснаю? Я надѣилась, гарю́ша, што бу́дить падъ маѐ ско́раи но́жаньки, падъ бѣлаи руцаньки падмѣна! Скорая падмѣнушка, вѣрная слу́жанька, лёгкая пасылушка, куды шъ ты, куды улятаишъ, сваю радйтильницу кида́ишъ?

Когда выносятъ изъ дому.

Пусьтила я свайго́ ми́лага дятёнацка, усю си́лушку палажыла, сырую зимѐлюшку ни напо́унила. Прилятай жа шъ, мой милый дятёначакъ, у сваю тёплаю избо́бушку, развяди шъ ты таску-круцынушку сваёй радитильницы, ро́ннаи матушки!...

При опусканіи въ могилу.

Упусьтила я сваю милаю дитя́тку-пташацку! Закатилась маё красная тёплая со́у́нушка! Ня бу́дить жа шъ янѐ грѣть мянѐ у старасьти! Упусьтила я сваю милаю пташацку у сыру зимѐлюшку, у жаўты пясо́цки! Прилятай, мая милая дро́мная пташацка, въ вячару пазьнёханька, па утру ранёханька, къ сваёй радйтильницы, ро́ннай матушки, абагрѣй жа шъ сваѐ бѣлаи руцаньки-ножаньки у тёплай избо́бушки, у мягкай падушацки!...

На слѣдующій день послѣ погребенія.

Циряйми, мой милай дятёнацыкъ, мянѐ горькаю съ круцынушкай! Приляти у тёплаю избо́башку, атагрѣй сваѐ бѣлаи руцаньки, сваѐ ско́раи но́жаньки, пагаманй съ тваёй радйтильницай, ро́ннай матушкай! Я шъ сяго́няшняю тёмнаю но́цушку прислу́хавалась: съ като́рай старо́нушки пада́шъ гуло́цыкъ сваёй радйтильницы, маё я́сная со́унушка! Прилятай, мая милая дро́мная пташацка, развяди маю таску круцынушку! Я шъ пайду у цыстая по́люшка на тяжо́лаю работушку, нагляжу, маё ро́нная дитятка, на ўси цатыри старо́нушки: ти ни лятйть мая милая дромная пташацка, шэрая кукушацка? Прилятй, маё милая дромная дитятка, у цыстая по́люшка, на широкаю нивушку, на тяжо́лаю работушку, къ сваёй ранно́й матушки, падмяни маѐ слабаи ножаньки-руцаньки!...

Дер. Дѣино ракитинскаго прихода Невельск. у., на границѣ Псковской губерніи. Много старообрядцевъ.

Дочь по отцѣ.

А што шъ ты насъ, татка, пакинуў, татка нашъ кармилицъ, пакинуў ты насъ на го́ря ма́линькихъ, а цужыи шъ татки ни жалысьливы. Мы шъ якъ пойдимъ, татка, ны работу, мы шъ усюдыхъ, татка, будимъ тябѐ сацыть и приглидать: ти ни ўзнаимъ тябѐ, татка, ти ны па́хатки, ти ны рабо́тки! А нашто шъ ты пакинуў насъ, дробнинькихъ и малинькихъ? Мы шъ тяперь, татка, усимъ будимъ мишать, мы шъ тяперь, татка, будимъ мно́га мѣсьтицка занимать, а у тябе шъ, татка, мы былй ни зна́цны и ня вйдны. Уси шъ ныдъ нами, татка, падзру́гуютца. А мы шъ будимъ тяперь, татка, лиха ѣсь, лиха пить! А татка, нашъ кармилицъ! А ныстанить лѣтца тёплая: птасэцки зыпаю́ть, зязюлицки зыкуку́ють,—а мы шъ тябе, татка, усюдыхъ будимъ сацыть: ти падъ бѣлый бярёзый, ти патъ крутымъ бирига́мъ (мн. ч.). А татка ты нашъ, кармилицъ, сылаве́йка ты нашъ!...

Дочь по матери.

Мамка зязю́лька, мамка кукушка! Што шъ ты насъ пакйныла на горя ма́линькихъ? Цужыи шъ матки ни жалысьливы и ня ми́лысьтивы! Мамка зязюлька, мамка кармилица! Хто шъ тяперь насъ будить ны рабо́тку снырижать, а хто шъ тяперь будить рызбужать? Мамка-зязюлька, што шъ насъ ни ўрасьтила, уму-разуму ни дывила? Мамка, мы шъ ящѐ глу́пы, мы шъ яще ду́рны! Цужыи шъ матки насъ ня будуть да разуму давадить, мамка! А ещѐ большы будуть съ толку збивать, мамка! Цужыи шъ мамки насъ няпріятна ны работу снырижають, мамка, и съ работы няпрія́тна дыжыдають, мамка!

Д. Альшуты, Узковск. вол., Велижск. у., Витебск. губ.

Если послѣ умершей матери останутся малолѣтнія сироты, ихъ навѣщаютъ деревенскія старухи. Придя въ хату, старуха беретъ на колѣни сироту и поетъ эти пѣсни. Затѣмъ она чешетъ имъ головы, моетъ рубашонки и т. д.

О, круцынушка по́ двару хо́дить,
Зы сабо́й дробныхъ дѣтушыкъ во́дить;
„Вы шъ ни плацтя, дѣтки, ни тужы́тя!
Я куплю вамъ манйсту зылату́ю,
Я й састро́ю вамъ горинку наву́ю,
Привяду вамъ матку мыладу́ю!“
— Охъ, рассы́пся маниста зылатая,
Ой, згарй тая го́ринка нывая,

Прыпадѝ тая матка мыладáя,
Выскряснѝ шъ, наша матушка рыднàя,
Охъ, катòрая насъ мати пырадѝла,
Тёмный нóцушки ни ўсыпàла,
Ина малинькихъ насъ гыдывáла,
Пирямѣнушки сабѣ дыжыдàла!...

—

Якъ у пòли, у пóли при дарóжыньки,
Тамъ стыя́ла, стыя́ла двѣ сиротыцки.
Яны̀ Богу молютца, Христу клàніютца:
„Пыднимúтя шъ, пыднимитя вы буйны вятры̀,
Вызгрябúтя 2 вы жолтыи пяскѝ,
Пыднимитя 2 грыбаву́ю даскỳ:
Пусь устанить 2 рóдна матушка!
Мы ёй усё 2 пыжàлимситка,
Мы ёй усё 2 рыжжàлимситка:
Мы й дирявыхъ рубашыкъ нынасѝлиситка,
Мы и нисалёный капустки ныхлибàлиситка,
Мы й въ канцы̀ стылà ныстыя́лиситка,
Мы й праклённыхъ кусóцкыў наидàлиситка!"

Ильинская вол. Отъ кр. Евф. Өеоктистовой,
зап. Ө. Т. Филипповъ.

Общія поминки.

Кромѣ отдѣльныхъ поминальныхъ дней по каждомъ умершемъ, въ Бѣлоруссіи имѣются и общіе поминальные дни, въ которые совершаются поминовенія всѣхъ вообще умершихъ. Число такихъ дней въ различныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи не одинаково: въ однихъ ихъ только два, въ другихъ число ихъ доходитъ до пяти.

Ниже предлагаются краткія описанія такихъ поминокъ изъ различныхъ пунктовъ Могилевской губерніи.

Изъ поминальныхъ дней крестьяне Мстиславскаго уѣзда особенно чествуютъ „Родительскую субботу", что предъ 26 октября, и „Радуницу"—во вторникъ Өоминой недѣли.

Чествованіе Родительской субботы выражается въ томъ, что къ поминальному столу приготовляется непремѣнно двѣнадцать „потравъ"—кушаній.

На Радуницу крестьяне работаютъ только до полудня. А потомъ одѣваются въ праздничное платье, приглашаютъ священника и отправляются на кладбище, неся съ собою крашеныя яйца, кушанья и водку. Послѣ того, какъ священникъ совершитъ панихиды надъ могилами и уѣдетъ, всѣ усаживаются на могильныхъ насыпяхъ и

прежде всего катаютъ по нимъ крашеныя яйца. Затѣмъ застилаютъ могилы скатертями и устанавливаютъ на нихъ принесенныя кушанья и напитки, которыми угощаются сами и приглашаютъ къ угощенію родныхъ и знакомыхъ. Про этотъ день существуетъ поговорка: „На Радуницу до обѣда пашутъ, въ обѣдъ плачутъ, а вечеромъ скачутъ".

Ослянская вол., Мстисл. у.

Родительская суббота чаще называется „дѣды". Подъ этимъ названіемъ разумѣются души предковъ. Дѣды чествуются вечеромъ. Къ этому времени обязательно слѣдуетъ вымыть и убрать хату и вычистить дворъ. Дѣлается это вопервыхъ для того, чтобы душамъ было чисто, а вовторыхъ, чтобы показать дѣдамъ, что дѣти продолжаютъ поддерживать въ надлежащемъ порядкѣ заведенное дѣдами хозяйство. Вообще, прихода дѣдовъ ждутъ съ трепетомъ, какъ ревизіи.

Вечеромъ на столѣ обязательно ставится „коливо", по возможности не въ глиняной мискѣ, а въ деревянной, точеной, полированной чашкѣ. Коливо—это разсыченный въ теплой водѣ медъ, съ покрошенными баранками или булкою, или же съ пшеничной крутой кутьей. По краямъ чашки кладутся цѣвьями внизъ ложки, по числу ожидаемыхъ дѣдовъ или записанныхъ въ поминальницѣ умершихъ.

Съ наступленіемъ вечера надѣваютъ чистое бѣлье, зажигаютъ предъ образами лампадку и свѣчи, накуриваютъ ладаномъ и становятся на продолжительную молитву. Предъ молитвой глава семейства приглашаетъ покойныхъ: „Святыя дяды̀, хадúтя къ намъ, на што Богъ даў".

Во время молитвы дѣды, какъ вѣрятъ, кушаютъ коливо. Другихъ кушаній, по взгляду населенія Гомельскаго уѣзда, дѣды не ѣдятъ.

По окончаніи молитвы, ужинъ семьи начинается также съ колива, которое ѣдятъ съ благоговѣніемъ „за душачки правоставшія", и не болѣе, какъ по три ложки каждый членъ семьи. Напитки на столъ не допускаются.

Н. Бѣлица, Гомельск. у.

Радуница бываетъ во вторникъ Өоминой недѣли. Въ этотъ день пекутъ блины, варятъ и жарятъ мясо, колбасы, приготовляютъ сыръ, пироги, красятъ яйца; все это укладываютъ въ лукошко и всей семьей отправляются на кладбище. Одну изъ могилъ родственниковъ застилаютъ бѣлой скатертью и на ней раскладываютъ принесенныя кушанья и ставятъ бутылку водки. По совершеніи на могилахъ панихидъ, нѣсколько пришедшихъ родственныхъ семей собираются вмѣстѣ и, поминая покойниковъ, пьютъ принесенную водку и закусываютъ, поютъ „жалóбныя псалмы" и ведутъ разговоръ преимущественно о покойникахъ. Если въ это время случится кому-либо проходить или проѣзжать мимо кладбища, его обязательно приглашаютъ принять участіе въ трапезѣ.

Если священникъ не пріѣдетъ на кладбище, тогда зовутъ „старцо́въ", нищихъ, и они поютъ на могилахъ или свои поминальные стихи или заученныя наизусть панихиды. Ихъ за это надѣляютъ яйцами, хлѣбомъ, угощаютъ водкой, даютъ и деньги. Остатки трапезъ также раздаются нищимъ.

Кое-гдѣ сохранился еще обычай христосоваться съ покойниками: „Христосъ воскрёсъ, таточка!" Цѣлуютъ крашеное яйцо и зарываютъ его въ могильную насыпь. Затѣмъ туда же вливаютъ и рюмку водки предъ началомъ трапезы. Наливъ рюмку, старшій въ семьѣ поднимаетъ ее и говоритъ: „Будь-ка жъ жыў, камў дадуть! а табѣ, татуличка, царства нябесная, свѣтлый рай!" и выливаетъ рюмку въ изголовье могилы. „Нихай жа жъ и ямў дастане́тца чарачка!"

Пропойск. вол. Быхов. у.

Въ Оршанскомъ уѣздѣ „родителей" поминаютъ въ седьмую субботу по Пасхѣ, субботу предъ 26 октября и въ субботу предъ масляницей. Вторая изъ указанныхъ субботъ называется „Зми́трыўка—радитили", остальныя—„дяды". Въ эти дни въ церковь посылаются поминальницы и совершаются панихиды, а дома приготовляются обѣды изъ особо установленныхъ поминальныхъ кушаній: поливки, клёцокъ, каши и блиновъ. Предъ обѣдомъ старшій въ семьѣ призываетъ покойнико́въ къ столу: „Пымяни, Госпыди, душычки Ивана, Марьи, Андрея (и т. д.)! Хади́тя шъ вы къ на́шыму сталў хлѣба-соли атку́шыть!"

„Ра́дыница" празднуется во вторникъ послѣ недѣли пасхальной. Въ этотъ день съ утра работаютъ, въ полдень моются въ банѣ, потомъ обѣдаютъ. Обѣдъ дѣлается „луччи пра́зьнишныга" и непремѣнно съ водкой. Послѣ обѣда отправляются на кладбище всѣ, кромѣ стариковъ, не могущихъ уже дойти до кладбища. Женщины забираютъ съ собою различныя кушанья, крашеныя яйца и водку. Когда священникъ, совершивъ на могилахъ панихиды, уѣдетъ, пришедшіе соединяются по нѣскольку семействъ и угощаютъ другъ друга. Мужская молодежь въ это время бьется на яйца, какъ на Пасху. Около шести часовъ вечера всѣ расходятся. Старшіе и дѣти идутъ по домамъ, а молодежь собирается въ какой-нибудь домъ (посидѣлочную хватеру), приглашаетъ мѣстную музыку и заканчиваетъ день игрищемъ.

М. Рудня, Оршан. у.

Въ Быховскомъ уѣздѣ дѣды справляются „Змитроўськія—осеньскія, у сыботу пирадъ ма́слинкой и пирадъ Тро́йцай и ў панядѣлакъ пирадъ Радаўницай". Дѣды масленичныя называются „снѣданьнямъ" (завтракомъ), радуницкіе—обѣдомъ, Троицкіе „по́лыднемъ", а Дмитровскіе—„вячёрай" (ужиномъ). Дмитровскіе дѣды называются еще „то́ўстыми", главными.

Дѣды справляются вечеромъ. Къ нимъ по возможности собираются всѣ члены семьи, кромѣ далеко отсутствующихъ. Готовятся къ

нимъ заблаговременно: припасаютъ муку на блины, подкармливаютъ кабанчика, приготовляютъ и всѣ другіе съѣстные припасы.

Въ самый день дѣдовъ кто-нибудь изъ членовъ семьи утромъ отправляется въ церковь съ поминальницами и тамъ поминаютъ на панихидѣ умершихъ. Въ церковь при этомъ приносится нѣсколько блиновъ, густая яичница, пирогъ или булочка хлѣба и стаканчикъ меду.

Вечеромъ готовится ужинъ, къ которому нерѣдко приглашаются и бѣдные сосѣди. Ужинать—„дѣдава́ть", стараются попозже, чтобы послѣ ужина сейчасъ же лечь спать. Прежде, чѣмъ начать дѣдовать, зажигаютъ предъ иконою свѣчку и молятся Богу. Кушаній на дѣды, по крайней мѣрѣ—на Дмитровскіе, должно быть двѣнадцать. Во всѣ кушанья, кромѣ конечно молочныхъ, какъ и мучныхъ печеній, кладется по три куска мяса. Кушанья подаются приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Канунъ, съ баранками,
2) рассолъ, свекла, съ мясомъ,
3) крупеня, супъ съ крупою и картофелемъ,
4) бульбе́шникъ, супъ съ картофелемъ,
5) галушки,
6) мясо отваренное,
7) ладки, оладьи, для умершихъ дѣтей.
8) юшка—уха съ лукомъ,
9) морковь или пастернакъ на молокѣ,
10) творогъ со сметаной,
11) яичница и
12) каша.

Порядокъ этотъ можетъ отчасти и измѣняться, но строго наблюдается, чтобы первымъ былъ канунъ, а послѣдними—яичница, каша.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, старшій членъ семьи приглашаетъ умершихъ „родителей":

„Пра́вядныя раді́тяли! хади́тя къ намъ вячёрать, и сами, и вяди́тя съ саббю малыхъ дѣтакъ, и тыхъ, кому не́ къ каму ити!"

Послѣ ужина на концѣ стола ставятъ кружку воды, или льютъ воду въ уголъ подъ кутъ и въ уголъ, находящійся у порога противъ печи, и при этомъ говорятъ:

„Паѣли, раді́тяльки,—на́тя и вадицы напи́тясь!"

Къ ужину подается и водка, которую начинаютъ пить послѣ кануна.

С. Городецъ, Быховскаго уѣзда.

Въ Оршанскомъ уѣздѣ дѣды справляются въ тѣ же три субботы и „на прово́дницу великодня"—Радуницу. Предъ вечеромъ „на дѣды" моются въ банѣ и оставляютъ на полкѣ ведро чистой воды и два вѣника, положенные крестъ-накрестъ ╳. Вечеромъ приходятъ покойнички мыться.

Точно также послѣ ужина оставляютъ на столѣ кутью въ чашкѣ, на края которой вокругъ кладутъ ложки, по числу дѣдовъ-покойниковъ.

Мошковская вол., Оршанск. у.

Въ рукописномъ „Описаніи Кричевскаго графства“ Мейера 1786 г. находимъ слѣдующія данныя о поминкахъ:

„Между протчими обрядными празднествами наблюдается еще въ Полевомъ и Милославичскомъ войтойвствахъ (въ Чериковскомъ и Климовичскомъ уѣздахъ) отъ славянъ занятое воспоминовеніе своихъ мертвыхъ. Кромѣ прародительской субботы, въ которую на кладбищи выносятъ цѣлыя блюды испеченнаго разными подобіями, какъ-то: трапецоидическими и треугольными видами хлѣба, ставятъ они чрезъ цѣлый годъ (?) на столы свои какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ лишный приборъ и не преждѣ за оныя садятся, какъ по громкогласномъ недавно умершаго своего сродственника къ онымъ приглашеніи.

На первой недѣлѣ послѣ Святой седьмицы собираются всѣхъ войтовствъ крестьяне, и имянно каждая деревня особо на свое кладбище; и разныя на оныхъ дѣлая тризны, обкатываютъ кругомъ могилъ своихъ сродственниковъ разноцвѣтныя яйцы, а особливо окрашенныя березовымъ листомъ въ желтую краску, и потомъ оныя не употребляя въ снѣдь, раздаютъ нищимъ. Уповательно, что они это дѣлаютъ для изъявленія чаянія своего о воскресеніи мертвыхъ“. (Стран. 19).

Игры и забавы бѣлорусскихъ дѣтей.

Игры и забавы бѣлорусскихъ дѣтей.

Лицамъ, посвящавшимъ свои труды описанію дѣтскихъ игръ, не удалось выработать для нихъ опредѣленной системы. Происходитъ это потому, что большинство игръ сложны и могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ, и слѣдовательно съ равнымъ правомъ относимы къ различнымъ отдѣламъ. Если же избрать какой-либо опредѣленный терминъ, напримѣръ, мѣсто, гдѣ совершается игра, или время, когда она совершается, орудія игры, тогда нельзя избѣжать повтореній, такъ какъ однѣ и тѣ же игры часто могутъ совершаться и въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, какъ въ различныхъ играхъ могутъ употребляться одни и тѣ же орудія. Мнѣ кажется, дѣтскія игры можно болѣе или менѣе строго раздѣлить на два большихъ отдѣла: однѣ изъ нихъ развиваютъ въ дѣтяхъ наблюдательность, сообразительность, вдумчивость, находчивость, выдержку, чувство справедливости и т. д. Это игры интеллектуальныя. Къ другому отдѣлу относятся игры физическія: развивающія силу, ловкость, проворство, остроту зрѣнія и слуха и т. п. Таковы игры, сопряженныя съ бѣгомъ, прыганьемъ, ловлей, перетягиваніемъ, метаньемъ, попаданіемъ въ цѣль и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ и орудій въ видѣ палокъ, шаровъ, мячей, деревяшекъ. Сюда же должны быть отнесены игры въ шляки—попаданіе въ цѣль, въ косточки и костяшки, развивающія ловкость и т. п. Приблизительно въ такомъ порядкѣ я и располагаю описанія игръ.

Долженъ оговориться, что большинство игръ мнѣ извѣстно съ дѣтства, какъ бывшему активному участнику въ нихъ; описаніе же тѣхъ, которыя за полвѣка улетучились изъ памяти, я просилъ сдѣлать самихъ дѣтей, учениковъ нѣкоторыхъ начальныхъ училищъ Могилевской и Витебской губерній. Къ ихъ записямъ присоединилъ свои и учитель Хоновскаго училища М. Онуфріевъ, записи котораго помѣщены мною въ „Мог. Стар.“ вып. III и въ сокращеніи приведены здѣсь.

Насколько извѣстно, описаніе бѣлорусскихъ игръ дано только Шейномъ (т. III, 191 и слѣд.—34 №№). Въ виду этого и предлагаемый матеріалъ, при всей его ограниченности, составитъ нѣкоторый вкладъ въ эту область бѣлорусской этнографіи,—хотя, конечно, играмъ слѣдовало бы посвятить спеціальное изслѣдованіе. Еще одно замѣчаніе: слово *игра* бѣлоруссъ примѣняетъ только къ музыкѣ: „пригожа скоморохъ играитъ на скрипки!“ Въ сѣверовосточной

части Витебской губерніи еще „играють пѣсни“, т. е. поютъ. По примѣненію же къ играмъ употребляется слово гулять: „гуляли у шляки, будемъ гулять у короля“ и т. д., и слово *игра* замѣняется словомъ *гульня*. Даже въ карты бѣлоруссы „гуляють“, хотя о проигрышѣ и выигрышѣ выражаются правильно: „пройгравъ, выйгравъ“. Сообразно съ этимъ нѣтъ и слова *игрушка*. Его замѣняетъ слово *ца́цка*.

—

Въ короля. Играющіе кладутъ на столъ одну на другую руки ладонями внизъ и считаются: разъ, два—булдава и т. д., или другимъ счетомъ, но въ концѣ ихъ непремѣнно прибавляются слова: „краля! король! Самъ панъ король!“ При каждомъ словѣ тотъ играющій, чья рука внизу, вынимаетъ ее снизу и кладетъ на верхъ. Такъ чередуются всѣ руки. Тотъ, на чью руку придется фраза: „Самъ панъ король!“ считается королемъ. Всѣ остальные, кромѣ крали и вице-короля, подходятъ поочередно къ королю и спрашиваютъ:

— Король, король! Што прикажешь дѣлать? [1])

Отъ изобрѣтательности короля зависитъ дать каждому какую-нибудь интересную или смѣшную работу, напримѣръ:

— Иди ў порогъ и стой на одной ногѣ!

— Иди, поскачи (потанцуй)!

— Принеси въ зубахъ кружку воды!

— Въ одномъ углу помолись, въ другомъ поплачь, въ третьемъ посмѣйся, въ четвертомъ поскачи!

— Стань на головѣ!

— Спѣй пѣсню!

— Стань на часы! При этомъ играющій беретъ кочергу на-караулъ.

— Плавай!

— Будь сапожникомъ! При этомъ играющій садится на стулъ, машетъ руками, какъ будто растягиваетъ дратву, стучитъ кулакомъ, будто прибиваетъ гвоздями каблуки и т. д.

Въ короля. Играющихъ должно быть пятеро. Для игры берутся двѣ круглыя палочки съ корою, длиною въ полтора вершка, и расщепливаются вдоль на двѣ половины каждая. Каждый изъ играющихъ подбрасываетъ поочередно расщепленныя палочки вверхъ. Если при паденіи онѣ разсыплются такъ, что всѣ четыре лягутъ кверху разрѣзами, бѣлыми сторонами, то бросавшій ихъ дѣлается королемъ. Если всѣ лягутъ корою вверхъ, тому быть цыганомъ; если пополамъ—двѣ корою вверхъ, двѣ разрѣзами, тотъ будетъ мужикомъ; если три корою и одна бѣлая—будетъ жидомъ, и наконецъ, если три бѣлыхъ и одна корою—тотъ будетъ старостою. Король присуждаетъ цыгана и жида къ наказанію, а староста наказываетъ ихъ жгутомъ по протянутой ладони. (Быхов. уѣздъ).

[1]) Въ діалогахъ я не соблюдаю точности отдѣльныхъ говоровъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ для распредѣленія ролей пишутся записочки. На одной: „судья!“ На другой: „воръ!“ На третьей: „побѣдный человѣкъ!“ На четвертой: „катъ!“ Записочки свертываются въ трубочки и кладутся въ чашку или въ шапку, а затѣмъ по одной вынимаются оттуда играющими. У кого окажется записка съ словомъ „судья“, тотъ принимаетъ важный видъ и спрашиваетъ:

— Хто побѣдный человѣкъ?

— Я побѣдный человѣкъ! отвѣчаетъ тотъ, у кого записка съ этими словами.

— Хто у тебе коровку ўкравъ?

Побѣдный человѣкъ долженъ угадать, у кого записка съ словомъ: „воръ“. Если угадаетъ, тогда судья кричитъ:

— А, такъ ты у побѣднаго человѣка послѣднюю коровку крадешь! Катъ! Дать ему тепленькихъ пять штукъ!

Катъ беретъ жгутъ, побѣдный человѣкъ держитъ руку вора съ протянутой ладонью, и катъ даетъ по рукѣ пять легкихъ ударовъ. Если судья присудитъ пять „горячихъ“, удары будутъ сильнѣе; если же скажетъ:

— Дать ему пять изъ-подъ синяго камня!—тогда катъ размахивается и бьетъ изо всей силы, такъ-что у вора изъ глазъ слезы сыплются. Но къ такому наказанію прибѣгаютъ рѣдко, такъ какъ при слѣдующей жеребьевкѣ и судья можетъ стать воромъ, и тогда и ему дадутъ „изъ-подъ синяго камня“.

Если же побѣдный человѣкъ не угадаетъ, кто у него коровку укралъ, то судья кричитъ на него:

— А, ты честныхъ людей порочить! Катъ! Дай ему двѣ горячихъ!

И наказанію подвергается побѣдный человѣкъ.

Потомъ жребіи опять свертываются и бросаются въ чашку, и игра начинается снова.

Въ блудню, въ сучку. Играющіе выбираютъ невысокій сучковатый стволъ какого-нибудь кустарника или сучокъ грушеваго дерева и обрѣзываютъ на немъ сучья такъ, чтобы оставались шпеньки ихъ длиною до дюйма. Этотъ стволъ называется блудней или сучкой. Затѣмъ блудню втыкаютъ нижнимъ концомъ въ землю или въ щель пола, вырѣзываютъ круглую палочку вершка въ $1^1/_2$ длиною и, не снимая коры, раскалываютъ ее вдоль на двѣ части; потомъ каждый изъ играющихъ запасается небольшимъ крючкомъ изъ прута.

Тогда играющіе поочередно подбрасываютъ расколотую палочку кверху на поларшина и смотрятъ, какъ упадутъ расколотыя половинки: если онѣ обѣ лягутъ корою кверху, это называется „цыганъ“, и подбрасывавшій получаетъ право повѣсить свой крюкъ на первый сучокъ. Точно также крючекъ вѣшается, если обѣ половинки лягутъ расщепомъ, то есть бѣлыми сторонами, кверху. Это называется „король“. Если же одна

половинка ляжетъ кверху расщепомъ, а другая корою, то это называется „козелька", „баранька", „лыська", и не даетъ права на поднятіе крючка. Такъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока крючки доберутся до верхняго сучка, который называется кашею. Нижній же называется „коростою"; гдѣ сучья рѣдки—называется „полемъ", гдѣ совсѣмъ ихъ нѣтъ—„моремъ" и т. д.

Кто первый доберется до каши, тотъ по уговору наказываетъ остальныхъ или щелчками, или заставляетъ прыгать на одной ногѣ извѣстное разстояніе и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наказанію подвергается только наиболѣе отставшій, крючекъ котораго ниже всѣхъ. Ему завязываютъ глаза и затѣмъ вынимаютъ изъ земли блудню и бросаютъ ее на сколько можно дальше, не сходя съ мѣста. Проигравшій обязанъ ее разыскать. Если же не съумѣетъ этого сдѣлать, онъ долженъ съѣсть комъ земли. (Быховскій уѣздъ).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ игру называютъ „Въ Москву". Сучкамъ даются географическія названія: первый сучокъ называется Гомель, второй Бѣлица, третій Климовскъ (станція), четвертый Черниговъ, Козельскъ, Бровары, Кіевъ и т. д. (путь отъ Гомеля къ Кіеву), но самый верхній—Москва. Игра сопровождается восклицаніями:

— Вотъ, слава Богу, въ Черниговъ пріѣхавъ!

— Вотъ скоро въ Кіевѣ буду!

— Ахъ, когда бъ давъ Богъ скорѣй у Москву прибыть! и т. п.

Наказаніе проигравшему дѣлается по предварительному уговору.

Въ копны, въ кучи. Играющіе мѣряются на палкѣ, и чья рука придется на верху палки, тотъ долженъ свой кулакъ поставить на столъ. Мѣряться продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока останется одинъ. Каждый постепенно накладываетъ свой кулакъ на кулакъ перваго мальчика такъ, что получается цѣлый столбикъ изъ кулаковъ. Тогда тотъ мальчикъ, чей кулакъ лежитъ вторымъ сверху, говоритъ:

— Чія копа (или куча) на моей копѣ?

— Моя, отвѣчаетъ верхній мальчикъ.

— Ну, скидай долоў да ѣдь домоў!

Тотъ снимаетъ кулакъ.

Тогда слѣдующій спрашиваетъ у оставшагося верхняго:

— Чія куча на моей кучѣ? и т. д.

Когда останется только кулакъ одного мальчика, его спрашиваютъ:

— Чія копа въ полѣ?

— Моя?

— А коли ты еè повезе́шь домоў?

— Завтра!

— А кого ты будешь звать въ толокў?

— Сучку, внучку и тебе дурачка!

Затѣмъ, взлѣзши на печной столбъ, говоритъ.

— Я въ поле нагонявся, я и горя навидався, и за грядку сюда забрався, людей посмѣшить, дураковъ понабить!

И начинаетъ придумывать что-либо смѣшное, чтобы разсмѣшить остальныхъ играющихъ. Какъ только кто засмѣется, его берутъ за хохолъ и заставляютъ качать головой, а сами припѣваютъ:

— Качай тебе, Боже, въ темномъ лѣси, въ куролѣси. Ти лукъ, ти качанъ?

Если тотъ отвѣтитъ: „лукъ!" то его бьютъ слегка по головѣ и говорятъ: „тебѣ въ голову стукъ!"

Если скажетъ: „качанъ!" его опять берутъ за хохолъ и раскачиваютъ голову съ тѣмъ же припѣвомъ:

„Качай тебе, Боже, въ темномъ лѣси, въ куролеси. Ти лукъ, ти качанъ? и т. д.

Въ колички. Играющихъ только двое. Они дѣлаютъ себѣ по три колышка, одинъ—бѣлые безъ коры, другой—съ корою, и накалываютъ ими въ землѣ девять дырочекъ, по три въ рядъ. Въ первыя три ставитъ свои палочки играющій бѣлыми, во вторыя три ставятся черныя. Послѣднія три остаются свободными. Тогда первый мальчикъ переставляетъ одну свою палочку въ свободную дырочку, другой дѣлаетъ то же, но такъ, чтобы помѣшать товарищу поставить свои колышки въ рядъ въ какомъ бы то ни было направленіи—горизонтальномъ, вертикальномъ или наклонномъ. Кто изъ играющихъ успѣетъ это сдѣлать, тотъ даетъ проигравшему условленное число щелчковъ. Та же игра, что у гимназистовъ въ крестики и нули при 16 прямыхъ углахъ. (Г. Сѣнно).

Въ конопли. Число играющихъ не ограничено. Мѣряются на палкѣ и выбираютъ „дѣдьку". Дѣдька беретъ чепелу, а всѣ остальные садятся. Съ чепелою дѣдька ходитъ вокругъ сидящихъ, стучитъ въ землю и говоритъ къ одному или къ одной изъ сидящихъ:

— Бра́ла бъ я конопли, бра́ла бъ щѐ бо́ли, китки снопки невелички, да товаришей мало. Ты, Марьянка, пристань ко мнѣ! Коли не пристанешь, велю кіемъ дати, за воро́ты прогнати, собаками засква́ти! Пойди, дѣвка, замужъ: не будешь ни толоть, ни молоть, ни су горъ водў носить: су горъ вода сама текла. Коро́миселъ золотый, самъ князь молодый,—пойди, дѣвка, замужъ!.. Та встаетъ, подходитъ къ дѣдькѣ и держится за него сзади.

Дѣдька съ такимъ же обращеніемъ подходитъ къ другому, къ третьему, ко всѣмъ участникамъ игры. Всѣ они становятся позади дѣдьки и составляютъ плетенку, держась другъ за друга.

Тогда дѣдька начинаетъ кашлять: „а-кхи! а-кхи!"

Самый задній въ плетенкѣ спрашиваетъ:

„Чего ты, дѣдька, кашляешь?"

— Какъ же мнѣ не кашлять, мое дитятко! Набравъ жонокъ молодыхъ: не хочуть ни толоть, ни молоть, ни су горъ воду̀ носить! Затѣмъ хочетъ бить самаго задняго чепелой: „чего ты к-ва, ишла за менѐ замужъ!“ А когда тотъ убѣжитъ, дѣдька такимъ же образомъ прогоняетъ и слѣдующихъ. Остается только тотъ, котораго дѣдька выбралъ первымъ. Они вдвоемъ начинаютъ кружиться, танцевать, причемъ дѣдька поетъ:

„Мы съ тобой, бабка, вѣкъ вѣковали, съ адныѐ ложки крупки клювали!“ На это́мъ игра кончается.

Въ шило. Играющіе садятся въ кругъ, поднимаютъ колѣни кверху, чтобы подъ ними можно было просовывать руки и затѣмъ накрываютъ ноги свитками или платками. Изъ соломы или полотенца скручиваютъ жгутъ. Одинъ мальчикъ садится внутри круга, а кто-нибудь изъ играющихъ незамѣтно бьетъ его жгутомъ, который тотчасъ же передаетъ подъ закрытыми колѣнями сосѣду, тотъ въ свою очередь слѣдующему и т. д. При этомъ говорится: „Бей, шей, пошивай, да́лѣй, да́лѣй посылай!“

Въ то время, когда мальчикъ, сидящій въ кругу, старается перенять жгутъ, тотъ, кому онъ переданъ, снова бьетъ мальчика и передаетъ жгутъ сосѣду и т. д. Если же мальчикъ, сидящій въ кругу, перехватитъ жгутъ у кого либо, тогда виновный идетъ въ кругъ, а тотъ занимаетъ его мѣсто. Игра продолжается сколько угодно. (Сѣннен. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ прячутъ руки не подъ колѣнями, а за спиною и формула употребляется такая: „Шей, шей, пошивай да другому подавай!“ Въ остальномъ игры сходны.

Въ чорта и матку. Собравшіяся дѣти выбираютъ себѣ матку и чорта. Для этого обыкновенно „мѣряются“ на палку, обхватывая ее поочередно руками. Чья рука придется на верхній конецъ палки, тотъ матка, чья рука въ самомъ низу, тотъ чортъ. Затѣмъ остальныя дѣти садятся другъ около друга въ рядъ и кладутъ руки на колѣни съ раскрытыми ладонями. Чортъ отходитъ въ сторону и становится спиной къ играющимъ. Матка беретъ уголь и, обходя рядъ, кладетъ его кому либо въ руки. Тогда всѣ играющіе закрываютъ ладони, а матка говоритъ чорту:

Чортъ, чортъ, ходѝ на диво,
На соло́дкое пиво!

Чортъ подходитъ и по физіономіямъ играющихъ и по положенію рукъ ихъ старается угадать, у кого уголь. Если не угадаетъ, то его прогоняютъ, и матка перепрятываетъ уголекъ. Если же угадаетъ, то обладатель уголька дѣлается „чертененкомъ“ и уходитъ изъ ряда. Потомъ чортъ снова отходитъ, а матка опять раздаетъ уголекъ и зоветъ чорта отгадывать. Такъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока чортъ не выберетъ себѣ половину дѣтей. Тогда берутъ палку, и дѣти матки хватаются за нее съ одной стороны, а чертененки съ другой, и стараются другъ друга перетянуть. Если перетянетъ партія матки, то всѣ играющіе будутъ „маткины дѣти“, въ противномъ же случаѣ всѣ станутъ „чортовыми дѣтьми“.

Въ угольки. Матка раздаетъ уголекъ играющимъ, а чортъ угадываетъ, кому уголекъ отданъ. Если угадаетъ, беретъ себѣ державшаго уголекъ, въ противномъ случаѣ онъ остается маткинымъ. Когда сидѣть остается только одинъ, матка говоритъ: „угадай, ти у матки, ти у дитятки?“ А когда останется одна матка, она беретъ два угля: одинъ большой, который называется „маткою“, другой меньшій, называемый „дитяткомъ“. Матка беретъ одинъ изъ этихъ угольковъ въ правую руку, другой въ лѣвую и спрашиваютъ у чорта: „гдѣ матка, гдѣ дитятка?“

Послѣ этого чортъ и матка садятся на землю, упираясь ступнями другъ въ друга. И берутъ въ руки палку и перетягиваютъ одинъ другого до трехъ разъ. Часто въ этомъ перетягиваніи участвуютъ дѣти матки и чертенята. Побѣдитель становитъ своихъ дѣтей въ два ряда; они берутъ въ руки какую-либо тряпку или полотенце, поясъ, шапку или веревку, а побѣжденные должны три раза пробѣжать между рядовъ побѣдителей, которые при этомъ бьютъ ихъ припасенными тряпками, поясами, шапками.

Въ угольки. Для этой игры выбираются чортъ и матка. Дѣти садятся въ рядъ, чортъ отходитъ и становится къ дѣтямъ спиною, а матка въ это время раздаетъ имъ уголекъ. Чортъ долженъ отгадать, кому она отдала уголекъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣти будутъ „отгаданы“. Тогда матка идетъ „лазьню“ топить. Насыплетъ съ дѣтьми небольшой курганчикъ изъ песку, поставитъ дѣтей въ очерченный кругъ и идетъ звать чорта „у лазьню.“

— Чортъ, чортъ, ходи ў лазьню париться!

— Не пойду я: я твоихъ собакъ боюся!

— Моѐ собаки на замка́хъ!

Чортъ идѐтъ смотрѣть „собакъ“, а они всѣ въ кругу.

Тогда онъ идетъ „у лазьню“ и ложится на песчаный курганчикъ. Матка выпускаетъ „собакъ“ изъ круга; онѣ стаей бросаются на чорта и прогоняютъ его „изъ лазьни“.

Въ краски. Играющіе выбираютъ ангела, чорта и матку. Ангелъ и чортъ отходятъ, а матка садитъ дѣтей въ рядъ и даетъ имъ названія разныхъ „красокъ“ (цвѣтовъ). Тогда подходитъ ангелъ и стучитъ:

— Стукъ! стукъ!
— Хто тамъ?
— Ангелъ!
— Чего ты?
— За краской!
— За якой?
— За ромашкой!

Если среди играющихъ есть такой цвѣтокъ, онъ встаетъ и уходитъ къ ангелу, а если нѣтъ, ангелъ уходитъ одинъ.

Тогда подходитъ чортъ.

Стукъ-стукъ!

— Хто тамъ?

— Чортъ!

— Чего?

— За краской!

— За якой?

— За розой!

Такъ играютъ, пока всѣ цвѣты будутъ узнаны.

Тогда матка кладетъ длинную палку и заставляетъ пройти въ длину ея чорта и ангела, а затѣмъ и всѣ „краски". Которая пройдетъ палку, та ангелова, а которая свихнется, та чортова.

Иногда даются имена не только цвѣтовъ, но и животныхъ, насѣкомыхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣти ангела и чорта перетягиваются на палкѣ. И тогда слабѣйшаго гонятъ сквозь строй.

Въ село. Играющіе выбираютъ хозяина, ангела и чорта. Затѣмъ ангелъ и чортъ отходятъ, а хозяинъ даетъ всѣмъ играющимъ имена какихъ-нибудь селъ или деревень. Подходитъ чортъ.

— Бумъ-бумъ!

— Хто идѐть?

— Самъ чортъ!

— За чимъ?

— За селомъ!

— За якимъ?

— За тамимъ и такимъ!

Называетъ имя селенія.

Если среди играющихъ находится такое названіе, тотъ замѣняетъ чорта, а чортъ садится на его мѣсто. Если же не угадаетъ, тогда подходитъ ангелъ и звонитъ:

— Динь-динь!

— Хто идеть?

— Ангелъ!

— За чимъ?

— За селомъ и т. д.

Въ жутку. Играющіе прежде всего выбираютъ себѣ бабу. Баба садится на скамейку и призываетъ къ себѣ одного изъ играющихъ. Тотъ нагибается лицомъ къ колѣнямъ бабы, а она накрываетъ чѣмъ либо его голову. Тогда играющіе подходятъ по одному и слегка бьютъ закрытаго товарища жгутомъ. Когда всѣ подойдутъ, баба открываетъ ему голову и спрашиваетъ, кто билъ первый. Если тотъ не узнаетъ и укажетъ на кого-либо другого, то ему кричатъ:

— Мышку зъѣвъ! Мышку зъѣвъ!

И опять накрываютъ ему голову, до тѣхъ поръ, пока угадаетъ, кто его ударилъ первымъ.

Тогда накрываютъ голову тому мальчику, который первымъ билъ, и игра продолжается.

Бить накрытаго имѣетъ право и баба, и если накрытый не не узнаетъ, что это она била, то ему кричатъ:

— Старая баба на соль взяла!

Баба не перемѣняется до конца игры. Она выбирается изъ мальчиковъ посолиднѣе и не должна утаивать того, кто билъ первымъ.

Игра эта въ наибольшемъ ходу въ Коляды и въ Масленицу.

Въ кулюкушки. Играющіе мѣряются на палкѣ и выбираютъ кулюкуванника. Онъ садится въ опредѣленномъ мѣстѣ и зажмуриваетъ глаза, или ему ихъ завязываютъ платкомъ. Остальные играющіе въ это время прячутся во дворѣ или въ овинѣ, въ сѣнѣ, соломѣ и т. д.

Посидѣвъ немного, кулюкуванникъ спрашиваетъ: „ти годъ?" Если кто еще не успѣлъ спрятаться, то кричитъ: „еще нѣтъ!" Въ противномъ же случаѣ всѣ молчатъ, чтобы не выдать, кто гдѣ спрятался.

Тогда кулюкуванникъ снимаетъ повязку съ глазъ и идетъ разыскивать спрятавшихся. Если кого найдетъ, то отводитъ на то мѣсто, гдѣ кулюкувалъ. Приведенный долженъ тамъ плюнуть и остаться. Онъ называется „забитымъ". Кулюкуванникъ же ищетъ остальныхъ участниковъ игры и когда найдетъ, то кулюкувать остается тотъ, который найденъ первымъ, и игра продолжается. (Островенская волос., Сѣнненск. уѣзда).

Стрѣлецъ. Играющіе мѣряются и выбираютъ стрѣльца и двухъ или трехъ собакъ. Всѣ остальные дѣлаются зайцами. Зайцы прячутся по кустамъ, по ямамъ, въ лѣсу—смотря, гдѣ пасутся мальчуганами лошади. Тогда выходитъ стрѣлецъ и кричитъ: бахъ! бахъ! (стрѣляетъ). Собаки тогда бѣгутъ во всѣ стороны, находятъ зайцевъ и выгоняютъ ихъ на открытое мѣсто. На каждаго изъ нихъ стрѣлецъ долженъ крикнуть: бахъ! бахъ! Иначе заяцъ опять скроется и его придется отыскивать вторично.

Въ слѣпца. Во время пастьбы лошадей конюшки собираются вмѣстѣ и считаются, кому быть слѣпцомъ. Тогда завязываютъ слѣпцу глаза, выводятъ его на чистое мѣсто и ставятъ „ракомъ" — на четвереренькахъ. Потомъ каждый изъ играющихъ подходитъ къ слѣпцу и бросаетъ изъ подъ него свою шапку, — всѣ въ одномъ направленіи. Когда всѣ шапки будутъ подброшены, тогда слѣпецъ долженъ ползкомъ разыскивать ихъ съ завязанными глазами. Какъ только ему попадется подъ руки чья нибудь шапка, онъ тотчасъ вскакиваетъ, снимаетъ повязку съ глазъ и убѣгаетъ. Хозяинъ шапки гонится за нимъ и отнимаетъ свою шапку. Если же этого не сдѣлаетъ, то самъ становится слѣпцомъ.

Въ транпыжа. *Можно играть* втроемъ. Дѣлаютъ два транпыжа, то есть небольшія мѣченныя палочки, и одинъ изъ играющихъ, по уговору, бросаетъ ихъ далеко въ сторону, въ то время, когда другіе играющіе ложатся на землю, чтобы не видѣть, куда упадутъ транпыжи. Когда палочки будутъ заброшены, бросавшій кричитъ: „вставайте!" и махнетъ рукой въ ту сторону, куда брошены палочки. Тѣ встаютъ и идутъ разыскивать ихъ. Кто найдетъ палочку раньше, тотъ ѣдетъ верхомъ на другомъ отъ мѣста находки до кона, то

есть до того мѣста, откуда транпыжи бросались.

Въ палочку-булавочку. Собирается нѣсколько мальчиковъ и мѣряются на палкѣ: одинъ обхватываетъ рукою палку на нижнемъ концѣ, слѣдующій вплотную надъ нимъ и т. д. Когда всѣ возьмутся за палку, а верхній конецъ ея еще свободенъ, тогда нижній мальчикъ снимаетъ свою руку снизу и обхватываетъ палку выше прочихъ мальчиковъ. То же дѣлаютъ и всѣ остальные, пока достигнутъ верхняго конца. Тотъ, чья рука придется на верхнемъ концѣ палки, долженъ „идти въ поле“. Это значитъ, что ему бросаютъ далеко по улицѣ палку, и онъ долженъ бѣжать за нею и принести „къ огню“ — обыкновенно къ воротамъ, къ тому мѣсту, откуда бросалась палка. Пока полевой бѣгаетъ за палкой, остальные участники должны спрятаться кто куда. Принеся палку къ воротамъ, полевой „отстукивается“ и говоритъ:

„Палочка - булавочка домой пришла, дома никого не нашла. Кого перваго найдитъ, той за палочкой пойдитъ!“ Оставивъ здѣсь палку, полевой отправляется отыскивать спрятавшихся товарищей, а тѣ стараются воспользоваться его отлучкой и, схвативъ палку, „отстукиваются“. Если имъ это удастся, полевому вторично приходится идти въ поле, а остальные снова прячутся. Если же полевой вовремя предупредитъ попытку спрятавшихся завладѣть его палкой и самъ отстукается, тогда въ поле идетъ первый обнаруженный имъ мальчикъ изъ числа прятавшихся.

Условіе игры иногда осложняется тѣмъ, что полевого обязываютъ отыскать или застукать всѣхъ участниковъ. А это довольно трудно, если играющіе прячутся далеко отъ палки Когда мѣряются на палкѣ, нерѣдко бываетъ такъ, что остается свободнымъ маленькій кончикъ палки, который можно охватить не всею ладонью, а только однимъ-двумя пальцами. Тогда верхній мальчикъ протестуетъ и устраивается „судъ“. На судъ идутъ верхній мальчикъ и его сосѣдъ снизу. Этотъ послѣдній беретъ въ руку оставшійся свободнымъ кончикъ палки, а жалобщикъ долженъ выбить у него изъ руки палку ударомъ своей шапки или пояса. Если ему это удастся, въ поле идетъ его сосѣдъ снизу, въ противномъ же случаѣ, то есть, если тотъ удержитъ палку при ударѣ шапкою, въ поле идетъ жалобщикъ. (Г. Сѣнно).

Татарская палочка. Играющіе считаются, чтобы выбрать старосту. Счетъ этотъ обыкновенно такой:

Разъ, два—булдава,
Три, четыре—почепили,
Пять, шесть — негдѣ сѣсть,
Семъ, восемъ —сѣно косимъ,
Девять, десять—деньги вѣсить.

—

Разъ, два, три, четыре,
Менѐ грамоти учили,
Ни читать, ни писать,
Тольки въ пôплясы играть.
Я плясала, я плясала,
Себѣ ножку я зломала.

—

Шапочка татарочка,
Князь, не печалься:
Твоя жанà Марья
Спородила сына.
Якъ ему имя?
Царà Костинтина!
Бубенъ, бубенъ,
Отдай дочку
За мойго сына!
У мойго сына
Трое сáней
Съ козырáми,
Гвóздемъ биты,
Шолкомъ шиты!
Ключъ!

На кого приходится послѣднее слово этихъ причетовъ, тотъ и дѣлается старостой. Тогда начинаютъ считаться снова, чтобы рѣшить, кому идти въ поле. Тому, на кого надетъ этотъ жребій, завязываютъ глаза платкомъ или надвигаютъ на глаза шапку, и потомъ забрасываютъ отсюда палку—„татарскую палочку.“ Затѣмъ открываютъ полевому глаза и онъ долженъ шагомъ идти разыскивать палку. Играющіе въ это время прячутся. Найдя палку, полевой возвращается съ нею на то мѣсто, откуда ее бросали и, постучавъ ею, отправляется отыскивать спрятавшихся. Увидя кого-нибудь изъ нихъ, онъ называетъ его по имени и бѣжитъ стучать палкою. — А, Иванька, Иванька, выходи! Иванька выходитъ. Тогда полевой ищетъ такимъ же образомъ и остальныхъ. Если кто изъ спрятавшихся подкрадется незамѣтно къ палкѣ и постучитъ ею, полевому снова завязываютъ глаза и посылаютъ искать палку. Если же онъ разыщетъ всѣхъ, то въ поле идетъ тотъ, кого онъ нашелъ первымъ.

Въ жмурки. Играющіе считаются или мѣряются на палкѣ и на кого надетъ послѣднее слово счета или кто возьметъ верхъ палки, тому завязываютъ глаза. Предъ этимъ онъ загоняетъ всѣхъ „подъ печь“, вслѣдствіе чего всѣ играющіе собираются въ опредѣленное мѣсто, а тотъ, кому завязываютъ глаза, идетъ потомъ туда ловить ихъ. Играющіе разбѣгаются оттуда, и слѣпому приходится ловить ихъ по всей хатѣ. Первый, пойманный имъ, замѣняетъ слѣпого и самъ начинаетъ ловить играющихъ, а бывшій слѣпецъ становится въ число прячущихся. (Чериков. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ эта игра называется **въ кота**. Такъ какъ эта игра комнатная, то дѣти обыкновенно считаются, но не мѣряются. Когда окажется котъ, то ему завязываютъ глаза и ведутъ, непремѣнно всѣ, къ порогу двери. Котъ берется за ручку двери, а сопровождающіе предлагаютъ слѣдующіе вопросы:

— Котъ, котъ, на чемъ стоишь?
— На дубу!
— За што держишься?
— За сукъ!
— Што на суку?
— Улья!

— Што въ ульяхъ?
— Пчелы!
— Што въ пчелахъ?
— Медъ!
— Кому да кому?
— Пáни да пану̀!
— А намъ што?
— Г. на лопатѣ!

Тогда играющіе бьютъ кота въ спину подъ тактъ пѣсенки:

„Апана́съ, Апана́съ, твоя жонка у насъ увалилась у квасъ. Лови семъ годъ насъ!“

И съ послѣдними словами опрометью бросаются отъ кота въ разныя стороны. „По закону“, въ церемоніи проводовъ кота до порога обязаны участвовать всѣ играющіе, но обыкновенно трусы заранѣе прячутся, кто въ кочережникъ, кто подъ столъ.

Смѣняетъ кота первый, кого онъ поймаетъ. Церемонія проводовъ повторяется надъ каждымъ котомъ.

Въ жмурки. Въ жмурки играютъ на дворѣ, въ полѣ, въ лѣсу. Сначала считаются, кому жмуриться.

Цы́нцу-волы́нцу,
Пятому-ла́дому,
Си́кусъ-бри́кусъ,
Радивонъ, выйди вонъ!

Или:

Хо́дить кошка
Коло вокошка,
Ма́нить дѣтокъ,
Коло клѣтокъ:
„Ахъ вы, дѣтки,—
Много васъ,
Красна шапка,
Прочь отъ насъ!“

Или:

Иванъ, Иванъ,
Подай стаканъ!
Подай лимонъ,
Выйди вонъ!

Тотъ, на кого придется послѣднее слово, выхо́дитъ, а оставшійся послѣднимъ послѣ счета, жмурится, ставши за какимъ-нибудь прикрытіемъ, чтобы никого не видѣть. Играющіе прячутся. Черезъ нѣсколько минутъ оставшійся спрашиваетъ: „ти уже?“ Ему отвѣчаютъ: „уже!“ А если кто нибудь еще не успѣлъ спрятаться, то кричитъ: нѣ ще! нѣ ще!

Когда всѣ спрячутся, жмурка идетъ ихъ разыскивать. Какъ только онъ отойдетъ отъ того мѣста, гдѣ жмурился, всѣ спрятавшіеся стараются занять безъ него это мѣсто и „заплеваться“, то есть плюнуть здѣсь. Жмурка старается въ это время поймать кого-нибудь и зачурить, то есть, схвативши или дотронувшись, сказать „чуръ!“ Тогда жмуркой дѣлается пойманный.

Въ лыки. Чтобы играть въ лыки, два мальчика садятся на землѣ, упираясь ступнями другъ въ друга. Прочіе мальчики должны переходить черезъ ихъ ноги. Ихъ спрашиваютъ:

— Куды йдешь?
— У лыки!
— Ну, иди!

Когда всѣ перейдутъ въ лыки, тогда начинаютъ перепрыгивать черезъ ноги обратно, идя „изъ лыкъ“. Сидящіе, не мѣняя позы, должны ихъ ловить. Чѣмъ выше и проворнѣе мальчикъ прыгаетъ, тѣмъ труднѣе его поймать. Если же который будетъ пойманъ, онъ садится на мѣсто поймавшаго и самъ начинаетъ ловить другихъ. (Рогач. у.).

Въ южной Бѣлоруссіи эта игра называется игрою „въ соль“.

Играющіе, переходя черезъ ноги сидящихъ, поютъ хоромъ:

— Иде́ть байда́къ бе́зъ соли, безъ соли́!

Пока всѣ перейдутъ.

На обратномъ пути мальчишки сильно разбѣгаются и, перепрыгивая черезъ ноги, каждый отдѣльно кричитъ:

— Иде́ть байдакъ съ солью!

Въ остальномъ подробности игры тѣ же.

Въ перескочки. Играющіе снимаютъ шапки и складываютъ ихъ одна на другую столбикомъ. Потомъ въ томъ же порядкѣ, какъ сложены шапки, начинаютъ прыгать поверхъ столбика, такъ, чтобы не задѣть ногами шапокъ. Въ случаѣ кто-нибудь задѣнетъ шапки, его гонятъ „скрозь строй“. Для этого становятся всѣ одинъ за другимъ, разставивши въ стороны ноги, а задѣвшій шапки ползетъ у нихъ подъ ногами. Его въ это время бьютъ шапками

Пшено. Выбираютъ кота и мышку и становятся въ кругъ, взявшись за руки. Мышку пускаютъ въ середину круга, а кота оставляютъ внѣ. Котъ старается прорваться въ кругъ и схватить мышку. Играющіе же стараются его не пропустить; но если онъ тѣмъ не менѣе прорвется, они быстро выпускаютъ мышку изъ круга, а кота, наоборотъ, задерживаютъ. При этомъ котъ кричитъ: „шкы́ра въ пшено! шкы́ра въ пшено!“

Если коту удастся поймать мышку, она дѣлается котомъ, а котъ мышкой, и игра продолжается. (Чаус. у.).

Въ кота и мышку. Дѣти выбираютъ кота и мышку, и становятся въ кругъ, взявшись за руки. Мышку пускаютъ въ кругъ, а кота задерживаютъ внѣ круга. Если же котъ ворвется въ кругъ, играющіе тотчасъ выпускаютъ мышку изъ круга, а кота задерживаютъ въ кругу. Если онъ снова вырвется изъ круга, туда пускаютъ мышку и т. д. Играютъ до тѣхъ поръ, пока котъ все-таки изловитъ зазѣвавшуюся мышку. (Гом. у.).

Звонъ. Играющіе берутся за руки и составляютъ кругъ. Одинъ изъ нихъ входитъ въ кругъ и потомъ старается оттуда вырваться, но его не пускаютъ. Когда же онъ наконецъ вырвется и бросится бѣжать, играющіе стараются его поймать. Тотъ, кто поймаетъ, самъ дѣлается звономъ и идетъ въ кругъ. Игра продолжается снова.

Въ рагодана. Желающіе играть становятся въ кругъ и одинъ изъ нихъ „загадываетъ“, говоря: „Рагоданъ, рагоданъ, на четыре загаданъ. Катерининъ носъ на пятнадцать верстъ. Шалдо́-балдо́, бушма́къ борода!“

При каждомъ словѣ онъ указываетъ пальцемъ на каждаго изъ играющихъ поочередно и на кого падетъ слово „борода“, тотъ начинаетъ ловить остальныхъ играющихъ, а тѣ отъ него убѣгаютъ. Поймавши кого-нибудь изъ убѣгающихъ, рагоданъ спрашиваетъ:

— Чій ты?

— Царо́въ!

— Ну, поможи мнѣ ко́ней ловить! И начинаютъ ловить вдвоемъ, потомъ втроемъ и т. д.

Д, Латыгово, Сѣнн. у.

Въ дѣтей. Половина играющихъ садится на землѣ въ видѣ круга—это дѣти, а другая—матки, становится позади каждаго изъ нихъ. Въ средину круга идетъ та, для которой не оказалось пары изъ числа играющихъ. Она называется яловка. Обходя стоящихъ, яловка спрашиваетъ у кого-нибудь:

— Кума, кума, продай дитя?

— Не продажное! Ступай дальше!

Тогда къ другой, къ третьей. Наконецъ какая-нибудь матка спроситъ:

— А яка́я жъ твоя плата?

— На̀—бобу лопата!

И каждая бросается бѣжать въ противоположныя стороны вокругъ сидящихъ. Которая скорѣе добѣжитъ до оставленнаго дитяти, та становится маткой, а отставшая дѣлается яловкой, и игра продолжается.

Быховскій у.

Въ считки-бытки. Толпа дѣтей собирается въ кругъ, и выбираетъ себѣ счита. Обязанность его считать играющихъ, указывая на каждаго изъ нихъ по очереди. При этомъ употребляются такіе тексты:

Счи́тки-бы́тки, у воро́нки, у кокȍшки; самъ вороне́цъ, выйди вонъ, на конецъ!

Или:

— Соломина, ело́мина, беристе́нь, посвисте́нь, Радиво́нъ, иди вонъ!

Тотъ, на кого придется послѣднее слово, выходитъ, и счетъ продолжается далѣе, пока останется одинъ.

Ему надо переловить всѣхъ играющихъ. Поймавши перваго, онъ спрашиваетъ:

— Чій ты сынъ?

— Гаршевъ!

— Ну, ступай со мной въ товарищи.

И ловятъ уже вдвоемъ, потомъ, поймавши еще одного, втроемъ и т. д.

Въ здогонки. Играющіе становятся въ кругъ и начинаютъ „считаться“. Считаніе это состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ, ставши въ кругъ, указываетъ пальцемъ на каждаго изъ играющихъ и говоритъ для каждаго изъ нихъ по одному слову изъ принятой формулы. Такихъ формулъ много; нѣкоторыя приводятся:

„Цокъ-цыгиро́къ,
Пана Фида футоро́къ,
Прѣла-горѣла,
Замужъ летѣла,
Вусъ, бороду́съ,

Кислый квасъ,
Лови насъ!“

—

„Агоди́нъ, тригоди́нъ,
Сосновый, еловый,
Тристе́ль-коросте́ль,
Супѐка-кукаре́ка,
Сапро́ня-зязюля!“

—

„Соломина, ело́мина,
Тристе́ль-свисте́ль,
Коникъ жо́ванъ,
Чимъ подко́ванъ?
Золотомъ битымъ,
Наводитымъ.
Эчь, прэчь!“

—

„Мужыкъ-во́жыкъ,
Прода́ў нȍжыкъ,
Купиў мы́ла,
Помы̀ў ры́ла“.

Быхов. у.

—

А чи-чѝ, сарока,
Куды́ ляти́шъ далёка?
Сѣла-пала ны таку́
У чурво́нымъ кылпаку.
Ня би́ мяне́ пы баку́,
Буду табѣ го́тъ служы́ть,
Саху́ на̀ поля наси́ть.
Прышо́ў ў по́ля—сахѝ нима̀,
Прышо́ў у дворъ—жаны нима̀.
— А йдѣ жана?—У мяки́ни!
— Што ради́ла?—А Якима!
— Хто купа̀ў?—Сыбака!
— Чимъ заву́ть?—Кылба́ка!
— Идѣ ляжы́ть?—Пыдъ ла̀ўкай!
— Чимъ накры́ўся?—Кыря́ўкый!
— Дѣ пыкла̀ли?—Путъ кути́мъ!
— Чимъ накрыли?—Лускуто́мъ!
И припѣўцы кане́цъ,
А мнѣ мёду карэ́цъ!

—

Питушо́къ, питушо́къ,
Зылатэ́й грыбянёкъ!
Ны сало́мцы спаў,
Ёнъ ра̀на устаў,
Пу вади́чку пашо́ў,
Мыляди́чку пашо́ў.
Мыляди́чка дыбра̀
Яму̀ што́ники дыла̀.
Ёнъ и тэя ни знаси́ў
И другія пупраси́ў.

—

Мати сына ради́ла,
На коника садила,
Шаўко́выя пувады̀,
Вядѝ кыня̀ ды вады́.
Арэ̀хува кары́та
По́ўна вады̀ налита.
Тамъ мальчики ноги мыли,
А дѣ́вычки ваду́ пили.
А дѣ́вычки чаты́ры,
Капъ ихъ черви стачи́ли.
А ма́льчикуў пять, пять,
У зо́лыти сьпять, сьпять!

С. Высокое, Оршан. у,

—

Малатила я гаро́хъ,
На чужомъ тачку́
На прыбу́дьничку.
Ка мнѣ куры лятя̀ть,
Литату́ры лятя́ть,
А я ку́рыцу цапо́мъ,
А варо́ну малато́мъ.
Палятѣла йна̀
Да на Йва̀наў дворъ.
А Иванъ Барко́ў
Заганя́ў ваўко́ў
На баярскій дворъ,
Гдѣ шапки шъю̀ть,
Прыгава̀риваютъ:
Блоха̀ баню тапи́ла,
А вошъ па̀рылася,
Съ палку̀ ўда̀рылася:
„Во́хи-во́хи, ни магу́,—
Патяни́тя за нагу̀!“

—

Тарана̀, тарана̀,
Купи̇̀ў батька барана̀,
Да ни скобли̇нага,
Да ни дбинага.
Матка дайла,
Даёнку пабйла!

—

А ты, котикъ, ни гуляй,
Начо́вачки прыбирай!
Начо́вачки склйзки,
Вядёрачки блйзки.
Крукъ обарва̀ўся,
А ты та̀къ аста̀ўся. Гомельск. у.

—

Ла̀тки, латки,
Дяко́вы рыбя́тки
Гаро́хъ мылатйли,
Цапы пулума̀ли,
За 'винъ закида̀ли,
Дячку̀ ни скыза̀ли.
Дякъ зыбранйўся,
Исъ пыла̀ть звалйўся,
Дячиха съ печи,
Пабила плечи,
Пяту́хъ зь я̀мки—
Пабйў кля́мки,
Курица съ палйцы,
Пабйла шклянйцы.
Оршан. у.

На кого упадаетъ послѣднее слово „счета“, тотъ выходитъ изъ круга: счетъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ повыходятъ, останется только одинъ. Онъ обязанъ ловить играющихъ. Въ этомъ случаѣ игра варьируется: въ однихъ мѣстахъ оставшійся въ кругу обязанъ изловить одинъ всѣхъ играющихъ; въ другихъ на помощь ему приходятъ всѣ, кого онъ раньше поймаетъ: когда поймаетъ одного, начинаютъ ловить вдвоемъ; когда они поймаютъ по одному, ловятъ вчетверомъ и т. д. Для отдыха уходящихъ отъ погони устраивается особое „горячее мѣсто“, гдѣ нельзя ловить играющихъ.
Окол. Клишинъ, Сѣнн. у.

Въ жида. Играющіе становятся въ рядъ и считаются:
Ахъ ты, уточка шаро́й,
Поступай скорѣй домой:
Въ тебѐ се́меро дѣтей,
Восьмы́й селезень,
Девятая утка.
Десятая клю̀тка
За моремъ пала̀,
Въ церкви стала.
Вы́сѣку дубинку,
Положу на полку.
Хто взявъ?—Я взявъ!
Радивонъ, выйди вонъ!

На кого придется слово „вонъ!“ тотъ и жидъ. Всѣ убѣгаютъ отъ него, а онъ догоняетъ ихъ и ловитъ. Но пойманнымъ считается только тотъ, кого жидъ „зарѣжетъ“, то есть проведетъ рукою по горлу. Первый, кого онъ такимъ образомъ зарѣжетъ, становится жидомъ на его мѣсто.

Въ козу. Въ козу играютъ главнымъ образомъ въ полѣ, во время пастьбы лошадей—„коло ко́ней“. Прежде всего играющіе выбираютъ пастуха. Для этого они разставляютъ широко ноги и согнувшись, бросаютъ черезъ отверстіе между ногами шапки назадъ отъ себя. Чья шапка упадетъ ближе другихъ, тотъ и долженъ пасти козъ. Тогда играющіе вбиваютъ въ землю колышекъ, привязываютъ къ нему оброть съ поводомъ и даютъ пастуху конецъ повода въ руки.

На такомъ разстояніи пастухъ долженъ находиться отъ колышка. Потомъ играющіе складываютъ у колышка свои шапки, которыя называются козами.

Пастухъ беретъ въ руки хворостину или кнутъ и пасетъ козъ, то есть старается не допустить играющихъ подбѣжать къ колышку и ухватить свою шапку такъ, чтобы пастухъ не ударилъ ихъ кнутомъ. Если же пастухъ допуститъ, что у него будетъ схвачено три козы (шапки), то его гонятъ сквозь строй. Для этого играющіе опять широко разставляютъ ноги, а провинившійся пастухъ долженъ на четвереринькахъ бѣжать между ними. При этомъ его бьютъ шапками.

Въ горѣлыша. Играющіе становятся попарно, пара за парой, а впереди спиною къ парамъ, становится горѣлышъ. Онъ долженъ стоять прямо и ни въ какомъ случаѣ не смотрѣть по сторонамъ.

Когда всѣ установятся, горѣлышъ говоритъ: „горю!“ Ему отвѣчаютъ: „Гори, гори ясно, штобы не погасло. Ныхъ!“ Тогда задняя пара, раздѣлившись, обѣгаетъ играющихъ и горѣлыша и старается снова соединиться. Горѣлышъ долженъ по слуху узнать, что они бѣгутъ, и поймать одного изъ бѣгущихъ. Если поймаетъ, то становится парой впереди прочихъ, а горѣлышемъ дѣлается тотъ, кто отбился отъ своей пары. Тогда такъ же бѣжитъ слѣдующая пара и т. д. Иногда передняя пара старается заглушить шумъ бѣгущей задней пары или, наоборотъ, кричатъ ему: „бѣгутъ! бѣгутъ!“ Тотъ срывается съ мѣста, когда задняя пара еще не тронулась, чѣмъ возбуждаетъ всеобщій смѣхъ.

Играютъ тогда, когда можно бѣгать безъ обуви, „потому-что босикомъ легче бѣгать“. (Повсемѣстно).

Въ горлачики. Дѣти выбираютъ матку и кота. Затѣмъ всѣ остальные садятся на землю, а матка говоритъ коту: „Гляди жъ, котъ: я пойду въ поле на работу, а ты стереги тутъ горлачиковъ, чтобъ, Боже сохрани, никто ихъ не опрокинулъ!“ Матка отходитъ въ сторону, а котъ обходитъ сидящихъ дѣтей и говоритъ на одного: „Это сметанка!“ На другого: „Это сыро́водка!“ На третьяго: „Это творожокъ!“ и т. д. И начинаетъ ихъ опрокидывать. Въ это время приходитъ матка, видитъ лежащіе горлачики и ловитъ кота. Когда поймаетъ, наказываетъ его: „Не трогай сметанки! не бей горлачей!“ Котъ старается вырваться и убѣжать.

Въ макъ. Играющіе мѣряются на палкѣ, и кто придется на верху, того ставятъ въ кругъ, а остальные, взявшись за руки, ходятъ вокругъ него и поютъ:
А посѣю я макъ да на долинѣ.
А вы жъ моѐ макбвочки,
Золотыя головочки,
Станьте въ радъ (рядъ),
Якъ бывъ макъ!

Послѣ этого останавливаются и спрашиваютъ у того, который стоитъ въ кругу:
— Ти оравъ на макъ?

— Оравъ!

Тогда снова начинають ходить вокругъ него и пѣть. Пропѣвши, спрашивають:

— Ти скородивъ на макъ?

— Скородивъ!

Затѣмъ, послѣ каждаго пѣнія, послѣдовательно спрашивають:

— Ти взошовъ макъ?

— Взошовъ!

— А ти цвитѣвъ макъ?

— Цвитѣвъ!

— А ти поспѣвъ макъ?

— Поспѣвъ!

Какъ только онъ скажетъ: „поспѣвъ!" Такъ всѣ изъ круга бросаются къ нему и стараются схватить „за хохолъ". При этомъ кричатъ:

— Трасíте макъ! Трасíте макъ. Бывшій въ кругѣ убѣгаетъ. (Д. Гончарово, Сѣнн. у.).

Дикари и русскіе. Отмѣривають двѣ черты на разстояніи десяти саженей одна отъ другой: за одной чертой становится матка—дикарь, за другой русскіе; пространство между линіями называется полемъ.

Русскіе, постоявъ нѣкоторое время за чертою, идутъ на поле и наругаются дикарю:

— Сѣро, бѣло, ти не ты?

Сѣро, бѣло, ти не ты?

Выведенный изъ терпѣнія, дикарь бросается на русскихъ и старается кого-нибудь изъ нихъ поймать, но только на полѣ, за черту же переступать онъ не смѣетъ. Если никого не поймаетъ, то возвращается обратно за черту, а русскіе снова выходятъ на поле и начинають дразнить дикаря:

— Сѣро, бѣло, ти не ты?

Сѣро, бѣло, ти не ты?

Дикарь опять бросается на русскихъ и если кого-либо поймаетъ, то уводитъ за свою черту; пойманный дѣлается уже дикаремъ и помогаетъ маткѣ ловить русскихъ. Когда останется только одинъ русскій, тогда всѣ дикари, сыны и дочки матки, ложатся спать. Около нихъ ложится и матка. Въ это время подкрадывается русскій и схватываетъ кого-нибудь изъ уведенныхъ раньше дикаремъ русскихъ и убѣгаетъ съ нимъ къ себѣ за черту. Матка вскакиваетъ и гонится за ними, не догоняетъ и возвращается назадъ, громко причитая, что украли у нея сына или дочку. Потомъ она ложится снова подлѣ дѣтей. Русскіе подкрадываются уже вдвоемъ и схватываютъ еще двухъ плѣнниковъ. Матка снова гонится за ними и т. д., пока будутъ выкрадены всѣ плѣнные. Тогда всей толпой идутъ они къ оставшемуся дикарю, берутъ его кто за ногу, кто за голову и несутъ на русскую землю. Потомъ выбираютъ новаго дикаря и игра начинается съ начала. (Г. Сѣнно).

Въ щуку. Играющіе считаются и выбираютъ щуку и матку. Щука отходитъ въ сторону, а играющіе становятся позади матки и крѣпко держатся за нее и другъ за друга. Щука, бросаясь то въ одну сторону, то въ другую, старается схватить

самаго задняго изъ играющихъ. Тѣ длиннымъ хвостомъ стараются увильнуть отъ нея. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока будутъ схвачены всѣ, стоящіе позади матки.

Въ коршуна. Играющіе выбираютъ коршуна и матку, потомъ становятся позади матки въ рядъ, „въ плетенку", крѣпко держась за матку и другъ за друга. Коршунъ садится на землю и ковыряетъ щепкой ямку, а плетенка ходитъ вокругъ коршуна. Матка, идущая впереди „плетенки", обращается къ коршуну съ словами:

— Коршунъ, коршунъ, што ты дѣлаешь?

— Ямочку копаю!

— На што тебѣ ямочка?

— Каменьчики шукаю!

— На што тебѣ каменьчики?

— Иголочки истрить.

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшочки шить.

— На што тебѣ мѣшочки?

— Каменьчики собирать.

— На што тебѣ каменьчики?

— Твоимъ дѣткамъ зубки выбивать.

— За што, про што?

— За то, што яны мою бручку, моркву поѣли, капусту поломали, потоптали

— А ти закладáвъ ты желѣзной ступой?

— Закладавъ!

— Тебѣ надо было загородить!

— Да я городивъ!

— А якая твоя горожа?

Коршунъ поднимаетъ одну ногу и изъ-подъ нея бросаетъ вверхъ палочку.

„Вотъ якáя моя горожа!"

Матка тоже поднимаетъ одну ногу и изъ-подъ нея бросаетъ камень выше коршуна.

„А тебѣ надо было вотъ якъ загородить! Который же ето тебѣ надѣлавъ?"

— Да яны всѣ!

— Ну, лови!

Коршунъ начинаетъ ловить послѣдняго въ плетенкѣ. Плетенка подается въ сторону. Матка съ распростертыми руками и съ криками: „кышъ! кышъ!" не подпускаетъ коршуна къ концу плетенки. Ухватить же другого дѣтенка, не послѣдняго, коршунъ не имѣетъ права. Наконецъ отъ долгой бѣготни въ разныя стороны, плетенка гдѣ-нибудь разрывается и тогда коршунъ легко ловитъ свою добычу.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока отъ матки будутъ оторваны всѣ дѣти. (Сѣнн. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ послѣ этого для коршуна еще топятъ баню. Всѣ участвующіе дружно носятъ подолами и шапками песокъ и насыпаютъ изъ него большую кучу. Тогда матка посылаетъ двоихъ дѣтей звать коршуна въ баню.

— Кóршикъ, кóршикъ, ходѝ ў баню!

— Не пойду, нехай старшіе прúдуть!

Идутъ двое другихъ.

— Коршикъ, коршикъ, ходи ў баню!

— А якáя ваша баня?

— Деревянная!

— Пошлúте вы вонъ! Я не пойду въ деревянную!

Такія посольства продолжаются долго. Третья пара пословъ говоритъ, что баня у нихъ каменная, и также изгоняется. Наконецъ, четвертая говоритъ, что баня золотая. Тогда коршунъ начинаетъ придираться къ полку, къ печи, къ дровамъ, къ водѣ, къ вѣнику, къ духу,—пока выработается такая формула: баня золотая, полокъ серебряный (или стеклянный), печка мѣдная, духъ легкій, или — малиновый, вода ключевая, дрова желѣзныя, вѣникъ шелковый (или дубовый). Коршунъ удовлетворенъ. Но и тутъ объявляетъ, что онъ не пойдетъ пѣшкомъ, а требуетъ, чтобы его несли въ баню. Всѣ играющіе, съ маткою во главѣ, берутъ коршуна за руки и за ноги и общими усиліями несутъ его въ баню. Положивъ на приготовленную кучу песку, начинаютъ коршуна мыть: тѣмъ же пескомъ обсыпаютъ ему руки, ноги, голову, засыпаютъ песокъ за рубашку... Чуть-чуть бѣдный коршунъ вырвется изъ такой бани!

Въ крука. Игра въ крука та же, что и въ коршуна. Крукъ сидитъ и ковыряетъ землю щепочкой. Матка спрашиваетъ:

— Крукъ, крукъ! Што ты дѣлаешъ?

— Ямочки копаю!

— На што тебѣ ямочки?

— Иголочки собирать!

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшечки шить.

— На што тебѣ мѣшечки?

— Камушки собирать.

— На што тебѣ камушки собирать?

— Твоимъ дѣтёмъ зубы выбивать.

— За што?

— За то, штобъ не ходили въ мои ни въ вишни, ни въ груши, ни въ бобъ, ни въ горохъ, ни въ макъ, ни въ яблоки, ни въ бульбу, ни въ моркву, ни въ брюкву, ни въ рѣпу.

Когда крукъ начинаетъ ловить дѣтей, они кричатъ ему:

— Крукъ, крукъ, сыръ ѣшь!

А онъ отвѣчаетъ: мяса хочу!

— Крукъ, крукъ, сыръ ѣшь!

— Мяса хочу!

Когда онъ переловитъ всѣхъ, тогда матка и крукъ садятся на землю и „перетягиваются“ на палкѣ. Побѣжденному приходится плохо: всѣ играющіе становятся въ два ряда лицами другъ къ другу и держатъ въ рукахъ поядки или жгуты (большею частью соломенные). Побѣжденный долженъ пробѣжать „скрозь строй“ три раза впередъ и назадъ; при этомъ играющіе бьютъ его жгутами.

На этомъ гульня и кончается. (Д. Коровичи Замочск. волости Сѣнн. у.).

Въ ворона. Предъ игрою выбираютъ, кому быть ворономъ и кому гусакомъ. Потомъ играющіе становятся одинъ за другимъ позади гусака и крѣпко держатся другъ за друга. Всѣ стоятъ. Воронъ же, отошедши отъ гусака на шагъ, на два, беретъ щепку и начинаетъ копать ямочку. Гусакъ спрашиваетъ у ворона:

— Воронъ, воронъ, што ты дѣлаешь?

— Ямочки копаю!

— На што тебѣ ямочки?

— Камéнійка собирать!

— На што тебѣ камéнійка?

— Иголочки истри́ть!

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшечки шить!

— На што тебѣ мѣшечки?

— Камéнійка собирать!

— На што тебѣ камéнійка?

— Твоимъ дѣткамъ зубки выбивать!

— За што, про што?

— За то, што яны мою капусту поѣли!

— Было городить!

— Я городивъ камéньемъ, полѣньемъ, корчéвьями, бара́нками, пирогами, ку́хонами, цукéрками.

— Ай, воронъ, воронъ: твоя лазьня горить!

— Нехай горить, будемъ пиво варить!

И бросается на гусенка, который стоитъ въ концѣ плетенки. Гусакъ не пускаетъ ворона, плетенка отбѣгаетъ въ сторону.

Когда же воронъ поймаетъ гусенка, то надеретъ его, надеретъ, и броситъ. Гусенокъ долженъ лежать на землѣ, будто задранный вороном. Воронъ же ловитъ такимъ образомъ и другихъ.

Когда будутъ переловлены всѣ, тогда гусенята поднимаются и начинаютъ ловить гусака и наказываютъ его:

— Зачи́мъ ты отдававъ насъ ворону! Зачи́мъ отдававъ?!

Въ гуси. Играющіе выбираютъ матку и волка, потомъ становятся попарно въ рядъ, одна пара позади другой, и изображаютъ собою гусей. Волкъ прячется, а матка идетъ впереди гусей и кричитъ:

— А вы гусочки, а вы шэрыя,
Гыгы-гыгы!
Гдѣ жъ вы бывали?
Гыгы-гыгы!
Што жъ вы видали?
Гыгы-гыгы!

Гуси отвѣчаютъ:

— За горою въ овсѣ,
Гыгы-гыгы!
А тамъ за горою,
Гыгы-гыгы!
Вовкъ зъ бородою,
Гыгы-гыгы!

Матка потомъ кричитъ:

— А коли ты вовча,
Гыгы-гыгы!
Бери гуску мовча,
Гыгы-гыгы!

Волкъ выбѣгаетъ, хватаетъ заднюю пару и убѣгаетъ съ нею. Матка снова начинаетъ съ начала:

— А вы гусочки, а вы шэрыя и т. д., пока волкъ перетаскаетъ всѣхъ гусей.

Тогда матка беретъ кій въ руки и идетъ отыскивать гусей. Опираясь на палку, она говоритъ сама съ собой:

— Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ! Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ!

И приходитъ къ волку.

— Добрыдень табѣ!

— На здоровъя!

— Хозяинъ, ти ня видѣвъ ты тутъ моихъ гусей?

— А якія[1]) твоѐ гуси?

[1]) У бѣлоруссовъ гусь жен. рода.

— Шэрыя!

— Э! пошли шъ яны по шэ́рой доро́зи.

Матка уходитъ и потомъ снова, опираясь на кій, идетъ за гусями.

— Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ и т. д. Теперь она называетъ гусей бѣлявыми, и получаетъ въ отвѣтъ, что гуси пошли по бѣлявой дорогѣ. Въ третій разъ матка говоритъ волку, что ея гуси бѣлобокія. Волкъ отвѣчаетъ, что онѣ пошли по бѣлобокой дорогѣ.

Но въ это время похищенныя гуси начинаютъ шипѣть по гусиному. Матка спрашиваетъ:

— А што ето у тебе шипить?

— Капуста ў котлѣ!

Тогда матка хватаетъ горстями песокъ и засыпаетъ имъ гусей; гуси съ шипѣньемъ бросаются на нее и начинаютъ ее щипать. И мало помалу убѣгаютъ всѣ отъ волка.

Скукуйда. Играющіе выбираютъ двухъ батекъ; одинъ изъ нихъ отходитъ въ сторону, а другой усаживаетъ играющихъ въ рядъ, беретъ щепочку или уголь и, ходя около сидящихъ, протягиваетъ въ ихъ подола руку съ щепочкою Такъ обходитъ онъ играющихъ нѣсколько разъ и при этомъ незамѣтно даетъ щепочку кому либо изъ играющихъ. Потомъ этотъ батька становится въ сторонѣ, а подходитъ другой и начинаетъ угадывать, у кого спрятана щепочка.

Сидящіе же мальчики въ это время стараются поплотнѣе сжать кулаки, чтобы ввести въ заблужденіе чужого батьку. Пройдя нѣсколько разъ по ряду, этотъ батька открываетъ у какого-нибудь мальчика руку, надѣясь найти у него щепочку. Если щепочка найдется, онъ беретъ себѣ половину дѣтей, и игра продолжается съ остальными; если же не найдется, то первый батька снова хоронитъ щепочку. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока щепочка будетъ найдена у каждаго изъ играющихъ. Тогда дѣти становятся одинъ за другимъ позади своего батьки и крѣпко держатся другъ за друга. Чужой батька начинаетъ ихъ ловить, стараясь оторвать послѣдняго мальчика. Родной батька спрашиваетъ при этомъ чужого:

— Зашто ты ихъ ловишь?

— Яны у мене масло покрали!

— А зачимъ ты его не накрывъ?

— Я накрывъ желѣзной ступой, а яны ступу отвернули и масло покрали.

— А чему ты не сдѣлавъ забора?

Чужой батька подбрасываетъ вверхъ палочку и говоритъ:

— Я сдѣлавъ заборъ во́ якій, да яны перелѣзли и масло покрали.

И послѣ этого бросается на дѣтей, и кричитъ: „Грукъ, грукъ ѣсти хо́чить!?“

Тѣ убѣгаютъ за своего батьку, крѣпко держась другъ за друга, и кричатъ въ отвѣтъ:

— Зъѣжъ жабу ў боло́ти!

Игра прекращается тогда, когда всѣ дѣти будутъ оторваны отъ своего батьки.

Отдѣлываться. Это игра съ мячикомъ. Играющихъ можетъ быть нѣсколько. Число фигуръ въ игрѣ произвольное, но обыкновенно ихъ бываетъ пять. Каждая фигура „отдѣлывается“ по три раза.

1. Стѣнка. Играющій бьетъ мячикомъ въ стѣнку и ловитъ его, не давая упасть на землю. Это стѣнка. Та же стѣнка опусканая, то есть, съ опущеніемъ мячика на землю; но когда онъ отъ земли подпрыгнетъ кверху, играющій обязанъ поймать его. Та же опусканая стѣнка—прибиваная, когда мячикъ, ударившись о землю, подпрыгнетъ, играющій вновь бьетъ его ладонью внизъ и ловитъ уже тогда, когда онъ подпрыгнетъ вторично.

2. Подъ ручку. Играющій упирается лѣвой рукой въ стѣну и подбрасываетъ изъ подъ нея правой рукой мячикъ вверхъ, гдѣ и ловитъ его правою же рукой. Та же фигура опусканая: мячикъ ловится правой рукой тогда, когда, ударившись о землю, подпрыгнетъ кверху.

3. Подъ ножку. Играющій упирается въ стѣнку лѣвой ногой, подбрасываетъ изъ подъ нея мячикъ кверху правой рукой и налету ловитъ. Та же фигура опусканая, въ которой мячикъ ловится тогда, когда, ударившись о землю, подпрыгнетъ кверху.

4. Играющій становится спиной къ стѣнѣ и упершись въ нее теменемъ, бьетъ мячикъ о стѣнку и ловитъ, не отнимая головы отъ стѣны.

5. Свѣча. Мячикъ подбрасываютъ кверху и ловятъ налету. Та же фигура опусканая: мячику даютъ упасть на землю и ловятъ его тогда, когда онъ, ударившись, подпрыгнетъ кверху. Опусканая свѣча съ отдачей. Когда мячикъ, ударившись о землю, подпрыгнетъ, его снова бьютъ рукою книзу. Чѣмъ больше разъ повторится такая отдача, тѣмъ вѣрнѣе выигрышъ. Проигравшимъ считается тотъ, кто „отдѣлается“ послѣ другихъ. А если всѣ отдѣлаются сразу, такъ тотъ, у кого меньше будетъ отдачи въ опусканой свѣчѣ. Проигравшій становится у стѣнки и протягиваетъ руку съ раскрытою ладонью. Выигравшіе съ разстоянія въ 5—6 шаговъ стараются ударить по ладони мячикомъ столько разъ, на сколько условятся при началѣ игры. Если побѣдитель промахнется, ударъ все равно считается. Если побѣжденный съумѣетъ схватить мячикъ ладонью во время удара, ему предоставляется право послѣ отбытія наказанія поставить къ стѣнкѣ побѣдителя и ударить его по ладони мячикомъ столько разъ, сколько имъ былъ схваченъ мячикъ.

Изъ другихъ игръ въ мячика въ городахъ Бѣлоруссіи употребляется еще „мѣта“. Но она занесена туда учениками городскихъ школъ и не можетъ быть отнесена къ числу народныхъ игръ.

Въ соловья. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи и каждая выбираетъ себѣ матку. Матки

„перебиваются" на мячикѣ палками и кто больше разъ ударитъ по мячику снизу, не допуская его упасть на землю, того партія остается въ городѣ, а противная идетъ въ поле. Между партіями проводится двѣ черты на разстояніи 30—40 шаговъ и у первой черты проводится еще одна, на разстояніи 3—5 шаговъ отъ нея. Пространство между ними и называется городомъ.

Матка городской партіи подбрасываетъ своимъ дѣтямъ мячикъ, а тѣ должны поочередно бить по немъ палкой такъ, чтобы онъ поднялся вверхъ и залетѣлъ въ поле. Полевая партія старается схватить мячикъ налету. Тогда она идетъ въ городъ, а городская отправляется въ поле. Если же мячикъ не будетъ пойманъ налету, то полевая партія хватаетъ его съ земли и бѣжитъ къ своей чертѣ, куда долженъ прибѣжать тотъ, кто билъ мячикъ. Если онъ рѣшится бѣжать отъ черты назадъ въ городъ, его стараются „подсѣчь" мячикомъ, и тогда въ поле идетъ городская партія. Но если ударъ придется уже въ городѣ, то есть въ очерченномъ для города пространствѣ, то онъ не засчитывается, и игра продолжается по-прежнему.

Каждый мальчикъ городской партіи имѣетъ право ударить по мячику только одинъ разъ. Если онъ промахнется, то отходитъ къ сторонѣ и ждетъ, пока слѣдующій ударитъ, и тогда бѣгутъ вмѣстѣ. Если же всѣ промахнутся, тогда поддаетъ мячикъ сама себѣ матка до трехъ разъ. Если и она промахнется, то городская партія уходитъ въ поле и ея мѣсто занимаетъ полевая партія. Если ударъ будетъ слабый, и мячикъ не долетитъ до полевой черты, ударъ считается проиграннымъ. Если мячикъ отъ удара залетитъ слишкомъ далеко, его постепенно перебрасываютъ къ полевой маткѣ, которая стоитъ обыкновенно у черты, и она уже подсѣкаетъ имъ городскую партію.

Игра увлекательная, и многіе мальчики дѣлаютъ для нея спеціальныя палки съ круглою рукоятью и плоскимъ концомъ для болѣе вѣрнаго удара по мячику. Часто ихъ и окрашиваютъ болотной рудой, черникой, крушиной, ежевикой и т. п. Если условіе смѣны партій за пойманный налету мячикъ отмѣняется (что собственно и называется соловьемъ), то игра получаетъ названіе илки. Илкою же называется и палка, которою бьютъ мячикъ.

Въ ярки. Для игры расчищаютъ гладкую площадку и на ней дѣлаютъ пятками небольшія ямочки, которыя и носятъ названіе ярокъ. Ярки располагаются въ одинъ рядъ: О О О О О, и число ихъ зависитъ отъ числа играющихъ. Въ трехъ шагахъ отъ ярокъ проводится „огонь", черта. Затѣмъ каждый по очереди медленно катаетъ по яркамъ мячикъ. Какъ только мячикъ упадетъ въ чью-нибудь ярку, всѣ опрометью бросаются бѣжать отъ нихъ. Хозяинъ же ярки хватаетъ изъ нея мячикъ, подбѣгаетъ къ огню и старается „засѣчь" кого-нибудь изъ бѣгущихъ мячикомъ.

Если засѣчетъ, на томъ засчитывается ярка; въ противномъ же случаѣ ярка считается на томъ, кто бросалъ мячикъ. Когда такихъ штрафовъ соберется столько, сколько ярокъ въ ряду, тогда штрафного становятъ лицомъ къ стѣнкѣ и наказываютъ его ударами по спинѣ кулаками (конечно легкими) подъ тактъ пѣсенки:

Яр-ка пал-ка!
Ко-ро-лё-ва жон-ка!
Лѣзь на па-ла-ти,
Стань ко-зы-ря-ти,
Бу-демъ въ кар-ты гра-ти,
И (скороговоркой) вечера дожидати.

Бьютъ посильнѣе и разбѣгаются.

Когда проигравшій кого-нибудь поймаетъ, игра начинается снова съ начала. (Гом. у.).

Въ Быховскомъ уѣздѣ мячикъ „гонятъ" въ ярки палками.

Въ кистеня. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи: одна идетъ въ конъ, другая беретъ мячикъ. Викономъ называется большой кругъ, саженей пять въ діаметрѣ.

Партія, у которой мячикъ, считается, кому бить. Потомъ она подходитъ къ одному краю круга, а партія, находящаяся въ кругѣ, уходитъ къ другому краю. Тотъ мальчикъ, кому пришелся мячикъ, долженъ попасть въ кого-либо изъ коновыхъ. Тогда эта партія снова считается и вторично бьетъ въ коновыхъ. Если же бьющій промахнется, то эта партія идетъ въ конъ, а бывшая тамъ „дѣлитъ мячикъ".

Въ крэглы. Дѣлаются два квадратные городка на разстояніи шаговъ 20—30, а между ними выкапывается ямочка — масло. Крэглы въ городкахъ или становятся въ рядъ на чертѣ или изъ нихъ дѣлается городокъ.

Для устройства городка двѣ крэглы кладутся плашмя поперекъ передней линіи квадрата, на нихъ кладутся другія двѣ вдоль линіи, а поверхъ ихъ ставится вертикально пятая. Въ каждомъ квадратѣ бываетъ по пяти крэглъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и бросаютъ жребій, какой партіи первой начинать „бить крэглы". Для этого берется щепочка съ корою и каждая партія выбираетъ себѣ какую-либо сторону: или гладкую, или покрытую корою. Потомъ подбрасываютъ щепку вверхъ и чьею стороною она ляжетъ кверху, тому и начинать сбивать крэглы.

Сбивать ихъ начинаютъ отъ противоположнаго городка, но какъ только будетъ выбита изъ городка хоть одна крэгла, играющіе переходятъ къ маслу и уже отсюда выбиваютъ остальныя. Если не выбьютъ, тогда другая партія начинаетъ выбивать крэглы изъ второго городка. Кто раньше выбьетъ, тѣхъ невыбившая партія носитъ на плечахъ отъ одного городка къ другому столько разъ, сколько осталось невыбитыхъ крэглъ.

Въ кегли. Играющихъ четверо. На разстояніи десяти „сигнѣй“ (большихъ шаговъ, какъ можно ноги разставить) рисуются квадратные „круги“. Въ нихъ по угламъ и въ центрѣ, ставится по пяти креглей (короткихъ цилиндрическихъ столбиковъ). Тогда двое играющихъ отходятъ къ чужому городку и оттуда начинаютъ бросать палки въ свой городокъ, чтобы выбить оттуда кегли. При этомъ поваленная, но оставшаяся въ городкѣ или даже на чертѣ его кругля, не считается выбитою. Когда первая партія пробросить свои палки, къ ея городку подходить вторая партія и отсюда начинаетъ сбивать свои кругли. Такое поочередное сбиваніе, по условію, производится въ два, въ три пріема. Если послѣ этого у какой либо партіи останутся не выбитыя кругли, она должна перенести побѣдителей отъ городка до городка столько разъ, сколько у нея осталось невыбитыхъ креглей. (Витеб. у.).

Въ перегона. Проводится двѣ черты на разстояніи 30—40 шаговъ одна отъ другой. Затѣмъ играющіе выбираютъ двухъ матокъ и раздѣляются на двѣ партіи. Одна изъ нихъ становится съ палками у первой черты, другая, также съ палками, у второй. Первая партія дѣлаетъ у своей черты чучело бабы изъ одежды и беретъ перегонъ. Перегономъ можетъ быть мячикъ или деревянный небольшой шарикъ или обрубокъ. Вторая партія идетъ въ поле, ко второй чертѣ. Тогда первая партія бьетъ палкой перегонъ и старается, чтобы онъ отлетѣлъ какъ можно дальше. Противная партія налету отбиваетъ перегонъ назадъ. Если же это не удастся, тогда поднимаютъ перегонъ съ земли, подходятъ къ своей чертѣ и стараются попасть имъ въ чучело бабы. Первая партія должна отбивать перегонъ палками, чтобы онъ не попалъ въ бабу. Если же не защитятъ бабы и шаръ попадетъ въ нее, партія считается проигравшей и идетъ въ поле, а ея мѣсто занимаетъ полевая партія.

Въ пыжа. Играющихъ двое. На землѣ рисуется четырехугольный городокъ. На разстояніи трехъ сигней отъ него проводится черта, которая называется „огонь“. Въ десяти шагахъ отъ городка проводится другая такая же черта „конъ“, у которой становятся играющіе и начинаютъ „перебиваться“. Для этого они поочередно берутъ пыжъ (та же кругля) въ одну руку и слегка подбросивъ его, другою рукою ловятъ налету палкою, не допуская упасть на землю. Кто больше разъ подброситъ пыжъ палкою, тотъ остается у кона, а кто меньше, тотъ идетъ „въ поле“. Здѣсь онъ ставитъ въ городкѣ пыжъ и становится вблизи городка сторожить; тотъ же который у кона, старается оттуда выбить пыжъ изъ городка какъ можно дальше.

Стерегущій бросается за пыжомъ, схватываетъ его, ставитъ снова въ городокъ и перебѣгаетъ черезъ огонь. Въ то же время

и сбившій пыжа бѣжитъ за своею палкою и, схвативъ ее, тоже перебѣгаетъ черезъ огонь. Кто сдѣлаетъ это раньше, тотъ идетъ на конъ, а другой въ поле. Если при этомъ стерегущій поставитъ пыжъ непрочно и онъ повалится, то это считается проигрышемъ, и онъ снова идетъ въ поле. Если тотъ, кто сбиваетъ пыжъ, промахнется или такъ задѣнетъ его, что онъ свалившись, останется въ чертѣ городка, тогда полевой беретъ пыжъ и отмѣрявъ три шага по направленію къ палкѣ коночнаго, старается попасть въ нее пыжомъ. Если попадетъ, коночный становится полевымъ, а тотъ идетъ на конъ; въ противномъ случаѣ, все остается по-прежнему. (Гомельск. у.).

Въ масло. По числу играющихъ копаются небольшія ямочки въ круговую линію, а посреди ихъ въ центрѣ выкапывается большая ямка, называемая масломъ. Потомъ мѣряются на палкѣ, кому быть маткой и кому идти въ поле пасти свинью. Дѣти для матки насыпаютъ небольшой курганъ и ставятъ на него свинью,— нѣкоторое подобіе деревяннаго шара. Матка изъ всѣхъ силъ бьетъ своею палкою по шару, чтобы онъ залетѣлъ какъ можно дальше. Полевой находитъ его въ полѣ и гонитъ къ маслу. Дѣти и матка стерегутъ масло, стоя упершись своими палками въ ямки. Какъ только полевой подгонитъ свинью близко, кто нибудь изъ дѣтей или матка отбиваютъ его палкою. Но если во время этого удара полевой займетъ своею палкою опустѣвшую ямку, хозяинъ ея дѣлается полевымъ, а полевой занимаетъ его мѣсто въ средѣ играющихъ.

Если же полевому, не смотря на дозоръ играющихъ, удастся загнать свинью въ масло, то въ поле идетъ матка, или игра начинается съ начала. (Гомельск. у.)

Въ цурки. Играющихъ двое. Они берутъ по палкѣ и цурку, то есть короткую, въ 4—6 вершк. длины, палочку, и перебиваются: кто больше разъ подброситъ своей палкой цурку, на воздухѣ, не допуская ее упасть на землю, тотъ остается въ городѣ, а другой идетъ въ поле. Оставшійся въ городѣ очерчиваетъ палкой вокругъ себя окружность и ставши въ центрѣ ея, бьетъ по цуркѣ палкой, стараясь, чтобы она залетѣла какъ можно дальше. Тотъ, который въ полѣ, поднимаетъ залетѣвшую къ нему цурку и сдѣлавъ на три шага „приступъ“ къ городу, бросаетъ туда цурку, чтобы она очутилась внутри круга. Если это ему удастся, онъ входитъ въ городъ, а городской идетъ въ поле; если нѣтъ, оба остаются на мѣстахъ и цурку снова бьютъ въ поле. Если брошенная изъ поля цурка ляжетъ на линіи окружности, тогда городовой бьетъ ее палкой по одному концу, чтобы она подбросилась вверхъ. Если при паденіи она очутится внутри круга, въ городъ вступаетъ полевой. Въ противномъ случаѣ онъ снова уходитъ въ поле.

Въ чижика. Играющихъ двое, оба съ палками, которыя называются лаптою. Кромѣ того изготовляютъ еще коротенькую палочку, въ четверть аршина, и заостриваютъ у нея оба конца. Эта палочка зовется чижикомъ. Затѣмъ на землѣ очерчивается кругъ или квадратъ и одинъ изъ играющихъ, кому придется верхъ на палкѣ, становится съ чижикомъ „въ черту", а другой идетъ въ поле. Въ чертѣ чижикъ кладется на землю; играющій бьетъ лаптой по острому концу его и чижикъ подскакиваетъ кверху. Въ это время играющій долженъ налету ударить его такъ, чтобы онъ полетѣлъ далеко въ поле. Если играющій заставитъ чижикъ подпрыгнуть три раза и не съумѣетъ загнать его въ поле, онъ считается проигравшимъ и уходитъ изъ „черты" въ поле, а на его мѣсто становится полевой. Если же играющій выгонитъ чижика въ поле, полевой долженъ перенять его налету своей лаптой. Тогда онъ идетъ въ черту. Если же это ему не удастся, и чижикъ упадетъ на землю, тогда онъ поднимаетъ его съ земли и бросаетъ въ „черту"! Если попадетъ, самъ идетъ въ черту и такъ же выбиваетъ чижика въ поле.

Условливаются обыкновенно на 50 ударовъ. Кто первый выполнитъ условленное число, тотъ имѣетъ право заставить проигравшаго проскакать на одной ногѣ пространство отъ поля до черты столько разъ, сколько не выполнено имъ ударовъ.

(Быховск. у.).

Транпыжъ. Играющихъ двое, съ палками. Игра состоитъ въ томъ, что каждый изъ играющихъ бросаетъ поочередно свою палку вертикально такъ, чтобы она, упираясь концомъ въ землю, подпрыгивала, снова упиралась и снова подпрыгивала. Въ то время, когда одинъ бросаетъ такъ свою палку, другой играющій долженъ подсѣчь ее своею палкою. Если ему удастся это, палку бросаетъ онъ, а товарищъ уже подсѣкаетъ ее. Если же онъ не задѣнетъ прыгающей палки своею палкою, то оба остаются въ прежнихъ роляхъ. (Быховск. у.)

Въ козиный рогъ. Играть можно партіями и вдвоемъ. Отыскиваютъ круглую или кубическую чурку или подобіе шара— „кулю", и берутъ каждый себѣ палку, называемую „падцуромъ". Отмѣрявши извѣстное разстояніе между партіями, одна изъ нихъ начинаетъ катить или просто бросаетъ къ другой шаръ, а та отбиваетъ его назадъ или ловитъ на своей чертѣ, и возвращаетъ первой партіи. Если шаръ прорвется сквозь черту, проигравшая партія отступаетъ къ тому мѣсту, куда закатился шаръ. Тогда про нее говорятъ: „загнали въ козиный рогъ!" и игра считается проигранною.

Въ булу. Була по преимуществу зимняя игра, увлекательная особенно на голомъ льду рѣки или озера, пока онъ не прикрытъ еще снѣгомъ.

Играющіе отыскиваютъ деревянный шаръ или сами дѣлаютъ

нѣкое подобіе его и называютъ его булбю. Взявши булу и особыя палки съ загнутымъ нижнимъ концомъ, которыя называются кочерёжками, играющіе большою толпою отправляются на ледъ, тамъ выбираютъ матку и потомъ подходятъ къ ней попарно подъ вымышленными именами.

— Мати, мати! што тебѣ дати: ти снѣгу, ти лёду?

-- Лёду!

Тотъ, который назвался льдомъ, остается съ маткой, а снѣгъ отходитъ въ другую партію.

— Мати, мати! што тебѣ дати: ти гороху, ти бобу? Ти день, ти ночь? Ти зиму, ти лѣто? Ти сосну, ти березу? Ти розу, ти гвоздику? и т. д. пока всѣ перебываютъ.

Когда такимъ образомъ раздѣлятся на двѣ партіи, партія матки остается на мѣстѣ, гдѣ проводится черта города, а другая уходитъ въ поле. Матка изо всѣхъ силъ бьетъ по булѣ кочережкой и гонитъ ее въ поле; ея дѣти подхватываютъ ее по дорогѣ и гонятъ еще дальше, а противная партія старается задержать шаръ и вернуть его обратно въ городокъ. При этомъ происходятъ настоящія сраженія. Къ шару обыкновенно подбѣгаютъ двое, по одному изъ каждой партіи. Одинъ размахивается кочережкой, чтобы ударить шаръ и погнать его въ свою сторону; другой ловко парируетъ этотъ размахъ, подставляя подъ ударъ свою кочережку, и самъ бьетъ шаръ; дальше его подхватываетъ другая пара и т. д. Пространство, захватываемое булою, иногда очень велико, и игра продолжается нерѣдко все послѣобѣденное время до сумерокъ,—конечно, въ праздничные дни. Въ игрѣ принимаютъ участіе и взрослые парни.

Въ дѣда и бабу. Играющіе выбираютъ дѣда и бабу. Дѣдъ садится верхомъ на палку, а баба съ своими дѣтьми усаживается на полу такимъ образомъ, что баба позади, а дѣти впереди въ одинъ рядъ, и всѣ крѣпко держатъ одинъ другого подъ мышками. Дѣдъ начинаетъ объѣзжать сидящихъ съ пѣсенкой:

— Ѣду, ѣду коло дѣда,
Ѣду, ѣду коло бабы,
Коло бабы, коло старенькой!

Заѣхавъ напередъ, останавливается и, стуча своей палкой, спрашиваетъ:

— Ти ёсть хозяинъ у дворѣ?
— А што табѣ?
— Свиньи въ горо́дѣ!
— Ну, вы́гонь, кумокъ!
— А ти позво́лите тамъ рѣпинку вырвать?
— Да ты сабѣ! тольки выгонь!

Тогда дѣдъ бьетъ тихонько палкой по головѣ сидящаго первымъ и говоритъ:

— Юсъ вонъ! юсъ вонъ! Мнѣ оставьте хоть одну!

Потомъ бросаетъ палку, схватываетъ перваго сидящаго за руки и тащитъ къ себѣ. Другіе его не пускаютъ. Если дѣдъ вырветъ все-таки эту „рѣпинку", онъ садитъ ее отдѣльно, а самъ опять начинаетъ объѣзжать сидящихъ съ той же пѣсней. Его

посылаютъ выгнать свиней изъ огорода.

— А ти позволите тамъ рѣпинку вырвать?

— А гдѣ жъ ты тую подѣвъ?

— А вотъ, якъ ѣхавъ я черезъ мостокъ, чортъ ухвативъ мою кобылку за хвостокъ, тогды я ему рѣпинку и кинувъ!

— Ну, вырви сабѣ!

Дѣдъ начинаетъ тянуть второго мальчика и если не сможетъ, то зоветъ на помощь того, котораго вырвалъ раньше и вмѣстѣ вырываютъ вторую „рѣпинку". Такъ продолжается игра не только до тѣхъ поръ, пока дѣдъ перетаскаетъ всѣхъ сидящихъ, но и пока всѣ играющіе перебываютъ въ роляхъ дѣда и бабы. (Витебскій у.).

Въ рѣдьку. Играющіе садятся рядомъ попарно и крѣпко держатся другъ за друга. Матка, объѣхавши на пруткѣ сидящихъ, кричитъ:

— Стукỳ-грукỳ подъ вокно!

— Хто тамъ?

— Самъ панъ!

— Зачимъ?

— Паня сына роди́ла, на стовпъ посадила, сама захворѣла, рѣдьки захотѣла. Ти пора рѣдьку рвать?

— Нѣ, ще только посѣяли.

Въ слѣдующій разъ отвѣчаютъ, что рѣдька съ пальчикъ, потомъ съ толкачъ. За третьимъ разомъ говорятъ:

—Пора рвать,—уже по ступѣ!

Матка начинаетъ пробовать, какова рѣдька: на одну пару говоритъ, что рѣдька гнилая, на другую — что червивая и т. д. Среди такого разговора хватаетъ неожиданно одного изъ пары и вырываетъ. Тогда начинаетъ рѣдьку отряхивать отъ земли, то есть бить прутомъ вырваннаго мальчика. Потомъ игра продолжается. Матка снова бракуетъ рѣдьку и когда какая-нибудь пара зазѣвается, снова вырываетъ одного изъ играющихъ и т. д. (Ряснян. вол. Сѣнн. у.)

Въ рѣдьку. Для этой игры чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Можетъ участвовать и до тридцати человѣкъ. Прежде всего изъ участниковъ избирается матка. Потомъ одинъ мальчикъ садится на землю и раздвигаетъ ноги, другой садится у него между колѣнъ, у этого слѣдующій и такъ далѣе, и всѣ обхватываютъ другъ друга руками подъ мышками. Матка, взявши палку, бѣгаетъ на ней верхомъ вокругъ этого ряда дѣтей—стана и говоритъ:

— Дили́нь - дили́нь! Просила паня рѣдьки!

А тѣ отвѣчаютъ ей:

— А щѐ только посадили!

Тогда матка опять спрашиваетъ:

— Дили́нь - дили́нь! Просила паня рѣдьки!

Дѣти отвѣчаютъ:

— Ще только взышлà!

Потомъ на повторяющіяся просьбы матки говорятъ:

— Только ещѐ поскородили!

— Ещѐ не поспѣла!

Наконецъ, на пятую просьбу говорятъ:

— Вырви сабѣ одну!

Тогда матка начинаетъ вырывать изъ ряда крайняго мальчика, того, который садился послѣднимъ. Товарищи крѣпко держатся другъ за друга, и маткѣ стоитъ не мало труда вырвать себѣ рѣдьку изъ цѣпкаго стана. Вырвавъ кое-какъ рѣдьку, матка отводитъ ее въ сторону и опять пріѣзжаетъ къ стану.

— Дили́нь-дили́нь! Просила паня рѣдьки!

— А гдѣ тую подѣла?

— А ѣхала черезъ мостище, сустрѣла вовчище, узилà да й кинула!

— Ну, вырви сабѣ одну.

Такъ игра повторяется до тѣхъ поръ, пока на стану остается одинъ мальчикъ, тотъ, который садился первымъ.

Въ рѣдьку. Собирается много дѣтей и прежде всего выбираютъ матку. Потомъ всѣ садятся въ рядъ другъ другу на ноги и охватываютъ одинъ другого руками. Когда всѣ усядутся, матка беретъ чепелу или кіёкъ и объѣзжаетъ на немъ три раза вокругъ сидящихъ, потомъ стучитъ въ землю и кричитъ:

— Стукý-грукý подъ вокно!

— Хто тамъ?

— Самъ панъ.

— Чего?

— Паня сына роди́ла, на стовпѣ посадила. Сынъ звалився, на борону пробився. Сама здыха́ить, рѣдьки жада́ить! *) Ти велика ваша рѣдька?

— Еще только поорали!

Объѣхавъ еще три раза вокругъ сидящихъ, матка опять кричитъ:

— Стуку-грукý подъ вокно и т. д.

Ей отвѣчаютъ, что рѣдьку только поскородили. Въ третій разъ: рѣдьку посѣяли. Потомъ рѣдька взошла. Рѣдька по куриной головѣ. По козиной головѣ.—По конской головѣ *).

По толкачу. По ступѣ.

— Стукý-грукý подъ вокно!

— Хто тамъ?

— Самъ панъ?

— Чего?

— Паня сына роди́ла, на стовпѣ посадила. Сынъ звалився, на борону пробився. Сама здыхаить, рѣдьки жадаить. Ти велика ваша рѣдька?

— А инà уже поспѣла!

— Кума, кума, свиньни у горбди!

— Выгонь, кумокъ!

А-юсъ! а-юсъ! А ти можно мнѣ рѣдчину поспыта́ть?

— Можно, кумокъ!

Матка подходитъ къ каждому изъ сидящихъ и зубами грызетъ за голову. Потомъ спрашиваетъ:

— А ти можно мнѣ трохи рѣдьки вырвать?

— Вырви, кумокъ!

Матка начинаетъ вырывать изъ рукъ того играющаго, который сидитъ послѣднимъ, затѣмъ слѣдующаго и т. д. Когда повырываетъ всѣхъ, то сама убѣгаетъ. За ней гонятся и наказываютъ. (Сѣнненск. у.).

*) Или: „Звалилася паня съ печи, поби́ла сабѣ плечи, родила сына Максима, дочку Катерину, зажадала рѣдьки!"

*) Или: По куриному яйцу. По гусиному яйцу. По квартѣ. По толкачу и т. д. (Д. Латыгово).

Въ рѣпу. Выбираются матка и панъ. Матка садится на землю, передъ нею садится одинъ изъ играющихъ, предъ нимъ слѣдующій, и такъ далѣе, до послѣдняго. Всѣ они крѣпко держатъ другъ друга, обхвативъ руками подъ мышками. Тогда приходитъ панъ и говоритъ:

— Матка, матка, свиньни ў рѣпи!

— Иди выгонь!

— А позволишь рѣпку вырвать?

— Вырви, тольки съ корешкомъ!

Панъ беретъ за руки передняго мальчика и старается его вырвать изъ рукъ слѣдующаго. Вырвавши, онъ опять идетъ къ маткѣ и говоритъ, что свиньи въ рѣпѣ и т. д.

Такъ онъ вырываетъ всѣхъ. Когда останется одна матка, ее поднимаютъ на руки всѣ играющіе и несутъ.

Въ чекерду. Слабыя и болѣзненныя дѣти къ участію въ этой игрѣ не допускаются. Прежде всего считаются или мѣряются на палкѣ, потомъ одинъ идетъ къ стѣнкѣ „за кобылу“ и становится тамъ въ полусогнутомъ положеніи. Одинъ изъ играющихъ прыгаетъ ему на плечи и если не вспрыгнетъ или не удержится, то становится при немъ тоже въ полусогнутомъ положеніи. Остальные прыгаютъ уже на нихъ. Не вспрыгнувшіе или свалившіеся примыкаютъ къ кобылѣ все болѣе и болѣе удлиняя ее. Когда прыжки будутъ выполнены всѣми играющими, тогда „кобыла“ везетъ тѣхъ, которые съумѣли вспрыгнуть на спину кобылы. Если же кобыла при этомъ отъ тяжести свалится, тогда играющіе ложатся на свалившихся съ крикомъ:

— Мала куча, невелика! Мала куча, невелика!

Когда упавшіе высвободятся, игра начинается снова. (Гом. у.).

Въ шляки. Шлякъ—это бабка изъ ноги коровы.

Шляками играютъ въ кона, въ плоца, въ стѣнку и на деньги. При игрѣ въ кона, каждый изъ играющихъ ставитъ по сомкнутой парѣ шляковъ на конъ въ рядъ, слѣва направо, или спереди кзаду, на разстояніи $1-1^1/_2$ в. пара отъ пары. Затѣмъ проводятъ черту въ 3—5 шагахъ отъ кона и загоняютъ би́тки.

Битками могутъ быть камни, удобные для бросанія, а также имѣющіе форму плитки, чугунныя ядра, стеклянные шары и даже осколки нижней печной вьюшки. Загонять битку, значитъ бросить ее на такое разстояніе отъ кона, чтобы можно было сбить стоящіе на кону шляки. Чья битка ляжетъ дальше, тотъ бьетъ шляки первымъ, чья ближе къ кону—тотъ послѣднимъ. Ближе черты загонять битку нельзя. Приступъ дозволяется только въ одинъ шагъ. Если битка попадетъ въ конъ, играющій беретъ столько шляковъ, сколько собьетъ его битка. Хотя это зависитъ отъ взаимнаго условія. Если же онъ промахнется, то приставляетъ къ кону еще пару.

Въ плоца конъ устраивается такой же, но шляки могутъ ставиться и поодиночкѣ. Битками служатъ исключительно шляки же, хотя бы и налитые свинцомъ—свинчатки, или литые изъ чугуна. Проводится также и черта на разстояніи 2—3 шаговъ. Бьетъ первымъ не тотъ, чья битка ляжетъ дальше, а тотъ, чья ляжетъ плоскимъ бокомъ—плбцемъ. Послѣ плоца бьетъ жогъ, то есть чей шлякъ ляжетъ спинкой кверху, а послѣ всѣхъ бьетъ да́ла—тотъ, чей шлякъ ляжетъ спинкой книзу. Попавшій въ конъ беретъ сколько выбьетъ, промахнувшійся удваиваетъ ставку.

Въ стѣнку играютъ вдвоемъ. Одинъ бьетъ объ стѣнку шлякомъ, чаще двумя, такъ, чтобы они дальше отлетѣли. Другой бьетъ вслѣдъ за нимъ, стараясь, чтобы его шляки легли къ первымъ возможно ближе—не далѣе одной четверти аршина. Тогда онъ ихъ выигрываетъ. Въ противномъ случаѣ поднимаетъ свои шляки первый игрокъ и старается, чтобы при ударѣ объ стѣнку они упали къ шлякамъ второго, и т. д.

На деньги въ шляки играютъ взрослые. Обыкновенно они берутъ пару шляковъ и бросаютъ ихъ на землю. Если оба шля́ка легли въ одной позѣ плоца́ми, жбгами или да́лами, остальные участники ему платятъ по копѣйкѣ; если же въ различныхъ позахъ, то выигрыша нѣтъ и играть начинаетъ слѣдующій участникъ.

Въ камушки. Въ камушки играютъ преимущественно дѣвочки, вдвоемъ, втроемъ. Берется пять камушковъ и каждая изъ играющихъ продѣлываетъ съ ними 5—6 фигуръ. Если она на какой-нибудь фигурѣ ошибется, играть начинаетъ слѣдующая. Игра эта заимствована отъ еврейскихъ дѣвочекъ, которыя вмѣсто камушковъ употребляютъ овечьи или козьи колѣнныя косточки, и играютъ съ азартомъ, большею частью на волошскіе орѣхи.

Фигуры игры слѣдующія:

1. Одинки. Одинъ камушекъ берется въ руку, а остальные четыре раскладываются поодиночкѣ на землѣ въ видѣ квадрата. Находящійся въ рукѣ камушекъ подбрасывается кверху, и играющая должна подобрать съ земли одинъ камушекъ и подхватить тотъ, который подбрасывала. Такъ подбираются всѣ четыре камушка.

2. Двонки. Четыре камушка разлагаются на землѣ попарно и попарно же потомъ подбираются.

3. Тронки. Камушки кладутся въ двѣ кучки: три въ одну и одинъ въ другую, и въ такомъ же количествѣ подбираются при подбрасываніи пятаго камушка.

4. Ступа. Всѣ четыре камушка кладутся вмѣстѣ и сразу подбираются.

5. Когда, послѣ этого въ рукѣ окажется пять камушковъ, ихъ подбрасываютъ кверху и ловятъ обратной стороной руки слегка разставивши пальцы.

6. Сейчасъ же затѣмъ снова подбрасываютъ всѣ камушки

кверху и ловятъ ихъ уже ладонью. Послѣднія двѣ фигуры называются конами. (Повсемѣстно).

Въ костяшки. Костяшками называются плоскія пуговицы безъ ушекъ, съ отверстіями для пришиванія. Играютъ въ нихъ на фуражкахъ, которымъ придается горизонтальное положеніе. Играющіе садятся другъ противъ друга и кладутъ по пуговицѣ каждый на своей сторонѣ. Затѣмъ легкими щелчками подгоняютъ пуговицы къ центру фуражки и стараются такъ подтолкнуть ихъ, чтобы одна пуговица упала на другую. Чья пуговица окажется наверху, тотъ забираетъ себѣ и нижнюю пуговицу.

Гуси летятъ. Когда маленькія дѣти оставляются дома съ подросткомъ, ихъ забавляютъ слѣдующею игрою: всѣ ставятъ указательные пальцы на столъ въ одно мѣсто. Тогда старшій говоритъ:

— Гуси летятъ! и поднимаетъ руку кверху, показывая наглядно, какъ гуси летятъ.

Дѣти отвѣчаютъ:

— Летятъ! и тоже поднимаютъ руки.

— Утки летятъ!

— Летятъ!

— Воробьи летятъ!

— Летятъ!

— Мухи летятъ!

— Летятъ!

— Щуки летятъ!

Увлекшіяся дѣти часто отвѣчаютъ:

— Летятъ! и поднимаютъ руки.

Старшій бьетъ ихъ по рукамъ и кричитъ:

— Не летятъ, не летятъ!

Потомъ опять сначала:

— Гуси летятъ! Вороны летятъ! Сороки летятъ! Коровы летятъ!

Но наученныя опытомъ дѣти уже не поднимаютъ на корову рукъ и молчатъ. Тогда опять:

— Гуси летятъ! Лебеди летятъ! Соловьи летятъ! Дубы летять и т. д.

Этотъ своеобразный урокъ естественной исторіи кончается тогда, когда вниманіе малышей утомится и они начинаютъ невпопадъ поднимать и не поднимать руки.

Сорока. Если ребенокъ одинъ, его занимаютъ такимъ образомъ. Семилѣтняя нянька плюетъ для вида ребенку на ладонь лѣвой руки, беретъ указательный пальчикъ другой руки и, плеская имъ по ладони, поетъ:

Сорока, сорока,
Прилетѣла здалёка,
Сѣла-пала на току
Да въ червономъ колпаку,
Кашу варила,
Дѣтокъ кормила!

Затѣмъ, перебирая пальчики, начиная съ большого, продолжаетъ:

— Етому дала, етому дала!

Дойдя до мизинца, говоритъ:

— А етому не дала!

А ты, малъ,
Крупъ не дравъ,
Воды не носивъ,
Дежи не мѣсивъ,
Тебѣ кашка на полички,
У маленькой черепички.
Шу-гу! полетѣли!

И машетъ ручками, подражая движеніямъ птичьихъ крыльевъ Потомъ беретъ обыкновенно обнаженную ручку дитяти и показывая на различныя части ея, отъ кисти до плеча, говоритъ:

А ты, мальчикъ,
Сходи по водичку
Въ стюдёну крыничку.
— Тутъ пень, тутъ колода,
— Тутъ крыница,
Тутъ холодная водица,
Водица!

И щекочетъ ребенка подъ мышками или подъ подбородкомъ Тотъ хохочетъ.

Кую, кую ножку. Та же нянька беретъ одной рукой ножку ребенка, а другой слегка бьетъ по подошвѣ ступни и поетъ:

Кую, кую ножку,
Поѣду въ дорожку,
Куплю черевички,
Ножки невелички.
Треба коня подковать,
Штобъ далеко ночевать.
Тутъ пень, тутъ колода,
Тутъ стюдёная крыница,
Тутъ холодная водица,
Водица!
И щекочетъ ножку.

—

Игрушки.

Волчокъ, кружолка. Волчокъ дѣлается большей частью изъ деревяннаго кружочка, въ центрѣ котораго просверливается дырочка. Въ эту дырочку продѣвается круглый стержень съ острой пяткой, такъ, чтобы ниже кружка стержень выдавался на полвершка, а выше кружка на два вершка. Чтобы пустить волчокъ, кладутъ верхній стержень между двухъ ладоней и быстрымъ вращательнымъ движеніемъ пускаютъ его.

Волчки шарообразные изъ картофеля, рѣпы, луковицы и т. п. встрѣчаются рѣдко за трудностію изготовить ключъ для ихъ пусканія. Ихъ пускаютъ также, какъ и кружолку.

Котёлка Деревянный кружокъ, дно отъ ведра, обручъ и т. п. Палкою играющіе подгоняютъ котелку другъ къ другу.

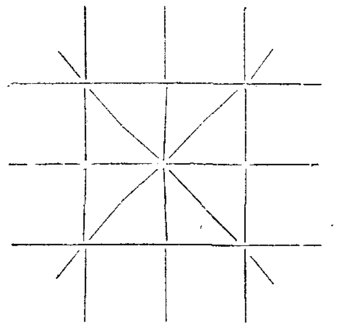
Мячикъ. Мячикъ, или мечикъ, дѣлается изъ тряпокъ или обрѣзковъ кожи. Въ хорошій же мячикъ непремѣнно долженъ быть вложенъ клубокъ изъ резиновыхъ полосокъ отъ старой калоши. Обматывается онъ нитками и обшивается тряпкой же или кожей.

Коровки. Для маленькихъ дѣтей дѣлаютъ коровокъ. Для этого берутъ продолговатую картофелину, маленькую молодую тыкву, огурецъ и т. п. Снизу въ нее втыкаютъ пару палочекъ спереди и пару сзади. Это ноги. Надъ передними ногами сверху втыкаютъ двѣ короткія палочки— рога, а за задними ногами втыкаютъ длинную палочку—хвостъ. Такихъ коровокъ гонятъ въ поле, пасутъ, кормятъ травою и т. д.

Жужалка. Въ ключицѣ просверливаютъ двѣ дырочки и продѣваютъ сквозь нихъ два шнур-

ка съ длинными концами. Взявъ за концы, быстро вращаютъ косточкой при ослабленныхъ шнуркахъ, а потомъ также быстро ихъ натягиваютъ. Отъ сильнаго вращенія кость жужжитъ.

Кресты. Берутъ восемь тонкихъ лучинокъ произвольной, но по возможности одинаковой длины. Изъ нихъ складывается сначала фигура въ видѣ буквы Ж, затѣмъ вверху и внизу ея кладется по лучинкѣ горизонтально. Онѣ поддерживаются упругостью средней вертикальной лучинки. Послѣ этого двѣ лучинки всовываются по сторонамъ фигуры вертикально и одна въ срединѣ въ горизонтальномъ положеніи. Получается фигура такая:



Это называется крестомъ. Надѣлавъ такихъ и, по желанію, болѣе сложныхъ крестовъ нѣсколько, дѣти начинаютъ пѣть: Господи помилуй! и т. п. и устраиваютъ съ ними шествіе по хатѣ.

Но большею частью кресты дѣлаются на печкѣ, гдѣ сушится лучина и гдѣ дѣти проводятъ зиму.

Конь. Конемъ бываетъ обыкновенная палка. Но непремѣнная принадлежность къ ней— кнутъ, или въ крайнемъ случаѣ прутъ. Мальчикъ садится верхомъ на такого коня и гарцуетъ, похлестывая его по обоимъ бокамъ.

Конь съ кучеромъ изображается двумя мальчиками. Одинъ впереди съ протянутой подъ мышками веревкой, другой сзади держитъ концы этой веревки и дергая то правый конецъ, то лѣвый, управляетъ конемъ.

Кнутъ здѣсь употребляется для хлопанья. Высшимъ шикомъ считается, если конь держитъ веревку во рту.

Изъ другихъ игрушекъ дѣлаются еще лодки изъ бересты и сосновой коры, корыта изъ коры же, корзинки, коробочки изъ прутьевъ, лучинокъ и соломы, вѣнки изъ цвѣтовъ и колосьевъ. Часто дѣлаются мельницы—вѣтраки. Для этого двѣ широкія лучинки связываются ниткою крестъ-на-крестъ, въ центрѣ соединенія ихъ пробивается дырочка, которою лучинки надѣваются на тонкій гвоздь, вбитый сбоку въ длинную палку. Палка эта нижнимъ концомъ прибивается къ высокому коньку крыши. При дуновеніи вѣтра, лучинки вертятся на гвоздѣ, какъ мельничныя крылья.

Какъ рѣдкая игрушка, встрѣчается въ деревнѣ **пильщикъ**. Это кусокъ толстой доски съ вырѣзаннымъ подобіемъ головы, рукъ и ногъ. Ноги отдѣляются одна отъ другой вырѣзомъ, сквозь который продѣвается плоская палочка. Внизу ея ноги соединяются деревяннымъ гвоздикомъ, который не дозволяетъ фигурѣ

упасть. Когда качнуть пильщика впередъ, онъ дотронется внизу ногами до особаго выступа и по силѣ инерціи откачнется назадъ. Приткнувшись и до находящагося здѣсь выступа, онъ снова отклоняется впередъ и т. д. Этими движеніями онъ напоминаетъ пильщиковъ, распиливающихъ вдвоемъ бревна,—отсюда и названіе игрушки.

Пищелки чаще всего дѣлаются изъ гусинаго пера. Вычистивъ внутренность полой части стержня, дѣлаютъ у конца продольный надрѣзъ въ 1 дюймъ длины. Получается родъ язычка. Эту надрѣзанную часть берутъ въ ротъ и дуютъ. Получается рѣзкій звукъ въ родѣ густого писка.

Если сложить обѣ ладони вмѣстѣ и между большихъ пальцевъ вложить длинный листокъ травы плоскуши, то тоже получится пищелка, если дуть между этими пальцами.

Если же листокъ вынуть и сложить ладони въ видѣ кулака, то получится **свистелка**, когда дуть въ отверстіе между большими пальцами. Но свистелки чаще покупаются на базарахъ. Это глиняные коньки, пѣтушки и т. п. Дома же ихъ дѣлаютъ еще изъ лозовой коры или изъ пустыхъ стволовъ бузины. Весною, когда деревья согрѣются и подъ корою ихъ пойдетъ сокъ кверху, дѣти срѣзываютъ у лозы гладкій сучекъ и „крутятъ“ кору, стараясь не разорвать ее. Когда она свободно вращается по стволу, отрѣзываютъ нижній конецъ сучка, дѣлаютъ вверху отверстіе въ видѣ полукруга и снимаютъ кору. Затѣмъ на томъ мѣстѣ обнаженнаго ствола, гдѣ вырѣзывалось отверстіе, срѣзываютъ кусокъ ствола—шпунтъ и дѣлаютъ одну сторону его плоскою. Если шпунтъ вставить выше вырѣзаннаго въ корѣ отверстія, получится **дудка**, свирѣль; если же подвинуть шпунтъ ниже отверстія и закрыть верхній конецъ дудки пальцемъ или забить круглымъ шпунтомъ, то получится рѣзкая свистёлка. При тонкомъ стволѣ получается „соловей“, совершенно схожій съ соловьинымъ свистомъ, при толстомъ—густой, почти паровозный, свистъ. Свистелка дѣлается еще изъ жести. Найдя крышку или дно отъ коробки ваксы, или другой кусокъ жести даютъ ему правильную форму круга или прямоугольника и пробиваютъ круглое отверстіе въ центральной части. Затѣмъ сгибаютъ пластинку вдвое такъ, чтобы отверстіе пришлось на сгибѣ. Если вложить эту свистелку въ ротъ, сгибомъ внутрь, и дуть, она издаетъ пронзительный свистъ.

Трубу дѣти дѣлаютъ себѣ изъ листьевъ гарбузника—огородной тыквы. Срѣзавъ листъ у самаго основанія и соскобливъ съ его ножки колючки, срѣзываютъ зеленую лопасть листа такъ, что остается только его стержень. Тогда у самой верхушки стержня прорѣзываютъ вдоль небольшую узкую щель.

Если взять эту верхушку съ щелью въ ротъ и дуть, полу-

чится довольно чистый трубный звукъ, тѣмъ сильнѣйшій, чѣмъ длиннѣе и толще стержень листа.

Трещотки бываютъ трехъ видовъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ обыкновенную коробочку изъ лучины, въ которую всыпано нѣсколь камешковъ. Къ коробочкѣ привязываютъ ручку, и получается трещотка. Другой видъ представляетъ доску съ продѣтой сквозь нее рукояткой, которая чуть-чуть выдается поверхъ доски. Къ этой рукояткѣ привязывается, поверхъ доски, колотушка изъ плоской дубовой пластинки. Если часто махать такой трещоткой сверху внизъ и обратно, отъ нея получается сильная трескотня.

Третій видъ, самый любимый дѣтьми, но который не всѣ изъ нихъ могутъ сдѣлать. Берется толстая палка въ 4—6 в. длины. Концы ея стесываются и утончаются, а на толстой серединѣ вырѣзываются глубокіе рубцы, числомъ 6 или 8, смотря по толщинѣ палки. Затѣмъ изъ лучинокъ дѣлается прочная лѣсенка, которая привязывается свободно прутьями къ верхнему и нижнему концамъ палки такимъ образомъ, чтобы лучинки концами прикрывали верхній изъ вырѣзанныхъ рубцовъ. Если придать палкѣ вращательное движеніе, лѣсенка вертится вокругъ нея, и лучинки, соскакивая съ одного рубца на другой, производятъ оглушительный трескъ.

Куклы. Для основы куклы взрослые часто вырѣзываютъ дѣтямъ изъ палки фигуру человѣка съ головою, шеей и туловищемъ. На головѣ дѣлается подобіе лица: глаза, носъ, ротъ, подбородокъ. На эту основу дѣти шьютъ одежду: шапочку, платокъ, кофточку и юбку. Такъ-какъ нижній конецъ палки — основы плоскій, то такая кукла свободно стоитъ.

Но чаще фигуру куклы дѣти дѣлаютъ сами. Для этого они сшиваютъ узенькій мѣшочекъ, набиваютъ его льняными хлопьями, перетягиваютъ мѣсто шеи ниткою и кукла готова. Надо только одѣть ее. Платье дѣти тоже шьютъ сами изъ разныхъ лоскутьевъ.

Для угощенія куколъ устраиваются такъ называемые *объдки.* Какой-нибудь разбитой чаркой или черепочкомъ, или прямо руками, дѣвочки дѣлаютъ пироги изъ песку или изъ глины и ставятъ ихъ рядами на дощечкѣ; сюда же приносятъ крошеныя яблоки, хлѣбъ и деревенскія лакомства—горохъ, бобъ, макъ и т. п. Берутъ ихъ заостренными спицами, а макъ ложечками изъ маковыхъ головокъ, и подносятъ сначала кукламъ, а потомъ съѣдаютъ сами.

Для куколъ устраиваются и особыя колыски—люльки, большею частью изъ бересты.

Изъ другихъ забавъ дѣтей можно указать на **уборку сѣна.** Дѣти рвутъ руками или при помощи самодѣльной косы траву, разстилаютъ ее рядами для высушки, потомъ сгребаютъ и скла-

дываютъ въ копны, а изъ копенъ дѣлаютъ крошечные стога.

Иногда дѣти, собравшись большою толпой, изображаютъ изъ себя **стадо** домашнихъ животныхъ; двое изъ нихъ дѣлаются пастухами: берутъ кнуты и гонятъ стадо „на пашу“, къ водопою и т. д.

Нерѣдко нѣсколько человѣкъ изображаютъ изъ себя евреевъ, а остальные **собакъ.** Собаки съ лаемъ яростно нападаютъ на евреевъ и загоняютъ ихъ на плетни, на заборы.

Затѣмъ, дѣти **катаются** по льду на ногахъ, стоя и въ присядку, или съ горки на санкахъ, обледенѣлыхъ доскахъ, или круглыхъ „ледешахъ“, вырубленныхъ на рѣкѣ или озерѣ и обдѣланныхъ для болѣе удобнаго и устойчиваго сидѣнья. На льду же дѣлается и такъ называемый **катокъ** [1]).

Для этого въ ледъ вморaживается круглый колъ, на него надѣвается колесо, къ которому крѣпко привязывается длинная жердь; къ концу жерди прикрѣпляются санки. Между спицъ колеса вставляются колья и съ ихъ помощью нѣсколько человѣкъ вертятъ колесо. Вслѣдствіе этого санки очень быстро описываютъ круговую линію. На нихъ катаются любители сильныхъ ощущеній. Въ этой забавѣ участвуютъ болѣе взрослыя дѣти и парни.

Вмѣсто катка въ Быховскомъ уѣздѣ устраивается крутoрга. На тотъ же самый колъ зимою или на срубленный пень лѣтомъ кладется тонкое бревно такъ, чтобы концы его не перевѣшивали другъ друга. Потомъ на каждый конецъ садится по мальчику, а остальные, ходя вокругъ кола или пня, приводятъ бревно въ круговое движеніе. Мѣняясь, качаются на круторгѣ всѣ играющіе.

Игра опасная, такъ какъ бревно часто соскакиваетъ съ своего стержня и бьетъ дѣтей.

Чаще изъ бревна или изъ доски дѣлаются **качели.** Для этого бревно кладутъ на толстую колоду, вопперекъ, такъ, чтобы концы не перевѣшивали другъ друга. На каждый конецъ садится верхомъ по мальчику. Упираясь ногами въ землю, они заставляютъ бревно попеременно подниматься и опускаться концами. Это и есть „качеля“.

Ритуальное значеніе имѣютъ качели—рѣли, орѣли,—устраиваемыя на Сорокі—9 марта, въ день сорока мучениковъ и астрономическаго наступленія весны. Качели въ этотъ день устраиваются не только для дѣтей, но и для взрослыхъ парней и дѣвушекъ. Для дѣтей—чтобъ выше росли, для парней и дѣвушекъ,—чтобы легка была работа.

Для дѣтей качели устраиваются обыкновенно на верхней перекладинѣ воротъ, ведущихъ во дворъ, въ сарай, въ гумно. Черезъ эту перекладину два раза перебрасывается сложенная вдвое веревка и расширяется такъ, чтобы можно было вста-

[1]) Катокъ—бѣлорусское названіе колеса.

вить доску или ночевки, къ которымъ и привязывается внизу веревка. Въ ночевки сажаютъ дѣтей и качаютъ. Размахъ такой качели незначительный.

Взрослые устраиваютъ себѣ качели въ гумнахъ. Веревку они забрасываютъ за то бревно, которое на сохахъ поддерживаетъ крышу всего гумна. Нѣсколько человѣкъ садится на доску, прикрѣпленную внизу къ веревкамъ, а двое становятся по концамъ доски и „поддаютъ", то есть, присѣдая, раскачиваютъ доску. Такъ какъ высота сохъ очень большая, то и размахъ этихъ качель довольно сильный.

Въ виду того, что качанье это имѣетъ ритуальное значеніе, и происходитъ во время великаго поста, то пѣсни не поются, и качели эти висятъ не долго.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ качели устраиваются ко дню Пасхи и стоятъ до Троицына дня. Для устройства ихъ нужно семь тонкихъ бревенъ, въ родѣ телеграфныхъ столбовъ. Шесть изъ нихъ связываются по три вмѣстѣ съ одного конца, а другими концами вкапываются въ землю въ разставленномъ видѣ, образуя козлы, трехстороннія пирамиды, такимъ образомъ, что одна изъ плоскихъ сторонъ пирамидъ обращена внутрь. Между пирамидами, козлами, оставляется пространство, соотвѣтствующее длинѣ бревенъ, но не менѣе двухъ саженей. Установивши козлы, встаскиваютъ на нихъ седьмое бревно и укладываютъ на вилкахъ, образовавшихся тамъ отъ трехъ связанныхъ вмѣстѣ бревенъ. Такія качели и называются козлами. Веревка, или вѣрнѣе канатъ, на нихъ вѣшается только тогда, когда соберутся желающіе покататься (по бѣлорусски, на качеляхъ „катаются", а по землѣ „качаются", бѣлье также „качаютъ"), а затѣмъ она снова снимается. Обыкновенно, это бываетъ по праздникамъ послѣ обѣда. Для того, чтобы повѣсить канатъ, его связываютъ концами и посредствомъ особой тонкой веревки встаскиваютъ на поперечное бревно. Перевиваютъ бревно канатомъ два раза, чтобы онъ не скользилъ. Разстояніе между канатами на этомъ бревнѣ обыкновенно оставляется въ одинъ аршинъ. Тогда приносятъ прочную широкую доску и обертываютъ ее по концамъ нѣсколько разъ висящимъ канатомъ на высотѣ 1 арш. отъ земли. Качаются на козлахъ обыкновенно стоя. Двое становятся по концамъ доски „поддавать", а остальные внутри канатовъ, лицами къ поддающимъ. Всѣ держатся за канаты. Лучшимъ „катаньемъ" считается такое, когда при размахѣ доски кверху канаты принимаютъ горизонтальное положеніе. Если качаются сидя, то доски сильно не раскачиваютъ. Сидящіе обыкновенно поютъ пѣсни.

Всѣ матеріалы для козловъ покупаются дѣвушками вскладчину. Канатъ хранится въ многолюдной семьѣ нѣсколько лѣтъ, а лѣсной матеріалъ берется на прокатъ изъ тѣхъ дворовъ, гдѣ имѣются подходящія бревна.

Въ деревняхъ качели устраиваются проще. Ихъ дѣлаютъ, какъ на Сорокѝ, въ гумнѣ, или на верхней перекладинѣ воротъ; а тамъ, гдѣ есть растущія деревья, перекладину кладутъ на сучья двухъ сосѣднихъ деревьевъ и вѣшаютъ или веревку или привязываютъ сучьями двѣ небольшихъ жерди, къ которымъ внизу прикрѣпляется доска

Въ Быховскомъ уѣздѣ качели устраиваются къ Русальной недѣлѣ и висятъ отъ Троицына дня до Петра. Въ Русальную недѣлю, какъ извѣстно, русалки качаются въ лѣсахъ на древесныхъ вѣткахъ и громко припѣваютъ:

Гутатà, гулялѝ!
Гутатà, гулялѝ!

На качеляхъ дѣвушки поютъ весеннія или Петровскія пѣсни. Заканчивается этотъ сезонъ игрищемъ въ день Петра и Павла, которое носитъ еще названіе „кумовства", но уже потеряло обрядовыя черты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Могилевской губерніи сохранился еще приуроченный къ этому періоду (отъ Русальной недѣли до 29 іюня) пережитокъ старины, въ которомъ въ настоящее время уже трудно отыскать обрядовое значеніе. Прокачавшись съ пѣснями на качеляхъ вечеръ, дѣвушки встаютъ на зарѣ и гонятъ „съ собою" коровъ въ поле „на ранки". Пасутъ ихъ тамъ до 10—11 часовъ и потомъ гонятъ домой. Послѣ полудня тѣхъ же коровъ уже прогоняютъ „въ пастухъ".

Древній обычай этотъ съ каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже.

Указатель мѣстностей, гдѣ записаны матеріалы.

МОИ СОТРУДНИКИ.

Аникіевичъ, К. Т., изъ кр-нъ Сѣнненск. у.; мой ученикъ по Сѣнненскому уѣздн. уч., потомъ сельскій учитель. Мой спутникъ въ экскурсіяхъ. Записи его напеч. въ вып. III, IV, V, VI „Бѣл. Сб." Въ наст. вып. помѣщены пѣсни его записи, стран. 134, 139, 153, 197, 215, 513.

Барановскій, I., уч-ль. Сказки его записи въ VI вып. Здѣсь рѣчь столбового и пѣсни, стр. 405, 426.

Буднецкій, П. П., изъ кр-нъ Гом. у.; мой ученикъ по Гомельск. нар. уч., потомъ сельскій учитель. Мой спутникъ въ экскурсіяхъ. Записи его напеч. въ вып. IV, V, VI. Въ наст. вып. приведены его сообщ. по внѣшн. и сем. быту, вѣрованія, примѣты и нѣскольк. пѣсенъ, стр. 145, 473.

Бѣлинская, Е. А., дочь свящ. с. Хвошна и мѣстная уч-ца. Ея записи помѣщ. въ вып. V и VI. Здѣсь ея пѣсни, стр. 130, 224.

Василевъ, П. В., уч-ль с. Мишневичъ, сотрудникъ по V и VI вып. „Бѣл. Сб.". Здѣсь помѣщены пѣсни въ его записи, стр. 148, 223, 254.

Вержбицкій, А. Е., б. уч-ль с. Городца. По моимъ указ. описалъ мѣстн. сем. бытъ, стр. 325, 329, 494, 533.

Зайцъ, Ю. С., уч-ца Езерищен. учил. Городокск. у., дала свѣдѣнія о мѣстн. свадебн. обрядѣ.

Кулешовъ, Ф. Ѳ., мой дѣят. сотрудн. по „Мог. Губ. Вѣдом." б. сельск. уч-ль и вол. пис. Здѣсь его описаніе вертепн. дѣйств. въ с. Бычи и матер. по словарю условн. яз.

Онуфріевъ, М. О., б. сельск. уч-ль, мой сотрудн. по „Мог. Губ. Вѣд.". Въ наст. вып. помѣщ. его весьма цѣнныя свѣд. по внѣшн. быту, опис. игръ и нѣск. пѣсенъ.

Пашкевичъ, К., мой учен. по Сѣнненск. у. Сотрудн. въ III вып. Въ VIII в. его пѣсня, стр. 507.

Попретинскій, С. В., сынъ вол. пис., б. сельск. уч-ль, сотруд. по VI вып. Въ VIII в. помѣщ. его свѣдѣнія по народн. календарю.

Пороменская, О., б. уч-ца Щербинскаго уч., по моимъ указ. запис. мѣстный свадеб. обрядъ и нѣск. пѣсенъ, стр. 135, 236, 251, 361.

Пилипенокъ, С. В., кр. д. Заулковъ, самоучка; по моимъ указаніямъ записалъ годовой кругъ пѣсенъ, въ прекрасной редакціи, стр. 173, 188, 200, 236, 355, 523.

Пясковская, Н. В., дочь священ. Невельск. у., б. уч-ца Сушков. учил., Дриссен. у., описала свадебный обрядъ обоихъ этихъ уѣздовъ и записала причитанія, стр. 392, 451, 545.

Русакова, Л. Ѳ., дочь священ., сельская уч-ца, описала свад. обрядъ Владиміровск. вол., Городокск. у. и доставила нѣсколько пѣсенъ, стр. 115, 403. Записи ея помѣщены въ V вып. „Бѣл. Сб.".

Ткаченко, Л. М., старикъ кр. д. Дубровки, Гом. у. самоучка, поэтъ, идеалистъ, авторъ распространеннаго въ спискахъ „Акаѳиста волостному старшинѣ", съ припѣвомъ: „Радуйся, волостный начальниче, великій винопійче!" Былъ учит. ц.-прих. школы, сельскимъ писаремъ, помощникомъ вол. писаря. Далъ мнѣ весьма цѣнныя свѣдѣнія по народному календарю, народн. вѣрованіямъ, семейному быту. Матеріалы, отмѣченные дер. Дубровкой, всѣ принадлежатъ ему.

Филипповъ, Ѳ. Т., б. уч-ль Городокск., Витебск. и Велиж. у. Записи его помѣщены и въ V вып. Въ настоящій вып. вошло нѣск. пѣсенъ его записи, но большая часть осталась ненапечатанною.

Судиловскій, П. С., волостн. писарь с. Ослянки, доставилъ нѣск. пѣсенъ и далъ свѣдѣнія по семейному быту, стр. 232, 324, 328, 506.

Всѣ эти лица мнѣ лично извѣстны и при записяхъ руководствовались моими указаніями. Кромѣ нихъ, для настоящаго выпуска доставили тѣ или другія свѣдѣнія по быту и вѣрованіямъ, или записали пѣсни слѣдующія лица:

Алхимовичъ, Пр. Ѳ., зем. нач., изъ дух. среды Витеб. губ., доставилъ много своихъ наблюденій, но къ сожалѣнію придалъ имъ полубеллетристическую форму, при которой трудно отличить нар. произведенія отъ псевдонародныхъ. Здѣсь же много произведеній искусственныхъ, которыя надѣюсь издать впослѣдствіи. Пѣсни въ записи г. Альхимовича, стр. 116, 226, 259, 269.

Свящ. о. П. Волочковъ, о. И. Давидовичъ дали цѣнные матеріалы по внѣшнему быту быховскихъ крестьянъ.

Свящ. о. В. Романовъ сообщилъ данныя по нар. міросозерцанію.

Псаломщ. Барташевичъ, С., запис. нѣск. пѣсенъ. Сотрудн. въ „Мог. Губ. Вѣд." Стр. 244.

Воспитан-ки вилен. дух. сем. А. Станкевичъ и два его товарища (фам. мнѣ неизв.) запис. пѣсни въ виленск., ошмян, уу. и въ м. Браславѣ, стр. 129, 139, 151, 177, 187, 188, 200, 202, 217, 229, 239, 247, 248, 272.

Барковъ, Неплюковъ, Соколовскій, Гутовскій—воспит. Лепельск. гор. училища. Ихъ пѣсни, стр. 134, 194, 227, 250, 381.

Петровъ, кр. с. Болецка, запис. нѣскольк. пѣсенъ, стр. 258.

Кипріановъ, Никитинъ, Моисеевъ, Орловъ, Скороходовъ—кр-не долосчан. вол., Себеж. у. Ихъ пѣсни, стр. 224, 225, 260.

Кондратьевъ, И., кр. бабинич. вол., Витеб. у. запис. много пѣсенъ, часть которыхъ вошла въ настоящ. вып., стр. 220, 253, 267, 378.

Дочери сельскихъ священ.—Синякова, Е. И., Модзалевская, Т., Волочкова, А. П., Матіасевичъ, А., передали описанія свадебн. обрядовъ и тексты пѣсенъ и причитаній, стр. 507, 140, 222, 271, 545, 485, 262.

Уч-цы и уч-ля сельск. учил.—Соколовская А., Страмковская М., Нездачины Н. Ѳ. и О. Ѳ., Давиденко А. С., Коптѣловъ, Орловъ Д., Эсьманъ П., Цыбулькинъ А. Т. доставили по нѣск. пѣс. и кратк. опис. свад. обр., стр. 218, 252, 367, 430, 195, 259, 268, 269, 237, 271, 435, 149, 198, 203, 370, 166.

Останьковичъ пом. вол. пис. записалъ одну пѣсню, стр. 244.

Всѣ они мнѣ также лично извѣстны, кромѣ крестьянъ долосчанской вол., Петрова и Кондратьева, воспит. Лепельск. городск. учил. и Виленск. дух. сем. и уч-цы Матіасевичъ.

Оглавленіе.

Е. Ѳ. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи.

Съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими.

1978

Типографія А. Г. С... ...ская ул., соб. домъ. ВИЛЬНА.
1912.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ

Типографія А. Г. Сыркина. Вильна, Большая ул., соб. домъ.

Условные и тайные языки, какъ извѣстно, имѣютъ большое распространеніе и вызвали цѣлую литературу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Употребленіе ихъ возникло въ глубокой древности и они были извѣстны уже Геродоту.

Возникновеніемъ своимъ условные тайные языки обязаны желанію извѣстныхъ группъ, кастъ, кружковъ, цеховъ, сохранить въ тайнѣ свои профессіональныя свѣдѣнія.

Такъ возникли подобные языки у врачей (остающійся доселѣ латинскій), у купцовъ, ремесленниковъ, нищихъ, воровъ и т. д.

Не задаваясь цѣлію разсмотрѣть способы тайнописи, я намѣренъ сдѣлать лишь сводъ имѣющихся уже и вновь собранныхъ мною словарныхъ матеріаловъ по устнымъ условнымъ языкамъ, находящимся въ обращеніи въ предѣлахъ Бѣлоруссіи.

Первый, кто обратилъ вниманіе на условные бѣлорусскіе (въ смыслѣ топографическомъ) языки, былъ Андрей Мейеръ, авторъ „Описанія Кричевскаго графства или бывшаго староства" 1786 года, которое напечатано мною въ сборникѣ „Могилевская Старина" [1]).

„Я думаю, говоритъ авторъ этого интереснаго труда, что не противно будетъ, естьли я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчіи, которымъ всѣ кричевскіе мѣщане—портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы [2]) *корелы* (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяна) между собою изъясняются".

„Сіе нарѣчіе, подобно многимъ россійскимъ, а особливо суздальскому [3]), введено въ употребленіе праздно-шатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, привыкнувъ уже къ лѣности и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное *выдумать* и сплесть, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли. Оно (нарѣчіе) не основано ни на какихъ правилахъ и кромѣ множества произвольно-вымышленныхъ состоитъ еще изъ переломанныхъ *нѣмецкихъ* и *латинскихъ* словъ [4]). Употребляемая между ими таковая

---

[1]) Вып. II, стр. 86—137. Могилевъ, 1901.

[2]) Польская граница въ Могилевской губерніи въ то время шла по р. Друти, въ Сѣнненскомъ, Оршанскомъ, Выховскомъ и Рогачевскомъ уѣздахъ.

[3]) Слѣдовательно, условный языкъ офеней имѣлъ широкое распространеніе уже въ XVIII вѣкѣ.

[4]) Такимъ образомъ, авторъ здѣсь противорѣчитъ себѣ: кричевскіе крестьяне не могли *выдумать* нарѣчія, въ составъ котораго входятъ неизвѣстныя имъ нѣмецкія и латинскія слова.

рѣчь называется здѣсь *отверницкою*, или отвращенною [1]), и я для любопытства прилагаю здѣсь нѣсколько изъ употребительнѣйшихъ какъ рѣчей такъ словъ и глаголовъ ихъ".

Далѣе авторъ приводитъ 6 реченій, 35 существительныхъ и 5 глаголовъ изъ этой „отверницкой говорки". Они приведены далѣе.

Затѣмъ о бѣлорусскихъ условныхъ языкахъ упоминаютъ: извѣстный *Микуцкій*, въ „Матеріалахъ для сравнительнаго словаря" [2]), *Максимовъ* въ очеркѣ „Кубраки" въ „Бродячей Руси" и *Ставровичъ* въ „Опытѣ историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій о Сѣверо-западномъ краѣ" [3]). Священникъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи *Ѳ. Сцѣпуро* уже составилъ „Русско-нищенскій словарь м. Семежова Слуцкаго уѣзда", напечатанный въ „Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и словесн. Импер. Академіи Наукъ [4]) и заключающій въ себѣ 243 слова.

Слѣдующій трудъ, посвященный условному языку нищихъ и ремесленниковъ, между прочимъ—бѣлорусскихъ, принадлежитъ П. Н. Тиханову [5]). Въ немъ авторъ приводитъ шесть небольшихъ словариковъ, всего 846 словъ, языка нищихъ Гомельскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ—Черниговскаго, Мглинскаго и Брянскаго, а также языка портныхъ Жиздринскаго уѣзда и шерстобитовъ Пензенской губерніи.

Мнѣ приходилось обращаться къ условнымъ языкамъ нѣсколько разъ. Первоначально мною составленъ словарикъ въ 370 словъ условнаго языка Дрибинскихъ шаповаловъ въ 1889 году и напечатанъ въ „Живой Старинѣ" [6]) подъ названіемъ „Катрушницкій лемезень". Въ слѣдующемъ 1890 году собраны матеріалы для словаря условнаго языка нищихъ Могилевской губерніи, которые помѣщены въ „Этнографич. Обозрѣніи" [7]) подъ названіемъ „Любецкій лементъ". Сюда вошло 1015 словъ. Десять лѣтъ спустя, мнѣ снова пришлось возвратиться къ условнымъ языкамъ. Воспользовавшись пребываніемъ въ Дрибинѣ интеллигентнаго волостного писаря Ф. Ѳ. Кулешова, которому крестьяне свободно сообщали слова своего тайнаго языка, я при его помощи значительно пополнилъ собранные раньше лексическіе матеріалы и издалъ ихъ въ „Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" и „Могилевской Старинѣ" [8]), откуда они были перепечатаны въ „Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ" [9]).

---

1) Такое толкованіе автора невѣрно. На самомъ дѣлѣ нарѣчіе называется *отверницкимъ* потому, что прототипомъ его здѣсь былъ обыкновенный языкъ, но „съ отворачиваніемъ" слоговъ, т. е. съ перестановкою слоговъ или вставкою между ними частицъ: *ку*, *хѣр, шаце* и др.

2) СПБ. 1854. Изд. Акад. Наукъ. 3) Вильна, 1870, стр. 19.

4) Т. XXI, СПБ. 1881. 5) Труды Черниговъ. архивн. ком. вып. II, Черниговъ, 1900, стр. 65—168. 6) Т. I. СПБ. 1890. Стр. 9—16. 7) Кн. II. Москва, 1891. Стр. 118—145. 8) Вып. II. Могилевъ, 1901. Стр. 45–68. 9) Т. LXXI, СПБ. 1901.

Въ этомъ трудѣ былъ сдѣланъ сводъ данныхъ по условнымъ языкамъ, находящихся въ указанныхъ выше источникахъ, кромѣ „Матеріаловъ" Микуцкаго, которыхъ въ провинціи отыскать не было возможности.

Впослѣдствіи, въ 1904 году, мнѣ представилась возможность ознакомиться съ условнымъ языкомъ портныхъ и шаповаловъ извѣстнаго мѣстечка Шклова, Могилевскаго уѣзда—съ нáрушницкимъ лéмезомъ, и въ 1910 году съ языкомъ профессіональныхъ сборщиковъ на построеніе храмовъ—лáборей м. Иванова Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи—вытирня́цкимъ гаври́дникомъ, онъ же гаври́дникъ либéрскій и гаври́дникъ афи́нскій (конечно, искаженное—офенскій).

Это обстоятельство обязываетъ меня еще разъ остановиться на условныхъ языкахъ Бѣлоруссіи и сдѣлать новый сводъ всѣхъ добытыхъ матеріаловъ въ видѣ опыта словаря.

Разсматривая эти лемезни, лементы и гавридники со стороны ихъ образованія, слѣдуетъ признать, что происхожденіе значительнаго числа словъ ихъ опредѣлить пока невозможно. Затѣмъ, въ составъ ихъ входятъ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ, слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ: Ахвесъ-Богъ, хирка-рука, кресо-мясо, петрусъ-камень, ставеръ-крестъ, хлюса-церковь, мелюсъ-медъ, микрый-малый, тэсарь-четыре и нѣкоторыя другія—несомнѣнно *греческія*, заимствованныя по всей вѣроятности отъ греческихъ и аѳонскихъ монаховъ, которые съ паденіемъ Византіи стали наводнять Россію для сбора пожертвованій на храмы и монастыри, и были первыми виновниками появленія у насъ *кубраковъ* и *лаборей* съ такими же цѣлями и съ такимъ же непонятнымъ для массы языкомъ. Имѣются слова, заимствованныя изъ *латинскаго* языка, напримѣръ: царья—земля, деусъ—солнце, деушница—воскресенье, вохтымирь—восемь; изъ *нѣмецкаго* или еврейскаго жаргона взяты: штэкъ—палка, махеръ—ножъ, геренька—селедка, цигаль—коза, хазъ—домъ, шихта—дѣвушка, шнейдеръ—портной; *шведскаго*: стодъ—богатый; *чешскаго*: карфилъ—священникъ; *польскаго:* свяно—праздникъ, дюкаты—деньги, лобусъ—парень, ёдный—одинъ, девенть—девять; изъ *татарскаго*: басать—рѣзать; *латышскаго*: чибла—коза. Довольно много вошло въ словарь *областныхъ словъ*, провинціализмовъ, употребляющихся только въ одной какой-либо области и не извѣстныхъ въ другой, напр. сиворка—зима, лохъ—мужикъ, ряха—молодица, суразный—красивый и т. п.

Имѣются слова искаженныя черезъ перестановку слоговъ и измѣненіе окончаній, какъ напримѣръ: лосома—солома, лапстырь—пастухъ, пастырь, липусъ—липовикъ, лапоть и т. д.

Большинство прилагательныхъ образуется изъ общерусскихъ, при помощи вставныхъ суффиксовъ: *имн, омн*: тонкимный, солодимный, худимный, кисломный, низкомный и т. п.

Очень много въ словарь вошло словъ изъ такъ называемой „отверницкой говорки“. Говорка эта состоитъ въ томъ, что каждое слово „разворачивается“ на слоги и при произношеніи предъ каждымъ слогомъ дѣлается вставка извѣстныхъ условныхъ частицъ, большею частью: *ку, шу, хѣр, ша-це, куй-му* и др. Получается такой жаргонъ: кубáкутька—батька, хѣрбрáхѣртъ—братъ, шамáцетка—матка, шухáшута—хата, куйсéмустра—сестра и т. д.

Въ бѣлорусскихъ профессіональныхъ условныхъ языкахъ почему то въ наибольшемъ употребленіи частица *ку*, причемъ приставляется она не предъ каждымъ изъ слоговъ слова, а только впереди перваго слова: кýвесна, кýпогода и т. д. вмѣсто: кувéкусна, купóкугóкуда и т. д. Разгадать такую „говорку“ не трудно, какъ показываетъ слѣдующій анекдотъ, приведенный въ „Бѣлор. Сборникѣ“:— „Хѣръ—братъ!“—Хѣръ—што? — „Хѣръ — ходи!“ — Хѣръ — куды? — „Хѣръ къ дѣвкамъ!“—А хѣръ—кнутъ, скурвые сыны!...—„А братъ! И батька по хѣрамъ умѣя говорить!..“

Въ этомъ случаѣ говорящему на условномъ языкѣ много помогаетъ быстрота произношенія словъ и то обстоятельство, что въ такихъ сложныхъ словахъ удареніе всегда переносится на приставку: кýраньня—раньня, утро; кýгора—гора, кýлѣто и т. д. Иногда употребляется и пріемъ смягченія или подъема согласныхъ по общимъ законамъ нашей фонетики; напримѣръ, говорятъ: кýхередній—середній.

Во всѣхъ измѣненіяхъ словъ и въ сочетаніи ихъ бѣлорусскіе условные языки подчиняются законамъ языка русскаго и ни собственной этимологіи, ни синтаксиса они не имѣютъ. Нѣтъ у нихъ также своихъ союзовъ, предлоговъ и междометій.

Имѣющіяся слова условныхъ языковъ я раздѣляю въ „Опытѣ словаря“ на три категоріи. Къ *первой* мною отнесенъ языкъ ремесленниковъ: Дрибинскихъ шаповаловъ; Шкловскихъ портныхъ, Кричевскихъ ремесленниковъ по Мейеру (1786), а также Новозыбковскихъ шаповаловъ по сборнику Николайчика [1]) и Жиздринскихъ портныхъ, такъ какъ уѣздъ Новозыбковскій отчасти, а Жиздринскій весь, по Карскому, входятъ въ число бѣлорусскихъ [2]).

Параллельно съ ними, во *второй* категоріи, приводятся языки *нищихъ* Могилевской губерніи, собранные мною въ Мстиславскомъ, Климовичскомъ, Чериковскомъ и Чаусскомъ уу., и г. Тихановымъ—въ Гомельскомъ; нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи; Черниговскаго и Мглинскаго уѣздовъ по сборнику Тиханова и Брянскаго уѣзда Орловской губерніи по тому же сборнику,—такъ какъ эти уѣзды входятъ въ область бѣлорусскихъ, а Черниговскій примыкаетъ

къ ней съ сѣвера и запада [1]). Для параллели, здѣсь приведенъ и словарикъ нищихъ Подольской губерніи Боржиковскаго [2]).

Къ *третьей* категоріи отнесенъ значительно развитой языкъ *лаборей* м. Иванова Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи [3]).

Изъ сборника Тиханова я привожу и словарикъ языка Пензенскихъ шерстобитовъ, составленный г. Шульгинымъ, но долженъ сказать, что онъ принадлежитъ къ числу весьма сомнительныхъ. Повидимому, шерстобиты, нравственность которыхъ изображена г. Шульгинымъ въ весьма мрачномъ видѣ, опасались передавать ему тайны своего языка и сообщали слова фантастическія.

Наконецъ, для большей полноты, я присоединяю и параллели изъ словаря польскихъ арестантовъ Эстрейхера [4]), близость котораго къ бѣлорусскимъ словарямъ видна съ перваго взгляда.

Лексическій матеріалъ я располагаю по слѣдующимъ группамъ:

I. Явленія и предметы природы.
II. Предметы духовные.
III. Человѣкъ.
IV. Пища.
V. Одежда.
VI. Жилище, утварь, орудія.
VII. Животныя.
VIII. Растенія.
IX. Дѣйствія.
X. Свойства и качества.
XI. Числа и мѣры.
XII. Употребительнѣйшія мѣстоименія.
XIII. Главнѣйшія нарѣчія.
XIV. Фразы на условномъ языкѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 12—15, 20, карта. [2]) Кіев. Стар. 1889 г. сентябрь. [3]) Свѣдѣнія о Дрибинскихъ шаповалахъ читатели найдутъ въ моей „Могил. Старинѣ“, вып. II, стр. 39—44, а объ Ивановскихъ лаборяхъ у Ставровича, въ „Опытѣ изслѣдованій“, стр. 1—35. [4]) „Szwargot więzenny“, Краковъ, 1903.

Списокъ словъ.	Условный языкъ ремесленниковъ.						Условный языкъ нищихъ.					Лаборскій.	Польскій.
	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.		
I. Явленія и предметы природы.													
Міръ, свѣтъ .	ку́свѣтъ	—	—	—	—	—	—	сянъ	—	—	сви́томка	си́веръ	—
Земля . .	цыръ, цирь	тюра̀	—	ати́ра	—	масто́ръ	церь, царя̀, цыру́га	цы́ра	сырья̀, церья̀, тирья̀	сыру́ха	теры́га	тыры́га	—
Вода . .	суга̀	суга̀	де́лька	суга̀	леньга̀	дробня̀	дылька, дельга̀	дэ́лька	дельга̀	леню́га	де́лька	дэ́лька	delka
Огонь . .	дуля́съ, ду́лясъ, дуль	дульмо̀	—	—	шабу́нъ	ду́ликъ	ду́лесъ, ду́лясъ	—	ду́лесъ, ду́лисъ, дуль	ду́линъ	дуля́сникъ	ду́лясъ	dulc
Спички .	дуля́ска	длыме́ска	—	—	—	—	дуля́съ, дуля́сница	—	духа̀вка	вы́терочка	—	задуля́никъ, задуля́нокъ	—
Дымъ . .	курдо́мъ	дымо́шъ	—	—	—	кача́мъ	ку́думъ	—	—	—	—	дымо́шникъ	—
Жаръ, горячій уголь	шу́голь	дуля́съ, уголёмъ	—	—	—	ся́тка	ду́лецъ, ду́лесъ	—	—	—	—	ду́лясъ	—
Небо . .	шу́небо	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Солнце .	сьвя́нка	дэ́усъ	—	—	—	сія́нъ	сія́нка, сно́пка	ся́ко	—	—	ся́нко	ся́ннэ, ся́нне	sianko
Луна . .	шу́луна	луно́ша	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Звѣзда .	ку́звѣзда, ку́зорька	звѣздо́ша	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ку́зорка	—
Погода .	шаго́да, ку́погода	—	—	—	—	—	ку́погода	—	—	—	—	—	—
Вѣтеръ .	шу́вѣтеръ	шуговѣ́й	—	—	—	вармa̱съ	ку́вѣтеръ	—	—	—	—	шу́теръ, шу́тэръ	—
Туча . .	ку́туча, ку́хмара	—	—	—	—	—	трухве́й	—	—	—	—	—	—
Громъ . .	шу́громъ	—	—	—	—	—	Яхвесъ пору́тится (Богъ бранится)	—	—	—	—	О́хвесь пору́тится Охвэ́съ лобу́нытця	—
Дождь . .	трухле́й, трухне́й	парахо́нъ	—	марахо́нька	—	—	трухле́й, трусе́й	ракце́й	трухтіе́й	—	рахті́й	рахта̀, рахте́й	—
Снѣгъ . .	сиво́ръ	сиво́ръ	—	—	—	пе́ршка	бѣ́люсъ, сиво́рникъ сиворе́цъ	пле́нникъ	—	—	си́веръ	пла́хтій плахті́й	—
Ледъ . .	шу́ледъ	сиво́ръ	—	—	—	яй	сиво́рникъ, сиворе́цъ	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Градъ	кýградъ	сивóръ	—	—	—	—
Морозъ, холодъ	сивóръ	сивóръ	—	—	—	—
Мятель	шатéлица	сивóръ	—	—	—	—
Песокъ	цирь	тюрà	—	—	—	—
Камень	пúтрусъ, шýкамень	петрáкъ	—	пúтрусъ	—	кевъ
Глина	шýглина	глинóша, тюрà	—	—	—	сéвинъ
Мѣдь	шедь	шедь	—	—	—	—
Желѣзо	куéзо	кувéзо	—	—	—	—
Чугунъ	югýнъ, кý-чугунъ, ку-гýнъ	кугýнъ	—	—	—	—
Золото	кýзолото	кýзолото	—	—	—	—
Серебро	кýсеребро	кýсеребро	—	—	—	—
Гора	кýгора, шýгора	кýгора, шýгора	—	—	—	губóръ
Ровъ, яма, оврагъ	кýровъ, шýйма (сокращ. шу-яма)	антипка	—	—	—	—
Поле	трúполе	трúполе	—	—	—	стяфáнъ
Рѣка	шýрѣка, сугà хлить (вода течетъ)	—	—	—	—	—
Озеро	кýозеро, сугà сты-чúть (вода стоитъ)	кýозеро	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Могилевская губернія	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Градъ	—	—	—	—	—	—	—
Морозъ, холодъ	сивóрникъ, сиворéцъ, рахмáзъ	сивóръ	—	—	—	сúверъ, сú-вэръ	—
Мятель	сивóрникъ ихлúть (снѣгъ идетъ)	—	—	—	—	кýдеса, плáхтій пандикáе (снѣгъ идетъ)	—
Песокъ	цырýга	—	—	—	—	тырýга	—
Камень	пéтрусь, шáмень	пúтрусъ	—	—	—	пúтрусъ	—
Глина	жовтúмная царь	—	—	—	—	тырýга	—
Мѣдь	шéрхва	—	—	—	—	кувúзо	—
Желѣзо	—	—	—	—	—	куéзо, ку-вúзо	—
Чугунъ	—	—	—	—	—	куéзо	—
Золото	—	—	—	—	—	хóбни (соб. деньги)	—
Серебро	—	—	пленó	—	—	кýребро, курúбро	—
Гора	кýгора	кýгора	—	—	—	свигóра, сьвигóра	—
Ровъ, яма, оврагъ	кургéцъ, киргéцъ	шмýрка	—	—	—	куровъ, кý-яма, шмур-ка	—
Поле	шóле	трúполе	—	шóле	стропúля	митропýль-ле, мытро-пýлье	—
Рѣка	дóльманъ големóй (большой колодецъ)	склавýта	—	—	—	дóлька	—
Озеро	éрзило, дóльманъ застыкляú-ный (стоя-чій коло-децъ)	—	—	—	—	дóлька	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Колодезь .	молóдижъ	конплóдезь	—	сужни́къ	—	—
Болото .	шалóто	кýболото	—	—	—	на́чка, рдасъ=грязь
Лѣсъ . .	вóксимъ	аксюга	—	—	—	—
Лугъ . .	кýлугъ	басъ	—	—	—	—
Зима . .	сивóрка	сивóрница	—	—	—	—
Весна . .	кýвесна, шýвесна	кýвесна	—	—	—	пси́шная ки́за
Лѣто . .	кýлѣто, шýлѣто	снопнота̀	—	—	—	—
Осень . .	кýвосень, шýсень (сокр. шуосень)	кýосень	—	—	—	—
День . .	кýдень	кýдень	—	—	—	пéндюхъ
Ночь . .	ки́мка	ки́мочь	—	—	—	нева́ршно
Утро . .	шýраньня	—	—	—	—	—
Вечеръ .	кýвечеръ, шýвечеръ	кýвечеръ	—	—	—	—
Полночь .	лу(о)хтовина ки́мки	повки́мочь	—	—	—	—
Часъ . .	кýчасъ, кýгодина	часóнъ	—	—	—	шварга́нъ
Годъ . .	кýгодъ, шýгодъ	кýгодъ	—	—	—	кругля́къ
Мѣсяцъ .	—	—	—	—	—	—
Недѣля .	дэ́ушница	дэ́ушница	—	—	—	—
Воскресенье . .	дэ́ушница	дэ́ушница	—	—	—	стодóльный пéндюхъ
Понедѣльникъ . .	кýпонедѣлокъ	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Колодезь	дóльманъ, дéлишникъ, ды́льникъ	—	—	—	сивра́ныця	дэ́льчаникъ, дэлча́лникъ	—
Болото	кýболото	шалóто	—	—	шалóто	шалóто, шолóто	—
Лѣсъ	—	—	вóксимъ	вóксикъ	—	óксимъ	—
Лугъ	вихра́чъ	—	—	—	—	шóлотокъ. См. болото	—
Зима	сивóръ, сивóрка	сивóрка	—	—	сéверныця	сивэ́рка, сивóрка	—
Весна	кýвесна	снóпка	—	—	—	снóпка (соб. теплота)	—
Лѣто	кýлѣто, снóпка	снóпка	—	—	—	снóпка	—
Осень	кýвосень, сивóрка, ихли́ть (зима идетъ)	подсивóрка	—	—	—	сивéрка, сивэ́рка	—
День	кýдень	кýдень	—	—	кýдень	кýдень, кýдэнь	—
Ночь	ки́мочь	ки́масць	—	кима́чъ	кéмить	ки́мать	kima, kimka
Утро	кýраньня	шýрано	—	—	—	кýрано	—
Вечеръ	кýвечеръ	кýвечеръ	—	—	кýвечеръ	кýвечеръ	—
Полночь	повки́мочь	посередки́мосць	—	—	—	пóвкимать лоптови́на кимати	—
Часъ	кýчасъ	—	—	—	—	кýгодина, кýгодына	—
Годъ	кругли́къ, кéндикъ, ки́ндикъ	ки́ндикъ	—	—	кы́ндыкъ	ки́ндикъ, ки́ндыкъ	—
Мѣсяцъ	—	—	—	—	макóхтій	—	—
Недѣля	мирю́ля, бирю́ля	—	—	—	моргýля	мирýля, мырýля	—
Воскресенье	ся́но, сія́но	мирýля	—	—	—	мирýля, мырýля	—
Понедѣльникъ	—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Вторникъ	ку́фторокъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	миру́льникъ	—
Среда . .	ку́хереда	—	—	—	—	—	шу́середа	скиро́тница	—	—	—	пянджику́ска	—
Четвергъ	ку́четвергъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пятница .	шу́пятинка	—	—	—	—	—	—	пенджа́тница	—	—	—	пянджику́ска	—
Суббота	сабатю́къ	субантю́къ	—	—	—	—	—	база́тка	—	—	со́ботка	са́батка	—
II. Предметы духовные.													
Праздникъ	свя́но	свя́но	—	—	—	—	…у́свято	—	ку́праздникъ, сянъ	—	свяхта̀	ся́но, ся́нно	—
Никольщина, праздникъ Никольскій	стыка́льница	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ся́нно Миколаёшникъ, ся́но Мыколаёшныка	—
Свѣча восковая .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	стоду́ница	—	—	—
Пасха . .	Ку́пасха	багро́вцы	—	—	—	вячій стодольній пе́ндюхъ	—	галеми́тникъ	—	—	—	галёмый ку́день, галемо ся́нно	—
Богъ . .	Ахве́сь	Дэ́усъ	—	Ахве́сь	—	Сто́та	…хве́сь, …хве́сь	Ахвэ́сь	О́хвись, Ахве́сь	Ахве́сь, Стодъ	Хвесь	Охве́сь, Ахвэ́сь	Tek, Deus
Христосъ	Ахвэ́сь, Ку́христосъ	Дэ́усъ	—	—	—	—	—	—	—	Ахве́са Ёнусъ	—	Охве́сь, Ахвэ́сь, Яхо́сь	—
Ангелъ .	шу́нгелъ	—	—	—	—	сто́та	—	—	—	—	—	—	—
Душа . .	ку́душа	душанте́я	—	—	—	—	—	духа́ўка	—	—	ду́хомка	духта́вка, духта́лка	—
Рай . . .	ку́рай	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грѣхъ . .	ку́грѣхъ	грѣхо́нъ	—	—	—	—	…рымъ	крэмъ	—	—	кримъ	крымъ	—
Смерть .	ку́смерть	ку́смерть	—	—	—	—	—	ха́ля	—	—	—	халя̀, ха́ля	—
Чертъ, бѣсъ . .	ше́стъ	ше́тъ	—	—	ёсъ	дробе́жный	…а́цъ, …эцъ, е́съ, …бвшинъ	хоўше́нь	—	—	хверть, те́мыхъ	хо́вшень	iwaś
Пекло, адъ	шадъ, шу́пекло	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Церковь .	хлю́са	дзушница	хозбёрница	Ахве́съ	стóда	—	[illegible]люса̀, кли-[illegible], клюжа̀	клюса̀	клюса̀	клю́га	клюса̀	хлю́са	kliusa
Костелъ .	—	—	—	—	—	—	—	шандзёнъ	—	—	—	—	sendzioł
Колоколъ	калага́нъ	—	—	кудóмникъ	—	—	—	—	—	кутазы̀ (мн. ч.)	кудóвныкъ	ку́донъ, кудóръ	—
Колокольня . . .	калага́льня	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ку́донница, куда́ныца	—
Икона . .	Ахве́съ	—	—	Ахве́съ	—	—	—	—	—	ахве́сникъ	барай (мн. ч.)	багра̀	—
Крестъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	клю́снык	ста́веръ	—
Набожность . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ахве́сность	—	—	—
Обѣдня .	бра́йня	—	—	—	—	—	[illegible]хве́су чи-[illegible]няются [illegible]богу мо-[illegible]тся)	—	—	—	—	слугóмка (собств. служба)	—
Молитва .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шатéрныця	—	—
Отпустъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шатéрныкъ	—	—
Акаѳистъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	рéпсныкъ	—	—
Христіанинъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кувестія́нинъ	—	—
Милостыня	—	—	—	—	—	—	—	—	ши́лостыня	спасня̀	—	—	—
Духовный стихъ, псальма	—	—	—	—	—	—	[illegible]са́лка	—	—	псáлка	—	—	—
III. Человѣкъ.													
Человѣкъ	ку́человѣкъ	людмэ́сь	—	—	лохъ	лем[illegible]	[illegible]ѣкъ, хо-[illegible]ѣтъ, лохъ	логъ	лохъ	—	мóздиръ	хирьяни́ца, хирьяны́ця	—
Царь . .	ку́царь	царóнъ	—	—	—	—	[illegible]цыр-[illegible]никъ, цы-[illegible]ю́жникъ	цыри́зникъ	царни́къ	—	—	тыри́жникъ	—
Мужчина	ку́жъ, жбанъ	людмэ́сь	—	—	—	—	[illegible]охъ (соб. мужикъ)	логъ	—	—	—	хирьяни́ца	—
Женщина, баба . .	жба́ха	шкрóха	—	ра́ха	кодыня	—	[illegible]ба́ха, ря́ха [illegible]а́ха	ра́ха	ря́ха, ра́ха, ряху́та	кобухвея́	ра́ха, цу́ба	цу́ба	zacha=жена
Семья . .	шульга̀, шевельга̀	ку́семья, семьёша	—	—	—	—	[illegible]амéръ	хвирья́	—	—	—	хви́рья	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Мужикъ (крестьянинъ). .	кужъ	лохъ	логъ	лохъ	лохъ	гиря́мъ	лохъ	—	лошке́тъ	—	—	мэть	łoch, loch
Мужикъ (грубіянъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мэ́ть ко́локъ	—
Мужичка	кужо́вка	лохо́вка	—	—	—	—	лоховка	—	—	—	—	мэти́ха	łoszka
Люди, народъ . .	ку́люди	людмэсы́	—	хира́ни	—	—	хверяне	хвира́не	хверба́	хами́ръ	хера́не	хирья́не	—
Хлопецъ (мальчикъ)	микре́цъ	микре́цъ	микре́цъ	—	котерёнокъ	—	—	—	—	ко́терь, котерёнокъ	—	бахты́шъ	mikrus
Парень .	микре́цъ	—	—	—	—	—	ло́бозъ, лабзюкъ, тряпёлый, ло́бузъ	—	трапелю́къ ло́бэзъ, лобузъ	—	терпелю́къ	ло́бузъ, лобзю́къ	mikruc
Дѣвица .	ши́хта	шухтя́къ	ши́хта	—	лампу́хъ, лакрёнокъ (дѣвочка)	—	кары́га, ши́хта, шихточка, тряпёлая	кариво́ня	коры́га	ши́хта, криво́на	—	карыво́на, карыво́нка	karaona
Дѣвка жирная, сильная, ксендзовская экономка .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кары́вня	karabona
Дитя . .	хве́день, хвяднёнокъ	микренёнокъ	—	—	—	—	хве́зень, хве́сень	фиреня̀	хве́зень, хве́дня, хвэ́день курдо́менъ	хве́зень	хведня̀	хвыня̀, охвы́ня	chilany= дѣти
Дѣдъ . .	ярохъ, шкредъ	ярохъ, шкредъ	—	—	—	стоды́жный ате́й	яри́къ, лохъ	шкрэдъ	лохъ, шме́дъ	еря́къ	лебі́й	ёрый, шкредъ	jarus
Внукъ . .	—	—	—	—	—	стоды́жный котере́нокъ	—	—	—	—	—	—	—
Баба, старуха . .	яру́ха	шкро́ха	яру́ха	—	коды́ня	—	яру́ха	цу́ба	ку́ба	—	—	ёрая, цу́ба	—
Отецъ . .	бакштэ́й	ёрокъ	—	—	—	але́й	бакштэ́й	башта́й	ба́штый, баштэ́й, бapте́нь	башка́нъ	—	башты́й	—
Мать . .	бакштэ́йка	ёрица	—	—	—	ава́й	ми́кштарка мани́ца	мани́ца	ма́ница	—	маны́ця	ма́ница, маны́ца	—
Сынъ . .	зви́ньчикъ	лабу́нъ	—	—	—	—	ви́нусъ, юнчикъ, юнщикъ	іо́нусъ	уюнщыкъ	—	ёнусъ	ёнусъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Дочь . .	зви́ньчица, шихта	лабуно́вка	—	—	—	—	ви́нуска, ю́нчица, юнщица	іо́муска	ую́нщыца	—	ёнуска	ёнуска	—
Братъ . .	збранъ	—	—	—	—	сбранъ	а́ндрусъ, ва́ндрусъ	а́ндрусъ	а́ндрусъ, я́ндрусъ	—	я́ндрусъ	а́ндрусъ	andrus=злодѣй, воръ
Сестра . .	збрано́вка	збрано́вка	упхлыть	—	—	—	а́ндруска, ва́ндруска, здрошна́я	а́ндруска	я́ндруска, а́ндруска	—	я́ндруска	а́ндруска	andruska
Мужъ . .	жбанъ	збашъ	—	—	—	гиря́нь	му́сень	му́сень	—	—	—	мэ́ть	—
Жена . .	жба́ха	зба́ша	—	—	—	рупа́нъ	ро́ндя, рэ́нджа, ро́нджа, ро́мжа	ра́ха	—	—	—	ра́ха	rachla
Дядька .	сьня́дька	сьня́дька	—	—	—	—	ку́дядька	тюхтя́й	—	—	курды́миль	—	—
Тетка . .	ку́тетка	—	—	—	—	—	ку́тетка	—	—	—	курды́-милька	—	—
Племянникъ . .	шу́племенникъ	ку́племенникъ	—	—	—	збрани́жка	ва́ндрусовъ, ва́ндрускинъ ю́нщикъ	—	—	—	—	—	—
Племянница . . .	шу́племенница	—	—	—	—	—	ва́ндрусова, ва́ндрускина ю́нщица	—	—	—	—	—	—
Тесть . .	ку́тесть	стёнъ	—	—	—	—	бакштэ́й	—	—	—	бахтій	баштій по раси (отецъ по женѣ)	—
Теща . .	ку́теща	—	—	—	—	—	мани́ца	—	—	—	—	мани́ца по раси (мать по женѣ)	—
Зять . .	ку́зять	зятёнъ	—	—	—	—	ку́зять, прію́хтеникъ	—	—	—	—	—	—
Сватъ . .	сва́нъ	свато́нъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сваха, сватя . . .	свани́ха .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кумъ . .	шу́кумъ, христо́мникъ	—	—	—	—	—	христо́мникъ, страво́шникъ	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Кума . .	шу́кума, христо́мница	—	—	—	—	—	христо́мница, страво́шница	—	—	—	—	—	—
Молодуха	драпелу́ха	драпёлая	—	—	—	—	—	—	трепели́ца	—	—	трэпэлая, трипэльга̀	—
Женихъ .	драпелу́нъ	драпёлый	—	—	—	ко́терь юмова́тый	тряпёлый, вяни́хъ, ло́бусъ	—	—	—	—	трипелу́нъ, трэпэлю́къ	—
Невѣста .	драпелу́ха	драпёлая	—	—	—	—	тряпялу́ха, ку́вѣста	—	—	—	—	трипе́ла, трэпэлю́ха	—
Свадьба .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	яны́га	—	—
Русскій (великорусъ) .	ку́руській	руски́мный	—	—	—	—	бота́й	—	—	—	шулинцѝ (мн. ч.)	кочиги́ра, качиби́ра	—
Полякъ .	шу́полякъ	польски́мный	—	—	—	—	ковре́й	—	—	—	ла́нюсь	ланькѝ, лэнькѝ	—
Шляхтичъ, однодворецъ . .	куяхту́нъ	ланпе́ка	—	—	—	—	ланпе́тъ	—	—	—	—	куя́хтычъ, лэнькѝ	—
Еврей . .	гудъ, кудла́й	гудъ	кудле́й	кгудъ	гудъ, гудле́й	—	кудла́й	—	гудле́й, гудъ, кудла́й	—	гудзь	гузь	gec, gudłaj
Еврейка .	гудла́йка, кудла́йка	гудо́вка	—	—	—	—	кудла́йка	—	—	—	гудзивка	гузи́ха, гузи́вка	gudłajka
Жиденокъ	гудлянóкъ	—	—	—	—	—	кудлаёнокъ	—	кудлайнёнокъ	—	гудзеня̀	гузиня̀, кудлаёнокъ	—
Чужестранецъ . .	чужи́мскій	чужи́мный	—	—	—	—	наспóджій	—	—	—	—	ся́нихъ, хирьяни́ца	—
Цыганъ .	юга́нъ	куга́нъ	—	ку́ганъ	—	—	куга́нъ	—	курга́нъ, куга́нъ	—	шандра́къ	шандра́къ	—
Цыганка .	юга́нка	куга́нка	—	—	—	—	куга́нка	—	—	—	—	шандра́чка	—
Цыганенокъ . .	юганёнокъ	—	—	—	—	—	куганёнокъ	—	—	—	—	шандрачиня̀	—
Нищій . .	любо́къ, любите́нь	люхъ	—	—	—	—	любо́къ	любкѝ	любо́къ	—	—	шкредъ, шкрэдъ	—
Поводырь	шуводы́рь	поводыро́шъ	—	—	—	—	ко́торь, ванде́й	—	—	ко́терь, котерёнокъ, микрёнокъ	повандзо́рныкъ	вандій	—
Докторъ .	—	—	—	—	—	—	—	лякóбникъ	—	—	ликóрныкъ	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Купецъ .	шу́купецъ	купцо́нъ	—	—	—	—
Купчиха .	шу́купчиха	—	—	—	—	—
Приказчикъ . .	притиро́ванникъ	—	—	—	—	филазо́вскій
Мѣщанинъ	шустяни́нъ	—	—	—	—	—
Мѣщанка	шустя́нка	—	—	—	—	—
Слуга . .	—	—	—	—	—	—
Служанка	—	—	—	—	—	—
Косарь .	—	—	—	—	—	—
Молотбитъ	—	—	—	—	—	—
Священникъ . .	косе́й	косе́й	кочетъ	ко́четъ	косе́й	—
Попадья .	косейха, косе́йка	косейха	—	—	—	—
Поповичъ	—	—	—	—	—	—
Монахъ .	косе́й	косе́й	—	—	—	—
Дьячокъ .	подкосе́евичъ	—	—	—	—	—
Пономарь звонарь	калаганщикъ	—	—	—	—	—
Ксендзъ .	—	—	—	—	—	—
Богачъ .	стодъ, стоды́рь	стоды́рь	—	—	—	—
Бѣднякъ .	ку́хта	ку́хта	—	—	—	—
Писарь .	ку́писарь	писаро́шъ	—	махлова́нникъ	—	—
Старшина	гла́вда	ла́вда	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
пу́льщикъ, упу́льщикъ	апульщикъ	—	—	—	опу́льщикъ, стоды́ра (соб. богачъ)	—
пу́льщица, упу́льщица	—	—	—	—	опу́льщица	—
—	—	—	—	—	—	—
шустяни́нъ	—	—	—	—	шустяни́нъ шустяни́ца	—
шустя́нка	—	—	—	—	шустя́нка	—
—	слуго́мникъ	—	—	—	—	—
—	слуго́мница	—	—	слуго́нныця	—	—
—	—	—	—	махлы́чникъ	—	—
—	—	—	—	лопо́тныкъ	—	—
графи́лъ, кархви́лъ	кархви́лъ	кархви́лъ	кархви́лъ, корфи́лъ	корхъ	корхъ	—
кархви́лка	—	—	—	корхы́ня	ко́рха, корхали́ха	—
—	—	—	—	корхы́ныкъ	—	—
—	—	—	чуна́хъ	—	—	—
пса́льникъ, ле́псарникъ	пса́льникъ	ліепса́рь	ве́тошникъ	пса́лныкъ	пса́лникъ	—
пса́льникъ	—	—	—	—	ёрустъ	—
—	василёхъ	—	—	—	—	wasielak
стодъ, стодня́къ, сто́день	—	сто́дый	—	сто́тень	ка́веръ, сто́день	—
шку́тель	—	кухтя́къ	—	—	шу́ндэръ	—
ле́псарь	—	ле́псурникъ	—	—	ре́псалникъ	—
гла́вда, главду́нъ, гламы́зда, главы́зда, яршина̀	—	—	—	яршына̀	иршина̀, ёршина̀	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Баринъ, панъ, помѣщикъ, чиновникъ . .	коврéй	коврéка	—	каврéй	—	—	коврéй	—	коврéй	коврéй	ковры̀ (мн. ч.)	—	gawer, kawrak
Барыня .	коврéиха, коврáиха	коврéчка	—	—	—	—	коврéйка	—	—	—	—	коврíйка	kawruczka gawruczka
Барышня	кувреéвна, ши́хта кувреéвская	коврéчка	—	—	—	филáзиха	—	—	—	—	—	коврíйка, коривóнка	—
Бродяга .	ухливáнникъ	хýсый людмэ́съ	—	—	—	—	—	—	шалабэ́нь	—	—	—	—
Становой	кýстановый	сняитю́къ	—	стыченый	—	—	стаклявы́й, стакля́ющій, стаклянно́й	—	посты́чный пасты́шный	—	гальóмый накачы́тель	сты́чень	—
Полицейскій чинъ	—	сняитю́къ микрый (или шáвный)	—	—	—	—	—	—	—	—	шулицéйськый	барбóсъ	—
Сотскій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	накатóрськый	—	—
Стража, варта .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шпарýта	—	—
Жандармъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	трéпочка	—
Урядникъ	шýрядникъ	шкуня́тникъ	—	—	—	—	макацýръ	—	дикáньщикъ, варнáтый	—	скерéтникъ	гишýта	—
Староста .	ёроста	сняроста	—	—	—	—	ёроста	—	—	—	ёруста	я́роста, ёроста	—
Старостиха	ёростиха	—	—	—	—	—	ёростиха	—	—	—	—	—	—
Исправникъ . .	кýсправникъ	сняитю́къ шáвлый	—	—	—	—	справошникъ	—	—	—	—	спрáвочникъ, справóшникъ	—
Начальникъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	накачы́тель	—	—
Учитель, -ница .	укóрникъ	—	—	—	—	—	навукóрникъ, сасóрникъ	укóрникъ, —ца	—	—	наукóрныкъ	укóрникъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Сапожникъ	кýшавецъ, шкóрошникъ	лóпушникъ	мощéрникъ	—	—	—	шивóрникъ, вóбутникъ, вóбутщикъ	—	—	—	—	опукáрникъ	—
Десятскій	дéканный	дéканшій	—	—	—	—	—	—	дéкульникъ	—	дúкончыкъ	дúконникъ	—
Преступникъ . .	—	—	—	—	—	—	—	крэ́мникъ (соб. грѣшникъ)	—	—	—	—	—
Товарищъ	—	—	—	—	—	—	—	—	дербáкъ	дербáкъ	—	—	—
Лаборь, сборщикъ пожертвованій на храмы .	кубрáкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	витирня́къ	—
Портной .	шнейдеръ	шивóрникъ	кумáнникъ	—	—	шнúдеръ	бодáвщикъ, бодáбчикъ	—	—	будáчъ	—	бодáвникъ, одягмóрникъ	—
Кузнецъ .	жуклéйникъ	кувéзникъ	—	—	—	—	жуклéй, плескáчъ	—	—	—	ковúзныкъ	жукля́ръ, кувúзникъ	—
Плотникъ	кýплотникъ	—	—	—	—	—	клавóтникъ, склавóтникъ	—	—	—	—	майстрáшикъ, клавóтникъ (собств. работникъ)	—
Работникъ	клавóтникъ	—	—	—	—	мастóрщикъ	клавóтникъ	—	—	—	—	клавóтникъ	—
Шаповалъ	катрýшникъ	парушникъ	—	катрýшникъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Музыкантъ	кугрáнникъ	лáбушникъ	—	—	—	—	кýграчъ	кýграчъ	—	—	курóшныкъ	кýграчъ, кугрáчъ	—
Гость . .	—	—	—	—	—	—	—	гостúмникъ	—	—	—	—	—
Слѣпецъ .	неулѣпка	незѣпýющій	—	—	—	безулѣпный	кáлѣпъ, кáлѣпка, кáлѣпица	—	—	—	—	кáлипъ	—
Солдатъ .	батýзъ, катýзъ	тýзба	—	бóтузъ	—	—	батýзъ, батьвúлъ	бóтузъ	боцáй (соб. москаль великорусъ)	балдóхъ	бецáкъ	бахвы́нъ, боцáкъ	—
Солдатка	катузóвка	тузбóвка	—	—	—	—	батьвúлка, батьвúлова рóнжа	—	—	—	—	бахвы́нка, бацáшка	—
Пастухъ .	лапсты́рь	лапсты́рь	—	—	—	—	лабзды́рь, лабсты́рь	лапсты́рь	—	—	авлы́дныкъ	лапсты́рникъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Мельникъ	скрыготникъ	скрыгóтъ	—	—	—	—
Хромой .	—	—	—	—	—	безштухáрый
Воръ . .	климъ, клисъ, костýсь	зугурáка	—	—	—	—
Бродяга .	—	—	—	—	—	—
Конокрадъ	волотóвникъ	аргýшный зугурáка	—	—	—	—
Покрытка	—	—	—	—	—	—
Публичная женщина	дрылюха	шлеюха	—	—	—	—
Развратникъ . .	—	—	—	—	—	—
Разбойникъ . .	расчукáнникъ	растóшникъ	—	—	—	—
Стрѣлокъ	—	—	—	—	—	—
Пьяница	акéрусъ	акéрусъ, курúла	—	—	—	—
Шинкарь	—	—	—	—	—	—
Хозяинъ	похáжщикъ	похáзникъ	—	похáзникъ	—	лемъ
Хозяйка	похáжщица	похáзница	—	—	—	—
Половинщикъ .	—	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
дергýтникъ, грамóльщикъ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
климъ, климáзъ, климóшникъ	климъ	климáнщикъ, климáчъ, тисъ	—	климýшныкъ	климъ *)	—
—	—	шалабэ́ль	—	—	—	—
—	—	—	—	—	волотúвникъ вóлоты клúмае (лошадей крадетъ)	—
—	—	—	—	покрывóтныця	—	—
—	—	—	—	кóльба	шэ́льха, бэ́льха	szlaja, szlajka=развратница
—	—	—	—	шлягýнъ	—	—
кулованникъ, копсáтель	раскýлванникъ	климачъ, раскопсáнникъ, раскопсáнщикъ	—	—	раскуловáлникъ, раскóпсалникъ	—
—	—	—	—	кулáшныкъ	—	—
кéра, кéрникъ закéра, кéрный	—	кúрный	—	кырáка	окúрникъ, окúра	chirus
—	—	—	—	гертышныкъ	—	—
похáщикъ	похáзникъ	—	—	похáзныкъ	похáзникъ	—
похáщица, хозéтка	—	—	—	похáзныця	похáзница	—
—	—	—	—	ставы́ньчыкъ	—	—

*) Ср. циклъ бѣлорус. сказокъ „Климка—злодій“.

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Вѣдьма .	шкре́дьма	шкре́дьма	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дуракъ .	шмура́къ	шмурга́ла, баго́лъ	—	—	шмура́къ	—	—	—	—	—	—	чму́рень, шмуре́нь	—
Хитрецъ	юро́къ	хитри́мный	—	—	—	—	[illegible]ро́къ	—	—	—	—	юрня́къ, ку́рзонный	—
Мертвецъ	халю́нъ	схи́митый	—	—	—	—	[illegible]хали́с-[illegible]никъ, уха-[illegible]о́тикъ	—	—	—	ха́ля	халю́нъ, ха́ля	—
Погребеніе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ха́ля	—	—
Голова .	гла́вда	ла́вда	лбуда, неразуми́ца	—	кочева̀	каче́вка	[illegible]лавзда̀, [illegible]ла́вузда	гла́узда	головазда̀, гла́мота	—	лавда̀	гла́вда, главда̀	—
Грудь (женская)	сусло́вка, сысла́вка	груда́вки	—	—	—	—	[illegible]ви́хта, вих[illegible]а́лка, пу[illegible]кля́нка	вихта́лка	ци́верка, ци́мра	ви́слики	—	смухтовня̀, смоковни́	—
Животъ .	кирмо̀	ке́рмусъ	—	—	—	—	[illegible]кирмо̀, [illegible]кимро̀	химро̀	кимро̀	—	комрі́й	ки́мро, кимро̀	—
Рука . .	хи́рка	хи́рка	—	хи́рка	маху́ля	мучи́лка	[illegible]ки́рка, хви́рка	фи́рка	хи́рка, хви́рка	хе́рка	рута́вка	хи́рка	—
Локоть .	—	—	—	—	—	—	—	кумѣ́рникъ	—	—	—	—	—
Нога . .	ходу́ха, ходу́ла	хо́дня	—	ходы́рка	хода́рка	—	ходы́рка, худорма́нка	ходы́рка	хо́дня, ходы́ла	хода́ра	ходу́ха	хо́дня	chodyrka
Ухо . . .	слы́хта	слы́хта	—	—	—	—	слухто́нка	слы́хто	слыхмэ́ть, слыхто̀, слыхто́мка	—	слухо́мка	слыхто̀, слухтовня̀	—
Носъ . .	мо́рщикъ	смо́рщикъ	—	—	курсе́й	анбо́шка	пы́хтикъ	чиха́сь	—	—	—	по́на, чихачъ	—
Глазъ . .	сѣ́пка	ѣ́пка	—	лѣ́пки (мн. ч.)	вярша́лки	улѣ́бъ	[illegible]улѣ́пка	улѣ́пка	уле́покъ, уле́пко	—	зикра̀ (мн. ч.)	липко̀, влипко̀	lipka, lipo
Губы . .	ба́глы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	бала́йка (ед. ч.)	—	—
Ротъ . .	трайло̀	зѣво́къ	—	—	троя́нъ	стреко́л[illegible]никъ	[illegible]тро́йманъ	хва́йло	тре́йманъ, тро́йма́нъ	—	—	трайло̀	troidło=ѣда, troja=лицо
Горло . .	ку́горло	пыня	—	—	—	—	[illegible]райло̀	—	—	—	—	—	—
Языкъ . .	лѣ́мезень	лѣ́мозъ	—	—	—	зе́ха	[illegible]ле́ментъ	ле́мехъ	гаври́дышникъ	—	—	гаври́дникъ, гаврыдникъ, гаврыдишникъ	—
Лицо . .	ку́лицо	пыса (соб. морда животнаго)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	pysk

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Зубъ . .	зу́брикъ	зу́барикъ	—	—	—	—	—	—	мо́зкатень, трима́нъ	—	кусмо́рныкъ	мо́зкутень	—
Кишки .	ла́буски	ла́буски	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бокъ . .	—	—	—	—	—	—	—	бакуля́сь	—	—	—	—	—
Волосъ, волоса̀ . .	чума́съ, чумасе́я	чумо́съ	—	—	скитни	ксібсъ	ку́волосъ, чума́сы	че́месь	че́месь	—	ба́рвашъ	ку́волосъ, че́месь, чиме́са	—
Борода .	вирій, верей	трапа̀	—	тропа́	—	сака́лъ	ку́борода, вихра̀	мо́леле	—	—	—	шва́хта, чвахта̀	—
Плечо . .	ку́плечо	пле́ка	—	—	—	—	ку́плечо	—	—	—	плихтѝ (мн. ч.)	—	—
Палецъ .	—	—	—	—	—	швырга́нъ	—	ша́лецъ	—	—	—	—	—
Колѣно .	шу́колѣно	кальмо̀	—	—	—	штуха́ръ	—	—	—	—	—	—	—
Шея . .	ку́шея	пыня	—	—	—	—	—	—	—	—	—	хайло̀	—
Phallus .	маке́й	—	—	—	сафилъ	—	псулъ, хвиль	—	псулъ	псулъ	псулъ	псулъ	—
Vulra . .	скахва̀	—	—	—	хирса̀, гузла̀	—	скахва̀, лыхта̀	—	ку́хтя, ли́хта, лехта̀, шкахва̀, шайда̀, хайда̀	ласта̀	ту́ха	шту́ха	—
Нижняя часть спины . . .	сты́га	хе́ська	—	сты́га	—	—	сты́га	—	сты́га	варзо́ха	стылъ, стызъ	сты́га	styja
Калъ . .	хайло̀, халь, ха́льки	ха́йло	—	—	—	—	—	—	—	—	хало̀	хало̀, халимо́нъ	—
Вередъ .	ба́гровка	све́кура	—	—	—	—	ба́гровка, ба́грылка	—	—	—	—	—	—
Лихорадка	ку́трясца	транька	—	—	—	—	хви́нтя	—	—	—	трасо́мныця	—	—
Сердце .	ку́сердце	ку́сердце	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кровь . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кра́синка	—	czerwonka
IV. Пища и напитки.													
Хлѣбъ . .	акру́шъ, окру́жъ	акру́ша	сумѣха	акру́ша	акре́й	—	окру́шъ, сума́хъ, сума́къ, сума́рикъ	супѣха	сума́къ, сума́хъ	сыма́рь	ку́нсо	ку́мса	sumer, summer, zumer
Пушной хлѣбъ .	ше́рха	ше́реха	—	—	—	—	шо́рхва	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Булка, бѣлый хлѣбъ	ку́льманъ	кульма́нъ	—	—	—	—	бугла́й, во́шпаръ, вошпа́ръ	—	а́шпурка, пленный сумакъ, лашпу́рка	—	яшту́рка	кундій, пле́нная ку́мса	—
Пирогъ .	—	—	—	—	—	спидо́нъ	ла́врыкъ	—	—	—	пундій	—	—
Тѣсто . .	ку́тѣсто	—	—	—	—	—	сума́къ	—	—	—	кови́сто	—	—
Мука̀ . .	пирьха̀, пирха̀	пирьха̀, пирха̀	—	пе́рха	пы́лка	—	труха̀, трухла̀	трусня̀	га́лусть, га́лесть	га́лесть	—	трусня̀	—
Сухари .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сухмай	—	—
Соль . .	га́лость, голо́сь	га́лость	—	га́ласть	я́вость	тузла̀	га́лесть, та́лость, та́ласть	га́ласть	га́ласть, га́лусть, та́лость	га́лость	га́лусть	га́лусть	—
Обѣдъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	трійка	—	—
Каша . .	шо́хва	крехта̀	—	ашо́ха	—	лу́хта	лы́кша	лы́кша	лэ́кша	лы́кша (и лапша)	ле́кша	ки́кша	—
Крупа (по-бѣлор. кру́пы) .	кру́хты	—	—	—	—	—	кру́хты	крыхо́ты	кру́хты	стре́косъ	—	крыхо́та, кирхота̀, крыхта̀	—
Пшено .	—	—	—	—	—	лу́хта	—	—	чесо̀	—	цесо̀	—	—
Супъ изъ крупы, крупе́ня	башару́ха	башаро́ха	—	—	—	—	крухте́ня, крухтэ́льникъ	крыхо́тникъ	—	—	—	крыхо́тникъ, кирхо́тникъ	—
Щи съ капустой	лапу́ха	лапу́ха	лапу́ха	чекула	лапу́ха	крошу́ха	лапу́ха, лопу́ха	—	бо́тэнь	лопу́ха	—	—	—
Борщъ съ бураками	шмаракѝ	чумакѝ	—	сморщъ	—	—	ботнякѝ, бо́тэнь	—	боте́нь, шмуракѝ	—	бо́тень	бо́тынъ, бо́тэнь	—
Блинъ . .	артимо́съ	артимо́нъ	—	—	—	—	артимо́съ, артиму́съ, артишу́съ, артэ́мусъ, палихо́нъ	—	ахтѝмусъ, антю́хъ	анти́лъ	—	дергу́нъ	—
Ломоть (ковалокъ шматъ), кусокъ .	кума́тъ	—	—	—	—	—	кума́тъ, шува́локъ, крехта́вка, крухта́лка	—	—	—	ку́матокъ	кума́тъ, кума́токъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Колбаса .	тартаса̀	верхóвка	—	—	—	—
Баранокъ	—	—	—	—	—	—
Сало . .	кресо	кершуни́на	—	кре́со пле́нное	саблу́къ	—
Мясо . .	кре́со, кре́ся	кре́со	—	кре́со кре́синное	кле́нда	кальсъ
Баранина	—	—	—	—	—	—
Ветчина .	кре́со киршáчче	киршуновское кре́со	—	—	—	ру́хленый кальсъ
Поросятина . . .	—	—	—	—	—	—
Кость . .	костáвка	костоломáха	—	—	—	—
Яйцо . .	явро̀ (мн. ч. я́вры)	югро̀	—	—	—	грямáзка
Писацка .	—	—	—	—	—	—
Молоко .	галемо̀, гальмо̀	галемо̀, гальмо̀	лапта̀	гальмо̀	гальмо̀	гальмъ
Масло . .	висло̀	свисло̀	тсе́купъ	свисло	—	—
Сыръ . .	галáмникъ	отире́шъ	—	—	—	—
Олей (постное масло)	манте́й	канáутникъ	—	свисло	—	—
Конопля зерно . .	коноцу́ды	—	—	—	—	—
Конопля растеніе	монацу́ты	—	—	—	кунáвка	—
Орѣхъ . .	—	—	—	—	—	—
Медъ . .	аме́люкъ	аме́лька	—	гомерля́съ	мелья́зъ	име́лька
Воскъ . .	—	—	—	гомерля́съ	—	—

Списокъ словъ.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	По́льскій
Колбаса .	крутýха, крутуса̀ кривóня, чаркáска	—	—	—	тартаса̀	тардаса̀, тырдасá	kręcica
Баранокъ	—	—	шпу́рэнь	махля́нокъ	—	—	—
Сало . .	кре́со, кресъ	крэ́асо	кре́со	саблу́къ	—	кры́со	krysiwo
Мясо . .	ме́рхля, ми́рхля	—	мерхло̀	кре́со	кри́со	кры́со	—
Баранина	—	—	—	махля́нина	—	—	—
Ветчина .	—	—	—	—	—	кры́со	—
Поросятина . . .	—	—	—	скиршáтина	—	—	—
Кость . .	кóставка, коймудаёсть	кастóмка	—	—	—	костямáха, костюмáха	—
Яйцо . .	явро́	яврáтко (уменьш.)	евро̀	—	кито̀	кито̀	—
Писацка .	—	—	—	—	ре́псане кито̀	—	—
Молоко .	галемо̀, галямо̀, гальво̀	гальмо̀	гальво̀	гальмо̀	альмо̀	гальмо̀	olemo
Масло . .	сви́сло, галемо̀	висло̀	гамзе́й	—	—	гальмо̀, вэ́сла	—
Сыръ . .	тарáкъ	—	—	—	тыры́нъ	тыре́й, ты́рень	—
Олей (постное масло)	гамзе́й	—	гамзе́й	—	—	ве́сло, лобзій	—
Конопля зерно . .	коноцу́ты, коноцу́дки	—	коноцу́ты	—	—	—	—
Конопля растеніе	—	—	—	канáвли	—	конóвли, коновли	—
Орѣхъ . .	—	лóскотень	—	—	—	—	—
Медъ . .	ме́люсъ	солодкимникъ	амелья́съ, мерья́съ	меліясъ	ми́лясъ	омеля́съ, солодки́мникъ	—
Воскъ . .	—	щудре́й	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Сахаръ .	ку́сахаръ	солодко́мникъ	—	—	суха́ренный	—	—	—	цу́каръ, ти́скаръ	—	омеля́сныкъ	омеля́съ	—
Сѣмечки подсолнечныя .	ку́сѣмки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	лускавнѝ	—
Сѣмечки арбузныя	ку́сѣмки	арбузо́чики	—	—	—	—	—	—	кербуня́та лавре́ння	—	—	лускавнѝ	—
Картофель	—	—	—	луни́ха	лихве́йка	—	бялу́га	—	бѣлу́га	—	теры́жныкъ	—	—
Похлебка картофельная	—	—	—	—	—	—	—	—	куря́ный бѣлу́жникъ	громо́ха	—	—	—
Кулешъ .	шампле́хъ	шупле́й	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пампушка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	пухта́вка	—	—
Клецки .	ше́вия, ше́вни	ше́вия, ше́вни	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вареники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ставре́ныкъ	—	—
Кисель .	талялю́й	букя́сный шупле́й	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кулага .	ламзы́ха	солодко́мный шу́плей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Квасъ .	букле́й	буке́съ	—	—	—	—	букле́й	букле́й	букле́й	—	—	букя́съ, бу́касъ	—
Чай . . .	ку́чай	спо́пникъ	—	—	катро́съ	пе́йшная дробнѝ	теплю́съ	—	—	дуле́й	—	чае́шникъ	—
Водка . .	га́рдя, гардема́ха, га́рдь	полнà	—	га́рда, гардыма́нъ	ка́вирза	гамзà	гардія, гардема́ха гамо́ра, гаме́ра, каре́й, росе́йка	—	арти́ха, га́рдіа	гамы́ра	герты́ха	гарцимà арты́ха	hara, haras, artycha, artyka
Вино . .	шу́вино	—	альдима́ха	—	ка́вирза	гамзà	ваны́ксусъ	—	—	—	—	букшнò	—
Пиво . .	ке́ро букле́й	ке́ра	ми́мусъ	—	—	—	—	—	—	—	вовча́къ	олывко, олы́вокъ	kiro ołówek
V. Одежда.													
Сорочка .	сорохве́йка	сорофе́йка	—	—	зиклу́ха	—	сорохве́йка мона́тка	мана́тка	мана́тка	воло́ха, воло́шка	мана́тка	мона́тка, мана́тка	maniatka, maniata
Бѣлье . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мана́тя	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Юбка . .	настыжница	настыжка	—	—	—	—
Передникъ, фартукъ	наскáхвенникъ	—	—	—	—	—
Шапка .	катрýха, катрýшка	катрýха камёла	—	катрýха	—	гамлюха
Шляпа, бриль .	кéмель	илдáкъ	—	кéпель	—	—
Армякъ, свитка .	сипя́га	армякóнъ	—	—	—	—
Поддевка	—	—	—	—	подклюшка	—
Платокъ, хустка .	хвилúстка	плéйтухъ	—	—	—	лахóня
Жилетъ .	кýжилетка	—	—	—	пáрусница	—
Штаны .	бурдáсы	кýрды	—	бурдáсы	ирáки	—
Шуба, полушубокъ, тулупъ .	полýщикъ, полуúнчикъ	осýщикъ, шубантéя	—	немкúнья	—	бурьмà
Поясъ . .	пóдрубсень, пóдробсень	подпирáзьникъ (обл.)	—	—	—	—
Башмакъ	шкóрень	лóпухъ	—	—	—	полскребóшка
Сапоги	шкóрни (областное)	лóпухи	—	лапухù	скробы	скрéбъ (ед. ч.)
Нитка . .	швáрстка	швáрстка	—	—	—	—
Дрáтва .	швáрстка, кýдратва	швáрстка, лапýшницкая	—	—	—	—
Пуговица	—	—	—	—	—	пýне
Рукавица внутренняя	нахúрница	нахúрница хирéя	—	—	махýлички	кúрилка

Списокъ словъ.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Юбка	настыжникъ	—	—	—	—	настыжница	—
Передникъ, фартукъ	—	—	—	—	—	фардій	—
Шапка	камилà, надглáзница	камýха, камéтя	акамэ́ла	кочевà, кочевýха	—	камýха, камэ́ся	kaniołа
Шляпа, бриль	—	—	—	камлюжникъ	—	камэ́ся	—
Армякъ, свитка	сипя́га, сипля́га	сипья́га	сэпья́га, сепля́га	шустáнъ	сыпя́га	сыпýта, супья́га	—
Поддевка	—	—	—	—	—	—	—
Платокъ, хустка	хвилúста, хвилúстка, хвилюстка	хвилюстка	хвилюсникъ	—	хвелюстка	хлюстка, хвилюстка	felicha, filicha, filucha
Жилетъ	—	—	—	—	—	—	—
Штаны	стугáлы, настыжники	настызники	настыги, настыжники	—	нáсики	настыги, настúги	nastygi, ścigaje
Шуба, полушубокъ, тулупъ	бурмýтъ, бýрматка, бóрматка	—	бáрмутъ	бурмúха	бáрмусъ	бармýтъ	barott, barzbok
Поясъ	звинéрь, подбатýщикъ	звиня́ръ	звиня́ръ, звинáръ	—	—	звиня́ръ, звыня́ръ	—
Башмакъ	вóбутникъ	—	—	—	—	óпукъ	—
Сапоги	шкрóбы, вóбутки, вóботни, вóбуть	óпуки	óбутокъ, лопухù	скрóбы	óбоки	óпуки	łopcie, łopuchy, ebuchy, opuchy
Нитка	бодáвка	—	—	—	—	мотовня̀	—
Дратва	—	—	—	—	—	—	—
Пуговица	—	—	—	—	—	—	—
Рукавица внутренняя	нахвóрница	—	—	—	рутáвныця	нахúрница	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Перстень	ку́перстень	напалю́шникъ	—	—	—	—
Крали, бусы . . .	крухты	ба́грэвки	—	—	—	—
Карманъ .	—	—	—	—	—	рома́нъ
Лапти .	верзюки̂	верзуки̂	—	—	—	—
Онуча . .	обу́тка	обу́тка	—	—	—	—
Чулки . .	—	чулко́ны	теплухи	—	—	—
Обора у лаптя .	крута́вка	курта́вка	—	—	—	—
Сукно . .	юкно̀, югно̀	буснò, зернò	—	—	—	—
Холстъ .	лоскатыра,	лоскатырь	—	—	—	—
Ленъ . .	ке́деръ	лено́нъ	—	—	—	—
Пенька .	канаво́шница	ке́дро	—	кана́вка	—	—
Подушка, перина .	подухве́йка	пуха́вка	—	пухта́лка	—	до́ду (?!)
Дыра, прорѣха . .	се́нка	шму́рка	—	—	—	варя́съ
Шовъ, рубецъ . .	ку́шовъ	рубо́ка	—	—	буре́къ	—
Постель .	ку́постель	—	—	—	—	—
Дерюга .	шварю́га	шанту́ха	—	—	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
нахви́рникъ	—	—	—	—	нахи́рникъ наклю́жникъ	—
на́терки	—	—	—	—	—	grochowiny, grochowianki, grochówki
—	—	—	—	—	—	—
постолы̀, шандалы̀, кувярзу́ты	ве́рзень	шандалы̀	ли́пусы	—	верзуны̀	—
блю́дка	—	—	хода́рникъ	—	обляу́тка, обляву́тка	—
—	—	—	—	—	—	—
крутомка, кру́тня, боймудёрка	—	—	моту́лка, подмоту́лка	—	обляу́ты	—
ку́сукно, сипляжница	вихн[illegible]	—	—	—	чухно̀	—
лускаты́рка, ло́скутъ, лѣ́пня, лѣ́пнина	лòскать	—	—	лоскотырò	ло́скутъ, ло́скоть	—
ке́друсъ, кудря́вецъ	—	—	—	—	ке́деръ, кедрі́й	—
канавница, труска́льница	—	лаха́нка	волоко́нница	—	ке́деръ, коновли̂	—
пуха́вка	пухтовня̀	—	—	—	пухтовня̀	p(r)uchawka, pu(r)chawa
—	шму́рка	—	—	дермо́нка, дермо́мка	чму́рка	—
—	—	—	—	—	—	—
шасте́ль	—	—	—	поклю́жныця	постельмо́нъ	—
—	—	—	—	—	ку́радно	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Тряпка .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	блю́дка	—
Простыня (постилка)	шýстилка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полотенце	утиршáльникъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	утиршáльникъ, утырмóнникъ	—
Скатерть .	натрéпизница	натрéпизница	—	—	—	—	—	—	—	—	—	трéпезница, натрéпезникъ	—
Тюфякъ .	кýсѣнникъ	пяхтéръ (областн.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Валенки .	штóпни	лóпухи кóўдженные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	снóпны бпуки	—
Волна, шерсть овечья .	—	—	—	пáруха	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Овчина .	юрóдина	бúрка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шкурáвка	—
Картузъ	—	—	—	штакетъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VI. Жилище, утварь, орудія, збруя.													
Городъ .	свúгородъ	городóшъ	—	—	кспýрикъ	—	вúгородъ, острыкъ	бардáвскъ	калýгородъ, шустъ	—	сúвгородъ	галёмэ шусто (большое мѣстечко)	—
Мѣстечко	шýста	шýста	—	—	—	—	шустъ, шýга	шýсто	—	—	шýсто	шýсто	—
Деревня .	хóрія	тхарáкъ	—	—	киря́ха	—	хорò	хóро	—	—	—	хóро	—
Село . .	кýсело, хóро	тхарáкъ	—	хóрье (м. б. хоры)	—	—	—	—	хóры	—	хóры	хóро	—
Домъ . .	хвортъ	хазъ	—	—	хазъ	вря́ха	вортъ	—	хáза	хазъ, багры̀, (хоромы)	—	хазà, пóхазь	—
Ворота .	—	—	—	скрипцы̀	—	—	—	—	—	скрúпы	—	—	—
Хата . .	хазъ	хазóлка	—	парýта	хазъ	—	—	пóхосъ (собств пóхазъ)	хáза	пáрка	хазà	хазà	chadza, chaza
Сѣни . .	—	—	—	—	—	—	—	—	вéньки	—	—	—	—
Дворъ . .	кýдворъ	—	—	хазъ	дéфенксъ (?)	—	вортъ	—	хвортъ	—	хвиртъ	хуртъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе[illegible]	[illegible]илевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Камо́рка .	хазо́вка	ка́мора	—	—	—	—	[illegible]ты́га	—	куты́га	—	куты́га	—	kucicha
Сарай (бѣлор. пуня)	шу́ня	шу́ня	—	—	—	—	[illegible]у́ня	—	вихра́тникъ	—	кырху́шникъ	кулима́нъ хлѣво́шникъ	—
Амбаръ, клѣть .	шу́клѣть, шу́хлѣть	шкути́ха	—	—	—	—	—	—	калу́йка	—	—	—	—
Гумно, овинъ .	калу́йка	калу́йка	—	калу́зька	—	—	калу́жка, кала́й, калума́нъ, калу́йка	—	—	—	лопо́тня	колима́нъ	—
Кабакъ, винная лавка . .	ка́ня	ка́ня	—	ка́ня	шамни́къ	—	ка́ня	—	—	—	—	ка́ня, ки́ршница, чва́рня	kapela-lnia kirnia
Почта . .	у́чта	—	—	—	—	—	поймыдёчта, ле́псарница	—	—	—	—	волотя́жка	—
Перо . .	—	—	—	—	—	—	—	—	лашпу́ръ	—	—	—	—
Волость .	у́волость, приту́съ	ку́волость	—	—	—	—	шо́лость, то́лость расклаво́ха	—	—	—	—	волося́нка, ре́псалница	—
Полицiя .	ку́полицiя	шали́ца	—	—	—	—	шали́ца, ка́чатница	—	—	—	шули́цiя	шули́цыя, шали́ца	—
Мельница	скруго́тъ	скруго́тъ	—	—	—	—	дергу́тница	—	—	—	дергу́ныця	дергу́тница	—
Винокурня	ку́хаводъ	—	—	—	—	—	гоме́рошникъ, гардема́шникъ	—	—	—	—	—	—
Баня . .	пле́ха, плёха	траско́вка	—	плеха̀	лази́на (бѣлор. ла́зьня)	—	пле́нка	—	—	—	—	пли́нка, банёшница	—
Кузница .	жукле́йница	куве́зница	—	—	—	—	жукле́йница, куймудёрня	—	—	—	кови́зница	куёзница, жуклярня	—
Крыша .	шу́крыша	—	—	—	—	—	накрывашница	—	—	—	—	накрыво́шница	—
Крыльцо .	—	—	—	—	—	—	усно́дки	—	—	—	—	—	—
Окно . .	зякро̀	зекро̀	—	якро̀	яросла́къ	вальмя̀	якро̀	зекро̀	зекро̀, якро̀	щегло (слуховое)	зикро̀	зви́кро, звикро̀	—
Двери . .	ры́пни	скрипу́ты	—	—	—	скрипуль (ед. ч.)	ри́пны, рипу́ты, скри́пни	скрыпу́ты	—	—	скрыпо́та	скрыпота̀, скрипута̀	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Комната .	хазъ	хазóлка	—	скéльницы (мн. ч.)	—	—	шакóй, шакóта	—	ся́мка	—	—	хазà	—
Столъ . .	трéпизъ, трéпезъ	трéпизъ	—	трéпезъ	накрóй (?)	стрóпецъ	трéпезъ, тря́пезъ	тра́пезъ	тра́пезникъ, тря́пезъ	—	—	трéпезъ, трэ́пезъ	—
Слуховое окно .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	щеглò	—	—	—
Скамья, лавка .	кулы́га	кулы́га	—	—	—	ялтóрка	кулы́га	трéпезикъ	—	—	—	кулы́га, лавóшница	—
Полъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	буклúнникъ	—	—	—
Полка . .	шалúца (бѣлор. полúца)	шалúта	—	—	—	—	хóры	—	—	—	—	—	—
Лавка (зданіе) . .	кулы́га	кулы́га	—	кулы́га	—	—	кулы́га, кулúга	—	кулы́га, кулúга	—	—	кутýха, кутýшка, кулы́га	—
Стулъ . .	кýстулъ	—	—	—	—	—	кáчашникъ	—	—	—	—	—	—
Сундукъ .	—	—	—	—	—	—	суймундýкъ	—	—	—	закаплóнныця	—	—
Печь . .	стéпра	крышéта	—	стéння	стебáкъ	—	стéпля	стэ́пра	—	степáкъ	стéпуръ	стэ́пра	styper
Зола . .	кýпопелъ	—	—	—	—	кулу̀	—	—	—	—	—	—	—
Свѣча . .	—	—	—	—	—	вíтька	—	шудрéйка	дýлишница	—	—	—	—
Кирпичъ	кýцэгла	цаглóша	—	—	—	—	стяпрéнникъ	—	—	—	—	пúтрусъ	—
Палати .	хвилáты, филáты	хвилáты, филáты	—	—	—	—	шалáти, бары́ськи	—	—	—	—	—	—
Колыбель	—	—	—	—	—	—	—	колыхтóмка	—	—	—	—	—
Кровать .	шýкровать, шýнары	—	—	—	—	—	припóлъ, трипóлъ	—	—	буклúнникъ	—	—	—
Гробъ . .	кýгробъ, шýтруна	—	—	—	—	лáзансъ (?)	—	—	—	—	—	—	—
Замокъ .	кýзамокъ	захвéсъ	—	—	—	—	бáкленникъ, макацýрникъ, замоклюцувáньникъ	—	закаплóнщикъ, микúта	—	закаплóнныкъ	закаплóнъ	—
Ключъ . .	—	ключóнъ	—	—	—	—	бáкленникъ	—	—	—	—	откáпчичникъ	klanich, klawich, klawis
Гвоздь .	кýгвоздь	—	—	—	—	я́зка	—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Ружье . .	кýружье	пэ́хтэльница	—	—	—	—	кулова́нница	—	—	—	кула́шныця	пуковня́	—
Сабля . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	трéпачка	—
Ножъ . .	мáхеръ	жухéль	—	махи́ль	махáлъ	—	мáхаль, махлáчъ лахмáчъ, рѣпсанникъ	мáхиръ	махлы́чъ, мáхиръ, мáхоръ	мóтырь	махлы́чъ	мэ́херъ	majcher
Коса . .	косóптя	—	—	—	—	—	махлáчка, рѣпсанница, двигýнка	махлы́чка	—	—	—	махлáчка	—
Соха . .	—	—	—	—	—	—	—	алы́зница	—	—	—	—	—
Игла . .	бодýха	бóдня	семи́лка, „отъ того, что ихъ на денежку седмь купить можно“	—	швéйка	—	бодáбка, бодáвщица	—	—	шурáйка	—	голóшница бодавня̀	—
Шило . .	бодýха	боды́льникъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ножницы	бáски	бáски	—	—	мáхумъ (?)	—	рѣпсанники	—	—	—	—	—	—
Пасѣка .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	миля́сныця	—	—
Улей . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	миля́сныкъ	—	—
Сито, рѣшето .	—	—	—	—	—	—	—	трухлó	—	—	трусны́къ	—	—
Наперстокъ .	кýнаперстокъ	напáлюшникъ	—	—	накурáнникъ	—	—	—	—	—	—	—	—
Молотокъ	кýмолотокъ	—	—	—	—	—	жуклéйникъ, кýлованникъ	—	—	—	—	—	—
Щипцы, клещи .	шýклещи	—	—	—	—	—	клеймудéщи	—	—	—	—	—	—
Подкова .	шýподкова	—	—	—	—	—	подходы́рница	—	—	—	—	подклюжница, подкýланка	—
Колесо .	кóтень	кóтень	—	—	—	катýнъ	кóтень	катóмка	—	—	крутылó	кóтэнь	—
Телѣга (бѣлор. колёса, возъ)	кóтни	—	—	—	—	—	кóтни	кóцэнь	кóтэнь ершакѝ	—	кóтинь	котовѝло	—
Ось . . .	кýвось	—	—	—	—	петькѐ	щýвось	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Сани . .	мáзни	санкéсы	—	—	—	—
Буравъ .	кýсвер-делъ	—	—	—	—	—
Топоръ .	мамýра	мамýра	—	—	—	—
Серпъ . .	кýсерпъ	—	—	—	—	—
Пила . .	шýпила	пилóнтя	—	—	—	—
Стаканъ .	кýстаканъ	глазóвка	—	—	бáкулъ	—
Рюмка . .	кучерáвка	глазóвка	—	—	—	—
Чашка, миска .	кýмиска	лапéнька	—	—	чахви́рка	—
Чайникъ .	—	—	—	—	катрóсникъ	—
Тарелка .	шýталерка	талеркóнъ	—	—	—	—
Блюдо . .	кýблюдо	—	—	—	—	шавáнка
Горшокъ	кóлтыръ, колты́ръ	ковтэ́ръ	—	кóвтырь	черногóръ	шáкша
Котелъ, чугунъ . .	югýнъ	кóвтэръ	—	—	—	свергáузъ
Сковорода	куéзьница	кувéзница	—	—	—	ялтóрка
Ложка . .	коры́бка	шáвность	—	карáбка	—	сюрбáнка
Кувшинъ (горлачъ)	шýкув-шинъ	—	—	—	—	—
Бутылка (пляшка)	кýпляшка	шуты́лка	—	—	—	—
Самоваръ	кýсамо-варъ	самова-рóнъ	—	дуля́сникъ	хроя́тникъ	—
Ведро . .	—	—	—	—	—	целибáнъ
Бочка . .	кýбочка	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
мáзни	—	—	—	—	мысёло, мэсёло	—
—	—	—	—	—	—	—
гáкъ, мах-лáкъ	мармýмя	брýдош-никъ	—	—	мармýра, мармýла	hankel
рѣпсанникъ махлы́чка	—	—	—	—	—	—
рѣпсанница рѣпсарница	—	—	—	—	пилóшница	—
кучерáвка кýшклянка	жуклéйка	—	букля́нъ	—	жуклíйка	—
кучерáвка	—	—	—	жоклíй	жуклíйка	—
чухáра	скитэ́ля	скитля́, скитлà	—	скитéльня	шкитéра	—
—	—	—	—	—	—	—
скитéля	—	—	—	—	шкити́рка	—
—	—	—	—	—	шкэти́рка	—
кóлтаръ, кóўтаръ, кóфтаръ	кóвтуръ	кóвтуръ	—	кóвтуръ	кóвтуръ, кóўтуръ	—
кугýнъ	—	—	—	—	кóвтуръ, кóўтуръ	—
малихóн-ница, та-ратóнка	куéзьница	—	анти́льни-ца	—	пыхты́ль-ница	—
корáбка	корáбля	корáбка, кáрабка	стербáлка, чуми́чка (обл.)	—	корáбка	—
турлáчъ, тарлáчъ, тэрлáчъ	—	—	калты́шъ	ковтýрны-ця	—	—
жуклéйка	пляхтáўка	буклéйка	шуты́лка	—	пля́хтука, пляхтáвка	—
—	—	самогрѣ́й, самогрáй (обл. шу-точное)	—	—	снóпникъ, насты́ч-никъ	—
—	—	—	—	зивро̀	—	—
—	—	—	—	—	боковня̀	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Квашня, дежа . .	кýдежка, шýквашня	кýдежа	—	—	—	—	сумáшница, латýшница, ботни́шница	—	—	—	—	дежи́мница	—
Коробка .	—	—	—	клацéбка	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скрипка .	кугрáшница	лабýшница	—	—	—	—	кугрà, кугрáчка	кугрáчка	—	—	—	кугрáчка, кугрaни́ца	—
Лира, бандура . .	—	—	—	—	—	—	—	—	кугрà	—	—	—	—
Струна .	лáбуска	—	—	—	—	южáва	—	—	—	—	—	—	—
Дуда (волынка) .	кугрáшница	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	дудóшница, кугрaни́ца	—
Свирѣль .	кугрáшница	—	—	—	—	—	свистýльница	—	—	—	—	кугрaни́ца	—
Труба пастушеская	шýтруба	—	—	—	—	—	кугрaни́ца, труймудю́бка	—	—	—	—	кугрaни́ца	—
Мѣхъ, мѣшокъ . .	пи́теръ	пяхтэ́ръ	—	питерéнь	—	—	пи́теръ, пихтóръ, пи́тошъ	—	пэ́хтуръ пяхтýръ	—	захарбáныкъ	пи́теръ	—
Сумка, торба . .	кýторба	пяхтэ́ръ	—	—	—	—	шанéйстра, шабéтка	шáня	закарбáль, закарбéль шабéта (областн.)	—	захарбéля	шáхта, шахтà	—
Калита (кошелекъ)	шабéтка (област.)	махýрка	—	—	гаманóкъ (областн.)	—	—	—	—	—	—	мохтовнѝ	—
Трубка таб.	—	курáвка	—	—	курдóшка	—	бэ́нька, маклéйка	—	—	—	матлі́йка	матлі́йка	—
Папироса	—	курáвка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Веревка .	крутáвка	куртáвка	—	—	—	южáва	крутэ́льница, вереймудéрка	—	крутóнка	—	батýзныкъ	батýжка	—
Возжи . .	крутáвки	куртáвки	—	—	—	—	крутнѝ	—	—	—	—	батýжницы	—
Лямецъ, войлокъ	гляджáръ	оджáръ	—	алы́да (соб. шерсть коровья)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хомутъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	бáльмутъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Кнутъ . .	—	—	—	—	—	—	—	менчугà	сергѣ́й	ле́мтюгъ	—	—	—
Цѣпъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	цэпо́шникъ	—
Стекло . .	кýшкло, кý-стекло	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лодка . .	шало́дка	лодко́нтя	—	—	байда́къ (бѣлор. гиляра, дубъ)	—	—	—	—	—	—	—	—
Паромъ .	—	—	—	лащо́га	—	—	—	—	—	—	делю́шныкъ	—	—
Дорога .	—	—	—	—	—	буйстръ	—	стракà	строкà, строки́да	устре́ха	восто́рка	—	struga
VII. Животныя.													
Конь . .	во́лотъ	аргýша	—	во́лотъ	гра́я	алва́нъ	во́лотъ	во́лыть	во́лотъ	лова́ка	во́лотъ	во́лотъ	chołota, hołota, wolta.
Кобылица	волоти́ха	швабы́ла	—	—	—	—	волотиха	валеце́га	—	—	волоты́ци	волоты́га, волоти́ха	—
Жеребецъ	волото́къ	—	—	—	—	—	волото́къ	—	—	—	—	волотю́къ	—
Жеребенокъ . .	волотёнокъ	—	—	—	—	—	волотёнокъ	—	—	—	—	волотючёкъ, волотёнокъ	—
Корова .	явлы́да	явлы́да	алы́да	—	улы́да	—	явлы́да, явлю́да	явлы́тка	евлýдка, евлю́дка, евлю́да	трубе́ха	авлы́да	гэ́метка	—
Быкъ . .	шýбыкъ	—	—	артю́хъ	—	—	бодýнъ	явлыдо́къ	евлýдъ, евлю́дъ	трубе́ха	явлы́дъ	гэ́метъ	—
Теленокъ	явлыдёнокъ	ялыдчо́нокъ	—	—	—	—	явлыдёнокъ, явлыдёнокъ	евлыденя̀	евлюдёнокъ, евлюденя̀	—	явлыдыня̀	гэметиня̀	—
Свинья .	ке́рха	кершуни́ха	—	ки́рха	скиршà	—	ке́рха, ке́рхля	ке́рха	ске́рка, ске́рха, ке́рха	—	кы́рха	ке́рха	—
Кабанъ .	кяршýкъ	кершýнъ	—	—	—	—	ке́рхель, керхя́гъ	—	—	—	—	керхýнъ	kierkot
Поросенокъ . .	кяршо́нокъ	кершунёнокъ	—	—	—	—	керхлёнокъ, керхлачо́къ, керхянёнокъ	—	скерхеня̀	—	кырхуня̀	керхеня̀, кершеня̀	—
Овца .	ке́рхля	мерхля̀	перхýтка	ме́рхля	бахми́рка	—	пярьхýтка	мэ́рхля	мерхлю́дка	—	ме́хля	ме́рхля, мэ́рхля	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Баранъ .	мярхлю́къ	—	—	—	—	маргу́шъ	пярьху́тъ	—	мерхлюдъ	—	—	мерхлю́къ, мэрхлю́нъ	piechur
Ягненокъ	мерхлянёнокъ	мерхлёнокъ	—	—	—	—	пярьхутёнокъ, пярьху́тничекъ	—	—	—	—	мерхлиня́, мэрхлёнокъ	—
Коза . .	свя́кша	ла́бза	—	—	—	—	чвя́кша, цы́бза, чи́бла	—	лобза̀, ци́галь	—	—	чвахтíйка	—
Козелъ .	свякшу́нъ	лабзёлъ	—	—	—	—	чвякшу́нъ, лобзу́нъ	—	—	—	—	чвахтíй	—
Козленокъ	свякшо́нокъ	лабзёнокъ	—	—	—	—	чвякшо́нокъ	—	—	—	—	чвахтёнокъ	—
Волкъ . .	лынь	биръ	—	—	лы́кусъ	виргáзъ	лынь, лынъ, лы́гусъ	лыгáчъ	лы́кусъ, ли́кусъ, ли́гусъ, лынъ	—	лы́га	лы́гусъ	—
Волчица .	лыни́ха	—	—	—	—	—	—	лыгачи́ха	—	—	—	лы́гусиха	—
Медвѣдь .	мармы́сь	мармы́сь	—	—	—	óвта	мармы́зъ, медля́съ, лухмень	лухмéй	—	—	—	лухмéй	—
Заяцъ . .	кýзаяцъ	—	—	—	замчýкъ	—	подпрыщикъ, кривондéй	—	кривондéй	—	—	заёшникъ	—
Лисица .	—	—	—	—	—	кевáсь	—	—	—	—	—	—	—
Мышь .	машкéнзя	мышантéя	—	—	—	—	—	баця́нка	—	—	—	—	—
Котъ . .	мотéнь	мохóнъ	—	манёкъ	—	—	мотéнь	мóтень	мóтэнь	—	мóтень	мóтэнь	—
Кошка . .	мотéнь	мохóнъ	—	—	—	матáфия	мóтька, мотнёвка	—	мóтниха	—	—	мотни́ха, мóтэнь	—
Собака .	ськилъ	ськилъ	—	скицъ	цунéла	сюнгáй	скилъ, ськилъ, шки́лутъ	скицъ	скиль, скилъ	ски́ла	скиць, скиця́ка	скиль, скилъ	skiła, skieł
Сука . .	ськили́ха	ськилóвка	—	—	—	—	скили́ха	—	—	—	скéлыха	скилы́ха	skieła
Щенокъ .	ськилёнокъ	—	—	—	—	—	скилёнокъ	—	—	—	—	скилэня̀, скилыня̀	—
Курица .	вурнáтка варнáчка	—	—	варнáчка	—	—	ворнáтка	варнáчка	варнáшка варнáтка	варнýшка	варнáга	барнáтка барнáчка	—
Пѣтухъ .	вурнáкъ, варнáкъ	варнáкъ	—	—	шкарлýкъ	аня́кшъ (?)	варнакъ, варнáтъ	—	варнáхъ	—	—	барнáтъ, барнакъ	—
Цыпленокъ	вурначóнокъ	варнáкъ ми́крый	—	—	—	—	варначóнокъ	—	—	—	—	барначиня̀	—
Гусь . .	гéрбатень, гэ́рбатень	гарбýска	—	—	плáгусь	—	гэ́рбуска, гэ́рбутка	гэ́рбутка	гéргутка, дéрбутка	комисáръ	арбýтка	гэ́рдыкъ	—
Утка . .	кýутка	—	—	саповка	—	—	сáпка	—	—	—	—	—	—

Список словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Аистъ . .	—	—	—	—	—	—	черногу́зъ (областное)	—	—	—	—	—	—
Индюкъ .	шу́индыкъ	гаўдюле́вичъ	—	—	—	—	—	—	—	—	плавуте́нь	—	—
Голубь .	ку́голубъ, бруку́нъ	—	—	—	—	гуль	—	—	—	—	о́брутень	—	—
Гнѣздо .	ку́гнуяздо	—	—	—	—	пи́за	—	—	—	—	—	—	—
Перо . .	шу́перо	—	—	—	—	миpе́жка	пуха́вка	—	лашпу́ръ	—	—	пуха́вка	—
Шерсть, волна . .	—	па́руха	—	—	—	мархля̀	кудря́вка	—	—	—	—	чёшка	—
Шкура .	юржи́шка	шкуранте́я	—	—	—	—	о́рмутка	шкуро́шка	—	—	—	шкура́вка	—
Хвостъ .	хвили́сть	хвостю́къ	—	—	—	—	хвили́стъ	—	—	—	—	ше́метъ	—
Рогъ . .	ку́рогъ	—	—	—	—	сюра̀	—	—	—	—	пико́ша	—	—
Навозъ .	хали́мъ	халю́ха	—	—	—	—	хайло̀, хыйля́къ, хайлу́шникъ	— —	—	—	осня́къ	ха́йло, хали́мъ	—
Рыба . .	псалу́га	псале́та	—	пса́лка	гамзо̀	—	посалу́га, псалы́га, псалу́га	пса́лка	псалы́га	псалы́га	пса́лка	пса́лка	—
Селедка .	га́ластникъ голо́сьникъ	га́лосьникъ	—	—	—	—	галощеная псалы́га	га́русникъ	селы́жникъ ге́ренька	—	алю́шныкъ	га́ласникъ, га́лусникъ	—
Пчела . .	бурча́вка, бурхо́тня	гу́дка	—	—	—	ка́ру	бурка́съ, бу́ркотня, бу́рматка	бу́ркотня	дизма́ны (?) (мн. ч.)	—	—	—	—
Муха . .	ку́муха	муханте́я	—	—	—	—	бу́рматка, шу́хмуца, полету́ха	—	—	—	—	—	—
Оса . . .	ку́восва	—	—	—	—	су́скить	—	—	—	—	—	—	—
Червякъ .	мирмя́къ	баба́къ (областн.)	—	—	—	—	дерба́къ, повзу́нъ, ше́вель	—	—	—	—	червя́тникъ	—
Змѣя . .	ку́змѣя	—	—	—	—	—	сипи́ца, вьверга́чка	хаўшня̀	гайдама́ка	—	звертій	—	—
Ящерица	ку́йщерка	—	—	—	—	—	ни́модя́щерка	—	—	—	—	—	—
Вошь . .	стишь	стишь	—	—	—	—	—	—	си́зька; мн. ч. си́зи, сизе́ны	—	цы́за	цы́зка, сы́за	—
Блоха . .	ку́блоха	блоханте́я	—	—	—	—	—	—	—	—	—	блохо́шница	—
Клопъ . .	шуклопъ	клопо̀нтя	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лягушка	—	—	—	—	—	ватара́ншъ	—	дулѣ́ска	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Ракъ . .	—	—	—	—	—	—
VIII. Растенія.						
Рожь . .	сѣ́тка, зѣ́дка	зѣ́дка	сума́къ	—	—	сума́къ
Ячмень .	бурмѣ́ль	бурмѣ́ль	аклу́ша	—	—	—
Овесъ . .	щуглѣ́й, шублѣ́й	ощалопъ	халбу́ръ	шуплей	лахма́чъ	шупля́нъ
Пшеница	а́шпорка	а́шпорка	бѣлу́ха	—	—	—
Просо . .	—	—	цика́усъ	—	—	лу́хта
Гречи́ха .	суя́зка, сувя́зка	калу́верница	кудра́вка	—	—	—
Чечевица	—	чечевкòнъ	леску́шка	—	—	—
Картофель	шкуты̀	шудѐрка	—	—	лихвѣ́йка	—
Капуста .	лапу́ха	лапу́ха	—	—	лапу́ха	—
Свекла, бураки . .	шмаракѝ, шмуракѝ	чумакѝ	—	—	—	—
Рѣпа . .	—	—	круга́лка	—	—	—
Рѣдька .	товпыжица	горькòмница	—	—	—	ку́шманъ
Лукъ (цыбуля) . .	борзду́ля	барздà	—	—	—	—
Чеснокъ .	—	—	—	—	—	—
Горохъ .	гаври́зъ	гаврѣ́сь	—	—	—	—
Бобъ . .	бублѣ́й	багдѐсь	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Ракъ . .	—	—	ползу́нъ	—	—	—	—
VIII. Растенія.							
Рожь . .	зя́тко, зи́тко	зиткò	—	—	зиткò	зиткò, зыткò	—
Ячмень .	бружмѣ́ль	—	бу́рмѣль	вуса́чъ	бурбиль	бурмі́й, бурми́нъ	burwień (овесъ)
Овесъ . .	шуплѣ́й	—	—	—	—	щуплі́й	—
Пшеница	э́шпорта, ва́шпорница, вошпорни́ца	—	—	—	яшку́рныця	я́шпорка	—
Просо . .	—	—	—	—	цесò	чесò, просимно	—
Гречи́ха .	сувя́зка, совя́зка, звя́зка	—	совья́зка	стрѐкница	сѐвиска	суя́зка, сувя́зка	—
Чечевица	—	—	—	—	—	—	—
Картофель	катмà, катми́на, катòмина, бялу́га, свидэ́рка	грентуля	бѣлу́га	громòха	—	тыри́жникъ, тэры́жникъ	—
Капуста .	лапуха, лапу́хта	лапу́ха	лопу́ха	лопуха (?)	лепу́ха	лапу́ха, лопу́ха	—
Свекла, бураки . .	бòтни, ботнякѝ, бучмакѝ	батургò	шмуракѝ	—	ботня́къ (ед. ч.)	бòтни	—
Рѣпа . .	—	—	—	—	—	пса́лка	—
Рѣдька .	бялу́га	горчи́мна	—	—	—	—	—
Лукъ (цыбуля) . .	барзду́ля, баздру́ля, бурду́лька, шумутня̀	бардзу́ля	—	гармѣ́й	морзу́ля	борзу́ля, морзу́ля	—
Чеснокъ .	—	—	—	—	морзны́къ	—	—
Горохъ .	га́врій, гавру́сь	гаври́жъ	—	—	гавры́шъ	гавры́шъ, гравишникъ	—
Бобъ . .	бокштэ́й, бу́кусъ, хòботъ	бу́кишъ	—	—	гавры́шныкъ	букшій	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Фасоль .	—	—	—	—	—	—
Морковь .	товпы́жница солоди́мная (сладкая рѣдька)	мэркидóнъ	солоду́ха	—	—	—
Огурецъ .	вóхмарень мóхмарень	шмуръ	—	—	—	—
Кукуруза	—	—	—	—	—	—
Хрѣнъ .	—	—	нáхринъ	—	—	—
Арбузъ, тыква .	ку́гарбузъ	—	—	—	—	акáнъ
Табакъ .	ски́лманъ	скильмáнъ	—	матлóха	шамà	—
Конопля .	—	—	—	—	кунáвка	—
Цвѣтъ . .	ку́цвѣтъ	цвѣтóша	—	—	—	—
Трава . .	ку́трава	—	—	—	—	—
Сѣно . .	вихрò	вяхрò	—	вихрò	шуми́къ	хвары́га
Солома .	лосóма	баслотà	—	—	—	стодóнка
Дерево, бревно .	вокси́мница	ку́древо	—	—	—	—
Лѣсъ . .	вóксимъ	аксюгà	—	вóксилъ	—	—
Кустъ .	шу́кустъ	кустóнъ	—	—	—	—
Дрова . .	бру́дки	бру́дки	—	стрелье	—	пингалы̀
Полѣно	ляпéна	пальшò	—	—	—	—
Бревно .	—	—	—	—	—	гнáчка

Списокъ словъ.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Фасоль	—	—	—	—	гавры́шныця	—	—
Морковь	стовпы́жница	солодки́мница	—	—	—	—	—
Огурецъ	вóхмурень, вóхморокъ, лóхманъ	ахму́ръ	лахму́ръ	—	—	óхмурень, óхмуренъ	—
Кукуруза	—	—	—	—	рызáвка	—	—
Хрѣнъ	—	горчи́мникъ	—	—	—	хрынóшникъ	—
Арбузъ, тыква	дулéпъ	бѣлю́зникъ	клубни́ца, лагу́нъ	—	—	лу́скавень	—
Табакъ	матлóха абóнишная (курит.) матлóха пы́хтильная (нюхат.)	—	матлáхъ, матлáха	шамáчка	мутлáха баклу́нъ	матлу́нъ	—
Конопля	—	—	коноцу́ты	канáвки	—	—	—
Цвѣтъ	цвѣйму-дéтъ	—	—	—	—	—	—
Трава	ку́трава	вихрáтница	—	—	—	лопсты́ра	—
Сѣно	вихрò, вяхрò	вихрò	вихрò	вихрò	вихрò	вихрò, выхрò	—
Солома	мосóла, мослы́га	—	вислю́гà	мазóха	веслю́я	мыслю́га	—
Дерево, бревно	вокси́мница	ку́древо	—	—	—	бруткò, брудкò, бревóшно	—
Лѣсъ	—	—	вóксимъ	вóксикъ	óксымъ	вóксимъ, óксимъ	łokszyna
Кустъ	шустъ	—	—	—	—	—	—
Дрова	бру́дки	абрудкѝ	бру́дки, брунькѝ	сбры́дки	óбруткы	брудкà	—
Полѣно	бру́дина	—	—	—	—	брудкò	—
Бревно	—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Палка, кій	ляпе́на, бику́ръ	палю́га	—	—	—	шалга́нъ	би́куръ, бику́та, куби́тка	биштў́ръ	баштў́ръ, баштў́ра, бику́ръ	букли́на	—	штэкъ	bikora
Дубъ . .	ку́дубъ	—	—	—	—	—	ку́дубъ	—	—	—	—	—	—
Кленъ . .	—	—	—	—	—	уштръ	—	—	—	—	—	—	—
Береза .	ку́береза	—	—	—	—	бѣля́къ	грябёзка	—	—	—	—	—	—
Осина . .	—	—	—	—	—	по	—	—	—	—	—	—	—
Садъ . .	висля́тникъ	садо́нъ	—	—	—	—	висля́тникъ	садо́мникъ	—	—	—	садо́шникъ	—
Яблоня .	висля́нка	вишля́чка	—	—	—	—	висля́тница	—	—	—	веслю́шница	—	—
Груша . .	ку́йгру́ша	снюзе́ль	—	—	—	—	—	грухтавня̀	—	—	хруста́вка	грухтовня̀	—
Слива .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	терна́вка	—	—
Ель . . .	ку́елка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сосна . .	ку́сосна	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Яблоко .	вислякъ	вишля́къ	—	—	—	—	висля́тка	висля́тка	ви́сля, вислю́къ	сти́блыко	ве́слюко	—	jasło
Листъ . .	ку́листъ	—	—	—	—	—	лийму-ди́стъ	—	—	—	—	—	—
Лыко . .	—	—	—	—	—	—	липя́зка	—	лопя́зка	—	—	—	—
Желудь .	ку́жалудь	—	—	—	—	—	ку́жалудь	—	—	—	—	—	—
Ягода . .	краси́мня	ба́гровка	—	—	—	—	сно́пка	—	—	—	сте́блюкъ	ягодо́шникъ	—
Черника .	ку́черника	ба́гровка калу́верная	—	—	—	—	сно́пка чарни́мная	—	—	—	—	—	—
Земляника	краси́мня	—	—	—	—	—	сношка краси́мная	—	—	—	—	—	—
Вишня .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	стеблю́тница	—	—
Макъ . .	—	—	—	—	—	—	—	гарнасно́пъ	—	—	—	—	—
Малина .	ку́малина	ба́гровка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Смородина	ку́смородa	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Смородина красная (порѣчка)	ку́порѣчка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грибъ . .	баго́лъ	баго́лъ	—	—	—	—	баго́лъ	багла́й	—	—	—	багла́й	—
Орѣхъ . .	ку́рѣхъ	лузга́нъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вата . .	шу́вата	—	—	—	лови́рка	—	—	—	—	—	—	—	—
IX. Дѣйствія.													
Быть . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ботля́ты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Есть . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ёпыть	—	—
Стоять .	стычáть	сты́чать	—	сты́чить	—	—	сты́чить, стоня́ть, стокля́ть, стекля́вить	—	—	—	сты́чыты	сты́чить	—
Вставать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	встычувати	—	—
Лежать .	клюжáть	клюжáть	—	—	—	кимáть	клюжáть	клю́жить	—	клюжáть	—	клю́жить	—
Ложиться	клю́житца, клюжи́тца	клюжáтца	—	—	—	—	клю́житца	—	—	—	—	клю́житися клю́житца	—
Сидѣть .	кáчать	кáвдить	сѣждóнить	—	—	—	кáчать	кáчить	—	—	кáчыты	кáчить	—
Садиться	кáчитца	кáвдитца	—	—	—	—	кáчитца, кéчитца	—	—	—	—	кáчитца	—
Ходить .	хонджé-вáть, похли́ть (соб. пойти)	хливáть	—	—	снóдить	—	снóдить, сноди́ть ѣ́рчить, éрчить	—	хáныть	снáдить, хлить (соб. идти)	—	ханджевá-ти, пнáти	—
Бѣгать .	бѣгурáть	бѣгровáть	ухлывáть (собств. убѣгать)	—	—	—	бѣгрáчить	бѣ́глять	—	—	—	бѣгурáть, моргóмъ пнáти (скоро идти)	—
Ѣхать . .	ѣ́рчать	якýтить	—	éрчить	явшáть	—	ѣ́рчить	ѣ́рчить	—	—	гардувáты	ёрчити	—
Спать . .	кимáть	ки́мать	—	кимáть	—	кимáть	кимáть	кимáть	—	кимáть	—	кимáть, ки́мати	kimać
Ночевать	—	ки́мать	—	—	—	—	кимáть	—	—	—	кемитáты	кимáть, ки́мати	—
Смотрѣть	сѣпáть	зѣ́пить	—	—	—	вершáть	улѣ́повать, улѣпáть	улѣ́повать	улéпать	вершáть	влипáты	улипáть	—
Вылѣзать	—	—	—	—	—	—	—	вылéксать	—	—	выляксáты	—	—
Хотѣть .	вóлить	вóлить	—	—	вошлѣ́ть	—	вóлить	вóлить	—	вóлить	вóлыты	вóлити	—
Слушать .	слы́хтить	слы́хтить	—	—	—	—	слухтó-мить, слух-тóрить	—	—	—	—	слыхтáть, слýхтити	słychcić
Слышать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	слы́хтыты	—	—
Работать .	мáксать	машéрить	—	—	—	—	клавóтать, клавóтить, рабосáть можджеря́ть	склави́ть, склавотить	склáвить, склавóтать	—	клевóтыты	клáвити	—
Работа . .	маждже́рка	машéрка	—	—	—	—	клавóта	склаýта	—	—	—	клавóта, клаватà	—
Повѣситься . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	забатýзытысь	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Молчать .	ку́чать	ку́чмать	—	—	—	—	со́хтить (1 л. со́хчу), со́пить	сапа́ть	—	сапура́ть	—	сапа́ть	—
Говорить	говри́дить, говро́дить	ти́рить	—	говырда́ть	—	зя́хать	говро́дить, лементова́ть, кантова́ть, контува́ть	говри́дить	—	—	—	гавры́дити	gamrać, zitać
Разговоръ	говри́дка	расти́рованье	—	—	—	—	—	гаври́дка	—	—	—	гавры́дка, гаврыдня̀	—
Кричать .	криксáть, криксáвить	куращѣ́ть	—	—	—	—	крикусáть крикcóмить	—	—	—	кры́ксаты	крыксáть	—
Лѣчить .	—	—	—	—	—	—	—	лякóмить	—	—	ликóрыты	—	—
Лѣкарство	—	—	—	—	—	—	—	лекóбство	—	—	—	—	—
Считать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ли́трыты	—	—
Запирать	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	закаплóнываты	—	—
Пѣть . .	—	—	—	—	—	муракáть	—	—	—	—	—	—	—
Плакать .	плы́ксить	плы́ксить	—	—	—	вардя́ть	плы́ксить	плы́кшать	—	—	плы́ксыты	плы́ксать, плы́ксати	—
Смѣяться	лы́хтитца	лу́хтитца	—	—	—	—	лыхти́тца, лухти́тца, лабуня́тца	лыхтáтца	—	—	лохáтысь	лу́хтатца, плы́хтитца	łachować
Смѣхъ . .	лы́хта	лухты̀	—	—	—	—	лыхта̀, лухта̀	лыхтáньне	—	—	—	лухта̀, плы́хта	—
Писать .	писóбрить	писóбрить	—	—	—	мирéжить	лéпсарить, лéпсарнить	рéпсать	—	—	—	рéпсати	grypsać
Письмо .	ши́рка	письмóша	—	—	—	—	лéпсарка	рéпсанка	—	—	—	рéпсаньне	grypsanka
Читать .	лéпсарить	—	—	—	—	—	лéпсарить	—	—	—	рéпсаты	—	—
Бумага .	ши́рка	швы́рка	—	махловáнье	сихáлка	—	лéпсарка	—	лéпсурька	—	—	мами́ръ	—
Книжка .	ши́рка	шатлáница	—	—	—	ремéшка	лéпсарка	—	—	—	рéпсаня	рéпсанка, рэ́псалка	—
Молиться	чáнитца	дэ́усатца	—	—	—	—	учиня́тца	чуня́тца	ахвесáться	чунáться	зитаты шáтеръ	чáнитца, учиня́витца, зитáтца	—
Молитва .	—	—	—	—	—	—	—	шáцера (соб. патеры)	—	—	—	—	—
Просить .	зитáть	прáхтить	—	—	—	—	зитáть, зéтить, згéтить, зэ́тать	—	—	зéтать	зитáты	зитáть	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Забыть .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	забетля́ты	—	—
Брать . .	япе́рить	спэра́ть	—	япе́рить	—	—	япе́рить, зеперя́ть	—	япе́рить	—	япе́рыты	япе́рить	—
Взять . .	—	—	—	уби́рить (вм. упе-рить)	—	—	—	вспе́рить	уя́пе́рить	уся́пать	зяпе́рыты	—	—
Давать .	угура́ть	угура́ть	—	—	—	на́рить	дикать, де́кшить удяка́ть, отгуря́ть	—	дэ́чить	—	дя́хныты	угура́ти	—
Дать . .	гура́ть	—	—	отгу́рить (отдать)	—	—	—	угу́рить	дэ́чить	дя́кать	—	вара́ть	—
Жарить .	—	—	—	—	—	—	—	сцепу́рить	—	—	—	—	—
Шить . .	шуварѣ́ть	шварѣ́ть	—	—	—	—	шиво́рить, бода́вчить	—	—	—	—	бода́вити	—
Солить .	—	—	—	—	—	—	га́лощить	—	—	—	—	—	—
Мыть . .	пле́нить	пле́нить	—	пле́нить	рю́тить	—	пле́нить	—	—	—	пли́нчаты	пли́нчить, пни́мчить	—
Мыться .	пле́нитца	—	—	—	рю́титься	—	пле́нитца	—	пле́нчиться	—	—	пли́нчитца	—
Купать .	купо́нить	купо́щить	—	—	—	—	пле́нить	—	—	—	—	пли́нчить	—
Купаться	купо́нитца	купо́щитца	—	—	—	—	пле́нитца	—	пленчиться	—	—	пли́нчитца	—
Праздно-вать .	—	—	—	—	—	стодо́льни-чать	—	—	—	—	—	—	—
Пить . .	чуха́ть	то́хать	—	чука́ть	—	босать	копса́ть, ку́ловать, ку́лывать	—	бо́ксать	—	кула́ты, ко́псати	ко́псати	kobzać, kopsać
Водить .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	вандзо́ры-ты	—	—
Кидать .	кидо́рить	ны́шать	—	—	—	—	кидлёшить, кидо́шить, кудо́вить	—	—	—	—	кута́ти	—
Бросить .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	пору́тыты	—	—
Сбросить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	зру́тыты	—	—
Чесать .	часмо́нить	чухра́ть	—	—	—	—	чисмо́рить	—	—	—	—	чухмо́рить	—
Чесаться	часмо́нит-ца	чухра́тца (о чесоткѣ)	—	—	—	—	чисмо́рит-ца	—	—	—	—	—	—
Холодѣть	сиворѣ́ть	сиворнѣ́ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	си́верѣти	—
Мерзнуть	—	сиво́рить	—	—	—	—	—	—	—	—	сивы́риты	—	—
Одѣвать .	чани́ть	оча́нивать	—	—	—	—	наю́хчи-вать	—	—	—	—	одягмо́ри-вать	—
Копать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	махлова́ты	—	—
Имѣть . .	—	—	—	—	—	—	—	е́пить	—	—	ми́ньчыты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Править	—	—	—	—	—	—
Искать	—	—	—	—	—	—
Одѣваться	чанитца	очáниватца	—	—	—	—
Обувать	обáколовать	обáтловать	—	—	—	—
Обуваться	обáколоватца	обáтловатца	—	—	—	—
Coitum habere	бáгритца	—	—	—	вáхриться	—
Ковать	жуклéить	—	—	—	—	—
Ткать	ткóшить, тукóшить	—	—	—	—	—
Ткачъ	—	—	—	—	—	—
Жать, рѣзать, стричь	бáсать	бáсать	—	басáть	—	—
Косить	бáсать	бáсать	—	—	—	—
Продавать	пропулять	протáрывать	кухтóрить	протáривать	—	пропýливать
Покупать	спулять	упулять	—	впулять	—	—
Мѣнять	минѣшить	шетлáть	—	—	—	—
Ярмарка	мáрмалка	—	—	тýсто	—	—
Жечь, калить	—	дýлить	—	—	—	—
Обманывать	ошукóрывать	объюрáшивать	—	—	—	—
Обмануть	ошукóрить	объюросить	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Править	—	—	—	—	правóтыты	—	—
Искать	—	—	—	—	нáхтыты	—	—
Одѣваться	наю́хчиватца	—	—	—	—	одягмóриватца	—
Обувать	прибатýровать, подбуклять	—	—	—	—	обукóривать	—
Обуваться	подбуклятца	—	—	—	—	обукóриватца	—
Coitum habere	якóрить, дяжить, тьéбить хархалить	—	якóрить, дяжить тiéбить, чýбить	сентить	—	тибити	charchulić
Ковать	жуклéить, плескáть, робóсить	—	—	—	—	жуклéить, жуклити	—
Ткать	мождже-рить	—	—	—	—	—	—
Ткачъ	—	ласкóтникъ	—	—	—	—	—
Жать, рѣзать, стричь	рéпсать	махлавáть	—	—	махлычыты	махловáти	majchrować
Косить	рéпсать, мохлáчить	—	—	—	—	махловáть, мохлáчить	—
Продавать	пропулять	пропулять	пропулять	—	пропуляты	пропуляти	pulać przeopulać
Покупать	спýливать, упулять	—	пулять, апýлить	—	опуляты	опулять	opalić
Мѣнять	мѣнчить	мѣнчить	—	—	—	минчить	—
Ярмарка	—	—	кéрмашъ (бѣлорусское)	—	ошарныкъ	óшаръ, ошáръ	—
Жечь, калить	—	—	—	—	дулясыты	дýлити	—
Обманывать	биндюгáть	ошукóрывать	—	—	—	объю́ровать, ошукмóривати	—
Обмануть	ошукóрить	—	—	—	—	объю́рить, ошукмóрить	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Любить .	любжáть	любжáть	—	—	—	—	скулюбáть	скульбá-нить	—	—	кульбáты	скульбáть, скулúбати	—
Богатѣть	стодчѣть	стодырнѣть	—	—	—	—	стоднѣть	—	—	—	—	стоднѣть, стóднити	—
Сердиться	—	—	—	—	—	—	—	кувэрдúтца	—	—	—	—	—
Ругать, бранить .	лайбóнить	скудáть	—	—	—	—	порýтить лабунять	—	—	—	—	лобýнить, порýтити	—
Ругаться	лайбóнит-ца	скудáтца	—	—	кубрáться	—	порýтитца лабунятца	—	—	—	—	лобýнитца, порýтитца	—
Брань, ма-терщина	—	—	—	—	—	—	маштэбэ́ль	—	—	—	—	порýта ма-ныци, тúб-лю твою маныцу	—
Отцѣпить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	одчыпóры-ты	—	—
Играть .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кýргаты (вм. кýгра-ты)	—	—
Падать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	пандикáты	—	—
Божиться	ахвэ́ситца, клянóшит-ца	—	—	—	—	—	яхвéситца, хвизáтца	ахвэ́ситца	—	ахвéситься	—	охвéситца, присяглóр-вати	—
Глупѣть .	шмурѣть	баглѣть	—	—	—	—	шмурѣть (област.)	—	—	—	зшмурúты (сойти съ ума)	чмýрнити, чмурнúти	—
Идти .	хлúть	хлúть	—	—	—	—	хлúть, их-лúть	—	іекнáть, ихнáть	—	пнáты	пнáти	bnać, pnać
Отойти .	отхлúть	отхлúть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	одопнáти	—
Пойти . .	похлúть	похлúть	—	—	—	—	похлúть	—	—	—	—	попнáти	—
Находить	нáхтить	нáхтить	—	—	—	—	нахтыри-вать	знахтэ́рить	—	—	—	нáхтити	—
Найти . .	—	—	—	—	—	—	нахтырить	—	—	—	нáхтыты	—	—
Ходить .	хлить	хлить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ханджувá-ты	—
Уходить .	ухливáть	ухливáть	—	—	—	—	ускитáть, ускицáть	—	укутáть	ухливáть	скúтыты	ускитáть, упнáти	—
Ѣсть . .	трóить	дубúть	трайть	матрáть	трóить	—	трóить, тройть	трóить	трóить	тройть	тройты	трóить	troić
Пить, по-ить . .	кéрить, кярúть	курúть	бусáть	керить	бусáть	—	кéрить	кéрить	кúрыть	бусáть	—	кúрить	kierzyć

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Течь . .	хли́ть	—	—	—	—	—	ихли́ть	ча́нить теклю́нить	—	—	—	хли́ть	—
Лить . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ча́ныты	—	—
Пахать .	рога́вить	—	—	—	—	стяфа́нить	варлы́жить, цэ́ру рабо́сить	—	—	—	—	тыры́гу кла́вить, варалы́чить	—
Утонуть .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	вде́льчытысь	—	—
Сѣять .	сѣ́ворить	сѣ́щить	—	—	—	—	сѣво́рить	ча́нить	—	—	—	ся́нити	—
Возить .	вондзе́рить	бы́чить	—	вандзы́рить	—	ю́хтить (?)	вондзэ́рить	—	—	—	—	виндзэ́рити, вэндзэ́рыть	—
Рвать . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	дермо́ныты	—	—
Носить .	тага́нить	та́хтить	—	—	—	—	тага́нить	тагани́ть	—	—	—	таго́нить	—
Нести . .	—	та́хтить	—	тахти́ть	—	—	тагтѝ	—	—	—	тага́ныты	таго́нить	—
Лома́ть .	—	лы́мсать	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вязать .	—	—	—	—	—	—	—	бату́зить	—	—	—	—	—
Красть .	клима́ть	зугура́ть	—	клю́жить	—	ю́хтить	кли́мать	—	—	клима́ть	кли́маты	кли́мати	juchcić, jechcic, juchcianka=воровство
Воровство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	климу́та	—	—
Чистить .	пле́ннить	—	—	—	—	—	пле́ннить	—	—	—	—	—	—
Пѣть . .	пса́лить	хве́сить	—	—	—	—	псы́лить	пса́лить	пса́лить	пса́лить	пса́лыты	пса́лити	—
Пѣсня . .	пса́лка	хве́ска	—	—	—	—	пса́лка	—	—	пса́лка	пса́льня	пса́лка, пса́льня	—
Уменьшать	умикра́ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уменьшаться	микрѣ́ть	—	—	—	—	—	микрѣ́ть	—	—	—	—	ми́крити	—
Уменьшить .	уми́крить	уми́крить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	уми́крить	—
Увеличивать . .	уша́вливать	уша́вливать	—	—	—	—	—	упа́сывать	—	—	—	угалёмить	—
Увеличиваться .	шавлѣ́ть	—	—	—	—	—	големѣ́ть	—	—	—	—	галёмитца	—
Увеличить	—	уша́влить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	угалёмить	—
Увеличиться .	—	уша́влитца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	угалёмитца	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Старѣться	ёритца	ярѣтца	—	—	—	—	ёритца	—	—	—	—	ёритца	—
Ждать . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	стекля́ты	—	—
Постарѣть	—	поярѣть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	поёрити	—
Святить .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сяни́ть, лабу́нить	—
Святиться	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сяни́тца, лабу́ниться	—
Прыгать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	скако́мыты	—	—
Плясать (бѣлор. скакать)	скако́лить	скако́щить	—	—	—	кишта́ть	скакурля́ть	—	—	—	скаканты́ты (у Баржик. опеч. сказать)	скако́рити	—
Класть .	клю́жить	клю́жить	—	—	—	—	клю́жить	—	—	—	клю́житы	клю́жить	—
Накладывать . .	наклю́живать	наклю́живать	—	—	—	—	наклю́живать	—	—	—	—	наклю́живать	—
Молотить	молоты́рить	пэ́гать	—	—	—	—	ку́ловать, копси́ть	лопо́тить	—	—	лопо́тыты	лопо́тить	—
Молоть .	крута́вить	скрыго́тить	—	—	—	—	дергуля́ть, дергути́ть	—	—	—	—	крута́вить, дергуля́ть	—
Задавить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	утохмо́рыты	—	—
Гулять .	буга́вить	кугра́ть	—	—	—	—	гальбуса́ть, гулёмить, скуго́ливать	склави́ть	—	—	—	проханжова́ти (соб. прохаживаться, совершать прогулку)	—
Болѣть .	химѣть	хима́ть	—	—	—	—	троня́ть	труни́ть	—	—	труны́ты	труни́ть	—
Болѣзнь .	—	химо́та	—	—	—	—	троня̀, труня̀	—	—	—	—	труня̀	—
Пасти .	лабсты́рить	пасёщить	—	—	—	—	лабсты́рить	—	—	—	пасо́рыты	лопсты́рить, лабсты́рить	—
Учить . .	вуко́рить	уко́рить	—	—	—	—	вуко́рить	уко́рить	—	—	науко́рытись (научиться)	уко́рити	—
Ученіе .	—	—	—	—	—	—	—	уко́ра	—	—	—	—	—
Благодарить .	—	—	—	—	—	—	—	ша́ковать (бѣлор. дя́ковать)	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Горѣть .	ду́литца	ду́литца	—	—	—	—	—	ду́лятца	—	—	—	ду́литца	—
Кормить .	кормуса́ть	кормо́щить	—	—	—	—	кормаса́ть	кормаса́ть	—	—	—	кормуса́ть, натро́бить	—
Гнать . .	курго́нить	куго́нить	—	—	—	—	курго́нить	—	—	—	курго́ныты	курго́нить	—
Солить .	га́ластить	—	—	—	—	—	голо́стить	—	—	—	—	га́ластить, га́лустить	—
Жить . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	зито́мыты	—	—
Умирать .	хали́ть	—	—	—	—	—	холѣ́ть	химѣ́ть	—	—	ха́лыты	ха́лити, ха́лить	—
Умереть .	схали́ть	схима́ть	—	—	уха́питься (вм. уха́литься)	—	ухалѣ́ть	—	—	—	—	уха́лити, сха́лить	—
Похороны	хали́ца	—	—	—	—	—	уха́лица	похатра́ніе	—	—	—	халя̀, ха́лица	—
Звонить .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кудо́ныты	—	—
Прятать, хоронить	хитря́ть	хитра́ть	—	—	—	—	хитря́ть	похатра́ть	—	—	катра́ты	хатра́ть, схавтра́ть	—
Родить .	радо́мить	родёщить	—	—	—	—	курдёмить	—	—	—	—	ку́родымить	—
Родиться	радо́митца	радёщитца	—	—	—	—	курдёмитца	—	—	—	—	ку́родымитца	—
Минуть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	поми́нчыты	—	—
Принять .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	прыю́хныты	—	—
Служить .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	слуго́ныты	—	—
Служба .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	слуго́мка	—	—
Родины .	—	—	—	—	—	—	курдёмины	—	—	—	—	ку́родымы, стыголу́пины	—
Крестить	хрясто́мить	шетла́ть	—	—	—	—	христо́мить	—	—	—	—	ставро́чити	—
Креститься . . .	хрясто́митца	шетла́тца	—	—	—	—	христо́митца	—	—	—	—	ставро́читца	—
Крестины	хрясто́мины	шетла́нье	—	ставро́хы	—	—	христо́мины	—	—	—	—	ставро́чины	—
Курить .	курдо́мить	кура́вить	—	—	—	—	бэ́нить, бе́нить	—	бэ́нить, бе́нить	—	бе́ныты	бэ́нити, бе́нити	—
Кусать .	кусмо́рить	кусмо́рить	—	—	—	—	кусмо́рить	кусмо́рить	—	—	кусмо́рыты	кусмо́рити	—
Быть . .	ко́рнуть (ко́рну, ко́рнемъ)	мія́ть	—	—	—	—	мія́ть (міявъ--былъ, міяю -буду)	бэтлѣ́ть	—	—	бетля́ты	бэ́тляти, е́пити	—
Есть . .	скéнь	скéнь	—	—	—	—	е́пить	—	—	е́хвить	е́пыть	е́пить, е́пыть	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Нѣтъ . .	нескéнь	нескéнь	—	ненашкрé- бень	нéскеть	—	—	—	—	нéстить	—	нэ́мить, нэ́мэть	—
Жить . .	ругувáть	ругувáть	—	—	—	—	ругувáть	рыговáть	—	—	—	рыгувáти, рыговáть	—
Житье .	ругувáнье	ругувáнье	—	—	—	—	ругувáнь- ня	—	—	—	—	рыгувáнне, рыговáнне	—
Танцевать	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	танцóрити	—
Вѣдать .	сéврить	кумóнить	—	—	—	—	сéврить, севрéйть	сѣврать	—	—	—	сиврáти, си́врати	—
Знать, понимать, умѣть .	скумáть	кумóнить	—	скумáть	—	—	—	—	—	—	скуми́ты	сиврáти, си́врати	kumać
Лгать . .	юри́ть	юраси́ть	—	—	—	—	кугу́тить	юри́ть	—	—	авры́дыты	юри́ть	—
Сѣчь, рубить . .	бáсать	чукáть	—	—	—	—	чукóнить	—	—	—	—	махловáть	—
Сѣчь розгами . .	—	чукáть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вѣнчать .	яни́чить	—	—	—	—	—	вяни́чить	—	яни́чить, бату́жить	—	яны́чытысь (свататься)	оны́чити	—
Вѣнчаться	яни́читца	—	—	—	—	—	вяни́читца	—	яни́читься, бату́житься, вяни́читься	—	—	оны́читца	—
Вѣнецъ, женитьба, свадьба (бѣлор. веселье)	яни́дьба ку́веселье	куртáвленье	—	—	—	—	вяни́ченьня, ку́веселье, яни́дьба	вѣнéйко	—	—	штавéра	оника, оны́ка	—
Цѣловать	цукровáть	басловáть	—	—	—	чакáнить	пахвиля́ть	—	—	—	халюстáты	хвиля́ти, хваля́ть	—
Цѣловаться . . .	цукровáтца	басловáтца	—	—	—	—	пахвиля́тца	—	—	—	—	хвиля́тца	—
Поцѣлуй .	поцукру́й	баслу́й (повел. накл.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	похвиля́й	—
Жениться	—	ны́хтитца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мочить .	кучерáть	мокóрить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кусюрáти	—
Мочиться	кучерáтца	кучурáтца	—	—	—	—	кусюрáтца	—	—	—	—	кусюрáтца	—
Испражняться .	фурсáтца	хéзить	—	—	варзáть	—	—	—	хизáть	хéзить	хы́зыты	хи́зити	—
Запрягать	заключáть	замашéро-	—	—	—	напачи-	—	—	—	—	—	заклю́жи-	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Затворять	закупла́нивать	закупла́нивать	—	закаплу́нивать	—	напа́чивать
Нюхать .	—	—	—	—	—	—
Случать .	—	—	—	—	—	—
Сушить .	—	—	—	—	—	—
Затворить	закупла́нить	закупла́нить	—	—	—	—
Запереть	—	—	—	—	—	—
Мириться	миро́шитца	миро́щитца	—	—	фире́ситься	—
Бояться .	ская́тца	ская́тца	—	—	—	пиля́нъ (?!)
Шалить, баловаться	буса́ть	—	—	—	—	мурака́ть, кировать
Драка . .	—	—	—	—	—	—
Драться .	чука́тца, дербужи́тца	чука́тца	—	—	кохлыря́ться	боса́ться
Убивать .	учу́ковать	уто́ховать	—	—	—	—
Убить . .	учу́кать	уто́хать	—	—	—	убоса́ть
Воевать .	чука́ть	—	—	—	—	боса́ться
Война . .	—	—	—	—	—	—
Схватить	схапо́шить	схапмо́рить	—	—	серипа́ть	—
Хватать .	хапо́шить	хапмо́рить	—	—	—	—
Опрокинуть . .	перекидо́рить	переку́воротить	—	—	—	—
Остерегаться	стерегмо́нитца	—	—	—	—	—
Дѣлать .	—	—	—	—	—	маста́кать
Помогать	помо́шить	посубо́рить	—	—	—	маста́кать
Печь, жарить . .	—	—	—	—	—	—
Варить .	курля́ть	ку́хтить	—	—	—	спи́дить
Трясти .	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскiй.	Польскiй.
Затворять	—	—	—	—	—	зака́пчивати	—
Нюхать .	—	—	—	—	пы́хтыты	—	—
Случать .	—	—	—	—	шляга́ты	—	—
Сушить .	—	—	—	—	сухмо́рыты	—	—
Затворить	—	—	—	—	—	зака́пчить	—
Запереть	—	—	—	заба́тлить	—	—	—
Мириться	—	—	—	—	—	—	—
Бояться .	—	шкудра́тца	скуда́тца	—	шку́тытысь	шкуды́тца, шкути́ти	gudrać się
Шалить, баловаться	—	—	—	—	—	—	—
Драка . .	—	—	—	—	ко́псаня	—	—
Драться .	—	—	—	—	—	ко́псатися	—
Убивать .	—	—	—	—	—	уко́псовати	kobzać, kópsac
Убить . .	—	—	—	—	—	уко́псать	zakopsać
Воевать .	—	ку́латца	—	—	—	ку́натися	—
Война . .	—	ку́лапка	—	—	—	—	—
Схватить	—	—	—	скубну́ть	—	уяпе́рить, схопо́рити	—
Хватать .	—	—	—	—	—	япе́рить, хопо́рити	—
Опрокинуть . .	—	—	—	верта́ть	—	перуру́тити	—
Остерегаться	—	—	—	—	—	шку́дити, страхмо́ритися	—
Дѣлать .	—	—	—	—	—	—	—
Помогать	—	—	—	—	—	—	—
Печь, жарить . .	степура́ть	—	—	—	—	—	—
Варить .	—	курля́ть	—	—	курля́ты	курля́ть, куро́тить	—
Трясти .	—	—	—	—	трясо́мыты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Веселиться	—	—	—	—	—	гро́хаться
X. Свойства и качества.						
Малый .	ми́крый	ми́крый	—	—	—	—
Маленькій	—	—	—	—	—	—
Большой .	ша́влый	ша́влый	—	—	—	вя́чій
Бо́льшій .	ша́влющій ша́влый	шавлѣ́йшій	—	—	—	—
Средній	ку́середній ку́хередній	ку́середній	—	—	—	—
Молодой .	драпёлый	драпёлый	—	ламо́ный	—	юмова́тый
Старый .	ёрый	ёрый	—	ёрый	—	—
Безсмертный . .	—	—	—	—	—	—
Святой .	—	—	—	—	—	—
Высокій .	ку́высокій, ша́влый	высоко́мный	—	—	—	—
Низкій .	ку́низкій, ми́крый	низко́мный	—	—	—	—
Глубокій .	ку́глыбокій	глубоко́мный	—	—	—	—
Мелкій .	ку́дробный	—	—	—	—	—
Тяжелый, тяжкій .	ку́тяжкій	куве́зный (собств. желѣ́зный)	—	—	—	—
Легкій . .	ку́легкій	легко́мный	—	—	—	—
Толстый .	шату́рный	шату́рный	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Веселиться	—	—	—	—	—	—	—
X. Свойства и качества.							
Малый	ми́крый	ми́крый	—	ми́крый	ме́крій	ми́крый, мы́крій	mikry
Маленькій	—	—	—	—	мекре́нькій	—	—
Большой	галёмый, голю́тный	голёмый	галю́тый	галю́тый	гальо́мый	галёмый, галёмій	—
Бо́льшій	големѣ́йшій, голютнѣ́йшій	—	—	—	—	галёмшій, галемі́йшій	—
Средній	ку́середній	—	—	—	—	лоптови́на, ны галёмый, ны микры́й (буквально: на половину: ни большой,ни малый)	—
Молодой	тряпе́лый	трапёлый	—	трепёлый	—	трапэ́лый, трипе́лый	—
Старый	ёрый	ёрый	—	еро́й	ёрый	ёрый	jary
Безсмертный	—	безха́лемный	—	—	—	—	—
Святой	—	ся́нный	—	—	—	—	—
Высокій	ку́високій, високи́мный	—	—	—	—	ку́высокій галётый	—
Низкій	низко́мный	—	—	—	—	ку́низкій, ми́крый	—
Глубокій	ку́глыбокій	—	—	—	—	—	—
Мелкій	ку́мелкій	—	—	—	—	—	—
Тяжелый, тяжкій	ку́тяжкій, тижали́мный	—	—	—	—	куви́зный	—
Легкій	легки́мный	—	—	—	—	некуви́зный	—
Толстый	тлу́медзёустый, тлумедзё́устый	—	—	—	—	товсти́мый, товсти́мный	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Тонкій .	тáвый	лáсый	—	—	—	—	кýжидкій	тонкúмный	—	—	—	тонкúмный	—
Жидкій .	кýжидкій	жидкóмный	—	—	—	—	кýжидкій	—	—	—	—	негустúмный	—
Густой .	кýгустый	густúмный	—	—	—	—	густúмный	—	—	—	—	густúмный	—
Прѣсный	кýпрѣсный	—	—	—	—	—	прѣсúмный	—	—	—	—	—	—
Сладкій .	солодúмный	—	—	—	—	—	солодкúмный	сладкúмный	—	—	—	омеля́сный	—
Медовый	—	—	—	—	—	—	—	—	мерля́сный	—	—	—	—
Горькій .	горкúмный	горкóмный	—	—	—	—	горкóмный	—	—	—	—	горкúмный	—
Кислый .	кислúмный	букя́сный	—	—	—	—	кислóмный	—	—	—	—	бýкасный, кислúмній	—
Соленый .	гáластный	гáлосный	—	—	—	—	гáлощеный	—	—	—	—	- -	—
Громкій .	кýгромкій	—	—	—	—	—	гроймыдёмкій	—	—	—	—	крыксáтый	—
Тихій . .	тихмóрный	—	—	—	—	—	тіймудúхій тіймудихéнькій	тихмóрный	—	- -	—	тихúмный	—
Хорошій .	шúмскій	шóвскій	—	шпинській	—	—	клéвый, клэ́вый клёвый	клéвый	—	клéвый	клевый	клéвый, suráзный	—
Худой . .	худúмный	худúмный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	худúмный	—
Плохой .	хýсый	хýсый	—	хýсый	—	—	—	—	—	—	—	нехýхій	—
Дрянной, нехорошій	юрый, нешúмскій	хýсый	—	—	—	—	кýдренный, неклёвый	неклёвый	неклепáнный	—	—	нехýхій	—
Злой, сердитый .	кýсердитый, кýхердитый	гéрдый	—	—	—	—	кýсердитый	кýвердитый	—	—	неклéвый	порудля́вый, нехýхій	niklawy
Добрый .	снёбрый, шимскій	клёвый	—	—	—	чóбось	шóбрый, клёвый	—	—	—	клéвый, трепéлый	клэ́вый	klawy
Скупой .	скупúмный	—	—	—	—	—	скупúмный скупóрный	—	—	—	—	скупúмній	—
Богатый .	стóдный, стодъ	стóдырный	—	стóдный	—	сюбáй	стóдъ, стóдый	стоды́рный	стóдый	—	—	стóдый, стодный	—
Набожный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ахвéсный	—	—	—
Грѣшный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кримúшный	—	—
Босой . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	босúвный	—	—
Бѣдный .	кухтóмный	кухарéя (собств. бѣднякъ)	—	кухтéча	—	—	кухтéльный, хильпýжный, шкутъ	—	кухтя́къ	—	кухтíй	шýндэль, шýндэръ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе…	…левская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Хитрый .	хитрóмный	хитри́мный	—	—	—	—	…óм-	—	—	—	—	хитри́мный	—
Глупый (бѣлор. дурный) .	шмурны́й	багóлъ	—	шмурны́й	—	—	…рнэ́й, …рны́й	шму́рный	—	—	шмурны́й	шму́рный чму́рный	—
Разумный	ку́разумный	ку́разумный	—	—	—	—	…зум- ма- …ый	—	—	—	—	ку́рзумный, ку́разумный	—
Теплый .	снóпный	снóпный	—	—	—	—	…ный	снóпный	снéплый	—	дуля́сный	снóпный	—
Горячій .	ду́лясный, дуля́сный	ду́лясный дуля́сный	—	—	—	—	…рячій, …шній	духмóрный	—	—	—	ду́лясный	—
Холодный	сивóрный	сивóрный	—	—	—	—	…рный	сивóрный	сивóрный	сивóрный	си́водный (вм. сиворный)	си́ворный, си́вэрный	—
Мягкій .	ку́мягкій	мяктóрный	—	—	—	—	…и́м-	мягки́мный	—	—	—	мякчи́мный, мягчи́мный	—
Твердый .	ку́твердый	тверди́мный	—	—	—	—	…ди́м-	—	—	—	—	тверди́мній	—
Черствый	ку́черствый	тверди́мный	—	—	—	—	…тви́м-	—	—	—	—	черстви́мный	—
Сухой . .	сухмóрный	сухтóмный	—	—	—	кóськ…	—	—	—	—	—	сухи́мный	—
Мокрый	сувя́ный	мокри́мный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мокри́мный	—
Острый .	ку́вострый	остри́мный	—	—	—	—	…стрый	—	—	—	—	остри́мный	—
Тупой . .	тупи́мный	—	--	—	—	—	…вост-	—	—	—	—	тупи́мній	—
Бѣлый .	плéнный	плéнный	—	плéный	—	áшка	…ный	—	бѣли́мый	—	пли́ный	пли́нный, пли́мный	—
Чистый .	плéнный	чисти́мный	—	—	—	—	…ный	—	—	—	—	чисти́мный	—
Черный .	калу́рный	калу́верный	—	калувéрный	—	рáжны…	…ерный …и́м-	чарни́мный	—	—	—	—	—
Синій . .	сини́мный	—	—	—	—	—	…мный	—	—	—	—	—	—
Зеленый .	ку́зеленый	—	—	—	—	пи́же	…леный	—	—	—	—	—	—
Желтый .	ку́жовтый	жовти́мный	—	—	—	тю́ж…	…втый	—	желти́мый	—	—	—	—
Красный .	краси́мный	бáгровый	—	—	—	—	…удя́с-	—	красни́мый	—	—	краси́мный	—
Сѣрый .	сяри́мный	сиви́мный	—	—	—	—	…удé-	—	—	—	—	—	—
Бурый .	ку́бурый	—	—	—	—	—	…удю́-	—	—	—	—	—	—

Сп… с…
Тон…
Жи…
Гус…
Прѣ…
Сла…
Мед…
Гор…
Кис…
Соле…
Гром…
Тихі…
Хоро…
Худо…
Плох…
Дрян… нехо…
Злой, дить…
Добры…
Скупо…
Богаты…
Набож…
Грѣшн…
Босой
Бѣдны…

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе…	…илевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Пушной (хлѣбъ)	шархýтный	шéреха	—	—	—	—	…ку́т-	—	—	—	—	—	—
Мохнатый	чумáстый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Соломенный	ласóменный	баслóтный	—	—	—	—	…ы́ж- ма- …каный	—	—	—	—	мыслю́жный, мэслю́жный	—
Деревянный	кýдревянный, кудревя́нный	—	—	—	—	—	…и́м- кýде- …нный	кýдревянный	—	—	—	вокеи́мный, брýдчаный	—
Каменный	пи́трусный	—	—	—	—	—	…усо- шá- …ый	—	—	—	—	пи́трусный	—
Мѣдный	шѣдный	—	—	—	—	—	…вен-	—	—	—	—	куви́зный	—
Серебряный	кýсеребрянный, плéнный	кýсеребряный	—	—	—		…бря- плéн-	—	плјéнный	—	—	кýрибряный, куры́бный	—
Холщевый	лускаты́рный	лоскаты́рный	—	—	—		…ты́р-	—	—	—	—	лóскутный, лоскути́вный	—
Глиняный	пи́трусный	—	—	—	—		…вти́м- …цэ́ри	—	—	—	—	тыры́жный	—
Голодный	нятрóившій (соб. не ѣвшій)	—	—	—	—		…ив-	—	—	—	—	нетрóившій	—
Жирный	кýжирный	—	—	—	—		…и́м-	—	—	—	—	таусти́мный, глади́мный	—
Полный	—	—	—	—	—		…ий	—	—	—	—	—	—
Скорый	мугры́й	моргóмный	—	--	—		…ш-	—	—	—	—	моргóмный	—
Хромой, безногій	безходýрный	безхóдній	—	—	—	безш… рый	…ы́р-	—	—	—	—	безхóдный	—
Слѣпой	няўлѣпный	слѣпи́мный, нéѣпущій, незѣпающій	—	—	-	безу… ный	…áю- …няў-	калѣпный	—	безулѣпный	кáлипный	калиповáтый	—
Зрячій	—	—	—	—	—		—	—	—	—	влипýшній	—	—

То…
Жи…
Гус…
Прі…
Сла…
Мед…
Гор…
Кис…
Соле…
Гро…
Тихі…
Хоро…
Худо…
Плох…
Дрян…
нехо…
Злой,
диты…
Добры…
Скупо…
Богат…
Набож…
Грѣшн…
Босой
Бѣдны…

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе… …евская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Нѣмой .	безле́мезный	безле́мизный, нѣми́мный	—	—	—	…мент-	нѣмане́скій	—	—	—	—	—
Одноглазый . .	ёнасѣпкій	ённоѣпущій	--	—	—	…ое …ко …еть	—	—	—	—	калипова́тый	—
Безрогій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	безпико́тный	—	—
Цѣлый .	цали́нный	цали́мный	—	—	—	—	—	—	цѣли́тный	цили́тный	цѣли́мный	—
Пьяный .	—	—	—	—	—	—	—	ки́рный	--	укы́раный	—	chirny, kierny, kirny
Веселый .	ку́веселый	—	—	—	—	…елый	—	—	—	—	ку́веселый	—
Серьезный, строгій .	—	—	—	—	—	…дёз-	—	—	—	—	строги́мный	—
Больной, слабый .	химу́щій	химо́тный	—	—	—	…щій	трупя́щій (?)	—	—	тро́няшный	труня́щій	—
Здоровый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	нетро́няшный	—	—
Голый . .	голи́мный	голи́мный	—	—	—	—	—	—	—	—	голи́мный, также безъ мана́тки (безъ рубашки)	—
Виноватый	—	—	—	—	—	—	скла́вный	—	—	—	—	—
Связанный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	забату́зяный	—	—
Мертвый .	—	схи́митый	—	—	—	…щій	халю́щій	—	—	—	уха́ливный, ха́лющій	—
Набожный	ахвэ́сный	дэ́усный	—	—	—	—	—	—	ахве́сный	—	охве́сный, ахвэ́сный	—
Сильный, крѣпкій	ко́вткій	ку́здоровый	—	—	—	…ро́вый	—	—	—	—	здоровни́мный	—
Красивый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сура́ськый	сура́зный	—
Стоячій .	застакля́ный	—	—	--	—	—	—	—	—	—	—	—
Чужой . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	чужи́вный	—	—

Гу…
Пр…
Сл…
Ме…
Гор…
Кис…
Сол…
Гро…
Тих…
Хор…
Худо…
Плох…
Дрян…
нехо…
Злой,
диты…
Добры…
Скупо…
Богат…
Набож…
Грѣшн…
Босой
Бѣдны…

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе…	…евская …рнія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Ласковый	ку́ласко-вый	клёвый	—	—	—		…дя́-…й	—	—	—	—	клёвый, клэ́вый	—
XI. Числа и мѣры.													
Разъ . .	связъ	—	—	—	—		—	—	—	—	—	ёнъ, ёный	—
Одинъ . .	ёный	ённый	—	сковди́нъ	—	е́ны…	…ёд-	ёдзинъ	е́ный	ёный	ёнъ	ёнъ, ёный	—
Два . . .	ба́крыхъ	ба́крыхъ	—	ба́крыхъ	дюче́нниxъ	жула…		двиня̀	двиня̀, двеня̀	здю̀	двеня̀	двиня̀	—
Три . .	стро́махъ	строма́къ	—	стро́мухъ	—	стра…	…я, …я	скирья̀	керья̀, кирья̀, скерья̀	керья̀	скера̀	скирья̀, скиря̀	—
Четыре .	буты́ра	кятўрэхъ	—	буты́рихъ	четиме́р-нихъ	бўти…	…, …ь	сэ́саръ	тэ́сарь, тјéсаръ, те́суръ	цы́церь	си́сара	цы́сарь, це́саря	—
Пять . .	повде́кана	повдэ̀	—	повде́кана	—	уфи…	…ка	пя́нджа	пя́нджъ, а	пе́ньжа	пе́нтза	пя́нджъ, пя́нджа	—
Шесть . .	буше́нь	шендра̀	—	букше́нъ	ше́нду	бўп…	…а	ша́ндра	ша́ндра̀	шо́хманъ	ша́ндра	шандра̀	—
Семь . .	семжа̀, се́нжа	семжа̀	—	семжа̀	се́ндель	си́се…	…ка	семты́нъ	ся́нжа, се́н-тирь, сен-ты́рь	сенти́миръ	ти́мара	сентиня̀, сэмты́ня	—
Восемь .	восемжа̀, во́семжа	восемжа̀	восемжа̀	восемжа̀	все́ндель	ось…	…ь, …во́х-…ь	ахты́неръ	во́хымеръ, лахты́-миръ, во́х-теремъ	во́меръ	вити́мара, висимты́ня	октымра̀, охты́мэра	—
Девять .	девенжа̀, де́венжа	девенжа̀	—	девянжа̀	де́вень	де…	…, …ка	девенджа̀	де́венть, де́варъ	девянти́-миръ	ди́вора	дивэра, ди́-веръ	—
Десять .	де́канъ	де́канъ	—	де́канъ	де́кунъ, де́конъ	ке́…	…,	де́канъ	де́канъ, де́-конъ, де́-кунъ	де́кунъ	ди́кона	ди́кона, ди́ конъ	—
Одиннад-цать . .	кўдинад-цать, ёный зъ де́ка-номъ	—	—	—	—			—	де́канъ и ёный	ёный на де́кунъ	ди́кона и ёнъ	оди́на ди-ко́нта, оди-конна́нцать	—
Двѣнад-цать .	кўдвинад-цать ба́крыхъ зъ де́ка-номъ	де́канъ ба́крыхъ и т. д. де́-канъ стро-ма́къ, де́-канъ пятў-рехъ, де́-канъ пов-дэ́: 13, 14, 15, до два-	—	—	—			—	де́канъ и две́ня и т. д.	здю на де́-кунъ и т. д.	ди́кона и двеня̀ и т. д.	двапана́с-тя, двѣна-на́сте	—

Тон
Жи,
Гус
Прѣ
Сла,
Мед
Гор
Кис
Соле
Гром
Тихі
Хоро
Худо
Плох
Дрян
нехо
Злой,
диты
Добры
Скупой
Богаты
Набожн
Грѣшн
Босой
Бѣдный

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	П… илевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Двадцать	ба́крыхъ де́кановъ	ба́крыхъ де́кановъ	—	ба́крыхъ де́кановъ	—	…я̀ де́- …	двиня̀ де́канъ	двиня̀ де́конъ	здю̀ де́кунъ	двеня̀ ди́конъ	два ди́кона	—
Тридцать	стро́махъ де́кановъ	строма́къ де́кановъ	—	—	—	…ья̀ де́- …	—	кирья̀ де́конъ	—	скера̀ ди́конъ	ски́ра ди́кона	—
Сорокъ .	буты́ра де́кановъ	строма́къ де́кановъ	—	—	—	…ъ де́- …въ	—	—	—	си́сара ди́конъ	цы́царъ ди́кона, це́саръ ди́кона	—
Сто . . .	ку́сотня	ку́сотня	—	—	—	…нъ де- …въ, са- …ка …шня	де́канъ куразо́въ по де́канъ	саво́сня	саво́сто	—	оксы́восъ, оксы́вусъ	—
Двѣсти .	ба́крыхъ ку́сотъ	ба́крыхъ ку́сотней и т. д.	—	—	—	…я̀ са- …ки	—	—	—	—	двиня̀ оксы́восовъ	—
Тысяча .	ку́тысяча	ку́тысяча	—	—	—	вя́ч… ка …нъ …етокъ	—	—	—	—	тысьмо́нцъ, тысьмо́ныца	—
Первый .	ёный	—	—	—	—	—	—	—	—	ёный, ю́тный	—	—
Второй .	ба́крышній, бакрышні́й	ба́крѣ́йшій	—	—	—	…о́мный	—	—	—	двене́шный	ю́тный	—
Третій .	стро́машній	стро́мшій	—	—	—	…ьюш-	—	—	—	скере́тній	скиру́тный	—
Четвертый	буты́рный, буты́ршій	кляту́ршій	—	—	—	…рный	—	—	цы́церный	—	цэсару́тный	—
Пятый . .	повде́каншій	повдѣ́йшій	—	—	—	…джа́-	—	—	—	—	пянджу́тный	—
Шестой .	буше́ньшій буше́ньскій	шендрѣ́йшій	—	—	—	…ра́ный	—	—	—	—	шандру́тный	—
Седьмой .	сенжа́тный	семжѣ́йшій	—	—	—	…ка́ный	—	—	—	—	семти́нный сэмты́нный	—
Восьмой .	восемжа́шный, восемжа́шній	восемжѣ́йшій	—	—	—	…ымир-	—	—	—	—	охты́мерный	—
Девятый .	девенжа́шный, девенжѣ́йшій	девенжѣ́йшій	—	—	—	…рный	—	—	—	—	ди́вэрный	—
Десятый .	де́каншій	де́каншій	—	—	—	…нный	—	—	—	—	ди́конный	—
Половина	лухтови́на	лахтови́на	—	—	—	…ви́на, …ови́на	—	—	—	шоловы́на	лоптовы́на	—
Деньги .	хавбы̀	хавбы̀	кривцы̀	ховбы̀	дюка́ты	юсъ… …ы, хо́б- …юка́ты	хабнѝ	хабуры̀ (областное-взятки)	—	хобнѝ	хобнѝ	chopki, hopy

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пен[…]левъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Деньги золотыя .	хавбы́ клё-выя	хавбы́ ку́-золотныя	—	—	—	— […] клё-	—	—	—	—	хобни́	—
Деньги серебряныя	хавбы́ пле́нныя	хавбы́ ку́-серебряныя	—	—	—	— […]ыя	—	—	—	—	хобни́—ку́-ребро, хоб-ни́ кури́б-ныя	—
Деньги мѣдныя .	хавбы́ шед-ныя	хавбы́ шѐдныя	—	—	—	ра́ужн[…]а ю́сы	—	—	—	—	кувизнякѝ, куви́зны хобни́	—
Деньги бумажныя, кредитки	ши́рки	хавбы́ швырбш-ныя	—	—	—	вѣтры[…]	—	—	—	—	хобни́, бк-сы	—
Копейка .	ламе́ха	ламе́ха	—	—	дюка́тка	— […], […]лка, […], […]я	—	ба́туга, ба-ты́га, трох-ви́лка	трохви́лка	двеня́ хоб-ни́	ламе́ха, два хо́бни (два гроша)	—
Грошъ, полкопейки (бѣлор. шагъ) .	бакры́ш-никъ	шаго́нъ	—	—	—	— […]	—	ше́вень	--	хо́бень	хо́бень	—
Пятакъ, пяточекъ	шапе́ръ	шаперо́къ	—	—	леляжо́къ	— […]ъ, […]о́къ	—	спина́къ, спиначо́къ	лохма́нъ	—	ди́конка	szafir=рубль
Гривенникъ . .	русо́вникъ	руса́вникъ	—	—	де́кунникъ	— […]къ	—	—	мару́шникъ	—	два ди́кона	rusony=серебро
Пятиалтынный, 15 коп. .	тулпи́на	кутухвя́зъ	—	--	шетелти́н-ный	— […]къ	руса́новка	—	—	руса́нъ пли́нный	два ди́кон-ка	rys
Двугривенный .	семжа́ш-ный	ба́крыхъ руса́вни-ковъ	—	—	дуде́кон-ный	— […]р- […]р-	- -	лахти́мер-ный	здюмару́ш-ный	сисарка, си́сара ди́-конъ хо́б-нивъ	ци́саръ ди́-конка	—
Четвертакъ . .	мару́ш-никъ	мару́ш-никъ	—	—	сапу́нникъ	— […]къ, […]къ	—	—	—	—	пя́нджа ди́-конка	—

Си… с…

Тон… Жи… Гус… Прѣ… Сла… Мед… Гор… Кис… Соле… Гром… Тихі… Хоро… Худо… Плох… Дрянн… нехо… Злой, диты… Добры… Скупо… Богат… Набож… Грѣшн… Босой… Бѣдны…

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	П…левъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскі…
Полтинникъ . .	шултúнникъ, повпленный	повпленный	—	—	ламнúкъ	…ин-, лап-…икъ	—	—	—	—	повхрущà	—
Троякъ, 75 коп. .	стромáшникъ	трисапýнникъ	—	—	трисапýнникъ	…я́къ, …ин-	—	—	—	—	пя́нджа рýснювъ (5 злотыхъ)	—
Рубль . .	плéнный	пленя́къ, плéнный	кругля́къ	плéнный	косýлъ	…ый, …ъ, ца-…икъ	хрущъ	—	цѣлúмый (цалúмый)	скитéльныкъ	хрущъ	chlust, chrust
Два рубля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	двенѝ скителúвъ	—	—
Десятка, 10 рублей	дёканка	дéканъ пленныхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	дúкона хрущýвъ	—
Четвертная, 25 р.	марýха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	два дúкона, пéнджъ хрущýвъ	marchiewka=золо…
Пудъ . .	шýпудъ	чудъ	—	—	—	…ь, …й	—	—	—	—	кувезъ, пудóшникъ	—
Полпуда .	—	повчýда	—	—	—	…вéза	—	—	—	—	повпудóшникъ	—
Фунтъ . .	вихтъ	вихтъ	—	—	—	…никъ, …ръ, …р-	—	—	—	—	кувúзникъ	—
Полфунта	поввúхта	поввúхта	—	—	—	…хтó-	—	—	—	—	повкувúзника	—
Верста .	кýверста	кýверста	—	—	—	…та, …ница	—	—	—	—	—	—
Сажень .	кýсажень	—	—	—	—	…ень	—	—	—	—	—	—
Аршинъ .	кýршинъ	помѣрусъ	—	—	—	…ъ	—	—	—	—	—	—
Четверть	кýчтверть	—	—	—	—		—	—	—	—	кумúрникъ	—
Четверикъ	кýчтверикъ	—	—	—	—	…ка	—	—	—	—	—	—
Гарнецъ .	ставрáкъ	стóврыкъ	—	—	—	…ь, …къ	кóвтуръ	—	—	—	кóвтуръ	—
Полгарнца	повставракà	повстóврыка	—	—	—	…врà	—	—	—	—	повкóвтура	—

Сп…
с…

Тон…
Жид…
Гус…
Прѣ…
Слад…
Медо…
Горь…
Кисл…
Соле…
Гром…
Тихі…
Хоро…
Худо…
Плохо…
Дрянн… нехор…
Злой, диты…
Добры…
Скупой…
Богаты…
Набожн…
Грѣшн…
Босой
Бѣдный

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе…	…илевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Кварта .	—	цехаве́я	—	—	—		…ка	—	—	—	—	ставра̀	—
Ведро . .	кудро̀	ку́ведро	—	—	—		…о, ку́…о	—	—	—	—	ку́дро	—
Сотка . .	ку́сотка, кучера́вка	соткóнтя	—	—	—		…тка, …стка	—	—	—	—	ставе́рка	—
XII. Мѣстоименія.													
Я	мань	чузъ	—	—	масъ		…, масъ, …къ, …скій	манько̀	мань, манéкъ	—	манько̀	манько̀	—
Ты . . .	бальва̀	та́бусъ	—	—	—		…ъ, то-	табко̀	—	—	би́ты	та́банъ, табко̀, дапко̀	—
Онъ, она, оно . .	снёнъ, сняна̀, сняно̀	снёнъ, сняна̀, сняно̀	—	—	—		…, бéи-…бéяно	беёнъ	—	—	би́винъ	биёнъ, би́ёна, би́ёно	—
Они, онѣ	сняны̀	сняны̀	—	—	—		…ы	—	—	—	би́воны̀	би́ёны	—
Мы . . .	манькѝ	чузы̀	—	—	—		…кѝ, …ы̀, …ки, ма…ія	—	—	—	би́мы	манькѝ	—
Вы . . .	бальвы̀	—	—	—	—		…, тоб-	—	—	—	—	бальвы̀, тобкѝ	—
Себя . .	манька̀	снебѐ (бѣл. себѐ)	—	—	—		…сны	манько̀	—	—	—	манька̀	—
Мой . . .	манькóвъ, манéскій	чузóвскій	—	—	—		…кóвъ, …въ, ма…ій	манэ́скій	—	—	—	ма́ньковъ, мани́скій	—
Твой . .	бальви́нъ, бальвéскій, бальвéнскій	твойбéцкій	—	—	—		…новъ, …óвъ …скій	табéскій	—	—	би́твjй	тобкóвъ, тоби́скій	—
Свой .	собéскій	снебéскій	—	—	—		…скій	сабéскій	—	—	—	соби́скій, сови́скій	—
Его . . .	бéяго	снего̀	—	—	—		…о	—	—	—	—	би́ёго	—
Ея . . .	бéяе	снея̀	—	—	—			—	—	—	—	би́яе	—
Нашъ . .	манéскій	чузóвскій	—	—	—		…вскій, …скій	манéскій	—	—	манéйській	манькóвскій, мани́скій	—
Ничего .	—	—	—	никóбраго	—		—	—	никóнто	—	—	—	—
Вашъ . .	бальви́нъ	твойбéцкій	—	—	—		…скій	танэ́скій	—	—	—	тобкóвскій, тоби́скій	—
Тотъ . .	тóнтый	тóнтый	—	—	—		…ій, …я	беёнъ	—	—	—	би́той	—

Сп… с…

Тон… Жид… Гус… Прѣ… Слад… Мед… Гор… Кисл… Сол… Гром… Тихі… Хоро… Худо… Плох… Дрян… нехо… Злой, диты… Добры… Скупо… Богатъ… Набож… Грѣшн… Босой… Бѣдны…

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	П…въ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Этотъ, сей (бѣлор. етый, гетый) . .	сне́чій	ге́тій	—	—	бе́тый	…бе́сія	беёнъ	—	—	би́цей	би́сій	—
Кто . . .	то́нты	яко́ншій	—	—	—	…бе́х-	ко́нты	—	—	—	ко́нто, ко́нтый	—
Никто, ничто . .	—	—	—	—	—		нико́нты	—	—	—	—	—
Нѣкто . .	—	—	—	—	—	…ый	—	—	—	—	нѣ́конто	—
Что . . .	ко́ро, ико́ро	ко́ра	—	—	—		ко́нто	—	—	—	ко́нто	—
Какой (бѣл. якій) . .	снякі́й	яко́мшій	—	—	—		бие́кій	—	—	би́шо	ко́нтый	—
Такой . .	—	тако́мшій	—	—	—		—	—	—	—	—	—
Который .	кото́сый	—	—	—	—		діо́тный	—	—	—	ко́нтый	—
Чей . .	—	—	—	—	—	…че́й-	—	—	—	—	—	—
Самъ . .	са́басный	снямъ	—	—	—	…ый	саба́сный	—	—	—	са́басный	—
Каждый, всякій .	вша́цкій	—	—	—	—	…ій	—	—	—	все́ській	вша́цкій	—
Весь .	вша́цкій	вша́цкій	—	—	—	…ій	—	—	—	—	—	—
XIII. Нарѣчія.												
Много . .	по́со, сойпо̀	со́йпо	—	—	—	…але́-	по́со	по́со	—	по́со	по́со	—
Больше .	шавлѣ́й	шавлѣ́й	—	—	—	…ій	—	—	—	—	по́кшѣй, големѣ́й	—
Мало . .	ми́кро	ми́кро	—	—	—		микро̀	—	—	—	ми́кро	—
Меньше .	микрѣ́й	—	—	—	—	…й	—	—	—	—	ми́крій, микрі́й	—
Скоро . .	мугро́мъ	морго́мъ	—	—	—	…ъ	марго́мъ	—	—	—	морго́мъ, марго́мъ	—
Скорѣй .	мурджѣ́й	споржѣ́й	—	—	—	…ѣ́й	—	—	—	—	моржѣ́й, марго́мъ	—
Холодно .	сиво́рно	сиво́рно	—	—	—	…о	—	сиво́рно	сиво́рно	си́водно (вм. сиворно)	си́верно, си́вэрно	—
Жарко .	дуля́сно	дуля́сно	—	—	—	…о	духмо́рно	—	—	—	ду́лясно	—
Тепло . .	сно́пно	сно́пно	—	—	—		снопно̀	сне́пно	—	—	сно́пно	—
Богато .	сто́дно	стоды́рно	—	—	—		—	—	—	—	сто́дно, стоднева́то	—
Богаче .	стоднѣ́й	стодырнѣ́й	—	—	—		—	—	—	—	стоднѣ́й	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	…евская …рнія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Бѣдно . .	ку́хто	ку́хто	—	—	—	…у́жно	—	—	—	—	шундеро-ва́то	—
Бѣднѣе .	кухтѣ́й	кухтѣ́й	—	—	—	…й, …уж-	—	—	—	—	шундеро-ва́тѣй	—
Ясно . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ли́пно	—	—
Вмѣстѣ .	—	—	—	—	—	…омъ	—	—	—	—	—	—
Хорошо .	ши́мско	шо́вско, клёво	—	—	—		—	клéво	—	клево	клёво	—
Нехорошо	—	—	—	—	—	-	—	неклепа́но	—	—	—	—
Лучше . .	шимчѣ́й	шумѣ́й, клевѣ́й	—	—	—	…й	—	—	—	—	клёвѣй	—
Легко .	ку́легко	легко́мно	—	—	—	…ко	—	—	—	—	неку́визно	—
Легче . .	ку́легче	легкомнѣ́й	—	—	—	…че	—	—	—	—	—	—
Тяжело .	—	—	—	ку́вевно	—	—	ку́тяжко	—	—	—	—	—
Низко . .	ку́низко	низко́мно	—	—	—	…ди́ско	—	—	—	—	—	—
Ниже . .	ку́низче	низкомнѣ́й	—	—	—	…ди́же	—	—	—	—	—	—
Пѣшкомъ	ку́пѣш-комъ	—	—	—	—	…удéш- …ѣйму- …омъ …ъ их-	—	—	—	—	юрко́мъ	—
Бѣгомъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мурго́мъ	—	—
Близко, недалеко .	нешалéко	низко́мно	—	—	—	…мно	нешалéко	—	—	—	нешалéко	—
Далеко .	шалéко, шалёко	шалéко, шалёко	—	—	—	…ко	—	—	—	шалéко	шалéко	—
Такъ . .	ша́кто	—	—	—	—	…ъ	бéтакъ	—	—	—	би́такъ	—
Какъ . .	сня́къ	сня́къ	—	—	—		—	—	—	—	би́якъ	—
Никакъ .	нисня́къ	—	—	—	—	…къ	—	—	—	—	- -	—
Когда (бѣл. коли) .	коли̑	—	—	—	—	…и	—	—	—	—	—	—
Никогда, ниразу .	нисвя́зу	нисвя́зу	—	—	—	…разу	—	—	—	—	—	—
Однажды, разъ . .	связъ	связъ	—	—	—	—	ёдинъ ку́-разъ	—	—	—	—	—
Нарочно .	ку́нарошно	—	—	—	—	…áхъ	—	—	—	—	—	—
Гдѣ . . .	скрандѣ	скандѣ	—	—	—		кандѣ	—	—	—	канди̑	—
Нигдѣ . .	нискрандѣ	нискандѣ	—	—	—	…дѣ	—	—	—	—	—	—
Куда . .	шуды̑	куды́сь (бѣлор. куда то)	—	—	доляку́сь (извращ. докуля)	…ы	кандѣ	—	—	—	канди̑	—

С
Тог
Жи
Гус
Прі
Сла
Мед
Гор
Кис
Соле
Гро
Тихі
Хорс
Худо
Плох
Дряні
нехо
Злой,
диты
Добры
Скупо
Богат
Набож
Грѣшн
Босой
Бѣдны

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пе…левъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Откуда (бѣлор откуль) .	—	откулясь	—	—	—	…уль	азбéкуль	—	—	—	зби́куль	—
Здѣсь, тутъ . .	снюдъ	ту́ба	—	—	—	…ь,	—	—	бéздѣсь	—	би́тутъ	—
Тамъ . .	ся́мъ	ша́мто	—	—	—	…ъ	то́нтумъ	—	—	би́тамъ	би́тамъ	—
Вездѣ . .	ку́вездѣ	—	—	—	—	…áц-	—	—	—	—	—	—
Всюду . .	вшу́ду	вша́цкомъ	—	—	—	…áц-	—	—	—	—	—	—
Отсюда .	отснéчь	отгéтуль	—	—	—	…юль	отбéтуль	—	—	—	зби́сюль	—
Сюда . .	снечь	сюды́сь	—	—	—	…ы	—	—	—	—	би́сюда	—
Можно .	ску́можно, скумо́жно	ску́можно, скумо́жно	—	—	—	…жно	подробя́ще	—	—	—	можи́мно (моржи́вно)	—
Нельзя .	ку́нельзя	нескумо́ж-но	—	—	—	…мо́ж- …унель-	—	—	—	—	неможи́мно	—
Нѣтъ . .	няскéнь	ниськéнь	—	—	нѣ́скеть	…нь, …идъ, …ть, … (бѣл.	—	—	нѣ́стить	нéмить	нéмить, нэ́мыть	—
Вотъ .	шо́тъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уже . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	би́вже	—	—
Сколько .	ку́скольки	—	—	—	—	…льки	бéкулько	—	—	—	по́со	—
Вчера . .	—	снёра	—	—	—	…ра	—	—	—	кучéрба	ку́чербахъ	—
Сегодня .	ку́сеньня	ку́сяни	—	—	—	…ьня	—	—	—	—	—	—
Завтра .	ку́завтра	ба́втра	—	—	—	…тра	ку́завтра	—	—	ку́завтра	—	—
Нужно .	на́скребень	на́скобно	—	—	—	…ба	потребя́ще	—	—	—	требо́шно	—
Плохо, дурно .	ха́сьно	ху́со ро́нь-ко	—	—	—	—	—	—	хи́ло	неклéво	нéху́хо	—
Направо .	—	—	—	—	—	—	—	—	накупра́во	—	—	—
Налѣво .		—	—	—	—	—	—	—	нашевалѣ́-то	—	—	—
XIV. Фразы на условномъ языкѣ.												
Будемъ Богу молиться . . .	Ко́рнемъ Ахвесу ча́нитца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	БудемъАхвэ́са зита́ти	—

То
Жи
Гу
Пр
Сл
Ме
Гор
Кис
Сол
Гро
Тих
Хор
Худо
Плох
Дрян
нехо
Злой,
диты
Добры
Скупо
Богат
Набож
Грѣшн
Босой
Бѣдны

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	П…евъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Будемъ Богу молиться и спать ложиться	—	міи́мъ дэ́уситца и ки́мать клю́житца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дай мнѣ денегъ .	гу́рь манькý хавбóвъ	угу́ръ чу́зу ховбóвъ	—	—	—	—	—	—	—	—	угу́ръ манькóви хрущóвъ, вгуръ манькóви хобню́въ	—
Пойдемъ пиво пить	похли́мъ кéро кéрить	похли́мъ кéро кури́ть	—	—	—	—	—	—	—	—	пна́ймо олы́вко ки́рити	—
Ты ничего не видишь	бальвà никóра не сипáешь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	табкò никóнто не влипáешь	—
Поцѣлуй меня .	поцукі у́й манькà	побаслу́й чу́га	—	—	—	—	—	—	—	—	похвиля́й манькà	—
Собака ты	ськилъ бальвà	ськи́лъ тáбусъ	—	—	—	—	—	—	—	—	скилъ табкò	—
Скула тебѣ . . .	бáгровка бальвѣ̀ на сты́гу	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Украдь у господина шубу . .	—	зугурѝ у коврéки шубантéю	епéръ у кавръ̀ка чуху	—	—	—	—	—	—	—	укли́май у кавріѝ бáрмута	—
Иди въ избу, а то дождь замочитъ .	хлѝ въ хазóвку, а то парахóнъ намокóрить	хли́зь въ хáзь, а то сергѣ́й смакшу́нить	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	[illegible]илевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Хорошо поетъ .	—	клёво (или шовско) хвѣ́сить	клíбо кургáетъ (соб. куграетъ — играетъ)	—	—	—	—	—	—	—	клёво псáлить	—
Мой братъ хвораетъ	—	чузóвскій збранъ химáеть	манéкъ хильшáетъ (собств. я хвораю)	—	—	—	—	—	—	—	манькоъ áндрусчъ труниé	—
Ударь его по головѣ	—	учукнѝ снегò по лáвдѣ	клéви капéни по лáудѣ (не точно)	—	—	—	—	—	—	—	кóпсай бíего по главдй	—
Ейбогу .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Хвесь манéйськый	—	—

Изъ пословицъ, загадокъ и поговорокъ нѣкоторыя, весьма не[illegible]а переводятся на условные языки, напримѣръ: хавбы̀ кýщотъ любжать—деньги счетъ любятъ и т. п. Но пѣсенъ и сказокъ на[illegible]ѣется.

Алфавитный указатель.

Изданія Е. Р. Романова.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 1 и 2. Пѣсни, пословицы и загадки. Кіевъ, 1886.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 3. Сказки. Витебскъ, 1887.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 4. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ, 1891.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 5. Заговоры, апокрифы, духовные стихи. Витебскъ 1891. (Выпуски эти распроданы.)

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 6. Сказки. Могилевъ, 1901. Ц. 2 р.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 7. Бѣлорусскія народныя мелодіи. СПБ. 910. Ц. 1 р.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 8. Бытъ бѣлоруса. Вып. 9. Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи. Вильна, 1912. Ц. 3 р. 50 к.

Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи. Могилевъ, 1898. (Распродано).

Могилевская Старина, вып. 1—3. Могилевъ, 1900—1903 (Распродано).

Старина доисторическая въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна, 1908. Ц. 20 к.

Краткія указанія для совершенія археологическихъ экскурсій. Вильна, 1909. Ц. 20 к.

Варколабовская лѣтопись. Вильна, 1910. Ц. 50 к.

Археологическій очеркъ Гомельскаго уѣзда. Вильна, 1910. Ц. 50 к.

Къ археологіи Сѣверо-Западнаго края. Вильна, 1911. Ц. 20 к.

Древнія русскія пословицы, по сборнику Романова. Вильна, 1912. Ц. 40 к.

Борисовъ камень въ с. Высокомъ Городцѣ. Вильна, 1912. Ц. 20 к.

Археологическія развѣдки въ Могилевской губерніи. Вильна, 1912. Ц. 50 к.

Складъ въ г. Вильнѣ, у Е. Р. Романова.